

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXV. — ТОМЪ CCCLXXXVI. — 1/14 НОЯБРЯ 1901.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1901

Sever fund.

УМЕРШАЯ НАУКА

Окончаніе.

XI *).

„Генетліологія“, или ученіе о предопредѣленіи судьбы рождающагося младенца, составляетъ самую сложную часть греческой астрологіи—именно греческой, такъ какъ ничто не дозволяетъ намъ допустить, чтобы она практиковалась раньше въ Вавилонѣ или Египтѣ; рядомъ съ нею, ученіе объ *инициіативахъ* поражаетъ своею простотой и доступностью; это — не болѣе какъ перенесеніе въ астрологію общераспространенной практики опредѣленія удобства или неудобства даннаго момента для даннаго дѣйствія. Эту практику мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ, встрѣчаемъ ее и у грековъ задолго до зарожденія у нихъ астрологіи: еще у Гесіода часть его дидактической поэмы „Работы и дни“ посвящена разсмотрѣнію счастливыхъ и несчастныхъ дней, притомъ счастливыхъ либо вообще, либо для какого-нибудь опредѣленнаго дѣла. „Иной день—мачиха, иной—мать“ [1]), гласитъ главный принципъ этой „теоріи дней“; въ частности же она имѣетъ слѣдующую форму:

Вотъ назову тебѣ дни, промыслителемъ данные Зевсомъ:
Это—канунъ, четверица и свѣтъ благодатный седьмицы
(Въ этотъ вѣдь день родила Аполлона-метателя Лэто);
Съ ними—восьмой и девятый: то лучшіе въ первомъ десяткѣ

*) См. выше, октябрь, 441 стр.

[1]) По-гречески слово „день“ (hêmera)—женскаго рода.

Дни, чтобы всякому дѣлу починъ даровать среди смертныхъ.
Въ среднемъ десяткѣ—два первыхъ, счастливые оба для дѣла,
Тотъ—чтобъ овецъ расчесать, а другой—чтобъ за жатву приняться.
Двунадесятница, все-же, единодесятницы лучше:
Въ этотъ вѣдь день и паукъ, по висячей скользя паутинѣ,
Нити выводитъ...
Въ этотъ и женщина день пусть для ткани станки приспособитъ...

. . . . . .

Во всемъ этомъ астрологіи еще нѣтъ; все-же переходъ отъ этихъ „иниціативъ“ народныхъ повѣрій къ астрологическимъ былъ очень простъ и естественъ. Гесіодъ говоритъ вѣдь о дняхъ мѣсяца, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ извѣстному фазису луны; значитъ, онъ допускалъ вліяніе, по крайней мѣрѣ, луны на успѣшность или неуспѣшность человѣческихъ дѣлъ. А разъ луна была признана одною изъ семи планетъ, то было вполнѣ справедливо распространить приписываемую ей власть и на остальныя,—чтò и сдѣлала астрологія.

Отсюда развилась, прежде всего, такъ называемая *хронократорія*,—т.-е. ученіе о чередованіи планетъ въ ихъ власти надъ опредѣленными промежутками времени; это ученіе интересуетъ насъ ближе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Было рѣшено, что каждый часъ дня и ночи состоитъ подъ покровительствомъ одного изъ семи планетныхъ божествъ, порядокъ чередованія которыхъ естественно было опредѣлить по установленному греческой наукой отдаленію соотвѣтственныхъ планетъ отъ Земли—т.-е. слѣдующимъ образомъ: 1) Сатурнъ, 2) Юпитеръ, 3) Марсъ, 4) Солнце, 5) Венера, 6) Меркурій, 7) Луна. Этимъ былъ данъ циклъ въ семь дней—та же планета, которая начинала собою первый день, начинала также и восьмой, пятнадцатый и т. д. Такъ была создана „астрологическая“ недѣля, которая, соотвѣтствуя довольно точно астрономической недѣлѣ (т.-е. четвертой части луннаго мѣсяца), въ союзѣ съ еврейской седьмицей покорила весь цивилизованный міръ. Далѣе, было также естественно, чтобы планета, которой принадлежалъ первый часъ дня, считалась покровительницей всего дня, которому она дала починъ. Если теперь читатель возьметъ на себя трудъ размѣстить, въ указанномъ порядкѣ отдаленностей,—хронократоріи часовъ семи послѣдовательныхъ дней и затѣмъ (согласно принципу, что властитель перваго *часа* дня есть въ то же время и властитель всего *дня*) высчитать хронократорію самихъ дней, то онъ получитъ для нихъ слѣдующій порядокъ: 1) Луна, 2) Марсъ, 3) Меркурій, 4) Юпитеръ, 5) Венера, 6) Сатурнъ, 7) Солнце—т.-е. именно тотъ, въ которомъ эти имена слѣдуютъ одно за другимъ въ недѣлѣ романскихъ и

германскихъ народовъ [1]). Это объясненіе, которымъ мы обязаны все тому же Буше-Леклерку, блистательно рѣшаетъ вопросъ, не мало занимавшій ученыхъ—вопросъ о происхожденіи порядка астрологическихъ именъ въ христіанской недѣлѣ.

Съ установленіемъ хронократорій дана вмѣстѣ съ тѣмъ и общая теорія „иниціативъ", единая для всего человѣчества. Прежде чѣмъ совершить какой-нибудь болѣе или менѣе важный поступокъ, справьтесь въ вашей табличкѣ, какому божеству принадлежитъ часъ; вы поступите совершенно правильно, если для заключенія контракта съ вашимъ подрядчикомъ изберете часъ Меркурія, а для написанія любовнаго письма—часъ Венеры. Поступать наоборотъ было бы неблагоразумно; но самъ себѣ врагъ тотъ, кто предприметъ что-нибудь въ часъ Марса или Сатурна. Такой грѣхъ случился—по Шиллеру—съ Валленштейномъ: внутренній голосъ совѣтовалъ ему прервать наблюденіе неба съ наступленіемъ враждебнаго часа („Смерть Валленштейна", начало):

Теперь довольно, Сени; на востокѣ
Алѣетъ день, Марсъ часомъ управляетъ,
Уже не время дѣломъ заниматься.
Узнали мы достаточно; пойдемъ!

Но онъ не могъ оторвать своихъ глазъ отъ чарующаго зрѣлища, которое именно тогда представилось его взору—оно описано у насъ выше (гл. VIII); онъ послѣдовалъ совѣту своихъ звѣздъ, забывъ о томъ, что коварный Марсъ, связанный въ зодіакѣ обоими благодатными свѣтилами,—какъ хронократоръ, удерживалъ свою власть и надъ собою, и надъ ними. Въ этомъ состоитъ его, если можно такъ выразиться, астрологическая вина.

Вообще же система хронократорій, будучи единой для всѣхъ и имѣя въ своемъ основаніи общеизвѣстное значеніе планетъ, дозволяла вѣрующимъ обходиться безъ услуги астролога: достаточно было завести несложную табличку хронократорій, въ родѣ

---

[1]) Эта недѣля, возникшая въ позднюю эпоху Рима, перешла и къ романскимъ народамъ, и—въ переводѣ, съ замѣной римскихъ божествъ родными—къ германскимъ; сообщаемъ, для удобства читателя, какъ латинскія имена, такъ и переведенныя наименованія у итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ и англичанъ: I—Lunae dies (ит. lunedì, фр. lundi, нѣм. Montag, англ. Monday); II—Martis dies (ит. martedì, фр. mardi, нѣм. Dienstag, англ. Tuesday, отъ германскаго бога Zio); III—Mercurii dies (ит. mercoledì, фр. mercredi, старонѣм. Gunstag, англ. Wednesday, отъ Wodan); IV—Jovis dies (ит. Giovedì, фр. jeudi, нѣм. Donnerstag, англ. Thursday, отъ Donar); V—Veneris dies (ит. Venerdì, фр. vendredi, нѣм. Freitag, англ. Friday, отъ Freia); VI—Saturni dies (старонѣм. Satertag, англ. Saturday) и VII—Solis dies (нѣм. Sonntag, англ. Sunday).

составленной Буше-Леклеркомъ (стр. 480),—и человѣкъ зналъ, съ какимъ богомъ ему приходилось считаться въ каждый день и каждый часъ астрологической недѣли. Понятно, что потребности вѣрующихъ этимъ не были удовлетворены; кто разъ принялъ основные астрологическіе догматы, тотъ не могъ не сознавать, что рѣшающимъ все-таки будетъ распредѣленіе планетъ въ зодіакѣ въ моментъ нашего дѣйствія,—а его установить и выяснить могъ только астрологъ. Система хронократорій была, поэтому, для ученыхъ только однимъ изъ моментовъ, принимаемыхъ въ соображеніе при опредѣленіи „иниціативъ"; остальными элементами были все тѣ же, извѣстныя намъ уже, части небесной рулетки—планеты, зодіакъ и кругъ генитуры.

Присутствіе послѣдняго на первый взглядъ насъ озадачиваетъ: дѣло вѣдь касается не генитуръ, а инициативъ—какой смыслъ можетъ имѣть „домъ родителей", если я совѣщаюсь по поводу предполагаемаго путешествія въ Египетъ, или „домъ религіи", если мнѣ нужно знать, будетъ ли пойманъ мой сбѣжавшій рабъ? Дѣло въ томъ, что астрологія по мѣрѣ своего роста обнаруживала тенденцію предать забвенію *качественное* значеніе знаковъ зодіака, какъ черезчуръ наивное и годное только для профановъ въ родѣ Трималхіона, сохраняя за нимъ только геометрическое, такъ сказать, значеніе, какъ подкладку для теоріи жилищъ, экзальтацій, аспектовъ и терминовъ. Вотъ въ этомъ-то качественномъ отношеніи кругъ генитуры чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вступаетъ въ права зодіака; необходимыя измѣненія нетрудно было произвести. Такъ, въ вопросѣ о поимкѣ бѣглаго раба—очень серьезномъ въ интересующую насъ эпоху—только четыре „центра" круга генитуры (гороскопъ, верхнее и нижнее преполовенія и закатъ) имѣли значеніе: гороскопъ отвѣчалъ на вопросъ о шансахъ поимки, верхнее преполовеніе—о причинахъ побѣга, закатъ—о дальнѣйшей участи, и нижнее преполовеніе—о настоящемъ мѣстопребываніи бѣглеца.

Въ другихъ случаяхъ можно было не обращать вниманія на „домà", явно не имѣющіе касательства къ данному дѣлу, или признать за ними только общее значеніе по характеру ихъ обитателей—добраго и злого генія, доброй и злой судьбы. Разумѣется, мы не имѣемъ возможности даже въ главныхъ чертахъ развить здѣсь теорію инициативъ; гораздо лучше будетъ привести конкретный примѣръ ея примѣненія. Примѣръ, который я имѣю въ виду, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи—онъ касается древняго Валленштейна, Леонтія Антіохійскаго. Сходство это до того поразительно, что можно бы было предположить прямую

зависимость Шиллера отъ документовъ о Леонтiѣ,—еслибы не фактъ, что эти документы были обнародованы всего три года назадъ (въ 1898 г.) по почину Кюмона въ Брюсселѣ. Пусть читатель посудитъ самъ.

Въ 484 г., вскорѣ послѣ паденiя Западной р. имперiи, полководецъ византiйскаго императора Зенона задумалъ самъ короноваться на царство въ Антiохiи. По совѣту своихъ астрологовъ,—однимъ изъ которыхъ, повидимому, былъ его ближайшiй совѣтникъ Пампрепiй,—онъ избралъ для осуществленiя этого намѣренiя первый часъ дня (т.-е. часъ восхода Солнца) въ среду—dies Mercurii—27 iюня. Всѣ подробности данной ими инициативы намъ извѣстны; привожу тѣ изъ нихъ, которыя имѣли рѣшающее значенiе въ глазахъ и Пампрепiя, и его будущихъ критиковъ [1]):

Солнце стояло въ Ракѣ на 26°;
Луна стояла въ Ракѣ на 7°;
Сатурнъ стоялъ въ Скорпiонѣ на 15°;
Юпитеръ „ въ Ракѣ на 5°;
Марсъ „ въ Ракѣ на 20°;
Венера стояла въ Близнецахъ на 27°;
Меркурiй стоялъ въ Львѣ на 19°;
Пунктъ гороскопа совпадалъ съ 13° Рака.

По истинѣ, и Леонтiй имѣлъ право, при видѣ этой „инициативы“, воскликнуть, подобно Валленштейну: „Счастливѣйшiй аспектъ!“ Въ гороскопѣ, т.-е. въ домѣ жизни, въ восходящемъ знакѣ,—два благодѣтельныхъ свѣтила, Юпитеръ и Солнце, шествуютъ, имѣя между собой связаннаго по обѣимъ рукамъ Марса; Сатурнъ въ Скорпiонѣ—внѣ всякаго аспекта съ ними, и потому не въ силахъ придти на помощь плѣннику; Меркурiй, дарующiй прибыль, въ „домѣ прибыли“, въ ближайшемъ за гороскопомъ и потому счастливомъ домѣ! Всѣ эти заманчивыя знаменiя вскружили голову бѣдному Леонтiю; онъ отложился отъ своего государя и самъ въ Антiохiи провозгласилъ себя императоромъ. Но Зенонъ отъ своихъ правъ не отказался; изгнанный изъ Антiохiи,

---

[1]) Еслибы читатель пожелалъ провѣрить астрологическое значенiе этой въ своемъ родѣ единственной инициативы, то ему слѣдуетъ начертить два концентрическихъ, соприкасающихся кольца, раздѣлить оба на 12 отдѣленiй такъ, чтобы начало каждаго отдѣленiя наружнаго кольца приходилось противъ 13° (изъ 30, т.-е. почти противъ середины) отдѣленiя внутренняго. Затѣмъ, отмѣтивъ начало одного изъ наружныхъ отдѣленiй (налѣво съ краю) какъ „пунктъ гороскопа“, слѣдуетъ, направляясь направо внизъ, присвоить каждому изъ 12-ти наружныхъ отдѣленiй по порядку названiе одного изъ домовъ круга генитуры I домъ жизни (= гороскопъ), II домъ прибыли и т. д. (см. прим. къ гл. X). Внутреннее кольцо—зодiакъ.

отступая шагъ за шагомъ передъ войсками своего противника, Леонтій нашелъ свое послѣднее убѣжище въ изаврійской крѣпости Папиріи—какъ Валленштейнъ въ Эгерѣ. Но и здѣсь онъ долго продержаться не могъ: прежде, однако, чѣмъ погибнуть, онъ велѣлъ отрубить голову тому Пампрепію, который далъ ему гибельный для него совѣтъ.

Астрологія всполошилась; неужели ея предсказанія были обманчивы? Нѣтъ; если тутъ есть чья-нибудь вина, то, конечно, астрологовъ Леонтія. Ихъ „иниціатива“ была подвергнута ревизіи. Да, „осада“ Марса благодатными планетами—счастливое знаменіе, какъ равно и остальныя констелляціи; но эти астрологи не обратили вниманія на то, что Меркурій, хронократоръ дня и часа, былъ тогда „боленъ“. Былъ же онъ боленъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ находился въ своемъ наибольшемъ отдаленіи отъ Солнца, а это предвѣщаетъ насильственную смерть; кромѣ того, Сатурнъ, находясь въ Скорпіонѣ, былъ съ нимъ во враждебномъ, квадратномъ аспектѣ. Разслабленный своимъ удаленіемъ отъ Солнца, терзаемый ударами супостата Сатурна, онъ тщетно просилъ о помощи; изъ дружественныхъ свѣтилъ одни находились въ смежномъ и потому безразличномъ знакѣ; Венера же, стоявшая съ нимъ въ благопріятномъ секстильномъ аспектѣ, была не въ силахъ его выручить, такъ какъ между нею и имъ стояло Солнце, подъ лучами котораго ея лучъ бы угасъ. Затѣмъ, если хронократоромъ дня и часа былъ больной и немощный Меркурій, то господствующей планетой гороскопа была Луна—она вѣдь „живетъ“ въ Ракѣ, у нея, стало быть, въ гостяхъ находились и Солнце, и Марсъ, и Юпитеръ. И вотъ хозяйка „иниціативы“ сама больна: находясь въ томъ же знакѣ, какъ и Солнце, она близится къ своему полному уничтоженію, которое наступитъ черезъ день; она „унижена и обезсилена“. Все это бы еще ничего: аспектъ гороскопа настолько благопріятенъ, что превозмогъ бы эти неудобства. Но какъ могъ Пампрепій упустить изъ виду то мѣсто учителя астрологіи Дороѳея, гдѣ онъ разъясняетъ значеніе находящейся въ „первыхъ центрахъ“ (т.-е. въ гороскопѣ или верхнемъ преполовеніи) Луны?

Въ первыхъ же центрахъ Луна превосходный починъ знаменуетъ,
Но лишь на мигъ; онъ обманетъ, исходъ—неизбѣжная гибель.

Такъ оно и вышло. Леонтій поплатился жизнью за неопытность своего совѣтника; но астрологія правдива, и звѣзды не лгутъ.

XII.

Исторія съ Леонтіемъ Антіохійскимъ лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій объясняетъ намъ причину живучести астрологіи. Располагая тѣмъ научнымъ аппаратомъ, который былъ созданъ работой многихъ поколѣній, астрологія была очевидно неуязвима: сколько бы разъ ни ошибались астрологи, сколько бы человѣческихъ жизней ни гибло отъ излишней довѣрчивости къ ихъ вычисленіямъ—послѣдующіе „математики" всегда найдутъ средство обнаружить ошибки своихъ предшественниковъ и доказать, что совершилось именно то, что̀ — по правильному толкованію иниціативы или генитуры — должно было совершиться; такъ-то всякое мнимое пораженіе астрологіи оказывалось, при болѣе правильномъ взглядѣ на дѣло, ея торжествомъ. Слишкомъ глубоко запалъ въ душу античному человѣку основной догматъ астрологической религіи, догматъ всемірной симпатіи; слишкомъ близокъ былъ его сердцу тотъ выводъ изъ него, который Шиллеръ въ „Валленштейнѣ" съ чисто античнымъ чутьемъ высказалъ устами своей героини („Пикколомини", д. III, явл. IV, пер. Шишкова):

О, если въ *этомъ* знанье астрологовъ—
Я съ радостью готова раздѣлить
Ихъ свѣтлое ученье. Какъ отрадна,
Какъ сладостна для сердца эта мысль,
Что въ высотѣ небесъ необозримой
Изъ свѣтлыхъ звѣздъ вѣнокъ любви для насъ
Ужъ былъ сплетенъ до нашего рожденья!

Отдѣльныя формы, въ которыхъ выражалась эта идея, могли быть преходящими; пока сама идея не была опровергнута,—астрологіи нечего было опасаться за свое существованіе.

Это не значитъ, впрочемъ, что этой наукѣ безъ боя удалось занять то мѣсто, которое ей удѣляли современники Зенона и Леонтія. Къ ихъ эпохѣ пятый вѣкъ нашей эры былъ уже на исходѣ; астрологіи было тогда безъ малаго восемь столѣтій. Мы прослѣдили выше лишь подготовительный періодъ ея существованія, до ея превращенія въ настоящую науку въ эпоху Бероса, т.-е. въ началѣ III в. до Р. Х.; обзоромъ ея участи до паденія античнаго міра мы закончимъ нашъ этюдъ.

Находясь на границѣ между областью наблюденія и областью умозрѣнія, между астрономіей и философіей, астрологія естественно подвергалась нападеніямъ съ той и другой стороны; но

всѣ эти нападенія—это полезно будетъ отмѣтить теперь же—были направлены лишь противъ тѣхъ или другихъ (правда, очень существенныхъ) ея постулатовъ, а не противъ ея основного догмата всемірной симпатіи. Астрономія, прежде всего, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей въ III и II вѣкахъ до Р. X., относилась безусловно отрицательно къ астрологическому вѣдовству; но она же устами своего корифея Гиппарха признала физическое родство звѣздъ съ людьми и астральный характеръ человѣческой души. Почему она не пошла дальше по пути уступокъ—догадаться нетрудно: съ одной стороны, астроному невозможно было допустить коренное различіе между знаками зодіака и прочими созвѣздіями, по сю и по ту сторону эклиптики; а со включеніемъ въ задачу также и ихъ „изліяній"—ея рѣшеніе становилось невозможнымъ; а съ другой стороны, астрономъ не могъ не сознавать условности тѣхъ наименованій зодіачныхъ знаковъ, которые такъ дѣйствовали на народную фантазію и, пожалуй, болѣе прочаго содѣйствовали популярности астрологіи.

Отъ астрономіи, такимъ образомъ, помощи ожидать было нечего,—и, само собою разумѣется, это положеніе дѣлъ только дѣлаетъ честь греческой астрономической наукѣ. Позднѣе наступило время, когда ей пришлось искать убѣжища у своей отверженной дочери: въ теченіе всего средневѣковья именно астрологія съ ея мнимой практической примѣнимостью поддерживала въ обществѣ интересъ къ астрономическимъ наблюденіямъ. Пока же духъ научности былъ еще силенъ, и астрономія спокойно шествовала впередъ по пути научныхъ изслѣдованій и смотрѣла на бредни астрологіи приблизительно такими же глазами, какими современные намъ медики смотрятъ на теоріи знахарей, спиритовъ, экзорцистовъ и тому подобные тайнобрачные наросты на деревѣ своей науки.

Не было особенно дружелюбнымъ отношеніе къ нашей наукѣ и философіи. Послѣдователи Платона, вскорѣ послѣ зарожденія астрологіи, протянули руку скептицизму: „новая" академія съ ея просвѣтительнымъ задоромъ не обошла своимъ вниманіемъ нововявленнаго метода вѣдовства и выставила противъ его тезисовъ свои антитезисы, грозные и безпощадные, но, разумѣется, безсильные противъ пламеннаго желанія вѣрующихъ. Школа Аристотеля недовѣрчиво относилась къ теоріи, которая разрушала представленіе о вѣчномъ мирѣ въ заоблачномъ пространствѣ, внося туда разнаго рода „болѣзни" и страданія, дружбы и непріязни, „экзальтаціи" и „депрессіи". Еще пренебрежительнѣе было отношеніе вліятельной секты эпикурейцевъ, которая, при-

знавая бытіе боговъ, какъ существъ безусловно совершенныхъ и блаженныхъ, именно поэтому не допускала ихъ вмѣшательства въ человѣческія дѣла ни въ формѣ указаній и предостереженій, ни — подавно — въ формѣ непосредственнаго руководства или вліянія. То философское направленіе, которому суждено было впослѣдствіи оказать астрологіи самую существенную помощь — новопиѳагорейское съ его плѣнительнымъ мистицизмомъ — тогда еще только прозябало; изъ вліятельныхъ школъ послѣдняго вѣка до Р. Х. одна только стоическая приняла астрологію подъ свое покровительство. Чтò было причиной этой снисходительности—это мы видѣли выше: астрологія была для стоицизма очень желанной помощницей въ борьбѣ съ діаметрально-противоположными ученіями эпикурейцевъ. Но даже среди стоиковъ находилось не мало такихъ, которые предпочитали вести борьбу своими средствами и не разсчитывали на помощь союзницы, которая сама не имѣла прочнаго положенія среди наукъ и легко могла, въ случаѣ паденія, увлечь съ собой и того, кто вздумалъ бы искать въ ней опоры для себя.

Но пока во всемъ греческомъ мірѣ кипѣла научная борьба, на Западѣ назрѣвала культурная величина, все болѣе и болѣе опредѣлявшая направленіе умственныхъ движеній Востока. Уже со второго вѣка до Р. Х. стало вполнѣ яснымъ, что двигательная сила и практическая важность каждаго новаго направленія въ области мысли будетъ зависѣть отъ того вліянія, которое оно будетъ имѣть на духовную жизнь—*Рима.*

XIII.

Почва народнаго сознанія была здѣсь подготовлена ничуть не хуже, чѣмъ въ Греціи. Римская религія не обладала опредѣленностью греческой; если для грека было нѣсколько затруднительно отожествить своего Зевса, котораго ему изобразилъ Фидій въ Олимпіи, съ ничуть не похожей на него планетой того же имени, то отъ римлянина это отожествленіе требовало гораздо меньше интеллектуальныхъ жертвъ. Съ другой стороны, чуткая и боязливая въ религіозныхъ дѣлахъ душа италійца сознавала себя окруженной постояннымъ токомъ ежеминутно чередующихся божественныхъ силъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на физическую и умственную его жизнь; эти эфемерныя божества,—божества „индигитаментовъ“, какъ ихъ называли—бывшія въ сущности лишь воплощеніями моментовъ, представ-

ляли много родственнаго съ астральными изліяніями, съ которыми имѣли дѣло поборники новаго ученія. Если позднѣе учитель Овидія, Ареллій Фускъ, смѣялся надъ самомнѣніемъ людей, которые, давая вѣру астрологическимъ бреднямъ, допускаютъ, что „столько боговъ горячатся изъ-за головы одного человѣка", то онъ дѣлалъ это какъ риторъ, а не какъ римлянинъ: по римской религіи число боговъ, суетящихся при зачатіи и рожденіи одного человѣка, еще болѣе многочисленно, и ихъ суетливость подала позднѣйшимъ христіанскимъ вѣроучителямъ поводъ къ еще болѣе язвительнымъ насмѣшкамъ.

Но иное дѣло—римскій народъ, иное—римская интеллигенція, этотъ естественный мостъ между Римомъ и греческой культурой. Ея наиболѣе яркимъ и обаятельнымъ представителемъ во II вѣкѣ до Р. Х. былъ кружокъ Сципіона Младшаго, традиціи котораго держались въ римскомъ обществѣ до Цицерона включительно; а этотъ кружокъ находился подъ вліяніемъ талантливаго греческаго философа-популяризатора, Панетія. Правда, Панетій былъ стоикомъ, и благодаря ему, это сильное, здоровое по своему существу ученіе пустило корни въ Римѣ; но въ то же время онъ былъ реформаторомъ стоицизма, и въ число его реформъ входилъ и разрывъ съ астрологическими теоріями. Очевидно, этому центральному вліянію Панетія и Цицеронъ былъ обязанъ тѣмъ просвѣтительнымъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова) характеромъ своей философіи, который сдѣлалъ ее столь популярной среди французскихъ просвѣтителей XVIII вѣка: въ своемъ сочиненіи „о вѣдовствѣ" (de divinatione), въ которомъ онъ, по словамъ Вольтера, „предалъ вѣчному осмѣянію всѣ ауспиціи, всѣ прорицанія, всякую вообще ворожбу, отъ которой оглупѣла земля", онъ, по собственному признанію, послѣдовалъ почину Панетія (I, 6), да и стрѣлы свои бралъ большею частью изъ его арсенала.

Были ли эти стрѣлы дѣйствительны? Разсматривая ихъ точнѣе, приходится признать, что онѣ частью совсѣмъ не попадали въ цѣль, частью касались только поверхности астрологіи, не проникая въ ея сердцевину. Вѣроятно ли одинаковое вліяніе планетъ при ихъ громадномъ разстояніи другъ отъ друга? Возможно ли установлять общій для всей земли кругъ генитуры, когда на разныхъ широтахъ аспектъ неба бываетъ различенъ? Не безумно ли допускать вліяніе на новорожденнаго только этихъ неощутимыхъ астральныхъ токовъ, оставляя въ сторонѣ гораздо болѣе замѣтную силу метеорологическихъ явленій? Затѣмъ, если для всѣхъ одновременно рождающихся и генитура

одна, то какъ объяснить, что никто изъ родившихся одновременно со Сципіономъ Африканскимъ не сталъ на него похожъ? Если астральныя изліянія кладутъ на рождающагося неизгладимую печать, то какъ объяснить, что столько врожденныхъ, и тѣлесныхъ, и душевныхъ, недостатковъ исправляется воспитаніемъ? Это касается людей; но астрологъ ставитъ генитуры даже городамъ, предполагая очевидно, что астральныя изліянія дѣйствуютъ также на кирпичи и камни стѣнъ.—Однако, опытъ что-нибудь да значитъ,—говорятъ они. Не правда ли—этотъ полумилліоннолѣтній опытъ халдеевъ, на который такъ любятъ ссылаться? Въ него пусть вѣрятъ другіе; что же касается *нашего* опыта, то и Помпею, и Крассу, и Цезарю, было предсказано, что они умрутъ въ своемъ домѣ въ глубокой старости, окруженные всеобщимъ почетомъ,—и что̀ же вышло изъ этихъ предсказаній?

Во всѣхъ этихъ нападеніяхъ не было ничего смертоноснаго; но астрологіи не пришлось даже защищаться отъ нихъ. Въ то самое время, когда Цицеронъ писалъ свои возраженія, ея поборники уже знали, что будущее принадлежитъ имъ. Книги „de divinatione“ были послѣднимъ яркимъ лучомъ римскаго раціонализма; вскорѣ онъ угасъ. Торжеству астрологіи содѣйствовали главнымъ образомъ два момента.

Первымъ былъ тотъ, что современникъ Цицерона и самый образованный человѣкъ своего времени, стоикъ Посидоній, открыто выступилъ защитникомъ астрологіи. Этотъ замѣчательный философъ, вліяніе котораго на образованность императорской эпохи мы чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе учимся цѣнить, былъ слушателемъ Панетія, но по вопросу о вѣдовствѣ вообще и объ астрологіи въ частности съ нимъ разошелся: сопоставивъ всѣ документы, которые могли придумать и собрать его всеобъемлющая эрудиція и проницательный умъ, онъ отдалъ въ распоряженіе астрологіи такой богатый арсеналъ, что борьба съ врагами на теоретической почвѣ уже не представляла для нея особой трудности; впрочемъ, самымъ удобнымъ и въ то же время дѣйствительнымъ оружіемъ было самое имя Посидонія. „Выйдя изъ рукъ Посидонія,—говоритъ Буше-Леклеркъ,—астрологія была уже не только методомъ вѣдовства—это была общая теорія природныхъ силъ, равная по своей приспособляемости новооткрытой теоріи одушевленныхъ элементовъ броженія, но еще превосходившая ее своей универсальностью“. Посидоній сталъ настоящимъ философомъ астрологіи; кто отнынѣ хотѣлъ вести борьбу съ ней на

умозрительной почвѣ, на того ложилась нелегкая задача опровергнуть его доводы.

Вторымъ элементомъ было то, что римское общество, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, дошло мало-по-малу до такого состоянія, при которомъ вѣра въ астрологію стала для него логическою необходимостью. Объ особомъ болѣзненномъ предрасположеніи италійцевъ къ допущенію окружающихъ изліяній была уже рѣчь выше; прибавимъ къ этому ту выдающуюся роль, которую играло вѣдовство въ частной и политической жизни Рима; значеніе ауспицій, безъ которыхъ не совершался ни одинъ важный государственный актъ; значеніе этрусскаго гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, къ которому государство обращалось въ исключительныхъ случаяхъ, частные же люди—сплошь и рядомъ; наконецъ, книги судебъ римскаго народа, пророчества древней Сивиллы. Особенно важны были эти послѣднія. Изъ нихъ явствовала необходимость не то разрушенія, не то обновленія римской державы именно къ нашей эпохѣ—эпохѣ Цицерона и Цезаря. Какимъ тяжелымъ гнетомъ это ожиданіе катастрофы лежало на умахъ римскаго общества, пока его избавителемъ не явился императоръ Августъ—это я постарался описать въ другомъ мѣстѣ [1]); здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что астрологія отлично съумѣла воспользоваться этимъ напряженнымъ состояніемъ для того, чтобы вкрасться въ довѣріе римлянъ. Именно тогда появился первый римскій астрологъ-литераторъ, Нигидій Фигулъ, объ остроумной апологіи котораго была уже рѣчь выше; тогда же и другъ ученаго Варрона, этрусскій астрологъ Таруцій, поставилъ генитуру самому городу Риму на основаніи его судебъ за семь слишкомъ вѣковъ,—ту генитуру, надъ которой смѣялся Цицеронъ, но которой, вмѣстѣ съ Варрономъ, слѣдуемъ и мы, когда называемъ годъ 753-й до Р. Х. годомъ основанія Рима. Все это были очень знаменательные факты; но наибольшую услугу оказала астрологіи страшная „звѣзда-мечъ", сверкнувшая надъ Римомъ въ то самое время, когда народъ справлялъ тризну по Цезарѣ. Въ ней молодой наслѣдникъ Цезаря призналъ и душу своего обоготвореннаго отца (по усыновленію), и звѣзду своей собственной генитуры, какъ его пріемнаго сына; когда ему удалось вывести Римъ изъ пучины гражданскихъ войнъ, онъ далъ астрологіи оффиціальное доказательство своей милости, прика-

---

[1]) Ср. мою статью „Первое свѣтопреставленіе" въ I-ой книжкѣ журнала „Вѣстникъ всемірной исторіи" (ноябрь 1899 г.).

завъ отчеканить серебряную монету со знакомъ своей генитуры — Козерогомъ. Кстати: Августъ родился въ сентябрѣ, Козерогъ былъ знакомъ декабря — стало быть, гороскопомъ его зачатія. Отсюда видно, какое направленіе астрологіи одержало верхъ при немъ; но эти различія въ методахъ были неважны,—главное было признаніе астрологіи со стороны такого могучаго культурнаго элемента, какимъ была императорская власть въ эпоху Рождества Христова... Это Рождество тоже было ознаменовано появленіемъ новой звѣзды, засіявшей надъ виѳлеемской хижиной и даровавшей новую эру также и астрологіи; но объ этомъ будетъ сказано позднѣе.

Отъ „діадоховъ" до Августа, отъ Бероса до Посидонія простирается эпоха юности греческой астрологіи—та эпоха, во время которой ея зданіе достраивалось и укрѣплялось. Работа эта была большею частью безыменная; будучи знакомы съ самимъ зданіемъ, мы легко поймемъ причину этой безыменности. Мы охотно слѣдимъ за толковымъ индивидуальнымъ изложеніемъ какой-нибудь системы, пока авторъ ссылается на доказательства, которыя мы можемъ провѣрить; авторъ, не опасаясь этой провѣрки, не имѣетъ причины скрывать отъ насъ свое имя. Но читатель уже много разъ имѣлъ случай убѣдиться, что въ астрологіи дѣла обстояли далеко не столь благополучно. Въ ней было много такихъ постулатовъ, которые необходимо было принять на вѣру; а для вѣры требуется элементъ божественный, откровеніе, источникъ котораго давно уже предполагался изсякшимъ. Вотъ почему на сцену выступаетъ, какъ гарантія достовѣрности, древность—глубокая, сказочная древность; самые современные и туземные тезисы выдавались за порожденія халдейской мудрости—этимъ самымъ имъ обезпечивался тотъ успѣхъ, котораго въ правѣ ожидать полумилліоннолѣтняя традиція. Самое слово „халдеи" превращается въ нарицательное; „халдеи" и „математики" называются рядомъ, просто какъ люди, занимающіеся составленіемъ „генитуръ" и „иниціативъ". Были же это въ лучшемъ случаѣ греческіе астрологи, а въ худшемъ—всякаго рода восточный сбродъ, ютившійся подъ аркадами цирка и вообще въ подозрительныхъ мѣстахъ и за гроши толковавшій суевѣрной толпѣ ея „планету".

Популярность „халдейской" астрологіи возбудила ревность другого народа-носителя оккультистическихъ идей—египетскаго... или, говоря вѣрнѣе, навела находчивыхъ людей на мысль воспользоваться священнымъ страхомъ, который внушали людямъ пирамиды и сфинксы береговъ Нила для того, чтобы создать

конкурренцію мудренымъ „вавилонскимъ" вычисленіямъ. Въ теченіе I вѣка до Р. Х. появляется—разумѣется, „найденная" гдѣ-то—объемистая книга, украшенная именами древняго египетскаго царя Нехепсона и его придворнаго прорицателя Петосириса. Эти два автора нашей книги предполагались жившими въ VII-мъ в. до Р. Х., когда въ Римѣ царствовалъ Туллъ Гостилій или Анкъ Марцій; возрастъ этотъ былъ ничтожный въ сравненіи съ ошеломляющей халдейской древностью; зато египетская Изида была много популярнѣе вавилонскихъ Мардуковъ и сильнѣе дѣйствовала на фантазію жителей римскаго государства. Книга Петосириса удержалась; была ли серьезная борьба между нею и халдейскою астрологіей—мы сказать не можемъ, но инстинктъ самосохраненія велитъ въ подобныхъ случаяхъ оккультистамъ преслѣдовать своихъ конкуррентовъ только до тѣхъ поръ, пока есть шансы ихъ раздавить, въ противномъ же случаѣ—предпочесть миръ разорительной для обѣихъ сторонъ войнѣ. Разсматривая общее астрологическое зданіе, мы нашли въ немъ слѣды конкуррирующихъ теорій, логически взаимно исключающихъ, казалось бы, другъ друга; болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ такихъ случаяхъ практическая цѣлесообразность восторжествовала надъ логической стройностью—другими словами,—мы должны признать тутъ результаты компромиссовъ между мнимо-халдейской и мнимо-египетской ученостью. Уже Цицеронъ называетъ „египтянъ" и „халдеевъ" рядомъ, какъ представителей астрологической науки; позднѣе имя Петосириса стало чѣмъ-то въ родѣ нарицательнаго для обозначенія астрологіи вообще.

Вторженію Петосириса астрологія была обязана новымъ и опаснымъ пріобрѣтеніемъ—астрологической медициной. Кто послушно и довѣрчиво принялъ всѣ примѣненія догмата всемірной симпатіи, которыя вошли въ составъ чистой астрологической науки—тому уже ничего не стоило признать заодно и вліяніе планетъ и знаковъ зодіака на человѣческое тѣло, его здоровье и болѣзни... Мы здѣсь говоримъ не о томъ, что успѣхъ леченія былъ поставленъ въ зависимость отъ положенія звѣздъ—актъ леченія, какъ и всякій актъ, допускалъ иниціативу, въ этомъ ничего особеннаго не было. Астрологи шли дальше: астральная симпатія спеціализировалась ими въ смыслѣ магической связи между даннымъ созвѣздіемъ и данной частью человѣческаго организма,—той связи, которая и понынѣ слышится въ имени новомодной болѣзни „инфлуэнцы". Методъ этой новой науки былъ въ своемъ основаніи несложенъ: надлежитъ вытянуть зодіакъ въ одну плоскую полосу, начиная съ Овна, знака весенняго равно-

денствія, и на этой полосѣ растянуть человѣческое тѣло; при этомъ получался цѣлый рядъ изумительныхъ совпаденій, которыя вполнѣ убѣдительнымъ образомъ подтверждаютъ правильность самой теоріи. Головѣ будетъ соотвѣтствовать Овенъ; вполнѣ резонно, такъ какъ Овенъ—голова зодіака (тутъ въ основѣ имѣется circulus vitiosus, но врядъ ли многіе его замѣтятъ). Шеѣ—Телецъ,—или, согласно болѣе правильному толкованію, тёлка; опять-таки очень разумно, такъ какъ главная сила тельца—въ шеѣ. Плечи и руки—Близнецамъ; это уже совсѣмъ хорошо: двойное созвѣздіе дѣйствуетъ на парные члены. Грудь—Раку; то же какъ нельзя болѣе убѣдительно, такъ какъ и грудь, и ракъ, защищаются костяной броней, thorax. Бока—Льву; и въ этомъ есть смыслъ, если вникнуть въ дѣло поглубже. Продолжать параллелизацію не совсѣмъ удобно; достаточно будетъ прибавить, что въ концѣ концовъ мы доходимъ до ногъ, коимъ соотвѣтствуютъ Рыбы; такъ какъ и ногъ двѣ, и рыбъ двѣ, то адептъ новой науки долженъ былъ почувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Впрочемъ, абсурдъ воцаряется вездѣ, гдѣ только дѣло доходитъ до мистическаго анализа зодіака, и было бы, быть можетъ, несправедливо по этому образцу судить обо всей астромедицинѣ, которая была, въ общей совокупности, не хуже и не лучше другихъ медицинскихъ системъ, находящихъ себѣ адептовъ до нашихъ дней включительно; но пускаться въ дальнѣйшія подробности было бы нецѣлесообразно. Понятно, что астромедицина должна была сильно увеличить кліентелу астрологовъ; она касалась наиболѣе дорогой для всякаго человѣка области и обращалась къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ всего менѣе способенъ разсуждать, болѣе всего склоненъ вѣрить и поддаваться обаянію личности и догмата. Но разъ завоевавъ медицину, астрологія не замедлила наложить руку и на другія области науки, болѣе или менѣе отъ нея зависящія. Научная медицина создала науку о климатахъ; астромедицина, слѣдуя ея примѣру, произвела особую астрогеографію, задачей которой было—опредѣлить преимущественное вліяніе на каждый участокъ земли опредѣленной планеты или зодіачной звѣзды. Научная медицина создала себѣ помощницу въ лицѣ фармакопеи, изъ которой на вольномъ воздухѣ греческой научности развилась ботаника, украшенная великимъ именемъ Ѳеофраста, а за нею и зоологія, и минералогія; астрологія не остается позади своей соперницы и создаетъ особыя астроботанику, астрозоологію и астроминералогію, съ утомительно однообразной задачей—установить мистическую связь

между звѣздами съ одной стороны и породами животныхъ, растеній, минераловъ съ другой. Вездѣ торжествуетъ абсурдъ; историку бываетъ трудно сохранить хладнокровное настроеніе, когда онъ изслѣдуетъ это поразительное вырожденіе здоровой и сильной нѣкогда науки, и болѣе чѣмъ гдѣ-либо астрологія представляется ему ядовитымъ анчаромъ, заразившимъ своими одуряющими испареніями всѣ живые организмы, которые имѣли несчастье попасть подъ его тлетворную тѣнь. И все-же, взвѣсивъ тщательно всѣ доводы за и противъ, нельзя безусловно ее осудить. Вспомнимъ хотя бы главное положеніе астроминералогіи, положеніе о мистическомъ родствѣ Солнца съ золотомъ, Луны съ серебромъ, Сатурна со свинцомъ, и т. д.; вспомнимъ, что оно породило мысль о возможности превращенія, путемъ астрологическихъ операцій, металла Сатурна въ металлъ Солнца, а съ нею всѣ тѣ бредни, изъ которыхъ въ горячемъ умѣ арабовъ сложилась новая наука, алхимія, эта безпутная мать нынѣшней почтенной матроны—химіи,—и мы будемъ судить мягче. Да, астрологическій анчаръ усыпилъ греческую науку, но, усыпивъ, сохранилъ ее въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ, пока, наконецъ, моментъ пробужденія не наступилъ.

XIV.

Мы забѣжали впередъ—все это наступательное движеніе астрологіи въ область науки заняло императорскую эпоху, отдѣляющую античный міръ отъ средневѣковья. Теперь вернемся къ тому моменту, когда астрологія получила оффиціальную санкцію отъ основателя римскаго принципата, императора Августа. Эта санкція быстро довершила то, что по естественному ходу событій все равно должно было случиться: астрологія стала центральной умственной силой въ римскомъ государствѣ. Мы правильно поймемъ это ея значеніе, если прослѣдимъ ея отношеніе, во-первыхъ—къ императору и его двору; во-вторыхъ—къ греко-римскому обществу; въ-третьихъ—къ философіи и наукѣ; въ-четвертыхъ, наконецъ—къ нарождающемуся культурному фактору—христіанству.

Еслибы астрологія перешла въ придворную римскую среду въ томъ видѣ, въ какомъ ее знала семи-этажная каланча вавилонской обсерваторіи—ея представители могли бы вести тихую и пріятную жизнь подъ теплыми лучами императорской милости, не страшась злокозненнаго Марса, живя въ добромъ согласіи

со старымъ хитрецомъ Сатурномъ и ожидая всего хорошаго отъ Юпитера, Меркурія и даже Венеры. Придворный магъ въ своей пышной, усѣянной звѣздами восточной мантіи образовалъ бы очень красивую фигуру рядомъ съ длиннобородымъ придворнымъ философомъ въ греческомъ плащѣ и чалмоносным придворнымъ врачомъ, забавляя императорскихъ сотрапезниковъ метафизическими спорами съ первымъ и помогая второму своими совѣтами въ одинаково темныхъ для обоихъ случаяхъ. Конечно, иногда пришлось бы ему отвѣчать и на болѣе серьезные вопросы; но эти отвѣты—„счастье для Рима, несчастье для пареійскаго царя" и т. д.—онъ съумѣлъ бы обставить такъ, чтобы при всякомъ исходѣ дѣла оградить правдивость не только звѣздъ, но и ихъ мудраго истолкователя.—Къ сожалѣнію, эти безмятежныя времена прошли безвозвратно; пройдя черезъ горнило греческой мысли, астрологія приняла въ себя такіе элементы, которые, удесятеряя ея привлекательность и важность, увеличивали также и ея отвѣтственность до ужасающихъ размѣровъ. Не халдейской, а греческой душѣ приснился тотъ „вѣнокъ любви, изъ свѣтлыхъ звѣздъ сплетенный" для каждаго сына земли. Этотъ вѣнокъ возбуждалъ любопытство не одного только своего носителя; если любовь небесныхъ звѣздъ была слишкомъ велика—онъ легко могъ превратиться въ терновый вѣнецъ, для того, чью голову онъ осѣнялъ. Такъ-то астрологъ сталъ властелиномъ судьбы людей; перуны высшей власти были въ его рукахъ—а это роковой, гибельный для своего владѣльца даръ.

Изъ возвеличенныхъ Августомъ людей никто не извѣдалъ въ такой мѣрѣ превратности судьбы, какъ его пасынокъ, позднѣйшій императоръ Тиберій. Будучи сыномъ простого римскаго сенатора, онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ любви императора къ его матери, Ливіи. Ставъ такимъ образомъ—за неимѣніемъ у Августа собственныхъ сыновей—ближайшимъ къ престолу вельможей, онъ вдругъ подвергся опалѣ и былъ изгнанъ на островъ Родосъ. Его сильный, но мнительный умъ былъ потрясенъ этимъ двойнымъ оборотомъ счастья; терзаемый пламенемъ своего мрачнаго честолюбія, онъ все работалъ надъ разрѣшеніемъ мучительнаго вопроса: быть ему императоромъ или нѣтъ? Астрологія объявляла себя компетентной въ подобныхъ вопросахъ; но можно ли было на нее положиться? Тиберій рѣшился испытать сначала самихъ астрологовъ. Живя въ Родосѣ въ богатой виллѣ высоко надъ моремъ, волны котораго омывали отвѣсныя скалы берега, онъ приглашалъ къ себѣ то одного, то другого астролога и подолгу совѣщался съ нимъ въ присутствіи

одного только, очень крѣпкаго, но совершенно необразованнаго и грубаго раба. Совѣщался онъ съ нимъ, разумѣется, о томившемъ его вопросѣ; но какъ человѣкъ подозрительный и знающій, что за нимъ слѣдятъ, онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы императоръ никакъ не могъ узнать о предметѣ совѣщаній: отводя обрадованнаго гостя по прибрежной тропинкѣ обратно, силачъ-рабъ съ удобнаго мѣста бросалъ его въ море. Когда нѣсколько учениковъ Петосириса погибло такимъ образомъ, былъ приглашенъ къ Тиберію нѣкто Өрасиллъ, одинъ изъ наиболѣе славныхъ астрологовъ того времени. Поговоривъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ, Тиберій предложилъ ему поставить также и свою собственную генитуру. Өрасиллъ охотно согласился; но, изслѣдовавъ свои діаграммы, поблѣднѣлъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ, что звѣзды сулятъ ему почти неизбѣжную, немедленную смерть. Этотъ отвѣтъ поразилъ Тиберія; онъ обнялъ и успокоилъ Өрасилла и сдѣлалъ его своимъ другомъ и учителемъ.—Эту исторію намъ разсказываетъ Тацитъ; знатоки Вальтеръ-Скотта вспомнятъ, вѣроятно, объ удачномъ подражаніи ей въ романѣ „Квентинъ Дорвардъ“, гдѣ въ роли Тиберія выступаетъ французскій король Людовикъ XI.

Пользуясь уроками Өрасилла, Тиберій и самъ пріобрѣлъ недюжинныя познанія въ астрологіи: въ его лицѣ послѣ Августа сама астрологія заняла римскій престолъ. При этомъ дѣло не обошлось безъ злодѣйства; любителямъ психологическихъ анализовъ предоставляется догадаться, не досталась ли предсказанію Өрасилла при этомъ та же роль, какую въ исторіи воцаренія Макбета сыграли льстивыя предвѣщанія вѣдьмъ. Но, какъ бы то ни было, Тиберій зналъ теперь по опыту, какое значеніе можетъ имѣть астрологія въ честолюбивыхъ замыслахъ людей. Онъ самъ нѣкогда вопрошалъ въ Родосѣ созвѣздія о смерти и преемникѣ Августа; кто знаетъ, не вопрошаютъ ли ихъ теперь объ его собственной смерти? Мрачный и подозрительный по своей природѣ, онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли объ этихъ таинственныхъ изліяніяхъ безмолвныхъ небесныхъ свѣтилъ, которыя когда-то благословили его на царство, а теперь, безжалостныя, ласкаютъ и вдохновляютъ другого... Кто бы это могъ быть? Есть средство узнать это, средство вѣрное и безошибочное: нужно ставить генитуру всѣмъ, на кого только можетъ пасть подозрѣніе, одному за другимъ. И вотъ Тиберій уединяется на благодатномъ островкѣ Капри; съ нимъ Өрасиллъ и другіе „халдеи“, число которыхъ легенда увеличиваетъ по желанію своихъ творцовъ. Одинъ за другимъ всѣ приближенные въ лицѣ своихъ астраль-

ныхъ печатей проходятъ передъ сумрачнымъ взоромъ императора. Горе тому, въ чьемъ „домѣ чести“ Юпитеръ сіялъ слишкомъ дружелюбнымъ блескомъ: нѣсколько дней спустя, въ высшемъ обществѣ Рима было одной скоропостижной смертью больше, одной честолюбивой надеждой меньше. Между прочимъ, разсказывали, что и молодой Гальба обратилъ на себя вниманіе Тиберія; и у него оказалась императорская генитура, но звѣзды сулили ему власть лишь въ глубокой старости. Это смягчило императора, и онъ его пощадилъ. Какъ извѣстно, Гальба сдѣлался—на нѣсколько мѣсяцевъ—преемникомъ Нерона, который приходился Тиберію правнукомъ по усыновленію.

Разумѣется, эта послѣдняя исторія—явный анекдотъ; поскольку самый „черный кабинетъ“ Тиберія является плодомъ легенды—мы судить не можемъ. Но легенда не измышляетъ, а только, если можно такъ выразиться, „типизируетъ“, сосредоточивая въ одинъ фокусъ разрозненные лучи дѣйствительности; отвергнутая фактической исторіей, она удерживаетъ свое значеніе для исторіи нравовъ и культурныхъ вѣяній.

Пока мы видѣли астрологію союзницей императорской власти; но легко понять, что это была союзница опасная, внушающая гораздо болѣе безпокойства, чѣмъ довѣрія. Было желательно для императора знать генитуру своихъ приближенныхъ; но было очень нежелательно, чтобы эти приближенные интересовались его генитурой. И вотъ начинаются ограничительныя и карательныя мѣры противъ астрологіи и астрологовъ. Еще во время республики „халдеи“ и „математики“ были иногда прогоняемы изъ города Рима; но эти гоненія были продиктованы совершенно другими соображеніями: просвѣтительная закваска была сильна въ римскомъ обществѣ; оно могло со спокойной совѣстью принимать мѣры противъ тѣхъ, которые ради наживы эксплуатировали легковѣрную толпу своими вздорными вычисленіями. Болѣе политическій характеръ имѣлъ декретъ, изданный въ эпоху послѣдней междоусобной войны, но и его можно было оправдать соображеніями общественной пользы: умы были мучительно напряжены предстоящимъ конфликтомъ между Октавіаномъ и Антоніемъ, и астрологи, предсказанія которыхъ еще болѣе волновали и безъ того безпокойный народъ, были въ столицѣ очень нежелательнымъ элементомъ. Но эра преслѣдованій, начавшаяся при Тиберіѣ, носила совсѣмъ другой характеръ: астрологію преслѣдовали потому, что ея боялись, а боялись ея потому, что въ нее вѣрили.

Предвѣстникомъ злой судьбы былъ декретъ, изданный еще

Августомъ относительно астрологическихъ консультацій: были запрещены всѣ консультаціи при закрытыхъ дверяхъ и всѣ—даже при открытыхъ дверяхъ—имѣющія предметомъ чью-либо смерть; но этотъ декретъ, вошедшій въ кодексъ римскаго права, не имѣлъ династической подкладки. Онъ стоялъ въ связи съ заботами императора объ улучшеніи семейной жизни, будучи направленъ противъ милыхъ родственниковъ въ родѣ того, которому Персій влагаетъ въ уста благочестивое пожеланіе:

Эхъ, кабы дядя издохъ! Вотъ бы славныя справилъ поминки!

Для астрологовъ это была мѣра ограничительная, не болѣе; кто закона не нарушалъ, того не трогали. При Тиберіѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Поводомъ къ строгости послужилъ процессъ молодого честолюбца Либона въ 16 г. по Р. X., дальняго родственника императора. Ему вмѣнялись въ вину сношенія съ разнаго рода прорицателями и колдунами, среди которыхъ были и „халдеи“ и „математики“, относительно его будущаго величія; судился онъ въ сенатѣ, но въ присутствіи императора; результатомъ было то, что Либонъ, отчаявшись въ спасеніи, самъ съ собою покончилъ. Тогда состоялось сенатское постановленіе объ изгнаніи изъ Италіи „математиковъ“ и „колдуновъ“; двое изъ нихъ были казнены смертью нечестивцевъ—одинъ сброшенъ со скалы, другой засѣченъ розгами. Мартирологу астральной вѣры было положено начало; человѣческая кровь и для нея, какъ для всѣхъ вѣрованій, оказалась самымъ надежнымъ и долговѣчнымъ цементомъ.

Дальнѣйшая судьба астрологіи въ ея отношеніяхъ къ императорской власти опредѣлялась бо́льшимъ или мѐньшимъ дѣйствіемъ тѣхъ двухъ силъ, роль которыхъ мы охарактеризовали только-что: вѣры съ одной стороны, боязни—съ другой. Развивать ее въ частностяхъ нѣтъ надобности; пришлось бы повторяться на каждомъ шагу. Біографіи императоровъ полны сбывшихся якобы прорицаній астрологовъ объ ихъ будущемъ возвышеніи; вспомнимъ, что обычный въ наше время переходъ высшей власти отъ отца къ сыну былъ въ императорскомъ Римѣ большой рѣдкостью: обыкновенно императоръ достигалъ престола либо путемъ усыновленія, либо силой оружія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ власть была даромъ счастья; Юпитеръ, Марсъ, Венера были въ большей или меньшей мѣрѣ замѣшаны въ дѣлѣ возвышенія новаго императора, и астрологической легендѣ предоставлялось широкое поле, которымъ она и воспользовалась вволю.

Но правдивыя предсказанія астрологовъ—только одинъ изъ обоихъ, безконечно варьируемыхъ мотивовъ, составляющихъ исторію астрологіи при императорахъ; другой состоялъ въ обвиненіи того или другого лица, что оно „вопрошало астрологовъ относительно смерти государя"—или, если это была женщина, „относительно его женитьбы"—съ обычнымъ приказомъ объ изгнаніи изъ Италіи халдеевъ и астрологовъ. Т.-е. изгонялись лишь незамѣшанныя непосредственно въ дѣло лица; замѣшаннымъ же грозила казнь. Иногда, впрочемъ, мы встрѣчаемъ въ этой хроникѣ отрадные проблески здраваго смысла; заслуживаетъ быть спасеннымъ отъ забвенія прелестное мѣсто изъ письма императора-философа Марка Аврелія Л. Веру по поводу возстанія Авидія Кассія: „Если власть ему суждена свыше, мы, при всемъ своемъ желаніи, не будемъ въ состояніи его убить; ты знаешь слово твоего прадѣда: никто не убиваетъ своего преемника". Вообще же, преслѣдованія были послѣднимъ словомъ политической мудрости властвующихъ; а такъ какъ временныя кары только увеличивали престижъ опальной науки, ничуть не уменьшая числа ея адептовъ, то стали со временемъ издавать постановленія постояннаго характера, вошедшія въ дѣйствующее право. Законъ оказывалъ всякую честь геометріи, какъ полезной для общества наукѣ, но „математическое искусство" подвергалъ безусловному запрещенію, какъ предосудительное и вредное занятіе. Кары были различныя, смотря по предмету консультаціи; если она касалась здоровья или жизни императора, то и консультантъ, и астрологъ, подвергались казни.

Само собою разумѣется, что всѣ эти крутыя мѣры ничуть не повредили астрологіи, какъ таковой; но представителямъ ея, наконецъ, надоѣло удобрять своею кровью ниву своей науки. Нельзя ли было обставить эту науку такъ, чтобы она перестала внушать страхъ носителямъ государственной власти? Такое средство нашлось; оно столь остроумно, что было бы несправедливо не передать его словами самого изобрѣтателя, Фирмика Матерна, написавшаго подробное, хотя и довольно сумбурное, руководство астрологической науки въ правленіе Константина Великаго. „Твои отвѣты, — говоритъ онъ своему ученику, — ты долженъ давать публично, предупреждая твоего кліента, что будешь отвѣчать громкимъ голосомъ; — это для того, чтобы онъ не предлагалъ тебѣ вопросовъ, которые онъ не въ правѣ ставить и на которые отвѣчать запрещено. Ни подъ какимъ видомъ не отвѣчай на вопросы о положеніи государства и жизни императора; говорить о политикѣ, ради угожденія простому любопытству, грѣшно; но

тотъ, кто сталъ бы отвѣчать на вопросы о жизни императора, былъ бы достойнымъ всякой кары злодѣемъ, такъ какъ объ этомъ никто ничего ни знать, ни сказать не можетъ. Дѣйствительно, полезно, чтобы ты это зналъ: всякій разъ, когда гаруспики хотѣли отвѣчать на вопросы частныхъ лицъ, сюда относящіеся,— назначенныя для изслѣдованія внутренности жертвеннаго животнаго, расположеніе ихъ жилъ, ставили имъ неразрѣшимую загадку. Равнымъ образомъ и математикъ никогда не могъ ничего утверждать относительно будущей судьбы императора, что было бы согласно съ истиной: дѣло въ томъ, что *императоръ одинъ не подверженъ вліянію звѣздъ*, онъ—единственный, о судьбѣ котораго небесныя свѣтила ничего сказать не могутъ. Будучи властелиномъ всего міра, онъ знаетъ одну только распорядительницу своей участи—волю божества; имѣя подъ своей властью поверхность всей земли, онъ самъ причисленъ къ тѣмъ богамъ, которымъ высшее божество вручило силу все созидать и все охранять. И вотъ главная причина, запутывающая тѣ внутренности; къ какому бы духу ни обратился вопрошающій—этотъ духъ, будучи слабѣе по власти, ничего не можетъ сказать о той высшей силѣ, которая воплощена въ императорѣ".

Этотъ отвѣтъ безподобенъ по своему наивному лукавству; никогда еще богословская философія Платона и вѣрноподданническая благонадежность не вступали другъ съ другомъ въ столь изумительный для обѣихъ сторонъ союзъ. Одно только было трудно: заставить императоровъ увѣровать въ ихъ астрологически-привилегированное положеніе. Къ сожалѣнію, времена были трезвыя; Калигулъ болѣе не рождалось, а тѣ почтенныя посредственности, которыя сидѣли на римскомъ престолѣ въ IV и V вѣкахъ, были слишкомъ скромнаго мнѣнія о себѣ, чтобы поддаться соблазну. Лесть Фирмика пропала даромъ; астрологія продолжала считаться неблагонадежной до самой кончины античнаго міра.

XV.

Было сравнительно нетрудно обнаружить нити императорской политики по отношенію къ астрологіи; онѣ немногочисленны, и извѣстные намъ факты сами собой на нихъ нанизываются. Въ совершенно иномъ видѣ представится намъ дѣло, когда мы отъ особы императора перейдемъ къ *греко-римскому обществу* эпохи имперіи; это — пестрый калейдоскопъ всевозможныхъ мнѣній и настроеній, изъ которыхъ очень трудно составить единую ра-

зумную картину. Одно, впрочемъ, несомнѣнно: астрологія пользуется въ греко-римскомъ обществѣ громаднымъ вліяніемъ и широкой популярностью; это одинаково слѣдуетъ и изъ насмѣшекъ враговъ, и изъ энтузіазма поклонниковъ, и изъ отзывовъ трезвыхъ и безпартійныхъ людей, и, наконецъ, изъ свидѣтельствъ астрологовъ о самихъ себѣ и своей дѣятельности.

Говоря о насмѣшкахъ враговъ, мы разумѣемъ подъ этими послѣдними невѣрующихъ; среди вѣрующихъ тоже были враги, но тѣмъ было не до смѣха—они астрологіи боялись. Говоря, далѣе, о невѣрующихъ, мы опять-таки выдѣляемъ тѣхъ, которые своимъ невѣріемъ были обязаны философіи или наукѣ—о нихъ будетъ сказано ниже; здѣсь же насъ интересуютъ невѣрующіе изъ общества, ставшіе такими вслѣдствіе того интеллигентнаго скептицизма, къ которому бываютъ склонны вкусившіе образованія и въ то же время чуждые всякаго увлеченія люди. Спокойно отдыхая подъ прохладной сѣнью своего міросозерцанія, они съ насмѣшливой жалостью смотрѣли, какъ довѣрчивая толпа отдавала свои послѣдніе гроши шарлатанамъ, смущавшимъ ее вымышленнымъ именемъ баснословнаго Петосириса и еще болѣе вымышленнымъ знаніемъ тайнъ надземнаго міра. О толпѣ никакого сомнѣнія быть не могло; это были просто „дураки": пошлину, которою въ нѣкоторыхъ городахъ были обложены астрологи, насмѣшники называли „пошлиной на глупость" (blakennomion). О самихъ же астрологахъ мнѣніе двоилось. Большинство, понятно, принадлежало къ обманщикамъ, которыхъ недурно было бы присудить ad bestias въ одну изъ тѣхъ жестокихъ забавъ на аренѣ, когда людей заставляли бороться съ дикими или разъяренными животными,—чтобы они впредь по собственному опыту—

Знали, какъ дѣйствуетъ Левъ; знали, въ чемъ сила Тельца.

Но были между ними честные, хотя и глупые фанатики въ родѣ того Авла, про котораго юмористъ Лукилій, одинъ изъ поэтовъ греческой антологіи, написалъ одну изъ своихъ остроумнѣйшихъ эпиграммъ (XI, 164):

Кругъ генитуры своей изслѣдовалъ Авелъ астрологъ:
Сколько, молъ, жить суждено; видитъ—четыре часа.
Съ трепетомъ ждетъ онъ кончины; но время проходитъ, а смерти
Что-то не видно; глядитъ—пятый ужъ близится часъ.
Жаль ему стало срамить Петосириса; смертью забытый,
Авелъ повѣсился самъ во славу науки своей.

Для дополненія портрета можно воспользоваться двумя этюдами сатирическаго писателя Лукіана—объ обманщикѣ Александрѣ и

о фанатикѣ Перегринѣ, послѣдній изъ которыхъ, къ слову сказать, тоже покончилъ самоубійствомъ во славу своей секты; это— не астрологъ, но можно поручиться, что Лукіанъ и астрологовъ подвелъ бы подъ одинъ изъ этихъ двухъ типовъ.

Но не насмѣшники задавали тонъ въ римскомъ обществѣ; оно сознательно или безсознательно испытывало на себѣ вліяніе римскаго двора и было поэтому въ большинствѣ своихъ представителей настроено либо сдержанно, либо восторженно. Сама сдержанность была въ различныя времена различная. Объ эпохѣ Августа мы можемъ судить по примѣру лучшаго наблюдателя современнаго ему общества, Горація. Когда-то онъ безпечно смѣялся съ Меценатомъ надъ вѣрованіями темной черни, будучи въ душѣ убѣжденъ, что—

...боги живутъ безмятежно.
И если диво какое проявитъ природа—не боги жъ
Въ гнѣвѣ съ высокаго неба его посылаютъ на землю.

(Сат., I, 5, пер. Фета). Съ тѣхъ поръ онъ пережилъ въ своей душѣ и обращеніе римскаго общества, какъ онъ это самъ описалъ въ одномъ стихотвореніи (Оды, I, 34); мы не имѣемъ права сомнѣваться въ искренности совѣтовъ, которые онъ даетъ императору относительно возстановленія храмовъ и воскрешенія родныхъ культовъ. Но можно ли отнестись съ такимъ же довѣріемъ и къ астрологическимъ мѣстамъ въ его стихотвореніяхъ? Такъ же ли онъ искрененъ, когда онъ тому же Меценату, съ которымъ онъ нѣкогда смѣялся надъ чудесами народныхъ вѣрованій, пишетъ, чтобы отогнать обуявшій его страхъ передъ смертью (Оды, II, 17, пер. Фета):

Въ одинъ и тотъ же день со мною ты умрешь.
Не даромъ я клялся въ душѣ нелицемѣрной;
Иду, иду съ тобой, куда ни поведешь,
Послѣдняго пути твой сотоварищъ вѣрный...
Живу ль подъ знакомъ я таинственныхъ Вѣсовъ,
Иль страшный Скорпіонъ участье принялъ рано
Въ теченіи моихъ пожизненныхъ часовъ,
Иль Козерогъ, тиранъ волненій океана —
Невѣроятно соглашеніе у насъ
Съ тобой въ созвѣздіяхъ. Тебя рукой могучей
Юпитеръ осѣнилъ и отъ Сатурна спасъ...
Меня и т. д.

Или это—дружелюбная уступка настроенію его больного покровителя, искавшаго въ наукѣ звѣздочетовъ спасенія отъ томившаго его страха? Или, наконецъ,—не болѣе, какъ игра остро-

умія и поэтическаго воображенія? Какое объясненіе мы бы ни признали правильнымъ—я лично склоняюсь въ пользу второго—значеніе астрологіи въ римскомъ обществѣ будетъ имъ достаточно иллюстрировано.

То же впечатлѣніе получаемъ мы и отъ другихъ поэтовъ этой эпохи. И Виргилій, и Проперцій, и Овидій, имѣютъ недюжинныя познанія въ астрологіи и охотно ихъ излагаютъ своимъ читателямъ; послѣдній же изъ поэтовъ эпохи Августа, принадлежащій уже въ значительной мѣрѣ времени его преемника, Тиберія, написалъ даже объ астрологіи цѣлый дидактическій эпосъ—одинъ изъ самыхъ трудныхъ, скучныхъ и вообще неудобочитаемыхъ эпосовъ древности.

Вторымъ цвѣтущимъ періодомъ въ эпоху имперіи было время Траяна; тогда писалъ одинъ изъ величайшихъ римскихъ писателей, Тацитъ. Его мнѣніе объ астрологіи избавитъ насъ отъ необходимости считаться съ показаніями его современниковъ; болѣе трезваго, болѣе широкаго ума Римъ тогда не зналъ; можно сказать вообще, что всѣ лучи просвѣщенія, которые еще остались отъ смѣлой и свободной эпохи Цицерона, были сосредоточены въ его душѣ. Тѣмъ болѣе поучительно сравненіе вышеприведенныхъ доводовъ Цицерона противъ астрологіи со слѣдующимъ мягкимъ и нерѣшительнымъ сужденіемъ Тацита, которое онъ произноситъ по поводу отношеній Тиберія къ астрологу Ѳрасиллу (Анналы, II, 22): „Когда я слышу эти и подобные имъ разсказы, я не рѣшаюсь высказаться опредѣленно, рокомъ ли и нерушимой необходимостью движутся дѣла смертныхъ, или случаемъ. Величайшіе умы старины, какъ равно и пошедшія отъ нихъ школы, расходятся въ этомъ отношеніи. Многіе (эпикурейцы) того мнѣнія, что ни начало нашей жизни, ни ея конецъ, ни вообще человѣческій родъ не составляютъ предмета заботы боговъ; и вотъ почему такъ часто печальная участь достается добрымъ людямъ, счастливая—злымъ. Зато другіе (Платонъ) допускаютъ вліяніе рока на человѣческія дѣла, но выводятъ его не отъ блуждающихъ звѣздъ, а отъ самаго начала и естественной причинной связи событій; все же они предоставляютъ намъ право выбора своей жизни, но съ тѣмъ, чтобы, разъ этотъ выборъ совершился, дальнѣйшія событія шли одно за другимъ ъ ненарушимомъ порядкѣ. Въ оцѣнкѣ же счастья и несчастья е слѣдуетъ держаться мнѣнія толпы: многіе счастливы, будучи уреваемы кажущимися невзгодами, и наоборотъ, многіе неастны среди всего окружающаго ихъ богатства—если только ѣ спокойно переносятъ удары судьбы, а эти безразсудно поль-

зуются ея благосклонностью. Большинство же людей (стоики) держатся убѣжденія, что въ моментъ рожденія человѣка уже рѣшенъ ходъ его будущей жизни; если же то или другое совершается несогласно съ предсказаніемъ, то въ этомъ виновата ошибка толкователей, говорящихъ о вещахъ, которыхъ они сами не знаютъ. Этимъ подрывается довѣріе къ наукѣ, давшей, однако, ясныя доказательства своей правдивости и въ прежнее время, и въ наше. Такъ, сынъ вышеупомянутаго Ѳрасилла предсказалъ Нерону предстоящую ему власть... но объ этомъ будетъ сказано въ свое время: теперь я не хочу слишкомъ отвлекаться". Я позволилъ себѣ перевести эту главу изъ Тацита для того, чтобы не приводить другихъ родственныхъ мѣстъ, интересъ которыхъ не можетъ идти въ сравненіе съ признаніемъ великаго римскаго историка и мыслителя.

Третью группу свидѣтелей составляютъ восторженные поклонники моднаго метода вѣдовства; это—громадное большинство. Искать ихъ слѣдуетъ во всѣхъ сословіяхъ; конечно, ученые астрологи, въ родѣ Ѳрасилла, имѣли своими кліентами только людей высшаго общества, но зато къ услугамъ невзыскательнаго простонародья были другіе, не столько ученые, сколько ловкіе „халдеи". Интересная наука въ то время просачивалась быстро во всѣ слои общества: привратникъ стоика Стертинія просвѣщалъ свою аудиторію изъ свободной и подневольной мелкоты въ духѣ парадоксовъ своего хозяина, доказывая ей, по мѣрѣ своего разумѣнія, что только мудрецъ и могучъ, и богатъ, и прекрасенъ, и искусенъ во всякомъ мастерствѣ, не исключая и сапожнаго; можно себѣ представить, какую публику собиралъ слуга Ѳрасилла, читая лекціи въ родѣ вышеприведенной (гл. VII) тrimалхіоновой о тайнахъ зодіака! Такъ-то астрологія проникала въ народъ; аркады цирковъ наполнялись самозванными халдеями и египтянами, и съ „пошлиной на глупость" дѣла шли бойко.

Опытный наблюдатель, Горацій, любилъ прислушиваться къ ихъ консультаціямъ, которыя и понынѣ, въ разныхъ формахъ, составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ народной жизни въ Италіи; истинно италійская находчивость и изворотливость находитъ тутъ широкое примѣненіе. Онъ вскользь упоминаетъ объ этомъ въ той сатирѣ, въ которой описываетъ складъ своей столичной жизни:

> Вечеръ наступитъ—вдоль цирка брожу продувного, по форуму шляюсь,
> Слушаю, что̀ говорятъ тамъ вѣщатели...

Но частностей онъ намъ не сообщаетъ. Зато интересъ выс-

шаго общества къ астрологіи извѣстенъ намъ по многимъ подробнымъ картинамъ; нечего говорить, что на первомъ планѣ стоятъ тутъ женщины. О нихъ мы послушаемъ Ювенала—помня, однако, что Ювеналъ былъ сатирикомъ, и что для возстановленія истиннаго колорита пришлось бы, вѣроятно, во многихъ мѣстахъ разбавить краски (Сат., VI, 553 сл.). Женщины,—говоритъ поэтъ,—склонны ко всякаго рода гаданьямъ, но—

Болѣе всѣхъ довѣряютъ халдеямъ; что̀ скажетъ астрологъ, —
Свято для нихъ, точно вѣщій родникъ у Аммонова храма
(Дельфы не въ счетъ; тамъ давно ужъ изсякла оракула сила,
Мглою незнанія тамъ родъ смертныхъ окутанъ печальный).
А изъ халдеевъ почтеннѣе тотъ, кто не разъ былъ ссылаемъ,
Чья драгоцѣнная дружба и проданный кругъ генитуры
Стоили жизни вельможѣ, завистника жертвѣ Отона.
Лучшій искусства залогъ, если руки оковы влачили,
Если по цѣлымъ годамъ въ казематахъ томился гадатель.
Нѣтъ вдохновенія въ томъ, кто не былъ наказанъ ни разу;
Тотъ имъ великъ, кто едва не погибъ, кому милостью было
Въ мракѣ тюрьмы заточенье на дикихъ скалахъ серифійскихъ,
И послѣ долгихъ страданій—желанная вѣсть о свободѣ.
Вотъ, кому ставитъ вопросы о матери смерти лѣнивой,
Или о мужа кончинѣ—твоя благовѣрная; скоро-ль
Боги сестру уберутъ или дядей; а другъ ненаглядный,
Переживетъ ли ее? Вотъ это—подарокъ безцѣнный!
Есть и похуже. Вѣдь *эта* сама генитуры не ставитъ,
Въ толкъ не возьметъ, что̀ Сатурна унылый ей лучъ предвѣщаетъ,
Вреденъ ли мѣсяцъ, иль нѣтъ, и удобно ли время для дѣла.
Есть, говорю, и похуже: съ такой ты и встрѣтиться бойся,
Въ чьихъ ты рукахъ календарь запримѣтишь лоснящійся, точно
Жирнаго шаръ янтаря; за совѣтомъ она ужъ не ходитъ—
Къ ней за совѣтомъ идутъ. Ни въ походъ, ни на родину съ мужемъ
Не согласится поѣхать она, если цифры Ѳрасилла
Счастія ей не сулятъ. Пожелаетъ ли за̀ городъ съѣздить—
Въ книжку заглянетъ, полезенъ ли часъ. Если чешется глазъ ей—
Кругъ развернетъ генитуры своей, и тогда лишь намажетъ;
Хворь одолѣла, въ постели лежитъ—не отвѣдаетъ пищи:
Ждетъ, чтобы время пришло, что̀ пророкъ указалъ Петосирисъ.

Блескъ придворной жизни, милость и страхъ властвующихъ, широкая популярность въ высшемъ обществѣ—все это, вмѣстѣ взятое, легко могло вскружить голову представителямъ священной науки. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что про частную жизнь астрологовъ, насколько мы, по крайней мѣрѣ, можемъ судить, никакихъ дурныхъ слуховъ не ходило. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ лжехалдеяхъ изъ-подъ аркадъ цирка, нравственный уровень которыхъ врядъ ли многимъ возвышался

надъ той средой, къ которой они принадлежали; но то, что̀ мы слышимъ объ ученыхъ астрологахъ, не можетъ не внушать намъ мнѣнія, что астрологическая наука, при всей своей несостоятельности, какъ таковая, въ нравственномъ отношеніи имѣла облагораживающее вліяніе на своихъ адептовъ. О причинахъ этого явленія будетъ сказано въ заключительной главѣ; здѣсь достаточно будетъ отмѣтить самый фактъ. Сколько гнусностей разсказывали про другихъ гадателей и представителей восточныхъ культовъ и вѣрованій въ греко-римскомъ мірѣ,—гнусностей, къ которымъ ихъ многочисленная, преимущественно женская, кліентела давала столько поводовъ,—объ астрологахъ народная сплетня молчитъ. Это видно уже изъ приведеннаго отрывка Ювенала: онъ клеймитъ суевѣріе римскихъ аристократокъ, но на астрологовъ не бросаетъ другой тѣни, кромѣ той, которая заключается, по мнѣнію скептика, въ самой ихъ наукѣ. Положительную сторону дѣла развиваетъ тотъ же Фирмикъ Матернъ, изъ котораго мы выше заимствовали оригинальную теорію о неподчиненности императора вліянію звѣздъ. Астрологія,—говоритъ онъ,—возвышаетъ и очищаетъ душу; кто отдается ея изученію, тотъ долженъ себя чувствовать чистымъ и святымъ, точно жрецъ, долженъ уподобляться божеству—только тогда онъ удостоится быть вѣстникомъ небесной правды. Онъ долженъ быть доступенъ и общителенъ: нехорошо, если вопрошающій обращается съ трепетомъ къ тому, отъ кого онъ ждетъ совѣта. Онъ долженъ быть цѣломудреннымъ, трезвымъ, воздержнымъ: низкія страсти роняютъ славу божественной науки. Если у кліента на душѣ запрещенный вопросъ—его слѣдуетъ ласково вразумить, доказывая ему всю тщетность его желанія, но не бранить и, подавно, не доносить на него властямъ: не подобаетъ жрецу обагрять себя кровью человѣка. Астрологъ долженъ быть хорошимъ семьяниномъ; его домъ долженъ быть центромъ для многочисленныхъ хорошихъ друзей,—вообще, онъ не долженъ чуждаться жизни, но, принимая въ ней живое участіе, долженъ держаться спокойнаго и безстрастнаго образа дѣйствій, сторонясь отъ партійныхъ распрей, сторонясь отъ всякаго общенія съ крамольниками, не оскверняя своей души любостяжаніемъ. Пусть его окружаетъ слава мудрой простоты въ общественной жизни, вѣрности въ союзахъ дружбы, безупречной честности во всѣхъ дѣяніяхъ и помыслахъ; пусть онъ никогда не пятнаетъ своей совѣсти лжесвидѣтельствомъ, никогда не извлекаетъ прибыли изъ несчастья другого человѣка. Пусть онъ заблудшимъ будетъ вѣрнымъ руководителемъ, тѣмъ болѣе, если эти заблудшіе—его друзья: хорошо, если они ему будутъ обязаны

просвѣтленіемъ своего ума. Никогда не долженъ онъ участвовать въ ночныхъ священнодѣйствіяхъ, ни съ кѣмъ не имѣть тайныхъ совѣщаній: открыто, предъ глазами всѣхъ, долженъ онъ совершать свое божественное дѣло. Укажетъ ему генитура какой-нибудь тайный порокъ его кліента,—онъ не долженъ о немъ объявлять во всеуслышаніе, а говорить въ сдержанныхъ выраженіяхъ, намеками: несправедливо винить человѣка въ томъ, что̀ ему назначило враждебное теченіе звѣздъ. Зрѣлищъ въ циркѣ онъ не долженъ посѣщать, чтобы не прослыть приверженцемъ той или другой партіи (т.-е. синихъ, красныхъ и т. д.; тутъ мы узнаемъ отголосокъ безумнаго увлеченія конскими бѣгами и вызваннаго имъ партійнаго дѣленія, этой отравы общественной жизни Рима въ его послѣднія столѣтія): жрецу приличествуетъ строгое безпристрастіе и въ этомъ, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вотъ въ какихъ принципахъ онъ долженъ воспитать свою душу, прежде чѣмъ приняться за изученіе книгъ о вліяніи звѣздъ на судьбу людей: въ душѣ мутной, запятнанной гнусной страстью, слова высокой науки не оставятъ слѣда—всегда остается неучемъ тотъ, кто ее оскверняетъ нечестивой волей. Чистымъ, цѣломудреннымъ и непорочнымъ да принимается астрологъ за святое дѣло,—тогда онъ еще бо̀льшаго достигнетъ вѣщею силой своего духа, чѣмъ самимъ ученьемъ.

Конечно, читая эти строки, мы не должны забывать, что намъ рисуется не портретъ, а идеалъ астролога—идеалъ для многихъ, быть можетъ, недостижимый; Фридлендеръ, говоря въ своей „Исторіи нравовъ въ императорскомъ Римѣ" (I, 365 сл.) объ этой картинѣ Фирмика, полагаетъ, что авторъ въ ней косвенно обнаруживаетъ слабыя стороны въ характерѣ своихъ коллегъ. Не думаю, чтобы мы имѣли основаніе такъ пессимистически смотрѣть на дѣло; на мой взглядъ вышеуказанныя отрицательныя свидѣтельства косвенно уже наводятъ насъ на благопріятное сужденіе о нравственномъ обликѣ астролога, а положительныя свѣдѣнія Фирмика позволяютъ намъ специализировать это неопредѣленное благопріятное сужденіе. Изображаемый идеалъ всегда находится въ извѣстномъ отношеніи къ дѣйствительному среднему уровню: этотъ уровень долженъ быть сравнительно высокъ для того, чтобы идеалъ могъ достигнуть сферы безусловной чистоты и святости.

Отъ читателя не ускользнула выдающаяся роль, которую въ жизни астролога, по словамъ Фирмика, играетъ „дружба"; это—явленіе знаменательное. Разумѣется, друзья астролога—это его высокопоставленные кліенты, тѣ, съ которыми онъ зачастую свя-

занъ общей тайной, могущей, въ случаѣ своего обнаруженія, погубить всѣхъ участниковъ. Вотъ почему астрологу такъ настоятельно рекомендуется „вѣрность“ своимъ друзьямъ. Намъ вспоминается при этомъ тотъ мученикъ астрологическаго искусства, о которомъ говоритъ Ювеналъ, тотъ, „чья драгоцѣнная дружба и проданный кругъ генитуры стоили жизни вельможѣ, завистника жертвѣ Отона“; проданный—кому? Разумѣется, самому подозрительному императору Отону, боявшемуся — и вполнѣ резонно, какъ показали событія — потерять свою власть такъ же быстро и насильственно, какъ онъ ее получилъ; но кѣмъ проданный? Самимъ астрологомъ? Это невѣроятно; вѣроломный астрологъ въ мученики бы не попалъ. Повидимому, какимъ-нибудь рабомъ или домочадцемъ, согласившимся за сумму денегъ выдать обоихъ, и астролога, и его вельможнаго друга. Послѣдняго постигла смерть; перваго—въ видѣ особой милости—продолжительное заключеніе въ крѣпости Серифа, этомъ „шильонскомъ зàмкѣ“ позднѣйшей древности, одиноко возвышавшемся среди голубыхъ волнъ Эгейскаго моря. Таковъ бывалъ, повидимому, не разъ исходъ астрологическихъ дружбъ.

XVI.

Внѣшняя сила астрологіи въ эпоху императорскаго Рима, ея центральное положеніе, какъ руководящей умственной силы того времени, описано нами выше подробно; эта картина можетъ быть еще значительно развита и дополнена въ частностяхъ, ея общіе контуры однако врядъ ли отъ того очень измѣнятся. Но чѣмъ болѣе мы убѣждаемся въ исключительномъ культурномъ значеніи этого возведеннаго въ систему абсурда, тѣмъ неотразимѣе становится вопросъ: что̀ же дѣлала тѣмъ временемъ та умственная сила, которая была призвана стоять на стражѣ истины и охранять ее отъ посягательствъ сознательнаго и безсознательнаго обмана, — что̀ дѣлала *греческая наука*? Для того ли учеными минувшихъ періодовъ было сдѣлано столько изумительныхъ открытій въ области астрономіи, математики, физики, механики, медицины, естествознанія и другихъ наукъ, чтобы теперь какія-то неощутимыя и неопредѣленныя изліянія объявлялись единственными дѣйствующими въ физическомъ и моральномъ мірѣ силами? И для того ли великіе мыслители прошлаго старались найти и оформить законы нашего мышленія, чтобы теперь безсмысленные постулаты, прикрываясь облыжнымъ покровомъ не-

вѣдомой старины, навязывались людямъ помимо всякихъ разумныхъ методовъ доказательства? Нѣтъ; греческая наука, съ философіей включительно, знали свою обязанность и до послѣдняго времени не переставали бороться съ захватами своей противницы; но въ этой борьбѣ шансы не были и не могли быть на ихъ сторонѣ. Мы предоставляемъ себѣ еще вернуться къ вопросу о внутреннемъ основаніи непобѣдимости астрологіи какъ въ древности, такъ и въ послѣдующія времена—вопросу интересному и важному не съ одной только исторической точки зрѣнія; теперь же бросимъ еще послѣдній взглядъ на ея борьбу съ наукой, начиная съ того пункта, когда стоикъ Посидоній сослужилъ ей желанную для нея и роковую для человѣчества службу, сдѣлавъ свою философскую систему фундаментомъ ея легковѣсныхъ надстроекъ.

Когда-нибудь въ будущемъ наступитъ время для изложенія этой борьбы въ ея исторической послѣдовательности; это будетъ тогда, когда путемъ старательнаго изученія источниковъ сохранившихся намъ сочиненій той и другой стороны будутъ восполнены пробѣлы, которые теперь такъ неудобно прерываютъ преемство литературной традиціи. Пока эти работы не сдѣланы,—единственнымъ разумнымъ путемъ остается систематизація доводовъ обѣихъ сторонъ; при этомъ по необходимости придется удѣлить мѣсто и высказаннымъ до той эпохи, которую мы взяли за точку отправленія, соображеніямъ.

Можно ли было, прежде всего, возражать противъ основного догмата, на которомъ покоилось все астрологическое зданіе, противъ много уже разъ упомянутаго нами догмата всемірной симпатіи,—противъ мнѣнія, что всѣ части мірозданія солидарны между собою; что часть подобна цѣлому, человѣкъ — міру; что огонь сознанія, одушевляющій насъ, родственъ огню небесныхъ звѣздъ, откуда снизошла въ наше тѣло искра нашей жизни; что это самое тѣло, наконецъ, связано узами такого же родства съ окружающими его стихіями, которыя въ свою очередь подвержены вліянію эѳирныхъ силъ? Оспаривать это значило отрицать основные тезисы всего міросозерцанія грековъ; приберегая до заключительной главы разсужденія о нравственно-интеллектуальномъ значеніи этого догмата, мы теперь можемъ удовольствоваться установленіемъ факта, что попытки къ опроверженію этой основной аксіомы если и дѣлались, то безъ успѣха; опираясь на великое имя Посидонія, астрологія могла спокойно предоставить своей участи безсильныя стрѣлы, направленныя противъ этой части ея научнаго зданія. Опасность для нея воз-

никала тамъ, гдѣ начинался переходъ отъ основной теоріи къ самой системѣ. Допуская фактичность и дѣйствительность астральныхъ изліяній,—гдѣ доказательство, что ихъ система вѣрно уловлена и изображена астрологической наукой?

Читателю нетрудно будетъ понять, въ какое выгодное, сравнительно, положеніе была поставлена астрологія, благодаря такому ограниченію площади нападенія;—вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы теперь воскресла наша умершая наука, то современные представители положительныхъ знаній направили бы свои удары противъ основной теоріи и презрительно оставили бы безъ вниманія опирающуюся на нее систему. Къ этой громадной выгодѣ, обусловленной самымъ міросозерцаніемъ древнихъ, прибавлялась, однако, другая, вытекающая изъ положенія, занятаго астрологіей въ практической жизни. Сильная сочувствіемъ подавляющаго большинства интеллигенціи, она не была стѣснена тѣми тяжелыми условіями, при которыхъ обыкновенно новая наука должна прокладывать себѣ путь: вмѣсто того, чтобы тщательно доказывать свои положенія, завоевывая шагъ за шагомъ свою позицію среди равнодушно или недовѣрчиво настроенныхъ умовъ—она ихъ только ставила, предоставляя противникамъ трудъ ихъ опроверженія; onus probandi, по требованіямъ логики лежащій на ней, въ силу особыхъ условій перемѣстился и былъ возложенъ на ея противниковъ. Они должны были доказать неправильность того, что̀ составляло элементы ея системы; она же считала себя въ правѣ признавать достовѣрнымъ все то, что̀ не было ясно и убѣдительно опровергнуто.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ была обезпечена жизнь многимъ постулатамъ астрологической науки, которые при другихъ условіяхъ неизбѣжно бы пали подъ ударами скептицизма. Въ самомъ дѣлѣ, признаемъ фактъ планетныхъ изліяній несомнѣннымъ; что̀ же доказываетъ намъ, что именно изліянія Марса вредны, изліянія же Юпитера благотворны?—„Таково убѣжденіе глубокой древности, корни котораго теряются въ тайнѣ откровенія; такова понынѣ вѣра народа, не могущаго безъ священнаго трепета смотрѣть на багровый огонь Марса и чувствующаго себя положительно обласканнымъ мягкими лучами Юпитера; если вы не вѣрите, докажите противное".—Такъ можно поступать только тогда, когда чувствуешь вокругъ себя симпатическій токъ воли огромной массы, требующей лишь на грошъ логики для того, чтобы согласиться съ тобою; но разъ этотъ токъ дѣйствуетъ,—побѣда обезпечена. И все-таки область произвола, и притомъ произвола нелѣпаго, въ астрологіи такъ велика,

что противникамъ была дана возможность производить опустошительные набѣги на всю систему; но тутъ ей оказало помощь именно то ея свойство, которое въ нашихъ глазахъ болѣе всего ее роняетъ—ея природная шаткость и призрачность. Стѣны реальнаго города страдаютъ отъ ударовъ тарана; противъ воздушныхъ замковъ, которые возводитъ волшебница Моргана, онъ безсиленъ. Стоило противникамъ привести какое-нибудь серьезное, убійственное возраженіе—астрологія, принимая его къ свѣдѣнію, соотвѣтственнымъ образомъ исправляла и дополняла свою систему и выходила изъ борьбы крѣпче, чѣмъ была до нея. И не только крѣпче,—она становилась также и сложнѣе, и въ этомъ заключалась немалая выгода. Представителямъ здравой философіи и трезвой науки нелегко дышалось въ одуряющей атмосферѣ халдейской мудрости; они неохотно погружались въ нее и были рады вынырнуть при первой возможности. Удлиняя и расширяя ходы своихъ пещеръ, астрологія достигала того, что профаны теряли охоту и (можно сказать) физическую возможность ихъ изслѣдовать; а это, въ свою очередь, давало ей нравственное право отрицать ихъ компетентность всякій разъ, когда они повторяли какое-нибудь прежнее возраженіе, на которое давно уже были найдены отвѣты.

Въ этомъ заключается третья выгода положенія астрологіи; ея значеніе лучше всего выяснить на примѣрѣ. Еще Цицеронъ, какъ было сказано выше, упрекалъ астрологію въ томъ, что она сосредоточивала свое вниманіе на однихъ только астральныхъ изліяніяхъ, упуская изъ виду гораздо болѣе ощутительную и, слѣдовательно, дѣйствительную реакцію климатическихъ и топографическихъ условій—возраженіе прекрасное, подготовленное теоріей Гиппократа и поведшее въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи къ теоріи Бокля. Астрологія признала его силу, но обратила его въ свою пользу. Характеръ мѣстностей—стала она учить—въ свою очередь стоитъ въ зависимости отъ дѣйствующаго въ каждой изъ нихъ созвѣздія; основываясь на этомъ принципѣ, она построила свою мудреную астрогеографическую систему, о которой рѣчь была выше. Теперь ея противникамъ оставался одинъ изъ трехъ методовъ: или погрузиться въ изученіе этой ничуть не заманчивой для нихъ системы, чтобы обнаружить ея недостатки,—или отказаться отъ своего возраженія,—или, продолжая пользоваться имъ, дать астрологіи право назвать ихъ невѣждами. Избрали они, къ слову сказать, третій путь—и въ нашемъ случаѣ, и во всѣхъ родственныхъ ему.

Еще болѣе плодотворнымъ былъ для астрологіи рядъ дру-

гихъ возраженій, которыя сводятся всѣ къ противопоставленію индивидуума той—естественной или случайной—группѣ, въ составъ которой онъ входитъ. Корабль терпитъ крушеніе, весь его экипажъ — старики, юноши, дѣти, мужчины, женщины — тонутъ; что же, стало быть генитура у всѣхъ была одинакова? у всѣхъ въ „домѣ странствій“ свирѣпствовалъ Марсъ въ знакѣ Водолея? Подъ Каннами погибли тысячи римлянъ; и они родились подъ одинаковымъ аспектомъ враждебныхъ свѣтилъ? Дѣва надѣляетъ родившихся подъ ея знакомъ бѣлой и гладкой кожей; слѣдуетъ ли допустить, что изъ эѳіоповъ ни одинъ не родился подъ знакомъ Дѣвы?—Опять астрологія благоразумно принимаетъ къ свѣдѣнію эти возраженія и обогащаетъ свою систему новой теоремой, а именно: генитура или иниціатива цѣлаго господствуетъ надъ генитурой или иниціативой части. Если звѣзды цѣлому народу, городу, войску предсказали гибель, то само собою разумѣется, что то же самое относится и къ каждому отдѣльному индивидууму, вошедшему въ ихъ составъ, все равно, предусмотрѣна ли эта участь въ его генитурѣ, или нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ не долженъ довольствоваться своей генитурой, а долженъ справляться объ иниціативѣ каждаго болѣе или менѣе важнаго дѣла — для астрологіи такое рѣшеніе вопроса могло быть только выгодно. Что же касается эѳіоповъ, то черный цвѣтъ ихъ кожи объясняется астрогеографическими условіями страны, которыхъ Дѣва въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ измѣнить не можетъ—ея ложка мѣла пропадаетъ въ бочкѣ сажи. Такимъ образомъ нападки враговъ были отражены: положеніе, что среда подчиняетъ себѣ личность — положеніе вполнѣ научное, непосредственно согласное съ опытомъ и безсознательно руководимымъ имъ здравымъ смысломъ — находило себѣ совершенно разумное выраженіе въ астрологической теоремѣ о преобладаніи общей (каѳолической) генетліологіи надъ частной. Опять побѣда была на сторонѣ астрологіи.

Съ возраженіемъ, заимствованнымъ изъ несходства судьбы близнецовъ, мы уже имѣли дѣло выше: отвѣтомъ астрологіи было указаніе на гончарное колесо и совершенно убѣдительное заявленіе, что при постоянной измѣняемости констелляцій не можетъ быть двухъ вполнѣ совпадающихъ генитуръ. Отвѣтъ, какъ таковой, былъ блистателенъ; но, давая его, астрологія признавала за своими противниками право ставить къ ея тщательности и точности такія требованія, какихъ ни одинъ человѣкъ не въ состояніи удовлетворить. Они имъ воспользовались въ полной мѣрѣ; съ большимъ юморомъ описываютъ они умилительную коопера-

цію астролога и повивальной бабки при рожденіи младенца. Нѣтъ, не одного астролога, а, по крайней мѣрѣ, двухъ,—одинъ долженъ находиться въ комнатѣ роженицы, а другой—на вышкѣ; лишь только событіе совершилось—первый ударяетъ въ мѣдный тазъ, а второй по этому самому отмѣчаетъ гороскопъ. И все-таки моментъ будетъ упущенъ: пока первый астрологъ ударитъ въ тазъ, пока звукъ достигнетъ уха второго, пока онъ остановитъ свой взоръ на гороскопѣ—пройдетъ, по меньшей мѣрѣ, по секундѣ; и можно ли, при естественныхъ неровностяхъ почвы, говорить о точномъ опредѣленіи гороскопа? и что̀ слѣдуетъ, собственно говоря, разумѣть подъ рожденіемъ младенца? Ужъ если на то пошло, то астрологи должны были ставить по крайней мѣрѣ двѣ генитуры: одну для его головы и одну для ногъ.—Астрологія могла отнестись ко всѣмъ этимъ придиркамъ со спокойнымъ достоинствомъ преслѣдуемой невинности. Да, противники совершенно правы: абсолютная точность въ астрологическихъ наблюденіяхъ невозможна. Но что̀ же отсюда слѣдуетъ? Развѣ въ астрономическихъ наблюденіяхъ она возможна? Однако же это не мѣшаетъ астрономамъ предсказывать съ приблизительной точностью затмѣнія солнца и луны и регрессіи планетъ. То же самое и здѣсь. И астрологи только съ приблизительной достовѣрностью предсказываютъ судьбу людей, и они подвержены ошибкамъ; но это — ошибки не науки, а только ея представителей. Со временемъ, надо полагать, ихъ будетъ меньше: техника прогрессируетъ, методы совершенствуются; пока же будьте благодарны и за ту степень достовѣрности, которая достижима при нынѣшнихъ условіяхъ.

Но вотъ возраженіе совершенно спеціальнаго характера. Мы ставимъ младенцу генитуру; въ ея кругѣ есть также „домъ дѣтей“. Это значитъ, что по вліянію планетъ на этотъ домъ мы можемъ опредѣлить время рожденія и судьбу дѣтей нашего младенца; прекрасно. Но въ эту судьбу входятъ также и ихъ дѣти съ ихъ судьбой, и такъ далѣе; итакъ, ставя генитуру одному человѣку, мы ставимъ ее за-одно и его дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и т. д. in infinitum. Мало того: въ этой самой генитурѣ мы находимъ и „домъ родителей“... Читатель догадывается о дальнѣйшемъ ходѣ полемики. Астрологія опять могла молча выслушать насмѣшки противниковъ и совершенно безопасно для себя согласиться съ ними. Да, это такъ; въ теоріи каждая генитура содержитъ въ себѣ in nuce генитуры всѣхъ предковъ и потомковъ даннаго человѣка отъ начала и до конца жизни рода человѣческаго; что̀ же тутъ удивительнаго? Всѣ слѣдующія другъ

за другомъ во времени событія связаны между собою тесьмой причинности; въ какомъ бы мѣстѣ мы ни схватили эту тесьму, мы будемъ держать въ своей рукѣ слѣдствіе всѣхъ предыдущихъ причинъ и причину всѣхъ дальнѣйшихъ слѣдствій. Но это пока только теорія; для практики она, къ сожалѣнію, значенія не имѣетъ. Умъ человѣческій, властвующій, — какъ скажетъ позднѣе Паскаль,—надъ незначительнымъ промежуткомъ между безконечно большимъ и безконечно малымъ, лишь на небольшое пространство обозрѣваетъ вереницу причинъ и слѣдствій по сю и по ту сторону отъ даннаго пункта. Это значитъ примѣнительно къ нашему вопросу: вслѣдствіе слабости человѣческаго ума, генитура младенца дастъ вамъ только самыя общія свѣдѣнія о его родителяхъ и дѣтяхъ; если вамъ нужно больше,— ставьте генитуру родителямъ, если не поздно,—и дѣтямъ, когда они родятся.

Приведемъ еще одно возраженіе, чтобы затѣмъ покончить со всей этой стороной вопроса. Если изліянія звѣздъ дѣйствуютъ на младенца въ ту минуту, когда онъ впервые втягиваетъ въ себя живительную струю воздуха, то нѣтъ ровно никакого основанія думать, что они не дѣйствуютъ точно такъ же и на всякое другое одушевленное существо. Съ этимъ астрологія смѣло могла бы согласиться—въ этомъ еще ничего опаснаго для нея нѣтъ; она вѣдь сама изобрѣла свою удивительную астрозоологію, въ которой всѣ породы животныхъ были поставлены въ мистическую связь съ планетами и знаками зодіака. Но вотъ гдѣ таилась опасность: если фактъ зависимости человѣка отъ астральныхъ изліяній давалъ астрологамъ право ставить людямъ генитуры и инаціативы, то столь же несомнѣнный фактъ воздѣйствія звѣздъ на животныхъ давалъ этимъ послѣднимъ право требовать того же и для себя. Другими словами: астрологи, въ случаѣ надобности, должны были умѣть опредѣлить генитуру любого головастика, любого комара... Вопросъ былъ коваренъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ прежде всего склоненъ будетъ думать современный, выросшій въ атмосферѣ христіанскаго міросозерцанія читатель: идея отсутствія принципіальнаго различія между человѣкомъ и животнымъ, теперь опять навязывающаяся нашему уму, какъ послѣдствіе эволюціонной теоріи—идея, по словамъ Ницше, „истинная, но убійственная“—была вполнѣ въ духѣ античности, какъ это доказываетъ, между прочимъ, ученіе о переселеніи душъ. Нѣтъ, коварство вопроса заключалось въ другомъ; дѣло въ томъ, что первая и долгое время единственная союзница астрологіи, стоическая философія, этой идеи

не признавала. Ея возвышенному идеализму претила мысль о качественной однородности человѣка и безсловесной твари; конечно, животное тоже было одушевлено, но его душа была простымъ физическимъ средствомъ предохраненія плоти отъ разрушенія, на подобіе соли и другихъ такихъ же веществъ, а вовсе не носительницей индивидуальнаго самосознанія. Такимъ образомъ астрологіи оставалось одно изъ двухъ: или смиренно принять ударъ, или нарушить договоръ съ союзницей. Она избрала послѣднее: въ вопросахъ самосохраненія casus foederis не имѣетъ мѣста. Къ тому же, теряя покровительство стоиковъ, она пріобрѣтала дружбу новопиѳагорейцевъ, ученіе которыхъ было тогда, астрологически выражаясь, in oriente domo, и сверхъ того увеличивала свою кліентелу легіонами сердобольныхъ римскихъ барынь, которыя были рады возможности узнать отъ астрологовъ генитуру своихъ собачекъ.

Конечно, все это мало серьезные, съ современной точки зрѣнія, диспуты; но сколько важныхъ и интересныхъ вопросовъ въ нихъ затронуто! Порою кажется, будто передъ нами галерея арабесковъ: вычурные, уродливые рисунки, но, всматриваясь въ нихъ внимательнѣе, мы поражаемся красотой и благородствомъ основныхъ формъ. Вотъ таинственныя изліянія планетныхъ лучей, проникающія и въ темную комнату роженицы,—они со временемъ навели астролога-гуманиста Сируэло на мысль: „nullum esse corpus a luce intransibile“, за четыре вѣка до открытія „иксъ-лучей“, по мѣткому замѣчанію Буше-Леклерка. Вотъ идея преобладанія среды надъ личностью и приспособляемости послѣдней, столь ярко сверкающая въ сумбурномъ спорѣ объ общей и частной генетліологіи, точно янтарь въ морской тинѣ. Вотъ нелѣпая теорія о сѣмянной коробочкѣ круга генитуры—его domus filiorum, въ которой скрывается, въ микроскопическомъ зачаточномъ видѣ, генитура всего потомства кліента до послѣдняго времени; сведемъ ее съ небесъ на землю,—и мы получимъ онтогеническую теорію такъ называемой „скатуляціи“, считавшуюся въ XVIII вѣкѣ послѣднимъ словомъ науки въ вопросахъ о происхожденіи организмовъ и принятую, между прочимъ, великимъ Лейбницемъ, какъ основное положеніе его монадологіи. А между тѣмъ всякая живая идея, въ какой бы несовершенной формѣ она ни была выражена, воодушевляетъ своихъ борцовъ, давая имъ отрадное и бодрящее сознаніе правоты ихъ дѣла, а съ нимъ и силу убѣжденія въ пропагандѣ, силу обороны въ борьбѣ.

Какъ видитъ читатель, борьба астрологіи съ наукой велась далеко не безуспѣшно для первой; обладая со стороны филосо-

фія несокрушимымъ оплотомъ въ лицѣ Посидонія, она дѣятельно отбивалась отъ ударовъ физики и астрономіи и изъ каждой стычки съ ними выходила только болѣе сильной и способной къ сопротивленію. Не мудрено, поэтому, что въ концѣ концовъ она одержала рѣшительную побѣду. Этой побѣдой было обращеніе въ астрологическую вѣру самаго славнаго изъ астрономовъ императорской эпохи, того, работы котораго мы привыкли считать вѣнцомъ античной космографіи—*Клавдія Птолемея*. Написавъ свое знаменитое космографическое сочиненіе, основаніе всѣхъ трудовъ и изслѣдованій въ этой области вплоть до Коперника, Птолемей обратилъ вниманіе и на астрологію; ей онъ посвятилъ свое второе главное произведеніе, едва ли не болѣе еще славное Четверокнижіе (Tetrabiblos). Въ немъ онъ оградилъ астрологію со стороны науки точно такъ же, какъ нѣкогда Посидоній оградилъ ее со стороны философіи. Какъ человѣкъ трезваго, тонкаго ума, онъ старался по возможности ограничить область абсурда; онъ относится съ явнымъ недоброжелательствомъ къ наивной качественной дифференціаціи знаковъ зодіака, замѣняя его въ этомъ отношеніи кругомъ генитуры съ его произвольной, но все-же болѣе разумной терминологіей. Равнымъ образомъ онъ устраняетъ всѣ миѳологическія объясненія, безсознательно подготовляя этимъ торжество астрологіи въ ту эпоху, когда миѳологія станетъ запретной, дьявольской наукой; его объясненія—преимущественно физическія. Вообще, въ его обработкѣ астрологія получила все внѣшнее подобіе настоящей, серьезной науки; что̀ только могъ сдѣлать человѣческій умъ для того, чтобы изъ цѣлаго хаоса произвольныхъ, ребяческихъ и часто противорѣчивыхъ традицій создать единую, сплоченную и послѣдовательную систему, то сдѣлалъ для астрологіи Птолемей.

XVII.

Все-же важность Птолемея для астрологіи могла сказаться лишь позднѣе. Предстоялъ всемірный потопъ античной цивилизаціи; ближайшая судьба нашей науки, ея спасеніе или гибель, зависѣла отъ того, будетъ ли она принята въ тотъ ковчегъ, который вынесъ изъ пучины остатки потопленныхъ культуръ—въ ковчегъ *христіанства*. А туда ей Птолемей доступа открыть не могъ: плоскостью непосредственнаго соприкосновенія античной мысли съ христіанской была не наука въ тѣсномъ смыслѣ, а философія. Правда, съ философіей у астрологіи были давнишнія

хорошія отношенія, благодаря стоицизму и Посидонію; но ореолъ стоической метафизики сталъ замѣтно меркнуть къ эпохѣ распространенія христіанства; его затмевалъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе блескъ другого, гораздо болѣе мистическаго ученія—неоплатоническаго. Неоплатонизмъ былъ для астрологіи первой инстанціей,—черезъ него и благодаря ему она могла разсчитывать также и на пощаду со стороны христіанства.

Тутъ шансы были на первый взглядъ довольно благопріятны; неоплатоническая метафизика имѣла своимъ главнымъ фундаментомъ знаменитаго Тимея, аѳинскаго философа, а въ космогонической системѣ Тимея для астрологіи была оставлена калитка—узенькая, правда, но все-же такая, что при нѣкоторомъ терпѣніи и умѣлости можно было провести туда ее всю. Но для этого нужно было подвергнуть астрологію экзамену по той ея части, которою она, какъ наука преимущественно практическая, всегда сравнительно мало интересовалась, предоставляя ее своей союзницѣ, стоической философіи. Первый вопросъ: какъ велитъ она намъ думать о свободѣ воли и о предопредѣленіи? Второй: что̀ представляютъ изъ себя, теологически разсуждая, ея планетныя божества?

Къ счастью для нея, астрологія не имѣла опредѣленныхъ и обязательныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, и потому могла сговориться съ тѣми, чей союзъ ей былъ необходимъ. Что касается перваго, то мы уже видѣли (гл. IX), что по отношенію къ нему она страдала неразрѣшимымъ противорѣчіемъ: теорія генитуры основывалась на абсолютномъ предопредѣленіи, теорія инпціативы требовала возможности свободнаго выбора. Платонъ нѣкогда согласовалъ детерминизмъ со свободой предположеніемъ, что душа въ промежуточномъ періодѣ своей жизни (т.-е. послѣ смерти и до новаго рожденія) избираетъ свою будущую судьбу, которая отнынѣ предопредѣлена; астрологіи не трудно было примкнуть къ этой мысли. Избравъ судьбу, душа ждетъ въ эмпиреѣ, пока движеніе звѣздъ не создастъ соотвѣтственной этой судьбѣ констелляціи; тогда только она воплощается. Свой выборъ она забываетъ, но въ этомъ большого зла нѣтъ: онъ записанъ на зодіакѣ, въ моментъ ея перехода въ земную жизнь, и можетъ быть прочитанъ людьми свѣдущими; астрологическая система была спасена,—а это главное. На такихъ условіяхъ она могла быть принята въ неоплатоническую метафизику; но требовался отвѣтъ также и на второй вопросъ, и тутъ жертва оказалась значительнѣе. Астрологи были не прочь признать свои планетныя божества высшими и единственными; на практикѣ дѣло къ этому

сводилось: разъ властителями судьбы были боги небесной седьмицы отъ Сатурна до Луны, то непонятно, къ чему было молиться Юнонѣ Капитолійской или Артемидѣ Эфесской, Исидѣ или Митрѣ. Но съ такимъ представленіемъ неоплатоники никакъ примириться не могли: у нихъ имѣлось одно высшее божество, и ступенью ниже—рядъ низшихъ, которыя тоже ничуть не походили на астрологическія планеты; что же касается послѣднихъ, то неоплатонизмъ—въ лицѣ своего корифея Плотина—могъ признать за ними только значеніе возвѣстителей; „движеніе звѣздъ *предвѣщаетъ* (sêmainei) судьбу каждаго, но не создаетъ (poiei) ее, какъ неправильно понимаетъ толпа",—училъ послѣдній философъ античнаго міра (Эннеады, II, 3). Астрологи роптали и втихомолку разсказывали своимъ адептамъ разные страхи о карѣ, которую понесъ за свое кощунство противникъ астральныхъ боговъ,—но дѣлать было нечего, пришлось покориться. На дѣлѣ же Плотинъ оказалъ ихъ наукѣ гораздо больше пользы, чѣмъ вреда; дѣйствительно, въ той теологически-безобидной формѣ, которую онъ ей придалъ, она могла ужиться со всякой религіей, не исключая и христіанства. Почему бы не быть планетамъ огненной грамотой, написанной Творцомъ на небесной тверди въ назиданіе смертнымъ? Что же касается предопредѣленія, то астрологія могла спокойно ждать, пока христіане рѣшатъ между собой этотъ труднѣйшій вопросъ: ея метафизическій индифферентизмъ давалъ ей возможность во всякое время примкнуть къ побѣдителю, кто бы онъ ни былъ.

Итакъ, дѣло было налажено; все-же желанная позиція въ христіанскомъ міросозерцаніи досталась астрологіи не безъ боя. Никакія метафизическія различенія не могли устранить того глубоко антипатичнаго христіанамъ факта, что астрологическія божества—или силы, все равно,—носили имена языческихъ дьяволовъ, Юпитера, Венеры, Сатурна, Марса. Въ силу одного этого, положеніе, занятое христіанствомъ по отношенію къ астрологіи, было принципіально враждебно; послѣ долгой абсолютной власти надъ умами людей, она вновь очутилась въ положеніи просительницы.

Но просить она умѣла—въ этомъ ей отказать нельзя. Читатель не забылъ того случайнаго обстоятельства, которое доставило ей доступъ къ сердцу основателя римской имперіи въ самый моментъ ея зарожденія,—той „звѣзды-меча", которая сверкнула надъ собравшимся на тризну Цезаря народомъ и стала звѣздой духовной генитуры его наслѣдника, будущаго императора Августа. Теперь представилась возможность вторично воспользоваться

тѣмъ же надежнымъ путемъ. Рожденіе Основателя новой религіи тоже было ознаменовано появленіемъ новой звѣзды; можно ли послѣ того отрицать, что Создатель пользуется звѣздами для того, чтобы возвѣщать людямъ свою волю? И кто были тѣ, которые, понявъ значеніе чудесной звѣзды, пришли отдать дань благоговѣнія возвѣщенному ею Младенцу? Волхвы (magi), т.-е. халдеи;—такъ утверждали астрологи, и христіане съ ними соглашались. Но если халдеи—и притомъ они одни—уразумѣли волю Божію, то не доказываетъ ли это, что ихъ методъ толкованія звѣздъ былъ правиленъ? Не доказываетъ ли это, другими словами, безусловной правдивости халдейской астрологіи?

Да, доказываетъ, и притомъ блистательно; противъ этого спорить было трудно. Правда, нашлись недоброжелатели, пытавшіеся расшатать это красиво построенное доказательство: указывали на то, что звѣзда волхвовъ вовсе не была гороскопическою звѣздою, а скорѣе небеснымъ свѣточемъ, быть можетъ ангеломъ и даже самимъ Святымъ Духомъ, и т. д. Все это вовсе не было убѣдительно; звѣзда, по тексту Писанія, была звѣздой, и не было ничего страннаго въ томъ, что такое необыкновенное событіе, какъ Рождество Спасителя, было ознаменовано новымъ свѣтиломъ. Противъ астрологіи это ничего не доказываетъ, такъ какъ астрологія принимаетъ въ соображеніе также и новыя звѣзды, какъ, напр., кометы; факты же, что одни только халдейскіе волхвы, т.-е. тѣ же астрологи, правильно поняли смыслъ знаменія, продолжаетъ доказывать правдивость, мало того—богоугодность ихъ науки.

Счастливые находчики этого довода,—о которомъ мы знаемъ только изъ сочиненій христіанъ,—не предвидѣли, что можно было и признать его во всемъ объемѣ, и воспользоваться имъ противъ ихъ же интересовъ. Не забудемъ, что всякое вѣдовство было объявлено христіанами дьявольскимъ, чѣмъ его правдивость ничуть не оспаривалась, а напротивъ—признавалась. И дьяволъ Аполлонъ въ Дельфахъ, и дьяволица Фортуна въ Пренесте давали людямъ правдивыя предсказанія; то же самое можно было предположить и о дьяволахъ, именуемыхъ Юпитеромъ, Венерой и т. д. Но съ Рождествомъ Христовымъ царству дьявола наступилъ конецъ; первый примѣръ этому подали тѣ же волхвы-халдеи: узнавъ о пришествіи Спасителя и отправившись поклониться ему, они принесли ему въ даръ свое собственное искусство. Астрологія, могучая въ царствѣ дьявола, т.-е. у язычниковъ, теряетъ свою силу у христіанъ,—въ купели крещенія обращенный смываетъ съ себя изліянія звѣздъ. Такъ учили св. Игна-

тій и Тертулліанъ; нельзя было съ бо̀льшимъ изяществомъ и признать астрологію, и похоронить ее.

Но Тертулліанъ и Игнатій писали еще въ ранній періодъ христіанства, когда въ немъ преобладало оппозиціонное противъ всего языческаго общества настроеніе, и заботы всемірнаго владычества еще не давали себя чувствовать; а съ другой стороны и „прирученіе" астрологіи неоплатонизмомъ не успѣло еще состояться: Плотинъ жилъ позднѣе ихъ. Неудивительно, поэтому, что александрійская школа богослововъ и, въ частности, великій Оригенъ, этотъ главный посредникъ между неоплатонизмомъ и христіанствомъ, и къ астрологіи отнеслись мягче. Когда Оригенъ, въ своемъ комментаріи на книгу Бытія, доказываетъ, что звѣзды не бываютъ созидательницами (poiêtikoi) человѣческой судьбы, а только ея предвозвѣстительницами (sêmantikoi) — онъ только повторяетъ, примѣнительно къ христіанскому ученію о Божьемъ промыслѣ, идею главы неоплатонизма. Правда, онъ прибавляетъ къ ней другую, которая менѣе должна была понравиться прирученнымъ астрологамъ,—что людямъ недоступно точное (akribôs) знаніе этой небесной грамоты, которая начертана Провидѣніемъ для духовъ высшаго разряда. Но тутъ словечко „точное" спасало все; ну да, не точное, но все-же нѣкоторое; полной „акрибіи" и астрологи для себя не требовали,—напротивъ, именно положеніе о приблизительной только вѣрности ихъ вычисленій вывозило ихъ, какъ въ принципіальныхъ вопросахъ (ср. сказанное выше о пунктѣ гороскопа и возникавшихъ при его опредѣленіи трудностяхъ), такъ и въ случаѣ опроверженія ихъ предсказаній фактами. Итакъ, на почвѣ оригеніанизма примиреніе было возможно— тѣмъ болѣе, что въ другихъ отношеніяхъ великій учитель значительно пошелъ на встрѣчу ихъ симпатіямъ. Они сами въ сущности не съумѣли хорошенько распутаться въ вопросѣ о произвольности или непроизвольности дѣйствія планетныхъ силъ; панпсихическая закваска, данная греческой философіи еще первыми іонійскими мудрецами, чувствовалась также и въ ихъ ученіи. Отъ христіанства можно было ожидать, что оно займетъ въ этомъ отношеніи непримиримо отрицательное положеніе, признавая въ свѣтилахъ лишь безвольныя орудія высшаго промысла; Оригенъ, однако, думалъ объ этомъ иначе. Развѣ псалмопѣвецъ могъ бы приглашать солнце и луну славить Господа, еслибы они были бездушными тѣлами? И развѣ способность небесныхъ свѣтилъ грѣшить и, стало быть, произвольно дѣйствовать, не засвидѣтельствована словами Іова, что даже звѣзды не чисты передъ обликомъ Господнимъ?—Это былъ скользкій путь, легко мог-

шій повести къ ереси; но астрологамъ было, конечно, очень кстати имѣть въ самомъ лагерѣ христіанъ учителя, столь выгодно отзывающагося объ ихъ „властителяхъ судьбы“.

И дѣйствительно, по открытому Оригеномъ пути астрологія вливается въ христіанство: мы находимъ епископовъ-астрологовъ, находимъ учителей, извлекающихъ изъ священнаго Писанія, путемъ довольно рискованной интерпретаціи, подтвержденія астрологической теоріи жилищъ; гороскопическія планеты сливаются съ христіанскими ангелами-хранителями,—чему содѣйствовало еще болѣе раннее отожествленіе тѣхъ и другихъ съ неоплатоническими геніями (или демонами). Скандалъ былъ неизбѣженъ. Съ одной стороны, христіанство, старавшееся быть общедоступнымъ, изнемогало подъ метафизическимъ бременемъ этого предопредѣленія, не исключающаго, однако, свободы человѣческой воли, которое осталось у астрологіи въ качествѣ наслѣдія старинной стоической эквилибристики; какимъ образомъ, спрашиваетъ св. Ефремъ, Богъ, будучи справедливымъ, могъ установить эти звѣзды человѣческихъ генитуръ, въ силу которыхъ мы по необходимости дѣлаемся грѣшниками? Съ другой стороны, астрологіи повредилъ и тотъ скудный запасъ космографическихъ истинъ, который составлялъ ея несложный научный багажъ; догматъ шаровидности земли трудно уживался съ тѣмъ представленіемъ, которое естественно извлекалось изъ текстовъ Писанія. Дѣла принимали чрезвычайно любопытный оборотъ: очевидно, астрологія легко могла получить прощеніе за всѣ абсурды, которыми она изобиловала, и спокойно, подъ сѣнью той же милости, провести въ новое міросозерцаніе всѣ свои незаконныя исчадія въ родѣ астромедицины и астрогеографіи; роковыми для нея грозили оказаться тѣ глубокія идеи и истины, которыми она была обязана философіи и наукѣ. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ астрологію въ благодарной роли поборницы умственныхъ благъ античной культуры противъ простодушія и невѣжества надвигающагося средневѣковья.

Такъ обстояли дѣла въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х. Враговъ было много, но другъ былъ вліятеленъ, особенно въ восточной церкви, которая вся болѣе или менѣе подчинялась обаянію Оригена. Катастрофа наступила въ западной церкви, объявившей какъ разъ къ исходу этого вѣка Оригена еретикомъ. Положимъ, ея примѣру послѣдовала со временемъ и ея восточная сестра, но тутъ дѣйствіе не могло быть особенно сильнымъ: оригеніанизмъ успѣлъ стать неотдѣлимой частью греческаго богословія, а подъ его сѣнью и астрологія благополучно прошла

или, говоря правильнѣе, проскользнула въ затонъ византійскаго средневѣковья, въ которомъ и осталась зимовать вмѣстѣ съ прочими пережитками античной культуры. Но на Западѣ враждебные элементы одержали побѣду. Осужденіе Оригена въ 399 г. было лишь предвѣстникомъ грозы; грозой была богословская дѣятельность великаго учителя западной церкви, бл. Августина. Этого въ невѣжествѣ нельзя было упрекнуть: въ своихъ страстныхъ, томительныхъ поискахъ истины онъ обратился и къ неоплатонической философіи, и даже къ самой астрологіи, но кончилъ тѣмъ, что отвергъ и ту, и другую. Онъ отвергъ, во-первыхъ, научную часть астрологіи, какъ идущую въ разрѣзъ съ Писаніемъ— этотъ ударъ, однако, еще не былъ рѣшительнымъ: астрологіи оставался путь къ спасенію подъ условіемъ перестройки своего зданія на библейскомъ фундаментѣ, а это было тѣмъ легче, что этотъ фундаментъ былъ тожественъ съ древне-халдейскимъ; не даромъ іудеи, въ силу своего выше охарактеризованнаго стремленія (гл. V) приписывали Аврааму изобрѣтеніе астрологіи. Но онъ возсталъ также и противъ астрологическаго ученія о предопредѣленіи—и тутъ положеніе становится опять очень интереснымъ. Противъ этого ученія возставали также и многіе языческіе философы, среди которыхъ былъ и главный источникъ Августина, Цицеронъ; но они дѣлали это какъ защитники свободы воли человѣка, его liberum arbitrium. Августинъ стоитъ на діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія. Какъ поборникъ самодовлѣющей благодати, испоконъ вѣка выдѣлившей небольшую горсть избранныхъ изъ огромной massa perditionis, онъ со всей яростью своей страстной натуры нападаетъ на столь любимаго имъ въ другихъ отношеніяхъ Цицерона за его „отвратительное разсужденіе“ (disputatio detestabilis) противъ предопредѣленія. Но онъ въ то же время старательно заботится о томъ, чтобы ни одна пядь отвоеванной имъ территоріи не могла быть занята астрологіею. Противъ нея онъ повторяетъ всѣ аргументы Цицерона, какіе онъ только могъ обратить въ свою пользу; ему были ненавистны эти самозванные распорядители человѣческой судьбы, своимъ вмѣшательствомъ препятствовавшіе непосредственному общенію души съ ея Творцомъ. Конечно, астрологи давали и вѣрныя предсказанія,—но только потому, что ихъ вдохновляли дьяволы. Теперь христіане знали, въ чью власть они отдавали свою душу, идя по ихъ слѣдамъ.

Изгнанная изъ августинизма, астрологія подавно не находила себѣ убѣжища въ ученіи его противниковъ, пелагіанцевъ, отстаивавшихъ полную свободу человѣческой воли; западная цер-

ковь, колебавшаяся между августинизмомъ и полу-пелагіанизмомъ, не могла дать мѣста у себя астрологіи. Еще болѣе, быть можетъ, повредилъ ей общій упадокъ культуры на Западѣ; полузабытая западными христіанами, она процвѣтала въ Византіи и, благодаря ея воздѣйствію, у арабовъ. Черезъ нихъ она опять вернулась на Западъ, въ числѣ другихъ наукъ, для новаго, блистательнаго торжества.

XVIII.

Зато теперь она—наука умершая, великолѣпная мумія въ музеѣ историческихъ заблужденій. И именно тщательное изслѣдованіе ея организма приводитъ насъ къ заключенію, что ея состояніе—не летаргическій сонъ, а дѣйствительная окончательная смерть, не оставляющая надежды на пробужденіе или воскресеніе въ будущемъ. Но когда умерла она, и отъ чего?

Умерла она,—отвѣчаетъ Буше-Леклеркъ,—отъ того смертельнаго удара, который ей нанесъ Коперникъ. „Пока астрономическая наука,—говоритъ онъ (стр. 616),—„довольствовалась расширеніемъ вселенной, оставляя землѣ ея центральное положеніе,—наивныя идеи, породившія астрологію и сплотившіяся въ одно цѣлое подъ видомъ теоріи микрокосма, сохраняли убѣдительную силу традиціи, въ одно и то же время понятной и таинственной, оставались ключомъ неизвѣстнаго, хранилищемъ тайнъ грядущаго. Астрологическая геометрія продолжала основывать свои построенія на ихъ первоначальномъ фундаментѣ, съуженномъ, правда, но удержавшемъ значеніе фокуса всѣхъ небесныхъ изліяній. Но разъ земля объявлена планетой и брошена въ пространство—все построеніе, лишенное своего основанія, въ одно мгновеніе обрушилось. Единственная несовмѣстимая съ астрологіей система—это та, которую открылъ нѣкогда Аристархъ Самосскій и позднѣе обосновалъ Коперникъ; несовмѣстимость эта такова, что нѣтъ надобности укладывать ее въ логическую формулу. Она еще лучше сознается чутьемъ, чѣмъ разумомъ. Движеніе земли разорвало, точно нити паутины, всѣ воображаемыя цѣпи, связывающія ее съ звѣздами—тѣми звѣздами, которыя, казалось, только ею и были заняты!“

Такъ ли это?

Разумѣется, нельзя придавать значеніе тому, что астрологія на столѣтіе слишкомъ пережила Коперника: его теорія такъ

медленно завоевывала себѣ почву, столько противодѣйствій встрѣчала даже со стороны астрономовъ, что было бы странно ожидать отъ нея немедленнаго вліянія на астрологію. Нѣтъ; но мы, вообще, не видимъ въ открытіи Коперника ничего такого, что̀ могло бы окончательно подорвать кредитъ этой своеобразной науки. Оно исключило солнце и луну изъ числа планетъ, конечно; но уже древніе астрологи отводили имъ, какъ „свѣтиламъ" (phôta, lumina), особое мѣсто не столько среди нихъ, сколько рядомъ съ ними. Оно представило въ совершенно иномъ видѣ взаимное отношеніе членовъ солнечной системы; да, но астрологія давно уже имѣла дѣло съ одними только кажущимися движеніями—вѣдь и пресловутыя „регрессіи" планетъ были уже задолго до Птолемея признаны кажущимися, и это ничуть не мѣшало астрологамъ видѣть въ нихъ источникъ „болѣзни" для соотвѣтственныхъ божествъ. Вычисленія затмѣній солнечныхъ и лунныхъ и до Коперника производились съ приблизительною правильностью, и ихъ формулы не измѣнились отъ того, что солнце и земля помѣнялись мѣстами; тѣмъ легче могла астрологія, при чрезвычайной гибкости своихъ теорій, примѣниться къ новымъ условіямъ. Не забудемъ, наконецъ, и страха богослововъ передъ Коперникомъ: всему христіанству, думали они, грозитъ гибель отъ его ученія, съ допущеніемъ котораго засвидѣтельствованная въ Писаніи стойкость земли оказывается заблужденіемъ, и все дѣло искупленія получаетъ своимъ предметомъ населеніе крошечнаго атома въ вихрѣ небесныхъ силъ. И что̀ же? Вотъ уже два слишкомъ столѣтія, какъ геліоцентрическая система мирно господствуетъ рядомъ съ христіанствомъ, не подвергаясь сколько-нибудь серьезнымъ гоненіямъ съ его стороны. Можно ли послѣ того сомнѣваться, что и астрологія съумѣла бы найти какой-нибудь modus vivendi съ новой астрономіей—еслибы не другія, неблагопріятныя для нея условія?

Нѣтъ; умерла астрологія тогда, когда у нея отняли ея душу, когда мѣсто догмата *всемірной симпатіи* занялъ догматъ *всемірнаго тяготѣнія*. Нанесенный Коперникомъ ударъ могъ лишь на время ее оглушить; задушилъ ее Ньютонъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, представимъ себѣ еще разъ со всей возможной яркостью то міросозерцаніе, показателемъ котораго былъ догматъ всемірной симпатіи; мы убѣдимся тогда какъ въ научной необходимости астрологіи для того друхтысячелѣтняго слишкомъ періода, который оканчивается открытіемъ Ньютона, такъ и въ ея несовмѣстимости съ основнымъ принципомъ новѣйшей физики.

Науку ремесленную, какъ сводъ правилъ, непосредственно примѣнимыхъ къ тому или другому практическому дѣлу, знали многіе народы—да и едва ли не всѣ; наука независимая отъ практическихъ разсчетовъ, наука въ высшемъ, идеальномъ значеніи слова была въ древности достояніемъ однихъ только эллиновъ. Отъ нихъ ее унаслѣдовали мы; наслѣдіе это съ теченіемъ вѣковъ стало нашей столь полной собственностью, что мы его—съ чрезмѣрнымъ, быть можетъ, оптимизмомъ,—считаемъ какъ бы частью своей натуры. По той же причинѣ мы и не ставимъ себѣ вопроса о причинѣ научнаго стремленія человѣческаго духа; нечего спрашивать о томъ, что̀, вслѣдствіе своей обычности, ничьего удивленія не возбуждаетъ. Древніе, умѣвшіе, вслѣдствіе болѣе философскаго склада своего ума, удивляться также и обычнымъ явленіямъ—этого вопроса молчаніемъ не обошли. При этомъ стоики, въ силу своего основного принципа, усматриваютъ въ этомъ стремленіи одну изъ четырехъ кардинальныхъ добродѣтелей, самой природой вложенныхъ въ человѣческую душу,—„мудрость“ (sapientia) въ техническомъ смыслѣ слова. „Главную и неотъемлемую особенность человѣка,—говоритъ Цицеронъ (De officiis, I, 13),—составляетъ направленное на изслѣдованіе истины стремленіе; вотъ почему мы, лишь только мы свободны отъ насущныхъ занятій и заботъ, стремимся что-либо увидѣть, услышать, чему-либо научиться, и считаемъ знаніе скрытыхъ и возбуждающихъ удивленіе предметовъ необходимымъ условіемъ блаженной жизни“. Да, блаженной жизни; но какъ понимать это античное „блаженство“,—это мы узнаѐмъ изъ одного отрывка Эврипида:

Блаженъ, кто въ науку душой погруженъ:
На ближняго злобы не вѣдаетъ онъ;
Преступныхъ дѣяній, неправедныхъ думъ
Соблазны презрѣлъ его царственный умъ.
Онъ все созерцаетъ пытливой душой
Нетлѣнной Природы божественный строй:
Откуда возникъ онъ? И какъ? И когда?
И низкая страсть ему вѣчно чужда.

Теперь, когда намъ дана возможность сравнить старую науку съ новою, когда на межѣ той и другой геніемъ новой поэзіи поставленъ гигантскій образъ Фауста, съ его непреодолимымъ влеченіемъ къ симпатизирующей природѣ,—мы легче и точнѣе можемъ отвѣтить на вопросъ, на который греческая мудрость отвѣчала ссылкой на основное естество человѣка. Потому доро-

жилъ грекъ наукой, потому испытывалъ онъ нравственный подъемъ при погруженіи въ нее, что для него она сводилась, какъ для Фауста, къ *общенію духа съ духомъ*. Мы затрогиваемъ вопросъ громадной важности: да разрѣшитъ намъ читатель—для лучшаго его разъясненія подойти къ нему и съ другой стороны.

Знаменитый Фр. Араго въ одной своей парламентской рѣчи разсказываетъ о совѣтѣ, данномъ еще болѣе знаменитымъ Эйлеромъ своему другу, берлинскому пастору. Этотъ другъ ему жаловался на плохое вниманіе его прихожанъ къ одной его проповѣди, имѣвшей своимъ предметомъ сотвореніе міра. „Я представилъ имъ,—говорилъ онъ,—мірозданіе съ его самой прекрасной, самой поэтической, самой чудесной стороны; я приводилъ древнихъ философовъ и даже библію; и что̀ же? Половина моей аудиторіи меня не слушала; другая половина дремала или оставила храмъ". Эйлеръ, утѣшая его, посовѣтовалъ ему изобразить мірозданіе не по древнимъ или по библіи, а по даннымъ новѣйшей астрономіи. „Въ вашей непонравившейся проповѣди вы, вѣроятно, слѣдуя Анаксагору, сказали, что солнце по объему равняется Пелопоннесу; скажите вашей аудиторіи, что по точнымъ, не допускающимъ сомнѣній, вычисленіямъ наше солнце въ милліонъ двѣсти тысячъ разъ больше земли... Планеты въ вашемъ изложеніи только своимъ движеніемъ отличались отъ неподвижныхъ звѣздъ; предупредите вашихъ слушателей, что Юпитеръ въ тысячу четыреста разъ больше земли, а Сатурнъ—въ девятьсотъ... Переходя къ отдаленію звѣздъ, не опредѣляйте его по милямъ; цифры получились бы такія огромныя, что не произвели бы впечатлѣнія. Возьмите за мѣрило быстроту свѣта; скажите, что онъ совершаетъ девяносто тысячъ миль въ секунду, и прибавьте затѣмъ, что нѣтъ звѣзды, свѣтъ которой достигалъ бы нашей земли ранѣе трехъ лѣтъ, но что есть такія, свѣту которыхъ нужно много милліоновъ лѣтъ, для того чтобы пройти отдѣляющее ихъ отъ земли пространство". — Пасторъ послѣдовалъ совѣту Эйлера—и вслѣдъ затѣмъ вернулся къ своему другу въ состояніи, близкомъ къ отчаянію. — „Что̀ случилось?" — „Люди позабыли о почтеніи къ святому храму: они провожали меня аплодисментами!"

Трудно сказать, какъ отнеслась бы античная аудиторія къ первой проповѣди нашего пастора; зато несомнѣнно, что на второй она бы заснула. Съ ея точки зрѣнія, только грубый, варварскій умъ можетъ приходить въ восторгъ отъ одной громадности цифръ, отъ этого сѣраго тумана безконечности, въ ко-

торомъ всякій образъ, всякій цвѣтъ расплывается, въ которомъ ничто не даетъ пищи ни нашему воображенію, ни нашему сердцу. Если мы справедливо видимъ признакъ упадка художественной эстетики въ возникновеніи увлеченія колоссальными формами, то мы съ такимъ же правомъ можемъ признать упадкомъ — не науки, разумѣется, а научной эстетики, если этотъ терминъ допустимъ, — это безсмысленное преклоненіе передъ милліардами милліардовъ простыхъ и кубическихъ миль. Конечно, для астрономическихъ вычисленій очень важно знать дѣйствительный объемъ солнца, но это — область науки, простому смертному недоступная. А для него, для простого смертнаго, что̀ пользы въ томъ, что новѣйшая наука исправила наивную оцѣнку Анаксагора, когда для него и Пелопоннесъ, и милліонъ слишкомъ земныхъ шаровъ — одинаково необозримая величина? Представимъ себѣ гречанку, которая, молитвенно поднявъ руки, обращается къ Солнцу: „О, Геліосъ, ты, повсюду странствующій и все видящій, подай мнѣ вѣсть о моемъ изгнанникѣ-мужѣ“! — и вслѣдъ затѣмъ принимаетъ внезапно возникшее теплое чувство за поданную богомъ желанную вѣсть: „онъ живъ, онъ вернется“! — Попробуемъ сказать ей, что она ошибается, что Геліосъ ничего не видитъ, ничего не говоритъ и никакой жалости къ ея горю не чувствуетъ, но что зато оно въ милліонъ двѣсти тысячъ разъ превосходитъ объемомъ землю — будетъ она намъ рукоплескать? Конечно, это — простая, суевѣрная, если хотите, женщина; но развѣ не изъ такихъ же женщинъ, въ оболочкѣ современной культуры, состояла и бо̀льшая часть аудиторіи того нашего пастора? Возьмемъ другой примѣръ — уже не простого человѣка, а мужа науки: возьмемъ ученѣйшаго астронома древности, Гиппарха. Представимъ себѣ его въ разговорѣ съ тѣмъ же Эйлеромъ среди телескоповъ и прочихъ инструментовъ новѣйшей обсерваторіи; узнавъ объ успѣхахъ пошедшей отъ него науки, онъ, думается намъ, въ слѣдующихъ словахъ обратился бы къ своему іерофанту: „Да, вы осуществили много такого, о чемъ я и помышлять не смѣлъ; вы раздвинули до безконечности предѣлы того міра, изученію котораго я посвятилъ свою жизнь; моя система — лишь слабый эскизъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ вами найдено и удостовѣрено. Но вы заплатили за все это слишкомъ дорогую цѣну, изгнавъ изъ вашего міроздания взаимную симпатію и водворивъ на ея мѣстѣ взаимное тяготѣніе бездушныхъ массъ. Отъ вашей науки вѣетъ холодомъ; ни согрѣть, ни вдохновить меня она не можетъ. Для меня мои свѣтила были

родственными мнѣ, но гораздо болѣе совершенными существами; моя душа очищалась и возвышалась отъ общенія съ ними; ваши безучастные міры мнѣ чужды, и я чувствую себя среди нихъ затеряннымъ, точно на громадномъ, необозримомъ кладбищѣ. Если же вы этого не чувствуете, то, видно, у васъ не ὄрганомъ больше, а ὄрганомъ меньше, чѣмъ у насъ. Прославляйте, поэтому, сколько угодно, точность вашихъ наблюденій, широту и теоретическую истинность вашей системы; но, ради боговъ, не говорите объ ея нравственной цѣнности для человѣческой души!"

И что̀ могъ бы ему отвѣтить Эйлеръ?

Объ этомъ всякая догадка была бы праздной; но мы, на порогѣ двадцатаго вѣка, можемъ отвѣтить ему слѣдующее:

Догматъ всемірной симпатіи былъ величайшимъ благодѣяніемъ для человѣчества; только благодаря ему могла возникнуть среди него любовь къ чистой, независимой отъ узко-утилитарныхъ соображеній наукѣ, которая въ эпоху своего зарожденія еще ничѣмъ другимъ не могла плѣнять человѣческій умъ. Но своимъ многовѣковымъ господствомъ надъ человѣкомъ онъ перевоспиталъ его; любовь къ наукѣ, державшаяся нѣкогда на немъ, благодаря этому господству стала наслѣдственной чертой души человѣка, основной частью его умственнаго естества. И вотъ причина, почему даже тогда, когда нашъ догматъ былъ признанъ заблужденіемъ, юношеской мечтой человѣчества — любовь къ наукѣ не погибла: она не нуждалась болѣе въ теплой атмосферѣ родившаго ее догмата, такъ какъ она успѣла окрѣпнуть и пустить глубокіе корни въ нашу душу. По той же причинѣ продолжало жить и сознаніе нравственнаго воздѣйствія на нее науки о мірозданіи. Подобно тому, какъ человѣкъ, глубоко вѣровавшій въ своей молодости и тихо, безъ жестокой борьбы и озлобленія, извѣрившійся въ теченіе дальнѣйшей жизни,—продолжаетъ съ любовью смотрѣть на священные символы, передъ которыми онъ нѣкогда благоговѣлъ, и чувствуетъ ихъ нравственное значеніе для себя—точно такъ же и мы въ настоящее время вполнѣ искренно повторяемъ великую формулу, въ которой нѣкогда Эврипидъ выразилъ идею объ облагораживающемъ вліяніи науки. Натура наша стала сложнѣе; нашъ умъ не признаетъ болѣе всемірную симпатію какъ догматъ, но наше сердце продолжаетъ ее чувствовать, какъ таинственную силу, соединяющую насъ съ окружающею природою. Не стало болѣе священнаго дуба въ Додонѣ, вѣщавшаго нѣкогда смертнымъ ихъ грядущую судьбу шелестомъ своихъ листьевъ; но шумъ лѣсной

чащи продолжаетъ дѣйствовать на насъ, ея пѣсня находитъ себѣ откликъ въ нашей душѣ, утѣшая и веселя ее въ минуту горя. Не всѣ, конечно, одинаково воспріимчивы къ этому голосу природы; есть между нами и такіе, которымъ онъ ничего не говоритъ, какъ есть слѣпые, глухіе и вообще увѣчные; тѣхъ же, отзывчивость которыхъ особенно сильна, мы называемъ поэтами. Поэтическое чувство — это та часть нашего умственнаго организма, въ которой и понынѣ живетъ лишенное своей догматической опредѣленности сознаніе всемірной симпатіи.

Итакъ, съ одной стороны—наслѣдственность; а съ другой—никогда не прерывавшееся общеніе новѣйшаго человѣчества съ памятниками эпохи, предшествовавшей великому расколу, той счастливой эпохи мира и гармоніи, когда наука еще давала человѣку то, чего жаждала его душа, когда еще не было рокового разлада между надеждами и дѣйствительностью, между субъективной и объективной самооцѣнкой человѣка въ его отношеніи къ мірозданію. Этотъ очагъ любви горитъ среди насъ, мы безсознательно проникаемся его теплотою; науки живутъ, живетъ и вѣра въ ихъ нравственную цѣнность.

Правда, съ другой стороны, что двухсотлѣтній періодъ существованія новой науки недостаточенъ для вполнѣ успокоительнаго опыта; на основаніи его мы не можемъ ручаться за будущность *чистой* науки,—тѣмъ болѣе среди тѣхъ народовъ, которые не пріобщили ее въ ту раннюю эпоху ея непосредственной силы и полной гармоніи и не успѣли, поэтому, спаять ее со своей собственною душою. Мы не можемъ—по крайней мѣрѣ тѣ изъ насъ, которые не погрязли въ частныхъ интересахъ своей спеціальности и не лишились способности обозрѣвать общенаучное движеніе—не можемъ, повторяемъ, спокойно отвергнуть мнѣніе пессимистовъ, утверждающихъ, что мы идемъ на встрѣчу новому *техническому* средневѣковью, столь же убогому и мрачному, какъ и то старое, схоластическое; не можемъ не чувствовать безпокойства, видя, какъ одни на всѣ лады толкуютъ о банкротствѣ науки, другіе — съ поразительнымъ безчувствіемъ прославляютъ привлекательность той ея facies hippocratica, съ которою она недавно предстала передъ нами въ пресловутой книгѣ-исповѣди Геккеля, третьи — одинаково независимые отъ обоихъ, точно какіе-то Бенвенуто Челлини наизнанку, съ легкимъ сердцемъ бросаютъ и науку въ свою всепожирающую партійную печь. Но мы можемъ утѣшать себя сознаніемъ, что власть времени, безсильная передъ самой наукою, властвуетъ надъ аспек-

тами, въ которыхъ она представляется человѣческому уму. Если симпатическій аспектъ со временъ Ньютона уступилъ свое мѣсто механическому, то это еще не доказываетъ, что послѣднему суждено продержаться до конца жизни человѣчества,—не доказываетъ невозможности третьяго, *синтетическаго* аспекта, о характерѣ котораго теперь и думать было бы преждевременно. Когда онъ воцарится, тогда, конечно, не воскреснетъ астрологія—она, повторяю, наука умершая и воскреснуть не можетъ—но, быть можетъ, народится новая наука о мірозданіи, не менѣе утѣшительная и несравненно болѣе совершенная, чѣмъ наивная мечта мнимой халдейской и египетской мудрости.

Ѳ. Зѣлинскій.

* * *

Ужъ было такъ давно начало,
Что для конца пришла пора...
Мгновеній больше миновало,
Чѣмъ листьевъ осень бы умчала,
Бушуя до ночи съ утра.

И вотъ, въ игрѣ лучей и тѣни,
Теперь мелькаетъ предъ умомъ
Черёдъ отрадъ и огорченій,—
Вся эта цѣпь живыхъ мгновеній
Между началомъ и концомъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Сентябрь, 1901.
Ильиновка.

СУММА
ТРЕХЪ СЛАГАЕМЫХЪ...

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

IV *).

Прошло болѣе тридцати лѣтъ съ той поры, что Борщовъ счелъ свою жизнь чуть не испорченной пустѣйшей случайностью. Разумѣется, теперь тогдашнее горе подернулось какимъ-то туманомъ или поросло быльёмъ. А если быльё—горе, то оно, какъ бурьянъ, заглушаетъ все остальное. А у Борщова были за эти года—и горе, и горькія заботы.

— Однако, какъ ни говори, а все-таки въ жизни играетъ громадную роль нѣчто неопредѣлимое и потому неизвѣстное. Наша воля, именуемая свободной, конечно, свободна, но въ тѣхъ же предѣлахъ, въ какихъ находится пресса, про которую говоритъ „Фигаро", что ей „про все дозволено говорить, за исключеніемъ лишь всего недозволеннаго". Воля окружающихъ людей противодѣйствуетъ или уравновѣшиваетъ твою волю. И вотъ борьба. Если силенъ и искусенъ, то чаще побѣждаешь... Но и твоя воля, и „ихъ" воля—все-таки часто сводятся къ нулю нѣкоимъ третьимъ... Да. Этими волями зачастую владѣетъ, или забавляется совсѣмъ какъ игрушками, сочетаніе обстоятельствъ

*) См. выше: окт., 485 стр.

невѣдомыхъ и ни отъ кого не зависящихъ. Сей третій—„господинъ Иксъ“.

Теперь уже шестидесятилѣтній человѣкъ, Борщовъ былъ давно вдовцомъ. Но, постарѣвъ годами, онъ помолодѣлъ внѣшностью, потерялъ свою полноту и степенство, былъ подвижнѣе, живѣе, хотя и сумрачнѣе.

Семья Борщовыхъ много и долго жила за границей, на югѣ, ради здоровья Анны Ивановны, у которой постепенно развилась болѣзнь легкихъ и перешла въ злую чахотку. Дѣло началось, казалось, съ простой простуды, а окончилось тѣмъ, что полная женщина стала почти скелетомъ и каждую зиму становилась слабѣе, каждую весну бывала почти на волосъ отъ смерти. Переселиться изъ Россіи совсѣмъ на югъ Франціи она не хотѣла, несмотря на просьбы и убѣжденія мужа.

— Все равно умирать, рано ли, поздно ли... А я не хочу, чтобы дѣти совсѣмъ стали нерусскими. Они и такъ уже слишкомъ офранцузились.

И Анна Ивановна умерла среди зимы въ Москвѣ.

Дѣйствительно, дѣти Борщовыхъ, отъ долгаго пребыванія за границей, два сына и двѣ дочери, носили на себѣ какой-то особый отпечатокъ во всемъ. Они были не вполнѣ русскіе и ужъ совсѣмъ не москвичи. Всего досаднѣе покойной Борщовой было, что дѣти ея „думали“ по-французски и въ минуты оживленія, радости, испуга, по неволѣ выражали это типичными французскими восклицаніями. Русская зима, морозы, сугробы, дѣйствовали на нихъ странно,—наводили на нихъ уныніе и какую-то нравственную лѣнь. Многое коренное россійское, отъ калача и кваса и до болѣе серьезныхъ вещей, вопросовъ и понятій—было имъ чуждо или смѣшно.

Двое молодыхъ Борщовыхъ были настолько различны лицомъ, нравомъ, качествами и недостатками, что казалось страннымъ, какъ могутъ родные братья быть такими антиподами.

Андрей, старшій, былъ уменъ, но самолюбивъ и безсердеченъ, крутъ и рѣзокъ со всѣми и во всемъ.

Двѣнадцати лѣтъ онъ уже говорилъ:

— Жаль, у меня братъ. Лучше бы не надо. Тогда все состояніе отца было бы мое. А этакъ—надо дѣлиться.

Въ восемнадцать лѣтъ онъ говорилъ:

— Какая умная вещь маіоратъ! Отчего у насъ нѣтъ обычая, чтобы младшіе братья становились негоціантами или шли въ духовное званіе, чтобы быть тамъ какимъ-нибудь начальствомъ.

Въ двадцать-два года окончивъ въ университетѣ курсъ, онъ

вдругъ сталъ обуреваемъ честолюбіемъ и поступилъ на службу въ Петербургѣ, въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ заявилъ, что это—единственно возможная для него государственная служба. Конечно, цѣль его была простая: стать чиновникомъ, не живя въ снѣговой Россіи.

Младшій сынъ, нѣсколько ограниченный, безконечно добрый и ласковый, боготворилъ отца и мать, обожалъ сестеръ, любилъ даже и брата, обращавшагося съ нимъ съ дѣтства грубо и деспотично.

Однажды, когда они еще мальчишками сильно поссорились и подрались. Андрей, старшій, чуть не отрѣзалъ все ухо брату Дмитрію. Значокъ отъ маленькаго не хватавшаго кусочка остался. Мать, какъ это всегда бываетъ, любила и страстно баловала до послѣдняго дня жизни—старшаго сына, а отецъ—младшаго, при чемъ онъ съ ужасомъ замѣчалъ, что его Митя ненадёженъ здоровьемъ и главное—слабогрудый. Разумѣется, это наводило его на соображеніе, что, быть можетъ, болѣзнь жены явилась не отъ простуды, а была просто наслѣдіемъ или атавизмомъ. И онъ боялся за сына, который поэтому учился мало, въ университетъ не поступалъ и былъ безотлучно дома.

Но общей любимицей въ семьѣ была старшая дочь, по имени Маня, которая соединяла качества обоихъ братьевъ, не имѣя ихъ недостатковъ.

Теперь ей было двадцать лѣтъ; но только недавно перестала она брать уроки, затянувъ ученье по доброй волѣ. Учителя, ходившіе къ ней, ее обожали и ставили всѣмъ въ примѣръ. Старичокъ-учитель по русской словесности искренно и наивно сожалѣлъ:

— Какая обида, что вы свѣтская и богатая дѣвушка! Зароете въ землю Богомъ данное...

Маня была самой красивой дѣвушкой московскаго свѣта, вмѣстѣ съ тѣмъ самой образованной и развитой, да къ тому же самой симпатичной, нравившейся старымъ и молодымъ безъ исключенія. Уже три раза Борщовъ отказывалъ въ рукѣ дочери претендентамъ, которыхъ не считалъ достойными „Манюни, красавицы, умницы и богатой невѣсты“.

Дѣвушка какъ-то особенно хитро соединяла въ себѣ самую простую свѣтскую барышню, обожающую танцы, способную плясать всякій вечеръ до зари, до боли въ ногахъ, какъ отъ ревматизма,—со способностью набрасываться на всякую книгу во всякую свободную минуту.

Вечеромъ—оживленное, счастливое лицо отъ фигуры котильона...

Утромъ или днемъ у себя въ комнатѣ—тоже оживленное лицо надъ какой-нибудь книгой... Какой? Все равно... У нея было какое-то безсознательное уваженіе вообще къ книгѣ... А тѣхъ, которые ихъ пишутъ, она ставила неизмѣримо выше своей среды. Впрочемъ, у нея недавно появился любимый предметъ—политическая экономія. Иная статья въ толстомъ журналѣ, гдѣ „взглядъ и нѣчто"—о чемъ-либо ей совершенно чуждомъ—ее все-таки интересовала. Тургенева она перечитала много и много разъ, и нельзя сказать—обожала его, а прямо благоговѣла. Наоборотъ, Достоевскаго терпѣть не могла. Любимый поэтъ дѣвушки, проведшій отрочество за границей, былъ Алексѣй Толстой. Почему? Объяснить было бы трудно. Про Щедрина она говорила виновато:

— Я ничего не понимаю. Я пробовала читать, но... выходило, будто я читаю по-персидски...

Вмѣстѣ съ весельемъ, балами, вечерами, визитами и равно пріемами у себя,—причемъ Маня изображала у отца-вдовца хозяйку дома,—вмѣстѣ съ чтеніемъ всего, что̀ попадало случайно подъ руку, она успѣвала быть дѣйствительно полезной въ дѣятельности вполнѣ почтенной. Она не была,—почему-то не хотѣла быть,—членомъ благотворительнаго общества, но имѣла массу „своихъ" престарѣлыхъ инвалидовъ обоего пола, а съ ними—голодныхъ или больныхъ дѣтей. Часто, на балѣ, за кадрилью или за мазуркой, она мило и кокетливо выпрашивала у своего кавалера и пять, и пятьдесятъ рублей—„для моихъ", сознаваясь, что собственныхъ денегъ „совсѣмъ не хватаетъ".

Борщовъ былъ страшно противъ этой дѣятельности дочери, противъ „трепни по грязнымъ трущобамъ", но ничего сдѣлать не могъ. Маня отвѣчала:

— Я небо копчу... Дайте мнѣ хоть это дѣлать. Выйду замужъ—брошу, займусь своими дѣтьми.

Наконецъ, помимо всего, у Мани было еще дѣло, еще забота... Ея сестра, двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, Додя, которую надо было учить, воспитывать и одѣвать,—то-есть, слѣдить чтобы она готовила исправно уроки, отвыкала отъ разныхъ дурныхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ отъ няни и горничныхъ, а затѣмъ, чтобы она была одѣта прилично, иначе говоря—по модѣ и изящно...

Зато добрая и сердечная Додя обожала сестру, замѣнившую ей мать еще когда она была крошкой.

Отецъ, баловавшій до-нѐльзя дѣвочку, могъ отъ нея добиться чего-либо только угрозой, что пожалуется на нее Манѣ.

Среди мирной жизни въ Москвѣ, у Борщова были, однако,

двѣ крупныя заботы, о которыхъ онъ притомъ упорно молчалъ, никому не повѣряя ничего, хотя по совершенно различнымъ мотивамъ.

Первое—было здоровье, или, вѣрнѣе, нездоровье сына Дмитрія. Тайно совѣтуясь съ докторами, онъ узнавалъ одно...

— Да, слабоватъ... Можетъ быть, наслѣдственное... Но и такіе живутъ до семидесяти лѣтъ. Покуда, что̀ же безпокоиться!

Второе—былъ сынъ Андрей и его жизнь въ Петербургѣ... Кутежи, большія траты и долги и маленькія сомнительныя исторіи въ средѣ дамъ полусвѣта и героевъ картежныхъ притоновъ... Борщову часто становилось страшно, чтобы не случилась вдругъ съ сыномъ какая большая исторія, марающая имя. Онъ часто мысленно говорилъ:

— Вотъ вамъ, умники, разрѣшите загадку: Андрей и Маня, родные братъ и сестра!!

Въ половинѣ зимы существованіе Борщова посѣтили три „господина Икса". Первый его сильно смутилъ, второй опечалилъ, а третьимъ онъ былъ сраженъ совершенно, и только чрезъ много лѣтъ могъ оправиться отъ удара въ сердце.

Если первый случай былъ вскорѣ потомъ позабытъ, то о второмъ Борщовъ долго и частенько вспоминалъ, а третій... „настоящій" случай, то-есть безсмысленный и ужасный, былъ однимъ изъ тѣхъ, предъ которыми разумъ человѣческій цѣпенѣетъ и безмолвствуетъ.

Уже съ недѣлю младшій сынъ былъ въ постели, въ жару, и Борщовъ безпокоился на его счетъ, зная, какъ онъ хрупокъ здоровьемъ и съ чего началась болѣзнь матери, сведшая ее въ могилу.

Однажды утромъ рано къ нему въ кабинетъ вошла любимица Маня. Обыкновенно она никогда не приходила ранѣе полудня, предъ самымъ завтракомъ. На вопросительный и испытующій взглядъ отца, она отвѣтила:

— Я къ тебѣ немного раньше... Хочу передать одну новость. Удивительную. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что это подтверждаетъ твою любимую теорію о роли глупаго случая въ нашей жизни.

Борщовъ оживился и хотѣлъ спросить: „Что̀ такое?"—но, приглядясь внимательно къ лицу дочери, которую, благодаря ея правдивой натурѣ, видѣлъ насквозь, онъ замѣтилъ, что Маня рѣшительно встревожена чѣмъ-то и старается принять веселый видъ.

— Дмитрій что? Не хуже?—безпокойно спросилъ онъ.

— Нисколько. Дмитрій, слава Богу, ничего. Все то же... Я съ новостью, говорятъ тебѣ...

— Но новость до насъ касается?

— Нисколько! Слушай. Помнишь ты эту мою бѣдную вдовушку, которая пріѣхала въ Москву искать какой ни на есть заработокъ и заболѣла...

— Конечно, не помню. У тебя этакихъ цѣлый эскадронъ всегда. Чуть не полкъ. Гдѣ же ихъ всѣхъ помнить!

— Нѣтъ, папà. Эту знаешь, видѣлъ... Она бывала у меня, когда вышла изъ больницы; даже разъ, съ твоего позволенія, я ее пригласила обѣдать. Ты ее нашелъ очень милой, симпатичной, порядочной... Вспомни...

— Не могу, моя милая.

— Ты еще сказалъ, что еслибы у нея было не такое унылое лицо и еслибы ей сбавить года четыре, пять, то она бы своими манерами, чудными волосами и особенно прелестнымъ взглядомъ была бы настоящая Гретхенъ Гётевская.

— А-а! — вскрикнулъ Борщовъ. — Помню. Очень симпатичная!..

— Ну вотъ... Я ее долго старалась пристроить на мѣсто въ хорошее семейство, такъ какъ ее обидѣть или загнать ничего не стоитъ... И я достала ей, два года назадъ, мѣсто къ дѣтямъ князя Гоницына, не то гувернанткой, не то бонной. Ей было очень хорошо. Прошлой весной, ты знаешь, умерла княгиня... А теперь она пишетъ... Ну, догадайся, папа, что она пишетъ? Какую новость мнѣ сообщаетъ!

Борщовъ развелъ руками и вымолвилъ, смѣясь:

— ...Что и князь тоже умеръ...

— Нѣтъ. Онъ живёхонекъ, и она выходитъ замужъ за него!.. И будущей зимой мы поѣдемъ съ визитомъ къ княгинѣ Гоницыной, которая болѣла въ больницѣ на моемъ попеченіи, нуждалась въ чаѣ и въ сахарѣ, не только въ башмакахъ. А теперь будетъ женой человѣка, за котораго и я бы пошла... Умный, красивый и золотое сердце... Что же? Каковъ въ данномъ случаѣ господинъ случай?.. Отличился на славу!

— Да. И ея то воля, вѣроятно, была тутъ ни при чемъ. У нея таковой, по видимости, и тѣни нѣтъ.

— Пожалуй. Но ея характеръ и взглядъ Гретхенъ замѣнили волю.

Маня смолкла и продолжала сидѣть. Борщовъ еще яснѣе увидѣлъ, что у дочери что-то на душѣ, ее тревожащее.

„И весь этотъ разсказъ про вдовушку, — думалось ему, — и про ея судьбу вдругъ стать княгиней Гоницыной Маня приплела предисловіемъ, чтобы меня задобрить. А теперь объявить нѣчто уже иное, болѣе намъ близкое и менѣе веселое“.

И Борщовъ выговорилъ:

— Ну, Маня, не лукавь... Вѣдь ты не умѣешь актрисничать. Я вижу отлично... Говори. Что̀ такое? Я знаю, что тутъ есть что-то нехорошее.

Маня, которая, дѣйствительно, совсѣмъ не была способна на то, что̀ французы называютъ dissimuler,—смутилась, вспыхнула и выговорила:

— Папа̀... Очень непріятное... Объ Андреѣ...

— Что̀ такое?—вскрикнулъ Борщовъ.

— Какая-то исторія. Но я не знаю, какая... Знаю, что понадобились деньги, чтобы потушить все... И онъ ихъ занялъ... Теперь надо будетъ отдать.

— Какая же исторія?—нѣсколько упавшимъ голосомъ произнесъ Борщовъ.

— Не знаю... Не онъ мнѣ пишетъ, а моя добрѣйшая Hélène... И со словъ другихъ, по петербургскимъ слухамъ. Но, вы знаете, она никогда не сочиняетъ. Ужъ если пишетъ, то вѣрно.

— Такъ письмо не отъ Андрея?

— Нѣтъ, нѣтъ! Отъ Hélène.

— И весь Петербургъ знаетъ, говоритъ?..

Маня промолчала и потупилась.

Борщовъ задумался, лицо его стало сумрачно-тревожно. Дочь догадалась и произнесла тихо:

— Папа̀, вы не преувеличивайте. Вы готовы подумать невѣсть что̀...

— Надѣюсь, не зарѣзалъ, не ограбилъ...—глухо выговорилъ онъ.—А все... все остальное возможно.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа̀... Не такъ уже...

И Маня запнулась.

— Такъ ты знаешь что-нибудь... Такъ говори. Я, конечно, могу вообразить еще худшее.

— Онъ проигралъ въ карты.

— Вздоръ!.. Хуже!.. Говори...

— Онъ проигрался... И была ссора... И онъ ударилъ... и сильно... И, кажется, изуродовалъ этого, Богъ вѣсть кого... Hélène говоритъ—извѣстнаго шулера. Тотъ хотѣлъ поднять цѣлое дѣло въ окружномъ судѣ, и тогда всплыло бы что-то еще... очень нехорошее, чего Hélène сама не знаетъ. Ей не хотѣли сказать...

Ну, и Андрей согласился заплатить этому негодяю и проигрышъ, и еще—за его молчанье, чтобы все замять.

— Сколько?..

— Кажется, двадцать-тысячъ...

— Славно!—воскликнулъ Борщовъ.

Маня собралась-было что-то сказать, но отецъ махнулъ нетерпѣливо рукой—и наступило молчаніе.

И за весь день онъ не заговаривалъ о сынѣ.

На утро его ожидало нѣчто, повторявшееся уже издавна и все учащавшееся, становившееся хроническимъ.

Маня снова явилась къ отцу, смущенная и держа въ рукѣ конвертъ съ марками и штемпелями.

— Ну, такъ!.. Самъ заговорилъ!.. — воскликнулъ раздражительно Борщовъ, зная отлично, что̀ значитъ робкое, почти виноватое появленіе дочери съ письмомъ въ рукахъ.

— Да... Андрей пишетъ... Но на этотъ разъ просто несчастіе... И онъ даже не совсѣмъ виноватъ.

— Да вѣдь пойми, вспомни!—вскрикнулъ Борщовъ:—вѣдь ты каждый разъ повторяешь тѣ же слова: „несчастіе" и „не виноватъ"!

Дѣйствительно, Маня постоянно брала подъ свою защиту брата Андрея, который, только числясь при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, постоянно обѣщалъ отцу получить мѣсто при посольствѣ, но покуда дѣлалъ только долги, которые отецъ уплачивалъ. Цифра все росла. Сначала приходилось уплачивать по двѣ и по три тысячи, затѣмъ цифра стала доходить до шести и восьми тысячъ заразъ... Теперь сразу понадобилось двадцать...

Борщовъ взялъ письмо сына, пробѣжалъ его съ презрительной досадой на лицѣ и, не дочитавъ, бросилъ на столъ, ничего не сказавъ. Онъ былъ убѣжденъ, что все это обстоятельное письмо—одна ложь.

Наступило молчаніе и длилось настолько долго, что Маня рѣшилась заговорить первая.

— Что̀ же ты скажешь? Вѣдь нельзя же доводить дѣло до скандала. Надо его спасти. Андрей ухаживаетъ за княжной Бобрищевой и можетъ жениться на ней. А у нея—милліонъ приданаго.

— Все это тоже выдумки, тоже наглая ложь!—холодно отвѣтилъ Борщовъ. — Онъ ухаживаетъ, конечно... только не за княжнами, а за совсѣмъ иными женщинами... Онъ насъ разоритъ... Я не могу, не имѣю права, по отношенію къ его брату

и его сестрамъ... Ну, я подумаю. Это такъ идти не можетъ. Хорошъ сынокъ, котораго надо все спасать да спасать!

Маня на этотъ разъ, замѣтивъ необычное раздраженіе въ отцѣ, предпочла отложить объясненіе и просьбы за брата и вышла.

Вслѣдъ за нею тотчасъ же вошелъ лакей и подалъ на подносѣ французскую газету и письмо.

Борщовъ сердито разорвалъ конвертъ и, прочитавъ письмо, бросилъ его на столъ со словами:

— Ну, это дудки! Ты мнѣ еще долженъ тысячи три уже лѣтъ пять или семь. А теперь я уплачивай еще за тебя въ банкъ. Съ какой стати! Что я вамъ дался? Дойная корова, какъ сказываетъ народъ, грубо, но вѣрно. Этотъ безобразничаетъ, но все-таки родной сынъ, и я волей-неволей обязанъ его спасать. А чужихъ-то людей спасать — съ какой стати? Что я, членъ что-ли „общества спасанія отъ долговъ“? Такого общества нѣтъ и уже, конечно, никогда не будетъ.

Письмо было отъ стараго друга и товарища по полку, Верзилина, просившаго двѣ тысячи взаймы на уплату, очень спѣшную, по залогу имѣнія.

И Борщовъ, спустя два дня, по неволѣ „спасъ“ сына, переведя двадцать-тысячъ чрезъ банкъ, и отвѣтилъ товарищу отказомъ...

Прошло недѣли три, и Борщовъ совершенно успокоился; угнетенное состояніе духа исчезло. Дмитрій былъ на ногахъ, такъ какъ все оказалось сильнымъ гриппомъ, а Андрей написалъ, что все обошлось „слава Богу“. Одновременно случилось нѣчто простое, но радостное... Онъ встрѣтилъ случайно прежняго Лѣвушку, котораго не видалъ съ похоронъ князя Задонскаго. Эта нечаянная встрѣча обрадовала Борщова. Все, что касалось не только близко, но даже издалека, прежней его Нади—было ему дорого. И онъ, конечно, позвалъ Ипатова къ себѣ обѣдать и провести вечеръ, вспоминая...

Прежній Левушка, прожигатель жизни, теперешній пожилой холостякъ, удивилъ Борщова.

Это былъ совершенно иного сорта человѣкъ, какой-то особенно сумрачный. Послѣ обѣда онъ тотчасъ же сталъ говорить на тему: „какая глупость—жизнь“! Ни тѣни фальши или фатовства,—даже напускного, дешеваго байронизма не было въ его рѣчахъ. Голосъ его звучалъ искренно и уныло.

— Было что-нибудь скверное въ вашей жизни?—спросилъ озадаченный Борщовъ.

— Нѣтъ, ничего не было... покуда...—отвѣтилъ Ипатовъ, и слово „покуда" прозвучало иронически.

— Чтò значитъ „покуда"? Вы будто хотите этимъ сказать, что у васъ предчувствіе?..

— Нѣтъ. Но... изрѣдка меня страшно томитъ что-то... чего не назовешь по имени. И я въ эти минуты думаю: люди—маріонетки на веревочкахъ, а жизнь—балаганъ; тотъ же, кто держитъ и дергаетъ за веревочки... Кто онъ?

— Это, Левъ Павловичъ,—инкогнито... Жизнь поэтому любопытная загадка, которую, увы, до сихъ поръ ни одинъ не разрѣшилъ.

— Да... Вы вѣдь фаталистъ... Я и забылъ...

— Извините. Вѣчно слышу это отъ всѣхъ и сержусь. Никогда имъ не былъ. Я—противоположность фаталиста. Я себя назову—ужъ если хотите какой-нибудь терминъ—особымъ словомъ, которое самъ же выдумалъ:—суммистъ.

— Это—не суннитъ?—пошутилъ Ипатовъ, улыбаясь.

— Нѣтъ. Впрочемъ, турки—сунниты, и они же изобрѣтатели фатализма.

— Вы меня, однако, познакомьте съ вашей profession de foi. Это не будетъ метаніемъ бисера,—снова пошутилъ, но не улыбнулся Ипатовъ.

Разумѣется, Борщовъ охотно принялся развивать свою любимую теорію.

Когда онъ кончилъ, Ипатовъ спросилъ холодно:

— Простите за искренность. Вы еще помните... перчатку?

Борщовъ слегка пожалъ плечами и, едва замѣтно вздохнувъ, тихо вымолвилъ:

— Конечно...

— Ну, вотъ... вотъ я вамъ скажу... Очевидно, сегодня такой день выдался, что на меня особый стихъ напалъ. Я—человѣкъ скрытный, а вотъ сейчасъ начну исповѣдоваться. Я прежде относился къ этому случаю съ перчаткой—какъ и всѣ... Воля Божья! Такъ, стало быть, суждено... Суженаго не минешь. А теперь я къ случаю, сильно повліявшему на ваше существованіе, отношусь совсѣмъ иначе.

— Почему?—воскликнулъ Борщовъ, оживившись и будто обрадовавшись.

— Послушайте. Вотъ чтò со мною было,—началъ Ипатовъ угрюмо.—Тому назадъ года три, я собрался жениться по любви. Я любилъ впервые, и меня любила моя избранница. У нея была мамаша, очень элегантная свѣтская дама, говорившая сладкимъ

голосомъ и любившая, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, наряды, выѣзды и даже, изрѣдка, поплясать. Но моя будущая belle maman была въ то же время нравомъ самъ дьяволъ. Кончилось мое жениховство тѣмъ, что она однажды, за обѣдомъ, назвала меня неучемъ, дуракомъ и, кажется, лакеемъ... за то, что я, бравши жаркое съ блюда, бухнулъ кусокъ обратно въ соусъ и забрызгалъ все ея платье. Я отнесся философски ко всему, но, однако, замѣтилъ ей, что благовоспитанность—вещь очень хорошая, и что я ей очень рекомендую ее. Результаты: свадьба разстроилась... Я былъ долго неутѣшенъ. Недѣли три...

— Да... Тоже пустой случай,—сказалъ Борщовъ. Но, видите ли, тутъ дѣло не въ соусѣ, а въ характерѣ барыни, который...

— Согласенъ. Но погодите дѣлать ваши выводы. Это—только предисловіе къ тому, что я хочу вамъ разсказать. Годъ тому назадъ... Слушайте внимательно, Алексѣй Андреевичъ. Дѣло пойдетъ теперь о подражаніи вашей перчаткѣ... Сюжетъ заимствованъ, какъ говорятъ наши передѣлыватели-драматурги. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ одинъ прекрасный петербургскій день, когда утромъ была метель, а вечеромъ шелъ проливной дождь, я выѣхалъ изъ дому на вокзалъ, чтобы отправляться въ Москву... Когда я доѣхалъ, правда, на извозчикѣ и, правда, на скверномъ, и подошелъ къ кассѣ,—расторопный носильщикъ, держа мои вещи въ рукахъ, заявилъ мнѣ любезно, почтительно и съ какимъ-то чрезвычайнымъ удовольствіемъ въ голосѣ и въ лицѣ: „Вы изволите въ Москву? На курьерскій нельзя-съ. Сейчасъ третій звонокъ".—„Какъ третій!—воскликнулъ я.— Врешь ты!"—Но въ то же мгновеніе я самъ услыхалъ звонокъ вдали... и убѣдился, что онъ—третій... Опозданіе на поѣздъ—ощущеніе чрезвычайно странное. Вы испытывали его?

— Нѣтъ,—разсмѣялся Борщовъ.—Или не помню...

— Очень любопытное ощущеніе, если не вызываетъ озлобленія или тревоги... А если ничего важнаго отъ того не произойдетъ, оно даже чрезвычайно юмористическое. Вы ѣдете обратно домой или въ гостинницу, и всѣ, кто узнаётъ о вашемъ приключеніи, улыбаются. Хоть бы одинъ сдѣлалъ серьезное лицо, ради христіанскаго соболѣзнованія, хотя бы ради простой вѣжливости. Одинъ мой пріятель, большой Донъ-Жуанъ, сравнивалъ опозданіе на поѣздъ съ пощечиной, полученной отъ красотки, которую,—мня побѣжденной,—сунулся поцѣловать... Въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ почему-то облизывается... Однако, я отвлекаюсь. Неумѣнье разсказывать. Итакъ, я опоздалъ, вернулся домой, не

солоно хлебавши, и былъ на себя золъ, какъ чортъ. Ругалъ себя за неаккуратность и ротозѣйничество. Ругалъ желѣзнодорожное управленье за аккуратность и точное исполненье предписаннаго. „Дьяволъ выдумалъ неаккуратность! Дьяволъ выдумалъ и аккуратность!"—восклицалъ я... На другой день я пріѣхалъ на вокзалъ, какъ и слѣдовало ожидать, чуть не за часъ... И выѣхалъ... Но это путешествіе отъ Петербурга до Москвы было или стало не простымъ проѣздомъ... Я встрѣтился въ вагонѣ съ дамой... Я услужилъ ей въ Любани... Она, выходя, уронила зонтикъ на рельсы, между платформой и вагонами... Я самъ слазалъ за нимъ. Она волновалась, что я могу быть раздавленъ, если поѣздъ случайно двинется. Я, какъ истинный герой, шутилъ и говорилъ, что умереть для нея, хотя бы ради зонтика,—особое счастье... Разумѣется, я зналъ, что паровозъ отцѣпленъ... Она ѣхала на югъ... Но когда мы, проболтавъ ночью до четырехъ утра, разстались, чтобы спать, она пригласила меня къ себѣ, въ гостинницѣ „Дрезденъ", гдѣ должна была остановиться... Я явился... Она должна была остаться въ Москвѣ сутки, но осталась... Осталась, Алексѣй Андреевичъ, недѣлю, телеграфируя мужу, что заболѣла въ дорогѣ и лежитъ въ постели. Я самъ сочинялъ всѣ депеши о болѣзни, объ ухудшеніи, потомъ—объ улучшеніи, потомъ — о выѣздѣ... Черезъ мѣсяцъ я былъ въ Одессѣ, въ которой думалъ никогда въ жизни не бывать... Теперь мы мечтаемъ о разводѣ ея. Но дѣло это страшно мудреное. Милый муженекъ—и бревно, и звѣрь вмѣстѣ. Она же, вотъ уже три года,—самое дорогое для меня существо на бѣломъ свѣтѣ... И если мы не добьемся развода мирнымъ образомъ, то придется бѣжать... хоть въ Америку, чтобы обрѣсти полное счастье... Ну-съ, вотъ и разсудите. Развѣ это хуже вашей перчатки?

— Нѣтъ,—улыбнулся Борщовъ.—Все то же.

— Извините. Вдвое удивительнѣе. Все мое существованіе висѣло на волоскѣ отъ соуса, а затѣмъ—отъ сквернаго ваньки. Но только все вышло наоборотъ, чѣмъ въ вашей жизни. Я благословляю небеса, на коихъ было написано: „Быть шлепку куска говядины въ соусъ и быть клячѣ въ извозчичьей пролеткѣ для того, чтобы соусъ и кляча сдѣлали Льва Ипатова счастливымъ человѣкомъ"-

— Вѣрно. Но нашъ разговоръ начался не съ того. Вы начали, говоря, что вамъ скучно и у васъ бываютъ минуты страшной хандры. Какъ же согласовать вашу глубокую привязанность съ вашей хандрой?

— Я и самъ не знаю!—воскликнулъ Ипатовъ, нервно ожив-

ляясь.—Я страстно люблю Marie... Чуть не назвалъ ее по фамиліи... Я надѣюсь, что мы все-таки добьемся развода и будемъ спокойны... А счастливы мы уже давно! Однако, изрѣдка меня беретъ тоска, будущее мнѣ представляется какимъ-то безотраднымъ... Мнѣ кто-то шепчетъ, что не стòитъ жить, что всякое существованіе—чепуха.

— Загадка, а не чепуха, вторично докладываю вамъ,—вздохнулъ Борщовъ.

— Однако, загадка, которую нельзя разгадать. Слѣдовательно, извините,—вы злоупотребляете терминомъ.

Борщовъ помолчалъ, и затѣмъ нѣсколько докторально заговорилъ:

— Даровитый ученый назвалъ жизнь борьбой за существованіе. Это вѣрно. Но это относитъ онъ и къ людямъ, и къ звѣрямъ, и даже къ растеніямъ. Будемъ говорить только о людяхъ, человѣкахъ... Я смотрю на жизнь по-своему... Человѣческое существованіе слагается. Это, предположимъ, цѣпочка со звеньями большими и малыми... Ежедневно, даже ежеминутно, мы прибавляемъ къ этой цѣпи новое звено... Оно вырабатывается тремя дѣятелями или, какъ стали недавно выражаться, факторами... Первый факторъ—я самъ—и самый слабый; второй факторъ, много сильнѣйшій—это вы или они... то-есть, люди, человѣки, меня окружающіе. Третій факторъ—самый могущественный, предъ которымъ и я, и они, мало что̀ можемъ. Имя ему—случай. И вотъ я, они, плюсъ случай—дѣлаемъ звенья этой цѣпи или мою жизнь. И какъ бы человѣкъ ни былъ энергиченъ, даровитъ, силенъ духомъ, онъ все-таки чуть не игрушка у случая. Двѣ дамы подъ густыми вуалями—госпожа удача и госпожа незадача, на которыхъ мы постоянно пеняемъ,—ни въ чемъ не бываютъ виновны. Онѣ тоже въ услуженьѣ у случая. А вотъ онъ, „иксъ“, таинственный незнакомецъ, невѣдомый красавецъ и уродъ—владыка міра и ужъ во всякомъ случаѣ повелитель на нашей планетѣ.

— Но во всякомъ случаѣ случай поступаетъ случайно!—пошутилъ Ипатовъ.—Безъ умысла! И за то спасибо... Вы назвали себя вашимъ самодѣльнымъ словомъ: суммистъ. Честь имѣю вамъ заявить, что я — прозелитъ. Я обращенъ вами въ суммизмъ... Ну, а теперь скажу... поздній часъ, дальнее разстояніе и усталость образуютъ сумму—желаніе васъ покинуть... До свиданія.

Чрезъ два дня послѣ Ипатова, явился къ Борщову его хорошій знакомый, чтобы подтвердить ихъ бесѣду объ „иксѣ“. Это

былъ предводитель дворянства губерніи, гдѣ находилось главнѣйшее имѣніе Борщова. Послѣ всякихъ новостей изъ края, предводитель вдругъ вспомнилъ.

— А Верзилинъ-то нашъ. А?.. Слышали?

— Что̀? — оторопѣлъ Борщовъ, будто предчувствуя худую вѣсть.

— Да вѣдь онъ—скоро мѣсяцъ, какъ приказалъ долго жить.

— Какимъ образомъ? Что̀ такое?—вскрикнулъ Борщовъ.

— Утонулъ.

— Какъ утонулъ?! Купался?

— Богъ съ вами! Какое же купанье теперь! А преглупое приключеніе. Выѣхалъ онъ изъ своего имѣнія въ сильную оттепель и переѣзжалъ чрезъ рѣчонку совсѣмъ дрянную, которую лѣтомъ куры вбродъ переходятъ... Проломился ледъ... Лошади съ санями выскочили, и кучеръ только покупался, а Верзилина вышибло изъ саней—и, должно быть, сильно—и подъ льдину!.. Какъ? Что̀? Невѣдомо и понять нельзя. Кучеръ объясняетъ все нечистой силой,—настолько мудрено было, по его мнѣнію, утонуть. Но, однако, такъ ли, сякъ ли, а вотъ... царство небесное...

Борщовъ перекрестился и печально задумался.

Чрезъ нѣсколько дней онъ былъ, однако, пораженъ подробностями о смерти друга. Онъ получилъ письмо отъ вдовы Верзилиной, въ которомъ она сообщала ему о несчастномъ случаѣ съ мужемъ...

Одна мелочь, упоминаемая ею, для нея самой, очевидно, не имѣла никакого значенія, но для Борщова получала огромный и тяжелый смыслъ. Онъ узналъ, по какой причинѣ погибъ Верзилинъ. Онъ выѣхалъ изъ имѣнія въ городъ въ полную распутицу, ради неотложной уплаты въ банкъ. Ѣхать было весьма опасно, а поручить дѣло некому, ибо наличныхъ денегъ дома не оказывалось, и приходилось прежде занять ихъ въ городѣ, у знакомаго купца.

Борщовъ вспомнилъ письмо друга и ахнулъ. Сразу горькое чувство сказалось на душѣ.

— Ну, а это что̀ же такое? — грустно заговорилъ онъ съ собой.—Это уже прямо... Не случай. Нѣтъ. Я его убилъ. Утопилъ. Я, и я одинъ. Одолжи я денегъ во̀-время,—онъ не поѣхалъ бы въ городъ, а послалъ бы ихъ.

— А отчего я не далъ ихъ? Не помню... Кажется, потому, что̀ тогда пришло и письмо сына объ его исторіи. Оно обозлило

меня. Да. Такъ. И вотъ сынъ виноватъ, что я... Нѣтъ. Я виноватъ—нечего ссылаться. Не сынъ, и даже не иксъ, а я одинъ!

И онъ печально поникъ головой.

Наступали рождественскіе праздники. Оживленіе на московскихъ улицахъ усилилось. Увеличилось количество праздныхъ людей, но увеличилась работа и у занятыхъ людей. У свѣтской молодой дѣвушки, равно любившей и мазурку, и политическую экономію, дѣла было по горло. Обыкновенно предъ праздниками Рождества и Пасхи, Маня объѣзжала разныхъ своихъ бѣдныхъ, снабжая ихъ лично и деньгами, и платьемъ, и провизіей. Приходилось дѣлать большіе концы.

Въ сочельникъ и Рождество она наконецъ отдохнула, побывавъ только въ церкви. Затѣмъ началось другое мыканье—визиты. Зато по вечерамъ начиналась усиленная, какъ она называла, „полотёрная работа", которую она любила однако.

И однажды подъ Новый годъ, поѣхавъ на большой балъ, Маня уже вернулась домой около двухъ часовъ ночи. Борщовъ всегда дожидался ея возвращенія и говорилъ съ нею, но на особый ладъ. Онъ требовалъ, чтобы она подходила къ двери его спальни и стучалась. Онъ просыпался, давалъ ей нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, а затѣмъ отпускалъ словами:

— Ну, Христосъ съ тобой. Иди спать...

И онъ засыпалъ спокойнѣе и крѣпче, зная, что дочь уже дома.

На этотъ разъ Маня, вернувшись съ бала и постучавшись, на его вопросъ: „Чтò?"—отвѣчала страннымъ голосомъ:

— Новость только одна, папà. Я почти не танцовала и уѣхала до котильона. У меня страшно болитъ голова.

— Отчего? Чтò такое? Угорѣла?

— Вѣроятно. Хотя негдѣ было.

— Понюхай нашатырю... Да засыпай скорѣе... — сказалъ онъ.

— Да... До свиданья.

— До свиданья. Христосъ съ тобой!

И Борщовъ, поворчавъ себѣ подъ носъ о томъ, что русская прислуга „отчаянная", что истопника Кузьму, вѣчно закрывающаго печи вьюшками раньше времени, надо прогнать,—заснулъ...

На утро, поднявшись какъ всегда, довольно рано и напившись чаю, онъ справился о дочери, и узналъ, что она еще

не вставала. Прошелъ еще часъ, и младшая дочь Додя явилась къ отцу со словами:

— Папа̀, прикажите Манѣ не вставать. Она одѣвается, а у нея такое нехорошее лицо, что ей лучше остаться въ постели.

— Что̀ такое?

— Голова болитъ... Еще вчера, говоритъ, болѣла... И всю ночь. А теперь, говоритъ, еще хуже.

Борщовъ тотчасъ направился къ дочери и, найдя ее почти одѣтой, сразу встревожился, при видѣ лица и въ особенности взгляда красивыхъ глазъ Мани. Онъ тронулъ рукой ея голову и воскликнулъ:

— Да у тебя жаръ. И сильный жаръ...

— Да. И такъ болитъ, такъ болитъ... голова,—глухо отвѣтила дѣвушка почти не своимъ голосомъ.

Борщовъ засуетился.

— Въ постель! Въ постель! И сейчасъ послать за Петромъ Иванычемъ. Это навѣрное простуда, и сильная...

Чрезъ часъ, когда Маня лежала въ постели молча и съ закрытыми глазами, хотя не спала, а тихо охала по временамъ, явился Петръ Иванычъ, то-есть домашній докторъ и даже другъ. Онъ тоже заявилъ, что у больной сильнѣйшій жаръ, а затѣмъ и пульсъ, конечно, соотвѣтственный, совсѣмъ нехорошій, и что надо класть ледъ на голову.

— Завтра, надо надѣяться, картина болѣзни будетъ яснѣе. А теперь ничего еще сказать нельзя,—объяснилъ онъ.—Однако, я вечеромъ заѣду все-таки.

Вечеромъ Петръ Иванычъ явился вновь и могъ говорить только съ нянюшкой и съ Додей, не отходившими отъ больной ни на минуту, такъ какъ сама она была въ полу-бреду, и отвѣтивъ дѣльно на одинъ вопросъ, на другой отвѣчала безсмыслицу...

На вопросъ, стучитъ ли у нея въ головѣ, она отвѣчала:

— Красная... Все бѣжитъ... Бѣжитъ...

Петръ Иванычъ струсилъ. Но струсивши, онъ окончательно не зналъ, что̀ дѣлать.

„Одно спасенье... антипиринъ или фенацетинъ и пожалуй это... Ахъ, какъ его... Вчера говорилъ профессоръ... Новое. Совсѣмъ новое“...

Прописавъ три рецепта и наказавъ класть побольше и почаще ледъ на голову, докторъ пояснилъ присутствовавшему Борщову, что болѣзнь молодой дѣвушки не выясняется, сложна. Начало воспаленія, по всей вѣроятности, и начало бурное... Хуже

не будетъ. Надо ждать на завтра „разрѣшенія“, и во всякомъ случаѣ „картина выяснится“.

— Но все-таки я буду просить васъ сдѣлать консиліумъ... Я одинъ на себя отвѣтственность брать не хочу!—заявилъ онъ.

— Разумѣется!—воскликнулъ Борщовъ.

Консиліумъ двухъ приглашенныхъ врачей—одного какъ спеціалиста по внутреннимъ болѣзнямъ, другого какъ знаменитость—долженъ былъ состояться днемъ или въ началѣ вечера. Но знаменитость опоздала и явилась уже около полуночи.

Больная была въ полномъ безпамятствѣ. Доктора̀ ее освидѣтельствовали на всѣ лады, затѣмъ ушли въ гостиную на совѣщаніе и, къ ихъ собственному непріятному сюрпризу, оказались трехъ различныхъ мнѣній. Разумѣется, докторъ домашній и профессоръ присоединились тотчасъ къ мнѣнію знаменитости, которая заявила, что у молодой дѣвушки не какая-либо простуда, а инфекціонная болѣзнь. Что̀?—покажетъ завтрашній день. А покуда знаменитость одобрила все предписанное домашнимъ врачомъ.

И доктора̀, перемолвившись о новомъ назначеніи новаго декана факультета, поднялись. Знаменитость обѣщала пріѣхать снова на другое утро и безъ опозданія, потому что казусъ серьезенъ, и прибавила коллегамъ, что не слѣдъ врачамъ подражать русскимъ желѣзнодорожнымъ поѣздамъ. Коллеги подобострастными улыбками отвѣчали на остроту.

Уѣзжая и получивъ отъ Борщова въ руку очень большой кредитный билетъ, знаменитость сунула его въ карманъ панталонъ, гдѣ было уже нѣсколько его предшественниковъ.

Видя совершенно растерянное лицо и вообще состояніе духа потерявшагося отца, знаменитость благосклонно замѣтила:

— Не надо отчаяваться... Бурно, очень бурно... Натискъ... Вотъ какъ въ природѣ—ураганъ. Но не надо пугаться. Прямой опасности теперь предвидѣть не слѣдуетъ... Обойдется... Молодость, силы... Натура возьметъ свое.

Но Борщовъ, не будучи медикомъ, но будучи роднымъ отцомъ, зналъ и понималъ въ данномъ случаѣ больше знаменитости. Онъ тоже не зналъ, что̀ у дочери, но уже зналъ, чувствовалъ, что она безнадежна. Почему?! Предчувствіе? Нѣтъ. А простое твердое убѣжденіе. Ему, родному отцу, что-то въ немъ самомъ сказало ясно, громко и рѣшительно:

— Маня умираетъ!

На утро, когда знаменитость явилась, Борщовъ, не спавшій ночь, а просидѣвшій около больной, которая бредила и металась

въ постели безъ конца, уже не обратилъ на посѣщеніе врача никакого вниманія.

Онъ былъ раздавленъ и ни о чемъ не думалъ. Что-то сильно мучило его. Что-то сказывалось будто легкой болью въ немъ самомъ. И онъ не сознавалъ, что это былъ просто голодъ, такъ какъ онъ третьи сутки не бралъ почти ничего въ ротъ, а на всѣ напоминанія младшей дочери отвѣчалъ разсѣянно:

— Да... да... хорошо. Да.

Знаменитость съ помощью Петра Иваныча снова осмотрѣла больную. И оба медика, простой, маленькій, и большой, прославленный, даже пресловутый—сразу опредѣлили болѣзнь.

— Скарлатина. Но... сильнѣйше застуженная. Случай болѣе чѣмъ серьезный.

Борщову врачи не сказали ничего. Самъ онъ у нихъ ничего не спросилъ. Это было и ненужно. Онъ уже давно зналъ главное—чего ждать.

Среди дня Маня вдругъ пришла въ себя и слабо заговорила, позвала сестру, захотѣла видѣть отца и брата.

— Мнѣ очень, очень нехорошо. Я очень больна... Спала, а не лучше... Такъ нельзя. Пошлите за докторомъ.

Борщовъ не двинулся, промолчалъ и опустилъ глаза. Додя заплакала. Братъ отошелъ, сдерживаясь... Больная молча долго смотрѣла на отца и сестру яркими глазами, будто снова собираясь сказать имъ что-то, но вдругъ прошептала:

— Ахъ, зачѣмъ же это... Еще хуже... Оторвалось... Теперь будетъ еще...

Чрезъ мгновенье она жалобно вскрикнула, взмахнула руками, потомъ уронила ихъ вдоль туловища—и стихла совсѣмъ...

На панихидахъ, а затѣмъ на похоронахъ, было много толковъ о томъ, что у одной бѣдной мѣщанки, которую предъ праздниками посѣтила Маня Борщова, всѣ дѣти находились въ скарлатинѣ.

— Voilà!—грозно заявила княгиня Зетъ.—Вотъ вамъ ваши благотворительности!

Додя не была на похоронахъ сестры, а лежала въ постели, тоже въ жару и въ бреду. Убитый горемъ Борщовъ безсознательно относился ко всему и ко всѣмъ. Однако онъ зналъ и понималъ, что младшая дочь больна „такъ же", но не безпокоился. Онъ какъ будто зналъ лучше врачей, что Додя будетъ жива.

Про смерть всѣмъ милой двадцатилѣтней красавицы-дѣвушки одинъ большой эгоистъ говорилъ:

— Знаете чтò? Даже вчужѣ страшно... этакое.

V.

Шелъ 1878-ой годъ... Была зима.

Въ московскомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ было свѣтло и шумно. Окна сіяли на улицу, а площадь была покрыта и затѣснена рядами каретъ. У князя Долгорукова былъ балъ, и на немъ — вся Москва. На этотъ разъ съѣхались почти всѣ приглашенные. Даже нѣкоторые старые люди, переставшіе ѣздить на балы, и тѣ не полѣнились.

Для всякаго москвича оказался на этомъ балѣ своего рода магнитъ. Дня за три передъ тѣмъ, въ Москвѣ появился и долженъ былъ присутствовать на этомъ балѣ уроженецъ Москвы, хорошо всѣмъ извѣстный съ дѣтства, теперь полковникъ и флигель-адъютантъ.

Если молодой полковникъ сталъ магнитомъ для москвичей, то потому, что былъ героемъ только-что окончившейся турецкой войны. Онъ былъ почти знаменитостью, благодаря своимъ подвигамъ при взятіи Плевны, а затѣмъ, послѣ перехода Балканъ, въ корпусѣ Радецкаго первый двинулся въ Адріанополь и — какъ прибавляли шутники — „взялъ Константинополь и сейчасъ же отдалъ его обратно султану, извиняясь и прося ничего не сказывать Бисмарку“.

Въ Россіи, а въ особенности въ Москвѣ, про него не только ходили анекдоты въ доказательство его отваги и даже дерзости въ бояхъ, но слагались уже легенды. Ему приписывались такія дѣянія, которыхъ онъ не совершалъ и которыя заимствовали и передѣлывали изъ эпохи отечественной войны.

И вотъ теперь симпатичный, красивый тридцатилѣтній полковникъ, которому прочили въ эту же зиму стать генераломъ, котораго москвичи видѣли и ребенкомъ, и юношей, сталъ, конечно, для всѣхъ притягательной силой.

Еще до бала многіе старики и старухи, никогда его не видавшіе, такъ какъ поселились въ Москвѣ позднѣе, увѣряли, что когда онъ родился, они его на руки брали.

Этотъ герой былъ князь Юрій Задонскій.

Около полуночи, когда балъ уже былъ въ полномъ разгарѣ, къ дому подъѣхалъ и медленно поднялся по большой лѣстницѣ старый, но довольно бодрый человѣкъ съ сильной сѣдиной въ головѣ и въ бородѣ. Въ этотъ вечеръ ему немного нездоровилось, и онъ, отпустивъ дочь, самъ не собирался ѣхать на балъ,

но въ послѣднюю минуту, уже поздно, рѣшился, надѣлъ фракъ съ двумя звѣздами и двинулся.

— Нельзя! Надо быть непремѣнно!—рѣшилъ онъ.—Надо его поглядѣть. Кому же и поглядѣть, какъ не мнѣ? Кому въ Москвѣ можетъ онъ быть столь же интересенъ, какъ мнѣ? Повернись моя судьба иначе изъ-за пустяка, этотъ герой, благодаря которому выиграны два серьезныхъ сраженія, личность котораго отчасти повліяла на успѣхъ всей кампаніи... онъ, вѣрно можно сказать, никогда бы и на свѣтъ не родился.

Разсуждавшій такъ былъ Алексѣй Андреевичъ Борщовъ.

Найдя хозяина-князя въ первой комнатѣ между залой и гостиной, именующейся балконной комнатой, Борщовъ поздоровался съ нимъ, перемолвился и, войдя въ залъ, остановился у стѣны близъ колоннъ—посмотрѣть на танцующихъ. Онъ любилъ этотъ залъ, гдѣ, въ качествѣ москвича, когда-то еще очень молодымъ тоже много танцовалъ. Онъ даже хорошо помнилъ на этомъ балѣ могучую и рослую фигуру императора Николая I, ибо въ честь его именно тогдашній московскій сатрапъ, графъ Закревскій, давалъ блестящій балъ, на который явились гости даже изъ ближайшихъ къ Москвѣ губернскихъ городовъ, сдѣлавъ по четыреста верстъ на лошадяхъ, ради трехъ часовъ... Старикъ подъ семьдесятъ лѣтъ сталъ невольно вызывать образы и дѣла давно минувшаго, и, конечно, вспомнилъ и о тѣхъ многихъ, кто здѣсь кружился и смѣялся, а теперь уже давно и даже очень давно смолкъ и успокоился на вѣки.

Сирота и воспитанница у чужихъ, Анюта, ставшая его женой, веселилась здѣсь когда-то... А затѣмъ и его бѣдная и милая Маня тоже блистала здѣсь, не чуя, что погибнетъ жертвой своего добраго сердца и во цвѣтѣ лѣтъ.

Второй сынъ его Митя, отчаянный вальсёръ, любимый кавалеръ молодыхъ дѣвушекъ, видный женихъ, симпатичнѣйшій малый, какіе когда-либо рождаются на свѣтъ, былъ тоже теперь въ лучшемъ мірѣ, подточенный унаслѣдованною отъ матери злою чахоткою. Зато его старшій сынъ Андрей былъ живъ, женатъ и взялъ очень большое состояніе за петербургской княжной. Но теперь, промотавъ все состояніе жены и все то, что получилъ при женитьбѣ отъ отца, онъ пребывалъ невѣдомо гдѣ. Изрѣдка соотечественники видѣли его въ Монте-Карло, но въ ужасномъ, какъ говорили они, видѣ, худого, сумрачнаго, почти плохо одѣтаго, даже съ какой-то сомнительной внѣшностью.

Жена его, банально и даже вульгарно красивая женщина, пребывала въ Парижѣ, была очень извѣстна въ полусвѣтѣ, ти-

туловалась всѣми знакомыми, да и сама себя называла „comtesse de Borstchoff“. Щеголяя самыми замѣчательными нарядами, обладая массой бриллiантовъ, она тратила безумныя деньги, буквально швыряла ими, субсидируя даже одну бульварную газету, воспѣвавшую ея прiемы и туалеты. Деньги эти были происхожденiемъ изъ Чикаго. Обладатель и поставщикъ долларовъ былъ человѣкъ-автоматъ, отчасти типичный янки, крайне практичный и замѣчательно глуповатый во всемъ, что̀ было не предпрiятiями и наживой.

Въ жизни Борщова смерть жены, дочери и сына и позорное существованiе старшаго, даже извѣстность въ Парижѣ молодой женщины, носившей его имя, были, конечно, тяжелыми испытанiями. Оставалась въ утѣшенiе одна младшая дочь, которая была съ нимъ и теперь выѣзжала въ свѣтъ уже второй годъ.

Когда-то веселый и жизнерадостный, Борщовъ теперь былъ человѣкомъ съ унылымъ взглядомъ, съ лицомъ зачастую черезчуръ задумчивымъ. Оживлялся онъ только оставаясь наединѣ и бесѣдуя съ дочерью, которую обожалъ. Теперь всѣ его мысли да и занятiя сосредоточивались на томъ, чтобы у любимицы Доди составилось крупное состоянiе.

И дѣйствительно, теперь у молодой Борщовой было очень большое приданое. Она была первой невѣстой Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, и самой красивой дѣвушкой своей среды, напоминавшей всѣмъ красавицу Маню.

За два года, конечно, у Доди Борщовой было уже пятьшесть претендентовъ на руку, въ числѣ коихъ два кирасира изъ Петербурга.

Невскiе гвардейцы, по традицiи, испоконъ вѣка и до нашихъ дней, зачастую не долго прослуживъ въ гвардiи и быстро ухнувъ собственное, иногда очень большое состоянiе, являются въ Москву за приданницами, чтобы снова навести на свою особу и свое общественное положенiе нѣкоторый лакъ или, какъ говорятъ французы, „redorer le blason“.

Борщовъ стоялъ въ залѣ у стѣны близъ колоннъ и, задумавшись, никуда не смотрѣлъ, никого не видѣлъ и не узнавалъ. Grand rond и послѣ кадрили и громкiй голосъ дирижера, князя У—ва, вывелъ его изъ задумчивости, и, разумѣется, онъ сталъ искать глазами свою дочь, которая прiѣхала на балъ на цѣлый часъ раньше его, со старушкой, дальней родственницей, исправлявшей должность ея chaperon, и которую, изъ приличiя, Додя называла „ma tante“.

Когда мимо него задвигалась и шла цѣпь кавалеровъ и дамъ, онъ наконецъ увидалъ дочь, а около нея—молодцоватаго, красиваго военнаго со свѣтлымъ, улыбающимся, чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ.

Новая фигура въ Москвѣ, что-то знакомое въ чертахъ лица, а главное, конечно, мундиръ флигель-адъютанта заставили Борщова тотчасъ же догадаться.

— Онъ!.. — вслухъ произнесъ Борщовъ. — Конечно, Задонскій! Какъ люди мѣняются!

И, начавъ вспоминать, Борщовъ припомнилъ, что видѣлъ мальчика на похоронахъ князя, давно тому назадъ. Мальчикъ былъ бѣлокурый, съ круглымъ лицомъ и казался глуповатымъ, а глаза были странные. Впрочемъ, они были тогда красные отъ слезъ, а лицо было вѣрнѣе растерянно-испуганнымъ, чѣмъ просто глупымъ.

Присмотрѣвшись, Борщовъ вполнѣ убѣдился, что съ дочерью танцуетъ именно тотъ герой войны, изъ-за котораго многіе пріѣхали на балъ; но такъ какъ въ залѣ оказалось еще два флигель-адъютанта, то онъ спросилъ у ближайшихъ, и узналъ, что угадалъ вѣрно.

— А вѣдь и впрямь молодецъ! — сказалъ кто-то. — Вѣдь, право, видно, что храбрецъ. Посмотришь на его два Георгія, а потомъ на лицо, и сразу поймешь, что кресты на мѣстѣ. Не зря попали на грудь. Мнѣ сейчасъ разсказывала про него сама княгиня, что сынъ ея даже...

— Княгиня?! Его мать?!—вскрикнулъ Борщовъ.—Развѣ она въ Москвѣ?

— Не только въ Москвѣ, а даже и здѣсь, въ гостиной. Сейчасъ пріѣхала...

Борщовъ встрепенулся, странно перевелъ дыханіе, такъ какъ въ груди что-то прошло волной, и двинулся изъ залы.

„Увидѣться вдругъ... сейчасъ?!.. Послѣ столькихъ лѣтъ... Послѣ всего, что было!..—думалось ему.—Боже мой, какъ время летитъ! И все-таки и теперь скажу: какъ все это было странно!.. И совершенно просто, и совершенно непросто... А какія послѣдствія—у меня! Вмѣсто цѣлой семьи—одна дочь!..“

Борщовъ вошелъ въ большую гостиную, гдѣ было до полусотни дамъ и мужчинъ, все болѣе пожилыхъ; генералы, статскіе со звѣздами и дамы, извѣстныя въ городѣ по своему положенію или по своей благотворительской дѣятельности.

Самъ князь Долгоруковъ бродилъ здѣсь и, по своему обычаю, поочередно бесѣдовалъ съ гостями, чтобы каждому сказать что-нибудь пріятное, часто сердечное...

Борщовъ медленно и не спѣша окинулъ взоромъ всѣхъ разбившихся на три большія группы и сталъ искать глазами ту, которая когда-то давно называлась Надей Ипатовой. Тутъ были ему знакомыя дамы, даже близко знакомыя, были незнакомыя лично, но изрѣдка встрѣчаемыя на особенно большихъ балахъ и оффиціальныхъ обѣдахъ; были три-четыре дамы, изъ новыхъ, совсѣмъ ему незнакомыя, такъ какъ онъ все рѣже появлялся въ свѣтѣ. Но княгини Задонской между ними не оказалось.

Борщовъ прошелъ въ дальнюю маленькую гостиную, но и въ ней, среди четырехъ дамъ, двухъ генераловъ и двухъ извѣстныхъ въ Москвѣ почетныхъ опекуновъ, онъ не нашелъ княгини. Поздоровавшись съ ближайшими, перемолвившись, онъ освободился и быстро, снова пройдя гостиную, рѣшилъ идти въ комнату, гдѣ играли въ карты.

Онъ шелъ уже быстрѣе, озабоченный, нетерпѣливый, и въ дверяхъ чуть не столкнулся со старушкой-дамой, которая тихо и слегка согнувшись входила въ гостиную. Онъ извинился, посторонился и, пропуская ее мимо себя, подумалъ:

„Тоже изъ новыхъ москвичекъ! Но какъ будто когда-то гдѣ-то видѣлъ“...

Въ игорной комнатѣ оказались одни мужчины.

„Не сочинилъ ли онъ?—подумалось Борщову.—Можетъ быть, княгини и въ Москвѣ нѣтъ, не только что здѣсь на балѣ“.

И онъ уже медленно, досадливо снова двинулся въ залу, гдѣ начался вальсъ. Онъ хотѣлъ найти дочь и спросить ее. Она, танцовавшая съ Задонскимъ, должна была лучше другихъ знать, въ Москвѣ ли княгиня.

„Во всякомъ случаѣ скажу Додѣ,—подумалъ Борщовъ,—чтобы она меня съ нимъ познакомила. Интересно его поближе поглядѣть. Ему и въ Парижѣ сдѣлали цѣлую овацію и кричали: „vive la Russie“! И, повысивъ въ чинѣ, кричали: „vive le général“!

Но едва Борщовъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ бальный буфетъ, онъ увидѣлъ князя Задонскаго, который велъ подъ руку его дочь изъ залы въ гостиную. Онъ хотѣлъ догнать, окликнуть дочь, но молодые люди, весело болтая и смѣясь, быстро прошли въ гостиную.

Когда онъ, слѣдуя за ними, очутился въ дверяхъ, то увидѣлъ, что князь подвелъ его дочь къ сидящей старушкѣ, оче-

видно, представляя ее. Додя очень низко присѣла, старушка чопорно протянула ей руку, но затѣмъ, переспросивъ что-то у сына, будто вдругъ встрепенулась, сразу встала съ мѣста и, цѣлуя, обняла молодую дѣвушку.

Борщовъ, поглядѣвъ пристальнѣе, узналъ ту самую старушку, которую, за нѣсколько мгновеній назадъ, чуть не толкнулъ въ дверяхъ.

„Неужели это...?!—мысленно ахнулъ онъ.—Неужели это Надя Ипатова?! Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Та давно перестала существовать и осталась въ моемъ воображеніи. Это—княгиня Задонская, которой немного болѣе пятидесяти лѣтъ. А на видъ чуть не семьдесятъ. А горя не было, какъ у меня. Была только потеря мужа, человѣка, за котораго она пошла замужъ противъ воли, почти насильно, обливаясь слезами. Да, она плакала украдкой и подъ вѣнцомъ. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, отчаянно рыдала на всю церковь у его гроба“.

Мысли эти, какъ бываетъ, меньше чѣмъ въ одну секунду промелькнули въ головѣ Борщова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ былъ уже около дочери, старушки и офицера. Теперь онъ уже вѣрно зналъ, что передъ нимъ дѣйствительно княгиня Задонская, но у этой княгини только глаза принадлежатъ Надѣ Ипатовой.

Онъ приблизился, поклонился. Княгиня сразу узнала его, или догадалась, благодаря тому, что молодая дѣвушка, взявъ этого старика фамильярно за рукавъ, вымолвила:

— Ну, а вотъ, княгиня... Узнаете или нѣтъ?

— Конечно!—воскликнула она.—Мы были такіе друзья, что мнѣ грѣшно бы было не признать тотчасъ Алексѣя Андреевича.

Княгиня, очевидно, не знала, что, за нѣсколько мгновеній предъ тѣмъ, столкнулась съ Борщовымъ въ дверяхъ, причемъ они одинаково не признали другъ друга. Она тотчасъ же представила Борщову сына. Обмѣнявшись нѣсколькими фразами со старикомъ, Задонскій снова подалъ руку молодой дѣвушкѣ и повелъ ее въ танцовальный залъ.

Борщовъ сѣлъ около княгини, смотрѣлъ на нее, и какое-то чрезвычайно хорошее чувство ярко сказывалось на душѣ. Чувство было такое, какія ощущаются очень рѣдко. Оно было именно хорошее, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ было положительно грустное. Почему—онъ самъ не зналъ. Сожалѣніе о прошломъ или иное что—разобраться было мудрено.

— Очень я перемѣнилась?—спросила княгиня.

— Да-а!—протянулъ Борщовъ.—Если хотите, и да, и нѣтъ.

Вы перемѣнились страшно для тѣхъ, кто зналъ васъ Надей Ипатовой и съ той поры почти не видѣлъ васъ, а для другихъ, быть можетъ, вы и не очень перемѣнились.

— Нѣтъ, Алексѣй Андреевичъ, я знаю, что я гораздо старше на видъ, чѣмъ могла бы быть. Вѣдь мнѣ можно дать семьдесять. Я стала опускаться съ того дня, который сдѣлался въ моей жизни Рубикономъ. До него все было свѣтло, послѣ него— сумерки. И только вотъ за послѣдніе года, благодаря сыну, я еще немножко бодрѣе себя чувствую, изрѣдка опять стараюсь смотрѣть на Божій міръ повеселѣе. И одинъ сынъ меня еще удерживаетъ на этомъ свѣтѣ.

— Да, вы счастливы, княгиня! Вашъ сынъ—наша слава.

— Да, да! Но это что же? Это все пустое... Мишура! И потомъ эта слава слишкомъ дорого далась мнѣ.

Борщовъ вопросительно, даже нѣсколько удивленно посмотрѣлъ княгинѣ въ лицо. Она поняла и продолжала:

— Подумайте, какіе дни переживала я во все время турецкой войны!

— Ахъ, да, конечно... Понимаю!

— За это время я, быть можетъ, опять сильно постарѣла. Каждый день, каждый часъ ожидать письма или ожидать депеши... Ужасные дни! Читать газеты, извѣстія съ войны я любила, а вмѣстѣ съ тѣмъ, читая что-либо о новомъ подвигѣ моего сына, я вдругъ заливалась слезами... Вы думаете, слезами радости? Нѣтъ! Мнѣ представлялось, что черезъ день-два, черезъ недѣлю, я въ той же газетѣ прочту нѣчто ужасное о немъ, или увижу его имя въ черной рамкѣ... И я молила Бога, что если ему суждено быть убитымъ, то чтобы мнѣ хоть бы за день впередъ умереть. Да, это было ужасное время! Какъ теперь помню выраженіе въ газетахъ, повторявшееся не разъ. Говоря о сынѣ, прибавляли: „причемъ князь Задонскій уцѣлѣлъ будто чудомъ". Это значило: „былъ на волосъ отъ смерти". Эти слова были для меня острымъ ножомъ. Я будто чувствовала въ тѣлѣ рану, я чувствовала, какъ кровь лилась... И послѣ чтенія чего-либо, что приводило въ восторгъ всѣхъ моихъ друзей, я только плакала.

— Зато теперь, княгиня... теперь!..

— Да, теперь я счастлива! Теперь у меня лишь одна мечта— поскорѣе женить его, убѣдить выйти въ отставку, а самой ужъ, конечно, собраться туда, гдѣ меня ждетъ уже давно мой мужъ.

Борщовъ присмотрѣлся къ лицу Задонской и невольно вздохнулъ:

„Да,—подумалось ему,—вотъ я не жалѣю мою жену, какъ она жалѣетъ его. А я женился по собственной волѣ“.

Наступило краткое молчаніе.

— Да, вамъ тоже Богъ послалъ испытаніе!—заговорила княгиня.—Я часто вспоминала о васъ, сочувствовала вамъ. Вѣдь когда-то мы были большіе друзья.

— Да, княгиня, большіе... Но все-таки друзья... ce n'est pas le mot!

Борщовъ уныло улыбнулся и продолжалъ:

— Я на этотъ счетъ удивительный или исключительный человѣкъ... И теперь еще, послѣ стольких лѣтъ существованія, тѣ минуты, тотъ разговоръ, который происходилъ между нами у балконной двери вашей гостиной, я такъ живо помню, какъ еслибы все произошло годъ назадъ. И не только помню,—я и чувствую все это такъ же ясно и такъ же глубоко... Простите. Теперь объ этомъ говорить прямо—можно.

— Нѣтъ, Алексѣй Андреевичъ!—тихо отозвалась княгиня.—Нѣтъ, не надо говорить, такъ какъ теперь не знаешь и не можешь рѣшить, какія это были минуты: хорошія или...

— Дурныя?—быстро вымолвилъ Борщовъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ—дурныя, а... ненужныя! Да, быть можетъ, ненужныя... Я всегда старалась не думать объ этомъ времени. И чѣмъ дальше, то больше и яснѣе казалось мнѣ, что это было какимъ-то случайнымъ эпизодомъ въ моей жизни, и при этомъ,—говорю вамъ прямо,—эпизодомъ ненужнымъ. Но оставимъ это! Скажите лучше, какъ вы переносите ваше теперешнее... вашъ крестъ?..

— Тяжело, княгиня! Ужасно!

— Вѣрю! Вѣрю... Надо молиться и нести его безропотно...

— Да, ужасно! Мое положеніе то же, какимъ было ваше во время войны, но гораздо худшее. Вы боялись за жизнь вашего сына, а я ежедневно боюсь, что мое имя прогремитъ на всю Россію и Европу съ тѣмъ же гуломъ, какъ и имя вашего сына. Но совершенно иначе...

— Я васъ не понимаю!—удивилась Задонская.—Я спросила васъ о кончинѣ вашей жены, ужасной смерти дочери и наконецъ...

Борщовъ слегка смутился и послѣ мгновеннаго молчанія вымолвилъ:

— Да, да... Огромное горе! Я не такъ понялъ! Я думалъ, вы говорите про моего сына Андрея.

Задонская хотѣла что-то воскликнуть, но удержалась и выговорила тише:

— Да, я слыхала... Но все-таки я не думала, чтобы это было уже настолько... настолько...

И она смолкла.

— Настолько ужасно!—сказалъ Борщовъ.—Да, рѣшительно ужасно! Я точно такъ же, какъ вы во время войны, боюсь газетъ. Но я не боюсь моей фамиліи среди черныхъ рамокъ. Я боюсь увидать мое честное имя среди грязныхъ рамокъ, затоптанное! Я боюсь, со временемъ, при встрѣчѣ моихъ однофамильцевъ, читать въ глазахъ ихъ попрекъ, укоръ, такіе взгляды, которые будутъ говорить: зачѣмъ ты или твой опозорилъ насъ? Да, вотъ судьба! Гигантскія послѣдствія микроскопическихъ причинъ.

Задонская, замѣтивъ страшное волненіе Борщова, выговорила:

— Да! Ну, Богъ дастъ, все поправится! L'enfant prodigue вернется домой. Зато, какую судьба дала вамъ дочь! Я сейчасъ любовалась ею. Какая она красавица! И видно по лицу, что добрая, хорошая дѣвушка.

— Да, княгиня! Сто разъ—да! И она одна, повторю я ваши же слова, удерживаетъ меня на свѣтѣ, заставляетъ дорожить существованіемъ, чтобы помочь ей начать жить и не попасть случайно на... ненастоящую дорогу.

На другой же день Борщовъ и Додя отправились съ визитомъ къ Задонской, но вмѣсто того, чтобы просидѣть съ полчаса, они пробыли до полной темноты и уѣхали, когда зажигали лампы во всѣхъ комнатахъ.

Случилось это потому, что молодого Задонскаго не было дома, а княгиня настаивала подождать его возвращенія. Два или три часа прошли почти незамѣтно, вслѣдствіе особаго оживленія и даже возбужденія всѣхъ троихъ.

Княгиня все время почти исключительно говорила съ молодой дѣвушкой, разспрашивая ее подробно, какъ бы желая выпытать изъ нея все, что возможно. И чѣмъ долѣе длилась бесѣда, тѣмъ болѣе оживлялась княгиня и, наконецъ, казалось, помолодѣла на цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Борщовъ все чаще и чаще видѣлъ и узнавалъ въ ней прежнюю Надю. Еслибы не сѣдина въ волосахъ и не морщинки, то милое лицо ея показалось бы тѣмъ же, тогдашнимъ. Наступавшія сумерки и полумракъ въ гостиной сдѣлали, наконецъ, то,

что передъ Борщовымъ какъ будто была снова та же, прежняя, когда-то близкая и дорогая ему Надя.

Задонскій не вернулся, и Борщовы уѣхали, но княгиня, разставаясь съ молодой дѣвушкой, долго цѣловала ее, какъ еслибы онѣ разставались надолго. И въ этомъ обращеніи съ нею Борщову почудилось что-то. Нѣчто смутно появилось на умѣ и тотчасъ же перешло въ ясное сознаніе или догадку.

„Неужели это можетъ случиться?—думалось ему.—Какъ это было бы странно!..“

А затѣмъ, нѣсколько мгновеній спустя, онъ мысленно прибавилъ:

„Ничего страннаго нѣтъ... Даже какъ будто вполнѣ законно или обязательно“.

На другой же день къ Борщовымъ среди дня явился Задонскій, просидѣлъ довольно долго и отъ имени матери пригласилъ Алексѣя Андреевича съ дочерью обѣдать, когда имъ удобнѣе, но прося не откладывать, въ виду его выѣзда изъ Москвы въ воронежскую губернію.

— Maman посылаетъ меня,—сказалъ онъ,—произвести слѣдствіе надъ управляющимъ, который насъ грабитъ,—даже самовольно и тайно цѣлый лѣсъ продалъ.

— А вы—хорошій хозяинъ?—спросилъ Борщовъ.

— Хозяинъ?!—разсмѣялся Задонскій.—Я въ этомъ понимаю столько же, сколько въ медицинѣ или въ астрономіи. Признаюсь, изъ всѣхъ командировокъ, которыя я когда-либо получалъ, эта маменькина командировка—самая мудреная. Я бы лучше согласился сдѣлать десять рекогносцировокъ въ непріятельскомъ лагерѣ, нежели ѣхать играть постыдную роль въ имѣніи.

И на удивленный взглядъ Борщова Задонскій прибавилъ:

— Конечно. Что̀ же пріятнаго позволять себя въ шуты рядить какому-нибудь плуту управляющему? Я увѣренъ, что я картофель или просо отличу отъ хлѣба, но овесъ отъ ржи, конечно, отличить не съумѣю. Говорятъ, что овесъ ниже ржи.

Черезъ два дня, обѣдъ у Задонскихъ, за которымъ сидѣли только четверо,—мать съ сыномъ и отецъ съ дочерью,—прошелъ нѣсколько странно. Всѣ четверо понимали, что они думаютъ объ одномъ и томъ же, но другъ отъ друга скрываютъ это и стараются ни однимъ словомъ объ этомъ не обмолвиться.

Послѣ обѣда княгиня усѣлась въ уголку гостиной съ Борщовымъ, а Задонскій съ Додей отправились въ сосѣднюю комнату, играть на китайскомъ билліардѣ. Но вскорѣ они бро-

сили игру, вернулись и усѣлись въ противоположномъ углу той же гостиной.

Разговаривая съ Борщовымъ, княгиня говорила исключительно о сынѣ и о желаніи скорѣе женить его, такъ какъ онъ скучаетъ и на него нападаетъ хандра.

— Онъ не знаетъ, что̀ съ собой дѣлать,—сказала она, смѣясь, и говоритъ, что только одно считаетъ разумнѣйшимъ—повѣситься отъ тоски.

Борщовъ, съ своей стороны, на вопросы княгини о дочери отвѣчалъ, что ея замужество — единственная его забота, но что въ Москвѣ выдать дочь замужъ очень мудрено. Молодежь раздѣляется на двѣ категоріи: на тѣхъ, за кого можно дочь выдать, но которые сами жениться не желаютъ: одни—потому, что считаютъ бракъ гнетомъ или, по крайней мѣрѣ, неудобной упряжкой въ тяжеломъ экипажѣ; другіе не могутъ жениться, такъ какъ связаны нелегальными семьями, явившимися незамѣтно, поневолѣ, будто нежданно. И имъ, для того, чтобы завязать новый узелъ, т.-е. бракъ, нужно разрубить прежній, такъ какъ развязать его невозможно.

Другая категорія жениховъ—такая, что за нихъ никакой отецъ свою дочь замужъ не отдастъ, если у нея есть приданое. Эти господа всегда женились легко, ища въ бракѣ всего, кромѣ супружеской жизни, а съ тѣхъ поръ, какъ полученіе развода стало легче, они еще легче стали жениться.

Разговоръ молодыхъ людей былъ сначала того же рода. Дѣвушка объясняла и доказывала своему собесѣднику, какая пытка, чепуха, безсмыслица—такъ-называемые „выѣзды“.

— Мнѣ кажется,—говорила Додя,—что простой народъ, собираясь въ праздники потолкаться у балагановъ, отдыхаетъ душой и, возвращаясь домой, все-таки приноситъ съ собой что-нибудь... Мы—молодежь—отъ раута или бала ничего не ожидаемъ, а послѣ, возвратившись домой, кромѣ усталости и какого-то страннаго чувства обмана или обиды, ничего не привозимъ. Лица все тѣ же, разговоры—еще болѣе тѣ же. Кавалеры наши, по большей части, студенты, юнкера, а то и гимназисты, которые, по молодости и неопытности, еще считаютъ танцы и вечера—весельемъ... Покуда. На этомъ фонѣ есть съ полдюжины уже самостоятельныхъ людей... Но зачѣмъ они являются на вечера—неизвѣстно никому, да, кажется, они и сами не знаютъ. Инымъ такъ скучно, что, глядя на нихъ, сама начинаешь зѣвать. Впрочемъ, есть нѣсколько человѣкъ, которые, танцуя много, усердно, аккуратно на всѣхъ балахъ, имѣютъ озабоченный видъ

людей ищущихъ, разслѣдующихъ, сондирующихъ и стремящихся къ единой, главной и завѣтной цѣли. Эти каждую зиму дѣлаютъ предложеніе вновь появившейся богатой невѣстѣ, аккуратно получаютъ отказъ, но не унываютъ, справедливо надѣясь въ концѣ зимы, а то на будущую зиму, все-таки достигнуть цѣли.

Задонскій много смѣялся, слушая молодую дѣвушку, такъ какъ она болтала очень наивно, но и остроумно, выражаясь иногда очень смѣшно. Затѣмъ, вслѣдствіе одного вопроса Доди, разговоръ сразу перешелъ на войну. Задонскій сразу оживился и, увлекаясь, сталъ разсказывать разные эпизоды. И затѣмъ онъ объяснилъ, что теперь, въ мирное время, жизнь его потеряла всякій смыслъ. Призваніе его на землѣ—война. Но, увы, всякій день ея не бываетъ. Ему бы слѣдовало родиться хоть въ средніе вѣка, когда постоянно бывали войны въ Европѣ. Онъ бы сейчасъ сдѣлался наемнымъ воителемъ.

Додя, вспомнивъ все, что слыхала часто о храбрости Задонскаго, который теперь самъ ни единымъ словомъ не обмолвился о самомъ себѣ, о какомъ-либо своемъ подвигѣ, вдругъ спросила:

— И вы не боитесь быть раненымъ или даже... Больше? Хуже? Я не хочу сказать это...

— О смерти, право, не думаешь!—отвѣтилъ онъ, смѣясь.— Объ этомъ можно думать въ мирное время, а на войнѣ чѣмъ бо̀льшая опасность, тѣмъ меньше приходитъ она на умъ. Да и потомъ, развѣ вы не слыхали, развѣ никто не говорилъ вамъ, что я...

Задонскій разсмѣялся громко, добродушно и прибавилъ:

— Что я не могу быть раненъ, не только-что убитъ...

Молодая дѣвушка тотчасъ стала сумрачнѣе.

— Это не надо говорить!—произнесла она съ укоромъ.— Можно себя сглазить.

— Такъ я скажу: сухо дерево!—оживляясь, заговорилъ Задонскій.—Этакіе люди, или этакіе экземпляры, вѣдь бывали во всѣ времена. Это—заколдованные субъекты, которыхъ пуля не беретъ. Но зато существуетъ нѣчто иное. Конечно, солдатскія повѣрья. Я знаю вотъ такой анекдотъ... Еще въ николаевскія времена, въ турецкую войну, былъ какой-то храбрецъ паша, который страшно намозолилъ намъ глаза, являясь повсюду и нанося намъ большой вредъ. Несмотря на явную опасность, въ которой онъ бывалъ часто, этотъ паша никогда раненъ не былъ. Въ нашихъ рядахъ говорили, что это—колдунъ. И вотъ однажды какой-то солдатъ, уже пятидесятилѣтній, просилъ доложить сво-

ему командиру, что если будетъ случай, онъ берется пашу убить. Дѣйствительно, въ скоромъ времени, при новой встрѣчѣ, солдатъ этотъ на виду у товарищей прицѣлился въ пашу, гарцовавшаго на конѣ вблизи отъ нашей цѣпи, сшибъ его съ коня, который ускакалъ, а паша остался на землѣ, убитый на мѣстѣ. Случай надѣлалъ много шума; солдатъ былъ вызванъ къ командующему генералу. У него спросили, когда онъ научился такъ мѣтко стрѣлять? Онъ отвѣчалъ, что стрѣляетъ очень плохо, а на этотъ разъ заколдованнаго пашу взялъ тоже колдовствомъ. Ружье его было заряжено не пулей, а двумя пуговицами съ мундира и, стало быть, съ россійскими орлами, которыя онъ предварительно три раза купалъ въ святой крещенской водѣ. Черезъ годъ послѣ этого, тотъ же генералъ, будучи уже на Кавказѣ, встрѣтилъ случайно этого солдата, котораго тоже перевели изъ прежняго его полка въ другую часть, дѣйствующую противъ горцевъ и Шамиля. И генералъ далъ ему такое же порученіе—пристрѣлить джигита, который наводилъ почти панику на нашихъ солдатъ. Унтеръ сказалъ, что постарается, но все-таки какъ Господу Богу угодно будетъ. Черезъ нѣсколько дней случилось вторично то же самое. Унтеръ, зарядивъ ружье такими же пуговицами, убилъ и джигита. Стало быть, на колдовство есть тоже колдовство. Вотъ мораль!—кончилъ Задонскій, задумчиво улыбаясь.

— А вы вѣрите въ колдовство?—вдругъ спросила Додя.

— И вѣрю, и не вѣрю... Надо условиться, что̀ вы подъ этимъ словомъ подразумѣваете. Гипнотизмъ существовалъ, очевидно, и тысячу лѣтъ назадъ. А какъ его люди звали, когда во очію видѣли или встрѣчали въ жизни...

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не про то...—воскликнула молодая дѣвушка.—Я вѣрю въ колдовство... въ настоящее...

— Не понимаю... Приведите примѣръ...

— Я вѣрю, напримѣръ, что колдовствомъ можно нарочно, а не нечаянно... сглазить.

Задонскій разсмѣялся.

— Да... Кромѣ того, мнѣ моя няня говорила всегда и теперь говоритъ, что она знаетъ наговоръ и привороть...

— Что̀? Что̀?

— Наговоръ и приворотъ... Она увѣряетъ, что если когда мнѣ кто понравится и я соберусь за него замужъ, а онъ самъ не захочетъ этого, то няня наколдуетъ, и онъ меня полюбитъ... Ей-Богу! И я вѣрю!

Задонскій пристально пригляделся къ красивому личику дѣвушки, чрезвычайно кроткому, ясному и наивному,—и задумался.

— Знаете что...—вымолвилъ онъ чрезъ мгновеніе...—Я думаю, что вы, сами того не зная, искуснѣе вашей няни.

— Я не понимаю,—отозвалась Додя и прибавила:—стало быть, вы меня не поняли.

Бесѣда княгини съ Борщовымъ и болтовня молодыхъ людей затянулись почти до полуночи. Никѣмъ изъ нихъ не было сказано ничего особо важнаго, кромѣ словъ Задонскаго объ искусствѣ въ колдовствѣ самой Доди, а между тѣмъ, когда княгиня осталась наединѣ съ сыномъ, она спросила у него:

— Ну, что же?

Сынъ добродушно улыбнулся, слегка пожалъ плечомъ, потомъ развелъ руками.

— Что же?—повторила она.

— Ничего, maman! Все то же... Повторяю вамъ, что я объ этомъ буквально никакого своего мнѣнія имѣть не могу. Какъ вы желаете! Если вы находите, даже убѣждены, что будете счастливы отъ этого, то я готовъ содѣйствовать устроенію вашего счастія. Но своего счастія я въ бракѣ найти не могу. Семейная жизнь для меня кажется чѣмъ-то совсѣмъ для меня лично неподходящимъ. Еслибы имѣлась для Россіи какая-либо война, то, конечно, я отказался бы наотрѣзъ, потому что знаю, что, при первомъ слухѣ о началѣ военныхъ дѣйствій, я тотчасъ же улечу туда, гдѣ пушки палятъ. Но такъ какъ, къ несчастью, теперь долго никакой войны въ Россіи не придвидится, и мнѣ придется сидѣть, какъ рыбаку около высохшей рѣки, то я отвѣчаю вамъ: какъ вы желаете. Для васъ я готовъ на все, кромѣ одного—сидѣть мирно дома въ случаѣ, если гдѣ-либо окажется какая-либо война. Даже если будетъ какая-либо война въ Европѣ, то я, если возможно, отправлюсь добровольцемъ; а если невозможно, то выпрошусь военнымъ агентомъ хоть поглядѣть, какъ воюютъ другіе. Жизнь дорога, когда чуешь, что можешь потерять ее. Это я вамъ сто разъ говорилъ и говорю...

Задонскій смолкъ. Княгиня вздохнула, а затѣмъ произнесла:

— Ну, а я надѣюсь, что Господь услышитъ мою молитву и что долго-долго, еще лѣтъ двадцать, никакой войны въ Россіи не будетъ. А воевать за чужихъ, какимъ-то, какъ ты самъ говоришь, наемникомъ, какимъ-то кондотьери, тебѣ, авось, не разрѣшатъ. Ну, а теперь скажи мнѣ рѣшительно: нравится ли тебѣ Додя Борщова?

— Нравится!

— Больше, чѣмъ разныя дѣвушки, которыхъ ты видѣлъ, хотя бы въ Петербургѣ?

— О, да. Это—московская дѣвушка. А я долженъ сказать, что въ Москвѣ только и есть хорошаго: Кремль, маленькія церковочки на каждомъ шагу и московскія молодыя дѣвушки. Онѣ таковы, каковы онѣ есть... Онѣ не препарированы... А затѣмъ въ нихъ есть еще что-то, свое, особенное... Не сердитесь, maman... Отъ нихъ будто калачомъ пахнетъ...

— Опять казарменная острота! Ну, слушай. Даешь ты мнѣ право заговорить прямо съ Алексѣемъ Андреевичемъ?

— Заговорите лучше вы, maman!—улыбнулся Задонскій.

— Но, однако...—быстро воскликнула княгиня, запнулась и потомъ строго произнесла:—однако, отвѣчай прямо, искренно, серьезно... Считаешь ли ты возможнымъ... Ну, какъ сказать? Возможнымъ не сдѣлать ее несчастной? Это было бы нечестно! Наконецъ, она—дочь моего стариннаго друга, даже болѣе... Ты знаешь, я могла быть за нимъ замужемъ. Все разстроилъ дѣйствительно пустой случай.

— Maman, я никогда не сдѣлаю ничего, что̀ могло бы составить ея несчастіе. Вы знаете, что я не деспотъ, не причудникъ, не безсердечный и не легкомысленный человѣкъ. Стараться сдѣлать ее счастливой я, конечно, буду. Но предупреждаю серьезно только въ одномъ: въ случаѣ какой-либо войны, я ни секунды не останусь подъ семейной кровлей, хотя бы въ это время у меня было полдюжины дѣтей.

— Ну, cher enfant,—разсмѣялась княгиня:—когда у тебя будетъ полдюжины дѣтей, то много воды утечетъ, и ты будешь менѣе легокъ на подъемъ. Итакъ, ты уполномочиваешь меня объясниться съ Алексѣемъ Андреевичемъ, а къ твоему возвращенію изъ имѣнія свадьба будетъ объявлена. А мы съ ней медлить не станемъ. Все хорошее откладывать не надо. Такъ ли, Юрій?

— Дѣлайте все, что̀ вамъ угодно! Carte blanche. Я на все согласенъ. Въ особенности сегодня. Она меня сейчасъ, вдругъ, какъ то... околдовала, тѣмъ, что очень мило глупа...

— Ну, поцѣлуй меня!

Молодой человѣкъ приблизился къ матери. Она медленно расцѣловала его въ щеки и въ лобъ, держа голову обѣими руками, какъ дѣлала это, когда онъ былъ еще маленькимъ.

VI.

Со дня блестящей свадьбы „героя“ съ самой богатой невѣстой московскаго большого свѣта, много нашумѣвшей въ обѣихъ столицахъ, прошло немного болѣе двухъ лѣтъ. Борщовъ жилъ одинъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, въ которомъ, по странному велѣнію судьбы, ему пришлось лишь мало лѣтъ прожить съ цѣлой семьей. Бо́льшую часть жизни онъ всегда былъ въ этомъ родовомъ гнѣздѣ одинъ-одинёхонекъ, сначала холостякомъ, собирающимся жениться, а затѣмъ вдовцомъ съ одной дочерью.

Додя съ мужемъ тотчасъ же послѣ свадьбы поселилась въ Петербургѣ, такъ какъ Задонскій, хотя и въ чинѣ полковника, былъ назначенъ командиромъ одного изъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ, а затѣмъ вскорѣ же былъ, конечно, произведенъ въ генералы.

Разумѣется, Борщовъ часто ѣздилъ къ дочери въ гости; собирался всегда на два, на три дня и оставался на двѣ недѣли. Долѣе онъ оставаться не могъ, такъ какъ жизнь Задонскихъ была вполнѣ свѣтская, шумная, „слишкомъ громкая“,—какъ выражался Борщовъ,—для человѣка его лѣтъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ какомъ-то гулкомъ калейдоскопѣ, ничего не говорящемъ уму, хотя много болтающемъ на трехъ языкахъ, своемъ, французскомъ и новомодномъ—англійскомъ, онъ уставалъ и возвращался въ свой „монастырь“, какъ называлъ онъ московскій домъ.

Замужество дочери, сдѣлавшей великолѣпную партію, и ея семейное счастіе было, конечно, большимъ утѣшеніемъ въ жизни Борщова. Казалось, что онъ теперь только окончательно примирился съ мыслью, зачѣмъ когда-то случай съ перчаткой повернулъ его жизнь совершенно иначе. Видя счастье дочери, онъ уже нéхотя повторялъ французскую поговорку: „tout est pour le mieux“...

Но только съ окончаніемъ ея онъ не соглашался.

— Могъ бы, конечно, нашъ міръ быть однимъ изъ лучшихъ міровъ,—вѣрилъ и говорилъ Борщовъ,—еслибы въ немъ не было владыки, или вседержителя, имя которому—„случай“. И данное человѣку благо, о которомъ толкуютъ на всѣ лады философы—„свободная воля“—въ услуженіи у „господина Икса“, даже прямо въ рабствѣ. Что́ же въ ней пользы?.. Одинъ обманъ, самообольщеніе. И поэтому почти всякій человѣкъ, даже и тотъ, въ существованіи котораго случай игралъ сравнительно малую роль, а

его личная воля—большую, этотъ человѣкъ, оглядываясь на пройденный путь,—не доволенъ. Достигнувъ того пункта, гдѣ зенитъ его жизни, гдѣ кончается восходъ или подъемъ и начинается заходъ или спускъ, и гдѣ просятся невольные, назойливые подсчеты и итоги, онъ будто разочарованъ и неудовлетворенъ, будто укоряетъ себя и говоритъ: „Кабы начать жить сначала"... Онъ иначе наладилъ бы все... А вѣдь ладилъ онъ по якобы собственной волѣ. Стало быть, она, свободно дѣйствуя, обманула его или „кого-то въ немъ". И этотъ кто-то въ немъ ясно видитъ и оцѣниваетъ, когда уже поздно, всѣ прошлые роковые шаги; когда онъ бралъ влѣво вмѣсто права, бросалъ добрую дорогу и бралъ худую, попадалъ въ лѣса и болота, блуждалъ и, уставая, съ трудомъ выбирался, чтобы съ усиліемъ лѣзть черезъ преграды, околицы и овраги, изнемогая. А это все, оказывается, надо было просто оставить въ сторонѣ, пройдя мимо. И вотъ, если будущее было темно, то прошлое тоже неясно, въ смыслѣ его разумности.

Такъ разсуждалъ Борщовъ. Впрочемъ, за послѣдніе годы, состарившись, сдѣлавшись религіознѣе, какъ и всѣ чуящіе, что они уже стоятъ у выходной двери жизни, онъ иногда повторялъ слова своего любимаго съ дѣтства поэта Жуковскаго, сказавшаго:

„Что такое случай?—*Инкогнито провидѣнія*! Все, что ни встрѣчается съ нами въ жизни, радостное или прискорбное—есть божество въ разныхъ видахъ"!

За эти два года, что Борщовъ жилъ мыслью объ устроенномъ счастьѣ дочери, у него было новое испытаніе. Случившееся могло быть громаднымъ горемъ; но судьба такъ захотѣла, что Борщовъ считалъ невозможнымъ, неразумнымъ горевать. Онъ получилъ извѣстіе объ исчезновеніи своего старшаго сына, жившаго за границей, Богъ знаетъ, какой жизнью, и Богъ знаетъ, на какія средства.

Разумѣется, въ первыя минуты онъ былъ пораженъ и глубоко опечаленъ, но затѣмъ понемногу пришелъ къ убѣжденію, что изъ всѣхъ концовъ этотъ конецъ—лучшій. По крайней мѣрѣ, боязни не нынче-завтра увидать въ печати свое имя и разсказъ о чемъ-либо позорномъ, совершонномъ роднымъ сыномъ, теперь уже быть не могло.

Единственное, что смутило и продолжало смущать Борщова, была обстановка, въ которой все совершилось. Конецъ темнаго существованія послѣднихъ лѣтъ былъ тоже темный, таинственный, загадочный. Сынъ пропалъ въ Ниццѣ, вѣрнѣе—въ маленькомъ мѣстечкѣ около Ниццы, такъ какъ постоянно проживалъ

по близости пресловутаго вертепа и излюбленнаго мѣста всѣхъ сомнительныхъ личностей всего свѣта, знаменитаго Монте-Карло и былъ даже, по слухамъ, на службѣ и на жалованьѣ въ этомъ вертепѣ. И отсюда-то онъ исчезъ, безслѣдно не взявъ ни единой мелочи изъ своихъ вещей.

Борщовъ навелъ справки, писалъ и просилъ знакомыхъ писать всѣмъ русскимъ, которые жили на Ривьерѣ. Но выяснить что-либо не удалось. Нельзя было даже добиться того, чтобы узнать, при какихъ обстоятельствахъ произошло это безслѣдное исчезновеніе, покончилъ ли сынъ съ собой, или уѣхалъ, бѣжалъ въ Америку, какъ носились слухи, съ деньгами, похищенными въ самомъ вертепѣ, гдѣ онъ, якобы, былъ на службѣ. Управленіе Монте-Карло, какъ всегда, отрицало все и хранило олимпійское молчаніе.

Наконецъ, въ вещахъ, которыя были присланы въ Россію, Борщовъ нашелъ письмо сына на свое имя, писанное за мѣсяцъ до исчезновенія. Андрей просилъ прощенія за все горе, причиненное отцу, жаловался на свою судьбу, говоря, что онъ самъ несчастливъ тѣмъ, что таковъ уродился, самъ глубоко презираетъ себя.

Письмо было написано съ большимъ чувствомъ и все дышало страшной скорбью и безотраднымъ душевнымъ состояніемъ. Въ концѣ письма онъ говорилъ, что чуетъ свой приближающійся конецъ и что это „предчувствіе" его не обманетъ.

— Если онъ самъ рѣшилъ, собирался покончить съ собой или исчезнуть навсегда, умереть для всѣхъ другихъ и для меня, то что̀ же значитъ это слово—„предчувствіе"?!—спрашивалъ недоумѣвая, Борщовъ.

Размышляя о личности и судьбѣ сына Андрея, онъ вспоминалъ, что̀ разсказывала ему покойная жена про своего дѣда, когда-то знаменитаго въ Москвѣ „блазня"-богача, наводившаго своей жизнью соблазнъ на всю первопрестольную. Виноватъ ли Андрей—правнукъ?

Полгода спустя, до семьи достигла вѣсть, глубоко опечалившая Задонскую, вѣсть о смерти ея брата, но не простой, а такой, о которой заговорили въ газетахъ, говорили много, никого не называя сначала по имени, а ставя лишь однѣ буквы, но вскорѣ назвали и полнымъ именемъ.

Это была катастрофа и при этомъ, какъ принято выражаться, на „романической подкладкѣ". И не только никто въ Петербургѣ не зналъ первое время, какъ объяснить эту катастрофу, но

даже и княгиня не знала, не понимала ничего, а только подозрѣвала мотивы случившагося.

Зато Борщовъ, понялъ все сразу, вспомнивъ свою бесѣду съ молодымъ Ипатовымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, Ипатовъ случайно далъ ему ключъ къ разгадкѣ того, что совершилось только теперь.

На югѣ Россіи, въ имѣніи богатаго землевладѣльца, невдалекѣ отъ Одессы, Ипатовъ гостилъ у близкихъ ему друзей—супружеской четы Рокотано. Она была русская, уроженка Кіева; онъ былъ одесситъ, и поэтому національности неопредѣлимой: его считали и грекомъ, и румыномъ, а иные—крещенымъ евреемъ.

Въ Одессѣ знали уже давно, что Рокотано и Ипатовъ—друзья. Злоязычники съ этимъ не соглашались, а говорили, что истинные друзья—госпожа Рокотано и Ипатовъ, а супругъ лишь изображаетъ Менелая, по мнѣнію однихъ—безсознательнаго и наивнаго, по мнѣнію другихъ—умышленнаго и разсчетливаго, такъ какъ, за послѣднее время, большое, великолѣпное имѣніе въ центрѣ Россіи, родовое, сто лѣтъ принадлежавшее роду Ипатовыхъ, перешло за полъ-цѣны въ руки Рокотано.

— Конечно,—говорили злые языки,—г-жа Рокотано—красавица. Ну, да и цѣна же ей оказалась хорошая! Это выходитъ со стороны г. Рокотано въ нѣкоторомъ родѣ преступленіе, закономъ именуемое „вовлеченіемъ въ невыгодную сдѣлку".

Первое извѣстіе, появившееся въ телеграммахъ, гласило, что въ такомъ-то имѣніи, такой-то губерніи, произошелъ несчастный случай. Былъ случайно убитъ на охотѣ изъ ружья г. И., гостившій въ имѣніи у г. Р.

Вторая депеша говорила о томъ, что И. нечаянно убитъ самимъ землевладѣльцемъ Р. Третья депеша уже объясняла, что судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ выѣхалъ въ это имѣніе, такъ какъ оказалось, что совершено умышленное преступленіе, а не нечаянное убійство. Затѣмъ уже пошли подробности. Какой-то корреспондентъ большой столичной газеты описалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ всю катастрофу, не говоря прямо объ ея мотивѣ; но, конечно, можно было все прочесть и понять между строкъ.

Благодаря долго свирѣпствовавшей на Руси цензурѣ, русскіе журналисты изощрились болѣе всѣхъ на свѣтѣ въ краснорѣчивомъ изложеніи всякаго дѣла, всякой мысли, всякаго даже ученія не словами и строками, а „киваніемъ" между строкъ.

Междустрочное писаніе или изложеніе мыслей, доведенное до совершенства, есть чисто русское изобрѣтеніе. И самый круп-

ный журналистъ Лондона или Парижа не посмѣетъ тягаться въ этомъ дѣлѣ съ самымъ маленькимъ русскимъ борзописцемъ.

Вскорѣ въ газетахъ появилось уже много корреспонденцій, и всѣ сводились къ одному: г. Ипатовъ, зять знаменитаго генерала Задонскаго, былъ убитъ помѣщикомъ Рокотано у себя въ домѣ, въ небольшомъ кабинетѣ, но изъ ружья. Катастрофа произошла, очевидно, совершенно неожиданно, такъ какъ за часъ передъ тѣмъ люди и крестьяне видѣли барина, барыню и ихъ пріятеля, давно и не впервые гостившаго у нихъ, вмѣстѣ съ другими гостями, на конномъ заводѣ весело смотрѣвшихъ лошадей, которыхъ конюха проводили мимо нихъ. Веселый говоръ между ними и другими гостями не прерывался ни на минуту, а самъ баринъ казался веселѣе всѣхъ. Подумать, что черезъ часъ послѣ этого онъ хладнокровно у себя въ кабинетѣ застрѣлилъ своего друга, казалось чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ.

Пріѣхавшему слѣдователю Рокотано заявилъ, что о мотивѣ своего преступленія онъ самъ ничего не объяснитъ, да оно и совершенно излишне, такъ какъ, по всей вѣроятности, въ Одессѣ, въ Крыму и на всемъ югѣ Россіи всѣ уже давно все знаютъ, а теперь точно объяснятъ, что̀ именно побудило его къ убійству.

Задонская много говорила о братѣ и часто повторяла вопросительно:

— Нѣтъ ли ошибки? Не вообразилъ ли что̀ Рокотано? Неужели Левушка погибъ безъ вины виноватый, благодаря лишь турецкой ревности мужа, новаго Отелло?

И однажды Борщовъ счелъ себя вынужденнымъ разсказать княгинѣ все то, что̀ зналъ отъ самого Ипатова. Онъ имѣлъ уже вѣрныя доказательства, что та женщина, про которую Ипатовъ разсказывалъ, говоря о встрѣчѣ и знакомствѣ въ поѣздѣ, именно и есть г-жа Марія Рокотано.

Разумѣется, передавъ все княгинѣ, Борщовъ не преминулъ заговорить, воодушевляясь, о томъ, что эта катастрофа снова подтверждаетъ его теорію.

— Я становлюсь все болѣе и болѣе убѣжденный, искренній суммистъ!—воскликнулъ онъ.

Княгиня уже, конечно, знавшая, что̀ означаетъ это изобрѣтенное Борщовымъ словечко, невольно, хотя нѣсколько грустно улыбнулась. На ея вопросъ, что̀ общаго между его теоріей и смертью брата, Борщовъ объяснилъ...

И выходило ясно: не будь на свѣтѣ раздражительныхъ барынь, зря обижающихся, не будь на свѣтѣ соусовъ на блюдахъ, не будь скверныхъ ванекъ съ клячами,—Ипатовъ не былъ бы

убитъ и мирно жилъ бы теперь, быть можетъ, отцомъ многочисленнаго семейства.

Задонская, выслушавъ его длинную рѣчь, снова улыбнулась и отозвалась:

— Знаете что, Алексѣй Андреевичъ... Я слыхала, что нѣкоторые писатели портятъ свои сочиненія тѣмъ, что черезчуръ ихъ исправляютъ, что исправленное нѣсколько разъ сочиненіе иногда становится хуже, чѣмъ было сначала. Такъ и вы съ вашей теоріей. Прежде вы клали,—какъ нынѣ выражаются,—краеугольнымъ камнемъ подъ судьбу человѣка—что-нибудь одно! Ну, напримѣръ,—прибавила она, ласково и дружески глядя въ лицо Борщова, — ну, хоть бы перчатку! И въ этомъ съ вами многіе не соглашались и не согласятся. А по поводу бѣднаго брата вы уже приплели и ваньку, и соусъ, и сердитую барыню, и солнце, и луну, и звѣзды... И вы уже сами себѣ противорѣчите. Если разсуждать такъ, то дѣло не въ упавшей перчаткѣ. Причиной первой былъ тотъ моментъ, когда люди выдумали носить перчатки. Или еще дальше... Но этимъ путемъ можно дойти до момента сотворенія міра, и тогда, конечно, всякій съ вами согласится, что ваша теорія вполнѣ вѣрна. Стало быть, не исправляйте вашего сочиненія. Говорите — виновата перчатка, упавшая въ грязь. Виноватъ скверный ванька, заставившій опоздать на поѣздъ и ѣхать только на другой день. Изо всѣхъ приводимыхъ вами доказательствъ для подтвержденія вашей теоріи я знаю лишь одно дѣйствительно странное или характерное—это вашъ другъ Верзилинъ.

— Да... А зачѣмъ люди выдумали банки и закладъ имѣній!..—воскликнулъ Борщовъ, будто умышленно.

— Ну вотъ, вотъ... Это уже исправленіе и порча сочиненія!—улыбнулась княгиня.

Вскорѣ, однако, ужасная судьба Ипатова, а равно и грустная судьба молодого Борщова—были чуть не забыты отцомъ и сестрой, во всякомъ случаѣ отступили на задній планъ. Нѣчто новое, болѣе близкое сердцу, затушевало двѣ печали и все остальное, окружавшее Задонскую и Борщова.

То, чего такъ боялась княгиня Надежда Павловна и о чемъ много и часто со дня брака сына говорила съ Борщовымъ, нежданно случилось. Въ Россіи была новая война, хотя казавшаяся маленькой, незначащей, микроскопической послѣ Плевны, Балканъ и Шипки. Русскія пушки загремѣли въ азіатскихъ предѣлахъ.

Разумѣется, при первомъ же слухѣ, даже при первомъ намекѣ на возможность воевать, Задонскій, несмотря на мольбы жены и матери, будучи уже отцомъ прелестной дѣвочки, звавшейся Надей, въ честь своей бабушки, и которую онъ начиналъ обожать, все-таки тотчасъ же собрался туда, гдѣ запахло порохомъ. Онъ бросилъ одинъ изъ первыхъ полковъ гвардіи, которымъ командовалъ, и сталъ хлопотать получить назначеніе—командовать отрядомъ на театрѣ войны.

Для обѣихъ княгинь Задонскихъ—старой и молодой—предстояли дни тяжелаго испытанія. Борщовъ, конечно, тотчасъ же переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы въ эту тяжелую пору быть около дочери.

Всѣ военные, начальство и товарищи Задонскаго, успокоивали обѣихъ княгинь, что война въ Туркестанѣ, собственно, нѣчто въ родѣ маневровъ, и генералъ почти не рискуетъ. Если въ прошлую турецкую войну пуля не брала его, когда онъ былъ еще въ чинѣ ротмистра и бросался даже туда, гдѣ бывали рукопашныя схватки, то теперь, въ положеніи командующаго цѣлой отдѣльной частью, онъ будетъ слышать выстрѣлы только издали.

На слезы жены Задонскій отвѣчалъ шутками или говорилъ:

— Да вѣдь ты знаешь, что меня пуля не беретъ!

Жена суевѣрно и пугливо отмахивалась отъ этихъ словъ и крестилась.

Уговорить и остановить Задонскаго, разумѣется, было невозможно. Это значило бы отнять у него то благо, которое внезапно упало къ нему съ неба и которымъ онъ былъ счастливъ, былъ въ упоеніи, ожилъ, переродился, такъ какъ для него снова начиналась „настоящая“ жизнь. Наступилъ часъ разлуки, проводовъ...

Жена, мать и тесть такъ прощались съ Задонскимъ, что онъ, счастливый и радостный, отзывался со смѣхомъ:

— Да вы меня просто хороните, а не провожаете!..

Дѣйствительно, всѣ трое были равно и одинаково подъ гнетомъ страннаго, почти необъяснимаго, но какъ будто яснаго предчувствія бѣды, хотя никто изъ нихъ другъ другу не сообщалъ своего внутренняго тяжелаго чувства, своей какъ бы увѣренности приближающейся катастрофы.

Разумѣется, письма и депеши отъ генерала Задонскаго получались чуть не ежедневно. Семья слѣдила за каждымъ шагомъ русскихъ войскъ и отряда Задонскаго. Понемногу, день за день самое тяжелое время прошло, слегка смягченное извѣстіями о новыхъ блестящихъ подвигахъ полководца.

Имя Задонскаго было на устахъ у всѣхъ, пестрило всѣ газеты. Въ средѣ военныхъ дѣло дошло не только до похвалъ, а почти до поклоненія. Уже поговаривали, что молодой генералъ будетъ славой Россіи, если приключится опять какая-либо серьезная война въ Европѣ. Онъ станетъ маленькимъ Суворовымъ, обладая многими его характерными чертами, а изъ нихъ и той немаловажной, что солдаты суевѣрно боготворили своего начальника. И если онъ не кричалъ „ку-ку-реку", прыгая въ одномъ бѣльѣ среди палатокъ, то одна его шутка или прибаутка двигала русскаго солдатика впередъ съ радостнымъ желаніемъ хоть сейчасъ помереть, только бы генералу угодить.

Наконецъ, въ Петербургѣ стали ходить слухи, что войнѣ скоро конецъ,—дальше ничего не нужно и покуда невозможно. Гератъ и иное что надо отложить до будущаго. И если на театрѣ войны страсти разгорались, и всѣ, отъ командира до рядового, рвались дальше, мечтая о новыхъ подвигахъ,—на берегахъ Невы рѣшили, что довольно.

При этомъ слухѣ во всемъ Петербургѣ не было, конечно, людей болѣе счастливыхъ, какъ мать, жена и тесть Задонскаго. Они ожили и настолько ободрились, что уже стали другъ другу разсказывать, какъ мучились своимъ предчувствіемъ худого, которое, благодаря Богу, оказалось не предчувствіемъ, а чувствомъ, опредѣляемымъ пословицей: „у страха глаза велики". Они даже стали подсмѣиваться надъ собой и надъ своими прошлыми „страхами".

Прошло около недѣли послѣ вѣрнаго извѣстія, добѣжавшаго въ домъ княгинь Задонскихъ прямо изъ дворца, что кампаніи конецъ, а герои ея вскорѣ появятся на невскихъ берегахъ.

Борщовъ, какъ-то послѣ завтрака сидя въ дѣтской, восторженно радовался тому, что маленькая Надя вдругъ начала ходить одна. Онъ поставилъ ее у диванчика, сѣлъ съ коробкой конфектъ на креслѣ шагахъ въ семи и звалъ ее.

И ребенокъ странной походкой, покачиваясь изъ стороны въ сторону и переплетая ножками, перебѣгалъ по ковру, какъ если бы бѣжалъ по водѣ, и шлепался на дѣдушку, цѣпляясь ручонками за его протянутыя руки. Казалось, будь онъ шага на два дальше, дѣвочка упала бы непремѣнно.

Однако, продѣлавъ свой опытъ раза три, Борщовъ отодвинулъ кресло еще шага на три, и Надя такъ же волнообразно добѣжала до него. Борщовъ, наградивъ внучку нѣсколькими конфектами, пошелъ объявить о событіи матери и бабушкѣ. Онъ заранѣе радовался, что онъ первый узналъ объ этомъ событіи

и что когда будетъ объявлять о немъ, то, конечно, ни та, ни другая ему не повѣрятъ. Ожидали, что Надя „пойдетъ" только чрезъ мѣсяцъ, два...

Двигаясь чрезъ гостиную, Борщовъ встрѣтилъ хорошаго пріятеля, генерала въ запасѣ, который часто бывалъ у нихъ. Онъ уже собирался объявить ему о домашнемъ событіи, но рѣшилъ, что этого дѣлать не слѣдуетъ. Нужно сказать это прежде всего родной матери и бабушкѣ, а потомъ уже постороннимъ людямъ.

Однако, выраженіе лица гостя озадачило его.

— Мнѣ надо съ вами переговорить!—сказалъ генералъ и, взявъ его подъ-руку, повелъ, посадилъ на ближайшее кресло и сѣлъ около него.—Соберитесь съ духомъ, Алексѣй Андреевичъ! Я прямо отъ военнаго министра, и я... я по неволѣ долженъ... Я долженъ вамъ сообщить ужасное извѣстіе. Я не хотѣлъ брать на себя это жестокое порученіе, но что же дѣлать... Я—болѣе близкій человѣкъ въ вашей семьѣ, чѣмъ всѣ другіе. Соберитесь съ духомъ. Ужасная вѣсть...

Борщовъ удивленно глядѣлъ въ лицо генерала, взволнованное, тревожное, наконецъ увидѣлъ слезы въ его глазахъ, а губы его подергивало. И Борщовъ, изумляясь, думалъ:

„Что съ нимъ такое? Что онъ съума, что-ли, сошелъ? И какое извѣстіе? Что намъ за дѣло до всего міра, когда наши тяжелые дни миновали"!

Но чрезъ нѣсколько мгновеній Борщовъ сидѣлъ или вѣрнѣе, полулежа, повисъ на креслѣ отъ страшнаго удара. То, что онъ услышалъ отъ генерала, онъ сразу даже и сообразить не могъ. Нужно было нѣсколько секундъ, чтобы услышанное перестало быть безсмыслицей, а сдѣлалось роковою вѣстью.

Онъ узналъ, что зять убитъ.

Но только на нѣсколько лишь мгновеній былъ онъ ошеломленъ извѣстіемъ, а затѣмъ пересталъ думать объ убитомъ.

Другое, много ужаснѣе, пришло на умъ и предстало будто страшнымъ призракомъ. Онъ вспомнилъ о дочери...

Взять на себя обязанность объявить Додѣ постигшее ее онъ не находилъ въ себѣ силы и наконецъ отказался наотрѣзъ.

— Это ударъ ножомъ въ сердце,—произнесъ онъ шопотомъ.—Я не пойду убивать родную дочь... Не могу, не могу...

Генералъ по неволѣ взялъ страшное порученіе на себя.

Борщовъ, ушедшій къ себѣ, почти убѣжавшій, вскорѣ узналъ отъ друга-генерала, что дочь приняла извѣстіе какъ-то благоразумно, то-есть спокойно, твердо. Она только тихо ахнула и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Чтò же это?!..

Старушка-княгиня при извѣстіи лишилась чувствъ, и ее уложили въ постель, гдѣ она осталась весь день до ночи.

Въ средѣ людской зачастую бываютъ случаи смерти, имѣющіе особое значеніе. Такъ смерть человѣка имѣетъ иногда какъ бы разлагающее дѣйствіе на его семью, иногда же—на цѣлую среду, въ которой онъ вращался. Послѣднее явленіе—болѣе рѣдкое и относится преимущественно къ выдающимся людямъ, дѣятелямъ. Но смерть, разрушающая семью, бываетъ сплошь и рядомъ.

Первые дни послѣ извѣстія о смерти Задонскаго его мать и его жена были въ такомъ положеніи, что именно можно было выразиться словами: „вчужѣ страшно".

Если существуетъ выраженіе: „быть убитой горемъ", то, конечно, оно болѣе чѣмъ когда-либо соотвѣтствовало положенію какъ старой, такъ и молодой княгинь Задонскихъ. Надежда Павловна была въ какомъ-то странномъ состояніи безсмыслія.

На утро послѣ страшной вѣсти она тотчасъ попробовала встать, но оказалось, что ноги ея какъ-то ослабли, подкашиваются и не могутъ держать тѣла. Пролежавъ такъ двое сутокъ сравнительно спокойно, она стала заговариваться, будто бредила на яву, а затѣмъ опять собралась встать... но ноги уже совсѣмъ не повиновались. Она ихъ, очевидно, не чувствовала. Позванные доктора объяснили, что это явленіе нервное отъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Недавняя Додя стала сразу пожилая женщина, пожившая...

Жизнь проявлялась въ ней лишь движеніемъ, тѣмъ, что она ходила, глядѣла, изрѣдка отвѣчала односложно на вопросы. Объ утраченномъ мужѣ она ни разу не обмолвилась, какъ еслибы его никогда не существовало. И ей никто, конечно, о немъ не говорилъ,—всякій чуялъ, что страшно даже заговорить. О дочери она совершенно забыла и изрѣдка, будто случайно зайдя въ дѣтскую, издали смотрѣла на малютку, а на лицѣ ея можно было, казалось, прочесть вопросъ: „Что это за ребенокъ и откуда онъ?" Заходя въ спальню свекрови, которая лежала въ постели почти въ безсознательномъ или, вѣрнѣе, безсмысленномъ состояніи, она точно такъ же равнодушно глядѣла на нее, какъ бы не вполнѣ понимая, зачѣмъ женщина лежитъ, не вставая. Черезъ нѣсколько дней, однако, несчастная Додя какъ бы вышла изъ своего оцѣпенѣнія, будто впервые поняла, чтò случилось, и

заплакала... И съ этого дня она плакала безпрерывно, не жалуясь, не говоря ни о чемъ ни слова, не выражая никакихъ желаній и повинуясь всему, чтò ей говорили или предлагали.

Послѣ привоза тѣла генерала, на торжественныхъ похоронахъ былъ, какъ говорится, весь городъ. И помимо многихъ, если не всѣхъ лицъ высшаго круга и высшей администраціи явилась пестрая, многотысячная толпа, въ которой было и простонародье, но не въ качествѣ зѣвакъ любопытныхъ или прохожихъ, а въ качествѣ людей, для которыхъ имя Задонскаго не было чуждо. Они знали это имя изъ газетъ или по слухамъ и безсознательно имъ гордились, чувствуя въ немъ національнаго героя, отважнаго молодца, который воюетъ „по нашему, по рассейскому“.

Но на этихъ похоронахъ, поднявшихъ столицу на ноги, въ первомъ ряду за гробомъ шли молодые военные высшаго общественнаго положенія, участвовавшіе въ церемоніи оффиціально. За ними шелъ только одинъ ближайшій родственникъ покойнаго— его тесть. Мать и жена отсутствовали по невозможности быть. Если молодая княгиня была въ постели, въ очень серьезномъ положеніи и даже опасномъ, хотя физически ничѣмъ не страдала, то старая княгиня была уже въ такомъ состояніи, что доктора ожидали конца ежедневно.

Единственное существо, обращавшее на себя вниманіе всѣхъ въ церкви, былъ маленькій красивый ребенокъ на рукахъ няни, одѣтый въ черное. Дѣвочка улыбалась всѣмъ, изрѣдка даже хихикала и только иногда, будучи недалеко отъ гроба, приглядывалась къ нему страннымъ взглядомъ. Ребенокъ будто сознавалъ, что онъ видитъ нѣчто особенное, не заурядное, чего не всякій день увидишь... Но какое значеніе имѣетъ этотъ ящикъ и чтò такое въ немъ?!. И чтò они всѣ дѣлаютъ кругомъ, все ходятъ, говорятъ?..

Въ городѣ было безконечно много толковъ о странной смерти генерала. Борщовъ вспоминалъ невольно то, чтò Задонскій говорилъ ему передъ тѣмъ, какъ ѣхать на войну. Женѣ и матери онъ постоянно повторялъ, что онъ неуязвимъ, заколдованъ и пуля его не беретъ, и, стало быть, не возьметъ. Но тестю онъ, странно смѣясь, говорилъ, будто сознаваясь въ тайномъ помышленіи:

— Одно вотъ... Есть колдовство на колдовство!

Теперь было извѣстно подробно, какъ былъ убитъ Задонскій. Онъ ѣхалъ полемъ верхомъ, окруженный своимъ штабомъ, адъютантами и ординарцами, болѣе десятка человѣкъ. Онъ вы-

ѣхалъ на прогулку, которая была отчасти ненужной рекогносцировкой ex officio.

Кое-гдѣ вдали въ степи виднѣлись группы всадниковъ, разнаго рода азіатовъ, но всѣ они немедленно, завидя русскихъ военныхъ, удалялись и исчезали. Иногда иныя кучки всадниковъ-туркменъ, въ числѣ полусотни и болѣе, чувствуя себя не въ опасности въ виду горсти русскихъ, не удалялись, вызывающе оставались на мѣстѣ, не нападали, но, въ случаѣ нападенія, очевидно предполагали дать отпоръ.

— Ишь, мошенники!—добродушно сказалъ раза два Задонскій:—знаютъ вѣдь, что мы не можемъ взять ихъ въ штыки или въ сабли! А если бы моя воля, я бы вамъ, господа, ей Богу бы предложилъ, попробовать, позабавиться... Моя воля товарища, а не начальника.

Проѣхавъ по пустынѣ верстъ съ десятокъ, всюду видя вдали на горизонтѣ, иногда въ полуверстѣ, кучки уже разсѣяннаго непріятеля, какъ бы кучки партизанскихъ отрядовъ, Задонскій снова, уже, быть можетъ, въ шестой разъ, остановилъ лошадей и бросилъ поводья. Вся свита, хорошо, конечно, зная, въ чемъ дѣло, безо всякаго предложенія и безъ команды генерала послѣдовала его примѣру.

Всякій, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, полѣзъ за портсигаромъ, досталъ папиросу, и началось закуриваніе. Сильный вѣтеръ тушилъ спички, и закуриваніе замедлилось.

— Вѣдь вотъ лѣтъ десять собираюсь завести себѣ портсигаръ съ фитилемъ,—сказалъ генералъ.—И, должно быть, такъ и не заведу до конца моихъ дней...

Адъютантъ тронулъ коня и подъѣхалъ ближе къ начальнику, чтобы ему помочь. Вытащивъ нѣсколько спичекъ изъ своей коробочки, онъ сразу зажегъ ихъ и, слегка подпаливая себѣ ладони, подалъ генералу, какъ бы въ пригоршнѣ, довольно большой пылающій огонекъ.

Задонскій нагнулся съ лошади довольно низко къ протянутымъ ему рукамъ, чтобы закурить папиросу, но вмѣсто этого дернулся и повалился съ сѣдла на землю.

Въ первую минуту ближайшіе ахнули и, спѣшившись, бросились помочь начальнику подняться, заранѣе улыбаясь той шуткѣ или остротѣ, которую онъ скажетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ военной школѣ, ему никогда не случалось падать съ лошади.

Но, къ ужасу всѣхъ, генералъ оказался какъ бы въ полузабытьи, будто ошеломленный паденіемъ. Черезъ нѣсколько мгно-

веній алая кровь, заструившаяся по лицу, объяснила все оцѣпенѣвшей отъ ужаса свитѣ. Слабые признаки жизни въ лицѣ скоро исчезли.

„До конца моихъ дней“—стали послѣдними словами въ его жизни. Генералъ былъ убитъ наповалъ шальной пулей, прилетѣвшей невѣдомо откуда,—вѣроятно, изъ кучки туркменовъ, стоявшихъ въ полуверстѣ.

Не нагнись онъ, чтобы закурить папиросу, пуля пролетѣла бы мимо или попала бы въ шею лошади, а то и въ адъютанта, который загораживалъ его, будучи рядомъ на своей лошади.

Рана была такая, какія рѣдко бываютъ. Пуля пробила черепъ, войдя въ темя головы.

Много и долго толковали всѣ о странномъ случаѣ, повторяя: „Судьба“!

Черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ молодого генерала, петербургскій высшій кругъ былъ снова на похоронахъ старушки княгини Задонской, старушки не столько своими годами, сколько отъ всего пережитого.

Время, проведенное на бѣломъ свѣтѣ послѣ извѣстія о смерти сына, было уже собственно не существованіемъ. Княгиня Надежда Павловна пролежала все время въ постели, молча, почти не принимая пищи и ни слова не произнося. Только за день или за два до смерти, позвавъ къ себѣ невѣстку, она приказала ей принести и внучку.

Расцѣловавъ ребенка и его мать, княгиня перекрестила ихъ широкимъ крестомъ, какъ бы обѣихъ сочетая имъ, а затѣмъ съ трудомъ вымолвила:

— Я къ Юрію!.. Хочу быть съ нимъ. Онъ говоритъ, что можно...

Первый оправившійся отъ удара судьбы, Борщовъ, конечно тотчасъ принялся философствовать и самъ съ собой, и съ друзьями.

— Будь онъ убитъ просто въ сраженіи, случайности не было бы. Было бы естественное явленіе... А тутъ уже не то... Сраженья не было, да и всему уже былъ конецъ, замиреніе... Стало быть, не остановись онъ закуривать папиросу,—былъ бы живъ.

— Нѣтъ!.. — возражали Борщову:—былъ бы убитъ черезъ часъ, черезъ день, если уже такова была его судьба. Вспомните разсказъ Лермонтова—„Фаталистъ“. Стрѣлялъ человѣкъ ради пари въ себя—и осѣчка... А вышелъ на улицу—и тотчасъ же убитъ бѣгущимъ мимо пьянымъ казакомъ.

— Это чепуха!—восклицалъ Борщовъ.—Это дикое ученіе мусульманъ: „написано на небесахъ". Вы не понимаете, что я логиченъ. Я ищу и нахожу причину, а вы отдѣлываетесь терминомъ, словечкомъ...

— Тогда, по вашей логикѣ, разсуждайте иначе. Зайдите дальше назадъ. Если бы Задонскій не пріобрѣлъ когда-то въ юности дурной привычки курить, то и не сталъ бы закуривать папиросу и не нагнулся бы. Его судьба, по вашему разсуждая, была заранѣе предрѣшена не въ тотъ часъ, когда онъ нагнулся закуривать, а еще въ тотъ, когда онъ, за нѣсколько лѣтъ до погибели, закурилъ свою первую папиросу. Да и это будетъ не вѣрно. Виноватъ тотъ первый турокъ или, какъ кажется, арабъ, который выдумалъ сушить листья какого-то растенія, чтобы сжигать его во рту... Или наконецъ виновенъ даже и не онъ, а...

— А самъ Господь Саваоѳъ, создавшій Адама и Еву, и почву, на которой явилось растеніе табакъ!—воскликнулъ Борщовъ.—Слыхалъ я это тысячу разъ и отвѣчаю: вздоръ это. А есть въ жизни мгновенья, которыя суть „поворотныя" или, вѣрнѣе, „причинныя", дальше или выше которыхъ идти и искать, рыться—уже значитъ... фантазировать.

VII.

Прошло много лѣтъ...

Въ барскомъ домѣ, на Тверскомъ бульварѣ, въ уютномъ кабинетѣ, сидѣлъ въ старомодномъ вольтеровскомъ креслѣ дряхлый старикъ, за восемьдесятъ лѣтъ, худой, съ сморщеннымъ сильно лицомъ, съ согнутой годами спиной... Только взглядъ его красивыхъ глазъ былъ если уже немолодой, то все-таки пожилой, хотя и не старый. Во всякомъ случаѣ, глаза были много моложе лица, испещреннаго морщинами и бороздками.

Около старика, на табуретѣ, сидѣла очень молоденькая дѣвушка, бѣлокурая, снѣжно-бѣленькая, съ розовыми щеками, съ чертами лица, въ которомъ не было красоты, а была чрезвычайная миловидность. Что-то нѣжное, цвѣтущее, полу-дѣтское, полу-женственное, какое-то сочетаніе кротости, наивности и ласки было въ ней еще привлекательнѣе, чѣмъ иная строгая красота.

Они—дѣдъ и внучка,—Борщовъ и княжна Задонская,—уже давно бесѣдовали. Старикъ что-то пояснялъ, развивалъ, словоохотливо болтая; внучка слушала невнимательно. Ласково глядя на старика тѣмъ же взглядомъ, какимъ мать или няня смотритъ

на лепечущаго младенца, она дѣлала только видъ, что слушаетъ старательно.

„Опять на дѣдушку его стихъ напалъ! Опять дѣдушка за свою пѣсенку взялся“,—думалось дѣвушкѣ; но не только не досадливо, но даже сочувственно глядѣла она на старика, выслушивая въ сотый разъ то, что̀ знала наизусть,—старика, который ее воспиталъ и котораго она обожала.

— Да, суммистъ...—дрябло, шершаво бормоталъ Борщовъ.— Я этотъ терминъ выдумалъ, потому что меня иные звали фаталистомъ. А фатализмъ—совсѣмъ не то... И я, въ отличіе, выдумалъ: суммизмъ. Самъ, Надя, выдумалъ. Давно. Не только тебя, но и...

— И мамы еще на свѣтѣ не было,—подсказала дѣвушка, улыбаясь шаловливо.

— Да... да... Ты пойми... Жизнь наша именно сумма... А слагаемыхъ...

— Три, дѣдушка. Знаю. Моя воля, его воля, и случай, который...

— Нѣтъ! Моя воля, ихъ воля... Ихъ—всѣхъ окружающихъ меня людей, и случай... И вотъ онъ-то...

— Главный, сильнѣйшій двигатель!—снова подсказала дѣвушка.

— Да, Надя. Моя жизнь и жизнь моихъ близкихъ, и даже чужихъ людей доказала мнѣ это. Не будь перчатки, Надя, которая упала...

— Знаю, знаю, дѣдушка: папа не родился бы на свѣтъ; мама бы не родилась на свѣтъ... не болѣла и не скончалась бы еще молодою отъ горя, что папа былъ убитъ... Только вотъ что̀, дѣдушка, я уже вамъ говорила, что я не могу вѣрить въ эту... какъ сказать... въ неправильность, что-ли, всего случившагося въ вашей жизни... Не могу сказать, какъ вы, что было бы лучше, еслибы было все иначе. Единица—не велико число, а все-таки больше, чѣмъ нуль.

— Да. Но ты про какой это нуль?..

— А вотъ то, дѣдушка, что̀ должно было по вашему быть, но не было—вѣдь это нуль. Какъ правильно оцѣнивать то, чего нѣтъ и не было? Можно ли, напримѣръ, сказать про человѣка, что онъ хорошъ или дуренъ, когда этотъ человѣкъ только предполагаемъ, а на свѣтъ никогда не рождался.

— Погоди, погоди... Ты что-то другое... Ты путаешь. Ты, стало быть, не понимаешь меня.

Дѣвушка, будто испугавшись, что старикъ снова начнетъ

подробно излагать, что такое сумма трехъ слагаемыхъ, суммизмъ и суммистъ,—вдругъ привскочила и крѣпко обняла старика, мѣшая ему говорить.

— Понимаю, дѣдушка, понимаю!—вскрикнула она звонко.— Ей Богу! Я даже сама часто на балахъ, во время кадрилей, говорю моимъ кавалерамъ, что я—суммистка. И все имъ объясняю... Они ни гугу не понимаютъ, но всегда со мной соглашаются... Но я лгу имъ... А вамъ я говорю по правдѣ: я не могу думать, что было бы хорошо, еслибы вы женились на бабушкѣ, вышедшей за дѣдушку Задонскаго, и еслибы мой отецъ и моя мать никогда бы не родились на свѣтъ. Не могу, дѣдушка. Какъ хотите... Не могу и не хочу...

— Почему же?..

— Да вѣдь тогда бы меня самой на свѣтѣ не было!.. А я рада, что я на свѣтѣ живу, и не могу согласиться, что мое существованіе есть нелѣпое и деспотическое дѣяніе вашего „господина Икса".

— Именно—деспота-случая!

— А я вѣрю твердо, что я должна была непремѣнно и непремѣнно родиться на свѣтъ. И родилась!.. Это было предопредѣлено... Но, конечно, когда Господь Богъ творилъ еще только небо и звѣзды, а затѣмъ звѣрей и рыбъ, и такъ далѣе, было еще неизвѣстно, будетъ ли на свѣтѣ существовать... вотъ сія знаменитая особа,—показала дѣвушка себѣ на грудь.—А какъ только Господь сотворилъ Адама и Еву, такъ сейчасъ же стало извѣстно... Ну, хоть только Господу Богу и ангеламъ... Ну, хоть было даже сообщено оффиціально и господину сатанѣ... Хоть бы вотъ такъ: „По распоряженію свыше, доводится до свѣдѣнія вашего высокодьявольства, что придетъ время, пробьетъ часъ— и явится, чтобы жить на свѣтѣ, княжна Надежда Юрьевна Задонская, при томъ еще условіи, что она будетъ любить своего дѣдушку-суммиста".

— Ну, ты опять за свои глупости!..—махнулъ старикъ рукой.

— Вовсе не глупости. Случайно, неправильно, противоестественно, нелогично и безсмысленно пришедшее на свѣтъ существо, считающееся вашей внучкой, имѣетъ честь заявить вамъ, что оно никакъ не можетъ сказать: „Ахъ, какъ бы хорошо было, еслибы меня не было, а была бы, вмѣсто меня, та, которая никогда не была и не будетъ".

Борщовъ сталъ смѣяться.

— Ну, ладно... А я все-таки остаюсь суммистомъ и говорю: по логикѣ разума моего и по жизненному опыту моему, я пришелъ къ заключенію, что жизнь есть все-таки сумма трехъ слагаемыхъ...

Гр. Евгеній Саліасъ.

МѢСЯЦЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Окончаніе *).

VI.

Скалистыя горы.

Путь нашъ изъ Чикаго въ Денверъ пролегаетъ, между прочимъ, по одному изъ штатовъ, гдѣ существуетъ запрещеніе на вино. Поэтому на меню нашего вагона-столовой напечатано: „no wines or liquor sold in Jowa", и поэтому же опытные пассажиры запасаются заблаговременно напитками. Во время завтрака мы еще не доѣхали до штата Jowa, и потому намъ подавали вино, но обѣдъ прошелъ безъ вина на столѣ.

Въ поѣздѣ нашемъ—одинъ только классъ вагоновъ. Рядомъ съ нами, развалясь на бархатномъ креслѣ, сидитъ простой рабочій. По вагонамъ все время ходитъ разносчикъ и предлагаетъ разныя вещи: то обойдетъ съ апельсинами, то съ нюхательными солями противъ car-sickness (вагонной болѣзни, тоже, что sea-sickness, морская болѣзнь), то раскидаетъ всѣмъ по леденцу, а затѣмъ предлагаетъ купить пакетики этихъ леденцовъ. Поѣздъ идетъ по самымъ хлѣбороднымъ полямъ Америки; пейзажъ пшеничныхъ полей напоминаетъ намъ нашу Малороссію и Новороссію; чѣмъ дальше подвигаемся мы вглубь страны, тѣмъ рѣже становятся каменныя зданія. За городкомъ Burlington, гдѣ мы были подъ вечеръ, станціи идутъ исключительно деревянныя. Въ довершеніе иллюзіи нашей херсонской губерніи, на другой день

---

*) См. выше: окт., 715 стр.

пути въ вагонъ нашъ входятъ совершенно наши степняки-помѣщики, между которыми, заполняя дорожную скуку, начинаемъ находить сходство съ нашими знакомыми. Занятіе хлѣбопашествомъ и близость къ земли, очевидно, налагаютъ на людей одинъ общій внѣшній отпечатокъ, за которымъ сглаживаются даже типичныя черты американца. Американцы всѣхъ видимыхъ нами городовъ отличаются сухопаростью и подвижностью; обитатели же пшеничныхъ полей большею частью тучны и въ движеніяхъ медленны.

На поляхъ страда, вездѣ идетъ работа,—конечно, вездѣ машины, на всѣхъ станціяхъ работаютъ маленькіе хлѣбные элеваторы. Поѣздъ останавливается на станціяхъ для набора воды и угля, для чего, благодаря остроумнымъ приспособленіямъ, оказывается достаточнымъ 2—3 минутъ: уголь грузится на тендеръ съ особыхъ возвышенныхъ подмостей, на которыя предварительно складываются запасы угля изъ вагоновъ, подаваемыхъ на эти подмости ручными ломиками.

Къ вечеру второго дня мы подошли къ городку Денверъ, въ которомъ и остановились не столько для отдыха, сколько для того, чтобы знаменитыя Rocky Mountains, начинающіяся за Денверомъ, проѣзжать не ночью, а днемъ. Вещи наши отправлены изъ Чикаго въ Санъ-Франциско, съ нами только два ручныхъ чемоданчика. Захвативъ ихъ—въ Америкѣ, вообще, нѣтъ носильщиковъ, господствуетъ принципъ „help your self",—мы сѣли въ стоящій у вокзала вагонъ электрическаго tramway и черезъ пять минутъ были въ гостинницѣ „Brown-Palace-Hôtel".

Послѣ двухъ-дневнаго путешествія въ вагонахъ, мы рѣшили прокатиться по Денверу, сѣли въ одинъ изъ проходящихъ мимо открытыхъ вагоновъ электрическаго tramway и начали носиться вдоль и поперекъ города, полной грудью вдыхая теплый весенній воздухъ и любуясь красивымъ расположеніемъ городка въ степи у подножія Скалистыхъ горъ, снѣжныя вершины которыхъ блестѣли, облитыя луннымъ свѣтомъ. Зависть брала глядѣть на этотъ молодой городъ. Есть кварталы, въ которыхъ совсѣмъ еще нѣтъ ни домовъ, ни садовъ, ни оградъ, а улицы уже распланированы и освѣщены, по нимъ ходятъ вагоны, тротуары окончены. Гдѣ-то на окраинѣ города мы прочли приглашеніе посѣтить митингъ „Арміи Спасенія" (meeting of the Army of salvation). Митингъ происходилъ въ совсѣмъ простомъ, но просторномъ залѣ, уставленномъ рядами деревянныхъ скамеекъ. За особымъ столомъ, стоящимъ въ концѣ залы, сидятъ лицомъ къ публикѣ офицеры „Арміи Спасенія", мужчины и дамы, всѣ въ формѣ

„Армія Спасенія“. Фуражки мужчинъ и шляпы-капоры дамъ украшены лентами съ надписью: „Army of Salvation“. Чтеніе библіи и хоровое пѣніе псалмовъ чередуются съ игрою на гармоніи и горячей проповѣдью противъ роскоши...

Чудные виды по такъ называемой „Scenic Line of the World“, т.-е. по самой красивой въ мірѣ дорогѣ, даются не даромъ: поѣздъ изъ Денвера отходитъ рано утромъ, до завтрака, и въ этомъ дневномъ поѣздѣ, на который мы промѣняли нашъ вчерашній комфортабельный ночной, не имѣется столоваго вагона,— видами приходится любоваться съ болью подъ ложечкой. Денверъ лежитъ совсѣмъ у подножія горъ, и дорога съ мѣста начинаетъ подниматься. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Денвера поѣздъ проходитъ мимо громадныхъ песчаныхъ холмовъ, увѣнчанныхъ развалинами зàмковъ, которыя, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, оказываются естественными вывѣтрившимися скалами. Проѣхавъ затѣмъ мимо живописной скалы Castle-Rock, начинаемъ кружиться около снѣжной вершины Pike's Peak, которую и видимъ затѣмъ цѣлый день то справа, то слѣва, то позади, то впереди себя. Часа черезъ два послѣ отхода изъ Денвера, поѣздъ останавливается на станціи Palm-Lake, на которой дѣйствительно имѣются и пальмы, и озеро, но имѣется и буфетъ. Голодные пассажиры набрасываются на буфетъ. Живописное среди горъ, озерко Palm-Lake, изъ средины котораго бьетъ—конечно, искусственный—фонтанъ, находится на водораздѣлѣ и питаетъ и Лаплатту, впадающую въ Миссури, и Арканзасъ, впадающій въ Миссисипи. Но помимо этого интереса, озерко привлекаетъ всеобщее вниманіе пассажировъ потому, что „Бедекеръ“ рекомендуетъ его вниманію пассажировъ. Добросовѣстные туристы, сѣвъ въ вагонъ, ставятъ въ путеводителѣ крестикъ противъ словъ: „Palm-Lake“,—значитъ: „видѣлъ“, можно ѣхать дальше. Послѣ Palm-Lake дорога идетъ по преріямъ, и только издали видны горы и разные, болѣе или менѣе знаменитые виды. Поѣздной разносчикъ бѣгаетъ по поѣзду и то-и-дѣло указываетъ на разные виды: вотъ опять Pike's Peak, вотъ The late of the Garden of the Gods— ворòта сада богòвъ. Въ результатѣ пришлось-таки многимъ купить у него книгу „Over the rance to the Golden Gate“, плохо иллюстрированную и слишкомъ подробную какъ путеводитель для проѣзжающихъ въ поѣздѣ пассажировъ.

Въ „Colorado Springs“, американскомъ горномъ курортѣ, съ климатомъ примѣрно европейскаго Давоса, мы были на высотѣ 4.000′ надъ уровнемъ моря. Высота даетъ себя знать; становится трудно дышать, но поѣздъ тащитъ насъ все выше, идя

по безконечнымъ пустынямъ, добирается до городка Pueblo, отъ котораго поднимается по лѣвому берегу Арканзаса, гдѣ мѣстность изобилуетъ нефтяными источниками. За Canon City, на высотѣ 5.000′ надъ уровнемъ моря, мы въѣзжаемъ въ дикое, живописное горное ущелье Great Canon of the Arkansas. Поѣздъ идетъ надъ ревущимъ потокомъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья, гдѣ гранитныя, до 400 сажен. высоты, скалы сжимаютъ бѣшеный потокъ, не оставляя мѣста для полотна желѣзной дороги, поѣзда проходятъ надъ потокомъ и вдоль его по мосту, подвѣшенному къ желѣзнымъ балкамъ, роспертымъ между скалами. За этой тѣсниной, называемой „Royal Gorge", дорога продолжаетъ идти вдоль ревущаго и пѣнящагося Арканзаса. Вотъ, кажется, затесались, откуда и выхода нѣтъ. Но поѣздъ заворачиваетъ съ непривычной для европейскаго глаза рѣзкостью, изъ окна одновременно видны и локомотивъ, и хвостъ поѣзда, и все это на громадной скорости. Изъ-за окружающихъ, тѣснящихъ васъ скалъ, все время мелькаютъ снѣжныя вершины. Въ городкѣ Salido, откуда можно было ѣхать или черезъ Leadville, не мѣняя вагона, или черезъ Marshall-pass, по узкоколейной дорогѣ, мы были на высотѣ 6.400 футовъ. Дышать становится настолько трудно, что мы отказываемся отъ первоначальнаго плана ѣхать на Marshall и, разсчитывая на сутки сократить пребываніе въ разрѣженномъ воздухѣ, продолжаемъ путь въ нашемъ вагонѣ. Сейчасъ за Salido открывается грандіозный видъ на цѣлые ряды горныхъ кряжей со снѣжными вершинами. На степь становится больно смотрѣть, и весь вагонъ покупаетъ себѣ особые желтые очки, весьма своевременно-услужливо предлагаемые все тѣмъ же поѣзднымъ разносчикомъ. Къ шести часамъ вечера мы были на станціи Leadville, на высотѣ $10^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Послѣ обѣда въ станціонной rating-room (въ нашемъ переводѣ — съѣстной комнатѣ) пассажирамъ поѣзда объявлено непріятное извѣстіе: впереди насъ — снѣжный обвалъ, и мы обречены ночевать въ Leadville. Единственнымъ, весьма сомнительнымъ, утѣшеніемъ этой ужасной ночи было сознаніе „рекорда": мы ночевали не только на высокой, но на высочайшей желѣзнодорожной точкѣ земного шара, если вѣрить купленному въ вагонѣ путеводителю. Несмотря на это утѣшительное сознаніе высоты своего положенія, всѣ безъ исключенія пассажиры чувствуютъ себя нехорошо и, гуляя послѣ обѣда по платформѣ, ловятъ ртомъ воздухъ, какъ рыба воду. Не оправдались надежды найти отдыхъ во снѣ.

Къ полуночи барометръ еще упалъ; нѣсколько разъ я зады-

хался, вскакивалъ на постели; наконецъ, одѣлся и вышелъ на платформу, гдѣ засталъ почти всѣхъ пассажировъ нашего поѣзда, также вынужденныхъ разстаться съ постелями. Только рано утромъ 30 апрѣля (12 мая) мы начали спускъ на западъ. Дорога идетъ по еще болѣе суровой, чѣмъ пройденная нами вчера, еще болѣе дикой, совершенно непокоренной мѣстности. Но главное удовольствіе всѣхъ пассажировъ заключается все въ большей, съ каждымъ поворотомъ колеса, легкости дыханія. Пройдя черезъ красивое, съ болѣе покойными, чѣмъ вчера, пейзажами, ущелье Canon of Great River, поѣздъ останавливается на нѣсколько минутъ на станціи „Glenwood Springs". Это тоже чудо своего рода. Среди горъ, въ закрытой котловинѣ, на высотѣ 4½ тысячъ футовъ надъ моремъ, находятся естественные минеральные и горячіе ключи. Вотъ что̀ сдѣлали изъ этого американцы: они построили бассейнъ площадью въ 43 тысячи квадратныхъ футовъ и, регулируя притокъ въ него горячихъ и холодныхъ ключей, поддерживаютъ въ немъ температуру 28° R. Надъ частью этого бассейна построено теплое купальное заведеніе, закрытый бассейнъ котораго отдѣляется отъ открытаго легкими деревянными форточками, позволяющими выплывать въ открытый бассейнъ. Купанье въ открытомъ бассейнѣ, окруженномъ снѣжными горами, происходитъ круглый годъ. Къ услугамъ посѣтителя купальнаго заведенія имѣются натуральныя турецкія паровыя бани, роскошнѣйшая гостинница, чудный паркъ. Вслѣдъ за этимъ, затерявшимся въ горахъ, уголкомъ культуры начались безотрадныя дикія пустыни. На пассажирахъ сказывается усталость отъ напряженнаго вниманія при переходѣ черезъ „Rock-Mountains". Сейчасъ смотрѣть не на что̀,—весь вагонъ дремлетъ. Подъ вечеръ, на какомъ-то разъѣздѣ „Crescent", на которомъ, буквально, нѣтъ ничего, кромѣ второй пары рельсъ, двухъ стрѣлокъ и доски съ надписью: „Crescent", мы простояли около часу, причемъ не только никто не объявлялъ пассажирамъ причины простоя поѣзда, но никто изъ пассажировъ не обратился къ важному начальнику поѣзда за разъясненіемъ причинъ стоянки на безводномъ и безлюдномъ разъѣздѣ Crescent. Большинство пассажировъ вышло изъ вагоновъ и гуляетъ по полотну разъѣздного пути рядомъ съ поѣздомъ, зорко поглядывая на начальника поѣзда, такъ какъ поѣзда здѣсь отправляются безъ всякихъ сигналовъ для публики; махнетъ оберъ-кондукторъ, (онъ же начальникъ поѣзда) рукой машинисту—и поѣхали, а пассажиры вскакивай какъ знаешь, да скорѣе,—поѣздъ беретъ съ мѣста очень скоро. Еще относительно дамъ и дѣтей, и то только

ѣдущихъ въ спальныхъ или салонныхъ вагонахъ, специальные проводники этихъ вагоновъ, большею частью негры, оказываютъ кое-какія заботы, предупреждая ихъ крикомъ объ отходѣ поѣзда, подставляя на землю особую скамеечку, такъ какъ первая ступень вагонной подножки довольно-таки высоко отстоитъ отъ земли. Но, забравъ дамъ и дѣтей, проводникъ-негръ забираетъ скамеечку и влѣзаетъ самъ въ вагонъ, рѣшительно не обращая никакого вниманія на прочихъ пассажировъ даже своего вагона: принципъ „help your self" на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ проводится во всей чистотѣ.

Полотно желѣзной дороги, по которому мы гуляемъ, совершенно не отдѣлено, не имѣетъ и тѣни бровокъ,—все вниманіе обращено собственно на путь. Дорога, очевидно, была узкоколейная, перестроенная на ширококолейную, но узкая колея не уничтожена, всѣ три рельса на лицо, по дорогѣ ходятъ и ширококолейные, и узкоколейные поѣзда. Рельсы и тяжелѣе, и длиннѣе (35′) употребляемыхъ въ Европѣ, накладки не о четырехъ, а о шести болтахъ; угольный шлакъ прикрываетъ балластъ, и вообще путь уложенъ и содержится великолѣпно, несмотря на то, что шпалы и стыки расположены кое-какъ. Радіусами закругленій американцы не стѣсняются, такъ какъ всѣ вагоны, даже товарные, у нихъ на телѣжкахъ. Въ нашемъ поѣздѣ, состоящемъ изъ пассажирскихъ и спальныхъ вагоновъ, всѣ вагоны на трехъ-осныхъ рессорныхъ телѣжкахъ, съ особенно хорошими рессорами подъ роскошными спальными вагонами. Въ отличіе отъ обыкновенныхъ пассажирскихъ вагоновъ спальные вагоны не нумеруются, а окрещиваются разными именами,—напримѣръ, спальный вагонъ, въ которомъ мы ѣдемъ, называется „St. Lucas".

Примѣрно черезъ часъ стоянія на Crescent, оберъ-кондукторъ поѣзда обращается къ пассажирамъ съ вопросомъ, нѣтъ ли между пассажирами умѣющаго телеграфировать на сосѣдній разъѣздъ, чтобы выяснить, гдѣ встрѣчный поѣздъ, съ которымъ мы должны были скрещиваться на Crescent. Получивъ отрицательный отвѣтъ, оберъ-кондукторъ оставался съ минуту въ нерѣшимости, затѣмъ видимо рѣшился, произнесъ вслухъ, какъ мотивъ рѣшенія, излюбленное американцами: „нельзя же намъ терять время", и махнулъ рукой машинисту. Способъ выхода изъ желѣзнодорожнаго недоразумѣнія видимо заинтересовалъ всѣхъ пассажировъ, высунувшихся во всѣ окна поѣзда, но ни въ комъ изъ пассажировъ не возбудилъ ни малѣйшаго протеста, вѣроятно въ виду полной вѣры американца въ принципъ „нельзя терять

время". Невольно вспомнилось, какъ мы торопились въ Москвѣ, перегружая съ вокзала на вокзалъ, и ломовой извозчикъ, загородившій намъ дорогу, на окрикъ извозчика отвѣчалъ: „да развѣ къ спѣху"? Въ тонѣ отвѣта слышалась также полная вѣра въ принципіальность сентенціи.

Поѣздъ нашъ шелъ осторожно, не свыше двадцати верстъ въ часъ, все время посвистывая. Не доѣзжая до сосѣдняго разъѣзда, нашъ и встрѣчный поѣздъ остановились въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ одинъ отъ другого; пассажиры и агенты обоихъ поѣздовъ образовали нѣчто въ родѣ комитета, который порѣшилъ намъ продолжать путь, встрѣчному поѣзду уступить, такъ какъ изъ спорнаго перегона нашъ поѣздъ прошелъ много больше, чѣмъ встрѣчный.

Удивленный и примитивной простотой способа разъѣзжаться на желѣзныхъ дорогахъ, и хладнокровнымъ, безъ протестовъ, отношеніемъ пассажировъ къ описанному желѣзно-дорожному инциденту, я вступилъ въ бесѣду съ моимъ сосѣдомъ по вагону. Сосѣдъ-американецъ, въ свою очередь, удивился моему удивленію, полагая, что недоразумѣніе разрѣшилось весьма удовлетворительно, такъ какъ потерянное обоими поѣздами время, онъ увѣрялъ, оба машиниста постараются нагнать до прибытія на станціи ближайшихъ городовъ; жалобъ же, по мнѣнію сосѣда, быть не можетъ, такъ какъ нѣтъ недовольныхъ; и во всякомъ случаѣ,— съ нѣкоторымъ какъ бы нравоученіемъ закончилъ незнакомецъ,— не дѣло пассажировъ вмѣшиваться въ распоряженія желѣзнодорожной администраціи, пока она исполняетъ обязанности, принятыя ею на себя при продажѣ билета.

Завязался общій разговоръ, причемъ выяснилось, что эта отповѣдь хотя и исходила, быть можетъ, не отъ простого желѣзно-дорожнаго пассажира, а отъ лица, такъ или иначе заинтересованнаго въ желѣзно-дорожной администраціи, тѣмъ не менѣе весьма близко изображала отношеніе всѣхъ пассажировъ къ пережитому нами желѣзно-дорожному инциденту. И въ этомъ случаѣ рѣзко проявилась бросающаяся въ глаза крайняя, по сравненію съ Европой, дисциплинированность американца, граничащая съ раболѣпствомъ, установленнымъ внѣшнимъ порядкомъ. Американецъ, вопреки установившемуся въ Европѣ предразсудку о полной самостоятельности американцевъ, во внѣшнихъ проявленіяхъ общественной жизни является въ высшей степени опекаемымъ существомъ.

Отправляясь по желѣзной дорогѣ, американецъ въ указанномъ мѣстѣ вокзала безропотно выжидаетъ времени, когда ему

разрѣшать выйти на платформу, къ его поѣзду; въ поѣздѣ онъ безпрекословно занимаетъ именно то кресло, которое ему укажетъ кондукторъ; войти въ столовый вагонъ онъ можетъ только въ назначенные для того часы и лишенъ права выбрать себѣ столъ, покорно слѣдуя къ мѣсту, которое соблаговолитъ ему указать важный land-lord. Въ первоклассныхъ гостинницахъ эти land-lord'ы имѣютъ особо важный видъ и, не сходя почти съ мѣста, пальцемъ подманиваютъ къ себѣ посѣтителей и пальцемъ же, иногда молча, указываютъ на столъ, назначаемый ими посѣтителю. И это обращеніе съ посѣтителями, являясь въ Америкѣ обычнымъ, принимается тамъ за нормальное. Нельзя не отмѣтить, что столь непривычному, на европейскій взглядъ, развязному обращенію трактирнаго начальства соотвѣтствуетъ очевидная робость и приниженность, ощущаемыя американцами при входѣ въ роскошныя обѣденныя залы, натянутое неестественное поведеніе во время обѣда, стремленіе подражать англійской чопорности...

Внѣшнія формы общежитія, выработанныя въ Европѣ вѣками и вошедшія въ плоть и кровь цивилизованнаго европейца, приняты американцами въ готовомъ видѣ, и пользуется ими американецъ не въ силу природной потребности, а какъ человѣкъ, случайно дорвавшійся до возможности покупать за свои деньги все, что придется. Отсюда и робость, и подчиненность его слугѣ, прикрываемыя нѣкоторой утрировкой европейскихъ обычаевъ. Обрядъ обѣда у американцевъ возведенъ въ нѣкотораго рода священнодѣйствіе: зато тотчасъ послѣ обѣда американецъ слѣдуетъ въ bar или smocking-room, и тутъ возмѣщаются и запрещеніе вина за обѣдомъ, и напускная обѣденная чопорность, совсѣмъ не приставшая къ подвижному дѣловому торгашу-американцу.

Спѣшу оговориться, что таковы первыя впечатлѣнія при кратковременномъ пребываніи нашемъ въ Америкѣ. Впрочемъ, особая строгость условныхъ формъ жизни въ Америкѣ отмѣчается и людьми, основательно изучившими Америку, причемъ одинъ изъ такихъ путешественниковъ не безъ основанія, повидимому, говоритъ, что народъ, еще такъ недавно сложившійся изъ авантюристовъ и отбросовъ Стараго Свѣта, конечно, требовалъ для своей общественной жизни болѣе строгаго мундштука, чѣмъ узда европейскихъ обычаевъ...

Въ часъ ночи мы пріѣхали въ Salt-Lake-City, остановились въ „Hôtel Knutsford“ и, продолжая задыхаться, искренно проклиная Leadville съ его наивозвышеннѣйшимъ положеніемъ, по-

8*

требовали себѣ воду Apollinaris. Благодаря описаннымъ мной порядкамъ и строгостямъ трактирнаго начальства къ посѣтителямъ, получить что-либо даже только-что прибывшему или больному—въ виду поздняго времени—не полагалось. И только благодаря любезной услужливости boy, пріобрѣтенной, конечно, щедрой преміей, намъ и нашимъ спутникамъ удалось достать требуемый Apollinaris изъ сосѣдней аптеки.

VII.

Столица мормоновъ.

Какъ и во всѣхъ большихъ американскихъ гостинницахъ, въ „Hôtel Knutsford“ также имѣется возможность отправить корреспонденцію изъ любого корридора. Письмо, опущенное въ ящикъ, автоматически доставляется внизъ, въ общій почтовый ящикъ, откуда и отправляется по адресу. Желаніе не только оріентироваться въ новомъ городѣ, но и не пропустить случая лишній разъ имѣть дѣло съ мѣстными учрежденіями, заставило меня подняться рано утромъ и отнести письмо на почту. Тутъ я попалъ въ провинцію, совсѣмъ-таки въ русскую пшеничную провинцію. Сухопарый янки и стрекозоподобная миссъ, типичные обитатели восточныхъ штатовъ, здѣсь встрѣчаются какъ исключеніе; чаще же попадаются упитанные типы, не поражающіе своей осиной таліей, но добросовѣстно краснощекіе. Румяный почтовый чиновникъ, прочтя адресъ на поданномъ мною письмѣ, засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ, показавъ чудные бѣлые зубы здороваго человѣка, и, подмигивая на меня, собщилъ публикѣ: „письмо въ Россію“. Нѣсколько дамъ окружили меня; почтовый чиновникъ началъ серію вопросовъ о Россіи, я охотно отвѣчалъ, дамы поддерживали разговоръ—и „пошла писать губернія“! Отвѣчая на сыпавшіеся на меня градомъ запросы о Россіи, я успѣваю разспрашивать о городѣ и штатѣ, въ которые занесла насъ судьба.

Salt-Lake-City (Городъ Соленаго Озера) или Sion of Latter Day Saints (Сіонъ Святыхъ Послѣдняго Пришествія) — столица штата Utah и расположена на широкой, очень возвышенной надъ моремъ, площади (около 4000′). Со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, городъ окруженъ горами; на югъ же отъ города расположено Великое Соленое озеро. Такое расположеніе города, въ связи съ небольшой географической широтой (41°), обусловли-

ваетъ ровный и умѣренный климатъ. Salt-Lake-City почти не знаетъ зимы. Городъ прекрасно распланированъ, его дома-особнячки утопаютъ въ садахъ. Но роскошная растительность дается городу только при условіи безостановочной искусственной ирригаціи.

По словамъ моихъ собесѣдниковъ, возвышенное плато, на маленькомъ уголкѣ котораго расположенъ городъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ представляло изъ себя пустыню безъ какихъ-либо признаковъ растительности. Предводитель піонеровъ этого края—Brighon Young, основатель города и штата, не смутился этой видимой безплодностью края, и убѣдясь, что почва этой пустыни требуетъ только ирригаціи, чтобы проявить небывалое плодородіе, основалъ въ этой пустынѣ городъ. Ирригація края сдѣлана образцово и даетъ очевидные блестящіе результаты. Благодарное потомство воздвигло Brighon Young'у памятникъ-статую, украшающій одну изъ центральныхъ площадей города. На сосѣдней площади стоитъ бронзовая же статуя Joseph Smith, основавшаго, въ 1805 г., религію мормоновъ, число адептовъ которой и нынѣ составляетъ около $^2/_3$ всѣхъ жителей города. Допускаемое религіей мормоновъ многоженство только недавно не признается законнымъ въ этомъ штатѣ.

На непосредственное знакомство съ Salt-Lake-City мы располагаемъ двумя днями. Пользуясь хорошей погодой, сегодня послѣ завтрака мы собрались совершить прогулку по окрестностямъ города. Въ конторѣ гостинницы намъ весьма обстоятельно разъясняютъ способы совершить задуманную экскурсію. Въ 2 ч. 7 м. мы должны сѣсть въ вагонъ электрическаго tramway, проходящій мимо гостинницы. Предыдущій вагонъ проходитъ въ 2 ч. 2 м. „Это слишкомъ рано, вамъ придется ждать отхода желѣзно-дорожнаго поѣзда семь минутъ“,—прибавилъ конторщикъ. Въ назначенные 2 ч. 7 м. мы сѣли въ вагонъ электрическаго tramway'я, быстро доставившій насъ за городъ, гдѣ насъ ждалъ поѣздъ паровой желѣзной дороги, отошедшій ровно черезъ двѣ минуты по проходѣ электрическаго tramway. Поѣздъ нашъ идетъ тучными, орошенными пастбищами, на которыхъ пасутся тысячи овецъ и барановъ. Черезъ часъ, проѣхавъ остальную часть пути солончаками, мы пріѣхали въ такъ-называемый „Saltair“, или купальное заведеніе на Соленомъ озерѣ. Соленое озеро тоже одно изъ чудесъ природы. Оно находится на высотѣ 4000' надъ моремъ и окружено со всѣхъ сторонъ горами, покрытыми снѣгомъ и сегодня, несмотря на то, что у насъ 1-ое (13) мая. Среди этихъ снѣжныхъ горъ мы справляемъ маёвку, и въ

лѣтнихъ платьяхъ намъ жарко. Длина озера—120 верстъ, ширина—45 верстъ. Въ озеро впадаетъ много рѣкъ (между ними—рѣка Іорданъ), но ничего не вытекаетъ. Въ водѣ озера 22% соли,—тогда какъ океанская вода содержитъ около $3^{1}/_{2}$% солей, поэтому купающіеся въ озерѣ плаваютъ въ водѣ какъ поплавки; матери кладутъ на воду маленькихъ дѣтей, вовсе не умѣющихъ плавать, и вода держитъ ихъ. Вода озера, налитая въ стаканъ и поставленная на солнце, испаряется въ нѣсколько дней, оставляя въ стаканѣ осадокъ чистой соли. Такъ и добываютъ соль изъ этого озера: воду наливаютъ въ открытыя бочки, выставленныя на воздухъ, и по мѣрѣ испаренія воды доливаютъ ежедневно бочки, пока онѣ не заполнятся до верху солью; тогда ихъ закупориваютъ, и товаръ готовъ къ отправкѣ.

На озерѣ нѣсколько гористыхъ и живописныхъ острововъ; по берегамъ его—нѣсколько купальныхъ учрежденій. Мы попали не въ сезонъ, который долженъ начаться черезъ недѣлю, но купальное заведеніе осмотрѣли. Все купальное заведеніе выдвинуто въ озеро и расположено на свайной эстакадѣ. Дорога, соединяющая заведеніе съ низменнымъ берегомъ, расположена также на свайной эстакадѣ, по которой нашъ поѣздъ подвезъ насъ къ самому заведенію. По срединѣ заведенія расположена общая платформа; по обѣимъ сторонамъ платформы—сотни кабинетовъ для купающихся. Надъ платформой находится концертная галерея, длиною 110 аршинъ, шириною 56 арш.; эти поразительные размѣры промѣрены собственными шагами. Вся эта галерея, площадью болѣе $^{1}/_{4}$ десятины, перекрыта крышей, изображающей подобіе опрокинутаго килемъ вверхъ корабля и опирающейся только на наружные столбы (стѣнъ у галереи нѣтъ); вся внутренняя площадь этой галереи, въ $^{1}/_{4}$ десятины, представляетъ изъ себя паркетный полъ безъ одного столба на немъ. Все заведеніе разсчитано на одновременное пребываніе въ немъ толпы въ 12.000 человѣкъ. Въ сезонъ, когда играетъ музыка, въ „Saltair“ собирается много народу. „Однажды, въ прошломъ году, было семнадцать тысячъ, но тогда было тѣсновато“,—заявилъ намъ агентъ заведенія.

Сегодня мы немногочисленны,—нѣсколько десятковъ пассажировъ, пріѣхавшихъ съ нами и съ нами же уѣхавшихъ обратно черезъ часъ, съ первымъ отходящимъ поѣздомъ. Вернувшись въ городъ въ пять часовъ, мы пересѣли на другой tramway и поѣхали въ фортъ Дугласъ, расположенный совсѣмъ у подножія горъ, на мѣстности, нѣсколько возвышенной надъ городомъ. Мѣстечко напоминаетъ скорѣе элегантный и поэтическій дачный уголокъ,

чѣмъ военную крѣпость: казармы солдатъ закрыты вьющимися по стѣнамъ розами, жасминами и разными невиданными нами цвѣтами; вездѣ—газоны, лужайки, фонтаны. Съ сѣверной стороны форта, сейчасъ за домами, стѣной стоятъ горы, мѣстами еще покрытыя снѣгомъ; за ними дальше видны снѣжныя вершины; на югъ передъ фортомъ раскинулся, какъ сплошной паркъ, Городъ Соленаго Озера, со своими красивыми храмами и общественными зданіями, высящимися изъ зелени; а еще дальше, за городомъ, блеститъ въ лучахъ заходящаго солнца громадное Соленое озеро и виднѣется „Saltair“, отъ котораго мы теперь верстахъ въ тридцати. Въ бинокль видны подробности зданія—такъ чистъ и прозраченъ разрѣженный горный воздухъ. Около пяти часовъ,—говоритъ „Бедекеръ“,—въ фортѣ Дугласъ играетъ военная музыка и фортъ въ это время охотно посѣщается жителями столицы штата Utah... Но теперь полкъ на Маниллѣ,—тамъ же и полковой оркестръ. Казармы охраняются немногочисленной командой чернокожихъ солдатъ.

Въ единственномъ городскомъ театрѣ, вечеромъ, шла оперетка „Serenade“. Придя въ театръ къ самому началу спектакля, мы за два доллара (4 рубля) получили два кресла въ первомъ ряду, но совсѣмъ рядомъ съ турецкимъ барабаномъ. Исполненіе оперетки весьма сносное; труппа находится подъ управленіемъ довольно извѣстнаго въ Америкѣ антрепренера, m-r'a Barnabee, который, несмотря на свои 72 года, выступаетъ и какъ актеръ. Переѣзжая изъ города въ городъ, труппа имѣетъ ограниченный репертуаръ, что̀ обезпечиваетъ ансамбль труппы. Музыка оперетки мелодична, что̀, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ она понатаскана изъ разныхъ мелодическихъ европейскихъ оперетокъ.

Наиболѣе подходящій для насъ поѣздъ отходитъ изъ Salt-Lake-City въ часъ дня. Расклеенныя повсюду громадныя афиши о митингѣ въ „Табернаклѣ“ въ воскресенье 2-го (14) мая, въ два часа, заставили насъ отложить отъѣздъ на день. Не скроемъ, что этому рѣшенію способствовало и мирное, благодушное настроеніе всей обстановки, въ которой мы отдыхали послѣ кошмаровъ ночи въ Leadville, наслаждаясь и свѣжимъ горнымъ воздухомъ, и окружающими пейзажами, и веселыми, цвѣтущими улицами городка, и видомъ добродушныхъ жителей, и нѣкоторымъ отпечаткомъ провинціализма, лежащимъ на городѣ и его обитателяхъ.

Утро до митинга я посвятилъ осмотру города. Оригинальна планировка города. Центромъ города считается Temple-Square,

т.-е. площадь, обращенная въ садъ и обнесенная каменнымъ заборомъ. На этой площади расположены три главныя зданія города: храмъ, „Табернаклъ“ и Assembly-Hall. Улицы, окружающія скверъ, называются Сѣверной, Южной, Западной и Восточной Соборными улицами. Эти главныя улицы—безъ нумеровъ. Улицы, параллельныя Сѣверной и Южной Соборнымъ, соотвѣтственно называются 1-ой, 2-ой, 3-ею и т. д. Сѣверными; тоже 1-ою, 2-ою, 3-ею и т. д. Южными, а перпендикулярныя имъ улицы—1-ою, 2-ою, 3-ею и т. д. Западными, и наконецъ, 1-ою, 2-ою, 3-ею и т. д. Восточными. Повидимому, это просто, но для первоначальной оріентировки нью-іоркскій планъ удобнѣе и легче. Изъ Соборныхъ улицъ наиболѣе популярна Южная—South-Temple-Street, на которой, главнымъ образомъ, расположены реликвіи мормоновъ: первый домъ—Br. Young, называемый Lionhous по двумъ изваяніямъ на этомъ домѣ львовъ; напротивъ этого патріархально-простого дома стоитъ хорошенькая вилла Garde-Hous или дворецъ его любимой жены, одной изъ многочисленныхъ женъ патріарха мормонской религіи.

Къ двумъ часамъ мы подходимъ къ „Tabernacle“ на митингъ. Со всѣхъ сторонъ подходили туда же посѣтители толпами. „Tabernacle“, это—громадное эллиптическое въ планѣ зданіе, перекрытое кровлей, напоминающей собой черепаху или опрокинутый вверхъ корабль. На подобіе этой крыши устроена крыша видѣннаго нами вчера „Saltair“,—только „Tabernacle“ имѣетъ стѣны и по размѣрамъ еще болѣе, чѣмъ „Saltair“. Въ „Tabernacle“ свободно помѣщаются 12.000 человѣкъ,—изъ нихъ 8.000 могутъ сидѣть въ партерѣ, а остальныя 4.000 располагаются по галереямъ, идущимъ кругомъ зала. Простота внутренней отдѣлки доведена до крайняго предѣла. Внутри этого овала, какъ бы исполинскаго полуяйца съ гладкими внутренними стѣнками, по срединѣ расположены многими десятками рядовъ скамьи для посѣтителей. Вдоль обѣихъ длинныхъ стѣнъ и задней короткой идутъ скамьи амфитеатромъ. Въ переднемъ концѣ помѣщенъ исполинскій органъ, около котораго на наклонной платформѣ сидятъ нѣсколько сотъ хористовъ и хористокъ любителей. При нынѣшнихъ весеннихъ шляпкахъ эта наклонная эстрада казалась намъ, сидѣвшимъ гдѣ-то въ 40-хъ—50-хъ рядахъ,—роскошной цвѣточной клумбой. У подножія эстрады, но все-таки на нѣкоторомъ возвышеніи надъ партеромъ, расположена каѳедра. Предсѣдатель митинга объявилъ митингъ открытымъ. Для начала отлично сыгранъ на органѣ отрывокъ изъ Haendel'я; затѣмъ слѣдовалъ нумеръ хора съ органомъ. Резонансъ въ залѣ великолѣпный и музыкальное

отдѣленіе доставило намъ полное художественное удовольствіе. На каѳедру вошелъ m-r Edler Penrose, сѣдой господинъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ, и сказалъ спичъ на тему: „let us have peace“. Онъ говорилъ, что хотя на землѣ много религій, но всѣ народы сходятся въ одномъ стремленіи къ миру; хотя предложеніе всеобщаго мира въ Гаагѣ сначало встрѣчено было недостаточно серьезно, но теперь движеніе въ пользу этого предложенія принимаетъ серьезные размѣры. Ораторъ хотя и не ожидаетъ большихъ результатовъ отъ конгресса въ Гаагѣ, но всѣ шаги въ этомъ направленіи должны быть поощряемы. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на то, что предложеніе мира идетъ изъ страны, политика которой, начиная съ Петра Великаго, была аггрессивной политикой, но „политики мѣняются, направляемыя Господомъ Богомъ“. По мнѣнію оратора, „миръ“ не исключаетъ возможности войны, но царство мира есть царство правды, и когда оно наступитъ, то это и будетъ значить, что Христосъ сошелъ на землю.

Началъ свой спичъ ораторъ ровно въ три часа. Въ три часа 48 мин. онъ посмотрѣлъ на часы, поговорилъ еще двѣнадцать минутъ и кончилъ ровно въ четыре часа—такъ стояло и на афишахъ. Послѣ спича m-r'a Penrose, предсѣдатель митинга объявилъ, что на завтра, въ два часа, назначается собраніе въ „Assembly Hall“, для выбора комитета, имѣющаго выработать мѣры для водворенія мира на землѣ. Для окончанія митинга предсѣдатель предложилъ присутствующимъ пропѣть псаломъ: „God moves in a Mysterious Way“.

Выйдя изъ „Tabernacle“, мы направились къ стоящему рядомъ храму мормоновъ, предвкушая удовольствіе осмотрѣть заключенныя въ немъ рѣдкости, завлекательно описанныя „Бедекеромъ“. Но для входа внутрь его оказалось необходимымъ перемѣнить религію и сдѣлаться мормономъ. Пришлось ограничиться обходомъ кругомъ храма, очень красиваго снаружи. Третье зданіе—„Assembly-Hall“—меньше „Tabernacle“ и ничего интереснаго изъ себя не представляетъ.

Возвращаясь пѣшкомъ домой, мы на одномъ изъ перекрестковъ улицъ застали большую толпу. Въ центрѣ толпы, посреди улицы, стоитъ на колѣняхъ отрядъ „Арміи Спасенія“ съ музыкантами и развернутыми знаменами. Въ отрядѣ и джентльмены, и дамы, и даже дѣти, всѣ въ формѣ, всѣ на колѣняхъ, у всѣхъ глаза закрыты, головы опущены; одинъ изъ отряда въ пламенной рѣчи призываетъ спастись, многіе плачутъ и рыдаютъ. Окончилъ первый ораторъ, всѣ встали. Выступаетъ другой ораторъ, бритый и въ pince-nez, съ физіономіей провинціальнаго комика,

и начинаетъ громить чревоугодіе и пьянство. Опять всѣ стали на колѣни и запѣли хоромъ. Затѣмъ ораторъ заплакалъ, въ отчаяніи закрывая глаза; всѣ поникли головою. А толпа кругомъ стояла молча, шляпы на головахъ, сигары въ зубахъ, но ни одной шутки. Постоятъ, посмотрятъ и пойдутъ дальше [1]). Но проповѣдь о пьянствѣ, очевидно, прошла не безслѣдно: одинъ изъ сосѣдей моихъ въ толпѣ предложилъ своему пріятелю пойти выпить кружку пива. Заинтересовавшись, какъ они исполнятъ свое намѣреніе въ воскресенье, когда всѣ „распивочныя" (bar) закрыты, я пошелъ за ними и воочію убѣдился, что дѣйствительно всѣ bar'ы закрыты съ улицы, но не съ задняго крыльца. Слѣдуя за моими спутниками, я прошелъ черезъ заднее крыльцо, засталъ въ bar'ѣ большое общество и съ удовольствіемъ выпилъ кружку пива, въ приготовленіи котораго американцы не уступаютъ нѣмцамъ. И неудивительно, что bar'ы переполнены, такъ какъ, по случаю воскресенья, закрыты какія бы то ни было зрѣлища, спектакли; оживленныя въ будни улицы обратились въ пустыни, скудно освѣщаемыя вечеромъ немногочисленными уличными фонарями, такъ какъ всѣ магазины заперты. Прогулка по этимъ безлюднымъ пустынямъ, несмотря на мягкую майскую ночь, не особенно интересна. Не интереснѣе и въ отелѣ, гдѣ, по случаю воскресенья, рояль запертъ на ключъ, а вестибюль наполненъ джентльменами, сидящими на креслахъ, курящими, сплевывающими и... молчащими.

VIII.

Сіерра-Невада.

Путь нашъ въ С.-Франциско изъ столицы мормоновъ шелъ на желѣзно-дорожный узелъ Огденъ, куда мы прибыли черезъ часъ послѣ отъѣзда изъ Salt-Lake-City, и куда намъ пришлось возвратиться: спустя нѣсколько минутъ по отходѣ поѣзда отъ Огдена, вагонъ нашъ подскочилъ настолько, что всѣ пассажиры бросились къ окнамъ, изъ которыхъ увидали разбѣгающуюся отъ поѣзда въ ужасѣ артель ремонтныхъ рабочихъ. Дальнѣйшихъ основаній для паники не оказалось, такъ какъ поѣздъ моментально остановился, пассажиры вышли изъ вагоновъ, и глазамъ ихъ представился наклоненный почтовый вагонъ нашего поѣзда, потерявшій

[1]) Такое упорное нежеланіе толпы замѣчать комическія стороны уличнаго религіознаго представленія, повидимому, можетъ быть объяснено тѣмъ уваженіемъ, которое завоевала себѣ „Army of Salvation" своей благотворительной дѣятельностью.

одну изъ рессоръ, черезъ которую благополучно перепрыгнули остальные вагоны. Среди пассажировъ происшествіе это вызвало только нѣсколько дѣловыхъ вопросовъ, какъ велико будетъ опозданіе и гдѣ оно будетъ наверстано. Возвращеніе малой скоростью на Огденъ и замѣна сломаннаго вагона другимъ, вмѣстѣ съ перегрузкой почты, потребовали около двухъ часовъ времени. Изъ Огдена довольно долго дорога идетъ берегомъ Великаго Соленаго озера и только верстахъ во ста отъ Огдена круто поворачиваетъ къ юго-западу и идетъ по безотраднѣйшей Великой Американской пустынѣ (Great American Desert). Почва этой пустыни та же, что и въ Salt-Lake-City; мѣстами, гдѣ степь орошена, глазъ отдыхаетъ на оазисахъ съ субтропической растительностью. Очевидно, что будущность этой пустыни—быть обращенной при помощи ирригаціи въ сплошной оазисъ. Для дѣла этого потребуются, конечно, колоссальные капиталы, но, въ виду несомнѣнной выгодности предпріятія, американцы не остановятся передъ нимъ.

Около шести часовъ вечера мы переѣзжаемъ границу Utah и Nevada, обозначенную скромнымъ монументомъ, который, однако, привлекаетъ общее вниманіе, такъ какъ онъ значится у „Бедекера". Вотъ истинный путь для популярности: Добчинскому и Бобчинскому слѣдовало просить Хлестакова упомянуть о нихъ не у министра, а въ „Бедекерѣ". За пограничнымъ монументомъ начинается подъемъ—намъ предстоитъ перевалить черезъ кряжъ горъ Sierra-Nevada. По дорогѣ проѣзжаемъ мимо мѣстечка Wells, нѣкоторые изъ источниковъ котораго имѣютъ неизмѣренную глубину. Таково послѣднее заключеніе ѣдущей въ одномъ съ нами вагонѣ компаніи англичанъ-туристовъ. Этой неизмѣренной глубиной источниковъ интересъ ихъ къ Wells'у исчерпанъ, и они на немъ поставили точку. На самомъ дѣлѣ дорога сегодня вечеромъ не особенно интересна и очень однообразна. Нѣкоторый интересъ представляютъ жалкіе образцы вымирающаго индѣйскаго племени Pitou, выпрашивающіе у пассажировъ милостыню на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ.

Утромъ 4 (16) мая мы проснулись въ снѣгахъ, въ суровомъ горномъ пейзажѣ съ широкими видами во всѣ стороны. Къ сожалѣнію, виды очень страдаютъ отъ сплошныхъ снѣжныхъ защитъ, тянущихся съ самыми малыми перерывами на протяженіи до семидесяти верстъ. Эти защиты устроены въ видѣ корридоровъ, стѣны и крыши которыхъ обшиты досками по деревяннымъ столбамъ. Въ щелочки между досками этихъ snow-shades приходится глядѣть на свѣтъ божій. Иногда, въ особо краси-

выхъ мѣстахъ,—напримѣръ, противъ горнаго озера Donner, доски съ одной стороны корридора замѣнены деревянными рѣшотками. Но какъ ни красиво озеро Donner, окруженное снѣжными горами и сосновымъ боромъ, и хотя оно и привлекаетъ особое вниманіе нашихъ спутниковъ англичанъ отмѣткой въ „Бедекерѣ"— озеро Donner стоило жизни членамъ экспедиціи, открывшей его,— тѣмъ не менѣе, любоваться видами сквозь мельканіе рѣшотки крайне утомительно. Подъѣзжая къ высшей точкѣ перевала, мы оказались среди облаковъ, гуляющихъ по вершинамъ горъ. За высшей точкой желѣзной дороги—Summit-Station—начался волшебный спускъ въ Калифорнію; черезъ какіе-нибудь полтора часа ѣзды мы промчались изъ линіи снѣговъ и вереска черезъ всѣ климаты, черезъ всевозможныя флоры и очутились подъ тропическими пальмами Калифорніи. Тотчасъ за переваломъ открывается широчайшій видъ на Калифорнію. Дорога проходитъ иногда по скаламъ, лѣпясь надъ пропастями. Повсюду, какъ чудовищныя змѣи, видны гигантскіе водопроводы къ золотымъ пріискамъ; мѣстами видны естественные фонтаны, бьющіе вверхъ на десятки саженей, и громадные оползни горъ, какъ результаты работы этихъ подземныхъ водъ. Едва успѣваете замѣчать, какъ изъ снѣговъ и дикой мѣстности вы попадаете въ хлѣбородныя поля ржи, овса, пшеницы, затѣмъ въ виноградныя и апельсинныя рощи. На какой-то маленькой станціи появились въ продажѣ букеты подснѣжниковъ, на слѣдующей — довольно дорогіе маленькіе букеты маленькихъ розъ, а еще дальше—дешевые букеты чудныхъ крупныхъ розъ. На станціи „Sacramento" поѣздъ стоитъ 40 минутъ. Пользуясь такой рѣдкой, по продолжительности, остановкой, я успѣлъ пробѣжаться по симпатичному городку, въ которомъ американская дѣловитость сильно смягчена югомъ, виноградомъ, апельсинами, солнцемъ и вѣроятно испанцемъ, типъ котораго замѣтно пробивается наружу. Дальше дорога идетъ по болотистымъ лугамъ, покрытымъ роскошными цвѣтами. Около восьми часовъ вечера въ городкѣ Benicia поѣздъ нашъ вошелъ на величайшій въ мірѣ паровой паромъ „Solano", который доставилъ насъ на другой берегъ. Пассажиры могли бы и не выходить изъ вагоновъ, но, конечно, большинство пассажировъ вышло изъ вагоновъ и гуляло по парому. На паромѣ три пары рельсовъ, на которые и становился расцѣпленный на части поѣздъ. На причаливаніе парома и составленіе вновь поѣзда требуется нѣсколько минутъ. Вся операція передачи поѣзда черезъ заливъ на паромѣ производится такъ плавно, что подъ вечеръ или ночью пассажиры легко могли бы не замѣтить опера-

цій, производимыхъ надъ вагонами поѣзда, еслибы опять тотъ же „Baedecker“ не предупреждалъ, что переправа у Benicia на ferry (такъ называютъ паромы, подымающіе желѣзнодорожные поѣзда), есть чудо техники. Вскорѣ послѣ этой переправы поѣздъ подошелъ къ городку Oakland, расположенному противъ S.-Francisco на другомъ берегу океанскаго залива и играющему по отношенію къ S.-Francisco ту же роль, какую играетъ Бруклинъ относительно Нью-Іорка. Пройдя черезъ весь городъ, поѣздъ нашъ прошелъ еще около двухъ верстъ по молу, выдвинутому въ заливъ. Здѣсь пришлось покинуть вагоны и перейти на роскошный пассажирскій пароходъ, черезъ сорокъ минутъ доставившій насъ черезъ заливъ въ S.-Francisco. Благодаря оригинальной, остроумной конструкціи парохода, на причаливаніе и отчаливаніе не тратится ни одной минуты. Пароходъ совершенно симметриченъ относительно поперечной оси, т.-е. двигается безразлично тѣмъ или другимъ концомъ впередъ, имѣя съ обоихъ концовъ рули. Къ пристани пароходъ пристаетъ не бокомъ, а носомъ, какъ бы заклиниваясь между двумя упругими стѣнами изъ деревянныхъ свай, высоко торчащихъ надъ водою. Откидной широкій помостъ, опускаемый съ набережной на палубу парохода, быстро соединяетъ пароходъ съ берегомъ. Отваливъ отъ пристани, пароходъ пересѣкаетъ заливъ, не поворачиваясь, и другимъ концомъ пристаетъ къ пристани другого берега, и т. д. При этомъ, конечно, пароходы эти двухъ-ярусные,—конечно, могутъ поднимать тысячи пассажировъ—и, конечно, движутся съ точностью хронометровъ. Пассажировъ на пароходъ начинаютъ пускать за двѣ минуты до отхода.

Распростившись со спутниками по вагону, мы взяли въ руки свои дорожные мѣшки, предъявили на пристани билетъ, пріобрѣтенный еще въ Парижѣ на проѣздъ въ экипажѣ по S.-Francisco отъ пароходной пристани до любой гостинницы, и черезъ десять минутъ взлетали на одномъ изъ lift'овъ въ отведенный намъ нумеръ „Palace-Hôtel“. Черезъ полчаса въ нумеръ внесли весь нашъ багажъ, который мы понемногу раскидывали по Америкѣ, адресуя его въ „S. Fr. P. H.“.

Съ прибытіемъ нашимъ въ С.-Франциско окончились наши многодневныя путешествія по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ, чему мы отъ души порадовались, такъ какъ, несмотря на весь интересъ путешествія, акробатическія упражненія одѣванія и сниманія платья, сидя за занавѣской на вагонной постели, не имѣя возможности спустить ногъ и имѣя надъ головой два вершка свободнаго пространства,—даются не легко.

IX.

Санъ-Франциско.

Усталость путешествія взяла свое; съ вечера я заснулъ, не успѣвъ ознакомиться съ планомъ города, и утромъ, 5-го мая, вышелъ изъ гостинницы съ планомъ города въ рукахъ; по дорогѣ развертывая планъ и разыскивая улицу, на которой расположенъ Nevada-Bank, я избѣгалъ при этомъ обращаться съ разспросами къ прохожимъ и даже къ полисменамъ. Разсматриваніе плана города на улицѣ не прошло незамѣченнымъ; при первой же моей попыткѣ развернуть планъ, ко мнѣ обратился какой-то старичокъ-французъ съ просьбой указать ему адресъ французскаго консула. Удовлетворивъ его любопытство при помощи имѣвшагося со мной „Бедекера", я едва отдѣлался отъ француза, усиленно приглашавшаго меня зайти распить съ нимъ стаканчикъ вина. При слѣдующей моей попыткѣ оріентироваться съ помощью плана, ко мнѣ подошелъ американецъ и вѣжливо просилъ указать ему дорогу въ Golden-Gate-Park, такъ какъ онъ-де только сегодня пріѣхалъ въ С.-Франциско. Увидавъ, затѣмъ, изъ надписи на обложкѣ „Бедекера", что я—инженеръ, онъ вручилъ мнѣ свою визитную карточку—„M-r George M-c Kay"—и предложилъ зайти вмѣстѣ съ нимъ въ бюро, къ его хорошему знакомому—назвалъ фамилію—главному инженеру одной изъ прилегающихъ къ С.-Франциско желѣзныхъ дорогъ. Бюро помѣщалось такъ близко, напротивъ, приглашеніе было такъ очевидно безкорыстно, что, послѣ легкаго колебанія, объясняемаго неизгладившимся еще впечатлѣніемъ отъ подозрительной встрѣчи съ французомъ, я послѣдовалъ за m-r M-c Kay. Во второмъ этажѣ, передъ одной изъ дверей съ надписью: „Office", m-r M-c Kay остановился, постучалъ въ нее и, послѣ отвѣтнаго возгласа: „come in", мы вошли въ комнату, заставленную письменными столами и конторками. На встрѣчу намъ поднялись два джентльмена безъ сюртуковъ, по распространенному въ американскихъ конторахъ и банкахъ обычаю. Послѣ взаимныхъ представленій, они предложили намъ обождать возвращенія шефа ихъ конторы, отправившагося на биржу—котировать акціи вновь учреждаемой компаніи золотыхъ пріисковъ. Въ ожиданіи возвращенія шефа, почтенные клерки просятъ разрѣшенія нашего продолжать игру въ pocker, прерванную нашимъ приходомъ. Мы съ m-r M-c Kay киваемъ головами; клерки поднимаютъ брошенную на столъ газету, подъ

которой оказываются карты, и продолжають крупную игру, причемъ столбики золотыхъ монетъ, въ двадцать долларовъ монета (40 рублей), переходятъ отъ одного къ другому. Я углубляюсь въ газету; m-r M-c Кау принимаетъ участіе въ игрѣ, предлагаетъ и мнѣ принять участіе; я отказываюсь. Послѣ партіи m-r M-c Кау заявляетъ, что, въ виду нашего скораго ухода, ему невыгодно играть „на одну руку“ и проситъ позволенія партнеровъ играть и на меня, и на себя. Партнеры изъявляютъ согласіе, если я соглашусь. Я говорю, что я не играю. M-r M-c Кау настаиваетъ на разрѣшеніи только сдавать карты и для меня, говоря, что онъ будетъ играть на обѣ сдачи. Я повторяю, что я не умѣю играть, и въ игрѣ принимать участія не буду. M-r M-c Кау сдаетъ карты на четверыхъ; я еще разъ повторяю, что я не принимаю участія въ игрѣ, и усиленно углубляюсь въ газету. Черезъ пять минутъ я встаю и заявляю, что мнѣ некогда дожидаться. Компанія выражаетъ сожалѣніе; m-r M-c Кау выражаетъ непремѣнное желаніе проводить меня и указать Nevada-Bank, и, кстати, условиться со мной, когда я свободенъ, чтобы познакомить меня съ „инженеромъ“. Уже стоя, торопясь, игроки производятъ разсчетъ. M-r M-c Кау обращается ко мнѣ съ просьбой размѣнять золотой; я удовлетворяю его просьбу, но прежде чѣмъ я успѣлъ получить отъ него золотой, мнѣ объявляютъ, что мои карты очень хороши, и что нѣтъ никакого риска утроить кушъ. M-r M-c Кау таинственно, скрывая отъ прочихъ, показываетъ мнѣ „мои“ карты. Взбѣшенный наглостью продѣлки, но еще сдерживаясь, я напоминаю, что я заявлялъ, что не принимаю участія въ игрѣ. M-r M-c Кау сочувственно пожимаетъ плечами, а джентльмены съ достоинствомъ заявляютъ, что они играли не со мной, а съ m-r M-c Кау, что имъ нѣтъ никакого дѣла, откуда деньги у m-r M-c Кау, и что если m-r M-c Кау проигралъ, — при этомъ вскрываются „мои“ карты и онъ оказывается въ проигрышѣ, — то онъ и платитъ (джентльмены берутъ ставку m-r M-c Кау, въ томъ числѣ и мои деньги), а если онъ, m-r M-c Кау, взялъ деньги у меня, то я могу требовать ихъ съ него, а не съ нихъ. M-r M-c Кау соглашается и выражаетъ намѣреніе уйти изъ комнаты за деньгами для меня. Окончательно взбѣшенный и уже не стараясь сдерживаться, я пріятельски хлопаю m-r M-c Кау по плечу, отчего онъ оказывается сидящимъ на стулѣ, и категорически заявляю требованіе получить немедленно мои 25 долларовъ. Одновременно намѣчаю себѣ довольно увѣсистую чернильницу и мысленно рѣшаю швырнуть ею въ громадное зеркальное стекло окна, выходящаго, какъ

я сказалъ выше, на людную улицу, въ случаѣ, если... Но этого „въ случаѣ, если“ не случилось, компанія сохранила невинный видъ, и m-r M-c Kay предложилъ мнѣ выдать вексель на 20 долларовъ. Не снимая руки съ плеча m-r M-c Kay и слегка пожимая это плечо, я настойчиво повторилъ требованіе выплатить мнѣ немедленно 25 долларовъ. Компанія все-таки сохраняла невинный видъ. M-r M-c Kay написалъ чекъ одному изъ хозяевъ, получилъ отъ него 25 долларовъ и передалъ ихъ мнѣ. Разстались—какъ будто бы ничего не произошло. Въ банкѣ встрѣтилось затрудненіе въ полученіи изъ банка уже безспорно мнѣ принадлежащихъ денегъ, причемъ для удостовѣренія моей личности банкъ потребовалъ предъявленія моего паспорта. Въ первый (и въ послѣдній) разъ за все время пребыванія моего въ Америкѣ пришлось прибѣгнуть къ паспорту.

Такъ непривѣтливо встрѣтилъ насъ С.-Франциско; впрочемъ, сами американцы признаютъ особую испорченность нравовъ разноплеменнаго населенія С.-Франциско, объясняя ее развращающимъ вліяніемъ золотой калифорнской лихорадки. Повидимому, и близость торговаго порта не безъ вліянія на нравы С.-Франциско. Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами городовъ Америки только въ С.-Франциско свободно процвѣтаетъ азартная игра на улицѣ: на всѣхъ углахъ, во всѣхъ табачныхъ идетъ игра въ кости, причемъ мѣстные янки играютъ съ матросами всѣхъ національностей, не брезгая и китайцами, которыхъ въ прочихъ условіяхъ общественной жизни американцы ставятъ ниже негровъ, разрѣшая жить имъ въ С.-Франциско исключительно лишь въ отведенномъ для нихъ кварталѣ. Тогда какъ кафе-шантаны въ Америкѣ являются вообще исключеніемъ, въ С.-Франциско они преобладаютъ. Благодаря „портовымъ“ нравамъ города, даже реклама, оставаясь американской, пріобрѣтаетъ въ немъ особый оттѣнокъ. Тогда какъ, несмотря на всю смѣлость, иногда наглость, реклама въ Америкѣ всегда прилична,—хотя, быть можетъ, это происходитъ лишь въ силу англо-саксонскаго лицемѣрія,—реклама въ С.-Франциско пріобрѣтаетъ европейскій отпечатокъ. Знаменитое мыло pear soap рекламируется въ С.-Франциско выставленными въ окнахъ магазиновъ громадными канканирующими заводными куклами. На одномъ чулкѣ куклы надпись: „я моюсь pear soap“, на другомъ—„лучшее мыло въ мірѣ“. Американскимъ въ этой рекламѣ является количество куколъ, выставленныхъ по всему городу въ разныхъ магазинахъ. Городской паркъ, „Golden-Gate-Park“—паркъ Золотыхъ-Воротъ—заимствовалъ свое имя отъ узкаго пролива, соединяющаго Тихій океанъ съ С.-Францисканскимъ заливомъ.

Прогулка въ паркѣ дала намъ возможность проѣхать черезъ весь городъ. Американскій типъ домовъ въ городѣ является исключеніемъ. Въ центрѣ города жители не скучены—исключеніе лишь китайскій кварталъ,—а по окраинамъ деревянные дома-особнячки расположены среди садовъ. Несмотря на значительныя крутизны холмовъ, на которыхъ расположенъ городъ, электрическія канатныя дороги всползаютъ на уклоны, не уменьшая, конечно, скорости. Крутизна, мѣстами, такъ велика, что пассажиры, скользя по деревяннымъ скамьямъ, сбиваются къ нижнему концу вагона.

Golden-Gate-Park занимаетъ громадную площадь. Въ часъ времени успѣваю обойти только маленькую часть его, хотя ходить приходится быстро, такъ какъ между полуднемъ и четырьмя часами въ С.-Франциско всегда дуютъ холодные вѣтры. Климатъ С.-Франциско необыкновенно постоянный. Средняя годовая температура $+11^1/_2{}^0$ R.; средняя температура сентября, самаго теплаго мѣсяца въ С.-Франциско, $+13^0$ R.; средняя температура января, самаго холоднаго мѣсяца, $+8^0$ R. Лѣтомъ никогда не бываетъ выше 25^0; о морозахъ С.-Франциско не имѣетъ понятія. По всему этому, въ Golden-Gate-паркѣ встрѣчается роскошная растительность всѣхъ климатовъ: розы и виноградъ вьются около стволовъ сосенъ и елей; нашъ сѣверный можжевельникъ ютится подъ тѣнью пальмъ и апельсинныхъ деревьевъ. Въ этомъ благодатномъ климатѣ—климатѣ всей Калифорніи—растенія достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ; наша садовая травка, begonia, ростетъ здѣсь въ видѣ кустовъ выше человѣческаго роста, штокрозы—вышиною съ деревья и т. д. Фруктовыя деревья, напр. яблони, груши, начинаютъ приносить плоды на второй годъ послѣ посадки, апельсины—на пятый годъ. Американская практичность сказалась въ дальновидности, съ которой запроектированъ паркъ: онъ задуманъ такъ широко, что окончить его городъ будетъ имѣть средства только когда въ немъ будетъ милліонъ жителей, а теперь въ С.-Франциско, пока, около трехъ сотъ тысячъ жителей; поэтому западная часть парка совершенно не разработана и представляетъ довольно унылый видъ, благодаря многимъ дюнамъ. Зато во время ежедневнаго послѣ-полуденнаго вѣтра особенно пріятно укрываться отъ пыли въ артистически разработанной восточной части парка. Недалеко отъ входа въ паркъ возвышается среди зелени стеклянный куполъ такъ называемой „Conservatory", которую я и направился посмотрѣть, думая увидѣть концертный залъ, но попалъ въ роскошнѣйшую тропическую оранжерею съ громадной Victoria regia. Оранжерея такъ хороша, что я не посѣтовалъ на несбывшееся ожиданіе осмотрѣть кон-

цертный залъ. Подобное недоразумѣніе произошло со мной и въ Salt-Lake City, но тамъ оно имѣло болѣе грустныя послѣдствія: гуляя въ воскресенье по безлюдному, по случаю праздника, городу, я обрадовался, увидѣвъ надпись: „Spectacles", немедленно вошелъ и попалъ на распродажу очковъ. Недалеко отъ оранжереи возвышается покрытая зеленью гора, на вершинѣ которой устроено что-то въ родѣ развалинъ древней колоннады. Поднимаясь на эту гору, на срединѣ ея я нашелъ прехорошенькое озеро со скалистыми островками и водопадами въ него изъ вершины горы. Одинъ изъ заливчиковъ озерка отведенъ подъ игру пловцовъ въ мячи, плавающіе теперь на водѣ. Вчера,—гласила афиша на эстрадѣ,—было состязаніе. Дальше на озеркѣ плаваютъ бѣлые и черные лебеди, диковинные утки и гуси. Но самое интересное—впереди. Пройдя по водопаду, пропущенному сквозь дорогу-скалу узенькими, но глубокими канавками, я попалъ въ японскій домъ, миніатюрный искусственный садикъ котораго съ искусственными фонтанчиками, ручейками, карликовыми растеніями, конечно, производитъ извѣстное впечатлѣніе среди гигантской природы Калифорніи. Въ чайномъ домикѣ я засталъ большое общество японскихъ матросовъ въ оживленной бесѣдѣ съ хозяйками-японками.

Рядомъ съ чайнымъ домикомъ находится „aviarium", т.-е. птичникъ, или точнѣе—звѣринецъ. Подъ aviarium отведена площадь въ нѣсколько десятинъ, окруженная стѣной изъ металлической сѣтки и перекрытая по верхушкамъ деревъ металлической же сѣткою. Внутри этой клѣтки находятся и деревья, и скалы, и ручей, и въ ней какъ бы на свободѣ живутъ птицы и звѣри, причемъ, конечно, хищныя животныя выдѣлены особо. А чтобы удобнѣе было наблюдать жизнь животныхъ, сквозь эту клѣтку проходитъ такой же сѣтчатый корридоръ, вышиною аршина четыре, для публики. Вотъ и разберите, кто кого разсматриваетъ здѣсь въ клѣткѣ. Звѣри и птицы—настолько ручные, что когда вы идете по корридору, они слѣдуютъ за вами и справа, и сверху, и слѣва.

При выходѣ моемъ изъ парка, къ воротамъ подходитъ вагонъ электрическаго tramway, поворачивается на ручномъ поворотномъ кругу и, не ожидая набора пассажировъ, сейчасъ же отправляется обратно. Между разными рекламами, висящими внутри вагона, компанія этихъ tramway'евъ публикуетъ, что у нея готовы the new elegant special party car, т.-е. роскошные вагоны, не угодно ли нанимать ихъ и кататься по всему городу куда угодно и

когда угодно, при условіи лишь не останавливаться нигдѣ, кромѣ конечныхъ пунктовъ сѣти.

Коммиссіонерская контора „Кука", куда я направился изъ парка, помѣщается въ одномъ зданіи съ нашимъ отелемъ. До 13 мая, до отхода нашего парохода изъ С.-Франциско, остается восемь дней, которые рѣшаемся употребить на поѣздки по Калифорніи. Послѣ часовой бесѣды съ клеркомъ конторы Кука, у насъ были выработаны всѣ маршруты, пріобрѣтены билеты, и изъ конторы я вышелъ уже не свободнымъ человѣкомъ, а кліентомъ Кука. Обѣдать отправились, по рекомендаціи того же Кука, въ ресторанъ Zingano, копирующій вѣнскіе рестораны съ недурнымъ струннымъ оркестромъ.

Просматривая послѣ обѣда газеты, встрѣчаю разсказъ, что около Денвера только-что состоялось столкновеніе двухъ паровозовъ, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ: антрепренеры получили чистаго барыша 10 тысячъ долларовъ! Для столкновенія былъ выстроенъ особый путь, около мили длиной, и выбраны два старыхъ паровоза. Интересъ зрѣлища превзошелъ, по словамъ газеты, всѣ ожиданія, такъ какъ одинъ изъ кочегаровъ не соскочилъ во-время съ паровоза и погибъ. Столкновеніе произошло не совсѣмъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось, и едва не было причиной большаго несчастія съ любопытными, но они во-время разбѣжались отъ мѣста столкновенія. Впрочемъ, паника быстро улеглась, толпа кинулась къ мѣсту катастрофы и въ нѣсколько минутъ растащила на память мелкіе обломки шпалъ, тендерныхъ будокъ, и т. п., отдавая особое преимущество кускамъ, обагреннымъ кровью погибшаго кочегара.

Въ четвергъ, 6 (18) мая, въ программѣ нашей стоитъ поѣздка на Mount Tamalpais. Пароходъ отходитъ отъ Санъ-Франциско въ 9 ч. 30 м. утра. Выйдя изъ дому въ 8 часовъ и разыскавъ къ 8 ч. 30 м. нашу пристань, мы рѣшаемъ, что ждать на пристани цѣлый часъ скучно, свѣряемъ часы, садимся въ первый попавшійся вагонъ городского tramway и ѣдемъ кататься по городу; проѣзжаемъ черезъ дѣловые кварталы, проѣзжаемъ черезъ грязновонючіе китайскіе кварталы, проѣзжаемъ дальше по аристократическимъ улицамъ города, застроеннымъ хорошенькими виллами изъ несгараемаго дерева, и безъ пяти минутъ до времени отхода парохода пріѣзжаемъ назадъ на нашу пристань, гдѣ еще никого нѣтъ. Послѣ насъ начинаютъ прибывать пассажиры. Ровно за минуту, какъ это сказано и въ объявленіи, звонитъ колоколъ, открываются ворота, мы черезъ корму парохода входимъ на пароходъ, который немедленно отчаливаетъ, и ровно черезъ сорокъ

минутъ плаванія черезъ заливъ, какъ это сказано и въ росписаніи, пристаетъ у городка Sansalito, упираясь носомъ въ пристань. Пассажиры сейчасъ же выходятъ на пристань, гдѣ ихъ ожидаетъ желѣзно-дорожный поѣздъ. Поѣздъ отправляется двѣ минуты спустя послѣ прибытія парохода. Зѣвать, какъ видите, некогда. Черезъ четверть часа ѣзды по узкоколейной желѣзной дорогѣ, проходящей сначала черезъ купальное мѣстечко Sansalito, съ чудными лавровыми деревьями, а потомъ мимо отдѣльныхъ дачъ и по болотнымъ морскимъ лагунамъ, на станціи Mill Valley мы выходимъ изъ вагона и садимся въ открытый вагонъ другой желѣзной дороги, горной, называемой Mill Valley and Mount Tamalpais scenic railway. Дорога эта не безъ основанія рекламируется какъ тріумфъ инженернаго искусства. Разстояніе отъ станціи Mill Valley, стоящей у подножія горы, до конечной станціи Summit, на вершинѣ горы,—всего 4½ версты, но дорога крутится и имѣетъ длину 12½ верстъ, поднимаясь на высоту 2.500 футъ. Рельсы обыкновеннаго типа, но локомотивы особаго устройства: поршни работаютъ не вдоль, а поперекъ локомотива, и приводятъ въ движеніе продольную ось, движеніе которой при помощи шестеренъ передается подъ прямымъ угломъ осямъ колесъ. Благодаря такому устройству, паровозъ работаетъ безъ дерганій вправо и влѣво, на которыя обречены обыкновенные паровозы, и которыя должны были быть совершенно исключены на M-t Tamalpais г., въ виду допущенія на ней кривыхъ въ 10 саженъ радіусомъ. Поѣздъ состоитъ изъ одного или двухъ— не больше—открытыхъ вагоновъ; паровозъ всегда внизу поѣзда, т.-е. при подъемѣ паровозъ подталкиваетъ вагоны. Съ мѣста мы въѣзжаемъ въ чудное горное ущелье съ шумящимъ горнымъ ручейкомъ, заросшее краснымъ деревомъ, славой и гордостью Калифорніи. Ѣдемъ мимо хорошенькихъ дачъ; ручеекъ мѣстами запруженъ и образуетъ прудки. Ѣдемъ, посвистываемъ передъ переѣздами, украшенными, какъ и во всей Америкѣ, деревянными, на подобіе мельничныхъ крыльевъ, крестами съ надписью: „опасно, желѣзная дорога!“ А кругомъ насъ, въ гигантскихъ кустахъ розъ, свищутъ соловьи. Скоро мѣстность становится безлюднѣе и дорога начинаетъ крутиться по ущелью, все ползя вверхъ и имѣя пропасти то справа, то слѣва. Да вѣдь какъ крутится!—изъ средняго вагона мы видимъ очень часто и передній вагонъ, и толкающій насъ локомотивъ. Вотъ, кажется, влѣпимся въ громадное дерево, но вагонъ мчится мимо него въ аршинномъ разстояніи, круто заворачивая на кривомъ, наклонномъ деревянномъ мосту саженъ 15 вышиною, по которому дорога проходитъ съ одного

берега ущелья на другой. Начинаютъ преобладать сѣверныя породы деревъ, пропадаютъ пальмы, лавры, апельсины. Вотъ идутъ дубы, наша березка, наконецъ сосна и кипарисъ начинаютъ преобладать. Видъ становится все шире и шире, и вдругъ, послѣ одного изъ „лихихъ" поворотовъ, передъ нами открылся океанъ, видный между вершинами окружающихъ насъ горъ. Дорога такъ крутится, что въ одномъ мѣстѣ она идетъ пять разъ параллельно самой себѣ. Черезъ три четверти часа останавливаемся на уклонѣ, и паровозъ беретъ воду. Эта остановка—Double Bowknot—на серединѣ дороги: до гостинницы на вершинѣ горы кажется—рукой подать. Дальше виды все шире, горы какъ бы раздвигаются, открывается весь заливъ San-Francisco. Послѣ одного крутого поворота неожиданно подъѣзжаемъ къ „Tavern of Tamalpais", стоящей у конечной станціи дороги. Публика выходитъ изъ поѣзда и идетъ по обдѣланнымъ въ видѣ лѣстницъ скаламъ на самую верхушку горы, откуда открывается видъ на всѣ стороны на сотни верстъ. На востокъ виденъ весь заливъ San-Francisco, масса городковъ близъ него; на югъ—городъ San-Francisco, за нимъ горы Santa-Cruz; на западъ—Тихій океанъ, безбрежный; на сѣверъ—Sierra-Nevada со снѣжными вершинами. Среди ближайшихъ скалистыхъ, пустынныхъ скалъ мелькаетъ какое-то горное озерко, обросшее гигантскими соснами. Не хотѣлось уходить съ этой скалы, но надо повиноваться желѣзно-дорожному расписанію. За послѣобѣденной чашкой кофе, которую намъ подали на террасу, одинъ изъ нашихъ спутниковъ-англичанъ, лежа на креслѣ и черезъ задранныя ноги взирая на чудную панораму, такъ откликнулся на общіе восторги отъ восхожденія на Tamalpais: „О, да, на много сотенъ миль кругомъ никого нѣтъ выше насъ"!

Усталость, свѣжій горный воздухъ берутъ свое: на возвратномъ пути большинство пассажировъ клюютъ носами. Да и спускъ отъ необыкновеннаго къ обыкновенной жизни менѣе интересенъ, чѣмъ обратный подъемъ.

Попытка провести вечеръ въ лучшемъ театрѣ San-Francisco, гдѣ мы прослушали плохое исполненіе одного акта Оффенбаховскаго „Орфея", затѣмъ попытка моя заглянуть въ „лучшій" кафе „Olympia", гдѣ я натолкнулся на балаганщину съ неграми, окончательно убѣждаютъ, что „портовые" нравы въ С.-Франциско преобладаютъ надъ американизмомъ, что дальнѣйшее пребываніе въ городѣ совсѣмъ для насъ неинтересно. Въ „Tivoli" интересно только фойе, украшенное нѣсколькими великолѣпными картинами. Рядомъ съ громаднымъ полотномъ библейскаго содержанія находится стойка bar'а для продажи излюбленныхъ американцами

coy-tail'овъ. Эта взаимная реклама кабака, библейской живописи и театра—единственная американская черта „Tivoli".

Утро 7 (19) мая, направляясь осмотрѣть знаменитыя корабельныя верфи, я зашелъ въ „Academy of Science", музей которой не великъ, но по-американски щеголяетъ размѣрами чучелъ. Чучело современнаго слона, стоящее посреди музея, достигаетъ трехъ саженей высоты. Тутъ же находятся чучела, реставраціи отвратительныхъ допотопныхъ плезіозавра, ихтіозавра и гигантскаго армадила. На верфи „Union Iron Work" я попалъ въ обѣденное для рабочихъ время. Сторожъ не зналъ, что со мной дѣлать, но, въ виду моей рѣдкой національности, провелъ меня къ начальнику техническаго отдѣленія, почему-то не ушедшему завтракать, и тотъ разрѣшилъ ему отнести мою визитную карточку къ директорамъ въ lunch-room. Минутъ черезъ пять, которыя я провелъ въ бесѣдѣ съ общительнымъ начальникомъ техническаго отдѣленія, я получилъ разрѣшеніе осмотрѣть кораблестроительныя верфи [1]). На нѣсколькихъ верфяхъ этого завода строятся самыя разнообразныя суда. На каждой верфи висятъ дощечки съ именами построенныхъ на ней судовъ. Судя по надписямъ на этихъ дощечкахъ, постройка судна занимаетъ нѣсколько мѣсяцевъ, но въ горячее время—и меньше одного мѣсяца. Надъ строящимися судами стоятъ желѣзныя стропила, но они не застеклены и служатъ для подвѣшиванія и передвиженія подмостей и строительныхъ матеріаловъ. Дожди здѣсь такъ рѣдки и незначительны, что не мѣшаютъ работѣ.

Хотя прозвонилъ колоколъ и закипѣла работа, я не пошелъ къ директорамъ, предпочитая бродить по заводу въ одиночку и высматривая что поинтереснѣе. Нельзя сказать, чтобы верфи могли похвастаться чистотой; мастерскія же прямо завалены мусоромъ и грязью. Надъ станками, на высотѣ только-что достаточной лишь бы не мѣшать работѣ станковъ, сейчасъ надъ головой рабочихъ устроены склады матеріаловъ, шаблоновъ и т. п. Вездѣ—полное отсутствіе щегольства. Полъ изъ старыхъ шпалъ весь въ заплатахъ. Стропила, гдѣ потребовала сама жизнь, усилены подпорками, подкосами, расположенными безъ всякой системы. Зато передача матеріаловъ на станки организована превосходно. Громаднѣйшіе желѣзные листы стоятъ на дворѣ на ребро въ станкахъ. Надъ всѣмъ этимъ складомъ движется по рельсамъ мостъ, по которому ходятъ на блокѣ щипцы. Устано-

[1]) Въ виду обѣденнаго времени, мнѣ разрѣшили погулять по верфямъ одному, безъ провожатаго, но на разрѣшительномъ билетѣ крупно было напечатано, что мастера и рабочіе верфи штрафуются за разговоры съ посѣтителями.

вять щипцы надъ листомъ, поднимутъ его и везутъ куда надо. Листы поменьше подаются въ ручную на однорельсныхъ телѣжкахъ, спереди и сзади которыхъ имѣются по срединѣ еще по одному небольшому колесу.

Время послѣ завтрака мы посвящаемъ осмотру China Town и Cliff-House. Въ вонючемъ китайскомъ кварталѣ мы зашли въ рекомендованный „Бедекеромъ" чайный ресторанъ, гдѣ намъ подали желтый чай, заваренный въ мисочкѣ и прикрытый другой мисочкой. Къ чаю подали инбирное варенье и соленый миндаль. Трубку опіума я отклонилъ. Чай даже вкусенъ, очень подбодряетъ, но кругомъ царитъ китайская грязь, и мы поторопились выйти изъ китайскаго ресторана съ сознаніемъ исполненнаго долга. Пройдя нѣсколько шаговъ по грязнѣйшему и смраднѣйшему китайскому кварталу, вы сразу, безъ всякаго постепеннаго перехода, попадаете въ элегантный, блещущій чистотой американскій кварталъ: американцы терпятъ среди города китайщину, но совершенно изолировали ее.

Сѣвъ въ первый попавшійся вагонъ городского tramway, мы заявили, что ѣдемъ въ Cliff-House. Несмотря на то, что пришлось перемѣнить два раза вагоны, пока мы добрались до станціи паровой жел. дор., мы ничего не доплачивали къ 5 сентамъ (10 коп.) за билетъ, получая на пересадкахъ передаточные билеты (transfer). Поѣздъ паровой желѣзной дороги, пробѣжавъ по живописному океанскому берегу, доставилъ насъ на Point Lobos (мысъ морскихъ львовъ), расположенный на южномъ берегу пролива Golden Gate, въ девяти верстахъ отъ города С.-Франциско. Поѣздъ останавливается на довольно возвышенной надъ океаномъ площадкѣ, съ которой рельефно рисуется на водной поверхности мысъ; конечная скала мыса украшена красивымъ зданіемъ Cliff-House. По дорогѣ къ этому зданію расположенъ роскошный Sutro-Heights-Park, собственность m-r'a Adolph Sutro.

Чудныя деревья и растенія парка разведены на почвѣ, которая до опыта m-r'a Sutro считалась безплодною. Среди голой, окружающей насъ мѣстности паркъ кажется оазисомъ. Блестящіе результаты достигнуты m-r'омъ Ad. Sutro не столько удобреніемъ почвы, сколько обильнымъ орошеніемъ ея. Изъ парка открывается красивый видъ на Феррагонскіе острова, съ маякомъ на одномъ изъ нихъ. „Cliff-House" расположенъ на выдающейся въ морѣ гранитной скалѣ, о подножіе которой бѣшено бьются океанскія волны. Стоя на террасѣ ресторана, висящей надъ океаномъ, трудно разговаривать изъ-за шума прибоя. Въ разстояніи саженъ пятидесяти отъ берега—группа скалъ, сплошь

покрытыхъ громадными „морскими львами“ (по испански—lobos marinos). Нѣкоторые изъ нихъ, длиной больше двухъ саженъ, ревутъ такъ, что заглушаютъ морской прибой. Морскіе львы находятся подъ особымъ покровительствомъ Сѣв.-Ам. Штатовъ, запретившихъ въ своихъ владѣніяхъ охоту на нихъ, въ виду начавшагося поголовнаго истребленія ихъ. Но черезъ мѣсяцъ, въ бытность мою на Сандвичевыхъ островахъ, я прочелъ въ одномъ изъ нумеровъ мѣстной газеты, что изданъ законъ, вновь разрѣшающій охоту на морскихъ львовъ, такъ какъ они достаточно размножились.

Послѣ обѣда на террасѣ „Cliff-House“, за которымъ намъ служилъ французъ и во время котораго мы не могли разговаривать изъ-за рева львовъ и прибоя, мы прошли въ стоящее рядомъ купальное заведеніе „Sutro-baths“. Въ искусственныхъ громадныхъ бассейнахъ заведенія купаются всѣ вмѣстѣ. Въ самомъ большомъ бассейнѣ—обыкновенная океанская вода, въ другомъ—немного подогрѣтая, въ третьемъ—болѣе подогрѣтая. Въ бассейнахъ одновременно могутъ купаться сотни. Всѣ бассейны перекрыты одной общей стеклянной крышей; со стороны океана—громадная стеклянная стѣна. Подъ той же крышей на разныхъ горизонтахъ, въ видѣ террасъ, устроены амфитеатрами мѣста, для нѣсколькихъ тысячъ зрителей; подъ той же крышей вездѣ пальмы, цвѣтники, образующіе мѣстами висячіе сады; подъ той же крышей масса кабинъ для купающихся, ресторанъ, bar (продажа питей), концертная эстрада, японскій энтомологическій музей, группы чучелъ мѣстныхъ звѣрей, фонографы, панорамы, и т. д., и т. д. Вокругъ этого громаднаго зданія расположены разныя замысловатыя „американскія“ качели, „американскія“ горы и т. п. Мы не въ сезонѣ, купающихся мало, въ „Cliff-House“ почти всѣ нумера свободны, „подъ качелями“—никого.

Домой мы поѣхали другой дорогой,—есть и третья,—и были доставлены по электрической кабельной дорогѣ менѣе чѣмъ въ часъ. Дорога эта съ мѣста удаляется отъ берега и идетъ по окраинамъ города, весьма слабо населеннымъ; тѣмъ не менѣе, планировка улицъ даже на пустыряхъ совершенно закончена, улицы вездѣ освѣщены электричествомъ. Дорога, безспорно, менѣе живописная, чѣмъ та, по которой мы пріѣхали, но зато она дала намъ возможность отъ души похохотать надъ рекламой: „карандашъ такой-то фабрики лучше поцѣлуя“. На стѣнѣ одной изъ подгородныхъ фабрикъ нарисованъ господинъ, сидящій съ сигарой въ зубахъ, ноги на столѣ, съ газетой въ рукахъ и, конечно, со шляпой на головѣ. Подошедшая сзади него дама

тащитъ изъ бокового кармана господина карандашъ этой фабрики и за это цѣлуетъ его; ну, значитъ, карандаши этой фабрики лучше поцѣлуя. Реклама бросается въ глаза, такъ какъ дама имѣетъ около девяти аршинъ росту. Стало быстро смеркаться, и надъ однимъ изъ холмовъ громадными буквами вспыхнула на небѣ надпись: „Raphaels". Недалеко отъ отеля, на одной изъ большихъ улицъ города, поперекъ улицы горитъ громадная надпись: „15 долларовъ",—и то слѣва загорится красная надпись: „не больше", то справа — зеленая: „не меньше". Это — реклама готоваго мужского платья. Совсѣмъ рядомъ съ отелемъ — вывѣска: „Peter Vaviloff". Хозяинъ заведенія, куда я зашелъ выпить стаканъ содовой воды, оказался русскимъ—изъ Бердичева. Перемѣна отечества не повліяла, очевидно, на профессію: шинкарь шинкаремъ и остался.

По возвращеніи домой, я нашелъ письмо, отправленное мнѣ два мѣсяца назадъ изъ Петербурга въ Вѣну. Конвертъ носилъ штампы Вѣны, Венеціи, Флоренціи, Неаполя, Рима, Ниццы, Парижа, Лондона, Ливерпуля, Нью-Іорка и Чикаго. Письмо не заказное. Понятно то довѣріе, съ которымъ отправляются письма въ Америку.

X.

По Калифорніи.

Утромъ 8 (20) мая разсчитываемся въ гостинницѣ, оставляемъ въ ней почти весь нашъ багажъ на храненіе,—за что взимается ничтожная плата,—а сами, сдавъ ручной багажъ до ст. Palo-Alto, налегкѣ отправляемся на вокзалъ. При разсчетѣ меня собрались обсчитать на 10 долларовъ, но я пересчитываю и получаю сдачу полностью. Отмѣчаю эту деталь, такъ какъ эти ошибочки, или track, какъ ихъ называютъ американцы, въ Америкѣ случаются постоянно: сдачу въ Америкѣ рекомендуется пересчитывать.

Нѣсколькими днями, остающимися до отхода нашего парохода, мы рѣшили воспользоваться для поѣздокъ по Калифорніи. И „Бедекеръ", и Кукъ особому вниманію туристовъ рекомендуютъ поѣздку въ прибрежный городокъ Monterey, расположенный верстахъ въ двухъ стахъ южнѣе San-Francisco. Ширококолейная желѣзная дорога, по которой мы выѣхали изъ San-Francisco, изъ центра города направляется на югъ, придерживаясь западнаго берега залива. Сейчасъ за городомъ сплошной линіей

тянутся дачныя мѣста, особенно красивыя въ Menlo-Park, въ пятидесяти верстахъ отъ S.-Francisco. Двѣ версты дальше, на слѣдующей за Menlo-Park станціей Palo-Alto, мы выходимъ изъ поѣзда и завтракаемъ въ гостинницѣ, находящейся тутъ же на станціи.

Требованіе мое карточки винъ повергаетъ въ удивленіе прислуживающую намъ даму, такъ какъ въ этомъ университетскомъ городѣ вино запрещено. „Впрочемъ,—прибавляетъ дама,—я этому не сочувствую". Но вина мы все-таки не получили. А жаль,—калифорнское вино, cresta blanca, великолѣпно, душисто и недорого.

Послѣ завтрака намъ подали прехорошенькій американскій экипажъ съ зонтикомъ надъ головами, оплаченный еще въ С.-Франциско у Кука. По дорогѣ къ ректору, или, какъ его называютъ въ Америкѣ, „къ президенту университета", кучеръ показываетъ громадное дерево Sequoia, которому мѣстность обязана своимъ именемъ Palo-Alto (большое дерево). „Президента университета", m-r'a Jordan, мы встрѣтили недалеко отъ его дома ѣдущимъ на велосипедѣ. Вылѣзши изъ экипажа, я представился m-r'y Jordan'y и передалъ ему письмо кн. С. М. Волконскаго. Въ бытность свою въ Америкѣ, во время всемірной филадельфійской выставки, князь С. М. Волконскій, занимаясь вопросами постановки высшаго образованія, провелъ нѣкоторое время въ Palo-Alto. Благодаря установившимся за это время отношеніямъ между княземъ С. М. и президентомъ университета, письмо обезпечило намъ радушный пріемъ въ семью m-r'a Jordan'a и облегчило возможность ознакомиться хотя съ внѣшнею стороною университетской жизни, насколько это возможно въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, даже и при содѣйствіи самого ректора университета. M-r Jordan сѣлъ на велосипедъ и, пригласивъ насъ посѣтить его домъ, поѣхалъ обратно по тѣнистой аллеѣ, направляясь къ хорошенькому коттэджу. Познакомивъ насъ со своей женой, m-r Jordan сейчасъ же, съ дѣловитостью истаго янки, поставилъ вопросъ, какимъ количествомъ времени мы располагаемъ для осмотра университета. Въ завязавшейся живой бесѣдѣ незамѣтно пролетѣли полчаса, когда пришли доложить, что экипажъ поданъ.

У подъѣзда оказался американскій четырехмѣстный шарабанъ съ зонтикомъ, запряженный парой кровныхъ гнѣдыхъ рысаковъ. M-r Jordan и я сѣли на переднюю скамью, наши дамы на заднюю, и мы поѣхали по парку. Ученая степень доктора зоологіи и званіе президента университета не мѣшаютъ m-r'y Jordan'y быть спортсменомъ и любить лошадей: правитъ онъ

очень хорошо. Отъѣхавъ немного отъ ректорскаго дома, попадаемъ въ роскошный сосновый паркъ съ газонами изъ тропическихъ цвѣтовъ и съ клумбами пальмъ на лужайкахъ. Сквозь густую тропическую зелень начинаютъ мелькать красныя крыши Стэнфордскаго университета. M-r Jordan обязательно знакомитъ насъ съ исторіей возникновенія университета. На постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ особенно нажился нѣкій m-r Leland-Stanford. Между прочимъ, на долю m-r'a Leland Stanford'a выпала честь постройки послѣдняго участка желѣзной дороги, соединившей Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Въ послѣдніе года своей жизни m-r Leland-Stanford былъ избранъ сенаторомъ. Глубокое горе посѣтило семью Стэнфордовъ: единственный горячо-любимый сынъ ихъ скончался неожиданно въ юношескомъ возрастѣ. Опечаленные родители рѣшили увѣковѣчить память сына, пожертвовавъ все предназначавшееся ему состояніе на дѣла общественнаго образованія. Даръ Стэнфордовъ университету оцѣнивается въ 30 милл. долларовъ (60 милл. рублей). Состояніе университета заключается не только въ капиталѣ и собственно университетскихъ зданіяхъ и устройствахъ, но и въ громадномъ помѣстьѣ съ конскимъ заводомъ. Этотъ университетъ-помѣщикъ открылъ свою учебную дѣятельность въ 1891 г. съ 40 профессорами, 400 студентами и 150 студентками. Университетъ задуманъ по широкому плану, который и теперь еще не вполнѣ приведенъ въ исполненіе. Зданія его строятся въ стилѣ древнихъ испанскихъ монастырей, большею частью одноэтажные, и соединены между собою громадными верандами. Окончены и роскошно оборудованы физическій кабинетъ, химическая лабораторія и другія. Между музеями интересенъ музей изящныхъ искусствъ. Много зданій еще въ постройкѣ, нѣкоторыя—еще въ проектѣ. Всѣ профессора имѣютъ отдѣльныя виллы. Для студентовъ и для студентокъ имѣются отдѣльныя общежитія, въ каждомъ общежитіи—обширныя залы, библіотеки, ванны; при общежитіяхъ—павильоны для гимнастики, разныя устройства для спорта, въ томъ числѣ для національнаго foot ball, для излюбленнаго lawn-tennis и для входящаго въ Америкѣ въ моду—golf. Къ сожалѣнію нашему, мы опоздали на состязаніе въ мячъ между профессорами и студентами послѣдняго курса. „Въ этомъ году опять побѣдили профессорá“, съ гордостью заявилъ мнѣ m-r Jordan. Попавшіеся намъ на встрѣчу студенты и студентки своимъ бодрымъ, цвѣтущимъ видомъ доказывали, что всѣ заботы начальства ихъ о спортѣ не пропадаютъ даромъ въ этомъ чудномъ климатѣ, круглый годъ напоминающемъ намъ хорошій осенній день, и въ

этомъ воздухѣ, пропитанномъ сосной и эвкалиптомъ. Посѣтивъ, какъ добросовѣстные туристы, мавзолей семьи Стэнфордовъ, изъ которой нынѣ жива еще мать, мы поѣхали на знаменитый конный заводъ Стэнфорда. Въ заводѣ около 1.000 рысаковъ и 500 скаковыхъ лошадей. Было на что̀ посмотрѣть. Американцы начинаютъ наѣзжать лошадей со второго года; каждому жеребенку ведется дневникъ его жизни, каждый шагъ его высчитанъ и вымѣренъ. Конный заводъ со своими конюшнями, стойлами-комнатами, загонами, выпасами, бѣговыми дорожками, домами для администраціи—занимаетъ громадную площадь...

Намъ пора на поѣздъ. При разсчетѣ въ желѣзно-дорожной гостинницѣ съ насъ ничего не взяли за нумеръ, въ которомъ мы переодѣвались. Приписываю это обстоятельство, какъ и отсутствіе вина, близости университета.

Со станціи Palo-Alto поѣздъ идетъ по живописной мѣстности, изобилующей всѣми дарами природы. Проѣзжаемъ черезъ знаменитые виноградники m-r'a Joh T. Doyle, производящаго лучшее красное калифорнское вино Los Palmas. Филоксера пробралась и въ Калифорнію и произвела настолько сильныя опустошенія, что производство вина, доходившее въ 1890 году до 22 милл. галлоновъ, въ 1892 г. едва достигло $12^1/_2$ м. Дальше ѣдемъ по долинѣ Santa-Clara, со всѣхъ сторонъ окруженной горными цѣпями. Здѣсь виноградъ чередуется со сливами и персиками. Мѣстами, среди обработанныхъ полей и садовъ, вдругъ видите какое-нибудь громадное зданіе изящной архитектуры. Такъ расположены по дорогѣ нашей институтъ глухонѣмыхъ, пріютъ, богадельня, университетъ. Проѣзжаемъ два городка—Santa-Clara и San-José, называемый „Gargen-City", съ бьющимъ въ глаза оттѣнкомъ испанскаго когда-то здѣсь владычества. Между пассажирами начинаютъ попадаться не только помѣси испанцевъ, но и чистѣйшіе испанцы. Англійскій языкъ переходитъ въ жаргонъ, временами едва понимаемый, а небо все синѣе, тропической растительности все больше; начинаютъ попадаться не только ослы, но и помѣси ихъ—мулы и лошаки. Изо всего перечисленнаго вы видите, что мы ѣдемъ на югъ, и притомъ въ сферу испанскаго вліянія. Въ Santa-Clara и теперь имѣется College, основанный въ 1851 году іезуитами. Старинная миссіонерская церковь при коллэджѣ основана въ 1777 г.

San-José посѣщается часто туристами, направляющимися на знаменитую Ликовскую обсерваторію. Эту экскурсію, требующую не менѣе двухъ дней, пришлось отложить, за недостаткомъ времени, и ограничиться видомъ изъ вагона на гору M-t Hamilton,

на которой расположена обсерваторія, а также разсказомъ новаго спутника, сѣвшаго въ нашъ вагонъ послѣ поѣздки на обсерваторію. Экипажная дорога изъ San Jose на обсерваторію идетъ сначала черезъ сахарныя плантаціи, затѣмъ черезъ дубовыя рощи. Паломничество на обсерваторію приняло за послѣднее время такіе обширные размѣры, что на дорогѣ, на мѣстахъ остановокъ для смѣны лошадей, образовались большія гостинницы. Чтобы оградить трудъ астрономовъ—если не всегда отъ праздной, во всякомъ случаѣ отъ посторонней публики, обсерваторія вынуждена была назначить свой пріемный день: въ ночь съ субботы на воскресенье двери обсерваторіи настежь открыты для всѣхъ посѣтителей, и имъ предоставляется созерцать небо черезъ знаменитый, одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ, телескоповъ; ахроматическій объективъ телескопа имѣетъ діаметръ въ 91 сантиметръ. Обсерваторія основана и существуетъ на 1½ милліона рублей, пожертвованныхъ нѣкоимъ m-r'омъ Lick. Подъ основаніемъ телескопа находится могила жертвователя, m-r'a Lick, для котораго такимъ образомъ обсерваторія является надмогильнымъ памятникомъ.

Далѣе, за San-Jose, ѣдемъ черезъ городокъ Madrone. Около Soledad попадаются развалины миссіи, основанной въ 1791 г.; около San-Miguel—миссія, основанная въ 1797 г. Почти на каждой станціи имѣются какіе-нибудь лечебные источники,—то сѣрныя, то теплыя, то минеральныя воды,—и все это эксплоатируется, вездѣ жизнь бьетъ ключомъ. Справа отъ насъ, сквозь густую растительность, мелькаетъ океанъ. Не доѣзжая двухъ верстъ до города Monterey, мы выходимъ на станціи Del Monte и ѣдемъ—могли бы и дойти триста шаговъ, но надо знать дорогу—въ гостинницу „Del Monte".

Нашъ „Hôtel del Monte"—то же между гостинницами, что Л.-Стэнфордскій университетъ между университетами: это гостинница-помѣщикъ, обладательница громадной площади земли, маленькая часть которой обращена въ паркъ, и этотъ паркъ трудно обойти за день. Нынѣшнія владѣнія гостинницы въ весьма недалекомъ прошломъ представляли изъ себя безлюдную, но очень красивую мѣстность, которую облюбовала гостинница для своего широко-задуманнаго дѣла. Успѣхъ превзошелъ ожиданія: кругомъ парка гостинницы образовался городокъ, обязанный своимъ существованіемъ гостинницѣ. Число жителей этого городка „Hôtel del Monte", не считая гостей самой гостинницы, уже превышаетъ число жителей сосѣдняго городка Monterey, бывшаго когда-то столицей Калифорніи.

Недалеко отъ станціи желѣзной дороги, среди парка распо-

ложена группа невысокихъ (не выше трехъ этажей) деревянныхъ строеній, образующихъ гостинницу съ 521 роскошными нумерами, въ которые, конечно, проведены электричество, холодная и горячая вода. Въ широко, по всему свѣту распространенныхъ рекламахъ „Hôtel del Monte“ упоминается, что все предлагаемое отелемъ—высшаго качества и размѣровъ, за исключеніемъ цѣнъ. Какъ ни заманчивы описанія отеля въ весьма изящно изданныхъ рекламахъ его, снабженныхъ прекрасными, художественными рисунками и фотографіями, надо сознаться, что дѣйствительность „Американской Ниццы“ превосходитъ всякія описанія, за исключеніемъ цѣнъ, которыя, совершенно согласно рекламамъ, не высоки по сравненію съ цѣнами другихъ американскихъ отелей. За роскошный нумеръ-квартиру изъ трехъ комнатъ съ ванной мы платимъ по 4½ д., или по 9 р. съ человѣка, на полномъ пансіонѣ. „Hôtel del Monte“ круглый годъ переполненъ посѣтителями. Здѣсь всегда прохладно; днемъ совершенно достаточно быть въ лѣтнемъ триковомъ платьѣ, не требуется парусины или чи-чун-чи; а вечеромъ обязательно надо одѣвать легкое пальто, но отнюдь не осеннее. Розы, сплошь закрывающія стѣны гостинницы, цвѣтутъ тутъ круглый годъ.

Мѣста за обѣдомъ въ обширной столовой указывались вновь прибывшимъ гостямъ важнымъ land-lord'омъ. Во всѣхъ американскихъ гостинницахъ существуютъ эти важные land-lord'ы. Никто изъ посѣтителей не смѣетъ сѣсть, гдѣ ему вздумается, но покорно слѣдуетъ на мѣсто, указываемое ему land-lord'омъ, единственное, повидимому, назначеніе котораго—группировать гостей. На пароходахъ то же самое исполняетъ first-steward, который предсѣдательствуетъ затѣмъ на обѣдахъ для прислуги и дѣтей, такъ какъ дѣти нигдѣ въ Америкѣ не допускаются за общій столъ. Гуляя послѣ обѣда по плохо освѣщенному, но все-же освѣщенному парку, мы не столько видѣли, сколько догадывались, что гуляемъ по чему-то очень хорошему, хотя очевидно выбрали неудачное направленіе, такъ какъ попали въ конюшни. Но это вовсе не обозначало, чтобы мы попали въ грязь. Конюшни представляютъ изъ себя образцово устроенное и организованное учрежденіе, наполненное отлично содержимыми лошадьми, между которыми попадаются и кровныя. Около конюшенъ—отдѣльные домà для господъ кучеровъ, имѣющихъ каждый отдѣльную комнату,—конечно, опять съ электричествомъ, холодной и теплой водою. Впрочемъ, электричество, холодная и теплая вода въ изобиліи проведены и въ самыя конюшни, которыя кромѣ того прекрасно вентилированы. Конюшни находятся вблизи

отеля въ паркѣ и окружены цвѣтниками. Пройдя нѣсколько шаговъ въ сторону, открываемъ отдѣльное зданіе—клубъ гостинницы, членами котораго числятся всѣ гости отеля. Въ клубѣ этомъ имѣется bar, т.-е. продажа напитковъ и всякихъ смѣсей, тутъ же при васъ приготовляемыхъ; имѣются нѣсколько отдѣльныхъ кабинетовъ, нѣсколько билліардовъ, великолѣпный, освѣщенный электричествомъ кегель-банъ, и кругомъ всего домика— террасы съ длинными креслами, для лежанія и куренія. Не забыты неизбѣжныя въ Америкѣ плевательницы. Сѣлъ и я полежать, и полной грудью вдыхалъ ароматъ розъ, громадный кустъ которыхъ обвивалъ пролетъ веранды; чайныя желтыя розы, величиной съ кулакъ, совершенно облѣпили веранду.

Утромъ 4-го (21-го) мая, тотчасъ послѣ перваго завтрака, намъ подали элегантный шарабанъ, запряженный парой полукровныхъ лошадей, и мы ѣдемъ на такъ называемую семнадцатимильную прогулку (17 miles drive), о которой мы слышали чудеса еще на Востокѣ Америки. Кстати, въ Америкѣ, „поѣхать на Западъ" говорится и значитъ то же самое, что̀ въ Европѣ— „поѣхать на Востокъ", т.-е. изъ культуры къ дикарямъ. Оставляя осмотръ парка на послѣобѣденное время, мы садимся и ѣдемъ. Обогнувъ роскошные цвѣтники, проѣзжаемъ сначала по лужайкѣ, обрамленной вѣковыми дубами, подъ громадными корнями которыхъ, частью выходящими наружу, можно сидѣть какъ въ бесѣдкѣ. За лужайкой идетъ сосновая аллея. Гигантскія сосны стоятъ совершенно правильными рядами, а между соснами, въ ту же линію, ростутъ пальмы. Паркъ, несмотря на громадные его размѣры, раздѣланъ какъ нельзя больше; между газонами и дорожками задѣланы въ землю выкрашенныя въ зеленую краску доски; всѣ дорожки, мало сказать, выметены—вылизаны; газоны выстрижены, нѣкоторыя деревья подстрижены, но все сдѣлано со вкусомъ; пальмамъ, дубамъ и ліанамъ данъ полный просторъ. Выѣхавъ изъ парка, ѣдемъ всѣ 17 миль (около 25 верстъ) по дорогѣ, устроенной отелями для своихъ гостей. Прекрасно шоссированная дорога идетъ сначала мимо желѣзно-дорожной станціи отеля, затѣмъ по берегу моря, мимо купальнаго заведенія отеля, устроеннаго на подобіе Sutro-baths, около С.-Франциско, но нѣсколько мѣньшихъ размѣровъ. Далѣе мы проѣзжаемъ черезъ селеніе, образовавшееся около отеля, на землѣ отеля, и соединявшее его съ городкомъ Monterey, самымъ древнимъ городомъ Калифорніи, основаннымъ высадившимися тутъ испанцами въ 1602 году. До 1846 года Monterey былъ столицей Калифорніи. Теперь это маленькій городокъ, менѣе чѣмъ съ двумя тысячами

жителей, расположенный на песчаномъ красивомъ plage. Миніатюрные домики стоятъ въ роскошныхъ цвѣтникахъ и, буквально, утопаютъ въ неминіатюрныхъ розахъ, влѣзающихъ даже на крыши домовъ. При въѣздѣ въ Monterey, кучеръ указываетъ намъ на стоящій вправо, на берегу океана, маленькій двухъ-этажный каменный, оштукатуренный снаружи, побѣленный домикъ съ черепичной крышей. Мы радуемся увидать въ Калифорніи корчму изъ Западнаго края, но кучеръ поясняетъ, что это—тщательно сохраняемая реликвія, старая таможня; въ программу туристовъ входитъ бросить взглядъ на нее, не выходя изъ экипажа. Недалеко отъ старой таможни, гдѣ-то въ оврагѣ, стоитъ болѣе чѣмъ скромный памятникъ отцу Jumpero Serra, неутомимому францисканскому монаху, въ 1770 году основавшему здѣсь миссію.

За городомъ мы оставляемъ берегъ и ѣдемъ влѣво, наперерѣзъ полуострова. Вскорѣ въѣзжаемъ въ заповѣдную вѣковую рощу, причемъ даемъ возможность кучеру нашему посмѣяться, очевидно, не въ первый разъ на этомъ мѣстѣ. Сидя на лѣвой сторонѣ, я вижу, что мы ѣдемъ лѣвымъ колесомъ на стоящую на дорогѣ металлическую дугу, въ родѣ воротъ для крокета, но немного бо́льшихъ размѣровъ. Я кричу кучеру, указывая на дугу; онъ рѣзко направляетъ экипажъ окончательно на дугу, и мы крупной рысью наѣзжаемъ на нее. Невольно мы хватаемся за сидѣнье, въ ожиданіи толчка, но дуга мягко валится подъ колесомъ и, при помощи подземнаго механизма открываетъ намъ желѣзныя ворота въ рощу, чрезъ которыя мы проѣзжаемъ, не уменьшая рыси. Проѣхавъ ворота, наѣзжаемъ опять на такую же дугу, чѣмъ и запираемъ ворота, при общемъ хохотѣ; кучеръ въ восторгѣ и долго не можетъ успокоиться. Заповѣдная роща расположена на скалистой возвышенности; среди сосенъ и величавыхъ кипарисовъ бѣгаетъ масса земляныхъ бѣлокъ; ревъ океанскаго прибоя одинъ нарушаетъ торжественную тишину вѣковой рощи. Дорога, мѣстами, выходитъ изъ рощи и идетъ по берегу океана. На одной изъ песчаныхъ дюнъ мы останавливаемся противъ Seal-Rocks. Эти двѣ скалы, саженяхъ въ пятидесяти отъ берега, отдѣлены одна отъ другой узенькимъ проливомъ. Скала пониже занята ревущими морскими львами; скала повыше—пингвинами. Интересно, что ни одинъ lobos не позволяетъ себѣ влѣзть на птичій островъ, ни одна птица не садится къ lobos'амъ. Верхъ птичьей скалы совершенно бѣлъ отъ гуано. Вдали, черезъ заливчикъ океана, видна живописная скала, далеко выдающаяся въ океанъ, съ патріархомъ-кипарисомъ на вершинѣ. Это такъ называемый „Cypress-Point". Нѣсколько лѣвѣе Cypress-Point'а рѣзко

вырисовывается на безоблачномъ небѣ темная зелень стоящаго на берегу „страусъ-дерева": это—стоящіе рядомъ два великана-кипариса; вѣчные морскіе вѣтры причудливо пригнули ихъ темно-зеленыя вершины, и нельзя не согласиться, глядя на эту игру природы, что эти два дерева напоминаютъ страуса. Въ программу прогулки входитъ и заѣздъ на Cypress-Point. Дорога идетъ по узкому перешейку; въѣзжаемъ по ней на скалу, огибаемъ кипарисъ и останавливаемся полюбоваться видомъ на суровую кипарисовую рощу, на океанскій прибой между скалами и на южное синее небо надъ всѣмъ этимъ.

Послѣ дикой, примитивной природы кипарисовой рощи особенно выступаетъ тщательная культура парка, окружающаго гостинницу. Не говоря уже о массѣ дорогъ и дорожекъ, предназначенныхъ для экипажей, всадниковъ, велосипедистовъ и пѣшеходовъ, въ паркѣ имѣются приспособленія для различныхъ игръ и спортовъ. Близъ самаго отеля расположены нѣсколько площадокъ для lawn-tennis'a, для крокета, для крикета. На окружающихъ паркъ поляхъ устроенъ golf—длиною 14 верстъ. Къ услугамъ любителей гребного спорта отель предоставляетъ цѣлую флотилію лодокъ и лыжъ на прехорошенькомъ озерѣ, украшенномъ островками, фонтанами, птичьими садками. Въ распоряженіи гостей,—за особую, конечно, плату,—въ конюшняхъ отеля стоятъ верховыя и упряжныя лошади для разнообразныхъ выѣздовъ, начиная отъ бѣговыхъ американскихъ дрожекъ и до громадныхъ шарабановъ-омнибусовъ, запрягаемыхъ восемью лошадьми. Этотъ выѣздъ именуется здѣсь „индѣйской почтой". Не забыты любители велосипеднаго спорта, могущіе получать напрокатъ велосипеды изъ спеціальной „конюшни", помѣщающейся въ подвальномъ этажѣ гостинницы. Въ особомъ фотографическомъ павильонѣ, бойко торгующемъ мѣстными видами, въ распоряженіи любителей фотографіи темная комната. И, наконецъ, за оградой парка помѣщается оригинальной архитектуры прехорошенькая „собственная" церковь отеля. И всѣ эти устройства и приспособленія предоставлены въ полное распоряженіе толпы посѣтителей,—нигдѣ никакихъ приставовъ; истинными владѣльцами всего этого чувствуютъ себя гости, и какъ настоящіе, хотя и кратковременные хозяева, не только свободно пользуются всѣми благами, но и заботливо берегутъ ихъ. Чувствовали и мы особое удовольствіе свободно пользоваться чуднымъ паркомъ, и завистливо вздыхали, нигдѣ не находя ни сорванныхъ цвѣтовъ, ни помятыхъ клумбъ. Въ одномъ концѣ парка преобладаютъ громадные дубы, такъ называемые live-oaks, съ широчайшими, но не высокими вер-

шинами. Есть дубъ, подъ вѣтвями котораго можетъ расположиться чуть не цѣлый полкъ. Среди громадныхъ, приземистыхъ live-oaks красиво высятся пирамидальныя сосны. За дубами—спеціальный „Arizona Garden" исключительно изъ кактусовъ и репейниковъ; а здѣсь нашъ обыкновенный репейникъ, ростя на свободѣ, достигаетъ величины куста аршина четыре высотою. При входѣ на узенькія дорожки садика надпись, какъ и въ прочихъ мѣстахъ парка, гласитъ, что нельзя трогать цвѣтовъ; въ данномъ случаѣ правильнѣе было надписать: „просятъ остерегаться цвѣтовъ". За „Arizona Garden" находится „Maze" или лабиринтъ, стѣны котораго образованы изъ подстриженныхъ кипарисовъ. Дальше—садъ розъ, за нимъ—поле лилій. И всѣмъ этимъ люди наслаждаются цѣлый годъ, почти не замѣчая разницы между лѣтомъ и зимою.

Обратный путь въ С.-Франциско мы сдѣлали до станціи Pajaro по той же дорогѣ, которая и доставила насъ. На станціи Pajaro мы оставили нашъ поѣздъ, чтобы сѣсть въ поѣздъ узкоколейной желѣзной дороги, идущей черезъ Santa-Cruz и San-Jose въ Oakland, расположенный, черезъ заливъ, противъ С.-Франциско. При насъ составляется поѣздъ узкоколейной желѣзной дороги. Паровозъ поданъ къ складу угля подъ нагрузку тендера углемъ. Въ складѣ, среди угля, установленъ маленькій паровой кранъ, работающій паромъ изъ котла паровоза. Кондукторъ нашего поѣзда, элегантно одѣтый джентльменъ, съ розой въ петлицѣ, одѣлъ рукавицы и усердно помогаетъ грузить уголь. Онъ же потомъ сидѣлъ съ нами рядомъ и въ вагонѣ поѣзда, и въ омнибусѣ, при проѣздѣ нашемъ черезъ Santa-Cruz.

Отъ Pajaro до Santa-Cruz мы плыли по берегу океана въ обстановкѣ, напоминающей нашъ Monterey—„нашъ", такъ какъ онъ намъ пришелся по душѣ. Справа высится хребетъ Santa-Cruz со своей высочайшей вершиной Lona-Prieta. Въ 9 часовъ утра поѣздъ нашъ подошелъ къ городку Santa-Cruz. О нашей остановкѣ въ Santa-Cruz мы заявили кондуктору поѣзда; кондукторъ отмѣтилъ остановку на нашихъ билетахъ; по приходѣ поѣзда на станцію, намъ не пришлось уже искать по станціи начальника станціи или кассира, для продѣлыванія операціи отмѣтки остановки на билетѣ. Въ Америкѣ желѣзно-дорожные пассажиры освобождены отъ сношеній со станціонными агентами; единственнымъ желѣзно-дорожнымъ агентомъ, съ которымъ пассажиры имѣютъ непосредственныя сношенія, является кондукторъ поѣзда.

На платформѣ станціи мы очутились передъ двумя омнибусами-шарабанами съ надписями: „Pacific Ocean Hôtel" и „Sea Beach Hôtel". Въ зазываніи публики кондукторами этихъ омни-

бусовъ американская дѣловитость быстро смѣнилась южной страстностью при нашей минутной нерѣшительности въ выборѣ отеля. Впрочемъ, какъ только мы рѣшительно направились къ шарабану „Sea Beach Hôtel“, страсти гг. кондукторовъ моментально улеглись, и въ этомъ мгновенномъ успокоеніи южный темпераментъ сказался больше, чѣмъ въ степени столкновенія ихъ, въ перебранкѣ чуть-чуть не до драки,—но только чуть-чуть. Вслѣдъ за нами въ шарабанъ сѣлъ и нашъ элегантный кондукторъ поѣзда, успѣвшій замѣнить форменный пиджакъ и шапку штатскимъ пиджакомъ и шляпой. Передъ небольшимъ, но хорошенькимъ домомъ-особнячкомъ, кокетливо закрытымъ розами, господинъ кондукторъ вышелъ изъ шарабана: онъ прибылъ къ себѣ домой.

„Sea Beach Hôtel“ расположенъ на прибрежномъ холмѣ. Садъ его, раздѣленный террасами, ведетъ къ чудному океанскому plage, по которому проходитъ электрическая желѣзная дорога. Цѣлью нашей остановки въ Santa-Cruz была поѣздка къ исполинскимъ деревьямъ въ окрестностяхъ Santa-Cruz. „Гвоздемъ“ чудесъ Калифорніи считается Іосемитова долина, но на поѣздку въ эту долину и осмотръ ея требуется отъ двухъ до четырехъ недѣль. Въ этой долинѣ и находятся величайшія въ мірѣ деревья. Мы не располагаемъ двумя недѣлями времени, и потому ограничиваемся поѣздкой на осмотръ вторыхъ по величинѣ деревьевъ въ мірѣ, истинно наслаждаясь самой поѣздкой въ удобномъ американскомъ шарабанѣ по чудной дорогѣ. Тѣнистыя аллеи городка незамѣтно перешли въ дорогу, идущую по откосу страшно крутого, живописнаго оврага, по стѣнамъ котораго ростутъ гигантскія деревья. Черезъ часъ ѣзды постоянно въ гору,—причемъ въ дикомъ ущельѣ подъ нами картинно расположенъ пороховой заводъ на берегу шумящаго горнаго потока,—мы быстро спускаемся и переѣзжаемъ рѣку вбродъ. По дорогѣ намъ указываютъ мѣсто, гдѣ, два года тому назадъ, желѣзно-дорожный поѣздъ „скакнулъ“. „Было много убитыхъ“,—прибавляетъ кучеръ. Еще полчаса ѣзды, и мы пріѣхали въ лѣсъ знаменитыхъ „большихъ деревьевъ“ (big trees). Между прочей мелочью стоятъ около тридцати старичковъ-великановъ, знаменитое „красное дерево“ (sequoia sempervivens). Одинъ изъ этихъ гигантовъ имѣетъ высоту 300 футъ, стволъ его—болѣе 30 аршинъ въ діаметрѣ. Другой, называемый „pioner“, пониже, но зато въ обхватъ еще больше. Въ дуплѣ одного изъ этихъ деревъ генералъ Фремонтъ прожилъ нѣсколько дней въ 1847 году [1]). Конечно, на деревьяхъ запрещено вырѣзать ини-

[1]) Дальше—дерево „семи сестеръ“: мамаша ихъ срѣзана, и на пнѣ ея по праздни-

ціалы,—за чѣмъ смотритъ особая дама; зато стволы на высоту человѣческаго роста покрыты приколотыми къ нимъ визитными карточками посѣтителей; конечно, къ великанамъ приставлена нянька, взимающая по 50 сентовъ за право пройтись подъ тѣнью ихъ; конечно, имѣются и гостинница, и баръ, и кегельбанъ. Вся эта обстановка кричитъ, шумитъ и, конечно, не къ лицу патріархамъ, задумчиво и величаво шелестящимъ своими вѣковыми вершинами надъ всѣмъ этимъ базаромъ. Нельзя не сознаться, что нынѣшняя суетность сильно опошляетъ семью великановъ-деревъ, являющихся единственными живыми свидѣтелями безмятежной тишины, царившей здѣсь чуть не тысячу лѣтъ тому назадъ. И все-таки нельзя не рекомендовать поѣздку изъ Santa-Cruz къ „Big-Trees“ за прелесть самой поѣздки. Тѣмъ же путемъ, на лошадяхъ мы вернулись въ Santa-Cruz, откуда продолжали затѣмъ наше путешествіе по желѣзной дорогѣ на сѣверъ по направленію къ S.-Josè. На всемъ протяженіи между S.-Cruz и S.-Josè дорога идетъ по очень красивой мѣстности, пересѣкая хребетъ горъ Santa-Cruz. Первый переходъ отъ Santa Cruz до Big-Trees дорога идетъ по тому же очаровательному ущелью по которому мы уже дважды проѣхали сегодня. Дальше дорога идетъ все въ гору, по величественному и дикому ущелью съ непривычной для нашего глаза декораціей гигантскихъ деревьевъ. Туннели, которыхъ американцы почти избѣжали на своихъ главныхъ линіяхъ, здѣсь слѣдуютъ одинъ за другимъ. Послѣ перевала въ дикой, скалистой мѣстности, предъ нашими глазами быстро проходятъ всѣ климаты, всѣ флоры, начиная отъ суровыхъ сосенъ и—черезъ какихъ-нибудь полчаса спуска—кончая апельсинными рощами. Лежащій на пути городокъ Los Gatos (въ переводѣ: кошки) славится апельсинами. За S.-Josè дорога идетъ по восточному берегу С.-Францисканскаго залива, мѣстами пересѣкая его грязевыя лагуны. Изъ окна вагона виднѣются громадныя купальныя заведенія, устроенныя на сваяхъ. Купающіеся, раздѣвшись въ кабинахъ, спускаются въ грязь, вываливаются и вылеживаются въ ней и въ кабинѣ обмываются водой, проведенной при помощи водопровода. Трубы водопровода лежатъ на тѣхъ же безконечныхъ деревянныхъ эстакадахъ, по которымъ проходитъ и нашъ поѣздъ.

Подъ вечеръ поѣздъ нашъ прошелъ черезъ купальное мѣстечко Аламеда, и затѣмъ по молу, выдвинутому въ море на

камъ помѣщается оркестръ. Кругомъ мамаши стройно высятся семь ея дочекъ, совокупными усиліями поддерживая крышу надъ оркестромъ.

9 верстъ отъ берега, подошелъ къ паровому парому. Черезъ 40 минутъ паромъ доставилъ насъ въ S.-Francisco и около 8 часовъ мы вторично записывались въ „Palace-Hôtel“. Послѣобѣденную чашку кофе я рѣшилъ выпить не въ гостинницѣ, а въ ресторанѣ „Chronicle-Building“. Ресторанъ этотъ помѣщается въ 16-мъ этажѣ и рекомендуется „Бедекеромъ“ за видъ изъ него на городъ и днемъ, и вечеромъ. Видъ изъ него на городъ дѣйствительно интересенъ, но заниматься видомъ не пришлось, такъ какъ общество посѣтителей „высшаго“ ресторана оказалось поголовно на-веселѣ, и я поторопился оставить ресторанъ. Въ Америкѣ все-таки много лицемѣрія; особенно трудно разрѣшается въ Америкѣ вопросъ съ виномъ: то можно попасть въ пьяную компанію 16-го этажа, то на васъ косятся сосѣди, если у васъ за обѣдомъ подана на столъ бутылка бѣлаго легкаго вина; тѣ же негодующіе сосѣди послѣ обѣда идутъ рядомъ въ комнату и пьютъ тамъ свои излюбленныя смѣси изъ водокъ и ликеровъ. Но для этого комната должна называться „bar“, а не „dinning-room“. При этомъ въ bar допускаются только мужчины,—изъ чего слѣдуетъ, что дамы въ Америкѣ вовсе не пьютъ вина. За завтракомъ въ „Sea Beache Hôtel“, я попросилъ прислуживавшую намъ даму дать мнѣ карточку вина. Надо было видѣть, съ какимъ негодованіемъ она сказала, что „винную“ карточку (wine-liste) надо спрашивать у спеціальной прислуги и указала на „wine-maid“. Эта wine-maid безъ всякаго негодованія подала намъ карточку вина, а затѣмъ и потребованное по карточкѣ вино.

Два дня, передъ отъѣздомъ нашимъ изъ S.-Francisco, пришлось употребить на отдыхъ и сборы къ предстоящему намъ трехъ-недѣльному плаванію черезъ Тихій океанъ. Всѣ требуемыя закупки, вплоть до тропическихъ туалетовъ, мы произвели въ одномъ магазинѣ „The Emporium and Golden Rule Bazaar“, не выходя изъ него. Громадный домъ, стоящій на главной улицѣ города, Market-Street, занятъ весь разными отдѣленіями. Нѣтъ, кажется, отрасли торговли, которою не занимался бы домъ. По срединѣ дома внутренній свѣтлый дворъ перекрытъ стекляннымъ куполомъ.

На этотъ „hall“ выходятъ открытыя галереи изъ всѣхъ этажей; по срединѣ „hall“ находится изящная круглая эстрада съ буфетомъ для посѣтителей; надъ эстрадой — платформа для оркестра. Въ этомъ же магазинѣ имѣются парикмахерская, ванны, почтовая контора, телеграфная станція, телефонная станція, мужскія и дамскія уборныя, съ лаконическими надписями: „gent's walk“ и „lady's walk“, балконъ для американскаго far-niente съ плевательницами и надписями: „просятъ, не плюйте на

полъ". Должно быть, плеваніе на полъ въ Америкѣ начало принимать размѣры народнаго бѣдствія, такъ какъ въ нѣкоторыхъ вагонахъ tramway вывѣшены объявленія о постановленіяхъ городскихъ муниципалитетовъ, запрещающихъ плеваніе на полъ вагоновъ подъ страхомъ привлеченія къ судебной отвѣтственности.

Въ день отъѣзда нашего изъ Америки мы зашли къ лучшему фотографу S.-Francisco, чтобы пріобрѣсти себѣ фотографіи посѣщенныхъ нами мѣстъ Калифорніи. Хозяинъ самолично показываетъ послѣднія новости фотографіи, какъ то барельефные портреты, исполняемые очень хорошо, но оцѣниваемые, какъ новинка, около 100 р. дюжина. Интересны также моментальные снимки разныхъ эпизодовъ испано-американской войны. На одной изъ фотографій снята аттака американской пѣхоты на испанцевъ. Передовой американскій офицеръ валится, схватившись за грудь. Фотографъ особенно доволенъ этой фотографіей, такъ какъ моментъ, по его мнѣнію, схваченъ очень удачно. Одна такая фотографія, по словамъ его, оправдываетъ всѣ расходы по посылкѣ агента на театръ военныхъ дѣйствій...

Черезъ полчаса послѣ разговора съ этимъ несомнѣнно истиннымъ патріотомъ своего отечества, мы были на бортѣ парохода „Gaelic". Кругомъ насъ, какъ и при отплытіи изъ Ливерпуля, царятъ хаосъ и сутолока, несмотря на то, что до отхода остается полчаса. И все-таки пароходъ отходитъ минута въ минуту въ 1 ч. дня 13-го (25) мая, какъ это намѣчено въ маршрутѣ нашемъ, составленномъ еще въ Нью-Іоркѣ. При отходѣ парохода интересно было быть на палубѣ и видѣть панораму С.-Францисканскаго залива съ „Золотыми Воротами" на одной сторонѣ и горой Тэмэлиэлсъ—на другой. Скоро мы вышли въ чистый океанъ. Погода благопріятствуетъ нашему плаванію: темно-синее море довольно спокойно, голубое небо безоблачно; черезъ часъ плаванія, берега скрываются изъ виду, намъ дуетъ попутный бризъ, и мы ставимъ всѣ паруса. Начинается, какъ говорятъ краснорѣчивые гиды, „очаровательное ничегонедѣланіе". Очевидно, гиды упускаютъ изъ виду людей, подверженныхъ морской болѣзни...

На дальнѣйшемъ пути намъ пришлось побывать на Сандвичевыхъ островахъ, въ Японіи, въ Кореѣ. И природа, и населеніе, и общественный укладъ этихъ странъ настолько чужды намъ, настолько отличны отъ нашихъ природы и культуры, что требуется основательное изученіе этого экзотическаго міра, чтобы только приподнять уголокъ занавѣса, скрывающаго отъ непосвя-

щенныхъ истинный смыслъ всей жизненной обстановки. Случайный посѣтитель этихъ странъ не можетъ, конечно, не заинтересоваться всѣми окружающими его „curios" и „раритетами", но впечатлѣнія отъ нихъ поверхностны, несознательны и не захватываютъ наблюдателя. Внѣшній интересъ ихъ скоро пропадаетъ, и, какъ результатъ неудовлетворенной любознательности, является потребность вырваться изъ музея въ привычную сознательную житейскую обстановку. И тогда какъ съ теченіемъ времени мимолетныя впечатлѣнія отъ Гаваи, Японіи, Кореи, блѣднѣютъ, оставляя въ памяти современнаго „экспресснаго" путешественника лишь рядъ отрывочныхъ эпизодовъ, безъ общаго освѣщенія всего видѣннаго—воспоминанія объ Америкѣ сгруппировываются въ цѣльный, яркій образъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ предъ путешественникомъ единство культуръ Америки и Европы. Тѣ же расы людей населяютъ обѣ страны, одинаковы для обѣихъ странъ основные принципы въ религіи, въ наукахъ, въ искусствахъ, одинаковые предметы потребленія, одинаковы способы передвиженія—и тѣмъ не менѣе, при всемъ общемъ сходствѣ обѣихъ культуръ—громадная разница въ исходныхъ точкахъ ихъ, въ способѣ разработки однообразныхъ темъ, въ достигаемыхъ результатахъ.

Интересъ, возбуждаемый Америкою, даже и при поверхностномъ, изъ окна вагона, знакомствѣ съ нею настолько великъ, что и спустя долгое время по окончаніи путешествія трудно отказать себѣ въ удовольствіи пересмотрѣть собственныя письма съ дороги, мысленно переживая глубокія впечатлѣнія отъ американской жизни...

Ѳ. Кноррингъ.

Спб., 1900.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
КОНЦА 40-ХЪ ГОДОВЪ.

Воспоминанія далекаго былого давно лежатъ у меня на сердцѣ. Принимаясь за эти строки, я исполняю то, что̀ я долго откладывалъ. До сихъ поръ (1870) у меня не было для того ни времени достаточно свободнаго, ни уголка сколько-нибудь спокойнаго и уединеннаго, гдѣ бы могъ я предаться вообще какому-либо интересующему меня труду. Занятія мои и отдыхи, безпрестанно прерываемые требованіями больныхъ, производятся урывками. Иногда, однакоже, выпадаютъ болѣе спокойные дни, когда, вспоминая давнопрошедшую жизнь мою, я невольно удивляюсь, какъ все теперь измѣнилось и приняло совсѣмъ иной видъ, по отношенію къ прошлому; какимъ образомъ могла произойти столь большая перемѣна, послѣ всего пережитого уже мною? Само прожитое не представляетъ еще чего-либо особеннаго, хотя на долю мою выпали тяжелые, очень тяжелые годы: мнѣ пришлось испытать и пережить многое, чего всѣ боятся, и что̀ считается тяжкимъ несчастіемъ, изъ котораго выбираются немногіе. Воспоминанія объ этомъ-то быломъ и лежатъ у меня на сердцѣ...

I.

Жизнь моя текла мирно и покойно до двадцатипятилѣтняго возраста, когда я былъ, въ одинъ день, по обстоятельствамъ, почти отъ меня не зависѣвшимъ, лишенъ свободы и заключенъ за толстою, окованною желѣзомъ, дверью и желѣзною рѣшоткою у окна. Это было въ Петербургѣ, въ 1849 году, въ концѣ апрѣля, когда начинали зеленѣть деревья... Я помню этотъ день: поздно вечеромъ, стемнѣло, я ѣхалъ отъ Цѣпного моста въ каретѣ, не зная, куда меня везли. Мосты на Невѣ были разведены и объѣздъ былъ долгій. Я былъ въ легкой одеждѣ теплаго весенняго дня, и мнѣ было свѣжо,—и жутко, и тяжело на душѣ. Послѣ продолжительной ѣзды черезъ Васильевскій-Островъ, Тучковъ мостъ и Петербургскую-Сторону, карета въѣхала въ крѣпость и остановилась. Было совершенно темно. Въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, я переходилъ какой-то мостикъ и за нимъ темные своды; потомъ введенъ былъ въ корридоръ, полуосвѣщенный; въ корридорѣ передо мною отворилась толстая дверь въ боковую темную комнату,—мнѣ предложили въ нее войти: темнота, спертый воздухъ, неизвѣстность, куда я вошелъ, произвели на меня самое тяжелое впечатлѣніе; я потребовалъ свѣчу. Желаніе мое было исполнено тотчасъ же, и я увидѣлъ себя въ маленькой, узкой комнатѣ безъ мебели,—у стѣны стояла кровать, покрытая одѣяломъ сѣраго солдатскаго сукна, табуретка и какой-то ящикъ. Затѣмъ мнѣ предложено было раздѣться совершенно и надѣть длинную рубашку изъ грубаго, подкладочнаго холста и изъ такого же холста сшитые высокіе, выше колѣнъ, чулки. Мнѣ указали на туфли и на халатъ изъ сѣраго сукна. Платье мое и всѣ вещи, бывшія на мнѣ, были взяты у меня. По просьбѣ моей, оставлена была у меня только моя холодная шинель. Затѣмъ зажжена была на окнѣ какая-то свѣтильня, висящая съ края глинянаго блюдечка; свѣча унесена, дверь захлопнулась на ключъ, и я остался одинъ, въ полумракѣ, въ изумленіи и въ страхѣ отъ того, что со мною случилось. Я сидѣлъ на кровати, смотря на тяжелую дверь, въ которой нѣсколько секундъ еще поворачивался ключъ, запиравшій меня, потомъ слышны были шаги уходившихъ и гремѣвшая связка большихъ ключей.

Смутное чувство убійственной тоски, мрачныя, зловѣщія предчувствія—овладѣли мною; мнѣ казалось, я стою на порогѣ конца моей жизни; нѣсколько минутъ я былъ безъ мысли, какъ бы

ошеломленный ударомъ въ голову. Опомнившись нѣсколько, я сталъ осматриваться, но, собственно, никакой обстановки не было, и я вновь погрузился въ свои мысли.—Неужели это и конецъ моей жизни?—думалъ я. Причина, подвергнувшая меня заключенію, была мнѣ извѣстна: я былъ, въ то время, совершенный юноша, несмотря на мой двадцатипятилѣтній возрастъ,—мечтающій, увлекающійся, исполненный горячихъ и несбыточныхъ желаній, то болѣзненно оживленный до экстаза, то такъ же быстро падающій духомъ. Но на душѣ не было ни угрызеній совѣсти, ни сознанія преступленія, и въ жизни моей не вспоминалось мнѣ, чтобы кого-либо изъ людей я когда-либо обидѣлъ: мысли убійства, насилія были мнѣ вовсе незнакомы; я смотрѣлъ на жизнь съ своей идеальной точки зрѣнія и вовсе не зналъ, не умѣлъ различать людей, а въ размышленіяхъ моихъ стремился найти истинный путь ко всеобщему благу человѣчества; и вотъ, мнѣ казалось, за это-то самое, я и былъ обвиненъ и заключенъ въ казематѣ. Въ головѣ моей толпились самыя противоположныя мысли и чувства: чувство, какъ будто, виновности, а въ дѣйствительности совершенной невинности; невозможность оправдаться, строгость закона, страхъ заключенія и слухи, распространенные повсюду объ ужасахъ жизни въ сырыхъ, холодныхъ казематахъ,—все это вмѣстѣ слилось въ смутное ощущеніе, обуявшее меня внезапно. То осматривалъ я въ потемкахъ жилище мое, и видѣнное мною поражало меня своей мрачною пустотою; халатъ, на мнѣ надѣтый, былъ поношенный, мѣстами потертый, изъ солдатскаго сѣраго сукна. Въ комнатѣ было одно окно, большое. Вдвинувъ ноги въ широкія старыя туфли, я всталъ съ кровати, на которой неловко было сидѣть—я скатывался съ нея. Мысли перебивались въ головѣ; то вновь осматривалъ я свое жилище, то останавливался вновь въ глубокомъ раздумьи. Боковая часть стѣны справа отъ двери составляла печь, затапливающуюся снаружи, изъ коррилора; видъ печи былъ мнѣ утѣшителенъ. Моя шинель была единственнымъ остаткомъ отъ жизни моей, кромѣ моего собственнаго тѣла; я сбросилъ на полъ съ себя халатъ и надѣлъ шинель. Подойдя къ окну, я былъ пораженъ видомъ мрачнаго свѣтильника моей комнаты: это былъ какой-то черепокъ въ видѣ плошки, съ края которой висѣлъ кончикъ свѣтильни; полузастывшая сальная масса наполняла его. Не зная, куда пріютиться и въ мысляхъ моихъ, и въ жилищѣ моемъ, я вдругъ заплакалъ и сталъ молиться; нѣсколько минутъ стоялъ я на колѣняхъ и горько рыдалъ, опустившись на полъ... Мнѣ вспоминались потерянные дни свободы и домъ родной,—братья, сестра, старушка-тетушка и всѣ близкіе

нашему семейству... Казалось мнѣ, всѣ они стояли, обступивъ меня, и, смотря на меня съ жалостью, плакали надо мною, какъ надъ погибшимъ.....

II.

Прошло четырнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написалъ я тѣ строки въ курской губерніи, въ селѣ Ивнѣ, въ 1870-мъ году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а теперь уже 1884-й годъ, 20-ое сентября—и поздній часъ ночи. По многократной просьбѣ покойной жены моей, принялся я за этотъ трудъ, имѣя въ виду продолжать его настойчиво; но „злоба" жизни слишкомъ велика: все какъ будто бѣгомъ бѣжишь куда-то, безъ возможности остановиться. А между тѣмъ писать мнѣ слѣдуетъ уже по чувству долга, такъ какъ судьба моя была общая со многими другими, и пережитое мною слишкомъ тяжело отозвалось въ сердцѣ моемъ...

Товарищи мои—кто умеръ на дальнихъ окраинахъ Россіи, въ борьбѣ съ жестокою судьбою, кто позже убитъ на войнѣ, кто слабъ и хилъ, и, уцѣлѣвъ отъ преждевременной смерти, Богъ знаетъ, можетъ ли предаться воспоминаніямъ отдаленнаго прошедшаго!.. Хочу писать, но мысли въ разбродѣ; надо сосредоточиться въ самомъ себѣ, забыть настоящее и утонуть въ безднѣ давно прожитого прошедшаго. Нелегко проникнуть въ тѣ глубокіе слои огромнаго склада жизненныхъ впечатлѣній, на которые уже легли новыя залежи тридцатипятилѣтней давности! Съ трепетомъ сердца нисходишь какъ бы въ глубокое подземелье, куда потокомъ времени погружалось само собою все былое; хочешь проникнуть въ даль, но живыя тѣни недавно еще минувшаго стоятъ по сторонамъ и приковываютъ все вниманіе! Вотъ онѣ выступаютъ изъ своихъ нишей и заслоняютъ путь... Густою завѣсою покрывается вся даль, куда я желалъ бы проникнуть, и нѣтъ болѣе охоты идти куда-либо. Но давно минувшее владѣетъ нами всесильно,—и я опять стою въ раздумьи и нерѣшимости!..

Вдругъ снова иное теченіе мыслей возникаетъ изъ глубины души, и я отрѣшаюсь отъ всего близкаго къ настоящему,—дневной свѣтъ и шумъ земной исчезаютъ для меня, и я погружаюсь какъ бы въ подземныя катакомбы. Среди тьмы и тишины нисхожу я одинъ, руководимый думою о быломъ: какъ обнаженныя вдругъ временемъ, а когда-то занесенныя пустынными песками, цвѣтущія прежде страны или засыпанныя пепломъ жизни развалины старинныхъ городовъ, дворцовъ и храмовъ,—встаютъ давно поблекшія въ памяти моей дѣянія давнихъ лѣтъ, мелькаютъ образы и слышатся звуки

того времени... Вотъ виднѣются снѣговыя горы и слышенъ шумъ потоковъ; а вотъ выдвигаются башни съ бойницами, раздаются вдали замирающіе выстрѣлы изъ орудій,—звуки военной тревоги—бой барабановъ, топотъ коней и блистанье штыковъ. И все стихаетъ и погружается во тьму, и одинъ стою я въ раздумьи. И вотъ встаетъ иное видѣнье: предстали глазамъ моимъ мрачные своды тюрьмы, и келья, и я лежу въ ней на кровати...

Воздухъ былъ душенъ и холоденъ; на мнѣ—шинель и сѣрый халатъ; подо мной—что-то жесткое, неровное, и подушка, туго набитая соломой или мочалой. Ночь, полумракъ, тишина; но они не располагаютъ къ отдыху: измученный тяжелыми впечатлѣніями того дня, я лежу, не двигаясь; меня страшно клонитъ ко сну, и я засыпаю,—но скоро просыпаюсь отъ большой чувствительности въ щекѣ и вискѣ, прижатыхъ жесткою, бугристою подушкою; переворачиваюсь на другой бокъ—и та же самая боль на другой сторонѣ головы, по истеченіи короткаго времени, пробуждаетъ меня снова; я ложусь на спину, и опять скоро просыпаюсь отъ боли въ затылкѣ. Такъ мучаясь, по временамъ сползая на край кровати, я безпрестанно засыпалъ крѣпкимъ сномъ и опять просыпался, чтобы перемѣнить положеніе; не разъ подкладывалъ я руки то подъ голову, то подъ щеку,—такъ провелъ я первую ночь безъ отдыха въ тревожномъ снѣ, съ болью головы и лица. Кромѣ того, я озябъ: погода, бывшая теплою, вдругъ перемѣнилась, 23-го апрѣля, въ суровую стужу. Но вотъ разсвѣтаетъ; по временамъ слышатся какіе-то громкіе шаги въ корридорѣ, за дверью.

Когда я увидѣлъ при дневномъ свѣтѣ мое новое жилище, глазамъ моимъ представилась маленькая комната: она была узкая, длиною сажени двѣ съ половиной или менѣе, шириною сажени полторы, съ высокимъ потолкомъ; стѣны, оштукатуренныя известью, давно потеряли свой бѣлый цвѣтъ. Съ одной стороны было окно, очень большое (сравнительно съ величиною комнаты), съ мелкими клѣточками стеколъ, закрашенное все до верхняго ряда бѣлою, пожелтѣвшею масляною краскою. Верхній рядъ стеколъ одинъ только былъ незакрашенъ и оканчивался съ правой стороны форточкою величиною съ четверть листа писчей бумаги. За окномъ была желѣзная рѣшотка. Съ другой стороны была дверь, массивная, окованная желѣзомъ, и большая, грязная изразцовая печь, затапливающаяся снаружи. Въ комнатѣ, кромѣ кровати, былъ столикъ и табуретка; на подоконникѣ стояла кружка и догорѣвшая уже плошка. Таково было новое мое жилище.

Осмотрѣвшись немного, я сталъ на окно, но, при низкомъ

моемъ ростѣ, не могъ достать глазомъ незакрашеннаго верхняго ряда стеколъ, который оканчивался съ правой стороны форткою; я отворилъ фортку: свѣжій воздухъ пахнулъ на меня и принесъ мнѣ какъ бы что-то родное—я вдохнулъ его, упился имъ полною грудью и еще болѣе почувствовалъ желаніе взглянуть въ окно; но и поднявшись на цыпочки, сколько было силъ, я не могъ увидѣть ничего; я подскочилъ—передъ глазами моими мелькнуло что-то въ родѣ двора. Нельзя ли подставить что̀ подъ ноги? На подоконникѣ, гдѣ я стоялъ, была деревянная кружка съ крышкою, въ родѣ кадочки; на донышкѣ ея было немного воды; мнѣ показалась она чистою, и я съ удовольствіемъ выпилъ ее, потомъ снова влѣзъ на окно, сталъ на крышку запертой кружки и увидѣлъ дворикъ, небольшой, трехугольной формы; противъ меня, шагахъ въ сорока, стоялъ фасъ крѣпостной стѣны, замыкавшій дворикъ; у самаго окна ходилъ часовой съ ружьемъ. Впослѣдствіи я узналъ, что отдѣленіе это, въ которомъ была заключена группа арестованныхъ, было однимъ изъ равелиновъ крѣпости. Мнѣ и прежде было холодно,—всю ночь укрывался, чѣмъ могъ; а погода сдѣлалась свѣжая, изъ окна дулъ вѣтеръ, и я скоро промерзъ, что̀ заставило меня сойти съ окна...

III.

Новые предметы, обстановка, окружавшая и поразившая меня своею непригладностью, были только отвлеченіемъ отъ смутныхъ предчувствій и убійственно-мрачныхъ мыслей, которыя преслѣдовали меня и ночью, въ безпрестанно смѣнявшихся короткихъ сновидѣніяхъ. Со мною вмѣстѣ, одновременно, взято было много другихъ,—я видѣлъ милькомъ ихъ почти всѣхъ; и мнѣ живо припомнилась картина моего вчерашняго ареста. 23-го апрѣля, часовъ около десяти утра, въ каретѣ, я былъ привезенъ въ третье отдѣленіе, что̀ было у Цѣпного моста; меня вели по многимъ комнатамъ, въ которыхъ я видѣлъ другихъ арестованныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ лицъ, и между ними стояли часовые съ ружьями. Въ особенности поразила меня большая зала своимъ многолюдствомъ: арестованные стояли кругомъ, а между ними—часовые; слышенъ былъ говоръ и, по временамъ, стучанье прикладомъ объ полъ.

Я помѣщенъ былъ въ маленькой комнатѣ, гдѣ нашелъ двухъ мнѣ знакомыхъ товарищей. Затѣмъ, графъ Орловъ, высокаго роста, сопутствуемый немногими, обходилъ всѣ комнаты. Одинъ

изъ чиновниковъ несъ за нимъ списокъ, по которому поименно представляемъ былъ ему каждый изъ насъ. При представленіи ему Бѣлецкаго, онъ спросилъ: „Вы учитель кадетскаго корпуса?"—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Прекрасный учитель!—отведите его въ особую комнату". Меня это поразило тѣмъ болѣе, что Бѣлецкій ни разу, сколько мнѣ извѣстно, не былъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, и я считалъ его вовсе непричастнымъ возникшему дѣлу (онъ и былъ, впрочемъ, впослѣдствіи по суду оправданъ).

Въ третьемъ отдѣленіи насъ угостили обѣдомъ, чаемъ и даже сигарами, но никому не было охоты до пищи. Между прочимъ, подходили къ намъ служащіе въ отдѣленіи чиновники и, какъ бы съ участіемъ относясь къ намъ, заявляли, что они состоятъ на службѣ въ другомъ отдѣленіи, но, за недостаткомъ мѣста, комнаты ихъ отдѣленія были заняты для помѣщенія арестованныхъ.

Въ этотъ же день сдѣлалось намъ всѣмъ извѣстнымъ, что списокъ, который носимъ былъ при обходѣ гр. Орловымъ, начинался словами: „А. — агентъ наряженнаго дѣла"... Впослѣдствіи, въ бытность мою уже на Кавказѣ, узналъ я, что Бѣлецкій, о которомъ только-что было упомянуто, по выходѣ своемъ изъ Петропавловской крѣпости, встрѣтилъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ этого А., и, будучи имъ привѣтствованъ какъ знакомый, по своему горячему характеру, вскипѣвъ гнѣвомъ, ударилъ его въ лицо и указалъ на него прохожимъ, какъ на доносчика. за что и былъ вновь арестованъ и сосланъ на жительство въ Вологду.

Арестованы же мы были почти всѣ въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля, тотчасъ послѣ того какъ разошлись съ собранія у Петрашевскаго, часу въ четвертомъ ночи, когда уже были по домамъ и только-что легли спать; я не всегда бывалъ у Петрашевскаго, и въ эту пятницу не былъ, а, по весеннему времени, ночевалъ за городомъ, и потому арестованъ былъ 23-го апрѣля. Въ этотъ самый день погода измѣнилась и сдѣлалось холодно. 23-го апрѣля, поздно ночью, насъ отвезли всѣхъ въ крѣпость.

Событія этого дня мелькали въ головѣ моей, и я погруженъ былъ въ мрачную думу. Многіе изъ взятыхъ, говорилъ я себѣ, будутъ оправданы и освобождены, но мнѣ не оправдаться; слишкомъ много найдется уликъ—въ сущности ничтожныхъ, ничѣмъ меня не порочащихъ, но считавшихся тяжеловѣсными и вполнѣ достаточными для обвиненія меня въ государственномъ преступленіи. Вѣдь это было время сороковыхъ годовъ, когда

всякій разговоръ, напримѣръ, объ уничтоженіи крѣпостного права считался великимъ преступленіемъ.

Такъ думая, я то стоялъ, то садился на табуретку за столъ или на кровать, то подходилъ къ окну или двери, не зная, куда пріютиться въ моемъ новомъ жилищѣ, а мрачныя мысли толпились въ головѣ. „Нѣтъ мнѣ спасенья,—думалъ я,—какъ и многимъ моимъ товарищамъ". Въ особенности горько мнѣ было за судьбу двухъ моихъ близкихъ друзей, которыхъ я любилъ и уважалъ—это двухъ братьевъ Дебу, и въ особенности Ипполита Дебу, съ которымъ былъ очень друженъ; затѣмъ вспомнились мнѣ и прочіе пострадавшіе со мною вмѣстѣ товарищи, и я не могъ заглушить въ себѣ досады на Петрашевскаго и не упрекать его въ случившемся съ нами несчастіи. Послѣднее время уже возникали во мнѣ самомъ опасенія ввѣрять себя стольким незнакомымъ лицамъ, бывавшимъ у него; но мы всѣ имѣли полное право разсчитывать, что Петрашевскій, какъ человѣкъ не глупый, будетъ очень осмотрителенъ въ выборѣ своихъ посѣтителей,—а между тѣмъ вотъ что̀ случилось! Но, погубивъ всѣхъ насъ, вѣдь онъ и самъ погибъ, а потому и ставить это ему въ вину, думалось мнѣ, было бы недостойно и малодушно.

Мнѣ вспоминалось тоже, что Петрашевскій имѣлъ уже нѣкоторыя сомнѣнія въ личности А. Въ предпослѣднемъ собраніи, 15-го апрѣля, онъ отозвалъ меня въ сторону и спросилъ: „Скажите, васъ звалъ къ себѣ А."? Я отвѣчалъ, что звалъ, но я не пойду, потому что вовсе его не знаю. „Я и хотѣлъ предупредить васъ,—сказалъ онъ мнѣ,—чтобы вы къ нему не ходили"...

Отъ воспоминаній этихъ переходилъ я къ мысли о моемъ настоящемъ положеніи. „Какъ быть? Что̀ дѣлать? Какъ теперь жить, въ этомъ моемъ новомъ жилищѣ? Неужели мнѣ долго придется оставаться въ немъ? Какъ скверно, какъ холодно, какъ грязно!"

Я забылъ упомянуть при описаніи комнаты, что въ серединѣ двери было маленькое, величиною въ восьмую долю листа бумаги, отверстіе, въ которое вставлено было стекло. Снаружи, со стороны корридора, оно завѣшено было темной тряпкой, которую сторожу можно было поднимать и видѣть, что̀ дѣлаетъ арестованный. Мнѣ было очень холодно, и я попробовалъ постучать. Послышались шаги, и тряпка сейчасъ же поднялась, и показалось смотрящее на меня чье-то лицо. „Чего стучите?"—спрашивало оно меня.—Надо затопить печь, очень холодно, затопите

печь.—Отвѣта не послѣдовало, тряпка опустилась и все осталось по прежнему.

Прошло нѣкоторое время, когда послышались въ корридорѣ шаги, бѣготня и звонъ связки ключей. Я слышалъ, какъ втыкались въ двери другихъ келій ключи, и онѣ отворялись, и шествіе это производилось подъ рядъ во всѣ отдѣльныя помѣщенія. Вотъ и до меня очень скоро дошла очередь. Ключъ всунутъ былъ не вдругъ,—казалось, ошибкой не тотъ, – потомъ щелкнула крѣпкая пружина замка, дверь отворилась настежь; въ нее вошелъ полный, старый генералъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и служителей. „Что вы? Какъ живете, все ли благополучно? Все ли имѣете? Я—комендантъ крѣпости“ (это былъ генералъ Набоковъ).—Мнѣ очень холодно, прикажите затопить печь,—отвѣчалъ я. Тогда отдано было, съ гнѣвомъ, приказаніе затопить немедленно печи вездѣ, „чтобы не жаловались на холодъ“. Съ этими словами онъ вышелъ со всею своею свитою, и я остался вновь одинъ, запертый на ключъ. Онъ спросилъ: „все ли вы имѣете“.—У меня ничего нѣтъ! Ни воды, ни пищи. Я не умывался съ утра... Но кружка стоитъ для воды,—стало быть, полагается вода, и, вѣроятно, подадутъ какую-нибудь пищу.—Черезъ нѣсколько времени все вновь утихло, и затѣмъ вновь раздались хожденія съ отмыканіемъ дверей. И вотъ растворилась и моя дверь, и въ келью мою быстрыми шагами вошелъ солдатъ съ посудой и, поставивъ посуду на столъ, ни слова не сказавъ, поспѣшно вышелъ, и дверь захлопнулась на ключъ. На верху посуды лежалъ большой кусокъ черного хлѣба, а подъ нимъ была миска съ супомъ, и въ немъ лежали куски говядины. Не помню хорошенько, было ли еще отдѣльно какое мясо,—прошло тридцать-пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, и я совершенно забылъ. Помню только хорошо, что, несмотря на голодъ, я съѣлъ нѣсколько супа и хлѣба, до мяса же не прикоснулся. Причина тому лежала въ предыдущей моей жизни: уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ я оставилъ привычку ѣсть мясо, желая, по убѣжденію моему, сдѣлаться вегетаріанцемъ. Человѣкъ, думалъ я, по природѣ своей, какъ физической, такъ и духовной, не можетъ быть поставленъ въ отдѣлъ хищныхъ млекопитающихъ, а потому и употребленіе мясной пищи можетъ быть оправдано только недостаткомъ растительной пищи или извращеніемъ его природныхъ условій жизни. Физіологи, думалъ я, во многомъ ошибаются, а Кювье, въ своемъ сочиненіи: „Le règne animal“, описывая, между прочимъ, зубы обезьянъ, говоритъ, что они по виду своему хищнѣе, чѣмъ зубы человѣка, а потомъ, говоря о ихъ пищѣ, замѣчаетъ, что онѣ

питаются исключительно плодами, животную же пищу ѣдятъ только въ крайности, когда нѣчего ѣсть. Какъ бы то ни было, справедливо ли мое заключеніе, или нѣтъ,—этого я и теперь себѣ достаточно уяснить не могу,—но это было мое личное убѣжденіе, и я въ такой степени уже отвыкъ отъ мясной пищи, что она мнѣ была противна, а безъ нея я былъ здоровъ и крѣпокъ силами.

При такомъ особенномъ моемъ отношеніи къ выбору пищи, тюремный обѣдъ, поставленный передо мной на столъ, пришелся мнѣ очень не по вкусу, но я былъ голоденъ, и черный хлѣбъ мнѣ былъ очень пріятенъ. Черезъ полчаса вновь вошелъ солдатъ и за нимъ дежурный офицеръ, котораго я настойчиво просилъ приказать мнѣ сейчасъ подать воды въ количествѣ достаточномъ для питья и умыванья, а также я заявилъ и о необходимости въ полотенцѣ. Кружка, стоявшая у меня на окнѣ пустою, была взята служителемъ и, наполненная водою, принесена обратно. Затѣмъ, безъ лишнихъ словъ, всѣ исчезли, принявъ остатки обѣда, кромѣ чернаго хлѣба, который въ достаточномъ количествѣ и оставленъ былъ мною у себя; я былъ снова накрѣпко запертъ въ моемъ жилищѣ. Полотенце было обѣщано въ будущемъ. Оставшись одинъ, я сталъ умываться при помощи рта и вытерся рукавомъ рубашки. Вскорѣ затѣмъ замѣтилъ я, что въ комнатѣ стало теплѣе, и, приложивъ руку къ печной стѣнѣ, убѣдился, что она нагрѣвается. Итакъ, я имѣю все, что нужно; мнѣ дали все, что могли—я сытъ, умытъ, одѣтъ и согрѣтъ.

IV.

Такъ началась и потекла моя жизнь взаперти; дни смѣнялись днями; каждый день, по однообразію и бездѣлью, казался чрезвычайно долгимъ, недоживаемымъ до вечера; недѣли текли за недѣлями, и мѣсяцы, къ ужасу моему, стали смѣняться мѣсяцами. Ежедневно, первое время два, а потомъ три раза отворялась дверь, ставилась и принималась пища; черный хлѣбъ сталъ моею любимою пищею, и его было у меня всегда достаточно. Въ первое время я настойчиво требовалъ бо̀льшаго противъ обыкновенно приносимаго количества воды для мытья и питья, но послѣ это дѣлалось уже и безъ моего докучливаго напоминанія; полотенце мнѣ было дано тоже. Бѣлье изъ грубаго подкладочнаго холста, старое, состоявшее изъ длинной рубахи и чулокъ выше колѣнъ, въ видѣ мѣшковъ, подвязывающихся тесемками, мѣнялось каждую недѣлю. Однообразно текла моя

жизнь, при монотонномъ переливѣ колокольнаго звона каждую четверть часа на колокольнѣ собора.

По временамъ, однакоже, это однообразіе жизни и жестокая темничная тоска были нарушаемы чѣмъ-нибудь выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго теченія, и всякое подобное, хотя бы и незначительное обстоятельство освѣжало и развлекало меня. О такихъ особенныхъ пертурбаціяхъ, иногда сильно волновавшихъ меня, упомяну я въ хронологическомъ порядкѣ, насколько воспоминанія объ этихъ давно минувшихъ тяжкихъ дняхъ сохранились въ моей памяти. Но главное, что̀ желалъ бы я возстановить,—это мучительное душевное состояніе безвыходно и долго одиночно заключеннаго—чувство безпредметной тоски, мрачныя мысли, преслѣдовавшія меня безотвязно, и по временамъ упадокъ силъ до потери голоса и изнеможенія. Я дни и ночи говорилъ самъ съ собою и, не получая ни откуда впечатлѣній извнѣ, вращался въ самомъ себѣ, въ кругу своихъ болѣзненныхъ представленій.

V.

Я тогда только-что окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ восточныхъ языковъ. Несмотря на окончаніе курса въ высшемъ учебномъ заведеніи и уже вполнѣ зрѣлый возрастъ, я былъ очень мало развитъ въ пониманіи самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ для жизни вещей. По природѣ своей я ненавидѣлъ зло, къ людямъ былъ очень довѣрчивъ и очень скоро сближался съ ними; любилъ трудиться и составлять выписки изъ серьезныхъ общеобразовательныхъ сочиненій, но, не имѣя средствъ, бо̀льшую часть ихъ покупалъ на толкучемъ рынкѣ, и иногда цѣлые часы проводилъ въ книжныхъ рядахъ его. Апраксинъ дворъ, въ былое время, вмѣщалъ въ себѣ особый отдѣлъ—ряды огромнаго склада книгъ. Гоненія на букинистовъ затрудняли это дѣло, а пожаръ, бывшій позже, окончательно разрушилъ этотъ складъ. Тамъ находилъ я разнообразнѣйшія книги и, заплативъ за нихъ бездѣлицу, какъ сокровище несъ къ себѣ домой. Произведенія знаменитыхъ поэтовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, были для меня самымъ лучшимъ чтеніемъ,—я восхищался ими, бредилъ ими и, находясь внѣ занятій, дома и по улицамъ города, твердилъ ихъ. Англійскій и итальянскій языки были мнѣ почти незнакомы, и я старался изучать ихъ, и съ помощью лексикона и грамматики перекладывалъ на русскій языкъ пѣсни Петрарки на смерть Лауры. Лѣ-

томъ со страстью занимался ботаникой и зоологіей; „Atlas botanique“, Maout, „Flora Deutschland's“, Kittel'я, и „Règne animal“ de Cuvier—были моими настольными книгами. Медицинскія книги привлекали меня тоже, и я съ увлеченіемъ читалъ „Encheiridion medicum“, Huffeland'a, „Médecin populaire“, Raspail'я, и описаніе человѣческаго тѣла, составленное Загорскимъ. Астрономія Гершеля была прочтена мною съ любопытствомъ. Языкознаніе и сравнительное изученіе языковъ казались мнѣ весьма интересными. Кромѣ европейскихъ языковъ, я былъ знакомъ съ языками латинскимъ, греческимъ, арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ. По временамъ предавался я чтенію историческихъ монографій какого-либо періода времени, и исторія Востока занимала меня такъ же, какъ исторія европейскихъ народовъ. Съ жадностью стремился я пріобрѣтать себѣ познанія по всѣмъ отраслямъ наукъ (кромѣ философіи, политической экономіи и математики, которыя въ то время казались мнѣ слишкомъ утомительными). Событія 48-го года, происходившія въ Италіи, Франціи и Германіи, сильно интересовали меня. Соціальное ученіе Fourrier, сочиненіе его—„Le nouveau monde industriel“, также различныя брошюры послѣдователей его, Considérant, Toussenée и другихъ, и популярнѣйшіе журналы того времени, „Almanach phalanstérien“ и болѣе ученый „Phalange“, увлекали меня нерѣдко до того, что я забывалъ все прочее. Большія сочиненія Fourier—„Théorie des quatre mouvements“ и „Théorie de l'unité universelle“—были по временамъ просматриваемы мною, но по дороговизнѣ я не могъ ихъ пріобрѣсть. Въ это время жизнь моя носилась въ какихъ-то идеальныхъ мечтаніяхъ, отчего и избранъ былъ мною факультетъ восточныхъ языковъ, чтобы уѣхать куда-нибудь на дальній юго-востокъ; Петербургъ же со всѣмъ его разнообразіемъ жизни и множествомъ общественныхъ развлеченій, которыми я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія пользоваться, казался мнѣ ничтожествомъ въ сравненіи съ привольною жизнью среди южной природы.

Таковъ я былъ, когда отъ меня потребовалось въ жизни первое серьезное испытаніе,—совершенно иного рода, чѣмъ тѣ, которыя выдерживалъ я въ университетѣ. Дѣло жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ есть высшая школа человѣка. Умѣнье терпѣть и безропотно, молчаливо и стойко переносить лишенія всякаго рода никому не дается сразу, но пріобрѣтается, вырабатывается, болѣе или менѣе продолжительнымъ опытомъ какъ въ общественной средѣ, такъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ. Никто не свѣдущъ достаточно въ великой наукѣ жизни, и только трудомъ, терпѣньемъ и опытностью, и то немногими, пріобрѣ-

тается мудрость—вотъ почему столько ошибокъ въ жизни, сожалѣній и упрековъ, которые людьми понимаются очень различно. И мои воспоминанія этого времени не безупречны,—я разскажу все въ послѣдовательности.

Теперь прошло уже 35 лѣтъ, и я спрашиваю себя: въ чемъ же тогда состояла моя вина и за что былъ я неожиданно взятъ и заключенъ въ крѣпость? Всякое дѣяніе человѣка можетъ быть оцѣнено различно, смотря по періоду времени, строю жизни, общественной среды и мѣсту, гдѣ оно совершается. То, что̀ въ 49-мъ году вмѣнялось въ вину и за что̀, послѣ восьми-мѣсячнаго одиночнаго заключенія, я былъ приговоренъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, въ настоящее время (1884 г.) показалось бы маловажнымъ и незаслуживающимъ никакого преслѣдованія. У насъ не было, собственно, никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю бывали у Петрашевскаго собранія, на которыхъ вовсе не встрѣчались постоянно одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ начальства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи: Ястржембскій читалъ о политической экономіи; Данилевскій—о системѣ Фурье. Въ одномъ изъ собраній читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по случаю выхода его „Писемъ къ друзьямъ". Бѣлинскаго избавили только болѣзнь и преждевременная смерть отъ общей съ нами участи.

Для предупрежденія шума отъ одновременныхъ разговоровъ и споровъ многихъ лицъ, Петрашевскій поручалъ кому-либо изъ гостей наблюдать за внѣшнимъ порядкомъ, въ качествѣ предсѣдателя. На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но, дѣйствительно, были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи. Что̀ было бы впослѣдствіи,—конечно, неизвѣстно. Но если и предположить, что, по истеченіи многихъ годовъ, могло бы образоваться общество, имѣющее цѣлью ниспроверженіе существовавшаго государственнаго строя, къ которому примкнули бы, можетъ быть, весьма многіе, то, во всякомъ случаѣ, можно почти навѣрное сказать, что, по новости и совершенной неопытности веденія такого дѣла, дѣй-

ствія его были бы, въ самомъ раннемъ періодѣ, обнаружены и дальнѣйшее его развитіе остановлено правительствомъ.

Вечера Петрашевскаго, по содержанію разговоровъ, касавшихся преимущественно соціально-политическихъ вопросовъ, представляли интересъ для насъ и потому, что они были единственными въ своемъ родѣ въ Петербургѣ. Собранія эти продолжались обыкновенно до поздней ночи, часовъ до двухъ, до трехъ, и кончались скромнымъ ужиномъ. Знакомство собственно мое съ Петрашевскимъ началось съ весны 1848 года. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, средняго роста, полный собою, весьма крѣпкаго сложенія, брюнетъ; на одежду свою онъ обращалъ мало вниманія, волосы его часто были въ безпорядкѣ; небольшая бородка, соединявшаяся съ бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, нѣсколько прищуренные, какъ бы устремлялись вдаль. Лобъ у него былъ большого размѣра, нахмуренный; онъ говорилъ голосомъ низкимъ и негромкимъ; разговоръ его былъ всегда серьезный, часто съ насмѣшливымъ тономъ; во взглядѣ болѣе всего выражалась глубокая вдумчивость, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка. Это былъ человѣкъ сильной, крѣпкой воли, много потрудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный. Онъ воспитывался первоначально въ лицеѣ, но, по своему рѣзкому поведенію, былъ оттуда исключенъ, послѣ чего поступилъ вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ по юридическому факультету и, окончивъ курсъ, состоялъ на службѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ имѣлъ большую библіотеку новѣйшихъ сочиненій, преимущественно по части исторіи, политической экономіи и соціальныхъ наукъ, и охотно дѣлился ею не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми ему мало знакомыми, которые казались ему порядочными. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около восьми лѣтъ много людей перебывало у него и разъѣхалось въ разные города Россіи и преимущественно въ университетскіе. По природѣ своей это былъ человѣкъ весьма эксцентричный. Въ болѣе молодомъ возрастѣ, по разсказамъ людей, встрѣчавшихся съ нимъ, онъ бывалъ въ публичныхъ танцклассахъ и тамъ приводилъ въ удивленіе и страхъ всѣхъ присутствующихъ. Часто онъ приходилъ не одинъ, принималъ участіе въ возникавшихъ тамъ ссорахъ и побуждалъ оскорбленныхъ къ избіенію какой-нибудь компаніи задорныхъ. Вообще, онъ враждебно смотрѣлъ на все, что ему представлялось консервативнымъ, часто привязывался къ полицейскимъ различнаго рода чинамъ и входилъ съ ними въ самыя смѣлыя пререканія. Всѣ

эти ни къ чему не ведущія выходки, о которыхъ сохранились одни преданія, были имъ давно уже оставлены, и дѣятельность его начала проявляться въ болѣе серьезномъ и болѣе сдержанномъ видѣ. Вовсе не интересуясь общественными увеселеніями, онъ бывалъ повсюду: въ клубахъ, дворянскихъ собраніяхъ, маскарадахъ, съ единственною цѣлью заводить знакомства для узнанія и выбора людей. Утро онъ проводилъ большею частью въ чтеніи книгъ и въ составленіи какого-либо, имъ намѣченнаго, труда. Плодомъ такихъ занятій былъ извѣстный въ свое время, напечатанный имъ, словарь употребительныхъ въ русской рѣчи иностранныхъ словъ, въ которомъ разъяснялись въ особенности подробно слова политическаго значенія.

Таковъ былъ Петрашевскій, окончившій жизнь свою, въ декабрѣ 1866 года, въ отдаленномъ селеніи сѣверной Сибири. Несмотря на выдающіяся свои качества, горячую его дѣятельность, увлеченіе дѣломъ и уваженіе, которымъ онъ пользовался въ средѣ людей, его окружавшихъ, онъ, по своему холодному обращенію, не былъ никѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, любимъ, и никто не могъ бы назваться его искреннимъ другомъ.

О прочихъ участникахъ нашего общества я не могу сказать ничего,—отчасти и по малому моему знакомству съ ними. Мы всѣ, кажется, жили, не помышляя о нашемъ единеніи, которое только и произошло послѣ общаго нашего несчастія. Иногда нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ собраніяхъ Петрашевскаго собирались у Н. С. Кашкина. Такихъ было немного, и опредѣленныхъ дней для того не было. Собирались также у К. М. Дебу люди близко другъ другу знакомые. Свой особенный кружокъ, сколько мнѣ извѣстно, съ особымъ направленіемъ, составлялъ Спѣшневъ, какъ бы соперничая съ Петрашевскимъ, и нѣкоторое время готовый устраниться отъ него; но Петрашевскій, видя въ этомъ ослабленіе общаго дѣла, съумѣлъ предупредить такое разъединеніе. Кромѣ этихъ извѣстныхъ мнѣ кружковъ, вѣроятно, были и другіе; образованіемъ же такихъ кружковъ имѣлась въ виду пропаганда, распространеніе въ обществѣ свѣдѣній о дѣйствительномъ нашемъ незавидномъ положеніи къ началу пятидесятыхъ годовъ.

Нѣкоторые изъ насъ,—въ томъ числѣ былъ и я,—вносили деньги на общую библіотеку, для выписки новѣйшихъ сочиненій, по различнымъ отраслямъ знаній, причемъ вовсе не имѣлись въ виду однѣ запрещенныя какія-либо цензурой книги. Общественнаго союза въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи между нами не было, и мысли наши, хотя выражались словами въ разговорахъ и ими иногда пачкались наединѣ клочки бумаги, но

въ дѣйствіе онѣ никогда не приходили. Между нами было нѣсколько человѣкъ, называвшихся „фурьеристами", къ числу которыхъ принадлежалъ и я. Фурьеристами мы назывались потому, что восхищались сочиненіями Fourier, и въ его системѣ, въ осуществленіи его проекта организованнаго труда видѣли спасеніе человѣчества отъ всякихъ золъ, бѣдствій и напрасныхъ революцій.

Въ мартѣ этого года (1849),—не помню, въ какой день,—былъ у насъ устроенъ, въ память Fourier, въ день его рожденія, banquet social. Обѣдъ былъ въ квартирѣ А. И. Европеуса; портретъ Fourrier въ настоящую величину, по поясъ, выписанный изъ Парижа къ этому дню, висѣлъ на стѣнѣ; насъ было одиннадцать человѣкъ (Петрашевскій, Спѣшневъ, два брата Европеуса, Кашкинъ, К. Дебу, И. Дебу, Ханыковъ и др.).

Обѣдъ былъ очень оживленъ; произнесены были три рѣчи (Петрашевскимъ, Ханыковымъ и мною); С. Н. Кашкинымъ прочтено было въ русскомъ переводѣ стихотвореніе Беранжé: „Les fous"; И. М. Дебу предложено было перевести на русскій языкъ болѣе доступное для всѣхъ сочиненіе Фурье: „Le nouveau monde industriel"; оно было тутъ же раздѣлено на части, и каждый взялъ себѣ часть для перевода. На обѣдѣ этомъ не было, однакоже, самаго главнаго ревностнаго послѣдователя и талантливаго проповѣдника ученія Фурье—Данилевскаго (имя его мнѣ осталось неизвѣстнымъ) [1]). Незадолго до моего знакомства съ Петрашевскимъ, читалъ онъ лекціи о системѣ Фурье, которыя сохранились въ памяти у всѣхъ присутствовавшихъ и были, по словамъ слушателей, очень увлекательны. Ему извѣстно было о нашемъ обѣдѣ, и онъ обѣщалъ Петрашевскому быть, но обѣщанія своего не исполнилъ. Причины тому остались неизвѣстными, и мы всѣ очень сожалѣли о его отсутствіи. Разошлись мы поздно вечеромъ. При выходѣ, Петрашевскій задержалъ меня и обоихъ Дебу и уговорилъ насъ сопровождать его къ Данилевскому, чтобы пристыдить его въ его ренегатствѣ. Былъ поздній часъ ночи, и мы ѣхали на двухъ петербургскихъ „гитарахъ" [2]). Я ѣхалъ съ К. Дебу, и мы оба были того мнѣнія, что Данилевскаго слѣдовало оставить въ покоѣ. Желаніе Петрашевскаго было, однако, исполнено; мы прибыли на квартиру Данилевскаго (онъ жилъ, помнится, въ Офицерской улицѣ); Петрашевскій разбудилъ его, вызвалъ изъ спальни и въ нашемъ присутствіи упрекалъ его за

[1]) Ник. Як. Данилевскій, извѣстный теоретикъ славянофильства, уже умершій. — *Ред.*

[2]) Дрожки того времени, на которыхъ садились верхóмъ или бокомъ.

неприбытіе. Не помню, что̀ Данилевскій отвѣчалъ и какъ оправдывался, но, видя человѣка разбуженнаго и сконфуженнаго, я пожалѣлъ о моемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, да и кромѣ того, мы не имѣли никакого права упрекать его. Если онъ живъ, то я отъ всей моей души прошу у него прощенія въ этомъ неразумномъ моемъ поступкѣ.

Вотъ въ чемъ состояла вина моя—такъ называемаго, вмѣстѣ съ другими, „петрашевца", или „апрѣлиста", какъ я слышалъ это названіе отъ нѣкоторыхъ случайно-встрѣчныхъ людей на Кавказѣ и въ Россіи, между прочимъ, и отъ графа Лорисъ-Меликова (онъ въ это время проѣзжалъ изъ Тифлиса черезъ Сунженскую станицу съ содержавшимся какъ бы въ плѣну Хаджи-Муратомъ); гр. Лорисъ-Меликовъ состоялъ тогда въ чинѣ полковника при штабѣ намѣстника Кавказа. Въ дѣйствительности, однакоже, ни то, ни другое изъ вышеприведенныхъ названій не соотвѣтствовало разнообразію кружковъ людей, сходившихся въ домѣ Петрашевскаго. Это былъ кружокъ соціалистовъ сорокъ-девятаго года, *въ смыслѣ тогдашняго идеальнаго направленія различныхъ соціальныхъ ученій во Франціи*. Наше нѣсколько возбужденное, какъ бы протестующее состояніе было чисто отголоскомъ совершавшихся въ Европѣ въ 1848 году событій. Находясь уже въ ссылкѣ и даже позже, я неоднократно слышалъ самыя странныя мнѣнія о насъ, высказываемыя мнѣ при встрѣчѣ разными лицами; надобно думать, что тогда нарочно пускали о насъ самые нелѣпые и позорящіе въ народѣ слухи,—быть можетъ, съ тою цѣлью, чтобы уничтожить всякое къ намъ сожалѣніе и возстановить противъ всѣхъ насъ общественное мнѣніе:—такъ, напр., говорили, что кружокъ Петрашевскаго состоялъ изъ „безбожниковъ", не признававшихъ ничего святого; что, будто бы, въ пятницу на Страстной недѣлѣ мы кощунствовали надъ плащаницею въ домѣ Петрашевскаго, и тому подобныя нелѣпости! Сами наши судьи или ближе насъ знавшіе были бы не менѣе, чѣмъ мы, удивлены подобными слухами...

VI.

Воспоминанія мои увлекли меня далеко за предѣлы темницы, но мысли мои и тогда безпрестанно возвращались къ этимъ предшествовавшимъ заключенію днямъ: то думалъ я о виновности нашей, въ отдѣльности для каждаго; то вспоминалась мнѣ моя родная семья—братья, сестра, старушка-тетушка, которыя были

испуганы ночью и глубоко огорчены моимъ внезапно совершившимся арестомъ. Мнѣ вспоминались они вмѣстѣ собравшимися, горюющими о случившемся, оплакивающими меня, какъ погибшаго, навсегда исчезнувшаго изъ нашего родного кружка. Слезы текли невольно изъ глазъ и, обращаясь мысленно къ каждому изъ нихъ, я жаловался на судьбу, мысленно обнималъ и прощался съ каждымъ. „Кончилась жизнь моя съ вами, миновали счастливые дни и долгіе годы моего съ вами житья, мои милые, мои дорогіе друзья! Останусь ли я живъ и, если уцѣлѣю отъ этого душевнаго погрома, гдѣ буду я жить, и увижусь ли съ вами, и когда, и гдѣ?“—Такъ говоря самъ съ собою, я плакалъ тихо, но горько; разлука съ ними, независимо отъ всего остальнаго, казалась мнѣ великимъ горемъ, и прежняя свободная жизнь моя являлась мнѣ идеаломъ счастья, потеряннымъ раемъ. Не одинъ я, однакоже, былъ подавленъ до слезъ приступами жестокой тоски, по временамъ—то съ одной, то съ другой отъ меня стороны, слышенъ былъ плачъ въ кельяхъ другихъ заключенныхъ.

Промучившись еще день, не зная, какъ приспособиться, то становился я на окно, то ходилъ взадъ и впередъ въ моей клѣтушкѣ, безъ всякихъ занятій, вращаясь все въ одномъ и томъ же кругу моихъ безотвязныхъ мыслей, ничѣмъ не разсѣиваемыхъ, и такъ дожилъ я до вечера: одиночество, бездѣлье, томленіе мучили меня. Нерѣдко садился я и на полъ, и, сидя на колѣняхъ, закрывая лицо обѣими руками, я громко сѣтовалъ и плакалъ; затѣмъ, поспѣшно вставая, вскакивалъ на окно, минутно упивался воздухомъ у фортки, сходилъ съ окна, шелъ къ двери, садился на кровать, на табуретку и опять лѣзъ на окно,—такъ метался я, запертый въ моемъ тѣсномъ жилищѣ. Снова были слышны хожденія, звонъ ключей, отворялась дверь, приносима и принимаема была безмолвнымъ солдатомъ пища.

Наступила вторая ночь, и на окнѣ моемъ зажглась снова сальная плошка. Она издавала особый запахъ съ копотью, и видъ ея былъ мнѣ противенъ; я подошелъ къ окну и задулъ ее. Замученный, я легъ на кровать; спать хотѣлось, и я засыпалъ, но отъ жесткой подушки и на покатомъ тюфякѣ я безпрестанно просыпался и перемѣнялъ положеніе.

Такъ прошло не знаю сколько времени, какъ въ корридорѣ послышались движеніе и разговоръ у моей двери. Потомъ я услышалъ стукъ въ окно двери и слова, обращенныя ко мнѣ: „Зачѣмъ потушили огонь“? Я ничего не отвѣчалъ и постарался забыться и заснуть, но въ скоромъ времени, однакоже, я услы-

шалъ звонъ ключей у моей двери; дверь отворилась, и вошелъ дежурный крѣпостной офицеръ и сторожъ,—мнѣ выговаривали за потушеніе свѣтильни и нарушеніе заведеннаго порядка. Плошка была снова зажжена, и я остался одинъ. Въ эту ночь мнѣ не было холодно, но въ остальномъ она была такая же, какъ и предыдущая.

Въ эту же ночь мнѣ снился сонъ, котораго отдѣльныя картины сохранились у меня и по сіе время въ памяти.

Мнѣ снилось мое жилище въ Большой Морской, въ институтѣ восточныхъ языковъ (гдѣ я числился студентомъ). Оно состояло изъ комнаты, выходившей въ общій съ другими жильцами корридоръ во второмъ этажѣ большого дома (домъ министерства иностранныхъ дѣлъ). Въ комнатѣ было одно окно, въ немъ—большая фортка. Въ этомъ жилищѣ моемъ было нѣсколько запрещенныхъ цензурою книгъ и моихъ письменныхъ набросковъ, за которые я могъ быть обвиненъ, и о которыхъ я много думалъ въ эти два дня. Мнѣ снилось, что я ночью вошелъ тихонько въ корридоръ, думая пробраться въ комнату, и вижу—всѣ спятъ, и часовой стоитъ у дверей моей комнаты, а на двери лежитъ большая печать. Сердце у меня сжалось, и я тихонько ушелъ, вышелъ на улицу, обошелъ кругомъ весь кварталъ и вошелъ вновь на дворъ нашего дома, черезъ ворота со стороны Мойки, и, найдя тамъ знакомаго дворника, подговорилъ его подставить къ окну моему, выходившему на дворъ, высокую лѣстницу, чтобы можно было черезъ фортку пробраться въ комнату. И вотъ я уже отворилъ фортку и влѣзъ въ комнату; у меня въ рукахъ уже схвачены разныя письмена, какъ вдругъ слышу я голосъ дворника: „Баринъ! спасайтесь, идутъ“! Я хотѣлъ бѣжать, но въ фортку смотрѣло уже на меня знакомое мнѣ при арестѣ моемъ лицо... Я проснулся, сердце стучало въ груди... все было тихо, плошка горѣла.

Утромъ всталъ я, замученный болѣе прежняго. Ночь была столь же тяжела, какъ и предыдущая. Голова у меня болѣла и, мѣстами, больно было дотрогиваться до нея, а пальцы мои, которые я подкладывалъ подъ голову, были чувствительны. Сдѣлалось свѣтло; замазанное окно закрывало меня отъ всего живущаго. Вотъ третій день, какъ я одинъ, и все грознѣе встаютъ однѣ и тѣ же мысли! На душѣ было такъ же душно, какъ и въ комнатѣ. Я отворилъ фортку,—повѣяло чистымъ воздухомъ; всталъ на кружку и уткнулся носомъ въ открытое окно: предо мной былъ крѣпостной валъ и пустой дворикъ, гдѣ не было никого. Чистый весенній воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Я стоялъ такъ

нѣсколько минутъ, какъ вдругъ услышалъ стукъ сзади меня; я обернулся и увидѣлъ, что въ окошкѣ двери тряпка поднята и кто-то стучитъ пальцемъ въ стекло и кричитъ: „Сойдите съ окна"! Въ сердцѣ какъ бы кольнуло что-то; медленно сошелъ я съ окна. Надо же мнѣ умыться, хотя насколько возможно, отъ грязи, меня окружающей,—и вотъ я моюсь, набирая въ ротъ воды, наклонившись надъ упомянутымъ ящикомъ, мою лицо и руки, боюсь проронить напрасно каждую каплю воды, которой у меня было мало. Но вотъ умылся,—что̀ же дѣлать я буду весь наступившій день? Какъ доживу я до вечера? И сколько дней еще придется сидѣть взаперти?!.. Вопросъ этотъ съ перваго же дня безпрестанно возникалъ во мнѣ, и я, по простотѣ души, въ воображеніи моемъ разрѣшалъ его очень наивно: „Черезъ двѣ недѣли, конечно, разъяснится уже все дѣло,—но какъ прожить эти двѣ недѣли"?! А затѣмъ начинался другой, еще болѣе трудно разрѣшимый вопросъ: „А послѣ этого заключенія,—что̀ будетъ съ нами"? Вопросъ этотъ былъ безотвѣтенъ, но предчувствія были зловѣщи и давали поводъ къ различнымъ мрачнымъ мыслямъ...

Что̀ же далѣе? Сто̀итъ ли еще описывать это однообразное, мучительное верченіе въ себѣ самомъ и въ тѣсной клѣти моего заключенія? Изученіе послѣдовательныхъ измѣненій души и тѣла, наступающихъ у одиночно-заключенныхъ на продолжительные сроки, составляетъ высокій интересъ для ученаго психолога и психіатра, но наблюдать ихъ не удалось еще никому,—ихъ только знаютъ и чувствуютъ на себѣ сами заключенные; а затѣмъ, если они и возвращаются къ свободной жизни, то нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ, и только если кому-либо, по истеченіи долгихъ лѣтъ, посчастливится оправиться, насколько возможно, и обезпечить вновь свою жизнь,—тотъ можетъ предаться воспоминаніямъ о давно прошедшемъ, сквозь туманную завѣсу десятковъ лѣтъ, едва различая о̀бразы минувшаго.

VII.

Въ дальнѣйшемъ теченіи моей одиночной жизни, какъ бы она, повидимому, въ сущности, однообразна и монотонна ни была, вспоминаются, однакоже, въ теченіе столь продолжительнаго времени случавшіяся иногда и различныя отступленія отъ обыкновеннаго порядка, — случайныя происшествія дня, развлекавшія или отягчавшія меня еще бо̀льшими мученіями. О нихъ хотѣлось бы упомянуть въ хронологическомъ порядкѣ и на нѣкото-

рыхъ остановиться бо̀льшее время. Хронологическій порядокъ, однакоже, хотя и желателенъ, но онъ едва-ли исполнимъ, потому я могу только сказать, что я желаю, насколько не измѣнитъ память, придерживаться его.

По прошествіи нѣскольких дней, у меня болѣла голова отъ маленькихъ опухолей на ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали дѣлаться нарывы на концахъ пальцевъ, въ родѣ маленькихъ ногтоѣдъ, которыя меня не мало мучили. Нагноеніе было на всѣхъ пальцахъ рукъ, кромѣ большого пальца. На головѣ опухоль произошла отъ давленія жесткою подушкой и, можетъ быть, отъ грязной наволочки; на рукахъ же потому, что ладони и пальцы рукъ были постоянно подкладываемы подъ щеку и голову. Въ сравненіи съ самимъ заключеніемъ эта маленькая бѣда была, конечно, ничтожна, но, однакоже, она причиняла мнѣ ежеминутныя страданія и озабочивала меня желаніемъ избавиться отъ нея. Я тогда же понялъ настоящую причину моихъ болей, и вотъ, въ утренній приходъ ко мнѣ дежурнаго офицера, я просилъ его дать мнѣ мыла и воды какъ можно болѣе, а также и перемѣнить подушку,—по крайней мѣрѣ, приказать дать мнѣ чистое постельное бѣлье. Просьба моя относительно мыла и воды была исполнена въ тотъ же день, но подушка осталась до субботы — дня, въ который перемѣнялось бѣлье всѣмъ. Чувствительность кожи головы у меня стала мало-по-малу уменьшаться и нарывы всѣ стали проходить. Вся эта болѣзнь, однакоже, продолжалась около двухъ недѣль.

Безпрестанно предавался я соображеніямъ о томъ, какъ долго будемъ мы заключены въ крѣпости, и всегда утѣшалъ себя тою мыслью, что недѣли двѣ необходимы нашимъ судьямъ для разсмотрѣнія нашего дѣла, но болѣе этого срока я никакъ не давалъ имъ. Съ одной стороны, дѣло казалось мнѣ весьма несложнымъ и незначительнымъ, а съ другой — я просто съ боязнью убѣгалъ отъ всякой мысли о возможности продолжительнаго сидѣнья въ крѣпости и каждый прошедшій день считалъ уже пережитымъ страданьемъ. Вѣдь теперь весна,—а я задыхаюсь въ душномъ воздухѣ грязныхъ, тѣсныхъ келій! Такъ думалъ я и, влѣзая на окно, къ форткѣ, впивалъ въ себя струю свѣжаго воздуха. Каждый прошедшій день приближаетъ меня къ выходу. Судьи наши, безъ сомнѣнія, торопятся привести въ извѣстность и окончить дѣло, и для нихъ тоже не имѣющее ничего привлекательнаго. Часто также думалъ я и о времени,—и спрашивалъ себя: „Да какой же у насъ теперь день и число“? На этотъ вопросъ я никакъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отвѣта,—до того, при этомъ внезапномъ погромѣ, перепуталось въ головѣ исчисленіе.

Каждый день спрашивалъ я себя: „Конецъ апрѣля у насъ, или уже май мѣсяцъ"? Прошло много дней (дней десять и болѣе); много думъ перебывало въ головѣ, какъ вдругъ услышалъ я голоса людей,—и церковный звонъ въ этотъ день, казалось, былъ сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенные дни. Я вскочилъ съ особеннымъ любопытствомъ на окно и кружку и увидѣлъ проходящихъ и останавливающихся на валу крѣпости, передъ нашими окнами: люди различныхъ, повидимому, сословій, различно, попраздничному одѣтые, мужчины, женщины и дѣти, проходили и, пріостанавливаясь, вглядывались въ наши окна и за рѣшотками спрятанныя въ нихъ лица, и бросали мѣдныя деньги на маленькій дворъ нашъ. Я, устремивъ на нихъ глаза, всматривался въ каждаго изъ любопытства, а также изъ возможности увидѣть кого-либо изъ знакомыхъ. Пятаки шлепали объ землю, упоминалось о святомъ Николаѣ; иные шептались, смотря на насъ. Шествіе это продолжалось недолго, съ четверть часа, потомъ все утихло, исчезло, какъ видѣніе, и мы остались по прежнему одинокими.

Неожиданное это явленіе имѣло для меня особое значеніе: оно разъяснило путаницу счета дней. Я уразумѣлъ вдругъ, что этотъ день есть 9-е мая, Николинъ день, и былъ даже обрадованъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ истиннаго времени. Съ этого дня я твердо установился въ исчисленіи времени и неупустительно велъ его въ продолженіе всѣхъ восьми мѣсяцевъ моего заключенія въ крѣпости.

Въ одинъ изъ дней первой половины мая темничная жизнь моя была вдругъ нарушена слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ утренній часъ я услышалъ хожденіе и бѣготню въ корридорѣ и вскорѣ затѣмъ звонъ связки ключей, остановившійся у моей двери: вошелъ знакомый уже мнѣ дежурный офицеръ по крѣпости (ихъ было всего два и третій плацъ-маіоръ, и они смѣнялись поочередно). Вмѣстѣ съ тѣмъ, служитель принесъ мое платье, въ которомъ я былъ арестованъ, и которое у меня было отобрано въ день заключенія. Мнѣ сказано было—одѣться. Сердце мое забилось: „Неужели меня освободятъ?—Нѣтъ, что-то другое ожидаетъ меня. Да, конечно,—меня требуютъ въ судъ, къ допросу. А потомъ? потомъ приведутъ опять сюда"! Я одѣлся поспѣшно; офицеръ не расположенъ былъ разговаривать, и мы вышли. И я увидѣлъ днемъ тѣ мѣста, по которымъ меня вели ночью—при арестѣ 23-го апрѣля. Я проходилъ дворикъ поперекъ и затѣмъ продѣланный ходъ черезъ толстую крѣпостную стѣну, потомъ мостикъ, и затѣмъ я увидѣлъ себя на большомъ

дворѣ крѣпости, у задняго фаса со стороны Невы. Несмотря на мое безпокойство и мысли, сосредоточенныя на предстоящемъ допросѣ, я ощущалъ какое-то особое чувство радости, благосостоянія, отъ воздуха, меня объявшаго внѣ стѣнъ и потолка душной тюрьмы; я смотрѣлъ на небо и по сторонамъ съ какимъ-то наслажденіемъ; взоръ отдыхалъ на представшихъ вдругъ глазамъ моимъ новыхъ предметахъ. Весенній день казался мнѣ ослѣпительнымъ, чуднымъ, живительнымъ. Вотъ, я прохожу бульваромъ; на немъ—распускающіяся деревья и зеленая трава. Не видѣвъ ихъ въ этомъ году, я былъ удивленъ, какъ вдругъ все выросло, послѣ апрѣльскихъ холодныхъ дней, и готово уже перейти въ лѣто. „Охъ, засидѣлся я въ тюрьмѣ"!—думалъ я. — „Какъ хороша жизнь на свободѣ"! Рядомъ со мною шелъ офицеръ, а сзади слѣдовалъ солдатъ. Мы подошли къ бѣлому двухъ-этажному дому и вошли въ него. Тамъ введенъ я былъ по лѣстницѣ во второй этажъ, и затѣмъ предо мной отворилась дверь, и я вошелъ въ небольшую свѣтлую комнату; въ ней увидѣлъ я сидящихъ за столомъ нѣсколько человѣкъ. Они имѣли видъ старыхъ заслуженныхъ генераловъ, и между ними одинъ былъ въ статскомъ платьѣ со звѣздою. Ихъ было пятеро. Какъ я узналъ впослѣдствіи, это были: князь Гагаринъ (одѣтый въ статское платье), полный, блѣдный, сѣдой, казался старѣйшимъ изъ нихъ; князь Долгоруковъ, генералы: Ростовцевъ, Набоковъ (комендантъ крѣпости) и Дубельтъ. Сначала удостовѣрены были мое имя и фамилія, а потомъ князь Гагаринъ объявилъ мнѣ, что я состою участникомъ преступнаго дѣла, за которое и арестованъ, и единственная возможность смягченія моей участи—это полное признаніе во всемъ и открытіе всего извѣстнаго мнѣ въ дѣлѣ злоумышленія. Я долженъ былъ отвѣчать немедленно: какое у насъ было общество; кто состоитъ членами его; поименовать всѣхъ злоумышленниковъ и объяснить, какая цѣль была тайнаго общества, какія средства употреблялись къ достиженію цѣли?

Закиданный такими вопросами, я былъ удивленъ и отвѣчалъ, что у насъ не было никакого общества, а потому и отвѣтить на всѣ остальные вопросы я не знаю что̀. Я же не могу нарочно вымышлять... Тогда я спрошенъ былъ о собраніяхъ въ домѣ Петрашевскаго, на которыхъ я бывалъ. Мнѣ прибавлено было, что имъ все извѣстно, и всякимъ скрытіемъ я только запутаю себя еще болѣе. Что̀ происходило на такомъ-то собраніи, такого-то числа, и на томъ тогда-то? Я отвѣчалъ, что бывалъ иногда на вечерахъ Петрашевскаго; тамъ говорилось о различныхъ предметахъ, ученыхъ, литературныхъ, политическихъ. Что̀

именно говорилось въ какой-либо день, я не помню, тѣмъ болѣе, что я не всегда и бывалъ на этихъ вечерахъ.

— Нѣтъ, вотъ такого-то числа, 5-го декабря, вы были, и вы не можете не знать, что̀ тамъ дѣлалось и кто о чемъ говорилъ.

— Я рѣшительно не помню и не могу сказать. Мнѣ казались эти разговоры не столь важными, чтобы ихъ помнить, и я никакъ не думалъ, чтобы когда-либо я долженъ былъ отвѣчать объ этомъ.

— Кто бывалъ на этихъ вашихъ сходкахъ? Назовите всѣхъ, кого вы видѣли.

Я назвалъ нѣсколькихъ лицъ изъ тѣхъ, кого видѣлъ арестованными въ III-мъ отдѣленіи 23-го апрѣля.

— Я былъ знакомъ съ немногими, — отвѣчалъ я; — большинство людей, встрѣчаемыхъ тамъ мною, было мнѣ неизвѣстно, и Петрашевскій не имѣлъ привычки знакомить насъ.

Такимъ образомъ допрашиваемъ былъ я въ этотъ разъ съ полчаса времени. Вопросы предлагаемы мнѣ были то тѣмъ, то другимъ изъ присутствующихъ съ увѣщаніями и угрозами; но, видя, что отвѣты мои ничего не разъясняютъ, они не знали, что̀ уже спрашивать, и я былъ отпущенъ.

Допросомъ этимъ я былъ сильно взволнованъ, и, довольный собою, спускался съ лѣстницы, сопровождаемый тѣми же провожатыми. Мы вышли снова на крѣпостной дворъ; меня снова обнялъ нѣжнымъ своимъ дыханіемъ весенній, чистый, незамкнутый воздухъ; я упивался имъ съ наслажденіемъ и замедлялъ ходъ.

— Опять туда же вы меня ведете?

— Опять туда же,—отвѣчалъ сопровождавшій меня офицеръ.

— Надолго ли? Какъ думаете?

— Не могу вамъ сказать,—мнѣ вѣдь ничего неизвѣстно.

Мы придвигались все ближе къ прежнему подсводному ходу и мостику, и вотъ я вновь перехожу маленькій дворикъ; двери тюремнаго корридора уже отворились, и я, войдя въ него, сразу почувствовалъ разительную перемѣну воздушной среды: темно и душно, въ амбразурахъ видна Нева; вотъ и дверь моей кельи открыта, и я вновь введенъ въ нее и запертъ на ключъ.

„Вотъ и судъ начался,—думалъ я,—а уже болѣе двухъ недѣль сижу я въ тюрьмѣ, и сколько еще времени просижу? Неужели еще двѣ недѣли? И отчего такъ медленно ведутъ они дѣло? Развѣ оно такое большое"?!.. Тяжело было на душѣ, и мысли, съ каждымъ днемъ все болѣе мрачныя, отягчали меня.

Тюремная моя келья была, кажется, четвертая отъ входной двери мрачнаго корридора. Стѣны отдѣляли меня отъ моихъ сосѣдей справа и слѣва. Мнѣ слышны были ихъ шаги; по временамъ слышались глубокіе громкіе вздохи. Иногда, то тамъ, то здѣсь, слышенъ былъ по корридору чрезъ нѣсколько стѣнъ плачъ кого-либо,—то рыданіе, то всхлипываніе. Тишина, спертый воздухъ, полнѣйшее бездѣлье, доходившіе до меня то возгласы, то вздохи заключенныхъ товарищей, неизвѣстныхъ мнѣ,—все это вмѣстѣ производило удручающее вліяніе, отнимавшее окончательно бодрость духа. Нервное утомленіе, или лучше сказать—переутомленіе, начало выражаться безпрестанной зѣвотой; часто слезы текли изъ глазъ, иногда пробѣгала какая-то дрожь по спинѣ. По временамъ появлялись приступы болѣе сильной тоски и выражались какимъ-то, прежде сего никогда незнакомымъ мнѣ, неудержимымъ плачемъ, послѣ чего впадалъ я въ совершенную апатію и оставался безъ движенія, безъ мысли. Запасъ жизни, однакоже, пробуждалъ меня снова къ дѣятельности въ замкнутомъ кругу. Мысли роились снова, то блуждая въ воспоминаніяхъ прошедшаго, то останавливаясь на безвыходномъ положеніи настоящаго.

По истеченіи нѣкотораго времени, стали слышаться не одни печальные стоны, но и пѣсни кое-гдѣ между заключенными. Пѣсни становились болѣе частыми и болѣе громкими; по содержанію онѣ были весьма разнообразны: то слышалась знакомая пѣсня, протяжная, заунывная, то незнакомые мнѣ напѣвы,—словъ нельзя было разобрать; однажды услышалъ я: „Allons, enfants de la patrie,—Le jour de la gloire est arrivé“... чтò было какъ бы ободряющимъ и призывающимъ къ терпѣнію. Дѣлать нѣчего, надо было утѣшать и ободрять себя чѣмъ возможно, хотя бы минутнымъ обманомъ, лишь бы какъ-нибудь пережить это трудное, мучительное заключеніе. Вскорѣ и сосѣдъ мой съ правой стороны сталъ пѣть; и голосъ его, и пѣніе, слышанные мною часто, привлекали мой слухъ и развлекали меня немало. Имя его я узналъ прежде выхода моего изъ тюрьмы, какъ о томъ объясню ниже.

Однажды, осматривая кровать мою, снаружи расшатанную уже временемъ, я замѣтилъ въ одномъ углу ея торчащій гвоздь; взявшись за него, я увидѣлъ, что онъ некрѣпокъ, и его можно, съ усиліемъ, расшатать и вытянуть. Гвоздь этотъ казался мнѣ вещью полезной въ моемъ положеніи: какъ орудіе самозащиты и какъ орудіе самоубійства, въ случаѣ невозможности перенести неизвѣстное, ожидаемое мною. Я ухватилъ его крѣпко и ша-

талъ и тянулъ, съ роздыхами, до тѣхъ поръ, пока не вытянулъ. Гвоздь оказался длиннымъ съ палецъ и толстымъ съ писчее перо. У меня ничего не было, потому и гвоздь этотъ составлялъ для меня цѣнную вещь, и онъ мнѣ, въ безпомощномъ моемъ положеніи, оказался небезполезнымъ. Первое употребленіе, которое я извлекъ изъ него—это чистка ногтей нѣсколько разъ въ продолженіе дня. По извлеченіи его, онъ почти не выходилъ у меня изъ рукъ. Я его тщательно пряталъ отъ взоровъ сторожей и входившихъ ко мнѣ ежедневно, для подачи пищи, офицеровъ и служителей. Стоя на окнѣ у фортки, я точилъ его о желѣзную рѣшотку и придавалъ ему желаемую остроту или слегка затуплялъ его, смотря по расположенію духа. Гвоздь этотъ я берегъ, какъ вещь мнѣ весьма нужную, и тщательно сохранялъ его до конца моего пребыванія въ крѣпости.

Первый мѣсяцъ тюремной жизни въ Петропавловской крѣпости казался мнѣ жестокимъ, невыносимымъ, но по истеченіи его образовалась уже нѣкоторая выносливость. Не то чтобы пребываніе это въ заключеніи сдѣлалось болѣе сноснымъ,—нѣтъ, я жилъ одною мыслью, что дѣло наше должно окончиться если не сегодня, то завтра, но вмѣстѣ съ тѣмъ меня не удивляла уже и не возбуждала во мнѣ омерзѣнія моя душная, съ загрязненными стѣнами келья. Я примѣнился къ минимальной, простѣйшей жизни и размышлялъ о томъ, какъ сдѣлать ее менѣе тягостною, менѣе вредною для здоровья, убѣждая себя, что вѣдь пройдетъ же это время, не завтра, такъ послѣ-завтра, или черезъ недѣлю. Фортка держалась открытою день и ночь во всякую погоду; воды я не переставалъ требовать два раза въ день большую кружку (стакановъ десять); сталъ ходить по комнатѣ, для движенія, а иногда прыгалъ и дѣлалъ гимнастику; ѣлъ чрезвычайно мало. Бо́льшую часть дня сталъ проводить я, стоя на окнѣ, носомъ въ форткѣ. Сторожъ, заглядывавшій въ наши кельи, рѣдко исполнялъ свою обязанность. Иногда, увидѣвъ меня стоящимъ на окнѣ, онъ стучалъ и говорилъ: „сойдите съ окна“! Я сейчасъ же сходилъ, но потомъ вскорѣ опять вспрыгивалъ на площадку окна и стоялъ, пока не уставалъ. Наконецъ, и сторожа, все одни и тѣ же, уже привыкли къ нашимъ безвреднымъ привычкамъ и, внося пищу столько разъ и не получая, ни отъ насъ, ни черезъ насъ, никакихъ непріятностей по службѣ, считали насъ уже какъ бы своими людьми, которыхъ обижать безъ надобности не слѣдуетъ, и эти напоминанія о схожденіи съ окна совершенно прекратились. Офицеры, посѣщавшіе насъ, которыхъ было всего три (одинъ блондинъ, всегда кашлявшій, больной,

худой, для меня весьма непріятный; другой—брюнетъ, очень высокій, худой тоже, который мнѣ нравился, и третій—миловидный плацъ-маіоръ, нѣмецъ, для меня безразличный), вначалѣ бывшіе съ нами почти совершенно безсловесными, стали болѣе внимательны къ намъ и не такъ молчаливы и безучастны. Одинъ изъ нихъ, не помню который, на просьбу мою, нельзя ли получить какую-нибудь книгу для чтенія, предложилъ мнѣ сначала имѣющуюся у него въ распоряженіи библію, которую и просилъ я принесть мнѣ, а потомъ онъ доставилъ мнѣ вскорѣ и другую книгу, одинъ изъ старыхъ журналовъ,—кажется, „Отечественныя Записки“. На книги эти я набросился съ жадностью и читалъ.

VIII.

Чтеніе доставленныхъ мнѣ—кажется, плацъ-маіоромъ—книгъ было для меня большимъ развлеченіемъ. Библію на славянскомъ языкѣ я нерѣдко перелистывалъ прежде, когда былъ на волѣ, и многое было прочтено мною уже прежде, но, имѣя эту книгу въ такое бѣдственное время, я накинулся на нее съ особеннымъ увлеченіемъ, ища въ ней пищи для размышленія и утѣшенія. Я развертывалъ ее въ разныхъ мѣстахъ и прочитывалъ цѣлыя главы. Пятокнижіе прочитано уже было мною прежде, все подрядъ,—потому я читалъ далѣе изъ книгъ Іисуса Навина, Судей, Царей и пророковъ. Псалмы Давида, страданія Іова и книга Эсѳирь занимали меня. Но все-же тяжелая, убійственная тоска не оставляла меня, и по временамъ я впадалъ въ какое-то малодушное отчаяніе. Чѣмъ далѣе длилось заключеніе, тѣмъ ненавистнѣе и ужаснѣе казалось оно мнѣ. Въ груди начало появляться какое-то судорожное дрожаніе—не то плачъ, не то смѣхъ. Какъ ни старался я утѣшать себя размышленіемъ, что не я одинъ, но и всѣ мы страдаемъ, и что и прежде было такъ, и люди лучше и выше меня во всѣхъ отношеніяхъ бывали заключаемы въ темницахъ и нерѣдко кончали и жизнь свою въ мукахъ,—такъ отчего же мнѣ должна быть лучшая судьба? И чья, въ дѣйствительности, лучшая судьба,—живущаго ли въ довольствѣ на свободѣ угодника людскихъ страстей, или гонимаго людьми заключеннаго въ темницу? Такого рода разныя размышленія посѣщали меня по временамъ, возвышали духъ мой надъ обыкновеннымъ уровнемъ житейскаго моря, въ которомъ такъ легко захлебнуться и пойти ко дну,—но это было кратковременно, минутно, а все остальное время я готовъ былъ горько расплакаться о потерянной мною жизни, которую я страстно любилъ!

Но вотъ настало второе испытаніе—я вновь былъ приведенъ передъ лицо судей.

— Вы говорили намъ, что вы ничего не знаете, и мы повѣрили тому, но теперь изъ дѣла обнаружилось, что вы—одинъ изъ болѣе виновныхъ, замышлявшихъ произвесть государственный переворотъ... Вы стремились перевернуть вверхъ дномъ весь настоящій порядокъ...

Я стоялъ и слушалъ.

„Они, безъ сомнѣнія, прочли набросанную мною рѣчь за обѣдомъ“,—думалъ я.

— Какія собранія были у васъ? Какой обѣдъ у васъ былъ и что̀ тамъ было? У кого былъ обѣдъ!

— У Петрашевскаго,—отвѣчалъ я.

— Это неправда; вы лжете. Назовите вашего товарища, у котораго былъ обѣдъ!

— Обѣдъ былъ у меня,—отвѣчалъ я, смущенный.

— Вы насъ не можете обмануть или скрыть чего-либо, все дѣло ваше намъ извѣстно... Обѣдъ былъ у Европеуса. Кто былъ тамъ и о чемъ было тамъ говорено?

— Вамъ же извѣстно все наше дѣло. О себѣ хочу я объяснить, что я не имѣлъ въ виду никакого насильственнаго переворота...

— Да, только хотѣли разрушить столицы и города!.. Знаете ли вы, что̀ ожидаетъ васъ по закону?—Смертная казнь.

При этихъ словахъ предсѣдатель развернулъ томъ закона и прочиталъ соотвѣтственное мѣсто. Я стоялъ, не зная, что̀ говорить.

— Ахшарумовъ!—сказалъ мнѣ справа отъ меня сидѣвшій за столомъ генералъ. (Это былъ Ростовцевъ, какъ я узналъ впослѣдствіи).—Мнѣ жаль васъ! я зналъ вашего отца,—онъ былъ заслуженный генералъ, преданный Государю, а вы, сынъ его, сдѣлались участникомъ такого дѣла! — Обращаясь ко мнѣ съ этими словами, онъ смотрѣлъ на меня пристально, какъ бы съ участіемъ, и въ глазахъ его, какъ будто, показались слезы. Меня удивило это участіе незнакомаго мнѣ лица, и оно казалось мнѣ искреннимъ.

— Вы поймите то, — говорилъ предсѣдатель, — что ваша жалкая участь можетъ быть только облегчена вашимъ признаніемъ и раскрытіемъ всего, какъ это означено въ этомъ же пунктѣ закона.

Я молча стоялъ, и меня, сколько мнѣ помнится, больше ни о чемъ не спрашивали.

— Намъ съ нимъ больше говорить нечего,—продолжалъ предсѣдатель,—ему надо дать время одуматься; дѣло касается его жизни. Вотъ, мы вамъ предлагаемъ написать все, что̀ у васъ было. Ступайте.

Мы вышли,—я былъ пораженъ. Ничего не говоря, шелъ я, куда меня вели: представшая минутно моимъ удивленнымъ глазамъ картина уже вполнѣ наставшаго лѣта, переходовъ котораго съ весны я совсѣмъ не видѣлъ, и живительный воздухъ свѣтлаго майскаго дня исчезли для меня, и я захлопнутъ былъ снова тюремною дверью.

Замученный уже порядочно мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, передъ судомъ, однакоже, предсталъ я въ возбужденномъ состояніи и былъ сдержанъ въ моихъ отвѣтахъ; но когда остался одинъ, самъ съ собою, слезы полились, и я заплакалъ, какъ никогда въ жизни со мною не случалось... Отдавшись весь тоскѣ, я плакалъ горько, какъ вдругъ услышалъ, что ключъ воткнутъ былъ снова въ замокъ моей двери. Это остановило меня сейчасъ же. Дверь отворилась, вошелъ какой-то чиновникъ и, положивъ ко мнѣ на столъ бумагу, чернила и перо, обратился съ вопросомъ:

— Здѣсь шесть листовъ, довольно ли будетъ?

— Возьмите вашу бумагу и оставьте меня!—сказалъ я ему. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и, не отвѣтивъ мнѣ ничего, ушелъ.

Не могу вспомнить я болѣе, что̀ было со мною въ этотъ день, какъ прожилъ я его, но день этотъ былъ для меня одинъ изъ самыхъ мучительныхъ. На другой день я проснулся очень утомленный. Во снѣ преслѣдовали меня все тѣ же дневныя картины предшествовавшаго дня—смертная казнь въ различныхъ ея видахъ начала представляться мнѣ. Вспоминались мнѣ и разсказы, слышанные мною прежде о заключенныхъ въ казематахъ крѣпости.

Бумага лежала на столѣ. Писать или не писать? Вопросы эти начинали все болѣе и чаще неотвязно преслѣдовать меня. „Они—думалось мнѣ—увеличиваютъ нашу вину; имъ представляется Богъ знаетъ что̀: тайное общество, заговоры!..“ — „Еслибъ они знали въ дѣйствительности всю правду, то, можетъ быть, и успокоились бы“. Такія мысли начали все чаще появляться и все болѣе упрочиваться въ моемъ мышленіи, и привели меня мало-по-малу къ тому заключенію, что лучше изложить имъ дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности, упомянувъ объ обстоятельствахъ, которыя несомнѣнно должны быть имъ извѣстны, или не могутъ не быть

узнаны изъ найденныхъ у насъ бумагъ. Нѣкоторые изъ насъ незадолго до ареста говорили, что хорошо бы все происходящее записывать, и одинъ изъ нихъ (Ханыковъ), человѣкъ самаго живого характера, котораго любимымъ дѣломъ было поддерживать связь между всѣми нами, имѣвшій огромный кругъ знакомства, уже принялся, какъ это было мнѣ извѣстно, за описаніе дѣятельности отдѣльныхъ кружковъ. Кромѣ того, агентъ III-го отдѣленія болѣе полугода посѣщалъ собранія Петрашевскаго. Онъ же былъ родственникъ Толя, который гораздо ранѣе меня былъ знакомъ съ Петрашевскимъ. Отъ него разузналъ онъ, безъ сомнѣнія, обо всемъ и предалъ его и насъ всѣхъ.

„Мнѣ надо писать,—говорилъ я;—писаніемъ моимъ я не сдѣлаю ни малѣйшаго зла никому изъ арестованныхъ, а можетъ быть даже кого-либо удастся оправдать или уменьшить вмѣняемую ему вину. Петрашевскаго, конечно, оправдать я не могу,—на немъ лежитъ вина всѣхъ насъ вмѣстѣ".

Что же касается до меня самого, то вопросъ этотъ казался мнѣ всего менѣе труднымъ. Нечего было думать скрыть что-либо, а надо прямо, откровенно разсказать все, признать себя виновнымъ и просить прощенія, такъ какъ смертъ моя не принесетъ пользы никому, а жизнь я любилъ слишкомъ горячо, чтобы разстаться съ нею. Такъ размышлялъ я, съ различными варіаціями, еще цѣлый слѣдующій день, а на третій, утромъ, сталъ писать. И вотъ написалъ, что Петрашевскій одинъ только и виновенъ, на немъ одномъ лежитъ вина всего случившагося; собранія были только у него одного, онъ одинъ только и дѣйствовалъ, желая направлять общественное мнѣніе, но дѣйствія какимъ-либо насиліемъ никогда не было у него въ виду. Я поименовалъ тѣхъ лицъ, которыхъ видѣлъ арестованными и выражалъ мнѣніе, что неправильно думать, что всѣ посѣщавшіе собранія Петрашевскаго были съ нимъ одинаковыхъ мыслей относительно политическихъ и соціальныхъ вопросовъ; что у Петрашевскаго собирались весьма различные люди, и были не одни только осужденія настоящаго государственнаго порядка, но и горячіе споры въ защиту его. Одно посѣщеніе собраній Петрашевскаго никакъ не можетъ быть кому-либо поставлено въ вину. Наконецъ, окончивъ описаніе фактовъ, вмѣняемыхъ намъ въ общую вину, я перешелъ къ подробнѣйшему изложенію объ участіи моемъ въ этомъ дѣлѣ и, признавая себя виновнымъ письменно и мысленно, я написалъ, правду сказать, о себѣ много лишняго, чего бы вовсе не слѣдовало писать; но я очень упалъ духомъ и боялся смертной казни. Окончилъ я писаніе нѣсколькими

строками, обращенными къ Государю, въ которыхъ изъявлялъ искреннее мое во всемъ раскаяніе, признавалъ дѣйствія свои безразсудствомъ и безсмысліемъ, и просилъ о прощеніи моей вины, но я не могу не прибавить теперь, что я лгалъ на себя, такъ какъ по совѣсти не чувствовалъ за собой никакой вины!

Рукопись эта была у меня взята, а нѣкоторые листы бумаги, написанные мною, были разорваны въ мельчайшіе клочки. На другой день я былъ позванъ въ судъ. Меня пригласили прочесть написанное, останавливали меня на нѣкоторыхъ мѣстахъ, разспрашивали. Ростовцевъ интересовался однимъ вмѣстѣ съ нами арестованнымъ офицеромъ московскаго полка (фамиліи его я не помню), о которомъ я упоминалъ, какъ о заслуживающемъ отъ правительства награды, а не наказанія. Онъ и не былъ впослѣдствіи въ числѣ обвиненныхъ.

Меня спросили еще о Данилевскомъ, но я отвѣтилъ, что онъ прежде посѣщалъ собранія Петрашевскаго, но потомъ удалился ото всѣхъ. Меня заставили сказанное о немъ написать, что̀ и было мною сдѣлано между строками.

Такова была моя письменная апологія, составленная подъ страхомъ смерти. Послѣ этого прошло уже слишкомъ тридцать-пять лѣтъ, и вотъ я стою теперь (въ 1883 г.) передъ концомъ моей жизни и пишу рукопись о быломъ, какъ мою исповѣдь.

IX.

Прошелъ мѣсяцъ моего пребыванія въ крѣпости. Приблизительно около этого времени, въ концѣ четвертой или въ началѣ пятой недѣли, произошли нѣкоторыя перемѣны вообще въ ежедневномъ однообразномъ ходѣ нашей жизни; кромѣ того, и нѣкоторыя случайныя новости, собственно мои, на которыя я натолкнулся въ моемъ одиночествѣ, составили для меня, въ свое время, событія дня весьма важныя.

Въ точности не могу вспомнить, но приблизительно въ это время двери наши отворялись не два раза, а три; намъ подавался чай утромъ, затѣмъ обѣдъ и съ вечерней пищей приносился и чай. Для этого были у меня стаканъ, блюдечко и чайникъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ были у меня свѣча и спички, гребенка и зеркальце, и я ежедневно дѣлалъ кое-какъ свой туалетъ. Однажды съ вѣтромъ залетѣлъ ко мнѣ въ фортку табачный дымъ, и запахъ этотъ, котораго я давно не слышалъ, былъ мною воспринятъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Я курилъ въ то время, и

хотя лишенія этого, въ виду лишенія вообще свободы, я почти не чувствовалъ, но, при ощущеніи пріятнаго запаха прежде любимаго мною куренія, я пожалѣлъ, что у меня нѣтъ нужныхъ для того припасовъ, и при первомъ же случаѣ я спросилъ объ этомъ дежурнаго офицера. Онъ очень любезно отвѣтилъ, что куреніе дозволяется, но только на свой счетъ. Я сказалъ, что въ день ареста у меня былъ въ карманѣ кошелекъ съ нѣсколькими рублями, и просилъ его купить мнѣ какую-нибудь простую, чистую, небольшую трубочку (тогда папиросъ еще не было) и Жукова табаку. Желаніе это было исполнено въ тотъ же день: не помню я, не могу вспомнить, какая трубка у меня была, но 1/4-фунтовую, въ синей бумагѣ, пачку знаменитаго желтаго Жукова кнастеру едва ли кто изъ курившихъ въ прежнія времена можетъ забыть. Ароматъ его, кажется мнѣ, и теперь я узналъ бы изъ множества въ природѣ существующихъ запаховъ, также какъ и впослѣдствіи „Mariland doux“ и соломенныхъ пахитосъ. Какъ мнѣ ни было тоскливо и отвратительно на душѣ, но, набивъ трубку милѣйшимъ табакомъ и потянувъ его, я почувствовалъ разлившееся по жиламъ моимъ пріятнѣйшее ощущеніе. Удовольствіе, какъ бы опьяненіе какое, продолжалось, конечно, минутно и было только въ первый разъ для меня столь пріятно. Потомъ скоро оно сдѣлалось обыкновеннымъ и даже, полагаю, оказывало свое угнетающее вліяніе на выносливость заключенія.

Въ это время произошло еще одно обстоятельство, имѣвшее самое большое вліяніе на все это мучительное и долгое время заключенія. Оно внесло отвлекающій элементъ отъ мыслей о себѣ самомъ: роднымъ заключенныхъ, вѣроятно, по ихъ просьбамъ, удалось получить разрѣшеніе имѣть непосредственныя свѣдѣнія о насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить, насколько возможно, наше довольно суровое содержаніе. Мнѣ было предложено написать письмо къ роднымъ и просить ихъ прислать книгъ и всего, что̀ нужно, для развлеченія. Я, конечно, съ радостью воспользовался этимъ, и вотъ мнѣ въ скоромъ времени присланы были книги, которыя я желалъ. Я получилъ нѣсколько частей сочиненій Гёте, нѣкоторые романы Вальтеръ-Скота, Comédies de Molière и другія, которыхъ я теперь не помню. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было сообщено, что получены деньги для моихъ издержекъ, присланы фрукты и конфекты. Когда я взглянулъ на все мнѣ доставленное, то меня это, прежде всего, ужасно огорчило: такъ много прислано мнѣ,—стало быть, нѣтъ надежды на скорое окончаніе нашего дѣла!—и мнѣ казалось, что прежде

чѣмъ я не съѣмъ всю корзину, наше дѣло не можетъ окончиться. Величина запаса, присланнаго для моего утѣшенія моими братьями и тетушкой моей, произвела на меня угнетающее впечатлѣніе. Они, вѣроятно, освѣдомились, что дѣло еще не скоро окончится, и вотъ потому и прислали такъ много, чтобы хотя чѣмъ-нибудь облегчить мое тяжелое заключеніе. Несмотря на это, однакоже, я въ мысляхъ моихъ никакъ не могъ допускать (единственно потому, что это казалось мнѣ ужаснымъ), чтобы дѣло наше могло продолжаться еще болѣе двухъ недѣль. Это самый долгій срокъ, думалъ я, но какъ же дождаться окончанія его? Сладости, присланныя мнѣ, меня нисколько не радовали,— горе и лишеніе существенныхъ жизненныхъ потребностей были слишкомъ велики, и всѣ мысли и желанія мои были фиксированы на одномъ вопросѣ: когда же, наконецъ, кончится судъ нашъ?

Въ одно утро, стоя у форточки, я услышалъ тихій разговоръ справа отъ меня сидящаго съ заключеннымъ, тоже правымъ сосѣдомъ. Я вслушивался, но словъ разобрать не могъ; амбразура, оконное углубленіе каменной стѣны, была глубиною болѣе полу-аршина; непосредственно за рамой окна (на разстояніи вершковъ двухъ) была вбита въ камень желѣзная рѣшотка, да и высунуться головой изъ маленькой фортки было невозможно: какъ я ни вслушивался, но словъ разслышать не могъ. Слыша, однакоже, какъ сосѣди мои безпрепятственно мило бесѣдуютъ, и я, наконецъ, тихимъ голосомъ обратился къ моему сосѣду, и отъ него сейчасъ получилъ отвѣтъ. Фамилія его была Щелковъ, моя сдѣлалась ему извѣстна также.

Я узналъ отъ него, что подлѣ него сидитъ такой-то (не помню— кто), а за нимъ—Дебу старшій. Далѣе того свѣдѣнія его не простирались. Щелкова видѣлъ я иногда у Петрашевскаго, но знакомъ съ нимъ не былъ. Мы начали разговаривать тихо, и такъ бы, можетъ быть, и продолжалось все время, пока мы сидѣли рядомъ, но вдругъ слѣва отъ меня кто-то громко назвалъ меня по фамиліи, и часовой, ходившій около оконъ, закричалъ: „послать ефрейтора!“—и затѣмъ произошли на дворѣ переговоры стражи. Этимъ прекратились всѣ наши дальнѣйшія попытки къ тихой бесѣдѣ—столь благодѣтельному и отрадному развлеченію для одиночно-заключенныхъ. Наши невинныя обращенія одного къ другому, могшія доставить намъ истинное утѣшеніе въ одиночествѣ, не остались безъ послѣдствій. О Щелковѣ суду, кажется, осталось совершенно неизвѣстнымъ, но полагали, что я съ какимъ-то арестованнымъ, оставшимся мнѣ и по сіе время

неизвѣстнымъ, вступилъ въ недозволенное сношеніе, вслѣдствіе чего на другой же день я потребованъ былъ въ судъ. Въ этотъ разъ ко мнѣ, прежде всего, со всею военною строгостью, обратился комендантъ. Затѣмъ, послѣ допроса о томъ, съ кѣмъ я говорилъ и о чемъ, и послѣ полученныхъ отъ меня отрицательныхъ отвѣтовъ, что „разговора еще не было, но была только попытка разговора, и что я даже не знаю—съ кѣмъ",—мнѣ сказали, что фортка моя будетъ запечатана. Было ужасно услышать это, и я съ горячностью возразилъ: „Да развѣ возможно запечатать фортку?—вѣдь я же задохнусь"!

— Невозможно?! А развѣ возможно говорить черезъ фортку?

— Я обѣщаю, что болѣе не буду говорить, а фортку прошу мнѣ оставить—я безъ воздуха жить не могу.

— Вы довольны своимъ помѣщеніемъ? — спросилъ у меня гнѣвнымъ тономъ комендантъ.

Я не зналъ, что̀ отвѣчать на такой неожиданно поставленный мнѣ вопросъ, но чувствовалъ, что нужно отвѣчать утвердительно.

— Надо быть довольнымъ,—сказалъ я тихимъ голосомъ.

— То-тоже! въ крѣпости у меня есть и другія мѣста, куда васъ посадятъ,—такія мѣста...—тутъ онъ не договорилъ,—тамъ не будете разговаривать.

Существовали ли въ дѣйствительности, въ 1849 г., такія мѣста въ Петропавловской крѣпости, или слова эти сказаны были только для устрашенія меня, но они произвели на меня сильное впечатлѣніе, и когда меня отпустили, то я шелъ съ большимъ опасеніемъ, чтобы меня не перевели куда-нибудь хуже; занимаемое же мною помѣщеніе показалось мнѣ пріютомъ, убѣжищемъ еще отъ бо̀льшихъ страданій. „Вотъ новая бѣда!—думалъ я:—и въ худшемъ есть еще гораздо худшее!" Вся моя забота, все мое желаніе сосредоточивались въ этотъ день на томъ, какъ бы мнѣ сохранить мою драгоцѣнную келью!

Прошло еще недѣли двѣ или болѣе, какъ я вновь потребованъ былъ въ судъ. Во всѣ эти единственные выходы мои изъ душной и полутемной кельи, въ которой меня держали взаперти безвыходно въ самое прекрасное лѣтнее время года, когда я только ступалъ на дворъ крѣпости и кругомъ меня не было ни стѣнъ, ни потолка, а надъ головою открывалось ничѣмъ не заслоненное небо, меня обнимало какое-то упоительное чувство. Глаза, привыкшіе къ полутьмѣ, немного прищуривались отъ ослѣпительнаго блеска лѣтняго дня, и воздухъ, обдававшій меня со всѣхъ сторонъ, казался мнѣ живительнымъ, чуднымъ, но что̀ бо-

лѣе всего поражало меня—это скачки, прежде никогда въ жизни не виданные, внезапные переходы въ природѣ. Я взятъ былъ 23-го апрѣля, когда деревья еще не распускались; выведенный черезъ двѣ недѣли, я увидѣлъ весну въ полномъ ея развитіи, а затѣмъ, вдругъ, передъ глазами моими—вполнѣ облиственныя деревья и, наконецъ, внезапно, какъ бы съ поднятіемъ занавѣса, полная картина цвѣтущаго лѣта. Едва успѣвалъ я предаваться этимъ оживляющимъ ощущеніямъ, какъ уже вводимъ былъ въ бѣлый двухъ-этажный домъ, стоявшій среди крѣпости. Тамъ засѣдала слѣдственная коммиссія (казавшаяся мнѣ, по невѣдѣнію моему, окончательнымъ судомъ надъ нами). И въ этотъ разъ, едва ощутивъ наслажденіе выхода изъ тюрьмы, я, черезъ пять минутъ, стоялъ уже вновь передъ лицомъ моихъ судей.

— Въ послѣднемъ вашемъ съ нами разговорѣ и письменномъ вашемъ показаніи вы утверждали, что у васъ не было никакого тайнаго общества и никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, а между тѣмъ это оказалось ложью.

— Я все сказалъ, что̀ я знаю, и теперь утверждаю тоже,—что у насъ не было никакого общества.

— Ну, такъ, чтобы доказать вамъ, уличить васъ во лжи, вотъ,—при этихъ словахъ показали мнѣ какой-то листъ и, обернувъ его ко мнѣ и закрывъ рукой подпись, сказали:—читайте!

Я прочелъ слѣдующія строки, меня не мало удивившія:

„Вступая въ общество, я обязываюсь, когда комитетъ объявитъ, что общество уже въ силѣ, быть, въ назначенный день и часъ, въ назначенномъ мѣстѣ, имѣя при себѣ холодное или огнестрѣльное оружіе“ [1]...

Далѣе я былъ остановленъ въ чтеніи.

— Теперь вы видите? Чья это рука,—развѣ вы не знаете? Кто были участники этого общества?

— Я не знаю объ этомъ ничего,—отвѣчалъ я.

— А если будетъ доказано, что вы это знали, то вамъ не будетъ сдѣлано никакого снисхожденія.

— Если будетъ доказано это, тогда только я и могу быть обвиненъ въ этомъ.

— Вы надѣетесь на то, что это не будетъ доказано,—сказалъ Ростовцевъ,—и потому считаете себя въ правѣ умолчать объ этомъ.

— Я васъ увѣряю, что объ этомъ я ничего не зналъ, и не

[1] Точный текстъ этой „обязательной подписки“, найденной въ бумагахъ Спѣшнева и имъ написанной, см. въ книжкѣ: „Общество пропаганды въ 1849 г.“, 1875, стр. 62—63.

знаю, кто писалъ эти строки. Между нами, арестованными по одному дѣлу, вовсе не было такихъ близкихъ отношеній, чтобы мы могли знать руку каждаго и кто что̀ дѣлалъ.

— Знакомы вы съ Черносвитовымъ?—спросилъ меня предсѣдатель.

— Я первый разъ слышу такую фамилію, и не знаю, о комъ вы меня спрашиваете...

Меня отпустили, и я вышелъ подъ особымъ впечатлѣніемъ узнанной мною новости. Прогулка моя подъ открытымъ небомъ была кратковременна, и я вновь былъ запертъ.

Мысль о прочтенныхъ мною, для меня весьма интересныхъ, строкахъ и о какой-то̀ загадочной для меня личности Черносвитова не выходила у меня изъ головы: я зналъ, что между лицами, посѣщавшими собранія Петрашевскаго, были и самыя отчаянныя личности, которымъ собранія Петрашевскаго, по мирному ходу бесѣдъ, казались бездѣятельными и ни къ чему не ведущими, и что онѣ готовы были отдѣлиться и составить свой рѣшительно дѣйствующій кружокъ, но съ ними я почти не былъ знакомъ и вовсе не желалъ сближаться.

Существованіе такого тайнаго общества, которое было бы достаточно сильно, чтобы избавить отъ заключенія всѣхъ приговариваемыхъ къ смертной казни, безъ сомнѣнія, было бы великою новостью для всѣхъ арестованныхъ, но, конечно, надежды на это у меня не было никакой,—потому и это, казалось бы, очень важное, новое для меня свѣдѣніе было только новостью дня, нарушившею нѣсколько однообразіе тюремнаго заключенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ показало мнѣ еще болѣе, какъ легкомысленны и безумны были люди, замышлявшіе насильственный государственный переворотъ.

Новость эта отягчила мои мысли еще тѣмъ, что обнаружила новыя обстоятельства, которыя усложняли, а потому и затягивали разсмотрѣніе нашего дѣла, уже и такъ продолжавшагося около двухъ мѣсяцевъ. Надежда на скорое окончаніе рушилась и отложена была вновь на двухнедѣльный срокъ, казавшійся мнѣ наиболѣе длиннымъ и совершенно, по моему крайнему легкомыслію, достаточнымъ для выясненія всякаго сложнаго дѣла. „Послѣ столькаго сидѣнья,—думалъ я,—еще двѣ недѣли! Это невыносимо“!

Двухнедѣльнымъ срокомъ обманывалъ я себя все время заключенія, и еслибъ не этотъ утѣшающій самообманъ, я впалъ бы въ совершенное уныніе, съ полнымъ убѣжденіемъ не выжить этой долгой пытки.

И вотъ прошло еще двѣ недѣли, какъ вдругъ, въ необыкно-

венное время, отворилась дверь моей кельи и принесена была мнѣ большая, сшитая in folio тетрадь. Принесшій, вручая мнѣ ее, сказалъ: „Это вопросы, поставленные вамъ судомъ, на которые требуется письменный вашъ отвѣтъ". Сказавъ это, онъ ушелъ, оставивъ меня въ непріятномъ удивленьи и съ новымъ тягостнымъ вопросомъ,—что̀ это еще такое?!.. „Опять задержка! Когда же будетъ конецъ всему этому"?!

Принесённая тетрадь прежде всего поразила меня своимъ объемомъ; положивъ ее на столъ, я раскрылъ ее и увидѣлъ на каждой страницѣ особый вопросъ. Нѣкоторыя были оставлены пустыми, для полноты отвѣта. Первый вопросъ былъ самый простой: спрашивалось, какъ меня зовутъ, мое имя, отчество, фамилія, лѣта, гдѣ воспитывался; а второй, затѣмъ, вопросъ былъ для меня страшенъ: спрашивалось, когда я исповѣдывался и пріобщался святыхъ Таинъ. „Для чего это, какъ не для предстоящей мнѣ смертной казни"?! Такъ думалъ я тогда, да и теперь не знаю, предлагается ли такой вопросъ вообще всѣмъ подсудимымъ, или только тѣмъ, которые осуждаются на смертную казнь.

Сердце у меня сжалось по прочтеніи этого вопроса, и всѣ остальные казались мнѣ уже ничтожными. И въ дѣйствительности они и оказались такими—это тѣ же самые вопросы, что̀ были предложены мнѣ словесно, и на которые я отвѣчалъ уже письменно. Но вопросовъ этихъ было очень много—ихъ было всѣхъ сорокъ-три. Начиналось вопросомъ о моихъ отношеніяхъ къ Петрашевскому, давно ли я съ нимъ знакомъ и что̀ побудило меня познакомиться съ нимъ; затѣмъ слѣдовали вопросы о томъ, что̀ за общество у насъ было? и т. д. Между прочимъ, спрашивалось еще, знакомъ ли я былъ съ Черносвитовымъ и что̀ мнѣ о немъ извѣстно? Вопросъ этотъ заставилъ меня вновь задуматься объ этой загадочной, неизвѣстной мнѣ личности и наводилъ меня на мысль, что Черносвитовъ этотъ долженъ быть главою какого-либо другого, мнѣ вовсе неизвѣстнаго заговора.

Перелистывая далѣе, я увидѣлъ вопросы, касающіеся собственно меня, моего соучастія и, главнымъ образомъ, о моей рѣчи, произнесенной на обѣдѣ въ память Фурье, сохранившіеся наброски которой оканчивались, приблизительно, словами: „Намъ предстоитъ великая задача: разрушить всѣ столицы и города, и нынѣ существующую безобразную, глупую, жалкую, мученическую жизнь людей замѣнить жизнью разумною, счастливою, въ довольствѣ и трудѣ" [1]).

---

[1]) Полный текстъ этой рѣчи см. въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній", т. I, Спб. 1893 г., стр. 130—131.

Я уже объяснялъ на судѣ, и письменно, и словесно, какъ понимать это аллегорическое выраженіе о *„разрушеніи столицъ и городовъ"*, что не *огнемъ и мечомъ* имѣлось въ виду произвести громадное дѣло, а понималось подъ этимъ *тихое, мирное измѣненіе жизни*, безъ всякихъ политическихъ потрясеній,—вслѣдствіе устройства особаго рода колоніальныхъ поселеній, приспособленныхъ къ разнообразному труду и общему хозяйству и благосостоянію живущихъ вмѣстѣ поселенцевъ. Такого рода были, приблизительно, мои толкованія и разъясненія этихъ поразившихъ судей моихъ ужасныхъ словъ о предвѣщаемомъ мною разрушеніи столицъ и городовъ. Но и эти разъясненія мои не сняли съ меня такого жестокаго обвиненія.

Между обыкновенными вопросами обратилъ мое вниманіе, при дальнѣйшемъ перелистываніи, одинъ,—написано было: *„Какое вліяніе имѣлъ на васъ Ипполитъ Дебу?"*

Ипполитъ Дебу былъ мнѣ самый близкій человѣкъ—товарищъ мой по гимназіи и одного выпуска по университету. Съ малыхъ лѣтъ я подружился съ нимъ, дѣлился съ нимъ всѣми моими мыслями и впечатлѣніями. Наша жизнь была какъ бы общая, и мы шли вмѣстѣ съ нимъ рука объ руку, пока судьба, соединивъ насъ еще крѣпче, не разлучила. Вспоминается мнѣ, когда уже мы были разлучены,—мнѣ пришлось жить арестантомъ въ херсонской арестантской ротѣ, а ему—въ килійской крѣпости, на Дунаѣ,—какъ часто мысленно соединялся я съ нимъ съ чувствомъ самой нѣжной и крѣпкой дружбы, которую и выражалъ словами самъ съ собою, а иногда и стихами. Вспоминаются мнѣ и теперь (по прошествіи тридцати-пяти лѣтъ) нѣкоторые отрывки стиховъ, не записанныхъ, но часто произносимыхъ въ это тягостное время моей жизни,—не записанныхъ потому, что я жилъ въ тюремномъ редутѣ, подъ строгимъ надзоромъ, и читать и писать мнѣ строго запрещалось. Одно изъ стихотвореній, обращенныхъ къ Ипполиту Дебу, кончалось слѣдующимъ четверостишіемъ:

Судьба съ тобой насъ разлучила,
Тебя загнала на Дунай,
Меня въ Херсонъ похоронила,—
Прощай, мой милый другъ, прощай!

Благодаря Бога, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, мы увидѣлись снова и крѣпко обнялись послѣ столь долгой разлуки, и старая дружба сдѣлалась еще крѣпче, еще нѣжнѣе.

Ипполитъ Дебу въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ всегда упреждалъ меня; отъ него узнавалъ я о сочине

ніяхъ, вновь выходившихъ тогда, преимущественно во Франціи, по части новой исторіи, политико-экономическихъ и соціальныхъ системъ. Онъ прежде меня познакомился и съ Петрашевскимъ и меня познакомилъ съ нимъ. Желая смягчить мою вину передъ судомъ, онъ объяснялъ свое вліяніе на меня, чтобы оправдать меня, и принималъ, такимъ образомъ, еще бо́льшую вину на себя. Этотъ благороднѣйшій поступокъ его, съ моей стороны, былъ оцѣненъ и вызвалъ сейчасъ же во мнѣ отвѣтъ, объясняемый нашею безукоризненною дружбою и взаимной поддержкою: я отрицалъ его вліяніе на меня и признавалъ себя самостоятельно дѣйствовавшимъ.

X.

Мое заключеніе все продолжалось, и надежда на скорое окончаніе нашего дѣла ослабѣвала, а мысли становились все болѣе болѣзненно-мрачными: зловѣщія предчувствія тяготѣли надо мною и по временамъ мелькали передъ глазами туманныя картины казни. Болѣзненный бредъ преслѣдовалъ меня и въ сновидѣньяхъ; я помню хорошо сонъ: ночь, внезапный шумъ и бѣготня въ корридорѣ, затѣмъ переговоры шопотомъ и шаги многихъ людей, остановившихся у моей двери; потомъ воткнутый ключъ и движеніе щелкнувшей замочной пружины; сердце мое билось; я вскочилъ съ постели и стоялъ въ ожиданіи и недоумѣніи. „Зачѣмъ пришли ко мнѣ неизвѣстные люди? Чего они хотятъ отъ меня?“... Отворилась дверь, и въ ней показалась фигура высокаго роста, блѣдная, худая, съ прилизанными волосами; за нею стояли нѣсколько человѣкъ и держали какія-то машины и дымящуюся посуду. Вся эта компанія двинулась на меня. — „Что̀ вамъ надо?!“ — закричалъ я въ испугѣ, отскочивъ и прижавшись къ окну. Молча они подошли ко мнѣ и набросились на меня; растянувъ меня, положили на бокъ; я силился кричать, но былъ безгласенъ, а одинъ изъ нихъ собственноручно сталъ вливать мнѣ въ ухо расплавленный свинецъ... Я почувствовалъ, какъ что-то горячее полилось въ мое лѣвое ухо и, закричавъ, проснулся и увидѣлъ себя лежащимъ на кровати; повсюду была тишина, и плошка горѣла на моемъ окнѣ; сердце билось сильно, и ужасный сонъ стоялъ передъ моими глазами. Нервы мои были сильно разстроены отъ сверхъ-двухмѣсячнаго уже сидѣнія въ тюрьмѣ, въ ожиданіи Богъ знаетъ чего, и мнѣ представлялась разная чепуха! Плакать я уже пересталъ, но, въ замѣнъ плача и слезъ, появлялся неудержимый, подобный дрожанію, хохотъ,

и затѣмъ громкая, съ продолжительнымъ до-нѣльзя разѣваньемъ рта, зѣвота. Часто хохоталъ я, сидя на полу, и затѣмъ зѣвалъ, зѣвалъ страшно. Гвоздь былъ при мнѣ, и, приберегая его, я его оттачивалъ на желѣзной рѣшоткѣ у фортки: „это—мой другъ, мой вѣрный другъ, я имъ буду защищаться и безнаказанно не позволю себя взять",—казалось мнѣ.

На дворикѣ передъ моими глазами не было ни одного деревца; кое-гдѣ виднѣлась трава. Иногда показывался кто-либо изъ сторожей съ метлою. Часовой ходилъ вдоль нашихъ оконъ и смѣняемъ былъ другимъ каждые два часа. Однажды увидѣлъ я какого-то служителя на этомъ дворѣ за работою: онъ сидѣлъ, прислонившись къ противоположному валу, и шилъ мѣшки изъ грубаго холста. „Что это за новость?—думалъ я:—для чего эти мѣшки"? Онъ былъ усердно занятъ работою, вѣроятно, спѣшною, и не воображалъ, что сталъ предметомъ, меня заинтересовавшимъ, а я смотрѣлъ на него съ болѣзненнымъ любопытствомъ, и безотвязно звучалъ во мнѣ вопросъ: „Зачѣмъ шьются эти мѣшки и какъ-разъ величины человѣка, и всякаго можно туда запихать"?!... Такъ думалъ я, и по временамъ теръ моего друга о желѣзную рѣшотку.

Наступилъ уже іюль; не помню въ точности, какой былъ это день—кажется, въ первыхъ числахъ іюля,—когда однажды, подъ вечеръ, въ сумерки, я выглядывалъ моей замученной физіономіей изъ фортки, а часовой, прохаживаясь взадъ и впередъ, всякій разъ смотрѣлъ мнѣ въ лицо, какъ бы вызывая на разговоръ; я былъ желтъ и худъ, и длинные волосы висѣли ниже головы. Я смотрѣлъ на часового тоже и, видя его, казавшееся несомнѣннымъ, сочувственное участіе, не могъ не заговорить.

— Теперь не жарко, какъ днемъ?—спросилъ я его тихимъ голосомъ.

— Тутъ ничего, а вотъ придется надѣть ранецъ и идти въ походъ.

— Куда же въ походъ?—спросилъ я, удивленный.

— На венгра, въ Австрію; туда уже много нашихъ пошло!

— А что же тамъ воюютъ нѣмцы?

— Нѣмцы и венгры бунтуются,—такъ ихъ усмирять пошли.

— А Царь—въ городѣ?

— Нѣтъ, и онъ тоже при войскахъ... а можетъ быть въ Варшавѣ... А вы давно посажены сюда?

— Я—съ апрѣля мѣсяца.

— Ого! давненько!—сказалъ онъ, всматриваясь въ меня.

Между тѣмъ темнѣло все болѣе, и разговоръ этотъ, стано-

вившійся для меня драгоцѣнною находкою, вдругъ прекратился вечернею визитаціею дежурнаго офицера, для подачи намъ вечерней пищи, а потомъ все было уже темно, и нельзя было уже различить человѣка,—тотъ ли самый, съ которымъ я говорилъ. Такъ быстро промелькнулъ для меня этотъ призракъ утѣшенія, принесшій мнѣ, однакоже, очень важную новость, сдѣлавшуюся для меня живымъ предметомъ освѣжающаго размышленія въ этой однообразной тюремной жизни.

XI.

Прошло около двухъ съ половиною мѣсяцевъ. То бодрясь, то падая духомъ, проводилъ я кое-какъ дни и ночи, и, дѣлая надъ собою большія усилія, старался развлекать себя чтеніемъ книгъ, которыя были мнѣ доставляемы отъ родныхъ. Я вытирался по утрамъ весь холодною водою; фортка у меня не затворялась вовсе ни днемъ, ни ночью; иногда, дѣлая гимнастику, я махалъ руками, скакалъ до усталости, но все это было недостаточно, чтобы поднять мой упавшій духъ, и зѣвота, страшная зѣвота одолѣвала меня,—я зѣвалъ во всеуслышаніе, на весь корридоръ. Сосѣда моего съ лѣвой стороны почти не было слышно; я удивлялся, что онъ почти не ходилъ, а правый сосѣдъ мой, Щелковъ, постоянно пѣлъ, и пѣсни его доставляли и мнѣ развлеченіе и удовольствіе.

По выходѣ моемъ изъ крѣпости, когда былъ разговоръ объ этомъ времени моего заключенія, всѣ говорившіе со мною объ этомъ, съ первыхъ же словъ спрашивали о пищѣ, какова была пища въ крѣпости; но вопросъ этотъ, повидимому совершенно естественный, всегда меня или сердилъ, или вызывалъ улыбку; онъ казался мнѣ страннымъ, забавнымъ, не стоющимъ отвѣта: сидящій въ заключеніи до того истомленъ, что пища для него, какъ для индійскаго брамина или фарсистанскаго дервиша, изморившаго себя, почти не нужна,—лишь бы существовать. Аппетита у меня совсѣмъ не было, и я почти ничего не ѣлъ,—питался нѣсколькими ложками супа, кусочкомъ чернаго хлѣба и чаемъ; воды пилъ довольно много.

Цѣлый день почти я говорилъ самъ съ собою въ полголоса. Иногда посѣщалъ меня стихотворный бредъ, и я потѣшался имъ и записывалъ гвоздемъ по стѣнамъ. Книги развертывались часто, но немного читались. Душа была слишкомъ безпокойна, и я не могъ отрѣшаться на цѣлые часы отъ своего положенія. „Ужели

еще двѣ недѣли придется сидѣть въ одиночномъ заключеніи и въ неизвѣстности, что̀ будетъ потомъ"?! Въ эту пору и входившіе ко мнѣ офицеры, и служители не оберегались меня и не убѣгали такъ быстро, какъ это было въ первое время. Присмотрѣвшись, они не были совсѣмъ безучастны къ нашему положенію, и иногда случалось слышать отъ нихъ и доброе слово. Я нерѣдко спрашивалъ офицеровъ: „Не знаете ли, скоро ли кончится наше дѣло?"—и получалъ отвѣты разные, съ выраженіемъ сожалѣнія, что они въ это дѣло вовсе не посвящены. Въ эту же пору, кажется, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что Государя въ городѣ нѣтъ, а при немъ все было бы скорѣе. Офицеры съ теченіемъ времени болѣе ознакомились съ нами, имѣли къ намъ довѣріе, и потому иногда удавалось отъ нихъ услышать кое-что.

Комендантъ посѣщалъ иногда насъ, желая удостовѣриться лично въ нашемъ благополучномъ проживаніи въ командуемой имъ крѣпости и показать тѣмъ свою заботливость о насъ. Войдя, онъ спрашивалъ о здоровьѣ, а я спрашивалъ:

— Скажите, пожалуйста, скоро ли кончится наше дѣло?—на что̀ онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Я почемъ знаю? Вы лучше знаете, что̀ вы надѣлали!—и, какъ бы избѣгая дальнѣйшаго вопроса, сейчасъ же уходилъ.

Такъ время шло и дожилъ я до 20-го іюля; въ этотъ день услышалъ я не въ обычный часъ хожденіе и шумъ въ корридорѣ, затѣмъ отворялись двери и у сосѣдей. „Комендантъ визитировалъ насъ недавно; что̀ же бы это могло быть?"—думалъ я. Вскорѣ затѣмъ замѣтилъ я, что двери отворялись не всѣ, а только немногія, и моя дверь была мимо пройдена, но сосѣдъ мой правый, Щелковъ, получилъ визитъ и затѣмъ уведенъ былъ изъ кельи,—вѣроятно, къ допросу въ судъ; но, однакоже, прошло нѣсколько часовъ, а возврата его не послѣдовало. Меня это очень заинтересовало, куда онъ пропалъ; перевели ли его въ другую камеру, и гдѣ онъ теперь, и что̀ съ нимъ? При вечерней визитаціи, обратился я съ вопросомъ къ дежурному офицеру о сосѣдѣ моемъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что сегодня освобождены многіе, а въ томъ числѣ и мой сосѣдъ, и что Государь возвратился вчера; можетъ быть, присутствіе его ускоритъ окончаніе нашего затянувшагося дѣла.

Итакъ, Щелковъ на волѣ! Какъ птица, вылетѣлъ онъ изъ своей клѣтки и исчезъ въ воздушномъ пространствѣ! Я былъ радъ за него, но при этомъ мысли мои невольно обратились къ себѣ: „А я все сижу, и что̀ будетъ, не знаю",—говорилъ я.—Ужели еще двѣ недѣли придется мнѣ ждать чего-то неизвѣстнаго и,

вдобавокъ, дурного?! Чтò бы ни послѣдовало, оно будетъ лучше этого сидѣнія взаперти и ожиданія. Но одного я страшно боюсь и не вытерплю—вновь назначеннаго наказаніемъ заключенія—одиночнаго, безвыходнаго, въ какой-либо тюрьмѣ! Этого я перенести не могу. Какъ проживу я еще двѣ недѣли"?! И странно, что несмотря на то, что срокъ этотъ уже столько разъ обманывалъ меня, и что я соображалъ по количеству вопросовъ, поставленныхъ намъ всѣмъ для письменныхъ отвѣтовъ, приблизительно, въ какое время могутъ быть они написаны, а затѣмъ прочтены, и все-таки не вѣрилъ продолжительности заключенія; а между тѣмъ, я помню, я самъ же дѣлалъ разсчетъ такой: мнѣ было дано 43 вопроса, я отвѣтилъ на нихъ въ два дня; положимъ, каждому изъ насъ дано столько же и всѣхъ насъ, приблизительно, заключенныхъ сто человѣкъ,—слѣдовательно, сколько же страницъ должно быть, во-первыхъ, написано подсудимыми, а во-вторыхъ, прочтено со вниманіемъ судившими насъ. Если они въ день прочтутъ отвѣты двухъ, то и это составитъ пятьдесятъ дней! Мои предположенія о двухнедѣльномъ срокѣ были, очевидно, невѣрны, но я прогонялъ отъ себя всякую мысль о большей продолжительности,—такъ она казалась мнѣ страшною, и, утопая въ этой мутной пучинѣ, хватался я за мою двухнедѣльную соломинку!

Въ эти дни произошла внезапно большая перемѣна въ содержаніи арестованныхъ: постель измѣнилась совершенно; тюфякъ и подушка, ветхіе, жесткіе, были приняты и замѣнены новыми—чистыми, мягкими; поданы были и новыя одѣяла, и халаты байковые, темносѣрые, мягкіе; грубое бѣлье все замѣнено было тонкимъ и мягкимъ. Все это казалось мнѣ ничтожнымъ и вовсе не утѣшительнымъ; но когда я легъ на мягкую и чистую постель, мнѣ показалась она чудесною, и я всѣми членами отдыхалъ отъ прежняго жесткаго ложа. Въ это же время послѣдовало и измѣненіе въ пищѣ: вмѣсто солдатской порціи, намъ подавалась офицерская; но къ пищѣ я былъ гораздо болѣе равнодушенъ.

Такъ прожилъ я еще нѣсколько дней, часто думая о вышедшемъ на волю Щелковѣ. Никто уже болѣе не утѣшалъ меня пѣснями. Сожалѣя о себѣ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ души радовался его счастію: для него уже миновало это мучительное время, и онъ теперь, среди своей семьи и друзей, цѣнитъ еще больше свободу и жизнь. Хотѣлось бы очень встрѣтиться съ нимъ въ жизни, но жизнь моя... продолжится ли она еще?!..

Вдругъ, не въ обычный часъ, вновь хожденіе въ корридорѣ,

звонъ связки ключей и остановка у моей двери. Вошелъ офицеръ, плацъ-маіоръ, и сказалъ мнѣ, что онъ пришелъ перевести меня въ другое отдѣленіе. Меня это очень озадачило, я не приготовился къ тому, и это было для меня совершенною неожиданностью. „Куда, зачѣмъ? я лучше останусь здѣсь... Вѣдь уже не долго осталось, такъ зачѣмъ же это"?! Къ тому же, возникли вдругъ и смутныя догадки и опасенія чего-то для меня неизвѣстнаго...

— О чемъ вы безпокоитесь?—отвѣчалъ мнѣ офицеръ.—Тамъ будетъ вамъ удобнѣе, и комната больше этой.

— Да развѣ нужно это? Если вы это для меня хотите, то лучше оставьте меня здѣсь до конца дѣла... Вѣдь уже остается недолго...

Офицеръ, однакоже, вѣжливо убѣждая меня, говорилъ настойчиво, что ему поручено меня перевести отсюда въ другое мѣсто, и онъ не можетъ не исполнить этого.

Видя, что дѣлать нечего, я сталъ собирать мои книги, и боялся, чтобы не былъ какъ-нибудь обнаруженъ мой другъ, который былъ у меня бережно запрятываемъ подъ подушкою. Я уловилъ удобный моментъ и захватилъ тихонько мой драгоцѣнный гвоздь, а остальныя всѣ вещи были взяты служителями, и мы вышли изъ комнаты и изъ корридора на дворъ.

Конецъ іюля, лѣто, цвѣтущее лѣто въ полномъ разгарѣ явилось вновь мгновенно передъ моими глазами. Мы вошли на крѣпостной бульваръ, гдѣ росли деревья, повернули направо, прошли весь фасъ, параллельный Невѣ, выходящій окнами на большой дворъ, и въ концѣ его, дойдя до поворота налѣво, круто повернули направо—прямо въ темный корридоръ. И я введенъ былъ въ новую комнату—болѣе просторную, чѣмъ прежняя моя келья, съ двумя окнами и съ потолкомъ со сводами. Вещи всѣ были положены какъ попало, постлана постель, и я былъ оставленъ и запертъ въ этой новой комнатѣ. Переселеніе это произвело на меня большое впечатлѣніе, и новое мое жилище сдѣлалось сейчасъ же предметомъ моего любопытства. Я сталъ осматриваться, гдѣ я и что меня окружаетъ. Два окна болѣе низкихъ, но довольно широкихъ, съ большою площадкою, гдѣ можно сидѣть подъ самой форткой; фортка на правомъ окнѣ,—довольно низкая, легко достижимая при стояніи на колѣняхъ и немного большей величины противъ прежней,—все это было для меня пріятною новостью. Междуоконный промежутокъ выполненъ былъ круглою печью, затапливающеюся изъ комнаты. „И это

хорошо", думалъ я. Затѣмъ открылъ я фортку и увидѣлъ передъ собою длинную, въ половину крѣпости улицу, не очень широкую, ведущую къ собору, подъѣздъ котораго виднѣлся вдали. Кромѣ того, окно само было по продолженію другой улицы, доступной для прохожихъ, и потому можно было видѣть проходящихъ, не у самой стѣны, но нѣсколько поодаль отъ нея. Это пріобрѣтеніе было для меня тоже весьма дорогимъ. Комната сама, съ чистыми стѣнами и вдвое бо́льшая, тоже радовала меня. Все это было маленькимъ отдыхомъ среди большого томленія—пока было ново, два дня, три, а затѣмъ возвратилась вся прежняя тоска, но все-таки преимущества новаго жилища были мною ощущаемы постоянно.

Передъ окномъ моимъ, на другой сторонѣ улицы, стояло дерево,—я уже забылъ, какое, но, кажется, береза или ольха; оно было все обросшее зеленою листвою, и видъ его былъ мнѣ пріятенъ. Вѣтви его качались иногда по вѣтру и листья дрожали и были обливаемы обильнымъ дождемъ,—и я смотрѣлъ на него съ особеннымъ чувствомъ изъ фортки, вдыхая влажный воздухъ и свѣжесть промчавшейся грозы. Передъ моими глазами это одно деревцо было представителемъ всего лѣта. Въ продолженіе цѣлаго дня видѣлъ я нѣсколькихъ проходящихъ—военныхъ, гражданскихъ, иногда женщинъ. Еще помню я, что на сторонѣ улицы, противоположной моему окну, была какая-то покинутая постройка и большая куча песку, къ которой часто прибѣгали мальчишки и заводили между собою разныя драки и игры, въ которыхъ, глядя, и я участвовалъ и зналъ ихъ всѣхъ поименно. Однажды, вспоминается мнѣ, послалъ я изъ окна обиженному и плачущему мальчику какое-то одобрительное слово, и самъ, испугавшись, спрятался за окно. Когда я посмотрѣлъ потомъ, мальчика уже не было, и я опасался, чтобы не возникло отъ этого какихъ-либо для меня тягостныхъ послѣдствій, и упрекалъ себя въ непростительномъ легкомысліи...

Такъ началась моя жизнь въ новомъ жилищѣ. Воздухъ въ немъ былъ чище, солнечный свѣтъ болѣе проникалъ въ мрачную келью, чѣмъ прежде, и созерцательное мое положеніе у фортки было не столь однообразно. Часовой не ходилъ у оконъ, а иногда лѣниво прохаживался сторожъ,—казалось, совершенно беззаботно относившійся къ своей обязанности. Колокольный звонъ Петропавловскаго собора каждую четверть часа, однообразно переливаясь квинтами и терціями, звучалъ наскучившей мнѣ пѣснею. Я сидѣлъ въ новомъ жилищѣ моемъ и думалъ:

„какъ-нибудь проживу еще двѣ недѣли“! Я спалъ лучше, да и мягкая постель была для меня еще новостью. Въ этомъ жилищѣ пришлось мнѣ прожить остатокъ лѣта и наблюдать, какъ все болѣе желтѣли и опадали листья на стоявшемъ передъ моими глазами деревѣ, какъ наконецъ не осталось болѣе ни одного, и вѣтви стояли голыя.

Въ этотъ періодъ времени я былъ нѣсколько бодрѣе, болѣе имѣлъ развлеченій извнѣ черезъ окно, что̀ отвлекало меня отъ постоянныхъ мыслей и соображеній о своемъ положеніи. Вмѣстѣ съ этимъ наступили и темные вечера августа, и я болѣе покойно предавался чтенію. Въ это время я читалъ съ особеннымъ увлеченіемъ „Космосъ“ Гумбольдта, романы Вальтеръ-Скота по-французски; Гёте у меня было нѣсколько частей, и, кромѣ того, я занимался англійскимъ и итальянскимъ языками. На англійскомъ былъ у меня романъ Купера, „The Spy“, и я понемногу читалъ его; на итальянскомъ—пѣсни Петрарки на смерть Лауры, которыя я силился перекладывать въ русскіе стихи.

Почти цѣлый день по прежнему говорилъ я самъ съ собою въ полголоса, а иногда и очень громко, и потолокъ сводами давалъ особый резонансъ всякому звуку. Иногда я былъ въ возбужденномъ состояніи и говорилъ нараспѣвъ стихами, декламируя ихъ; иногда же пѣлъ старыя, памятныя мнѣ пѣсни или же новосочиненныя мною на извѣстный какой-либо мотивъ. Звуковыя условія моей концертной залы я скоро изучилъ, становясь въ различныхъ пунктахъ и разыскавъ мѣсто наибольшаго отраженнаго звука; становился обыкновенно въ немъ, когда чувствовалъ призваніе дать себѣ, а также и мышамъ, безбоязненно ходившимъ по комнатамъ, вокальный концертъ. Нерѣдко вмѣсто концерта выходила репетиція съ вытягиваніемъ высокихъ нотъ, все болѣе усовершенствованнымъ. Сосѣдей моихъ я вовсе не слышалъ; казалось, они отсутствовали, да иногда я полагалъ, что мое пѣніе можетъ и развлечь кого-нибудь.—„Всякая птица услаждается своимъ пѣніемъ“, говоритъ арабская пословица (Куллу тайринъ ясталлизу саутага), а потому и мое пѣніе доставляло мнѣ удовольствіе въ моей клѣткѣ.

Въ этомъ жилищѣ жизнь моя имѣла свои особенности, и этотъ періодъ моего заключенія, продолжавшійся съ двадцатыхъ чиселъ іюля до начала сентября, былъ для меня не столь тягостенъ, какъ предыдущій и какъ самые послѣдніе мѣсяцы. На

душѣ было такъ же плохо, но я сдѣлался уже болѣе выносливъ и имѣлъ болѣе силы бодрить себя и забываться въ различныхъ развлеченіяхъ, которымъ благопріятствовали условія моей новой комнаты; развлеченія же освѣжали мои мысли. Я не былъ здѣсь совершенно удаленъ отъ людей; иногда даже долетали до меня нѣкоторыя слова изъ разговоровъ проходящихъ мимо окна; вслѣдствіе большаго простора кельи моей, я болѣе ходилъ, да и, кромѣ того, случайныя обстоятельства были для меня развлеченіемъ.

Днемъ смотрѣлъ я въ фортку почти постоянно, тѣмъ болѣе, что можно было примоститься у нея. Когда на дворѣ крѣпости ничего не было занимательнаго, а погода была облачная, я разсматривалъ облака въ ихъ безпрестанно измѣняющихся формахъ. Облака, впрочемъ, составляли для меня предметъ наблюденій и въ предыдущемъ моемъ жилищѣ. Множество разъ въ теченіе дня влѣзалъ я на окно и сходилъ съ него.

Внутри же моей комнаты предметомъ моихъ наблюденій сдѣлались мыши: онѣ выползали безпрестанно и бѣгали по комнатѣ, подбирая крошки пищи. Лѣвое окно, съ просторной площадкою, служило мнѣ буфстомъ,—тамъ лежали хлѣбъ и разная несъѣденная пища,—и вотъ мыши иногда пытались вскакивать на окно, но это имъ не удавалось. Все лишнее,—а его было у меня много,—отдавалось мышамъ, и онѣ мало-по-малу все болѣе смѣло придвигались ко мнѣ, не видя съ моей стороны никакой непріязни и не имѣя вовсе причины бояться меня и не довѣрять мнѣ. Въ извѣстные часы дня, соотвѣтствующіе подачѣ пищи, онѣ выходили въ большомъ числѣ изъ своихъ норокъ и, для полученія пищи, должны были подходить ко мнѣ близко. Большого движенія съ моей стороны онѣ опасались, но небольшія не тревожили ихъ вовсе, также какъ и громкое пѣніе, которое, казалось мнѣ, даже интересовало ихъ.

Въ это время занимался я много чтеніемъ. Съ Гумбольдтомъ восходилъ я на Кордильеры, а на берегу Тихаго океана наблюдалъ зодіакальный свѣтъ; съ нимъ носился я по небеснымъ пространствамъ, созерцалъ міры нашей солнечной системы и отдаленныя неподвижныя звѣзды. По вечерамъ читалъ я большею частью Вальтеръ-Скота, и романы его доставляли мнѣ большое развлеченіе. Читая книги, я всегда имѣлъ свой желѣзный карандашъ, который былъ слегка затупленъ и сглаженъ для отмѣтокъ на поляхъ книги. На мягкой книжной подстилкѣ писаніе гвоздемъ очень разборчиво, и я часто записывалъ имъ мои мысли.

Въ этотъ періодъ времени часто предавался я стихотворству,

и оно меня по временамъ увлекало сильно. Ходя по комнатѣ взадъ и впередъ, то скоро, то тихо, я бормоталъ самъ съ собою, а иногда громко декламировалъ и потомъ гвоздемъ писалъ на стѣнахъ или на поляхъ книгъ сочиненное. Иное у меня сохранилось отрывочно въ памяти и было мною позднѣе (въ 1856 г.) воспроизведено.

Дмитрій Ахшарумовъ.

РОДИНА

РОМАНЪ.

— Henry Bordeau. Le pays natal. Paris, 1901.

Окончаніе.

III *).

Люсьенъ Галандъ снялъ сюртукъ и принялся косить вмѣстѣ съ рабочими. Фаверà и его четверо сыновей срѣзàли золотистые колосья, медленно и мѣрно взмахивая косою и описывая ею широкій полукругъ. Былъ жаркій іюльскій день, и косы искрились и сверкали на солнцѣ.

— У васъ нѣтъ настоящаго удара,—замѣтилъ старикъ Фаверà, не прерывая собственной работы и даже не пытаясь сдѣлать какое-нибудь указаніе.

Люсьенъ, хотя ему было непріятно сознавать свое неумѣнье, сталъ наблюдать за работой своихъ товарищей и, наконецъ, наловчился.

— Теперь у васъ правильный ударъ,—одобрилъ, наконецъ, Фаверà, даже не глядя въ его сторону.

Люсьенъ былъ весь въ поту, но продолжалъ косить уже изъ одного самолюбія и сожалѣя, что началъ работать. Но мало-помалу онъ сталъ привыкать, руки у него разошлись, и когда наступило время отдыха, то онъ не чувствовалъ особенной усталости. Онъ напился сидра вмѣстѣ съ сыновьями Фаверà. Послѣд-

---

*) См. выше: октябрь, 656 стр.

ній такъ и остался стоять, опершись на косу, и отъ питья отказался. Послѣ смерти жены, онъ никогда не жаловался и только все меньше и меньше отдыхалъ и разговаривалъ.

— Вотъ вашъ помощникъ идетъ,—проговорилъ онъ, когда на концѣ поля показался крестьянинъ въ синей блузѣ съ какимъ-то сверткомъ подъ мышкой. Подойдя къ работавшимъ, онъ поклонился Люсьену и подалъ ему большой пакетъ.

— Это вамъ вернули смѣту приходовъ и расходовъ, господинъ старшина,—сказалъ онъ.

— Отлично, Жоли. Ну а что, одобрили наши починки?

— Нѣтъ, господинъ старшина.

— Однако, эти господа въ префектурѣ дѣлаютъ съ нами рѣшительно все, что̀ имъ угодно. Ну, а въ деревнѣ что̀ новаго?

— Ничего...

Но на лицѣ своего помощника Люсьенъ замѣтилъ ту же складку, которая появлялась и у Фаверà, когда онъ собирался сообщить что-нибудь особенное.

— Не было ли дракъ въ кабакѣ? Не пришлось ли полевому сторожу составить протоколъ?

— Никакъ нѣтъ, господинъ старшина.

— Такъ что же такое наконецъ? Вѣдь я ужъ вижу по вашему лицу, что случилось что-то.

— Ну, такъ ужъ если правду говорить, господинъ старшина, такъ появился у насъ Воженье́.

— Кто это Воженье́? У насъ нѣтъ такого.

— А вотъ я вамъ сейчасъ разскажу. Онъ не изъ нашихъ, а со стороны, оттуда, съ Монъ-Блана. Ему на мѣстѣ не сидится. Онъ ужъ всю землю обѣгалъ, а состоянія себѣ не нажилъ. Ему только и дѣла, что балясы точить.

— Ну, конечно, кто на все бросается, тотъ ни въ чемъ не успѣваетъ.

— Онъ теперь на работу пришелъ: въ деревнѣ по̀ верху будутъ прокладывать проселочную дорогу. А ужъ какой говорунъ! Такія исторіи знаетъ. Ну, вотъ народъ-то весь и не спитъ.

— Какъ народъ весь не спитъ?

— Да такъ, не спитъ, господинъ старшина. Теперь повсюду жатва. Днемъ работаютъ, а вечеромъ собираются въ сараѣ, гдѣ онъ ночуетъ. Разлягутся всѣ на соломѣ, а онъ и начнетъ говорить. Все время говоритъ. Цѣлыми бы недѣлями говорилъ. Ужъ двѣ недѣли такъ-то. У другого адвоката и то поискать такого языка. Я адвокатовъ-то наслушался, когда община тяжбу затѣяла. У нихъ столькихъ словъ не наберется. Словно какой

кранъ откроетъ,—ну и течетъ это безъ конца, словно бы какъ вино, потому даже тепло на сердцѣ становится отъ этихъ словъ. Понимаете? Никто и не хочетъ спать. Особенно бабы,—чисто бѣшенныя стали. И не увести ихъ спать ложиться. Этотъ человѣкъ вездѣ побывалъ: и въ Парижѣ, гдѣ онъ какія-то машины вертѣлъ; и въ странѣ негровъ, и еще въ какомъ-то краю, гдѣ землю прорыли, чтобы корабли пропускать, какъ собирались сдѣлать на Панамѣ, гдѣ еще всѣ свое состояніе потеряли.

— Да, кромѣ депутатовъ.

— Удивительныя онъ вещи разсказываетъ, если только не вретъ. Когда образованія особеннаго не получишь, какъ вотъ я къ примѣру, такъ вѣдь многаго и не знаешь. Вамъ бы надо его послушать, господинъ старшина. Пришли бы какъ-нибудь вечеркомъ. Я васъ спрячу въ сараѣ до его прихода. Вамъ навѣрное и спать не захочется. Онъ то изъ своей жизни исторіи разсказываетъ, а то вдругъ начнетъ это прыгать и руками махать, будто нѣсколько лицъ промежду себя поспорили. Какъ есть на театрѣ такъ представляютъ,—я тамъ былъ какъ-то въ Аннеси. Подумаешь, ярмарка собралась, такъ народъ шумитъ, а онъ-то говоритъ умѣючи.

— Но вѣдь теперь время жатвы. Вечеромъ всѣ должны быть утомлены.

— Какое! Въ полдень проспятъ два часа, когда ужъ слишкомъ жарко, чтобы работать. А ночью ужъ этотъ дьяволъ спать не даетъ. Вамъ надо его послушать. Онъ прямо-таки заколдовываетъ тѣхъ, кто его слушаетъ, и не уйдешь отъ него.

— Я приду. Да, вотъ, хоть сегодня вечеромъ. Хотите?

— Идетъ.—И крестьянинъ быстро ушелъ, чтобы успѣть поработать до вечера.

— Вы тоже придете, Фаверà?—спросилъ Люсьенъ.

Старикъ отрицательно покачалъ головою.

— Мнѣ стыдно болтуновъ слушать,—сказалъ онъ;—а ночь на то и сотворена, чтобы спать.

Молодой человѣкъ вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ, надѣлъ свой сюртукъ и медленно направился домой къ зàмку. Бабы съ блестѣвшими на солнцѣ, загорѣлыми лицами, въ подвязанныхъ къ поясу юбкахъ и съ засученными по локоть рукавами, связывали въ снопы колосья, лежавшіе на землѣ, какъ исполинскіе пучки умирающихъ золотистыхъ цвѣтовъ. Онъ полюбовался обильной жатвой и великолѣпнымъ качествомъ зеренъ.

Въ гостиной его дожидался Жакъ, пріѣхавшій наканунѣ изъ Парижа. Онъ сидѣлъ за большимъ рабочимъ столомъ и пере-

листывалъ разложенныя на немъ книги. Онъ тотчасъ же, смѣясь, указалъ Люсьену на нѣкоторыя изъ нихъ.

— Руководства Рорэ. „Указатель для землевладѣльца". „Земледѣльческія орудія". И даже старая и негодная книжонка шестнадцатаго столѣтія: „Арена земледѣльческой дѣятельности и полевое хозяйство". Однако! Такъ ты въ серьёзъ принимаешь деревенскую жизнь?

Свиданіе съ товарищемъ не доставляло Люсьену никакого удовольствія.

— Я во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—предпочитаю хорошаго земледѣльца плохому депутату. Что же касается книги Оливье де-Серръ, то она посвящена мнѣ.

— Какъ, за триста лѣтъ впередъ?

— Ну да, прочти посвященіе.

Жакъ раскрылъ книгу на первой страницѣ и прочелъ:

„...Всякій дворянинъ или иное добродѣтельное лицо, одаренное разумомъ, заблагоразсудивъ имѣніе, дарованное ему отъ Бога и полученное отъ предковъ, или благопріобрѣтенное, привести въ цвѣтущее состояніе и получать съ онаго большіе доходы,—съ радостью таковое имѣніе обработываетъ". Великолѣпно! Лѣтомъ ты будешь надоѣдать своимъ мужикамъ, преподнося имъ нелѣпые теоретическіе совѣты, а зимою будешь забывать въ Парижѣ, съ танцовщицами, невинныя и безцвѣтныя деревенскія удовольствія. Я, какъ видишь, даже и не спрашиваю у тебя, отчего ты ни разу не зашелъ ко мнѣ въ періодъ Ла-Ренъ?

Онъ намекалъ на послѣднюю связь Люсьена, котораго встрѣтилъ какъ-то вечеромъ съ одной изъ звѣздъ театральнаго міра.

— Нѣтъ, я вѣроятно зиму здѣсь проведу, — возразилъ Галандъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но ты соскучишься смертельно.

— Нисколько; я изучаю цѣлую систему полевыхъ орудій и новыя удобренія для земледѣлія. Кромѣ того, я буду писать книгу о великомъ человѣкѣ, жившемъ здѣсь, на моей родинѣ.

— Развѣ здѣсь жилъ какой-нибудь великій человѣкъ?

— Это не былъ, конечно, политическій дѣятель. Онъ жилъ въ десятомъ вѣкѣ и звали его Бернаръ Ментонскій. Онъ былъ святой. Онъ убѣжалъ изъ замка, въ которомъ я теперь живу, наканунѣ своей свадьбы и основалъ страннопріимный домъ святого Бернара Великаго для заблудившихся путниковъ.

— Онъ, по крайней мѣрѣ, хоть одну женщину навѣрное осчастливилъ: ту, на которой не женился,—сказалъ Жакъ, весьма

мало заинтересованный Бернаромъ Ментонскимъ. И чтобы положить конецъ этой старинной исторіи, онъ прибавилъ:

— Ты весь въ мою жену: она терпѣть не можетъ Парижа и не хочетъ туда возвращаться. Не знаешь, какъ она поживаетъ? Она уѣхала отъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ.

При этомъ вопросѣ Люсьену ясно представилось блѣдное лицо Анни. Онъ часто встрѣчался съ нею и угадывалъ ея мученья, хотя она молчала. Мало-по-малу у нихъ явилась большая близость, благодаря общности взглядовъ и одинаковой любви къ природѣ и серьезному чтенію. Страданія одной и любовная жалость другого придавали этой дружбѣ что-то особенно трогательное и таинственное. Зная, что Анни проведетъ зиму въ Аннеси или въ Ментонѣ, Люсьенъ рѣшилъ тоже остаться на весь годъ въ деревнѣ. Когда онъ видался съ молодой женщиной, то жизнь его протекала какъ-то особенно тихо и мирно, точно скрытый ручей, отъ котораго вѣетъ прохладой.

— Она нехорошо себя чувствуетъ,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, на вопросъ Жака.—Жена моего стараго арендатора, страдавшая малокровіемъ, часто говорила про себя съ полнымъ отчаяніемъ, что ей необходимо „подкрѣпленіе“. Г-жа Альваръ тоже нуждается въ укрѣпляющихъ средствахъ.

Жакъ взялся за шляпу.

— Поѣду взглянуть на нее. Отправимся вмѣстѣ къ Меранамъ.

— Развѣ ты живешь не въ „Тополяхъ“?

— Нѣтъ, я предпочитаю находиться въ центрѣ своего округа, на холостой квартирѣ, которую оставилъ за собою. Въ Аннеси и Рюмилли я долженъ предсѣдательствовать на раздачѣ наградъ. Это—хорошее средство для пріобрѣтенія популярности. Я беру потомъ списокъ и велю своему секретарю писать поздравительныя письма родителямъ тѣхъ учениковъ, которые отличились и имена которыхъ отмѣчены звѣздочкой.

„Значитъ, онъ не будетъ жить подлѣ Анни,—подумалъ, не безъ внутренней радости, Люсьенъ.—Любитъ ли она его еще? Или, можетъ быть, разочарованіе и есть причина ея болѣзни?“

Они шли рядомъ, но въ мысляхъ были далеки одинъ отъ другого. Жакъ придерживалъ одной рукою велосипедъ, на которомъ пріѣхалъ изъ Ментона.

— Несмотря на твой независимый видъ, ты тоже начинаешь увлекаться политикой,—сказалъ онъ насмѣшливо, когда они проходили по деревнѣ.—Ты исподтишка пробрался въ старшины. Хэ! хэ! На слѣдующихъ выборахъ придется прибѣгать къ твоему содѣйствію.

— Извини пожалуйста,—поправилъ его Люсьенъ:—меня выбрали ментонскимъ старшиною, и я не занимаюсь политикой, а забочусь о финансовомъ положеніи и спокойствіи моей общины.

— И твоимъ первымъ дѣломъ было отнять у меня всѣ судебныя дѣла твоей общины, чтобы передать ихъ Брена̀.

— Мнѣ казалось, что депутатъ не сохраняетъ своей адвокатской кліентуры.

— Ну, конечно, обыкновенно удерживаютъ за собою только серьезныя дѣла, а всѣ пустяшныя передаютъ своимъ коллегамъ.

Желая похвастать передъ товарищемъ собственнымъ успѣхомъ, онъ началъ самъ восхвалять себя:

— Я не тратилъ времени даромъ въ этомъ году. Мнѣ кажется, я недурно веду свои дѣла.

— Да, я читалъ о тебѣ въ газетахъ.

— Первая рѣчь, съ которой я выступилъ, была весьма замѣчена. Я могу это сказать безъ хвастовства. Судя по ней, меня нельзя было сразу причислить ни къ одной партіи. Для меня это было очень важно. За мною ухаживаютъ со всѣхъ сторонъ, особенно радикалы, а рано или поздно власть сосредоточится въ ихъ рукахъ.

— Однако, здѣсь ты зарекомендовалъ себя, какъ членъ умѣренной партіи?

— Что же такое! Когда я буду министромъ, то будутъ соображаться съ моею властью, а не съ моими мнѣніями. Въ Парижѣ, въ политическихъ сферахъ, ко всему относятся очень скептически. Съ трибуны высказываются самыя пламенныя убѣжденія, очень быстро остывающія, какъ только ораторъ перестаетъ говорить. Иной веселый депутатъ, котораго вся страна считаетъ украшеніемъ радикальной или оппортунистской партіи, въ дѣйствительности принадлежитъ къ числу людей, именуемыхъ нами въ курилкѣ партіей порнографической. Она многочисленна и членовъ въ нее вербуютъ со всѣхъ сторонъ.

Жакъ никогда не могъ отказать себѣ въ удовольствіи быть циничнымъ. Это была единственная слабость, побѣдить которую онъ не былъ въ состояніи. Собственное превосходство казалось ему такимъ очевиднымъ, что онъ не скрывалъ ни одного своего поступка, ни единой своей мысли. Онъ хвасталъ своею силой, какъ ярмарочный силачъ, показывающій свои мышцы.

— Ко мнѣ уже относятся благосклонно въ парижскихъ судебныхъ сферахъ,—продолжалъ онъ восхвалять себя. — И тамъ меня ждетъ успѣхъ. И, наконецъ, я помѣстилъ въ „Фигаро“ цѣлый рядъ статей, очень понравившихся, относительно экономическаго

положенія Италіи. Этотъ вопросъ я изучилъ во время моего свадебнаго путешествія.

— Во время твоего свадебнаго путешествія?

— Да,—отвѣчалъ Жакъ, даже не замѣтивъ удивленія, выразившагося въ этомъ вопросѣ.—Я только-что издалъ эти статьи отдѣльной брошюрой, прибавивъ къ нимъ еще одинъ этюдъ о нашихъ коммерческихъ договорахъ. При открытіи палаты, я приму участіе въ дебатахъ о подоходномъ налогѣ и представлю проектъ закона объ уменьшеніи судебныхъ издержекъ. Это теперь очень модный вопросъ. Народъ будетъ платить то же самое, только какимъ-нибудь другимъ путемъ,—вотъ и все. Его можно подвергать всему, чему угодно, и выкраивать изъ него рѣшительно все, по произволу.

— Восхищаюсь любовью къ нему его представителей.

— Ахъ! у меня совсѣмъ нѣтъ ненужныхъ чувствъ.

— Да, все, что̀ ты дѣлаешь, ты дѣлаешь только для собственнаго удовольствія.

— Жизнь только и возможна при условіи постояннаго и сильнаго возбужденія. Надо походить на плавильную печь, въ которой всегда поддерживается огонь. Только усиленная дѣятельность даетъ чувство жизни. Будущимъ можно овладѣть только обладая большой силой воли.

— А мнѣ только прошлое и нравится. Все, что̀ есть въ нашей жизни,—уже прошлое...

Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ воротамъ виллы Мерановъ. Они застали всю семью въ гостиной вмѣстѣ съ графомъ и графиней Феррези, пріѣхавшими въ гости. Люсьенъ замѣтилъ, какъ холодно приняли Жака Альвара, и сталъ предчувствовать, въ чемъ заключалась грустная тайна. Анни, вся блѣдная и какъ будто отсутствующая, безучастно дала мужу поцѣловать себя въ лобъ. Жанна не старалась скрыть своего отвращенія. Даже Феррези, повидимому, чувствовали себя неловко. Только одна г-жа Меранъ поддерживала разговоръ. Всякій другой на мѣстѣ Жака смутился бы, но онъ не придавалъ никакого значенія семейнымъ сценамъ и не заботился о перемѣнахъ, внесенныхъ имъ въ эту мирную семью.

— Вы давно вернулись въ Таллуаръ?—спросилъ онъ у графа Феррези, съ женою котораго видѣлся недѣлю тому назадъ въ Парижѣ.

Однако, разговоръ сталъ обрываться и замирать. Люсьенъ поймалъ умоляющій взглядъ Анни, устремленный на него, и на-

чалъ быстро говорить, думая, что именно объ этомъ она его просила.

— Я увѣренъ, что вы не знаете всего, что творится въ Ментонѣ. Простой крестьянинъ взбунтовалъ всю нашу деревню. Это нѣчто въ родѣ вѣчнаго жида, несущаго въ своей котомкѣ тайну всемірнаго счастья. Вамъ не хочется его послушать? По слухамъ, онъ говоритъ лучше нашего депутата. Я сегодня вечеромъ отправлюсь въ сарай, гдѣ онъ читаетъ свои лекціи.

— О, папà! Пойдемъ туда всѣ вмѣстѣ?—воскликнула Жанна, упорно смотря на Люсьена.

— Погода такая хорошая,—прибавила Анни.—Ночь будетъ теплая; я тоже могу пойти съ вами.

Графъ Феррези, по обыкновенію немного напыщенный, также выразилъ свое согласіе.

— Вашъ народъ, привыкшій къ рабству, умѣетъ разбивать свои цѣпи только на словахъ. Тѣмъ не менѣе, я охотно послушаю тотъ вздоръ, который будетъ говорить этотъ болтунъ:

— Къ которому часу прислать за вами экипажъ? — спросила графиня.

И какъ разъ въ это время Люсьенъ спросилъ Жака:

— А ты не пойдешь?

— О, что до меня касается, то меня народъ интересуетъ только во время выборовъ.

— Итакъ,—заключила г-жа Меранъ, подчеркивая то, чего не слѣдовало подчеркивать, — графиня Феррези не идетъ, г-нъ Альваръ не идетъ. А когда начнется эта церемонія?

— Часовъ въ восемь, я думаю, — отвѣчалъ Люсьенъ Галандъ.

— Въ такомъ случаѣ вы всѣ у насъ пообѣдаете, а къ восьми часамъ отправитесь на это зрѣлище. Жакъ уѣдетъ на своемъ велосипедѣ, а графиня въ своемъ экипажѣ въ Таллуаръ, если только не предпочтетъ подождать графа у насъ.

— Благодарю васъ,—возразила итальянка.—Я сегодня очень утомлена. Я ужъ лучше отправлюсь домой и оставлю вамъ графа. Monsieur Альваръ, будьте добры, посмотрите, поданъ ли экипажъ. Надо, чтобы лошадь отдохнула немного въ Таллуарѣ, прежде чѣмъ посылать ее за моимъ мужемъ.

И нагнувшись немного къ графу, она спросила его:

— Въ которомъ часу вы вернетесь?

— Не знаю,—вѣроятно часамъ къ одиннадцати.

Когда Альваръ пошелъ проводить графиню, то она успѣла шепнуть ему:

— Сегодня вечеромъ, въ половинѣ девятаго, у меня. Никакой опасности. Прислуга будетъ удалена, а моя кормилица—все равно, что моя вещь.

Жакъ сдѣлалъ знакъ согласія.

Жоли, помощникъ старшины, повелъ все небольшое общество слушать Воженьé. Была свѣтлая іюльская ночь. Луна еще не вышла изъ-за горы, но по полямъ и дорогамъ былъ разлитъ бѣловатый свѣтъ, какъ будто бы она уже взошла. На Анни и ея сестрѣ были надѣты накидки съ капюшонами, такъ что видны были только одни глаза. Люсьенъ, сопровождавшій ихъ, весело болталъ. Немного позади, графъ Ферреви, закутанный въ пальто, несмотря на очень теплый вѣтеръ, разсказывалъ Мерану о Казеріо Санто, жалкомъ убійцѣ президента Карно, котораго собирались судить въ Ліонѣ. Меранъ молчалъ, еще весь взволнованный дерзостью графини Ферреви и Жака Альвара, повидимому назначавшихъ другъ другу любовное свиданіе у него же въ домѣ. Онъ не сообщилъ о всѣхъ мученіяхъ Анни своей женѣ, зная ея неспособность понимать страданія, но собирался предупредить ее, чтобы избѣжать повторенія утренней сцены. Они вошли въ сарай и улеглись на самомъ верху, на душистомъ сѣнѣ. Въ щели между досокъ имъ видны были полоски неба съ мигавшими на немъ звѣздами.

— Вотъ онъ! — сказалъ Жоли, усѣвшійся рядомъ съ Люсьеномъ Галандомъ.

Появился Воженьé, сопровождаемый своей свитой. Онъ держалъ фонарь, освѣщавшій отъ времени до времени его лицо, смотря по тому, какія онъ дѣлалъ движенія. Это былъ маленькій нервный человѣкъ, съ чертами лица аскета, потемнѣвшими отъ вѣтра и солнца. На немъ былъ черный, совершенно измятый фѣтръ, бросавшій тѣнь на его лобъ, и бѣдная дырявая одежда. Входя, онъ уже разглагольствовалъ. Онъ говорилъ очень понятно, звучнымъ, немного монотоннымъ голосомъ, ни слишкомъ быстро, ни слишкомъ медленно, и отчетливо выговаривая слова. За нимъ слѣдовала цѣлая толпа женщинъ, дѣтей—и наконецъ мужчинъ, но уже въ меньшемъ количествѣ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ также были фонари въ рукахъ. Они освѣщали мѣстами кучи сѣна и соломы и бросали фантастическія пятна свѣта на кровельныя балки.

Воженьé снялъ шляпу. При свѣтѣ фонарей, поставленныхъ на полъ, его лицо обозначилось яснѣе. Онъ былъ плѣшивъ. Его большой блестящій лобъ, немного влажные глаза, смотрѣвшіе неопредѣленно и кротко, какъ будто слѣдя за какой-то свѣтлой

мечтой, и длинная сѣдая, неровно подстриженная борода, придавали ему видъ нищаго апостола и строгую красоту пророка, вышедшаго изъ народа.

— Уляжемся всѣ попокойнѣе,—началъ онъ,—и я вамъ разскажу о моемъ посѣщеніи Виктора Гюго.

— Его посѣщеніи Виктора Гюго!—прошепталъ Люсьенъ.

— Онъ, очевидно, подверженъ галлюцинаціямъ,—замѣтилъ графъ Феррези.

— Почему же? — возразилъ Меранъ. — Онъ могъ быть у этого великаго человѣка, чтобы перемѣнить какое-нибудь сидѣнье на стулѣ, протертое благодаря усердному служенію музамъ.

Послышалось шуршанье соломы. Всѣ размѣстились. Слышались многочисленные голоса, говорившіе заразъ:

— Чтò это за человѣкъ, Викторъ Гюго?

— Я же тебѣ говорю, что видѣлъ его портретъ въ „Petit Journal", когда онъ умеръ. Даже похороны ему устроили, чисто какъ императору какому. Только это ужъ старая исторія.

— Онъ сенаторомъ былъ.

Потомъ вдругъ сразу всѣ голоса умолкли, какъ только заговорилъ Воженьé:

— Да, это былъ человѣкъ, Викторъ Гюго! По нашимъ временамъ такіе люди рѣдки. Онъ любилъ малыхъ, любилъ свободу, Францію. Онъ отзывался сердцемъ на всякое страданье. Это былъ заступникъ всѣхъ бѣдняковъ. Я немало побродилъ по свѣту и знаю много такого, о чемъ вы и понятія не имѣете. Приходилось мнѣ видать людей съ большою властью: г-на Лессепса, съ которымъ мы жили вмѣстѣ въ Египтѣ, такъ какъ я работалъ на его каналѣ; Гамбетту,—онъ былъ толстякъ и очень хорошо умѣлъ говорить; во время войны онъ попробовалъ-было избить пруссаковъ, не хотѣвшихъ признавать никакихъ резоновъ. Видалъ я и Гарибальди, явившагося къ намъ на помощь; Рошфора,—у него былъ хохолъ на головѣ,—и президента Карно, котораго только-что убили въ Ліонѣ. Ну, и все-таки эти великолѣпные господа не стòютъ одного Виктора Гюго, потому что, видите ли, Викторъ Гюго былъ для всѣхъ отцомъ роднымъ. Онъ на бумагѣ изложилъ разныя исторіи—я вамъ ихъ разскажу—и отъ этихъ исторій сердце въ груди такъ и замираетъ. Вы-то ничего этого не знаете: въ деревняхъ никто не читаетъ, да это и понятно. Надо землю обработывать, да и любви къ чтенію нѣтъ. Одна книга называется „Отверженные", и въ этой книгѣ показано, что бѣдняки, которыхъ считаютъ дурными и сажаютъ

въ тюрьмы, больше вѣсятъ на Божьихъ вѣсахъ, чѣмъ люди съ большимъ состояніемъ, у которыхъ и поля, и доходы, и передъ которыми всѣ низко раскланиваются. Тамъ представленъ человѣкъ, сосланный на галеры, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ-то и представлялъ собою настоящія сливки человѣчества. Вамъ это кажется удивительнымъ. Ну, а Рюи Блазъ! Это—исторія одного лакея. Онъ такія вещи говоритъ, что даже министры совсѣмъ поражены, а испанская королева—дѣло-то происходитъ въ Испаніи—милостиво его цѣлуетъ, чтобы отблагодарить его за любовь къ родинѣ. Я разъ видѣлъ, какъ это на театрѣ представляли. Одинъ машинистъ далъ мнѣ билетъ въ кресла, если вамъ угодно знать. Онъ этотъ билетъ получилъ отъ знакомой, служившей у одной женщины, которая была близка съ директоромъ. Но я бы никогда не кончилъ, еслибы сталъ передавать вамъ всѣ приключенія, описанныя въ этихъ книгахъ. Я лучше разскажу вамъ, какъ я былъ въ гостяхъ у Виктора Гюго. Онъ первый захотѣлъ республику,—очень давно это было, почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. А когда онъ увидалъ, что Франціи навязываютъ какого-то императора, вмѣсто того, чтобы дать намъ братство и свободу, то онъ разсердился не на шутку и уѣхалъ на островъ, который тамъ стоитъ на морѣ, у англичанъ. Уѣхалъ онъ на этотъ островъ совсѣмъ какъ Наполеонъ, тотъ, настоящій, завоевавшій всю землю. Ну, а когда явились во Францію пруссаки, то онъ вернулся въ Парижъ, чтобы защищать насъ, и народъ захотѣлъ сдѣлать его первымъ депутатомъ. Я видѣлъ его черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, видѣлъ самъ, своими глазами. Сейчасъ я вамъ объясню, какъ дѣло было. Назначили національное собраніе сначала въ Бордо, а потомъ оно расположилось въ Версалѣ, недалеко отъ Парижа. Старики ваши должны еще это помнить. Тогдашніе депутаты ничего не дѣлали для рабочаго человѣка. Теперешніе дѣлаютъ видъ, что хлопочутъ за насъ, а по правдѣ-то—тоже имъ на насъ наплевать. А рабочій—такой человѣкъ, что о немъ надо заботиться, а то онъ недоволенъ. Вы, крестьяне, счастливѣе рабочихъ. Я по себѣ это знаю: я и землю для самого себя обработывалъ—давно это было,—и на другихъ работалъ. На себя лучше работать, чѣмъ на другихъ, и лучше на собственной соломѣ спится, чѣмъ подъ чужимъ кровомъ. Я это не затѣмъ говорю, чтобы жаловаться; мнѣ здѣсь хорошо живется. Будетъ время, когда всѣ люди станутъ братья, и все будетъ принадлежать всѣмъ, и каждый будетъ счастливъ, что твой помѣщикъ. Но мы до этого еще не дожили.

Произнеся эту тираду, онъ замолчалъ.

„Я долженъ поговорить съ этимъ человѣкомъ, — подумалъ Люсьенъ,—и съ нимъ, и съ этими крестьянами, и объяснить имъ условія общественной жизни“.

Меранъ нагнулся къ нему и произнесъ въ полголоса:

— Онъ уже забылъ о Викторѣ Гюго.

— Люди всѣ должны любить другъ друга, — снова началъ Воженьé.—Но довольно объ этомъ... Рабочіе сами позаботились о себѣ, такъ какъ депутаты не двигались съ мѣста. Образовали большое собраніе подъ названіемъ „конгрессъ пролетаріата“. Сдѣлали это для того, чтобъ можно было всѣмъ, зарабатывающимъ свой хлѣбъ, изложить свои жалобы. Рѣшено было снестись съ національнымъ собраніемъ, и для этого дѣла выбрали трехъ членовъ: одного фортепіаннаго мастера, одного сапожника и вашего покорнаго слугу. Да, мнѣ выпала на долю удивительная честь—быть выбраннымъ парижскимъ народомъ, и я главнымъ образомъ и долженъ былъ вести дѣло. Я въ то время работалъ въ огромныхъ мастерскихъ, объемомъ больше вашей деревни, а главнымъ образомъ болѣе многолюдныхъ. Прежде чѣмъ выступить передъ правительствомъ, я и двое другихъ рѣшили взять съ собою какого-нибудь важнаго депутата, который бы насъ защитилъ,—потому, дѣло понятное, стыдно намъ было и жутко.

— Возьмемъ батюшку Гюго?..—говорю я имъ.

— Идетъ, говорятъ.

И пошли мы къ Виктору Гюго.

Мы знали, что онъ насъ любилъ. Приходимъ. Отперли намъ и оставили насъ за дверью. Дѣло понятное: не было у насъ откормленныхъ, блестящихъ физіономій, какъ у богатыхъ людей, а на лбу не было написано, что мы представители французскихъ рабочихъ. Вышла къ намъ женщина, молодая и ужъ очень красивая.

— Чтò вамъ нужно?—говоритъ.

— Хотимъ видѣть хозяина,—отвѣчалъ я ей вѣжливо.

— Хозяинъ не можетъ васъ принять сегодня.

У меня въ карманѣ была четвертушка бумаги. Я на ней написалъ: „Французскіе пролетаріи“, подалъ бумагу барынѣ, да и говорю:

— Не передадите ли вы ему, сударыня, эту бумагу?

Черезъ минуту пришелъ за нами лакей и провелъ насъ въ большую комнату, всю въ окнахъ, такъ что солнце ее насквозь пронизывало. Тамъ насъ посадили. Долго мы ждали.

— Придетъ!—одинъ говоритъ, а другой въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, не придетъ.

Наконецъ, вдругъ отворилась дверь, и хозяинъ вышелъ къ намъ, протягивая намъ обѣ руки. Какъ сейчасъ его вижу. Роста онъ былъ небольшого, а все-таки казался высокимъ. Волосы у него были красивые такіе, сѣдые, и похожъ онъ былъ на священника, дающаго благословеніе. Какъ увидалъ я совсѣмъ близко этого отца малыхъ людей, этого великаго патріота, взявшагося спасать отверженныхъ, такъ весь я задрожалъ и даже во рту у меня пересохло. Хочу что-то сказать, а и словъ нѣту.

— Батюшка, — говорю ему, — я... я не могу... говорить... смущаюсь...

А онъ меня съ такой добротой ободрилъ:

— Я понимаю васъ, мой другъ, я понимаю васъ. Успокойтесь. Развѣ я не такой же человѣкъ? Любовь соединяетъ силу съ слабостью. Я съ вами, французскіе пролетаріи!

Когда я увидалъ, что онъ такой добрый и особенно такой простой, то ко мнѣ опять вернулась способность говорить. И кончилось тѣмъ, что я ему разсказалъ, что насъ, рабочихъ, совсѣмъ забываютъ. Сталъ я ему, было, излагать съ самаго начала все дѣло нашихъ протестовъ; но онъ поймалъ меня за руку и остановилъ:

— Хорошо, — говоритъ, — дружище. Вы всѣ трое должны раздѣлить со мною дружескую трапезу. За столомъ мы еще лучше поговоримъ о пролетаріатѣ. Сердце мое принадлежитъ всѣмъ страждущимъ. Несчастнымъ я шлю братскую улыбку. Состраданіе мое безпредѣльно, какъ небо и земля...

Онъ собирался сказать намъ еще нѣсколько великихъ словъ. Мы слушали его, какъ еслибы съ нами говорилъ нашъ умирающій отецъ. Но кто-то сталъ царапаться въ дверь и послышалось дѣтское хихиканье. Какъ сейчасъ вижу лицо нашего хозяина: все оно такъ и просіяло, какъ поля отъ восхода зари. Улыбнулся онъ и говоритъ намъ:

— Вы представляете собою Францію. Я вамъ покажу будущность Франціи.

Открылъ онъ дверь, и двое дѣтокъ, мальчикъ и дѣвочка, какъ весна цвѣтущая, бросились въ комнату, держась за руки. Онъ указалъ мнѣ пальцемъ на дѣвочку и говоритъ:

— Жанна, ты видишь этого человѣка, который тамъ сидитъ? Ну, такъ это—Франція. Пойди, поцѣлуй ее!

Дѣвочка подбѣжала ко мнѣ, а я сижу, не шелохнусь, словно тумба какая. Она влѣзла ко мнѣ на колѣни, обвила мнѣ шею

ручонками, пристально на меня посмотрѣла и тихонько проговорила тоненькимъ голоскомъ:

— Скажи-ка, такъ ты и есть Франція? Ну, некрасивая же она! Зачѣмъ это дѣдушка хочетъ, чтобы я тебя цѣловала?

Но все-таки поцѣловала меня, а Викторъ Гюго сдѣлалъ широкое движеніе рукою и сказалъ:

— Она—утренняя заря, а я—закатъ.

Все хорошія слова онъ говорилъ, какъ видите. Вотъ какъ принималъ этотъ человѣкъ, слава Франціи, насъ, простыхъ рабочихъ. Развѣ можно относиться болѣе по-братски? Скажите мнѣ! Правда, что о дѣлахъ мы больше ужъ не говорили, но, зато, какъ вышли-то мы оттуда, съ какою гордостью! Даже на сердцѣ горячо было.—Теперь я вамъ разскажу про „Отверженныхъ"...

Въ эту минуту графъ Феррези, жадно слушавшій разсказчика, опершись на локоть, вдругъ опрокинулся назадъ съ глубокими вздохами, которые вскорѣ замерли.

Люсьенъ съ удивленіемъ наклонился къ нему. Лунный свѣтъ проникалъ сквозь щели въ крышѣ. Графъ лежалъ блѣдный и неподвижный, какъ мертвецъ.

— Что съ вами?—спросилъ молодой человѣкъ, взявъ его за руку.

Но графъ Феррези не двигался. Анни и Жанна испугались. Меранъ помогъ Люсьену спустить внизъ окоченѣвшее тѣло больного. Сердце едва билось Воженье прекратилъ свой разсказъ. Поднесли фонари.

— Это припадокъ,—сказалъ Меранъ, узнавшій всѣ признаки грудной жабы, которою страдала Анни. Онъ зналъ, что у графа была та же болѣзнь, что и у его дочери, и ужасный видъ больного снова оживилъ его мученія и страхъ за собственное дѣтище.

Устроили носилки и перенесли больного на виллу „Тополи". Высоко взошедшая луна озаряла мрачное шествіе. Г-жа Меранъ велѣла, безъ всякаго волненія, приготовить комнату и послать за докторомъ Раво.

— Обморокъ, самый обыкновенный маленькій обморокъ,— говорила она, роясь въ своей аптечкѣ, которую считала талисманомъ, предохранявшимъ даже отъ смерти.

Анни, еще вся взволнованная тяжелымъ впечатлѣніемъ и мыслью о собственной недалекой смерти, забыла все тяжелое прошлое своей любви и попросила Люсьена Галанда поѣхать предупредить графиню Феррези о внезапной болѣзни ея мужа.

IV.

Вилла Феррези въ Таллуарѣ была расположена на склонѣ холма. Комната графини выходила въ садъ, спускавшійся террасами къ озеру. Это была прелестная комната, всегда наполненная ароматомъ цвѣтовъ и съ чуднымъ видомъ, который открывался съ ея стекляннаго балкона.

Уже не первый разъ графиня Феррези пользовалась обыкновенно очень недолгими отлучками мужа и принимала своего любовника у себя, несмотря на всю опасность подобныхъ свиданій. Эта опасность страшила и въ то же время пріятно волновала ее. Жакъ почти ничего не боялся; онъ вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду и почти не сомнѣвался, что мужъ давно все знаетъ, но не протестуетъ по какой-то непонятной ему причинѣ.

Въ этотъ вечеръ графинѣ захотѣлось открыть настежь всѣ окна въ своей комнатѣ. Луна освѣщала ихъ обоихъ. Таинственный свѣтъ скользилъ по ея лицу, ея плечи казались прозрачными и гладкими, какъ жемчужины. Теплый и ароматный ночной вѣтеръ точно цѣловалъ ее.

Жакъ уже завязывалъ галстухъ передъ зеркаломъ, выдѣлявшимся блѣднымъ матовымъ пятномъ среди темныхъ драпировокъ, когда за дверями раздался стукъ и послышался взволнованный шопотъ старой кормилицы:

— Барыня, барыня! Баринъ...

— Пусть подождетъ!—не теряя спокойствія, отозвался Жакъ.

Опасность только возбуждала его природную дерзость. Онъ сразу сообразилъ, что въ комнатѣ былъ всего одинъ выходъ, и потому, забравъ свое платье, уже направился прямо къ окну, чтобы выпрыгнуть въ садъ, когда запыхавшаяся кормилица собралась, наконецъ, съ силами.

— ...Тамъ господинъ Галандъ и съ очень дурными вѣстями,—проговорила она, докончивъ, наконецъ, начатую фразу.

— Люсьенъ?—переспросилъ остановившійся Жакъ.—Такъ я отворю ему.

И, нисколько не думая о своей любовницѣ, при первомъ стукѣ въ дверь вскочившей на постели и какъ будто онѣмѣвшей отъ страха, онъ, даже не докончивъ своего туалета, съ необыкновеннымъ цинизмомъ впустилъ молодого человѣка.

Кормилица сказала Люсьену Галанду, что барыня уже въ постели, но что она доложитъ ей о гостѣ, и та, конечно, сейчасъ же встанетъ и выйдетъ къ нему въ гостиную. Когда онъ

туда направился, то, къ большому своему изумленію, услыхалъ изъ спальни голосъ Жака:

— Что случилось?—спросилъ Альваръ.—Итальянецъ, что-ли, умеръ?—уже тихо прибавилъ онъ.

Съ порога комнаты, въ которую онъ не смѣлъ войти, Люсьенъ видѣлъ въ полумракѣ графиню Ферреви. Она, казалось, совсѣмъ окаменѣла; ея волосы распустились, рубашка спустилась и обнажила круглое, бѣлое плечо.

— Да войди же въ комнату!—повелительно сказалъ Жакъ.

— Простите, сударыня,—проговорилъ, извиняясь, Люсьенъ. И уже не испытывая ни малѣйшей застѣнчивости, почти примирившись съ этимъ страннымъ и смѣшнымъ приключеніемъ, онъ продолжалъ, даже не считая нужнымъ скрывать своего презрѣнія:

— Я пріѣхалъ васъ успокоить относительно продолжительнаго отсутствія графа. Ему сдѣлалось дурно,—теперь онъ уже приходитъ въ себя. Какъ только онъ немного оправится, его привезутъ изъ „Тополей“ домой.

Съ первыхъ же словъ Галанда графиня уже приготовилась къ драмѣ, и въ ея глазахъ появилось трагическое выраженіе. Забывая всякую стыдливость и какъ бы желая еще болѣе подчеркнуть свой позоръ, она воскликнула:

— Онъ умиралъ въ то самое время, когда мы обнимались!

Она не вѣрила, что ея мужъ живъ, и требовала, чтобы ей въ этомъ поклялись передъ стоявшей на каминѣ статуэткой святого Франциска Ассизскаго.

— Я пойду къ нему,—рѣшила она.

И не слушая возраженій Жака, который считалъ всю эту сцену въ высшей степени глупой и смѣшной, она выслала молодыхъ людей и стала поспѣшно одѣваться.

Въ залѣ Жакъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, старался посвятить Люсьена Галанда въ нѣкоторыя интимныя подробности того, что онъ называлъ своимъ довольно-таки продолжительнымъ капризомъ.

— Да, я долженъ признаться, что меня еще сильно къ ней тянетъ. Ты имѣлъ случай убѣдиться, до какой степени она хороша. Къ сожалѣнію, было почти темно, но еслибы тебѣ удалось видѣть ее при свѣтѣ!..

Вмѣсто всякаго отвѣта, Люсьенъ сдѣлалъ движеніе, ясно выразившее, что все это его очень мало интересуетъ. Онъ опять страдалъ за Анни, но на этотъ разъ почему-то не напомнилъ Жаку о его клятвѣ, и тотъ, опасаясь упрека въ слабости, всѣми

силами подчеркивалъ свое пресыщеніе и безразличіе, въ то же время не щадя яркихъ красокъ на описаніе всѣхъ прелестей итальянки.

Вошла графиня Феррези. Она на ходу застегивала накинутую поверхъ платья темную мантилью, которая могла пригодиться въ какой-нибудь сценѣ отчаянія. Какъ разъ въ эту минуту передъ домомъ остановилась карета. Окна гостиной выходили на дорогу. Люсьенъ отворилъ окно и рѣзко оттолкнулъ Жака, тоже собиравшагося высунуть голову.

— Да спрячься же скорѣе! Вѣдь это привезли *его*,— сказалъ онъ.

— Не умеръ ли онъ?—пробормоталъ Жакъ, и прибавилъ почти насмѣшливо:

— Ахъ, развѣ ты не знаешь: ему давно все извѣстно!

Люсьенъ видѣлъ, какъ изъ ландо вынесли Феррези. Глаза умирающаго были широко открыты. Луна освѣщала его откинутое назадъ лицо и его худые пальцы, судорожно сжатые на черномъ пледѣ.

— Уходи поскорѣй черезъ садъ!—сказалъ Люсьенъ Жаку, который видимо не особенно торопился, но послѣ этихъ словъ все-таки счелъ за лучшее удалиться.

Въ это время послышался звонокъ. Графиня, замѣтившая, что Жака уже нѣтъ въ комнатѣ, пошла сама отворить дверь. Двое слугъ, въ сопровожденіи Мерана, внесли графа. Она встрѣтила это шествіе патетическими возгласами и трагическими жестами. Она съ удивительной быстротой перешла отъ любовныхъ восторговъ къ отчаянію любящей жены. Въ эту минуту она была вполнѣ искренна, сама не подозрѣвая, до какой степени ея отчаяніе было искусственно и неглубоко. По одной изъ тѣхъ неожиданныхъ случайностей, которыя часто соединяютъ ужасное съ комичнымъ, больного положили на кровать, на которой еще такъ недавно лежала графиня и которую она едва успѣла коекакъ привести въ порядокъ. Ея спальня была первой комнатой отъ входа по корридору, и графа поторопились внести прямо туда. Люсьенъ это замѣтилъ.

„Какъ быстро смерть смѣнила любовь!"—подумалъ онъ.

Между тѣмъ Меранъ разсказывалъ графинѣ о неожиданномъ припадкѣ ея мужа, и старался ей дать понять, что положеніе ея мужа очень серьезно. Голова больного глубоко ушла въ подушки, въ его блуждающихъ, затуманенныхъ глазахъ отражалась какая-то мрачная тайна; почти безсознательно онъ то натягивалъ на себя, то сдергивалъ покрывавшее его одѣяло сво-

ими нервными руками. И вдругъ въ его глазахъ мелькнула какая-то ужасная мысль. Онъ посмотрѣлъ на жену, совершенно неожиданно привсталъ на кровати и, указывая ей на дверь, произнесъ глухимъ голосомъ:

— Убирайся вонъ!

Она закрыла лицо руками и, рыдая, послушно вышла изъ комнаты. Меранъ изъ состраданія послѣдовалъ за нею. Люсьенъ проводилъ ихъ глазами и опять повернулся къ умирающему. Онъ былъ пораженъ, до какой степени измѣнилось это лицо. Теперь на губахъ этого почти мертваго человѣка была любезная улыбка. Онъ началъ говорить довольно странныя вещи, но голосъ его звучалъ ясно и очень привѣтливо.

— Я вижу съ грустью, дорогой г-нъ Галандъ, что васъ интересуетъ безпорядочная и грубая толпа, руководимая своими инстинктами. Познайте всю сладость презрѣнія. Пользуйтесь безъ всякаго зазрѣнія совѣсти тѣмъ превосходствомъ, которое даетъ вамъ богатство и знаніе, надъ этими жалкими варварами. Они берутъ численностью, но не качествомъ. Отъ цивилизаціи мы имѣемъ только одно названіе, извѣстный лоскъ и смѣшные костюмы. Люди очень цѣнятъ свое дикое состояніе и только стараются устроиться поудобнѣе. Мужчины постоянно дерутся между собой изъ-за денегъ или изъ-за женщинъ. Умоляю васъ, г-нъ Галандъ, не принимайте участія въ ихъ жалкихъ забавахъ!

Онъ остановился. Послѣднія слова онъ говорилъ уже хриплымъ голосомъ, и наконецъ совсѣмъ задохнулся. Ему нужно было сдѣлать огромное усиліе, чтобы произнести всю эту тираду съ кажущимся спокойствіемъ.

— Успокойтесь, пожалуйста,—сказалъ Люсьенъ.—Не говорите больше; вѣдь вы сами видите, до какой степени это васъ утомило. Сейчасъ пріѣдетъ вашъ докторъ изъ Таллуара.

Припадокъ повторился съ новой силой. На лбу умирающаго выступили крупныя капли пота. Онъ задыхался, точно невидимая желѣзная рука давила его грудь, стараясь соединить грудную клѣтку съ позвоночникомъ.

На порогѣ показался Меранъ. Увидѣвъ, что больному стало хуже, онъ тотчасъ же ушелъ, надѣясь что-нибудь предпринять, чтобы ускорить пріѣздъ доктора. У дверей, прислонившись къ стѣнѣ, громко плакала графиня Феррези. Онъ сказалъ, что она должна готовиться къ самому худшему, и она бросилась бѣжать по лѣстницѣ съ воплемъ:

— Священника! Послать поскорѣй за священникомъ!

Между тѣмъ больной окончательно выбился изъ силъ, и его

голова упала на подушки. Онъ чувствовалъ, что жизнь уходитъ, и рѣшилъ скрасить спокойствіемъ философа свои послѣднія минуты. Но имъ овладѣлъ ужасъ передъ смертью, и въ его глазахъ отразилась вся его душа—темная, страстная и слабая.

Меранъ вернулся съ докторомъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату проскользнула графиня въ сопровожденіи двухъ священниковъ. Изъ предосторожности она сразу послала за обоими; они явились въ одно время съ противоположныхъ концовъ и удивились, встрѣтившись у самаго подъѣзда. Тоскливые глаза умирающаго разсмотрѣли только одного доктора; онъ слѣдилъ за нимъ съ мольбой и надеждой. Его единственнымъ желаніемъ было теперь жить, жить во что бы то ни стало, но только жить, каково бы ни было это существованіе.

Между тѣмъ припадокъ ослабѣвалъ. Графъ замѣтилъ священниковъ въ то время, какъ докторъ выслушивалъ его. Вмѣстѣ съ надеждой, къ нему вернулась его обычная насмѣшливость.

— Я очень вамъ благодаренъ за это ночное посѣщеніе, господа,—произнесъ онъ съ преувеличенной вѣжливостью.—Къ сожалѣнію, я не принадлежу къ числу вашихъ кліентовъ, но я прошу васъ остаться и воспользоваться удобнымъ случаемъ для разрѣшенія какого-нибудь богословскаго вопроса.

Старшій изъ священниковъ отвѣтилъ ему снисходительной улыбкой. Онъ тотчасъ же отослалъ обратно своего молодого товарища, а самъ занялся графиней, стараясь по возможности ее нѣсколько успокоить.

Докторъ, покончивъ съ осмотромъ больного, прописывалъ рецептъ. Онъ не сомнѣвался, что у больного поражено сердце, но на его безстрастномъ лицѣ ничего нельзя было прочесть. Онъ проговорилъ нѣсколько успокоительныхъ фразъ, но видно было, что онъ говоритъ неискренно, и его слова не могли обмануть больного; графъ вспомнилъ, что уже прочелъ свой смертный приговоръ въ Ментонѣ на разстроенномъ лицѣ одного очень знающаго доктора, который не отличался умѣньемъ скрывать свои впечатлѣнія. Онъ весь сосредоточился на одномъ сознаніи, что для него все кончено, и сталъ громко жаловаться на судьбу. Однако, онъ чувствовалъ себя лучше, страданія его затихли. Онъ не сомнѣвался, что онѣ еще вернутся и вернутся очень скоро, но теперь онъ не чувствовалъ ни малѣйшей боли, и это сознаніе сдѣлало его мягче, чѣмъ онъ былъ обыкновенно. Его затуманенные слезами глаза остановились съ выраженіемъ кротости на Меранѣ. Тотъ подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Если человѣкъ сознаетъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы

самому выполнить актъ правосудія, то онъ дѣйствуетъ черезъ другое лицо. Не правда ли, г-нъ Меранъ?—почти торжественно спросилъ умирающій.

— Нужно прощать,—раздался голосъ священника.

Графъ съ минуту помолчалъ, но потомъ снова продолжалъ:

— Вѣдь анонимное письмо представляетъ собою оружіе, недостойное порядочнаго человѣка. Не правда ли, г-нъ Меранъ? А когда оно написано къ женщинѣ,—это уже жестокость.

Люсьенъ, какъ и всѣ остальные, принялъ эти слова за бредъ, но лицо Мерана измѣнилось, и онъ пристально, съ страннымъ выраженіемъ въ глазахъ, посмотрѣлъ на умирающаго.

— Почему вы спросили меня объ этомъ?—сказалъ онъ.

Итальянецъ молчалъ, но послѣ небольшой паузы онъ въ третій разъ обратился къ Мерану:

— Почему не пріѣхала ваша дочь, г-жа Альваръ? Почему она не пріѣхала? Мнѣ такъ хотѣлось бы ее видѣть. Мнѣ это необходимо.

— Попросите, чтобы она простила меня!—продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ.—Обѣщайте мнѣ это, г-нъ Меранъ!

И къ большому удивленію Люсьена, продолжавшаго считать за бредъ всѣ эти непонятныя для него слова умирающаго, Меранъ обѣщалъ съ такой торжественностью, точно онъ дѣйствительно зналъ, въ чемъ именно должно было состоять это прощеніе. Старикъ-священникъ подошелъ ближе къ постели и сталъ шептать слова примиренія и прощенія:

— Господь проститъ вамъ, если вы простите должникамъ вашимъ. Отрѣшитесь отъ всего дурнаго. Забудьте зло.

— Я ничего не прощаю и ничего не забываю,—сказалъ умирающій, и его еще громкій голосъ заставилъ священника отшатнуться.

Его глаза, прежде чѣмъ навсегда потухнуть, по временамъ загорались огнемъ почти дикой ненависти. У самаго гроба онъ все еще продолжалъ возмущаться. Вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, и всѣ подумали, что уже наступилъ конецъ, но нервное напряженіе все еще поддерживало его жизнь.

— Ленора!—позвалъ онъ слабымъ голосомъ.

Итальянка, плакавшая все время въ глубинѣ комнаты, бросилась къ постели. У нея явилась надежда, что мужъ проститъ ее передъ смертью, и эта мысль немного успокоила ее. Раскаиваясь въ безумствѣ теперь удовлетворенной и потому уснувшей страсти, она жаждала душевнаго спокойствія и шептала молитвы,

выражая въ нихъ весь суевѣрный ужасъ передъ мученіями ада и весь страхъ смерти.

Когда она подошла къ постели, умирающій поднялъ свои блѣдныя и уже начавшія тяжелѣть руки и прикоснулся къ лицу жены. Онъ сталъ гладить нѣжную кожу и волосы съ синеватымъ отливомъ; его губы потянулись къ ея темнымъ какъ ночь глазамъ, къ ея губамъ, краснымъ какъ сама кровь. И среди глубокой тишины въ комнатѣ ясно и отчетливо раздались слова, сказанныя тихимъ голосомъ съ выраженіемъ тоскливаго страданія:

— Я цѣлую твои лукавые глаза и твой лживый ротъ, потому что люблю тебя!

Итальянка вырвалась изъ этихъ ужасныхъ объятій, жалобно застонала и свалилась на полъ у самой кровати, точно безжизненная масса.

Умирающій засмѣялся, и этотъ отвратительный смѣхъ перешелъ въ рычаніе. Началась агонія. Онъ задыхался. Его руки поднялись къ вороту рубашки, какъ будто желая разорвать его, и снова безсильно упали. Докторъ пробовалъ ему дать пить, но безуспѣшно. Глаза умирающаго налились кровью, ротъ искривился, хрипѣніе затихало и послышался тихій, послѣдній вздохъ.

Докторъ поднесъ къ его губамъ зеркало, но оно нисколько не потускнѣло. Онъ приложилъ руку къ сердцу,—оно уже не билось. Онъ напрасно искалъ какого-нибудь признака жизни.

Старикъ-священникъ и кормилица-итальянка, стоя на колѣняхъ въ глубинѣ комнаты, шептали заупокойныя молитвы.

Графиня Феррези поднялась съ пола. Она больше не плакала и не стонала. И Люсьенъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что выраженіе горя на ея исказившемся лицѣ почти исчезло, смѣнившись глубокимъ презрѣніемъ. Она точно говорила,—и на этотъ разъ безъ всякаго притворства:

— Онъ все зналъ, и не избилъ меня, не избилъ моего любовника. Онъ ни разу не выдалъ себя. Какой это былъ ничтожный и лукавый человѣкъ!

И отъ этого выраженія, въ значеніи котораго онъ не могъ ошибиться, слова утѣшенія замерли на его губахъ.

„У нихъ все-таки было большое сходство,—подумалъ онъ.— У нихъ обоихъ были неистовыя желанія и слабая воля. Это— обычное явленіе среди вырождающейся расы“.

Исполнивъ все необходимое, онъ вышелъ изъ дома вмѣстѣ съ Мераномъ. Послѣ тяжелаго зрѣлища трагической смерти они съ особеннымъ наслажденіемъ вдыхали свѣжій, бодрящій ночной воздухъ. Было очень поздно, почти наступило утро. Луна уже

зашла и верхушки холмовъ окрасились золотисто-розовымъ свѣтомъ, но въ небѣ еще мерцали далекія звѣзды.

По мѣрѣ того, какъ коляска поднималась по склону горы, возвышавшейся надъ Таллуаромъ, передъ ними открывалось блѣдное озеро. Тихо шумѣли волны, катясь къ берегамъ, и ихъ неясный ропотъ смѣшивался съ невнятнымъ шумомъ пробуждавшейся земли и рѣзкимъ стрекотаньемъ кузнечиковъ.

Они ѣхали молча. Тайна итальянца, выданная имъ передъ смертью, тяжелымъ гнетомъ лежала на нихъ. Люсьенъ первый рѣшился нарушить молчаніе:

— Онъ никогда не показывалъ, что любитъ и ревнуетъ.

Меранъ посмотрѣлъ на молодого человѣка, понялъ, что ему все извѣстно, и потому рѣшился спросить:

— Вы знаете ея любовника?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Люсьенъ, хотя ему и было стыдно обманывать этого почтеннаго человѣка.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Мерану удалось справиться съ собою.

— Вѣдь вы отлично знаете, что Альваръ ея любовникъ,— сказалъ онъ.—Я хочу только знать, былъ ли онъ имъ до своей свадьбы?

— Развѣ я могу это знать!—отвѣтилъ Люсьенъ.

Но Меранъ не повѣрилъ ему. Теперь ему приходили на память выраженія лицъ и нѣкоторыя странности, которыя давно могли бы ему открыть всю правду.

— Нѣтъ, вы знали,—съ увѣренностью произнесъ онъ.—Вы знали и не сочли нужнымъ меня предупредить. И это называется поступать честно! Чтобы не выдать товарища, котораго вы не любите, да и не можете любить, вы допустили совершиться этой гнусной свадьбѣ! А между тѣмъ вѣдь вы расположены ко мнѣ и къ Анни...

Люсьенъ не могъ вынести этихъ упрековъ.

— Жакъ далъ мнѣ слово, что послѣ свадьбы онъ больше не возобновитъ этой связи,—тихо сказалъ онъ.—Я грозилъ ему, что все открою вамъ.

— Ахъ, вы должны были отлично знать, чего стоютъ всѣ его обѣщанія! Жакъ увѣрилъ меня, что любовникъ графини— это вы...

Они опять замолчали. Въ эту минуту они оба думали объ Анни, жалѣли о прошломъ и ясно представляли себѣ безрадостную жизнь молодой женщины. Передъ самымъ Ментономъ, собираясь уже выйти изъ коляски, Меранъ сказалъ Люсьену:

— Не передавайте моей дочери того, что̀ говорилъ графъ.

— Но что̀ же хотѣлъ онъ сказать, когда заговорилъ объ анонимномъ письмѣ?—спросилъ Люсьенъ.

Меранъ на это ничего не отвѣтилъ и только сдѣлалъ жестъ, которымъ хотѣлъ показать, что и самъ ничего не знаетъ.

Оставшись одинъ, Люсьенъ вспомнилъ презрительныя слова итальянца и всю тяжелую картину его смерти, къ которой примѣшалось столько лжи и лицемѣрія. Онъ невольно сравнивалъ неистовую горечь этихъ послѣднихъ минутъ съ яснымъ спокойствіемъ крестьянки Жюльены, при смерти которой онъ присутствовалъ еще такъ недавно. Его собственныя эгоистическія мысли, капризныя фантазіи ума и плоти, отступали на задній планъ, исчезая какъ что-то ненужное, затерянное во мракѣ.

Онъ въѣхалъ въ лѣсъ, которымъ начинались его владѣнія, и съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя запахъ земли и зелени, влажной отъ утренней росы. И точно новые, незнакомые цвѣты, въ его умѣ зарождались мысли, такія простыя и въ то же время сильныя. Природа пробуждала въ немъ стремленіе къ здоровой и дѣятельной жизни и сознательное отношеніе къ смерти. Но въ сердцѣ своемъ онъ чувствовалъ, какъ и прежде, какое-то безпокойство и неудовлетворенность, потому что еще не испыталъ настоящаго счастья,—счастья взаимной любви.

V.

Меранъ и Люсьенъ Галандъ встрѣтились на главномъ подъѣздѣ префектуры въ Аннеси. Увидѣвъ молодого человѣка, Меранъ улыбнулся, но Люсьенъ замѣтилъ, что въ его улыбкѣ было что-то грустное.

— Кого я вижу? Мнѣ сдается, что ментонскій старшина явился въ префектуру просителемъ!—воскликнулъ Меранъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Люсьенъ:—онъ слѣдуетъ примѣру главнаго совѣтника въ Аннеси. Я прошу не объ одолженіи, я только защищаю мой бюджетъ. Эти господа, спокойно засѣдающіе въ своихъ канцеляріяхъ, безъ всякаго стѣсненія урѣзываютъ самыя существенныя статьи. Наши общественныя постройки требуютъ безотлагательнаго ремонта,—они же не хотятъ ничего слышать и упорно продолжаютъ считать ихъ вполнѣ исправными.

— А я такъ приходилъ предупредить префекта, что на будущее время слагаю съ себя всякія полномочія,—сказалъ Меранъ.

— Вотъ какъ! — съ невольнымъ изумленіемъ воскликнулъ Люсьенъ.

Меранъ былъ главнымъ совѣтниковъ уже пятнадцать лѣтъ.

— Да, меня тревожитъ здоровье моей дочери Анни. Мы собираемся провести зиму на югѣ.

— Г-жа Альваръ все еще больна?—спросилъ Люсьенъ, и прочелъ отвѣтъ на свой вопросъ въ глазахъ Мерана. Эти глаза смотрѣли съ покорной грустью, и это придавало всему его лицу выраженіе почти женственной мягкости. Такъ какъ имъ не пришлось встрѣчаться довольно долгое время, то Люсьену особенно рѣзко бросилось въ глаза, до какой степени онъ постарѣлъ и какъ сильно посѣдѣла его красивая борода.

— Жакъ не здѣсь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Онъ охотился въ сентябрѣ вмѣстѣ съ Розьеромъ, бывшимъ министромъ и большимъ радикаломъ. Теперь онъ, кажется, уже вернулся въ Парижъ. Скоро откроются засѣданія палаты, и онъ собирается дѣлать запросъ относительно внѣшней политики. Это даже лучше, что его здѣсь нѣтъ.

И такъ какъ Люсьенъ былъ ему симпатиченъ и зналъ его семейную драму, то онъ рѣшился добавить:

— Лучше для спокойствія Анни, да и для моего тоже.

Люсьенъ промолчалъ, и Меранъ продолжалъ снова:

— Почему это вы перестали у насъ бывать? Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ вы живете у себя въ имѣніи, и не кажете къ намъ глазъ. Послѣдній разъ мы видѣлись на похоронахъ графа Феррези,—это было въ августѣ, а теперь уже октябрь.

— Совершенно вѣрно, но я заваленъ работой. У меня широкіе планы относительно мѣстныхъ дѣлъ,—отвѣтилъ Люсьенъ, и по его улыбкѣ видно было, что онъ немного подсмѣивается надъ самимъ собою.

— Ну, наконецъ-то вы заинтересовались вашимъ имѣніемъ и этимъ краемъ! Парижанинъ вернулся въ свое родовое помѣстье, и человѣкъ, потерявшій почву подъ ногами, начинаетъ пускать корни. Вашъ батюшка, о добротѣ котораго ходятъ легенды, сидитъ навѣрное одесную Господа Бога, и я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ апплодируетъ вашему рѣшенію, если только это принято на небесахъ. Я гожусь вамъ почти въ отцы, и тоже радуюсь отъ души, что вы навсегда остаетесь съ нами.

И мало-по-малу, увлекаясь темой, всегда задѣвавшей его за живое, онъ продолжалъ уже вполнѣ серьезно:

— Если не придутъ на помощь крестьянамъ, то земля совершенно истощится, мой другъ. Нѣтъ никого, кто поставилъ бы

на настоящій путь общины, прибѣгающія къ постояннымъ займамъ, благодаря которымъ ихъ долги безпрерывно наростаютъ. Статья о правахъ наслѣдованія въ гражданскомъ кодексѣ дѣйствуетъ какъ машина для размельчанія земли и приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Крупныя помѣстья разростаются на счетъ мелкихъ, теряющихъ способность къ дальнѣйшему самостоятельному существованію. Земля, раздробленная на ничтожные участки, уже не имѣетъ силъ ни кормить, ни привязывать къ себѣ своего владѣльца. Семья, руководимая инстинктомъ самосохраненія, напрасно старается удержаться отъ дѣлежа,—всегда какой-нибудь изъ сыновей оказывается эгоистомъ и требуетъ, чтобы его выдѣлили. Пока всѣ были вмѣстѣ, то жилось хорошо, но когда раздѣлились, то уже наступаетъ нищета. Разъ крестьянинъ попробовалъ занять,—онъ уже пропалъ. Клочокъ земли, обработываемый имъ въ потѣ лица, долженъ окупить ему все: расходы по закладной, налоги и самую жизнь въ то время, какъ его заимодавецъ преспокойно перекладываетъ въ свой карманъ его трудовыя деньги. Забота объ урожаѣ днемъ и ночью преслѣдуетъ мужика. Для него неурожай грозитъ потерей собственности, распродажей имущества, а чиновники въ это время наживаются на счетъ этого ничтожнаго клочка земли, завѣщаннаго ему предками,—клочка, который онъ отстаивалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Въ концѣ концовъ, эти клочки земли сосредоточиваются въ рукахъ скупщика, и такимъ образомъ возникаютъ крупныя владѣнія. Никто не знаетъ, какъ мужественно отстаиваетъ крестьянинъ свою землю, г-нъ Галандъ. Но онъ уже изнемогаетъ въ неравной борьбѣ—и погибнетъ окончательно, если только во-время не придутъ ему на помощь. Необходимо основать земледѣльческіе банки, которые выдавали бы ссуду подъ небольшіе проценты, ввести въ давно отжившее, рутинное хозяйство всѣ новѣйшія усовершенствованія и предоставить отцамъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ.

Люсьенъ внимательно слушалъ Мерана; онъ давно интересовался его взглядами и уважалъ его опытность.

— Но почему же вы, имѣя полную возможность сдѣлать столько полезнаго, отказываетесь быть главнымъ совѣтникомъ?—спросилъ онъ.

Меранъ посмотрѣлъ прямо въ глаза молодому человѣку тѣмъ прекраснымъ печальнымъ взглядомъ, который уже поразилъ его раньше.

— Несчастье Анни состарило меня на цѣлыхъ десять лѣтъ...—проговорилъ онъ.

И чтобы не поддаваться горю, свидѣтелемъ котораго Люсьенъ сдѣлался только случайно, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Подавая мою отставку, я только-что говорилъ префекту, что вы должны были бы замѣнить меня.

— Я! Какъ вы могли это подумать!

— Васъ обязываетъ къ этому ваше имя, вашъ умъ и то уваженіе, которое вы съумѣли къ себѣ внушить.

— Но вѣдь я здѣсь почти чужой, пришлый...

— Ошибаетесь. Здѣсь помнятъ отлично вашего отца и до сихъ поръ называютъ его, по старой привычкѣ, господиномъ Анри.

— Да, когда о немъ заговариваютъ, но вѣдь память о покойникахъ недолговѣчна. Мы забываемъ самыхъ дорогихъ умершихъ.

— Нѣтъ, г-нъ Люсьенъ. Цѣлыя поколѣнія Галандовъ управляли этимъ краемъ. Вамъ только слѣдуетъ воспользоваться еще незабытыми традиціями.

— Но я совершенно незнакомъ съ вопросами, которые поднимаются на общихъ собраніяхъ.

— Въ концѣ концовъ вы съ ними ознакомитесь. Я читалъ представленные вами въ префектуру доклады по поводу орошенія и дорогъ. Ясность и убѣдительность ихъ не оставляютъ желать ничего лучшаго.

— Наконецъ, по правдѣ говоря, эта дѣятельность меня не особенно привлекаетъ.

— И все-таки вы должны выставить свою кандидатуру. Этимъ вы доставите мнѣ громадное удовольствіе и принесете много пользы. Я уже старъ и во мнѣ потухъ священный огонь. Причина этого вамъ хорошо извѣстна. Неужели вы допустите, чтобы во главѣ управленія нашего края стали интриганы и честолюбцы безъ всякихъ нравственныхъ правилъ?

— Я ненавижу избирательную борьбу. Въ ней много такого, отъ чего самый порядочный человѣкъ мельчаетъ.

— Въ такомъ случаѣ я самъ предложу васъ кандидатомъ на эту должность. Это будетъ очень просто.

Въ эту минуту съ шумомъ распахнулась дверь, и на площадкѣ очутился крестьянинъ Воженьé, пользовавшійся гостепріимствомъ самого Виктора Гюго. Его подталкивалъ въ спину довольно-таки энергично самъ секретарь префектуры.

Блузникъ надѣвалъ свою истасканную шляпу съ самымъ независимымъ видомъ, не лишеннымъ даже нѣкотораго своеобразнаго благородства.

— Сударь! — кричалъ онъ: — я признаю борьбу, но предпочитаю бороться съ министрами, а не съ такими, какъ вы.

Чиновникъ проглотилъ дерзость, сохраняя изысканно-вѣжливый видъ, и захлопнулъ у него подъ самымъ носомъ дверь. Тогда Воженьé бросился къ Мерану, обыкновенно очень охотно выслушивавшему всѣ его фантазіи.

— Господинъ, я былъ представителемъ французскаго пролетаріата на версальскомъ конгрессѣ, а теперь этотъ бездѣльникъ осмѣливается учить меня!..

— Но объясните мнѣ, что̀ занесло васъ сюда? — спросилъ Меранъ.

— Я основалъ въ Тонѣ, гдѣ мнѣ пришлось пилить дрова, союзъ рабочихъ. Мы уже разработали уставъ, а теперь мнѣ говорятъ, что мое общество—противозаконное. Это я уже шестьдесятъ-второе основываю. И каждый-то разъ мнѣ какое-нибудь препятствіе устроиваютъ!..

Онъ поднялъ руки къ небу, какъ бы призывая самого Бога въ свидѣтели подобной несправедливости.

— Свобода изгнана изъ Франціи, господа! Я ношу по ней трауръ.

Люсьенъ, замѣтившій его голубую блузу, свѣтлые штаны и сѣрую шляпу, подумалъ, что это былъ по истинѣ духовный трауръ.

Воженьé между тѣмъ быстро спускался съ лѣстницы.

— Ну, что̀ же, буду основывать шестьдесятъ-третье общество. Они еще услышатъ обо мнѣ! — выкрикивалъ Воженьé.

— Онъ навѣрное задумалъ отомстить, — сказалъ Люсьенъ.

— Ни въ какомъ случаѣ, — возразилъ Меранъ. — Онъ уже все забылъ. Воженьé по природѣ кроткій и совсѣмъ не злой человѣкъ. Его неистовство—это только одно изъ выраженій любви. Онъ любитъ людей. Ему самому ничего не нужно; онъ отдаетъ другимъ все, что̀ имѣетъ. Это—сама доброта и само безпокойство. Онъ наивенъ въ своей гордости. Онъ нравится мнѣ такимъ, каковъ есть. Мнѣ симпатична его первобытная доброта и оригинальный идеализмъ, который иногда волнуетъ нашихъ невѣжественныхъ крестьянъ. Его предки были землѐдѣльцами, но онъ—настоящій бродяга. Они хозяйничали, обработывали свою землю и любили ее,—онъ же оторвался отъ всего, чѣмъ они жили, и всегда готовъ протянуть всякому руку помощи. Его сердце открыто для всѣхъ. Развѣ я ошибаюсь? Мнѣ кажется, что его аркадійскіе вкусы выработались, главнымъ образомъ, благодаря красотѣ нашей Савойи.

Они стояли на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, и Меранъ

указалъ рукой Люсьену на окрестный пейзажъ, озаренный октябрьскимъ солнцемъ. Лиловатый туманъ колебался по склонамъ горъ, сливаясь съ испареніями, поднимавшимися надъ озеромъ. Листья платановъ, которыми была обсажена аллея Альбини, казались совсѣмъ золотыми.

Люсьенъ залюбовался этой разлитой повсюду мягкой красотой, прелесть которой еще увеличивалась отъ сознанія ея недолговѣчности.

— Не хотите ли вы повидаться съ моими дочерьми?—спросилъ Меранъ.—Онѣ ждутъ меня въ англійскомъ паркѣ, потомъ мы вернемся всѣ вмѣстѣ въ Ментонъ.

Люсьенъ согласился. Онъ не видѣлъ Анни съ того самаго вечера, какъ они слушали Воженьé въ сараѣ, превращенномъ въ залу для публичныхъ лекцій. Онъ не былъ увѣренъ, что Жакъ дѣйствительно уѣхалъ, а ему очень не хотѣлось встрѣчаться съ нимъ. Кромѣ того, онъ все еще не могъ разобраться въ своемъ отношеніи къ Анни, и не зналъ, любовь говорила въ немъ или только жалость. Ему нравилось его уединеніе, и онъ отдавался всѣмъ своимъ существомъ опьяняющей горечи этого безсознательнаго чувства.

Англійскій паркъ начинается какъ разъ за городской гостинницей и подходитъ къ самому озеру. Онъ почти заброшенъ, и эта заброшенность придаетъ ему особенное очарованіе. Его аллеи и деревья привлекаютъ къ себѣ только скромныхъ ученыхъ, передающихъ мѣстнымъ академіямъ свои кропотливые труды и не мечтающихъ идти дальше описанія какого-нибудь одного вида растеній. По вечерамъ являются сюда также влюбленные,—ихъ привлекаетъ таинственность этого мѣста и близость природы, среди которой становишься всегда болѣе чуткимъ и воспріимчивымъ.

Анни съ сестрой поджидали отца на берегу. Приближаясь къ нимъ, Люсьенъ успѣлъ разсмотрѣть рѣзкую разницу, появившуюся между ними за послѣднее время. Анни похудѣла и стала еще тоньше; Жанна какъ будто выросла и возмужала. Отъ ея округленнаго лица и непринужденной легкости походки вѣяло чѣмъ-то юнымъ и свѣжимъ, какъ весна.

Всѣ поздоровались. Красота окружавшей природы захватила ихъ, и разговоръ какъ-то не завязывался.

Октябрь убралъ землю золотомъ, а листва деревьевъ пестрѣла всевозможными оттѣнками. На холмѣ Верьé осень соединила въ одинъ великолѣпный букетъ темную зелень сосенъ, листву дубовъ, точно поѣденныхъ ржавчиной, и кровавые вино-

градные и кленовые листья. Золотистой тучкой вытянулась въ голубоватую даль платановая аллея Альбиньи. Сквозь ея широкіе листья, пронизанные солнцемъ и отливавшіе зеленоватымъ золотомъ, какъ рейнское вино въ хрустальныхъ бокалахъ, виднѣлись черные стволы и тонкія, извилистыя вѣтки, точно полуобнаженныя прекрасныя тѣла. На полуостровѣ плакучія ивы, склоняя къ самому озеру свой рыжеватый уборъ, производили впечатлѣніе широкаго, сверкающаго водопада. Вдали виднѣлся городъ съ зàмкомъ Немуръ. Вдоль канала, медленно протекавшаго къ домамъ и дѣлавшаго Аннеси похожимъ на Венецію въ миніатюрѣ, возвышался другой рядъ платановъ, казавшихся издали какими-то фантастическими канделябрами изъ позолоченой бронзы.

Ласкающій воздухъ былъ тихъ и прозраченъ, и въ безоблачномъ небѣ появлялся нѣжный оттѣнокъ, не встрѣчающійся на югѣ и придающій особенную красоту яснымъ сѣвернымъ днямъ. Туманы, заволакивавшіе горизонтъ, спускались къ озеру, заслоняя горы. Онѣ выступали неопредѣленными очертаніями, и въ этихъ колебавшихся туманныхъ линіяхъ была какая-то неопредѣленная прелесть.

Вода искрилась на солнцѣ. Вдругъ на блестящую поверхность озера спустилось стадо бѣлыхъ лебедей. Они поплыли, оставляя за собою едва замѣтный слѣдъ. Одинъ изъ нихъ захотѣлъ подняться къ небу,—съ шумомъ забилъ онъ крыльями по водѣ, будучи не въ силахъ сразу взлетѣть на воздухъ,—но, наконецъ, поднялся на встрѣчу свѣту, и съ его сверкавшихъ перьевъ скатывались водяныя капли, налету превращаясь какъ бы въ драгоцѣнные камни.

Люсьенъ вдыхалъ полной грудью острый ароматъ осени, отъ котораго уже вѣяло близостью смерти. Онъ почти задыхался отъ нѣжности, переполнявшей его сердце и вызванной въ немъ созерцаніемъ этой недолговѣчной красоты. Онъ опустилъ глаза, чтобы дать себѣ отдохнуть отъ наплыва утомившихъ его впечатлѣній, и только тогда замѣтилъ, что шелъ по опавшимъ листьямъ; затоптанные и покрытые грязью, они сохраняли сходство съ тѣми, которые еще оставались на деревьяхъ. И ему показалось, что листва, которою онъ такъ восхищался, уже умерла. Онъ понялъ, что всю ея прелесть и составляла та особенная ясная красота смерти, придающая всѣмъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ небывалое величіе передъ окончательнымъ разложеніемъ.

„Эти листья еще не осыпались только потому, что вѣтеръ

щадить ихъ,—думалъ онъ.—Ихъ снесетъ его первый порывъ. Они прекрасны и умираютъ".

Его взглядъ остановился на профилѣ Анни. Солнце золотило пепельные волосы и затылокъ молодой женщины, придавая лицу розоватую прозрачность. На ея нѣжныхъ чертахъ, выражавшихъ смертельную усталость, лежала печать какого-то таинственнаго спокойствія. Она уронила руки, на нихъ не было перчатокъ, и эти слабыя руки были такъ же безцвѣтны и прозрачны, какъ и лицо. Въ ней чувствовалось не больше жизни, чѣмъ въ мраморной статуѣ, и вся ея молодая красота дышала хрупкой прелестью осени.

„Она умираетъ, — подумалъ Люсьенъ. — Ее, какъ и листву деревьевъ, привязываетъ къ жизни очень слабая нить и унесетъ первый зимній вѣтеръ".

И такъ какъ она была красива, и къ мысли о смерти примѣшивалась любовь, то слезы затуманили его глаза, и онъ поспѣшилъ незамѣтно смахнуть ихъ.

Жанна шла рядомъ съ сестрою; ея лицо было серьезно и сосредоточенно, но Люсьенъ не смотрѣлъ на нее, а потому его и не поразило выраженіе глубокой грусти въ этомъ молодомъ существѣ, какъ будто нарочно созданномъ для счастья.

Анни тоже взглянула на него, и съ него перевела глаза на сестру. Ему показалось, что онъ подмѣтилъ какое-то странное выраженіе въ ея взглядѣ, и въ первый разъ что-то похожее на надежду проснулось въ его душѣ, но въ этой надеждѣ было слишкомъ много грусти, чтобы она могла перейти въ страстное желаніе. Когда онъ заговорилъ съ молодой женщиной, Жанна ушла отъ нихъ.

Позднѣе, когда солнце уже заходило и они всѣ сидѣли въ ландо, увозившемъ ихъ въ Ментонъ, Меранъ углубился въ размышленія, стараясь разобраться въ своихъ тревожныхъ мысляхъ, на которыя его навела свойственная ему проницательность.

„Жанна любитъ Люсьена Галанда,—думалъ онъ,—а тотъ и не подозрѣваетъ, что это простое и мужественное сердце давно отдалось ему. Можетъ быть, онъ любитъ Анни, и это чувство еще не совсѣмъ умерло въ немъ. А моя бѣдная больная Анни,—радость даже и не коснулась ея. Она и не замѣчаетъ, что сестра ревнуетъ, а между тѣмъ она одна можетъ соединить ихъ. Мнѣ необходимо поговорить съ нею"...

На другой день, когда Люсьенъ около ментонской пристани отчаливалъ лодку, онъ замѣтилъ сестеръ на тропинкѣ, огибавшей озеро. Жанна шла впереди. Онъ издали узналъ ея свобод-

ную поступь Діаны-охотницы, а когда она подошла ближе, онъ невольно залюбовался свѣжимъ цвѣтомъ ея лица, рыжеватыми волосами и ясными глазами.

„Среди этого умирающаго пейзажа она напоминаетъ о весеннемъ возрожденіи",—промелькнуло у него въ головѣ.

Замѣтивъ его, молодая дѣвушка покраснѣла и внезапно остановилась, чтобы подождать Анни. Та шла очень медленно; ея прозрачное лицо было озарено солнцемъ, но оставалось все такимъ же безцвѣтнымъ и блѣднымъ. Она прошла мимо стоявшей неподвижно Жанны.

— Не возьмете ли вы насъ съ собою, г-нъ Люсьенъ? Мнѣ захотѣлось еще разъ покататься на лодкѣ,—сказала она.

Жанна не слышала этихъ послѣднихъ словъ, но Люсьенъ понялъ ихъ смыслъ.

— Поѣдемте,—отвѣтилъ онъ.—Солнце еще стоитъ высоко. Мы поѣдемъ по направленію къ Альбини и успѣемъ вернуться до заката.

— Отлично. Мы сейчасъ сядемъ въ лодку. Вѣдь ты поѣдешь, Жанна?—обратилась она къ сестрѣ.

Жанна не тронулась съ своего мѣста и отвѣтила отрицательно.

Около ея губъ появилась грустная складка, а въ ясныхъ глазахъ отразилась рѣшимость. Анни настаивала:

— Но почему же ты не хочешь съ нами ѣхать?

— Нѣтъ, я не поѣду. Я не хочу. Мнѣ нужно вернуться домой,—отвѣтила Жанна и повернула назадъ. Она почти побѣжала черезъ поле, придерживая рукой платье, и Люсьенъ еще разъ залюбовался ея легкой походкой.

— Что̀ это съ ней?—спросилъ онъ.—Кажется, она на насъ сердится.

Анни приложила палецъ къ губамъ.

— Я сейчасъ все объясню вамъ,—проговорила она съ той серьезной улыбкой, которая за послѣднее время почти не сходила съ ея лица и была не менѣе трогательна, чѣмъ слезы.

Она сѣла на корму, а Люсьенъ двумя ударами веселъ оттолкнулъ лодку отъ плоскаго и песчанаго берега. Они уже не разговаривали, и тишина нарушалась только шумомъ веселъ и жалобнымъ скрипомъ одной изъ желѣзныхъ уключинъ. Они смотрѣли на воду, блестѣвшую на солнцѣ, и на золотистую листву виноградниковъ, покрывавшихъ холмы Верье́. Она заговорила первая:

— Помните вы тотъ вечеръ, когда мы ѣздили смотрѣть, какъ всходила луна надъ Турнеттой?

— Помните вы такъ неожиданно оборвавшееся пѣніе графини Феррези?—прибавила она, какъ будто въ первый разъ припоминая это обстоятельство.

Каждый разъ какъ она мысленно возвращалась къ прошлому, въ ней возростала увѣренность, что Жакъ любилъ эту женщину еще до своей женитьбы.

— Она все еще въ Таллуарѣ?—нерѣшительно спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Люсьенъ.—Она уѣхала въ Италію. Въ Савойѣ ее удерживало только слабое здоровье мужа. Когда же онъ умеръ, то ей уже не было причины оставаться здѣсь.

Но имъ стало ясно, что каждый изъ нихъ зналъ настоящую правду. Подталкиваемый какимъ-то страннымъ любопытствомъ, онъ проговорилъ:

— Въ ночь своей смерти графъ Феррези въ жару сталъ бредить. Онъ заговорилъ о какомъ-то анонимномъ письмѣ, просилъ у васъ прощенія,—но я такъ и не знаю до сихъ поръ, въ чемъ именно!

— А, вотъ какъ!—вырвалось у нея.—Вы это ясно разслышали?

Онъ замѣтилъ, что она еще поблѣднѣла, и вспомнилъ, хотя было уже поздно, просьбу Мерана по поводу словъ графа. Глубокое молчаніе природы, залитой солнцемъ, невольно сообщилось имъ. Въ ея глазахъ появилось мечтательное выраженіе. Онъ, не отрываясь, смотрѣлъ на нее. Серьезная и задумчивая, она въ эту минуту казалась особенно далекой отъ жизни. Цвѣтъ ея лица напоминалъ чуть окрашенный мраморъ съ нѣжными прожилками. Ея тонкія бѣлыя руки свѣсились черезъ бортъ лодки. Въ ея красотѣ уже не чувствовалось женской прелести, способной вызвать желаніе,—это была холодная красота статуи или покойницы.

Люсьенъ бросилъ весла. Вода уже была окрашена тѣмъ розоватымъ отблескомъ, который служитъ предвѣстникомъ наступающаго вечера; воздухъ становился свѣжимъ и сырымъ. Онъ продолжалъ смотрѣть на Анни, и ему вдругъ захотѣлось плакать. Въ эту минуту онъ въ первый разъ за всю жизнь вполнѣ сознательно отнесся къ своему сердцу и къ той священной тайнѣ, которая заключена въ душѣ каждаго человѣка. Онъ готовъ былъ крикнуть: „Да скажите же хоть слово, умоляю васъ! Развѣ вы не видите, что иначе я стану васъ оплакивать точно мертвую“?..

Она повернула къ нему лицо и улыбнулась, приподнявъ руку.

Въ эту минуту ея жестъ и улыбка напоминали Іоанна Крестителя Винчи. Онъ подумалъ, что она указываетъ ему на небо, но она просто хотѣла обратить его вниманіе на Старый Аннеси. Лодка неслась по теченію, и онъ, казалось, точно убѣгалъ отъ нихъ. Люсьенъ уже былъ не въ состояніи дольше бороться съ охватившимъ его волненіемъ и прошепталъ:

— Я люблю васъ.

Онъ думалъ, что она не разслышала его словъ, или ему просто было пріятно лишній разъ сказать ихъ, но онъ повторилъ:

— Я люблю васъ.

Ея щеки вспыхнули такимъ яркимъ румянцемъ, какого было трудно ожидать при ея малокровіи, и слезы навернулись ей на глаза.

— Зачѣмъ вы это сказали?—съ нѣжнымъ упрекомъ проговорила она.—Это нехорошо съ вашей стороны. Я довѣряла вамъ какъ другу,—неужели вы заставите меня раскаяться въ этомъ?

Ея взволнованное лицо выражало только одну обиду, и въ томъ, какъ она отвергала любовь, не было ни испуга, ни тѣни кокетства, а только какое-то печальное и въ то же время оскорбленное удивленіе.

— Но что̀ же въ этомъ дурного?—возразилъ онъ, и въ его голосѣ послышалась какая-то незнакомая ей нѣжность, которая такъ хорошо подходила къ словамъ любви.—Развѣ это дурно, если я разскажу вамъ, что̀ измѣнило мою жизнь? Когда я увидѣлъ васъ, ко мнѣ вернулась моя молодость и все то хорошее, что̀ я уже считалъ потеряннымъ навсегда. Вѣдь вы были мнѣ предназначены самой судьбой. Я зналъ васъ ребенкомъ, когда вы готовы были ласкать цвѣты, деревья, все, что̀ попадалось вамъ на глаза,—до такой степени ваше сердце было переполнено нѣжностью. Мнѣ не слѣдовало тогда уѣзжать, теперь я сознаю свою вину. Вы забыли меня. Тогда явился другой. Я нашелъ бы въ себѣ силы ему простить, еслибы только онъ сдѣлалъ васъ счастливой.

Она покачала головой, но какой-то внутренній голосъ шепталъ ей, что въ его словахъ много правды, и она прошла мимо своего счастья.

— Развѣ я когда-нибудь говорила вамъ, что я несчастна? Вы могли обо всемъ только догадываться и ни въ какомъ случаѣ не должны были разспрашивать меня о горестяхъ и радостяхъ моей жизни. Вы говорите, что любите меня. Но взгляните на меня и присмотритесь ко мнѣ. Развѣ вы не видите, какъ мало

во мнѣ осталось жизни? Я не могу больше внушать любви, и потомъ, со временемъ вамъ станетъ жалко, что вы не пощадили умирающую. Забудьте же, прошу васъ, то, что вы мнѣ сказали. Я такъ хотѣла бы все это забыть!.. Когда вы сюда вернулись, то на родинѣ васъ встрѣтила ваша забытая юность, но вы не узнали той, которая ее олицетворяетъ. Вы ничего не хотите понимать.

Онъ отвернулся, потому что все усиливавшаяся блѣдность Анни причиняла ему невыносимую боль. Румянецъ, вспыхнувшій было на ея щекахъ, безслѣдно исчезъ. Она продолжала все съ тѣмъ же выраженіемъ необычайной серьезности въ голосѣ:

— А мнѣ такъ давно хотѣлось поговорить съ вами о ней! Развѣ вы не догадались, что она любитъ васъ? Неужели это я вамъ должна открыть ея тайну? Вѣдь она ревнуетъ ко мнѣ, почти умирающей, а вы этого не понимаете. И никто рѣшительно не имѣетъ ко мнѣ никакого довѣрія. Боже мой,—ревновать ко мнѣ,—и кому же? Ей, которая сама юность, сама жизнь! Да взгляните же на нее,—вы никогда на нее не смотрите. Она прелестна, у нея еще вся жизнь впереди. Любовь сильна, и тотъ, кто любитъ, долженъ вызывать взаимность.

Онъ прошепталъ, стараясь не смотрѣть на нее.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ о другой?..

Но она снова перевела разговоръ на Жанну.

— Человѣкъ уже мертвъ, когда въ немъ пропадаетъ желаніе жить. Это случилось со мною. Настоящая смерть—это та, которая внутри насъ самихъ, и вы хорошо знаете, что она уже коснулась меня. Но теперь я вижу, что я должна совсѣмъ исчезнуть, чтобы вы могли полюбить Жанну. Я увѣрена, что вы ее полюбите. Она васъ ждетъ,—только не заставьте ее ждать слишкомъ ужъ долго. Вѣдь такъ легко разбить сердце дѣвушки,— а сердце Жанны болѣе хрупко и нѣжно, чѣмъ это думаютъ. Она кажется веселой и бодрой, но на самомъ дѣлѣ она мучится. Я такъ хочу вашего счастья, Люсьенъ! Вы мнѣ такъ дороги... оба одинаково дороги. Но о чемъ вы плачете? Я знаю все, что можетъ случиться, но это нисколько не пугаетъ меня. Это такъ просто...

И точно стараясь чѣмъ-нибудь привязать себя хотя еще на короткое время къ жизни, она прибавила съ блѣдной улыбкой:

— У васъ останется обо мнѣ хорошее воспоминаніе. Видите, какъ я еще мало отрѣшилась отъ всего земного: это меня очень радуетъ.

Онъ поднялъ на нее влажные отъ слезъ глаза и проговорилъ:

— Не тревожьтесь моими словами, но не отталкивайте моей привязанности! Въ этомъ чувствѣ—все самое лучшее, что только есть во мнѣ. Я ни на что не надѣюсь, ничего не хочу,—о, ничего рѣшительно, даже ласковаго прикосновенія вашей руки. Въ васъ я люблю вашу душу больше вашей красоты. При одномъ вашемъ взглядѣ мои мысли просвѣтляются и я становлюсь добрѣе. До встрѣчи съ вами я жилъ, какъ живутъ обыкновенно всѣ мужчины,—я самъ не зналъ своей души. А моя жизнь была безцѣльной, и только съ тѣхъ поръ, какъ мое сердце забилось для васъ, мнѣ стала понятна радость сознанія быть добрымъ и помогать хоть немного другимъ. Моя любовь—это страстное стремленіе къ добру. Не говорите о смерти: вы еще такъ молоды, а молодость полна силъ и часто творитъ чудеса...

Она сдѣлала отрицательный жестъ, и ей стало даже немного грустно отъ этихъ послѣднихъ словъ, внушенныхъ жалостью и состраданіемъ. Она чувствовала себя приговоренной къ смерти, но все-таки какъ-то не думала, что конецъ уже близокъ, и ей показалось, что слова Люсьена разсѣяли слабую тѣнь еще жившей въ ней надежды.

Лодка медленно приближалась къ полуострову Альбини; платаны и золотистыя ивы, которыми онъ былъ обсаженъ, отражались въ водѣ. Лиловатый туманъ, заволакивавшій дальній берегъ, уже поднимался къ вершинамъ горъ. Легкій, чуть замѣтный вѣтеръ началъ волновать воду. Октябрьскіе вечера опасны для здоровья, такъ какъ воздухъ въ это время года охлаждается очень быстро. Люсьенъ замѣтилъ, что солнце уже было совсѣмъ низко, и его охватило безпокойство за Анни.

— Становится холодно!—сказалъ онъ.—Намъ нужно вернуться какъ можно скорѣе.

Онъ налегъ на весла, и лодка направилась къ Ментону.

Солнце заходило. Анни стало холодно, и она замѣтно вздрагивала. Онъ теперь думалъ только о томъ, чтобы она не простудилась.

— Послушайте!—проговорилъ онъ, вставая въ лодкѣ.—Докажите, что вы меня простили. Я не долженъ былъ позволять вамъ оставаться такъ долго на озерѣ. Я гребу, и мнѣ жарко. Я сниму сюртукъ и накину его вамъ на плечи. Вы позволите?

— Но вѣдь тогда вамъ будетъ холодно.

— Нѣтъ! нѣтъ! увѣряю васъ. Я буду грести очень быстро.

— Въ такомъ случаѣ я согласна.

И она со смѣхомъ накинула его сюртукъ на свои худыя плечи.

— Воображаю, какъ я смѣшна въ этомъ нарядѣ! Но мнѣ очень хорошо, я согрѣлась и очень вамъ благодарна.

Какая-то совсѣмъ особенная нѣжность охватила Люсьена. Онъ даже не зналъ, была ли она вызвана любовью,—а между тѣмъ это несомнѣнно была любовь, если мы понимаемъ подъ любовью постоянное стремленіе жертвовать собою и забывать себя для другого.

„Мнѣ не слѣдовало ее оскорблять моимъ излишнимъ признаніемъ,—думалъ онъ;—мнѣ жаль, что я лишилъ себя возможности любить ее втайнѣ. И развѣ наши самыя завѣтныя чувства не дѣлаются сильнѣе часто только отъ того, что о нихъ никто не подозрѣваетъ?“

Она нарушила ихъ продолжительное молчаніе:

— Знаете вы, что̀ про васъ говорятъ крестьяне? „Онъ гордый, но славный малый“. И это нужно понимать такъ: „Онъ слишкомъ хорошо образованъ для насъ, но это честный человѣкъ, которому можно вполнѣ довѣриться“.

— Коротко и ясно!—сказалъ, улыбаясь, Люсьенъ.

Она была очень довольна, что ихъ разговоръ перемѣнилъ направленіе, и потому охотно продолжала:

— Вамъ слѣдуетъ замѣнить въ Аннеси моего отца. Это— вашъ долгъ.

Онъ подсмѣялся надъ тѣмъ, что она такъ интересуется политикой.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь,—возразила она.—Политика меня не занимаетъ. Мужъ говоритъ, что это не женское дѣло, но у меня есть нѣкоторое призваніе къ любовной политикѣ. Только, кажется, она теперь не особенно въ ходу.

Она внимательно смотрѣла на окружавшій ее пейзажъ. Ея глаза были широко раскрыты, и въ нихъ отражалась вся ея душа.

— Этотъ край настолько хорошъ, что было бы грѣхомъ покинуть его на произволъ судьбы, Люсьенъ,—заговорила она послѣ минутнаго молчанія.—Вы можете здѣсь принести столько пользы, сдѣлать столько хорошаго! Въ Парижѣ человѣкъ пропадаетъ и совершенно безполезенъ.

Они приближались къ ментонской пристани. Небольшія волны набѣгали на песчаный и низкій берегъ. Солнце уже зашло. Съ озера и съ береговъ вмѣстѣ съ сыростью поднимался туманъ.

Они замѣтили силуэтъ Мерана. Онъ ждалъ ихъ на берегу съ накидкой въ рукахъ.

— Васъ ждетъ отецъ,—сказалъ Люсьенъ.—Намъ давно слѣдовало уже вернуться.

И въ то время, какъ лодка причаливала, она отдала молодому человѣку его сюртукъ.

Меранъ протянулъ ей руку, и она выскочила изъ лодки. Она замѣтила грустное выраженіе на лицѣ отца.

— Какъ это неблагоразумно возвращаться такъ поздно!—нѣжно упрекалъ онъ ее.—Осенніе дни такіе короткіе. Ты и такъ нездорова, а теперь рискуешь еще простудиться.

И онъ заботливо закутывалъ ее въ накидку.

— Ты совершенно правъ, но мы не замѣтили, какъ стало сыро,—отвѣтила она.—Г-нъ Галандъ далъ мнѣ свой сюртукъ.

Люсьенъ видѣлъ, что Меранъ былъ недоволенъ ихъ прогулкой вдвоемъ. Когда они вышли на дорогу къ Ментону, то распрощались другъ съ другомъ, и Галандъ почтительно раскланялся съ г-жею Альваръ.

Оставшись одинъ, онъ думалъ:

— Въ ея присутствіи мнѣ всегда кажется, что все такъ просто и ясно въ жизни, и мысль о чемъ-нибудь дурномъ такъ далека отъ меня. Я чувствую, что ничто не можетъ мнѣ замѣнить этихъ чудныхъ часовъ.

И все-таки онъ не сомнѣвался, что увидитъ Анни только мертвую.

Меранъ шелъ съ своею дочерью по дорогѣ въ „Тополи".

— Мнѣ необходимо поговорить съ тобой, голубушка,—началъ онъ.—Жанна только-что вернулась домой, вся взволнованная. Я принялся ее разспрашивать, потому что безпокоился, не видя тебя съ нею, но она мнѣ отвѣтила: „Рѣшительно всѣ заняты ею одною, и никто не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія". Она разрыдалась. Я замѣчаю, что она стала нервной за послѣднее время. Она тоскуетъ, и ея тайну такъ не трудно угадать. Я такъ хочу, чтобы она была счастлива, я хочу видѣть васъ обѣихъ счастливыми. Но нужно быть осторожнѣе, дорогая. За тебя я не боюсь, потому что вѣрю тебѣ вполнѣ, но ради сестры, прошу тебя, избѣгай оставаться наединѣ съ Галандомъ!

Анни подняла на отца свои печальные и кроткіе глаза.

— Я вѣрю, что ты не подозрѣваешь меня ни въ чемъ дурномъ, папà. Я знаю тайну нашей бѣдняжки Жанны, и я только-что на озерѣ открыла ее г-ну Галанду. Подожди немного. Они полюбятъ другъ друга, я въ этомъ увѣрена. Наступитъ день, когда они будутъ вмѣстѣ; но тогда, быть можетъ, меня уже не

будетъ съ вами. Вѣрь мнѣ, отецъ, и успокой Жанну. Я не изъ тѣхъ, кому можно завидовать, и я все время думаю о ея счастьѣ.

Меранъ молчалъ. Онъ боялся, что его голосъ задрожитъ при первомъ словѣ. У него на глазахъ умирала дочь, и онъ сознавалъ, что ничто не можетъ ее спасти. Онъ взялъ ея маленькую руку и уже больше не выпускалъ ея. Рука Анни была совсѣмъ ледяная и молодая женщина дрожала.

— Но какъ же ты озябла!—воскликнулъ онъ.

— Да, вечеръ такой холодный, и я немного устала,—проговорила она.

Вернувшись домой, она была принуждена тотчасъ же лечь въ постель. Жанна, увидя, что сестра возвращается, убѣжала къ себѣ въ комнату, но когда узнала, что Анни расхворалась, бросилась къ ней. Анни была очень утомлена; она заснула, какъ только закрыла глаза, и не слышала, какъ въ комнату вошла Жанна. Она не знала, что сестра цѣлую ночь просидѣла у ея постели.

VI.

Жакъ Альваръ просмотрѣлъ свои замѣтки, подчеркнулъ синимъ карандашомъ кое-какія наиболѣе важныя мѣста и затѣмъ принялся ходить по кабинету, придумывая жесты и фразы.

— Да, все это очень недурно придумано,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Мнѣ кажется, что сегодняшній день откроетъ для меня новые горизонты.

И онъ представлялъ себѣ, что министерство уже ниспровергнуто и что новый президентъ совѣта вручаетъ ему важный портфель. Кромѣ вѣры въ самого себя, онъ обладалъ еще и необыкновенно услужливымъ воображеніемъ.

— Если мнѣ предложатъ должность товарища министра, я, конечно, откажусь. Мнѣ должны дать, по крайней мѣрѣ, министерство публичныхъ работъ или министерство торговли. Всего болѣе для меня подходило бы, конечно, министерство внутреннихъ дѣлъ; это дало бы мнѣ возможность перемѣнить весь служебный персоналъ въ моемъ департаментѣ, согласно моимъ новымъ взглядамъ. Но начинающему не такъ-то легко попасть въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Уже съ полмѣсяца, какъ онъ снова поселился на своей прежней парижской квартирѣ, проведя на такъ называемой охотѣ конецъ сентября и начало октября у одного радикальнаго министра, счастливаго спекулятора и защитника народа, который

онъ, въ сущности, глубоко презиралъ съ вершины своего несмѣтнаго богатства. За это время Жакъ успѣлъ подготовиться къ открытію осеннихъ засѣданій и къ перемѣнѣ своей политической роли.

Замѣтивъ враждебное отношеніе Merановъ и холодность Анни, хотя и не понимая ихъ причины, онъ рѣшилъ, что время все устроитъ, и что всего разумнѣе было бы удалиться въ ожиданіи неизбѣжнаго примиренія. Онъ не подозрѣвалъ, насколько опасно больна была его жена, несмотря на безпокойныя письма Мерана. Эти письма очень мѣшали его планамъ, такъ что онъ совершенно не вѣрилъ имъ, и въ своемъ послѣднемъ письмѣ даже просилъ жену пріѣхать къ нему въ Парижъ. Она была ему нужна для представительства въ домѣ, такъ какъ онъ очень любилъ быть окруженнымъ людьми, которыми пользовался для своихъ цѣлей.

Былъ конецъ октября. Парламентскія засѣданія открылись. Въ этотъ день Жакъ долженъ былъ сдѣлать запросъ правительству относительно внутренней политики. Поводомъ къ этому общему запросу послужили нѣсколько крутыя мѣры, принятыя противъ забастовокъ на югѣ, и извѣстная грубость, съ какою лишили мѣста префекта, благосклонно относившагося къ соціалистамъ. По слухамъ и по газетнымъ статьямъ можно было догадаться, что палата готовила очень недовѣрчивый пріемъ умѣренному министерству, сохранявшему къ себѣ довѣріе страны болѣе года,—срокъ слишкомъ длинный для нашего нетерпѣливаго времени.

Личность Жака Альвара возбуждала всеобщій интересъ. Его уже замѣтили, благодаря двумъ или тремъ рѣчамъ,—первой о нашихъ коммерческихъ отношеніяхъ съ Италіей и другихъ, произнесенныхъ во время преній по поводу бюджета. Всѣ говорили о томъ, сколько желчи, силы и ловкости должна была заключать въ себѣ предстоявшая рѣчь этого новообращеннаго радикала, присланнаго въ палату сторонниками умѣренной партіи.

Жакъ, готовясь къ борьбѣ, не думалъ о принципахъ, которые готовился защищать. Конечно, онъ собирался произнести нѣсколько блестящихъ, красивыхъ фразъ о народѣ, но до этого народа ему, по его собственному выраженію, было столько же дѣла, сколько рыбѣ до яблока. Въ сущности, онъ былъ занятъ только своей собственной карьерой. Взвѣшивая, какая партія имѣла больше возможности достичь власти, онъ пришелъ къ заключенію, что крайняя лѣвая должна имѣть успѣхъ въ будущемъ. Его безпокоило только одно: „Что, если я ошибся?— думалъ онъ:—если страна, подвластная рутинѣ, не захочетъ идти

впередъ? Если депутаты, занятые исключительно своими округами, недовѣрчиво отнесутся къ движенію? Все равно, теперь уже слишкомъ поздно!—заключилъ онъ.—Выборъ сдѣланъ. Надо побѣдить. Задамъ я работы министерству моею рѣчью. По моимъ ударамъ пусть судятъ о моей силѣ".

Онъ подошелъ къ окну, выходившему на Сену. Видны были только черныя, обнаженныя деревья набережной и въ промежуткахъ между ними—унылая рѣка. Горизонтъ терялся въ туманѣ. Мрачная поэзія этого пейзажа нисколько не увлекла его.

„Какъ я ненавижу этотъ уголокъ Парижа! — подумалъ онъ.—Онъ созданъ для мечтателей и поэтовъ. (Съ какимъ презрѣніемъ произнесъ онъ эти названія!) Какъ только кончится срокъ контракта, такъ сейчасъ же переѣду въ другой кварталъ, болѣе оживленный, болѣе серьезный,—однимъ словомъ, дѣловой кварталъ"...

Онъ надѣлъ пальто, взялъ свой портфель и вышелъ. Проходя мимо комнаты привратника, онъ пріотворилъ дверь.

— Ну, madame Патю! Сегодня мы ниспровергаемъ министерство!

И онъ похлопалъ рукой по своему туго набитому портфелю.

— А посему пошлите вашего мужа мнѣ за извозчикомъ.

Оба привратника, и мужъ, и жена, относились къ своему жильцу съ восторгомъ. Жакъ охотно разговаривалъ съ прислугой; ему было лестно сознаніе своего превосходства даже въ такихъ разговорахъ.

Г-жа Патю погнала своего мужа.

— Иди же, иди скорѣе!—проговорила она.

Это была толстая, безобразно сложенная женщина, съ блестѣвшимъ, жирнымъ лицомъ. Она управляла всѣмъ домомъ сверху до низу и обнаруживала также нѣкоторую опытность и знаніе въ государственныхъ дѣлахъ.

— Желаю вамъ успѣха, г-нъ Альваръ! Сегодня вечеромъ какъ станутъ раскупать „Отечество"!

— Въ café Дюранъ!—приказалъ Жакъ извозчику.

Наканунѣ онъ предупредилъ графиню Феррези, пріѣхавшую къ нему въ Парижъ послѣ непродолжительнаго траура и упрековъ совѣсти:

— Передъ засѣданіемъ мы позавтракаемъ вмѣстѣ. Я привезу тебѣ входной билетъ.

Онъ нисколько не боялся показываться съ нею въ публичныхъ мѣстахъ. Онъ привыкъ хвастаться своими способностями и своимъ успѣхомъ, и его цинизмъ и тщеславіе побуждали его не

бояться огласки. Такое же отношеніе внушилъ онъ и графинѣ Феррези.

Онъ опоздалъ. Графиня соскучилась, дожидаясь его. Хотя ея темный костюмъ не бросался въ глаза, но она все-таки привлекала всеобщее вниманіе своими великолѣпными черными волосами и ярко-красными чувственными губами. Она понимала, за какого сорта женщину ее принимали, и что Жакъ, заставляя ее дожидаться, подвергалъ ее презрительному отношенію со стороны лакеевъ café. Но вѣдь Жакъ всегда и всѣхъ унижалъ и словами, и поступками!

Однако, когда она увидала, что онъ выходитъ изъ экипажа, то почувствовала полную покорность и даже забыла пожаловаться.

Онъ не извинился, выбралъ столъ и взялъ карточку, но едва взглянулъ на нее.

— Устрицъ безъ лимона,—быстро заказалъ онъ,—полторы дюжины. Яйца въ смятку. Бифстексъ хорошо прожаренный. Полбутылки сотерна и сэнтъ-эмиліона. Да живѣе! Скажите тамъ буфетчику.

— Бордоскія вина поддерживаютъ, но не горячатъ,—прибавилъ онъ уже для себя.—Это—самое подходящее вино для оратора.

— Вамъ нравится такое меню?—догадался онъ наконецъ спросить у своей дамы.

Она одобрила, но черезъ нѣсколько минутъ, видя, что она не притрогивается къ устрицамъ, онъ замѣтилъ:

— Это странно. Только-что онѣ вамъ нравились.

И сталъ говорить о засѣданіи, назвалъ политическихъ дѣятелей, которые должны были принять участіе въ дебатахъ, и всѣхъ ихъ разбранилъ необыкновенно зло. Съ графиней онъ не стѣснялся, не щадилъ ни одного сколько-нибудь талантливаго человѣка и особенно рѣзко нападалъ на людей съ установившейся хорошей репутаціей.

За дессертомъ онъ велѣлъ позвать посыльнаго и, давъ ему адресъ, послалъ къ себѣ на квартиру за почтой. Онъ долженъ былъ получить справку, нужную для его запроса въ палатѣ.

Посыльный вернулся только съ одной телеграммой. Жакъ раскрылъ ее, прочелъ и снова сложилъ, не сказавъ ни слова. Графиня увидала на его лицѣ выраженіе скорѣе неудовольствія, чѣмъ огорченія. Задумавшись на минуту, онъ произнесъ съ своей обычной жесткостью:

— Ты кончила? Теперь оставь меня... Мнѣ нужно распредѣлить нѣкоторыя замѣтки, прежде чѣмъ отправиться въ палату.

— Ничего особеннаго?—спросила она, указывая на телеграмму.

Онъ сдѣлалъ отрицательное движеніе головой.

— Я тебя увижу послѣ засѣданія?

— Нѣтъ, завтра. Улица Вилье́. Я предупрежу тебя.

— Въ такомъ случаѣ прощай. Тамъ, на засѣданіи, я буду упиваться твоею чудной рѣчью.

Она кончила застегивать перчатки и вышла. А онъ даже и не подумалъ о томъ, что она совершенно не будетъ знать, что̀ же ей дѣлать на улицѣ, подъ дождемъ и туманомъ, до начала засѣданія.

Онъ потребовалъ „Путеводитель“ и отыскалъ часы отхода поѣздовъ въ Аннеси. Былъ одинъ курьерскій поѣздъ, отходившій въ половинѣ третьяго и приходившій въ часъ ночи, и другой, отходившій въ семь часовъ двадцать-пять минутъ вечера и приходившій черезъ двѣнадцать часовъ.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Была половина второго. Онъ еще могъ выбирать.

— Я не найду экипажа среди ночи, чтобы ѣхать въ Ментонъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою.—И кромѣ того...

Онъ снова развернулъ телеграмму. Въ ней стояли слѣдующія простыя слова: „Анни очень плоха. Пріѣзжайте немедленно. Меранъ“.

„Отецъ обожаетъ и балуетъ ее,—подумалъ онъ.—Онъ склоненъ преувеличить всякую слабость. Я увѣренъ, что г-жа Меранъ не стала бы мнѣ телеграфировать въ такомъ повелительномъ тонѣ: „Пріѣзжайте немедленно“!.. Мой милый тесть совсѣмъ забываетъ, что я дѣлаю сегодня запросъ въ палатѣ. А, кажется, въ газетахъ было довольно говорено объ этомъ. Въ этихъ провинціальныхъ трущобахъ ничего-то ровно не знаютъ. Но если имѣешь зятя съ блестящей политической карьерой, то, кажется, можно поинтересоваться, что̀ онъ дѣлаетъ. Когда мы разстались послѣдній разъ, у нея не было никакой опасной болѣзни. Она просто немножко малокровна. Отъ малокровія не умираютъ. Часто случается, что слабые хоронятъ сильныхъ“...

Онъ нисколько не колебался въ своемъ рѣшеніи, но все-таки старался объяснить его и прикрасить, несмотря на откровенность съ самимъ собою. Ему не хотѣлось проникать въ глубину собственнаго эгоизма, потому что появленіе смерти придаетъ всѣмъ нашимъ поступкамъ важность, поражающую даже наименѣе чувствительныхъ.

„Я поѣду съ вечернимъ поѣздомъ,—продолжалъ онъ думать.—Нужно имѣть причины не такого личнаго характера, чтобы взять обратно поданное заявленіе о запросѣ. Въ семь часовъ засѣданіе кончится, и министерство, можетъ быть, будетъ свергнуто. Я пріѣду почти немедленно“.

Онъ успокоился и даже поздравилъ себя.

„Все-таки все это очень непріятно. Многіе на моемъ мѣстѣ совсѣмъ потеряли бы голову“.

Онъ былъ очень доволенъ, чувствуя въ себѣ легкость и готовность къ борьбѣ, несмотря на печальное извѣстіе.

А тамъ, очень далеко отъ него, Анни тихо оканчивала свою молодую жизнь. Въ двадцать-четыре года уже ничто не удерживало ее на землѣ. Она уже не ждала никакого счастья, а ея невинная душа перешла черезъ всѣ униженія и муки, скрывающіяся подъ именемъ любви. Жакъ убилъ въ ней вкусъ къ жизни, а когда его увѣдомили о ея близкомъ концѣ, то онъ не подумалъ ни о томъ, какъ презрительно относился къ ней, ни о томъ, какъ измѣнялъ ей.

„Я недостаточно ловко велъ себя съ Меранами, — разсуждалъ онъ съ своей всегдашней практичностью.—Я ихъ глупо отдалилъ отъ себя. Надо будетъ измѣнить свое поведеніе. Такимъ образомъ я подвергаю себя разнымъ непріятнымъ требованіямъ и претензіямъ, въ случаѣ плохого конца. Кромѣ того, я рискую остаться при своемъ жалованьѣ и при своихъ доходахъ, о которыхъ смѣшно даже говорить. Ну, нѣтъ, слуга покорный“!

У него достало духа подумать обо всемъ этомъ, но затѣмъ, чтобы не помѣшать своей будущей рѣчи такими тяжелыми мыслями, онъ постарался совсѣмъ забыть о женѣ.

„Вѣроятно у нея просто сдѣлался обморокъ, и всѣ окружающіе перепугались. Конечно, ничего болѣе. Бѣдняжка, она все-таки очень слабенькая. Я пошлю ее на зиму на югъ“.

И, доказавъ этой послѣдней фразой свою чувствительность, онъ всталъ и взялъ счетъ.

— Тутъ ошибка,—сказалъ онъ слугѣ.— Вы записали вазу съ фруктами, которой я не заказывалъ.

Онъ заплатилъ по исправленному счету и съ спокойнымъ духомъ вышелъ, чтобы отправиться въ палату. На большихъ часахъ передъ церковью Магдалины было два часа. Ему оставалось еще достаточно времени до двадцати-пяти минутъ восьмого, чтобы обезпечить себѣ политическую побѣду.

Насталъ вечеръ, и въ туманѣ передъ дворцомъ Бурбоновъ толпился народъ, выжидая, несмотря на дурную погоду, результатовъ засѣданія. Люди подъ дождевыми зонтиками разговаривали съ оживленіемъ. Всѣхъ охватывало нервное безпокойство, предшествующее важнымъ событіямъ. Пламя газовыхъ рожковъ съ трудомъ разсѣивало мракъ. Сырая мгла превращала его въ большія неопредѣленныя пятна мутнаго свѣта и окружала каждое пятно тусклымъ кольцомъ. По рѣкѣ двигались, какъ быстрые блуждающіе огни, зеленые и красные фонари лодокъ, очертанія которыхъ нельзя было разглядѣть.

Жакъ Альваръ, оживленный и съ разгорѣвшимся лицомъ, не обращая вниманія на моросившій дождь, появился въ концѣ аллеи, примыкавшей къ набережной Орсэ. Его сопровождали два вождя радикальной партіи, Фельтанъ и Гертефоръ.

— Подождите пять минутъ!—убѣждалъ послѣдній.—Сейчасъ мы будемъ имѣть результаты голосованія. Большинство за насъ. Черезъ пять минутъ министерства не станетъ.

Жакъ посмотрѣлъ на часы, поднеся ихъ къ газовому рожку у края рѣшотки.

— Безъ четверти семь. Мнѣ осталось времени ровно столько, чтобы переодѣться и сѣсть на курьерскій поѣздъ.

— Поѣзжайте! поѣзжайте! —воскликнулъ Фельтанъ, размахивая своими огромными руками. — Г-жа Альваръ васъ ждетъ. Бѣдный другъ мой, какую силу воли нужно было вамъ имѣть! Что за сила воли!

Этотъ Фельтанъ былъ однимъ изъ честныхъ революціонеровъ, добрыхъ и кроткихъ въ частной жизни.

Жакъ пожалъ руки обоимъ.

— У васъ сильный характеръ и твердая рука! — проговорилъ Гертефоръ.

Альваръ зналъ цѣну комплиментамъ этого сухого и пресыщеннаго жизнью человѣка.

— Телеграфируйте мнѣ о результатѣ: Ментонъ-Сенъ-Бернаръ, до востребованія,—сказалъ онъ, и уже отпирая дверцу остановленной имъ извозчичьей кареты, онъ обернулся на половину и прибавилъ: — Пришлите мнѣ всѣ газеты по тому же адресу.

И онъ скрылся въ глубинѣ кареты, которая быстро исчезла въ туманномъ сумракѣ.

Возвращаясь назадъ вмѣстѣ съ Фельтаномъ, Гертефоръ проговорилъ, посмѣиваясь:

— Великолѣпная у васъ была фантазія говорить ему объ

его женѣ! Я только-что видѣлъ, какъ онъ завтракалъ у Дюрана съ своей любовницей.

— Вы въ этомъ увѣрены?—спросилъ Фельтанъ, придерживавшійся строгихъ нравовъ и особенно ненавидѣвшій любовныя исторіи, потому что самъ не имѣлъ никакого успѣха у женщинъ.

— Впрочемъ, она очень красива, — продолжалъ настаивать Гертефоръ, и даже прищелкнулъ языкомъ.

— А что же означала эта его трогательная фраза о смерти, угрожающей самымъ дорогимъ существамъ и образъ которой онъ долженъ былъ отклонить отъ себя, чтобы всецѣло думать только объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на насъ любовью къ родинѣ и желаніемъ обезпечить ей внутреннее спокойствіе и тишину? Меня въ дрожь бросило отъ этой его фразы.

— Мой бѣдный Фельтанъ, васъ всегда можно провести и одурачить трогательными фразами. Помните, что я вамъ сказалъ послѣ первой рѣчи Альвара: „Вотъ нашъ общій владыка“! У него мозгъ настолько же холоденъ, насколько рѣчь горяча. Только онъ ужъ слишкомъ сознаетъ свою силу. Однако, голосованіе должно быть уже окончено, — прибавилъ онъ, увлекая Фельтана въ корридоры дворца.—Кто же овладѣетъ новымъ министерствомъ? Альваръ, низложившій старое...

— А вы думаете, что министерство пало?

— Очевидно... Альваръ слишкомъ молодъ. Ему дадутъ мѣсто товарища министра.

И они вошли въ залу засѣданій.

Черезъ четверть часа, Жакъ, велѣвшій извозчику ѣхать по Сенъ-Жерменскому бульвару на ліонскій вокзалъ, снова проѣхалъ передъ палатой. Уже слышались крики газетныхъ разносчиковъ:

— Купите... „паденіе министерства...“, а группы любопытныхъ на набережной Орсэ все прибывали и превращались въ толпу.

„Въ газеты это еще не могло попасть,—подумалъ Жакъ. —Но разносчикамъ уже извѣстно. Значитъ, все рѣшено“.

Онъ взглянулъ на часы, высунулъ голову въ окно и крикнулъ:

— Ступайте скорѣй, а то я опоздаю на поѣздъ!

Его повелительный голосъ подѣйствовалъ на кучера, и онъ стегнулъ лошадь.

На платформѣ Альвара дожидалась графиня Феррези. По намеку, сдѣланному Жакомъ въ его рѣчи, она поняла содержаніе телеграммы, которую онъ распечаталъ въ ея присутствіи.

„Анни умерла"!—мелькнуло у нея въ головѣ.

И такъ какъ она знала часъ отхода курьерскаго поѣзда, то поѣхала на вокзалъ, чтобы встрѣтить тамъ своего возлюбленнаго и утѣшить его. Проходя мимо нея, Жакъ произнесъ только: „Это вы! Я уѣзжаю..."—побѣжалъ купить вечернія газеты и занялъ мѣсто въ отдѣленіи перваго класса. Тамъ она нагнала его и остановилась, держа въ рукахъ корзинку съ провизіей, которую купила, разсчитавъ, что Жакъ не имѣлъ времени пообѣдать. Кондуктора уже кричали: „по мѣстамъ!"—и съ шумомъ запирали дверцы вагоновъ.

— Мой бѣдный другъ!—проговорила графиня.—Какое несчастье! Умереть въ двадцать лѣтъ!

— Она не умерла,—поправилъ ее Жакъ, беря корзинку съ провизіей,—она только очень больна.

— О, дай Богъ, чтобы она поправилась!—воскликнула вполнѣ искренно графиня Феррези.

И однако, по дорогѣ на вокзалъ, она не могла не подумать, что ничто больше не раздѣляло ее съ Жакомъ и что теперь она могла выйти за него замужъ.

А Жакъ въ это время думалъ:

„Однако, она, кажется, хочетъ совсѣмъ овладѣть мною. Ну, я распоряжусь по своему!"—и прибавилъ вслухъ:

— Ты оставалась до конца засѣданія? Министерство пало?

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ только ты ушелъ, такъ я тотчасъ же бросилась сюда, чтобы увидать тебя еще разъ. Бѣдный ты мой! Я уже полчаса тебя дожидаюсь.

— Какъ это глупо!—ты должна была остаться.

И произнеся эту грубую фразу, онъ пожалъ руку графинѣ, собиравшейся его поцѣловать, и вошелъ въ вагонъ. Поѣздъ засвистѣлъ. Черезъ дверцу онъ увидалъ, что она плакала. Огни ліонскаго вокзала бѣжали вдоль уходившаго поѣзда. Жакъ усѣлся, развернулъ „Le Temps" и отыскалъ отчетъ о засѣданіи палаты. Прежде чѣмъ передавать содержаніе преній, репортеръ изображалъ картину оживленія, царившаго въ корридорахъ дворца, и приводилъ списокъ извѣстныхъ лицъ, занимавшихъ трибуны.

„Въ Парижъ поздно съѣзжаются, — подумалъ Жакъ. — Въ январѣ у меня будетъ больше публики изъ высшаго общества".

Онъ перечелъ свою рѣчь. Въ ней самымъ коварнымъ образомъ были выставлены всѣ ошибки и промахи, сдѣланные министерствомъ, и представлена яркая картина нашихъ внутреннихъ безпорядковъ. Ораторы оппозиціонной партіи всегда отличаются

способностью ядовито критиковать. Жакъ не встрѣтилъ того нападенія, котораго ожидалъ со стороны извѣстной части собранія. Группа умѣренныхъ, которая должна была получить инструкцію на утренней сходкѣ, не имѣла возможности сговориться относительно образа дѣйствія. Отсутствіе ея вождя, заболѣвшаго совсѣмъ не во-время, приводило ее въ полнѣйшее замѣшательство. Что же касается правой, то ея представители или охотились, или проводили пріятно время въ своихъ зàмкахъ, и скамьи ея были пусты. Враждебная партія разсчитывала на неопытность Альвара, дѣлавшаго запросъ, но этимъ обнаружила свою крайнюю недальновидность. Отъ природы склонный къ борьбѣ, Жакъ еще возбуждался во время спора. Энергія умѣренныхъ не была въ силахъ сдержать его. Обнаруживъ необыкновенную быстроту въ нападеніи, онъ оказался еще болѣе опаснымъ, когда ему пришлось возражать, и противники, пробовавшіе его останавливать и задерживать его рѣчь, поплатились весьма чувствительно. Онъ вдругъ набрасывался на разстроенныя группы враговъ, а сообщники его разыгрывали въ залѣ роль очень энергичной и даже дерзкой полиціи. Онъ улыбался довольной улыбкой, прочитывалъ свою рѣчь и старался относиться къ ней со стороны, чтобы имѣть возможность еще больше любоваться собою. Потомъ онъ пробѣжалъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ, пришедшаго въ ярость отъ его намековъ и той увѣренности, которую онъ обнаружилъ, приводя полученныя имъ свѣдѣнія. Министръ этотъ говорилъ всегда авторитетнымъ и желчнымъ тономъ, какъ будто отдавалъ приказанія. Обыкновенно этотъ пріемъ удавался ему. Но на этотъ разъ онъ перешелъ всякія границы и набросился на противника, опустивъ голову и ничего не видя, какъ раненный кабанъ.

Это было какъ разъ въ пять часовъ, и на этомъ отчетъ прерывался. Жакъ выронилъ газету и началъ припоминать продолженіе засѣданія. Онъ опять долженъ былъ говорить, лично привлеченный къ дѣлу министромъ, упрекавшимъ его въ перемѣнѣ убѣжденій. Въ своемъ возраженіи онъ не придалъ особаго значенія фактамъ, а удовольствовался краснорѣчіемъ и объяснилъ свою перемѣну отвращеніемъ къ лицемѣрію правительства, любовью къ правдѣ и къ народу. Въ этой новой рѣчи, отличавшейся необыкновенной полнотою, онъ обвинилъ и осудилъ всю партію, состоявшую изъ его прежнихъ друзей. И тутъ, въ доказательство своей искренности, онъ произнесъ пресловутую фразу о потерѣ, угрожающей его семейному очагу, и о томъ, что онъ не сходитъ съ трибуны, несмотря на безпокойство и глубокое огорченіе. Такимъ образомъ пренія разрослись, и самъ

президентъ совѣта долженъ былъ выступить на защиту собственной политики и своего кабинета, которому угрожала серьезная опасность.

Тогда-то онъ предложилъ разрѣшить вопросъ большинствомъ голосовъ. Къ чему повело голосованіе? Навѣрное теперь радикальная партія записывала результаты побѣды и волновалась, готовясь къ пріему новаго министерства.

„Пока я буду далеко отъ Парижа, тамъ обо мнѣ никто не позаботится. Гертефоръ завидуетъ мнѣ и устроитъ такъ, что мнѣ предложатъ какой-нибудь незначительный портфель. Но не совѣтую имъ забывать меня. Они имѣли случай убѣдиться въ моей силѣ“...

Опьяненный и возбужденный цѣлымъ днемъ борьбы, онъ пошелъ покурить въ корридорѣ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ онъ на двухъ или трехъ пассажировъ, не обращавшихъ на него никакого вниманія, и почувствовалъ къ нимъ глубокое презрѣніе за то, что они не подозрѣвали о роли, занимаемой имъ въ парламентѣ. Потомъ мысль его утомилась отъ слишкомъ большого напряженія, и онъ пересталъ думать о своихъ тщеславныхъ планахъ и цѣляхъ. Мало-по-малу, испытывая еще не остывшее возбужденіе, онъ сталъ жалѣть, что съ нимъ не было графини Феррези. Рѣшая порвать свою связь съ нею, онъ тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ размышлялъ о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя доставляли ему его отношенія съ графиней. Онъ былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что не боялся подробно разбирать тѣ удовольствія, отъ которыхъ собирался отказаться, и даже находилъ особаго рода сладострастіе въ томъ, что лишило бы воли всякаго менѣе закаленнаго человѣка.

Отъ времени до времени мысль его, занятая то мечтами политическаго характера, то любовными воспоминаніями, вдругъ останавливалась на вопросѣ:

„А что, если она умерла“!

Но это не помѣшало ему съѣсть съ аппетитомъ провизію, предусмотрительно приготовленную ему графиней Феррези.

Анни умерла на склонѣ дня, безъ агоніи, въ припадкѣ, вначалѣ не внушавшемъ даже опасеній ея окружающимъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда Жакъ, пользуясь этой смертью, сдѣлалъ изъ нея эффектную фразу для своей публичной рѣчи.

На другой день Люсьенъ Галандъ, пріѣхавъ справиться о

состояніи больной, узналъ печальную новость. Старая служанка, встрѣтивъ его на крыльцѣ, объявила:

— Наша бѣдная молодая барыня померла, вчера вечеромъ.

— Умерла!—повторилъ онъ только.

Извѣстіе о несчастіи слишкомъ сильно для обыкновеннаго состоянія нашего ума. Когда мы къ нему не подготовлены, то намъ необходимо время, чтобы сознать случившееся. Наша душа не способна сразу подниматься на самую вершину великой радости или великаго горя.

Люсьенъ не находилъ, что̀ сказать. Только когда уже служанка собиралась запереть за нимъ, онъ спросилъ:

— Можно ее видѣть?

Его провели въ комнату, гдѣ лежала покойница. Эта комната имѣла теперь видъ ярко освѣщенной часовни. Анни лежала на кровати, усыпанной златоцвѣтами и послѣдними розами. Свѣтъ восковыхъ свѣчей оживлялъ ея прозрачное лицо, придавая ему подобіе жизни, а длинныя рѣсницы, скрывавшія на вѣки померкшіе глаза, еще смягчали выраженіе этого неземного лица.

Глядя на нее, Люсьенъ испыталъ муку, къ которой примѣшивалось какое-то сладостное чувство. Когда онъ подходилъ къ дому, то ему приходилось ступать по золотымъ листьямъ, сорваннымъ вѣтромъ. Эти листья были ему особенно дороги отъ сознанія, что имъ осталось жить такъ мало. Такою же особенной любовью любилъ онъ эту только-что отошедшую въ вѣчность и неподвижно лежавшую передъ нимъ женщину—за то хрупкое очарованье, которымъ было полно все ея существо; за ея неземную прелесть и чистоту, свѣтившуюся въ каждой ея улыбкѣ, въ каждомъ ея словѣ. Онъ зналъ, что она должна была умереть, и все-таки эта смерть поразила его. Онъ даже не страдалъ, а ему хотѣлось бы страдать. Ему казалось, что сущность этой души продолжала существовать для него и должна была еще долго существовать, какъ таинственное маленькое пламя, освѣщающее жизнь и доказывающее, что жизнь есть благо.

— Гдѣ она теперь и что̀ съ нею?—спрашивалъ онъ самъ себя—и не могъ найти отвѣта. Слезъ у него не было; онъ не чувствовалъ даже глубокаго страданія, а ему казалось только, что въ груди его стало вдругъ ужасно пусто,—точно изъ нея вынули сердце.

Чье-то громкое рыданіе заставило его поднять голову. Съ противоположной стороны кровати онъ увидалъ Жанну Меранъ на колѣняхъ. Она молилась. И даже въ эту минуту онъ залю-

бовался ея заплаканнымъ лицомъ и позавидовалъ ея способности такъ просто и глубоко горевать. Въ глубинѣ комнаты сидѣла г-жа Меранъ и едва смѣла двигаться. Горе ужасно стѣсняло ее. Поговоривъ съ близкими умершей о ея послѣднихъ минутахъ, протекшихъ незамѣтно и тихо, какъ вся ея жизнь, Люсьенъ ушелъ. По дорогѣ домой, весь отдаваясь своей печали, онъ все удивлялся тому спокойствію, съ которымъ любилъ умершую и которое заставляло его примириться съ этой смертью безъ всякихъ жалобъ.

Проходя черезъ Ментонъ-Сэнъ-Бернаръ, онъ увидалъ Жака Альвара, выходившаго съ почты. На его лицѣ были видны слѣды усталости послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ. Эта усталость, пришедшая какъ разъ кстати, придавала лицу Жака приличное страдальческое выраженіе.

— Ты знаешь о моемъ горѣ?—спросилъ онъ, подходя къ Люсьену.—Эта бѣдная Анни!.. Какъ разъ въ то время, когда меня съ минуты на минуту могутъ назначить министромъ... она... А какъ бы она была довольна, какъ бы гордилась!..

VII.

Весеннее солнце потоками врывалось въ маленькую гостиную, гдѣ работалъ Люсьенъ Галандъ. Это былъ прежній будуаръ его матери, и эта комната нравилась ему больше другихъ. Онъ перечитывалъ тѣ страницы „Современнаго управленія“, гдѣ Тэнъ устанавливаетъ слѣдующій взглядъ на наши провинціи и помѣстья:—утративъ прежнее значеніе, благодаря административному устройству, отдавшему ихъ во власть государства, и потерпѣвъ полную неудачу въ своемъ представительствѣ, благодаря плачевнымъ результатамъ системы всеобщей подачи голосовъ, провозгласившей равенство правъ при неравенствѣ обязанностей, эти провинціи и помѣстья не могутъ больше представляться для живущихъ въ нихъ людей чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ отечествъ, законныхъ предметовъ гордости и любви, вызывающихъ жажду самопожертвованія.

„Да,—думалъ онъ, положивъ книгу и вставая,—имъ слѣдовало бы возвратить ихъ особую жизнь. Сила отдѣльныхъ маленькихъ обществъ и составляетъ могущество государства. Надо побѣдить недовѣріе этихъ блузниковъ къ образованному классу, надо доказать имъ своей работой и преданностью, что ихъ естественные представители—именно тѣ люди, которые, живя съ

ними, обладають большей свободой и образованіемъ и заинтересованы улучшеніемъ общественнаго быта уже по одному тому, что это выгодно и для нихъ, какъ помѣщиковъ. Что до меня касается, я дѣлаю все, что̀ могу, въ моей общинѣ".

Солнечные лучи, проникая въ комнату, приносили съ собою пріятное весеннее тепло, вмѣстѣ съ живительной свѣжестью, составляющей особенную прелесть майскаго воздуха. Передъ однимъ изъ оконъ росли большія деревья, но зелень на нихъ была еще такъ молода, что не защищала отъ свѣта. Люсьенъ подошелъ къ другому окну, передъ которымъ разстилался болѣе широкій видъ, и сталъ любоваться озеромъ, покрытымъ рябью отъ утренняго вѣтерка, и нѣжной зеленью луговъ, уже заросшихъ высокой и густой травою. Внизу у самаго дома зацвѣтали розы.

„Какъ хорошо жить!—подумалъ съ улыбкой молодой человѣкъ.—Весь міръ возрождается, и ко мнѣ также возвращается моя молодость".

Онъ чувствовалъ, какъ въ груди его загорались желанія и душа расширялась отъ сознанія собственной силы, какъ это бывало прежде, десять лѣтъ тому назадъ.

Шесть мѣсяцевъ прошло со смерти Анни, а ему казалось, что это было очень давно. Его не мучило воспоминаніе о ней. Ему было трудно вызвать въ своемъ воображеніи ея образъ съ полной ясностью, но и смутный этотъ образъ вдохновлялъ его на самые лучшіе поступки. Воспоминаніе объ умершей возрождало его, дѣйствовало на него какъ таинственная весна и дѣлало его душу болѣе доступной къ общенію съ людьми.

Солнце такъ и манило къ прогулкѣ.

Оставивъ свои книги, Люсьенъ вышелъ изъ дома и сталъ спускаться внизъ по лужайкамъ. Подойдя къ „рощѣ влюбленныхъ", онъ увидалъ, что нѣкоторыя розы были срѣзаны и проволока съ колючками сорвана,—но это нисколько не возмутило его.

„Въ какой восторгъ пришла бы Жанна Меранъ!—подумалъ онъ.—Влюбленные опять могутъ являться ко мнѣ, какъ при жизни моего отца. Вотъ что̀ творитъ мѣсяцъ май".

И воспользовавшись самъ вновь образовавшимся проходомъ, онъ вышелъ на большую дорогу. Соціалистъ Моженьé отчитывалъ громкимъ голосомъ какого-то бродягу самаго подозрительнаго вида, сидѣвшаго на кучѣ камней.

— Ты недостоинъ быть бѣднымъ!—кричалъ онъ и, замѣтивъ Люсьена Галанда, взялъ его въ свидѣтели.

— Сударь, поглядите вы на этого человѣка, что тамъ дитъ. Я хотѣлъ отдать ему мою шапку, потому что у него нѣтъ, а онъ отказался, да еще ругаться сталъ. Правда, что фѣтръ немного дырявъ, но дырки самыя ничтожныя. Онъ силъ святой хлѣбъ, питающій всякаго человѣка, и требует меня денегъ. Разлюбили бѣдняки свою бѣдность! Они не да возможности намъ, людямъ, живущимъ своимъ трудомъ, ряд съ ихъ же нищетой, быть милосердыми и помогать имъ мѣрѣ силъ.

Онъ былъ весь охваченъ благороднымъ негодованіемъ. дига поглядывалъ на него своими лукавыми глазами, ясно ражавшими все его презрѣніе, и протянулъ Люсьену руку, ставивъ ладонь въ видѣ чашечки.

— Пожалѣйте бѣднаго калѣку! — проговорилъ онъ, д своимъ взглядомъ понять Воженьé, что не считалъ его обще для себя подходящимъ, и болѣе дорожилъ общеніемъ съ хор одѣтыми людьми, представлявшими для него гораздо больше годы.

Люсьенъ Галандъ далъ ему нѣсколько су и спросилъ:

— Ты откуда?

— Изъ Лозанны, изъ Швейцаріи.

— Ну, такъ и возвращайся туда, дружище. На ро всегда легче найти поддержку. Мы помогаемъ только бѣдн нашей общины. Всѣхъ чужихъ не прокормишь. Община — большая семья, и доходы свои должна приберегать для сво

Онъ сказалъ все это для себя самого, думая въ это в о страницахъ Тэна, посвященныхъ провинціальной жизни, торыя онъ только-что прочелъ.

Проходили крестьяне, ведя на бойню молодыхъ телятъ. они здоровались съ Люсьеномъ:

— Здорово, старшина!

Этими привѣтствіями встрѣчали теперь Галанда повсюд его общинѣ, и въ нихъ чувствовались любовь и уваженіе, о сившіяся не столько къ услужливому старшинѣ и хорошему вѣтчику, сколько къ помѣщику, который примѣнялъ новое ледѣльческое орудіе—плугъ съ двумя лезвіями или паровую пальную машину—и добивался урожая съ небывалымъ до поръ искусствомъ.

Молодой человѣкъ прошелъ немного съ Воженьé, нап лявшимся въ Таллуаръ съ котомкой черезъ плечо.

— Сегодня утромъ, — говорилъ Воженьé съ свойстве ему словоохотливостью и удивительной способностью растр

ваться и приходить въ восторгъ,—сегодня утромъ вышелъ я изъ Тона. Вдоль дороги цвѣлъ шиповникъ и воздухъ былъ такой легкій, точно во дни моей молодости. Ваши каштаны, господинъ Галандъ, протягивали свои вѣтви, какъ будто благословить хотѣли. А озеро такъ и сверкало на солнцѣ. Снялъ я шляпу и сталъ вслухъ молиться. Мое сердце было точно кружка переполненная, и я испытывалъ потребность излить свои чувства. Я возблагодарилъ Отца Небеснаго за хорошую погоду, посланную Имъ всей землѣ и мнѣ, и сказалъ: „Отче, Ты слишкомъ благъ! Вся земля счастлива, я счастливъ и отдаю Тебѣ мое сердце". И Господь не отвергъ моего дара, какъ этотъ нищій—мою дырявую шляпу.

Люсьену нравились восторженныя рѣчи этого страннаго апостола, находившаго въ себѣ самомъ источникъ безконечныхъ радостей. Онъ давалъ ему говорить, и съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ у дверей ментонской ратуши, гдѣ его ждали для подписанія одного свадебнаго контракта. Воженье пожалъ ему руку.

— До свиданья, господинъ Галандъ,—сказалъ онъ.—Теперь пойду дальше въ Таллуаръ.

— Вы рѣшительно насъ покидаете?

— Да, иду работать на желѣзную дорогу въ Альбервиллѣ. Для меня всѣ ремесла хороши; я ужъ и счетъ потерялъ всѣмъ тѣмъ странамъ, гдѣ мнѣ пришлось побывать.

— Оставайтесь у насъ. Здѣсь, въ моей общинѣ, васъ всѣ знаютъ и любятъ. Вотъ ужъ скоро годъ, какъ вы, заходя къ намъ по пути или оставаясь подолгу, вносите такой интересъ въ наши вечеринки, разсказывая ваши чудесныя исторіи. Вы уже не чужой для насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, меня такъ и тянетъ въ путь. Родина моя вездѣ, куда ни приду. И люди повсюду мнѣ братья.

Онъ опять взялъ молодого человѣка за руку.

— Прощайте, господинъ Галандъ. Можетъ, еще увидимся, а можетъ и нѣтъ. Только я васъ не забуду. Мнѣ приходилось слышать, какъ васъ хвалили люди, у которыхъ чтò въ ротъ, то и глотъ, потому что у нихъ животъ всегда подводитъ съ голодухи. Вы любите малыхъ, какъ Викторъ Гюго. Въ этой сторонѣ уже безъ васъ и обойтись не могутъ. Вы будете счастливы, помяните мое слово...

И уже отойдя на нѣсколько шаговъ, онъ сдѣлалъ широкій жестъ рукою и высказалъ слѣдующую мысль:

— Всѣ люди добры. Счастье состоитъ въ томъ, чтобы

давать, а если ничего не имѣешь, то—или давать нечего, или отдаешь самого себя.

Люсьенъ видѣлъ, какъ онъ скрылся за поворотомъ дороги, но еще нѣкоторое время продолжалъ слышать его голосъ, такъ какъ онъ разговаривалъ самъ съ собою.

На порогѣ ратуши беременная крестьянка, еще молодая, но уже съ увядшимъ лицомъ, стояла, держа за руки двухъ дѣтей и дожидаясь съ тѣмъ терпѣніемъ, которое является у людей, никогда не имѣвшихъ часовъ.

— Господинъ старшина,—проговорила она робко,—только за вами дѣло стало. Мой-то на верху тамъ со свидѣтелями.

Это была та самая женщина, при бракосочетаніи которой Люсьенъ долженъ былъ присутствовать. Онъ сталъ ласкать дѣтей.

— Ну, моя милая Перонна, на этотъ разъ твое дѣло въ шляпѣ. Твой хозяинъ тебя больше не броситъ.

— Мнѣ за это надо васъ благодарить, господинъ старшина.

Когда Люсьенъ былъ уже въ дверяхъ, то услыхалъ, что кто-то звалъ его, и, обернувшись, увидалъ Жака Альвара, остановившаго свою коляску и выпрыгнувшаго на землю, не коснувшись подножки.

— А я къ тебѣ ѣхалъ,—сказалъ онъ, подходя своей обычной легкой походкой. Ужъ не задерживаютъ ли тебя какія-нибудь дѣла твоей общины, старшина-любитель?

— Да, задерживаютъ, — отвѣчалъ Люсьенъ, безъ всякой улыбки.—Сейчасъ мнѣ предстоитъ подписывать брачный контрактъ. Черезъ минуту я буду къ твоимъ услугамъ.

— Вотъ это и есть новобрачная?—спросилъ Альваръ, указывая на бабу съ злораднымъ нахальствомъ.—Чортъ возьми! тебѣ не придется проповѣдывать имъ плодородіе. Твои крестьяне такъ и плодятся,—даже противно!

Въ лицѣ Люсьена появилось суровое выраженіе.

— Оставь ее въ покоѣ! — сказалъ онъ: — мнѣ и безъ того дорого стоило защитить ее отъ произвола.

И такъ какъ баба уже взошла на лѣстницу и не могла ихъ слышать, то онъ продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ не хотѣлъ ее знать больше. Боялся, что надъ нимъ станутъ смѣяться. Вотъ удивительное самолюбіе! А она все ждала его, все покорялась и добивала себя, работая на своихъ карапузиковъ.

Жака совершенно не трогала эта драма.

— Да у нея этихъ карапузиковъ ужъ слишкомъ много! —

смѣясь, сказалъ онъ. — У нищенокъ всегда какая-то особенная страсть дѣтей родить.

— Но вѣдь онѣ родятъ ихъ не однѣ.

— Надѣюсь, что все это скоро кончится? — прервалъ его Альваръ.—Я подожду тебя; мнѣ хочется съ тобой поговорить.

Черезъ четверть часа оба молодые человѣка сидѣли въ коляскѣ и ѣхали ментонской дорогой по направленію къ Авюлли. Жакъ испытывалъ потребность пооткровенничать, свойственную всѣмъ людямъ, имѣющимъ успѣхъ въ жизни, но способнымъ вполнѣ наслаждаться только въ томъ случаѣ, если объ ихъ успѣхахъ всѣ знаютъ и завидуютъ имъ.

— Я пріѣхалъ въ Аннеси третьяго-дня,—говорилъ онъ.— Прежде всего, мнѣ пришлось вытерпѣть нѣсколько оффиціальныхъ визитовъ. Вчера удалось, наконецъ, вырваться. Мнѣ нужно было ликвидировать одно дѣло въ Таллуарѣ.

— Что̀ это за подозрительное дѣло онъ ликвидировалъ? — спрашивалъ самого себя Люсьенъ.—Графиня Феррези вернулась. Можетъ быть, онъ порвалъ съ нею именно теперь, когда оба свободны и могли бы пожениться. У нея не хватило бы средствъ на двоихъ. Это-то онъ и называетъ „дѣломъ“.

Онъ взглянулъ на своего спутника. У него былъ тотъ усталый и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливый видъ, который является у молодыхъ людей послѣ бурно и пріятно проведенной ночи.

„А можетъ быть, онъ возобновилъ свои прежнія отношенія съ графиней, — снова подумалъ Люсьенъ. — Можетъ быть также, и возобновилъ, и порвалъ. Впрочемъ, онъ самъ обо всемъ разскажетъ. Онъ мнѣ повѣряетъ всѣ свои гадости,—даже противно и унизительно все это выслушивать“...

— Уже шесть мѣсяцевъ не былъ я въ Савойѣ, — продолжалъ, между тѣмъ, Жакъ.—Послѣ смерти этой бѣдной Анни...

Съ какимъ сухимъ равнодушіемъ произнесъ онъ послѣднія слова!

— Шесть мѣсяцевъ работы въ министерствѣ — слишкомъ много въ наше торопливое и перемѣнчивое время.

Люсьенъ чувствовалъ, какъ въ немъ поднималось, съ необъяснимой для него самого силой, негодованіе и глубокое презрѣніе къ этому товарищу его дѣтства, навязывавшему ему свою дружбу. Онъ еще самъ не зналъ, до какой степени завладѣла имъ родина, какъ она превратила его праздное любопытство въ дѣятельность, а его самого—изъ лѣниваго дилеттанта въ энергичнаго, горячо убѣжденнаго человѣка.

„Зачѣмъ только онъ ко мнѣ пріѣзжаетъ? — думалъ онъ. — Что̀ общаго у насъ осталось“?

И онъ произнесъ, по привычкѣ, спокойнымъ и вѣжливымъ тономъ, скрывавшимъ его внутреннее волненіе:

— Да, шесть мѣсяцевъ работы въ министерствѣ, въ теченіе которыхъ вы только и дѣлали, что увеличивали количество налоговъ и должностныхъ лицъ, всячески ограничивая необходимую для всѣхъ людей свободу. Подъ предлогомъ помощи рабочимъ, вы предлагаете неисполнимый законъ о страхованіи ихъ жизни отъ несчастныхъ случаевъ,—законъ, который обрушится тяжелымъ гнетомъ на тѣхъ, для кого созданъ, на отцовъ семействъ. Они будутъ платить за холостяковъ и пришлыхъ, и такимъ образомъ только облегчатъ хозяевъ. Вотъ ужъ по истинѣ хорошія дѣла вы творите!

Жакъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Это съ тѣхъ поръ, какъ ты главный совѣтникъ, ты сдѣлался политическимъ ораторомъ?—спросилъ онъ.

— Ахъ, я вовсе не ораторъ и всѣхъ ораторовъ презираю. Правда не нуждается въ краснорѣчіи, и каждый говоритъ хорошо, кто имѣетъ что̀ сказать...—проговорилъ Люсьенъ и, возбуждаемый изумленнымъ видомъ своего собесѣдника, продолжалъ: —Я думаю, ты и не ожидалъ отъ меня одобренія. Должность сама по себѣ для меня ничего не значитъ,—я смотрю только на поступки исполняющаго эту должность. И хотя ты министръ, но я выскажу тебѣ правду, которую обязанъ высказать своему школьному товарищу. Вотъ уже два года, какъ я подписалъ свое имя, имя моего отца, подъ твоей либеральной программой во время твоей кандидатуры. Тогда ты обѣщалъ намъ, что будешь стремиться къ порядку и экономіи и, по требованію Мерана, будешь избѣгать захватовъ и централизаціи,— однимъ словомъ, будешь стремиться къ тому, чтобы у общественнаго организма была болѣе крѣпкая голова и менѣе связанные члены. Въ общинахъ, занимающихся промышленностью, ты провозглашалъ законъ объ ассоціаціяхъ, являющійся противовѣсомъ денежной силы и не дающій богачамъ захватывать все въ свои руки. И вотъ теперь ты—самый непримиримый министръ сектантскаго правительства, которое, во имя ложнаго равенства, накладываетъ руку на свободу труда и образованія, а потомъ доберется и до свободы личности и поземельной собственности.

Жакъ былъ совершенно пораженъ, но постарался повернуть слова Люсьена въ шутку.

— Не будемъ смѣшивать, тутъ есть большая разница,—

сказалъ онъ. — Кандидатъ—не депутатъ, а депутатъ—не министръ. Кандидатъ—рабъ, депутатъ—лакей, а министръ—владыка. Невольно мѣняешься по мѣрѣ того какъ поднимаешься по лѣстницѣ.

— Да, — рѣзко отвѣчалъ Люсьенъ: — чѣмъ выше лѣзетъ обезьяна, тѣмъ больше виденъ ея задъ.

Альваръ соблаговолилъ улыбнуться. Онъ собирался просить Люсьена объ одолженіи, а потому разсчиталъ, что стоило вынести нѣсколько колкостей и насмѣшекъ со стороны пріятеля.

Люсьенъ догадывался объ этомъ и рѣшилъ не стѣсняться.

— Ахъ, ужъ я столько обо всемъ этомъ думалъ цѣлыхъ два года!—сказалъ онъ.—Въ нашемъ народномъ управленіи все надо передѣлать съ верху до низу. Свобода общины, напримѣръ, —это просто плохая шутка! Въ Ментонѣ у насъ есть ратуша, требующая безотлагательнаго ремонта, иначе она вся развалится. Теперь еще можно помочь бѣдѣ,—завтра уже нельзя будетъ. Я заставилъ муниципальный совѣтъ опредѣлить для этого дѣла маленькую сумму, а въ префектурѣ мнѣ ее вычеркнули изъ бюджета. Эти господа изъ Аннеси даже не потрудились пріѣхать посмотрѣть и рѣшили, что это—лишній расходъ. Въ будущемъ году намъ придется дѣлать заемъ, чтобы перестроить все зданіе. И такъ же плохо управляетъ префектъ—или даже не префектъ, а какой-нибудь помощникъ столоначальника—тремя стами общинъ нашего округа.

— Это, конечно, непріятно,—согласился Жакъ.

— Прежде, — продолжалъ Люсьенъ, — въ Савойѣ былъ общинный совѣтникъ, какой-нибудь адвокатъ или нотаріусъ, считавшій въ числѣ своихъ кліентовъ—членовъ пяти или шести общинъ. Но въ наше время государство поглощаетъ все, захватываетъ въ свои руки всякую власть. Оно уничтожило прежнія могущественныя сословія, корпораціи, парламенты, провинціи. Въ округахъ и кантонахъ сохранилась только какая-то искусственная жизнь. Это какіе-то трупы, и администрація гальванизируетъ ихъ, чтобы вызвать подобіе движенія. Община, хотя и болѣе естественно организованная, тоже не имѣетъ собственнаго существованія. Она не можетъ свободно распоряжаться своими финансами, не можетъ выбирать своихъ руководителей. Государство превращаетъ каждое отдѣльное лицо въ пассивнаго плательщика податей.

Экипажъ остановился передъ зàмкомъ. Было около полудня. Всходя по лѣстницѣ, Люсьенъ Галандъ продолжалъ говорить, все время пропуская впередъ представителя правительства.

— А общая подача голосовъ! Великолѣпное изобрѣтеніе для производства всякаго рода расточительности, небрежности и безпорядка! Надо было бы въ теченіе ста лѣтъ воспитывать народъ въ этомъ направленіи, а тутъ вдругъ сразу опьянили его, какъ крѣпкимъ виномъ. Этотъ народъ имѣетъ и долженъ имѣть своихъ естественныхъ представителей, тѣхъ, которые всего больше платятъ, у которыхъ есть время, образованіе, умъ и честность. Всякое народное правленіе жизнеспособно только тогда, когда обладаетъ правящимъ классомъ, принимаемымъ какъ таковой.

Взойдя вслѣдъ за Жакомъ въ будуаръ, Люсьенъ притворилъ рѣшотчатый ставень отъ слишкомъ яркаго солнца, потомъ взялъ со стола томъ сочиненій Тэна и прочелъ:

— ...„Всеобщая подача голосовъ, этотъ невѣжественный, невнимательный и плохо освѣдомленный властелинъ, предубѣжденный и увлекающійся судья, моралистъ съ широкой совѣстью, вмѣсто того, чтобы требовать отъ конкуррентовъ незапятнанной честности и доказаннаго знанія и опытности, ищетъ только ораторской болтовни, привычки пробираться впередъ и выставляться напоказъ, грубой лести, похвальбы своимъ усердіемъ и обѣщаній употреблять свою власть, дарованную имъ народомъ на служеніе антипатіямъ и предразсудкамъ этого народа".

„Куда это онъ мѣтитъ"?—спрашивалъ себя мысленно Альваръ, относившійся къ общимъ идеямъ только какъ къ вѣеру, за которымъ прячутъ свое лицо, цѣли и желанія.

— Какъ ты можешь,—улыбаясь, сказалъ онъ,—такъ страстно относиться къ вещамъ, не представляющимъ для тебя никакой выгоды? Въ общей подачѣ голосовъ главное—умѣть ею пользоваться. Эта система не такъ безполезна: съ умѣньемъ изъ нея можно выудить министерскій портфель.

Люсьенъ поглядѣлъ на него.

— Кто тебѣ говоритъ о личномъ интересѣ? Дѣло идетъ о томъ, что̀ убиваетъ Францію, а ты мнѣ показываешь собственную особу. Ты относишься страстно только къ самому себѣ. И всѣ вы таковы, нынѣшніе общественные дѣятели. Свою собственную пользу вы принимаете за пользу всей страны, и плоды цивилизаціи признаются вами—только если вы ихъ пожинаете. У Тэна есть также фраза, относящаяся къ вамъ,—вотъ она: „Пока человѣкъ интересуется только самимъ собою, своимъ положеніемъ, своимъ успѣхомъ и возвышеніемъ, онъ интересуется весьма малымъ. Все это очень неважно и кратковременно, какъ и самъ человѣкъ".

Нападеніе становилось слишкомъ сильно. Жакъ рѣшился возражать:

— Ты строишь прекрасныя теоріи, — сказалъ онъ, — а поступаешь какъ всѣ. Подобно всѣмъ намъ, ты льстишь избирателю разными обѣщаніями, чтобы сдѣлаться старшиною, главнымъ, совѣтникомъ и—кто знаетъ?—быть можетъ, депутатомъ, если я представлю мою кандидатуру въ Парижѣ.

— Я!

— Да, ты.

Лакей доложилъ, что кушать подано. Но Люсьенъ остановилъ Жака, собиравшагося, со своей обыкновенной безцеремонностью, пройти въ столовую.

— Я принялъ на себя эти должности по принужденію,— сказалъ онъ,—и кромѣ того Меранъ далъ мнѣ понять, что я долженъ ихъ взять на себя, за неимѣніемъ другихъ людей, болѣе умѣлыхъ, если не болѣе безкорыстныхъ. И я не позволю никому говорить, что обязанъ своимъ избраніемъ какимъ-то обѣщаніямъ или лести. Ваши старыя хитрости и уловки слишкомъ отвратительны мнѣ. Я пробую примѣнить новую методу, состоящую въ томъ, чтобы преподносить народу правду вмѣсто лжи, показывать ему ясно его собственную слабость, заблужденія и потребность для него имѣть руководителя. Хочу объяснить ему жизнь всей націи, сравнивая ее съ его жизнью и приводя примѣры, встрѣчающіеся ежедневно. Такъ какъ всеобщая подача голосовъ есть уже совершившееся зло, то надо все-таки стараться его улучшить. Я стараюсь научить здѣшнихъ крестьянъ, разговариваю по душѣ съ небольшимъ количествомъ людей за разъ. Мало-по-малу они начинаютъ относиться съ довѣріемъ...

Альваръ не узнавалъ больше своего друга. У него была опасная манія, свойственная большинству дѣловыхъ людей, причислять каждаго человѣка къ опредѣленной категоріи. Люсьена онъ причислялъ къ категоріи вполнѣ безпечныхъ скептиковъ. Онъ не придавалъ никакого значенія возникшему у нихъ политическому спору, потому что вообще мало заботился объ идеяхъ, но онъ чувствовалъ передъ собою новую силу, неожиданную и враждебную. Онъ слукавилъ еще разъ, проговоривъ со смѣхомъ:

— Да ты, чего добраго, способенъ вступить со мною въ состязаніе на слѣдующихъ выборахъ?

— Конечно.

— Вотъ какъ!—проговорилъ Жакъ, на этотъ разъ болѣе заинтересованный, такъ какъ вопросъ касался опредѣленнаго факта, относившагося къ нему лично.

— Ты будешь избавленъ отъ этого труда,—продолжалъ онъ, сохраняя на лицѣ прежнюю улыбку:—буду ли я дѣйствительнымъ, или отставнымъ министромъ,—мнѣ, все равно, не посмѣютъ противопоставить какого-нибудь кандидата. Самыхъ жестокихъ либераловъ, твоихъ друзей, я представлю къ наградамъ, и они сдѣлаются моими прислужниками.

— Нѣтъ,—энергично возразилъ Люсьенъ,—ты перешелъ изъ одного лагеря въ другой, ты измѣнилъ своимъ избирателямъ, ты не можешь больше быть ихъ представителемъ въ палатѣ. За неимѣніемъ другихъ конкуррентовъ, у тебя все-таки одинъ найдется.

— Кто же это такой?

— Я.

— За ученаго двухъ неученыхъ даютъ.

— О! я всегда поступаю открыто. Я совсѣмъ не желаю быть депутатомъ. Въ наше время порядочные люди не добиваются этого званія. Но я помню, что прежде мои предки добросовѣстно управляли этимъ краемъ. Мое имя и даже мои собственные интересы дѣлаютъ меня однимъ изъ его естественныхъ представителей, о которыхъ я только-что тебѣ говорилъ. Я не могу этого забыть...

— Однако, въ Парижѣ ты объ этомъ не помнилъ.

— Я былъ неправъ и теперь измѣнился. Ты не можешь понять духа родины, ты, случайно попавшій въ этотъ край. Когда я пріѣхалъ сюда,—ты назвалъ меня чужимъ; я возвращаю тебѣ это названіе,—тебѣ, ничѣмъ не связанному съ этимъ краемъ и не съумѣвшему управлять здѣшнимъ довѣрчивымъ и мирнымъ народомъ. Я считаю, что твоя дѣятельность принесла ему несчастіе, и поэтому долженъ бороться противъ нея.

Сдѣлавъ это заявленіе, Люсьенъ сталъ любезнѣе и, стараясь смягчить непріятное впечатлѣніе, произведенное его словами на Жака, пригласилъ пріятеля въ столовую и сдѣлалъ видъ, что интересуется, несмотря на все, его дѣятельностью въ министерствѣ. Къ Альвару скоро вернулось хорошее расположеніе духа. Другой на его мѣстѣ, даже менѣе умный, отдалъ бы себѣ отчетъ въ умственной работѣ, совершившейся за послѣднее время въ Люсьенѣ Галандѣ, но Жакъ задумался только на минуту, и тотчасъ же рѣшилъ, что Люсьенъ, какимъ онъ его зналъ до тѣхъ поръ, никакъ не могъ быть для него соперникомъ.

Онъ ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ. Люсьенъ поглядывалъ на него съ любопытствомъ, какъ бы все еще изучая его, и подливалъ ему вкуснаго и крѣпкаго вина. За дессертомъ Жакъ,

отославшій свой экипажъ, освѣдомился о росписаніи часовъ отхода пароходовъ.

— Въ Аннеси или въ Таллуаръ?—спросилъ Люсьенъ.

— О! конечно, въ Аннеси. Съ Таллуаромъ уже покончено.

И онъ улыбнулся весьма многозначительно. А потомъ пустился въ циничныя откровенности, всегда такъ непріятно смущавшія Люсьена.

— Графиня Феррези стала невыносима своею навязчивостью,—говорилъ онъ.—Я отослалъ ее изъ Парижа, обѣщая пріѣхать къ ней въ Таллуаръ, въ ея сельское уединеніе. И въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ. Теперь она свободна. Бѣдная женщина! Господи! Какъ тяжело быть слишкомъ любимымъ и какую скуку распространяютъ вокругъ себя сентиментальныя особы! Представь себѣ, она забрала себѣ въ голову выйти за меня замужъ.

— Это вполнѣ естественно.

— Ты находишь? Но что же бы я этимъ пріобрѣлъ, скажи пожалуйста? Очевидно, ничего новаго, хотя она и бываетъ пріятна, когда изливаетъ свой любовный пылъ...

И онъ улыбнулся, вспоминая прошлую ночь. У него хватило утонченной жестокости—объявить своей любовницѣ объ окончательномъ разрывѣ только утромъ.

— Что касается состоянія,—продолжалъ онъ,—то этотъ негодяй, мужъ ея, совершенно ее разорилъ.

— Въ такомъ случаѣ ты не можешь ее бросить.

— Ахъ, она имѣетъ на что жить. На это ей какъ разъ хватитъ. Но жениться можно только на богатыхъ. Черезъ недѣлю и бѣдныя становятся совершенно такъ же требовательны. Я не хочу быть въ числѣ депутатовъ, обѣдающихъ въ буфетѣ и утаскивающихъ изъ уборной палаты полотенца для пополненія собственнаго бѣлья. Когда-нибудь я откажусь отъ министерства, но никогда не откажусь отъ образа жизни министра.

Благодаря жизни въ Парижѣ, Альваръ, дѣятельный, сильный и энергичный, очень легко превратился въ прожигателя жизни. Онъ хотѣлъ удовлетворять одновременно и свое самолюбіе, и жажду наслажденій. Казалось, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ созданъ для того, чтобы властвовать и надъ женщинами, и надъ мужчинами.

Безъ всякаго перехода онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Ты долженъ помочь мнѣ сблизиться съ Меранами.

Люсьенъ насторожился.

„Такъ вотъ оно что!—подумалъ онъ.—Онъ приходитъ всегда

съ какою-нибудь цѣлью, и, конечно, не явился бы ко мнѣ понапрасну. Для какого еще темнаго дѣла понадобилась ему помощь Мерановъ? Онъ только-что говорилъ о женитьбѣ и даже не вспомнилъ, что былъ женатъ на Анни".

— Я думалъ, что ты остался съ ними въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ,—отвѣтилъ онъ Жаку не безъ ироніи.

— Нѣтъ,—возразилъ тотъ.—Произошло нѣкоторое охлажденіе. Съ тобою я вполнѣ откровененъ. Недаромъ же мы дружны двадцать лѣтъ. Г-жа Меранъ всегда благосклонна ко мнѣ и даже роняетъ слезу. Ей льститъ, что у нея зять—министръ. Еслибы вопросъ былъ только въ ней, то все было бы отлично. Но мужъ ея поглядываетъ на меня недовѣрчиво и только изрѣдка удостоиваетъ какой-нибудь ледяной фразой. А онъ очень измѣнился: похудѣлъ и посѣдѣлъ. Совсѣмъ сталъ старикомъ. Вчера я былъ у нихъ, отвозилъ цвѣты на могилу Анни.

— По дорогѣ въ Таллуаръ?

— Да, по дорогѣ въ Таллуаръ.

Онъ даже не замѣтилъ, что своимъ вопросомъ Люсьенъ подчеркнулъ все неприличіе его поступка.

— Я каждый мѣсяцъ посылалъ цвѣты. Я былъ корректенъ...

Онъ говорилъ о своей корректности относительно этой бѣдной кроткой Анни, умершей отъ недостатка любви!

— Да, Меранъ выказываетъ мнѣ антипатію, въ которой нельзя ошибиться,—продолжалъ онъ.—Тебя онъ очень уважаетъ. Поговори ему обо мнѣ. Мы не принадлежимъ къ одной и той же политической партіи, но мы съ тобой старые пріятели, старые друзья.

— У г-на Мерана собственныя мнѣнія, и чужихъ мнѣній онъ не принимаетъ, какъ относительно людей, такъ и относительно теорій.

— Нѣтъ, ты долженъ съ нимъ поговорить. Можно уважать человѣка и не раздѣляя его идей. Мнѣ тридцать-четыре года и я—министръ. Это случай довольно рѣдкій.

— Да зачѣмъ, наконецъ, тебѣ понадобилось, чтобы я тебя хвалилъ?

— А! дѣло вотъ въ чемъ.—И не скрываясь болѣе, онъ прибавилъ:—Знаешь, Жанна Меранъ очень похорошѣла.

При этомъ имени кровь прилила къ лицу Люсьена. Альваръ, занятый исключительно развитіемъ своего плана, не замѣтилъ этого. Галанду казалось, что ему вдругъ стала угрожать большая опасность, а Жакъ между тѣмъ продолжалъ:

— Эта дѣвочка очаровательна. Въ ней есть ловкость и не-

принужденность. Она очень годится для пріемовъ. Кто знаетъ? Съ теченіемъ времени... Мнѣ нужно будетъ завести свое гнѣздо. Когда имѣлъ несчастіе потерять первую жену, то кажется, что совершаешь меньшую измѣну, женясь на ея сестрѣ.

Враждебное или, во всякомъ случаѣ, равнодушное отношеніе Люсьена Галанда, почувствовавшееся въ его первыхъ отвѣтахъ, заставляло Жака дѣлать неловкости. Онъ старался прикрыть свой обыкновенный цинизмъ банальными фразами, которыя самъ презиралъ и неудачность которыхъ чувствовалъ по мѣрѣ того, какъ произносилъ ихъ.

Что касается Люсьена, то ему очень хотѣлось прервать болтовню своего гостя слѣдующей правдивой фразой:

— Да, у этой дѣвочки будетъ вдвое больше денегъ, тѣмъ у ея сестры.

Но онъ такъ и не выговорилъ этихъ словъ. Цѣль Жака была для него ясна, какъ день: побороть съ его помощью несогласіе Мерана (да и недолго вѣроятно оставалось старику-отцу, совсѣмъ больному послѣ смерти старшей дочери, защищать меньшую) и вновь парадировать передъ довѣрчивой г-жею Меранъ, совершенно ослѣпленною величіемъ государственнаго человѣка, и передъ Жанной, которую, можетъ быть, такъ же легко было плѣнить, какъ и бѣдную Анни. Жанна, единственная наслѣдница одного изъ богатѣйшихъ земельныхъ владѣній Савойи, была завидной партіей даже для министра, тѣмъ болѣе такого министра, которому въ скоромъ времени предстояло лишиться своего поста.

„Но я никогда этого не допущу,—думалъ молодой человѣкъ. —Это была бы такая гнусность".

Онъ не спрашивалъ себя, по какому праву онъ сталъ бы вмѣшиваться въ это дѣло,—онъ поступалъ подъ вліяніемъ внезапнаго негодованія, причины котораго ему некогда было выискивать. Въ вискахъ у него стучало и кровь приливала къ сердцу. Но онъ все еще молчалъ, а Жакъ все настаивалъ, чтобы заручиться его содѣйствіемъ передъ Мераномъ.

— Время еще терпитъ,—говорилъ онъ:—это вѣдь планъ на долгій срокъ. Ты понимаешь, что я не могу думать о женитьбѣ до истеченія годового траура. Но все-таки надо подготовлять почву. Къ Жаннѣ всѣ будутъ свататься, благодаря ея состоянію. Состояніе играетъ такую роль въ современныхъ бракахъ...

И онъ продолжалъ говорить, произнося одну за другой округленныя фразы, въ которыхъ то-и-дѣло упоминались и его „старое горе", и его „новая надежда".

Вдругъ Люсьенъ всталъ и прервалъ его:

— Послушай, мой милый, то, чтò я имѣю сказать тебѣ— коротко и ясно. Не только я не употреблю своего вліянія на Мерана, чтобы вернуть тебѣ его расположеніе, но и клянусь тебѣ, что еслибы у тебя когда-нибудь хватило дерзости просить руки Жанны Меранъ и ея отецъ отдалъ бы ее тебѣ по какой-то преступной слабости,—чего, впрочемъ, нечего опасаться,—то я сообщилъ бы ей, кто ты такой и какова твоя жизнь.

Жакъ нахально вскинулъ монокль и посмотрѣлъ на Люсьена.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ!

— О, нѣтъ! Ты меня уже впуталъ одинъ разъ въ свои интриги, и я не могъ не знать, какъ страдала г-жа Альваръ. На этотъ разъ я не сдѣлаюсь твоимъ сообщникомъ. Кстати, бросимъ это смѣшное обращеніе на „ты“, такъ дико звучащее со стороны людей, не имѣющихъ ни одной общей мысли и ни одного общаго чувства!..

Жакъ поднялся. Они стояли другъ противъ друга.

— Ага! ты самъ увиваешься за этой молодой дѣвицей!— проговорилъ Альваръ, хихикая.—Ты бы меня предупредилъ. Значитъ, ты пронюхалъ про приданое и, упустивъ первую сестру, прицѣливаешься во второй.

Люсьенъ позвонилъ лакею и проговорилъ совершенно просто:

— Пароходъ скоро отойдетъ, пора идти.

Но къ Жаку уже вернулась его самоувѣренность, и онъ продолжалъ:

— Женясь на младшей, ты хочешь вознаградить себя за пренебреженіе, оказанное тебѣ старшей. Мы еще посмотримъ, другъ мой. А сообщилъ ли ты своей дѣвчонкѣ о томъ, какъ ухаживалъ за моей женой? Ты думалъ, что я ничего не видѣлъ? Мы вмѣстѣ съ нею смѣялись надъ тобою...

Въ дверяхъ показался лакей. Люсьенъ сдѣлалъ движеніе рукою:

— Проводите.

И новые враги обмѣнялись послѣднимъ поклономъ.

Оставшись одинъ, Люсьенъ Галандъ долго расхаживалъ по большой гостиной. Ему вспоминались и безпокоили его не послѣднія слова Жака, относившіяся къ Анни.

Въ этихъ словахъ была такая грубая ложь, что онъ совершенно не вѣрилъ имъ. Но, задавая себѣ вопросъ, за чтò собственно онъ такъ рѣшительно выпроводилъ своего бывшаго друга, Люсьенъ начиналъ ясно видѣть глубину собственнаго сердца.

Одна мысль, что Жакъ Альваръ могъ когда-нибудь жениться на Жаннѣ Меранъ, совершенно перевернула его.

„Такъ я люблю ее? — повторялъ онъ мысленно. — Люблю до такой степени, что возможность увидать ее женой другого для меня невыносима? Сознаніе этой любви должно было бы радовать меня, какъ возвратъ моей молодости, но къ этому аромату примѣшивается какъ будто запахъ пепла. Мое чувство похоже на цвѣтокъ, выросшій на могилѣ. Въ этихъ цвѣтахъ всегда есть что-то грустное, точно воспоминаніе объ ихъ родинѣ. Только полъ-года прошло со смерти Анни, но, вспоминая о ней, я не испытываю горечи, свойственной чувству людей, жалѣющихъ о погибшей любви"...

Ему вспомнилась послѣдняя прогулка по озеру, когда молодая женщина уклонилась отъ проявленій его любви, чтобы отдать это чувство той, которую теперь, быть можетъ, онъ уже любилъ.

„Не она ли сама этого хотѣла?" —думалъ онъ.

Весь взволнованный сошелъ онъ въ паркъ. Медленно спускался вечеръ. Черезъ нѣкоторые промежутки времени, почти опредѣленные, въ воздухѣ проносилось свѣжее дуновеніе. Онъ пошелъ черезъ поля и виноградники. Зеленые всходы, сочная трава и цвѣтущія фруктовыя деревья свидѣтельствовали о плодородіи земли.

Онъ остановился на минуту, чтобы полюбоваться на всю эту роскошную растительность, возбуждавшую самыя радостныя надежды на урожай, а потомъ направился къ горѣ по опушкѣ лѣса. Тамъ два старые дуба вздымали высоко къ небу свои узловатые стволы и могучія вѣтви. Они примѣшивали къ весенней зелени свои мѣдные и ржавые тона: молодые листья развертывались, а прошлогодніе еще не опали.

„Такъ и въ нашей душѣ, — подумалъ Люсьенъ, — новыя чувства зацвѣтаютъ, не дожидаясь, чтобы умерли старыя".

Онъ думалъ о Жаннѣ Меранъ.

Вокругъ него вся природа дышала весною. Жизнь ликовала и въ каждой маленькой травкѣ, и въ каждой вѣткѣ старыхъ каштановъ. Онъ дошелъ до мраморнаго памятника, наполовину скрытаго рядомъ кипарисовъ съ вершинами, напоминавшими черныя копья. Тамъ ему хотѣлось сосредоточиться въ тишинѣ, но немолчные звуки пробуждавшейся земли доходили до мавзолея, и въ его сердцѣ раздавалась та же пѣсня жизни, звучавшая во всей природѣ, только у него къ ней присоединялась страстная тоска желанія. Онъ страдалъ отъ своего безцѣльнаго одиноче-

ства, не могъ больше жить безъ любви. Всѣми силами души, всѣмъ своимъ существомъ жаждалъ онъ прочной, глубокой привязанности. Она одна могла создать ему мирную и осмысленную семейную жизнь. Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ жить на родинѣ, возстановить свое помѣстье, помогать и учить простой народъ. А потомъ научить и дѣтей своихъ любить родину и такимъ образомъ создать себѣ прекрасную жизнь, полную значенія и смысла.

Люсьенъ невольно улыбался, думая обо всемъ этомъ. Въ сердцѣ его царилъ образъ Жанны. Онъ зналъ, что она его любила. Анни сказала ему объ этомъ, и многіе признаки подтверждали слова умершей. Его и покорила мало-по-малу эта безмолвная любовь,—любовь, заставляющая любить всякаго, кто становится ея предметомъ. Въ его чувствахъ появилась какая-то свѣжесть, придававшая имъ особенную прелесть. Отъ прошлаго въ его душѣ не осталось никакой горечи, какая бываетъ у людей, слишкомъ знакомыхъ съ удовольствіями, и къ нѣжности которыхъ всегда примѣшивается острый ароматъ увядшихъ предметовъ и чувствъ. Воспоминаніе объ Анни было ему даже пріятно. По какому-то таинственному закону, мы скорѣе забываемъ женщинъ, которыхъ любили, не обладая ими. Ихъ образъ скоро затуманивается и совсѣмъ исчезаетъ изъ нашей памяти, не причиняя намъ особеннаго страданія. Любовь, остававшаяся только мечтою, не оставляетъ по себѣ слишкомъ глубокихъ слѣдовъ.

Когда солнце стало садиться, Люсьенъ вернулся въ зàмокъ. Онъ весело шелъ вдоль лужаекъ. При вечернемъ освѣщеніи красота природы казалась особенно яркою. Онъ глазами воспринималъ въ себя всю эту красоту и впивалъ прохладный вѣтерокъ, доносившійся съ полей. Онъ положилъ руку на грудь, расширявшуюся отъ весеннихъ чувствъ, но все-таки она казалась ему слишкомъ тѣсной, чтобы вмѣстить ожидавшее его счастье.

VIII.

Люсьена Галанда ввели въ кабинетъ Мерана.

— Я вижу, что она отказала...—прошепталъ молодой человѣкъ, взглянувъ на печальное лицо хозяина.

Наканунѣ онъ просилъ руки Жанны. Это случилось черезъ мѣсяцъ послѣ его ссоры съ Жакомъ Альваромъ. Его предложеніе растрогало и обрадовало Мерана.

— Я давно ждалъ васъ,—сказалъ онъ.—И ужъ потерялъ всякую надежду. Какъ только вы вернулись на родину, господинъ Люсьенъ, такъ я сразу сталъ смотрѣть на васъ какъ на сына. Вамъ извѣстна моя симпатія къ вамъ. Я знаю, что моя дочь будетъ счастлива. Она одна у меня осталась. Нужно, чтобы она была счастлива за двухъ, за себя и за мою бѣдную Анни... Приходите завтра. Я предупрежу г-жу Меранъ и поговорю съ Жанной.

Люсьенъ помнилъ нѣкоторые выразительные и многозначительные взгляды и движенія Жанны. Ему вспоминались розы изъ Авюлли, которыя она унесла съ собою. Онъ надѣялся и былъ спокоенъ. Но, увидавъ опечаленное лицо Мерана, онъ понялъ все и почувствовалъ глубокое огорченіе.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ Меранъ, взявъ его за руку.—Я объявилъ ей вчера вечеромъ радостную новость, заранѣе предвкушая ея удивленіе и удовольствіе. Въ моемъ домѣ нѣтъ больше радости; я думалъ, что вчера она должна была снова расцвѣсти. Жанна страшно поблѣднѣла, вотъ какъ вы сейчасъ, и отвѣтила мнѣ такъ тихо, что ея мать даже разслышать не могла: „Нѣтъ, нѣтъ. Это невозможно. Я хочу остаться съ вами, мнѣ такъ хорошо здѣсь“... Я настаивалъ; сталъ говорить о томъ, какъ цѣню васъ, какъ это успокоило бы мою старость. Взглянулъ на нее, а у нея въ глазахъ стояли крупныя слезы. Потомъ она убѣжала въ садъ; я пошелъ за нею; она плакала и не хотѣла, чтобъ ее утѣшали...

— А!—произнесъ просто Люсьенъ.

Сердце у него разрывалось, и онъ не находилъ словъ. Онъ смотрѣлъ въ открытое окно на розовые кусты, такъ любимые г-жею Меранъ, но не видѣлъ ихъ. Онъ думалъ о томъ, какое странное сердце бываетъ у молодыхъ дѣвушекъ.

— Но она не думаетъ, что для меня играетъ роль ея состояніе, скажите мнѣ?—робко спросилъ онъ.—Увѣряю васъ, что это заставило меня медлить съ моимъ предложеніемъ.

— Она и не думала объ этомъ, и я также. Нѣтъ, тутъ есть что-то другое, чего мы не знаемъ.

Люсьенъ раздумывалъ. Въ этотъ важный для него часъ онъ былъ увѣренъ, что Меранъ на его сторонѣ, и только старался найти въ своемъ прошломъ причину такого неожиданнаго огорченія.

— Я вспоминаю,—сказалъ онъ,—тотъ вечеръ, когда я сопровождалъ г-жу Альваръ въ прогулкѣ по озеру. M-lle Жанна вдругъ ушла отъ насъ. Ея умиравшая сестра была такъ очаро-

вательна и чиста, что внушала мнѣ безконечное состраданіе. Я предвидѣлъ ея несчастную участь еще до ея замужества. Отъ жалости до нѣжности—одинъ шагъ. Я теперь и самъ не знаю... Ваша дочь Анни сама указала мнѣ въ тотъ вечеръ мое счастье, говоря со мною о Жаннѣ. Скажите это ей. Еслибъ она знала, какъ я ее люблю! Пусть она не ревнуетъ къ этому чувству жалости, хотя бы даже и страстному. Но, можетъ быть, это и не то. Можетъ быть, я и ошибаюсь...

У него промелькнула мысль о Жакѣ Альварѣ. Можетъ быть, продолжая преслѣдовать свою цѣль, онъ подготовилъ себѣ удачу, оклеветавъ своего прежняго друга?

Меранъ сдѣлалъ движеніе, выражавшее усталость.

— Очень можетъ быть, что это и такъ,—сказалъ онъ.— Въ тотъ вечеръ, о которомъ вы говорите, Жанна вернулась вся въ слезахъ. Но если она любитъ, то съумѣетъ забыть.—И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ съ усталой улыбкой:—Молодыя дѣвушки отдаютъ свое сердце на-вѣки. Мы не достаточно объ этомъ думаемъ,—мы, мужчины. Онѣ имѣютъ право быть требовательными. Но Жанна—сильная и добрая. Если вы угадали причину, то она, я думаю, все-таки дастъ согласіе. Но въ самомъ ли дѣлѣ это такъ? Она чувствительна, но не сентиментальна. Она больше понимаетъ жизнь и людей, чѣмъ Анни. Право, я ничего не знаю. Нужно поговорить съ нею.

— Да,—рѣшительно подтвердилъ Люсьенъ.—Я буду защищать мое счастье. Столько забытыхъ нитей привязывало меня къ родинѣ, а теперь мнѣ кажется, что она одна меня здѣсь удерживаетъ. Хотите, я поговорю съ нею?

— Вы найдете ее на кладбищѣ. Она украшаетъ цвѣтами могилу сестры. Г-нъ Альваръ прислалъ намъ для Анни рѣдкихъ цвѣтовъ. Вотъ уже мѣсяцъ какъ онъ посылаетъ цвѣты все чаще и чаще. Онъ пишетъ моей женѣ и Жаннѣ письма почти трогательныя. Я просто не узнаю его.

Люсьенъ Галандъ счелъ бы безчестнымъ съ своей стороны открыть Мерану причину такой перемѣны въ поведеніи его зятя. Но сердце его сжалось при мысли о томъ, съ какой ловкостью Жакъ Альваръ умѣлъ обдѣлывать свои темныя дѣла.

— Ну, идите! — сказалъ Меранъ, вставая, и съ особенной серьезностью, которой въ немъ не замѣчалось до смерти Анни, онъ прибавилъ:

— Ну, Господь съ вами! Дай Богъ вамъ вернуться съ моею дочерью женихомъ и невѣстой...

Жанна Меранъ была одна на ментонскомъ кладбищѣ. Наклонившись надъ могилой Анни, украшенной мраморнымъ ангеломъ, она переплетала сирень съ ирисами. Вся погруженная въ печальныя думы, она ничего не видѣла вокругъ себя: ни горъ, сіявшихъ въ утреннемъ свѣтѣ, ни зеленыхъ лужаекъ, спускавшихся къ неподвижному, какъ сверкающая чаша, озеру. Она не слышала, какъ на дорожкѣ захрустѣлъ песокъ отъ шаговъ Люсьена Галанда, и вздрогнула, услыхавъ, что ее зовутъ.

— Mademoiselle Жанна...

— Это вы!—проговорила она.

Она думала о немъ, а онъ ужъ былъ тутъ. Со вчерашняго дня она не переставала думать о немъ. Укладывая цвѣты, она продолжала думать, совсѣмъ забывъ объ умершей. Такъ какъ оба были очень смущены, то не замѣтили обоюднаго волненія.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ вами,—сказалъ онъ.—Я видѣлъ вашего отца. Онъ и послалъ меня къ вамъ.

Она выронила изъ рукъ ирисы и сирень, какъ когда-то Анни уронила розы, услыхавъ подобныя же слова Жака Альвара. Но быстро овладѣвъ собою, она произнесла твердымъ голосомъ, почти сурово:

— О, это совсѣмъ лишнее! Я знаю, зачѣмъ вы пришли. Я уже передала отцу мой отвѣтъ. Я не хочу выходить замужъ... ни за кого.

И вдругъ смягчившимся голосомъ она прибавила:

— Благодарю васъ, что вы меня выбрали, господинъ Люсьенъ. Мнѣ, право, очень жаль...

Люсьенъ страдалъ, и это страданіе лишало его всякой силы. Онъ всегда съ уваженіемъ относился къ чужимъ чувствамъ, и теперь спрашивалъ себя, не было ли съ его стороны неделикатнымъ настаивать. Она не любила его, и поэтому было безполезно пытаться ее убѣдить. У него явилось желаніе уйти, убѣжать очень далеко, подальше и отъ нея, и отъ этой родины, рѣшительно не дававшей ему счастья. Но его остановило какое-то смутное предчувствіе.

„У нея есть тайна,—подумалъ онъ.—Я долженъ ее узнать, даже если она окажется для меня мучительною. Прежде она бывала со мною откровенна“.

Но ему пришлось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы заговорить.

— Послушайте, Жанна,—началъ онъ.—Въ эту минуту вы разбиваете мое счастье, а можетъ быть и свое собственное. О, конечно, вы встрѣтите другихъ мужчинъ, которые съумѣютъ

вамъ больше понравиться, чѣмъ я. У меня нѣтъ больше никакого самомнѣнія. Но только я люблю васъ.

Она опустила голову и молчала. Ее темно-рыжіе волосы засверкали отъ упавшаго на нихъ солнечнаго луча. Казалось, она смотрѣла на цвѣты, разсыпавшіеся по землѣ. Онъ продолжалъ:

— Я ужъ не надѣялся на счастье, Жанна. Очень долго я неправильно понималъ и жизнь, и молодость, и любовь. Но когда я вернулся на родину, гдѣ прожили всѣ мои близкіе, то мнѣ показалось, что я снова нашелъ силу и радость, а благодаря вамъ мнѣ кажется, что я снова нашелъ свое сердце. Вы должны довѣрять этому сердцу, не смущаясь тѣмъ, что̀ было въ немъ до васъ. Я обо всемъ этомъ забылъ, да и не было ничего дурного въ этихъ чувствахъ, только они были слабыя, мимолетныя и прошли. Теперь остались только вы одна. И ужъ это на-вѣки. Если бы вы только захотѣли, то вся моя жизнь преобразилась бы, а вашу жизнь я сдѣлалъ бы совершенно ясной и радостной. Я сталъ молодъ съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ васъ,—такъ молодъ, что не узнаю самъ себя. У меня явилось столько надеждъ! Еслибъ только вы захотѣли!.. Но если вы не хотите, я уѣду. Я не буду въ состояніи васъ видѣть. Скажите слово. Я поступлю такъ, какъ вы рѣшите. Но только я люблю васъ.

— Нѣтъ, вы меня не любите,—проговорила молодая дѣвушка тихо и по прежнему сурово.—Вы сами это знаете. И вамъ не слѣдовало бы произносить эти слова здѣсь. Это не хорошо.

Только тогда Люсьенъ замѣтилъ, что могила Анни была тутъ, у ихъ ногъ. Увлеченный любовью, онъ видѣлъ только одну Жанну. Въ самомъ дѣлѣ, онъ выбралъ странное мѣсто для любовныхъ признаній. Едва прошло восемь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ похоронили молодую женщину, а уже въ сердцахъ любившихъ ее людей выросли, какъ новые цвѣты, новыя чувства. Жанна упрекала его за такую способность забывать. Вѣроятно, она думала, что и ее онъ такъ же скоро забудетъ. Неужели эта вѣчность, которую мы, любя, сулимъ на словахъ, продолжается всего какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ?

Думая обо всемъ этомъ, онъ молчалъ. Тишина мирнаго сельскаго кладбища нарушалась только жужжаньемъ насѣкомыхъ, толпившихся въ ясномъ воздухѣ, тѣмъ особеннымъ легкимъ гуломъ, полнымъ жизни и предвѣщающимъ жаркую погоду.

— Жанна,—сказалъ, наконецъ, Люсьенъ, прерывая молчаніе, становившееся тягостнымъ для нихъ обоихъ.—Еслибъ та, которая спитъ здѣсь подъ землею, могла встать изъ могилы, то

стала бы умолять васъ вмѣстѣ со мною. Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее тогда, на озерѣ,—вы помните, Жанна? Вы не захотѣли ѣхать съ нами. Она говорила мнѣ о васъ, хотѣла, чтобъ я полюбилъ васъ. Ея желаніе исполнилось, но только на горе мнѣ. Въ то время, правда, я еще не думалъ о васъ, какъ влюбленный. Вы можете заглянуть въ мое сердце. Въ немъ много слабостей, но въ немъ нѣтъ лжи. Я угадалъ всю ея страдальческую жизнь, всѣ ея разочарованія. Ея мученія вызывали во мнѣ страстную жалость. Когда-то моя мать вообразила, что Анни будетъ моею женой. Меня захватывали нѣжныя воспоминанія дѣтства. Жанна, я даже не увѣренъ, что это была любовь. Я никогда не былъ увѣренъ. Я не могу этого хорошенько объяснить. Любить значитъ желать, стремиться брать и давать взамѣнъ, взять чужую жизнь и отдать свою. Когда я бывалъ съ нею, то ничего не хотѣлъ, кромѣ только того, чтобы въ глазахъ ея появилось выраженіе счастья, а на блѣдныхъ щекахъ здоровый румянецъ. Но для себя лично я ничего не хотѣлъ...

И такъ какъ Жанна молчала, то онъ прибавилъ:

— Еслибъ вы только могли полюбить меня,—я сталъ бы умолять васъ не ревновать. Мнѣ уже тридцать слишкомъ лѣтъ. Я знаю цѣну человѣческихъ чувствъ. Вы можете вѣрить мнѣ, когда я говорю вамъ, что мое сердце молодо, что оно еще никогда не билось такъ, какъ теперь. Въ вашемъ присутствіи моего прошедшаго не существуетъ. И если ваша сестра Анни видитъ насъ, то порадуется. Я все сдѣлаю, чтобъ вы были всегда счастливы. Я буду такъ увѣренъ въ нашемъ счастьѣ! Неужели вы не хотите, Жанна? Вы не хотите?..

Голосъ его звучалъ нѣжно и горячо; онъ говорилъ прерывисто, опустивъ глаза въ землю и не глядя на молодую дѣвушку. Такъ какъ она не отвѣчала и не дѣлала даже никакого движенія, то онъ рѣшился уйти. Все было кончено. Онъ не находилъ больше ни одного слова. Онъ сталъ на колѣни на мраморную могильную плиту и въ сильномъ волненіи взялъ Жанну за руку.

— Такъ какъ вы не хотите, то прощайте, Жанна. Я ухожу,—проговорилъ онъ и всталъ, чтобы идти. Въ послѣдній разъ онъ взглянулъ на нее и увидалъ, что она вся въ слезахъ и смотритъ на него нѣжно и такимъ измученнымъ взглядомъ, что онъ опять взялъ ее за руку.

— Вы любите меня, Жанна, и даете мнѣ уйти?!

Она рыдала въ его объятіяхъ и не въ силахъ была говорить, а онъ повторялъ, весь охваченный сладкой надеждой:

— Я люблю тебя, тебя одну!

Овладѣвъ собою, она прошептала:

— Я не хочу, не хочу!.. Если бъ вы знали!..

Онъ сталъ серьезно умолять ее:

— Жанна, вы должны мнѣ все сказать. Нельзя же, чтобы какая-то тайна разрушила наше счастье.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу сказать!

— Ну, хотите, я васъ буду спрашивать? Отвѣчайте мнѣ. Вы вѣрите, что я люблю васъ?

Она наклонила голову.

— А вы, Жанна, любите меня?

Она улыбнулась сквозь слезы, и въ этой улыбкѣ сказалась ея давнишняя любовь.

— Значитъ, вы не хотите изъ-за Анни?

— Да,—очень быстро отвѣчала она,—только это не то, что̀ вы думаете.

Онъ изумился.

— Васъ не мучитъ моя дружба съ нею, не правда ли? Тогда что̀ же? Я не могу догадаться.

Жанна не плакала больше. Она раздумывала.

— Я не смѣю,—проговорила она, наконецъ.—Я была виновата передъ Анни. Я не заслуживаю счастья, а потому и не хочу его.

Онъ старался понять ея слова, держа въ своихъ рукахъ руки молодой дѣвушки.

— Жанна, я увѣренъ въ васъ,—наконецъ, сказалъ онъ.— Вы придумываете себѣ какіе-то несуществующіе упреки. Подумайте, вѣдь не могутъ же какіе-то злые миражи служить препятствіемъ нашему счастью!

Она отняла у него руку и оперлась на мраморный памятникъ.

— Ну хорошо,—проговорила она.—Я вамъ все открою. Вы мнѣ простите. У меня больше не хватаетъ силъ быть несчастной.

— О! я все вамъ заранѣе прощаю.

Они улыбнулись другъ другу, потому что обоимъ начиналъ мерещиться въ будущемъ какой-то радостный свѣтъ. Но она все еще колебалась.

— Это не такъ легко разсказать,—сказала она съ немного насмѣшливымъ выраженіемъ, придававшимъ ея лицу веселую бодрость и составлявшимъ его особенную прелесть.

— Вы помните графиню Феррези?—продолжала она, краснѣя. —До свадьбы сестры мнѣ показалось, что у этой женщины съ Жакомъ Альваромъ дѣло что-то не совсѣмъ... чисто. Они со мною не стѣснялись; я вѣдь казалась всѣмъ такимъ ребенкомъ!

А ужъ я понимала тогда, чтò значитъ любовь. Вы находите меня нескромной?.. Анни ничего не замѣчала. Она жила своими мечтами. Я хотѣла ее предупредить. Но мнѣ страшно было причинить ей боль. Одинъ разъ вечеромъ, въ день выборовъ, я ужъ начала ей говорить, а вы какъ разъ въ эту минуту и пріѣхали. Потомъ я убѣдилась, что должна была ей все это разсказать. Эта женщина заставила ее такъ мучиться!.. О! этотъ Жакъ! Я его уже тогда ненавидѣла! почти такъ же, какъ теперь.

— Это отъ него?—спросилъ Люсьенъ, указывая на лежавшіе на землѣ цвѣты.

— Нѣтъ; его цвѣты я выбрасываю. Только никому не говорю объ этомъ. Его противныя, лицемѣрныя письма тоже выбрасываю... Однако я еще не дошла до самаго мучительнаго...

Она вздохнула и смѣло докончила:

— Еслибъ я предупредила Анни, то она, конечно, не захотѣла бы выйти за Жака. Тогда вы бы ее полюбили. На меня вы тогда и не смотрѣли. А мнѣ это было бы такъ мучительно! И если я промолчала, то потому вѣроятно, что думала о васъ. Теперь вы понимаете?.. Мнѣ страшно,—ахъ, какъ мнѣ страшно! Вы мнѣ предлагаете счастье Анни!.. Вы сами теперь видите, что я не могу...

Она опять разрыдалась. Онъ обнялъ ее и прижалъ ея голову къ своей груди.

— Не бойтесь, Жанна,—сказалъ онъ.—Анни любила разъ въ жизни, и вы знаете, что не меня. Я люблю васъ; а за то, что у васъ такая чуткая совѣсть,—люблю еще больше.

Держа въ своихъ объятіяхъ одѣтую въ трауръ, плачущую и влюбленную Жанну, Люсьенъ думалъ о томъ, что на этомъ кладбищѣ, залитомъ солнцемъ, они вдвоемъ представляли собою символъ жизни. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ зарождались необъятныя надежды: смерти не было,—онъ могъ продолжать жить въ своихъ потомкахъ, передавая факелъ жизни другимъ. И вмѣстѣ съ этой радостью сердце его наполнялось чувствомъ нѣжности къ этой милой, смѣлой дѣвушкѣ, ввѣрявшей ему свою жизнь.

— Жанна, не плачьте же больше!..

Она подняла голову. Она не плакала, только на рѣсницахъ еще дрожали слезы. Она съ улыбкой взглянула на него, и такъ какъ въ эту минуту по щекѣ ея скатилась послѣдняя слезинка, то она проговорила:

— Это уже отъ радости.

Когда они подошли къ концу аллеи, — ихъ замѣтили Меранъ и его жена.

— Какъ хорошо! Вотъ это такъ хорошо!—произнесла послѣдняя одобрительно.

Она была вся красная, такъ какъ все утро возилась съ луковицами гіацинтовъ и тюльпановъ и пересаживала осенніе цвѣты. Теперь она отдыхала, срѣзая розы, предназначавшіяся для гостиной.

Меранъ, сдѣлавшійся болѣе чувствительнымъ послѣ смерти Анни, совсѣмъ растрогался.

— Ты только взгляни на нихъ! Онъ выше ея ростомъ и брюнетъ, а она—блондинка. Что за красивая парочка!

— Да, очень! —подтвердила г-жа Меранъ, не поднимая глазъ, и съ рѣзкимъ звукомъ срѣзала сухую вѣточку.

Между тѣмъ Люсьенъ, проходя черезъ великолѣпное помѣстье Merановъ, сказалъ своей невѣстѣ:

— Вы знаете, Жанна,—Авюлли вѣдь это все, что̀ я имѣю.

Она остановилась.

— Не будемъ никогда говорить объ этихъ вещахъ,—сказала она.—Анни говорила, что богатство—это лишняя возможность дѣлать добро.

Когда они подошли совсѣмъ близко, то г-жа Меранъ направилась къ молодому человѣку, не выражая никакого удивленія и не выпуская изъ рукъ своихъ садовыхъ ножницъ.

— А! господинъ Галандъ,—сказала она.—Я всегда думала, что вы женитесь на одной изъ моихъ дочерей.

Меранъ пожалъ Люсьену руку, и въ его глазахъ отразилась вся его симпатія.

— Теперь мнѣ и старость не страшна,—проговорилъ онъ. —Вы, молодые, поддержите меня.

— Да,—отвѣчалъ Люсьенъ,—я чувствую, что молодъ и что счастье—предо мною.

— И всѣмъ этимъ вы обязаны родинѣ,—серьезно сказалъ старикъ. — Помните вы легенду о великанѣ-Антеѣ, сынѣ Неба и Земли? Онъ боролся съ Геркулесомъ. Каждый разъ, когда онъ прикасался къ своей матери, Землѣ, онъ чувствовалъ, что силы его возобновляются. Со всѣми людьми бываетъ то же самое. Возвращаясь на родину, они вновь пріобрѣтаютъ сокровища прошлаго и вѣру въ будущее. Они находятъ на родинѣ духъ предковъ и начинаютъ понимать, что всякое прочное дѣло превосходитъ жизнь одного человѣка...

П. С.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

и

ЕГО РАЗСКАЗЫ

Немногіе писатели такъ быстро пріобрѣтали литературную извѣстность, какъ Максимъ Горькій. Въ промежутокъ менѣе десяти лѣтъ онъ уже имѣлъ обширный кругъ не только читателей, но и почитателей, выпустилъ нѣсколько изданій своихъ сочиненій, и въ журнальной литературѣ занялъ опредѣленное и устойчивое положеніе... На довольно уныломъ полѣ современной беллетристики появленіе такого писателя было очень кстати, и неудивительно, что критика встрѣтила его болѣе чѣмъ благосклонно, сразу отмѣтила въ немъ художника съ „темпераментомъ“ и извѣстнаго рода идейностью и сдѣлала даже рядъ попытокъ вознести писателя на высоту, еще, быть можетъ, далеко имъ не заслуженную...

Полныя собранія сочиненій писателя представляютъ то удобство, что они облегчаютъ знакомство читателя съ общимъ складомъ его творческаго облика, позволяютъ сопоставить, сравнить одно съ другимъ,—вообще, войти въ его настроеніе и, благодаря этому, достичь извѣстной полноты представленія. При сужденіи о М. Горькомъ это обстоятельство пріобрѣтаетъ особое значеніе: его разсказы настолько разнообразны и по сюжетамъ, и по характеру творчества, что судить о нихъ по отдѣльнымъ произведеніямъ, разбросаннымъ въ разное время въ журналахъ, было бы рѣшительно невозможно. Воспользуемся, поэтому, послѣднимъ изданіемъ его сочиненій и попытаемся опредѣлить основ-

ныя черты его творческой физіономіи, въ связи съ тѣми условіями, которыя подготовили и содѣйствовали огромному росту его популярности въ русской читающей публикѣ.

I.

Содержаніе разсказовъ М. Горькаго чрезвычайно разнообразно. Въ одномъ изъ нихъ, предъ читателемъ цыганскій таборъ, съ его поэзіей южныхъ ночей и задумчивыхъ пѣсенъ; своеобразные взгляды, дикая удаль, презрѣніе къ жизни,—все это очерчено, можетъ быть, нѣсколько аффектированно, но во всякомъ случаѣ сочно и сильно. Въ другомъ—такъ и встаетъ кипучая жизнь черноморской гавани, съ лѣсомъ мачтъ, клубами пароходнаго дыма, шумомъ разноголосной толпы; на этомъ фонѣ эффектно выдѣляется одна или нѣсколько фигуръ, раскрывающихъ свой сложный внутренній міръ съ загадочными противорѣчіями, особенными интересами и необычной житейской философіей. Движутся по Волгѣ плоты, надъ сонной рѣкой медленно ползутъ грузныя тучи, а на плотахъ нѣсколько человѣческихъ жизней приковываютъ къ себѣ вниманіе читателей удивительнымъ смѣшеніемъ радости и скорби, торжества грубой силы надъ высшими порывами просвѣтленнаго страданіемъ духа. Читатель не можетъ не войти въ настроеніе и обстановки, и взаимныхъ отношеній этихъ людей, между которыми судьба такъ неравно подѣлила свои дары, и со страницъ разсказа („На плотахъ") невольно закрадывается къ нему въ душу, вмѣстѣ съ печалью о житейской неправдѣ, и обаяніе свѣжей волжской ночи, полной „запаха весны", возбуждающаго горячее желаніе жить. Все это такъ же свѣжо, какъ сама волжская ночь, все это ново для читателя, которому давно уже пріѣлась и шаблонная поэтизація деревни, и картины городской безурядной сутолоки—избитыя темы послѣднихъ десятилѣтій,—и въ этой свѣжести и новизнѣ кроется прежде всего тайна успѣха писателя. Впечатлѣніе получается тѣмъ сильнѣе, что и разнообразная русская природа, и оригинальные, сильные тѣломъ и духомъ люди—не придуманы имъ въ тишинѣ кабинета, а дѣйствительно взяты изъ той жизни, въ которой росъ и развивался М. Горькій, списаны съ той „натуры", которую онъ исходилъ и извѣдалъ. Въ общемъ біографія (отчасти автобіографія) его извѣстна; она интересна и поучительна. Чего только не испыталъ онъ въ своей многострадальной жизни! „Мальчикъ" въ магазинѣ обуви, поваренокъ на па-

роходѣ, помощникъ садовника, пекарь въ крендельномъ заведеніи, не говоря уже о временномъ обученіи у чертежника и въ иконописной мастерской, да еще о такихъ работахъ, какъ распиливанье дровъ и переноска грузовъ на пристаняхъ: какое разнообразіе спеціальностей и впечатлѣній, ложившихся на воспріимчивую душу юноши, какое разнообразіе людей и опытовъ житейскихъ! Неудивительно, что подобная жизнь привела тонко-наблюдательнаго и вдумчиваго писателя къ ранней и часто слишкомъ горькой ироніи надъ всѣми, такъ называемыми, „проклятыми" вопросами жизни и къ скептическому отношенію къ отвлеченнымъ теоріямъ и догмамъ. По его убѣжденію, „каждый человѣкъ, боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауеръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленная изъ человѣка страданіемъ". И когда такой человѣкъ разсказываетъ о той борьбѣ житейской, въ которой онъ самъ принималъ участіе, и о тѣхъ людяхъ, съ которыми онъ былъ органически связанъ кровными узами нужды, сознанія общей для всѣхъ мачихи—судьбы, онъ встрѣчаетъ вполнѣ понятное и невольное сочувствіе въ читателѣ, который знаетъ, что разсказанное имъ—не только Dichtung, но и Wahrheit, при томъ самая подлинная...

II.

Разсказы М. Горькаго обыкновенно легко читаются, даже когда читаешь ихъ подрядъ въ полномъ собраніи его произведеній. Присущее писателю въ большой мѣрѣ чувство красоты подсказываетъ ему ихъ иногда дѣйствительно блестящую и оригинальную форму. Онъ называетъ себя человѣкомъ, „который немножко поэтъ". Этого мало. Онъ—истинный поэтъ и глубокій знатокъ природы. Онъ выросъ не въ туманной мглѣ, не въ городѣ съ высокими домами и казенными бульварами, гдѣ люди никогда не видятъ, какъ восходитъ и заходитъ солнце,—и въ его творчествѣ отразилось и приволье великой русской рѣки, и просторъ степей, и „улыбки" солнца, и „смѣхъ" моря, и вся дивная гармонія красокъ, звуковъ и запаховъ южныхъ ночей, приближавшая его „къ чему-то великому" и жизнерадостному. Въ твореніяхъ его природа органически слита съ жизнью людской, и выдѣлить ее изъ разсказа такъ же невозможно, какъ невозможно выдѣлить завываній осенняго вѣтра изъ ощущеній голоднаго че-

ловѣка, „однажды осенью“ очутившагося безъ крова и безъ гроша въ карманѣ подъ дождемъ на берегу Волги. У М. Горькаго природа ближе къ человѣку, чѣмъ у Тургенева, напримѣръ, или у Гончарова. Насколько послѣдній подчиняетъ природу человѣческимъ интересамъ, заставляя ее звучать исключительно въ тонъ его господствующему художническому настроенію, настолько первый чувствуетъ себя во власти природы, могучей, вѣчно-прекрасной и вѣчно-равнодушной къ человѣческимъ радостямъ и скорбямъ. У М. Горькаго не то: природа у него вмѣшивается въ людскую жизнь, участвуетъ во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, и характеристика послѣднихъ нечувствительно переходитъ, въ ощущеніяхъ читателя, въ рядъ полу-символическихъ, полу-реальныхъ впечатлѣній той обстановки, въ которой дѣйствуютъ люди. Въ одномъ изъ разсказовъ, далеко не изъ лучшихъ впрочемъ,—въ разсказѣ „Старуха Изергиль“,—авторъ дѣлится своими ощущеніями въ тихій бессарабскій вечеръ. Трудовой день законченъ. Партія молдаванъ, съ которой онъ работалъ на виноградникѣ, только-что отошла. Онъ остался вдвоемъ со старухой Изергиль подъ густой тѣнью виноградныхъ лозъ. Оба они молчали, глядя, какъ таютъ въ глубокой мглѣ ночи и темной зелени листвы силуэты тѣхъ людей, что̀ пошли къ морю.

„Они шли, пѣли и смѣялись; мужчины—бронзовые, съ пышными черными усами и густыми кудрями до плечъ, въ короткихъ курткахъ и широкихъ шароварахъ; женщины и дѣвушки—веселыя, гибкія какъ лозы, съ темно-синими глазами,—тоже бронзовыя... Они уходили все дальше отъ насъ, а ночь и фантазія одѣвали ихъ все прекраснѣй.

„Кто-то игралъ на скрипкѣ... дѣвушка пѣла мягкимъ контральто, слышался смѣхъ... и воображеніе рисовало всѣ звуки гирляндой разноцвѣтныхъ лентъ, рѣявшихъ въ воздухѣ надъ темными фигурами людей, поглощаемыхъ мглой.

„Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ моря и жирными испареніями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождемъ. Еще и теперь по небу бродили обрывки тучъ, пышные, странныхъ очертаній и красокъ, тутъ—мягкіе, какъ клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, тамъ—рѣзкіе, какъ обломки скалъ, матово-черные или коричневые. Между ними ласково блестѣли темно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звѣздъ.

„И все это—звуки и запахи, тучи и люди—было волшебно красиво, но грустно, казалось началомъ чудной сказки. Все было дивно и гармонично, но казалось остановившимся въ своемъ

ростѣ и умирающимъ, такъ какъ мало было шума, живого, нервнаго шума, пылающаго отъ времени все ярче; шумъ же, который былъ,—былъ слабъ, часто прерывался и все гасъ, удаляясь и перерождаясь въ печальные вздохи сожалѣнія о чемъ-то, можетъ быть о счастьѣ, которое такъ неуловимо и случайно.

„Я созерцалъ все это, и во мнѣ рождались фантастическія желанія: хотѣлось превратиться въ пыль и быть разнесеннымъ повсюду вѣтромъ; хотѣлось разлиться теплой рѣкой по степи, вливаться въ море и дышать въ небо опаловымъ туманомъ; хотѣлось наполнить собой весь этотъ чарующе-печальный вечеръ... и было грустно почему-то“...

Этотъ отрывокъ превосходно передаетъ умѣнье М. Горькаго наполнить своимъ настроеніемъ изображаемую природу и заставить ее въ свою очередь разсыпаться жемчугомъ картинныхъ сравненій, живыхъ метафоръ, оригинальныхъ эпитетовъ, проникнуть въ людскую жизнь, смѣшаться съ біеніемъ сердца и борьбой мысли.

А сколько воздуха и свѣта въ разсказѣ „Мальва“, и какъ къ этой воплощенной загадкѣ женскаго сердца, исполненной самыхъ неразрѣшимыхъ противорѣчій, идетъ этотъ „смѣхъ“ и блескъ южнаго моря и весь жизнерадостный пейзажъ пустыннаго берега, залитаго ослѣпительными лучами солнца, усѣяннаго бѣлоснѣжными пятнами истомленныхъ зноемъ чаекъ! „Въ глубокомъ пространствѣ между моремъ и небомъ носился веселый и шумный плескъ волнъ, взбѣгавшихъ одна за другою на пологій берегъ песчаной косы. Этотъ звукъ и блескъ солнца, тысячекратно отраженнаго рябью моря, гармонично сливались въ непрерывное движеніе, полное живой радости. Солнце было счастливо тѣмъ, что свѣтило; море—тѣмъ, что отражало его ликующій свѣтъ“...

Обстановка создана, настроеніе читателя подготовлено. Онъ ждетъ уже съ нетерпѣливымъ сочувствіемъ, что̀ будетъ дальше, какія фигуры появятся и заживутъ, заговорятъ „между моремъ и небомъ“... Еще нѣсколько аккордовъ моря и вѣтра, еще отрывокъ симфоніи природы, и передъ читателемъ выростутъ мощныя фигуры сильныхъ и жизнерадостныхъ людей, живущихъ полною грудью и берущихъ жизнь какъ она есть. Рыбакъ-караульщикъ Василій поджидаетъ свою любовницу Мальву, съ зеленоватыми русалочными глазами, соблазнительно-красивую, безконечно-своенравную и гордую своей независимостью и свободой. Лодка черною точкой мелькаетъ вдали, и Василій улыбается довольной улыбкой: это ѣдетъ Мальва,—думаетъ онъ. Мальва дѣйствительно ѣдетъ, но не одна: съ ней его сынъ, Яковъ, здоро-

венный, красивый парень, оставленный имъ въ деревнѣ лѣтъ пять назадъ. Сердце Василія сжимается,—и вотъ вамъ одна изъ жизненныхъ завязокъ, развивающихся столь часто въ трагедіи и драмы... Что̀ будетъ дальше—разсказывать здѣсь излишне: познакомившись съ этимъ началомъ разсказа, читатель не разстанется съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не дочтетъ до конца, и сочувствіе его съ каждой страницей будетъ все глубже и глубже вникать въ развертывающуюся жизнь.

III.

Но мѣняется обстановка—и мѣняется тонъ разсказа. Рѣчь изъ плавной, музыкально волнующейся прозы переходитъ въ другой тонъ, соотвѣтствующій сюжету. Эта способность владѣть стилемъ, а не подчиняться ему, встрѣчается не у многихъ писателей, и ея нельзя не отмѣтить, говоря о М. Горькомъ. Вотъ, напримѣръ, подвалъ супруговъ Орловыхъ. Онъ такъ изображенъ, какъ только можетъ изобразить его человѣкъ, на себѣ испытавшій всѣ прелести подобныхъ обиталищъ.

„Подвалъ, въ которомъ они помѣщались, представлялъ собою большую, продолговатую, темную комнату со сводчатымъ потолкомъ. Прямо у двери стояла большая русская печь, челомъ къ окнамъ; между нею и стѣной узенькій проходъ велъ въ квадратъ, освѣщенный двумя окнами, выходившими во дворъ. Свѣтъ падалъ изъ нихъ въ подвалъ косыми, мутными полосами, и въ комнатѣ было сыро, глухо и мертво. Жизнь билась гдѣ-то тамъ далеко наверху, а сюда залетали отъ нея только глухіе, неопредѣленные звуки, падавшіе вмѣстѣ съ пылью въ яму къ Орловымъ какими-то безформенными и безцвѣтными хлопьями“.

„Если первую часть описанія можетъ дать любой писатель, изъ любопытства заглядывавшій въ подвалы, то разсказать о звукахъ жизни, падавшихъ сверху *безформенными и безцвѣтными хлопьями*, могъ только М. Горькій, самъ надышавшійся пылью и спертымъ воздухомъ подваловъ, въ родѣ описаннаго, подваловъ, среди которыхъ рождается философія, что не подвалъ, не чердакъ, вообще не квартира—яма, а сама жизнь, со всѣмъ, что̀ въ ней есть для этихъ людей,—яма безъисходная. Въ этомъ-то умѣньѣ нарисовать человѣка въ обстановкѣ, которая сама по себѣ его характеризуетъ, въ большомъ искусствѣ вертѣть стилемъ, какъ выразился бы древне-римскій писатель, и заключается вторая тайна успѣха твореній г. М. Горькаго.

Не менѣе дается нашему писателю и діалогъ. Иногда онъ достигаетъ у него большой законченности и выразительности,— выразительности такой, что, кажется, видишь лицо говорящаго, гримасу, съ которой произнесена та или другая фраза. Крупный капиталъ, которымъ владѣетъ М. Горькій, его богатѣйшій народный языкъ, искрящійся, животрепещущій, помогаетъ ему справляться съ техникой діалога легче, чѣмъ это удается всякому иному. Вотъ, напримѣръ, жестокая сцена избіенія сапожникомъ Орловымъ своей супруги. Читатель присутствуетъ при этой сценѣ со словъ Сеньки Чижика, созерцающаго ее со двора въ окно подвала, гдѣ происходитъ „страженіе".

— „И-ахъ ты! Какъ онъ ее колодкой-то саданулъ!—иллюстрировалъ Чижикъ ходъ событій въ подвалѣ, а собравшаяся вокругъ него публика—портные, судебный разсыльный Левченко, гармонистъ Кисляковъ и другіе любители безплатныхъ развлеченій—то-и-дѣло спрашивали Сеньку, въ нетерпѣніи дергая его за ноги и за штанишки, пропитанныя жирными красками:

— Ну? А теперь что̀? Какъ онъ ее?

— Сидитъ на ней верхомъ и мордой ее въ полъ тычетъ...— докладывалъ Сенька, сладострастно поёживаясь отъ переживаемыхъ имъ впечатлѣній...

Публика тоже наклонялась къ окнамъ Орловыхъ, охваченная горячимъ стремленіемъ самой видѣть всѣ детали боя, и хотя она уже давно знала пріемы Гришки Орлова, употребляемые имъ въ войнѣ съ женой, но все-таки изумлялась:

— Ахъ, дьяволъ! Разбилъ?

— Весь носъ въ кровь... такъ и тикётъ!—захлебываясь, сообщалъ Сенька.

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой!—восклицали женщины.

— Ахъ, извергъ-мучитель!

Мужчины разсуждали болѣе объективно.

— Безпремѣнно онъ ее долженъ до смерти забить...—говорили они.

А гармонистъ тономъ провидца заявлялъ:

— Помяните мое слово—ножомъ распоретъ онъ ее! Устанетъ когда-нибудь возиться вотъ этакимъ манеромъ, да сразу и кончитъ всю музыку!

— Кончилъ!—вскакивая съ земли, въ полголоса сообщалъ Сенька и мячикомъ отлеталъ отъ окна куда-нибудь въ сторону"...

Картина сильная, написанная, не говоря уже о сюжетѣ, ши-

роними, увѣренными мазками. Такъ же написанъ отъ начала до конца превосходный разсказъ, „поэма", какъ его называетъ авторъ, „Двадцать-шесть и одна". Ихъ было двадцать-шесть человѣкъ, двадцать-шесть „живыхъ машинъ", работавшихъ крендели и сушки на содержателя булочной и пекарни. Онъ отвелъ имъ для работы сырой, темный, тѣсный подвалъ, гдѣ было душно, куда никогда не заглядывало солнце. Хозяинъ, „выжига, жуликъ, злодѣй и мучитель", по ихъ опредѣленію, захватилъ все ихъ время, всѣ нервы, всю отзывчивость на запросы жизни, исключая той доли ихъ души, которая искала и находила выраженіе въ пѣснѣ. Но и пѣснѣ было тѣсно въ мастерской: она оживляла сердце „тихой щекочущей болью", билась о камень стѣнъ, стонала и плакала. И нужно было опять-таки самому быть въ числѣ этихъ двадцати-шести, чтобы дать такое до страданія реальное изображеніе жизни въ грязной и душной дырѣ, гдѣ неопрятные и больные люди готовили по ночамъ къ утреннему чаю господъ вкусные крендельки. „Пламя въ печи все трещитъ, все шаркаетъ по кирпичу лопата пекаря, мурлыкаетъ вода въ котлѣ, и отблескъ огня на стѣнѣ все такъ же дрожитъ, безмолвно смѣясь... А мы выпѣваемъ чужими словами свое тупое горе, тяжелую тоску живыхъ людей, лишенныхъ солнца, тоску рабовъ. Такъ-то жили мы, двадцать-шесть, въ подвалѣ большого каменнаго дома, и намъ было до того тяжело жить, точно всѣ три этажа этого дома построены прямо на плечахъ нашихъ"...

Но люди не могутъ жить безъ поклоненія чему бы то ни было. Если нѣтъ въ дѣйствительности ничего достойнаго поклоненія, его нужно выдумать, создать путемъ искусственной идеализаціи, насколько хватитъ фантазіи. Человѣку нуженъ свѣтлый лучъ, огонекъ, къ которому тянулась бы его душа, особенно если она охвачена такимъ непроглядньмъ мракомъ. И такимъ свѣтлымъ лучомъ, озарявшимъ по утрамъ мастерскую, была молоденькая горничная Таня. — „Арестантики! дайте кренделечковъ!"—кричала она имъ по утрамъ, и этого немудренаго привѣта, брошеннаго въ ихъ тюрьму ея звонкимъ, ласковымъ голосомъ, было достаточно, чтобы размягчить эти грубыя сердца, оживить и согрѣть. „Лучше ея—никого не было у насъ, и никто, кромѣ нея, не обращалъ вниманія на насъ, жившихъ въ подвалѣ,—никто, хотя въ домѣ обитали десятки людей".

Это, дѣйствительно, поэма, поэма безпросвѣтной тоски, глухого отчаянія заживо погребенныхъ людей, поэма того обиднаго и жгучаго реализма, на почвѣ котораго разростается судорожная мистика всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Въ ней много

такого, что̀ застилаетъ собой широту размаха писательской кисти и все техническое мастерство, съ которымъ написанъ этотъ разсказъ, и прежде всего—сама жизнь, сама правда, за которую становится больно всякому, кто ее услышалъ... Въ томъ-то и состоитъ величайшая задача искусства, чтобы воспроизвести жизнь такъ, что все вниманіе читателя, со всей силой напряженія, будетъ направлено на то, *что* сказалъ художникъ, не дробясь на техническія мелочи, на то, *какъ* онъ сказалъ это. Послѣднее—дѣло второстепенное, дѣло художественной критики,—пусть она разлагаетъ краски и считаетъ штрихи. Правда, нарисованная М. Горькимъ, какъ всякая правда жизни, срываетъ съ нашей души пышно цвѣтущіе въ ней цвѣты эгоизма, лицемѣрія и фальши, которыми мы прикрываемъ и тѣмъ оправдываемъ свой общественный индифферентизмъ; показываетъ намъ насъ же самихъ, во всей незамаскированной наготѣ нашихъ подлинныхъ душевныхъ стремленій... То—*они*, голодные, измученные, угнетенные, темные, *бывшіе* люди, то—существа, никогда не бывшія людьми, съ камнемъ на душѣ и проклятіемъ на устахъ; а то—*мы*, цари биржъ и банковъ, воротилы чудовищныхъ предпріятій, чиновники въ тысячныхъ кабинетахъ, профессора, врачи, адвокаты, учителя, писатели, мы, интеллигенты,—а всѣ ли мы дѣлаемъ полезное и нужное для строенія благой жизни дѣло, всѣ ли мы—настоящіе люди? Можетъ быть, немногіе дадутъ обстоятельный и искренній отвѣтъ, но за постановку самаго вопроса, завѣщаннаго лучшими творцами родной литературы, большое спасибо М. Горькому: здѣсь онъ стоитъ на вѣрной исторической почвѣ сложной, постепенной и совокупной съ другими умами и талантами выработки общественнаго міросозерцанія, общественныхъ идеаловъ.

IV.

Мы не будемъ разсказывать сюжета поэмы „Двадцать-шесть и одна". Во-первыхъ, его не перескажешь, какъ слѣдуетъ, а во-вторыхъ, намъ важно не то, какъ померкъ этотъ ясный лучъ „арестантиковъ"-пекарей, какъ ихъ божество не устояло, въ свои шестнадцать лѣтъ, передъ соблазнами ловеласа-солдата,—намъ важно то горячее сочувствіе къ участи меньшого брата и состраданіе къ обиженнымъ и угнетеннымъ, которымъ горѣлъ самъ писатель, когда писалъ свою поэму, которымъ загорается сердце читателя, еще не совсѣмъ атрофированное черствостью житейскихъ условностей и яко бы дѣловымъ резонерствомъ. Дѣло,

повторяемъ, не въ сюжетѣ, самомъ по себѣ, конечно, не изъ веселыхъ; видали мы сюжеты почище, присмотрѣлись и къ Танямъ, сотнями переходящимъ изъ объятій разнаго рода мерзавцевъ на панели Невскаго проспекта. А дѣло въ томъ, что солнечные лучи слишкомъ рѣдко заглядываютъ въ наши трущобы, что мракъ ихъ неисчерпаемъ и вѣченъ, что царитъ онъ не только въ подвалахъ и ямахъ, а—что̀ еще того хуже—въ умахъ и душахъ множества людей; дѣло въ томъ, наконецъ, что образъ миловидной Тани очень хорошъ въ поэзіи, какъ символъ, какъ благоухающій цвѣтокъ въ рукѣ умирающаго, а для жизни, для той дѣйствительной, мрачной и душной жизни, которая творится въ тысячахъ угловъ и подваловъ, есть солнечные лучи—символы болѣе дѣйствительные для того, чтобы разогнать этотъ ужасъ тьмы въ созданной для всего свѣтлаго и прекраснаго душѣ человѣческой...

Это не единственная пьеса, гдѣ художникъ страдаетъ за интересы маленькихъ людей, придавленныхъ нуждой и непосильнымъ трудомъ, и критика, вообще весьма благосклонная къ нему, напрасно отводитъ ему совсѣмъ особое мѣсто, внѣ круга писателей, отдавшихъ свою творческую дѣятельность великому завѣту будить добрыя чувства въ людяхъ и призывать милость къ падшимъ. Мы не боимся впасть въ противорѣчіе съ тѣмъ, что̀ намъ придется сказать въ характеристикѣ міросозерцанія типовъ М. Горькаго. Противорѣчіе это, если оно и есть,—не наше, а лежащее въ глубинѣ творческихъ процессовъ самого М. Горькаго; но мы постараемся показать ниже, что собственно противорѣчія здѣсь не существуетъ, а есть лишь одно недоразумѣніе—между тѣмъ, что̀ М. Горькій видитъ въ реализмѣ жизни, какъ художникъ, и тѣмъ, какое теоретическое обоснованіе придаетъ онъ своимъ изображеніямъ. Этотъ разладъ художника и мыслителя ложился на творчество М. Горькаго невѣрными, искусственными штрихами. „Вѣдь ежели я иной разъ обижалъ тебя, — говоритъ Григорій Орловъ, обращаясь къ женѣ,—отъ тоски это, Мотря. Жили въ ямѣ... Свѣту не видѣли, людей почти не знали. Выбрался изъ ямы и прозрѣлъ; вродѣ какъ слѣпой былъ насчетъ жизни"... А кто прозрѣлъ, тотъ не пойдетъ въ босяки, да еще съ ремесломъ въ рукахъ и привычкой къ труду,—въ этомъ случаѣ мы не повѣримъ М. Горькому, обосячившему въ концѣ концовъ Орлова. И насколько искренно и правдиво написанъ весь разсказъ, настолько фальшивъ и слабъ его эпилогъ. Но это мимоходомъ,—весь же разсказъ производитъ теплое, гуманное впечатлѣніе.

Трогательными чертами изображаетъ писатель положеніе бѣд-

наго, всѣми гонимаго, вѣчно оскорбляемаго еврейчика Каина, нисколько не напоминавшаго прозвищемъ своимъ библейскаго патрона; выдающейся чертой его была „боязнь за все и передъ всѣми,—боязнь, черезъ секунду готовая повыситься до ужаса". Въ немъ все трепетало—душа, нервы, взглядъ, даже складки его парусиновой одежды. Этотъ Каинъ явился спасителемъ избитаго до полусмерти силача-босяка Артема, и между ними завязалась дружба, на началахъ покровительства силы уму. „Такъ сначала сильный пожалѣлъ умнаго,—передаетъ М. Горькій одинъ изъ моментовъ ихъ дружбы,—потомъ умъ пожалѣлъ силу, и между двумя собесѣдниками пронеслось нѣкоторое вѣяніе, немного сблизившее ихъ"... „Нѣкоторое вѣяніе"—и того слишкомъ довольно для героевъ кулака и разгула, подобныхъ Артему, чтобы привести ихъ къ необычному для нихъ и евангельски-человѣчному сознанію того, что, молъ, „всѣ мы жиды передъ Господомъ"... Не призывъ ли къ гуманности это?

Еще трогательнѣе та сценка изъ разсказа „Дружки", гдѣ двое безпріютныхъ и голодныхъ бродягъ ведутъ разговоръ относительно подхваченной ими крестьянской лошаденки, которую они собираются угнать на разсвѣтѣ къ татарамъ. Одинъ изъ нихъ сильно боленъ—ему не пережить этой ночи; зовутъ его Уповающимъ, имя товарища — Пляши-нога (мудреныя имена!). Въ лѣсу сыро и холодно; оба грѣются у костра.

„Уповающій смотрѣлъ то на него, то на лошадь, точно окаменѣвшую въ своей понурой позѣ,—то въ небо, уже почти ночное, но безъ звѣздъ.

— Хватится мужикъ лошади,—вдругъ заговорилъ онъ страннымъ голосомъ,—а ее и нѣту... Туда сюда—нѣтъ лошадки!

И Уповающій развелъ руками. Лицо у него было глупое, а глаза такъ часто мигали, точно онъ смотрѣлъ на что-то яркое, вдругъ вспыхнувшее предъ нимъ.

— Это ты къ чему?—сурово спросилъ Пляши-нога.

— Вспомнилъ я одну исторію... — виновато сказалъ Уповающій.

— Какую?

— Да... такъ тутъ... случилось тоже вотъ, что лошадь увели... у моего шабра,—Михайлой его звали... большой такой былъ мужикъ... рябой.

— Ну?

— Ну, и увели. На озимыхъ паслась она и—нѣтъ ея! Такъ онъ, Михайло-то, какъ понялъ, что обезлошадѣлъ, да какъ грох-

нется на-земь, да какъ завоетъ! Ахъ, ты, братецъ ты мой, какъ это онъ завылъ тогда!.. и упалъ... ровно ему ноги переломило.

— Ну?

— Ну... долго онъ этакъ-то...

— А тебѣ чтò?

Уповающій при рѣзкомъ вопросѣ товарища отодвинулся отъ него и робко отвѣтилъ:

— Да я такъ это... вспомнилось... потому что безъ лошади зарѣзъ мужику!

— Вотъ чтò я тебѣ скажу, — строго началъ Пляши-нога, въ упоръ глядя на Уповающаго, — ты это брось. Изъ такого твоего разговора толку не будетъ... Понялъ? Шаберъ, Михайло! Не твое это дѣло.

— Да вѣдь жалко,—возразилъ Уповающій, поводя плечами.

— Жалко? Небойсь, насъ никому не жалко.

— Это чтò говоритъ!..

— Ну, и молчи"...

Но лошадь все-таки отпустили ва волю, а немного спустя Уповающій отдалъ Богу свою грѣшную душу, сдѣлавъ хоть передъ кончиной доброе дѣло. М. Горькій вообще любитъ рисовать сцены смерти, и читатель то-и-дѣло переживаетъ торжественныя минуты прощанія съ жизнью то Игната Гордѣева, то учителя изъ „бывшихъ" людей, то веселаго гармониста или шустраго Сеньки Чижика, которыхъ „скрючило" въ холерный годъ. Описанія эти кратки и выразительны. Умирающіе, какъ люди мужественные и въ этотъ моментъ серьезные, дѣлаютъ послѣднее изъ своихъ земныхъ дѣлъ быстро и безъ лишнихъ разговоровъ: сказалъ нѣсколько словъ, дрогнулъ—и вытянулся,—вотъ приблизительная формула. Страшное и трогательное въ то же время чувство испытываетъ читатель не отъ самаго факта смерти, а отъ изображенія той обстановки, въ которой умираетъ человѣческое существо.

И какъ ни странно отмѣчать особеннымъ удареніемъ элементъ гуманности въ сочиненіяхъ писателя, причастнаго къ литературѣ Пушкина, Тургенева, Льва Толстого, вознесшихъ ее до апостольскаго служенія идеаламъ вселенскаго мира и любви къ людямъ, но на этомъ обстоятельствѣ нельзя было не остановиться. Съ одной стороны, оно содѣйствовало, въ ряду прочихъ условій, успѣху М. Горькаго среди русской читающей публики, а съ другой—оно позволяетъ разсматривать его какъ писателя-гуманиста, какъ дѣятеля, слѣдовательно, нужнаго и важнаго для развитія нашего самопросвѣтленія; въ противномъ случаѣ онъ

представлялъ бы собой существо нѣкоторымъ образомъ метафизическое.

V.

Но едва ли не важнѣйшей причиной быстрой популярности Горькаго было то, что, появившись въ эпоху господства мелкихъ душонокъ, ничтожествъ всякаго рода, пошлыхъ и жалкихъ интересовъ, онъ внесъ съ собой слишкомъ особый міръ героевъ силы и смѣлости, вѣрнѣе—наглости, натуръ рѣшительныхъ и цѣльныхъ, не знающихъ противорѣчій теоріи и практики жизни. И самъ по себѣ Максимъ Горькій представляетъ эффектную фигуру, не стыдясь, а скорѣе гордясь своимъ прошлымъ уличнаго бродяги, торговца яблоками и квасомъ баварскимъ. Еще вчера самъ отверженный отъ общества, онъ ввелъ съ собой цѣлую армію такихъ же отверженныхъ, но притомъ отверженныхъ безповоротно,—воровъ, убійцъ, профессіональныхъ разбойниковъ и грабителей, развратниковъ, неисправимыхъ пьяницъ, отъявленныхъ наглецовъ, и не только не выразилъ при этомъ чувства брезгливости или отвращенія, но съ увлекательной художественностью, даже съ упоеніемъ началъ разсказывать о той грязи, въ которой они живутъ, и о томъ, что̀ творится у нихъ въ умѣ и сердцѣ отъ этой преступной и смрадной во всѣхъ смыслахъ жизни. Біографіи ихъ способны въ самомъ дѣлѣ возбудить ужасъ въ непредубѣжденномъ читателѣ. Отставной ротмистръ Аристидъ Кувалда имѣлъ когда-то „приличные штаны" и жилъ въ городѣ „на роли порядочнаго человѣка"; теперь онъ—содержатель ночлежки для воровъ и пьяницъ, пропойца-философъ, спаивающій своихъ кліентовъ, „разнообразно растрепанныхъ, но одинаково жалкихъ, блѣдныхъ". Тряпичникъ Тяпа, котораго просто такъ, изъ-за озорства, „шаркнули" ножомъ по горлу, сидѣлъ въ тюрьмѣ („ошибся", видите ли, когда-то) и вынесъ оттуда библію. Сквернословъ дьяконъ-растрига, имѣвшій когда-то достойную привычку „дьяконицу свою по воскресеньямъ послѣ обѣдни бить". Кабатчикъ Вавило, укрывающій краденое и угощающій компанію „ржавыми" селедками и капустой, которая „задумалась" немножко. Учитель, лучшее лицо изъ „бывшихъ" людей, къ которому М. Горькій относится съ нескрываемой симпатіей, человѣкъ способный и гуманно настроенный, но окончательно спившійся,—онъ читаетъ толпѣ „мораль кабака и несчастія", и даетъ такой, напримѣръ, совѣтъ Якову Тюрину, немилосердно бившему свою жену: „бить ты ее бей, если безъ того ужъ не можешь, но бей

осторожно... никогда вообще не слѣдуетъ бить беременныхъ женщинъ по животу, по груди и бокамъ... бей по шеѣ или возьми веревку и... по мягкимъ мѣстамъ"... Старикъ Симцовъ, жившій на средства проститутокъ; Мартьяновъ, собирающійся убить кого бы то ни было, чтобы попасть въ Сибирь, Объѣдовъ, собирающійся „поддедюлить" деньги Тяпы,—вся эта пестрая компанія, взятая съ натуры, не могла не остановить на себѣ любопытнаго вниманія читателей. Отчаянный воръ Челкашъ, смѣлый и ловкій, является въ изображеніи М. Горькаго съ чертами извѣстнаго рода идеализаціи: циникъ и гуляка, онъ оказывается выше въ нравственномъ смыслѣ деревенскаго парня Гаврилы, который жаденъ до низости, до готовности на убійство. Челкашъ съ презрѣніемъ бросаетъ послѣднему въ лицо деньги, нажитыя ночной кражей, послѣ того какъ Гаврила едва не убилъ его. „Бери, бери!—говоритъ ему Челкашъ.—Не даромъ работалъ, чай. Бери, не бойсь. Не стыдись, что человѣка чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. Еще спасибо скажутъ, какъ узнаютъ"... Гаврила проситъ у него прощенія.—„За что?—недоумѣваетъ Челкашъ.—Не за что! Сегодня ты меня, завтра я тебя"... А Пиляй смотритъ на вещи еще проще: „Разъ!—и получи денежки. Такъ-то. Бацъ! значитъ—и все тутъ!"—восклицаетъ онъ, разсказывая о своемъ намѣреніи убить и ограбить купца. Надо только, чтобы ночь была подходящая, чтобы было „темно, какъ въ душѣ человѣческой"...

И всѣ эти Челкаши, Объѣдки, Кувалды, Кубари, Тяпы, Пиляи, пришли съ Максимомъ Горькимъ и безъ всякаго смущенія разсѣлись въ гостиныхъ и кабинетахъ „мыслящихъ" и „читающихъ" интеллигентовъ, нимало не заботясь о принесенномъ съ собою запахѣ трущобъ и виннаго перегара. Устами М. Горькаго они заявили, что они хотя и бывшіе, но живые люди, и даже, быть можетъ, болѣе живые, чѣмъ тѣ, что въ этихъ кабинетахъ ломали голову надъ разрѣшеніемъ жизненныхъ загадокъ. Не мольбой объ участіи или подаяніи зазвучали ихъ рѣчи, но гордостью независимости, ѣдкой насмѣшкой людей, прошедшихъ огонь и воду, и мѣдныя трубы. О, имъ хорошо извѣстно это культурное общество, прогнившее отъ фальши и лжи, съ мишурнымъ блескомъ и яркостью покрововъ, которыми оно не можетъ прикрыть уродливыя язвы своей наготы... Они—мошенники, пьяницы, убійцы, но они и не хотятъ слыть иными, не прикрываются громкими фразами, не прячутся въ пыльныя складки прописной морали. Максимъ Горькій не побоялся разсказать съ поразительной откровенностью, какъ онъ воровалъ съ голодной проституткой хлѣбъ

изъ ларя, въ ту пору своего развитія, какъ всячески старался приготовить изъ себя „крупную общественно-активную силу". Кто-то разсказывалъ М. Горькому, какъ, бродя по крымской степи, съ двумя товарищами, которые такъ же, какъ и онъ, были голодны какъ волки и злы на весь міръ, онъ участвовалъ въ нападеніи на больного рабочаго, котораго одинъ изъ нихъ потомъ задушилъ,—и ѣлъ отнятый у него хлѣбъ. И разсказчикъ „съ гордостью" заявлялъ, что онъ былъ не хуже и не лучше своихъ случайныхъ товарищей въ эту, по его выраженію, „нѣсколько страшную ночь". И нужно имѣть по истинѣ „босяцкую" душу, чтобы не содрогнуться при этихъ словахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постичь, чѣмъ можетъ гордиться человѣкъ, натолкнувшій своихъ товарищей на убійство ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Небосяку и не разсказать подобнаго происшествія съ такой циничной и хвастливой откровенностью,—развѣ въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ по каторгѣ или тюрьмѣ,—а М. Горькій разсказываетъ совершенно спокойно, морализируя на тему, что здѣсь „никто ни въ чемъ не виноватъ, ибо всѣ мы одинаково скоты".

VI.

Мораль эта, откровенная до хвастовства, принадлежитъ въ разсказѣ не М. Горькому, впрочемъ, а „сосѣду по больничной койкѣ". Но она вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что̀ говоритъ и самъ М. Горькій, когда въ немъ замретъ гуманистъ-художникъ и верхъ возьметъ озлобленная босяцкая душа. Эти экскурсіи въ сторону своего собственнаго „я" звучатъ въ высшей степени искренно и подкупающе дѣйствуютъ на читателя. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ не безъ основанія перекидываютъ мостки отъ міросозерцанія писателя къ міросозерцанію босяковъ и наоборотъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ писатель даетъ къ тому поводъ. А поводъ этотъ чаще всего представляется тамъ, гдѣ М. Горькій говоритъ о культурѣ. Еще юношей онъ мечталъ о выработкѣ изъ себя крупной общественной единицы, которая должна будетъ принять участіе въ реорганизаціи соціальнаго строя; но жизнь, вѣроятно, обманула его, и онъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ той культурѣ, при которой душа голоднаго человѣка питается несравненно лучше, чѣмъ тѣло.

„Нужно родиться,—говоритъ онъ,—въ культурномъ обществѣ, для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить

среди всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, идейнаго сектантства, всяческой неискренности,—однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты сует̃ъ, въ общемъ далеко не вѣрно и не точно называемой—культурой. Я родился и воспитывался внѣ этого общества, и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы, спустя нѣкоторое время, у меня не явилась настоятельная потребность выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезвычайной сложности и болѣзненной утонченности этого быта.

„Въ деревнѣ почти такъ же невыносимо тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи. Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно, или идти по полямъ и дорогамъ родины, что̀ весьма любопытно, очень освѣжаетъ и не требуетъ никакихъ средствъ, кромѣ хорошихъ, выносливыхъ ногъ“...

И, должно быть, ужъ очень умилительна простота грязныхъ городскихъ трущобъ, съ которой, по словамъ самого же писателя, проламываютъ головы и ребра трущобнымъ обывателямъ, должно быть, ужъ очень симпатична искренность нападающихъ изъ-за угла грабителей, если онъ предпочитаетъ эти трущобы жизни въ деревнѣ, при всей ея безурядицѣ и темнотѣ. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но та задушевная прямота, съ которой авторъ дѣлаетъ свое признаніе, производитъ на читателя, повторяемъ, подкупающее впечатлѣніе, усиливающее обаяніе его разсказовъ.

Мы еще вернемся къ міросозерцанію М. Горькаго, а пока замѣтимъ, что было бы долго исчислять отдѣльные элементы творчества нашего писателя, изъ которыхъ сложился успѣхъ его произведеній въ нашей публикѣ. Самое большое достоинство ихъ—это несомнѣнное и крупное художественное дарованіе. Оно обусловливаетъ его значеніе въ кругу художниковъ-бытописателей, оно вдохновляетъ его на такія произведенія, какъ „Двадцать-шесть и одна“, „Однажды осенью“, „Мальва“, „Супруги Орловы“; оно же позволяетъ видѣть въ немъ надежду нашей литературы, писателя, только-что закончившаго періодъ этюдовъ и набросковъ, изъ которыхъ многіе сто̀ятъ картинъ, и выступающаго на широкій путь умудренной размышленіемъ и опытомъ творческой работы.

VII.

То были внутреннія причины огромнаго успѣха М. Горькаго. Но были и внѣшнія, и на одной изъ нихъ нельзя не остановиться. М. Горькій появился на литературномъ поприщѣ въ одинъ изъ сравнительно болѣе оживленныхъ моментовъ умственной жизни нашего общества, когда вопросъ о пролетаріатѣ, его образованіи и возможной роли въ будущихъ судьбахъ Россіи сталъ предметомъ горячаго обсужденія въ текущей литературѣ и споровъ между „народниками“ и „марксистами“. Эти споры, вѣроятно, продолжались бы и въ настоящее время, еслибы не послѣдовало прекращеніе цѣлаго ряда òргановъ такъ называемой марксистской печати, успѣвшей сравнительно въ короткое время завоевать широкій кругъ читателей и такъ или иначе возбудить общественное вниманіе... Въ частности народники и марксисты спорили изъ-за принадлежности М. Горькаго къ тому или другому лагерю и наперерывъ превозносили его до небесъ, но въ концѣ концовъ побѣда оказалась на сторонѣ марксистовъ.

И правда, озлобленные, вѣчно готовые къ борьбѣ во имя удовлетворенія голода и элементарныхъ инстинктовъ, развиваемыхъ наклонностью къ продолжительной праздной и безпорядочной свободѣ, герои М. Горькаго ближе всего подходятъ къ тому типу все потерявшихъ и ни передъ чѣмъ не останавливающихся натуръ, которыя, въ качествѣ крайней ступени въ развитіи капиталистическаго режима, могли возбуждать извѣстнаго рода надежды въ противникахъ современнаго буржуазнаго строя. Если всѣ эти Макары, Емельяны, Артемы и не заявляли, подобно рабочимъ фабрикъ, своего права на соучастіе въ благахъ созидаемой общими усиліями культуры, то они, эти пролетаріи, во всякомъ случаѣ не были рабами, полагающими, подобно мужикамъ деревни, что ихъ рабство, подъ властью земли, есть ихъ вторая натура, ихъ „линія“, ихъ „планида“, противъ которой не пойдешь. Пусть весь народъ,—мечтали марксисты,—какъ это ни страшно съ перваго взгляда, пройдетъ подобную школу озлобленія, голода, безпріютнаго раздумья, но пусть научится и привыкнетъ быть самостоятельнымъ и свободнымъ, и тогда... Но здѣсь ихъ мечты обыкновенно обрывались, и тогда слышались голоса изъ противнаго или, вѣрнѣе, противныхъ, консервативныхъ лагерей, указывавшіе на героевъ М. Горькаго, какъ на яркое доказательство несостоятельности культуры вообще и россійскаго прогресса въ частности.

Но всѣ читали и хвалили М. Горькаго, всѣ готовы были признать его учителемъ и вождемъ эпохи; только—одни вмѣняли ему въ заслугу, что онъ рекомендовалъ обществу заняться развитіемъ необходимыхъ для извѣстныхъ моментовъ борьбы свойствъ голодныхъ и обозленныхъ звѣрей, изощреніемъ зубовъ и когтей,—другіе, въ родѣ критика изъ „Гражданина" (кто бы это сказалъ!), видѣли въ нашемъ писателѣ „апостола человѣколюбія", единственнаго и неузнаннаго, „великаго русскаго двигателя духовнаго прозрѣнія и оздоровленія". И въ томъ, и въ другомъ, по русскому обычаю, хватали черезъ край...

VIII.

Если народники и пользовались твореніями М. Горькаго для подтвержденія своихъ тенденцій, то лишь какъ доказательствомъ „отъ противнаго", какъ свидѣтельствомъ того, до какого состоянія можетъ довести мужика оторванность отъ земли и крестьянскаго уклада жизни. Въ противномъ случаѣ неминуемо должны были произойти крупныя недоразумѣнія. Положеніе, что М. Горькій вышелъ изъ „народа", и потому долженъ былъ отразить народное міровоззрѣніе, можно было принять только съ большими оговорками. Народъ, среди котораго выросъ М. Горькій,—народъ, „да не тотъ"; это—подонки деревни въ гораздо большей степени, чѣмъ города, это—колонія, не только порвавшая всякія связи съ своей метрополіей, но ненавидящая ее всѣми фибрами души. Эта ненависть—оборотная сторона сознанія, что возможность возвращенія въ деревню, къ труду и порядочной жизни, потеряна уже навсегда, и вотъ — необходимо было унизить деревню, лишить ее всякаго обаянія, чтобы не жалѣть и напрасно не желать ея. Достаточно всмотрѣться въ живые образы Челкаша и Гаврилы, въ одномъ изъ разсказовъ того же М. Горькаго, чтобы понять, какая пропасть лежитъ между этими двумя представителями народныхъ типовъ. Челкашъ, со всѣмъ его самолюбіемъ безшабашнаго удальца,—„несчастный", „шатающій" въ глазахъ коренного мужика Гаврилы: „вотъ погляди-ка на себя, что ты теперь такое безъ земли?"—говоритъ онъ, искренно сокрушаясь о товарищѣ. Гаврила, въ свою очередь, возбуждаетъ презрѣніе и даже ненависть въ Челкашѣ, ненависть „за то, что у него (Гаврилы) такіе чистые голубые глаза, здоровое, загорѣлое лицо, короткія, крѣпкія руки, за то, что онъ имѣетъ гдѣ-то тамъ деревню, домъ въ ней, за то, что его приглашаетъ въ

зятья зажиточный мужикъ, за всю его жизнь прошлую и будущую"...

Народъ, который производитъ Челкашей и который далъ намъ М. Горькаго, не тотъ народъ, что создалъ замѣчательную народную поэзію, эпосъ съ его идеалами свободной, но гуманной силы, сказки и пословицы, проникнутыя идеей торжества правды и добра на землѣ, что выслалъ Ломоносова изъ нѣдръ своихъ для просвѣщенія и славы земли русской. Это—народъ особый, отверженный или, точнѣе, самъ себя отвергнувшій отъ своихъ собратьевъ, хищный, озлобленный безсмысленной злобой голоднаго волка, по-волчьи разсуждающій и думающій, и потому міросозерцаніе его стало волчьимъ по существу, и, какъ таковое, не можетъ быть сравниваемо безъ ущерба для здраваго смысла съ истинно-народнымъ, въ которомъ темною мыслью руководитъ глубоко-человѣчное чувство. Поскольку М. Горькій признаетъ себя солидарнымъ съ міросозерцаніемъ своихъ героевъ, постольку онъ, если можно такъ выразиться, *антинароденъ*, потому что оба эти міросозерцанія, о которыхъ идетъ рѣчь, настолько противоположны, что взаимно отрицаютъ другъ друга. Къ тому же обстоятельства жизни М. Горькаго не дали ему возможности узнать деревню, и если не полюбить, то хоть понять ее,—оттого ему въ деревнѣ „невыносимо тошно и грустно"...

Что̀ же это за герои силы и свободы, которыхъ рисуетъ М. Горькій, и есть ли основаніе видѣть въ нихъ будущихъ освободителей человѣчества,—по крайней мѣрѣ, значительной части его? Какимъ богамъ они молятся и какимъ путемъ думаютъ дойти до земли обѣтованной? Какими интересами они живутъ, и что̀ они вообще думаютъ о жизни?

Отвѣтить на эти вопросы значитъ опредѣлить остальныя черты ихъ міросозерцанія. Сдѣлать это нетрудно, такъ какъ для характеристики своихъ героевъ М. Горькій представилъ огромное количество данныхъ.

Прежде всего, въ этомъ отношеніи они довольно однообразны и вовсе не такъ ужъ красивы въ дѣйствительности, какъ ихъ создаетъ поэтическая идеализація. Когда вы видите человѣка, идущаго васъ убить или ограбить, вы считаетесь только съ нимъ и, ощупывая револьверъ, не замѣчаете ни бѣлоснѣжныхъ облаковъ, проносящихся надъ его головой, ни голубого моря, какъ бы оно тамъ ни „смѣялось", все залитое солнцемъ юга. А въ разсказѣ М. Горькаго вы ни на минуту не забываете о небесной лазури и морѣ, и если еще онъ разскажетъ вамъ, что у этого разбойника лицо бронзовое, кудри вороненой стали и улыбка свѣтла, какъ

солнце, вы невольно залюбуетесь имъ, раскинувшись въ комфортабельномъ креслѣ своего кабинета, и, пожалуй, даже не откажетесь иной разъ присоединить и свое имя къ похвальному листу, который выдаетъ ему авторъ. Эти люди по большей части сильны, даже могучи, какъ сказочные богатыри. Таковъ, напримѣръ, тотъ же Челкашъ; таковъ красавецъ Артемъ, „колоссальный дѣтина съ правильно-круглой головой въ густой шапкѣ кудрявыхъ черныхъ волосъ“; таковъ, наконецъ, Силанъ Петровъ съ прочной, „какъ наковальня“, грудью, которому силы своей и здоровья и дѣвать, кажется, некуда. Но сила эта бываетъ жизнедѣятельной лишь у немногихъ нравственно-низкихъ или тупыхъ натуръ. У Силана именно такая сила, но зато и запросы его не идутъ дальше наживы или обладанія красивой женщиной: онъ „не мудритъ—живетъ“,—говорятъ о немъ,—но живетъ не всякому завидной жизнью сытаго и шальнего самца. Гораздо чаще это сила тоскующая, неудовлетворенная, темная,—словомъ, безрадостная и холодная. Типичный представитель такой силы, Коноваловъ, такъ характеризуетъ свое настроеніе „босяка и тропутаго человѣка“: „Живу и тоскую... Про чтò? неизвѣстно. Вродѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, чтò у всѣхъ другихъ людей есть, и чтò человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что-ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки—и все тутъ... Вотъ я живу и эту штуку ищу и тоскую по ней, а чтò она такое есть—это мнѣ неизвѣстно“...

Однако, инстинктомъ Коноваловъ чувствуетъ, въ чемъ заключается эта „штука“, которой у него, бѣднаго, нѣтъ, и онъ тянется къ ней, какъ утопающій къ берегу, еле видному за туманомъ. Въ знаніи, въ грамотѣ „штука“ эта для всѣхъ Коноваловыхъ, имъ же нѣсть числа въ обширномъ отечествѣ нашемъ, въ осмысленіи жизни, упорядоченіи сознанія темнаго человѣка. „Жизнь у меня безъ всякаго оправданія“,—говоритъ Коноваловъ, и тутъ же поясняетъ, въ чемъ это оправданіе жизни состоитъ: „Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть“? А книга, — правильно разсуждаетъ онъ, — разъяснила бы ему многое изъ „порядковъ“ жизни, и онъ восклицаетъ съ душевной болью: „Эхъ, ежели бы мнѣ тоже почитать съ эстоль!..“

Инстинктивное стремленіе къ свѣту знанія живетъ и въ мельникѣ Тихонѣ Павловичѣ изъ разсказа „Тоска“. Жилъ онъ, жилъ, деньгу наживалъ, мужиковъ притѣснялъ, словомъ, по торговому выраженію, дѣла дѣлалъ, о душѣ-то подумать было и

некогда.—„А она, вдругъ, и тово... и возстала, значитъ. Пустой часъ улучила, да и воспряла. Вотъ-те и дѣла. И къ чему очень ужъ много дѣловъ затѣвать, коли все равно умрешь?“—И затосковалъ Тихонъ Павловичъ, и поѣхалъ для разговоровъ о душѣ къ чахоточному учителю. Разговоры, однако, не состоялись, и мельникъ отводитъ тоску четырехдневнымъ кутежомъ и разгуломъ. М. Горькій, до-нельзя благосклонный къ своимъ героямъ, ни слова не прибавляетъ къ этой развязкѣ: не то онъ примиряется съ ея фатальной неизбѣжностью въ этихъ случаяхъ для русскаго человѣка, не то довольствуется указаніемъ на неодолимую стихійность порывовъ русской души, которыхъ, по ихъ стихійности, будто и объяснить ужъ нельзя. Оттого и кажется иногда, что самъ М. Горькій стоитъ словно въ недоумѣніи передъ этими представителями тоскующей силы и думаетъ: да полно, ужъ и пытаться ли показать имъ выходъ на путь разумно понятой, осмысленной трудомъ и усиліями лучшихъ умовъ человѣчества жизни? не лучше ли, для тѣхъ или иныхъ, можетъ быть, самыхъ благихъ цѣлей, оставить ихъ бродить въ темнотѣ, гдѣ они скорѣе утратятъ чувство человѣческаго достоинства и привычки, воспитанныя многовѣковой и, по авторитетному заявленію М. Горькаго, ошибочной и ложной культурой?

IX.

Если отбросить значительную долю резонерства въ разсужденіяхъ героевъ М. Горькаго о жизни и сущности ея, то міросозерцаніе ихъ станетъ гораздо понятнѣе. Жизнь ихъ стѣснена со всѣхъ сторонъ, стѣснена ямой и подваломъ, голодомъ и холодомъ, невозможными условіями работы у „жуликовъ“ и „выжигъ“ хозяевъ, всеобщимъ презрѣніемъ и полицейскимъ надзоромъ. Помилуйте, какая тутъ свобода, да еще подъ открытымъ небомъ, при нашемъ климатѣ! Да ихъ существованіе хуже всякой тюрьмы, и недаромъ иные изъ нихъ готовы на самое тяжкое преступленіе, чтобы попасть на „казенные хлѣба“ и въ Сибирь. Развѣ можно смѣшивать понятіе свободы съ понятіемъ бродяжеской, безпаспортной жизни? Первая развиваетъ поэзію, даетъ просторъ фантазіи, сообщаетъ личности оттѣнокъ благородства и рыцарства,—вспомните пресловутыхъ бедуиновъ степи или нашихъ запорожскихъ казаковъ,—а вторая одуряетъ человѣка хмелемъ, притупляетъ въ немъ природныя нравственныя чувства, вноситъ въ него всяческую грязь и растлѣніе и, дѣлая человѣка звѣ-

ремъ, вырабатываетъ въ немъ волчью философію насилія и цинизма...

Сама по себѣ свобода, конечно, прекрасная вещь—объ этомъ и говорить нечего, но въ жизни она должна быть средствомъ, а не цѣлью человѣческихъ стремленій. Гдѣ она есть на самомъ дѣлѣ, тамъ о ней не говорятъ, не замѣчаютъ ея, какъ не замѣчаютъ чистаго воздуха люди съ здоровыми легкими. И вѣрный знакъ, что процессъ жизни совершается неладно, если люди начинаютъ тосковать о ней, бредить ею, ставятъ себѣ задачей *жить для свободы*, вмѣсто того, чтобы *свободно жить*. Пѣсни о свободѣ нигдѣ не раздаются съ такой энергіей отчаянія, какъ именно въ тюрьмѣ... „Люблю я, другъ, — говоритъ герой М. Горькаго, Лакутинъ,—эту бродяжную жизнь. Оно и холодно, и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства“... Вотъ она, какая свобода, живетъ въ мечтахъ босяковъ: широка, нечего сказать! А въ то же время голодъ гонитъ ихъ на убійство человѣка изъ-за ломтя хлѣба, и „начальства“ у нихъ, въ сущности, больше, чѣмъ у кого-либо другого— отъ перваго полицейскаго солдата, который любого изъ нихъ можетъ убить и не быть „въ отвѣтѣ“, до крестьянскаго самосуда, который всякаго „начальства“ страшнѣе. И при всемъ этомъ— „свободно очень“... Чудаки, право, если они въ дѣйствительности такъ разсуждаютъ. И лучшимъ доказательствомъ, что свобода героевъ М. Горькаго—призрачная свобода, одни обманчивыя слова, одно, по энергичному босяцкому выраженію, „вранье“, служитъ разсужденіе на эту тему одного изъ героевъ этой свободы: „Какъ можно не вѣрить человѣку! Даже если и видишь—вретъ онъ, вѣрь ему, т.-е. слушай и старайся понять, почему онъ вретъ. Иной разъ вранье-то лучше правды объясняетъ человѣка... да и какую мы всѣ про себя правду можемъ сказать? Самую пакостную... а соврать можно хорошо... Вѣрно?“—Совершенно вѣрно,—отвѣтимъ мы за слушателя этой тирады;—потому-то и вранье этихъ несчастныхъ людей о свободѣ лучше всего объясняетъ горькую правду ихъ темной и стѣсненной всяческими преградами жизни.

Наиболѣе искренніе изъ героевъ М. Горькаго сознали это: имъ скучно и „тѣсно“ жить, нѣтъ простора размаху души. Человѣкъ—мѣра вещей,—философствуетъ Коноваловъ,—„и больше никакихъ... по твоему выходитъ, что пока тамъ все это передѣлается, человѣкъ все такъ же долженъ оставаться, какъ теперь... Нѣтъ, ты его сначала перестрой... *чтобы ему было свѣтло и*

ьсно на землѣ, – вотъ чего добивайся для человѣка. Научи иаходить свою тропу"...

Iаучить этотъ безрадостный народъ находить свою тропу—это іло бы дать разумный выходъ накопляющейся въ немъ силѣ, ная проситъ дѣла, проситъ разъясненія и руководства. Энерсамопожертвованія у этихъ людей хоть отбавляй; они го„на сто ножей броситься, лишь бы съ пользой, чтобы изъ облегченіе вышло людямъ". Но чаще эта темная сила, ей и подобаетъ, проявляетъ себя въ иномъ направленіи, свойственномъ ея темнотѣ и дикости: „раздробить бы всю о въ пыль, или собрать шайку товарищей—и жидовъ пере-.. всѣхъ до одного",—какъ мечтаетъ Григорій Орловъ. Оче-, быть сильнымъ хорошо, но лишь въ томъ случаѣ, если ѣкъ умѣетъ управиться съ своей силой и подчинить ее внуимъ разума. А пока послѣднее—отдаленная мечта будущаго, что намъ, бѣднымъ и слабымъ интеллигентамъ, кланяться оясь богатырямъ М. Горькаго: съ этой стороны облегченія мъ не произойдетъ...

Во всемъ прочемъ герои М. Горькаго—такіе же люди, какъ и мы, грѣшные: злые и добрые, тупые и умные, раздражиые и апатичные, но всѣ, сообразно духу среды и образу и, горькіе пьяницы и циники. Есть такіе, у которыхъ ни желаніе не идетъ дальше того, чтобы что ни на есть изить" и „глотку залить"; не мало и такихъ, которыхъ не моудовлетворить идеалъ „мѣщанскаго" счастья, которымъ мало сти и тепла, нужна и душѣ пища. Послѣдняя категорія соъ изъ людей, вѣчно ищущихъ какихъ-то отвѣтовъ на смутзапросы своей души, вѣчно тревожныхъ и тяготящихся неѣленностью своего положенія. И—что весьма любопытно,— іли доказываетъ имъ М. Горькій слабость и ненужность со жизненными примѣрами, они, несмотря на всю глубину о паденія, не могутъ разстаться съ совнаніемъ ея важности обходимости для „настоящей" жизни. И не „слабые духомъ" о не могутъ сладить съ совѣстью, но и такіе богатыри, Коноваловъ или мельникъ Тихонъ, которому, можно быть еннымъ, не залить виномъ своей „воспрянувшей" души...

X.

Мы подошли къ міросозерцанію самого писателя. Опредѣ- его гораздо труднѣе, чѣмъ міросозерцаніе его героевъ. Въ

то время какъ товарищи его дѣтства и юности только воровали, пили, безобразничали и т. д.,—М. Горькій читалъ разныя книжки, преимущественно общественнаго содержанія, и мечталъ о грядущихъ судьбахъ человѣчества и своей роли въ жизни.

Судьба надѣлила М. Горькаго пылкимъ, живымъ темпераментомъ, подвижнымъ воображеніемъ, вообще недюжинными способностями, и онъ быстро поднялся надъ толпой босяковъ и бывшихъ людей. Сознаніе своего превосходства, естественно, привело его къ нѣкоторому самомнѣнію, которое самъ же онъ и опредѣлилъ съ присущей ему огромной силой самоанализа, заявивъ, что онъ, Максимъ Горькій, „всегда считалъ себя лучше другихъ и успѣшно продолжаетъ заниматься этимъ до сего дня“. Столь же высокомѣрно отнесся М. Горькій и къ интеллигенціи, съ восторгомъ раскрывшей передъ нимъ свои объятія; онъ занялъ въ ней мѣсто, но тутъ же показалъ ей, что считаетъ ее дряблой, эгоистичной, фальшивой. Не говоря уже о томъ, что русская интеллигенція,—въ той ея части, которая имѣетъ право на это названіе,—есть самая, можетъ быть, многострадальная изъ всѣхъ интеллигенцій въ мірѣ, и что ни одна нація не высылала столько жертвъ на арену битвы и борьбы за участь меньшого брата, какъ русская,—она же помогла самому М. Горькому, путемъ бесѣдъ съ интеллигентными людьми и книжекъ, созданныхъ ими же, выдѣлиться изъ среды босяковъ и сознать своеобразныя черты ихъ внѣшняго и внутренняго быта,—черты, которыхъ онъ навѣрное бы не замѣтилъ, еслибы жилъ одной съ ними жизнью. Словомъ, интеллигенціи, послѣ своего таланта, онъ обязанъ своимъ образованіемъ интеллигента-художника.

Какъ разсказываетъ М. Горькій, босяки любятъ принимать эффектныя позы, драпироваться необыкновенными чувствами и громкими фразами. Это помогаетъ имъ скрашивать неприглядную обстановку жизни и поднимаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ. Но еслибы они, допустимъ, стали характеризовать свое міросозерцаніе, исключительно пуская въ ходъ необыкновенныя чувства и громкія фразы, эта характеристика оказалась бы отъ дѣйствительности чрезвычайно далекой, и само міросозерцаніе зашаталось бы на ходуляхъ. Такимъ же ходульнымъ характеромъ отличается и та пестрая смѣсь понятій и сужденій самого М. Горькаго, которую критика пыталась до извѣстной степени систематизировать и привести въ параллель съ ученіемъ Ницше.

Оказалось почти тождество. По Ницше, величайшій грѣхъ—бояться дѣлать грѣхи, и у М. Горькаго—„не согрѣшишь—не спокаешься“; „какъ ни живи—все грѣшно“. По Ницше, только

сильный имѣетъ право на существованіе, „слабаго же—толкни"; М. Горькій—страстный апологетъ силы, какъ бы безсмысленна и жестока она ни была, и такъ какъ „въ каждомъ уголкѣ жизни есть свой деспотъ", то писатель, не обинуясь, становится на сторону послѣдняго, потому что онъ—поклонникъ красоты, а красиво только то, на чемъ печать силы. Ницше не признаетъ совѣсти,—не признаетъ ее и М. Горькій: сильные ее побѣждаютъ, а слабымъ она несетъ погибель.

Такъ ли это однако?

Да, это такъ, если основывать міросозерцаніе М. Горькаго на его слабыхъ произведеніяхъ, столь же ходульныхъ и фальшивыхъ, какъ ходульна и фальшива придуманная имъ теорія оправданія зла. Положительнѣе всего онъ выразилъ ее въ слабѣйшемъ изъ своихъ произведеній—въ „Пѣснѣ о соколѣ", вызвавшей, однако, энтузіазмъ въ публикѣ, когда ее читали съ подмостковъ: знаменательный фактъ паденія художественнаго чутья... Раненный въ битвѣ соколъ увлекаетъ ужа къ полету въ небо, а глупый ужъ забываетъ о томъ, что „рожденный ползать—летать не можетъ", и летитъ внизъ на камни, воображая, что взлеталъ на небо, „его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился"... Совсѣмъ глупый ужъ—и такія же у него глупыя рѣчи, которыми онъ тѣшитъ себя послѣ паденья. „Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она—въ паденьи!"... Какъ все это противоестественно и наивно!.. Помилуйте,—закричатъ на насъ защитники этой пѣсни:—а идея, великая идея о борьбѣ съ врагами за свободу и счастье?!—Идея?!—„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню"—вотъ ея идея, и означаетъ она, въ переводѣ на языкъ обыкновенныхъ смертныхъ, что храбрые должны быть безумны, или,—что̀ одно и то же,—безумные да будутъ храбры. Идея не Богъ вѣсть какого высокаго полета, и едва-ли проведеніе ея въ жизнь принесло бы что-либо людямъ, кромѣ страданья ничѣмъ неповинныхъ, подвернувшихся имъ подъ руку. „О, счастье битвы!"—восклицаетъ соколъ, а ужъ морализируетъ: „Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу"... Тутъ что̀ ни слово, то самая грубая неправда и кривлянье. Судите сами: „птицы не знаютъ земли"—правда ли это? „На ней тоскуютъ"—не весной, во всякомъ случаѣ, когда вьютъ гнѣзда и выводятъ птенцовъ... „Тамъ много свѣта"... Какъ могъ замѣтить это ужъ, падая въ темное ущелье? Развѣ искры посыпались изъ глазъ у него... „Но нѣтъ тамъ пищи"—и это

замѣтить успѣла жадная гадина... „и нѣтъ опоры живому тѣлу“ —сущая галиматья. Мы, однако, лучшаго мнѣнія о познаніяхъ ужа въ естественной исторіи, и полагаемъ, что виноватъ тутъ не онъ, а неестественная роль, навязанная ему авторомъ.

Умирающій соколъ лепечетъ безсвязныя рѣчи, но примемъ ли мы ихъ, какъ предсмертный завѣтъ или назиданье храбраго бойца?—„О, еслибъ въ небо хоть разъ подняться!.. Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей онъ кровью!.. О, счастье битвы!“...

Мы готовы даже перешагнуть съ М. Горькимъ „по ту сторону добра и зла“ и не возмущаться безнравственностью предсмертнаго желанія злобнаго сокола; но... изъ-за чего билась эта хищная птица? За свѣтъ и свободу—чью? свою ли только, или всѣхъ хищныхъ птицъ, которымъ, будто бы, тѣсно въ мірѣ? А что̀, если за обладаніе жирнымъ кускомъ или казеннымъ мѣстомъ съ квартирой? Изъ-вѣка ведется кровавая борьба во имя этихъ благъ жизни; одни хищники торжествуютъ, другіе гибнутъ, — и многіе изъ нихъ зорки и наглы, какъ соколы.

Мы понимаемъ, что здѣсь и соколъ, и у̀жъ—символы, но вѣдь и символы не могутъ идти въ разрѣзъ съ естественностью и здравымъ смысломъ. Дѣло сокола—съ ожесточеніемъ нападать и рвать добычу; дѣло ужа—пресмыкаться. Символизація ихъ не можетъ выступать изъ круга аналогичныхъ понятій.

Братъ соколу—волкъ, такой же хищникъ по профессіи, и ему не можетъ не симпатизировать М. Горькій, становясь на ходули оправданія зла. Въ самомъ дѣлѣ, у волковъ для самозащиты есть когти и зубы; „ихъ хотя убиваютъ, но ихъ боятся“ (завидная перспектива!), „а главное—сердца̀ ихъ ничѣмъ не смягчены. Послѣднее очень важно, ибо для того, чтобы побѣждать въ борьбѣ за существованіе, человѣкъ долженъ имѣть или много ума, или сердце звѣря“. „Или—или“,—что̀ же, однако, лучше? Вѣдь въ жизни—одна честь людямъ ума, другая честь людямъ съ сердцами волковъ...

XI.

Съ точки зрѣнія волчьей философіи только сумасшедшіе могутъ мечтать о спасеніи людей, которые прежде боролись съ жизнью, но были побѣждены ею и взяты въ плѣнъ ея мелочами. „Вотъ о нихъ-то говорю я, и это—ихъ хочу спасти“,—говоритъ „тронувшійся“ статистикъ Кравцовъ.—„Ты понялъ? Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ какъ на вра-

говъ... Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать". Дальше начинается утопія: онъ выведетъ ихъ изъ жизни въ пустыню и устроитъ имъ тамъ „легальную" будку всеобщаго спасенія... Но разсказъ этотъ („Ошибка")—не сплошной бредъ сумасшедшаго; его оборотная сторона—такая жгучая по своей современности, по близости къ намъ, правда жизни, что трудно читать его безъ внутренняго содроганія.

А въ основѣ разсказа—любовь къ этимъ несчастнымъ людямъ, „которые хотѣли быть героями, а стали статистиками и учителями". Они въ плѣну у жизни, у русской жизни, гдѣ уму и таланту, высокому чувству и жаждѣ подвига такъ трудно существовать, не размѣнявшись на мелкую монету. И любовь эта живетъ въ душѣ у М. Горькаго, и поднимаетъ свой голосъ противъ волчьей философіи, и гонитъ ее, какъ тьму. Горькій-босякъ не безъ борьбы уступаетъ свое мѣсто Горькому-художнику; но когда беретъ верхъ послѣдній, твореніе его выходитъ настолько правдиво и искренно, насколько фальшивымъ оно выходитъ изъ-подъ пера босяка. Это оттого, что цѣль истиннаго искусства—сближать людей между собою, вносить въ ихъ смятенныя души свѣтъ и тепло любви и мира, а не сѣять среди нихъ ненависть и вражду. Одинъ М. Горькій творилъ „Кирилку", поэму „Двадцать-шесть и одна"; другой—„Макара Чудру", „Пѣсню о соколѣ"; когда же они работали вмѣстѣ надъ однимъ и тѣмъ же разсказомъ, выходило нѣчто уродливое и странное, въ родѣ „Старухи Изергиль" и „Тоски". Босякъ лишалъ художника чувства мѣры, превращалъ яркую образность рѣчи въ сухое резонерство, подсказывалъ ненужный, неумѣренный цинизмъ, пахучими пятнами разливавшійся по мастерски сдѣланнымъ картинамъ природы и быта.

И по натурѣ М. Горькій—не босякъ, а художникъ-гуманистъ. Его босяцкое состояніе было временнымъ и наноснымъ. Мы уже отмѣтили гуманный элементъ его твореній, но если собрать тѣ отрывки его сочиненій, гдѣ онъ такъ искренно говоритъ отъ своего лица, то не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что самъ онъ—натура мягкая и любящая, отзывчивая на людское страданіе и горе, но болѣзненно раздражительная и нервная. Какъ участливо и нѣжно относится онъ къ Коновалову, тоскующему отъ неопредѣленности своей жизни; съ какой любовью дѣлится съ нимъ своимъ знаніемъ и читаетъ книжки! „Очень ты жалостливо говоришь,—обращался къ нему въ такія минуты Коноваловъ.—Впервые мнѣ такая рѣчь. Удивительно! Все люди

другъ друга винятъ въ своихъ незадачахъ, а ты—всю жизнь, всѣ порядки. Выходитъ по твоему, что человѣкъ-то самъ по себѣ и не виноватъ ни въ чемъ, а написано ему на роду быть босякомъ—ну, и потому онъ босякъ. И тоже вотъ насчетъ арестантовъ очень чудно: воруютъ потому, что работы нѣтъ, а ѣсть надо... *Какъ все это жалостливо у тебя! Слабый ты, видно, на сердце-то*"!..

Волкъ по натурѣ задушилъ бы тупого, дикаго, жестокаго и низкаго князя Шакро („Мой спутникъ") за его подвиги по отношенію къ товарищу, а товарищъ этотъ, Максимъ Горькій, ведетъ его домой въ Тифлисъ, кормитъ въ теченіе долгаго пѣшаго пути, стоически переноситъ всѣ его издѣвательства и въ концѣ концовъ... „вспоминаетъ о немъ съ добрымъ чувствомъ", послѣ того, какъ князь Шакро вѣроломно бросаетъ его посреди незнакомаго города и исчезаетъ навсегда.

Кто же здѣсь правъ: Коноваловъ, утверждающій, что Максимъ Горькій „слабъ на сердце" и „жалостливъ", или самъ М. Горькій съ его яко бы преклоненіемъ предъ силой и дерзостью хищныхъ звѣрей? И можетъ ли человѣкъ жалостливый и любящій, человѣкъ книжный и разсудительный, не фальшиво спѣть пѣсню о томъ, что „безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни"?

Въ томъ же разсказѣ „Мой спутникъ" изображена встрѣча съ чабанами въ степи. Чабаны могли схватить юношей, какъ бродягъ, и представить по начальству, могли ограбить, еслибы что̀ нашли, могли, наконецъ, убить,—разное бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ жизни. Но они обходятся съ ними ласково, отпускаютъ на всѣ четыре стороны и даже лодку, утащенную ими въ Керчи, берутся доставить на мѣсто. Путники благодарятъ. Разговоръ сердечный и простой. М. Горькій сознается, что̀ онъ одно время боялся, какъ бы старикъ-чабанъ не послалъ его къ дьяволу. Но чабанъ—человѣкъ и умный, и добрый. „Зачѣмъ же мнѣ направлять человѣка по дурному пути?—спрашиваетъ онъ.—Ужъ лучше я его по тому пошлю, которымъ самъ иду. Можетъ быть, еще встрѣтимся, такъ ужъ знакомы будемъ. Часомъ помочь другъ другу придется".

Вотъ это народная мораль, христіанская по существу и нужная и важная для жизни. Разсказавъ объ этой сценѣ, М. Горькій прибавляетъ: „Я былъ въ восхищеніи отъ стараго чабана и его жизненной морали"...

И этимъ все сказано.

XII.

„Ѳома Гордѣевъ" — превосходная иллюстрація къ совмѣстной работѣ уже не двухъ, а трехъ Горькихъ: художника, босяка и публициста. Всѣ они трудились усердно и много и создали большую, неуклюжую постройку, въ которой перепутались всѣ стили и планы, но сохранились отдѣльныя частности, отмѣченныя удивительной тонкостью работы.

На этомъ разсказѣ нельзя не остановиться, а примѣняясь къ обычной литературной терминологіи, его хочется назвать повѣстью, даже романомъ: до того сложно и разнообразно его содержаніе, вложенное авторомъ въ рамки незамысловатаго сюжета изъ приволжской купеческой жизни.

Мы задержимъ вниманіе читателя нѣсколько подробнѣе на этомъ разсказѣ, имѣющемъ для насъ особое значеніе. При этомъ для насъ не столько важно указать въ ней всѣ особенности таланта М. Горькаго, отраженныя порознь въ отдѣльныхъ разсказахъ, сколько опредѣлить, къ чему приводитъ эта совмѣстная работа трехъ Горькихъ, изъ которыхъ только одинъ имѣетъ право на званіе русскаго писателя, сознающаго свою органическую связь съ общимъ развитіемъ родной литературы.

Въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ, въ сѣрой купеческой семьѣ, отъ разбогатѣвшаго „шалаго" мужика, истиннаго поэта наживы и разгула, и нелюдимой казачки, родился долго жданный мальчикъ, наслѣдникъ Гордѣевскихъ капиталовъ. Кто знаетъ купеческій бытъ, тотъ легко можетъ представить себѣ, какимъ крупнымъ событіемъ является рожденіе преемника рода, законнаго представителя торговаго дома и чести отцовскаго имени. На маленькомъ Ѳомѣ сосредоточились всѣ надежды отца, вся его любовь и мечты о будущей славѣ. Какъ только мальчикъ выросъ настолько, что могъ понимать рѣчи отца, ему пришлось прослушать цѣлый курсъ практической морали, какъ жить, что̀ дѣлать и чего бояться. Болѣе всего нужно было остерегаться помогать и жалѣть тѣхъ, кто недостоинъ, по этой морали, ни помощи, ни сожалѣнія, какъ недостойны ихъ всѣ слабенькіе да несчастные, страждущіе и жаждущіе, всѣ тѣ, къ кому евангеліе обращаетъ слово помощи и утѣшенія. „Это не люди, а такъ, скорлупа одна, и ни на что они негодны. Это вродѣ какъ клопы, блохи и другая нечисть"... Но Гордѣевъ не въ принципѣ противъ помощи: помогать можно и должно, но съ большимъ разборомъ, и то только сильному человѣку, который самъ можетъ

пригодиться. „Умныхъ людей,—поучалъ Гордѣевъ,—нужно цѣнить: около хорошаго человѣка потрешься, какъ мѣдная копѣйка о серебро, и самъ потомъ за двугривенный сойдешь. И не столько изъ книгъ надо учиться,—говорилъ онъ,—сколько изъ жизни: она, чуть ты по ней невѣрно шагнулъ, тысячью голосовъ заоретъ на тебя, да еще и ударитъ, и съ ногъ собьетъ“... Первая половина этого житейскаго наставленія прочно засѣла въ головѣ мальчика, и когда Игнатъ Гордѣевъ въ праздничный день отдалъ, подъ благовѣстъ колоколовъ, свою грѣшную душу Богу, Ѳома остался молодымъ, здоровеннымъ неучемъ, лицомъ къ лицу съ огромнымъ торговымъ дѣломъ и цѣлою сѣтью отношеній и дѣловыхъ и общественныхъ связей, перешедшихъ къ нему по наслѣдству. Какъ истый купеческій сынокъ, Ѳома невоспитанъ и грубъ. Ему передались своеобразныя поэтическія наклонности отца къ безшабашному разгулу и буйству, но осложнились чѣмъ-то особеннымъ, безформеннымъ и стихійнымъ, что̀ затрудняется опредѣлить самъ авторъ, и что̀, можно догадываться, должно быть отнесено на долю скорбной чудачки-матери. Какая-то слѣпая сила жила̀ въ Ѳомѣ, выражаясь то въ неясныхъ стремленіяхъ въ сторону лучшихъ инстинктовъ своей натуры, къ исканію правды и смысла въ жизни, то въ злобномъ раздраженіи противъ окружающихъ, въ которыхъ онъ безъ труда подмѣчалъ ихъ слабыя и низменныя черты, особенно подхалимство, трусость и лесть. Онъ и презиралъ этихъ людей, и мстилъ, не отдавая хорошенько отчета—за что̀, и тянулся къ нимъ, но искалъ ихъ среди подонковъ, въ притонахъ кутежа и разврата. Тамъ онъ легко дышалъ, могъ бить и ломать все, что̀ подвертывалось подъ руку, могъ, не стѣсняясь, выражать свой протестъ противъ существующаго порядка вещей, замыкая послѣдній въ узкій кругъ купеческаго барышничества и самодовольства. Въ немъ была съ дѣтства атрофирована та страсть къ работѣ, какова бы она ни была съ точки зрѣнія этической цѣнности, которая охватывала по временамъ его отца: это былъ темный самодуръ, безстыдный и наглый, превращавшійся въ звѣря по самому ничтожному поводу...

XIII.

Но темнота самодурства Ѳомы Гордѣева не была безнадежная. Являлись въ ней просвѣты, иные болѣе или менѣе постоянные, иные набѣгавшіе случайно, какъ облака на темныя тучи. Дѣловые совѣты отца не пошли впрокъ, и Ѳома рано почувствовалъ

отвращеніе къ тому строю жизни, въ которомъ родился и выросъ. И можно съ увѣренностью сказать, что съ тѣмъ же чувствомъ онъ отнесся бы ко всякой другой средѣ, мѣщанской, дворянской и т. д., которая вздумала бы предъявить къ нему какія-либо требованія и наложить обязанности. Между нимъ и купечествомъ не было принципіальнаго разлада, вытекавшаго изъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, а сказывалось его отношеніе къ своему сословію лишь въ явномъ желаніи уклониться отъ какой бы то ни было заботы, умственнаго напряженія, а болѣе всего—покровительства и опеки. Не хотѣлось подчиняться наружно-степенному купеческому режиму, который какъ-ни-какъ налагалъ нѣкоторыя стѣсненія, противныя его дикой душѣ,—и тутъ не могли помочь никакія убѣжденія стараго плута Маякина, его крестнаго отца, которому Игнатій Гордѣевъ поручилъ руководить и образовывать сына въ купеческомъ духѣ. Вырваться изъ купеческаго круга Ѳома оказался не въ силахъ, да и не было вблизи него никого, кто указалъ бы ему какую угодно другую дорогу, открылъ бы другіе горизонты его темному и безрадостному уму. Люба Маякина по крайней мѣрѣ хоть книжки читала, хотя и не находила въ нихъ того, что̀ нужно сердцу, и тоже искала смысла и правды въ жизни до тѣхъ поръ, пока рыжій выжига Смолинъ, изъ новѣйшей породы купцовъ-интеллигентовъ, не рѣшилъ всѣхъ ея вопросовъ и сомнѣній предложеніемъ руки и сердца, во имя соединенія капиталовъ для новаго торговаго дома.

Ѳома жилъ безсмысленно и тупо, и насколько эта безсмысленность и тупость его существованія объяснялась и оправдывалась всѣми обстоятельствами его жизни и вліяніемъ среды, настолько же его порыванія въ область идеальнаго, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ они представлены въ разсказѣ, необъяснимы, исполнены внутреннихъ и внѣшнихъ противорѣчій и лишены всякаго житейскаго оправданія. За доказательствами дѣло не станетъ. Ѳома—любитель изрекать и задавать вопросы. Его подчасъ геніально-смѣлыя фразы подсказывались вдохновеніемъ изступленнаго человѣка, который не сознаетъ того, что̀ говоритъ; и менѣе всего самъ хочетъ отвѣтить на вопросъ. Онъ заявилъ однажды, что жизнь—не Богъ, а люди строятъ, самъ же ни одного камня не потрудился принести для зданія своей жизни. „Онъ представлялъ себя выше жизни, внѣ той котловины, въ которой кипятъ люди; онъ видѣлъ себя твердо стоящимъ на ногахъ и—нѣмымъ“, и думая такъ, въ то же время продолжалъ растравлять въ себѣ скота и, обращаясь къ такимъ же скотамъ,

какъ самъ, требовалъ отъ нихъ разрѣшенія своихъ недоумѣній: какъ ему жить, да за что̀ взяться, да куда пойти сиротѣ неоплаканной... Но скоты безмолвствовали, а Ѳома принималъ ихъ за людей, и считалъ себя въ правѣ презирать и ненавидѣть ихъ, и, ненавидя и оскорбляя, еще говорить хорошія слова о цѣли и способахъ жизни. Милый и непосредственный юноша! Пожалѣйте его, читатель, если не пожалѣете тѣхъ, что подставляли свои физіономіи подъ его пощечины и плевки... Онъ говорилъ хорошія слова, только... откуда же они были у него? Кто ихъ подсказывалъ, кто шевелилъ струны въ его душѣ?—Пьяный газетчикъ изъ разночинцевъ, Ежовъ? Но вѣдь тотъ и самъ спотыкался во тьмѣ и только и дѣлалъ, что жаловался и негодовалъ, и все его геройство сводилось къ тому, чтобы въ провинціальной газеткѣ ту или другую скандалезную выходку господъ изъ купечества изобразить. И какъ ни хотѣлось М. Горькому-публицисту изъ Ежова непризнаннаго героя сдѣлать, онъ вышелъ у него очень неумнымъ и смѣшнымъ. Убѣдиться въ этомъ нетрудно: сто̀итъ только его рѣчь на пирушкѣ наборщиковъ вспомнить... „Вы несете священное знамя труда... И я, какъ вы, рядовой той же арміи... Мы всѣ служимъ ея величеству прессѣ"... Точно на американскомъ митингѣ; и онъ еще удивляется, отчего простые и темные парни его не понимаютъ и смѣются надъ нимъ! Нѣтъ, гдѣ ужъ Ежову просвѣтить еще болѣе темнаго Ѳому! И счастье, что Ежовъ у М. Горькаго совсѣмъ не типиченъ, а, такъ сказать, случайно карриватуренъ своими іеремiадами,—иначе за разночинца было бы больно: ему многимъ обязана наша литература.

XIV.

Томясь и изнывая по *человѣкѣ*, Ѳомѣ чувствовалъ себя всякій разъ неуютно и душно среди простыхъ и честныхъ, а главное—*бѣдныхъ* тружениковъ. А тѣхъ, кто богатъ и кто бѣденъ—Ѳома превосходно различалъ, несмотря на то, что богатство, будто бы, настолько стѣсняло его, что онъ все старался, бѣдняжка, освободиться отъ него. Старанія эти были до крайности наивны; читатель не вѣритъ имъ ни на минуту. „Пью, потому что хочу поскорѣй извести ненавистное зелье", любятъ говорить безнадежные пьяницы. Такъ же хотѣлъ извести свои деньги и Ѳома, и разбрасывалъ ихъ направо и налѣво, по вертепамъ разврата, будто бы отдѣлываясь отъ нихъ, а въ дѣйствительности ублажая свои похоти и ненасытное своеволіе. Но зато его *пріятно воз-*

буждала (буквально) мысль о томъ, что, молъ, „тяжелая работа дешевле легкой; иной за рубль всего себя уложить въ работу, а тотъ—тысячу однимъ пальцемъ беретъ“. И ему вспоминалась сценка съ однимъ изъ кочегаровъ своего парохода—старикомъ Ильей, который за гривенникъ вставалъ на вахту къ топкѣ не въ очередь и работалъ за товарища по восьми часовъ въ духотѣ и жарѣ.

„Однажды онъ, захворавъ отъ непосильной работы, валялся на кормѣ парохода, и когда Ѳома спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ убивается, то Илья отвѣтилъ грубо и угрюмо:—А затѣмъ, что мнѣ каждая копѣйка нужнѣе, чѣмъ тебѣ сто рублей... Вотъ зачѣмъ!..

И сказавъ это, старикъ тяжело поворотилъ свое горящее отъ болѣзни тѣло задомъ къ Ѳомѣ“...

Но такія воспоминанія не пробуждали въ немъ состраданія. Когда Ѳома думалъ объ этихъ маленькихъ людяхъ, съ которыми онъ *сталкивался* въ своей жизни (именно *сталкивался*,—другого слова не найти), они представлялись ему большой кучей червей, копошащихся въ землѣ только затѣмъ, чтобы поѣсть,—и брезгливое чувство, вмѣсто участія, охватывало его. Думая о нихъ, Ѳома ни на минуту не забывалъ своего подленькаго „я“, и если и тосковалъ въ это время, то не о томъ, что люди эти работали и страдали для него и изъ-за него, а лишь о томъ, что вотъ, молъ, и тогда, и теперь все онъ одинъ—„хоть бы умнаго человѣка встрѣтить... поговорить бы съ кѣмъ... совсѣмъ невозможно жить одному... человѣка бы встрѣтить“... Стремленіе къ умному человѣку, завѣщанное Ѳомѣ отцомъ, очень характерно вообще для купца и не Гордѣевскаго типа. Максимъ Горькій тонко и проницательно подмѣтилъ эту черту. Ѳома видѣлъ, что онъ дѣйствительно одинъ, и что вокругъ него все жило сознательной жизнью, всѣ знали, куда плывутъ, и не было имъ до него, до Ѳомы, никакого дѣла. Такъ чего же, казалось бы, проще? Уйти къ нимъ, къ этимъ трудящимся и страдающимъ людямъ, убѣжать такъ, чтобы никакіе Маякинскіе приказчики не могли его разыскать, смѣшаться съ ними, впутаться въ сѣти ихъ интересовъ, радостей и печалей... Такъ нѣтъ, куда тамъ! Онъ, вмѣсто этого, въ припадкѣ своей жгучей тоски по людямъ, какъ характеризуетъ большинство его настроеній М. Горькій, поставитъ пароходъ поперекъ рѣки, разобьетъ баржу, и лоцманъ Ефимъ будетъ докладывать Маякину о томъ, какъ „человѣку спину перешибли... а одного совсѣмъ нѣтъ, такъ что, пожалуй, утопъ... Еще человѣкъ пять убилось, ну, только не такъ, чтобы ужъ

очень... а все-таки, однако, нѣкоторыхъ поиспортило"... И когда сотни другихъ, еще не поиспорченныхъ, но голодныхъ и измученныхъ людей, надрываясь, вытащатъ для него, купца Гордѣева, „ровно рѣдьку изъ грядки", сто-семьдесятъ тысячъ пудовъ со дна рѣки, онъ на ихъ просьбы объ „ведерочкѣ" водки сначала почувствуетъ въ себѣ желаніе сказать имъ что-нибудь обидное, потомъ скажетъ, и уже надругавшись надъ ними, броситъ имъ мѣдный грошъ, да и то сдѣлаетъ не по-людски.

„И, чтобы спасти свое хозяйское значеніе въ ихъ глазахъ, чтобы снова привлечь къ себѣ уже утомленное вниманіе мужиковъ, онъ напыжился, смѣшно надулъ щеки и внушительнымъ голосомъ бухнулъ:—Жертвую... на три ведра!"

Ужели этотъ жертвователь о чемъ-либо думаетъ человѣческомъ, какъ хочетъ заставить насъ повѣрить М. Горькій? И чувствуетъ ли Гордѣевъ что-либо, помимо позывовъ своей волчьей сытости? Неужели и онъ ищетъ правды и смысла въ жизни? Да не смѣется ли самъ М. Горькій надъ нимъ?

Нѣтъ, М. Горькій надъ нимъ не смѣется,—иначе весь его разсказъ былъ бы лишенъ всякаго значенія и смысла. Но М. Горькій-босякъ любуется босяцкими подвигами Ѳомы, а Горькій-публицистъ подсказываетъ ему хорошія, умныя рѣчи. Ѳомушка повторяетъ ихъ, какъ попугай, но поступаетъ по-своему, потому что не понимаетъ и не можетъ понять ихъ. А захочетъ сказать свое слово,—оно выйдетъ у него или смраднымъ, или похожимъ на волчій вой, но зато это будетъ его, Ѳомушкино, слово, а не изъ писательскаго лексикона. И потому за хорошія слова Ѳома не обязанъ отвѣчать, а отвѣчать за нихъ долженъ тотъ, кому они принадлежатъ, кто ими думалъ и кто нарушилъ правдивость и цѣльность образа Ѳомы, заставивъ пустой здоровенный боченокъ звучать тонами нѣжной итальянской скрипки.

XV.

Хорошія слова о жизни явились въ устахъ Ѳомы не спроста. Они нужны были ему, чтобы выдѣлиться изъ толпы, безпринципной, низменной и алчной. Не вложи М. Горькій въ уста Ѳомы своихъ афоризмовъ и разсужденій, и Ѳома Гордѣевъ потонулъ бы, расплылся бы со всѣмъ, что въ немъ было стихійнаго и наноснаго, въ той безразличной въ общемъ массѣ, которая присвоила себѣ, вначалѣ, быть можетъ, не безъ ироніи, названіе благочестиваго всероссійскаго купечества. Гордѣевъ—истый купецъ съ ногъ до

головы—и по манерѣ разсуждать и дѣйствовать, и по такимъ основнымъ чертамъ купеческаго характера, какъ самодурство и безнравственность, наклонность къ бездѣлью и къ жизни безъ оглядки, рядомъ съ хищничествомъ и стремленіемъ все и вся оскорбить и унизить, ради удовлетворенія мелочного тщеславія и особаго купеческаго самолюбія. Знай, молъ, нашихъ—и больше ничего! „Тарасъ Маякинъ и Африканъ Смолинъ"—торговый домъ! Береги фирму, раздувай репутацію, а прочее все—пустяки. Вотъ кодексъ купеческой нравственности, за которымъ открывается широкій просторъ личной самодѣятельности, направленной, по духу профессіи, къ эгоистическимъ, анти-общественнымъ цѣлямъ.

Яковъ Маякинъ — наиболѣе удавшійся художнику-Горькому, наиболѣе законченный образъ въ разсказѣ. Онъ—сама жизнь, сама правда, по реализму воспроизведенія, и... само отвращеніе, если задуматься надъ смысломъ его дѣятельности и жизни. Умный и энергичный, не брезгающій никакими средствами ради достиженія цѣли, льстивый и сдержанный, пользующійся всѣми сокровищами живописной народной рѣчи, онъ воплотилъ въ себѣ всю купеческую этику и житейскую мораль, создалъ своеобразную поэзію купечества и въ своемъ увлеченіи идеей его могущества и историческаго значенія способенъ былъ подниматься на высоту истиннаго вдохновенія. Эффектную картину рисуетъ Максимъ Горькій. Именитое купечество собралось на новенькій пароходъ къ Кононову—на освященіе и, какъ водится, къ столу. „День былъ сѣрый. Пароходъ, весь бѣлый, съ розоватыми кожухами и ярко-красными колесами, плылъ по одноцвѣтному фону рѣки, а на палубѣ его толпились въ цилиндрахъ и модныхъ визиткахъ солидные коммерсанты, изъ которыхъ не было почти ни одного, о которомъ Ѳомѣ не было бы извѣстно чего-нибудь позорнаго". И вотъ, когда, по былинному выраженію, столъ былъ во полустолѣ, а пиръ въ полупирѣ, всталъ Яковъ Маякинъ и произнесъ именно вдохновенную рѣчь о чести и славѣ купечества. Началъ онъ съ того, что вотъ, молъ, есть въ рѣчахъ образованныхъ и ученыхъ людей одно иностранное слово, „культура" называемое. А про нихъ, купцовъ, то-и-дѣло пишутъ, что они съ этой культурой не знакомы, не желаютъ и не понимаютъ ея, и называютъ ихъ дикими, некультурными людьми...

Такъ ли это? Оказывается, что не такъ.

Культура — значитъ обожаніе, высокая любовь къ дѣлу и порядку жизни. А кто же больше купечества носитъ въ себѣ этотъ культъ жизни, любитъ ея дѣло и порядокъ? Никто! Взгляните на Волгу, она—живое доказательство „нашей", молъ,

любви къ дѣлу. „Чьи эти тысячи пароходовъ и судовъ?—Наши.—Кто разбои выводилъ на Волгѣ?—Мы, купцы.—Чей лучшій городъ на Волгѣ?—Тотъ, въ которомъ купца больше.—Кто храмы строитъ, о бѣдныхъ печется, государству больше всѣхъ денегъ даетъ?—Все мы, купцы; мы жизнь любимъ, мы же ее и строимъ, придаемъ ей порядокъ и красоту"...

Трудно съ бо́льшей отчетливостью и полнотой изложить катехизисъ убѣжденій и взглядовъ передового купечества, полагающаго въ себѣ соль земли и защиту отечества, чѣмъ это сдѣлалъ Маякинъ въ своей живописной рѣчи. Тутъ все—и указанія на историческія заслуги, и на дѣла благотворенія, и на повинности по отношенію къ государству; тутъ и сознаніе своего превосходства, и ключъ къ оправданію творимыхъ во имя его беззаконій. И все это сказано убѣдительно, сильно, характерно-купеческимъ языкомъ. Понятна поэтому та буря восторговъ, которая покрыла слова Маякина: подъ ними, какъ одинъ человѣкъ, подписалось бы все купечество, не только бывшее на пароходѣ въ ту минуту, на которой задержалъ насъ разсказъ, но совершающее свои „великія" дѣла по всей матушкѣ-Россіи—„отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды"...

XVI.

Но Маякинъ не остался безъ отвѣта, и шумъ восторга и умиленія быстро смѣнился полнѣйшимъ скандаломъ. Его, какъ и слѣдуетъ ожидать, учинилъ Ѳома, и учинилъ съ артистической разнузданностью и цинизмомъ. Но попалъ при этомъ въ самое сердце купца, потому что, хотя не въ той формѣ, но твердо запомнилъ все, что̀ сказалъ ему Максимъ Горькій. Самому Ѳомушкѣ никогда бы не выдумать того, что̀ онъ сказалъ. А сказалъ онъ купцамъ прежде всего то, что весь ихъ наличный составъ — преступники и гнусавцы, прелюбодѣи и воры, только позорящіе имя честнаго человѣка. Не жизнь они строили, озаренную смысломъ и красотой Божьяго творенія, а сдѣлали помойную яму и дѣлами своими развели грязь и духоту. И поклоняясь мамонѣ, мѣдному пятаку, прогнали они совѣсть, и зажили чужой силой и стали работать чужими руками, и работая на нихъ, народъ кровью плакалъ и, дѣйствительно, создавалъ великія дѣла, которыя они присвояли себѣ. Но придетъ время — и все это зачтется имъ, все, до послѣдней слезы, пролитой изъ-за нихъ, и вѣками они не избудутъ мученій...

Ѳома Гордѣевъ—кость отъ кости и плоть отъ плоти купечества, а въ разсказѣ онъ является противовѣсомъ послѣднему, потому что, видите ли, одаренъ особымъ пониманіемъ, особымъ прозрѣніемъ въ сущность творимаго имъ зла. Онъ—обличитель и каратель купеческихъ нравовъ, мѣстами—едва не пророкъ. Но позвольте, — скажетъ читатель: — Ѳома обличаетъ—прекрасно! но вѣдь чтобы обличать, кого бы то ни было, нужно имѣть какое-либо нравственное право. А какое же право у Ѳомы? Да ровно никакого. Онъ называетъ купцовъ грабителями и мошенниками,—а самъ онъ развѣ не торговецъ, т.-е. не покупаетъ елико возможно дешевле и не продаетъ затѣмъ съ барышомъ рубль на рубль и больше? Развѣ онъ пилъ и безобразничалъ на свои—заработанныя, а не на грабежомъ нажитыя деньги? Да и грабежъ-то былъ не его, а отцовскій, и правду говоритъ ему Маякинъ, что не великъ подвигъ—прожить то, чтò не самимъ нажито. Онъ упрекаетъ какого-то Лупа въ томъ, что этотъ Лупъ когда-то былъ содержателемъ дома терпимости и тѣмъ въ именитые купцы вышелъ. А самъ Ѳома—не въ домахъ терпимости провелъ лучшую часть своей жизни, гдѣ давалъ полную волю всѣмъ скотскимъ инстинктамъ своей необузданной натуры? Онъ называетъ купцовъ—душегубами, перечисляетъ лицъ, покончившихъ съ собою по милости того или другого купца,—а самъ Ѳомушка развѣ мало народу губилъ и погубилъ ради молодецкой потѣхи? Кàкъ, скажите,—назвать поступокъ Ѳомы съ компаніей своихъ же собутыльниковъ, которыхъ онъ пустилъ на плоту внизъ по рѣкѣ, разрубивъ связи? И онъ еще смѣлъ спрашивать у метавшихся на плоту людей: *развѣ они люди*!?. А самъ онъ въ это время человѣкомъ былъ? Полноте, онъ былъ хуже всѣхъ, которыхъ презиралъ и ненавидѣлъ, и не ему было, его нечистыми устами, изрекать пророческія обличенія...

Это была самая крупная ошибка писателя, которая уничтожала въ концѣ всякое представленіе о Ѳомѣ, и въ смыслѣ типа, и въ смыслѣ просто возможнаго жизненнаго явленія. Такого Ѳомы не было и не могло быть въ жизни, и потому въ заключительной главѣ онъ стушевался передъ читателемъ; вмѣсто него поднялся самъ Максимъ Горькій, чтобы дать надлежащій и, можетъ быть, вполнѣ заслуженный отвѣтъ Якову Маякину, этому типичному апологету и своего рода поэту драматически свершающейся купеческой эпопеи.

Беллетристъ уступилъ мѣсто негодующему публицисту, въ которомъ кипѣло и горѣло все, чтò отливалось въ его страстную, страдальчески-искреннюю рѣчь. Но художественнаго разсказа уже не

было или, лучше сказать, не было необходимаго объективнаго отношенія къ разсказу, и, не въ мѣру растянутый вообще, онъ вышелъ какъ-то странно скомканнымъ въ концѣ, точно оборваннымъ на полусловѣ. И прямо, и смѣло поставивъ вопросъ о купечествѣ и роли его въ современной жизни, М. Горькій бросилъ купечеству въ лицо горячую отповѣдь на его беззастѣнчивыя рѣчи, но спасовалъ, какъ художникъ, и не съумѣлъ придать своему разсказу соціальнаго интереса. Затронутое имъ общественное явленіе слишкомъ широко и пестро, чтобы изображеніе его могло быть подъ-силу художнику, хотя и наблюдательному и чуткому, но мало подготовленному къ рѣшенію сложныхъ общественныхъ задачъ. И несмотря на свѣжія и яркія краски и мѣстами на сильные художническіе мазки, картина вышла тускла и искусственна; купеческій бытъ представленъ неполно и мало оригинально; дѣйствующія лица,—изъ главныхъ, кромѣ Маякина,—натянуты и блѣдны...

Вообще, „Ѳома Гордѣевъ“ — произведеніе, изъ котораго г. М. Горькій могъ бы сдѣлать для себя весьма поучительный выводъ. Онъ попробовалъ набросать большую картину, со множествомъ фигуръ, съ цѣлымъ рядомъ неразрѣшенныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ, но она рѣшительно не удалась ему. Его сила—въ томъ истинно-художественномъ воспроизведеніи жизни, гдѣ нѣтъ мѣста ни публицистикѣ, ни „босяцкой“ морали. Его жанръ — одна, много двѣ человѣческія фигуры, мирный пейзажъ, море, солнце и воздухъ. Здѣсь М. Горькій у себя дома, здѣсь онъ—тонкій эстетикъ и не менѣе тонкій психологъ, стоящій въ раздумьи надъ вѣчными сумерками духа, вѣчными проблемами человѣческаго бытія, которыя становятся тѣмъ глубже, чѣмъ напряженнѣе добиваешься ихъ разгадки...

Евг. Ляцкій.

НОВѢЙШІЯ ВѢСТИ ИЗЪ КИТАЯ

Предъ отъѣздомъ за границу нами получена была китайская газета: „Бей-цзинъ-синь-вэнь-гуй-бао“ (т.-е. „Пекинскій Сборникъ Новостей“), которая принесла намъ не мало весьма интересныхъ извѣстій о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Китаѣ, а именно: объ отношеніи общественнаго мнѣнія къ русско-китайскому соглашенію касательно Маньчжуріи, о жизни двора въ Синь-ань-фу, о государственномъ бюджетѣ, о чемъ подробныя и точныя свѣдѣнія чуть не въ первый разъ являются достояніемъ печати, о реформахъ вообще и учрежденіи новаго высшаго правительственнаго органа, о преобразованіи финансовой и учебной части и т. п.

Большая часть нумеровъ полученной нами газеты переполнена пылкими рѣчами и разсужденіями, горячими протестами и глубокимъ негодованіемъ противъ русско-китайскаго соглашенія относительно Маньчжуріи [1]). Эти протесты раздаются изъ Шанхая, новообразовавшагося центра Китая, съ юга, съ острововъ Индійскаго Архипелага, изъ Японіи и Америки; не отстаютъ въ выраженіи негодованія отъ своихъ соотечественниковъ, заброшенныхъ на чужбину, и обитатели внутреннихъ провинцій Китая.

Заявляя единогласно, что „хитрость, обманъ, лесть, подкупъ, насиліе и запугиваніе являются основными чертами русской политики по отношенію къ Китаю“, всѣ эти разсужденія, различаясь только въ частностяхъ, въ общемъ сводятся къ тому, что русско-китайское соглашеніе представляетъ собою актъ, совершенно уничтожающій власть Китая въ Маньчжуріи и пере-

---

[1]) Кромѣ оффиціальныхъ протестовъ генералъ-губернаторовъ ху-гуанскаго, лянъ-цзянскаго и лянъ-гуанскаго (кантонскаго), посланныхъ въ Си-ань.

дающій ее въ руки Россіи. „Когда цзянъ-цзинь, высшій представитель власти въ краѣ, не можетъ ничего предпринять безъ предварительнаго соглашенія съ русскими властями, когда всѣ укрѣпленія въ краѣ должны быть разрушены и все оружіе выдано русскимъ, когда одни только русскіе будутъ имѣть право распоряжаться по своему произволу всѣми естественными богатствами края и сооруженіемъ въ немъ желѣзныхъ дорогъ,—то такое состояніе развѣ не есть прямое присоединеніе Маньчжуріи къ Россіи? А если это такъ, то зло, вытекающее изъ этого договора, не ограничится только однимъ поглощеніемъ Маньчжуріи—родины настоящей династіи—Россіею, а неизбѣжно повлечетъ за собою раздѣленіе Китая иностранными державами, изъ которыхъ каждая безъ сомнѣнія постарается пріобрѣсти соотвѣтствующія выгоды въ другихъ частяхъ обширной китайской имперіи. Ясное дѣло, что весь Китай единодушно и всѣми силами долженъ противиться утвержденію этого договора, грозящаго не только поглощеніемъ иноземцами древнѣйшаго, богатѣйшаго и населеннѣйшаго царства, но и потрясеніемъ всего отдаленнаго Востока; да, онъ долженъ противиться ему, хотя бы для этого ему пришлось вступить въ борьбу съ такою могущественною державою, какъ Россія; ему нечего будетъ опасаться этой борьбы, потому что на его сторонѣ будутъ всѣ великія державы, для которыхъ распаденіе Китая будетъ величайшимъ зломъ“... Другіе патріоты совѣтуютъ открыть всю Маньчжурію для иностранной торговли на общихъ съ другими открытыми китайскими портами основаніяхъ и этою мѣрою предохранить страну отъ дальнѣйшихъ поползновеній на нее Россіи, такъ сказать—нейтрализовать ее.

Въ этомъ движеніи китайскихъ патріотовъ противъ Россіи одинъ изъ нихъ доходитъ до того, что характеризуетъ ея политическую дѣятельность по отношенію къ Китаю въ слѣдующихъ словахъ:

„Всякое новое несчастіе Китая доставляло Россіи новую выгоду, а всѣ другія державы оставались позади ея. Это происходило отъ того, что ея внѣшняя политика, несмотря на внутреннюю слабость государства, далеко превосходила политику другихъ иностранныхъ державъ. Дружескія сношенія Россіи съ Китаемъ—самыя старыя, и она получила отъ него земли наиболѣе другихъ. Въ царствованіе императора Канъ-си русскіе завладѣли нашимъ (?) Албазиномъ. По договору 1689 года, Китай промѣнялъ Альбазинъ на Нерчинскъ (никогда не принадлежавшій Китаю), такъ что хотя Албазинъ и былъ намъ возвращенъ,

по Нерчинскъ отошелъ къ Россіи. Спустя болѣе 150 лѣтъ, въ царствованіе Сянь-фына, когда Англія и Франція, вслѣдствіе отказа въ ратификаціи договора, овладѣли Дагу, вступили въ Пекинъ и заключили подъ стѣнами его договоръ, онѣ не получили ни одного клочка земли. Между тѣмъ Россія, стоявшая въ сторонѣ, пользуясь этою распрею, безъ всякаго повода, завладѣла землями на С. отъ Амура и на В. отъ Усури, обнимавшими пространство въ нѣсколько тысячъ ли. Съ этихъ поръ она занялась устройствомъ Владивостока и овладѣла устьемъ р. Тумынь, чтобы черезъ него открыть сношенія съ Кореей. Вотъ откуда началась вся бѣда. Спустя болѣе десяти лѣтъ, въ Синьцзянѣ вспыхнуло страшное магометанское возстаніе. Россія снова воспользовалась этимъ случаемъ и завладѣла илійскимъ (кульчжинскимъ) краемъ и такимъ образомъ распространила свою власть на все сѣверное Притяньшанье. Правда, по кульчжинскому договору, она возвратила илійскій край Китаю, но все-таки укоротила наши пограничныя владѣнія на 2.000 слишкомъ ли. Въ 1894 г., во время японо-китайской войны, Россія, пригласивъ Германію и Францію, возвратила Китаю Ляодунъ, а черезъ три года сама же овладѣла портомъ Артуръ и Далянь. Такимъ образомъ, эти два важные порта также перешли къ ней. Въ прошломъ году, когда вспыхнуло ихэтуаньское возстаніе, Россія вынуждена была вмѣстѣ съ союзными войсками вступить въ Пекинъ, а сама, между тѣмъ, отдѣльною арміей заняла всю Маньчжурію [1]) и отправила человѣка [2]) для того, чтобы склонить на свою сторону вліятельныхъ китайскихъ сановниковъ, дѣйствуя на нихъ запугиваніемъ и обманомъ и склоняя (соблазняя) ихъ обѣщаніемъ взятки и покровительства. Поэтому, лишь только въ Пекинѣ начались мирные переговоры, какъ Россія первая изъ всѣхъ державъ подняла вопросъ объ удаленіи войскъ. Когда всѣ иностранныя державы потребовали наказанія главныхъ виновниковъ мятежа, только одна Россія не приняла въ этомъ участія. Это опять-таки было сдѣлано потому, что она хорошо знакома съ характеромъ китайцевъ, которые изъ-за пристрастія къ чиновничеству готовы погубить государство".

Эта историческая справка китайскаго патріота, страдающая массою неточностей и небезпристрастная, какъ и общія мнѣнія другихъ китайцевъ объ отношеніяхъ Китая къ Россіи, приведены

---

[1]) По мнѣнію самихъ китайцевъ, виновникомъ взятія Маньчжуріи былъ Хейлунъ-цзянскій Цзянъ-цзюнь-Шоу-шанъ, осмѣлившійся безъ всякаго вызова напасть на Благовѣщенскъ.

[2]) Вѣроятно, намекъ на князя Ухтомскаго.

нами съ тою *главною и существенною цѣлью,* чтобы показать нѣкоторымъ изъ нашихъ политиковъ, которымъ не чужды дѣла Китая, какъ они глубоко ошибаются, воображая и даже утверждая, что китайцы должны относиться къ намъ и дѣйствительно относятся, въ настоящее время, если не съ бóльшимъ, чѣмъ къ другимъ иностранцамъ, дружелюбіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ меньшею враждебностью. Это глубокое заблужденіе! это вредный самообманъ, который можетъ дорого обойтись намъ. Дѣйствительно, было время, когда китайцы относились къ намъ съ бóльшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ другимъ иностранцамъ, но оно было поколеблено нашею политикою въ кульчжинскомъ вопросѣ, которою воспользовались наши друзья для того, чтобы очернить и дискредитировать насъ въ глазахъ подозрительныхъ китайцевъ. Да, оно было поколеблено, но еще не подорвано окончательно, и спустя 14 лѣтъ,—когда мы, чуть не рискуя войною съ Японіей, вырвали у ней Ляо-дунъ и возвратили его Китаю и, кромѣ того, снабдили его деньгами,—довѣріе и расположеніе къ намъ не только было возстановлено, но оно достигло своего апогея. Въ 1895 г., когда я, возвращаясь изъ отпуска въ Пекинъ, проѣзжалъ между Калганомъ и Пекиномъ, то въ гостинницахъ, гдѣ намъ приходилось останавливаться, лишь только становилось извѣстнымъ, что мы—русскіе, китайцы съ неподдѣльною радостью называли насъ своими старинными друзьями и благодѣтелями, выручившими ихъ правительство изъ денежнаго затрудненія и возвратившими ему Ляо-дунъ. Но какъ перемѣнилась картина, когда, послѣ занятія Портъ-Артура, мнѣ пришлось быть въ Пекинѣ въ одной китайской лавкѣ, хозяинъ которой, узнавъ, что я русскій, чуть не отвернулся отъ меня. Этотъ фактъ доказываетъ, что у китайцевъ есть патріотическое чувство, и что они, также какъ и другіе, умѣютъ цѣнить сдѣланное имъ добро и негодовать за причиненное зло.

Конечно, горячій протестъ общественнаго мнѣнія Китая противъ русско-китайскаго соглашенія былъ подогрѣтъ Японіей, Англіей, Соединенными-Штатами Сѣверной Америки и другими державами, интересы которыхъ въ Китаѣ равны нулю, но иниціатива его безспорно принадлежала китайцамъ, которые вполнѣ понимали, что въ державахъ и особенно въ Японіи, Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки ихъ протестъ встрѣтитъ горячее сочувствіе и дѣятельную поддержку.

Но какъ бы ни были испорчены наши отношенія къ Китаю, намъ, въ виду совершенно отличнаго отъ другихъ державъ положенія нашего по отношенію къ нему, созданнаго географи-

ческими условіями, и отношенія къ намъ державъ на Дальнемъ Востокѣ, не только не слѣдуетъ еще болѣе портить ихъ, а наоборотъ, необходимо приложить всѣ усилія къ возстановленію ихъ. Единственное и надежное средство къ этому нами уже было указано въ концѣ нашего дневника въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы"—это „побольше справедливости и гуманности", которыя, безъ сомнѣнія, найдутъ отголосокъ въ мирномъ Китаѣ, будутъ оцѣнены имъ по достоинству и послужатъ къ упроченію взаимныхъ добрыхъ отношеній.

Но обратимся къ другимъ извѣстіямъ, сообщаемымъ газетою. Такъ, она сообщаетъ не мало интересныхъ свѣдѣній о жизни двора и окружающихъ его лицъ въ Си-ань, откуда онъ, несмотря на всѣ старанія, увѣщанія и настоянія какъ иностранныхъ представителей, такъ и китайскихъ сановниковъ, до сихъ поръ еще не возвратился. Всѣ эти извѣстія почерпнуты газетою или изъ частныхъ писемъ изъ Си-ань, или же отъ лицъ, побывавшихъ тамъ. Изъ нихъ мы узнаемъ слѣдующее:

„Императрица по прежнему держитъ правительственную власть въ своихъ рукахъ. Канцлеръ Жунъ-лу и министръ Лу-чуань-линь, одинъ изъ крайнихъ ретроградовъ, пользуются громадною властью; вліяніе же мѣстнаго губернатора значительно пошатнулось. Между ними умѣренный прогрессистъ, членъ министерства иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ Ванъ-вэнь-шао прилагаетъ всѣ свои усилія и изворачивается для охраненія главныхъ интересовъ. Богдыханъ, по старому, не имѣетъ власти; видъ у него крайне изнуренный, вѣроятно вслѣдствіе сердечной скорби и негодованія. Наслѣдникъ, достигшій уже юношескаго возраста, смотритъ жирнымъ толстякомъ съ грубыми чертами лица, любитъ верховую ѣзду, носитъ шапку, отороченную золотымъ позументомъ, одѣвается въ узкій темносиній кафтанъ, а поверхъ него въ коричневый, со стоячимъ воротомъ, халатъ, и вообще по костюму ничѣмъ не отличается отъ подлаго люда и не походитъ на лицо царственнаго происхожденія...

„Когда, по взятіи Пекина союзными войсками, дворъ бѣжалъ въ Шань-си, то вслѣдъ за нимъ туда направились и труппы актеровъ и открыли тамъ три театра, которые постоянно наполнены знатными посѣтителями. Отечество находится въ великой скорби, народъ мретъ отъ голода, а эти господа развлекаются пѣніемъ и актерами, забывая объ отечествѣ,—совершенно бездушные, низкіе люди! Вдовствующая богдыханша также часто призываетъ актеровъ въ походный дворецъ, гдѣ они играютъ для разсѣянія печали и грусти ея величества. Наслѣдникъ осо-

бенно пристрастился къ театру и неукоснительно посѣщаетъ его ежедневно. Занявъ мѣсто у входа на сцену, онъ постоянно жестикулируетъ руками и топаетъ ногами и особенно любитъ воинственныя пьесы. Каждый день онъ забавляется съ главнымъ евнухомъ, любимцемъ богдыханши, Ли-Лянь-ин'омъ. Богдыханша всего не знаетъ объ ихъ продѣлкахъ, а богдыханъ хотя и знаетъ, но не все говоритъ. Благодаря полнѣйшему недосмотру богдыханши и потворству главнаго евнуха, наслѣдникъ сталъ совершенно разнузданнымъ и непослушнымъ. Въ послѣднее время онъ совершенно лишился расположенія богдыханши и неоднократно подвергался наказанію кнутомъ за свою природную глупость и упрямство и особенно за свой странный и заносчивый характеръ. Одинъ изъ сановниковъ такъ выразился о немъ: „Жаль, что человѣкъ, котораго ожидаетъ императорскій тронъ, можетъ превратиться въ отставного царевича“. Чувствуя нерасположеніе къ ученью, онъ отличается особеннымъ знаніемъ музыки. Стоитъ только музыканту сдѣлать ошибку, какъ онъ непремѣнно сдѣлаетъ ему выговоръ, или же самъ отправится на сцену и бьетъ въ барабанъ, или играетъ на балалайкѣ. Въ декабрѣ прошлаго года наслѣдникъ, дядя его Лань-гунъ и братъ Пу-синь, предводительствуя толпою евнуховъ, затѣяли въ театрѣ драку изъ-за мѣстъ съ гань-су'скими солдатами, причемъ нѣсколько евнуховъ было убито. Не смѣя открыто мстить гань-су'сцамъ, пострадавшая сторона перенесла свой гнѣвъ на театры, и чрезъ посредство одного губернатора добилась закрытія всѣхъ театровъ и публичнаго наказанія ношеніемъ шейной колодки содержателя того театра, въ которомъ произошло побоище. Въ изданномъ объявленіи закрытіе театровъ было мотивировано слѣдующимъ образомъ: „Можно ли увеселяться театральными зрѣлищами и предаваться удовольствіямъ въ то время, когда ихъ величества покрылись пылью, т.-е. бѣжали, а народъ подвергся разоренію и истребленію, въ эту годину позора государя и смерти слугъ его, когда всѣ должны помышлять объ отмщеніи, и когда, сверхъ того, вслѣдствіе ужасной засухи, посѣтившей провинцію Шань-си, слѣдуетъ соблюдать особенную бережливость. Поэтому театры, гостинницы и рестораны подлежатъ строгому запрещенію“. Но вслѣдъ затѣмъ, по ходатайству антрепренеровъ и хозяевъ, заведенія эти, чрезъ посредство всесильнаго евнуха Ли-лянь-ин'а, были снова открыты при слѣдующемъ объявленіи: „Небо ниспослало прекрасный снѣгъ — знаменіе будущаго урожая. Слѣдуетъ открыть театральныя представленія, дабы отблагодарить духовъ. Въ виду этого, со всѣхъ театровъ и ресторановъ снимается запрещеніе“.

„Въ послѣднее время, при представленіи сановниковъ, богдыханша, обратившись къ одному изъ нихъ, со слезами сказала: „Мы съ сыномъ (?) забрели сюда и почти лишены пристанища“, и снова заплакала; богдыханъ также заплакалъ.

„Однажды были присланы новые императорскіе костюмы; богдыханша, обращаясь къ богдыхану, сказала: „Попробуй-ка надѣть“. На это богдыханъ отвѣчалъ: „Лучше носить старое пекинское платье“.—„А ты хотѣлъ бы возвратиться въ Пекинъ?“—спросила богдыханша.—„Мнѣ не хотѣлось бы бросить землю моихъ предковъ“,—отвѣчалъ богдыханъ.—„Я съ тобою согласна“.—Богдыханъ продолжалъ: „Эта земля не есть мой домъ; я до тѣхъ поръ не буду спокойно спать и ѣсть, пока не возвращусь въ Пекинъ“...

Какъ глубоко запало чувство мести въ душу старой богдыханши, не привыкшей прощать своимъ врагамъ, видно изъ слѣдующаго случая: одинъ изъ сановниковъ представилъ докладъ, въ которомъ горячо рекомендовалъ сы-чуаньскаго мятежника Юй-мань-цзы, отличавшагося недавно преслѣдованіемъ миссіонеровъ и христіанъ, какъ человѣка, способнаго занять постъ главнокомандующаго, и ручался жизнью всей своей семьи, что онъ въ состояніи дать союзнымъ войскамъ рѣшительное сраженіе. Хотя этому докладу не дано было хода, но богдыханша осыпала докладчика нескончаемыми похвалами. Знаменитый Дунъ-Фу-сянъ хотя номинально и возвратился въ Гань-су, но отрядъ его поступилъ подъ команду его ученика Дэна, выведеннаго имъ въ люди во время усмиренія магометанскаго движенія въ той же провинціи Гань-су.

Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сановниковъ въ совѣтахъ богдыханши, Жунъ-лу, пользуется весьма плохою репутаціей. Консерваторы смотрятъ на него какъ на мятежника, а прогрессисты—какъ на измѣнника.

Богдыханша продолжаетъ до сихъ поръ смотрѣть на главныхъ виновниковъ послѣднихъ несчастныхъ событій какъ на убѣжденныхъ патріотовъ. Такъ, когда управляющій хлѣбнымъ дѣломъ въ Шань-дунѣ, во время аудіенціи, просилъ, для прекращенія притязаній иностранцевъ, казни главныхъ виновниковъ, то богдыханша сдѣлала при этомъ весьма недовольную мину. Когда же смѣлый управляющій прибавилъ, что иностранцы ни подъ какимъ видомъ не оставятъ этого дѣла, и что для сохраненія государственнаго достоинства было бы лучше произнести надъ ними судъ, не дожидаясь указанія ихъ виновности иностранцами, то на это ея величество сказала ему: „Не только преданность

князей и сановниковъ (руководителей движенія) блещетъ какъ солнце, но даже патріотизмъ ихэтуаньцевъ не подлежитъ сомнѣнію. Ты въ то время не былъ въ Пекинѣ, и потому не знаешь всего. Не разглагольствуй“.

Относительно домашней жизни двора мы узнаемъ слѣдующее: Сначала дворъ помѣщался въ резиденціи генералъ-губернатора, а нынѣ помѣщается въ домѣ губернатора, стѣны и ворота котораго выкрашены въ красный цвѣтъ; передъ главными воротами поставлены рогатки и надъ ними поставлена надпись: „Походный дворецъ“. Среднія и лѣвыя ворота не открываются, а для сообщенія оставлены правыя, по вступленіи въ которыя находится кордегардія и экипажная; подлѣ нея—пріемныя для членовъ государственнаго совѣта, министровъ, начальниковъ отдѣльныхъ управленій и высшихъ мѣстныхъ властей. Главная зала на первомъ дворѣ совершенно пустая; въ лѣвомъ флигелѣ—внутренняя пріемная для лицъ, ожидающихъ аудіенціи, а въ правомъ — помѣщеніе для отдыха послѣ аудіенціи. На этомъ же дворѣ кабинетъ богдыханши съ трономъ, покрытымъ желтымъ полотномъ. Въ главной залѣ второго двора также поставленъ тронъ, покрытый тоже желтымъ полотномъ; лѣвый флигель служитъ мѣстомъ для аудіенцій, а въ правомъ—княжеская канцелярія. Въ главной залѣ третьяго, или задняго, двора также есть тронъ; правый и лѣвый флигеля служатъ помѣщеніемъ для ея величества. Три звена [1]) на востокъ отъ второй залы служатъ опочивальнею для богдыхана, а другія три звена—спальнею его супруги. Комната въ три звена, примыкающая къ третьей залѣ съ запада, служитъ помѣщеніемъ для наслѣдника. Весь походный дворецъ освѣщается иностранными лампами и свѣчами.

Со времени прибытія въ Си-ань старая богдыханша часто страдаетъ желудочными болями, потому что здѣшній климатъ ей не подходитъ. Ночью, когда ей не спится, она плачетъ и постоянно приказываетъ евнухамъ колотить себѣ спину. Богдыханъ, наоборотъ, смотритъ болѣе здоровымъ, чѣмъ въ Пекинѣ, и иногда шутитъ съ евнухами и смѣется попрежнему; но когда бываетъ не въ духѣ,—жестоко бранитъ ихъ, какъ будто чувствуетъ противъ нихъ какую-то досаду и негодованіе.

Доставляемымъ отовсюду ко двору вещамъ богдыханша приказываетъ евнухамъ составлять списки, и затѣмъ щедро раздариваетъ ихъ сановникамъ. При видѣ присылаемыхъ изъ разныхъ

---

[1]) Въ домахъ зажиточныхъ людей звено имѣетъ по лицевой сторонѣ зданія 10—12 футъ.

провинцій въ министерство двора вещей ею овладѣваютъ и чувство радости, и скорби. Богдыханъ же, при видѣ предметовъ, полученныхъ изъ столичной области, проливаетъ слезы. Иногда случается, что его величество, забавляясь въ саду и завидѣвъ входящаго туда евнуха, или прячется за ворота, или же уходитъ въ свои покои—неизвѣстно почему. Полагаютъ, что онъ страдаетъ подозрительностью. Еще бы ему не страдать ею,—прибавимъ мы,—когда ему пришлось столько вытерпѣть отъ евнуховъ въ теченіе двухъ-лѣтняго заключенія на островѣ въ пекинскомъ дворцѣ подъ ихъ неутомимымъ присмотромъ!

На столъ ихъ величествъ ежедневно расходуется болѣе трехъсотъ рублей, опредѣляемыхъ губернаторомъ, къ которому однажды богдыханша обратилась съ слѣдующими словами: „Въ Пекинѣ на столъ у насъ выходило въ нѣсколько разъ больше, такъ что теперь можно назвать насъ экономными“. На это губернаторъ отвѣчалъ: „Можно быть еще экономнѣе“. Каждый вечеръ евнухъ подноситъ меню изъ ста слишкомъ блюдъ, состоящихъ на первыхъ порахъ только изъ куръ, утокъ, мяса и рыбы, къ которымъ потомъ присоединялись представленныя ко двору ласточкины гнѣзда, трепанги и проч., и императорскій столъ сдѣлался роскошнѣе. Богдыханъ любитъ молодой лукъ и немного ѣстъ скоромной пищи. Богдыханша любитъ макароны, а другихъ кушаньевъ употребляетъ мало, и потому наказываетъ евнухамъ не готовить много блюдъ. Въ прежнее время столъ состоялъ изъ сотни блюдъ, а теперь блюдъ изъ десяти, изъ которыхъ богдыханъ кушаетъ два три блюда. Прошлую зиму богдыханъ и богдыханша пили молоко, для чего содержалось шесть коровъ; но нынѣшнею весною, вслѣдствіе страшной сухости въ воздухѣ и жары, они перестали пить его, и коровы переданы были для прокорма въ мѣстное окружное управленіе, гдѣ содержаніе ихъ стòитъ ежемѣсячно болѣе трехъ-сотъ рублей при отдѣльномъ для нихъ пастбищѣ.

При выѣздѣ богдыхана и богдыханши изъ Пекина,—такъ какъ они оставили его второпяхъ,—у нихъ не было другого платья, кромѣ того, которое было на нихъ. Потомъ имъ постепенно было выслано ихъ платье, такъ что они теперь носятъ то, что̀ у нихъ было въ Пекинѣ.

По прибытіи царственныхъ добровольныхъ изгнанниковъ въ Си-ань, весь народъ удостоился лицезрѣть ихъ. Еще до прибытія въ этотъ городъ, богдыханша, обратясь къ канцлеру Вану, сказала ему: „Я хочу посмотрѣть, какова въ самомъ дѣлѣ страдальческая жизнь народа“. Благодаря этому, и сельское населеніе,

по пути слѣдованія императорскаго поѣзда, также удостоилось безнаказанно лицезрѣть своихъ государей. Никогда ничего не видѣвшій богдыханъ съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ на обстановку поселянъ. „Откуда намъ было знать, что народъ въ такой степени бѣдствуетъ?“—сказала богдыханша богдыхану, и немедленно по прибытіи въ Си-ань приказала губернатору озаботиться оказаніемъ помощи бѣдствующему населенію и открыть для него даровыя столовыя.

Богдыханша жаждетъ возвратиться въ Пекинъ, но ею постоянно овладѣваетъ безпричинный страхъ. 13-го марта былъ уже составленъ указъ о возвращеніи, но извѣстіе о русскомъ договорѣ остановило приведеніе его въ исполненіе. Въ настоящее время въ походномъ дворцѣ всѣ надѣются на князя Цина и Ли-Хунъ-чжана, какъ на каменную гору, и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ отъ нихъ телеграммъ. „Если я одинъ день не получаю телеграммы изъ Пекина, то я чувствую себя потерянною“,—говоритъ богдыханша, несмотря на то, что эти телеграммы мало приносятъ радости, а много тревоги. По поводу смерти главныхъ коноводовъ ихэтуаньскаго возстанія, князя Чжуана, Инъ-няня и Чжао-Шу-цяо, императрица замѣтила, что „въ прошломъ году князь и Инъ-нянь, хвастаясь своимъ близкимъ родствомъ съ царствующимъ домомъ, сказали, что дайцинскую имперію они не преподнесутъ иностраннымъ чертямъ, и при этомъ дошли до такой необузданности, что чуть-было не опрокинули императорскій столъ. Мнѣ кажется, что Чжао-Шу-цяо—не ихъ поля ягода. Очень жаль его смерти!“—и при этихъ словахъ она прослезилась.

Вотъ какія неутѣшительныя свѣдѣнія сообщаетъ газета о лицахъ, держащихъ въ своихъ рукахъ судьбы Китая, и въ особенности о будущемъ ея правителѣ, если только, ко благу его, не исполнится предсказаніе китайскаго сановника, пророчащаго этому необузданному и невѣжественному юношѣ разжалованіе изъ наслѣдниковъ въ царевичи.

Въ числѣ другихъ интересныхъ свѣдѣній, газета сообщаетъ намъ точныя данныя о состояніи китайскихъ финансовъ, отрывочныя извѣстія о которыхъ хотя и помѣщались въ правительственной газетѣ, но не давали возможности составить что-нибудь стройное и цѣлое. Только необходимость изысканія средствъ на удовлетвореніе претензій иностранцевъ за убытки, причиненные имъ ихэтуаньскимъ возстаніемъ, и расходы, вызванные его подавленіемъ, заставили китайское правительство сдѣлать въ послѣднее время точный подсчетъ всѣхъ государ-

ственныхъ доходовъ и расходовъ. Эти данныя, даже не вполнѣ извѣстныя китайскимъ бюрократамъ, относящіяся къ послѣднимъ годамъ и сообщенныя въ газету ея корреспондентомъ, развертываютъ передъ нами полную и точную картину государственнаго бюджета Китая, безъ сомнѣнія крайне важную для всѣхъ странъ, промышленныхъ и торговыхъ обществъ и лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ этой обширной, многомилліонной и богатой всѣми естественными произведеніями страны. Для насъ же лично онѣ интересны еще и потому, что общій итогъ ихъ недалеко расходится съ тѣми предположеніями, которыя мы дѣлали уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. При этомъ мы считаемъ долгомъ замѣтить, что въ газетѣ помѣщены собственно два отчета, изъ коихъ послѣднему, появившемуся нѣсколькими днями позже и относящемуся къ 1899 г., мы отдаемъ предпочтеніе, какъ наиболѣе точному и систематизированному, но, къ сожалѣнію, изъ этого отчета появилась пока только приходная часть бюджета, и потому мы, пользуясь ею, въ то же время пока беремъ расходную часть изъ перваго.

Государственные доходы Китая по росписи 1899 года опредѣляются въ 88.272.006 ланъ [1]) и распадаются на слѣдующія рубрики:

1. Поземельная и подушная подать .		30.339.100 л.
2. Таможенныя пошлины:		
а) иностранныя.	22.035.400 л. [1]).	
б) китайскія . .	2.906.400 „	
		24.941.800 „
3. Ликинный сборъ		14.679.300 „
4. Соляные налоги:		
а) сол. акцизъ .	3.537.200 „	
б) сол. лик. сб.	10.010.000 „	
		13.547.200 „
5. Разные сборы.		4.764.606 „
	Всего.	88.272.006 л.

Такимъ образомъ, всѣ государственные доходы Китая, слагаясь изъ 30.339.100 ланъ поземельныхъ сборовъ, 24.941.000 л. пошлинъ, 14.679.300 л. ликиннаго сбора, установленнаго въ началѣ 50-хъ годовъ на покрытіе расходовъ по усмиренію тай-

---

[1]) Стоимость лана колеблется и приблизительно = 1 р. 40 к.

[1]) Изъ нихъ на опіумъ приходится 4.965.300 ланъ.

пинговъ, 13.547.200 л. соляныхъ налоговъ и 4.764.606 л. сборовъ разныхъ наименованій, составляютъ въ общемъ *88.272.006 ланъ*, или, считая одну лану по 1 р. 40 к., равняются 123.582.806 руб.

Статьи государственныхъ расходовъ, взятыя нами изъ другого отчета, какъ мы уже замѣтили, не отличаются особенною ясностью и систематичностью. Вотъ онѣ:

Провинціальные расходы	11.400.000	ланъ.
Выслано въ министерство финансовъ . . .	1.800.000	„
Содержаніе знаменныхъ и войскъ зеленаго знамени (изъ китайцевъ).	12.000.000	„
Содержаніе гарнизонныхъ милиціонеровъ и обученныхъ войскъ.	19.000.000	„
Содержаніе морскихъ таможенъ.	3.613.500	„
Дворцовое вѣдомство	1.000.000	„
Отчисленія на желѣзныя дороги	800.000	„
Содерж. войскъ въ Гань-су и Синь-цзянѣ .	4.800.000	„
Содержаніе администраціи въ Маньчжуріи .	490.000	„
Расходы по флоту и главнымъ управленіямъ сѣверными и южными портами.	5.000.000	„
Содержаніе посольствъ	1.000.000	„
Расходы на исправленіе Желтой рѣки . . .	600.000	„
Расходы на водяныя работы на р. Юнъ-динъ въ столичной провинціи	340.000	„
Уплата °/o и капитала по иностраннымъ займамъ	24.000.000	„
Содержаніе столичныхъ управленій	800.000	„
Расходы по защитѣ границъ	2.500.000	„
Изготовленіе вооруженія и аммуниціи . . .	2.000.000	„
Добавочное содержаніе чиновъ имперіи. . .	1.960.000	„
Въ запасный капиталъ въ столицѣ.	660.000	„
Дополнительное содержаніе знаменныхъ. . .	1.380.900	„
Всего расходовъ .	*94.243.500*	ланъ.
Приходъ .	88.272.006	„
Дефицитъ . .	5.971.494	„

Важность приведенныхъ данныхъ о состояніи государственныхъ финансовъ страны заключается въ томъ, что онѣ служатъ указателемъ состоянія земледѣлія, торговли, промышленности и вообще экономическаго положенія податныхъ силъ, принимающихъ участіе въ доходахъ и расходахъ государства.

Изъ правительственныхъ распоряженій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ предполагаемымъ реформамъ, на первомъ

планѣ, конечно, слѣдуетъ поставить указъ объ учрежденіи новаго высшаго правительственнаго органа подъ именемъ „Ду-бань-чжэнъ-у-чу", то-есть, мѣста, которому принадлежитъ главное веденіе правительственныхъ дѣлъ, которому мы можемъ поэтому усвоить названіе: „Главный Правительственный Совѣтъ". Но для того, чтобы точнѣе ознакомиться съ кругомъ его дѣятельности, мы находимъ необходимымъ изданный по этому поводу указъ привести in extenso.

„Имѣя въ виду произвести реформы въ государственномъ управленіи и напряженно стремясь къ самоусиленію, мы въ началѣ текущаго года приказали всѣмъ столичнымъ и провинціальнымъ сановникамъ изложить по этому предмету свои воззрѣнія и представить ихъ намъ въ категорической формѣ для нашего разсмотрѣнія и выбора. За послѣднее время не мало докладовъ уже поступило, но отъ многихъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, а также чиновъ прокурорскаго надзора, таковые еще не поступили. Настоящее дѣло—чрезвычайной важности и многосложное. Докладовъ цѣлая масса, при разсмотрѣніи которыхъ необходимо сдѣлать строгій и тщательный выборъ, опредѣлить, какіе изъ нихъ исполнимы, а также изслѣдовать, въ силахъ ли правительство исполнить ихъ, или нѣтъ,—а для этого необходимо такое учрежденіе, куда бы стекались всѣ указы и которому принадлежало бы главное завѣдываніе подъ его спеціальною отвѣтственностью. Въ виду этого мы учреждаемъ Главный Правительственный Совѣтъ и назначаемъ князя Цина И-куана, государственныхъ секретарей Ли Хунъ-чжана, Жунъ-лу, Кунь-гана, Ванъ Вэнь-шао и министра финансовъ Лу-Чуань-линя—главными правительственными совѣтниками, а Лю Кунь-и (нанкинскій генералъ-губернаторъ) и Чжанъ Чжи-дуну также повелѣваемъ участвовать въ Совѣтѣ (издали). Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся реформъ (отмѣны чего-либо, или оставленія по старому) означенные князь и сановники обязаны совѣщаться и принимать рѣшеніе въ духѣ согласія, подвергать все безпристрастному и тщательному обсужденію и по порядку докладывать намъ, въ ожиданіи представленія нами ихъ мнѣній ея величеству, для своевременнаго выбора и утвержденія, и, по возвращеніи нашемъ въ столицу, опубликованія ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Что же касается исполнительныхъ чиновъ Главнаго Правительственнаго Совѣта, то князь и сановники должны выбрать для этого лицъ съ честными и прямыми убѣжденіями, основательно знакомыхъ съ современнымъ положеніемъ дѣлъ, и дѣлать намъ

представленія о назначеніи ихъ, не допуская при этомъ ни малѣйшаго нерадѣнія.

Такъ какъ данный нами для представленія докладовъ двухмѣсячный срокъ уже истекъ, то лица, не представившія ихъ, пусть поторопятся обсудить и представить ихъ безъ дальнѣйшаго замедленія. Объявить это во всеобщее свѣдѣніе. Быть по сему".

Изъ приведеннаго указа видно, что это новосозданное учрежденіе является высшею правительственною коммиссіею для принятія, обсужденія, разсмотрѣнія всѣхъ докладовъ, касающихся реформъ, и представленія ихъ съ своими заключеніями на воззрѣніе и рѣшеніе ихъ величествъ.

Задача, предстоящая членамъ этого высокаго синедріона—безъ сомнѣнія важная, трудная и отвѣтственная, и весь вопросъ въ томъ, будутъ ли эти высокіе сановники по своимъ личнымъ качествамъ, убѣжденіямъ и знаніямъ въ состояніи справиться съ нею какъ слѣдуетъ и внести въ нее тотъ духъ безпристрастія и единодушія, который требуется указомъ и такъ необходимъ въ этой великой работѣ. Не будутъ ли они представлять изъ себя старые мѣха, предназначенные содержать новое вино? Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что эти пять сановниковъ находятся въ преклонномъ возрастѣ, представляющемъ, въ общей сложности, болѣе 360 лѣтъ, они далеко не сходятся по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Наиболѣе выдающійся изъ нихъ по уму, обширной разнообразной опытности и, несмотря на свои 80 лѣтъ, неутомимой энергіи, Ли-Хунъ-чжанъ принадлежитъ къ умѣреннымъ прогрессистамъ, къ которымъ принадлежатъ уступающій ему въ энергіи, опытѣ и умѣ князь Цинъ и бывшій чжилійскій генералъ-губернаторъ Ванъ Вэнь-шао, когда-то одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ цзунъ-ли-я-мыня, человѣкъ не безъ ума и опыта, но слабой воли. Большею энергіей отличается Жунъ-лу, ловкій придворный, честолюбивый, не стѣсняющійся въ выборѣ средствъ, пользующійся расположеніемъ и довѣріемъ богдыханши, особенно послѣ дворцоваго переворота 1898 года, въ которомъ онъ игралъ одну изъ видныхъ ролей въ устраненіи богдыхана отъ власти. Кунь-чанъ—одинъ изъ столповъ старой маньчжурской партіи, преданный интересамъ династіи, бывшій когда-то членомъ цзунъ-ли-я-мыня, но вскорѣ исключенный изъ него за свой обскурантизмъ. Наиболѣе опаснымъ человѣкомъ для реформаціонной дѣятельности является министръ Лу-Чуань-линь, одинъ изъ крайнихъ ретроградовъ, находившійся все время при дворѣ въ Си-ань и пріобрѣвшій значительное вліяніе на вдов-

ствующую императрицу. О немъ сами китайцы, принадлежащіе къ партіи благоразумныхъ, говорятъ, что Лу своими пагубными совѣтами причинилъ Китаю гораздо болѣе вреда, чѣмъ несчастные вожаки ихэтуаньцевъ, поплатившіеся за свою глупую приверженность къ нимъ своими головами. Вотъ тѣ лица, которымъ, въ качествѣ постоянныхъ членовъ главнаго правительственнаго совѣта, приходится разсматривать и обсуждать разные доклады о реформахъ. Правда, въ среду ихъ включены еще два популярныхъ и вліятельныхъ генералъ-губернатора — Чжанъ-Чжидунъ и Лю-Кунь-и, твердой и благоразумной политикѣ которыхъ, пошедшей въ разрѣзъ съ стремленіями главныхъ вожаковъ ихэтуанизма, приписывается поддержаніе порядка на югѣ Китая и то, что пагубная и разрушительная дѣятельность его ограничилась только сѣверомъ Китая. Лю-Кунь-и пользуется репутаціей опытнаго и благоразумнаго государственнаго человѣка и не врагъ реформъ, хотя и неширокихъ, но онъ уже дряхлый старикъ, подумывавшій неоднократно объ удаленіи на покой.

Совсѣмъ другого типа—Чжанъ-Чжи-дунъ. Это человѣкъ умный, дѣятельный, энергичный и настойчивый, сторонникъ широкихъ реформъ, въ которыхъ онъ видитъ единственное средство усиленія и обновленія одряхлѣвшаго Китая, но безъ подрыва его національныхъ коренныхъ устоевъ, потому что, какъ одинъ изъ выдающихся представителей ученаго класса, онъ гордъ китайскою цивилизаціею. Извѣстность его начинается съ восьмидесятыхъ годовъ, когда, занимая постъ незначительнаго столичнаго чиновника, онъ выступилъ съ своимъ знаменитымъ докладомъ противъ заключеннаго съ нами, въ 1880 г., кульчжинскаго договора (ливадійскаго), добился отказа своего правительства въ ратификаціи его и отправленія въ Петербургъ новаго посольства, съ маркизомъ Цзэномъ во главѣ. Ему принадлежитъ, изданное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знаменитое сочиненіе о необходимыхъ реформахъ въ Китаѣ, подъ названіемъ: „Увѣщаніе учиться", которое рекомендуется правительствомъ, какъ настольная книга для всякаго образованнаго китайца. Ему же, какъ увидимъ потомъ, принадлежитъ мысль учрежденія главнаго правительственнаго совѣта.

Независимо отъ качества личнаго состава новаго учрежденія, успѣхъ преобразовательной дѣятельности его въ значительной степени будетъ зависѣть отъ того, какъ отнесутся къ тому или другому вопросу изъ области реформъ иностранныя державы.

Обращаясь къ вопросу о преобразованіяхъ, мы встрѣчаемъ въ газетѣ интересный и обстоятельный докладъ того же Чжанъ-

чжи-дуна, который вѣроятно будетъ положенъ въ основу преобразованій, и потому мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ его содержаніемъ.

„Въ настоящую годину тяжелыхъ испытаній, переживаемыхъ Китаемъ, когда приходится думать о преобразованіяхъ у насъ,— замѣчаетъ авторъ доклада,—ощущается недостатокъ какъ въ людяхъ, такъ и въ финансахъ; въ добавокъ къ этому поверхностныя сужденія волнуютъ, а застарѣлый консерватизмъ затемняетъ насъ. При такихъ условіяхъ, самыя отличныя мѣры и прекрасныя мысли нелегко привести въ исполненіе. Взвѣсивъ, что̀ важно и что̀ неважно, спѣшно или неспѣшно, и обсудивъ все вообще, я прихожу къ заключенію, что въ вопросахъ, которые трудно вдругъ привести въ исполненіе, важно проводить ихъ мало-по-малу, въ извѣстной послѣдовательности и безъ излишней торопливости; тогда какъ въ вопросахъ, настоятельно требующихъ измѣненій, необходимы твердая рѣшимость и энергія въ исполненіи. Вся суть дѣла заключается въ широкомъ образованіи людей разныхъ спеціальностей. Кто можетъ достать людей, тотъ можетъ и управлять государствомъ. Послѣ этого можно будетъ съ успѣхомъ постепенно заняться финансами, военнымъ дѣломъ и другими вопросами, принимая для этого мѣры, сообразныя съ требованіями времени, искореняя все вредное и насаждая полезное". Послѣ этого вступленія докладчикъ говоритъ, что, не смѣя утруждать вниманіе ихъ величествъ многосложными и обширными разсужденіями, онъ позволитъ себѣ почтительнѣйше обратить ихъ вниманіе на десять пунктовъ, наиболѣе удобоисполнимыхъ и исполненіе которыхъ легко дастъ благопріятные результаты:

1) Осторожное отношеніе къ издаваемымъ указамъ, которые являются великою государственною силою и служатъ предметомъ глубокаго уваженія для подданныхъ. Ихъ необходимо тщательно обдумывать и взвѣшивать, и, убѣдившись, что они дѣйствительно исполнимы, тогда уже издавать съ твердостью, въ увѣренности, что они будутъ исполняемы. Постоянная же замѣна однихъ указовъ другими возбуждаетъ въ умахъ населенія сомнѣніе, благодаря которому даже добрыя распоряженія правительства встрѣчаются имъ безучастно, и оно смотритъ на нихъ какъ на мертвую букву и не хочетъ заботиться объ исполненіи ихъ. Какихъ же плодовъ можно ожидать отъ этого? Къ счастью, нынѣ изданъ манифестъ, требующій слова, такъ что каждый изъ чиновъ имперіи получилъ возможность выразить свое мнѣніе; но, въ виду массы поступающихъ докладовъ со множествомъ проектовъ, крайне

необходимо подвергнуть ихъ тщательному разбору. Съ этою цѣлью докладчикъ предлагаетъ назначить нѣсколько разумныхъ и опытныхъ сановниковъ и образовать изъ нихъ правительственную коммиссію, къ участію въ которой пригласить также извѣстныхъ своими заслугами, репутаціею и большою опытностью старыхъ слугъ, и на разсмотрѣніе и обсужденіе этой коммиссіи передавать всѣ заслуживающіе вниманія проекты, лучшіе изъ которыхъ будутъ избираться ею по большинству голосовъ и представляться на высочайшее утвержденіе и затѣмъ приводиться въ исполненіе. Выработанныя такимъ образомъ законоположенія получатъ неизмѣнную силу и, несмотря ни на какія трудности, будутъ строго поддерживаемы и исполняемы. Эта статья объ осторожномъ отношеніи къ изданію указовъ безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду распоряженія и указы объ уничтоженіи иностранцевъ, которые были изданы правительствомъ въ теченіе ихэтуаньскаго погрома, когда правительственная власть находилась въ рукахъ главныхъ вожаковъ этого движенія.

2) Обученіе чиновниковъ. При представленіи лицъ на службу, обыкновенно цѣнились тѣ изъ нихъ, которые окончили государственные экзамены. Но эти лица, сбросивъ ученую тогу, опредѣлялись къ дѣламъ, которыхъ они не изучали. Большая часть изъ нихъ, опытная въ словесныхъ наукахъ, оказывалась невѣжественною въ дѣлахъ управленія. Въ добавокъ къ этому чиновничья среда стала болѣе и болѣе разношерстною, когда послѣ войнъ Сянь-фына и Тунъ-чжи (1851—1874 г.) въ нее получили доступъ лица по рекомендаціямъ и за пожертвованія. Благодаря этому большая часть столичныхъ чиновниковъ образовывалась подъ вліяніемъ приказныхъ, а провинціальныхъ—очутилась подъ вліяніемъ своихъ личныхъ секретарей. Между ними не только не найдется одного или двухъ человѣкъ на сто, основательно знакомыхъ съ иностранными дѣлами, и способныхъ помочь въ современныхъ перемѣнахъ, но даже трудно отыскать такихъ, которые удовлетворяли бы своему прямому назначенію и имѣли ясное понятіе о своемъ долгѣ. Такая полная непригодность къ дѣлу большей части чиновъ имперіи вынуждаетъ докладчика просить объ учрежденіи въ столицѣ школы для чиновниковъ, поручивъ завѣдываніе ею разумнымъ сановникамъ. Изъ всѣхъ столичныхъ правительственныхъ учрежденій онъ совѣтуетъ тщательно выбрать чиновниковъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ, дѣйствительными знаніями и пониманіемъ, опредѣлить ихъ въ эту школу и пригласить учителей для преподаванія имъ отечественной исторіи, политики, администраціи, законовѣдѣнія,

международнаго права, исторіи и системы управленія иностранныхъ державъ, такъ, чтобы каждый изъ нихъ, сообразуясь съ своими наклонностями, избралъ себѣ извѣстную спеціальность и исключительно занимался ею. Отличившихся—назначать на испытаніе къ соотвѣтствующимъ ихъ спеціальностямъ занятіямъ; людей же съ великими стремленіями отправлять для усовершенствованія за границу и, по возвращеніи оттуда, удостоивать особаго поощренія и повышенія. Докладчикъ испрашиваетъ также высочайшаго соизволенія на открытіе подобныхъ же курсовъ во всѣхъ провинціяхъ, съ тою только разницею, что въ качествѣ слушателей здѣсь являются чиновники, ожидающіе вакансій, которыми, кстати сказать, переполненъ весь Китай. Спеціальными предметами ихъ занятій должны служить администрація, современные вопросы и международныя отношенія, для чего они должны быть снабжены руководствами, переведенными съ иностранныхъ языковъ, и подвергаться ежемѣсячнымъ испытаніямъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые къ ряду получатъ лучшія отмѣтки, давать какія-нибудь порученія по службѣ. Докладчикъ надѣется, что при этой системѣ, въ теченіе одного или двухъ годовъ, всѣ столичные и провинціальные чиновники научатся стремиться къ пріобрѣтенію полезныхъ въ управленіи знаній и, конечно, легко будутъ справляться съ дѣломъ, когда оно представится имъ. „Если при настоящихъ затрудненіяхъ, становящихся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе тяжелыми, и при настоятельной потребности въ людяхъ, мы будемъ ожидать того времени, когда Китай покроется школами, которыя дадутъ намъ полезныхъ дѣятелей и мы опредѣлимъ ихъ на соотвѣтствующія ихъ познаніямъ должности, то мы безъ сомнѣнія не поспѣемъ съ ними. Такимъ образомъ,—заключаетъ докладчикъ,—намъ остается только пока принять мѣры къ образованію полезныхъ дѣятелей изъ имѣющихся въ настоящее время чиновниковъ. Съ своей стороны эти чиновники, не опасаясь быть исключенными изъ службы, безъ сомнѣнія энергично примутся за дѣло, и благіе результаты непремѣнно скоро окажутся“.

Принимая во вниманіе извѣстное трудолюбіе и настойчивость китайцевъ, между которыми не рѣдкость встрѣтить стариковъ, выступающихъ въ качествѣ конкуррентовъ на ученыя степени, мы готовы допустить, что планъ, предлагаемый Чжанъ-Чжи-дуномъ, можетъ содѣйствовать образованію болѣе пригодныхъ къ службѣ людей, но позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобы однимъ только этимъ путемъ можно было освободить китайскую бюрократію отъ всѣхъ ея застарѣлыхъ пороковъ и создать изъ пред-

ставителей ея честныхъ дѣятелей, которые бы въ состояніи были ставить интересы государственные выше своихъ личныхъ. Для реформаторской дѣятельности нужны люди, сознательно проникшіеся новыми вѣяніями и поставленные въ другія, лучшія матеріальныя условія.

3) Уваженіе къ реальнымъ наукамъ. Образованіе людей является лучшимъ средствомъ къ обезпеченію государственнаго благосостоянія на многіе годы. Какъ въ древности, такъ и въ настоящее время процвѣтаніе государствъ обусловливается имѣніемъ людей, а воспитаніе ихъ есть истинный корень, на которомъ зиждется государственное благоустройство. Обращаясь къ государствамъ всѣхъ частей свѣта, мы видимъ, что силою и богатствомъ особенно славятся тѣ изъ нихъ, у которыхъ широко развито школьное образованіе и много способныхъ людей. Въ Китаѣ въ томъ и другомъ ощущается недостатокъ. Поэтому, при настоятельномъ стремленіи къ преобразованіямъ, учрежденіе школъ и образованіе людей является дѣломъ, не терпящимъ ни малѣйшаго замедленія. „Вслѣдствіе этого,—продолжаетъ докладчикъ,—я рѣшаюсь испрашивать повелѣнія вашего величества о серьезномъ преобразованіи существующаго въ Пекинѣ университета и приложеніи всѣхъ усилій къ его расширенію, а также объ изысканіи въ провинціяхъ крупныхъ средствъ на открытіе въ нихъ бо̀льшаго количѐства школъ, такъ чтобы всѣ даже самыя захолустныя и бѣдныя мѣста имѣли ихъ. Затѣмъ, слѣдовало бы выбрать разныя дѣйствительно полезныя китайскія и иностранныя книги и разныя отрасли знанія, извѣстныя въ иностранныхъ государствахъ своими несомнѣнными благодѣтельными результатами, и пригласить учителей для преподаванія ихъ, раздѣливъ ихъ на спеціальные курсы. Но, въ настоящее время, по недостатку матеріальныхъ средствъ и преподавателей, остается одно самое удобное средство—это переводы книгъ. Для изслѣдованія иностранной литературы (книгъ) слѣдовало бы назначить спеціальнаго коммиссара. Тѣ книги, которыя уже переведены, слѣдуетъ отпечатать въ большомъ количествѣ и распространить ихъ повсюду; не переведенныя же перевести на китайскій языкъ при помощи тщательно избранныхъ переводчиковъ. За послѣднее время, весьма много книгъ было переведено въ Японіи; не мало также переведено ихъ и иностранцами, долго прожившими въ Китаѣ. Всѣ эти книги также можно пріобрѣсти, перепечатать и разослать ихъ по всѣмъ школамъ, съ цѣлью однообразія въ преподаваніи. При этомъ, сообразуясь съ средствами, можно пригласить и иностранныхъ наставниковъ.

Затѣмъ, по пріобрѣтеніи воспитанниками въ изучаемыхъ ими предметахъ основныхъ познаній, отправлять ихъ для усовершенствованія за границу".

4) Прибавленіе на состязательныхъ испытаніяхъ отдѣльнаго курса положительныхъ наукъ.

Извѣстно, что въ Китаѣ ученыя степени студентовъ, кандидатовъ и магистровъ пріобрѣтаются посредствомъ состязательныхъ испытаній, производимыхъ для студентовъ ежегодно въ уѣздныхъ и областныхъ городахъ, для кандидатовъ въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, а для магистровъ—въ столицѣ, чрезъ каждые два года въ третій для тѣхъ и другихъ; причемъ для каждой изъ трехъ степеней опредѣлено извѣстное количество вакансій. Эти состязательныя испытанія, служившія главнымъ и прямымъ путемъ къ поступленію на государственную службу и носившія схоластическій характеръ, состояли изъ диссертацій на разныя классическія темы, разсужденій по вопросамъ администраціи и политики и стихотворства. Теперь Чжанъ-Чжи-дунъ предлагаетъ ввести на этихъ экзаменахъ отдѣльный курсъ положительныхъ наукъ, отчисляя для него каждый разъ по $1/10$ изъ общаго числа положенныхъ по штату вакансій до тѣхъ поръ, пока число вакансій положительныхъ наукъ не сравняется съ числомъ вакансій курсовъ схоластическихъ, или старыхъ. Послѣ нѣсколькихъ испытаній, когда школы дадутъ много образованныхъ людей, а чиновничьи состязательные экзамены—много лицъ съ положительными знаніями, можно будетъ и старые курсы обратить въ курсы положительныхъ знаній.

5) Просвѣщеніе народа. Новыя вѣянія еще не коснулись внутреннихъ провинцій Китая. Ученый классъ и простой народъ, заключенные въ одномъ какомъ-нибудь углу, мало слышатъ и видятъ, и потому каждый разъ, какъ увидятъ иностранца, у нихъ является или чувство боязни и желаніе уклониться, или же чувство враждебности. При боязни они охотно сносятъ оскорбленія, а при враждебности возбуждаютъ ссоры. А при неимѣніи возможности ознакомиться съ положеніемъ чужеземцевъ, состояніемъ своего государства, его производительными силами и народными нравами, это отчужденіе еще болѣе увеличивается. Поэтому, для взаимнаго спокойствія, крайне необходимо просвѣтить умы народа и расширить его кругозоръ—что можетъ также благопріятно отразиться и на благосостояніи народа и развитіи торговли. Признавая, по примѣру западныхъ державъ, громадное образовательное значеніе для народа за газетами и находя, что бо́льшая часть редакцій китайскихъ газетъ наполнена людьми

безъ поведенія и разными недоучившимися негодяями, которые за спиною у иностранныхъ купцовъ смущаютъ умы и съ которыми власти не могутъ справиться, докладчикъ полагалъ бы цѣлесообразнымъ открыть во всѣхъ провинціяхъ казенныя газетныя редакціи. Во главѣ газетъ помѣщать указы, затѣмъ хронику важнѣйшихъ столичныхъ и провинціальныхъ правительственныхъ распоряженій, а въ концѣ—иностранныя правительственныя и научныя новости. Завѣдываніе газетнымъ дѣломъ подчинить назначаемому правительствомъ безпристрастному и умному делегату. Провинціальныя газетныя экспедиціи должны разсылать газету во всѣ города, посады и села, для того, чтобы все населеніе имѣло возможность знакомиться съ современными дѣлами въ разныхъ мѣстахъ, а также съ вопросами, касающимися земледѣлія, промышленности, торговли и горнаго дѣла. Помѣщеніе на страницахъ газетъ разныхъ нелѣпыхъ бредней и статей непозволительнаго содержанія должно быть запрещено. Словомъ, газеты, по мнѣнію докладчика, должны имѣть главною цѣлью просвѣщеніе народа. Кромѣ того, развитіе и распространеніе казенной прессы можетъ еще ограничить и стѣснить, если не совершенно убить корыстную, якобы, иностранную прессу.

6) Серьезное отношеніе къ путешествіямъ. Извѣстно, что въ періодъ феодальный (въ VII в. до Р. Хр.) и въ эпоху борьбы государствъ (за 4 в. до Р. Хр.) путешествія князей были явленіемъ обычнымъ, что на сеймы лично собирались сами правители и что дружественныя посольства, во главѣ съ княжескими родичами и лицами знатными, отправлялись постоянно. Подобнаго рода фактовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ прошлая исторія, не перечтешь. Все это дѣлалось для скрѣпленія сосѣдскихъ дружественныхъ отношеній, а также и для ознакомленія съ положеніемъ дружественныхъ государствъ. Что же касается путешествія въ чужіе края иностранныхъ государей въ западной Европѣ, то въ новѣйшее время они сдѣлались явленіемъ совершенно заурядныиъ. Признавая несомнѣнную великую пользу путешествій, докладчикъ проситъ объ отправленіи въ чужіе края князей и другихъ знатныхъ особъ въ сопровожденіи интересующихся современными вопросами столичныхъ и придворныхъ чиновниковъ, для ознакомленія съ строемъ иностранныхъ государствъ, съ разными науками, обычаями и характеромъ народовъ. „Продолжительное знакомство будетъ содѣйствовать умственному развитію этихъ лицъ и ознакомитъ ихъ съ существенными чертами иностранныхъ земель. По возвращеніи въ отечество, они сами съумѣютъ справиться съ служебными дѣлами; тѣмъ болѣе

имъ не трудно будетъ соотвѣтствующимъ образомъ относиться къ вопросамъ международнаго характера, если таковые имъ представятся. Видя, что новыя вѣянія съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе развиваются въ Китаѣ, иностранныя государства мало-помалу будутъ проникаться уваженіемъ къ намъ и сближаться съ нами. Вмѣстѣ съ этимъ полное знакомство съ сокровенными сторонами ихъ политики дастъ намъ возможность до нѣкоторой степени умѣрить ихъ насилія и избавить насъ отъ ихъ произвольныхъ оскорбленій. Столичнымъ чиновникамъ, которые также пожелали бы отправиться за границу, дозволять обращаться въ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое, удостовѣрившись въ ихъ способностяхъ и стремленіи къ образованію, можетъ снабжать ихъ необходимыми для этого средствами. Тѣ изъ знатныхъ особъ, которыя не переносятъ моря, могутъ сначала отправляться въ Японію и въ открытые порта, что̀ также въ извѣстной степени дастъ имъ возможность ознакомиться съ иностранцами и съ современнымъ положеніемъ дѣлъ“.

Извѣстно, что Чжанъ-Чжи-дунъ является однимъ изъ рьяныхъ поборниковъ сближенія съ Японіей и заимствованія отъ нея западной цивилизаціи. Изъ ввѣреннаго ему обширнаго края онъ уже неоднократно отправлялъ въ Японію молодыхъ людей, для полученія тамъ образованія; между прочимъ, туда же былъ отправленъ и сынъ его. Но, какъ искусный политикъ, при современныхъ условіяхъ, онъ находилъ неудобнымъ въ настоящемъ докладѣ слишкомъ открыто выражать свои симпатіи и предпочтеніе излюбленной имъ странѣ, хотя, конечно, въ силу историческихъ традицій, онъ не питаетъ въ душѣ особеннаго расположенія къ маленькой Японіи,—которую когда-то Китай называлъ рабскимъ государствомъ и считалъ своимъ вассаломъ,—а видитъ въ ней средство поскорѣе и подешевле дать своему отечеству то, что̀ ему нужно.

7) Установленіе узаконеній для чиновъ дипломатической службы. Признавая чрезвычайно важное значеніе дипломатическихъ агентовъ и находя, что настоящій составъ ихъ, ни по своему образованію, ни по подготовкѣ, ни по служебному прошлому, далеко не удовлетворяетъ своему назначенію, докладчикъ, отдавая предпочтеніе дипломатическому строю Англіи, рекомендуетъ, чтобы вся служба этихъ лицъ протекала по министерству иностранныхъ дѣлъ, чтобы посланники, въ видахъ всесторонняго ознакомленія съ страною, въ которой они аккредитованы, оставались въ ней если не всю жизнь, то, по крайней мѣрѣ, возможно долгое время, и безъ особенной надобности

не были бы перемѣщаемы; чтобы, для установленія тѣсной связи съ министерствомъ, нужные для него чиновники были иногда назначаемы изъ заграничныхъ дипломатовъ, чтобы, чрезъ извѣстное время, они пользовались отпускомъ для отдыха, съ сохраненіемъ получаемаго ими содержанія, и, наконецъ, чтобы и второстепенные чины посольствъ были назначаемы изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, окончившихъ курсъ положительныхъ наукъ.

При такомъ составѣ своихъ заграничныхъ агентовъ государство чрезъ ихъ посредство получитъ возможность къ полному ознакомленію съ чужеземными странами и всегда будетъ въ курсѣ современной міровой политики, и будетъ готово своевременно защищать свои интересы и охранять свое достоинство отъ посягательствъ извнѣ.

8) Необходимость увеличенія содержанія чиновниковъ. Находя содержаніе чиновниковъ крайне малымъ, недостаточнымъ для ихъ пропитанія, не могущимъ воспитать въ нихъ чувства безкорыстнаго служенія отечеству, вынуждающимъ ихъ смотрѣть на полученіе временной службы по финансовымъ и таможеннымъ учрежденіямъ, какъ на злачное мѣсто, Чжанъ-Чжи-дунъ не видитъ другой возможности къ искорененію всѣхъ поборовъ и хищенія, кромѣ увеличенія содержанія до нормы, которая обезпечивала бы безбѣдное существованіе чиновника. Кромѣ того, онъ рекомендуетъ ассигнованіе извѣстной суммы на служебные расходы, пропорціональной количеству дѣлъ того или другого поста. Вмѣстѣ съ этимъ онъ предлагаетъ упразднить излишнихъ, а также не имѣющихъ опредѣленныхъ обязанностей чиновниковъ, и очистившіяся отъ этого суммы обратить на увеличеніе содержанія штатнымъ. Для чиновъ, вѣдающихъ финансами, для пресѣченія хищенія и казнокрадства, онъ признаетъ возможнымъ назначеніе содержанія болѣе щедраго, съ тѣмъ чтобы уже каждая копѣйка поступала въ доходъ казны, чтобы каждый провинившійся въ хищеніи былъ подвергаемъ безпощадному наказанію по всей строгости законовъ. При добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, не только можно надѣяться на увеличеніе доходовъ казны отъ податей и пошлинъ вдвое, но также и на то, что, съ теченіемъ времени, всѣ мѣры, которыя, по образцу иностранцевъ, будутъ принимаемы правительствомъ къ обогащенію, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ.

9) Обогащеніе государственнаго бюджета. Въ финансовой политикѣ иностранныхъ государствъ существуютъ многоразличные пути къ развитію и усиленію финансовыхъ средствъ страны, изъ

коихъ главные—разработка минеральныхъ богатствъ, постройка желѣзныхъ дорогъ, поднятіе торговли и промышленности, обращеніе ассигнацій и вообще приложеніе всѣхъ усилій къ эксплоатаціи всего того, что̀ можетъ доставить выгоду государству и народу. Правительство только даетъ тонъ и оказываетъ покровительство; между имъ и народомъ существуетъ взаимное довѣріе, благодаря чему съ каждымъ днемъ открываются новые рессурсы. Правда, въ иностранныхъ государствахъ налоги тяжелые и разнообразные, но зато правительства ихъ дѣлаютъ все возможное къ обученію народа, къ сохраненію его здоровья и къ изысканію средствъ къ существованію. Благодаря этому, несмотря на тяжесть налоговъ, народъ не ропщетъ. За послѣднее время въ Китаѣ строятся желѣзныя дороги, разработываются минеральныя богатства, вводятся почтовыя управленія, но для полученія отъ этихъ предпріятій дѣйствительныхъ результатовъ требуется еще время. Поэтому, для увеличенія народныхъ средствъ и охраненія національныхъ выгодъ, Чжанъ-Чжи-дунъ признаетъ развитіе торговли дѣломъ крайне необходимымъ. Но, къ сожалѣнію, онъ находитъ, что основанныя, въ видахъ развитія торговли, въ разныхъ провинціяхъ Китая торговыя палаты являются только мертвою буквою и не приносятъ торговому дѣлу никакой пользы. Все это зависитъ отъ того, что въ Китаѣ чиновный классъ пользуется почетомъ, а торговое сословіе находится въ приниженномъ состояніи. Такимъ образомъ, между тѣмъ и другимъ существуетъ преграда. Чиновники смотрятъ на купцовъ какъ на свою добычу, а послѣдніе боятся первыхъ, какъ дикихъ звѣрей. Въ виду этого, онъ находитъ необходимымъ, чтобы лица, завѣдующія торговыми палатами, искоренили чиновничій духъ и чтобы между торговымъ сословіемъ и чиновнымъ людомъ установились солидарность и прочная связь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендуется учрежденіе въ торговыхъ центрахъ коммерческихъ собраній, которыя, въ случаѣ необходимости, входили бы между собою въ связь и общими силами работали за-одно для конкуррированія съ иностранцами. Съ своей стороны, власти должны защищать тѣхъ, которые подвергаются притѣсненіямъ и оскорбленіямъ, и приходить на помощь тѣмъ, у которыхъ недостаетъ средствъ. Далѣе, для всесторонняго ознакомленія съ положеніемъ китайской иностранной торговли и для обсужденія разныхъ мѣръ къ поднятію ея и устраненію вредныхъ для нея вліяній, лица, завѣдующія торговлею, должны часто посѣщать открытые порта̀, принимать представителей торговли и обмѣниваться съ ними взглядами. Слѣдуетъ

также поддерживать взаимныя связи съ чинами заграничной службы и совмѣстно съ ними изыскивать необходимыя мѣры.

Въ числѣ частныхъ мѣръ, могущихъ содѣйствовать увеличенію государственныхъ рессурсовъ, докладчикъ рекомендуетъ открытіе въ разныхъ провинціяхъ Китая монетныхъ дворовъ и введеніе по всей имперіи однообразной монеты, а также ассигнацій. Первая мѣра мотивируется тѣмъ, что Китай, вслѣдствіе постояннаго переливанія серебра въ слитки, и притомъ высокопробные, терпитъ громадныя потери, въ то время какъ иностранцы, благодаря обращенію въ Китаѣ ихъ монеты, получаютъ громадныя выгоды,—не говоря уже о неудобствахъ слитковъ въ обращеніи и соединенныхъ съ нимъ разныхъ злоупотребленіяхъ. При этомъ онъ рекомендуетъ учрежденіе правительственнаго банка.

Что же касается вопроса о государственныхъ налогахъ, то, въ виду тяжести ихъ въ иностранныхъ государствахъ, докладчикъ не рѣшается теперь же рекомендовать введеніе ихъ въ Китаѣ, а совѣтуетъ предварительно изучить дѣло, поручивъ своимъ представителямъ за границей доставить списки налоговъ, взимаемыхъ въ иностранныхъ государствахъ, съ своими заключеніями относительно приложимости того или другого вида ихъ въ Китаѣ. Списки эти должны быть переданы правителямъ провинцій, которые, сообразуясь съ мѣстными условіями, совмѣстно обсудятъ, какіе изъ налоговъ могутъ быть уменьшены и какіе могутъ быть увеличены.

10) Организація военнаго дѣла. По каждой отрасли знанія въ иностранныхъ государствахъ существуютъ спеціальныя школы, но въ военномъ дѣлѣ особенно. Такое предпочтеніе объясняется близкимъ сосѣдствомъ сильныхъ державъ между собою, равенствомъ ихъ силъ и вліяній, при которыхъ каждая изъ нихъ, опасаясь быть поглощенною другою, желаетъ принять мѣры къ самосохраненію, и поэтому не можетъ не соперничать въ организаціи военнаго дѣла, часто истощая для этого всѣ силы государства, и, заимствуя другъ у друга все лучшее, совершенствуетъ военное дѣло. Но вся сила, весь прогрессъ военнаго дѣла коренится въ школахъ, въ которыхъ изучается до мельчайшихъ подробностей все имѣющее отношеніе къ военному дѣлу. Офицерство знаетъ военныя науки, а нижніе чины обыкновенно хорошо обучены. Вотъ гдѣ ихъ сила. Не то мы видимъ въ Китаѣ. Тамъ нѣтъ спеціальныхъ школъ. Вся подготовка военнаго элемента ограничивалась экзаменами въ искусствѣ стрѣльбы изъ лука, владѣнія холоднымъ оружіемъ и въ поднятіи камня извѣстнаго вѣса. Правда, въ новѣйшее время введена въ арміи стрѣльба изъ ружей и пу-

шекъ, но съ ними многіе не умѣютъ обращаться. Половина офицеровъ выходитъ изъ солдатъ, благодаря только физической силѣ, имѣя о стратегіи крайне слабыя понятія. Въ виду этихъ соображеній, докладчикъ признавалъ бы цѣлесообразнымъ предложить высшимъ провинціальнымъ властямъ озаботиться открытіемъ военныхъ училищъ и приготовленіемъ офицеровъ. Что же касается воспитанниковъ военныхъ школъ въ провинціяхъ сѣвернаго и южнаго Китая, до извѣстной степени уже подготовленныхъ, то къ нимъ слѣдуетъ приложить правила, проектируемыя для гражданскихъ курсовъ положительныхъ знаній о послѣдовательномъ отчисленіи для нихъ при каждомъ экзаменѣ изъ общаго числа вакансій на военныя степени по $^1/_{10}$, такъ, чтобы лучники и подниматели тяжестей превратились въ искусныхъ воиновъ, и старые военные экзамены уничтожились бы сами собою.

Относительно прежнихъ инспекторскихъ смотровъ въ разныхъ провинціяхъ Китая, замѣчено, что ихъ слѣдуетъ производить спеціально командируемымъ генераламъ, поручивъ предварительно знакомымъ съ военнымъ дѣломъ высшимъ офицерамъ составить военный уставъ, систему обученія войскъ и правила о выборѣ офицеровъ и наборѣ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, докладчикъ проектируетъ отправлять изъ каждой провинціи въ извѣстный сборный пунктъ, смотря по ея величинѣ, отъ 200 до 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и поручить спеціальнымъ офицерамъ обученіе ихъ разнымъ полезнымъ военнымъ знаніямъ; чрезъ годъ или два, когда эти нижніе чины получатъ нѣкоторую подготовку, возвращать ихъ къ своимъ частямъ, а на мѣсто ихъ вызывать новыхъ, и т. д.

Что же касается вооруженія, то, въ виду невозможности, въ силу новаго договора, пріобрѣтать его за границей, слѣдуетъ заняться приготовленіемъ его у себя, для чего слѣдовало бы приказать, пользуясь имѣющимися въ разныхъ провинціяхъ для изготовленія оружія значительными средствами, нанять рабочихъ и заняться предварительно изученіемъ способовъ обработки стали и другихъ матеріаловъ, а затѣмъ уже приступить къ выдѣлкѣ оружія по одному установленному образцу. Рекомендуя принять мѣры къ вызову изъ-за границы работающихъ на иностранныхъ заводахъ китайцевъ, докладчикъ не сомнѣвается въ томъ, что, при умѣ и искусствѣ китайцевъ, въ которыхъ они не уступаютъ иностранцамъ, нѣтъ основаній опасаться, что Китай останется безъ вооруженія. Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе китайскаго государственнаго человѣка и всегда были того взгляда, что статья протокола о запрещеніи Китаю ввоза иностраннаго ору-

жія, какъ мѣра карательная, не только не достигаетъ своей цѣли, но напротивъ, будетъ способствовать развитію въ Китаѣ самостоятельнаго производства оружія въ прямой ущербъ англійскимъ и германскимъ поставщикамъ его, лишивъ ихъ одного изъ видныхъ мѣстъ сбыта. Почти съ увѣренностью можно сказать, что съ подготовкою достаточнаго количества своихъ техниковъ, Китай, въ видахъ прямой экономіи, обусловливаемой дешевизною рабочихъ рукъ и обиліемъ собственнаго матеріала, самъ откажется отъ иностраннаго вооруженія, хотя бы даже ему предлагали его. Мало того, этотъ новый видъ производства послужитъ еще стимуломъ къ усиленію разработки тѣхъ естественныхъ произведеній, которыя служатъ необходимымъ матеріаломъ для изготовленія вооруженія.

Изъ реформъ, предлагаемыхъ въ той же газетѣ другими лицами, заслуживаютъ вниманія:

1) Замѣна министерскихъ и правительственныхъ совѣтовъ чѣмъ-то въ родѣ парламента, состоящаго изъ двухъ палатъ: верхней—изъ столичныхъ чиновниковъ не ниже третьяго класса, съ званіемъ правительственныхъ совѣтниковъ, и нижней—изъ чиновъ четвертаго класса и ниже, а также изъ ученыхъ людей и гражданъ съ званіемъ совѣтниковъ; всѣ правительственныя мѣропріятія вносятся предварительно на разсмотрѣніе нижней палаты, потомъ вносятся ею на заключеніе въ высшую и затѣмъ уже представляются на утвержденіе верховной власти. Проекты, поступающіе отъ ученыхъ и простыхъ гражданъ, также должны поступать въ этотъ правительственно-общественный совѣтъ и имъ передаются верховной власти.

2) Министры и товарищи ихъ не должны занимать въ тоже время и другихъ должностей, а также быть перемѣщаемы изъ одного министерства въ другое. Генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и другихъ административныхъ лицъ въ провинціяхъ не слѣдуетъ безъ нужды переводить съ одного поста на соотвѣтствующій другой.

3) Радикальное измѣненіе всѣхъ законоположеній имперіи, которыя, съ незначительными измѣненіями переходя отъ одной династіи къ другой, по существу своему атрофировались и, не удовлетворяя въ настоящее время своему назначенію, при своей массѣ и запутанности, служатъ средствомъ для корыстныхъ цѣлей негодныхъ чиновниковъ и подьячихъ.

4) Учрежденіе отдѣльныхъ министерствъ торговли и земледѣлія для спеціальнаго завѣдыванія этими двумя важнѣйшими и основными отраслями народнаго благосостоянія, а также состав-

леніе предварительной росписи государственнаго бюджета и опубликованіе ея исполненія, то-есть, государственныхъ доходовъ и расходовъ за данный годъ. Для успѣшнаго осуществленія министерствомъ земледѣлія своей задачи развитія земледѣлія, авторъ признаетъ необходимымъ учрежденіе въ каждой провинціи должности земледѣльческаго инспектора, буквально — „коммиссара, поощряющаго къ земледѣлію", а въ уѣздахъ—должностей агрономовъ, для обученія населенія научнымъ пріемамъ въ веденіи земледѣлія и сельскаго хозяйства вообще, съ цѣлью извлеченія изъ нихъ наибольшихъ выгодъ. Но, при обширности Китая и неистощимости естественныхъ богатствъ его, по мнѣнію автора, не одно только земледѣліе и торговля являются источниками пропитанія народа и обогащенія государства, но таковыми являются также развитіе горнаго дѣла и скотоводства въ Монголіи, Маньчжуріи и Шань-си [1]). Для доставленія же выгодъ государству безъ ущерба народу авторъ признаетъ самыми важными средствами: введеніе ассигнацій, монетной системы и гербоваго налога. Послѣднимъ онъ предлагаетъ замѣнить всѣ внутренніе налоги и пошлины, какъ такимъ видомъ обложенія, который, при ничтожномъ взиманіи съ народа, доставитъ наибольшую выгоду правительству.

5) Обращеніе въ казну земель, пожалованныхъ лодочникамъ, перевозившимъ въ столицу по Императорскому каналу казенный хлѣбъ. Хозяину каждой баржи, перевозившей казенный хлѣбъ, отводился участокъ земли приблизительно въ 11 нашихъ десятинъ. Эти баржи, благодаря перевозкѣ хлѣба на морскихъ пароходахъ, давно уже упразднены, и изъ доходовъ съ земли въ пользу лодочниковъ поступаетъ самое большее 30%, а остальные 70% идутъ въ карманы разныхъ писарей и подьячихъ. Если эти земли, около 400.000, обратить въ казну и затѣмъ раздать въ обработку тѣмъ же лодочникамъ, то она получитъ съ нихъ не менѣе 6.000.000 ланъ дохода.

6) Уничтоженіе соляного откупа и допущеніе свободной продажи соли, а также прекращеніе доставки въ столицу риса натурою, обходившейся правительству 16—17 ланъ за куль въ 5 пудовъ, стоимость котораго на пекинскомъ рынкѣ не превышала 2 ланъ!

Изъ статей, касающихся образованія, особенное вниманіе

---

[1]) Для этого правительству слѣдуетъ закупить верблюдовъ, лошадей и рогатый скотъ, отвести обильныя водой и травой пастбища и раздать скотъ бѣдному люду, съ обязательствомъ возмѣщенія казенныхъ расходовъ изъ будущаго приплода.

обращаетъ на себя разсужденіе о необходимости учрежденія въ Шанхаѣ общества женскаго образованія.

Являясь, повидимому, горячимъ сторонникомъ увеличенія женскихъ правъ и развитія женскаго образованія, авторъ начинаетъ свою статью слѣдующимъ вопросомъ: „Въ чемъ заключаются въ дѣйствительности успѣхи цивилизаціи XIX вѣка“? Въ томъ, отвѣчаетъ онъ, что этотъ вѣкъ является эпохою увеличенія силы женщины, чему мы обязаны развитіемъ женскаго образованія. Тамъ, гдѣ есть знаніе, есть и сила, и тогда можно противостоять оскорбленіямъ извнѣ. Въ Китаѣ въ теченіе 2.000 лѣтъ женщина не пользовалась никакими правами. Причина этого заключалась въ отсутствіи женскаго образованія,—что лишило женщину всякихъ правъ. Благодаря этому, мужчина получилъ возможность обратить ее въ рабу, въ игрушку, а затѣмъ уже сама женщина примирилась съ этимъ приниженнымъ положеніемъ. Вслѣдствіе этого и человѣчество не процвѣтало. Если въ эти темныя времена какая-нибудь женщина, не желавшая быть рабою и игрушкою, возставала противъ этого, то всѣ покрывали ее позоромъ, мучили и предавали смерти; даже сами женщины смотрѣли на нее какъ на чудовище и не осмѣливались подражать ей. Результатомъ этого было то, что рабская покорность женщины и приниженность ея сдѣлались общимъ закономъ, а послушаніе и угодливость считались долгомъ. Съ дѣтства онѣ должны были жить въ глубинѣ гаремовъ, не видя никогда свѣта божьяго, подвергаясь побоямъ и брани. Развѣ это не ужасно! И только въ настоящемъ столѣтіи, съ постепеннымъ развитіемъ цивилизаціи и открытіемъ новыхъ вѣяній, когда въ Европѣ, Америкѣ и Японіи заговорили о равенствѣ людей и равноправіи женщинъ, появились общества улучшенія (возвышенія) женскихъ нравовъ и мнѣнія о допущеніи женщинъ къ участію въ государственномъ управленіи. Теперь китайцы также понимаютъ, почему Европа, Америка и Японія такъ сильны и такъ процвѣтаютъ отъ улучшенія общества и отъ правильной постановки воспитанія. Съ точки зрѣнія общественной, женщина является совѣтницею своего мужа; съ точки зрѣнія образовательной—воспитательницею молодого поколѣнія. Поэтому женское образованіе есть мать цивилизаціи всего государства, а женское право (сила) —первооснова всѣхъ правъ. Европейцы и американцы сознали эту истину, и потому человѣчество тамъ процвѣтаетъ и вліяніе женщины въ полной силѣ. Въ Китаѣ умъ народа неразвитъ и духъ его подавленъ; мужчина добровольно преклоняется предъ разными узаконеніями и формами, а женщина связана мужчиной. Бла-

годаря этому, всѣ иностранцы смотрятъ на китайцевъ какъ на варваровъ, у которыхъ нѣтъ чувства патріотизма. Горячо протестуя противъ несправедливости этого обвиненія, авторъ замѣчаетъ, что огромное тѣло, и, притомъ, находившееся подъ продолжительнымъ давленіемъ, безъ сомнѣнія приходитъ въ чувство медленнѣе и освобождается труднѣе. Для пробужденія Китая нуженъ громадный толчокъ. Война съ Японіей пробудила его отъ глубокаго сна и вызвала учрежденіе женской школы и общества небинтованія ногъ. Дальнѣйшій прогрессъ безъ сомнѣнія повлечетъ за собою своевременное удовлетвореніе требованіямъ образованія женщины и развитія ея правъ. И кто знаетъ,—старинная великая имперія двадцатаго столѣтія можетъ воспрянуть вдругъ во вселенной! Приписывая слабость Китая пренебреженію женскимъ образованіемъ и женскими правами, авторъ проектируетъ учрежденіе ученаго общества съ цѣлью содѣйствовать развитію женскаго образованію и уясненію правъ женщины...

П. Поповъ.

Лозанна.
Августъ, 1901.

ПО ПОВОДУ
ВИННОЙ МОНОПОЛІИ.

Въ старину пьянство было порокомъ преимущественно высшихъ классовъ общества. Приняло оно характеръ грознаго народнаго бѣдствія только въ средніе вѣка, послѣ изобрѣтенія хлѣбнаго вина. Этотъ напитокъ очень скоро проникъ въ массы населенія, и съ тѣхъ поръ лучшіе люди всѣхъ эпохъ и народовъ предлагали постоянно разныя мѣры къ ограниченію этого зла, въ то время какъ финансисты облагали этотъ предметъ потребленія разными казенными сборами, сдѣлавъ постепенно акцизъ на вино наиболѣе доходной статьей государственныхъ бюджетовъ. Эти два противоположныя направленія, постепенно разростаясь въ глубь и въ ширь,—первое благодаря развитію науки и нравственныхъ требованій, а второе — по соображеніямъ неотложныхъ и все болѣе и болѣе увеличивающихся государственныхъ расходовъ,—привели, въ концѣ-концовъ, съ одной стороны, къ необходимости положить конецъ „царству вина", а съ другой—къ страху лишиться „доходовъ" отъ вина. Завязался „гордіевъ узелъ", требующій, однако, какой-нибудь развязки; создалось положеніе въ родѣ того, въ какомъ находится англійская торговля опіумомъ въ Китаѣ—оно нехорошо, но доходно!

Въ особенности общественное мнѣніе всегда было возбуждено противъ раздробительной продажи питей, противъ кабаковъ и питейныхъ заведеній, этихъ разсадниковъ пьянства. Во Франціи уже явилась мысль о совершенномъ запрещеніи этихъ вредныхъ учрежденій, распространяющихъ вокругъ себя болѣзни, развратъ, преступленія, разореніе, семейное и общественное горе; въ этомъ духѣ высказались многія коммерческія и земледѣльческія общества.

Въ Норвегіи и въ Швеціи, съ цѣлью прекращенія пьянства, правительство поощряетъ образованіе акціонерныхъ обществъ, которымъ

дается монополія раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы прибыль отъ торговли, сверхъ 5% годовыхъ на затраченный капиталъ, отчислялась въ пользу общеполезныхъ общественныхъ учрежденій. Эти общества, подъ общимъ названіемъ „готебургскихъ“ [1]), принесли несомнѣнную пользу. Питейныя заведенія этого общества открываются только въ часы завтрака и обѣда; водка отпускается тамъ лишь тѣмъ посѣтителямъ, которые тутъ же столуются; въ нихъ не допускается напиваться до опьянѣнія; къ услугамъ посѣтителей имѣются газеты и библіотеки. Въ Готебургѣ потребленіе водки, благодаря этимъ мѣрамъ, сократилось на половину; то же самое явленіе обнаружилось и въ остальныхъ мѣстностяхъ Швеціи, а также въ Норвегіи. Но, однако, надо замѣтить, что легкость, съ которой осуществилась готебургская система въ названныхъ государствахъ, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что судьба ихъ финансовъ не состоитъ въ тѣсной зависимости отъ питейныхъ доходовъ. Въ ихъ бюджетѣ налогъ на водку составляетъ всего около 5 милл. франковъ (1896—1897 гг.).

Начало нашей Руси ознаменовано извѣстными словами: „Руси веселіе пити, — не можемъ безъ того быти“! Но въ старину не знали водки, пили квасъ, пиво, брагу и медъ. И до того времени, какъ Борисъ Годуновъ „введеніемъ кабаковъ сдѣлалъ пьянство статьей государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впослѣдствіи“ [2]). Только съ того момента, когда „вино начало продаваться отъ казны, когда къ слову „кабакъ“ приложился эпитетъ: царевъ, пьянство стало всеобщимъ качествомъ“ [3]).

Въ 1832 г., питейный доходъ давалъ въ годъ $33^1/_2$ милл. руб., а въ годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости онъ достигъ уже солидной цифры $126^1/_2$ милл. рублей. Но затѣмъ онъ непрерывно возросталъ, и въ 1899 г., по отчету государственнаго контроля, далъ казнѣ 421 милл. руб. (акцизъ—310,3 и отъ продажи питей—110,7 милл. руб.),—около $^1/_3$ всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

Эти цифры не могутъ, конечно, не затруднять до извѣстной степени осуществленія грандіозныхъ проектовъ насчетъ борьбы съ пьянствомъ. Но, тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что борьба эта все-таки необходима и неизбѣжна, какъ по нравственнымъ, такъ и по эко-

[1]) Такое общество впервые было основано извѣстнымъ филантропомъ, пасторомъ Визельгреномъ, въ г. Готебургѣ.

[2]) „Очерки домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, Н. Костомарова.

[3]) Ibid.

номическимъ причинамъ. Нужно только твердое и ясное сознаніе, что финансы должны покоиться на болѣе солидныхъ основаніяхъ, что, въ концѣ-концовъ, ихъ прочное и долговѣчное процвѣтаніе можетъ обусловливаться только народнымъ благосостояніемъ,—и тогда „невозможное" сегодня сдѣлается вскорѣ возможнымъ.

Введеніе у насъ казенной продажи питей мотивировалось именно необходимостью такой борьбы съ пьянствомъ. Рядомъ съ казенными лавочками предполагалось дать широкое развитіе обществамъ трезвости; и тѣ, и другія должны были дѣйствовать совмѣстно, на почвѣ благихъ начинаній: лавочки—сокращать потребленіе вина, а общества трезвости—давать духовную пищу, разумное развлеченіе народу.

Къ сожалѣнію, дѣйствительность все еще далека отъ свѣтлаго призрака, носившагося въ умахъ тѣхъ, кто искренно вѣрилъ въ реформу.

Пьянство ростетъ еще болѣе, чѣмъ прежде, а обѣщанная духовная пища далеко еще не вся и не вездѣ дошла до народа. Въ столичныхъ центрахъ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ открыты различныя народныя увеселенія, съ болѣе или менѣе роскошной обстановкой,—но и тутъ они оказались безсильны уменьшить пьянство [1]),—а въ селахъ и деревняхъ не сдѣлано и этихъ попытокъ.

Иныхъ результатовъ, впрочемъ, и нельзя было ожидать отъ дѣла, которое съ самаго начала главнымъ образомъ было поставлено на коммерческихъ основаніяхъ. Въ Швеціи и Норвегіи, при введеніи системы готебургскихъ питейныхъ заведеній, прежде всего убивался принципъ наживы въ торговлѣ крѣпкими напитками, посредствомъ установленія правила, въ силу котораго прибыль отъ раздробительной продажи вина, сверхъ 5% на затраченный капиталъ, должна идти въ пользу общеполезныхъ общественныхъ учрежденій. У насъ же казенныя лавочки всю выгоду отъ торговли должны доставлять въ государственный доходъ. Иначе говоря, реформа ограничилась обращеніемъ въ государственный доходъ всей прибыли отъ раздробительной продажи вина, которая прежде распредѣлялась между владѣльцами питейныхъ заведеній и городскими и сельскими обществами; это оказалось главною задачей монополіи, а потому она именно и была осуществлена. Уничтоженіе же пьянства явилось лишь добрымъ намѣреніемъ монополіи, а не дѣйствительнымъ, жизненнымъ элементомъ реформы.

Прежде всего замѣтимъ, что, въ пятилѣтній періодъ (1895—1899 гг.) дѣйствія казенныхъ лавочекъ для продажи питей [2]), количество вина,

---

[1]) По отчету государственнаго контроля за 1898 г., въ петербургской губерніи, съ введеніемъ винной монополіи, потребленіе вина съ перваго же года увеличилось на 13%; кромѣ того, продано въ этотъ годъ вина *высшаго* качества, вмѣсто предполагавшихся 15 тысячъ ведеръ, свыше 300 тысячъ ведеръ.

[2]) Въ 1895 г., казенная продажа вина введена въ 4 восточныхъ губерніяхъ:

потребленнаго населеніемъ, не уменьшилось въ предѣлахъ Европейской Россіи, а вообще увеличилось, какъ видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы, въ которой это потребленіе выражено въ *тысячахъ* ведеръ спирта [1]):

Пятилѣтіе до введенія монополіи:		Пятилѣтіе по введеніи монополіи:	
1890	23.762	1895	24.409
1891	22.043	1896	23.940
1892	22.314	1897	23.427
1893	22.432	1898	23.939
1894	24.228	1899	25.967
Итого:	114.779	Итого:	121.682

Значительная часть увеличенія потребленія вина приходится на районъ, въ которомъ дѣйствовалъ законъ о казенной продажѣ вина; такъ, по свѣдѣніямъ государственнаго контроля, за періодъ 1898—1899 гг., когда монополія распространялась на 35 губерній, продано въ предѣлахъ этого района, въ 1898 г., 31,110.336, а въ 1899 г.—33,980.052 ведеръ 40^0 вина, т.-е. въ 1899 г., сравнительно съ 1898 г., болѣе на 2,869.716 ведеръ 40^0 вина, или, по счету на ведро спирта, болѣе на 1,147.886 ведеръ. Изъ приведенной же таблицы видно, что вообще въ предѣлахъ Европейской Россіи въ 1899 г., сравнительно съ 1898 г., потребленіе увеличилось на 2.028 тыс. вед. спирта,—слѣдовательно, изъ нихъ 56.6% приходилось на мѣстности казеной продажи вина. Изъ этого ясно видно. что цѣль уменьшенія пьянства въ народѣ, къ сожалѣнію, не достигается казенной монополіей: потребленіе не уменьшилось, а наоборотъ,—увеличилось.

При этомъ надо отмѣтить тотъ печальный фактъ, что возростанію потребленія вина въ районѣ монополіи не служитъ препятствіемъ даже неурожай и крайне бѣдственное положеніе населенія.

Въ „Объяснительной запискѣ“ государственнаго контроля за 1897 г. мы читаемъ по поводу этого: „Особеннаго вниманія заслуживаетъ увеличеніе потребленія вина въ губерніяхъ оренбургской и самар-

---

пермской, уфимской, оренбургской и самарской; въ 1896 г. — въ 9 южныхъ губерніяхъ: бессарабской, волынской, екатеринославской, кіевской, подольской, полтавской, таврической, херсонской и черниговской; въ 1897 г.—въ 6 сѣверо-западныхъ: виленской, витебской, гродненской, ковенской, минской и могилевской; въ 1898 г.—въ 10 губерніяхъ царства польскаго, въ смоленской и въ 4-хъ сѣверныхъ губерніяхъ: с.-петербургской, новгородской, олонецкой и псковской, а также въ харьковской. Въ 1899 г. районъ казенной продажи не былъ расширенъ.

[1]) Въ продажу идетъ вино въ 40^0, а спиртъ содержитъ въ себѣ 100^0; слѣд. 1 град. спирта = 1/100 части ведра спирта, а 1 ведро спирта = 2½ ведрамъ вина въ 40^0.

ской, въ коихъ сборъ хлѣба въ отчетномъ году оказался весьма неудовлетворительнымъ и составлялъ: по первой—59,8%, а по второй—58,2% сбора предшествующаго года" (стр. 29). Затѣмъ, въ отчетѣ государственнаго контроля за 1898 г. говорится, между прочимъ, по поводу опять-таки района монополіи: „Неудовлетворительный урожай въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи, сопровождавшійся высокими цѣнами на хлѣбъ, въ общемъ не оказалъ вліянія на потребленіе казеннаго вина. Въ губерніяхъ же с.-петербургской и новгородской, въ которыхъ введена въ этомъ году казенная продажа вина, не только не послѣдовало ожидавшагося уменьшенія потребленія вина, но напротивъ, последовало увеличеніе: въ первой—на 13%, а во второй—на 18%" (стр. 87). Далѣе, въ „Объяснительной запискѣ" къ отчету за тотъ же годъ поясняется, что, въ виду неурожая, предполагалось по смѣтѣ на 1898 г. продать въ монопольномъ районѣ 26.543,400 ведеръ; въ дѣйствительности продано 31,110,336 вед., т.-е. болѣе предположеннаго на 4,566.936 вед., или на 17%". Наконецъ, изъ „Объяснительной записки" къ отчету за 1899 г. (стр. 34—36) видно, что за отчетный годъ въ районѣ монополіи, который не былъ расширенъ въ этомъ году, казеннаго вина продано еще болѣе, чѣмъ въ 1898 г., несмотря на то, что во многихъ губерніяхъ, входящихъ въ этотъ районъ, былъ крупный недородъ хлѣбовъ, именно: продано болѣе на 5.328.008 ведеръ, т.-е. уже 36.438.344 ведеръ. „Несоотвѣтствіе результатовъ урожая съ результатомъ потребленія вина наглядно выступаетъ по отдѣльнымъ губерніямъ: такъ, напр., въ губерніяхъ псковской, харьковской и екатеринославской потребленіе вина увеличилось на 14%, 19% и 13%, тогда какъ урожай хлѣбовъ въ этихъ губерніяхъ составлялъ всего 69%, 78% и 66% урожая предыдущаго года. Только въ двухъ губерніяхъ, гдѣ урожай отчетнаго года былъ значительно ниже урожая предыдущаго года, обнаружилось замѣтное сокращеніе потребленія вина. Таковы губерніи бессарабская и херсонская, въ коихъ сборъ хлѣбовъ отчетнаго года составлялъ лишь 38% и 40% предыдущаго сбора и въ коихъ потребленіе вина сократилось: въ первой на 18%, а во второй—на 7%".

Казенная монополія, конечно, обѣщаетъ громадный доходъ при такихъ условіяхъ потребленія вина. Акцизъ съ ведра спирта составляетъ 10 руб., считая съ каждаго градуса по 10 коп.; съ ведра вина въ 40° приходится, значитъ, 4 рубля. Ведро казеннаго вина стòитъ, принимая за основаніе петербургскую цѣну [1]), 7 р. 60 к.; за вычетомъ акциза, съ него выручается въ лавочкахъ валовой доходъ въ 3 р. 60 к.; казнѣ

---

[1]) Въ восточныхъ губерніяхъ цѣна была выше,—ведро продавалось за 7 р. 75 к.

обходится вино около 2 р. 10 к. [1]); да кромѣ того, торговые расходы, въ томъ числѣ и содержаніе финансовыхъ агентовъ, поглощаютъ около 50 к. съ ведра; такимъ образомъ, чистая прибыль отъ принятія въ руки казны раздробительной продажи питей составляетъ, въ общемъ, около 1 рубля съ каждаго ведра вина въ 40°. И дѣйствительно, напр. въ 1898 г. продано казеннаго вина 31 милл. ведеръ, а чистый доходъ показанъ въ 31 милл. р.; въ 1899 г. продано 34 милл. ведеръ и получено чистаго дохода 34,5 милл. рублей.

Въ настоящее время монополія распространена на всю Европейскую Россію. Если предположить, что продажа вина и теперь держится на уровнѣ 1899 г., т.-е. что въ годъ продается около 26 милл. ведеръ спирта, или около 65 милл. ведеръ 40° вина, то чистая прибыль отъ питейной реформы выразится въ 65 милл. руб. въ годъ. Съ распространеніемъ рофомы на другія мѣстности, она будетъ еще значительнѣе.

Кромѣ того, приведенные выше факты несомнѣнно убѣждаютъ въ томъ, что съ введеніемъ монополіи увеличилось потребленіе вина. А каждое лишнее ведро, прибавленное монополіей къ народному потребленію, даетъ чистой прибыли уже не 1 р., а цѣлыхъ 5 р., такъ какъ при этомъ ростетъ доходъ казны отъ акциза, по 4 р. съ ведра. Какъ мы видѣли, въ районѣ 35 губерній, въ 1899 г., такой приростъ оказался слишкомъ въ 5 милл. ведеръ, прибавившій къ доходамъ казны 25 милл. руб. Такимъ путемъ можно достичь, конечно, весьма выгодныхъ финансовыхъ результатовъ.

Готебургскія акціонерныя общества, эти образцы, которые, какъ говорятъ, были приняты во вниманіе при осуществленіи у насъ питейной реформы, оказались могучими орудіями въ борьбѣ съ пьянствомъ, главнымъ образомъ потому, что рѣшили, исходя изъ нравственнаго начала, что нельзя извлекать доходъ изъ дѣла, которое мы осуждаемъ въ принципѣ,—изъ торговли, развитіе которой грозитъ гибелью и разореніемъ всей націи; и поэтому они навсегда отказались отъ присвоенія въ свою пользу обычной торговой прибыли, ограничивъ себя полученіемъ 5% на затраченный капиталъ и обращая затѣмъ всю остальную часть дохода отъ торговли на общеполезныя учрежденія. Но готебургская система не нашла себѣ примѣненія у насъ.

Изъ отчетовъ государственнаго контроля видно, что на устройство монопольныхъ учрежденій затрачено въ пятилѣтіе 1895—1899 г.г. 75.230.774 руб., а *чистый* доходъ за то же время отъ торговли крѣпкими напитками, не считая акциза, составлялъ 79.863,635 руб.; выходитъ, что на затраченный капиталъ получено болѣе 106%.

---

[1]) Въ восточныхъ губерніяхъ стоимость ведра показана 2 р. 24 к.; въ виду чего и вино продавалось дороже.

При такихъ весьма выгодныхъ торговыхъ доходахъ, изъ нихъ затрачено на общества трезвости, т.-е. на общеполезныя учрежденія, въ теченіе названнаго пятилѣтія, менѣе 5 милл. руб.,—не болѣе, значитъ, 6% чистой прибыли; по принципу же готебургской системы, слѣдовало бы изъ 80 милл. чистой прибыли отчислить въ пользу казны всего 3,750 тысячъ рублей (5% на 75 милл. р.), а около 75 милл. руб. ассигновать на общеполезныя заведенія, могущія содѣйствовать искорененію пьянства, какъ, напр., на народныя школы и т. п.

Много есть еще и другихъ побочныхъ вредныхъ явленій, органически связанныхъ съ казенной монополіей по торговлѣ спиртными напитками; ихъ нельзя оставить безъ вниманія при оцѣнкѣ значенія питейной реформы.

I. Монополія отняла у сельскихъ обществъ значительный доходъ, который они получали съ питейныхъ заведеній за разрѣшеніе торговли; нѣкоторыя изъ нихъ, въ виду этого, отказываются давать средства на содержаніе школъ.

II. Высокіе оклады сидѣльцевъ казенныхъ лавокъ, съ одной стороны, и нищенское содержаніе, получаемое у насъ сельскими учителями, съ другой,—привели къ тому, что многіе учителя перешли на службу акцизнаго вѣдомства; во многихъ губерніяхъ раздается настоящій вопль по поводу этого погрома народныхъ школъ.

III. Съ введеніемъ казенной продажи вина, сельскія общества лишились права не дозволять открытія кабаковъ въ предѣлахъ своего района, и теперь, какъ извѣстно по многимъ корреспонденціямъ, всѣ ходатайства о закрытіи казенныхъ лавочекъ остаются безъ послѣдствій [1]). Въ этомъ отношеніи особенно важно упомянуть о ходатайствѣ саратовскаго земскаго губернскаго собранія, состоявшемся по поводу недорода хлѣбовъ въ текущемъ году,—о закрытіи казенной продажи вина въ мѣстностяхъ, признанныхъ „неблагополучными"; постановле-

---

[1]) Какъ вообще акцизное вѣдомство заботится объ охраненіи и увеличеніи дохода отъ казенныхъ винныхъ лавокъ, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующей оффиціальной бумаги, подписанной акцизнымъ надзирателемъ,—на имя одного земскаго начальника гадячскаго уѣзда, полтавской губ.: „Въ п... волостномъ судѣ, гадячскаго уѣзда, назначаются для разбора судебныхъ дѣлъ по два, по три и по четыре дня подрядъ; такъ въ названномъ судѣ разсматривались дѣла 29, 30 и 31 мая, 5, 6 и 7 іюня, 14 и 15 іюня, 25 и 26 іюня. Принимая во вниманіе, что подобное назначеніе разбирательства дѣлъ въ волостномъ судѣ вынуждаетъ мѣстную казенную винную лавку прекращать торговлю на нѣсколько часовъ сряду, ежедневно, въ теченіе отъ двухъ до четырехъ дней, и тѣмъ стѣсняетъ населеніе въ удовлетвореніи потребности въ винѣ, а равно *приноситъ ущербъ и казеннымъ интересамъ*, честь имѣю покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе сдѣлать зависящее о неназначеніи въ п... волостномъ судѣ для разбирательства дѣлъ нѣсколько дней подрядъ, и о послѣдующемъ не отказать меня увѣдомить" („С.-Петерб. Вѣдом." 30 августа н. г.).

ніе это состоялось болѣе мѣсяца тому назадъ, а между тѣмъ казенныя лавочки продолжаютъ торговать въ саратовской губерніи, безъ всякаго ограниченія, какъ и въ другихъ „неблагополучныхъ" губерніяхъ и областяхъ.

IV. При монополіи пьянство изъ питейныхъ заведеній перешло на улицу. Прежній кабакъ исполнялъ до нѣкоторой степени роль мѣстнаго народнаго клуба, гдѣ можно было и закусить, и покалякать о дѣлахъ; при такихъ условіяхъ, дѣйствіе вина на организмъ ослаблялось, и самый характеръ потребленія вина не имѣлъ вида безшабашнаго пьянства, когда пьютъ только ради опьянѣнія. Теперь казенная лавка, принявъ сама почти аптекарскій солидный видъ, отпускаетъ водку и выпроваживаетъ, затѣмъ, посѣтителя на улицу, гдѣ толпа и распиваетъ „голую" водку на „голодный" желудокъ, которая поэтому дѣйствуетъ на послѣдній какъ опасная отрава. Отсюда и вытекаютъ тѣ безобразныя сцены вокругъ казенныхъ лавочекъ, на которыя такъ жалуются всѣ обыватели. Нѣкоторые города,—въ послѣднее время Саратовъ, Нижній-Новгородъ и Москва,—уже возбудили ходатайства о принятіи энергичныхъ мѣръ противъ этого зла. „Московскія Вѣдомости", не признавая никакой пользы въ обществахъ трезвости, предлагаютъ деньги, расходуемыя на эти учрежденія, употребить на организацію особыхъ городовыхъ, для огражденія публики отъ толпы пьяницъ, собирающихся вокругъ казенныхъ лавокъ.

Никто, затѣмъ, не отрицаетъ, что казенное вино, по своимъ качествамъ, значительно лучше вина, продававшагося въ частныхъ питейныхъ заведеніяхъ. Еще 4 сентября этого года, г. министръ финансовъ, проѣздомъ черезъ Москву, зашелъ самъ въ казенную винную лавку № 131, гдѣ было не мало посѣтителей. Осмотрѣвъ помѣщеніе, г. министръ вступилъ въ бесѣду съ публикой:

— Что, хорошо ли казенное вино? Вкусно ли? Или прежнее было лучше?—спросилъ онъ у одного изъ покупателей.

— „Монополька"—она ничего! Хорошая водка... скусная... и голова не болитъ... съ похмелья то-ись... [1])

Послѣ такой оффиціальной экспертизы, едва-ли, затѣмъ, могутъ быть сомнѣнія въ достоинствахъ казеннаго вина.

Но зато мы не можемъ отыскать другого аргумента въ защиту монополіи, при всемъ нашемъ желаніи.

Для насъ, послѣ всего сказаннаго нами, несомнѣнно одно, а именно, что казенная монополія должна быть такъ или иначе преобразована, и

[1]) „Россія", 5 сентября 1901 г.

мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ измѣненій, которыя, по нашему мнѣнію, желательны и необходимы, въ виду нравственныхъ и экономическихъ государственныхъ соображеній.

Прежде всего, никто не будетъ спорить, что въ финансовыхъ реформахъ нельзя дѣлать такихъ опытовъ, которые могутъ пошатнуть государственные доходы, и черезъ то сдѣлать невозможнымъ удовлетвореніе насущныхъ бюджетныхъ потребностей. И поэтому мы полагаемъ, что теперь было бы крайне неосторожно отказаться казнѣ отъ тѣхъ средствъ, которыя дала ей монополія; эти доходы слишкомъ тѣсно уже срослись съ расходами. Нельзя также отказаться и отъ самой монополіи, такъ недавно еще введенной въ нашу жизнь, несмотря на всѣ ея недостатки. Это было бы слишкомъ большой ломкой; да въ этомъ и не предстоитъ надобности.

Казенная монополія подраздѣляется на двѣ крупныя и самостоятельныя части: 1) оптовая торговля—и 2) розничная продажа вина.

Казенная оптовая торговля спиртными напитками, какъ видно изъ предыдущаго, не вызываетъ въ жизни противъ себя никакихъ особыхъ нареканій; напротивъ, всѣ утверждаютъ, что заготовливаемое вино казною менѣе вредно для потребленія. И поэтому, въ данное время, нѣтъ никакихъ основаній для уничтоженія казенной монополіи по этой отрасли торговли.

Иное положеніе казенной монополіи по отношенію къ раздробительной продажѣ вина въ питейныхъ заведеніяхъ.

Въ данномъ случаѣ, для разъясненія этого положенія, нужно говорить безъ всякихъ обиняковъ, откровенно, такъ какъ дѣло имѣетъ слишкомъ громадное государственное значеніе.

Нельзя умолчать, во-первыхъ, о тѣхъ взглядахъ, чисто историческихъ, а слѣдовательно и трудно побѣдимыхъ, которые установились, какъ въ народѣ, такъ и въ интеллигенціи, относительно раздробительной торговли виномъ. Въ содержателяхъ питейныхъ заведеній народъ привыкъ видѣть своихъ разорителей, въ кабакѣ — разсадникъ пьянства [1]). И теперь, несмотря на казенныя лавочки, этотъ взглядъ не измѣнился, не только въ народѣ, но даже среди духовенства. Такъ, по поводу проекта одной московской газеты объ устрой-

[1]) Церковные наставники объясняли, что отъ пьянаго человѣка удаляется ангелъ-хранитель, и приступаютъ къ нему бѣсы; пьянство есть жертва дьяволу, и отецъ лжи и зла говоритъ, что ему эта жертва милѣе, чѣмъ жертва идолопоклонниковъ:—„николи-же тако возвеселихся о жертвѣ поганыхъ человѣкъ, яко отъ пьяныхъ крестьянъ: въ пьяницахъ бо вся дѣла моего хотѣнія; лучше ми отъ поганыхъ крестьянъ и запоецъ, нежели отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганыхъ Богъ соблюдаетъ, а пьяницъ ненавидитъ и гнушается ихъ; азъ-же радуюсь о нихъ, яко мои суть пьяни“. („Очерки дом. жизни и нрав. великорусск. народа“, Н. Костомарова).

ствѣ книжныхъ складовъ при казенныхъ винныхъ лавочкахъ, „Церковный Вѣстникъ“ (сентябрь, 1901 г.) говоритъ, что „для книги унизительно гостепріимство кабака“, что самъ „нелицепріятный законъ, который тщательно охраняетъ дѣло религіи и народнаго просвѣщенія отъ всякаго приращенія со стороны кабака“, подтверждаетъ этотъ взглядъ. Затѣмъ, указывая на то, что въ Высочайше утвержденной, 12 іюня 1890 г., „Инструкціи церковнымъ старостамъ“ сказано, что въ церковные старосты не могутъ быть избираемы „содержатели заведеній для раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ, а равно приказчики и сидѣльцы сихъ заведеній,— „Церковный Вѣстникъ“ приходитъ къ заключенію, что „если законъ такъ строгъ къ приказчикамъ, сидѣльцамъ и торгующимъ въ заведеніяхъ для продажи крѣпкихъ напитковъ, то можетъ ли быть рѣчь о пріуроченіи къ этимъ заведеніямъ продажи книгъ народу, въ томъ числѣ религіозно-нравственныхъ, чаще всего требуемыхъ народомъ“? При такихъ господствующихъ взглядахъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что накопившаяся вѣками злоба и презрѣніе къ бывшему контингенту кабатчиковъ всецѣло переносится теперь на замѣстившихъ ихъ сидѣльцевъ и приказчиковъ „казенныхъ лавочекъ“, которыя являются, не надо это забывать, въ глазахъ народа правительственными агентами и чиновниками. Положеніе, въ которое этимъ самымъ поставленъ государственный престижъ, едва-ли можно считать благоразумнымъ и правильнымъ. И намъ кажется, что въ этомъ отношеніи не можетъ быть двухъ мнѣній; все такъ ясно, такъ просто и безспорно.

Намъ все-таки скажутъ, что нельзя же было оставить кабакъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ прежде,—надо же было его преобразовать и тѣмъ самымъ смыть съ него тотъ обликъ, который создалъ ненавистное къ нему отношеніе народа. Несомнѣнно,—отвѣтимъ мы;—кабакъ надо лишить его славы—разорителя крестьянъ и распространителя опаснаго пьянства; но только это дѣло совершенно не по силамъ казнѣ, съ ея неизбѣжнымъ формализмомъ; оно должно быть передано въ руки общества, въ лицѣ его земскихъ и городскихъ представителей, не чуждающихся мелкихъ и повседневныхъ житейскихъ потребностей, со всѣми ихъ разнообразными будничными невзгодами. Правительство. рѣшивъ, что все зло стараго кабака заключается въ распитіи вина внутри его помѣщенія и въ закускахъ, ограничилось затѣмъ созданіемъ новаго типа питейнаго заведенія, въ видѣ „казенныхъ лавочекъ“, и этимъ думало побѣдить „пьянство“. Не говоря уже объ ошибочности основныхъ положеній, на которыхъ построена реформа раздробительной продажи питей,—она поражаетъ именно своимъ формализмомъ, отсутствіемъ въ ней мѣста для проявленія тѣхъ нравственныхъ и духовныхъ силъ, которыя однѣ въ состояніи вести болѣе

или менѣе плодотворную борьбу съ народнымъ невѣжествомъ и его разнообразными проявленіями, въ томъ числѣ и пьянствомъ. Какъ бы форма кабака ни была совершенна, но безъ присутствія въ немъ атмосферы нравственно-духовнаго вліянія, въ образѣ мѣстныхъ, общественныхъ представителей,—не только заинтересованныхъ непосредственно въ искорененіи зла, но и понимающихъ его и умѣющихъ съ нимъ бороться, путемъ ежедневныхъ неустанныхъ попеченій,—нѣтъ никакой возможности принять какія-нибудь дѣйствительныя мѣры для осуществленія намѣченной цѣли. По этимъ соображеніямъ, канцеляріи министерства, при самыхъ искреннихъ желаніяхъ, не могутъ взять на себя борьбу съ пьянствомъ, какъ стоящія далеко отъ водоворота жизни; а вышеприведенные факты вполнѣ доказываютъ безсиліе ихъ въ этомъ отношеніи.

При составленіи проекта о казенныхъ лавочкахъ, кромѣ того, совершенно ошибочно думали, будто корень пьянства лежитъ въ питіи вина въ помѣщеніяхъ питейныхъ заведеній и въ закускахъ; напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, что гораздо здоровѣе, и приличнѣе, и гигіеничнѣе выпить чарку вина въ хорошемъ помѣщеніи, за бесѣдой съ знакомыми и пріятелями, и при томъ въ качествѣ пищевого суррогата, во время удовлетворенія своего аппетита какимъ-нибудь кушаньемъ, чѣмъ пить вино на улицѣ, подъ воротами, въ качествѣ исключительно хмелевого напитка. Опытъ готебургскихъ обществъ служитъ наилучшимъ примѣромъ для доказательства этой простой истины. Можетъ быть, составители проекта и понимали все это, но, очевидно, они не могли возложить на чиновниковъ такую мелочную и хлопотливую обязанность, какъ содержаніе кухонь и закусокъ въ казенныхъ лавочкахъ, и поэтому должны были принять типъ питейнаго заведенія съ голыми стѣнами, даже безъ столовъ и сидѣній. Съ передачей раздробительной продажи питей въ завѣдываніе мѣстныхъ учрежденій, казенныя лавочки, конечно, преобразуются по типу готебургскихъ, и въ нихъ явятся, кромѣ столовъ, стульевъ и хорошихъ кушаньевъ, также газеты, книги и живая рѣчь, подъ руководствомъ отзывчивыхъ и сердечныхъ попечителей, радѣющихъ объ интересахъ мѣстнаго общества; и этимъ лицамъ не трудно будетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ поставить преграду страшной эпидеміи, въ видѣ пьянства, которая грозитъ, по всѣмъ видимостямъ, въ корнѣ подорвать и безъ того жалкое экономическое положеніе деревни. Преимущество ихъ вліянія, сравнительно съ сидѣльцами казенныхъ лавочекъ, будетъ обусловлено и самымъ ихъ положеніемъ; ихъ задача будетъ заключаться только въ искорененіи пьянства, а сидѣльцы главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на соблюденіе казеннаго интереса, который понимается въ смыслѣ большой выручки, и невольно наталкиваетъ ихъ на стремленіе

побольше продать водки. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такъ именно понимаетъ свою задачу низшій агентъ казны, если и болѣе значительные чины акцизнаго вѣдомства, какъ видно изъ приведеннаго уже нами примѣра, прочно усвоили себѣ этотъ взглядъ на дѣло и даже возмущаются тѣмъ обстоятельствомъ, что во время засѣданія волостныхъ судовъ, когда приходится по закону закрывать казенныя лавочки, страдаетъ „казенный интересъ“ [1]). Это еще болѣе убѣдительно, въ виду итога результатовъ казенной продажи вина—какъ то подтверждаютъ отчеты государственнаго контроля.

Такимъ образомъ, передача дѣла раздробительной продажи вина въ руки общественнаго самоуправленія представляется не только, при такихъ условіяхъ, желательной и необходимой, но и мѣрой глубокой государственной мудрости.

Такая передача не можетъ вызвать на практикѣ никакихъ затрудненій, въ финансовомъ отношеніи.

Казна въ настоящее время, какъ мы вычислили выше, получаетъ чистой прибыли отъ торговли виномъ, считая оптовую и розничную, по 1 руб. съ ведра вина въ 40°; это составляетъ 2 р. 50 к. съ ведра безводнаго спирта.

Акцизъ съ ведра спирта взимается въ размѣрѣ 10 р.; если повысить его до 12 р. 50 к., то казна этимъ совершенно возмѣститъ свои потери отъ отказа пользованія прибылью отъ торговли виномъ, съ передачею питейныхъ заведеній въ руки земствъ и городовъ. Эта форма взиманія налога во всѣхъ отношеніяхъ будетъ болѣе соотвѣтствовать государственно-финансовой политикѣ, по понятнымъ причинамъ.

Однако, передача въ завѣдываніе городовъ и земствъ раздробительной продажи питей можетъ вызывать опасеніе, что они окажутся слишкомъ усердными по сокращенію числа питейныхъ заведеній, въ ущербъ фиска. Но, во-первыхъ, для предупрежденія этого можно установить извѣстный правительственный контроль, а во-вторыхъ, необходимо и даже должно заинтересовать органы самоуправленія въ охраненіи торговли виномъ отъ такого отношенія къ ней, установивъ извѣстный налогъ въ пользу ихъ бюджетовъ съ каждаго проданнаго ведра. Для приданія же этому налогу безусловно нравственнаго ха-

[1]) „Орлов. Вѣдом.“: „Многіе сидѣльцы нашихъ казенныхъ винныхъ лавокъ, желая перейти во 2-ой разрядъ, стараются какъ можно больше продать вина; а такъ какъ узаконенные для продажи часы для нихъ кажутся недостаточными, не говоря уже о праздничныхъ дняхъ, то съ этой цѣлью они не только поощряютъ, но даже вызываютъ такъ называемыхъ охотниковъ производить торговлю казеннымъ виномъ внѣ указаннаго времени. Видно это изъ того, что наши сидѣльцы открыто снабжаютъ ихъ виномъ, отпуская его „ведрами, полуведрами и т. д., преимущественно же полубутылками“.

рактера, онъ долженъ быть назначенъ исключительно на удовлетвореніе нуждъ народнаго образованія, которое является однимъ изъ могучихъ средствъ противъ развитія пьянства. Кромѣ того, своевременность установленія такого налога въ пользу городскихъ и земскихъ школъ обусловливается и крайней нуждой въ средствахъ для этого, и пора же, наконецъ, придти государству на помощь мѣстнымъ органамъ самоуправленія въ такомъ дѣлѣ, безъ постановки котораго на широкихъ основаніяхъ нельзя русскому народу жить въ XX-мъ вѣкѣ, оставаясь въ средѣ цивилизованныхъ націй. Нѣтъ бѣды, если отъ этого ведро вина вздорожаетъ на нѣсколько десятковъ копѣекъ; народъ отъ этого вдвойнѣ выиграетъ: будетъ меньше пить и, рядомъ съ этимъ, изъ дикаря превратится въ болѣе или менѣе культурнаго человѣка.

Какъ настоятельна нужда въ народномъ образованіи и какъ трудно удовлетворить эту наростающую потребность безъ дополнительнаго налога на вино, можно судить по слѣдующему факту, выхваченному изъ жизни. На этихъ дняхъ, въ очередномъ уѣздномъ курскомъ земскомъ собраніи обсуждался докладъ о народныхъ школахъ. Дѣло въ томъ, что курское земство, въ томъ числѣ и курское уѣздное, готовятся къ введенію всеобщаго обученія ко дню 50-тилѣтія освободительной реформы. „Но для этого въ недалекомъ будущемъ надо будетъ расходовать, вмѣсто теперешнихъ 26—27 тысячъ рублей въ годъ (на уѣздъ),—130 тысячъ рублей. Гдѣ взять такія громадныя суммы? Недавно еще, до введенія винной монополіи, сельскія общества курской губерніи получали значительные доходы отъ содержателей питейныхъ заведеній за свое разрѣшеніе производить въ селеніяхъ торговлю крѣпкими напитками. Доходъ этотъ шелъ на постройку школьныхъ зданій, и этимъ очень облегчалось открытіе школъ. Теперь же, со введеніемъ винной монополіи, сельскія общества этого дохода лишены, а неоднократныя ходатайства о возмѣщеніи казною этихъ потерь не получили удовлетворенія. Повышеніе земскаго обложенія на землю наложило бы новыя тяготы на земскихъ плательщиковъ; но и въ этомъ отношеніи земство стѣснено ограничительнымъ закономъ, установившимъ предѣльность обложенія. И вотъ, курская уѣздная земская управа, изыскивая средства, остановилась на такой мысли. Въ курскомъ уѣздѣ въ теченіе года существованія винной монополіи израсходовано 125 тысячъ ведеръ водки. Если бы продажная цѣна ея была увеличена съ ведра, напр., на 40 коп., то такая разница, нечувствительная для отдѣльныхъ потребителей, не превысивъ стоимости водки въ раздробительной продажѣ, бывшей до введенія монополіи, составила бы сумму въ 50 тысячъ руб., которая вывела бы курское уѣздное земство изъ затрудненія. Въ виду всѣхъ

этихъ соображеній, уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о дополнительномъ обложеніи вина въ пользу земства, въ указанномъ размѣрѣ" („С.-Петерб. Вѣдом.", 4 октября 1901 г.).

Исходя изъ предположенія, что въ пользу городовъ и земствъ будетъ повышена цѣна ведра вина (40°) на 50 коп. и, затѣмъ, на покрытіе расходовъ по найму помѣщеній и агентовъ по продажѣ, имъ будетъ ассигновано тоже 50 коп. съ ведра вина, въ суммѣ, расходуемой казною нынѣ на этотъ предметъ,—окончательная цѣна ведра вина, считая повышенный акцизъ въ 12 р. 50 к. съ ведра спирта, опредѣлится въ размѣрѣ 8 руб. 10 коп., вмѣсто нынѣшнихъ 7 р. 60 к.; изъ нихъ будутъ отчисляться: 1) въ пользу казны: 5 р. акциза и 2 р. 10 к. на покрытіе расхода по заготовкѣ вина, всего 7 р. 10 к.; и 2) въ пользу земствъ и городовъ по принадлежности: 50 коп.—на увеличеніе средствъ по народному образованію, и 50 коп.—на покрытіе расходовъ по организаціи и содержанію питейныхъ заведеній.

Еще два слова въ заключеніе. Какъ извѣстно, экстренное саратовское земское собраніе, между прочимъ, почти единогласно постановило ходатайствовать о закрытіи на время, въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, всѣхъ казенныхъ винныхъ лавокъ. При этомъ, гласный Усачевъ, приводя, одинъ за другимъ, массу примѣровъ о матеріальномъ ущербѣ, который вообще приноситъ населенію бывшій кабакъ, а нынѣ казенная винная лавка, разсказалъ, для иллюстраціи настоящаго положенія неурожайныхъ мѣстностей, о посѣщеніи имъ одного села этого района, въ которомъ за двѣ недѣли, несмотря на голодъ, казенная винная лавка продала водки на 2.000 р Другой гласный, хвалынскій уѣздный предводитель дворянства, г. Давыдовъ, заявилъ: „Нельзя же въ самомъ дѣлѣ одной рукой кормить голодающаго, а другой подносить ему соблазнъ, въ видѣ кабака". („Сар. Листокъ", сентябрь).

Намъ, кажется, что приведенное ходатайство саратовскаго губернскаго земства, основанное на фактахъ, совершенно согласныхъ съ общими заключеніями отчетовъ государственнаго контроля о неразумномъ и разорительномъ потребленіи вина въ голодающихъ мѣстностяхъ, которое можно объяснить только болѣзненнымъ душевнымъ настроеніемъ населенія, приходящаго въ отчаяніе отъ бѣдствій, окружающихъ его жизнь,—не можетъ остаться „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ", и поэтому казенныя винныя лавки должны бы быть закрыты во всѣхъ мѣстностяхъ, признанныхъ оффиціально „неблагополучными", какъ въ саратовской, такъ и въ другихъ губерніяхъ.

Л. Бухъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1901.

Мнѣніе С. А. Рачинскаго о проектируемой реформѣ средней школы.—Побѣды надъ пространствомъ заставляютъ ли забывать о побѣдахъ надъ временемъ?—Отношеніе этого вопроса къ древнимъ языкамъ. — Спеціальное значеніе языковъ латинскаго и греческаго.— Особенности вновь проектируемыхъ учебныхъ плановъ. — Инородцы и коренные русскіе. — Что значитъ *единство* средней школы? — Есть ли что-нибудь общее между единствомъ и равенствомъ?

Чѣмъ крупнѣе вопросъ, стоящій на очереди, тѣмъ важнѣе всестороннее освѣщеніе его путемъ спора, правильно веденнаго, обнимающаго собою всѣ пункты разногласія. Правильно веденнымъ споръ можетъ быть названъ тогда, когда аргументы черпаются спорящими исключительно изъ существа дѣла, безъ заподозриванія противника, безъ разсчета на силу рутины и предразсудковъ, безъ обращенія къ чувствамъ недовѣрія и страха. Сообразоваться съ этими условіями современные защитники школьнаго ультра-классицизма считаютъ, въ большинствѣ случаевъ, излишнимъ: они не столько оспариваютъ вновь проектируемую систему, сколько подчеркиваютъ ея мнимую неблагонадежность. Педагогическая точка зрѣнія стушевывается у нихъ передъ полицейской; критическій анализъ уступаетъ мѣсто искусственной тревогѣ. Это уже не образъ мыслей, а образъ дѣйствій, — образъ дѣйствій, который можно и должно выставлять на показъ, какъ характерную черту нашей дѣйствительности,—но съ которымъ нельзя полемизировать. Тѣмъ пріятнѣе было намъ встрѣтить въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 224, 266, 267, 268) рядъ статей С. А. Рачинскаго [1]), свободныхъ, по крайней мѣрѣ отчасти, отъ обычныхъ свойствъ реакціонной публицистики. Мы остановимся сначала на тѣхъ доводахъ г. Рачинскаго, которые проникаютъ въ самую глубь вопроса, не касаясь тенденціозныхъ къ нему приставокъ.

---

[1]) Статьи эти, подъ заглавіемъ: „Absit omen", вышли въ свѣтъ и особой брошюрой.

Отстаивая древніе языки, какъ центральный предметъ общеобразовательной средней школы, г. Рачинскій старается выйти изъ круга общихъ мѣстъ, въ которомъ вращаются обыкновенно защитники классицизма. Нашъ вѣкъ —восклицаетъ онъ — „вѣкъ блистательныхъ побѣдъ надъ пространствомъ. Жалкимъ и слабымъ представляется намъ человѣкъ, видящій и знающій только то, что̀ его непосредственно окружаетъ. Но слабъ и жалокъ и тотъ человѣкъ, который видитъ и знаетъ лишь то, что̀ онъ непосредственно переживаетъ. Грани времени столь же неустранимы, какъ и грани пространства, но такъ же подлежатъ расширенію упорнымъ трудомъ человѣка". Между тѣмъ, „побѣды надъ пространствомъ отвлекли вниманіе толпы отъ уроковъ времени. Общенію съ прошлымъ она предпочитаетъ гаданія о будущемъ, безпочвенныя и безплодныя безъ близкаго знакомства съ минувшимъ". Безспорно, побѣды надъ пространствомъ—характерная черта XIX-го вѣка; но ему же принадлежатъ блистательныя побѣды и надъ временемъ. Онъ пролилъ массу свѣта на цѣлыя эпохи, о которыхъ мы до тѣхъ поръ ничего не знали или имѣли скудныя, неполныя, невѣрныя свѣдѣнія: достаточно назвать изученіе такъ называемаго до-историческаго человѣка, открытіе ключей къ древностямъ Ассиро-Вавилоніи и Египта, переворотъ, произведенный Нибуромъ и его послѣдователями въ древней римской исторіи. Это признаетъ и г. Рачинскій, говоря о продолжающемся, въ тиши ученаго міра, „возстановленіи давно минувшаго"; онъ жалѣетъ только о томъ, что отъ такихъ изученій „отвернулась современная толпа". Когда же, однако, интересъ къ прошедшему, особенно къ давно прошедшему, былъ достояніемъ *толпы*? Скажемъ болѣе,—когда онъ былъ преобладающимъ свойствомъ всего образованнаго общества? Чтобы найти нѣчто подобное, нужно перенестись мысленно въ демократическія Аѳины или республиканскій Римъ; но для большинства античныхъ гражданъ существовало только прошедшее ихъ города, ихъ государства, и существовало лишь въ видѣ традицій, дѣйствующихъ на волю и чувство, а не въ видѣ знанія, расширяющаго умственный кругозоръ. Съ измѣненіемъ политическаго строя изсякаетъ прежній источникъ тяги къ „преданьямъ старины глубокой",—а съ паденіемъ цивилизаціи прекращается почти вовсе критическій анализъ этихъ преданій. И то, и другое возникаетъ опять съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ, съ обновленіемъ государственной жизни—и никакой остановки, никакого регресса мы съ тѣхъ поръ здѣсь не видимъ. Интересъ къ прошлому растетъ не только въ глубину, но и въ ширину — и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно теперь онъ распространенъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было, хотя, конечно, о подчиненіи ему *толпы* не можетъ, пока, быть и рѣчи. Исторія, со всѣми своими развѣтвленіями, со всѣми своими

вспомогательными науками, никогда еще не занимала столь выдающагося мѣста; около ея алтаря, или алтарей, никогда еще не было ни столь многочисленныхъ жрецовъ, ни столь многочисленныхъ поклонниковъ. Параллельно съ успѣхами исторической науки идетъ развитіе исторической литературы, обращающейся къ большой публикѣ и знакомящей ее съ тѣмъ, что̀ дѣлается „въ тиши ученаго міра". Все болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль о преемственности движенія, о тѣсной связи между тѣмъ, что̀ было, есть и будетъ. „Безпочвенныя гаданія" о будущемъ, неизбѣжныя въ эпохи всеобщей тревоги, не исключаютъ болѣе серьезныхъ попытокъ заглянуть „въ даль временъ", основанныхъ на формулѣ: „savoir, c'est prévoir". Этому способствуетъ усердная разработка тѣхъ сторонъ исторіи, которыхъ еще недавно едва касалась наука — исторіи учрежденій, нравовъ, вѣрованій, законовъ, экономическихъ отношеній, и т. д.

Совершенно ошибочна, такимъ образомъ, исходная точка г. Рачинскаго. Допустимъ, однако, что она вѣрна, что современному обществу дѣйствительно недостаетъ вниманія къ „урокамъ времени". Логическій выводъ отсюда ясенъ: нужно поднять, усилить это вниманіе, для чего, въ свою очередь, необходимо внушить юношеству любовь къ наукѣ, посвященной минувшему—къ исторіи. Между тѣмъ, именно исторіей пренебрегаетъ ультра-классическая школа, отодвигая ее на задній планъ, въ разрядъ второстепенныхъ предметовъ [1]). Чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Рачинскому надлежало бы привѣтствовать реформу, предоставляющую исторіи болѣе почетное мѣсто въ общеобразовательной средней школѣ. Но нѣтъ: мысль г. Рачинскаго направлена въ совершенно другую сторону. Ссылка на склонность забывать „уроки времени" понадобилась ему только для того чтобы подчеркнуть, съ глубокою скорбью, „упадокъ способовъ непосредственнаго проникновенія въ минувшее, живая рѣчь котораго, столь долго служившая связующимъ звеномъ между вѣками и поколѣніями, все болѣе и болѣе устраняется изъ области умственнаго воспитанія". Итакъ, связующимъ звеномъ между вѣками и поколѣніями служитъ не самое теченіе событій, образовъ, мыслей, а форма, въ которую вылились нѣкоторыя изъ нихъ — форма, менѣе всего оправдывающая названіе *живой рѣчи*? Знаніе языка — необходимое условіе для знакомства съ жизнью говорившаго на немъ народа? Пониманіе древняго Востока доступно, слѣдовательно, только для умѣющихъ разбирать гіероглифы и клинообразныя письмена, пониманіе первобытнаго

[1]) Чтобы понять всю силу антагонизма между ультра-классицизмомъ и исторіей, слѣдуетъ припомнить, чѣмъ должно было стать изученіе исторіи на историко-филологическихъ факультетахъ, когда послѣдніе, во второй половинѣ 80-хъ годовъ, предполагалось превратить въ высшія классическія школы.

человѣка—только для изучившихъ нарѣчія дикихъ племенъ [1])? Преувеличеніе, въ которое впадаетъ г. Рачинскій, по истинѣ колоссально; такъ далеко не идетъ даже обычная аргументація фанатиковъ классицизма. Они говорятъ о ни съ чѣмъ несравнимой прелести классической литературы, объ артистической выработкѣ древнихъ языковъ, о незамѣнимости ихъ, какъ педагогическаго орудія—но они не утверждаютъ, чтобы незнаніе этихъ языковъ разрывало связь между прошедшимъ и настоящимъ, обращало людей нашего времени, если можно такъ выразиться, въ „непомнящихъ родства". Историческіе „уроки", которые даетъ намъ классическая древность, сохраняютъ свою силу независимо отъ языка, на которомъ они до насъ доходятъ. Не въ этихъ урокахъ, притомъ, слѣдуетъ искать главныя указанія на вѣроятный ходъ будущихъ событій; слишкомъ далекъ отъ насъ классическій міръ, слишкомъ велико различіе между всѣми условіями античной и современной жизни.

Переходя отъ древнихъ языковъ вообще къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, г. Рачинскій провозглашаетъ латинскій языкъ орудіемъ международнаго общенія не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ и въ будущемъ. „Вавилонское размноженіе языковъ"—говоритъ г. Рачинскій—„заставляетъ мыслителей и ученыхъ, со временъ Лейбница, мечтать объ языкѣ международномъ и всеміpномъ, который служилъ бы орудіемъ общенія, дѣлового и научнаго, между всѣми племенами вселенной. Мы были свидѣтелями безобразнаго и мертворожденнаго изобрѣтенія „волапюка". Эта жалкая попытка лишь подчеркнула необходимость—въ качествѣ международнаго орудія общенія—языка, сложившагося исторически, безсознательнымъ творчествомъ безчисленныхъ поколѣній. На дѣлѣ до сихъ поръ такимъ языкомъ можетъ служить только латинскій—единственный извѣстный всѣмъ образованнымъ членамъ европейской семьи, единственный открывающій доступъ къ прошлому всѣхъ наукъ. Есть филологи, ратующіе за возвращеніе этому языку его средневѣкового преобладанія. Вольно отдѣльнымъ народамъ мечтать о грядущемъ возобладаніи языка французскаго или англійскаго, нѣмецкаго или русскаго. Такая побѣда, если она возможна, дѣло весьма отдаленнаго будущаго. Пока же никому, имѣющему возможность посвятить лѣта отрочества и юности умственному своему развитію, не долженъ быть прегражденъ доступъ къ единственному, въ настоящее время, орудію общенія со всѣми просвѣщенными народами, со всѣми вѣками христіанскаго и отчасти дохристіанскаго прошлаго". Насъ поражаетъ здѣсь, прежде всего, смѣ-

[1]) Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не о новыхъ открытіяхъ, а объ усвоеніи результатовъ, уже добытыхъ наукою.

шеніе мечты о томъ, что̀ можетъ быть, съ указаніемъ на то, что̀ есть. Допустимъ, что когда-нибудь народы, „распри позабывъ“ и „соединясь въ великую семью“, возвратятъ латинскому языку, по общему согласію, ту роль, которую онъ игралъ въ средніе вѣка—или, лучше сказать, предоставятъ ему роль еще несравненно болѣе важную, соотвѣтственно увеличившейся во много разъ экстенсивности и интенсивности международныхъ сношеній: тогда измѣнится само собою и положеніе латинскаго языка, какъ предмета преподаванія, и не останется, быть можетъ, ни одной школы, которая не включила бы его, въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ, въ свои программы. Болѣе чѣмъ странно было бы согласовать съ этимъ возможнымъ, но не особенно вѣроятнымъ и во всякомъ случаѣ весьма отдаленнымъ будущимъ настоящее устройство школьнаго дѣла. Какія бы судьбы ни готовило для латинскаго языка наше потомство, мы должны измѣрять его значеніе только тою ролью, которая принадлежитъ ему въ настоящемъ. Гдѣ же доказательство тому, что *теперь* латинскій языкъ служитъ или можетъ служить орудіемъ международнаго общенія? Г. Рачинскій довольствуется ссылкой на русскаго латиниста, который, путешествуя по Венгріи лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, свободно могъ бесѣдовать съ мѣстными учителями на латинскомъ языкѣ, служившемъ въ то время общимъ языкомъ всѣхъ образованныхъ людей Венгріи, безъ различія національности. Нельзя сказать, чтобы этотъ примѣръ былъ выбранъ удачно: латинскій языкъ въ Венгріи давно уже потерялъ то мѣсто, которое онъ занималъ въ первой половинѣ XIX-го вѣка — и вмѣстѣ съ тѣмъ пала послѣдняя позиція, напоминавшая отчасти былое господство этого языка. Для международныхъ сношеній языки французскій, англійскій, нѣмецкій имѣютъ въ настоящее время гораздо бо̀льшую важность, чѣмъ латинскій. Столь же мало можно согласиться и съ тѣмъ, что латинскій языкъ—*единственный*, открывающій доступъ къ прошлому *всѣхъ* наукъ. Не говоря уже о томъ, что многія науки сложились въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, когда латинскій языкъ въ области знанія, давно уже пересталъ быть единовластнымъ, не говоря и о томъ, что главная роль въ развитіи наукъ принадлежала, въ древности, Греціи, а не Риму, замѣтимъ только одно: въ наукѣ менѣе всего важна внѣшняя форма, для усвоенія точныхъ знаній меньше всего нужно знакомство съ языкомъ, на которомъ они были изложены первоначально. Припомнимъ, вдобавокъ, что о совершенномъ вытѣсненіи латинскаго языка изъ общеобразовательной средней школы вовсе нѣтъ и рѣчи. Если онъ перестаетъ быть обязательнымъ для *всѣхъ* ея учениковъ, то исключительно потому, что она замѣняетъ собою какъ нынѣшнія гимназіи, такъ и нынѣшнія реальныя училища. Не будутъ учиться латинскому языку тѣ ученики

преобразованной средней школы, которые при нынѣ дѣйствующемъ порядкѣ сидѣли бы на скамьяхъ реальнаго училища. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, достаточно ли для латинскаго языка шестнадцати часовъ въ недѣлю, отводимыхъ ему новымъ учебнымъ планомъ. Въ нашихъ глазахъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ никакому сомнѣнію—предполагая, конечно, что цѣлью преподаванія будетъ служить пониманіе авторовъ, а не знаніе грамматическихъ и синтаксическихъ тонкостей и не умѣнье поддѣлываться подъ слогъ Цезаря или Цицерона...

О греческомъ языкѣ г. Рачинскій говоритъ немного, ограничиваясь указаніемъ на то, что онъ „остается хранилищемъ высочайшихъ красотъ человѣческой мысли и вѣнца писаній, начертанныхъ рукою человѣческою — Новаго Завѣта, съ толкованіемъ его ближайшими преемниками священнаго преданія“. Намъ кажется, что чѣмъ выше и глубже истина, тѣмъ меньше значеніе ея внѣшней оболочки. На какомъ бы языкѣ ни читать Евангеліе, дѣйствіе его остается одинаковымъ и неизмѣннымъ. По словамъ г. Рачинскаго, „достигнуть вершинъ пониманія, философскаго, богословскаго, художественнаго, могутъ, безъ помощи греческаго языка, развѣ люди геніальные; но орудіе это должно быть дано въ руки всякому, кому предстоитъ трудиться въ высшихъ сферахъ науки, искусства, духовнаго созерцанія“. Разбирать взглядъ г. Рачинскаго по существу мы не будемъ,—это увлекло бы насъ слишкомъ далеко; для нашей ближайшей цѣли достаточно напомнить, что изъ тысячи учениковъ средней школы развѣ одному предстоитъ „достигнуть вершинъ пониманія“, „трудиться въ высшихъ сферахъ науки, искусства, духовнаго созерцанія“. Изъ-за этого одного нельзя предопредѣлять занятія всѣхъ, тѣмъ болѣе, что для богато одареннаго юноши самостоятельное изученіе греческаго языка не представляетъ никакихъ затрудненій [1]). Владиміръ Соловьевъ нашелъ нужнымъ, а слѣдовательно и возможнымъ, овладѣть еврейскимъ языкомъ—но никто не выводилъ и не выводитъ отсюда необходимость введенія еврейскаго языка въ гимназіи, гдѣ обучаются, быть можетъ, наши будущіе Соловьевы.

„Упраздненіемъ (?) преподаванія мертвыхъ языковъ“ (правильнѣе было бы сказать—низведеніемъ его съ того господствующаго мѣста, которое принадлежало ему до сихъ поръ въ нашихъ гимназіяхъ) предотвращается, по мнѣнію г. Рачинскаго, „распространеніе столь желательнаго знакомства съ языками живыми“. Этому мнѣнію нельзя

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что коммиссія генералъ-адъютанта Ванновскаго допускаетъ преподаваніе греческаго языка, какъ предмета необязательнаго, ставя его въ зависимость отъ состоянія экономическихъ средствъ, размѣровъ помѣщенія и количества учениковъ изъявившихъ желаніе изучать этотъ языкъ.

отказать въ оригинальности и неожиданности. Одна изъ цѣлей реформы—усиленіе преподаванія новыхъ языковъ. Обязательнымъ считался до сихъ поръ только одинъ изъ нихъ, теперь будутъ считаться оба (французскій и нѣмецкій); надъ ними не будетъ тяготѣть, вдобавокъ, абсолютная гегемонія древнихъ языковъ. На чемъ же основывается опасеніе г. Рачинскаго, идущее прямо въ разрѣзъ съ фактическимъ положеніемъ вопроса? На томъ, что „весь запасъ латинскихъ корней вошелъ, почти цѣликомъ, въ составъ современныхъ европейскихъ языковъ, а усвоеніе языка греческаго, по богатству его словопроизведенія и синтаксиса, упраздняетъ (!) всѣ трудности по этой части языковъ новѣйшихъ“. Вся громадная номенклатура—научная, техническая, художественная, философская, богословская—составлена, вдобавокъ, „исключительно изъ корней латинскихъ и греческихъ и непосредственно понятна только людямъ, съ древними языками знакомымъ“. Тому, кто знаетъ древніе языки, достаточно, по мнѣнію г. Рачинскаго, ознакомленія съ однимъ изъ германскихъ языковъ (напр., нѣмецкимъ), чтобы получить доступъ къ любому изъ европейскихъ языковъ. Если это такъ, то почему же нынѣшній гимназическій курсъ столь рѣдко служитъ отправной точкой для пріобрѣтенія широкихъ лингвистическихъ познаній? Почему столь немногіе изъ окончившихъ гимназію владѣютъ сколько-нибудь удовлетворительно хотя бы однимъ новымъ языкомъ—напр., французскимъ, наиболѣе близкимъ къ латинскому? Почему распространенность новыхъ языковъ въ нашемъ обществѣ за послѣднія тридцать лѣтъ такъ мало увеличилась, можетъ быть даже и уменьшилась? Нѣтъ, сколько бы латинскихъ корней ни перешло въ романскіе языки, изученіе послѣднихъ является большимъ трудомъ, успѣшность котораго обусловливается, прежде всего, его непосредственностью, т.-е. знакомствомъ прямо съ избраннымъ новымъ языкомъ, безъ разсчета на то, что къ нему откроетъ доступъ языкъ латинскій. Еще менѣе пригоднымъ средствомъ къ преодолѣнію трудностей, сопряженныхъ съ изученіемъ новыхъ языковъ, служитъ, очевидно, предварительное усвоеніе греческаго языка. Что въ такомъ переходѣ отъ болѣе труднаго къ менѣе трудному, отъ болѣе сложнаго къ менѣе сложному нѣтъ никакой надобности—лучшимъ доказательствомъ тому служитъ легкость, съ которою новые языки даются дѣтямъ, вовсе еще незнакомымъ съ древними языками.

Нужно ли, наконецъ, опровергать ссылку г. Рачинскаго на значеніе древнихъ языковъ, какъ источника научной и всякой другой номенклатуры? Изученіе того или другого предмета ведетъ само собою къ знакомству съ его номенклатурой. Важно знать не происхожденіе терминовъ, а ихъ настоящій смыслъ. Такого знанія не даетъ то пониманіе словъ, которое г. Рачинскій называетъ „непосредственнымъ“.

Учившемуся по-гречески легко понять, напримѣръ, какъ сложилось слово „термометръ"—но къ дѣйствительному знакомству съ инструментомъ, обозначаемымъ этимъ словомъ, это не приблизитъ его ни на одинъ шагъ. Наоборотъ, кто знаетъ физику, тому и безъ всякаго знакомства съ греческимъ языкомъ совершенно ясно, что термометръ—измѣритель теплоты. По справедливому замѣчанію г. Рачинскаго, греческіе и латинскіе корни играютъ большую роль и въ технической, и въ художественной номенклатурѣ; а много ли найдется художниковъ и техниковъ, изучавшихъ древніе языки—и служило ли хоть когда-нибудь незнакомство съ ними препятствіемъ къ достиженію, въ этихъ сферахъ, высокой степени искусства?.. Итакъ, „распространенію знакомства съ живыми языками" ограниченіе преувеличенной роли, принадлежавшей древнимъ языкамъ со временъ министерства гр. Толстого,—повредить отнюдь не можетъ.

„Въ дѣтскомъ возрастѣ"—замѣчаетъ г. Рачинскій—„умѣнье говорить, сознательно читать и писать на иностранныхъ языкахъ можетъ быть пріобрѣтено лишь въ семьяхъ, въ коихъ языки эти употребительны, или въ мало кому доступныхъ, по своей дороговизнѣ, интернатахъ. Общедоступная средняя школа можетъ дать своимъ воспитанникамъ лишь ключъ къ самостоятельному усвоенію новыхъ языковъ до степени полнаго пониманія читаемаго". Безспорно, умѣнье *говорить* на иностранныхъ языкахъ—говорить свободно и правильно—можетъ быть пріобрѣтено лишь при условіяхъ, указываемыхъ г. Рачинскимъ; до извѣстной степени то же самое можно сказать и объ умѣньѣ писать—писать не только грамотно, но и литературно. Совсѣмъ иное дѣло—умѣнье читать и понимать читаемое: оно можетъ и *должно* быть пріобрѣтаемо въ средней школѣ. Другими словами, средняя школа должна дать своимъ ученикамъ не только „ключъ къ *самостоятельному* усвоенію новыхъ языковъ", не только возможность дальнѣйшаго *самообразованія* въ этомъ направленіи: она должна вооружить ихъ *знаніемъ*, благодаря которому имъ было бы доступно все написанное на данномъ языкѣ. При томъ числѣ уроковъ, которое отводится живымъ языкамъ въ преобразованной средней школѣ, при новомъ взглядѣ на ихъ значеніе, поднимающемъ ихъ на одинъ уровень съ такъ называемыми главными предметами, такой результатъ вполнѣ возможенъ—и нужно надѣяться, что онъ будетъ достигнутъ.

Часы, освобождающіеся вслѣдствіе измѣненія роли древнихъ языковъ, новый учебный планъ отдаетъ на усиленіе преподаванія исторіи, которое предполагается начинать съ перваго класса, и на предметы, до сихъ поръ вовсе не входившіе въ составъ гимназическаго курса: законовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе и естествознаніе. Всѣ эти нововведенія возбуждаютъ въ г. Рачинскомъ „самыя тяжелыя недоумѣнія".

По его словамъ, „тотъ анекдотическій и эпизодическій матеріалъ изъ области исторіи, который доступенъ дѣтскому пониманію, можетъ быть сообщенъ на урокахъ объяснительнаго чтенія, а еще лучше—тщательно избраннымъ чтеніемъ самостоятельнымъ, внѣклассным, при устраненіи всякаго подобія принудительности". Будутъ ли историческіе факты передаваться ученикамъ на урокахъ исторіи или на урокахъ объяснительнаго чтенія—это, въ сущности, все равно: въ пользу перваго говоритъ только предположеніе, что учителю исторіи, какъ спеціалисту, легче будетъ найти такую форму изложенія, которая займетъ учащихся и заложитъ въ нихъ интересъ къ предмету. Что касается до внѣкласснаго чтенія, то, указанное и рекомендованное учителемъ, оно легко можетъ стать, de facto, принудительнымъ и увеличить число часовъ, посвящаемыхъ домашнему приготовленію уроковъ, что̀ особенно нежелательно именно въ младшихъ классахъ. „Преподаваніе законовѣдѣнія въ средней школѣ"—продолжаетъ г. Рачинскій—„очевидно преждевременно. Теоріи права отроческому возрасту недоступны. Знакомство съ положительнымъ законодательствомъ—предметъ для средней школы слишкомъ громоздкій и сложный". Не слишкомъ ли поспѣшенъ и рѣшителенъ этотъ приговоръ? Правильная постановка законовѣдѣнія въ средней школѣ несомнѣнно представляетъ большія трудности, но это еще не значитъ, чтобы онѣ были непреодолимы. „Теоріи права" никто и не подумаетъ излагать въ средней школѣ, а изъ „громоздкаго" и сложнаго предмета" могутъ и должны быть выбраны лишь нѣкоторыя стороны, сравнительно доступныя и простыя. Если ученики старшихъ классовъ въ состояніи усвоить себѣ свѣдѣнія о законодательствѣ Солона и Клисѳена, о двѣнадцати таблицахъ, о геліастахъ и тэсмотетахъ, о судѣ сенаторовъ и всадниковъ,—то что̀ же помѣшаетъ имъ справиться съ чисто фактическими данными о русскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, о судѣ присяжныхъ, о земскомъ и городскомъ самоуправленіи? Съ отдѣльными юридическими институтами гимназистамъ также приходится встрѣчаться въ курсахъ исторіи (назовемъ, для примѣра, остракизмъ въ Аѳинахъ, отцовскую власть въ Римѣ); гдѣ же препятствіе къ ознакомленію ихъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ русскимъ уголовнымъ и гражданскимъ правомъ?.. „Что̀ нужно разумѣть подъ отечествовѣдѣніемъ, независимо отъ разумнаго преподаванія отечественной географіи и исторіи"—это для г. Рачинскаго „остается загадкой". Намъ кажется, что разгадать ее нетрудно: стоитъ только вспомнить о существованіи статистики, изъ которой очень и очень многое съ большою пользой можетъ быть введено въ курсъ отечествовѣдѣнія... Всего подробнѣе г. Рачинскій говоритъ о естественныхъ наукахъ, и многія замѣчанія его по этому предмету имѣютъ

безспорную цѣнность; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что онъ желалъ доказать одно, а доказалъ другое. Его аргументація направлена противъ преподаванія естественныхъ наукъ въ средней школѣ—а вытекаетъ изъ нея только рядъ указаній на то, *какъ* не слѣдуетъ преподавать ихъ. До какой степени г. Рачинскій противорѣчитъ здѣсь самому себѣ, видно изъ того, что онъ обвиняетъ нашу „интеллигенцію" въ „постыдномъ равнодушіи къ дѣйствительной природѣ"—и вмѣстѣ съ тѣмъ закрываетъ для значительной части будущихъ „интеллигентовъ" вѣрнѣйшій путь къ ознакомленію съ природой... Рекомендуемыя имъ экскурсіи и практическія занятія привьются въ нашемъ педагогическомъ мірѣ только тогда, когда будутъ поставлены въ живую связь съ преподаваніемъ естествознанія въ средней школѣ.

Какъ бы неосновательны ни были, по нашему убѣжденію, всѣ разсмотрѣнные нами до сихъ поръ доводы г. Рачинскаго, имъ нельзя отказать въ одномъ достоинствѣ: въ отсутствіи тѣхъ особыхъ пріемовъ, къ которымъ, еще со временъ Каткова, прибѣгаютъ газетные охранители statu quo въ области древней школы. Къ сожалѣнію, этотъ характеръ выдержанъ г. Рачинскимъ не до конца: къ возраженіямъ противъ цѣлесообразности реформы и у него присоединяются указанія на ея опасность. „Болѣе культурныя окраины" государства сдѣлаютъ, по его мнѣнію, все отъ нихъ зависящее, чтобы „сохранить европейскій характеръ средней школы" [1]. „Послѣдствія"—продолжаетъ г. Рачинскій—„предвидѣть нетрудно. Дѣйствительно успѣшно будутъ проходить университетскій курсъ, благодаря правильной подготовкѣ, преимущественно инородцы, и ими въ возрастающей пропорціи будутъ пополняться ряды нашей служебной іерархіи, и нынѣ ими столь богатой. Все болѣе будетъ изъ нея вытѣсняться коренной русскій элементъ". Въ какой степени нынѣшняя классическая школа даетъ „правильную подготовку" къ университету—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ общепризнанная недостаточность знаній и развитія, идущая рука объ руку съ аттестатомъ зрѣлости. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что гораздо выше, и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, стояли окончившіе курсъ въ гимназіи Уваровскаго или Голов-

---

[1]) За силою второго примѣчанія къ первому изъ основныхъ положеній, выработанныхъ коммиссіей генералъ-адъютанта Ванновскаго, среднія школы, содержимыя исключительно на средства городовъ, земствъ, обществъ, сословій или частныхъ лицъ, могутъ отличаться отъ общаго типа, подъ условіемъ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. По первому примѣчанію къ тому же положенію отступленія отъ общаго типа могутъ быть допускаемы министромъ и для тѣхъ школъ, въ содержаніи которыхъ участвуютъ города, земства, общества, сословія или частныя лица.

нинскаго типа, возвращеніемъ къ которому является, въ сущности, латинское отдѣленіе вновь проектируемой средней общеобразовательной школы. Для учениковъ ея не будетъ, слѣдовательно, опасна конкурренція молодыхъ людей, учившихся, на одной изъ западныхъ окраинъ, въ средней школѣ съ двумя древними языками. Еще меньше можетъ быть рѣчь о вытѣсненіи инородцами коренныхъ русскихъ на поприщѣ государственной службы. „Богатство“ послѣдней инородцами существуетъ только въ воображеніи г. Рачинскаго. Давно уже прошло то время, когда понятна была извѣстная шутка Ермолова о „производствѣ въ нѣмцы“: уроженцы остзейскаго края давно уже не занимаютъ привилегированнаго положенія ни въ войскѣ, ни въ бюрократіи. Что касается до поляковъ, то говорить о возможномъ переполненіи ими рядовъ чиновничества просто смѣшно; всѣмъ извѣстно, что меньше всего благопріятствуетъ у насъ служебной карьерѣ именно польское происхожденіе. Не говоримъ уже о евреяхъ, вовсе не принимаемыхъ на государственную службу, да и въ университетъ допускаемыхъ лишь съ большими ограниченіями. Пускай западныя окраины сохраняютъ у себя, если находятъ это нужнымъ, классическія гимназіи; никакого ущерба для русской государственности отсюда не произойдетъ. Тревога, поднимаемая по этому поводу г. Рачинскимъ, должна быть отнесена къ разряду тѣхъ мало симпатичныхъ вспомогательныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ, за отсутствіемъ болѣе сильныхъ аргументовъ, защитники проиграннаго дѣла.

Другимъ орудіемъ того же рода, и притомъ такимъ, которому придается особое значеніе, являются возраженія г. Рачинскаго противъ проектируемаго *единства средней школы*: ими начинается, ими же и заканчивается его статья. Многіе изъ учащихся въ средней школѣ— говоритъ г. Рачинскій — не оканчиваютъ въ ней курса; многіе другіе не идутъ дальше ея предѣловъ; многіе, наконецъ, переходятъ въ спеціальныя учебныя заведенія; „лишь незначительное, но весьма цѣнное меньшинство имѣетъ возможность пройти черезъ университетъ и подготовиться, такимъ образомъ, къ дѣятельности государственной или научной“. Въ виду такого разнообразія въ поприщахъ, предстоящихъ учащемуся юношеству, г. Рачинскій считаетъ въ высшей степени желательнымъ сохранить разнообразіе подготовляющихъ къ нимъ способовъ обученія. Въ основаніи этихъ разсужденій лежитъ, прежде всего, явное недоразумѣніе. Единство средней школы, проектируемое коммиссіею генералъ-адъютанта Ванновскаго, нельзя понимать какъ нѣчто абсолютное: оно отнюдь не устраняетъ многоразличія спеціальныхъ учебныхъ заведеній — военныхъ, духов-

ныхъ, ремесленныхъ, коммерческихъ, сельско-хозяйственныхъ и т. п. Единой должна быть только *общеобразовательная* школа, замѣняющая собою гимназію и реальное училище, при чемъ три низшіе ея класса сближаются, по возможности (но не вполнѣ), какъ съ низшими классами спеціальныхъ среднихъ школъ, такъ и съ тѣми элементарными школами, которыя стоятъ на рубежѣ между низшимъ и среднимъ образованіемъ. Разнообразію поприщъ по прежнему, слѣдовательно, продолжаетъ отвѣчать разнообразіе школъ; облегчается только переходъ изъ школы одного типа въ школу другого, и уменьшается число дѣтей, выбрасываемыхъ изъ школы съ обрывками нестройныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время мальчикъ, выходящій изъ третьяго класса гимназіи, знаетъ многое совершенно безполезное для него (латинскую грамматику, начатки греческой)—и не знаетъ того, что̀ нужно для поступленія въ соотвѣтствующій классъ реальнаго или промышленнаго училища; годы гимназическаго ученья пропали для него почти даромъ. Несравненно болѣе выгоднымъ будетъ положеніе мальчика, прошедшаго три класса проектируемой общеобразовательной школы: они будутъ давать небольшой, но законченный кругъ знаній, приспособленный и къ переходу на другія дороги, и къ дальнѣйшему самообразованію. Весь вопросъ, затѣмъ, сводится къ тому, желательно ли существованіе двухъ отдѣльныхъ типовъ средней общеобразовательной школы: гимназіи и реальнаго училища. Замѣтимъ, прежде всего, что гимназіи въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, съ преобладающею ролью обоихъ древнихъ языковъ, не исчезаютъ совершенно: ихъ предполагается сохранить (по одной) въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ [1]), не говоря уже о частныхъ или общественныхъ школахъ, изъ которыхъ многія, по всей вѣроятности, останутся вѣрными классицизму. Судьбу остальныхъ общеобразовательныхъ школъ предопредѣляетъ, въ значительной степени, рѣшеніе вопроса о древнихъ языкахъ: разъ что они перестаютъ считаться необходимой предпосылкой университетскаго образованія—подаетъ главный поводъ къ отдѣленію гимназій отъ реальныхъ училищъ. Оно было неизбѣжно, пока изученіе латыни должно было начинаться съ самаго вступленія въ гимназію, пока вся гимназическая программа должна была согла-

---

[1]) По первоначальному предположенію коммиссіи, школы съ обязательнымъ преподаваніемъ обоихъ древнихъ языковъ должны были существовать во всѣхъ университетскихъ городахъ, и сверхъ того въ Вильнѣ. Нельзя не пожалѣть, что это предположеніе уступило мѣсто другому, менѣе благопріятному для изученія древнихъ языковъ. Что *пяти* полныхъ классическихъ гимназій на всю Россію слишкомъ мало—это видно уже изъ того, что у насъ *восемь* историко-филологическихъ факультетовъ и *два* историко-филологическихъ института, для вступленія въ которые требуется знаніе обоихъ древнихъ языковъ.

соваться съ громаднымъ числомъ уроковъ сначала по одному, потомъ по обоимъ древнимъ языкамъ; но оно теряетъ свою raison d'être, какъ только древніе языки отступаютъ на второй планъ и отъ знанія ихъ перестаетъ *безусловно* зависѣть доступъ въ университетъ. Бифуркація, безспорно, имѣетъ свои неудобства, но они менѣе значительны, чѣмъ тѣ, съ которыми сопряжена двойственность общеобразовательной средней школы. При бифуркаціи моментъ, предрѣшающій, по крайней мѣрѣ отчасти [1]), будущность ученика, наступаетъ тремя годами позже, чѣмъ при раздѣльномъ существованіи гимназій и реальныхъ училищъ. Въ стѣнахъ того же учебнаго заведенія легче, притомъ, исправить свою ошибку, и перейти, годъ или два спустя послѣ первоначальнаго выбора, изъ одного отдѣленія въ другое.

Отъ сближенія программы первыхъ трехъ классовъ общеобразовательной средней школы съ программою ниже стоящихъ школъ г. Рачинскій ожидаетъ весьма серьезныхъ послѣдствій. Онъ боится, что городскія училища, сельскія двухклассныя школы министерства народнаго просвѣщенія, второклассныя школы духовнаго вѣдомства, даже наилучше поставленныя одноклассныя сельскія школы обратятся, „въ ущербъ прямому своему назначенію, въ приготовительные классы къ средней школѣ; такому превращенію способствовало бы честолюбіе родителей, самолюбіе учителей, соревнованіе учащихся". Переходъ изъ низшей школы въ среднюю г. Рачинскій признаетъ нормальнымъ лишь какъ исключеніе, встрѣчающееся и въ настоящее время. Въ какой же классъ гимназіи можетъ, однако, поступить ученикъ низшей школы, хотя бы и не начальной? Очевидно — только въ первый, потому что поступленію его во второй или третій классъ мѣшаетъ незнаніе латинскаго языка. Понятно, что между окончившими курсъ въ городскомъ или двухклассномъ училищѣ, обладающими немалой подготовкой по математикѣ, географіи, исторіи, русскому языку, немного находится охотниковъ начинать опять съ начала и повторять, безъ всякой пользы, уже пройденное. Устраненіе или, лучше сказать, смягченіе этой аномаліи—такова цѣль, къ которой стремится коммиссія генералъ-адъютанта Ванновскаго; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы двери въ старшіе классы преобразованной средней школы раскрылись настежь для учениковъ всѣхъ школъ, перечисляемыхъ г. Рачинскимъ. Совершенно исключить изъ ихъ числа слѣдуетъ, во-первыхъ,

---

[1]) Мы говоримъ: *отчасти*, потому что знаніе латинскаго языка, въ той мѣрѣ, въ какой оно признается необходимымъ для поступленія на факультеты юридическій и медицинскій, можетъ быть пріобрѣтено безъ большого труда и не на школьной скамьѣ.

одноклассныя начальныя школы: какъ бы хорошо онѣ ни были поставлены, онѣ не могутъ дать и малой доли тѣхъ свѣдѣній, которыя требуются для вступленія въ четвертый (или хотя бы въ третій, во второй) классъ средней школы. Повелительное: „до сихъ поръ—и не дальше" скоро положило бы конецъ попыткамъ учителя расширить кругъ обученія въ начальной школѣ, еслибы даже у него нашлись для того и силы, и время. Что коммиссія вовсе не имѣла въ виду начальныхъ школъ — это показываетъ редакція примѣчанія ко второму изъ принятыхъ ею основныхъ положеній: „ученики, прошедшіе курсъ *низшихъ школъ, приближающихся по своей программѣ къ курсу первыхъ трехъ классовъ средней школы*, могутъ поступать въ четвертый классъ съ повѣрочнымъ испытаніемъ лишь по предметамъ, не вошедшимъ въ программы этихъ школъ, а равно и по главнымъ предметамъ". Очевидно, что программа одноклассной начальной школы вовсе не приближается къ программѣ первыхъ трехъ классовъ средней школы. Едва ли, затѣмъ, удовлетворяютъ этому условію сельскія двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія и второклассныя школы духовнаго вѣдомства, уже потому, что курсъ ученья, идущаго дальше программъ начальной школы, обнимаетъ здѣсь только два, а не три года. Остаются, затѣмъ, только городскія училища, устроенныя по уставу 1872-го года, и еще немногія другія, болѣе или менѣе съ ними сходныя. Чтò же страшнаго въ томъ, что для окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ будетъ облегченъ доступъ въ соотвѣтствующій ихъ возрасту и познаніямъ классъ средней школы? Самое облегченіе нельзя, впрочемъ, назвать особенно большимъ, потому что въ низшихъ классахъ преобразованной средней школы будутъ изучаться новые иностранные языки, не входящіе въ программу городскихъ и имъ подобныхъ училищъ. Преподаваніе одного изъ нихъ предположено начинать съ перваго класса средней школы, другого — съ третьяго. Чтобы достигнуть, въ этомъ отношеніи, одного уровня съ учениками, прошедшими три класса средней школы, окончившему курсъ въ городскомъ училищѣ придется затратить много труда и, чтò еще важнѣе, немало средствъ. Это окажется удобоисполнимымъ лишь для немногихъ — столь немногихъ, что задуманное коммиссіей сближеніе средней школы съ низшего рискуетъ остаться мертвой буквой. Нѣсколько болѣе реальнымъ оно могло бы стать лишь въ такомъ случаѣ, если преподаваніе второго новаго языка начиналось не въ третьемъ, а въ четвертомъ классѣ средней школы; окончившему курсъ въ городскомъ училищѣ достаточно было бы тогда ознакомиться съ *однимъ* добавочнымъ предметомъ, и трудность задачи уменьшилась бы для него почти на половину [1]). Едва ли цѣлесо-

[1]) Оставленіе въ курсѣ трехъ младшихъ классовъ средней школы только од-

образно, съ той же точки зрѣнія, повѣрочное испытаніе по *главнымъ предметамъ*, общимъ средней школѣ и городскому училищу: разъ что они преподаются и тамъ, и тутъ въ одинаковыхъ размѣрахъ, есть достаточное основаніе предполагать, что одинаковы и пріобрѣтенныя знанія. Самое дѣленіе предметовъ на главные и неглавные слѣдовало бы совершенно уничтожить. Все введенное въ программу должно считаться въ равной степени существеннымъ и важнымъ: искусственное, съ этой точки зрѣнія, различіе между предметами слишкомъ легко можетъ быть принято за приглашеніе или дозволеніе относиться къ однимъ изъ нихъ съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ другимъ...

Переполненія старшихъ классовъ средней школы бывшими учениками городскихъ училищъ нельзя было бы, впрочемъ, ожидать и при предлагаемомъ нами порядкѣ: нелегко преодолимой преградой являлось бы и требованіе *одного* иностраннаго языка — но съ этимъ пришлось бы примириться, потому что въ нормально организованной средней школѣ изученіе новыхъ иностранныхъ языковъ должно быть начинаемо какъ можно раньше. Остались бы въ силѣ, притомъ, и всѣ другія условія, затрудняющія переходъ изъ низшихъ школъ въ среднія: ограниченное число среднихъ школъ и свободныхъ въ нихъ вакансій, бѣдность тѣхъ общественныхъ классовъ, изъ среды которыхъ выходитъ главная масса учащихся въ низшихъ училищахъ, и обусловливаемая бѣдностью необходимость возможно скораго окончанія ученья, для приступа къ работѣ, дающей средства къ жизни. Г. Рачинскій можетъ успокоиться:—es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen; „Честолюбіе родителей" будетъ парализоваться, сплошь и рядомъ, нищетою"; „самолюбіе учителей" — недостаткомъ времени и знаній (многіе ли изъ окончившихъ курсъ въ учительскомъ институтѣ владѣютъ новыми языками?); „соревнованіе учащихся"—заботой о насущномъ хлѣбѣ.

Со всею ясностью мысль г. Рачинскаго раскрывается въ послѣднемъ отдѣлѣ его работы: „Удивительный до непонятности планъ учебной реформы"—читаемъ мы здѣсь—„исходитъ, повидимому, отъ вершинъ правительственныхъ, общественныхъ и научныхъ въ странѣ монархической и сословной, слѣдовательно—устроенной на началахъ охранительныхъ. Между тѣмъ, весь этотъ планъ носитъ на себѣ утопическій характеръ *теорій безусловнаго равенства*, нигдѣ до сихъ поръ не достигнутаго и по силѣ вещей недостижимаго... Въ основу предполагаемаго учебнаго строя положена идея равенства, хотя слово это и не произносится, а замѣняется выраженіемъ: единство. Уже

ного новаго языка имѣло бы еще и ту хорошую сторону, что позволило бы усилить преподаваніе предметовъ, особенно важныхъ для не идущихъ дальше третьяго класса.

въ одной этой терминологической неточности кроется источникъ недоразумѣній неразрѣшимыхъ... Единство зиждется на сложной гармоніи неравенствъ, и всѣ попытки основать единство на равенствѣ ведутъ лишь къ разъединенію и раздору, къ насилію и рабству. Учебный строй, направленный къ тому, чтобы обратить низшую школу въ открытую дорогу къ средней, среднюю—въ общедоступный мостъ къ высшей,—и равенства не установитъ, и единству не послужитъ. Онъ укрѣпитъ въ подростающемъ поколѣніи ту *иллюзію равенства*, которая столь плѣнительна для обездоленныхъ. Иллюзія эта будетъ поддерживаться пониженіемъ уровня преподаванія въ школѣ средней и высшей... Замѣна въ средней школѣ дисциплинъ, требующихъ умственной самодѣятельности, такими, которыя требуютъ лишь напряженія, часто безсмысленнаго, памяти, при обязательности такъ называемаго *сердечнаго отношенія* къ учащимся, неминуемо увеличитъ количество выдаваемыхъ этою школой аттестацій зрѣлости... Отсюда ежегодно усиливающійся наплывъ въ университеты массы недостаточно подготовленныхъ слушателей и неизбѣжное пониженіе университетскаго преподаванія... Пока въ среднюю школу поступали преимущественно дѣти изъ семей образованныхъ, трудъ преподавателей значительно облегчался. Нынѣ, съ чрезмѣрнымъ размноженіемъ воспитанниковъ, помѣщаемыхъ въ среднюю школу невѣжественными родителями, съ ослабленіемъ семейныхъ узъ, слѣдовательно и домашняго воспитанія въ классахъ образованныхъ,—умственный уровень учащихся неудержимо тянетъ внизъ уровень предлагаемаго имъ ученія, и пагубный этотъ процессъ еще предполагается усилить до степеней до сихъ поръ небывалыхъ. Что путь этотъ ни къ какому дѣйствительному равенству не ведетъ, а ведетъ лишь къ размноженію умственнаго пролетаріата—это никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ не требуетъ. Столь же мало ведетъ онъ къ установленію жизненнаго единства. Примѣромъ тому служатъ всѣ современныя демократіи, а также явленія, происходящія на нашихъ глазахъ, за послѣднія десятилѣтія, въ общественныхъ сферахъ нашего отечества. Умственная пустота и нравственная шаткость одновременно повергали нашу интеллигенцію къ ногамъ самыхъ разнообразныхъ идоловъ. Толстой, Ницше и Марксъ, конституціонализмъ и анархія, буддизмъ и католичество, національзмъ и всечеловѣчество, дѣлили между собою на непримиримые лагери россійскій грамотный міръ. Прежде чѣмъ укрѣпить и увѣковѣчить правительственною санкціею радикальной школьной реформы этотъ печальный порядокъ вещей, не благовременно ли обо всемъ этомъ подумать тѣмъ, на коихъ возложена забота о будущихъ судьбахъ Россіи"?

Поразительна въ этомъ финальномъ фейерверкѣ, прежде всего,

хаотичность и сбивчивость аргументаціи. Авторъ хочетъ показать вредные результаты готовящейся реформы—а говоритъ о явленіяхъ, происходившихъ и происходящихъ при дѣйствіи нынѣшняго учебнаго строя, т.-е. ультра-классическаго. Если средняя школа, несмотря на извѣстные циркуляры 1887-го года (о которыхъ г. Рачинскій не упоминаетъ, но которымъ, очевидно, сочувствуетъ), переполняется дѣтьми „невѣжественныхъ родителей", то не ясно ли, что это зависитъ отъ глубоко коренящихся причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ учебными планами? Если въ образованныхъ семьяхъ наблюдается упадокъ домашняго воспитанія, то при чемъ же тутъ то или другое устройство средней школы? Если тридцатилѣтнее господство школьнаго ультра-классицизма не помѣшало распространенію въ русскомъ обществѣ разныхъ видовъ „идолопоклонства", то почему же имъ должно положить конецъ дальнѣйшее процвѣтаніе той же учебной системы? Какъ повліяетъ на уровень образованія, средняго и высшаго, проектируемая реформа, объ этомъ возможны, пока, только предположенія и догадки, а пониженіе этого уровня за послѣднюю четверть вѣка господства ультра-классицизма — несомнѣнный фактъ. Къ „умственной самодѣятельности" меньше всего располагала и располагаетъ именно гимназія, созданная графомъ Толстымъ, съ ея педантическимъ буквоѣдствомъ и мертвящимъ формализмомъ; именно она обращалась преимущественно къ памяти учениковъ, скорѣе подавляя, чѣмъ поощряя работу ихъ мысли. Правильно поставленное преподаваніе исторіи и новыхъ языковъ, осмысленное изученіе русской литературы, болѣе подробное знакомство съ русской дѣйствительностью—все это должно дать результаты прямо противоположные тѣмъ, о которыхъ пророчествуютъ наши тенденціозные пессимисты. Безспорно, „аттестацій зрѣлости" преобразованная средняя школа будетъ выдавать больше, чѣмъ нынѣшняя, т.-е. оканчивать курсъ будетъ бо̀льшій процентъ учениковъ; но этому можно только радоваться, потому что нѣтъ ничего печальнѣе размноженія недоучекъ. „Сердечное отношеніе"— вовсе не синонимъ безтолковой снисходительности; это антитеза холодности и равнодушія, съ которыми до сихъ поръ слишкомъ часто приходилось имѣть дѣло нашей учащейся молодежи. Понимаемая такимъ образомъ, формула, въ послѣднее время часто служившая предметомъ насмѣшекъ, представляетъ собою нѣчто весьма серьезное. Предписать учащимъ любовь къ учащимся, конечно, нельзя—но можно дать имъ понять, что отъ нихъ больше уже не требуется механическое исполненіе разъ навсегда установленныхъ правилъ, какъ бы тяжело оно ни отзывалось на участи учениковъ. „Сердечное отношеніе"—это своего рода сигналъ: его значеніе — „отбой" цѣлой педагогической системѣ.

Въ проектируемомъ *единствѣ* общеобразовательной средней школы —единствѣ, смыслъ котораго, болѣе чѣмъ скромный, установленъ нами выше—г. Рачинскій, по странному обману зрѣнія, видитъ порожденіе теоріи *безусловнаго равенства*. Равенство между чѣмъ или кѣмъ? Между всѣми средними школами? О немъ не можетъ быть и рѣчи, разъ что въ сторонѣ отъ общеобразовательной школы продолжаетъ существовать цѣлый рядъ другихъ училищъ, преслѣдующихъ свои особыя цѣли. Между учащимися въ низшихъ и въ среднихъ школахъ? Оно немыслимо, пока громадное большинство не идетъ дальше низшей школы,—да и для тѣхъ сравнительно немногихъ ея учениковъ, которые стремятся къ дальнѣйшему образованію, переходъ въ среднюю школу сопряженъ съ весьма серьезными затрудненіями. Никакой „терминологической неточности" коммиссія не допустила; неточностью, или чѣмъ-то еще бо́льшимъ, грѣшитъ самъ г. Рачинскій, произвольно замѣняя одно понятіе другимъ, не имѣющимъ ничего съ нимъ общаго. Задача нормальнаго учебнаго строя заключается не въ *объединеніи* и не въ *уравненіи*, а въ установленіи *тѣсной связи* между образованіемъ низшимъ, среднимъ и высшимъ. Эта задача намѣчалась нашимъ правительствомъ еще въ началѣ XIX-го вѣка; ее имѣла въ виду и коммиссія генералъ-адъютанта Ванновскаго—но приблизилась къ ней только на одинъ шагъ, до крайности сдержанный и осторожный. Никакой *иллюзіи равенства* не можетъ возникнуть вслѣдствіе того, что нѣсколько легче сдѣлается переходъ изъ низшей школы въ среднюю и нѣсколько доступнѣе станутъ университеты. „Раздоръ", „насиліе", „размноженіе умственнаго пролетаріата"—всѣ эти громкія слова, разсчитанныя на возбужденіе недовѣрія и страха, производятъ, въ статьяхъ г. Рачинскаго, впечатлѣніе рѣзко-фальшивой ноты: слишкомъ очевидно, что для нихъ нѣтъ никакого реальнаго повода. Нужно надѣяться, что безслѣдно пройдетъ и вытекающій изъ нихъ заключительный призывъ къ „бодрствующей заботѣ консуловъ"... Absit omen!— повторимъ и мы, только, конечно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это сказано г. Рачинскимъ.

Эпиграфомъ къ послѣднему отдѣлу своего труда г. Рачинскій выбралъ слѣдующія слова какого-то французскаго революціонера: „Il faut que les institutions sociales mènent à ce point qu'elles ôtent à tout individu l'espoir de devenir jamais ni plus riche, ni plus puissant, *ni plus distingué par ses lumières* qu'aucun de ses égaux". Эти слова пришли г. Рачинскому на память по поводу проекта учебной реформы; но, съ небольшимъ измѣненіемъ въ ихъ смыслѣ, они гораздо болѣе примѣнимы ко взглядамъ самого г. Рачинскаго. Французскій авторъ несомнѣнно понималъ подъ именемъ *равныхъ*—всѣхъ безъ исключенія гражданъ; но еслибы не знать, что говоритъ революціонеръ, то

ыло бы отнести это выраженіе къ равнымъ по общественному ю, по принадлежности къ одному и тому же общественному і истолковать всю цитату какъ варіантъ поговорки: „всякъ знай свой шестокъ". Въ самомъ дѣлѣ, что возмущаетъ ин г. Рачинскаго? Именно облегченіе перехода, путемъ образо- ъ низшаго общественнаго класса въ высшій, именно демо- ія образованія, къ которой ведетъ, будто бы, проектируемая реформа. Онъ не хочетъ, чтобы родившіеся въ средѣ „низ- а людей" возвышались, иначе какъ въ видѣ рѣдкаго исклю- адъ своими равными, не хочетъ, чтобы они становились plus s par leurs lumières, а слѣдовательно и болѣе близкими къ и власти... Выборомъ эпиграфа г. Рачинскій доказалъ еще къ того не замѣчая, старую истину: „les extrêmes se touchent"!

ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ И ПОШЛИНЫ НА ХЛѢБЪ ПРЕДЪ СУДОМЪ НѢМЕЦКИХЪ ЭКОНОМИСТОВЪ.

Письмо изъ Берлина.

Въ борьбѣ между здѣшними аграріями и противниками пошлинъ на хлѣбъ, составляющей въ настоящую минуту величайшій вопросъ политической жизни Германіи, не послѣднюю роль играютъ представители политической экономіи. Если въ конечномъ итогѣ рѣшеніе спора будетъ зависѣть не столько отъ силы идей, сколько отъ вліянія интересовъ, то несомнѣнно однако, что участіе науки въ практическомъ вопросѣ дня окажетъ вліяніе на правительство, парламентъ и общественное мнѣніе. Въ культурной странѣ, какъ Германія, даже наименѣе прогрессивные круги народа не игнорируютъ научно обоснованныхъ убѣжденій, относятся съ уваженіемъ къ авторитету знанія. Правда, это уваженіе иногда напоминаетъ извѣстную поговорку о прусскихъ „юнкерахъ", для которыхъ „der König absolut,—wenn er unsern Willen thut": если можно сослаться на отзывъ ученаго, соотвѣтствующій ихъ желаніямъ, политическія партіи спѣшатъ превознести его, какъ послѣднее слово науки; если этотъ отзывъ, наоборотъ, идетъ въ разрѣзъ съ ихъ интересами,—то партія и ея печать находятъ, что это не наука, а лженаука, или разсужденіе кабинетнаго человѣка, не знающаго жизни. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, мы сошлемся на два отзыва о заслуженныхъ экономистахъ въ одномъ и томъ же нумерѣ главнаго òргана аграрной партіи, отъ 9 октября. По поводу появленія VI-го тома капитальнаго труда проф. Августа Мейцена: „Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates", òрганъ аграріевъ пишетъ: „Мы не вѣрили нашимъ глазамъ, прочитавъ въ научномъ сочиненіи, имѣющемъ столь крупное значеніе, сбивчивую, неясную и ложную сентенцію, будто превращеніе страны изъ аграрной въ страну обрабатывающей промышленности было необходимостью и приноситъ пользу даже самому сельскому хозяйству. Чтò сказалъ бы покойный Микель, по порученію котораго написана эта книга! Онъ, вѣроятно, употребилъ бы довольно нецензурное выраженіе о безграничной путаницѣ въ умѣ автора". Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ замѣтка, озаглавленная: „Бѣдный Шеффле", въ которой высказывается сожалѣніе, что когда-то несомнѣнно способный ученый очевидно „впалъ въ старческую дрях-

лость". Между тѣмъ, та же аграрная печать ликуетъ, если ей удается сослаться на ученаго съ именемъ и симпатизирующаго ея требованіямъ. Въ меньшей степени,—можетъ быть и потому, что они въ данномъ случаѣ находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи,—но этой нетерпимостью грѣшатъ и анти-аграріи: имѣя на своей сторонѣ большинство выдающихся экономистовъ Германіи, они, тѣмъ не менѣе, не могутъ признать, что можно быть безукоризненно честнымъ человѣкомъ, выдающимся знатокомъ въ отдѣльныхъ вопросахъ, и въ то же время искренно убѣжденнымъ сторонникомъ аграрнаго государства. Что это, однако, возможно, тому служитъ лучшимъ примѣромъ Адольфъ Вагнеръ. Съ мнѣніями его можно не соглашаться, но въ научности и чистотѣ намѣреній никто ему не въ правѣ отказать. Съ характеристики взглядовъ этого экономиста, какъ единственнаго выдающагося защитника аграрной политики, мы и начнемъ наше изложеніе.

I.

Ад. Вагнеръ разсматриваетъ развитіе экономическихъ отношеній и связь народнаго съ міровымъ хозяйствомъ, какъ продуктъ двухъ основныхъ факторовъ: роста народонаселенія и прогресса техники. Это— движущія силы историческаго процесса, опредѣляющія внутренній переворотъ въ народномъ хозяйствѣ и создающія международное раздѣленіе труда. Проблема народонаселенія въ XIX вѣкѣ, повидимому, получила другую постановку, чѣмъ та, которая дана была въ концѣ предыдущаго вѣка Мальтусомъ. На пространствѣ нынѣшней Германіи, въ 1816 г., жили 25 милл. человѣкъ; въ 1900 г.—болѣе 56 милл., несмотря на эмиграцію, превышающую 6 милл. душъ. Это болѣе чѣмъ удвоившееся населеніе не только не ухудшило условій своего существованія, но живетъ въ матеріальномъ и культурномъ отношеніи гораздо лучше, чѣмъ его предки въ началѣ вѣка. Не подлежитъ сомнѣнію, что при агрикультурномъ характерѣ страны такое увеличеніе населенія и такое поднятіе благосостоянія были бы немыслимы: большая половина нынѣшнихъ жителей Германіи находитъ источники существованія, благодаря промышленности и международному обмѣну. Съ точки зрѣнія фритредеровъ, и самый фактъ быстраго роста населенія, и его послѣдствіе, выражающееся въ перенесеніи центра тяжести народной жизни изъ деревни въ города и промышленные центры, представляетъ вполнѣ нормальное и отрадное явленіе. Не такъ думаетъ, однако, Адольфъ Вагнеръ.

Прежде всего его пугаетъ самый фактъ смѣлаго устраненія, если можно такъ выразиться, всѣхъ преградъ человѣческому умноженію.

Населенiе Германiи за послѣднiе годы увеличивается, въ среднемъ, на 800.000 душъ въ годъ. Для новыхъ пришельцевъ находится еще пока, правда, мѣстечко на жизненномъ пиру, но можно ли основывать существованiе на такомъ непрочномъ базисѣ, какъ экспортъ, фабричный трудъ, готовность иностранцевъ давать нѣмцамъ хлѣбъ за фабричныя издѣлiя? Брентано остроумно отвѣтилъ на это сказкой о предусмотрительной Эльзѣ, плачущей до выхода замужъ о томъ, что у нея можетъ быть взрослый сынъ, который ушибется. Брентано привелъ и положительный фактъ, заставляющiй его видѣть будущность Германiи въ болѣе розовомъ свѣтѣ, чѣмъ предусмотрительную Эльзу и ея мужскихъ коллегъ среди нѣмецкихъ экономистовъ. Разсматривая потребленiе желѣза, какъ одинъ изъ главныхъ признаковъ въ развитiи народовъ, и видя, какъ минимальны потребности большинства извѣстныхъ намъ народовъ, только-что вступающихъ въ международный обмѣнъ, мюнхенскiй профессоръ увѣренъ, что въ будущемъ, къ 220 милл. людей, обмѣнивающихся теперь продуктами своего труда, присоединятся еще 1.200 милл. другихъ людей, начинающихъ прiобщаться къ общечеловѣческой культурѣ. Нечего говорить, что и потребности, и производительность труда цивилизованныхъ народовъ, тоже еще могутъ чрезвычайно рости. Этому доказательному оптимизму Адольфъ Вагнеръ противопоставляетъ теорiю пессимизма, источникъ котораго очень похожъ на ученiе физiократовъ о землѣ, какъ объ единственномъ прочномъ базисѣ народнаго хозяйства.

Какъ патрiотъ и даже шовинистъ, Вагнеръ очень радъ тому, что, благодаря противоположнымъ тенденцiямъ въ умноженiи населенiя, Францiя съ каждымъ пятилѣтiемъ становится все менѣе опаснымъ наслѣдственнымъ врагомъ; какъ экономистъ, профессоръ оплакиваетъ паденiе деревни и хочетъ бороться съ естественной тенденцiей, влекущей Германiю на путь индустрiализма, искусственными мѣрами, направляющими народное хозяйство обратно къ деревнѣ — при помощи пошлинъ. Удастся ли Германiи освободиться тогда отъ зависимости въ прокормленiя своего населенiя отъ иностранцевъ,—это для нашего ученаго настолько неясно, что на пространствѣ своей небольшой книги онъ даетъ два противоположныхъ отвѣта. Тѣмъ рѣшительнѣе Вагнеръ высказывается за то, чтобы возложить на нынѣшнее поколѣнiе жертвы для поддержанiя сельскаго хозяйства: жертвы, будто бы, необходимы, чтобы возвратить странѣ больше спокойствiя и прочности въ ея развитiи. Угрызенiя совѣсти, вызываемыя мыслью о томъ, что средства, предлагаемыя аграрiями, хотя бы и для хорошей цѣли, не принадлежатъ къ числу вполнѣ добросовѣстныхъ, Ад. Вагнеръ успокоиваетъ, увѣряя, что жертвы и не такъ велики, и во всякомъ случаѣ непродолжительны. Каждый потребитель—

въ то же время и производитель, а какъ производители, промышленные рабочіе выиграютъ вдвойнѣ: отъ благъ протекціонизма въ ихъ собственной отрасли производства и отъ увеличенія платежеспособности сельскаго населенія. Изолировать Германію, разорвать ея связь съ міровымъ хозяйствомъ, по увѣренію Вагнера, никто не думаетъ: $^3/_4$ внѣшней торговли относятся къ продуктамъ, въ которыхъ вывозящая страна имѣетъ или естественную монополію, или же выработала такія спеціальности, что та или другая пошлина не играютъ больше роли. Говорятъ, продукты обмѣниваются на продукты, такъ что, запрещая или затрудняя ввозъ въ Германію, законодательство должно быть готово къ тому, что соотвѣтственно сократится и отпускъ нѣмецкихъ продуктовъ, которыми страна расплачивается за получаемые извнѣ хлѣбъ и мясо. Но вѣдь при импортѣ слишкомъ въ $5^1/_2$ милліардовъ, цѣнность ввозимыхъ хлѣба и мяса—не болѣе 550 милліоновъ, т.-е. $10^0/_0$ всего ввоза; притомъ,—прибавляетъ Вагнеръ,—не надо думать, что продукты обмѣниваются на продукты непремѣнно при сношеніяхъ двухъ странъ; какъ разъ страны, снабжающія Германію аграрными продуктами,—Соединенные Штаты, Россія и Аргентина,— *ввозятъ въ Германію на милліардъ больше*, чѣмъ вывозятъ изъ нея (1.888 противъ 828 милліоновъ). Понятно, что если Германія въ состояніи ежегодно приплачивать этимъ странамъ цѣлый милліардъ золота, то только потому, что она, въ свою очередь, больше вывозитъ въ другія государства, чѣмъ тѣ въ Германію, и кромѣ того располагаетъ процентами по государственнымъ и другимъ иностраннымъ займамъ, помѣщеннымъ на германскомъ рынкѣ. Резюмируя свои мысли, Вагнеръ требуетъ экономической политики, которая была бы направлена къ обезпеченію „смѣси двухъ элементовъ, аграрнаго и индустріальнаго". Пошлины могутъ быть смѣло возвышены; конечно, нужно чувство мѣры, но не надо опасаться репрессалій иностранцевъ, потому что иностранцы, особенно Россія, по крайней мѣрѣ настолько же нуждаются въ торговомъ договорѣ съ Германіей, какъ Германія въ торговомъ договорѣ съ ними. Квинтъ-эссенція мыслей Вагнера, такимъ образомъ, состоитъ въ томъ же, что̀ три года предъ тѣмъ выразилъ его ученикъ Ольденбергъ: назадъ отъ искушеній и эфемерныхъ благъ индустріализма—къ устойчивости и покою экономическаго строя, удовлетворяющаго всѣ потребности своими собственными средствами. Развитіе промышленности, побѣда на международномъ рынкѣ—блестящее, но рискованное пріобрѣтеніе. Timeo Danaos et dona ferentes!

Во главѣ защитниковъ системы торговыхъ договоровъ стоитъ талантливый мюнхенскій экономистъ, Луйо Брентано, энергично борющійся въ печати и въ ученыхъ обществахъ за сохраненіе торговой политики, основанной не на чувствахъ и узкихъ интересахъ, а на

разумномъ пониманіи дѣйствительнаго хода развитія. Законы народнаго хозяйства нельзя постановить на одну доску съ естественными, неумолимыми законами, но не надо впадать въ противоположную крайность и думать, что тенденціи народнаго хозяйства и его связь съ міровымъ рынкомъ по произволу могутъ быть измѣнены: они лишь могутъ быть задержаны и ускорены. Законодатель въ состояніи на время и отклонить теченіе отъ его естественнаго русла, но за это народу приходится расплачиваться пониженіемъ его благосостоянія и положенія въ мірѣ. Полемизируя съ Адольфомъ Вагнеромъ, Брентано доказываетъ, что тѣ искусственныя мѣры задержанія прироста населенія, которыя кажутся безкровными на бумагѣ теоретика, въ дѣйствительной жизни означаютъ увеличеніе дѣтской смертности, сокращеніе человѣческаго существованія. Результатомъ индустріализаціи Германіи было не столько увеличеніе рождаемости, сколько уменьшеніе смертности, вслѣдствіе лучшаго питанія и лучшаго ухода за дѣтьми и стариками. Ставя вопросъ объ аграрномъ протекціонизмѣ съ точки зрѣнія потребителя, мы не можемъ найти оправданія экономической политикѣ, сознательно обременяющей бѣдняковъ безъ крайней необходимости, каковую можно признать лишь въ томъ случаѣ, если на карту поставлена участь отечества. Цѣль пошлинъ на хлѣбъ не достигается, однако, и въ томъ смыслѣ, чтобы ими надолго обезпеченъ былъ земледѣльческій трудъ. По мѣрѣ того, какъ увеличиваются цѣны на хлѣбъ, увеличивается рента и поднимается капитализація земли. Слѣдствіемъ пошлины на хлѣбъ является, слѣдовательно, увеличеніе той части издержекъ производства, изъ-за высоты которой Германія не въ состояніи конкуррировать съ иностранцами. Такъ какъ пошлина не измѣняетъ отношенія между доходностью земли и ея цѣнностью, то земледѣліе по прежнему остается невыгоднымъ, и черезъ короткій промежутокъ новый пріобрѣтатель или наслѣдникъ снова становится „угнетеннымъ". Есть, однако, высшая точка зрѣнія, съ которой экономистъ обязанъ разсматривать цѣлесообразность экономической политики: это—потребность страны дать производительнымъ силамъ то направленіе, при которомъ достигается наибольшая сумма богатства, т.-е. максимумъ вознагражденія за трудъ и затраченный капиталъ. При данномъ состояніи народнаго хозяйства Германіи, увеличеніе объема сельско-хозяйственнаго труда возможно лишь съ усиліями, не соотвѣтствующими ожидаемому чистому доходу. Приложеніе того же количества усилій и средствъ въ промышленности даетъ возможность, благодаря международному обмѣну, получать бо̀льшую сумму чистаго дохода, больше заработной платы и процентовъ на затраченный капиталъ. Не только благо массы населенія требуетъ, чтобы экономическая политика по возможности руководство-

валась тенденціями народнаго хозяйства, но это и крайняя необходимость для общей политики и финансовъ страны: безъ своей цвѣтущей промышленности Германія не въ состояніи была бы располагать теперь 10 милліонами защитниковъ отечества и, что̀ не менѣе важно, вполнѣ прочнымъ финансовымъ хозяйствомъ, при которомъ война не можетъ довести страну до полнаго разоренія.

Въ томъ же смыслѣ, но съ нѣсколько другими аргументами, въ дебатахъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ высказались Конрадъ, Дитцель и Шеффле. Возражая аграріямъ, утверждающимъ, что когда у сельскихъ хозяевъ будутъ деньги, то поднимется положеніе остальныхъ классовъ населенія, проф. Дитцель доказываетъ, что наоборотъ—рента и заработная плата стоятъ всегда въ обратномъ отношеніи, такъ что повышеніе ренты должно вызвать пониженіе заработной платы. Это теоретическое положеніе, обоснованное фактами, которые указываютъ на кризисы въ промышленности, на пониженіе доходности промышленнаго труда и вздорожаніе жизни, какъ на необходимыя послѣдствія аграрной системы, находитъ защитника и въ Шеффле, выступающаго противъ сельскихъ протекціонистовъ, опираясь на двухъ величайшихъ экономистовъ, которые вышли изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ: фонъ-Тюнена и Родбертуса. По мнѣнію Шеффле, отъ возвышенія пошлинъ на хлѣбъ можетъ наступить лишь одно изъ двухъ: или вслѣдствіе поднятія цѣнъ производство хлѣба дѣйствительно настолько увеличится, какъ это предсказываютъ аграріи,—и тогда въ земледѣльческое хозяйство будутъ вовлечены все менѣе производительные и расположенные далеко отъ центра участки, и въ такомъ случаѣ рабочій трудъ, примѣняемый къ низшей культурѣ земли, долженъ хуже вознаграждаться,—что̀ ведетъ къ пониженію заработной платы во всѣхъ другихъ отрасляхъ труда; или же площадь запашекъ не увеличится, но возвысятся цѣны на хлѣбъ и наступитъ ихъ вліяніе, какъ подати „съ прогрессіей внизъ", уменьшающей спросъ народныхъ массъ на продукты промышленности: въ такомъ случаѣ о возвышеніи заработной платы нѣтъ рѣчи, а пониженіе жизни—несомнѣнное. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, по характерному выраженію Шеффле, „народное хозяйство Германіи все болѣе будетъ походить на теплицу, въ которой чахнетъ все, что̀ приближается къ графической линіи культуры". Съ соціально-политической точки зрѣнія Шеффле называетъ требованіе высокой ренты, при помощи хлѣбныхъ пошлинъ, отрицаніемъ всякаго нравственнаго смысла частной собственности, потому что если при благопріятной конъюнктурѣ землевладѣльцы будутъ класть доходы въ карманъ, а при неблагопріятной потребуютъ, чтобы рента выплачивалась имъ другими классами населенія, то гдѣ же тотъ рискъ, за который частный собственникъ получалъ свою пре-

мію? И не правы ли тогда тѣ, которые выступали противъ самаго принципа частной собственности?

Мы не станемъ, однако, останавливаться далѣе на мнѣніяхъ и доказательствахъ отдѣльныхъ ученыхъ, а постараемся отмѣтить главные факты, приведенные въ экономической литературѣ для выясненія вопросовъ: оправдывается ли требованіе хлѣбныхъ пошлинъ пониженіемъ сельскаго хозяйства Германіи, составляетъ ли это пониженіе общій фактъ, или же оно выражается лишь въ связи съ опредѣленными формами владѣнія? Далѣе, можно ли предъявлять требованіе таможенной защиты отъ имени „деревни", и если возможно, то каковы жертвы, падающія на другіе классы населенія?

Уже Конрадъ замѣтилъ, что ясное представленіе о положеніи сельскаго хозяйства въ Германіи крайне затрудняется тѣмъ, что вмѣсто народно-хозяйственныхъ принциповъ сторонники аграрныхъ интересовъ выдвигаютъ впередъ частно-хозяйственную точку зрѣнія. „Смотря по тому, разсматриваютъ ли условія съ той или другой точки зрѣнія, получаются весьма различные результаты: намъ представляется, что частно-хозяйственное отношеніе въ настоящее время у насъ преобладающее, и вслѣдствіе этого положеніе сельскаго хозяйства представляютъ себѣ въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно въ дѣйствительности. Кто съ открытыми глазами слѣдилъ за сельско-хозяйственнымъ бытомъ, у того не можетъ быть сомнѣнія, что не только хозяйство постоянно прогрессировало, но что и благосостояніе въ сельскихъ округахъ чрезвычайно увеличилось". Это подтверждается сравненіемъ питанія, одежды, жилища крестьянскаго населенія тридцать лѣтъ тому назадъ и теперь: разница огромная, въ благопріятномъ смыслѣ для нынѣшняго поколѣнія. Еще болѣе объективны показанія статистики обработываемой площади, урожаевъ, количества скота, арендныхъ цѣнъ, которыя всѣ сводятся къ тому результату, что о кризисѣ, въ смыслѣ пониженія хозяйства и запущенія земли, пока нѣтъ рѣчи. Площадь посѣвовъ ржи въ 1890 г. составляла 5.820.317 гект., въ 1900 г.—5.954.973 г.; пшеницы въ 1890 г. было засѣяно 1.960.181 г., въ 1900 г.—2.049.160 гект. Технически сельское хозяйство въ Германіи, благодаря мелліораціямъ, усиленному примѣненію искусственныхъ удобреній, примѣненію машинъ и развитію товарищеской организаціи для покупки и продажи, сдѣлало больше успѣховъ со времени заключенія торговыхъ договоровъ, чѣмъ въ какое-либо изъ предыдущихъ десятилѣтій. Изъ скота уменьшеніе произошло лишь въ количествѣ овецъ—съ 13,6 на 10,9 милл. головъ, но это явленіе обычное въ прогрессирующемъ сельскомъ хозяйствѣ и не играющее роли сравнительно съ увеличеніемъ рогатаго скота съ $17^1/_2$ на $18^1/_2$ милл. головъ, свиней съ 12 на 14 милл. и лошадей—съ 3,8 на 4 милл. Ха-

рактерно, что по переписи 1895 г. въ крестьянскомъ и мелкопомѣстномъ хозяйствѣ оказывается, въ среднемъ, вдвое больше скота, чѣмъ въ большихъ помѣстьяхъ: на 1.000 гект. земли во владѣніяхъ отъ 2 до 100 гект. насчитали 598 штукъ рогатаго скота и 402 свиньи, въ имѣніяхъ же свыше 100 гект.—лишь 250 и 113.

Послѣднимъ замѣчаніемъ мы подходимъ къ одному изъ существенныхъ пунктовъ въ діагнозѣ современнаго аграрнаго кризиса, состоящему въ томъ, что при несомнѣнно тяжеломъ состояніи сельскаго хозяйства, вслѣдствіе паденія цѣнъ и увеличенія издержекъ производства, крестьянское хозяйство гораздо лучше приспособляется къ измѣнившимся обстоятельствамъ, чѣмъ помѣщичье. Лучшіе знатоки аграрныхъ условій Германіи видятъ исходъ изъ кризиса въ измѣненіи способа хозяйства дополненіемъ хлѣбопашества другими формами и отраслями сельскаго труда,—а это, въ свою очередь, связано съ измѣненіемъ формы землевладѣнія. Что въ первомъ отношеніи процессъ приспособленія уже совершается, доказываетъ изслѣдованіе германскаго сельско-хозяйственнаго совѣта о доходности сельскаго хозяйства въ 1.524 владѣніяхъ различныхъ размѣровъ. Изслѣдованіе это обнаружило, что изъ 34 милл. валового дохода отъ продажи хлѣба получено лишь 26,4%, отъ продажи другихъ продуктовъ земледѣлія—16,3%, живыхъ животныхъ, мяса, птицы, яицъ, масла, сыра—40,6%, отъ сельско-хозяйственныхъ побочныхъ промысловъ (винокуренія)—8,9%, лѣсныхъ продуктовъ и винодѣлія—7,8%. Скотоводство, молочное хозяйство, огородничество преимущественно процвѣтаютъ, однако, въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не знающемъ и другой причины сельскохозяйственнаго кризиса—дороговизны рабочихъ рукъ вслѣдствіе конкурренціи обработывающей промышленности. Вотъ почему отнюдь не враждебный крупному землевладѣнію экономистъ, какъ Конрадъ, приходитъ къ заключенію, что „большія имѣнія надолго нельзя будетъ сохранить, крупныя хозяйства все болѣе станутъ себя переживать... Гдѣ большое имѣніе не можетъ устоять,—десять крестьянскихъ хозяйствъ, возникшихъ на его мѣстѣ, дадутъ порядочный чистый доходъ". Признавая за крупнымъ землевладѣніемъ нѣкоторыя соціальныя и техническія достоинства, Конрадъ полагаетъ, однако, что удержать его искусственно высокими пошлинами значитъ задерживать естественный процессъ оздоровленія сельско-хозяйственныхъ условій и приспособленія производства къ потребностямъ времени. Фактически и крупное землевладѣніе, по мнѣнію подавляющаго большинства компетентныхъ изслѣдователей, получитъ лишь временную *вы*году отъ возвышенія доходности имѣнія вслѣдствіе пошлинъ, потому

что возвышенная доходность будетъ капитализирована въ возвышеніи цѣнности имѣнія. Если на первыхъ порахъ часть огромнаго ипотечнаго долга, лежащаго на землѣ и выросшаго въ послѣднія 15 лѣтъ еще на 2½ милліарда, и будетъ погашена, то очень скоро при раздѣлахъ и покупкахъ задолженность еще болѣе усилится.

Изъ предыдущаго видно, что аграрныя требованія, сводящіяся теперь къ таможенной защитѣ (раньше они заключали въ себѣ еще два другихъ большихъ средства, теперь сданныя въ архивъ: биметаллизмъ и монополію хлѣбной торговли по системѣ гр. Каница), далеко не могутъ быть выдвигаемы отъ имени всего сельско-хозяйственнаго населенія. Есть, однако, еще другое, болѣе прямое доказательство тому, что лишь меньшинство „деревни" заинтересовано въ искусственномъ поднятіи цѣнъ на хлѣбъ: это — показанія статистики о распредѣленіи сельскихъ хозяйствъ по размѣру обработываемой земли. При самыхъ благопріятныхъ для аграріевъ предположеніяхъ, т.-е., принимая всѣ хозяйства болѣе 2 гект. участвующими въ продажѣ хлѣба, получается слѣдующій выводъ: изъ 5½ милл. хозяйствъ 3,2 м. имѣютъ менѣе 2 гект., и слѣдовательно 58% вообще не заинтересованы въ цѣнахъ на хлѣбъ. Изъ остальныхъ 2,3 милл. хозяйствъ 981.000 владѣльцевъ участвуютъ въ продажѣ весьма слабо; но если даже причислить ихъ къ 1,2 милл. хозяевъ, дѣйствительно продающихъ хлѣбъ, то, считая на семью 5 душъ, мы получимъ около 11 милл. населенія, для которыхъ пошлины имѣютъ значеніе. Это лишь меньшая половина сельскаго населенія Германіи и ⅕ всей страны. Другіе, напр. проф. Лотцъ, считаютъ, однако, этотъ разсчетъ невыдерживающимъ критики, и полагаютъ, что не болѣе 6½ милл. германскихъ гражданъ изъ 56 милл. всего населенія, слѣдовательно лишь ⅑ народа, имѣютъ какую-либо выгоду отъ дороговизны хлѣба.

Будучи желательными, лишь, въ лучшемъ случаѣ, для ⅕ германскаго населенія, пошлины на предметы питанія ложатся всѣмъ бременемъ на рабочее населеніе городовъ, мелкое мѣщанство, чиновничество, учителей, однимъ словомъ—на всю ту преобладающую часть населенія, доходы которой не превышаютъ 1.200—1.500 марокъ въ годъ, и которая вслѣдствіе этого вынуждена затрачивать до 70% своего дохода на пищу. Уже статистика таможенныхъ доходовъ показываетъ, что съ 1880 по 1899 г., при увеличеніи доходовъ таможеннаго вѣдомства отъ пошлинъ на хлѣбъ съ 14½ на 128½ милл. мар., налогъ, въ видѣ хлѣбной пошлины, увеличился на душу населенія съ 32 пф. на 2 мар. 32 пф., что̀ для средней семьи въ 5 душъ теперь составляетъ 11½ мар. Нужно, однако, принять во вниманіе, что, во-первыхъ, пошлина повышаетъ цѣну не только иностраннаго хлѣба, но и хлѣба внутренняго производства, и во-вторыхъ, что по-

требленіе хлѣба по бо́льшей части находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ дохода, такъ что не только относительно, но и абсолютно бѣдняки платятъ больше, чѣмъ богачи. Конрадъ принимаетъ за среднее потребленіе семьи въ 5 душъ 10 метр. центн. (62 пуд.) въ годъ, и, считая, что пошлины падаютъ на потребителя лишь 3 мар. съ 1 центн., опредѣляетъ налогъ на среднюю семью въ 30 мар. въ годъ. Вмѣстѣ съ другими пошлинами на предметы потребленія народныхъ массъ это составитъ около 10% чистаго дохода рабочей семьи, какъ это убѣдительно доказано Моммбергомъ въ монографіи: „Die Belastung des Arbeitereinkommens durch Getreidezölle". Что̀ сказали бы зажиточные классы, еслибы подоходный налогъ увеличился до такихъ размѣровъ? Не даромъ поэтому на послѣднемъ конгрессѣ рабочей партіи въ Любекѣ Бебель, при громкомъ одобреніи слушателей, заявилъ: „Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы сѣемъ ненависть; до сихъ поръ это была неправда; но теперь, въ виду столь возмутительнаго покушенія на интересы бѣдняковъ, я открыто заявляю, что мы внесемъ во всѣ мансарды, во всѣ хижины, ненависть къ этому строю, не останавливающемуся предъ тѣмъ, чтобы вырвать у васъ изо рта кусокъ хлѣба".

Чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ, что и германское правительство, и большинство рейхстага настаиваютъ на увеличеніи пошлинъ? Лотцъ и Брентано ищутъ мотивы правительства въ политическихъ условіяхъ: соціаль-демократія, какъ и рѣшительный либерализмъ—противники милитаризма и маринизма, и на эти партіи невозможно опереться въ осуществленіи національныхъ задачъ. Это заключаетъ въ себѣ долю правды, но далеко не объясняетъ исчерпывающимъ образомъ тактику правительства. Какъ бы озлоблены аграріи ни были, они все-таки не станутъ оппонировать военнымъ требованіямъ, и слѣдовательно опасности для милитаризма отъ ихъ фронды не грозитъ. Ближе къ истинѣ другое объясненіе: при нынѣшнемъ личномъ составѣ правительства интересы меньшинства находятъ въ правящихъ кругахъ свое представительство. Современные государственные люди считаютъ возможнымъ хвалиться тѣмъ, что они—плоть отъ плоти прусскаго „юнкерства". Каприви, гордившійся тѣмъ, что у него нѣтъ ни клочка земли, ни соломинки, представлялъ рѣдкое исключеніе. Что касается страннаго на первый взглядъ явленія—преобладанія аграріевъ въ рейхстагѣ, избираемомъ всеобщей и равной подачей голосовъ,—то Лотцъ напоминаетъ о явленіи, на которое мнѣ неоднократно также приходилось указывать въ письмахъ изъ Берлина: на устарѣлость распредѣленія избирательныхъ округовъ при выборахъ въ рейхстагъ, создающую привилегію для сельскаго населенія. При основаніи рейхстага, Германія распредѣлена была на 397 избирательныхъ

округовъ, соотвѣтственно числу населенія въ 1871 г., 39,7 милл. душъ: каждыя сто тысячъ жителей выбирали одного депутата. Съ тѣхъ поръ населеніе увеличилось до 56 милліоновъ, но рейхстагъ по прежнему состоитъ изъ 397 депутатовъ, и сельскіе округа, населеніе которыхъ уменьшилось, имѣютъ больше представителей въ парламентѣ, чѣмъ города и промышленные центры, которые съ тѣхъ поръ удвоились и утроились. Тѣ милліоны нѣмцевъ, которые прибавились за послѣднія тридцать лѣтъ, не лишены права выборовъ, но ихъ голоса расплываются въ массѣ другихъ избирателей. Еще въ болѣе сильной степени это неравенство и привилегія сельскаго населенія обнаруживаются въ отдѣльныхъ ландтагахъ, особенно въ прусскомъ и баварскомъ.

Однако, я въ настоящемъ письмѣ не могу касаться дѣятельности правительства отдѣльныхъ партій, а имѣю въ виду лишь познакомить читателей со взглядами нѣмецкихъ экономистовъ. Наиболѣе удобный случай къ тому представлялъ конгрессъ „Общества соціальной политики", происходившій съ 10-го по 12-ое сентября въ Мюнхенѣ. Темами рефератовъ и дебатовъ были: квартирная нужда въ большихъ городахъ и торговые договоры. Къ первой изъ этихъ двухъ темъ я еще надѣюсь вернуться впослѣдствіи; на второй, которой посвящены были дебаты въ продолженіе двухъ дней, мы остановимся здѣсь съ тѣмъ бòльшимъ правомъ, что это вопросъ, ближайшимъ образомъ касающійся и нашего отечества.

II.

„Общество соціальной политики" — не собраніе исключительно экономистовъ: на его конгрессахъ, кромѣ профессоровъ политической экономіи, участвуютъ и чиновники, городскіе дѣятели, фабриканты, землевладѣльцы, но тонъ и направленіе все-таки задаютъ представители науки. Это выражается и въ томъ, что каждому собранію предшествуетъ научное обслѣдованіе стоящей на очереди темы; „Труды Общества" (Schriften des Vereins f. S.) составляютъ уже 99 томовъ, въ которыхъ собрана масса цѣнныхъ данныхъ и взглядовъ по главнымъ вопросамъ народнаго хозяйства и экономической политики послѣднихъ тридцати лѣтъ. Нѣтъ почти темы изъ области практической экономіи и финансовъ, возбуждавшей вниманіе законодательства и общественнаго мнѣнія, по которой вы не нашли бы въ „Трудахъ" обстоятельнаго изслѣдованія. Главнымъ образомъ дѣятельность „Verein für Socialpolitik" посвящена была вопросамъ рабочаго законодательства и мѣрамъ къ поднятію положенія народныхъ массъ, что̀ соотвѣтствовало основной цѣли его учредителей, прозванныхъ, какъ извѣстно, „соціалистами каѳедры". Тѣмъ не менѣе, и аграрные вопросы, и торго-

вая политика, неоднократно уже ставились имъ на обсужденіе. Нельзя не вспомнить о замѣчательныхъ дебатахъ, происходившихъ на съѣздѣ „Общества“ во Франкфуртѣ-н.-М. въ 1879 г., тотчасъ послѣ того, какъ Бисмаркъ совершилъ свой поворотъ отъ крайняго фритредерства къ протекціонизму. Позволю себѣ остановиться на этомъ, уже принадлежащемъ теперь исторіи, фактѣ, потому что онъ даетъ возможность судить объ измѣненіяхъ во взглядахъ и экономическихъ явленіяхъ за послѣднюю четверть вѣка.

Въ то время рѣчь шла не о сохраненіи пошлинъ на хлѣбъ въ $3^1/_2$ мар. за 100 килогр., защитники котораго теперь считаются фритредерами, и не о возвышеніи пошлинъ вдвое, составляющемъ теперь требованіе „умѣренныхъ“ аграріевъ, а о введеніи пошлины въ 50 пф. Тѣмъ не менѣе, видные представители тогдашней экономической науки, какъ Нассе, Гельдъ и др., сочли нужнымъ выступить противъ протекціонизма, какъ возврата къ старому заблужденію. Нассе называетъ самымъ характернымъ моментомъ положенія, созданнаго тактикой Бисмарка, — „союзъ между аграрными и промышленными протекціонистами“. Это,—замѣчаетъ онъ,—совершенно исключительное явленіе, потому что всѣ замѣчательные теоретики протекціонизма, какъ Листъ и Керри, неоднократно выступали рѣшительными противниками пошлинъ на сельскохозяйственные продукты. Ни въ какой другой странѣ подобный союзъ не былъ когда-либо осуществленъ; наоборотъ, вездѣ мы видимъ въ таможенныхъ дѣлахъ антагонизмъ между промышленниками и сельскими хозяевами. „Я убѣжденъ, что и у насъ этотъ „альянсъ“ не будетъ продолжителенъ, но что сельскіе хозяева скоро убѣдятся, что они заключили весьма невыгодную для себя сдѣлку“. Что касается пошлинъ на хлѣбъ, то противъ нихъ Нассе высказывается потому, что вліяніе ихъ совершенно похоже на дѣйствіе подушной подати, и его „чувство возмущается противъ мысли, что ренту нужно возвысить искусственными мѣрами, ведущими къ дороговизнѣ предметовъ необходимости“. Пониженіе дохода съ земли—вовсе не такое зло, какъ его представляютъ: цѣны на землю въ продолженіе десятковъ лѣтъ все шли въ гору, и не бѣда, если онѣ теперь нѣсколько понизятся.

Со стороны протекціонистовъ корреферентомъ выдвинутъ былъ проф. Шмоллеръ, но когда вы сравните то, что̀ тогда называли протекціонизмомъ, съ нынѣшними требованіями, референтъ 70-хъ годовъ покажется скорѣе фритредеромъ. Ниже мы дѣйствительно увидимъ, что Шмоллеръ, ссылаясь на свой вотумъ на франкфуртскомъ конгрессѣ, теперь могъ примкнуть къ анти-аграріямъ. Что̀, однако, оказало существенную услугу охранительной таможенной политикѣ послѣдующихъ лѣтъ, это то, что Шмоллеръ, отъ имени науки, громко выдвинулъ требованіе не включать вопросы торговой политики въ число экономиче-

скихъ догматовъ: это, по его мнѣнію, вопросы политики, которые законодатель долженъ разсматривать, подобно врачу, смотря по состоянію паціента. „Доктора, говорящаго:—я по принципу даю всѣмъ людямъ: restringentia или только laxantia,—сочли бы за сумасшедшаго... Протекціонизмъ и свободная торговля—подчиненныя средства экономической терапіи и діэтетики. Правда, въ странахъ на той степени культуры, на какой стоитъ Германія, протекціонизмомъ пользуются лишь въ умѣренныхъ дозахъ".—Подобно моему другу Шмоллеру,—отвѣтилъ на это въ дебатахъ проф. Гельдъ,—я противникъ разрѣшенія практическихъ вопросовъ на основаніи общихъ принциповъ. Подобно ему, я не врагъ государственнаго вмѣшательства въ защиту слабыхъ, но подъ слабыми я понимаю не тѣхъ, которые громко взываютъ къ государственному покровительству, а сумму тѣхъ мелкихъ существованій, криковъ которыхъ мы не слышимъ, но въ которыхъ теоретикъ долженъ узнавать націю". Подъ философіей исторіи Шмоллера Гельдъ не можетъ подписаться: если и справедливо, что въ исторіи смѣняютъ другъ друга и попеременно возвращаются къ господству начала свободнаго развитія индивидуальной дѣятельности и принудительнаго государственнаго воздѣйствія, то формы ихъ примѣненія могутъ измѣняться и исчезать. Война и миръ тоже смѣняютъ другъ друга, но изъ этого не слѣдуетъ, что когда зовутъ на войну—непремѣнно надо одѣвать панцырь. Государственное вмѣшательство можетъ выражаться въ совершенно другихъ формахъ, чѣмъ въ пошлинахъ: основаніе школъ, содѣйствіе профессіональному образованію—тоже одинъ изъ видовъ государственной помощи. Для страны, вывозящей больше продуктовъ промышленности, чѣмъ ввозящей ихъ, и нуждающейся въ импортѣ сырья, охранительныя пошлины вредны, какъ всякій самообманъ.

Замѣчательно, что и отъ протекціонистовъ того времени мы постоянно слышимъ одну и ту же фразу: пошлины нужны лишь временно, пока удастся столковаться съ другими государствами относительно торговыхъ договоровъ. О томъ, чтобы Германія сопротивлялась политикѣ договоровъ, не заговариваютъ и самые крайніе представители національной экономической политики. Какъ извѣстно, и Бисмаркъ мотивировалъ увеличеніе пошлинъ необходимостью принудить сосѣдей сговориться съ Германіей о прочныхъ договорныхъ отношеніяхъ. „Болѣе 50 лѣтъ,—заявилъ онъ однажды въ рейхстагѣ,—задачей прусской политики было добиться заключенія торговаго договора съ Россіей, и я смотрю на нее какъ на наслѣдіе, полученное отъ моихъ предшественниковъ, которое я, въ свою очередь, передамъ своимъ преемникамъ". По ироніи судьбы, исполненіе этого завѣщанія удалось сейчасъ же ближайшему наслѣднику Бисмарка, подвергшемуся за это

жестокому осужденію, какъ самого Бисмарка, такъ и его консервативныхъ сторонниковъ.

Обратимся, однако, къ рефератамъ и дебатамъ нынѣшняго собранія. Проф. Лотцъ, первый референтъ на конгрессѣ, подвергаетъ критикѣ проектъ автономнаго тарифа, основная мысль котораго можетъ быть выражена словами, что нѣтъ бо́льшаго счастья для страны, какъ высокія цѣны на всѣ продукты. Это ложно съ точки зрѣнія не только потребителя, но и производителя: опытъ всѣхъ прогрессирующихъ странъ указываетъ на тѣсную связь между ростомъ народнаго благосостоянія, успѣхами техники, увеличеніемъ международнаго раздѣленія труда и удешевленіемъ продуктовъ. Новый германскій тарифъ, слѣдуя идеямъ „мелинизма“ (Méline, французскій министръ), превосходитъ его, однако, установленіемъ минимальныхъ пошлинъ на хлѣбъ, въ то время какъ французское таможенное законодательство, несмотря на свой ультра-протекціонизмъ, какъ разъ для хлѣба не знаетъ двойныхъ ставокъ. Если смотрѣть на минимальный тарифъ, какъ на крайнюю границу уступокъ, которой Германія не должна перешагнуть при заключеніи торговыхъ договоровъ, то этимъ заранѣе открываются карты одной изъ договаривающихся сторонъ, что̀ едва ли умно и навѣрное не соотвѣтствуетъ поставленной цѣли—придти къ соглашенію съ иностранными государствами. Можно ли вообще договариваться до чего-нибудь съ подобными тарифами?

Если задача таможенныхъ пошлинъ состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить землевладѣнію выгодныя цѣны и извѣстную ренту, то на какомъ основаніи государство станетъ отказывать рабочему въ гарантіи заработной платы? Трудъ и право на него по крайней мѣрѣ такъ же святы, какъ рента. Въ дѣйствительности, однако, законодательство, осуществляющее дороговизну хлѣба и ставящее на карту интересы другихъ производителей, можетъ обременить народъ несправедливымъ налогомъ, но не спасетъ сельскаго хозяйства. Процессъ приспособленія послѣдняго къ условіямъ промышленнаго развитія, заключающійся въ перенесеніи центра сельско-хозяйственнаго труда отъ хлѣбопашества къ производству мяса, молока, овощей и т. п., таможенными мѣрами можетъ быть лишь затрудненъ; въ то же время, подтачивая или прямо разрушая основы индустріализма, пошлины ослабляютъ покупную силу рабочихъ массъ, главныхъ потребителей продуктовъ сельскаго хозяйства. Но неужели же,—спросятъ противники индустріализма,—идеаломъ можетъ быть замѣна деревни фабричными поселками и сплошная цѣпь фабричныхъ трубъ тамъ, гдѣ теперь еще зеленыя нивы?—„Я вполнѣ понимаю прелесть сельскаго ландшафта,—отвѣчаетъ референтъ,—и вовсе не думаю, что деревня должна исчезнуть, хотя вопросъ о ея существованіи разрѣшается не сентиментальными и эсте-

тическими мотивами. Посмотрите на Бельгію, въ которой индустріализмъ доведенъ почти до высшаго уровня: поля, сады, огороды тамъ не исчезли, и тѣ же рабочіе, которые двигаютъ ея промышленность,—страстные садоводы и огородники, мечтающіе о томъ, чтобы пріобрѣсти въ собственность клочокъ земли. Въ Германіи не придется свести сельскій трудъ до уровня лишь добавочнаго или праздничнаго занятія: останется еще большой просторъ для земледѣльческихъ и другихъ сельскихъ хозяйствъ; нужно только, чтобы ихъ raison d'être былъ въ нихъ самихъ, а не въ искусственныхъ мѣрахъ законодательства. Для этого существуетъ лишь одно положительное средство—перевести собственность въ руки тѣхъ, которые умѣютъ и желаютъ работать. Еслибы,—замѣчаетъ проф. Лотцъ, — намъ для этого пришлось затратить милліардъ марокъ, выкупивъ на эту сумму всѣхъ тѣхъ крупныхъ владѣльцевъ, которые теперь задолжены, угнетены и взываютъ къ государственной помощи, то мы сдѣлали бы несравненно болѣе выгодную аферу, чѣмъ согласившись увеличить пошлины на хлѣбъ до высоты ставокъ минимальнаго тарифа. Милліардъ марокъ—это 35 милліоновъ мар. процентовъ въ годъ, тогда какъ увеличеніе пошлинъ возлагаетъ на бѣдняковъ подать въ сотни милліоновъ, безъ пользы для сельскаго хозяйства и безъ шансовъ выйти когда-нибудь изъ нынѣшняго кризиса".

Многіе поняли предложеніе Лотца въ ироническомъ смыслѣ. Проф. Ольденбергъ даже обидѣлся отъ имени аграріевъ за попытку представить ихъ чуть ли не питомцами общественнаго призрѣнія. А между тѣмъ предложеніе выкупить „юнкеровъ"—вовсе не шутка, и Лотцъ въ данномъ случаѣ опять только ученикъ своего учителя, Брентано, писавшаго, въ полемикѣ съ Адольфомъ Вагнеромъ: „Если германскому сельскому хозяйству во что бы то ни стало нужно дать пособіе, то даже въ интересахъ финансовъ страны слѣдуетъ предоставить его прямо, а не путемъ пошлинъ. Промышленности и торговлѣ придется пустить кровь, но онѣ по крайней мѣрѣ не будутъ стѣснены въ своемъ экспортѣ и въ сбытѣ продуктовъ массоваго употребленія внутри страны. Правда,—прибавляетъ Брентано,—при такой постановкѣ, значеніе аграрно-охранительной политики, какъ общественной милостыни, будетъ понятно и самымъ близорукимъ судьямъ".

Второй референтъ, директоръ кёльнской коммерческой школы, Шумахеръ, является типичнымъ представителемъ рейнскихъ заводчиковъ, соединенныхъ въ синдикаты и пропагандирующихъ союзъ промышленныхъ протекціонистовъ съ аграріями. Цѣль ихъ—предоставить сельскимъ хозяевамъ пошлины на хлѣбъ и за то обезпечить себѣ господство на внутреннемъ рынкѣ. Такъ какъ, однако, въ эту систему входитъ и разсчетъ на сбытъ за границей, то промышленники этого сорта

сидятъ между двумя стульями: они не могутъ идти такъ далеко, какъ союзъ сельскихъ хозяевъ, которому трактаты вообще безразличны и скорѣе даже антипатичны, и въ то же время они только въ союзѣ съ аграріями въ состояніи осуществить возвышеніе пошлинъ на желѣзо, пряжу, ткани, по данному состоянію германской промышленности не только не нуждающихся въ увеличеніи, но и вообще излишнихъ. Въ рефератѣ Шумахера эти внутреннія противорѣчія принимаютъ форму логической непослѣдовательности, еще усиливающейся отъ неумѣнья различать между фактами и желаніями. Ставя принципомъ торговой политики расширеніе обмѣна и раздѣленіе труда между народами, референтъ вслѣдъ затѣмъ доказываетъ, что благоразумный таможенный тарифъ долженъ по возможности точно уравнять различія между условіями производства дома и за границей, и притомъ не для тѣхъ лишь продуктовъ, которые составляютъ обширую область національнаго труда, а для „всѣхъ отраслей производства вообще и каждой въ отдѣльности". При этомъ референтъ даже не догадывается, что одинъ принципъ устраняетъ другой, и что провозглашенная имъ уравнительная справедливость таможеннаго тарифа въ сущности сводится къ исключенію международнаго раздѣленія труда. При такой глубинѣ теоретической мысли вполнѣ понятно, что директоръ кёльнской коммерческой школы ставки новаго таможеннаго проекта, удвоивающія пошлину на хлѣбъ, называетъ умѣренными и даже систему двойныхъ тарифовъ—вполнѣ благоразумною. Нашему отечеству референтъ готовъ сдѣлать небольшую уступку на ржи, въ наивномъ разсчетѣ, что мы поспѣшимъ за то принять всѣ другія предложенія Германіи и поддержать ее въ вѣроятной таможенной войнѣ съ Соединенными Штатами, величайшимъ и опаснѣйшимъ конкуррентомъ не только германскаго сельскаго хозяйства, но и германской промышленности.

Третій референтъ, проф. Пале—поклонникъ „солидарной покровительственной системы, защищающей сельское хозяйство и промышленность и дѣлающей образованіе цѣнъ внутри страны до извѣстной степени независимымъ отъ иностраннаго рынка". Если аграрныя пошлины отмѣняются, то приходится отмѣнить и промышленныя; при пониженіи первыхъ необходимо понижаются и послѣднія. Это правило совершенно упустили изъ виду при заключеніи дѣйствующихъ торговыхъ договоровъ. Уменьшая ставки на продукты сельскаго хозяйства, забыли сдѣлать то же и по отношенію къ обработывающей промышленности. Въ этомъ смыслѣ не лишено справедливости утвержденіе аграріевъ, что торговые трактаты Каприви заключены на счетъ интересовъ сельскаго хозяйства.

Пале не согласенъ ни съ тѣми, которые говорятъ, что пошлины

на хлѣбъ имѣютъ цѣлью доставить германскому сельскому хозяйству возможность снова взять на себя снабженіе всего населенія хлѣбомъ, ни съ проповѣдниками перехода отъ невыгоднаго хлѣбопашества къ другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ дѣйствительности, пошлина на хлѣбъ должна помочь удержать сельское хозяйство въ его настоящемъ состояніи и предотвратить какое-либо сокращеніе сельско-хозяйственнаго производства. Правда, торговые договоры не повлекли за собою уменьшенія площади посѣва; урожаи же даже возросли за это время, но стѣсненное положеніе сельскаго хозяйства находитъ свое выраженіе въ увеличеніи ипотечнаго долга на сельскіе участки, съ 1886 по 1897 г., на 2.416 милл. марокъ. Значительная доля этого долга объясняется хозяйственнымъ дефицитомъ. Вслѣдствіе пониженія чистаго дохода въ сельскомъ хозяйствѣ, весь приростъ населенія за послѣдніе годы доставался промышленности,—деревнѣ же ничего не перепадало: люди и капиталъ стремятся къ тѣмъ отраслямъ производства, которыя обезпечиваютъ имъ наибольшій доходъ. Стоитъ ли, однако, поддерживать такія отрасли промышленности, которыя своимъ господствующимъ положеніемъ на міровомъ рынкѣ обязаны лишь менѣе благопріятнымъ условіямъ труда въ нихъ? Но и при нынѣшнемъ высокомъ уровнѣ индустріализма, изъ 56 милліоновъ нѣмцевъ едва 12 милл. прямо или косвенно заинтересованы въ экспортѣ. Вставимъ тутъ же отъ себя, что въ дебатахъ референту доказали, что главныя отрасли экспорта, какъ химическая промышленность, производство машинъ, электротехника и др., отнюдь не основаны на „голодныхъ заработкахъ", а наоборотъ, лучше другихъ оплачиваютъ своихъ рабочихъ.

Отмѣна, пониженіе или даже недостаточное увеличеніе существующихъ аграрныхъ пошлинъ было бы равнозначащимъ съ уничтоженіемъ части сельскаго хозяйства. Возраженіе сторонниковъ свободной торговли, что сельское хозяйство легко приспособится къ измѣнившимся условіямъ, такъ какъ они вызовутъ паденіе цѣнъ на землю, а слѣдовательно и уменьшеніе издержекъ производства,—невѣрно. Продукты германскаго сельскаго хозяйства потому дороже заграничныхъ, что оно въ своемъ производствѣ принуждено затрачивать больше труда и капитала на равную площадь. Пониженіе цѣнъ на землю не въ состояніи поэтому устранить тяжелое положеніе западно-европейскаго сельскаго хозяйства вообще и германскаго въ частности. Ходъ развитія хозяйственной жизни страны долженъ отличаться устойчивостью. Эта цѣль такъ важна, что для предотвращенія развитія, ведущаго отъ одного кризиса къ другому, приходится согласиться даже на временное пониженіе условій жизни бѣдныхъ классовъ населенія.

Въ дебатахъ защиту аграрныхъ требованій взялъ на себя проф.

Зерингъ, по мнѣнію котораго аграрная система является фундаментомъ всего народнаго хозяйства. „Мы живемъ,—говорилъ ораторъ,—въ неплодородной мѣстности; мы не принадлежимъ къ богатымъ націямъ, мы слишкомъ поздно заняли нашу землю,—и, соотвѣтственно съ этимъ, должна быть направлена наша политика. Я изслѣдовалъ силезскіе земледѣльческіе округи. Тамъ крестьяне живутъ на жалкой песчаной почвѣ. Разсматривая средніе цѣны, господствовавшія въ этой мѣстности въ 1893—1900 гг., я нашелъ, что если вычесть изъ нихъ размѣръ нынѣшней пошлины, то онѣ какъ разъ покроютъ лишь издержки производства. Но хозяйство, покрывающее только свои расходы, должно погибнуть. Еслибы не было пошлинъ, земля была бы заброшена, и большія пространства Германіи превратились бы въ пустыню". Промышленное населеніе Германіи не должно равнодушно отнестись къ гибели десятковъ тысячъ крестьянъ. Чистый доходъ, получаемый въ настоящее время, достигаетъ лишь 1½% земельной стоимости, а весь вложенный въ хозяйство капиталъ даетъ не болѣе 3%. Но не весь этотъ доходъ достается владѣльцу, такъ какъ двѣ трети крестьянскихъ хозяйствъ задолжены, и въ послѣднее время, съ паденіемъ цѣнъ, долги эти очень чувствительны. Этимъ нѣмецкимъ крестьянамъ, составляющимъ три-пятыхъ всего средняго сословія Германіи, постоянно грозитъ опасность полнаго разоренія. Можетъ ли нѣмецкій народъ спокойно смотрѣть на гибель столькихъ крестьянъ и превращеніе жителей обширныхъ сельскихъ округовъ въ пролетаріевъ? Безъ крестьянъ весь складъ характера нѣмецкаго народа былъ бы иной. Именно вслѣдствіе существованія многочисленнаго крестьянскаго сословія возможенъ высокій уровень рабочаго класса, а уничтоженіе перваго должно имѣть своимъ слѣдствіемъ разрушеніе фундамента народной жизни.

Зерингъ, на этомъ основаніи, высказывается за предложенныя минимальныя пошлины, но лишь при двухъ условіяхъ. Промышленный рабочій, хозяйственной жизни котораго эти пошлины нанесутъ ущербъ, долженъ быть вознагражденъ отмѣной чисто-финансовыхъ пошлинъ на кофе и петролеумъ. Этимъ устраняются для обработывающей промышленности всѣ опасенія. Кромѣ того, крупные землевладѣльцы, выигрывающіе отъ хлѣбныхъ пошлинъ, должны взамѣнъ принести жертву, согласившись на закрытіе восточной границы отъ вреднаго наплыва дешевыхъ русско-польскихъ рабочихъ. Тогда заработная плата поднимется тамъ до уровня, соотвѣтствующаго условіямъ жизни рабочихъ въ обработывающей промышленности. Далѣе, поднятіе сельской жизни можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ внутренней колонизаціи, если государство предоставитъ для этой цѣли значительныя средства. Въ заключеніе Зерингъ заявляетъ: „Я стою за увеличеніе хлѣбныхъ

пошлинъ, какъ за составную часть обширной програмы; въ противномъ случаѣ, я—противъ возвышенія пошлинъ".

Выдающійся интересъ представила рѣчь Шмоллера, какъ по авторитетности оратора, такъ и потому, что въ его лицѣ предъ нами былъ самый ярый представитель оппортунизма въ экономической политикѣ, ставшій, въ концѣ 70-хъ годовъ, на сторону Бисмарка, но не желающій теперь продѣлать крайности воздвигнутой системы. „Такъ какъ я не рѣшительный сторонникъ, но и не противникъ системы свободной торговли,—заявилъ Шмоллеръ,—то хочу вкратцѣ изложить исторію развитія своего взгляда на этотъ предметъ. Въ 60-хъ годахъ я выступилъ горячимъ борцомъ за свободу торговли, и мое выступленіе за торговый трактатъ съ Франціей принудило меня отказаться отъ своего положенія въ Вюртембергѣ. Когда же я, въ теченіе 70-хъ годовъ, убѣдился, что это движеніе не достигаетъ своихъ цѣлей, и что, кромѣ того, въ международной торговлѣ и во взаимныхъ отношеніяхъ состязаются силы далеко не равныя, то я, въ 1879 г., выступилъ съ рефератомъ за покровительственныя пошлины; однако, я и тогда уже говорилъ, что съ такимъ труднымъ инструментомъ, какъ покровительственная пошлина, необходимо обращаться осторожно и умѣло. Въ 80-хъ годахъ я былъ за хлѣбную пошлину въ 3,50 марки, но никогда не былъ поклонникомъ пяти-марковой пошлины. Помощь переживающему нужду сельскому хозяйству должна быть оказана иныыъ путемъ. Еслибы Германія въ 1890—1892 гг. установила болѣе высокій тарифъ, она добилась бы бо̀льшаго, но Шмоллеръ считалъ бы невыразимымъ несчастіемъ для Германіи, еслибы она ввела покровительственную систему Мелина. Трактаты были полезны и необходимы. Настоящій проектъ таможеннаго тарифа—книга за семью печатями. Совершенно неизвѣстны мотивы, которымъ онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ,—не знаютъ, чего хотятъ съ его помощью достигнуть! Я не желаю минимальнаго тарифа; правительство должно по прежнему быть свободнымъ. Новый проектъ можетъ повести или къ новой эрѣ торговыхъ договоровъ Каприви, или къ покровительственной системѣ Мелина. Я слѣдилъ за развитіемъ тарифа съ постояннымъ и все увеличивавшимся безпокойствомъ. Мнѣ казалось, что правительство слишкомъ прислушивается къ интересамъ отдѣльныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, что оно дѣйствуетъ слишкомъ тайно, что оно поступило бы лучше, еслибы для рѣшенія многихъ пунктовъ прибѣгло къ публичному обслѣдованію, но, главное, я находилъ, что бо̀льшая часть руководящихъ чиновниковъ дошли до слѣпого возвеличенія покровительственной пошлины, и слишкомъ мало вниманія обращаютъ на необходимость торговыхъ договоровъ. Вѣдь это же открытая тайна, что всѣ три правительственныя учрежденія расхо-

дятся во взглядѣ на проектъ, и еще неизвѣстно, что̀ изъ этого выйдетъ? Эра меркантилизма въ первый періодъ своего господства была плодотворна. Во второмъ періодѣ она, благодаря чрезмѣрнымъ преувеличеніямъ, превратилась въ большое несчастіе, и эра торговыхъ договоровъ послужила устраненію его крайностей. Всякая покровительственная пошлина есть орудіе силы, которое, при умѣломъ примѣненіи, можетъ принести много пользы, при неумѣломъ же—должно тѣмъ сильнѣе вредить"...

Шмоллеръ полагаетъ, что въ Германіи, какъ и въ Россіи, Америкѣ и Франціи, наступила эра меркантилизма въ наихудшей его формѣ. Германіи необходимы нѣкоторыя покровительственныя пошлины, безъ нихъ для нея невозможны разумные торговые договоры, но Германія не должна брать на себя роль подражательницы крайностей меркантилизма,—она, наоборотъ, должна бороться съ ними. Поэтому Шмоллеръ лишь въ томъ случаѣ можетъ отнестись одобрительно къ проекту тарифа, если онъ поведетъ къ благопріятнымъ для Германіи торговымъ договорамъ: такимъ косвеннымъ путемъ, можетъ быть, удастся покончить съ крайностями меркантилизма.

Изъ аргументовъ и мнѣній, высказанныхъ другими ораторами, заслуживаютъ вниманія мѣткія возраженія д-ра Гельфериха противъ „Кассандръ", въ родѣ Ольденберга и Ад. Вагнера, „видящихъ опасность на горизонтѣ и спотыкающихся о камни, лежащіе у самыхъ ногъ". До сихъ поръ индустріализмъ принесъ Германіи увеличеніе богатства, поднятіе положенія рабочихъ классовъ, смягченіе соціальной борьбы. При подобномъ результатѣ смѣшно задаваться вопросомъ о средствахъ, которыми они достигнуты. Нѣмцы представлялись бы оратору трусливыми и малодушными, еслибы ихъ могли напугать такими миѳическими страхами, какъ перспектива голода въ случаѣ войны и опасность очутиться въ зависимости отъ иностранцевъ. Зачѣмъ думать о томъ, что̀ можетъ быть черезъ 50 или 100 лѣтъ, когда задачи экономической политики опредѣляются ближайшей дѣйствительностью? Нравится ли или не нравится индустріализмъ,—съ нимъ надо считаться, какъ съ фактомъ, и если имѣть въ виду опасности, то прежде всего надо остерегаться насильственнаго измѣненія существующей тенденціи: нѣтъ ничего опаснѣе аграрной политики въ государствѣ, бо̀льшая часть котораго перешла къ обработывающей промышленности. Это значило бы прямо толкать фабричныхъ рабочихъ на поступки отчаянія.

Изъ присутствовавшихъ на съѣздѣ иностранцевъ, проф. Филипповичъ замѣтилъ, что усиленіе протекціонизма въ Германіи поведетъ къ тому, чтобы разобщить интересы европейскихъ народовъ. Родина оратора, Австрія, на первыхъ порахъ ощутитъ неудобныя послѣдствія

экономическаго разрыва съ Германіей, но это въ будущемъ отразится усиленіемъ австрійской конкурренціи и, слѣдовательно, нанесетъ ущербъ Германіи. Пишущій эти строки пытался предостеречь отъ распространеннаго и въ промышленныхъ нѣмецкихъ кругахъ заблужденія, будто незначительной уступкой въ пошлинѣ на рожь легко достигнуть соглашенія съ Россіей. Договорныя отношенія одинаково полезны для насъ, какъ и для Германіи, но сохраненіе ихъ и дальнѣйшее смягченіе крайностей нашего протекціонизма невозможны, если опубликованный таможенный проектъ Германіи станетъ закономъ.

Самая содержательная рѣчь принадлежитъ Брентано. Онъ начинаетъ съ того, что насъ раздѣляетъ главнымъ образомъ разница во взглядѣ на задачи конкретной экономической политики. Аристотель является родоначальникомъ этого зла на землѣ: онъ никогда не интересовался тѣмъ, что̀ есть, но постоянно искалъ лучшаго государства, и это стремленіе къ наилучшему устройству мы сохранили до сихъ поръ, несмотря на Маккіавелли. Но такія старанія напрасны, потому что это не въ нашей власти. Общія очертанія нашего хозяйственнаго существованія даны; принимая во вниманіе возникающія въ государствѣ и обществѣ проблемы, мы можемъ лишь задаваться вопросомъ, какъ разрѣшить эти задачи, чтобы наиболѣе благопріятнымъ образомъ устроить судьбу связанныхъ съ ними людей; главныя основанія мы никогда не можемъ измѣнить,—это одинаково относится къ революціоннымъ, какъ и реакціоннымъ тенденціямъ.

Фактъ, который должно взять исходнымъ пунктомъ, это—сильное увеличеніе народонаселенія, которое требуется прокормить, воспитать, поднять, такъ чтобы оно участвовало въ благахъ культуры. Никто не утверждаетъ, что мѣра увеличенія населенія обязательно должна остаться такой, какой она была въ послѣднее десятилѣтіе; необходимо лишь воспрепятствовать тому, чтобы отношеніе это *не уменьшилось вслѣдствіе увеличенія смертности*; степень роста населенія обусловливалась главнымъ образомъ уменьшеніемъ смертности, и уже по одному этому не можетъ быть постоянной.

„Я не думаю, — продолжалъ Брентано,—чтобы мы въ состояніи были на нашей собственной землѣ производить все то количество хлѣба, какое намъ необходимо. Я исхожу изъ закона уменьшающагося плодородія почвы и утверждаю, что хотя абсолютное увеличеніе урожая и возможно, но оно можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ все бо̀льшаго увеличенія издержекъ производства, хотя я готовъ согласиться, что дѣйствіе этого закона, вслѣдствіе улучшеній въ техникѣ, иногда можетъ быть временно уничтожено. Но условія такой усовершенствованной техники не всегда существуютъ, и тѣмъ менѣе тогда, когда рѣчь идетъ о среднемъ крестьянинѣ, къ техникѣ кото-

раго особенно большихъ требованій предъявлять нельзя. Если законъ уменьшающагося плодородія почвы невѣренъ, т.-е., если всякое увеличеніе капитала обусловливаетъ соотвѣтственное увеличеніе урожая, —къ чему же тогда пошлины? Вкладывайте большій капиталъ, чтобы получить больше дохода! Въ сельскомъ хозяйствѣ увеличеніе производства, помимо исключительныхъ условій, возможно лишь при увеличеніи расходовъ, а это ведетъ за собою болѣе тяжелыя условія существованія съ замедленіемъ или даже прекращеніемъ роста населенія, а вслѣдствіе этого—ослабленіе могущества государства. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ избытковъ національнаго производства должны уменьшаться и финансовыя средства, отдаваемыя въ распоряженіе государства. Какъ могутъ быть удовлетворены ростущія требованія государственнаго бюджета? Отъ стремленія къ политикѣ фискализма, какъ она проповѣдуется теперь, пришлось бы, конечно, окончательно отказаться, въ особенности если устранить и финансовыя пошлины на кофе и петролеумъ, какъ того требуетъ Зерингъ.

„Меня обвиняютъ,—сказалъ въ заключеніе Брентано,—что я готовъ однимъ взмахомъ пера уничтожить нѣмецкое крестьянство. Это такъ мало соотвѣтствуетъ моимъ намѣреніямъ, что я долженъ заявить, что никто сильнѣе меня не могъ бы сожалѣть объ уничтоженіи крестьянства. Но одно я долженъ прибавить: крестьянство очень важно,—объ этомъ такъ много и такъ краснорѣчиво говорилось сегодня,—но оно не все, оно не цѣлое и не отечество. А еслибы для спасенія отечества потребовалось исчезновеніе крестьянства, то мы готовы вѣдь всѣмъ пожертвовать для своего отечества; что̀ является долгомъ гражданина—могло бы, при извѣстныхъ условіяхъ быть и обязанностью крестьянина. Но дѣло такъ далеко не зашло. Проф. Лотцъ показалъ вамъ, какая незначительная часть доходовъ получается отъ продажи хлѣбовъ, и насколько больше доля, получаемая отъ продажи животныхъ продуктовъ. Здѣсь указывали на то, что для обширныхъ пространствъ Германіи такая перемѣна невозможна,—въ особенности Зерингъ говорилъ о песчаныхъ мѣстностяхъ. Но если вопросъ сводится къ тому: должны ли мы спасти обитателей мѣстностей съ песчаной почвою, или отечество, то для меня нѣтъ сомнѣнія, кого слѣдуетъ спасать“.

На конгрессахъ „Общества соціальной политики“ не принято подвергать стоящіе на очереди вопросы голосованію: собраніе ограничивается лишь тѣмъ, что выслушиваетъ различныя мнѣнія, и въ заключеніе президентъ резюмируетъ ихъ, стараясь отмѣтить при этомъ то, что̀ составляетъ—communis opinio. Въ своемъ резюмé предсѣдатель

послѣдняго собранія, эксъ-министръ Берлепшъ, могъ заявить: въ дебатахъ было признано, что значительная часть сельскаго хозяйства Германіи находится въ весьма затруднительномъ положеніи, и законодательство обязано придти ему на помощь, но „очень многіе изъ ораторовъ“ полагали, что помощь, въ видѣ пошлинъ на хлѣбъ, имѣетъ значительныя неудобства, особенно потому, что она неблагопріятно отражается на условіяхъ жизни рабочаго населенія. Вслѣдствіе этого высказано было пожеланіе, чтобы государство не игнорировало другихъ формъ воспособленія сельскому труду. Въ одномъ пунктѣ въ дебатахъ выразилось полное единодушіе: всѣ признали необходимость въ долгосрочныхъ торговыхъ договорахъ.

Если торговые договоры для Германіи необходимы,—а это мы слышимъ не только отъ представителей науки, но и отъ германскихъ министровъ и политиковъ, готовыхъ поддержать аграрныя требованія,—то мыслимо ли разсчитывать на ихъ осуществленіе при господствѣ таможеннаго тарифа, удвоивающаго пошлины на хлѣбъ? На этотъ вопросъ австрійскій министръ-президентъ отвѣтилъ уже въ парламентѣ характерными словами: „Германія не должна разсчитывать на то, что мы удовлетворимся ролью терпѣливаго ягненка“... Тѣмъ меньше основанія брать на себя такую роль для тѣхъ странъ, которыя по своимъ политическимъ условіямъ не вынуждены приносить экономическія жертвы для поддержанія прусскихъ землевладѣльцевъ. Въ интересахъ нашей собственной страны, ради массы нашихъ потребителей, мы желали бы продолженія торговой политики, начатой въ 1894 г.,—но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если германское законодательство откажется отъ мысли соединить несоединимое: ограждать на нашъ счетъ аграріевъ и искать у насъ рынковъ для своего экспорта.

Берлинъ, 11-го (24-го) октября.

Г. Б. Іоллосъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1901.

Оффиціальныя опроверженія относительно Франціи и Афганистана.—Средне-азіатская политика. — Эмиръ Абдурахманъ и его преемникъ. — Британскія неудачи.— Странное назначеніе и еще болѣе странная рѣчь.—Внутреннія дѣла въ Германіи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 6 октября напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Въ виду распространяемыхъ нѣкоторыми иностранными газетами слуховъ, имѣющихъ цѣлью извратить значеніе посѣщенія Государемъ Императоромъ Франціи, выставляя предметомъ этого посѣщенія подготовленіе новаго русскаго займа во Франціи, министерство финансовъ заявляетъ, что ни во время путешествія Его Величества, ни послѣ не было рѣчи о какомъ-либо займѣ“.

Мы уже говорили въ свое время о стремленіи значительной части заграничной печати объяснить нашу политическую близость съ Франціею финансовыми причинами. Россія пользуется, будто бы, франко-русскими симпатіями для того, чтобы періодически снабжать себя капиталами на счетъ богатаго парижскаго рынка; такого рода предположенія и догадки упорно высказывались и по поводу недавнихъ торжествъ въ Дюнкирхенѣ, Реймсѣ и Компьенѣ. Въ сущности, слухи о новомъ русскомъ займѣ, еслибы даже они были основательны, не имѣли ничего общаго съ проявленіями международнаго союза, составляющаго основу современнаго политическаго равновѣсія въ Европѣ; роль этого союза настолько велика и даетъ себя настолько чувствовать въ ходѣ событій на дальнемъ и ближнемъ Востокѣ, что мелочныя толкованія непріязненныхъ намъ иностранныхъ газетъ не заслуживали вовсе опроверженія. Заключать выгодные займы въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ можно и безъ особыхъ дипломатическихъ комбинацій; для этого требуются только два условія: обиліе свободныхъ капиталовъ и прочное довѣріе къ русскимъ государственнымъ финансамъ. При отсутствіи этихъ условій не помогутъ никакія международныя симпатіи, ибо въ наше время никто не даетъ денегъ изъ простого сочувствія; съ другой стороны, при несомнѣнности нашего внѣшняго кредита, намъ не трудно занимать деньги и тамъ, гдѣ къ намъ вообще относятся недоброжелательно,—какъ это показываетъ послѣдній желѣзнодорожный заемъ, выпущенный въ Берлинѣ. Западно-европейская публика не могла придавать серьезное значеніе насмѣшкамъ

сатирическихъ листковъ, выставлявшихъ насъ какими-то безпутными искателями чужихъ богатствъ; а люди, желавшіе вѣрить этому изъ вражды и намѣренно повторявшіе про насъ завѣдомыя небылицы, не откажутся отъ своихъ мнѣній и послѣ оффиціальнаго опроверженія. Такая серьезная газета, какъ „Berliner Tageblatt", заявляетъ теперь, что опроверженія обыкновенно предшествуютъ факту: проектъ займа, будто бы, сохраняется въ тайнѣ и долженъ осуществиться въ ближайшемъ будущемъ. А такъ какъ нельзя отрицать возможность займа въ будущемъ, то противники всегда могутъ утверждать, что они правы. Для однихъ оффиціальныя опроверженія излишни, а для другихъ безполезны, поощряя лишь къ дальнѣйшимъ выдумкамъ;—лучше всего дѣйствуютъ на умы молчаливыя фактическія доказательства, которыя сами собою выясняютъ лживость распространяемыхъ слуховъ. До сихъ поръ ничего не слышно о какомъ-либо новомъ русскомъ займѣ во Франціи, и слѣдовательно газетные толки объ этомъ предметѣ опровергнуты на дѣлѣ,—хотя, повторяемъ, по существу они неспособны были умалить политическую важность новаго торжественнаго подтвержденія франко-русскаго союза.

То же самое слѣдуетъ сказать и о другомъ оффиціальномъ опроверженіи, касающемся Афганистана. Въ „Русскомъ Инвалидѣ" отъ 14 октября напечатано: „Вскорѣ по смерти эмира афганскаго Абдуррахманъ-хана, въ заграничной печати стали появляться извѣстія о томъ, будто русскимъ военнымъ министерствомъ дѣлаются какія-то приготовленія на случай возникновенія волненій въ прилегающихъ къ нашимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ афганскихъ областяхъ. Всѣ эти извѣстія лишены всякаго основанія". Не было бы, конечно, ничего удивительнаго или неправильнаго съ нашей стороны, еслибы мы приняли какія-либо мѣры предосторожности на случай возникновенія междоусобій и безпорядковъ въ пограничныхъ афганскихъ областяхъ, послѣ смерти эмира Абдурахмана. Въ азіатскихъ ханствахъ переходъ власти къ новому правителю рѣдко совершается вполнѣ спокойно, безъ кровопролитія, и въ Афганистанѣ легко могли произойти серьезныя смуты, которыя не остались бы безъ вліянія на положеніе дѣлъ въ прилегающихъ русскихъ владѣніяхъ. Враждебныя намъ иностранныя газеты, особенно нѣмецкія, сообщали не только о предохранительныхъ военныхъ мѣрахъ, но и о планахъ прямого русскаго вмѣшательства съ цѣлью доставить афганскій престолъ кандидату, угодному и преданному Россіи. Намъ приписывалось намѣреніе воспользоваться современными затрудненіями Англіи, чтобы нанести ей ударъ въ крайне чувствительной для нея области средне-азіатскихъ интере-

совъ. Подобный замыселъ былъ совершенно невѣроятенъ уже потому, что онъ слишкомъ рѣзко противорѣчилъ бы всѣмъ принципамъ нашей внѣшней политики,—и, собственно говоря, его не стоило опровергать. Безусловная корректность нашихъ отношеній къ Афганистану доказывается вѣрнѣе всякихъ словъ фактическимъ отсутствіемъ чего-либо подобнаго тому, что̀ предполагали заграничные прорицатели. Англійскіе публицисты, относящіеся вообще непріязненно къ Россіи, обнаружили на этотъ разъ понятную сдержанность. „Вопреки мрачнымъ намекамъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ добрыхъ друзей въ Берлинѣ,—говорилось, напр., въ „Times“ отъ 10 октября,—мы не чувствуемъ себя угнетенными опасеніемъ страшныхъ внѣшнихъ интригъ противъ новаго афганскаго эмира. Мы скорѣе раздѣляемъ взгляды свѣдущихъ французскихъ газетъ, какъ „Temps“ и „Débats“, которыя имѣютъ больше случаевъ и способовъ узнавать намѣренія нашего великаго азіатскаго сосѣда, чѣмъ нѣмецкая печать. Какой-нибудь претендентъ можетъ проявиться въ сосѣднихъ областяхъ и сдѣлать попытку вторженія; но, вступивъ на афганскую территорію, онъ встрѣтилъ бы горячій и рѣшительный отпоръ. Покойный эмиръ заявлялъ, что онъ въ каждый данный моментъ могъ бы собрать и выставить въ поле сто тысячъ хорошо вооруженныхъ людей, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ вѣрности этого утвержденія. Такая военная сила въ странѣ, представляющей обширную природную крѣпость, способна была бы остановить могущественную европейскую армію, а не только разгромить войско, собранное какимъ-нибудь искателемъ приключеній. Мы не имѣемъ повода предположить, что противникъ нашелъ бы поддержку въ европейской державѣ. Какъ справедливо замѣтилъ на-дняхъ „Journal des Débats“, мы имѣли нѣсколько соглашеній съ Россіею въ этой части свѣта, и до сихъ поръ она соблюдала ихъ съ точностью. Почему мы должны теперь сомнѣваться въ ея добросовѣстности, прежде чѣмъ явились къ тому дѣйствительныя основанія?“ Очевидно, англичане на дѣлѣ убѣдились бы, что „великій сосѣдъ“ ничего не затѣваетъ противъ нихъ въ Средней Азіи и что ему совершенно чужды коварные воинственные планы, сочиняемые досужею фантазіею патріотовъ. Оффиціальное опроверженіе только подкрѣпляетъ то, что̀ было заранѣе извѣстно безпристрастнымъ наблюдателямъ фактовъ. Замѣтимъ еще, что въ приведенныхъ заявленіяхъ „Правительственнаго Вѣстника“ и „Русскаго Инвалида“ обращала на себя вниманіе одна особенность: оба они касаются нашей иностранной политики, а между тѣмъ исходятъ не отъ соотвѣтственнаго дипломатическаго вѣдомства, а отъ двухъ постороннихъ министерствъ—финансоваго и военнаго. Казалось бы, что противъ извращенія смысла послѣднихъ франко-русскихъ манифестацій должны были возражать представители дипло-

матіи, а не финансоваго управленія; точно также и относительно Афганистана можно было ожидать успокоительныхъ разъясненій не отъ военнаго вѣдомства, а отъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ западной Европѣ привыкли издавна считать Среднюю Азію важнѣйшею ареною скрытой или явной борьбы между двумя міровыми державами—Россіею и Англіею. Стихійное расширеніе русскаго владычества заставляло англичанъ бояться за Индію и служило для нихъ постояннымъ предметомъ тревоги. Британскіе государственные люди смотрѣли на поступательное движеніе Россіи въ средне-азіатскихъ областяхъ какъ на нѣчто незаконное, и сами русскіе дипломаты долго раздѣляли какъ будто эту точку зрѣнія; оттого съ нашей стороны установилась практика одностороннихъ оправданій и обязательствъ передъ Англіею, тогда какъ послѣдняя дѣйствовала свободно, безъ всякихъ стѣсненій, ничѣмъ и ни предъ кѣмъ не отвѣчая за свои систематическіе захваты и насилія. Это отсутствіе равноправности между обѣими державами, косвенно признаваемое нашей дипломатіею при князѣ Горчаковѣ и его непосредственныхъ преемникахъ, привело къ цѣлому ряду двусмысленныхъ соглашеній, которыя, повидимому, давали лондонскому кабинету право контроля надъ русскою средне-азіатскою политикою; отъ насъ требовали отчета въ нашихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, тогда какъ никому не приходило въ голову обращаться съ подобными запросами къ Англіи. Отсюда возникала опасность столкновеній, одинаково нежелательныхъ для обѣихъ сторонъ. Опасность достигла своего апогея въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда едва не разгорѣлась война послѣ знаменитой пограничной битвы съ афганцами при Кушкѣ; это былъ переходный критическій моментъ въ нашихъ отношеніяхъ съ британскою имперіею. Мало-по-малу англичане примирились съ мыслью, что рядомъ съ британскими интересами и стремленіями существуютъ русскіе интересы и стремленія, съ которыми надо по неволѣ вступать въ компромиссы; въ то же время укоренилось мнѣніе, что нашими средне-азіатскими дѣлами и предпріятіями заправляетъ, будто бы, не дипломатія, а военное вѣдомство. Отголосокъ такого взгляда могутъ усмотрѣть иностранцы и въ томъ обстоятельствѣ, что на заграничныя извѣстія объ Афганистанѣ откликнулся прежде всего спеціальный военный органъ,—хотя въ данномъ случаѣ это было и естественно, ибо рѣчь шла именно о военныхъ приготовленіяхъ, входящихъ всецѣло въ кругъ компетенціи „Русскаго Инвалида". Какъ бы то ни было, спорные средне-азіатскіе вопросы потеряли съ теченіемъ времени свою остроту, и представляется уже мало вѣроятнымъ, чтобы

изъ-за нихъ нарушенъ былъ миръ между великими европейскими націями.

Скончавшійся эмиръ Абдурахманъ былъ какъ бы живымъ воплощеніемъ англо-русской распри, и съ его смертью завершается цѣлая эпоха волненій и конфликтовъ. Личная судьба этого энергическаго дѣятеля весьма интересна. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣлался афганскимъ эмиромъ Ширъ-Али, младшій сынъ Достъ-Магомета, въ ущербъ старшему—Афзулу, отцу Абдурахмана; послѣдній, будучи еще юношею, принялъ видное участіе въ возникшихъ по этому поводу междоусобіяхъ и затѣмъ велъ самостоятельную борьбу противъ сына Ширъ-Али, Якубъ-хана. Побѣжденный своимъ даровитымъ противникомъ въ 1867 году, Абдурахманъ удалился сначала въ Бухару, потомъ въ Самаркандъ, гдѣ поселился окончательно подъ надзоромъ и покровительствомъ русскихъ властей; ему назначена была отъ правительства крупная денежная пенсія (по 25 тысячъ рублей въ годъ), которую онъ исправно получалъ въ продолженіе одиннадцати лѣтъ. Чѣмъ вызывалась эта щедрость нашего государственнаго казначейства относительно афганскаго претендента—намъ неизвѣстно; ему платили вѣроятно только какъ знатному иностранцу, не возлагая на него никакихъ обязательствъ, и ничто не помѣшало ему впослѣдствіи стать вѣрнымъ вассаломъ Англіи. Когда англичане задумали свергнуть преемника Ширъ-Али, Якубъ-хана, они отнеслись сочувственно къ попыткѣ Абдурахмана захватить власть, и въ 1880 году онъ былъ утвержденъ въ званіи эмира; нѣсколько лѣтъ еще онъ употребилъ на подавленіе многочисленныхъ враговъ и соперниковъ, съ которыми расправлялся чрезвычайно круто. Съ 1883 года ему выплачивалась ежегодная субсидія въ размѣрѣ 120 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и съ тѣхъ поръ онъ неизмѣнно оставался послушнымъ орудіемъ мѣстной британской политики; во всѣхъ позднѣйшихъ столкновеніяхъ и переговорахъ между Англіею и Россіею въ Средней Азіи онъ или игралъ пассивную роль, предоставляя дѣйствовать за себя англичанамъ, или выступалъ въ качествѣ благороднаго свидѣтеля или усерднаго исполнителя. Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ отличался достоинствами хорошаго азіатскаго деспота—стремленіемъ къ справедливости и заботою о твердомъ внѣшнемъ порядкѣ; съ наибольшимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за развитіемъ и усовершенствованіемъ военныхъ силъ, которыя организованы имъ въ видѣ постоянной регулярной арміи изъ двадцати полковъ, при дѣятельной помощи англичанъ. Абдурахманъ управлялъ страною самовластно, не довѣрялъ совѣтникамъ и сановникамъ, былъ своимъ собственнымъ министромъ во всѣхъ отрасляхъ администраціи и страдалъ отъ чрезмѣрнаго количества труда,

которое уменьшилось только въ послѣдніе годы, со времени привлеченія къ обязанностямъ замѣстителя и помощника эмира старшаго сына его, Хабибуллы. Назначенный высшимъ контролеромъ и распорядителемъ государственныхъ финансовъ, Хабибулла получилъ въ 1897 году еще другое, болѣе оригинальное назначеніе: ему было поручено быть „верховнымъ апелляціоннымъ судомъ", т.-е. разрѣшать всѣ судебныя дѣла въ послѣдней инстанціи. Начало единства и полноты единоличной власти проведено въ Афганистанѣ съ безусловною послѣдовательностью; судъ не отдѣляется отъ администраціи, законъ замѣняется личнымъ усмотрѣніемъ, и авторитетъ властвующихъ лицъ ничѣмъ не ограниченъ. Это тяжелое господство произвола, невыносимое съ культурной европейской точки зрѣнія, соотвѣтствуетъ, однако, патріархальнымъ условіямъ афганскаго быта; оно умѣряется традиціонными обычаями и внутреннимъ самоуправленіемъ отдѣльныхъ племенъ и общинъ, имѣющихъ свои родовые совѣты и своихъ старѣйшинъ. Въ важныхъ случаяхъ созываются народныя или представительныя собранія, „дурбары", безъ которыхъ не обходится ни перемѣна правителя, ни рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ. Абдурахманъ старался заранѣе упрочить положеніе своего наслѣдника посредствомъ родственныхъ связей, для чего доставилъ ему семь женъ изъ самыхъ вліятельныхъ фамилій страны. Умирая, онъ созвалъ своихъ приближенныхъ и предложилъ имъ высказаться объ избраніи преемника; всѣ единодушно указали на Хабибуллу, который уже восьмой годъ съ успѣхомъ исполняетъ высшія правительственныя должности въ государствѣ. Эмиръ передалъ тогда сыну свой мечъ, какъ символъ власти, и большой свитокъ рукописей и документовъ; онъ умеръ 3 октября, или, вѣрнѣе, о кончинѣ его было объявлено „дурбару" въ этотъ день, послѣ того какъ мирный переходъ власти былъ уже вполнѣ обезпеченъ. Въ дѣйствительности, какъ предполагаютъ, Абдурахманъ скончался двумя днями раньше. Новый эмиръ Хабибулла (имя это значитъ: „любимый Богомъ") еще сравнительно молодъ; ему всего около тридцати лѣтъ, но онъ обладаетъ уже достаточною опытностью, и англичане имѣютъ полное основаніе разсчитывать на его благоразуміе и послушаніе. Онъ выросъ почти исключительно въ атмосферѣ британскаго политическаго вліянія и не можетъ имѣть даже тѣхъ поползновеній къ самостоятельности, которыя иногда замѣчались у Абдурахмана. Афганскій эмиръ, состоящій на жалованьѣ англійскаго правительства, незамѣтно переходитъ въ число зависимыхъ владѣтелей, подчиненныхъ британской коронѣ, и его обширная страна все тѣснѣе примыкаетъ къ англо-индійской имперіи, дѣлаясь постепенно ея обязательною принадлежностью. Фактическое включеніе Афганистана въ кругъ англійскаго владычества есть только вопросъ времени, и

мы нисколько не претендуемъ за это на англичанъ: чужіе успѣхи не возбуждаютъ въ насъ ни зависти, ни вражды.

Впрочемъ, говорить о внѣшнихъ успѣхахъ Англіи довольно трудно въ настоящее время; съ разныхъ сторонъ обрушиваются на нее чувствительныя невзгоды, и почти вся европейская печать настроена къ ней враждебно. Сами англичане не щадятъ своего правительства и неустанно разоблачаютъ его слабости и ошибки. Война въ южной Африкѣ не прекращается и не ослабѣваетъ; прокламація лорда Китченера, требовавшая добровольнаго подчиненія боэровъ не позже 15 сентября, оказалась пустою похвальбою; разстрѣливаніе плѣнныхъ, какъ мятежниковъ, придаетъ военнымъ дѣйствіямъ возмутительный характеръ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ захваченные въ плѣнъ англичане отпускались боэрами на волю, безъ всякихъ репрессалій. Въ „лагеряхъ сосредоточенія" согнаны десятки тысячъ боэровъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, подвергаясь всевозможнымъ страданіямъ и лишеніямъ; смертность увеличивается въ ужасающей прогрессіи: въ іюлѣ умерло въ этихъ лагеряхъ 1.124 дѣтей, въ августѣ — 1.545, въ сентябрѣ — 1.964. Правдивые отчеты миссъ Гобгоузъ, изучавшей положеніе дѣлъ на мѣстѣ, взволновали общественную совѣсть и ничѣмъ не могли быть отпровергнуты. Привычка къ неограниченной гласности въ самыхъ щекотливыхъ вопросахъ даетъ по крайней мѣрѣ возможность облегчать душу хорошимъ людямъ, выступающимъ сторонниками человѣчности среди англичанъ, и патріотическія газеты, преданныя министерству, удѣляютъ у себя мѣсто рѣзкимъ отзывамъ и разоблаченіямъ противниковъ. Голосъ протеста не заглушается въ Англіи, такъ какъ общіе интересы государства всегда ставятся тамъ выше интересовъ даннаго правительства или отдѣльной партіи. Правительства мѣняются, а государство остается; замалчивать погрѣшности и злоупотребленія министровъ не принято въ Англіи, ибо это значило бы, по мнѣнію англичанъ, нарушать свой долгъ относительно отечества и короны. Епископъ герфордскій, въ письмѣ, напечатанномъ въ „Times", заявляетъ, что свѣдѣнія о смертности въ лагеряхъ сосредоточенія „приводятъ къ суровому осужденію правительства за неспособность и безсиліе устроить что-нибудь лучшее". „Неужели, — спрашиваетъ епископъ,—нельзя придумать другую систему распредѣленія туземныхъ семействъ? Развѣ невозможно было размѣстить женщинъ съ дѣтьми между благонадежными жителями Капской колоніи и Наталя? Или мы доведены до того, что неспособны уже положить конецъ этому ужасному нагроможденію дѣтскихъ труповъ?" Патріоты, равнодушные къ человѣческимъ бѣдствіямъ, ссылаются, по обыкно-

женію, на неотвратимыя требованія и условія войны. Страна ог
щена, большинство фермъ сожжено, скотъ забранъ для продовол
арміи, и ни о какомъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи въ о
ныхъ районахъ Трансвааля и Оранжевой республики; что же бы
съ женщинами и дѣтьми, еслибы онѣ оставлены были въ уединѣн
фермахъ на произволъ судьбы? Онѣ погибли бы въ одну недѣ
отсутствіемъ пищи, какъ увѣряетъ одинъ изъ корреспондентовъ
всякомъ случаѣ положеніе ихъ было бы несравненно хуже, чѣм
перь. Въ теченіе шести мѣсяцевъ британское правительство
тило около 480 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (болѣе четырехъ м
новъ рублей) на содержаніе боэрскихъ женщинъ и дѣтей, снабжа
врачами, кормилицами и школами. Вдвое меньше израсходова
два года въ пользу болѣе многочисленной массы англійскихъ
цовъ и ихъ семействъ. Обвинители и защитники правительств
сказываются съ одинаковою свободою, и въ результатѣ является с
леніе смягчить послѣдствія принятыхъ мѣръ, если уже нельз
речься отъ нихъ сразу.

Нынѣшнее англійское министерство далеко не стоитъ на в
своихъ сложныхъ задачъ; номинальный глава его ослабѣлъ съ г
и перестал руководить британскою политикою, уступивъ на
первенствующую роль министру колоній, безцеремонному и н
чивому Чемберлэну. Лордъ Сольсбери, нѣкогда остроумный и с
дѣятель, съ трудомъ подчинявшіся авторитету Биконсфильда, нас
идетъ теперь вслѣдъ за Чемберлэномъ, повторяя его узкія пол
скія правила и идеи, проникнутыя бездушнымъ фарисействомъ.
турное обаяніе Англіи подвергается сомнѣнію; ея репутація,
дальновидной и разсчетливой державы, свободной отъ слѣпыхъ
ченій,—видимо теряетъ почву; ея слава и могущество умаля
благодаря нравственному ничтожеству кабинета. Разнородно
своему внутреннему составу, лишенное положительной прогр
непопулярное въ народѣ и парламентѣ, министерство держится
отсутствіемъ сплоченной и сильной оппозиціи; оно замѣтно подд
также закулиснымъ придворнымъ вліяніямъ, которымъ обыкно
нѣтъ мѣста въ чисто-парламентскомъ самостоятельномъ правител
Этими закулисными вліяніями объяснялись, между прочимъ, нѣко
новѣйшія назначенія,—напримѣръ выборъ генерала Буллера на
командующаго однимъ изъ трехъ главныхъ корпусовъ, образу
въ совокупности британскую регулярную армію. Буллеръ нас
прославился своими постыдными неудачами въ южно-африка
войнѣ, что вновь выдвигать его на видную должность корпу
командира было болѣе чѣмъ странно; говорятъ, что военный мин
Бродрикъ и главнокомандующій лордъ Робертсъ сдѣлали эту ус

королю Эдуарду, который почему-то одобряетъ Буллера; за него стоятъ и военно-аристократическіе кружки. Печать—не оппозиціонная, а консервативная—тотчасъ же подняла шумъ и откровенно напомнила о печальныхъ опытахъ Буллера при Колензо и Спіонскопѣ, получившихъ въ свое время весьма рѣзкую оцѣнку въ оффиціальныхъ депешахъ лорда Робертса. „Times" первый началъ кампанію, указавъ на важный общественный интересъ, не допускающій назначенія, которое явно не соотвѣтствуетъ способностямъ и качествамъ даннаго лица. Правительство очутилось въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ оно ничѣмъ не могло оправдать сдѣланный шагъ; но самъ Буллеръ помогъ своему начальству поправить дѣло: онъ произнесъ на публичномъ военномъ банкетѣ длинную рѣчь, въ которой отвѣчалъ своимъ противникамъ и спеціально газетѣ „Times" въ тонѣ совершенно невѣроятнаго самохвальства, съ упоминаніями о какихъ-то секретныхъ телеграфныхъ приказахъ, оставленныхъ имъ безъ исполненія, и т. п. Буллеръ прямо заявилъ озадаченнымъ слушателямъ, что въ Англіи нѣтъ болѣе подходящаго и способнаго кандидата на постъ корпуснаго командира, чѣмъ онъ, Буллеръ, и что онъ предлагаетъ редакціи „Times" назвать другое такое лицо, если оно существуетъ; онъ утверждалъ, далѣе, что никто не сравнится съ нимъ по храбрости и мужеству, и что наибольшую неустрашимость онъ доказывалъ именно своими отступленіями, когда у него въ карманѣ были депеши, предписывавшія жертвовать тысячами людей для удержанія занятой позиціи. Нападки газетъ на его личность онъ объясняетъ существованіемъ заговора, о которомъ ему сообщилъ еще въ ноябрѣ прошлаго года нѣкій таинственный международный шпіонъ, совѣтовавшій ему тогда же выйти въ отставку, для избѣжанія непріятныхъ разоблаченій; заговоръ подтвердился тѣмъ, что различныя газеты напали на него въ одинъ и тотъ же день (вслѣдъ за обнародованіемъ приказа объ его новомъ назначеніи). Рѣчь Буллера, напечатанная цѣликомъ въ газетахъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ умственномъ разстройствѣ, и правительству пришлось немедленно уволить его отъ службы, подъ предлогомъ нарушенія военной дисциплины. Только благодаря вмѣшательству независимой и ничѣмъ не стѣсненной печати предупреждены были практическія послѣдствія ошибки, въ которую впало министерство, назначивъ на видную отвѣтственную должность человѣка ненормальнаго. Свобода общественнаго мнѣнія въ Англіи является вѣрнѣйшею гарантіею противъ слабостей и недочетовъ правительственнаго механизма, который нигдѣ въ мірѣ не обладаетъ свойствами непогрѣшимости и всевѣдѣнія; поэтому можно думать, что, вопреки своимъ неудачнымъ министрамъ, англійская нація

выйдетъ изъ современнаго политическаго кризиса безъ серьезнаго ущерба для своего будущаго.

Императоръ Вильгельмъ II представляетъ собою, можно сказать, идеалъ западно-европейскаго „отца отечества“, всеобъемлющаго по своей компетенціи и неутомимаго въ своихъ дѣйствіяхъ и заботахъ; нерѣдко онъ въ одно и то же время совершаетъ сотни разнообразнѣйшихъ дѣлъ для пользы и славы страны, такъ что его вѣрнымъ нѣмецкимъ подданнымъ остается только изумляться и благодарить. Но между его подданными есть и такіе, которые хотятъ сами тоже дѣлать что-нибудь для украшенія отечества, и эти благонамѣренныя попытки обывателей иногда принимаются, по недоразумѣнію, за вмѣшательство въ сферу обычной дѣятельности правителя. На этой почвѣ происходятъ конфликты, огорчающіе и смущающіе всѣхъ добрыхъ нѣмцевъ; особенно много говорятъ въ послѣднее время объ охлажденіи между Вильгельмомъ II и городскимъ управленіемъ Берлина. Казалось бы, какое можетъ быть охлажденіе между могущественнымъ государемъ и скромнымъ населеніемъ его столицы? Однако, взаимное скрытое неудовольствіе безспорно существуетъ, и подобные примѣры уже бывали въ исторіи. Правда, „Кельнская газета“ увѣряетъ, что причины разногласій касаются „мелочей“ и что, въ сущности, императоръ жаждетъ мирнаго единенія съ городскими представителями, хотя и несогласенъ съ ними въ пониманіи художественныхъ потребностей и хозяйственныхъ нуждъ Берлина. Но „мелочи“ могутъ быть и весьма крупными по значенію и послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе когда ими затрогиваются принципіальные вопросы. Выбранный городомъ на постъ оберъ-бургомистра, Киршнеръ не утверждался въ должности больше года, хотя нельзя было представить никакихъ серьезныхъ возраженій противъ его кандидатуры; совѣтникъ ратуши Кауфманъ, выбранный вторымъ бургомистромъ, не удостоился утвержденія изъ-за какихъ-то обстоятельствъ, относившихся къ его прошлой военной службѣ; а когда избиратели вторично назначили Кауфмана, то правительственная власть отказалась доложить объ этомъ выборѣ императору, въ виду прежняго отрицательнаго рѣшенія, сообщеннаго въ свое время городу. Въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ случаяхъ городскіе представители Берлина должны были выслушивать отъ Вильгельма II неожиданные упреки, когда имѣли основаніе разсчитывать на милостивое выраженіе благодарности за усердіе. Вопреки неоднократнымъ ходатайствамъ города, императоръ рѣшительно отказываетъ въ своемъ согласіи на проведеніе городского электрическаго трамвая черезъ улицу „Unter den Linden“, но зато на-

стаиваетъ на сооруженіи роскошныхъ колодцевъ или фонтановъ по выработаннымъ имъ лично проектамъ, которые многимъ кажутся непрактичными и неуклюжими. По словамъ одной изъ консервативныхъ газетъ, единодушіе насчетъ способовъ украшенія столицы „затрудняется повелительнымъ тономъ императорскихъ мнѣній", причемъ даже самые благонадежные городскіе дѣятели вынуждены присоединяться къ оппозиціи, ради огражденія законныхъ правъ самоуправленія.

Для Вильгельма II нѣтъ мелочей; все, къ чему прикоснется его властная личность, становится важнымъ, и выраженная имъ воля не терпитъ разнорѣчій. Воплощая собою старинные типы Гогенцоллерновъ, онъ часто повторяетъ принципы Фридриха-Вильгельма IV, звучащіе какъ-то странно при современныхъ условіяхъ всеобщей свободы слова и печати. Между идеями императора и общественнымъ мнѣніемъ страны чувствуется недостатокъ гармоніи, и это обстоятельство не только не скрывается, но и умышленно подчеркивается, даже когда нѣтъ къ тому внѣшнихъ поводовъ; такъ напримѣръ, при праздновaніи юбилея Вирхова, поднесеніе знаменитому ученому золотой медали отъ имени Вильгельма II,—какъ свидѣтельствуетъ вѣрноподданная „Кельнская газета",—произвело на публику крайне тягостное впечатлѣніе и нарушило общій характеръ чествованія своимъ черезчуръ явнымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительному величію заслугъ юбиляра предъ отечествомъ. Дѣло въ томъ, что германскій императоръ руководствуется своими опредѣленными вкусами и въ наукѣ; во время гаагской конференціи онъ превознесъ почему-то бездарнаго мюнхенскаго профессора, барона Штенгеля, и послалъ его уполномоченнымъ въ Гаагу, а теперь онъ внезапно прославилъ малоизвѣстнаго ученаго, Мартина Шпана, своимъ восторженнымъ оффиціальнымъ отзывомъ по поводу назначенія его профессоромъ исторіи въ Страсбургѣ.

„Berliner Tageblatt" приводитъ изъ журнала „Zeit" любопытную статью Фридриха Науманна, убѣжденнаго приверженца и проповѣдника тѣснаго союза между монархіею и соціальною демократіею,—человѣка, котораго никто не заподозритъ въ недостаткѣ преданности и уваженія къ особѣ императора Вильгельма II. „Императоръ дѣлаетъ все,—пишетъ Науманнъ:—императоръ даетъ университету профессора Шпана; онъ составляетъ проекты художественныхъ сооруженій; онъ не только верховный военный вождь, высшій руководитель иностранной политики, верховный покровитель промышленности, торговли и земледѣлія, верховный епископъ евангелической прусской церкви, но и верховный руководитель наукъ и верховный цѣнитель искусствъ. Къ его ногамъ преклоняются Марсъ, Аѳина, Посейдонъ, Аполлонъ и всѣ музы. Онъ имѣетъ время для всѣхъ областей и превращаетъ всѣ другія высшія управленія въ простые исполнительные

органы. Изъ прошлаго вспоминается французское изреченіе: „l'état c'est moi!" Но это заключаетъ въ себѣ огромную опасность. Никто не скажетъ, что мы недостаточно проникнуты имперскими чувствами. Мы считаемъ „вѣкъ Вильгельма II" необходимостью, но въ этотъ вѣкъ не должна быть подорвана всякая другая правительственная сила въ нѣмецкомъ народѣ. Императоръ олицетворяетъ цѣлую націю въ ея міровыхъ отношеніяхъ; для этого народъ довѣрчиво даетъ ему людей и деньги. Но на университеты и городскія управленія давались до сихъ поръ средства не для того, чтобы господствовала только одна воля. Если бы даже императоръ былъ по существу правъ при оцѣнкѣ фонтана и господина Шпана,—что̀ возможно, но не доказано,—то во всякомъ случаѣ власть его много теряетъ отъ напряженія своего авторитета для малыхъ и спорныхъ дѣлъ". „Berliner Tageblatt" прибавляетъ отъ себя, что этотъ откровенно высказанный взглядъ пастора Науманна раздѣляется всѣми политически-зрѣлыми людьми въ Германіи. Но никакъ не слѣдуетъ изъ всего этого заключать, что въ Германіи наступаетъ смутное время, или власть правительства находится тамъ въ опасности; наоборотъ, изъ одного того, что подобные вопросы свободно обсуждаются въ нѣмецкой печати, можно видѣть, что неудобства, зависящія отъ личнаго темперамента Вильгельма II, тамъ не представляютъ никакой опасности для внутренняго развитія и процвѣтанія германской націи.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ ВЪ ЗАЩИТУ ДѢТЕЙ

Замѣтка.

Однимъ изъ знаменій нашего времени, однимъ изъ живыхъ вопросовъ, привлекающихъ умы современныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ, является забота о дѣтяхъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, выражающаяся въ устраненіи вредныхъ условій, окружающихъ дѣтство, въ изысканіи способовъ борьбы съ ними и въ стремленіи создать здоровое, нормальное и сильное поколѣніе.

Это движеніе въ пользу дѣтей начало такъ сильно возбуждать интересы и симпатіи во всѣхъ культурныхъ странахъ, а самое стремленіе отдѣльныхъ лицъ и спеціальныхъ обществъ—слиться въ одну коллективную силу—такъ назрѣло, что явилась необходимость въ объединеніи силъ, преслѣдующихъ одну изъ высшихъ задачъ человѣчества, потребовался обмѣнъ мыслей со стороны представителей различныхъ національностей—для выработки одного общаго плана дѣйствій для достиженія одной общей цѣли. Этой потребностью нужно объяснить возникновеніе въ послѣднее время международныхъ конгрессовъ, спеціально посвященныхъ интересамъ дѣтей. Первый конгрессъ созванъ былъ въ октябрѣ 1896 года во Флоренціи, по иниціативѣ флорентійскаго всеобщаго союза въ пользу дѣтей, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго филантропа, барона Scander dei Levi. Вопросы, занимавшіе первый конгрессъ, заключались въ обсужденіи способовъ улучшенія физическаго, нравственнаго, умственнаго и экономическаго положенія дѣтей и въ разсмотрѣніи практическихъ способовъ объединенія всѣхъ обществъ и учрежденій, преслѣдующихъ интересы дѣтства. Для этой цѣли постановлено созывать конгрессъ каждые три года. Второй конгрессъ „во имя любви къ дѣтямъ“ состоялся въ 1899 г. осенью (съ 31-го августа по 6-е сентября), въ столицѣ Венгріи, Будапештѣ.

I.

Цѣли, которыя преслѣдовалъ этотъ послѣдній конгрессъ, заключались въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ: охрана дѣтей (до 16 лѣтъ), какъ въ семьѣ, такъ и въ общественной средѣ, отъ всѣхъ вредныхъ условій, вліяющихъ на физическое, умственное и нравственное раз-

витіе ихъ; возбужденіе въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ особеннаго и живого интереса къ вопросамъ воспитанія дѣтей, какъ принципу благосостоянія будущихъ поколѣній, и проведеніе ряда реформъ въ общественную, семейную и учебную жизнь дѣтей, направленныхъ къ улучшенію ихъ быта и имѣющихъ въ основѣ любовь къ дѣтямъ.

Соотвѣтственно этой широкой программѣ, выработанной организаціоннымъ комитетомъ конгресса, онъ подраздѣлялся на нѣсколько секцій: медицинскую, юридическую, педагогическую, благотворительную и филантропическую. Членами конгресса могли быть всѣ лица, которымъ близки и дороги интересы дѣтей. Оффиціальнымъ языкомъ служилъ французскій языкъ, на которомъ печатались всѣ бюллетени, но для докладовъ и преній допускался также и венгерскій языкъ, причемъ предсѣдатели секцій сообщали вкратцѣ переводъ. Конгрессъ состоялъ подъ высочайшимъ покровительствомъ эрцгерцога Іосифа и подъ предсѣдательствомъ извѣстныхъ венгерскихъ дѣятелей, С. Раковскаго и графа Телеши.

Переходя къ изложенію сущности вопросовъ, обсуждавшихся на секціяхъ конгресса, мы должны остановиться главнымъ образомъ на секціи общественной медицины и гигіены, какъ представлявшей наибольшій интересъ. Въ вступительной рѣчи, при открытіи медицинской секціи, профессоръ Бокай развилъ именно ту мысль, что первоначальная забота о дѣтяхъ, какъ общества, такъ и государства, была посвящена исключительно *больному* ребенку; всѣ другія отрасли попеченія о дѣтяхъ возникли впослѣдствіи, на основаніи требованій гигіены и медицины.

Изъ многочисленныхъ докладовъ, обсуждавшихся на медицинской секціи, засѣданія которой происходили подъ предсѣдательствомъ профессоровъ Бокая, Багинскаго, Кончетти, Галати и докторовъ Зонтага, Генерзиша и Шабановой, главные были посвящены слѣдующимъ вопросамъ: смертности дѣтей, борьбѣ съ алкоголизмомъ и туберкулезомъ, предупрежденію заразныхъ болѣзней, попеченію о хронически больныхъ дѣтяхъ, значенію приморскихъ санаторій, уходу за дѣтьми до рожденія ихъ на свѣтъ, гигіенѣ школы и мн. др.

Одинъ изъ первыхъ докладовъ былъ сдѣланъ профессоромъ дѣтскихъ болѣзней въ Будапештѣ, д-мъ Бокаемъ, о профилактикѣ коклюша. Указавъ на серьезное значеніе этихъ болѣзней, въ виду частаго осложненія ея бугорчаткой, на значительную смертность, на сильную заразительность и на недостаточно серьезное отношеніе къ ней публики, профессоръ Бокай настаивалъ на строгой изоляціи дѣтей, больныхъ коклюшемъ, на воспрещеніи имъ посѣщать школы, ясли, общественные сады и курорты, и на необходимости учрежденія

спеціальныхъ загородныхъ лечебницъ для подобныхъ больныхъ, гдѣ леченіе воздухомъ (cure d'air) практиковалось бы въ широкихъ размѣрахъ.

Профессоръ римскаго университета, Кончетти, утверждая, что одной изъ причинъ значительной смертности дѣтей служитъ незнакомство большинства врачей съ дѣтскими болѣзнями и гигіеной дѣтей, проводилъ въ своемъ докладѣ мысль объ обязательной каѳедрѣ и клиникѣ дѣтскихъ болѣзней при каждомъ университетѣ и о необходимости назначать врачами при школахъ, пріютахъ, дѣтскихъ общинахъ только тѣхъ, которые прошли спеціальный курсъ по дѣтскимъ болѣзнямъ и сдали соотвѣтственный экзаменъ.

Изъ статистическихъ данныхъ, приведенныхъ д-мъ Тиррингомъ о смертности дѣтей въ Будапештѣ, выяснилось, что въ послѣднее время она значительно уменьшилась. Прежде, 25 лѣтъ тому назадъ, умирало 49 изъ 100, въ настоящее время—только 26 изъ 100. Это уменьшеніе (почти на половину) % смертности наблюдается главнымъ образомъ у евреевъ, всего меньше у католиковъ, середину занимаютъ протестанты. Что же касается до кварталовъ, населенныхъ самымъ бѣднымъ классомъ народа, тамъ % смертности остался неизмѣненнымъ, падая преимущественно на дѣтей незаконнорожденныхъ, покидаемыхъ матерями для промысла кормилицы и отдаваемыхъ на воспитаніе.

Ежегодно отъ 1.500 до 2.000 дѣтей доставляются въ городской комитетъ и отправляются въ провинціи, гдѣ, вслѣдствіе отсутствія серьезнаго и дѣйствительнаго контроля надъ ихъ питаніемъ и заболѣваемостью, они погибаютъ массами. Для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ необходимы, по мнѣнію докладчика, совмѣстныя усилія государства и общества для устройства спеціальныхъ учрежденій для дѣтей, подъ строгимъ наблюденіемъ врачей, а также необходима и реформа законоположеній общественной гигіены. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время, несмотря на сильный приростъ народонаселенія, количество умирающихъ ежегодно дѣтей не представляется увеличеннымъ сравнительно съ прошлымъ 25-лѣтіемъ, и ежегодное спасеніе отъ 4.000 до 5.000 дѣтскихъ жизней есть результатъ болѣе серьезнаго отношенія общинъ къ этому вопросу.

Д-ръ Эрёсъ настоятельно требовалъ устройства спеціальныхъ больницъ для новорожденныхъ и грудныхъ дѣтей бѣднаго класса, въ виду особенностей организма и тѣхъ спеціальныхъ требованій, которыя предъявляютъ новорожденныя, сравнительно съ дѣтьми старшаго возраста. Питаніе дѣтей должно быть грудью матери, платной кормилицей или, при невозможности того и другого, искусственное. Дѣти искусственно вскармливаемыя, въ виду ихъ бо̀льшей заболѣваемости, должны помѣщаться отдѣльно отъ дѣтей, воспитываемыхъ на груди.

Больницы подобныя должны быть устроиваемы при соблюденіи самыхъ точныхъ указаній гигіены, всего лучше за городомъ, и находиться въ связи съ тѣми учрежденіями, куда дѣти должны быть отправляемы по выздоровленіи.

Нѣсколько докладовъ было посвящено охранѣ дѣтей до ихъ появленія на свѣтъ, въ виду тѣхъ опасностей, которымъ такъ часто подвергается зародышъ (врожденныя и инфекціонныя болѣзни, выкидышъ, преждевременные роды и др.). Такого рода пагубныя вліянія находятся бóльшей частью въ связи съ профессіональнымъ трудомъ матери, съ наслѣдственными болѣзнями родителей, съ преступными дѣйствіями, съ нарушеніемъ режима беременности, а также обусловливаются нерѣдко суевѣріями, различными предразсудками и невѣжествомъ.

Какія же мѣры слѣдуетъ предпринять? По общему мнѣнію докладчиковъ на эту тему, должны быть приняты слѣдующія мѣры: борьба съ наслѣдственностью (воспрещеніе браковъ между подобными больными); забота о беременныхъ женщинахъ (работа на фабрикахъ должна допускаться для нихъ лишь съ разрѣшенія врача), предупрежденіе выкидышей, помощью законныхъ и общественныхъ мѣропріятій (заботой о незаконнорожденныхъ), регулированіе нормы труда рабочихъ женщинъ, учрежденіе родильныхъ пріютовъ и распространеніе путемъ печати необходимыхъ свѣдѣній о гигіенѣ беременности, родильнаго періода и объ уходѣ за новорожденными.

По мнѣнію д-ра Фарага, смертность и болѣзненность дѣтей находятся въ исключительной зависимости отъ соціальнаго и экономическаго положенія родителей. Всѣ предлагавшіяся и практиковавшіяся до сихъ поръ мѣры и усилія благотворительности потому безсильны, что не касаются корня вещей; только улучшеніемъ экономическаго положенія родителей и измѣненіемъ условій ихъ жизни государство и общество могутъ оказать могущественную защиту жизни и вообще здоровью дѣтей.

Что касается до положенія подкинутыхъ дѣтей, то въ Венгріи существуетъ законъ, по которому государство обязано содержать и воспитывать ихъ до *семилѣтняго* возраста, послѣ чего они передаются на попеченіе общинъ.

Въ виду того, что недоношенныя дѣти даютъ самый большой процентъ смертности въ родильныхъ домахъ, д-ръ Дейтисъ, разсмотрѣвъ подробно требованія ухода за этими дѣтьми, настаивалъ на устройствѣ спеціальныхъ отдѣленій для нихъ, съ особымъ персоналомъ врачей и нянь, при соблюденіи самыхъ строгихъ правилъ наблюденія, ухода и питанія дѣтей.

По мнѣнію д-ра Политцера, для сохраненія въ живыхъ массы дѣ-

тей, умирающихъ на первомъ году, вслѣдствіе дурного питанія и недостаточнаго ухода, необходимы слѣдующія мѣры: 1) учрежденіе общества (подобно созданному французскимъ профессоромъ Cadet de Gassicourd) съ цѣлью пропаганды о необходимости кормленія дѣтей молокомъ матери; 2) основаніе пріютовъ для кормящихъ матерей съ дѣтьми (на подобіе основаннаго профессоромъ Зольтманомъ въ Gröbschen); 3) яслей для смѣшаннаго кормленія,—груднымъ и коровьимъ молокомъ; 4) спеціальныхъ больницъ для больныхъ дѣтей грудного періода, и 5) широкая популяризація основъ дѣтской гигіены въ публикѣ. Въ этихъ предложеніямъ формулированы главнымъ образомъ всѣ способы, принятые большинствомъ секцій, какъ наиболѣе соотвѣтственные для борьбы со смертностью дѣтей, составляющей такой тревожный вопросъ для всѣхъ государствъ и грозящей—въ нѣкоторыхъ—уменьшеніемъ народонаселенія.

Заканчивая резюмé докладовъ о смертности дѣтей, мы должны упомянуть о предложеніи профессора Бидерта; въ виду необходимости поставить на научную почву вопросъ о лучшемъ способѣ искусственнаго кормленія дѣтей, хотя и представляющій обширную литературу, но до сихъ поръ еще не рѣшенный,—онъ въ своемъ докладѣ проводитъ мысль о состоятельности (съ точки зрѣнія научной и гуманитарной) учрежденія экспериментальнаго института для этой важной цѣли.

II.

Не менѣе интереса представлялъ вопросъ объ алкоголизмѣ у дѣтей, которому на конгрессѣ было посвящено не мало докладовъ (д-ровъ Кенде, Грота, Чиласъ и др.). Вотъ ихъ сущность: у дѣтей наблюдается острый и хроническій алкоголизмъ. При первомъ, встрѣчающемся рѣже хроническаго, дѣти обнаруживаютъ симптомы сильнаго возбужденія, страдаютъ безсонницей, повышенной раздражительностью нервной системы и припадками судорогъ. То же наблюдается у грудныхъ дѣтей при употребленіи кормилицами спиртныхъ напитковъ.

Послѣдствіями хроническаго алкоголизма у дѣтей являются: хроническія разстройства пищеваренія (диспепсіи), циррозъ печени, эпилепсія, пляска св. Витта, ослабленіе умственныхъ способностей, неврастенія и различные психозы. Причинами развитія пьянства у дѣтей служатъ наслѣдственность и примѣры окружающихъ.

Борьба съ маленькими привычными алкоголиками весьма трудна, такъ какъ большею частью они—потомки родителей-пьяницъ и страдаютъ роковымъ наслѣдственнымъ недугомъ. Въ виду такого вреднаго вліянія спиртныхъ напитковъ на дѣтскій организмъ, они должны быть

совершенно изъяты изъ употребленія дѣтьми, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, по назначенію врачей, и то лишь при угрожающей слабости сердца. Педагоги и врачи должны совмѣстными усиліями бороться съ этимъ зломъ, путемъ вліянія на родителей и дѣтей, и распространеніемъ свѣдѣній о вредѣ алкоголя на здоровье.

Соединяя выводы изъ докладовъ всѣхъ секцій о вредѣ спиртныхъ напитковъ для юношества, среди котораго уже обнаруживаются признаки физическаго и психическаго вырожденія подъ вліяніемъ алкоголя,—конгрессъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: борьба съ этимъ зломъ обязательна, но средства для борьбы должны имѣть предупреждающій, но отнюдь не репрессивный характеръ. Въ виду этого желательно: устроивать пріюты для помѣщенія дѣтей изъ семей алкоголиковъ; обязать школьныхъ учителей наблюдать за развитіемъ этого порока въ школахъ; распространять брошюры извѣстныхъ авторовъ по этому предмету (Ричардсона, Фрика и др.); основывать общества трезвости, во главѣ которыхъ должны стоять врачи и школьные учителя; преслѣдовать законнымъ путемъ виноторговцевъ, отпускающихъ дѣтямъ спиртные напитки; учреждать для молодыхъ людей, окончившихъ школу, особыя общества, которыя должны имѣть цѣлью доставленіе юношамъ полезныхъ развлеченій и различныхъ удовольствій, отвлекая ихъ отъ посѣщенія кабаковъ и ресторановъ. Въ проведеніи въ жизнь этихъ мѣръ должны совмѣстно работать и врачи, и юристы, и педагоги и филантропы.

III.

Вопросъ о переутомленіи учащихся въ школахъ, и изслѣдованіе причинъ его, обсуждались весьма разносторонне какъ на медицинской, такъ и на педагогической секціи.

Признавая, что вредныя вліянія школы на дѣтей находятся въ тѣсной связи съ недостаткомъ воздуха (тѣснотой помѣщенія), нецѣлесообразной школьной мебелью, плохимъ освѣщеніемъ (причиняющимъ близорукость) и дурной вентиляціею, а также усидчивыми занятіями, малымъ количествомъ отдыха и сна, обремененіемъ памяти и строгостью дисциплины,—конгрессъ нашелъ необходимымъ: обратить особое вниманіе на устройство школъ съ образцовой вентиляціей и цѣлесообразной школьной мебелью, увеличить каникулярный отдыхъ для маленькихъ школьниковъ, прерывать классныя занятія физическими упражненіями, играми на свѣжемъ воздухѣ и купаньемъ (лѣтомъ); чаще изслѣдовать остроту зрѣнія учениковъ и принимать мѣры противъ развитія близорукости; учредить особыя зуболечебныя заведенія для дѣтей бѣдныхъ классовъ въ предупрежденіе развитія косто-

ѣды, такъ часто встрѣчающейся въ школьномъ возрастѣ, сократить количество уроковъ, сдѣлать преподаваніе болѣе живымъ и увлекательнымъ, увеличить содержаніе учителямъ, привлекать большее количество женщинъ къ педагогической дѣятельности и придать широкую организацію устройству школьныхъ дачъ для бѣдныхъ и слабыхъ учениковъ. По поводу послѣдняго постановленія интересно отмѣтить, что въ Венгріи существуетъ „общество школьныхъ дачъ", дѣйствующее уже 17 лѣтъ; за послѣдній отчетный годъ общество помѣстило въ 15-ти школьныхъ дачахъ, устроенныхъ въ деревняхъ, около 6.000 дѣтей.

Недавно учрежденное въ Будапештѣ общество „друзей дѣтства" снабжаетъ ежегодно тысячу учениковъ безплатными обѣдами, книгами и одеждой. Эти краснорѣчивые факты весьма убѣдительно доказываютъ, какъ велика забота о дѣтяхъ въ этомъ небольшомъ государствѣ.

Въ числѣ революцій педагогической секціи обращаютъ на себя вниманіе требованія обязательнаго введенія въ программу среднихъ школъ, мужскихъ и женскихъ, ознакомленія учащихся съ юридическими правами, существующими въ государствѣ; устройство особыхъ институтовъ для дѣтей, страдающихъ психопатіей, и необходимости строгаго контроля надъ дѣтской литературой и искусствомъ, произведенія которыхъ нерѣдко обнаруживаютъ весьма вредное вліяніе на умственное и нравственное развитіе дѣтей (контроль этотъ долженъ находиться въ рукахъ государства, церкви и общества).

IV.

Большой интересъ представилъ докладъ тюремнаго врача Отвеса о дѣтяхъ-преступникахъ. Располагая громаднымъ матеріаломъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что преступныя дѣти, находившіяся въ тюрьмахъ Будапешта, въ большинствѣ случаевъ (80%) одержимы малокровіемъ, физическими недостатками или аномаліями развитія. Доказано статистикой, что количество преступниковъ до 16-ти лѣтъ постоянно ростетъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ (кромѣ Англіи). Въ виду этого, признано желательнымъ увеличить количество загородныхъ исправительныхъ домовъ, устроенныхъ по типу семейныхъ домовъ, въ которые дѣти могли бы вступать съ 7 лѣтъ, и оставаться до 21 года самый краткій срокъ—3 года), и гдѣ, кромѣ школьнаго образованія, они должны обучаться земледѣлію и сельскому хозяйству, пользуясь хорошимъ питаніемъ и гигіеническою обстановкою. Какую пользу приносятъ хорошо организованные исправительные дома, можно видѣть изъ данныхъ, представленныхъ заведеніемъ Ассодъ, близъ Будапешта:

изъ 100 бывшихъ бродягъ, воришекъ, развращенныхъ дѣтей, 82 вышло изъ заведенія искусными и честными работниками, навсегда оставившими свои порочныя наклонности.

Не были забыты конгрессомъ и дѣти преждевременнаго развитія (enfants précoces), и глухонѣмыя, и дѣти слабоумныя. Для послѣднихъ конгрессъ призналъ необходимымъ устройство спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ въ каждомъ городѣ, имѣющемъ отъ 15 до 20 тысячъ жителей. Юридическая секція, разбиравшая подробно вопросъ о положеніи дѣтей незаконнорожденныхъ и о способахъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія родителей и хозяевъ, высказалась за необходимость полнаго уравненія правъ незаконнорожденныхъ съ законными дѣтьми (постановленіе конгресса) и за необходимость заключенія въ тюрьму или наложенія штрафа на родителей, наносящихъ тѣлесныя поврежденія дѣтямъ или заставляющихъ ихъ просить милостыню, хотя бы и въ формѣ пѣнія, танцевъ передъ публикой, а также за дурное содержаніе ребенка, въ смыслѣ питанія, одежды и воспитанія (предложеніе д-ра Неймана).

V.

Изъ докладовъ, посвященныхъ борьбѣ съ распространеніемъ бугорчатки (д-ра Зонтагъ, Чэго и др.), можно сдѣлать слѣдующіе выводы: бугорчатка у дѣтей представляетъ много особенностей сравнительно со взрослыми; процессъ этотъ весьма распространенъ въ дѣтскомъ возрастѣ и уноситъ массу жертвъ; весьма часто бугорчатка долгое время протекаетъ въ скрытой формѣ, подготовляя въ будущемъ взрывъ; наслѣдственное предрасположеніе играетъ большую роль съ точки зрѣнія предупреждающихъ мѣръ, и нисколько не противорѣчитъ теоріи о заразительности этой болѣзни; входными воротами зараженія служатъ чаще всего дыхательные пути; предрасполагающими моментами къ развитію бугорчатки у дѣтей весьма часто служатъ коклюшъ, корь и оспопрививаніе. Средствами къ борьбѣ должны быть: воспрещеніе заключать браки чахоточнымъ между собою, отдѣленіе дѣтей отъ больныхъ родителей (въ виду излечимости мѣстныхъ формъ бугорчатки) и закаливаніе организма дѣтей; затѣмъ желательны и обязательны: строгій надзоръ за школами, яслями и дѣтскими садами, учрежденіе образцовыхъ молочныхъ фермъ и основаніе санаторій (леченіе климатомъ, бальнеотерапіей) спеціально для дѣтей больныхъ туберкулезомъ.

Не мало докладовъ было посвящено и другимъ конституціональнымъ процессамъ у дѣтей, какъ золотуха и рахитъ (докторовъ Тар-

дея, Шабановой, Политцера и Чэго), угнетающихъ жизненныя силы и способность сопротивленія вреднымъ условіямъ не только настоящихъ, но и будущихъ поколѣній. По статистическимъ даннымъ (докторовъ Cazin и Monti) извѣстно, что 1/10 всѣхъ дѣтей страдаетъ золотушной дискразіей, или врожденной, или пріобрѣтенной. Причинными для развитія золотушной дискразіи моментами служатъ туберкулезъ и сифилисъ родителей и антигигіеническая обстановка дѣтей. Въ виду трудности провести пограничную черту между золотухой и бугорчаткой, необходимо, чтобы судить о распространенности этой болѣзни, основываться на данныхъ о частотѣ бугорчатки у дѣтей, которая, по различнымъ авторитетамъ (Demme, Biedert, Herz), равняется отъ 5% до 11%. Самое интенсивное развитіе золотухи падаетъ на возрастъ отъ 1 до 5 лѣтъ. Доказавъ, на основаніи обширнаго матеріала, весьма полезное дѣйствіе морскихъ купаній при леченіи золотушныхъ формъ у дѣтей, д-ръ Тардей настаивалъ на учрежденіи приморскихъ санаторій, значеніе которыхъ должно быть выяснено обществу, которое, совмѣстно съ государствомъ, обязано посвятить свои силы и средства на устройство подобныхъ лечебныхъ институтовъ. Приморскія санаторіи могутъ быть временныя, для леченія первой и второй стадіи золотухи, и постоянныя—для дѣтей, страдающихъ болѣе тяжелыми формами ея (третій стадіи — мѣстный туберкулезъ); санаторіи должны находиться въ тѣсной связи и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дѣтскими больницами. Къ аналогичному выводу—о благодѣтельномъ вліяніи на хроническіе процессы дѣтей морского воздуха и купаній—пришелъ и д-ръ Чэго, на основаніи опыта, добытаго въ его собственной санаторіи, учрежденной въ Аббаціи, на берегу Адріатическаго моря.

Д-ръ Политцеръ, разобравъ этіологію (причины) англійской болѣзни у дѣтей и доказавъ, что она является или врожденной формой, или обнаруживается весьма рано у дѣтей (размягченіе затылка, незарощеніе родничка), предлагаетъ слѣдующія профилактическія мѣры для борьбы съ этой болѣзнью: врачебное наблюденіе за развитіемъ костной системы у дѣтей съ самаго ранняго возраста; при констатированіи начальныхъ симптомовъ рахита—леченіе воздухомъ, пребываніе на морскомъ берегу, и рядомъ съ гигіеническими мѣрами—назначеніе внутрь фосфора. Сильный сторонникъ леченія рахита по способу проф. Кассовица, докладчикъ рекомендуетъ раннее назначеніе фосфора, какъ лучшее терапевтическое средство для предупрежденія развитія болѣзни, но главнымъ для этого условіемъ считаетъ учрежденіе загородныхъ лечебницъ для рахитиковъ.

Движеніе въ защиту хронически больныхъ дѣтей, возникло и у насъ еще въ 80-хъ годахъ, и первымъ спеціальнымъ учрежденіемъ для нихъ должна

считаться лечебница въ Гатчинѣ, основанная въ 1883 году. Къ сожалѣнію, несмотря на громадную пользу, приносимую существующими у насъ лечебницами, колоніями, школьными дачами и санитарными станціями для бѣдныхъ и больныхъ затяжными процессами дѣтей, приходится сдѣлать выводъ, что Россія, несмотря на богатство и разнообразіе ея климатическихъ и геологическихъ условій, значительно отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ западныхъ государствъ Европы, гдѣ забота о хронически-больныхъ дѣтяхъ весьма быстро прогрессируетъ, и выражается въ широкой организаціи спеціальныхъ учрежденій въ особенности приморскихъ санаторій. Впрочемъ, интересъ и сочувствіе русскаго общества въ пользу забытыхъ до сихъ поръ дѣтей пробужденъ и стоитъ въ настоящее время на болѣе твердой почвѣ, доказательствомъ чему служитъ недавнее открытіе постоянной приморской санаторіи для хронически-больныхъ дѣтей близъ Виндавы, на средства общественной благотворительности.

VI.

Кромѣ докладовъ для ознакомленіи конгрессистовъ съ практическими успѣхами современной гигіены дѣтскаго возраста, организаціонный комитетъ конгресса устроилъ выставку, представлявшую значительный интересъ. Сверхъ моделей образцовыхъ школъ, дѣтскихъ садовъ, больницъ, пріютовъ, демонстрировались таблицы, графически изображавшія результаты дѣятельности различныхъ учрежденій, а также издѣлія и работы дѣтей исправительныхъ домовъ. Одно изъ отдѣленій выставки, носившее названіе: „молоко матери принадлежитъ ея ребенку“—представляло коллекцію (собранную проф. Бокаемъ) аппаратовѣ для искусственнаго выкармливанія дѣтей, употреблявшихся со времени глубокой древности и кончая современными биберонами. Интересно замѣтить, что прежніе рожки для кормленія отличались незначительной величиной и, назначаясь для разовой порціи, содержали, очевидно, молоко цѣльное, не разведенное. Кромѣ мѣстныхъ издѣлій по гигіенѣ дѣтей, выставка заключала въ себѣ много экспонатовъ изъ Америки, Англіи и Германіи, представившихъ образцы гигіенической одежды, обуви и др. предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ гигіенѣ дѣтей.

Въ заключительномъ собраніи послѣдняго конгресса, по прочтеніи резолюцій всѣхъ секцій и постановленій конгресса, предсѣдатель его, С. Раковскій, объявилъ, что идея всѣхъ друзей дѣтства объ учрежденіи всемірнаго союза для защиты дѣтей можетъ считаться осуществленною, и предложилъ избрать постоянный центральный комитетъ международныхъ конгрессовъ въ защиту дѣтей,—что̀ и было принято. Слѣдующій

конгрессъ былъ назначенъ въ 1902 году, въ Лондон
желать, чтобы этотъ будущій конгрессъ былъ такъ же .
ванъ, какъ предъидущій въ Будапештѣ, гдѣ царилъ образцовый порядокъ и особая заботливость объ иностранцахъ. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что, въ противоположность обычаю всѣхъ конгрессовъ, конгрессъ въ Будапештѣ не представлялъ ни пировъ, ни баловъ, ни увеселительныхъ поѣздокъ. Въ свободное отъ засѣданій время, члены конгресса осматривали, подъ руководствомъ мѣстныхъ компетентныхъ лицъ, всѣ интересныя учрежденія: больницы, заведенія для глухонѣмыхъ, исправительные пріюты, школы (прекрасно обставленныя въ Будапештѣ), и достопримѣчательности стариннаго красиваго города...

А. Шабанова.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1901.

— Собраніе сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева. Томъ I (1873—1877). Томъ II (1878—1880). Спб. (1901). Изданіе товарищества „Общественная Польза“.

Изданіе сочиненій Вл. С. Соловьева безъ сомнѣнія встрѣчено будетъ съ великимъ интересомъ: это—послѣдній памятникъ, который долженъ сохранить богатую и разнообразную дѣятельность замѣчательнаго русскаго писателя. Вл. С. Соловьевъ представлялъ такое рѣдкое соединеніе литературныхъ дарованій, что трудно указать въ нашей литературѣ другой примѣръ такой силы философской мысли, такихъ обширныхъ знаній, яснаго, богатаго стиля, поэтическаго настроенія, блестящаго остроумія. Привлекательныя черты личнаго характера останутся, конечно, только въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастливую возможность знать его болѣе или менѣе близко. Безвременная смерть Соловьева, тяжело поразившая его многочисленныхъ и разнообразныхъ друзей, означила и великую утрату для нашей литературы: она застигла его въ полномъ разгарѣ его дѣятельности, и между прочимъ прервала его монументальный трудъ, переводъ Платона... Собраніе сочиненій должно по крайней мѣрѣ объединить все, что сдѣлано было Соловьевымъ.

Планъ изданія слѣдующимъ образомъ изложенъ въ предисловіи Мих. С. Соловьева:

„Въ предлагаемое собраніе сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева войдутъ по возможности всѣ его оригинальныя произведенія, за исключеніемъ стихотвореній и повѣсти. Что касается порядка ихъ, то придерживаться исключительно хронологическаго, или исключительно систематическаго мнѣ показалось неудобнымъ. Порядокъ, на которомъ я остановился, соотвѣтствуетъ, какъ мнѣ кажется, духовной эволюціи, пережитой авторомъ. Согласно послѣдней, въ первые два тома вошли философскія сочиненія перваго періода (1873—1880), въ третій—богословскія (1877—1884), въ четвертый—сочиненія, въ ко-

торыхъ центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о Це
въ пятый—„Національный вопросъ въ Россіи" и
ческія произведенія (1883—1897), въ шестой, са
по содержанію—сочиненія историческаго характе
тика (1886—1897), въ седьмой—нравственная фило
въ восьмой и послѣдній—философскія и другія со
лѣтъ (1897—1900), отличающіяся общимъ особым

„Само собою разумѣется, что обозначенія: фи
скія, публицистическія сочиненія—въ значительно
тому что всякій, знакомый съ сочиненіями Влади
гласится съ тѣмъ, что въ большинствѣ изъ нихъ
скій, богословскій и публицистическій не отдѣлимы
и что основаніемъ для ихъ раздѣленія долженъ
ресъ или то общее настроеніе, которыя являлис
въ извѣстный періодъ времени, иногда на ряду с
гими интересами и вопросами, или сохранившими
періода, или знаменующими собою новый, послѣду
почему и слѣдовало, какъ мнѣ кажется, иногда о
наго систематическаго порядка и соединять вмѣс
димому весьма разнородныя.

„Первый томъ начинается юношескимъ произ
гическій процессъ въ древнемъ язычествѣ" и зак
скими началами цѣльнаго знанія", сочиненіемъ к
нымъ и мало извѣстнымъ публикѣ, но очень важ
стики всего міровоззрѣнія Соловьева".

Въ этомъ планѣ намъ не совсѣмъ понятно
„стихотвореній" и „повѣсти". Первыя могли отс
основаніи, что еще находятся въ продажѣ и,
послѣднее ихъ изданіе, сдѣланное самимъ авторо
нія не должны отсутствовать въ „собраніи сочин
характерныхъ сторонъ дѣятельности писателя, и
истощится, онѣ должны бы явиться какъ особы
вмѣстѣ съ тѣмъ не должна отсутствовать и „пов
также, что въ особый отдѣлъ войдутъ и извѣстн
веденія Вл. С. Соловьева, которыя опять полож
въ „собраніи", потому что въ нихъ сказалась ещ
чавшая писателя и чрезвычайно привлекательна
всѣхъ, его близко знавшихъ)—рѣдкое, оригинальн

Отъ „собранія" читатели Соловьева въ прав
еще одного—біографіи, личной и литературной.
жайшихъ друзей, тѣмъ болѣе, что біографія то
быть исполнена съ нѣкоторою полнотой и правил

Въ біографіи не должны быть опущены мало извѣстныя подробности его шуточнаго авторства, — по крайней мѣрѣ насколько оно являлось въ печати. Въ планѣ „собранія“ мы не встрѣчаемъ „Бѣлой Лиліи“: неужели это такой грѣхъ, о которомъ надо молчать? Мы слышали (отъ самого писателя) о другихъ его произведеніяхъ подобнаго рода; слышали также о нѣкоторомъ его участіи въ романѣ Писемскаго „Масоны“, для котораго имъ сообщены были нѣкоторые эпизоды. Недавно говорилось въ газетахъ о продажѣ автографа этого романа; по автографу (если онъ полонъ) можно было бы видѣть, что̀ могло быть прибавлено Вл. С. Соловьевымъ.

Наконецъ, въ изданіе должны были бы войти предисловія къ переводамъ, сдѣланнымъ подъ его редакціей или его интересовавшимъ. Словомъ, „собраніе“ должно быть, сколько возможно, полнымъ. Трудъ замѣчательнаго писателя оконченъ; и трудъ, и писатель отходятъ въ исторію.

— **Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Имп. Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ. Выпускъ I. 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. Спб. 1901.**

Почтенный братскій кругъ гг. Харузиныхъ какъ бы систематически посвятилъ свои труды изученіямъ въ области этнографіи и антропологіи, особливо по народности русской и инородческой, въ предѣлахъ Россіи. Недавно мы имѣли случай упоминать обширную книгу г. Алексѣя Харузина о Босніи и Герцеговинѣ—съ той же этнографической точки зрѣнія.

Покойный Николай Харузинъ занималъ каѳедру этнографіи въ московскомъ университетѣ, и изданіе его лекцій будетъ желаннымъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу, гдѣ, при громадномъ богатствѣ матеріала и наблюденій чисто детальныхъ, очень мало изслѣдованій общаго характера, установляющихъ самое существо вопроса, предметъ науки и пріемы критики.

„Наука этнографіи—наука новая. Она еще не успѣла завоевать себѣ равноправнаго положенія среди старѣйшихъ сестеръ, и ни цѣли, ни предѣлы ея, ни даже самое названіе ея, еще не опредѣлены вполнѣ и являются спорными: одни ее называютъ этнографіей, другіе—этнологіей, иные считаютъ ее частью антропологіи, или частью исторіи, или наконецъ смѣшиваютъ ее съ соціологіей. Нѣкоторые ученые считаютъ ее наукой естественно-исторической, другіе причисляютъ ее къ общественнымъ наукамъ“... И авторъ старался прежде всего выяснить это положеніе этнографіи среди родственныхъ ей наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ вопросовъ „этнографіи“ ставятся и въ антро-

пологіи, и въ наукахъ соціальныхъ, наконецъ просто въ географіи, и т. д., и нужно разграничить эти смежныя и чрезполосныя области науки по ихъ основному интересу и матеріалу. Кромѣ общей научной важности вопроса, это разъясненіе, въ нашихъ условіяхъ, имѣетъ свое частное, научно-практическое значеніе. Давно уже, и за послѣднее время особенно, у насъ очень распространено этнографическое собираніе: очень важно, чтобы люди, занимающіеся этимъ полезнымъ дѣломъ, имѣли сознательное представленіе о научномъ значеніи доставляемаго ими матеріала,—это можетъ содѣйствовать лучшему исполненію самаго собиранія, указывая запросы изслѣдованія, новые предметы наблюденія и развивая точность этого наблюденія.

Указавши неопредѣлившееся пока значеніе и объемъ науки, Н. Харузинъ счелъ нужнымъ, для разъясненія дѣла, изложить главныя направленія, съ какихъ разбирался этотъ предметъ въ ученой литературѣ, а затѣмъ сдѣлать историческій обзоръ накопленія того матеріала, постепенное умноженіе котораго побудило искать для него научной систематизаціи, что̀ и было началомъ „этнографіи", „этнологіи" и т. д.

Самъ Н. Харузинъ не издалъ своихъ лекцій, и настоящіе издатели возъимѣли прекрасную и здравую мысль сохранить этотъ трудъ для литературы, гдѣ онъ несомнѣнно явится очень полезнымъ руководствомъ. О пріемахъ изданія въ предисловіи сказано слѣдующее: „Лекціи Н. Н. Харузина, подвергаясь, въ связи съ ростомъ литературы, постояннымъ дополненіямъ, не были авторомъ приготовлены къ печати, вслѣдствіе чего онѣ не могли не подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ. Однако, эти измѣненія ни въ чемъ не коснулись существа изложенія и носятъ чисто редакціонный характеръ, отразившійся на внѣшней сторонѣ изложенія. Система лекцій осталась равнымъ образомъ неизмѣненной, и редакторами установлено лишь дѣленіе на главы, вытекавшее, впрочемъ, изъ самаго содержанія текста. Редакторы не считали нужнымъ подкрѣплять цитаты ссылками" (т.-е. указаніемъ сочиненій и выписками?) „тамъ, гдѣ имя и трудъ цитируемаго автора достаточно извѣстны. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цитаты заимствованы изъ мелкихъ и поэтому малу знакомыхъ читателямъ статей, онѣ помѣчены соотвѣтственными выносками". Послѣднее, пожалуй, правильно: у насъ очень распространена теперь манера выказывать (мнимую) ученость обиліемъ цитатъ, нужныхъ, а больше ненужныхъ,—это нагоняетъ только скуку и отнимаетъ мѣсто.

„Лекціи Н. Н. Харузина,—читаемъ въ томъ же предисловіи,—являются первымъ трудомъ на русскомъ языкѣ, приводящимъ въ систему изученіе этнографическихъ явленій. Одна изъ особенностей, отличающая его отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ ученыхъ, за-

ключается въ введеніи многочисленныхъ фактовъ изъ жизни русскаго племени и нашихъ инородцевъ. Иностранные авторы, плохо вооруженные въ области знанія русской жизни и незнакомые, по незнанію языка, съ нашими литературными источниками, лишь мало, какъ бы попутно, захватываютъ этнографическія данныя Россіи".

Итакъ, мы имѣемъ въ книгѣ Харузина общій курсъ этнографіи, обнимающій всѣ народы земного шара и расположенный по основнымъ сторонамъ быта и культуры и вносящій въ изложеніе также и факты русской жизни. Вышедшій теперь выпускъ обнимаетъ, послѣ общаго введенія, „матеріальную культуру"; послѣдующіе выпуски, приготовленные къ изданію, должны заключать „Семью и родъ", „Собственность и первобытное государство", наконецъ „Вѣрованія".

По неустановленности научныхъ терминовъ, „Этнографія", выработанная Харузинымъ, совпадаетъ, во-первыхъ, съ „антропологіей" и, во-вторыхъ, съ „исторіей культуры". Въ нашей литературѣ есть уже не мало трудовъ переводныхъ, а частію и самостоятельныхъ, по обѣимъ наукамъ: давно переведены Тэйлоръ, Мэнъ, недавно переведены Пешель и Кирхгофъ („Народовѣдѣніе"), Липпертъ („Исторія культуры"), Летурно, Гёрнесъ, Ахелисъ, Вестермаркъ т. д.; тѣ же общіе вопросы излагалъ Петри въ своей „Антропологіи"; „Семья и родъ" составляли предметъ замѣчательныхъ изслѣдованій М. М. Ковалевскаго и т. д. Но тѣмъ болѣе интересна новая русская работа по тѣмъ же вопросамъ, объединенная въ цѣлое; она любопытна и какъ университетскій курсъ, который былъ едва-ли не первымъ въ своемъ родѣ, и дай Богъ, чтобы не былъ послѣднимъ.

— Н. Карѣевъ. Идеалы общаго образованія. Спб. 1901.

Предпринятая реформа нашей средней школы и университета вызвала довольно обширную литературу,—надо сказать, очень пестраго характера. Большинство общества отнеслось къ реформѣ съ великимъ сочувствіемъ, потому что слишкомъ вопіющи были недостатки мнимоклассической школы, основанной и поддержанной гр. Толстымъ и Деляновымъ; немало, однако, было голосовъ, открыто враждебныхъ: отчасти они принадлежали искреннимъ приверженцамъ „классицизма", которые, въ своемъ пристрастіи къ классической системѣ, не видѣли ея нелѣпаго примѣненія въ наличной гимназіи и продолжали защищать послѣднюю съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла; отчасти голоса, возстававшіе противъ реформы, принадлежали прямо обскурантамъ, которымъ ненавистна была всякая школа съ живымъ содержаніемъ, отвѣчающимъ общественному интересу.

Цѣлый вопросъ былъ такъ многозначителенъ, что въ отпоръ обскурантизму не разъ были выставлены истинныя потребности нашей средней и высшей школы, и въ этой сторонѣ литературы, принявшей къ сердцу настоятельныя нужды нашей школы, небольшая книжка г. Карѣева внушаетъ особенное сочувствіе. Почтенный ученый давно заинтересованъ вопросами „общаго образованія", и въ цѣломъ рядѣ книжекъ старался съ одной стороны выяснить ихъ важность, съ другой—приходилъ на помощь юношеству, которое въ пору идеализма и молодыхъ увлеченій искало опредѣлить свое „міровоззрѣніе": „Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи"; „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія"; „Мысли объ основахъ нравственности"; „Мысли о сущности общественной дѣятельности"; „Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса". Нѣкоторыя изъ этихъ книжекъ требовали все новыхъ изданій („Письма" дошли до 7-го изданія)—очевидно, онѣ затрогивали жизненный интересъ учащихся поколѣній. Основою его совѣтовъ были нравственные законы, которыми обязано лицо къ самому себѣ и обществу, опыты университетской жизни и общественныя требованія. Таковы исходные пункты автора и въ его настоящемъ трудѣ. Совершенно справедливо авторъ считаетъ вопросъ школы вообще вопросомъ величайшей важности и для молодыхъ поколѣній, и для общества, и для самого государства: питомцы школы — будущіе дѣятели общества, будущіе слуги государства, и отсюда величайшая важность предпринимаемаго теперь преобразованія. Общій смыслъ вопроса авторъ объясняетъ такъ:

„Система, господствовавшая въ нашихъ главныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, гимназіяхъ, за послѣднія тридцать лѣтъ, осуждена безповоротно, и на смѣну ей идетъ другая, новая, которая пока существуетъ только въ проектѣ, представляющемъ изъ себя самый общій планъ, безъ деталей и безъ болѣе точныхъ указаній на то, что̀ выйдетъ изъ этой новой системы въ дѣйствительной жизни нашей школы. Болѣе подробно и опредѣленно высказалась только печать, но то, что̀ въ ней говорилось, — а говорилось въ ней разное,—имѣетъ значеніе скорѣе для характеристики современной нашей публицистики, нежели будущей нашей школы. Школа будетъ такою, какою создастъ ее даже не самъ новый законъ, а какою ее создастъ сама практика жизни и опять-таки не въ смыслѣ одного выполненія того, что̀ будетъ школѣ предначертано, но и въ смыслѣ вліянія на нее со стороны всей нашей житейской обстановки. Нѣкоторымъ педагогамъ и публицистамъ кажется, что все дѣло въ удачномъ рѣшеніи техническихъ вопросовъ школьнаго преподаванія, т.-е. чему учить, какъ учить и сколько учить, словно дѣло вовсе не касается принципіальныхъ вопросовъ объ отношеніи школьнаго образованія къ внѣшкольному и образованія вообще

къ основнымъ требованіямъ и условіямъ личной и общественной жизни и о взаимныхъ отношеніяхъ науки, какъ главнаго образовательнаго средства, съ одной стороны, и тѣхъ общественныхъ стремленій, которыя проявляются въ различіи національныхъ или партійныхъ міросозерцаній. Мало того: предстоящая Россіи учебная реформа дала поводъ немалому количеству публицистовъ высказаться очень опредѣленно въ смыслѣ превращенія школы изъ орудія духовнаго развитія учащихся въ орудіе для утвержденія тѣхъ или другихъ, симпатичныхъ этимъ публицистамъ идеологій програмнаго характера, безъ достаточнаго, однако, анализа вопросовъ о томъ, чѣмъ должна быть школа по отношенію къ воспитывающемуся въ ней юношеству и какую роль должна въ ней играть наука. Личность ученика можетъ быть для школы или сама въ себѣ цѣлью, или только средствомъ для цѣлей, для этой личности постороннихъ, и соотвѣтственно съ этимъ наукѣ будетъ отводиться та или другая роль, т.-е. или исканія одной истины, или обоснованія предвзятыхъ мнѣній. Кто въ личности учащагося видитъ самостоятельное *я*, въ себѣ самомъ носящее цѣль своего существованія, тотъ не позволитъ себѣ думать, будто школа должна дѣлать что-то другое, а не развивать это духовное *я* учащагося. Только при такомъ взглядѣ на цѣль образованія немыслимо и искушеніе заставить науку, имѣющую свою собственную цѣль въ познаваніи истины, служить чему-то иному, а не этому познаванію истины".

„Образованіе,—говоритъ авторъ далѣе,—какъ и все духовное въ обществѣ, — какъ и религія, и наука, и литература, и искусство, — существуетъ для удовлетворенія извѣстныхъ высшихъ потребностей отдѣльныхъ личностей и въ ихъ лицѣ—всего общества. Не одни родители, дѣти которыхъ учатся въ школахъ, но и всѣ вообще члены общества, обладающіе научнымъ образованіемъ, проникнутые этическимъ настроеніемъ и чувствующіе себя гражданами своего отечества, глубоко заинтересованы вопросами образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ люди, сколько-нибудь понимающіе взаимную связь общественныхъ явленій, не могутъ не видѣть, что вопросы образованія немыслимо рѣшать изолированно, т.-е. внѣ связи съ другими культурными и соціальными вопросами, которые ставитъ передъ обществомъ сама жизнь. Въ этой взаимной связи, существующей между отдѣльными общественными вопросами, есть даже своя логика, оказывающаяся иногда гораздо сильнѣе самыхъ благихъ намѣреній. Куда пойдемъ мы съ предстоящею намъ школьною реформою—покажетъ логика жизни, но во всякомъ случаѣ путь долженъ быть освѣщаемъ логикой мысли. Искусственно устранять послѣднюю отъ всякаго вліянія на жизнь значитъ готовить обществу будущее, полное разнаго рода бѣдствіями.

Образованіе и есть великая общественная сила, потому что только оно воспитываетъ логическую мысль. Но для того, чтобы образованіе могло играть такую роль, необходимы нѣкоторыя общія условія. Выяснить ихъ тѣмъ, которые еще не задумывались надъ принципіальными вопросами, связанными съ дѣломъ образованія, а между тѣмъ не могутъ ими не интересоваться,—и есть задача настоящей книжки".

Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ будущей школы опредѣлится въ особенности „практикой жизни", — но и эта практика будетъ много зависѣть отъ постановки школы въ самомъ законѣ. Не безразлично и опредѣленіе программъ и техническихъ пріемовъ преподаванія—большая разница, будетъ ли центромъ тяжести въ школѣ прежняя мертвая схоластика, или будутъ введены въ программу тѣ новые предметы, которые по самой сущности все-таки ближе къ жизни и могутъ оказать благое дѣйствіе даже при посредственномъ преподаваніи.

Въ самомъ началѣ, авторъ указываетъ, что въ постановкѣ школы первостепенное значеніе имѣетъ то, какая точка зрѣнія ставится при этомъ на первый планъ—личная или общественная: „на общее образованіе мы можемъ смотрѣть какъ на нѣчто нужное прежде всего (и даже, пожалуй, исключительно) самому индивидууму, его получающему, или какъ на нѣчто нужное прежде всего (и даже исключительно) тому обществу, въ которомъ этому индивидууму предназначено жить. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія вполнѣ законна, но каждая, взятая особнякомъ, т.-е. въ своей исключительности, одностороння",—и нужно „найти объединяющую и примиряющую точку зрѣнія, которая позволила бы дать полное и цѣльное рѣшеніе вопроса".

По мнѣнію автора, основа рѣшенія должна быть индивидуалистическая: личность имѣетъ первое право на возможно широкое развитіе индивидуальныхъ данныхъ, и здравое воспитаніе, не нарушающее личнаго достоинства и природныхъ условій и интересовъ лица, доставитъ затѣмъ и самому обществу достойныхъ и полезныхъ ему людей. Этимъ именно устранится обычный раздоръ „отцовъ и дѣтей", причемъ отцы именно стремятся проводить въ воспитаніи общественную точку зрѣнія, т.-е. ставятъ на первый, или исключительный, планъ требованія „общества", какъ они сами ихъ понимаютъ. „Всегда и вездѣ,—говоритъ г. Карѣевъ, — когда „отцы" предъявляютъ образованію тѣ или другія требованія, не какъ родители, а какъ настоящіе и единственно полноправные члены общества, его представители и выразители его интересовъ, ихъ общественная точка зрѣнія на образованіе есть точка зрѣнія старшихъ поколѣній. весьма естественно желающихъ образовать молодыя поколѣнія по образу своему и подобію, но не всегда при этомъ задающихся вопросомъ, какова внутренняя цѣна этого ихъ, т.-е. самихъ „отцовъ", образа и подобія, и

захотятъ ли и обнаружатъ ли еще способность „дѣти“ отлиться въ уготованную для нихъ форму. Чѣмъ выше духовное развитіе общества, т.-е. чѣмъ человѣчнѣе его идеалы и чѣмъ гуманнѣе въ немъ способы педагогическаго воздѣйствія на подростающія поколѣнія, тѣмъ больше шансовъ, что послѣднія сами захотятъ воспріять культурное наслѣдство своихъ отцовъ и обнаружатъ способность къ его усвоенію. Если настоящіе члены общества требуютъ отъ образованія его членовъ не дрессировки въ цѣляхъ, послѣднимъ постороннихъ, а развитія въ нихъ личности, между индивидуалистической и соціальной точками зрѣнія на образованіе нѣтъ и быть не можетъ никакого несовпаденія; но чтобы вездѣ и всегда такъ было, необходимо одно: необходимо проникнуться сознаніемъ—и положить этотъ принципъ въ основу всего педагогическаго дѣла,—что основная цѣль образованія—индивидуальная, а не соціальная, что въ образованіи не должно быть ничего, что̀ ненужно было бы прежде всего самому индивидууму, и что образованіе никогда не дастъ благихъ соціальныхъ результатовъ, если будетъ игнорировать потребности, права и человѣческое достоинство личности во имя какого-либо посторонняго ей интереса, хотя бы послѣдній и могъ въ томъ или другомъ случаѣ назваться общественнымъ“.

Такова исходная точка зрѣнія автора, несомнѣнно правильная. Когда это право личности питомца приносится въ жертву спеціальнымъ цѣлямъ общества или государства, то, при самой лучшей и добросовѣстной постановкѣ школы, становится неизбѣжной извѣстная односторонность, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ лишь къ одному дѣлу и непригоднымъ для другихъ сторонъ общественнаго служенія, съ которымъ ему приведется встрѣчаться въ жизни. Натуры даровитыя могутъ своими силами стать выше такой односторонности, но такія натуры всегда бываютъ только исключеніемъ. Затѣмъ авторъ останавливается на цѣломъ рядѣ другихъ важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣломъ образованія вообще, и важныхъ особенно въ условіяхъ нашей общественности, а именно: общественная школа и личное самообразованіе; общее образованіе разныхъ степеней; общечеловѣческій и національный элементы образованія; наука и политика въ дѣлѣ образованія. Между прочимъ, эти вопросы знакомы автору не только теоретически, изъ педагогической психологіи и исторіи, но и въ ихъ практическихъ проявленіяхъ, которыя могъ онъ наблюдать въ высшей школѣ, въ предпріятіяхъ для цѣлей самообразованія и т. п., и трактаты автора по этимъ предметамъ представляютъ не мало здравыхъ объясненій, которыя могли бы послужить съ большой пользой для дѣятелей школы и для людей общества, особенно теперь, когда рѣшается судьба нашей средней и высшей школы, и многіе не могутъ отдать себѣ яснаго отчета въ существѣ вопроса.

Самъ авторъ, какъ мы видѣли, относится съ большой осторожностью къ тѣмъ ожиданіямъ, какія распространены въ обществѣ: „школа будетъ такою, какою создастъ ее даже не самъ новый законъ, а какою ее создастъ сама практика жизни". Дѣйствительно, практика жизни могущественна, т.-е. возьметъ верхъ весь складъ господствующихъ понятій и нравовъ; самыя лучшія пожеланія могутъ остаться безплодными, если практика жизни ихъ не поддержитъ. Напр., и тѣ убѣжденія, съ какими нашъ авторъ обращается къ обществу, указывая необходимость вниманія къ личной жизни юныхъ поколѣній, эти убѣжденія не новы. Нѣкогда, почти полвѣка назадъ, еще болѣе настойчиво и болѣе краснорѣчиво, ставилъ этотъ самый вопросъ Пироговъ въ знаменитыхъ „Вопросахъ жизни", которые произвели на общество небывалое впечатлѣніе; но впечатлѣніе было и непродолжительно, а главное, оно никакъ не овладѣло тѣми, кто представлялъ собой „практику жизни", и въ результатѣ послѣдней водворилась „классическая система". При самомъ ея введеніи, въ литературѣ высказывались серьезные предостерегающіе голоса,—но они остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не безполезенъ ли и теперь голосъ литературы? Нашъ авторъ какъ будто склоненъ это думать; по словамъ его, то, что̀ говорилось теперь по поводу преобразованія школы, „имѣетъ значеніе скорѣе для характеристики современной нашей публицистики, нежели будущей нашей школы".

Мы не беремся предсказывать будущаго характера преобразованной школы, который создается „практикой жизни", но и не раздѣляемъ недовѣрчивости автора. „Практика жизни" слишкомъ часто не оправдывала ожиданій общества, но литература должна, сколько можетъ, исполнять свой долгъ—содѣйствовать выясненію сложныхъ вопросовъ, въ которыхъ жизненно заинтересовано общество, собирать мысли и опыты, которые переживаются обществомъ и могутъ не находить мѣста въ оффиціальной регистраціи. Все это можетъ не получить, въ данную минуту, оффиціальнаго примѣненія, — но въ концѣ концовъ едва-ли останется потеряннымъ. Предположенный теперь планъ средней школы, по нашему убѣжденію, есть во всякомъ случаѣ благотворное пріобрѣтеніе въ сравненіи съ господствовавшей до сихъ поръ системой, и въ установленіи его несомнѣнно въ значительной степени участвовало, наконецъ, то общественное мнѣніе, которое раньше не въ силахъ было воздержать прежней системы. — А. П.

Въ теченіе октября мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Адельгеймъ, братья.—Первый русскій описательный иллюстрированный Каталогъ почтовыхъ марокъ, съ 2.000 рисунками. 1840—1900 г., съ приложеніемъ филателистическаго словаря. Изд. А. Соколь. Кіевъ. 901.

Алферовъ, А.—Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самопознанія. Публ. лекціи. М. 901. Ц. 20 к.

Андреева, А.—Воскресеніе у гр. Толстого и Г. Ибсена. Опытъ параллельной критики романа „Воскресеніе" и драмы: „Когда мы, мертвые, проснемся". М. 901. Ц. 1 р.

Андреевъ, Леонидъ.—Разсказы. Спб. 901. Ц. 80 коп.

Балабанова, Е.—Марья и Ивонна. Изъ моихъ странствій и приключеній. Съ иллюстр. Спб. 901. Ц. 30 к.

Басанинъ, Маркъ.—Новоселковское кладбище. Романъ. Спб. 901. Ц. 60 к.

Бертранъ, Жоржъ.—Алгебра. 2-я часть. Перев. М. В. Пирожкова. Спб. 901. Ц. 2 р.

Богородицкій, В. А. проф. Казан. унив.—Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Каз. 901. Стр. 313. Ц. 2 р.

——— Психологія поэтическаго творчества. Каз. 900. Стр. 27. Ц. 25 к.

——— Курсъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Тетр. 1, стр. 1—80. Каз. 99. Ц. 60 к.

——— О преподаваніи русскаго языка въ казанской татарской учительской школѣ. Изд. 2. Каз. 99. Ц. 25 к.

Браиловскій, С. К.—По захолустьямъ Приморской Области. Владивост. 901.

Брейтманъ, Г. И. Очерки изъ быта профессіональныхъ преступниковъ. Преступный міръ. Кіевъ. 901. Ц. 85 к.

Буличъ, Н. Н.—Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX-го вѣка. Т. I. Спб. 902. Ц. 2 р.

Бухъ, Левъ.—Основные элементы политической экономіи. Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна. Второе изданіе. Спб. 902. Ц. 2 р.

Бучинскій, П., проф. — Шестнадцатилѣтняя дѣятельность Лекціоннаго Комитета при Новороссійскомъ Обществѣ естествоиспытателей. 1895—1901. Од. 901.

Бѣломоръ, А.—Изъ записной книжки моряка. Разсказы и очерки. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Вергунъ, Д. Н. Червонно-русскіе отзвуки. Львовъ. 901. Ц. 50 к.

Веселовскій, Юр.—Литературный дѣятель героической эпохи. Тифл. 901.

Волконскій, Сергій Григорьевичъ (декабристъ).—Записки. Изданіе князя М. С. Волконскаго. Спб. 901. Ц. 4 р. 50 к.

Горбъ-Ромашкевичъ, Ѳ. К. — Поземельный кадастръ. Ч. II. Варш. 900. Ц. 5 руб.

Городня, В. П.—Война и миръ. Комедія въ 5 д., 6 картин. Спб. 901.

Гротъ, Я. К.—Труды. Т. IV. Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. 1845—1890 гг. Изд. п. р. проф. К. Я. Грота. Спб. 901. Ц. 3 р.

Данилевскій, В. Я., проф.—Изслѣдованія надъ физіологическимъ дѣйствіемъ электричества на разстояніи. Дальнѣйшіе опыты по нейро-электрокинезу. Харьк., 901. Ц. 75 к.

Евзлинъ, З.—Общепонятный отчетъ акціонерныхъ предпріятій и его значеніе въ торгово-промышленной жизни. Къ вопросу объ однообразной формѣ отчетовъ для акціонерныхъ обществъ. Спб. 901. Ц. 75.

К., А.—Разсказы. Харьк. 901. Ц. 50 к.

Кавадеровъ, П. А.—Элегіи и Думы. Стихотворенія. Уфа. 901. Ц. 1 р.

Кайгородовъ, Д.—На разныя тэмы, преимущественно педагогическія. Съ приложеніемъ опыта программы природовѣдѣнія по общежитіямъ природы для средней полосы Россіи. Спб. 900. Ц. 1 р.

Казина (А—ва).—Мысли и Думы. Спб. 901.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга новой исторіи. Съ историч. картинами. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 1 р. 30 к.

——— Идеалы общаго образованія. Спб. 901. Стр. 158. Ц. 50.

Корелинъ, М. С.—Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Спб. 901. Ц. 75 к.

Красинскій, З.—Небожественная комедія. Перев. и вступит. статья А. Курсинскаго. М. 902. Ц. 60 к.

Кузьминъ, Н. И.—Воспоминанія о профессорѣ И. К. Айвазовскомъ. Спб. 901. Ц. 75 к.

Курсинскій, Александръ.—Стихи (1896—1900). М. 902. Ц. 50 к.

Л—въ, Р., и *М—чъ*, Θ.—Рѣшенія съ подробными объясненіями алгебраическихъ задачъ изъ сборника Шапошникова и Вальцова. Общій отдѣлъ. Кіевъ. 901. Ц. 50 к.

Левицкій, Иванъ.—Повѣсти и оповидання. Т. III. Нахоба Невиженa, повѣсть. Зъ портретомъ автора. Кіевъ, 901. Ц. 1 р. 50 к.

Макай, Дж.—Общественныя теченія Запада—конца XIX в. Осужденные въ Чикаго. Съ франц. О. Обломіевскаго и С. Штейнберга. Спб. 901.

Максимовъ, Е. Д.—Происхожденіе нищенства и мѣры борьбы съ нимъ. Спб. 901. Ц. 75 к.

Марковъ, Евгеній.—Учебные годы стараго барчука. Разсказы изъ прошлаго. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Мельгуновъ, С.—1) Карлъ Великій. М. 901. Ц. 8 к. 2) Арабы и Магометъ. М. 901. Ц. 10 к.

Мельшинъ, Д.—Пасынки жизни. Разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

Морозевичъ, І.—Гора Магнитная и ея ближайшія окрестности. Труды Геологич. Ком. т. XVIII, № 1. Спб. 901. Ц. 3 р. 30 к.

Орловић, Павле.—Питанье о Староj Србиjи. Београд. 901.

Осадчій, Т. И.—Общественный бытъ и проекты его улучшенія въ XIX-мъ столѣтіи. М. 902. Ц. 75 к.

Павловичъ, Мих.—Что доказала англо-бурская война? Регулярная армія и милиціи въ современной обстановкѣ. Од. 901. Ц. 20 к.

Паульсенъ, Фр., проф. берл. унив.—Общеобразовательная школа будущаго. Перев. съ нѣм., п. р. проф. К. Поссе. Спб. 901. Ц. 40 к.

Пелисье, Ж.—Критическіе этюды современной литературы. Вторая серія. Съ франц. А. А. Заблоцкаго. М. 901. Ц. 1 р.

Петерсъ, К. Ф.—Популярная минералогія. Съ нѣм. В. И. М. Съ 58 рис. и черт. М. 901. Ц. 80 к.

Петрушевскій, Дм., проф.—Возстаніе Уота Тейлора. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Ч. II. М. 901.

Плетневъ, Алексѣй.—На чужбинѣ и дома. Повѣсти, разсказы, типы и картинки парижской жизни. Статьи и письма издалека. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Покровская, М. И., женщ.-вр.—Вопросы воспитанія. О развитіи душевной энергіи у дѣтей. О воспитаніи цѣломудрія у мальчиковъ. Спб. 902. Ц. 50 к.

Разинъ, С.—Бракъ по „господствующему способу производства", или Кандидъ и Панглоссъ женатые. Фантастическое происшествіе въ 3-хъ д. М. 901.

Рафаловичъ, Сергѣй.—Весенніе ключи. Стихотворенія. Спб. 901. Ц. 1 р.

Риманъ, Г.—Музыкальный словарь. Перев. съ нѣм. В. Юргенсона, п. р. Ю. Энгеля. М. 901. Ц. за 12 выпусковъ—6 руб. Первый, пробный, вып.—40 к.

Роборовскій, В. И.—Труды экспедиціи Имп. Русскаго географическаго Общества по Центральной Азіи въ 1893—95 гг. Ч I, вып. 3. Спб. 901. Ц. за 3 вып. 6 руб.

Рѣдинъ, Е. А.—И. Е. Бецкій и Музей изящныхъ искусствѣ и древностей харьковскаго университета. Харьк. 901.

——— Икона „Недреманное око". Харьк. 901.

——— Значеніе дѣятельности археологическихъ съѣздовъ для науки русской археологіи. Харьк. 901 (брошюра).

Сиверсъ, Е. Е. Общее счетоводство. Спб. 901. Ц. 3 р.

С., Ѳ.—„Больше свѣта"! По поводу статьи: „Евреи въ войскахъ" (Скугаревскій. Очерки и Замѣтки. Вып. 1-й). Вильна. 901. Ц. 35 к.

Семевскій, В. И. — Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. Т. II. Спб. 901. Ц. 5 руб.

Соколовъ, Н.—Марганцовыя руды третичныхъ отложеній Екатеринославской губерніи и окрестностей Кривого-Рога. Съ приложеніемъ карты и фототипической таблицы. Спб. 901. Ц. 1 р. 85 к.

Соловьевъ, Влад. Серг.—Собраніе сочиненій. Т. I (1873—77 гг.); т. II (1878—80 гг.). Спб. 901. Ц. за 8 томовъ, съ 3 портр., 12 рубл. безъ перес.

Стасюлевичъ, М. М.—Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. 2-е изд. Спб. 902. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Струве, Петръ.—Крѣпостная статистика. Изъ этюдовъ о крѣпостномъ хозяйствѣ. Спб. 901.

Сыромятниковъ, С. Н. (Сигма).—Опыты русской мысли. Кн. 1. Спб. 901. Ц. 1 р.

Тарнани, И. К.—Личинка майскаго жука и нѣкоторые изъ ея паразитовъ. Съ 17 рис. Спб. 902. Ц. 10 к.

Тихановъ, Евг.—Учебникъ географіи, примѣненный къ программамъ фельдшерскихъ школъ. Спб. 901. Ц. 1 р.

Фальковскій, Ѳ.—Счастье наше. Совсѣмъ маленькіе разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

——— Семь разсказовъ. Спб. 901. Ц. 1 р.

——— Веселые звуки и другіе маленькіе разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

Франко, Ив.—Въ потѣ лица. Очерки изъ жизни рабочаго люда. Перев. О. Рувимовой и Р. Ольгина. Съ предисл. и п. р. М. Славинскаго. Спб. 901, Ц. 1 р. 50 к.

Хрущовъ, И. П.—Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. Спб. 901. Ц. 2 р. 25 к.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II. вып. XI: 1877—1884. М. 901. Ц. 40 коп.

Черняевъ, Александръ.—Родныя картины. Стихотворенія. Спб. 901. Ц. 40 к.

Шиповъ, Н. Н.—Опытъ приложенія законовъ эволюціи къ изученію причинъ, вліяющихъ на развитіе плода мужского и женскаго пола. Спб. 901.

Шницлеръ, Артуръ.—Трилогія: 1) Парацельсъ; 2) Подруга жизни; 3) Зеленый попугай. Перев. Э. Маттерна. М. 901. Ц. 50 к.

Щетинскій, А.—Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Съ 75 оригин. рис. въ текстѣ. Псковъ, 901. Ц. 1 р. 50 к.

Яблоковъ, Н. В.—Призрѣніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Спб. 901. Ц. 60 к.

Янжулъ, Ив.—Вліяніе погоды на пьянство. Спб. 901.

—— Статистическая оцѣнка добрыхъ и дурныхъ учительскихъ вліяній въ стѣнахъ школы. Харьк. 901.

Novicoff, I.—La fédération de l'Europe. 2-ème éd. Par. 901. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ: № 10. Розмова про сухоты на рогатій худоба, С. Вагановъ. № 11. Выговщына, П. Кулишъ. № 12. Оповидання про Богдана Хмельныцького, М. Комаръ. № 8. Оповидання про Тараса Шевченка, О. Конисьный. № 9. Розмова про сельскохозяйство, Е. Чикаленко. Спб. 901. Ц. 3, 2, 8, 2, 5 к.

— Васильки. Литературно-художественный сборникъ. 50 беллетристич., 20 художеств. и 6 музыкальныхъ произведеній. Спб. 901. Стр. 501. Ц. 3 р.

— Дешевая Библіотека.—№ 330: Нравы русскихъ при Петрѣ В., А. Корниловича.—№ 331: Женщина въ допетровскомъ обществѣ.—№ 332: Петербургъ при Петрѣ III.—№ 333: Черты изъ жизни Екатерины Второй, П. Сумарокова.—№ 334: Философскіе романы Вольтера, въ перев. Соколовскаго, т. I и II. Спб. 901. Ц. по 20 коп.

— Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. 1900—1901 г. П. р. дир. А. I. Степовича. Годъ 6-й. Кіевъ. 901.

— Историческій очеркъ дѣятельности Кадниковскаго земства съ 1869 по 1893 г. Вологда, 900.

— Квасъ, пиво, вино и водка въ санитарныхъ отношеніяхъ. Опытъ изслѣдованія на основаніи данныхъ литературы предмета. Кіевъ. 901.

— Общій Отчетъ Елисаветградской уѣздной земской Управы за 1900 годъ. Елисав. 901.

— Отчетъ о дѣятельности Общества доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ С.-Петербурга за 1900 г. Спб. 901.

— Отчетъ о состояніи училищъ при реформатскихъ церквахъ за 1900—1901 г. Спб. 901.

— Отчетъ по Главному тюремному Управленію за 1899 годъ, Спб. 901.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1900 годъ. Новг. 901.

— Сборникъ справочныхъ свѣдѣній о благотворительности въ Москвѣ. М. 901.

— Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и заграницей. Вып. 1. М. 901.

— Статистико-экономическій обзоръ по Елисаветградскому уѣзду Херсонской губерніи за 1900 годъ. Елисаветгр. 901.

— Труды Коммиссіи по устройству чтеній для учащихся: 1) Донателло. Изъ исторіи итальянскаго искусства XV в., состав. Н. Романовъ. 2) Первый общедоступный театръ въ Россіи, состав. А. Кизеветтеръ. 3) А. Н. Островскій и его дореформенные типы, состав. Ѳ. Нелидовъ. М. 901. Ц. по 20 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henry Fouquier. Philosophie Parisienne. Стр. 366. Paris, 1901.

Анри Фукье—извѣстный французскій журналистъ, въ памяти котораго накопилось много воспоминаній о событіяхъ, волновавшихъ Парижъ въ разное время, о людяхъ, уже забытыхъ въ быстрой смѣнѣ событій и интересовъ столицы, но въ свое время игравшихъ крупную роль. Всѣ эти воспоминанія и связанныя съ ними мысли о французской жизни излагаются въ книгѣ съ многообѣщающимъ заглавіемъ: „Парижская философія“ или, вѣрнѣе, „Философія парижанина“. Въ короткомъ предисловіи Фукье старается прежде всего защитить журнализмъ отъ несправедливыхъ упрековъ въ поверхностности и суетности. Фукьé доказываетъ, что въ наше время постоянныхъ исканій во всѣхъ областяхъ и отрицанія установившихся старыхъ истинъ, нѣтъ болѣе подходящей формы разсужденій, чѣмъ та, которой пользовался Монтэнь въ своихъ „Опытахъ“,—т.-е. бесѣды, не стѣсненной опредѣленнымъ содержаніемъ, но преслѣдующей, при кажущейся пестротѣ, единство и цѣльность основныхъ идей. Этой формѣ соотвѣтствуетъ въ наше время журнализмъ. Въ газетной статьѣ можно выражать мысли, еще не вылившіяся въ догматическія формулы,—болѣе смѣлыя благодаря меньшей отвѣтственности за сказанное. Поэтому журнализмъ и привлекаетъ пытливые умы, и охватываетъ всѣ интересы современной жизни. Онъ учитъ, изслѣдуетъ и предлагаетъ разрѣшенія возникающихъ ежедневно жизненныхъ вопросовъ. Лишь немногіе изъ современныхъ мыслителей и писателей держались совершенно вдали отъ журнализма, а многіе не находили и даже не искали иного пути для распространенія своихъ идей. Даже та поспѣшность, которая кажется величайшимъ зломъ въ дѣятельности журналиста, имѣетъ, по мнѣнію Фукьé, хорошую сторону. „Быстрота работы,— говоритъ онъ,—къ которой насъ вынуждаютъ условія журнализма, необходимость ограничиваться опредѣленнымъ объемомъ статей, заставляютъ болѣе сжато выражать мысли. Если это даже и отражается невыгодно на отдѣланности формы, то самыя мысли становятся зато болѣе живыми въ импровизированной работѣ, болѣе искренними. Задача журналиста—чисто философская: онъ сводитъ къ общимъ отвле-

ченнымъ истинамъ бѣглыя впечатлѣнія, полученныя отъ мимолетныхъ событій дня, и, какъ баснописецъ, выводитъ самостоятельное поученіе изъ факта—не выдуманнаго, а взятаго изъ дѣйствительности. Такимъ образомъ, несмотря на кажущуюся разбросанность случайныхъ сюжетовъ, работа журналиста вовсе не исключаетъ внутренней цѣльности".

Ставя столь высоко задачи журнализма и приравнивая его къ другимъ формамъ философскаго изслѣдованія, Фукьé хочетъ тѣмъ самымъ оправдать самого себя: его книга составлена изъ отдѣльныхъ замѣтокъ и бесѣдъ, написанныхъ изо дня въ день, вызванныхъ различными случайными обстоятельствами и воспоминаніями; но онъ надѣется, что читатель найдетъ въ этихъ пестрыхъ страницахъ общую мысль, или, вѣрнѣе, говоритъ онъ, „надежду на воцареніе справедливости и счастья въ жизни людей". Скромность Фукьé заставляетъ его оправдывать появленіе своей книги не только этими теоретическими доводами, но и ссылкой на своего друга и отчасти учителя, Александра Дюма, который побуждалъ его собрать въ книгѣ затерянныя въ газетахъ статьи. Всѣ эти оправданія дѣлаютъ честь скромности журналиста, но, въ сущности, онъ въ нихъ не нуждается. Книга его интересна сама по себѣ. Для того, кто хочетъ понять психологію современной французской жизни, Фукьé даетъ много цѣннаго матеріала. Онъ говоритъ о людяхъ и событіяхъ, отмѣчающихъ собой нѣчто характерное во французской жизни, и въ общемъ получается въ самомъ дѣлѣ своего рода философія современности. Тонъ отдѣльныхъ очерковъ нѣсколько странный; Фукьé относится ко всему происходящему во Франціи съ елейной благосклонностью, и каждая его статейка начинается съ обращенія къ лицу, о которомъ идетъ рѣчь. Получается нѣчто въ родѣ наставленій, или надгробныхъ рѣчей, когда дѣло идетъ объ умершихъ. Но такъ какъ онъ при этомъ сводитъ всякій частный случай къ общей идеѣ, въ немъ отраженной, то за поученіемъ и наставленіемъ сквозитъ объективная правда.

Въ книгѣ Фукьé отведено много мѣста людямъ уже умершимъ и даже людямъ далекаго историческаго прошлаго, — но только тѣмъ, которые представляютъ интересную аналогію или интересный контрастъ съ современной Франціей. Очень характерна въ этомъ отношеніи небольшая статья о Петроніи, знаменитомъ римскомъ „arbiter elegantiarum" временъ Нерона. Написана статья по поводу прошумѣвшаго во Франціи романа Сенкевича „Quo vadis". Какъ извѣстно, одна изъ самыхъ удачныхъ фигуръ этого романа—Петроній, эстетъ и эпикуреецъ, обладающій твердостью и закаленностью воли истиннаго стоика. Римлянинъ Петроній очень родственъ современному Парижу; его жизнь, его пониманіе нравственнаго долга основаны были на высокомъ развитіи эстетическаго вкуса, на культѣ красоты. Но во имя ея

онъ не только окружалъ себя прекрасными произведеніями искусства и заботился о своемъ тѣлѣ, а стремился также къ внутренней гармоніи, къ красотѣ и цѣльности поступковъ; сохраняя эту выдержанность до конца, онъ съумѣлъ красиво, т.-е. достойно умереть. Въ современной Франціи, какъ и въ Римѣ временъ упадка, главной основой жизни сдѣлался вкусъ. Красиво жить, говорить во всѣхъ случаяхъ жизни красивыя слова, замѣнять искреннее стремленіе къ правдѣ красивымъ жестомъ—развѣ не къ этому сводится вся современная французская культура, вся политическая и общественная жизнь Франціи? Вкусъ изощренъ у современныхъ французовъ до совершенства, о чемъ свидѣтельствуетъ и литература, сосредоточенная на разработкѣ формъ, и рѣчи французскихъ ораторовъ, поражающія своимъ блескомъ, и безконечная изобрѣтательность французовъ въ области модъ, въ изготовленіи предметовъ роскоши. Но въ этомъ одностороннемъ развитіи вкуса — пагуба современныхъ французовъ; въ погонѣ за красивостью они потеряли чутье истинной красоты, которая заключается въ гармоніи внѣшнихъ формъ съ внутреннимъ содержаніемъ. Само содержаніе измельчало, опошлилось. Исчезла искренность, прекратилась творческая работа мысли и совѣсти—осталось лихорадочное стремленіе украшать лицевую сторону храма, чтобы незамѣтно было, что внутренность его разрушена и огонь на жертвенникѣ угасъ. Изощренность вкуса, замѣнившая гармонію красоты—одна изъ основныхъ чертъ современной Франціи, и Фукье съ большимъ чутьемъ отмѣтилъ это въ нѣсколькихъ страницахъ, посвященныхъ Петронію. Объясняя Петронія, „этотъ осенній цвѣтокъ умирающаго греко-римскаго міра“, онъ восхваляетъ въ немъ сочетаніе римскихъ и греческихъ чертъ. „Отъ Рима ты унаслѣдовалъ гордость патриція и мужество стоика, и съ такимъ презрѣніемъ относился къ жизни, что смерть не казалась тебѣ чѣмъ-либо важнымъ; ты умеръ поэтому столь же спокойно, какъ еслибы вѣрилъ въ безсмертіе души. У грековъ ты перенялъ страстную любовь къ красотѣ и искусству, философскій скептицизмъ и недостаточно оцѣненную потомствомъ языческую доброту, менѣе общечеловѣческую и менѣе абсолютную, чѣмъ милосердіе Евангелія, но все-же несомнѣнно проникавшую души великихъ людей античнаго міра. Ты послужилъ человѣчеству тѣмъ, что внесъ нѣжность въ культъ чувственныхъ наслажденій, художественность и тонкость ума—въ жажду удовольствій“. Фукье чувствуетъ близость современной Франціи къ умирающему Риму: „въ нашей дѣйствительности видны нѣкоторыя морщины римской старости“,—говоритъ онъ съ удивительной для француза искренностью. Но можетъ ли распуститься теперь во Франціи такой прекрасный цвѣтокъ, какъ Петроній? Фукье отвѣчаетъ отрицательно на этотъ во-

просъ, и показываетъ, чего недостаетъ французамъ для осуществленія даже родственнаго имъ идеала. При всемъ развитіи эстетическаго вкуса, французамъ недостаетъ качествъ ума и сердца, составлявшихъ величіе „послѣднихъ римлянъ". Французскимъ скептикамъ и утонченнымъ любителямъ искусства недостаетъ нѣжности и выдержки Петронія, который отложилъ добровольную смерть до окончанія пира и до того момента, когда онъ найдетъ le mot de la fin, достойное его ума. Французскіе коллекціонеры могутъ сравниться съ Петроніемъ по твердости и почти непогрѣшимости вкуса; „но смогутъ ли они,—спрашиваетъ Фукье,—восторгаясь красотой твоихъ камей, твоего мирринскаго кубка, разбитаго тобой, чтобы онъ не достался Нерону,—забыть о его стоимости, о цѣнѣ, за него заплаченной, и о той, за которую онъ былъ перепроданъ"? Французскіе любители наслажденій не умѣютъ быть эпикурейцами и въ то же время героями. Въ любви французы нашего времени не умѣютъ сохранять, подобно римлянамъ, гармонію, составляющую тайну красоты. Свободомыслящіе не умѣютъ склонять гордость своего отрицанія передъ вѣрой имъ недоступной. И даже въ царствѣ моды французы не достигаютъ той грандіозной изобрѣтательности, которая отличала римскаго arbiter elegantiarum. „Въ наши дни,—говоритъ Фукье,—умъ, грація и энергія не цвѣтутъ уже болѣе на одной и той же вѣтви. Я ищу тебя, Петроній, и не нахожу,—хотя въ идеалѣ ты наиболѣе близкій и наиболѣе дорогой человѣкъ для современнаго парижскаго Рима". Въ этомъ сравненіи римской эпохи упадка съ современнымъ состояніемъ Франціи вѣрно подмѣчена основная причина безсилія французовъ—отсутствіе душевной полноты, безплодный эстетизмъ.

Продолженіемъ характеристики французской современности является разсужденіе по поводу рѣчи Брюнетьера въ Авиньонѣ. Фукье опять возвращается къ вопросу о различіи греческой и римской культуры; отдавая преимущество эллинизму, слѣды котораго онъ видитъ въ жизни и характерѣ французскаго юга, т.-е. его собственной родины, Прованса, онъ тѣмъ самымъ отрицательно относится къ чисто-французской, т.-е. сѣверной, парижской культурѣ, проникнутой латинскимъ духомъ. Рѣчь Брюнетьера, въ своемъ католическомъ рвеніи пріѣхавшаго посѣтить мѣсто изгнанія папъ, не понравилась провансальцамъ; съ чисто южной экспансивностью они очень шумно высказали свое недовольство, заглушавшее немногочисленныя одобренія сторонниковъ оратора. Фукье доказываетъ, что несправедливо было бы объяснить протестъ авиньонцевъ противъ краснорѣчиваго и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго писателя только тѣмъ, что онъ слыветъ клерикаломъ, и что значительная часть населенія враждебно относится къ приверженцамъ папской власти. Фукье указываетъ на

болѣе серьезныя и основательныя причины недовольства, вызваннаго рѣчью Брюнетьера. Онъ отдаетъ полную справедливость таланту оратора, его методической, строго выдержанной рѣчи, его оригинальнымъ и энергичнымъ словамъ, убѣдительности фактовъ, сгруппированныхъ съ тонкимъ и твердымъ пониманіемъ; но онъ дѣлаетъ оратору серьезный упрекъ, относящійся не къ формѣ, а къ сущности его рѣчи: „Вы отдаете предпочтеніе латинской культурѣ, унижая эллинизмъ,—говоритъ онъ, обращаясь лично къ оратору.—Этого нельзя было дѣлать въ Провансѣ, гдѣ еще до сихъ поръ силенъ греческій духъ, не побѣжденный латинской культурой“. Фукье признаетъ, что Брюнетьеръ вполнѣ вѣрно выяснилъ заслуги латинской культуры, ея организаторскую силу, ея внутреннюю дисциплину, перешедшую по наслѣдству въ католическую церковь. Брюнетьеръ съ большимъ пониманіемъ выяснилъ сущность латинской литературы съ ея дисциплиной ума, съ ея стремленіемъ расширить во всѣ стороны область человѣческаго пониманія. Но всѣмъ этимъ устроительнымъ свойствамъ римской культуры, сохранившимся въ современной французской жизни, Фукье предпочитаетъ эллинизмъ дорогого его сердцу французскаго юга. „Греческій геній несомнѣнно меньше способенъ къ ассимиляціи, въ немъ больше обособленности, больше индивидуальности, и благодаря этому именно онъ и сохранился въ Провансѣ“. Брюнетьеръ недостаточно цѣнитъ эллинизмъ, потому что онъ не соотвѣтствуетъ его пониманію исторіи, его требованіямъ систематики. Платонъ ему кажется только мечтателемъ. Но въ этихъ чертахъ, которыя съ латинской точки зрѣнія кажутся недостатками, Фукье усматриваетъ величайшую творческую силу человѣчества. Недисциплинированность греческаго ума создала то понятіе о свободѣ, которое и римская культура хотѣла только упорядочить, а не уничтожить. Защищая Провансъ и его эллинизмъ, Фукье опять-таки критикуетъ, и очень вѣрно, современную Францію. Провансъ и его стремленіе къ свободѣ духа не играютъ почти никакой роли въ общемъ направленіи французской культуры,—и даже тѣ немногіе выходцы съ юга, которые переселяются въ Парижъ и становятся тамъ общественными дѣятелями, очень быстро теряютъ свою обособленность и подчиняются вліянію парижской атмосферы. Поэтому, всѣ недостатки латинизма такъ сильны въ духовной жизни Франціи. Вся она проникнута римской дисциплиной, т.-е. неискоренимымъ стремленіемъ къ формализму, къ культу формы въ ущербъ внутреннему содержанію. Даже стремленіе къ свободѣ, несомнѣнно существующее во Франціи, ограничивается стремленіемъ къ свободѣ внѣшнихъ рамокъ жизни, къ свободѣ отъ авторитета властей, политической и общественной свободѣ—далеко не связанной съ свободой духа. И такимъ же римскимъ наслѣдіемъ яв-

ляется чисто головной, интеллектуальный характеръ французской жизни, литературы и искусства. Современные французы живутъ головой, головными страстями, любопытствомъ даже въ области чувства и страстей. Имъ недостаетъ стихійнаго чувства свободы—и недостаетъ также греческаго чутья гармоніи, т.-е. естественнаго созиданія красивыхъ формъ, какъ отраженія душевной цѣльности. Даже красоту они выдумываютъ, руководствуясь только своимъ изощреннымъ вкусомъ—а вкусъ есть качество ума, а не сердца.

Параллель между современной Франціей и Римомъ Фукьé продолжаетъ въ статьѣ, обращенной къ Стендалю по поводу извѣстія о землетрясеніи въ Римѣ. Онъ говоритъ, во-первыхъ, о значеніи Рима для Стендаля и представляетъ себѣ, какъ бы Стендаль былъ удрученъ, еслибы землетрясеніе въ самомъ дѣлѣ уничтожило Римъ, подобно тому, какъ былъ разрушенъ Лиссабонъ, и еслибы это случилось при жизни Стендаля. Для Стендаля Римъ былъ неотъемлемой частью его существованія—и такую же важную роль Римъ съ его остатками прошлой культуры играетъ для всей современной Франціи. Но Фукьé доказываетъ, что для Франціи важенъ не тотъ Римъ, который былъ такъ дорогъ Стендалю, т.-е. Римъ папской эпохи, а другой, сохранившійся только въ развалинахъ—Римъ эпохи цезарей. Въ немъ сильнѣе чувствуется аналогія съ судьбами французской дѣйствительности, — въ немъ можно видѣть пророческое указаніе на будущность Франціи. Исторія „Возрожденія“ полна очарованій для любознательности дилеттанта, но въ ней мало поучительнаго для философа и моралиста. Можно восторгаться героями „Возрожденія“, или даже завидовать имъ, но нѣтъ основанія надѣяться или опасаться, что ихъ судьба могла бы повториться въ наше время. Напротивъ того, французы нашего времени имѣютъ полное основаніе чувствовать себя очень близкими къ императорскому Риму эпохи Цезаря. Фукьé доказываетъ, что современной Франціи грозятъ тѣ же опасности, какъ и древнему Риму, потому что причины паденія Рима повторяются во Франціи,—только еще въ увеличенныхъ размѣрахъ. „Какая опасность грозитъ нашему демократическому строю? — спрашиваетъ онъ;—та же, которая погубила Римъ“. Римъ императорской эпохи доказалъ, „что общество можетъ быть блестяще съ виду, обладать искусными художниками, несравненными строителями, изысканными писателями, внѣшнимъ порядкомъ, который сохраняетъ еще его престижъ въ глазахъ всего міра, имѣть храбрыхъ воиновъ и глубокомысленныхъ философовъ,—и все-же утратить главную основу общественной устойчивости и индивидуальнаго счастья. Такой основою можетъ быть исключительно нравственный законъ, признанный всѣми и освященный вѣрой“. Эта язва, подточившая величіе Рима, несомнѣнно

подтачиваетъ и жизнь современной Франціи. Ея изысканная интеллектуальная культура—не покоится ни на религіозной, ни на строго этической основѣ, и потому имѣетъ только внѣшній характеръ. Понятія о Богѣ и о долгѣ совѣсти могутъ быть различны, могутъ ограничиваться рамками церковнаго катехизиса, или же быть провѣренными философской мыслью,—но если они совершенно отсутствуютъ, то культура, какъ бы она ни была нарядна, роковымъ образомъ разлагается. Это подтверждается примѣромъ Рима, представляющимъ грозный урокъ современнымъ парижанамъ. Въ Римѣ, благодаря отсутствію этическихъ и религіозныхъ основъ, развилась жестокость нравовъ, усилилась власть денегъ и общая деморализація. Величественные памятники этой эпохи, Колизей и императорскіе термы, свидѣтельствуютъ только о матеріальномъ могуществѣ, о силѣ и богатствѣ. „Это, — говоритъ Фукьé, —какъ бы огромный алтарь въ храмѣ, воздвигнутомъ народомъ самому себѣ, и въ которомъ онъ не съумѣлъ поставить божество". И отъ всего этого могущества остались только развалины—вотъ назидательный урокъ, который древній Римъ даетъ торжествующему нынѣ въ своемъ внѣшнемъ великолѣпіи Парижу.

Экскурсіи въ область исторіи, которыя онъ дѣлаетъ по разнымъ случайнымъ поводамъ, выясняютъ взглядъ Фукьé на основы современной французской жизни. Въ другихъ статьяхъ, обращенныхъ къ живымъ французскимъ дѣятелямъ или къ недавнему прошлому, Фукьé отмѣчаетъ положительныя черты французской жизни. Несмотря на всю строгость своихъ принципіальныхъ осужденій, онъ все-же не отчаивается въ будущемъ Франціи и вѣритъ въ водвореніе справедливости и счастія на своей родинѣ. Оздоровляющимъ, спасительнымъ элементомъ французской жизни онъ считаетъ неугасшую въ французахъ сердечную доброту, и по всякому случаю взываетъ къ ней, отмѣчаетъ ея проявленіе. Это составляетъ содержаніе многочисленныхъ статей, написанныхъ по поводу разныхъ подробностей Дрейфусовскаго процесса. Такъ, онъ обращается съ выраженіями сочувствія и даже благодарности къ мэру Ренна, который передъ началомъ процесса расклеилъ по всему городу воззваніе къ жителямъ, очень успокоительно подѣйствовавшее на умы. Въ сильныхъ выраженіяхъ онъ внушалъ населенію необходимость сочетать любовь къ арміи съ преклоненіемъ передъ справедливостью. Фукьé видитъ въ словахъ мэра вѣрное пониманіе свободы, которая должна быть прежде всего свободой отъ предразсудковъ. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что будущее оправдаетъ надежды просвѣщеннаго мэра, что минуетъ временное ослѣпленіе возбужденныхъ умовъ и восторжествуетъ любовь къ справедливости, свойственная природной добротѣ французскаго народа. Эту доброту онъ восхваляетъ также въ статьѣ, обращенной къ женѣ Дрейфуса,

гдѣ говорится о безчисленныхъ знакахъ симпатіи, которыми жена подсудимаго была окружена въ Реннѣ. О всесиліи доброты Фукьé толкуетъ и въ статьѣ, обращенной къ двумъ женщинамъ, изъ которыхъ одна графиня, а другая—простая работница изъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ; онъ взываетъ къ ихъ женскимъ сердцамъ, надѣясь, что онѣ смогутъ умиротворить расходившіяся страсти своихъ согражданъ и предотвратить безпорядки, готовившіеся ко дню одного изъ весеннихъ праздниковъ. Придавая большое значеніе голосу сердца и внушеніямъ стихійной доброты, въ особенности когда дѣло идетъ о борьбѣ противъ ослѣпленія политическими страстями, Фукьé выказываетъ рыцарское отношеніе къ женщинамъ и посвящаетъ имъ трогательныя страницы по поводу праздника Успенія Богородицы, который во Франціи считается именинами всѣхъ носящихъ имя Маріи.

Въ своихъ упованіяхъ на будущее, Фукьé преисполненъ преклоненіемъ и благодарностью ко всѣмъ людямъ, въ которыхъ Франція торжествуетъ побѣды ума и таланта. Въ очеркахъ о Викторѣ Гюго, гдѣ Фукьé разсказываетъ свои юношескія воспоминанія о поэтѣ, въ очеркахъ о художникахъ Миллэ и Домьé, въ статьяхъ, обращенныхъ къ Анатолю Франсу, къ Анри Лаведану, къ Эдуарду Эрвэ, онъ сообщаетъ много интереснаго о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ въ сношеніяхъ съ ними, и обнаруживаетъ тонкость литературнаго пониманія. Онъ, такимъ образомъ, совершенно не отрицаетъ блеска французской культуры, сказавшейся въ талантливыхъ представителяхъ ея умственной жизни. Онъ только въ качествѣ моралиста находитъ, что подъ этою блестящею внѣшностью скрываются элементы разложенія и упадка.

II.

Fr. Fiedler. Gedichte von N. M. Fofanow. Nachdichtungen im Versmas des russischen Originals. Leipzig, Verlag von Reclam.

Г-нъ Фидлеръ продолжаетъ свой чрезвычайно почтенный и полезный трудъ, т.-е. серію переводовъ русскихъ поэтовъ на нѣмецкій языкъ. Переводчикъ одинаково хорошо владѣетъ и языкомъ оригинала, и тѣмъ, на который переводитъ, и это одно служитъ ручательствомъ за отсутствіе тѣхъ искаженій, которымъ русскіе писатели столь часто подвергаются въ переводахъ на иностранные языки. Даже теперь, когда русская литература такъ сильно заинтересовала западно-европейскую публику, приходится часто удивляться и возмущаться грубымъ непониманіемъ текста въ переводахъ съ русскаго. Знаніе русскаго языка все еще составляетъ большую рѣдкость у ино-

странцевъ, и очевидно ознакомленіе заграничной публики съ рус литературой можетъ идти только черезъ иностранцевъ, родивш и воспитанныхъ въ Россіи. Къ таковымъ принадлежитъ г. Фидл имѣющій всѣ данныя для того, чтобы быть прекраснымъ посре комъ между русской литературой и нѣмецкой публикой. Онъ в на себя особенно трудную задачу—переводить не прозаиковъ, а товъ; но, благодаря своему основательному знанію русскаго сти умѣнью справляться съ трудностями риемованной рѣчи на нѣмец онъ съ честью выходитъ изъ своего отвѣтственнаго предпріятія. нечно, къ стихотворнымъ переводамъ нужно относиться съ пон ніемъ всѣхъ ихъ подчасъ совершенно непреодолимыхъ трудно Звучность свѣжаго русскаго стиха трудно воссоздать на нѣмец языкѣ съ его выработаннымъ и почти застывшимъ стихотвор лексикономъ. То, что по-русски звучитъ непосредственно самобы мелодіей, становится, при передачѣ чужими словами и метафор заурядныхъ, почти банальнымъ. Кромѣ того, торжественность нѣ каго стихотворнаго языка составляетъ слишкомъ рѣзкій контраст простотой русской лирики. Новые нѣмецкіе поэты борются про ходульности выраженій и у классиковъ, и у романтиковъ, но пере чикъ долженъ держаться въ предѣлахъ старыхъ, привычныхъ фор иначе его переводъ не станетъ достояніемъ большой публики, деть считаться только однимъ изъ экспериментовъ и новшествъ лодой школы". Принимая во вниманіе всѣ эти трудности, тѣмъ б слѣдуетъ признать заслуги г. Фидлера, съумѣвшаго сохранить и видуальный колоритъ переводимыхъ имъ поэтовъ, хотя и не в точно передавая каждый стихъ.

Мы въ свое время отмѣтили его переводы лирическихъ стих реній Пушкина и Лермонтова. Въ нихъ г. Фидлеръ съ полной д совѣстностью старался точно передавать каждый образъ и ка оттѣнокъ чувства и мысли. Новый томикъ его стихотвореній, п щенный лирикѣ Фофанова, носитъ нѣсколько другой характеръ. чувства очень похвальной добросовѣстности г. Фидлеръ назыв свои переводы переложеніями — Nachdichtungen, сохраняя т точность стихотворнаго размѣра подлинника; что же касается те стихотвореній, то онъ гораздо болѣе заботится о передачѣ об характера поэзіи Фофанова, чѣмъ о буквальномъ переводѣ обра и выраженій. Иногда ему даже можно сдѣлать упрекъ въ излиш вольности; она вызвана вовсе не отсутствіемъ пониманія текста, какъ и въ этомъ томикѣ, и въ прежнихъ работахъ г. Фидлера д точно доказательствъ его умѣнья быть вполнѣ точнымъ; очевидно сознательно и намѣренно замѣняетъ прямой переводъ свобод переложеніемъ. Онъ заботится о томъ, чтобы избранный имъ дл

ревода поэтъ понравился нѣмецкой публикѣ и подходилъ къ нѣмецкому вкусу, къ обычному типу традиціонной нѣмецкой лирики. Оригинальность Фофанова блѣднѣетъ при этомъ, и онъ превращается въ хорошаго, но нѣсколько заурядного нѣмецкаго стихотворца. Можетъ быть, это и нужно для того, чтобы заинтересовать нѣмецкую публику, и переводчикъ только содѣйствуетъ успѣху переведеннаго имъ автора. Примѣровъ свободнаго обращенія г. Фидлера съ русскимъ текстомъ очень много въ этомъ маленькомъ томикѣ. Такъ, въ одномъ изъ самыхъ оригинальныхъ стихотвореній Фофанова, — „Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя—Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя", — эти два стиха переданы слѣдующимъ образомъ: „Ferne Sterne im gleissendem Gleise—Gaben Märchen den Blumen zueigen". Эпитеты „ясныя" и „прекрасныя" замѣнены „далекими звѣздами въ сіяющемъ движеніи". Тамъ же вмѣсто „сказокъ нѣжныхъ" говорится о „тайнѣ звѣздъ" („das Geheimniss der Sterne"). Въ другомъ стихотвореніи, гдѣ зажженныя въ пасхальную заутреню свѣчи въ рукахъ молящихся сравнены съ „роемъ яркихъ пчелъ", г. Фидлеръ замѣняетъ этотъ образъ ничего не говорящей метафорой: „Die Kerzen flammten auf zum Sternenthron"; обращеніе къ умершей возлюбленной, названной въ стихотвореніи „поклонницей Христа", замѣнено другимъ: „Du mein verlornes Glück". Начальные стихи другого стихотворенія: „О кельѣ мрачной и печальной—Ты лепетала мнѣ легко" г. Фидлеръ замѣняетъ другими, имъ придуманными: „Das Leben dünkt dir eine Hölle—Und nach dem Himmel steht dein Sinn". Или же, гдѣ, говоря о веснѣ, поэтъ славословитъ ее словами: „Она несла привѣтъ и чары—Чтобъ душу сонную разжечь", переводчикъ замѣняетъ вѣроятно слишкомъ изысканный по его мнѣнію стихъ инымъ: „Und alles Wahre, alles Schöne—Erblühte mir im Herzensgrund". Такихъ примѣровъ намѣреннаго измѣненія текста множество въ книгѣ,—но наряду съ ними есть и прекрасные, близкіе къ тексту переводы, какъ напр. поэмы „Невѣста" и др. Но если, отвлекаясь отъ непосредственнаго сопоставленія оригинальнаго и переводнаго текста, судить по общему впечатлѣнію, то мы увидимъ, что въ нѣмецкомъ переводѣ переданы всѣ главные мотивы поэзіи Фофанова, и что индивидуальность поэта вполнѣ выясняется для нѣмецкаго читателя. Выборъ стихотвореній (ихъ въ книгѣ г. Фидлера 171) хорошій: переводчикъ останавливается на стихотвореніяхъ, рисующихъ нѣжную любовь поэта къ окружающей природѣ. Выбрано также и много стихотвореній, характерныхъ для раздвоенности настроеній поэта, его постояннаго ощущенія въ самомъ себѣ чего-то темнаго и таинственнаго, какого-то притаившагося безумія, которое омрачаетъ его свѣтлый пантеизмъ, его радостное сліяніе съ природой. Таковы стихотворенія о двойникѣ, о безуміи. Жаль, что г. Фидлеръ

не включилъ въ свой сборникъ лучшаго стихотворенія Фофанова въ этомъ родѣ,—„Чудовище"; но и въ тѣхъ, которые онъ выбралъ, видно пониманіе этой черты въ русскомъ поэтѣ и желаніе ознакомить съ ней нѣмецкихъ читателей. Свѣтлыя, стихійно-радостныя стихотворенія приведены тоже въ большомъ числѣ, и среди нихъ находимъ и мелодичный гимнъ веснѣ: „Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ". Въ общемъ, трудъ г. Фидлера можетъ быть признанъ интересной и сдѣланной съ большой любовью къ дѣлу попыткой приблизить творчество столь самобытнаго по настроеніямъ и формѣ лирика, какъ Фофановъ, къ пониманію иностранной публики, имѣющей очень опредѣленные вкусы въ поэзіи.

III.

Theodor von Sosnowsky. Die deutsche Lyrik des XIX Jahrhunderts. Stuttgart, 1901. Стр. 464.

Нѣмецкая лирика хорошо извѣстна внѣ Германіи въ своихъ лучшихъ представителяхъ, но есть много весьма талантливыхъ поэтовъ, не пользующихся внѣ своего отечества извѣстностью и признаніемъ, которыхъ они вполнѣ заслуживаютъ. Очень интересенъ поэтому изданный Теодоромъ Сосновскимъ обширный сборникъ образцовъ нѣмецкой лирики XIX-го вѣка. Въ немъ сгруппированы въ хронологическомъ порядкѣ всѣ выдающіеся поэты, начиная отъ эпигоновъ классицизма и романтиковъ, съ Гейне во главѣ, вплоть до новѣйшихъ символистовъ и поэтовъ другихъ группъ, носящихъ въ Германіи общее названіе: „Neutöner". Большинство старыхъ поэтовъ, представленныхъ въ сборникѣ образцами своего творчества, вошли въ число всемірно знаменитыхъ именъ: таковы Гейне, Уландъ, Ленау, Кёрнеръ, Шамиссо и др. Но менѣе извѣстны поэты переходной эпохи, родоначальники современной поэзіи, еще близкіе по формѣ стиха къ поэзіи первой половины вѣка, и являющіеся по сложности лирическихъ настроеній прямыми предшественниками и учителями современныхъ нѣмецкихъ лириковъ. Таковы прежде всего два швейцарскихъ писателя: Конрадъ-Фердинандъ Мейеръ и Готфридъ Келлеръ. Оба они пользуются одинаковой извѣстностью и своими прозаическими произведеніями—романами и новеллами,—и своей лирикой.

Конрадъ-Фердинандъ Мейеръ былъ въ теченіе своей долгой жизни (1825—1898) свидѣтелемъ многихъ эволюцій въ нѣмецкой поэзіи, началъ писать въ эпоху романтизма и дожилъ до расцвѣта своеобразной, индивидуалистической новѣйшей лирики. Въ его поэзіи чувствуются отголоски классическихъ и романтическихъ вліяній. Худо-

жественная выдержанность формы стоитъ на первомъ планѣ, но съ нею онъ соединяетъ высокій, нѣсколько холодный идеализмъ и большое спокойствіе: ничто близкое не тревожитъ его, и поэтому онъ можетъ съ большимъ достоинствомъ переносить всѣ испытанія жизни. Онъ живетъ далекими идеалами, и лирика его носитъ торжественный, праздничный характеръ. Въ явленіяхъ природы онъ видитъ знаменательные символы; не замѣчая близкихъ соотношеній между предметами въ дѣйствительности, онъ ищетъ только скрытой связи между явленіями и сущностью бытія. Отсюда смѣна ожиданій и разочарованій, сознаніе блѣдности всего достижимаго передъ безграничностью желаній, сознаніе великихъ контрастовъ между дѣйствительностью и стремленіями духа. Въ сборникѣ Сосновскаго приведено прекрасное стихотвореніе „Далекій свѣтъ" (Fernelicht), характерное для символическаго отношенія поэта къ зрѣлищамъ природы. Глядя на загорающіяся въ часъ заката альпійскія вершины, поэтъ думаетъ о борьбѣ въ пыльныхъ и душныхъ городахъ и вопрошаетъ: „Что скажешь ты объ этомъ, чистый далекій свѣтъ, великое тихое сіяніе"? Онъ думаетъ о родинѣ, о своей любви къ ней, о судьбѣ людей и успокаивается, примиренный съ контрастами жизни символическимъ спокойствіемъ далекихъ горъ: „Во всемъ горитъ далекій свѣтъ,—великое, тихое сіяніе".

Болѣе близокъ къ землѣ Готфридъ Келлеръ съ его безъискусственной, простой любовью къ предметамъ, съ его трезвой разумностью и воспріимчивостью къ благамъ жизни. Онъ любитъ свою родину, потому что чувствуетъ себя въ ней хорошо и наслаждается тѣмъ, что даетъ жизнь, не задумываясь о возможности иного. Онъ не ищетъ символовъ, не останавливается на контрастахъ, не одухотворяетъ чувствъ и ощущеній. Его любовь къ жизни—свѣтлая и здоровая, чувственная и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтски-наивная. Эта непосредственная жизнерадостность сказывается и въ его прозѣ, и въ его поэзіи, образчикъ которой приводитъ Сосновскій въ своемъ сборникѣ. Онъ выбралъ очень характерное для Келлера стихотвореніе: „Къ сердцу", въ которомъ поэтъ наивно жалуется на безпорядокъ, произведенный въ его сердцѣ наплывомъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Къ тому же поколѣнію, соединяющему современность съ лирикой начала и средины вѣка, принадлежитъ берлинскій поэтъ (и романистъ, подобно его швейцарскимъ современникамъ) Теодоръ Фонтанъ. Онъ тоже жилъ достаточно долго (1819—1898), чтобы испытать на себѣ вліяніе романтизма. Особенность Фонтана—въ монументальности его образовъ, въ исканіи рѣзкихъ контрастовъ, въ тяготѣніи къ сильнымъ и гордымъ чувствамъ, къ тому, что составляетъ возвышенность и серьезность жизни. Онъ болѣе замкнутъ, нежели названные нами

швейцарскіе поэты; онъ скрываетъ свои ощущенія и рисуетъ вмѣсто того образы и явленія, вызвавшіе эти ощущенія. Поэзія его носитъ объективный характеръ; въ ней преобладаютъ повѣствовательный тонъ и колоритность содержанія. Въ сборникѣ Сосновскаго помѣщена поэма „Старый Цитенъ“, повѣствующая о старомъ гусарѣ, неизмѣнномъ товарищѣ Фридриха Великаго во всѣхъ сраженіяхъ. „Они никогда не показывались врозь,—Цитенъ и Фрицъ:—Громомъ былъ одинъ,—Другой же слѣдовалъ какъ молнія“. Въ другомъ стихотвореніи—„До этого я еще хотѣлъ бы дожить“—сжато и образно выражена любовь людей къ жизни, сохраняющаяся вопреки всякимъ философскимъ разсужденіямъ. Старикъ знаетъ, что все въ мірѣ идетъ неизмѣннымъ порядкомъ, и что ему не предстоитъ испытать ничего новаго: „Ему, въ сущности, уже все равно“. Но ему все-таки хотѣлось бы „дожить“ до разныхъ мелкихъ событій въ будущемъ,—до того, какъ внукъ начнетъ ходить въ школу, и т. д. Когда, казалось бы, уже всѣ желанія кончены, все-же въ душѣ человѣка звучатъ завѣтныя слова: „Да, до этого еще мнѣ хотѣлось бы дожить“. Въ этомъ очень просто написанномъ стихотвореніи, какъ и въ многочисленныхъ патріотическихъ пѣсняхъ и поэмахъ Фонтана, относящихся къ франко-прусской войнѣ, сказывается преобладаніе общечеловѣческихъ чувствъ надъ субъективными настроеніями.

Эпигономъ Гётевской лирики является еще живой понынѣ Мартинъ Грейфъ (род. въ 1837 г.). Среди его стихотвореній есть истинные перлы по глубинѣ лирическаго чувства и по законченности формы. Таково маленькое стихотвореніе, приведенное Сосновскимъ: „До жатвы“. „Колосья на полѣ развѣваетъ—Нѣжный вѣтерокъ.—Когда одинъ сгибается—Всѣ гнутся вслѣдъ за нимъ.—Всѣ они точно предчувствуютъ—Ударъ серпа—Цвѣты и былинки травъ—Дрожатъ тоже вмѣстѣ съ колосьями“. Поэзія Мартина Грейфа проникнута молитвеннымъ отношеніемъ къ природѣ; онъ будитъ скрытыя мелодіи, таящіяся въ предметахъ, и при всей непритязательности его стиховъ—это большей частью маленькія картинки природы—онъ, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ нѣжныхъ представителей чистой поэзіи настроеній. Среди другихъ поэтовъ старшаго поколѣнія, представленныхъ въ книгѣ Сосновскаго, заслуживаютъ особаго вниманія два вѣнскихъ поэта, Я. Ю. Давидъ и Фердинандъ фонъ-Зааръ. Давидъ—мятежный поэтъ, съ мрачной фантазіей и мучительными влеченіями къ недостижимому. Принадлежа къ поколѣнію уравновѣшенныхъ послѣдователей великихъ классическихъ образцовъ, онъ самъ страдаетъ отъ своей раздвоенности. Онъ знаетъ, что диссонансы—признакъ безсилія, но не можетъ выработать въ себѣ гармоничнаго міросозерцанія. Сосновскій приводитъ красивые образчики его творчества; среди нихъ есть сти-

хотвореніе: „На пути“, состоящее изъ вопросовъ, которымъ нѣтъ отвѣта: „Я зналъ одну женщину. Какъ ея имя?—Кто назоветъ слово, отзвучавшее для меня?—Оно забыто. Я только знаю одно:—Что я ее любилъ и держалъ въ своихъ объятіяхъ.—Пѣснь о той, которая исчезла отъ меня,—Поетъ мнѣ теперь ночной вѣтеръ.—Я утратилъ ее на пути,—Ее, которая встрѣтилась мнѣ на пути“. Фердинандъ фонъ-Зааръ, какъ и Давидъ, принадлежитъ еще къ числу живыхъ поэтовъ стараго поколѣнія. Въ немъ мало самобытности, но много культурной законченности, и его сборникъ „Отзвуковъ“ отражаетъ, за отсутствіемъ оригинальной фантазіи, мастерство формы, унаслѣдованное отъ лучшихъ поэтовъ прошлаго.

Новѣйшая нѣмецкая поэзія, такъ называемая „Jüngstes Deutschland“, выступила со своими новыми взглядами и отношеніями къ задачамъ искусства въ 80-хъ годахъ, когда талантливые берлинскіе критики, братья Генрихъ и Юліусъ Гартъ, начали въ своихъ „Kritische Waffengänge“ походъ противъ всѣхъ устарѣлыхъ традицій въ литературѣ и объявили войну эстетическимъ вкусамъ публики. Основной нотой поэтовъ, соединившихся съ Гартами для общаго воздѣйствія на умы, стала стихійная жизнерадостность, болѣе бурная, чѣмъ гармоничная умиротворенность классиковъ, а также вѣра въ силу человѣческаго „я“, стремленіе къ неограниченной свободѣ, къ полному развитію всѣхъ инстинктовъ, вплоть до жестокости. Къ этому общему настроенію присоединилось еще стремленіе обогатить поэзію проникновеніемъ въ тайны, окружающія человѣческую жизнь, упоеніе мистическими ужасами, исканіе формъ для выраженія того, что̀ недоступно познанію. Цѣлый рядъ талантливыхъ поэтовъ отражаютъ всѣ эти новые элементы нѣмецкой поэзіи, и въ сборникѣ Сосновскаго можно найти все, что̀ было создано болѣе или менѣе значительнаго за двадцать лѣтъ существованія „новѣйшей Германіи“. Во главѣ школы стоитъ высоко даровитый поэтъ Детлефъ фонъ-Лиліенкронъ. Онъ съ наивной радостью воспринимаетъ все, что̀ жизнь можетъ дать его открытой, беззаботной душѣ, и съ необычайной граціей возсоздаетъ испытанныя имъ наслажденія. Гамма его ощущеній чрезвычайно богата; въ нее входитъ все, начиная отъ задорнаго легкомыслія и упоенія своей силой до страстнаго преклоненія передъ величественными зрѣлищами природы. Онъ поетъ гимны легкомыслію и беззаботности, какъ избалованное дитя земли, и становится благочестивымъ, какъ священнослужитель, при видѣ нѣмой красоты тихой равнины. У него нѣтъ цѣльнаго міровоззрѣнія, нѣтъ проникнутаго одной идеей взгляда на жизнь. Онъ вполнѣ зависитъ отъ смѣны впечатлѣній, и всѣ они для него одинаково важны,—его гибкій поэтическій талантъ для всего находитъ совершенныя формы выраженія,—и потому въ его лирикѣ

столько силы, столько самобытной красоты. Сосновскій приводитъ его знаменитое, ставшее почти классическимъ стихотвореніе: „Die Musik kommt“, гдѣ поэтъ рисуетъ съ неисчерпаемымъ богатствомъ звуковъ и красокъ импрессіонистскую картинку уличной жизни, приближенія оркестра полковой музыки, привлекающей любопытство пестрой толпы. Полнота жизни, свѣтлая радость звучатъ въ этомъ гимнѣ простой въ своемъ безхитростномъ увлеченіи толпѣ. Но и грустныя стороны жизни затрагиваютъ душу воспріимчиваго поэта. Въ поэмѣ „Въ лѣсу“ описана грустная смерть рабочаго, который, повѣсился въ лѣсу, изнемогши въ борьбѣ съ нуждою. Приходятъ „судейскіе господа въ лайковыхъ перчаткахъ“, изслѣдуютъ „обстоятельства дѣла“, и, снявъ съ петли самоубійцу, хоронятъ его въ полѣ. „И такъ какъ никто не зналъ умершаго и не призналъ его,—То его отмѣчаютъ нумеромъ триста-десятымъ.—Триста-девять уже покоятся въ пыли.—Кто ихъ любилъ и кто ихъ зналъ“? Въ сборникѣ помѣщены также стихи Лиліенкрона, вызванные величественными зрѣлищами природы,—такъ, что въ нѣсколькихъ образцахъ намѣчены главнѣйшіе мотивы его разнообразной лирики.

Меньше самобытной силы, но столько же легкомысленной радости жизни—у Отто-Юліуса Бирбаума, въ его колоритныхъ картинкахъ жизни, въ его граціозныхъ описаніяхъ природы и воспѣваніи не слишкомъ возвышенныхъ, но искреннихъ чувствъ. Онъ—тоже представитель „воскреснувшей жизнерадостности“ новѣйшей нѣмецкой поэзіи, но не обладаетъ достаточной силой таланта, чтобы выразить ее такъ властно, какъ Лиліенкронъ. Отто-Эрихъ Гартлебенъ—истинный лирикъ, съ сильно развитымъ чувствомъ красоты. Въ своихъ новеллахъ и драмахъ онъ объективно рисуетъ контрасты жизни и умѣетъ отмѣтить юмористическую сторону жизненныхъ противорѣчій, а въ своей лирикѣ онъ всецѣло отдается внутреннимъ переживаніямъ, какъ бы ведетъ бесѣду со своей душой, и отмѣчаетъ лишь значительные моменты интимныхъ впечатлѣній, напряженность страсти, бурныя сомнѣнія. Во всемъ этомъ чувствуется не философствующій умъ, а глубина чувства,—истинно пережитое душой, а не выдуманное во имя красоты. Въ стихотвореніи: „Приди“, страсть торжествуетъ надъ внушеніями разсудка и поетъ гимны радости. Карлъ Буссе—пластикъ въ своей лирикѣ. Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ значительнаго содержанія, но въ нихъ есть большая „стильность“. Основное настроеніе его стихотвореній выливается всегда въ оборотахъ языка, въ гармоніи выраженій. Онъ обращаетъ главное вниманіе на краски, на вѣрность тоновъ и переходовъ; выдержанность художественной формы замѣняетъ ему паѳосъ и глубину переживаній—онъ вполнѣ опредѣленный представитель эстетизма въ поэзіи и сродни въ этомъ отношеніи новѣйшимъ француз-

скимъ поэтамъ. Силы и глубины содержанія напрасно было бы искать въ его стихотвореніяхъ. Гораздо интереснѣе—два другихъ поэта: Георгъ Макай и Рихардъ Демель. Макай—шотландецъ по происхожденію—бурный проповѣдникъ свободы личности; у него очень высокое представленіе о долгѣ человѣка передъ самимъ собою, и въ его идеалѣ свободнаго человѣка заключается представленіе о высокой требовательности къ самому себѣ, объ истинномъ благородствѣ души, которое и ведетъ къ внутренней свободѣ. Онъ менѣе всего считаетъ правомъ свободной личности приносить себѣ въ жертву другихъ—такъ понимается культъ личности и свободы только недобросовѣстными толкователями теорій Ницше; напротивъ того, въ своей поэмѣ „Елена" онъ рисуетъ любовь къ падшей женщинѣ съ глубокой, евангельской гуманностью и силой любви. Онъ возстаетъ противъ произвола законовъ и противъ всякихъ стѣсненій человѣческой свободы,—но имѣя при этомъ всегда въ виду ту высоту духовнаго развитія, которая дѣлаетъ людей достойными свободы, не вызывая въ нихъ соблазна своей силой. Его девизъ: „Я не хочу властвовать, но и не хочу власти другихъ надъ собою", какъ онъ говоритъ въ стихотвореніи, помѣщенномъ въ сборникѣ Сосновскаго. Стихъ его, нервный и страстный, прибѣгающій часто къ большимъ смѣлостямъ формы, соотвѣтствуетъ мятежности содержанія. Рихардъ Демель склоненъ къ мистицизму, къ „заглядыванію въ бездны"; по формѣ онъ символистъ, достигающій иногда большой красоты своимъ краткимъ, образнымъ стихомъ. Сосновскій приводитъ нѣсколько характерныхъ образцовъ его поэзіи, также какъ и лирики родственнаго ему по манерѣ Германа Конради, талантливаго юноши, который умеръ слишкомъ рано и не успѣлъ исполнить возлагаемыхъ на него надеждъ. Много другихъ новѣйшихъ поэтовъ представлены въ интересной книгѣ Сосновскаго: Стефанъ Георгъ, Гуго фонъ Гофмансталь, Шницлеръ, Феликсъ Дерманъ и др. По образцамъ, собраннымъ въ книгѣ, можно составить себѣ ясное представленіе и о степени ихъ таланта, и о направленіи ихъ лирики.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1901.

Толки въ печати по поводу пересмотра организаціи петербургскаго городского общественнаго управленія.—Два „типа“ городского управленія.—Избирательное право квартиронанимателей. — Походъ противъ иркутской городской думы.—Ссылка на примѣръ Варшавы.—Возмутительная травля и недобросовѣстная полемика, вызванная рѣчью М. А. Стаховича въ Орлѣ. — 50-лѣтній юбилей А. А. Потѣхина.—Post-Scriptum.

Извѣстіе о предстоящемъ измѣненіи организаціи с.-петербургскаго городского общественнаго управленія возбудило цѣлую бурю радости въ органахъ реакціонной печати, видящихъ въ немъ приступъ къ пересмотру городового положенія вообще, въ смыслѣ ограниченія выборнаго начала и усиленія административнаго элемента въ городскомъ хозяйствѣ. „Существуютъ только два типа городскихъ управленій,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“:—въ первомъ, принятомъ, какъ общее правило, у насъ, „управленіе номинально вручается всему городскому населенію, всѣмъ жителямъ, а въ дѣйствительности—небольшой ихъ группѣ, сдѣлавшей изъ занятія общественными дѣлами весьма выгодную профессію“. Отвѣтственными за ходъ управленія являются, въ этомъ случаѣ, всѣ городскіе обыватели или, по меньшей мѣрѣ, всѣ избиратели—то-есть, въ сущности, никто,—и только передъ общественнымъ мнѣніемъ—то-есть, въ сущности, ни передъ кѣмъ. „Городское управленіе второго типа имѣетъ въ основѣ своей общее государственное начало. Городъ разсматривается только какъ часть государственной территоріи, и управленіе этою частью, какъ и всякою другою, ввѣряется лицамъ, пользующимся довѣріемъ правительства и отвѣтственнымъ предъ послѣднимъ за свою дѣятельность“...

Нужно особенное искусство, чтобы нагромоздить на небольшомъ пространствѣ столько отступленій отъ истины. Нельзя, во-первыхъ, относить къ одному и тому же типу всѣ виды городского управленія, основанные на выборномъ началѣ; между ними можетъ существовать самое глубокое различіе. Въ прошедшемъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, средневѣковая борьба между городской аристократіей и городскимъ плебсомъ,—борьба, въ которой шла рѣчь не о томъ, быть или не быть выборному началу, а о томъ, на какія сферы городского населенія оно должно распространяться. Въ настоящемъ — городское самоуправленіе, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, рѣзко отличается отъ самоуправленія, составляющаго привилегію одного мало-

численнаго класса—и между обѣими крайностями остается мѣсто для множества переходныхъ оттѣнковъ. Этого не хочетъ знать московская газета—и приписываетъ господствующему у насъ виду городского управленія совершенно чуждую ему черту, утверждая, что оно вручено *всѣмъ* жителямъ города, которые всѣ за него и отвѣчаютъ. Не слишкомъ ли, однако, она разсчитываетъ на забывчивость или невѣжество своихъ читателей? Кому же неизвѣстно, что избирательнымъ правомъ у насъ облечены сравнительно немногіе городскіе обыватели, а всѣ остальные лишены какого бы то ни было вліянія на ходъ городского управленія? Вопросъ, поэтому, вовсе не такъ простъ, какимъ его представляютъ „Московскія Вѣдомости": выборъ возможенъ не только между двумя противоположными типами городского управленія, но и между разновидностями того типа, который реакціонная печать старается свести къ одному знаменателю, чтобы тѣмъ удобнѣе забраковать его...

Другой полемическій пріемъ, вполнѣ достойный перваго — это извращеніе понятія объ отвѣтственности. Для „Московскихъ Вѣдомостей" реальна и симпатична только одна ея форма: прямая, безусловная, полная зависимость отъ администраціи, находящая крайнее свое выраженіе въ увольненіи „по третьему пункту". Въ *такой* зависимости выборныя должностныя лица нашего городского (и земскаго) управленія дѣйствительно не состоятъ, по крайней мѣрѣ de jure; но до *безотвѣтственности* отсюда еще очень далеко. Помимо преданія суду за преступленія по должности, они могутъ быть подвергаемы дисциплинарнымъ взысканіямъ, при чемъ какъ то, такъ и другое предоставлено не городской думѣ, а особому присутствію по городскимъ дѣламъ—учрежденію смѣшанному, съ сильнымъ преобладаніемъ *административнаго* элемента. Безотвѣтственными—опять-таки de jure—являются, правда, городскія думы, по той простой причинѣ, что корпораціи вообще не подлежатъ уголовному или дисциплинарному суду; но за всякое явно противозаконное постановленіе городской думы отвѣчаетъ ея предсѣдатель, да и самое ея постановленіе можетъ быть отмѣнено въ установленномъ порядкѣ. Аргументъ, основанный на безотвѣтственности, оказывается, такимъ образомъ, столь же несостоятельнымъ, какъ и аргументъ, основанный на „двухъ типахъ" городского управленія.

Съ цѣлью оправдать хоть сколько-нибудь смѣшеніе въ одну кучу всѣхъ формъ городского управленія, основанныхъ на выборномъ началѣ, реакціонная печать прибѣгаетъ къ самымъ разнообразнымъ ухищреніямъ. Одно изъ нихъ—перетолкованіе мотивовъ, приводимыхъ, обыкновенно, въ пользу распространенія избирательнаго права на квартиронанимателей. „Наивно думать"—читаемъ мы въ „Москов-

скихъ Вѣдомостяхъ",—„что столичное хозяйство идетъ плохо потому, что въ городскихъ думахъ много купцовъ. Купцы эти прекрасно ведутъ свои личныя дѣла, можетъ быть даже гораздо лучше не-купцовъ. Почему же не могутъ они вести дѣлъ общественныхъ? Да просто потому, что въ своихъ дѣлахъ они сами на себѣ ощущаютъ всѣ послѣдствія своихъ дѣйствій или своей бездѣятельности, а въ общественныхъ—послѣдствія эти несетъ милліонный городъ. Отвѣтственности же они никакой и ни предъ кѣмъ не несутъ".—Невѣрно, вопервыхъ, что единственнымъ или главнымъ недостаткомъ организаціи городского управленія вообще и столичнаго въ частности сторонники прогрессивной реформы считаютъ многочисленность гласныхъ-купцовъ. Не мéньшую роль, чѣмъ купцы, играютъ въ думахъ домовладѣльцы— и возраженія направлены противъ избирательной системы, отдающей городскія дѣла въ руки двухъ сравнительно небольшихъ группъ, къ явному вреду для массы населенія. Интересы купцовъ и домовладѣльцевъ далеко не всегда совпадаютъ съ интересами большинства обывателей, часто даже идутъ съ ними прямо въ разрѣзъ. Дума, составленная исключительно изъ купцовъ и домовладѣльцевъ, не можетъ быть разсматриваема какъ представительство всего города. Невѣрно, дальше, что купцы *прекрасно* ведутъ свои личныя дѣла: не говоря уже о нерѣдкихъ крахахъ, въ нашей торговлѣ до сихъ поръ слишкомъ еще распространена рутина, слишкомъ живучи преданія, сложившіяся среди глубокой умственной тьмы. Торговое предпріятіе можетъ процвѣтать, въ силу инерціи, при самой небольшой затратѣ личной мысли и личнаго труда; но не таково положеніе общественнаго дѣла, постоянно требующаго бодрой, обдуманной иниціативы. Недостаточенъ для него—или, лучше сказать, рѣзко ему противоположенъ—тотъ узкій, мелкій разсчетъ, въ которомъ возможенъ успѣхъ (т.-е. доходность) отдѣльныхъ коммерческихъ операцій. Невѣрно, наконецъ, и то, что только сознаніе отвѣтственности—не нравственной, а юридической—можетъ служить стимуломъ къ исполненію долга. Этому низменному взгляду противорѣчитъ вся исторія нашихъ земскихъ учрежденій, вызвавшихъ и до сихъ поръ вызывающихъ къ жизни массу свободнаго, добровольнаго, безкорыстнаго труда. Въ меньшей, но также значительной степени такому труду обязано своими лучшими сторонами и городское самоуправленіе.

Охотно разыгрывая свои пѣсни на струнѣ недовѣрія къ „интеллигенціи", „Московскія Вѣдомости" отождествляютъ распространеніе избирательнаго права на квартиронанимателей съ установленіемъ *образовательнаго* ценза. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не одно и то же. Квартирная плата—цензъ несомнѣнно *имущественный*, и если между избирателями этого разряда окажется, фактически, немало образован-

ныхъ людей, то все-таки въ основаніи ихъ права будетъ лежать ихъ матеріальная обезпеченность. Важно, въ особенности, то, что съ введеніемъ квартиронанимателей въ сферу городского управленія исчезнетъ или смягчится его односторонность, получатъ голосъ болѣе широкіе и разнообразные слои городского населенія. Для этого необходимо, конечно, чтобы уровень квартирной платы, дающей избирательное право, былъ установленъ не слишкомъ высокій. Трудно допустить, чтобы онъ былъ опредѣленъ, напримѣръ,—какъ объ этомъ сообщали, въ видѣ слуха, газеты,—въ 2.000 рублей. Такая плата соотвѣтствуетъ годовому доходу въ 1012 тысячъ рублей, т.-е. состоянію, близко граничащему съ богатствомъ. Сдѣлать ее основаніемъ избирательнаго права, значило бы создать еще одну небольшую группу избирателей, столь же мало, какъ и нынѣшнія, представляющую собою разнообразные интересы городского населенія. Намъ кажется, что избирателями могли бы быть признаны *всѣ* плательщики квартирнаго налога, взысканіе котораго (въ столицахъ) начинается съ квартирной платы въ 300 рублей. Эта плата указываетъ на доходъ въ 1.500-1.800 рублей, который въ свою очередь, даже съ точки зрѣнія обычныхъ аргументовъ въ защиту имущественнаго ценза, свидѣтельствуетъ о достаточной заинтересованности въ городскихъ дѣлахъ и о достаточно сознательномъ къ нимъ отношеніи. Только при такомъ расширеніи избирательнаго права можно будетъ ожидать серьезнаго улучшенія нынѣ дѣйствующихъ избирательныхъ порядковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего хода городского управленія.

Какъ „устрашающій примѣръ“ (abschreckendes Beispiel) ужасныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести усиленіе „интеллигентнаго“ элемента въ городскомъ управленіи, реакціонная газета приводитъ иркутскую городскую думу, которую кто-то назвалъ „одною изъ рѣдкихъ по числу интеллигентовъ“ [1]). По словамъ иркутскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“, „въ иркутской городской управѣ служилъ нѣкій Павелъ Кларкъ, бывшій государственный преступникъ, сосланный въ Восточную Сибирь. Постепенно онъ изъ мелкаго служащаго превратился въ управскаго и думскаго секретаря“, послѣ чего въ контингентѣ управскихъ служащихъ явилось много людей такой же *„яркой окраски“* (курсивъ въ подлинникѣ). Черезъ нѣсколько времени Кларку „пришлось позаботиться объ избраніи себѣ мѣста жительства за предѣлами иркутскаго генералъ-губернаторства“. Дума назначила ему денежную награду за его „полезную дѣятельность“, но губернскому присутствію „показалось страннымъ поощреніе дѣятель-

---

[1]) Изъ этой фразы вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы „интеллигентамъ“ принадлежало въ иркутской городской думѣ абсолютное большинство голосовъ.

ности лица, оставившаго службу не по собственному желанію", и постановленіе думы было отмѣнено. Произведенная губернаторомъ ревизія городской управы обнаружила „покровительство" подрядчику Чевилеву, состоящему гласнымъ думы, и явно неправильныя назначенія пособій изъ городскихъ благотворительныхъ капиталовъ. Несмотря на требованія губернатора, управа не приступаетъ къ ремонту казармъ, вредныхъ въ санитарномъ отношеніи. Вообще за четырехлѣтіе, теперь приближающееся къ концу, иркутское городское управленіе ничего не сдѣлало для пользы города, хотя одинъ изъ вліятельныхъ членовъ думы обѣщалъ печатно „развитіе цѣлой системы самостоятельныхъ предпріятій—заготовки, подвоза и помола хлѣба, общественныхъ пекарень, складовъ, лавокъ и т. п., съ цѣлью завоевать преобладающее вліяніе на установленіе цѣнъ". По этому послѣднему пункту существуетъ, повидимому, нѣкоторое разномысліе между корреспондентомъ и редакціей: первый ограничивается упрекомъ думѣ за неисполненіе только-что приведенныхъ обѣщаній, а послѣдняя называетъ заключающуюся въ нихъ программу „соціалистическою", напоминая, что даже во Франціи не было допущено высшимъ правительствомъ открытіе муниципальной аптеки, затѣянное соціально-демократической думой города Рубэ.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, обвинительный актъ, объектомъ котораго является не столько иркутская городская дума или управа, сколько городское самоуправленіе вообще. Онъ состоитъ изъ двухъ совершенно разнородныхъ частей, плохо связанныхъ между собою. Одна изъ нихъ касается отдѣльныхъ упущеній, весьма прискорбныхъ (если они дѣйствительно были допущены), но не имѣющихъ тенденціознаго характера и не дающихъ никакого общаго понятія о дѣятельности городской управы и, тѣмъ менѣе, городской думы: сюда относится медленность въ ремонтѣ казармъ и неосмотрительность въ раздачѣ пособій (о „покровительствѣ" подрядчику-гласному мы не говоримъ, потому что изъ корреспонденціи не видно, въ чемъ собственно оно заключалось—а совмѣщеніе въ одномъ лицѣ обязанностей гласнаго и подрядчика, которое и мы признаемъ крайне нежелательнымъ, до сихъ поръ закономъ не воспрещено). Другая часть обвинительнаго акта направлена противъ той роли, которую игралъ въ иркутскомъ городскомъ управленіи политическій ссыльный Кларкъ. Мы знаемъ, однако, что занять въ городскомъ управленіи какую бы то ни было должность можно не иначе, какъ съ согласія губернскаго начальства. Если г. Кларкъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ управѣ и достигъ, наконецъ, званія секретаря думы, то это значитъ, что его политическая благонадежность не возбуждала въ то время, въ компетентныхъ сферахъ, рѣшительно никакихъ сомнѣній. Позже такія со-

мнѣнія возникли и привели къ удаленію г. Кларка изъ иркутскаго городского управленія и даже изъ предѣловъ иркутскаго генералъ-губернаторства; но ни изъ чего не видно, чтобы поводомъ къ нимъ послужили дѣйствія г. Кларка въ городской думѣ или управѣ. Ничего подобнаго не утверждаетъ и корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей"; не приводитъ онъ также никакихъ фактовъ, въ которыхъ выразилась бы „яркая окраска" сослуживцевъ г. Кларка. Привлеченіе политическихъ ссыльныхъ къ общественной дѣятельности не составляетъ въ Сибири ничего исключительнаго и анормальнаго. Ихъ умственный уровень въ бо̀льшей части случаевъ сравнительно высокъ; ихъ способность трудиться на общую пользу извѣстна еще со временъ декабристовъ. Что̀ же удивительнаго въ томъ, что ихъ услугами охотно пользуются общественныя учрежденія, разъ что къ тому нѣтъ препятствій со стороны полицейской власти? Ничего страннаго мы не видимъ и въ назначеніи думою г. Кларку награды за его службу, разъ что не въ ней лежали причины высылки его изъ Иркутска...

Совершенно неосновательно, наконецъ, обвиненіе въ соціализмѣ, взводимое „Московскими Вѣдомостями" на иркутскую городскую думу по поводу проектированнаго ею устройства общественныхъ пекаренъ, складовъ, лавокъ и т. п. Одна и та же мѣра можетъ имѣть различный характеръ, смотря по тому, отъ кого она исходитъ и какою задается цѣлью. Такъ, напримѣръ, монополизированіе государствомъ крупныхъ отраслей промышленности и торговли входитъ въ соціалистическія программы—но предпринимается, сплошь и рядомъ, и такими правительствами, которыя чужды или прямо враждебны соціализму. То же самое можно сказать и о разныхъ городскихъ предпріятіяхъ (конножелѣзныхъ дорогахъ, телефонахъ, водоснабженіи и т. п.), не только допускаемыхъ, но и поощряемыхъ какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи. Если открытіе муниципальной аптеки въ Рубэ вызвало протестъ французскаго правительства, то это объясняется отчасти теоріей невмѣшательства, все еще широко распространенной во Франціи, отчасти составомъ муниципалитета города Рубэ и настроеніемъ тогдашняго министерства. Совсѣмъ не то мы видимъ тамъ, гдѣ вопросъ о расширеніи общиннаго хозяйства не обостряется никакими посторонними примѣсями. Не дальше какъ на дняхъ, напримѣръ, мы прочли въ „Frankfurter Zeitung", что въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ, правительство котораго, конечно, никѣмъ не можетъ быть заподозрѣно въ соціалистическихъ тенденціяхъ, не открывается въ послѣднее время другихъ аптекъ, кромѣ муниципальныхъ, которыя затѣмъ сдаются въ аренду частнымъ лицамъ. Да и у насъ въ Россіи развѣ не открываются земствами, безъ всякихъ препятствій со стороны администраціи, склады учебныхъ пособій, склады сѣмянъ

и сельско-хозяйственныхъ орудій?.. Общій выводъ изъ всего сказаннаго нами ясенъ: походъ противъ иркутскаго городского управленія, предпринятый „Московскими Вѣдомостями", доказываетъ только одно— неразборчивость въ выборѣ средствъ, свойственную реакціонной газетѣ.

Городъ—такова модная реакціонная доктрина —долженъ быть разсматриваемъ *только* какъ часть государственной территоріи. Это совершенно невѣрно: городъ представляетъ собою въ одно и то же время—и часть государственной территоріи, неразрывно и нераздѣльно съ нею связанную,—и самостоятельную единицу, имѣющую свои особые интересы. Какъ часть государственной территоріи, городъ управляется на общемъ основаніи, подлежитъ дѣйствію общаго суда и общей администраціи, платитъ общіе для всѣхъ налоги; какъ самостоятельная единица, онъ несетъ особыя обязанности и, соотвѣтственно этому, можетъ и долженъ имѣть особыя права. Не случайно же во всѣхъ культурныхъ государствахъ существуетъ городское самообложеніе, естественнымъ результатомъ котораго является городское самоуправленіе. Признается справедливымъ, чтобы плательщики *мѣстнаго* сбора принимали участіе и въ его установленіи, и въ его расходованіи; предполагается, что съ этимъ дѣломъ они справятся лучше чѣмъ правительственная власть, обремененная другими, болѣе важными задачами. За послѣдней остается контроль, необходимый какъ для охраненія границъ между областями общегосударственною и спеціально-городскою, такъ и для огражденія отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ группъ населенія, права и интересы которыхъ могли бы быть нарушены городскимъ управленіемъ. Тѣ же начала лежатъ въ основаніи другихъ формъ мѣстнаго самоуправленія — общиннаго, волостного, уѣзднаго, губернскаго, провинціальнаго и т. п. И безъ того уже почти вся Европа страдаетъ отъ чрезмѣрнаго размноженія чиновничества, отъ избытка административнаго вмѣшательства въ народную жизнь; во что же обратилось бы это зло, еслибы по бюрократическому образцу было организовано управленіе каждымъ городомъ, каждымъ мѣстечкомъ, каждой деревней? А у насъ въ Россіи—гдѣ нашли бы примѣненіе живыя силы, стремящіяся къ практической работѣ на общую пользу? Какіе остались бы стимулы къ общественной самодѣятельности, безъ того уже такъ мало у насъ развитой? Чѣмъ уравновѣшивалась бы забота о личномъ благѣ, безъ того уже такъ слабо сдерживаемая условіями русской жизни?...

Нашимъ несчастнымъ городамъ, изнывающимъ подъ бременемъ *самоуправленія*, противопоставляется, обыкновенно, Варшава, процвѣтающая — благодаря *управленію*. Не споримъ, можетъ быть, въ Варшавѣ городское хозяйство поставлено какъ нельзя лучше: но что же доказываетъ примѣръ одного города, особенно въ виду всѣмъ извѣстнаго ничтожнаго прошлаго до-реформенныхъ русскихъ городовъ? Можно ли утверждать, съ другой стороны, что между городами, въ которыхъ введено Городовое Положеніе 1892 года, нѣтъ такихъ, гдѣ городское хозяйство — toute proportion gardée — не уступало бы варшавскому? Извѣстный афоризмъ: les peuples heureux n'ont pas d'histoire—примѣнимъ и къ городамъ: всего больше обращаютъ на себя вниманіе именно тѣ изъ нихъ, гдѣ дѣла идутъ всего хуже. Много разъ уже указывалось и на то, что городское управленіе—вмѣстѣ съ земскимъ—самый удобный предметъ для нападеній: о немъ можно безнаказанно и безпрепятственно говорить не только правду, но и неправду. Изъ смѣси относящихся къ нему фактовъ, вымысловъ и преувеличеній выводятся сплошь и рядомъ, вопреки элементарнымъ правиламъ логики и справедливости, самыя поспѣшныя обобщенія: все хорошее забывается или отбрасывается въ сторону, все худое—или предполагаемое худымъ—обращается въ орудіе не противъ данной *формы*, а противъ самаго *принципа* самоуправленія. Руководствуясь такимъ шаблономъ, можно было бы почерпнуть изъ любого процесса о преступленіи по должности—хотя бы изъ окончившагося недавно дѣла нижегородскихъ инженеровъ—аргументъ противъ принципа государственной службы... Односторонностью, когда идетъ рѣчь о городскомъ управленіи, грѣшатъ иногда даже тѣ органы печати, которые не хотятъ возвращенія къ до-реформеннымъ порядкамъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, не нашелъ во всей дѣятельности петербургскаго городского общественнаго управленія ни одной свѣтлой страницы, кромѣ посвященной начальному обученію. Чтобы убѣдиться въ томъ, что этимъ не исчерпываются заслуги петербургской думы, стоитъ только вспомнить, чѣмъ были петербургскія больницы до перехода ихъ въ вѣдѣніе города. И теперь, конечно, онѣ оставляютъ желать еще многаго—но шагъ впередъ, въ короткое время, сдѣланъ громадный. Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще немало. Городское самоуправленіе дало матеріалъ для изряднаго числа памфлетовъ и даже пасквилей—но оно еще ждетъ своего историка.

Вообще большую роль въ судьбѣ учрежденій играетъ у насъ иногда какой-нибудь случай. Ни для кого, напримѣръ, не тайна, что однимъ изъ главныхъ источниковъ неурядицы, царившей, въ послѣднее время, въ петербургской городской думѣ и давшей поводъ печати преслѣдовать ежедневными насмѣшками и безпощаднымъ над-

мывательствомъ надъ лицами, стоящими во главѣ столичнаго городского общественнаго управленія, послужило одно мало извѣстное публикѣ обстоятельство, совершившееся четыре года тому назадъ, въ противность даже намѣреніямъ городской думы. Столичнымъ думамъ предоставлено избирать двухъ кандидатовъ на званіе городского головы. Первый кандидатъ, избранный петербургской думой въ особомъ собраніи четыре года тому назадъ, былъ именно тотъ, кого собственно желало большинство думы. Но, по требованію Городового Положенія, приходилось, тѣмъ не менѣе, избрать и второго кандидата, но уже въ слѣдующемъ собраніи думы. Въ этомъ избраніи гласные всегда видѣли простую формальность — и вотъ почему второй кандидатъ всегда получалъ большое число голосовъ,— больше, чѣмъ первый, какъ бы въ признательность за согласіе пойти въ такую второстепенную роль. Между тѣмъ, этотъ перевѣсъ голосовъ привелъ нынѣшній разъ къ тому, что городскимъ головой стало именно то лицо, котораго городъ не имѣлъ въ виду. До настоящаго времени, при всѣхъ прежнихъ выборахъ, второй кандидатъ также всегда получалъ больше голосовъ, чѣмъ первый, но всегда утверждался первый городскимъ головой. Аналогичные сюрпризы бывали и въ дворянскихъ собраніяхъ, гдѣ существуетъ та же система избранія кандидатовъ; припомнимъ, напримѣръ, дворянскіе петербургскіе выборы 1890-го года. Избирателей при этомъ обвиняютъ обыкновенно въ ошибкѣ, въ неумѣньѣ цѣнить людей и опредѣлять способность или неспособность ихъ къ данному призванію—а на самомъ дѣлѣ избиратели оказываются при этомъ безъ вины виноватыми...

Крайне тяжелое впечатлѣніе производила травля, которою извѣстнаго сорта печать отозвалась на рѣчь М. А. Стаховича, произнесенную въ Орлѣ на миссіонерскомъ съѣздѣ и напечатанную сначала въ „Орловскомъ Вѣстникѣ", а потомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Высказавшись, открыто и прямо, за свободу совѣсти, М. А. Стаховичъ собственно вступилъ только на путь, давно уже проложенный такими вѣрными сынами православной церкви, какъ Хомяковъ, Ю. Самаринъ, Ив. Аксаковъ, Владиміръ Соловьевъ; онъ выразилъ пожеланія, цѣлые полвѣка не перестававшія повторяться въ нашей печати. Чѣмъ же объяснить вызванную имъ злобу, доходившую до самозабвенія, до бѣшенства [1])?

[1]) Что эти эпитеты не слишкомъ сильны—доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующая небольшая цитата: „г. Стаховичъ—или *рехнувшійся* человѣкъ, или человѣкъ, одаренный проницательностью, предчувствующій, что близокъ конецъ старой православной и царской Россіи, на смѣну которой надвигается гроза второго изданія, въ русскомъ переводѣ, французской революціи 93-го года. О, тогда, съ вашей точки зрѣнія, вы—дальновидный, г. Стаховичъ, и *мѣсто россійскаго Дантона или Робеспьера—за вами!*" („Моск. Вѣд.", № 269).

Тѣмъ ли, что онъ говорилъ передъ миссіонерскимъ съѣздомъ, т.-е. передъ слушателями, менѣе всего близкими къ его взглядамъ? Но вѣдь именно здѣсь онъ могъ встрѣтить—и дѣйствительно встрѣтилъ—наиболѣе дружный отпоръ, именно здѣсь немедленно могла быть выставлена на видъ другая сторона вопроса. Тѣмъ ли, что г. Стаховичъ—орловскій губернскій предводитель дворянства, и раньше уже обращавшій на себя „благосклонное" вниманіе газетныхъ реакціонеровъ? Отчасти—да: въ томъ, что губернскій предводитель дворянства выступилъ защитникомъ свободы совѣсти, усматривается „печально-знаменательный образчикъ постепенной дезорганизаціи, овладѣвающей Россіей". Что̀ общаго, однако, между званіемъ предводителя и взглядами на вопросъ, чуждый какого бы то ни было сословнаго значенія? Было бы странно, еслибы предводитель дворянства заявилъ себя систематическимъ противникомъ дворянскаго сословія: тогда можно было бы недоумѣвать, зачѣмъ онъ согласился стать во главѣ корпораціи, признаваемой имъ ненужною. Во всемъ остальномъ предводитель дворянства въ такой же мѣрѣ волёнъ держаться того или иного взгляда, какъ и всякій другой русскій гражданинъ. Едва ли, притомъ, г. Стаховичъ произнесъ свою рѣчь именно въ качествѣ предводителя дворянства: на миссіонерскомъ съѣздѣ для этого должностного лица не можетъ быть оффиціальнаго мѣста. Главную причину „благороднаго негодованія", объектомъ котораго сдѣлался г. Стаховичъ, слѣдуетъ искать въ общемъ настроеніи реакціонной печати. Убѣжденная въ томъ, что на ея улицѣ праздникъ, она исполнена нетерпимости ко всему напоминающему о гуманности, о свободѣ; проникнутая рабскими чувствами, она не въ состояніи спокойно слышать сколько-нибудь независимое слово. Полемическіе ея пріемы всегда одни и тѣ же: повтореніе главной темы въ безчисленныхъ варіаціяхъ—въ передовыхъ статьяхъ, статьяхъ не-редакціонныхъ, письмахъ въ редакцію и т. п.,—и вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніе въ мысляхъ противника, чтеніе черезъ особые очки, извращающіе то, что̀ есть, и показывающіе то, чего нѣтъ вовсе. Въ данномъ случаѣ результатомъ такого чтенія явилось обвиненіе г. Стаховича... въ намѣреніи отдѣлить церковь отъ государства и поколебать основы православной вѣры! Сначала брошенное вскользь, оно разрабатывается, затѣмъ, настойчиво и подробно, съ цѣлымъ арсеналомъ ссылокъ на авторитеты. Нетрудно замѣтить, однако, что почва выбрана обвинителями совершенно произвольно, и на мѣсто вопроса, возбужденнаго г. Стаховичемъ, подставленъ другой, существенно отъ него отличный. Присмотримся поближе къ этому фокусу.

М. А. Стаховичъ предложилъ миссіонерскому съѣзду ходатайствовать объ отмѣнѣ „всякой уголовной кары за отпаденіе отъ православія и за принятіе и исповѣданіе иной вѣры". Приведя эти слова,

„Московскія Вѣдомости“ восклицають: „если русскій предводитель дворянства, и даже все русское дворянство, и даже само русское государство отрѣшатся отъ принциповъ православной вѣры, отъ этого, конечно, ни православная вѣра, ни православная церковь ничего бы не потеряли“, потому что „избавились бы отъ союза съ десятками милліоновъ людей мало нравственныхъ, мало религіозныхъ“; но что было бы при этомъ „съ остальнымъ народомъ, съ огромнымъ большинствомъ?“ Въ интересахъ этого большинства государство установило „рамки твердаго соціально-политическаго строя на союзѣ съ церковью“, а церковь согласилась на такой союзъ, жертвуя собою для блага міра. „И пока этотъ союзъ былъ фактомъ, Россія была духовно здорова и могуча; когда же законъ сталъ мертвѣть, у насъ пошло духовное разложеніе, все болѣе охватывающее Россію... Союзъ съ государствомъ нуженъ церкви для ея внѣшней жизни, для того чтобы ея слово, ученіе, вліяніе могли проникать повсюду и чтобы, по мѣрѣ человѣческой возможности, ничья совѣсть ничьимъ насиліемъ не была отгорожена отъ возможности видѣть и слышать христіанскую истину“. Между тѣмъ, внѣ-христіанскія или анти-христіанскія вліянія „и силою, и хитростью укрыли бы отъ всякаго доступа церкви огромныя массы населенія, еслибы у насъ порвался союзъ государства и церкви“. Съ другой стороны, для государства важно, „чтобы церковь совершала свое оздоровляющее воспитаніе человѣческаго духа какъ можно успѣшнѣе и шире“, и чтобы эта ея работа „не становилась какъ-нибудь въ случайное противорѣчіе съ собственными планами государства“. Въ виду всего этого, „какой русскій человѣкъ, любящій родину, преданный Государю и не лишенный разсужденія, можетъ пожелать такой страшной по своимъ послѣдствіямъ *революціи* (курсивъ въ подлинникѣ), какъ прекращеніе у насъ союза государства съ церковью“?

Гдѣ же, однако, связь между этимъ громкимъ финаломъ и скромной интродукціей, т.-е. воспроизведеніемъ подлинныхъ словъ г. Стаховича? Развѣ уголовныя кары имѣютъ что-либо общее съ церковными догматами, съ „принципами православной вѣры“? Развѣ принужденіе—необходимое условіе союза между церковью и государствомъ? Развѣ союзъ этотъ станетъ менѣе проченъ, если въ средѣ церкви не будутъ насильно удерживаемы принадлежащіе къ ней только по имени? Союзъ между церковью и государствомъ существуетъ вездѣ, гдѣ есть такъ называемая „господствующая“ церковь—а гдѣ же можно видѣть еще на стражѣ правовѣрія полицію и судъ? Со стороны государства союзныя отношенія къ церкви выражаются въ охранѣ ея ученія—отъ рѣзкаго, открытаго порицанія ея обрядовъ, — отъ нарушенія ихъ торжественности и благолѣпія; въ обезпеченіи за ея служителями почетнаго положенія въ обществѣ и средствъ къ безбѣдной жизни; въ

содѣйствіи, нравственномъ и матеріальномъ, ея миссіонерской дѣятельности; въ содержаніи на государственный счетъ духовно-учебныхъ заведеній; въ принятіи мѣръ къ религіозному обученію подростающаго поколѣнія и т. д. Ко всѣмъ этимъ прямымъ результатамъ союза присоединяются, обыкновенно, и косвенные: члены господствующей церкви пользуются—de facto, а иногда и de jure—различными привилегіями (напр. на поприщѣ государственной службы), въ которыхъ отказываютъ иновѣрцамъ. Не ясно ли, затѣмъ, что свобода совѣсти—отнюдь не синонимъ отдѣленія церкви отъ государства, и что тяжелые артиллерійскіе снаряды, выпущенные „Московскими Вѣдомостями", потрачены ими совершенно напрасно? Не ясно ли, что пересмотръ нашего уголовнаго законодательства въ направленіи, указанномъ М. А. Стаховичемъ, нимало не помѣшалъ бы ученію православной церкви „проникать повсюду", не „отгородилъ" бы ничью совѣсть отъ возможности слышать истину? Какимъ образомъ внѣ-христіанскія и анти-христіанскія вліянія могли бы „укрыть отъ доступа церкви огромныя массы населенія", разъ что церковь пользовалась бы по прежнему не только защитой, но и покровительствомъ государства? Какимъ образомъ провозглашеніе свободы совѣсти могло бы парализовать воспитывающее воздѣйствіе церкви на ея вѣрующихъ членовъ—или усилить вѣроятность противорѣчія между планами церкви и государства?..

Исторически сложившееся законодательство наше о преступленіяхъ противъ вѣры существуетъ не только на бумагѣ: оно постоянно примѣняется на самомъ дѣлѣ и назвать его „омертвѣлымъ", въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется „Московскими Вѣдомостями", никакъ нельзя. Предупреждаетъ ли оно, однако, нарожденіе новыхъ сектъ и распространеніе прежнихъ? Очевидно—нѣтъ. Если въ Россіи, какъ утверждаетъ московская газета, прогрессируетъ „духовное разложеніе", то причина его, очевидно—не излишняя терпимость въ дѣлахъ вѣры. Были, правда, эпохи еще бо́льшей строгости — но не съ этими ли эпохами совпадаетъ и усиленный ростъ раскола? Да и самое могущество Россіи, именно къ нимъ пріурочиваемое реакціонной печатью, не было ли тогда скорѣе кажущимся, чѣмъ реальнымъ, точно также какъ и ея „духовное здоровье"? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно, если вспомнить, какой періодъ предшествовалъ восточной войнѣ 1853-56 гг.

Религіозная терпимость нигдѣ не распространяется на тѣ ученія, въ составъ которыхъ входитъ призывъ къ совершенію общеуголовныхъ преступленій. Совершенно напрасно, поэтому, газетные противники г. Стаховича заводятъ рѣчь о безнаказанности, которой онъ, будто бы, желаетъ для пропагандистовъ скопчества, или указываютъ на разгромъ церкви-школы, произведенный сектантами въ с. Павлов-

кахъ (сумскаго уѣзда, харьковской губерніи). Причины послѣдняго, глубоко-прискорбнаго событія будутъ раскрыты слѣдствіемъ и судомъ, до окончанія котораго слѣдовало бы воздержаться отъ произвольныхъ догадокъ. А между тѣмъ, такія догадки не только дѣлаются, но выдаются за нѣчто достовѣрное. „Кто не закрываетъ глазъ"—пишетъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", членъ совѣта по сектантскимъ дѣламъ харьковской епархіи—„на истинный смыслъ анархическаго ученія Толстого, кто знакомъ съ фанатизмомъ толстовцевъ и съ ихъ крайнею враждебностью къ православію и православнымъ, для того вполнѣ понятно это (павловское) событіе. Оно случилось по необходимости и должно было случиться. Ничего не будетъ удивительнаго, если толстовство породитъ и что-либо еще болѣе ужасное, чѣмъ происшедшее въ Павловкахъ". Написавшій эти строки забылъ только одно — что Л. Н. Толстой принципіально и безусловно отрицаетъ и осуждаетъ всякое *насиліе*, въ чемъ бы оно ни заключалось и къ чему бы ни было направлено. Какая же можетъ быть причинная связь между такъ называемымъ „толстовствомъ" и насильственными дѣйствіями павловскихъ сектантовъ?

Въ виду вышеприведеннаго отзыва члена совѣта по сектантскимъ дѣламъ харьковской епархіи и тому подобныхъ, нельзя не привести и другой взглядъ, высказанный священникомъ Т. Черкасскимъ, въ его статьѣ, помѣщенной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 286), подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о свободѣ совѣсти"; въ этой статьѣ онъ сопоставляетъ высокую дѣятельность миссіонеровъ прошлаго, какъ Стефанъ Пермскій, Трифонъ, просвѣтитель лопарей, или Иннокентій Сибирскій,—„съ дѣятельностью или, точнѣе, со *службой* гг. миссіонеровъ настоящаго времени, щеголяющихъ въ фуражкахъ съ кокардою". Можно ли,—спрашиваетъ онъ,—о послѣднихъ сказать то же, что̀ мы говоримъ о первыхъ?

„Отвѣтъ на этотъ вопросъ"—продолжаетъ авторъ—„лучше всего можно видѣть изъ обстоятельствъ миссіонерскаго съѣзда, бывшаго недавно въ Орлѣ и подавшаго поводъ мѣстному губернскому предводителю дворянства, М. А. Стаховичу, сказать замѣчательную, полную горячей мольбы рѣчь о свободѣ совѣсти"... „Предложеніе г. Стаховича съѣзду возбудить ходатайство „въ пригодномъ порядкѣ" *о полной отмѣнѣ уголовной кары за отпаденіе отъ православія и за принятіе и исповѣданіе иной вѣры* (курсивъ въ подлинникѣ) не нашло сочувствія среди участниковъ миссіонерскаго съѣзда, и миссіонеры сочли за лучшее держаться стараго порядка"...

По словамъ о. Т. Черкасскаго, въ результатѣ такого стараго порядка оказывается что „господствующая церковь—раздираемая вну-

тренними смутами, преслѣдованіемъ, скрытностью, взаимною враждой—слабѣетъ духовно"...

„Вслѣдствіе насильственныхъ мѣръ, направленныхъ къ искорененію заблужденій, послѣднія, какъ „запрещенный плодъ", вызываютъ понятное любопытство и интересъ къ „гонимымъ" и „искореняемому", а нерѣдко и симпатіи со стороны лицъ, равнодушно относящихся ко всему этому, еслибы вниманіе ихъ не было остановлено именно этими „преслѣдованіями" или „запрещеніями".

„Люди, сильные духомъ и волею, уходятъ изъ господствующей церкви и основываютъ свои общины, одухотворенныя идеей и вѣрой въ правоту своего ученія. Немудрено, что къ нимъ примыкаютъ и другіе, хотя болѣе слабые волею, но люди искренняго, горячаго чувства, усматривающіе въ тѣсной, сплоченной единствомъ идеи общинѣ ту истину (хотя бы и призрачную), къ которой стремится пытливый человѣческій умъ.

„Замѣчательное явленіе! Вопросъ о свободѣ совѣсти возбужденъ г. Стаховичемъ—міряниномъ, а не духовнымъ лицомъ—представителемъ церкви, какъ бы слѣдовало ожидать, въ интересахъ которой безусловная свобода совѣсти имѣетъ абсолютно положительное значеніе...

„Чѣмъ объяснить такое явленіе? Вѣдь г. Стаховичъ, какъ свѣтское лицо, нисколько, думается, не испытываетъ *лично* тягостей стѣснительнаго положенія нашей православной церкви (да еще при такихъ исключительныхъ условіяхъ общественнаго положенія—губернскій предводитель дворянства); онъ воленъ исполнять постановленія церкви или же относиться къ нимъ отрицательно. Особенной придирки по этому вопросу ему ждать не отъ кого. Приходскій его батюшка навѣрно робѣетъ передъ нимъ и въ почтительномъ смиреніи готовъ исполнять, быть можетъ, всякія желанія и требованія, а не то чтобы возставать или перечить „господину предводителю".

„Такое рвеніе и вниманіе къ вопросамъ церкви въ средѣ мірянъ, —замѣчаемое, впрочемъ, уже давно,—объясняется тѣмъ, что такіе „наболѣвшіе" вопросы, вродѣ вопросовъ о свободѣ совѣсти, мало или совсѣмъ даже не интересуютъ духовенство. Или боязнь навлечь на себя гнѣвъ высшей церковной власти, въ случаѣ „мудрствованія", или просто „свѣтобоязнь", которою вообще мы страдаемъ, или же полнѣйшее равнодушіе наше вслѣдствіе ужасно сложившейся жизни, гдѣ приходится думать не о вопросахъ высшаго порядка, не о свѣтѣ, не о свободѣ, не о любви, не о снисходительности къ другимъ и строгости къ себѣ, а наоборотъ, о нравственномъ гнетѣ и темнотѣ (хотя идея-то пастырства требуетъ именно любви и свободы)—все

это заставляетъ насъ обходить молчаніемъ такіе вопросы или же обсуждать ихъ такъ, чтобы отъ этого было намъ выгодно.

„Міряне, какъ люди болѣе образованные, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и болѣе сознающіе важность и значеніе свободы совѣсти въ жизни человѣка, не могутъ относиться къ этому иначе и, какъ люди болѣе независимые, громко и смѣло заявляютъ объ этомъ, ратуя за благо жизни „мірской“ вообще и церковной—въ частности.

„Вспомнимъ лучшихъ нашихъ людей изъ „мірянъ“, которые волновались, спорили, думали объ оздоровленіи нашей церковной жизни. Всѣ эти Хомяковы, Самарины, Вл. Соловьевы, жадно и страстно желали одного: *свободной* жизни православной церкви. Они желали, чтобы церковь была началомъ свободнымъ, чтобы управленіе церкви, участіе членовъ ея въ жизни церковной опять-таки было свободнымъ“...

Пятидесятилѣтній юбилей А. А. Потѣхина, чествованіе котораго закончилось только на дняхъ, былъ настоящимъ празднествомъ для нашей литературы. Мало найдется у насъ писателей, заслуги которыхъ были бы признаны такъ единодушно, личность которыхъ была бы окружена такимъ общимъ сочувствіемъ. И въ области романа, и въ области театра, лучшія его произведенія будутъ забыты нескоро. Нашимъ потомкамъ будетъ трудно повѣрить, что пьесы А. А. Потѣхина почти всѣ встрѣчали большія цензурныя затрудненія, а иногда и вовсе не могли попасть на сцену. Съ нѣкоторыми изъ нихъ связаны воспоминанія о самой цвѣтущей эпохѣ русскаго театра; роль молодого ямщика въ драмѣ: „Чужое добро въ прокъ не идетъ“ была чуть ли не первой, въ которой проявилось во всемъ блескѣ глубокое драматическое дарованіе Мартынова. Вспоминаемъ съ удовольствіемъ, что и въ нашемъ журналѣ были напечатаны слѣдующія произведенія А. А. Потѣхина: „Хай-дѣвка“, пов.; „Хворая“, пов.; „Около денегъ“, ром.; „На-міру“, пов.; „Выгодное предпріятіе“, ком.; „Молодые побѣги“, пов.; „Деревенскіе міроѣды: I. Дѣдушка Николай Иванычъ; II. Старый Покровскій дьяконъ“.

Post-Scriptum.—Наша хроника была уже закончена, когда мы встрѣтили въ „Россіи“ (№ 889) нѣкоторыя свѣдѣнія о варшавскомъ городскомъ управленіи, вовсе не оправдывающія восторженные отзывы о немъ нашей реакціонной печати. По словамъ газеты, въ Варшавѣ нѣтъ ни одной начальной городской школы; отстала она и въ дѣлѣ орга-

низаціи врачебной помощи. Исправно содержатся нѣсколько главныхъ улицъ, но если заглянуть за „Желѣзную браму", то можно придти въ ужасъ отъ образцоваго, будто бы, благоустройства. Если все это справедливо, то хорошъ примѣръ, которому должны подражать коренные русскіе города!

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Канцеляріи по управленію дѣтскими пріютами, состоящей при Главноуправляющемъ Собственною Е. И. В. Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Центральное Управленіе дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, убѣдившись въ большой пользѣ, приносимой сельскому населенію устройствомъ лѣтнихъ пріютовъ-яслей для призрѣнія крестьянскихъ дѣтей, остающихся во время полевыхъ работъ родителей безъ всякаго надзора, принимало въ теченіе послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать открытію возможно большаго числа пріютовъ-яслей во всѣхъ губерніяхъ Россіи. Съ этою цѣлью Центральное Управленіе пріютовъ, издавъ особую брошюру о пріютахъ-ясляхъ, разослало большое число экземпляровъ этой книги всѣмъ губернаторамъ, губернскимъ, уѣзднымъ и сельскимъ попечительствамъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, а равно и многимъ предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ земскихъ управъ, земскимъ начальникамъ, мировымъ посредникамъ, помѣщикамъ, земскимъ и крестьянскимъ учрежденіямъ, причемъ оно рекомендовало устройство яслей и просило объ оказаніи содѣйствія, какъ къ распространенію въ мѣстномъ населеніи свѣдѣній о пользѣ, приносимой яслями, такъ и къ открытію такихъ заведеній. Вслѣдствіе этихъ мѣръ, во многихъ губерніяхъ, по почину и при содѣйствіи мѣстныхъ попечительствъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, стали открываться сельскіе пріюты-ясли, изъ которыхъ многіе находились въ непосредственномъ вѣдѣніи названныхъ попечительствъ, а многіе другіе состояли въ вѣдѣніи земскихъ и другихъ учрежденій. Эти пріюты-ясли дали самые отрадные результаты и встрѣтили всеобщее сочувствіе.

Тѣмъ не менѣе, въ Центральномъ Управленіи пріютовъ нынѣ часто получаются заявленія о томъ, что дѣло распространенія сельскихъ яслей повсемѣстно въ Россіи все еще не развивается такъ скоро и въ такихъ размѣрахъ, какъ это было бы желательно, и что при новизнѣ этого дѣла препятствіемъ являются, главнымъ образомъ, недостаточное знакомство общества съ порядкомъ устройства и веденія яслей, отсутствіе опытныхъ руководителей для этихъ заведеній на мѣстахъ и неимѣніе необходимыхъ инструкцій и руководствъ для ихъ устройства.

Поэтому въ настоящее время при Центральномъ Управленіи дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и въ непосредственномъ его вѣдѣніи образовался кружокъ лицъ, интересующихся вопросомъ объ улучшеніи участи безпризорныхъ дѣтей сельскаго населенія и поставившихъ себѣ задачею оказать, подъ руко-

водствомъ Центральнаго Управленія пріютовъ, содѣйствіе къ дальнѣйшему развитію дѣла устройства сельскихъ яслей въ Россіи, посредствомъ распространенія свѣдѣній о ясляхъ, изданія и разсылки брошюръ и руководствъ, устройства чтеній, организаціи временныхъ курсовъ для подготовленія необходимыхъ руководителей и руководительницъ для яслей, командированія опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ въ губерніи для устройства яслей и изысканія необходимыхъ для успѣшнаго развитія сельскихъ яслей денежныхъ средствъ.

Въ виду этого Центральное Управленіе дѣтскихъ пріютовъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу развитія сельскихъ яслей и желающимъ содѣйствовать этому дѣлу личными трудами или денежными пожертвованіями, или имѣющимъ возможность сообщить по этому дѣлу полезныя свѣдѣнія или печатныя брошюры, руководства или инструкціи, — съ просьбою присылать свои заявленія въ Канцелярію по управленію всѣми дѣтскими пріютами Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (Спб., Казанская ул., д. 7), въ присутственные дни отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня, денежныя же пожертвованія на устройство сельскихъ яслей адресовать въ состоящій при названной Канцеляріи Высочайше учрежденный Главный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (Спб., Казанская ул., 7).

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА

въ

ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ

Есть такіе вопросы, относительно которыхъ, строго говоря, не можетъ быть или, по крайней мѣрѣ, не должно бы быть двухъ разныхъ мнѣній уже потому, что потребности, о которыхъ идетъ рѣчь, и тѣ средства, которыя могутъ служить для ихъ удовлетворенія, носятъ совершенно общій характеръ.

Къ числу такихъ именно „общихъ“ культурныхъ вопросовъ принадлежитъ и *университетскій вопросъ*.

Развѣ можно потребность въ высшемъ образованіи—въ одномъ случаѣ искусственно заключить въ какія-либо національныя рамки, а въ другомъ—столь же искусственно вовсе изгнать эту потребность изъ народной жизни? Развѣ не должны и средства для удовлетворенія этой потребности по самому существу дѣла быть однородными?

У насъ, повидимому, до послѣдняго времени держались убѣжденія, что можно и должно русскіе университеты заставить процвѣтать и преуспѣвать совершенно на свой ладъ. Теперь какъ будто эта увѣренность нѣсколько поколебалась! Не лишнимъ поэтому будетъ оглянуться на сосѣдей, прислушаться къ тому, ка[illegible] они судятъ о нашихъ домашнихъ мѣрахъ и заботахъ на бл[illegible] отечественнаго просвѣщенія.

[illegible]льшой ошибкой было бы думать, что, напримѣръ, въ Германі[illegible] люди, которымъ близко и дорого дѣло науки и просвѣщ[illegible] мало освѣдомлены о положеніи высшаго образованія въ

другихъ странахъ, и что, напримѣръ, нѣмецкіе университетскіе дѣятели не могутъ оцѣнить по достоинству тѣ условія, въ которыя были поставлены русскіе университеты реформой 1884 г.

Извѣстный и русскимъ читателямъ профессоръ берлинскаго университета Фридрихъ Паульсенъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ въ области средняго и высшаго образованія въ Германіи, повидимому, вполнѣ хорошо знакомъ съ русскимъ университетскимъ уставомъ 1884 года. Въ обширной статьѣ [1]), посвященной общей характеристикѣ духа и строя нѣмецкихъ университетовъ, Паульсенъ ссылается на *русскій университетскій уставъ 1884 года*, какъ на *„примѣръ для устрашенія“*. Авторъ говоритъ своимъ соотечественникамъ, что *„опытъ другихъ странъ“* долженъ научить ихъ особенно дорожить тѣмъ, что̀ искони составляетъ залогъ развитія и процвѣтанія германскихъ университетовъ...

Рѣчь идетъ о такъ-называемой *академической свободѣ*. Началомъ такой свободы проникнутъ весь духъ и строй германскаго университета. Это тотъ непремѣнный и существенный коэффиціентъ, который всегда слѣдуетъ предполагать и съ которымъ всегда слѣдуетъ считаться, какой бы стороны жизни и дѣятельности нѣмецкаго университета дѣло ни коснулось. Все это хорошо извѣстно каждому, кто имѣлъ возможность ближе приглядѣться къ университетскимъ порядкамъ въ Германіи.

Не удивительно ли, однако, что истинное значеніе и глубокое благотворное вліяніе „академической свободы“ остаются и въ самой Германіи какъ бы недостаточно понятыми и оцѣненными со стороны такъ-называемой „большой публики“? Если вникнуть въ одну изъ причинъ такого кажущагося равнодушія, то объясненіе найти не трудно. Въ самомъ дѣлѣ,—кто привыкъ дышать здоровымъ и чистымъ воздухомъ, тотъ, быть можетъ, никогда и не спроситъ себя: „да почему же мнѣ дышется такъ легко и свободно“? Но зато тѣмъ неотступнѣе возникаетъ этотъ вопросъ для всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ этотъ свободный духъ нѣмецкихъ университетовъ назвать своимъ, роднымъ... или развѣ только съ общей точки зрѣнія: „homo sum“, а потому могу считать и себя причастнымъ тому, что̀ должно почитаться „humanum“ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, т.-е. достояніемъ общечеловѣческой культуры... Но способно ли такое чисто платоническое „nil humani alienum puto“—дать удовлетвореніе, когда своя

---

[1]) См. *F. Paulsen*. Wesen und geschichtliche Entwickelung der deutschen Universitäten, въ изданіи „Deutsche Universitäten“, предпринятомъ подъ редакціей проф. В. Лексиса для университетской выставки въ Чикаго. Berlin, 1893, стр. 95 и д.

дѣйствительность такъ разнится отъ того, что̀ для германскаго университета не есть какой-либо недостижимый идеалъ, а составляетъ его неотъемлемое достояніе?

Отвѣтить на этотъ вопросъ за всѣхъ и каждаго, быть можетъ, и нельзя. Именно относительно вопросовъ первостепенной общественной важности приходится нерѣдко встрѣтить или полное отсутствіе всякой отзывчивости, или же крайне своеобразныя представленія о томъ, что̀ хорошо и желательно.

У насъ признаютъ и высоко цѣнятъ нѣмецкую науку; мы готовы пользоваться ея плодами въ любой области. Почему же намъ не приглядѣться и къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ насаждается и процвѣтаетъ высшее образованіе въ Германіи?

Академическая свобода въ германскихъ университетахъ и есть одно изъ такихъ условій—и, быть можетъ, самое важное, самое существенное.

Попытаемся выяснить истинный смыслъ этого начала и будемъ при этомъ задаваться цѣлью составить себѣ правильное понятіе о значеніи *академической свободы нѣмецкаго студента, какъ свободы ученія*, т.-е. свободы пріобрѣтенія высшаго образованія вообще и тѣхъ спеціальныхъ знаній, которыя составляютъ предметъ изученія на отдѣльныхъ факультетахъ. Начинать, конечно, слѣдуетъ съ вопросовъ общихъ и принципіальныхъ. Но затѣмъ, чтобы имѣть возможность судить, такъ сказать, и о практическомъ значеніи свободы ученія, о непосредственномъ вліяніи этого начала на сознательный трудъ нѣмецкаго студента, необходимо будетъ коснуться и нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ учебной и учебной жизни германскаго университета. Имѣя въ виду общую характеристику, можно ограничиться самыми необходимыми данными, взятыми въ видѣ примѣра и иллюстраціи изъ жизни и практики нѣмецкихъ факультетовъ любой спеціальности. Мы будемъ ссылаться преимущественно на условія преподаванія и изученія права на *юридическихъ факультетахъ* въ Германіи. Въ этой области признаніе начала свободы ученія студентовъ и высокое, благотворное вліяніе этого начала—проявляются съ особенной ясностью и опредѣленностью.

I.

Свобода и неограниченный произволъ, свобода и полное отрицаніе чувства долга—это такія представленія, которыя часто смѣшиваются и отождествляются. Протестъ противъ возможныхъ и дѣйствительно встрѣчающихся злоупотребленій свободою нерѣдко

служитъ причиной отрицательнаго отношенія къ самому началу свободы вообще: возможность самоопредѣленія личности хотятъ замѣнить извѣстнымъ воздѣйствіемъ извнѣ,—принужденіемъ; свободу выбора труда и свободу его выполненія желаютъ устранить безусловно обязательными предначертаніями для всѣхъ и каждаго и мѣрами постояннаго контроля и понужденія.

Нѣмецкій университетъ, какъ справедливо указываетъ профессоръ Листъ [1]), *есть свободное сообщество учащихъ и учащихся*, и онъ сохранилъ это свое значеніе носителя свободной науки, хотя сама наука, равно какъ и преподавательская дѣятельность профессоровъ, и служитъ въ значительной мѣрѣ цѣлямъ общества и государства.

Свободное сообщество предполагаетъ свободу для каждой изъ участвующихъ сторонъ. Общее понятіе академической свободы обнимаетъ собою какъ *свободу профессоровъ* (Lehrfreiheit), такъ и *свободу студентовъ* (Lernfreiheit).

Понятіе *свободы преподаванія* само по себѣ не можетъ возбудить особыхъ сомнѣній. Извѣстныя положительныя требованія связаны, конечно, съ самымъ званіемъ или „должностью" профессора, какъ лица, находящагося на государственной службѣ. Но такія обязанности не идутъ далѣе необходимости посвящать извѣстное количество часовъ изложенію тѣхъ наукъ, которыя относятся къ занимаемой даннымъ профессоромъ каѳедрѣ. Свобода преподаванія такого рода обязанности по существу не касается. Истинный смыслъ и значеніе свободы преподаванія опредѣляется самымъ высокимъ призваніемъ профессора, задачами и цѣлями его преподавательской дѣятельности, въ качествѣ руководителя юношества, и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ этому призванію и къ этимъ задачамъ.

Что же касается *академической свободы студентовъ*, понимаемой, съ одной стороны, въ смыслѣ отсутствія всякаго дѣйствительнаго контроля въ занятіяхъ, всякаго внѣшняго принужденія или побужденія къ посѣщенію лекцій и т. д., а съ другой стороны—въ смыслѣ широкой свободы въ самомъ образѣ жизни, извѣстной исключительности самаго ихъ общественнаго положенія, то здѣсь, очевидно, встрѣчаются и переплетаются такія разнородные элементы, которые легко могутъ вызвать совершенно невѣрное представленіе объ истинномъ значеніи и содержаніи начала свободы ученія.

---

[1]) См. *Franz v. Liszt* (въ настоящее время профессоръ въ Берлинѣ), актовая рѣчь: „Die Reform des juristischen Studiums in Preussen". 1886, стр. 9.

Нельзя отрицать, что нѣкоторыя излишества или даже прямыя злоупотребленія въ пользованіи свободой со стороны извѣстной части нѣмецкаго студенчества въ свою очередь даютъ поводъ къ возраженіямъ противъ самой академической свободы вообще. Даже изъ университетскихъ сферъ, изъ среды самихъ профессоровъ уже раздавались голоса съ требованіями самыхъ серьезныхъ ограниченій академической свободы. Предлагались такія мѣры активнаго контроля, которыя потребовали бы на практикѣ введенія цѣлой арміи педелей, школьной системы извѣщенія родителей и опекуновъ о числѣ пропущенныхъ студентами лекцій и т. д. [1]) Такія предложенія мотивировались тѣмъ, что студенты не умѣютъ или не хотятъ пользоваться предоставленной имъ свободой иначе какъ къ серьезному вреду для себя, въ противорѣчіе нравственному долгу и собственному достоинству.

Вотъ что̀ счелъ долгомъ, между прочимъ, высказать извѣстный ученый, проф. Шмоллеръ: „Такъ-называемая академическая свобода именно у *студентовъ-юристовъ* проявляетъ свои наиболѣе темныя стороны. Эта свобода порождаетъ, правда, возможность удивительнаго индивидуальнаго развитія у немногихъ избранныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея послѣдствіями является то, что въ аудиторіи показывается едва лишь половина записавшихся студентовъ, и что добрая треть студентовъ-юристовъ на годъ или на два совершенно погрязаетъ въ ничегонедѣланіи, въ препровожденіи времени за кружкой пива и постепенно совершенно тупѣетъ... На многіе порядки въ нашей университетской жизни нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глубокой горестью и съ тяжелыми опасеніями за будущее. Здѣсь мы видимъ прямой остатокъ средневѣковой грубости и варварства; онъ сохранился рядомъ съ высшимъ образованіемъ и самыми высокими нравственными усиліями; много профессоровъ и лицъ изъ высшаго класса служащихъ сохранили слишкомъ снисходительное отношеніе ко всему этому по воспоминаніямъ о своихъ собственныхъ молодыхъ годахъ („Jugendthorheiten“). Я, однако, очень боюсь, что наше высшее чиновничество будетъ становиться все менѣе способнымъ удовлетворять своимъ обязанностямъ, если оно будетъ по прежнему настаивать на завидной привилегіи посвящать лучшіе годы молодости—4, 5 семестровъ—форменному бражничеству, условному бреттёрству, безсмысленному тунеядству или тщеславной забавѣ внѣшними формами „общественнаго лоска“ и „тонкаго обращенія“... Нерѣдко

---

[1]) *Schmoller*, Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft“. 1886. 2. Heft, стр. 286 и д.

ссылаются на то, что тѣ, кто много веселился въ юности, становятся отличными дѣловыми людьми на государственной службѣ... Это справедливо относительно единицъ, относительно наиболѣе одаренныхъ... Большинство же, при указанномъ образѣ жизни, становится совершенно тупыми людьми, безъ всякихъ интересовъ и отзывчивости, предается поискамъ удовольствій, азартнымъ играмъ и кутежу... Уже одно сравненіе съ военнымъ сословіемъ должно бы показать, что для воспитанія твердыхъ и мужественныхъ характеровъ *такая свобода* вовсе не нужна. Въ техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло обстоитъ много лучше; самый характеръ серьезныхъ занятій, на почвѣ естественныхъ наукъ, не допускаетъ подобнаго бездѣльничанья... Такой лѣни, какъ среди студентовъ юристовъ, не встрѣчается среди слушателей другихъ факультетовъ... Студенты-юристы, говорятъ, наиболѣе состоятельные, а потому и наиболѣе склонные къ лѣни и поискамъ развлеченій. Но развѣ хорошія матеріальныя средства должны давать студенту подобную привилегію?.. Почему не предоставить юношамъ любую свободу, но пусть они пользуются ею въ теченіе десяти и болѣе лѣтъ, а не какъ теперь—сплошь и подъ рядъ, и пусть веселью будетъ часъ, а праздникамъ—извѣстные дни!.. Строгая дисциплина въ гимназіи, а затѣмъ для большинства—серьезныя обязанности государственной службы, а въ промежутки—студенческіе годы, годы безграничной свободы, бездѣлья и житья въ свое удовольствіе: это способно разрушить лучшія тѣлесныя и духовныя силы, это—недостойное издѣвательство надъ основными правилами воспитанія!"...

„Эта хваленая академическая свобода, — говоритъ другой нѣмецкій юристъ [1]),—не есть уже болѣе свобода духа, а простая разнузданность матеріальной, животной стороны человѣка: съ одной стороны—полная распущенность и отсутствіе всякой требовательности по отношенію къ самому себѣ, а съ другой—рабское подчиненіе гнету безсмысленныхъ обычаевъ такъ-называемаго „Komment"'а (условный кодексъ студенческихъ обычаевъ), терроризмъ аристократіи весьма сомнительной пробы и нетерпимой заносчивости драчуна".

Профессоръ боннскаго университета Шульте, въ актовой рѣчи, въ 1881 году [2]), нарисовалъ также довольно мрачными красками

---

[1]) *Ortloff*, Die Reform des Studiums..., Mahnworte an Lehrer und Studierende. Berlin, 1887; приводимыя цитаты представляютъ точную передачу, но не сплошной буквальный переводъ.

[2]) *F. von Schulte*, Gedanken über Aufgabe und Reform des juristischen Studiums. Rectoratsrede. Bonn, 1881, стр. 16, 24. Рѣчь эта для печати дополнена примѣчаніями, которыя еще болѣе усиливаютъ ея рѣзкій тонъ осужденія.

общую картину бездѣльной и распущенной жизни студентовъ-юристовъ. Особенно рѣзко профессоръ Шульте высказывается противъ того принципіальнаго и нарочитаго пренебреженія лекціями и университетскими занятіями, которое весьма распространено особенно среди самыхъ аристократическихъ и богатыхъ студенческихъ корпорацій"... Ораторъ называетъ корпорацію „Borussia" въ Боннѣ, гдѣ въ спискахъ всегда числится нѣсколько принцевъ и сыновей самой крупной нѣмецкой аристократіи. То же самое—судимъ по личнымъ впечатлѣніямъ—можно сказать и относительно всѣхъ вообще „корпорацій" и въ особенности принадлежащихъ къ нимъ студентовъ-юристовъ.

Мы не имѣемъ возможности касаться здѣсь вопроса о студенческихъ организованныхъ союзахъ. Во избѣжаніе недоразумѣній обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя особыя черты. Нѣмецкіе корпоративные студенческіе союзы: корпораціи (Corps), товарищества (Burschenschaften), землячества (Landsmanschaften) и т. д., вовсе не представляютъ собою организаціи курсовъ по отдѣльнымъ факультетамъ, не преслѣдуютъ никакихъ научныхъ или образовательныхъ цѣлей, и всего менѣе цѣлей взаимной матеріальной поддержки. Быть активнымъ членомъ такихъ товарищескихъ союзовъ обходится очень дорого, такъ какъ требуется дѣлать значительные взносы въ общую кассу, предназначенную на содержаніе роскошныхъ помѣщеній для коллективныхъ попоекъ, наемъ служителей въ ливреѣ союза и т. п. Затѣмъ, самый пріемъ обусловленъ всегда извѣстной высотой „мѣсячнаго векселя", т.-е., возможностью тратить много на веселый разгулъ и внѣшнее представительство. Весьма часто и богатые студенты-корпоранты ведутъ жизнь не по средствамъ; долги такихъ прожигателей жизни въ Германіи давно вошли въ пословицу... Въ послѣднее время прямо какъ бы въ видѣ протеста противъ корпораціоннаго строя среди нѣмецкаго студенчества стали распространяться иного рода союзы—такъ-называемые „Finkenschaften"—основанные на началѣ совершенной *свободы и взаимной независимости членовъ.* Мнѣ пришлось присутствовать при возникновеніи такого союза въ одномъ большомъ прусскомъ университетѣ. Основная идея заключается въ томъ, что къ союзу принадлежитъ всякій студентъ, не инкорпорированный—т.-е. не состоящій членомъ замкнутыхъ корпоративныхъ группъ; никакого избранія, никакихъ членскихъ взносовъ не полагается. Общее собраніе выбираетъ предсѣдателя и, такъ сказать, исполнительный комитетъ, въ составъ котораго входятъ предсѣдатели раздѣленій союза по спеціальнымъ группамъ, по-

священнымъ различнымъ цѣлямъ свободнаго общенія на почвѣ науки, искусства, спорта и т. д. Намъ пришлось бывать на собраніяхъ по научнымъ вопросамъ (большею частію экономическимъ), на литературныхъ вечерахъ, принимать участіе въ большихъ загородныхъ прогулкахъ и поѣздкахъ... Мы вынесли самое хорошее впечатлѣніе. Но должны замѣтить, что въ средѣ самихъ „Finkenschaften" чувствуется нѣкоторая недостаточная устойчивость ихъ организаціи, отсутствіе достаточной объединенности. Жизнь многихъ „Finkenschaften" не идетъ вполнѣ правильно и покойно. Нѣкоторые раздѣляются и преобразуются въ иные союзы съ болѣе ясно выраженнымъ объединеніемъ членовъ; въ иныхъ, повидимому, сильно обостряются различные вопросы, напр. національный (анти-славянскій, анти-семитическій и т. д.), что̀ ведетъ иногда къ вмѣшательству университетскаго начальства (въ этомъ году закрытъ „Finkenschaft" въ Галле, что̀ повело къ громкимъ протестамъ подобныхъ союзовъ въ другихъ городахъ, напр. въ Лейпцигѣ). Такимъ образомъ, симпатичный принципъ свободнаго взаимнаго общенія, доступнаго всякому студенту безъ различія національности и матеріальнаго положенія, не нашелъ еще себѣ вполнѣ соотвѣтственной формы. Со стороны инкорпорированныхъ студентовъ всякія начинанія въ этомъ родѣ встрѣчаются враждебно и ведутъ къ расколамъ среди самого студенчества...

Совершенно иной характеръ носятъ *научныя общества студентовъ* по различнымъ спеціальностямъ, обыкновенно въ соотвѣтствіи съ раздѣленіемъ спеціальностей по факультетамъ. Довольно частыя собранія, чтенія рефератовъ, пренія и затѣмъ товарищеская вечеринка въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Иногда гостями на такихъ собраніяхъ бываютъ и профессора; случается, что и профессоръ скажетъ рѣчь или сдѣлаетъ небольшой докладъ... Это, конечно, въ высшей степени симпатичное явленіе въ нѣмецкой университетской жизни. Въ этой формѣ „свобода ученія и образованія" студента также находитъ поддержку и удовлетвореніе... Но сами по себѣ такого рода научныя общества студентовъ играютъ всего менѣе видную роль въ жизни университетской молодежи, и мы должны признать, что вынесли впечатлѣніе, будто далеко не всегда научный интересъ есть объединяющее или „собирающее" начало, а для многихъ—просто потребность проводить вечера среди товарищей; нѣкоторые союзы устроиваютъ и еженедѣльныя „Kneipen" безъ предшествующихъ докладовъ.

Политическихъ союзовъ, въ собственномъ смыслѣ слова, среди студентовъ въ Германіи правительство не допускаетъ. Но оно

охотно поддерживаетъ такія сообщества, которыя носятъ *патріотическій* и *нѣмецко-національный* характеръ. Такимъ является, напр., „Verein Deutscher Studenten“ —союзъ на ясно выраженныхъ національно-патріотическихъ началахъ, имѣющій свои отдѣленія почти во всѣхъ университетахъ. „Verein“ является, напр., носителемъ и выразителемъ культа Бисмарка, который весьма распространенъ среди нѣмецкаго студенчества: годовщина рожденія Бисмарка празднуется съ большой торжественностью; почти во всѣхъ университетскихъ городахъ воздвигнуты или воздвигаются особыя „Bismarksäulen“, при которыхъ и произносятся рѣчи, поются пѣсни и т. д. „Verein“ является вообще иниціаторомъ всякаго рода патріотическихъ манифестацій и празднествъ. Чествованіе памяти Мольтке въ прошломъ году подало, напр., поводъ къ собраніямъ (по приглашенію этого союза), носившимъ грандіозный характеръ: профессора читали историческіе очерки; другіе ораторы произносили хвалебныя характеристики; высшіе военные чины провозглашали патріотическіе тосты. Хозяевами же и иниціаторами были студенты, и собраніе по внѣшней обстановкѣ носило характеръ студенческой „Kneipe“. Если такимъ образомъ дѣятельность студенческихъ союзовъ въ политическомъ направленіи является но необходимости односторонней и ограниченной, то слѣдуетъ, наоборотъ, отмѣтить, что организованныя студенческія общества, особенно тѣ, которыя носятъ „цвѣтà“, т.-е. имѣютъ разныя внѣшнія отличія—головные уборы, перевязи, знамена и т. п., весьма охотно принимаютъ участіе во всякаго рода празднествахъ и процессіяхъ, гдѣ есть случай предстать во всемъ великолѣпіи традиціонныхъ принадлежностей парада (vollen Wichs). Всѣ университетскіе праздники проходятъ при самомъ живомъ участіи студенческихъ союзовъ.

Религіозныя или *церковныя* торжества также являются поводомъ для совмѣстныхъ манифестацій студенческихъ союзовъ. Такъ, напр., „Праздникъ Реформаціи“ обыкновенно собираетъ протестантскіе студенческіе союзы „въ полномъ парадѣ“ къ торжественному богослуженію, а затѣмъ студенты проходятъ процессіей по городу, устроиваютъ вечеромъ факельцугъ и т. п. Католическіе студенческіе союзы принимаютъ участіе со своими знаменами и т. п. въ религіозныхъ торжествахъ, напр. въ процессіи на „Frohnleichnamssfest“, посылаютъ своихъ депутатовъ для присутствія при церемоніи рукоположенія новаго епископа и т. п.

Затѣмъ каждый союзъ имѣетъ свои *собственные праздники*, которые справляются съ наиболѣе возможной внѣшней торжествен-

ностью. Корпораціямъ такіе праздники обходятся въ нѣсколько тысячъ марокъ.

Нельзя не согласиться, что тѣ несимпатичныя черты въ жизни нѣмецкаго студенчества, которыя даютъ поводъ къ рѣзкимъ отзывамъ о немъ, нисколько не преувеличены и отвѣчаютъ дѣйствительности.

Но какъ ошибочно было бы именно въ этомъ видѣть всю сущность академической свободы нѣмецкаго студента, ея единственное проявленіе! Вѣдь *студентомъ* по существу дѣла можетъ называться лишь тотъ, кто дѣйствительно ищетъ въ университетѣ высшаго образованія. Гнейстъ (*Gneist*, „Aphorismen zur Reform des Rechtsstudiums in Preussen". Berl., 1887) совершенно правъ, раздѣляя всѣхъ, кто числится студентомъ, на три группы: *настоящіе студенты*, *полу-студенты и вовсе не студенты*. Говорить о значеніи свободы ученія можно только примѣнительно къ первой группѣ.

Если же оказывается, что и „полу-студенты", и „вовсе не студенты", такъ или иначе „проходятъ черезъ государственный экзаменъ", то въ томъ, что на службу попадаютъ неразвитые и невѣжественные молодые люди, слѣдуетъ винить не университетъ вообще и не свободу ученія въ частности, а организацію и практику самихъ государственныхъ экзаменовъ, которая, особенно въ Пруссіи, оставляетъ желать очень многаго. Стоитъ только экзаменовать основательнѣе, чтобы сами собою ряды нѣмецкихъ референдаріевъ (соотвѣтствуетъ нашему младшему кандидату) пополнялись преимущественно изъ тѣхъ студентовъ-юристовъ, которые были „настоящими студентами" и вынесли изъ университета болѣе пригодный для жизни багажъ, чѣмъ воспоминанія о попойкахъ и поединкахъ, и пріобрѣли болѣе цѣнныя свѣдѣнія въ теченіе своихъ студенческихъ лѣтъ, чѣмъ преувеличенная изысканность въ манерѣ держать себя и непріятная привычка на все окружающее смотрѣть съ высоты собственнаго воображаемаго великолѣпія.

Общество, однако, само виновато въ такихъ отрицательныхъ явленіяхъ, которыя вызываютъ нареканія противъ академической свободы нѣмецкаго студенчества; до сего времени въ обществѣ можно замѣтить какъ бы извѣстный культъ такого молодеческаго и вмѣстѣ съ тѣмъ распущеннаго тунеядства со стороны богатаго и знатнаго студенчества.

Что же касается университета, то уже, конечно, не такую свободу студентовъ онъ считаетъ долгомъ оберегать и культивировать!

Вѣдь явленія, вполнѣ аналогичныя съ выше описанными, т.-е. бездѣлье, шелопайничанье, фатовство, кутежи и т. д., вполнѣ возможны и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ никакой студенческой свободы; здѣсь они, быть можетъ, еще гораздо опаснѣе и непоправимѣе по послѣдствіямъ, ибо, съ одной стороны, отсутствіе свободы ученія лишаетъ возможности, такъ сказать, опомниться, взяться за серьезный трудъ, зная, что это никогда не поздно, а съ другой—частые, ежегодные экзамены, сдаваемые всѣми правдами и неправдами, успокоиваютъ собственное сознаніе и, удовлетворяя формальнымъ требованіямъ, заставляютъ закрывать глаза на собственное невѣжество и отсутствіе общаго развитія!

Та академическая свобода нѣмецкихъ студентовъ, о которой стòитъ говорить и которой нельзя не завидовать, есть свобода ученія (Lernfreiheit), а не свобода ничегонедѣланія и т. п.

Конечно, понятіе свободы прежде всего заключаетъ въ себѣ отрицаніе *внѣшняго* давленія и принужденія. Но это не значитъ, что свобода исключаетъ свободное самоопредѣленіе и представленіе о свободно сознанномъ долгѣ. Если на практикѣ, при отсутствіи принужденія, нерѣдко утрачивается чувство долга и исчезаетъ внѣшній мотивъ къ его исполненію, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что истинная свобода студента заключается въ какой-либо особой привилегіи на веселое времяпрепровожденіе и хроническую лѣнь.

Чтобы получить правильное представленіе объ академической свободѣ нѣмецкаго студента въ ея дѣйствительномъ значеніи, надо, съ одной стороны, знать ея *происхожденіе*, такъ какъ и здѣсь, какъ и вообще въ строѣ германскихъ университетовъ, многое является результатомъ исторіи, а съ другой стороны, судить объ академической свободѣ студента слѣдуетъ не по возможнымъ злоупотребленіямъ со стороны единицъ или меньшинства, а по тѣмъ *высокимъ цѣлямъ*, которымъ она служитъ, и по тому неоспоримому *благотворному дѣйствію*, которое оказываетъ ея присутствіе на здоровую и трудящуюся часть нѣмецкаго студенчества.

II.

„Академическая свобода“ нѣмецкаго студента возникла не сразу въ видѣ идеальнаго начала свободы ученія, а сложилась постепенно, чисто фактически, на почвѣ тѣхъ условій, при которыхъ возникли и первые университеты въ Германіи.

Академическая свобода возникла въ Германіи на почвѣ коренного различія между дисциплиной и строемъ средней школы—и тѣмъ положеніемъ, которое само собою установилось для слушателей высшихъ школъ—академій, университетовъ. Основателями первыхъ университетовъ были выдающіеся ученые, передовые умы своего времени. Нерѣдко лишь путемъ упорной и нелегкой борьбы съ предразсудками и неблагопріятными условіями среды и эпохи имъ удавалось снискать уваженіе къ своей любимой наукѣ и собрать вокругъ себя ряды прилежныхъ учениковъ. Въ концѣ концовъ, такая дѣятельность, учебная и ученая, нерѣдко создавала огромную извѣстность и почетное положеніе. Весьма естественно, что основатели и руководители первыхъ университетовъ должны были чувствовать очень мало склонности войти въ роль надзирателей за своими слушателями, исполнять при нихъ обязанности дядьки или tutor'а. Уже одно весьма понятное стремленіе имѣть какъ можно менѣе общаго съ средней школой того времени, съ ея зачастую унизительными для юношескаго достоинства порядками, должно было удержать представителей академической науки отъ всякаго иного воздѣйствія на своихъ учениковъ, кромѣ слова доступной имъ научной истины. Впослѣдствіи присоединились, повидимому, и менѣе идеальные мотивы. Слава учителя обезпечивала ему завидное матеріальное благополучіе. Конечно, не въ его интересахъ было отпугивать отъ себя учениковъ какими-либо стѣсненіями. Къ тому же передъ нимъ проходили изъ года въ годъ, смѣняя другъ друга, сотни и тысячи молодыхъ людей изъ различныхъ странъ и городовъ; живой и сердечной связи между наставникомъ и ученикомъ не могло установиться для огромнаго большинства случаевъ; обѣ стороны, каждая въ своихъ интересахъ, предпочитали не заботиться объ установленіи какихъ-либо иныхъ узъ, кромѣ самыхъ осязательныхъ—въ видѣ приличной платы за ученіе.

Такимъ образомъ и возникла свобода студентовъ въ университетахъ: прежде всего—какъ освобожденіе отъ дисциплины и принужденія средней школы, а затѣмъ—какъ отрицаніе или, точнѣе, какъ фактическое отсутствіе всякаго контроля или надзора со стороны учителей надъ образомъ жизни, нравами, успѣхами и прилежаніемъ учениковъ; послѣдніе были для первыхъ только хорошо платящими „слушателями", въ буквальномъ смыслѣ слова.

Внѣшній строй студенческаго образа жизни также опредѣлился подъ вліяніемъ условій времени. Духъ сословной и цеховой организаціи отразился на образованіи студенческихъ союзовъ,

корпорацій, товариществъ, землячествъ, т.-е. послужилъ основаніемъ для развитія духа союзности среди нѣмецкихъ студентовъ. А то обстоятельство, что собираться въ университетскіе центры могли лишь сыновья очень состоятельныхъ родителей, наложило на студенческій образъ жизни съ самаго начала отпечатокъ того, что̀ обыкновенно является слѣдствіемъ избытка матеріальныхъ средствъ при избыткѣ молодыхъ силъ и при совершенной предоставленности самимъ себѣ.

Такимъ образомъ, почти одновременно было положено основаніе для всѣхъ тѣхъ частныхъ признаковъ, которыми и въ наши дни нерѣдко желаютъ исчерпать все содержаніе свободы нѣмецкаго студента, чтобы затѣмъ произнести суровый приговоръ надъ самымъ принципомъ академической свободы ученія.

Но развѣ не очевидно, что всѣ указанные признаки относятся лишь къ *внѣшней* сторонѣ, къ *возможной* только, но вовсе не необходимой обстановкѣ, если можно такъ выразиться, и вовсе не касаются самаго важнаго во всемъ вопросѣ: именно *свободы ученія*, т.-е. свободы сознательнаго и самостоятельнаго труда для пріобрѣтенія образованія и основательныхъ знаній.

Если бы академическая свобода студента заключалась только въ намѣченныхъ выше характерныхъ внѣшнихъ элементахъ, то, конечно, она не заслуживала бы никакихъ симпатій и могла бы имѣть лишь отрицательное вліяніе на занятія учащейся молодежи.

Знаменитый І. Г. Фихте справедливо указывалъ [1]), что общій уровень нравственныхъ представленій, лежащихъ въ основѣ *такого* пониманія свободы студента, никакъ не можетъ быть названъ сколько-нибудь высокимъ. Между тѣмъ со словъ Фихте можно думать, что такое именно представленіе было въ то время наиболѣе распространеннымъ и въ обществѣ, и въ студенческихъ кругахъ. Вполнѣ понятными поэтому являются тѣ горькіе вопросы, которые предлагаетъ Фихте. „Неужели,—спрашиваетъ онъ,—

---

[1]) Vom Wesen des Gelehrten und seinen Erscheinungen auf dem Gebiete der Freiheit. Berl. 1808, стр. 111 и д. Весьма характерно между прочимъ, что вообще симпатіи Фихте и Шлейермахера — не на сторонѣ свободы студентовъ въ тѣхъ обычныхъ ея проявленіяхъ, какъ имъ самимъ приходилось наблюдать ее сто лѣтъ тому назадъ. Но на протяженіи цѣлаго столѣтія культурное развитіе вообще и наука въ частности такъ далеко ушли впередъ, что прилагать къ оцѣнкѣ современныхъ условій прежній критерій безъ всякихъ измѣненій нельзя. Въ настоящее время различіе между тѣмъ, что̀ можно называть внѣшними аттрибутами студенческой свободы и злоупотребленіями ею, съ одной стороны, и самымъ началомъ свободы ученія, съ другой,—сознается гораздо опредѣленнѣе уже потому, что самая возможность ученія стала гораздо шире и разнообразнѣе въ предметномъ отношеніи, а дѣло преподаванія въ университетахъ поставлено очень высоко.

студентъ долженъ считать себя польщеннымъ такимъ полнымъ равнодушіемъ со стороны своихъ учителей и видѣть въ этомъ равнодушіи какое-то свое „священное право"? Не звучитъ ли это, напротивъ, прямымъ оскорбленіемъ, если юношамъ говорятъ: „намъ дѣла нѣтъ до того, каковы вы и что̀ изъ васъ выйдетъ"? И неужели студентъ долженъ изъ такого фактическаго по происхожденію равнодушія со стороны другихъ вывести слѣдствіе, что и самъ онъ можетъ забыть о томъ, что у него существуетъ нравственный долгъ вообще и обязанность серьезнаго труда въ частности?.. Я не хочу этому вѣрить. Напротивъ, было бы разумно, — продолжаетъ Фихте, — если бы студенты сдѣлали изъ отсутствія внѣшняго надзора прямое заключеніе, что имъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе внимательно слѣдить за собою самимъ, — если бы отсутствіе внѣшняго понужденія послужило къ утвержденію въ нихъ чувства нравственнаго долга... однимъ словомъ, — если бы они понимали академическую свободу, какъ свободу по собственному рѣшенію и желанію дѣлать то, что̀ имъ приличествуетъ, и что̀ слѣдуетъ.

„Если подвести общій итогъ, — замѣчаетъ далѣе Фихте, — то академическая свобода студентовъ по своему происхожденію, развитію и современнымъ остаткамъ свидѣтельствуетъ о неподобающемъ отсутствіи уваженія ко всему студенчеству. И тотъ студентъ, который чувствуетъ себя польщеннымъ (подобной) свободой и настаиваетъ на ней, какъ на своемъ правѣ и преимуществѣ, — находится въ странномъ заблужденіи. Онъ прежде всего плохо освѣдомленъ и никогда, вѣроятно, не размышлялъ серьезно объ этомъ вопросѣ".

Характеризуя такимъ образомъ чисто отрицательными чертами академическую свободу студента in concreto, въ ея обычныхъ для того времени и далеко не идеальныхъ проявленіяхъ, Фихте, однако, не высказывается за полное устраненіе свободы студента — именно ради возможнаго благотворнаго значенія начала свободы. По его мнѣнію (стр. 133), пусть юноша свободно дѣлаетъ выборъ между добромъ и зломъ; его студенческіе годы — годы испытанія. При такихъ условіяхъ негодные элементы, какъ сорная трава, обнаружатся сами собою и не будутъ имѣть возможности скрывать себя отъ оцѣнки по достоинству... Что̀ бы ни говорили другіе про академическую свободу, — пусть настоящій, достойный, студентъ понимаетъ ее въ примѣненіи къ себѣ въ ея истинномъ значеніи, т.-е. какъ средство научиться дѣйствовать сознательно и самостоятельно, научиться слѣдить за собою тамъ, гдѣ не слѣдятъ за нимъ другіе, научиться возбуж-

дать въ себѣ рвеніе и усердіе тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе никакого внѣшняго принужденія...

Антитеза между тѣмъ, какъ нерѣдко понимается и осуществляется академическая свобода въ дѣйствительности, и идеальнымъ значеніемъ самаго принципа намѣчена у Фихте достаточно опредѣленно. Нельзя сказать, что въ дальнѣйшемъ развитіи германскихъ университетовъ въ теченіе послѣдняго столѣтія отпали или особенно ослабѣли, въ извѣстной части нѣмецкой молодежи, отрицательныя слѣдствія односторонняго и превратнаго пользованія предоставленною студентамъ свободою. Этимъ объясняются отзывы въ родѣ приведенныхъ выше (Шмоллеръ, Ортлоффъ, Шульте и т. д.).

Но въ то же время нельзя отрицать, что въ настоящее время гораздо чаще приходится наблюдать и благія слѣдствія академической свободы, какъ *условія нравственнаго роста личности* вообще и какъ *свободы ученія* въ частности. Этимъ объясняется постоянное и согласное противодѣйствіе университетскихъ дѣятелей всякому серьезному ограниченію традиціонной академической свободы.

Современный берлинскій философъ, профессоръ Паульсенъ, напримѣръ, съ гораздо бо́льшей послѣдовательностью и жаромъ выступаетъ на защиту академической свободы студентовъ, чѣмъ Фихте, у котораго въ началѣ прошлаго столѣтія мы слышимъ лишь нравственную проповѣдь, призывъ къ студентамъ, а не убѣжденную апологію существующихъ порядковъ.

Паульсенъ оттѣняетъ положительныя особенности нѣмецкихъ университетскихъ порядковъ путемъ сопоставленія ихъ съ русскими, по уставу 1884 года, интересными справками изъ исторіи австрійскихъ университетовъ при отсутствіи тамъ академической свободы, и ссылками на порядки въ американскихъ университетахъ, гдѣ, по отзывамъ американскаго ученаго І. М. Гарта, профессоръ имѣетъ дѣло скорѣе со школьниками, чѣмъ со студентами. Опытъ и примѣръ другихъ странъ долженъ, по словамъ Паульсена, удержать германскіе университеты отъ существенныхъ ограниченій академической свободы студентовъ и убѣдить въ ея благотворномъ вліяніи тѣхъ, кому не подсказываетъ этого—знаніе человѣческой природы...

Статья Паульсена написана въ 1893 году. „Опытъ другихъ странъ“ за послѣднее время не свидѣтельствуетъ, повидимому, противъ словъ нѣмецкаго знатока университетскаго дѣла.

„Но если бы и удалось даже (путемъ введенія школьной дисциплины и т. п.) обратить студентовъ въ послушныхъ, при-

лежныхъ, сидящихъ надъ заданнымъ урокомъ школьниковъ, то такой результатъ,—продолжаетъ Паульсенъ (стр. 96, 97),—былъ бы весьма далекъ отъ идеала, и наоборотъ, былъ бы равносиленъ разрушенію самой идеи нѣмецкаго университета вообще. Задача университета, какъ она опредѣлилась въ своемъ развитіи за послѣдніе два вѣка, заключается въ томъ, чтобы образовать изъ юноши мужа, человѣка самостоятельнаго въ своемъ мышленіи, способнаго отвѣчать за себя и за свои поступки. Распоряжаться своей свободой, съ самимъ собой совѣтоваться и собой управлять— этому можно научиться только на свободѣ! Бесспорно, это очень опасная школа, но иного выбора нѣтъ"!..

Въ той борьбѣ, которую воля должна вести противъ различныхъ стремленій и искушеній, она только и можетъ пріобрѣсти силу и твердость; въ этой борьбѣ юноша обращается въ зрѣлаго мужа.

Это—одно изъ основныхъ положеній нѣмецкаго университета. За такое отношеніе его питомцы надолго сохраняютъ къ нему благодарную память. Университетъ, съ одной стороны, не ведетъ юношу, такъ сказать, на привязи, а предоставляетъ ему самому искать дорогу; но, съ другой стороны, университетъ пробуждаетъ въ немъ тѣ силы и задатки, которые позволяютъ юношѣ сознательно оглядѣться кругомъ себя и присмотрѣться къ себѣ самому... Весь университетъ, какъ цѣлое, со всѣми традиціями, установленіями и даже условностями, говоритъ юношѣ-студенту: „ты больше не школьникъ, не мальчикъ, а зрѣлый человѣкъ".

И если юноша серьезно отнесется къ такому призыву, то онъ дѣйствительно побѣдитъ въ борьбѣ и станетъ человѣкомъ, „ein Mann", въ лучшемъ значеніи этого слова.

„Не забывайте, господа, — говорилъ въ актовой рѣчи, принимая должность ректора марбургскаго университета и обращаясь съ задушевнымъ словомъ къ студентамъ, извѣстный криминалистъ, профессоръ Францъ Листъ,—не забывайте, въ полнотѣ сознанія своей академической свободы, что право и обязанность, свобода и нравственный долгъ—это лишь различныя стороны одного и того же понятія. Самое строгое исполненіе долга въ мелочахъ и въ серьезныхъ вопросахъ, безусловное и неуклонное—вотъ свойство нѣмецкаго духа. Пробуждайте и поддерживайте въ себѣ и въ вашихъ товарищахъ этотъ духъ. Берегитесь и остерегайтесь всего неправдиваго (Unwahrhaftigkeit), что̀ уже начало проникать, какъ острый ядъ, въ нашу университетскую жизнь. Вамъ это удастся, если вы этого искренно пожелаете"!..

„Особенно же мои слова относятся къ организованнымъ ст-

денческимъ союзамъ и обществамъ; къ нимъ я обращаюсь съ убѣжденіемъ и предупрежденіемъ (Mahnruf). Я держусь того мнѣнія, что широкое развитіе студенческихъ союзовъ и товариществъ является однимъ изъ наиболѣе надежныхъ залоговъ сохраненія истиннаго академическаго духа въ нѣмецкихъ университетахъ. Только среди небольшихъ, замкнутыхъ группъ возможна та строгая выдержка и нравственная дисциплина (stramme Zucht), которая научаетъ человѣка подчинять свои желанія и влеченія общимъ интересамъ; только на этой почвѣ возможно то высокое развитіе чувства чести, которое такъ украшаетъ достоинство студента... Но, господа,—не забывайте, за внѣшней формой содержанія, глубокаго внутренняго смысла корпоративно-союзнаго студенческаго строя. *Строгое исполненіе долга*—вотъ въ чемъ заключается сущность и духъ вашей сословной чести. Вамъ слѣдуетъ понимать *духъ и смыслъ академической свободы не какъ полноту правъ только, но и какъ признаніе серьезныхъ нравственныхъ обязанностей*“!

Фихте и Шлейермахеръ, Паульсенъ и Листъ, конечно, достаточно достовѣрные свидѣтели, чтобы на ихъ компетентные отзывы можно было сослаться при характеристикѣ „академической свободы“ студента, въ томъ смыслѣ, какъ она *должна* быть понимаема въ принципѣ, и каковою она *можетъ* быть въ дѣйствительности для тѣхъ, кто хочетъ и умѣетъ достойно и разумно ею пользоваться.

Прибавимъ, что присутствіе такой именно свободы дѣйствительно живо чувствуется всякій разъ, какъ приходится имѣть дѣло съ нѣмецкимъ юношей-студентомъ, привыкшимъ серьезно смотрѣть на университетскіе годы, какъ на время всесторонняго духовнаго развитія и пріобрѣтенія основательныхъ знаній. Намъ приходилось встрѣчать даже среди юристовъ-первокурсниковъ такихъ студентовъ, которые не только усердно посѣщали лекціи своихъ профессоровъ на юридическомъ факультетѣ и составляли весьма обстоятельныя и толковыя записки (такихъ „Collegienhefte“ мы имѣли подъ руками не малое количество, собирая иногда знакомыхъ студентовъ для взаимнаго сравненія „записокъ“ у себя), но интересовались въ то же время и такими предметами, какъ, напримѣръ, исторія греческой философіи, не пропуская ни одной лекціи Куно Фишера. Вообще, интересъ къ такимъ предметамъ, какъ исторія литературы, исторія экономическихъ ученій, элементы логики и философіи, психологія, извѣстные отдѣлы естественныхъ наукъ и т. п.—явленіе, можно сказать, обычное среди нѣмецкихъ студентовъ первыхъ семестровъ. При нѣмецкихъ усло-

віяхъ жизни, при свободѣ ученія, этотъ интересъ находитъ себѣ удовлетвореніе не въ безсистемномъ чтеніи случайныхъ книгъ или модныхъ брошюръ, иногда въ очень плохомъ переводѣ, а въ томъ, что, напримѣръ, юристъ первокурсникъ записывается на лекціи любого изъ профессоровъ другихъ факультетовъ и слушаетъ интересующіе его предметы въ научной обработкѣ и въ образцовомъ изложеніи. Это возможно лишь благодаря тому, что надъ нимъ не виситъ ежегодныхъ „переходныхъ“ экзаменовъ, и его занятія не втиснуты въ рамки обязательной программы.

III.

Характеризуемая только-что указанными свѣтлыми чертами, академическая свобода нѣмецкаго студента представляетъ прямую противоположность тому непривлекательному образу, который рисуютъ мрачными красками приведенные нами въ самомъ началѣ очерка, отзывы выдающихся нѣмецкихъ ученыхъ.

Однако, *отрицательной* стороны мы не считаемъ болѣе нужнымъ касаться, такъ какъ она есть лишь слѣдствіе возможныхъ злоупотребленій свободой, но никоимъ образомъ не самая свобода.

Что же касается второй стороны—*положительной*, то намѣченная выше со словъ германскихъ авторитетовъ характеристика, вѣрная по существу, страдаетъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторой *излишнею широтой*, или, если угодно, *односторонностью*. Нѣмецкіе ученые университетскіе дѣятели и прошлаго столѣтія, и нынѣ здравствующіе, насколько рѣчь идетъ о самой сущности академической свободы студента, рисуютъ лишь высокій общій идеалъ и говорятъ о значеніи принципа свободы студента въ самомъ широкомъ смыслѣ. Никто не спускается съ высоты на землю и не разсматриваетъ примѣненія этого принципа на дѣлѣ и спеціально по отношенію къ занятіямъ „настоящихъ студентовъ“.

Между тѣмъ, вѣдь всѣ возраженія противъ студенческой свободы берутся не изъ теоріи или міра идей, а строятся на основаніи предполагаемыхъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ студенческой жизни, изъ университетской практики.

Подобнымъ аргументамъ противниковъ надо противопоставить доводы, такъ сказать, равнодѣйствующіе, т.-е. взятые также изъ жизни и практики университетовъ, а не одни только общія соображенія, иногда притомъ лишь въ формѣ идеалистическихъ пожеланій. Только тогда намъ и станетъ понятнымъ не одно

только возможное, но и дѣйствительное значеніе академической свободы нѣмецкаго студента.

Академическая свобода самымъ тѣснымъ образомъ связана не только съ положеніемъ студента, какъ мужающаго юноши въ жизни и въ обществѣ, но и съ его положеніемъ въ университетѣ, какъ высшемъ учебномъ установленіи, прежде всего въ качествѣ молодого человѣка, ищущаго высшаго образованія вообще, а затѣмъ и спеціальныхъ, чтобы не сказать профессіональныхъ, знаній—въ частности.

На эту сторону дѣла въ Германіи, какъ въ университетскихъ сферахъ, такъ и въ печати, обращаютъ слишкомъ мало вниманія. Не знаемъ, была ли она вообще кѣмъ-либо затронута или охарактеризована. Причины такого положенія вещей могутъ быть различны: отчасти, вѣроятно, представляетъ мало „мѣстнаго“ интереса говорить о томъ, что̀ и безъ того хорошо извѣстно всѣмъ, причастнымъ къ университетской жизни,—ими чувствуется, если и не всегда сознается достаточно отчетливо;—отчасти же здѣсь сказывается, повидимому, вліяніе того крайняго идеалистическаго направленія во взглядахъ на цѣли и задачи университетскаго преподаванія, которое ведетъ свое начало изстари и никакъ не хочетъ признать равноправность университета, съ спеціализаціей по факультетамъ, какъ *высшаго учебнаго учрежденія*—рядомъ съ университетомъ въ смыслѣ *чисто-ученаго установленія*. Шлейермахеръ, напр., весь вопросъ объ академической свободѣ студентовъ разсматриваетъ лишь съ той точки зрѣнія, что не *ученіе*, т.-е. въ извѣстной степени и „обученіе“,—сообщеніе извѣстной системы знаній, составляетъ цѣль и задачу университета, а единственно лишь *познаніе*. Не память должна обогащаться и наполняться знаніями въ университетѣ, не одно только развитіе пониманія или разума есть его прямая цѣль,—напротивъ, въ юношѣ должна быть вызвана совершенно новая жизнь, настоящій научный духъ и т. д.

І. Г. Фихте весь рядъ своихъ лекцій, откуда выше были приведены нѣкоторыя выдержки, посвятилъ вопросу: „de moribus eruditorum“, т.-е. онъ имѣлъ въ виду трактовать о „морали для ученыхъ“; онъ разсматривалъ студента вообще и прежде всего какъ *будущаго ученаго*...

Правильно ли это, — т.-е., отвѣчаетъ ли это дѣйствительности? Въ особенности, приложима ли такая точка зрѣнія къ современнымъ условіямъ?

Аналогичное по существу воззрѣніе, смягченное лишь по тону и по выбору терминовъ, составляетъ характерную черту также

и взглядовъ Паульсена: онъ прямо цитируетъ Шлейермахера, а съ Фихте у него замѣчается очень близкое сходство основныхъ положеній...

Какъ ни идеальна подобная точка зрѣнія, но ея существенный недостатокъ не остается скрытымъ: она далеко не вполнѣ передаетъ то, что̀ есть въ дѣйствительности. Нельзя спорить противъ фактовъ или съ успѣхомъ отрицать то, что̀ для всѣхъ очевидно и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Между тѣмъ именно несомнѣнно, что нѣмецкіе университеты „перестали съ теченіемъ времени быть частными учеными академіями; они обратились въ учрежденія, пользующіяся признаніемъ и содѣйствіемъ государства; государство (въ извѣстномъ смыслѣ) завѣдуетъ ими и учреждаетъ новые университеты въ качествѣ *высшихъ учебныхъ заведеній* (Hochschulen); исключительно изъ рядовъ питомцевъ этихъ высшихъ школъ государство и церковь, школа и общество, получаютъ пасторовъ, чиновниковъ, врачей и учителей“ [1])..., а не однихъ только ученыхъ по призванію и по спеціальности.

Почему же не считаться съ этимъ неоспоримымъ фактомъ высокой важности — настолько, насколько этого требуетъ дѣйствительное положеніе дѣла?

Едва ли кто станетъ отрицать, что, напримѣръ, медицинскіе факультеты, гдѣ наука процвѣтаетъ не менѣе, чѣмъ на другихъ, — что медицинскіе факультеты въ значительной мѣрѣ имѣютъ характеръ, такъ сказать, и врачебныхъ школъ. Развѣ студентамъ-медикамъ излагается одна только теорія, а не прилагаются самыя серьезныя усилія для того, чтобы сообщить имъ какъ можно больше свѣдѣній и навыка въ искусствѣ врачеванія по указаніямъ науки? Практическая тенденція медицинскаго университетскаго образованія чувствуется и сознается, конечно, вездѣ и кромѣ Германіи. У насъ Пироговъ предостерегалъ студентовъ-медиковъ противъ крайности въ этомъ направленіи, указывая имъ на односторонность того спеціальнаго образованія и тѣхъ прикладныхъ знаній, которыя они выносятъ съ медицинскихъ факультетовъ. При всемъ томъ, однако, медицинская наука у насъ не падаетъ, а блестяще развивается; можно съ гордостью

---

[1]) См. Листа, въ упомянутой рѣчи, стр. 9—10. Признаніе этой учебной стороны нѣмецкаго университета нисколько не умаляетъ или не исключаетъ признанія другой стороны его дѣятельности—ученой. Вопросъ о сочетаніи той и другой, сколько можемъ судить по знакомству съ положеніемъ дѣла на юридическихъ факультетахъ, въ Германіи ставится вполнѣ опредѣленно, и на практикѣ преподаванія права рѣшается, въ большинствѣ случаевъ, не въ ущербъ сторонѣ учебной.

сказать что она идетъ вполнѣ въ уровень съ европейскою и, пожалуй, одна только и пользуется въ Европѣ извѣстностью и почетнымъ признаніемъ.

Почему же юридическимъ факультетамъ сторониться отъ большей близости къ жизни? Почему закрывать глаза на то, что пріобрѣтаемое въ университетахъ высшее юридическое образованіе можетъ, а отчасти даже должно, имѣть и практическое значеніе въ глазахъ огромнаго большинства студентовъ, поступающихъ на юридическіе факультеты? Многіе ли, особенно у насъ въ Россіи, могутъ позволить себѣ роскошь чисто-идеальнаго изученія какой-либо отрасли знаній? Не заставляютъ ли борьба за существованіе, заботы о будущемъ, огромное большинство студентовъ-юристовъ смотрѣть на университетскій курсъ какъ на подготовленіе къ поступленію на государственную службу и т. п.? А разъ это такъ, то, разумѣется, возможность систематическаго пріобрѣтенія основательныхъ свѣдѣній въ области дѣйствующаго права для всѣхъ почти студентовъ-юристовъ стоитъ далеко не на послѣднемъ планѣ.

Научная разработка положительнаго матеріала со стороны профессоровъ, научная систематика и цѣлесообразный методъ изложенія въ значительной степени могутъ облегчить занятія будущихъ юристовъ. И развѣ это не высокая задача профессора— пойти и въ этомъ направленіи на встрѣчу насущнымъ и разумнымъ потребностямъ своихъ слушателей, не поступаясь научнымъ достоинствомъ своего преподаванія?

Правда, для этого требуется гораздо бóльшая затрата труда и энергіи, гораздо бóльшая, и при томъ строго научная, эрудиція, чѣмъ для того, чтобы изъ года въ годъ читать курсъ, который представляется студентамъ очень ученымъ уже по тому, что заимствованъ изъ недоступныхъ или неизвѣстныхъ имъ источниковъ,—и очень скучнымъ по своей „отвлеченности", по узкому, антикварному историзму и т. п.,—однимъ словомъ, по отсутствію живой связи съ живой юридической дѣйствительностью...

Не можемъ входить въ подробности, но имѣемъ достаточно наблюденій, чтобы утверждать, что практика преподаванія права въ Германіи, за послѣднее время явно свидѣтельствуетъ о сознаніи юридическими факультетами лежащихъ на нихъ серьезныхъ чисто-учебныхъ задачъ, и на профессорахъ-юристахъ— серьезныхъ обязанностей въ качествѣ „Rechtslehrer", т.-е. учителей права, а не только Rechtsgelehrten—ученыхъ изслѣдователей явленій юридическаго порядка.

Академическая свобода ученія, которая возникла и свято по-

читается въ области занятій *чисто-научныхъ*, по самымъ условіямъ духа и строя нѣмецкихъ университетовъ, гдѣ нѣтъ никакихъ искусственныхъ перегородокъ, распространяется и на *учебную* сторону дѣла. Это вполнѣ понятно: юридическіе факультеты *фактически*, практикой преподаванія, за послѣднее время гораздо болѣе внимательно относятся къ учебной сторонѣ своего общественнаго служенія, чѣмъ прежде, но не проводятъ никакой формальной грани между наукой и ученіемъ. Профессоръ не перестаетъ быть ученымъ, подробно излагая систему дѣйствующаго (напримѣръ, гражданскаго)—права и прилагая всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать свое изложеніе интереснымъ, понятнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ практическимъ. Студенты также не обращаются въ школьниковъ и, посѣщая лекціи, живо интересуясь большинствомъ образцово поставленныхъ курсовъ, прекрасно сознаютъ, что имѣютъ дѣло не съ репетиторомъ или „натаскивателемъ" къ экзамену, а съ компетентнымъ и опытнымъ руководителемъ въ занятіяхъ наукой права и въ основательномъ изученіи дѣйствующаго отечественнаго законодательства.

При такомъ положеніи дѣла академическая свобода студента получаетъ значеніе свободы ученія въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

Юридическіе факультеты въ Германіи, какъ таковые, по общему правилу, *не имѣютъ курсовыхъ*, *переходныхъ экзаменовъ* [1]. Тѣ испытанія, которыя носятъ чисто-университетскій характеръ, имѣютъ мѣсто для пріобрѣтенія права на стипендію, для полученія научныхъ степеней, происходятъ pro venia legendi,—т.-е. являются условіемъ права читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Всѣ такого рода испытанія, однако, ни для кого не обязательны въ смыслѣ conditio sine qua non прохожденія университетскаго курса или пріобрѣтенія, по выходѣ изъ университета, права на поступленіе на государственную службу.

Свобода ученія находитъ себѣ выраженіе также и въ томъ, что студенту-юристу *лишь рекомендуется со стороны факультета извѣстная нормальная послѣдовательность въ выборѣ предметовъ*, входящихъ вообще въ составъ учебныхъ плановъ. Юридическіе факультеты только „обращаютъ вниманіе" студен-

---

[1]) Вопросъ о такъ называемыхъ *„промежуточныхъ испытаніяхъ"* для юристовъ-кандидатовъ (Zwischenexamen) съ характеромъ *государственнаго*, а не чисто-факультетскаго, экзамена, а также опытъ въ этомъ отношеніи баварскаго правительства представляетъ значительный интересъ какъ съ принципіальной, такъ и съ практической точки зрѣнія. Этотъ вопросъ разсматривается особо въ дальнѣйшемъ изложеніи.

товъ на тѣ требованія, которыя предъявляетъ *правительство* кандидатамъ на государственномъ экзаменѣ, но сами они не навязываютъ слушателямъ никакихъ неуклонно обязательныхъ программъ и росписаній по курсамъ и семестрамъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть любое изъ „руководящихъ указаній", издаваемыхъ юридическими факультетами для студентовъ.

Иногда, впрочемъ, высказывается желаніе, чтобы подлежащими инстанціями (?) авторитетно былъ установленъ общій, однообразный и „вмѣняемый въ обязанность" учебный планъ для всѣхъ юридическихъ факультетовъ въ Германіи, вмѣсто необязательныхъ руководящихъ указаній отдѣльныхъ факультетовъ, „которыя обыкновенно далеко не совпадаютъ между собою и, въ виду частой перемѣны университетовъ студентами-юристами, взаимно подрываютъ свое практическое значеніе". Но, съ одной стороны, далѣе единичныхъ пожеланій дѣло и не идетъ, а съ другой—вслѣдъ за подобными предложеніями сейчасъ же обыкновенно слѣдуетъ рядъ оговорокъ, что академическая свобода студентовъ не должна пострадать отъ этого, что имѣется въ виду лишь устранить вытекающее изъ „неосвѣдомленности" неправильное пользованіе этой свободою.

Можно было бы думать, что „освѣдомить" можно и безъ установленія „принудительно-обязательныхъ" учебныхъ списковъ и росписаній.

Если же подобныя предложенія могли быть сдѣланы со стороны такихъ лицъ, какъ Гольцендорферъ, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что именно въ самой Германіи недостаточно ясно сознается непосредственное практическое значеніе свободы ученія студентовъ. Къ этой свободѣ привыкли какъ къ искони существующему факту, ее отстаиваютъ въ видѣ идеальнаго принципа, но какъ будто не ощущаютъ достаточно, что именно дыханіе этой свободы животворитъ сознательный трудъ тѣхъ сотенъ и тысячъ нѣмецкихъ юношей, которыя свободной волной приливаютъ въ свободные разсадники просвѣщенія.

Между тѣмъ это прежде всего и важно, и существенно, что свобода отъ обязательныхъ росписаній и отъ ежегодныхъ провѣрочныхъ экзаменовъ „по билетамъ", на школьный ладъ, даетъ нѣмецкому студенту возможность самому такъ расположить свои занятія, какъ они наиболѣе отвѣчаютъ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ каждый вообще явился въ университетъ, сталъ студентомъ.

Единственное ограниченіе, если угодно, заключается въ томъ, что иногда требуется соблюденіе извѣстнаго равновѣсія между спеціально-юридическими и посторонними, такъ называемыми „фи-

лософскими", т.-е. общеобразовательными курсами, на которые записывается студентъ-юристъ въ данный семестръ. Но нарушеніе равновѣсія встрѣчается, конечно, лишь очень рѣдко: съ одной стороны, студентамъ-юристамъ, конечно, не свойственно по крайней мѣрѣ не записываться на курсы, которые считаются обязательными по условіямъ допущенія къ государственному экзамену; съ другой стороны, особаго обремененія посторонними курсами ожидать трудно, такъ какъ запись на каждый курсъ обходится очень дорого: недѣльный часъ оплачивается въ Германіи обыкновенно втрое, а иногда въ пять разъ дороже, чѣмъ у насъ (нѣкоторые двухъ-часовые „семинаріумы" стòятъ 20 марокъ). Затѣмъ, какъ извѣстно, не для самаго прохожденія курса, а для доступа къ государственному экзамену на званіе референдарія, необходимо свидѣтельство, что вы были „belegt", т.-е. оплачены, и, слѣдовательно, предполагается,—прослушаны извѣстные курсы, посѣщаемы практическія занятія. Если предсѣдатель испытательной коммиссіи усмотритъ какія-либо, совершенно изъ ряда вонъ выходящія отступленія отъ болѣе или менѣе общепринятой послѣдовательности въ изученіи юридическихъ наукъ (напр., что процессы были прослушаны ранѣе матеріальнаго права и т. п.), то онъ можетъ предложить экзаменовать такого кандидата особенно строго. На практикѣ, какъ намъ передавали и профессора, и сами бывшіе кандидаты, это случается очень рѣдко. Факультеты въ такихъ случаяхъ совершенно ни при чемъ, такъ какъ предсѣдатели коммиссій никогда не бываютъ изъ профессоровъ, не оставившихъ каѳедры, а всего чаще изъ высшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства даннаго округа (Oberlandsgerichtspraesident).

Ясно, что при такомъ положеніи вещей—самыя *университетскія занятія* студента остаются по существу всегда совершенно свободными и предоставленными его доброй волѣ и усмотрѣнію.

Поэтому, напримѣръ, молодые люди, чувствующіе склонность къ *наукѣ*, какъ таковой, могутъ посвятить себя съ первыхъ же семестровъ какой-либо спеціальной отрасли общественныхъ знаній. Напротивъ, люди, ищущіе только *веселой студенческой жизни* и впослѣдствіи—лишь права говорить, что и они получили высшее, „академическое" образованіе, могутъ слушать и не слушать, чтò и сколько имъ угодно. Наконецъ, *средній типъ студента-юриста*—будущій судья или администраторъ—можетъ такимъ образомъ расположить свои занятія, чтобы они наиболѣе соотвѣтствовали *его* цѣлямъ—систематическому приготовленію къ

дѣятельности практическаго юриста въ далекомъ будущемъ и къ первому государственному экзамену въ болѣе близкой перспективѣ.

Самая дѣйствительная, самая широкая свобода ученія, съ чисто университетской, „академической" точки зрѣнія, есть, такимъ образомъ, не пустой звукъ, не банальная тенденціозная фраза, а жизненное начало, одно изъ первыхъ условій осуществленія германскими юридическими факультетами ихъ образовательныхъ функцій.

Юридическіе факультеты въ Германіи не чувствуютъ себя призванными вести всѣхъ студентовъ-юристовъ, такъ сказать,— „на помочахъ". Они не берутъ на себя, неустранимой при существованіи обязательныхъ и переходныхъ экзаменовъ, нравственной отвѣтственности въ томъ, что студентамъ дѣйствительно будетъ сообщено въ должной послѣдовательности и въ должныхъ размѣрахъ „все, что̀ слѣдуетъ". Въ нѣмецкихъ университетахъ живо сознаніе, что всякія росписанія и программы всегда могутъ быть намѣчены лишь съ очень относительной общностью; точка зрѣнія составителя (ученые теоретики, чиновники-практики и т. п.) всегда будетъ преобладать и оказывать давленіе въ пользу нивеллировки по заведенному шаблону.

Между тѣмъ, цѣли и потребности многихъ тысячъ студентовъ, конечно, не могутъ быть одинаковы.

На какомъ же основаніи принудительно заставлять всѣхъ идти совершенно по одной неизмѣнной дорогѣ? Однообразными могутъ быть только требованія, предъявляемыя кандидатамъ на государственныхъ экзаменахъ, и правительство можетъ настаивать на точномъ исполненіи этихъ требованій уже потому, что оно въ свою очередь предоставляетъ выдержавшимъ испытаніе извѣстное служебное положеніе, а впослѣдствіи предоставляетъ хорошо оплачиваемыя должности въ рядахъ своихъ многочисленныхъ судебныхъ и административныхъ о̀ргановъ.

Университетъ, напротивъ, и по идеѣ, и по исконной практикѣ въ Германіи даетъ своимъ питомцамъ лишь одно: просвѣщеніе, науку, знанія! И развѣ за это всякій бывшій студентъ не въ правѣ называть университетъ—„Alma Mater"?

Благодаря именно началу свободы ученія, и юридическіе факультеты въ частности, безъ всякихъ особыхъ формальностей и спеціальныхъ мѣропріятій съ своей стороны, а лишь путемъ постояннаго улучшенія самáго преподаванія права,—имѣютъ широкую возможность давать каждому студенту приблизительно то, что̀ ему нужно, по самому существу дѣла или даже хотя бы съ его чисто-субъективной точки зрѣнія (спеціальный научный инте-

ресъ и т. п.), предоставляя въ то же время каждому полную свободу и практическую возможность брать и отъ другихъ факультетовъ все, чтò угодно.

Въ практикѣ юридическихъ факультетовъ совершенно немыслимо, напримѣръ, хотя бы такое явленіе, что студентъ-юристъ въ теченіе четырехъ семестровъ (двухъ лѣтъ) не услышитъ ни слова о системѣ дѣйствующаго гражданскаго и уголовнаго права своего нѣмецкаго отечества. Еслибы даже всѣ университеты согласились установить въ своихъ учебныхъ планахъ подобные, едва ли чѣмъ оправдываемые, порядки, то нѣмецкіе студенты, при свободѣ ученія, могли бы и, разумѣется, стали бы совершенно игнорировать такія росписанія и указанія.

Обыкновенно уже на первомъ семестрѣ, кромѣ „Введенія въ изученіе юридическихъ наукъ", гдѣ, по общему правилу, дается элементарный обзоръ всѣхъ юридическихъ наукъ и отчасти системы дѣйствующаго права, студентъ-юристъ слушаетъ еще особый вступительный курсъ, „основанія нѣмецкаго частнаго права" (см. любой обзоръ преподаванія). Во второмъ семестрѣ, т.-е. уже на первомъ курсѣ по нашимъ понятіямъ,—каждый студентъ-юристъ слушаетъ общую часть системы дѣйствующаго гражданскаго права, а оба семестра второго года пребыванія въ университетѣ посвящаются основательному изученію всѣхъ отдѣловъ особенной части (вещное, обязательственное, семейственное, наслѣдственное право); на тѣ же семестры,—особенно при трехгодичномъ курсѣ, приходится обыкновенно и уголовное право; участвовать въ „упражненіяхъ" (Uebungen) студенты начинаютъ иногда уже съ перваго семестра, а на второмъ семестрѣ „упражненіе" по дѣйствующему гражданскому праву составляетъ, такъ сказать, общее правило.

Такимъ образомъ, основные предметы курса дѣйствительно занимаютъ центральное положеніе въ занятіяхъ студентовъ-юристовъ въ Германіи, и притомъ не въ силу циркуляровъ и предписаній, а благодаря все той же свободѣ ученія студентовъ.

IV.

Принципъ свободы ученія, въ строго академическомъ значеніи этого понятія, является, между прочимъ, однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ мотивовъ для тѣхъ возраженій, которыя обыкновенно дѣлаются противъ введенія такъ называемыхъ *промежуточныхъ экзаменовъ* во время университетскаго курса.

Въ видѣ общаго правила испытаніе въ серединѣ курса существуетъ только на медицинскомъ факультетѣ (такъ называемый „Physicum“), при общей нормальной продолжительности курса въ десять семестровъ. Что касается юридическихъ факультетовъ, то промежуточный экзаменъ введенъ весьма недавно (см. министерское объявленіе, отъ 6 іюля 1899 г.) лишь въ *баварскихъ университетахъ*, гдѣ, какъ извѣстно, и общій курсъ юридическихъ наукъ на два семестра продолжительнѣе, чѣмъ въ остальной Германіи (только въ герцогствѣ Баденскомъ полагается семь семестровъ). Можно думать, что увеличеніе курса для студентовъ-юристовъ по крайней мѣрѣ на одинъ семестръ есть дѣло близкаго будущаго для всей германской имперіи; требованія въ этомъ направленіи слишкомъ настоятельны и вполнѣ справедливы.

Въ связи съ этимъ, и вопросъ о промежуточномъ экзаменѣ получаетъ также общее практическое значеніе, выходящее за предѣлы частнаго, „баварскаго“ вопроса.

Съ *принципіальной точки зрѣнія* возникаетъ немедленно цѣлый рядъ возраженій: какъ же примирить промежуточный экзаменъ съ академической свободой? Не заключаетъ ли такое испытаніе въ серединѣ университетскаго курса принужденіе къ „ученію“ въ университетѣ, контроль надъ занятіями студента, какъ такового?

Нельзя отрицать, что извѣстное желаніе ограничить возможность слишкомъ неправильнаго и неразумнаго пользованія свободой ученія, создать для студентовъ извѣстный внѣшній стимулъ не отвыкать отъ труда и отъ правильныхъ занятій—вполнѣ опредѣленно чувствуется въ Германіи. Такое желаніе особенно часто высказывается людьми судебной и административной практики; оно вполнѣ понятно также со стороны той части общества, которая прежде всего въ собственныхъ интересахъ хотѣла бы, чтобы въ университетахъ было какъ можно менѣе „полу-студентовъ“ и „вовсе не-студентовъ“.

Но университетъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ, не вступая въ противорѣчіе съ своими основными принципами и традиціями, „заставлять студентовъ учиться“. Юридическіе факультеты, сами по себѣ, имѣютъ лишь одно средство повысить общій уровень прилежанія студентовъ и привлечь ихъ въ аудиторіи, а именно: поставить самое преподаваніе права возможно лучше, руководствуясь при этомъ не одной только рутиной или соображеніями чисто кабинетнаго свойства, но принимая во вниманіе и измѣняющіяся условія времени, и ту или иную конечную цѣль за-

нятій правомъ большинства студентовъ-юристовъ. И это средство, намъ кажется, самое достойное, прямое и дѣйствительное!

Надо всегда имѣть въ виду то основное положеніе, что германскій университетъ вообще не требуетъ отъ всякаго студента непремѣннаго условія какой-либо казенной нормы свѣдѣній, такъ какъ онъ, въ свою очередь, *ничего не обѣщаетъ* вступающимъ въ его двери юношамъ (ни правъ, ни дипломовъ для поступленія на службу) и ничего не даетъ имъ кромѣ широкой возможности пріобрѣсти высшее образованіе и извѣстныя спеціальныя знанія.

Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на всѣ отношенія студента къ университету.

Но въ совершенно иномъ положеніи находится студентъ-„*кандидатъ*“ [1]) по отношенію къ государству, къ правительству и т. п., вообще ко всякому будущему работодателю.

Имѣя, напримѣръ, въ виду пріобрѣсти право поступленія на государственную службу, кандидатъ долженъ доказать извѣстную степень общаго развитія, теоретической подготовленности и вмѣстѣ съ тѣмъ основательное знакомство съ главными отдѣлами дѣйствующаго законодательства, если онъ является претендентомъ на судебныя или административныя должности. Предоставляя право поступленія на государственную службу и принимая новыя силы къ исполненію важныхъ, если не по сложности и трудности, то по своему непосредственному значенію въ практикѣ суда и управленія, функцій, которыя обыкновенно поручаются молодымъ юристамъ, государство или правительство можетъ и должно, въ интересахъ общественныхъ, подвергать серьезнымъ испытаніямъ всѣхъ заявляющихъ о себѣ кандидатовъ.

Принудительной самая необходимость подвергнуться экзамену назваться не можетъ, такъ какъ и самое желаніе поступить на службу исходитъ отъ самого кандидата, а не навязывается ему извнѣ. Ясно въ то же время, что подобный государственный или правительственный экзаменъ не есть ни въ принципѣ, ни фактически, контроль надъ дѣятельностью юридическихъ факультетовъ, ни надъ усердіемъ въ университетскихъ занятіяхъ студентовъ-юристовъ.

---

[1]) Терминъ „кандидатъ“ не имѣетъ въ Германіи значенія извѣстной степени или званія, какъ у насъ при прежнемъ уставѣ. „Cand. med.“ называютъ себя студенты-медики, сдавшіе „Physicum“; по аналогіи это названіе прилагается къ студенту, прошедшему первые три, четыре семестра на любомъ факультетѣ. Въ точномъ смыслѣ слова „кандидатъ“ значитъ будущій претендентъ, наприм., на званіе врача (право практики), на судебныя или административныя должности и т. п. Будущіе пасторы „cand. theol.“, напр., уже выступаютъ въ качествѣ проповѣдниковъ.

Вполнѣ аналогичный принципіальный характеръ имѣетъ по существу и *промежуточный экзаменъ* и послѣ первой половины курса (minimum—три семестра), какъ онъ установленъ для кандидатовъ-юристовъ въ Баваріи и какъ только онъ можетъ служить предметомъ обсужденія de lege ferenda въ Германіи. Смыслъ такого промежуточнаго экзамена прежде всего—*облегченіе бремени государственнаго экзамена* передъ допущеніемъ въ подготовительной практической службѣ (Referendarprüfung и затѣмъ Vorbereitungsdienst). Это облегченіе, разумѣется, прежде всего въ интересахъ самихъ многихъ тысячъ кандидатовъ. На практикѣ такой экзаменъ въ серединѣ университетскаго курса можетъ, конечно, не оставаться безъ вліянія на общій уровень прилежанія и интенсивность занятій студентовъ первыхъ семестровъ. Но это дѣйствіе, такъ сказать, будетъ лишь сопутствующимъ, рефлективнымъ, хотя, быть можетъ, иногда и не нежелательнымъ. Вѣдь о какомъ-либо дѣйствительномъ принужденіи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ студентъ можетъ приступить къ промежуточному испытанію и позднѣе третьяго семестра, т.-е. и послѣ болѣе продолжительной подготовки, можетъ повторять его сколько угодно разъ (весною и осенью) и не теряетъ возможности слушать остальные предметы курса (получать „зачеты"). По правиламъ, установленнымъ въ Баваріи, напримѣръ, требуется только, чтобы, послѣ Zwischenexamen, студентъ пробылъ въ университетѣ не менѣе трехъ семестровъ (1½ года); при общемъ курсѣ въ восемь семестровъ въ баварскихъ университетахъ, кандидатъ имѣетъ возможность приступить къ испытанію въ началѣ и въ концѣ 4-го и 5-го семестровъ, т.-е. держать экзаменъ, если надо, четыре раза, не удлинняя продолжительности курса за предѣлы нормы даже на одно полугодіе. Никакихъ „проваловъ", въ собственномъ смыслѣ слова, со всѣми обычными послѣдствіями—съ „оставленіемъ на второй годъ",—какъ въ гимназіи, и при вторичной неуспѣшности даже съ необходимостью вовсе оставить университетъ, при такого рода испытаніяхъ нѣтъ и быть не можетъ. Предсѣдатель коммиссіи (не-профессоръ) только даетъ понять кандидату, что его отвѣты не могутъ считаться удовлетворительными, и что ему лучше еще разъ приступить къ испытанію. Убѣдившись въ исключительной неспособности кандидата или, при повтореніи экзамена, въ нежеланіи его серьезно относиться къ дѣлу изученія права, испытательная коммиссія можетъ, черезъ того же предсѣдателя, посовѣтовать студенту прекратить дальнѣйшіе опыты въ томъ же направленіи и избрать какую-либо иную спеціальность. Такой совѣтъ, конечно, необяза-

теленъ; онъ не равносиленъ „исключенію"; студентъ можетъ оставаться юристомъ сколько угодно и развѣ только изъ приличія повторить промежуточный экзаменъ въ другомъ баварскомъ университетѣ. Но подобный совѣтъ безспорно долженъ произвести сильное впечатлѣніе. Легкомысленный молодой человѣкъ долженъ будетъ понять, что приготовленіе къ будущей дѣятельности юриста —не шутка, что онъ самъ по себѣ можетъ бездѣльничать въ свое удовольствіе, но что отъ него, какъ отъ кандидата на государственную службу, потребуются основательныя знанія и общее развитіе. Такой урокъ, такое напоминаніе, при полной свободѣ дѣйствій вообще—можетъ быть очень полезнымъ!

Ясно, однако, что при такой постановкѣ дѣла установленный баварскимъ правительствомъ промежуточный экзаменъ для кандидатовъ права не имѣетъ ничего общаго съ ежегодными провѣрочными или переходными экзаменами. Къ тому же, такой экзаменъ и происходитъ не отъ имени факультета, а отъ имени правительства, которое (das Gesammtministerium, а не министръ юстиціи или просвѣщенія по одностороннему усмотрѣнію) назначаетъ предсѣдателя испытательной коммиссіи для промежуточныхъ экзаменовъ, но ни въ какомъ случаѣ не изъ профессоровъ университета. Болѣе опредѣленно подчеркнуть *не-университетскій*, т.-е. *не-факультетскій* характеръ такихъ испытаній, конечно, трудно. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, студентовъ, прослушавшихъ всего три—четыре семестра, частью основные и затѣмъ обыкновенно лишь пропедевтическіе отдѣлы курса, подвергать испытанію безусловно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ государственной коммиссіи по выходѣ изъ университета; съ другой стороны ясно, что академическая свобода не допускаетъ чисто-факультетскихъ или, точнѣе, узко-профессорскихъ испытаній съ значеніемъ обязательнаго контроля учащихъ надъ учащимися и, слѣдовательно, принужденія къ ученію въ университетѣ.

Мы совершенно далеки отъ какой-либо идеализаціи баварскихъ порядковъ по данному вопросу. Судимъ на основаніи отзывовъ лицъ, стоящихъ близко къ самому дѣлу, на основаніи личныхъ наблюденій, и можемъ сослаться на оффиціальные источники, какъ нельзя болѣе точно характеризующіе то общее значеніе, которое баварское правительство придаетъ введенію промежуточныхъ испытаній для кандидатовъ-юристовъ. Упомянутое выше министерское объявленіе 1899 года указываетъ вполнѣ опредѣленно три главныя цѣли: „1) *облегчить бремя государственнаго экзамена* (на званіе референдарія), которое значительно увеличилось вслѣдствіе преобразованія всего гражданскаго права; 2) побудить *канди-*

датовъ (NB: не студента, какъ студента!) къ систематическому образу занятій, а равно и къ тому, 3) чтобы тѣ изъ кандидатовъ, которые неспособны къ серьезному изученію права, заблаговременно сознали необходимость избрать себѣ иного рода призваніе".

Противъ основательности и цѣлесообразности такихъ видовъ и желаній баварскаго правительства трудно что-либо возразить по существу. Опытъ самаго недавняго времени, произведенный при баварскихъ университетахъ, судя по отзывамъ, которые намъ приходилось слышать непосредственно отъ профессоровъ мюнхенскаго университета, не даетъ повода для отрицательнаго отношенія къ промежуточному экзамену для кандидатовъ-юристовъ. Сколько мы могли замѣтить, среди большинства студентовъ, относящихся до извѣстной степени серьезно къ своимъ занятіямъ, это нововведеніе не ощущается какъ посягательство на ихъ академическую свободу. По крайней мѣрѣ, намъ приходилось слышать отъ студентовъ, что промежуточный экзаменъ оказываетъ дѣйствительно упорядочивающее дѣйствіе на ихъ занятія во время первыхъ семестровъ и снимаетъ значительную долю бремени съ послѣдующихъ.

Вопросъ о промежуточныхъ экзаменахъ для кандидатовъ-юристовъ послужилъ, между прочимъ, предметомъ серьезныхъ обсужденій на послѣднемъ собраніи германской группы международнаго союза уголовнаго права [1]). Окончательная резолюція, въ связи съ резолюціей по вопросу о продолжительности курса, была постановлена слѣдующая: „Должно установить во всѣхъ союзныхъ государствахъ норму университетскаго курса (для юристовъ), по крайней мѣрѣ, въ $3^1/_2$ года и ввести промежуточный экзаменъ. Такой экзаменъ долженъ происходить передъ коммиссіей изъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ лица по назначенію отъ правительства; экзаменъ можетъ быть сдаваемъ не ранѣе, какъ послѣ трехъ семестровъ, и долженъ обнимать собою исторію и систему римскаго права, а также исторію и основныя начала германскаго гражданскаго права. Къ государственному экзамену (по окончаніи университетскаго курса, т.-е. на званіе референдарія) слѣдуетъ допускать только тѣхъ кандидатовъ, которые, выдержавъ промежуточное испытаніе, пробыли въ университетѣ еще не менѣе трехъ семестровъ ($1^1/_2$ года)".

Эта резолюція въ общихъ чертахъ воспроизводитъ именно баварскій прототипъ „Zwischenprüfung" для кандидатовъ-юристовъ.

[1]) L'Union Internationale de droit pénal; VII Landesversammlung der Landesgruppe Deutschland; Strassburg, 7—9 Juni 1900. См. Mitteilungen IX Bd.; стр. 104 и далѣе.

При такомъ порядкѣ вещей изъ объема настоящаго государственнаго экзамена по окончаніи университета устраняются, очевидно, тѣ отдѣлы курса, которые въ Германіи считаются, говоря вообще, пропедевтическими—т.-е. исторія римскаго и германскаго права, система римскаго права и основанія нѣмецкаго частнаго права. Можно быть разныхъ мнѣній относительно того, пригодна ли исторія права, какъ самостоятельная и сложная научная дисциплина, и въ особенности исторія римскаго права, для цѣлей юридической пропедевтики—т.-е. для занятій съ юристами-первокурсниками, которые имѣютъ самое смутное представленіе о томъ, что̀ такое право вообще. Этотъ вопросъ можно оставить открытымъ. Несомнѣнно, однако, что именно эти предметы такимъ образомъ будутъ фактически закрѣплены для болѣе раннихъ семестровъ; въ этомъ можно видѣть и недостатокъ, и преимущество, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на дѣло. Но несомнѣнно также и то, что съ введеніемъ промежуточнаго экзамена по указанному образцу, *не юридическія науки, какъ таковыя,* а *государственный экзаменъ* передъ поступленіемъ на службу, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое *преподаваніе права на юридическихъ факультетахъ, въ смыслѣ учебныхъ установленій*, должны будутъ получить, такъ сказать, преобладающій и ясно выраженный *догматическій* и *современный* характеръ, вмѣсто того историческаго и романистическаго, который былъ господствующимъ до сего времени. Замѣтимъ мимоходомъ, что такая именно тенденція сказывается вполнѣ опредѣленно и независимо отъ вопроса о промежуточномъ экзаменѣ. Болѣе подробно эта спеціальная сторона дѣла будетъ разсмотрѣна въ иной связи. Здѣсь укажемъ только, что изъ самаго поверхностнаго обзора лекцій, объявляемыхъ и читаемыхъ на юридическихъ факультетахъ въ Германіи за послѣдніе годы, можно убѣдиться, что исторія римскаго права далеко не вездѣ сохранила значеніе самостоятельнаго курса и нерѣдко читается вмѣстѣ съ догмой или системой; то же самое—и относительно исторіи германскаго права, которая часто соединяется въ общій курсъ съ „основными началами германскаго права“. А такъ какъ курсъ каждаго предмета въ Германіи по общему правилу ограничивается *однимъ* семестромъ (едва четыре мѣсяца зимой и не болѣе трехъ лѣтомъ), то, даже и безъ указаннаго совмѣщенія догматическихъ и историческихъ курсовъ, о какомъ-либо преобладаніи исторіи права въ германскихъ университетахъ или объ особомъ обремененіи исторіей права именно начинающихъ юристовъ—въ настоящее время едва ли есть какое-либо основаніе говорить. Если нельзя

отрицать, что „современное право имѣетъ свои корни въ правѣ, созданномъ греко-римскимъ міромъ“, если нельзя спорить противъ факта, что „первые памятники германскаго права были написаны на латинскомъ языкѣ“, то все-таки едва-ли этихъ доводовъ достаточно, чтобы признать справедливость мнѣнія, что университетскій курсъ юридическихъ наукъ по самому своему существу есть „занятіе историческими науками“,—какъ утверждаетъ это Паульсенъ въ своей недавно вышедшей брошюрѣ объ университетахъ въ XX столѣтіи. Справедливо ли такое утвержденіе, какъ общій постулатъ? Какъ высоко ни ставить значеніе историческихъ знаній, но все-же юристъ долженъ сказать, что по существу у него есть особое, самостоятельное обширное поле изслѣдованія, относящееся не къ историческому прошлому, а къ непосредственной дѣйствительности того безконечнаго разнообразія явленій и отношеній, которыми такъ богата текущая общественная жизнь въ самомъ широкомъ значеніи слова,—начиная съ международнаго общенія и кончая обыденной гражданской сдѣлкой. Но и кромѣ всего остальнаго, если оставаться только на почвѣ фактовъ, которые приходится наблюдать въ настоящее время въ практикѣ преподаванія и изученія права въ германскихъ университетахъ, то утвержденіе Паульсена едва ли можно признать вполнѣ отвѣчающимъ этимъ фактамъ. Судя по общему характеру дѣятельности германскихъ юридическихъ факультетовъ, считать изученіе права студентами-юристами въ настоящее время историческимъ по существу и по преимуществу было бы не менѣе одностороннимъ, чѣмъ утверждать,—какъ это дѣлаетъ крайнее идеалистическое направленіе,—что юридическіе факультеты видятъ или должны видѣть свое исключительное призваніе въ отвлеченной наукѣ, въ ученой дѣятельности, а также въ одномъ систематическомъ преподаваніи права, въ сообщеніи въ научной обработкѣ спеціальныхъ юридическихъ знаній. Повторимъ, что можно расходиться во мнѣніяхъ, какъ и въ сужденіяхъ, но нельзя отрицать фактовъ; а въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о субъективныхъ воззрѣніяхъ, а имѣется въ виду совершенно объективно указать на дѣйствительное положеніе дѣла на германскихъ юридическихъ факультетахъ и отмѣтить то вліяніе, которое можетъ имѣть такая частная мѣра со стороны правительства, какъ введеніе промежуточнаго экзамена съ опредѣленнымъ составомъ предметовъ испытанія. Если же это возможное вліяніе, какъ есть основаніе думать, не идетъ въ разрѣзъ съ тою общею тенденціею, которая иногда болѣе, иногда менѣе ярко, но все-же опредѣленно выступаетъ въ постановкѣ преподаванія права—въ смыслѣ

поворота отъ односторонняго романизма и (иногда антикварнаго) историзма къ догматическому и теоретическому изученію системъ дѣйствующаго права, то такое совпаденіе показываетъ только еще разъ, что status quo, напр., баварскихъ промежуточныхъ экзаменовъ не вноситъ никакой посторонней струи въ общее теченіе нормальнаго развитія преподаванія права не только по формѣ, но и по содержанію.

Могутъ замѣтить: къ чему такія подробности, такой анализъ, граничащій съ мелочнымъ педантизмомъ?

Въ вопросахъ принципіальныхъ,—а такимъ принципіальнымъ вопросомъ несомнѣнно приходится признать вопросъ о допустимости промежуточнаго экзамена при господствѣ начала академической свободы студента,—въ этихъ общихъ вопросахъ не существуетъ такихъ мелочей, которыя не заслуживали бы вниманія. Иначе вопросъ такъ и останется нерѣшеннымъ и невыясненнымъ.

Мы получили впечатлѣніе, что именно подобная принципіальная неуясненность тяготѣетъ въ настоящее время въ самой Германіи надъ указаннымъ вопросомъ. Когда, напр., въ общемъ разговорѣ заходитъ рѣчь о промежуточномъ испытаніи для кандидатовъ-юристовъ, то приходится по большей части удивляться односторонности сужденій и поверхностности выводовъ. Согласны всѣ бываютъ обыкновенно лишь въ томъ, что это есть извѣстное ограниченіе студенческой свободы, но затѣмъ сейчасъ наступаетъ разногласіе въ оцѣнкѣ: это—посягательство на священныя права студенчества,—говорятъ одни; это—прекрасная мѣра, чтобы заставить студентовъ-юристовъ сколько-нибудь работать, — указываютъ другіе. Какъ ни противорѣчивы, повидимому, такіе два отзыва, но они сходятся именно въ томъ, что промежуточный экзаменъ направленъ противъ академической свободы студента. А именно это и подлежитъ большому сомнѣнію.

Но разъ дѣлается такое утвержденіе, то это болѣе чѣмъ достаточный поводъ, чтобы попытаться разсмотрѣть вопросъ по существу, и не въ томъ смыслѣ, слѣдуетъ ли вводить промежуточный экзаменъ для кандидатовъ-юристовъ, а совершенно объективно, т.-е. спросить себя, можно ли вообще говорить о повсемѣстномъ господствѣ свободы ученія въ германскихъ университетахъ, послѣ того какъ баварское правительство установило этотъ экзаменъ.

При обсужденіи такого вопроса приходится быть вполнѣ самостоятельнымъ и съ большою осторожностью взвѣшивать доводы pro и contra. Объ общемъ мнѣніи не можетъ быть и рѣчи, а

противорѣчивыя мнѣнія приходится по большей части, сколько возможно, сначала приводить, такъ сказать, къ одному знаменателю,—что не всегда удобно, такъ какъ крайности воззрѣній колеблются между голословнымъ утвержденіемъ принципіальной недопустимости и безпринципнымъ, въ извѣстной степени, одобреніемъ въ видахъ практической цѣлесообразности. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляютъ пренія, предшествовавшія приведенной выше резолюціи германской мѣстной группы „Международнаго союза уголовнаго права". Большинство профессоровъ видѣли въ промежуточномъ экзаменѣ „контроль" и, не входя въ доказательство этой основной посылки, высказывались въ отрицательномъ смыслѣ (Листъ—Берлинъ; Лиліенталь—Гейдельбергъ), или же допускали промежуточный экзаменъ лишь факультативно, по желанію самихъ студентовъ (Франкъ). Напротивъ, юристы-практики, представители судебнаго вѣдомства и высшей администраціи, высказывались за промежуточный экзаменъ именно съ той точки зрѣнія, которая является руководящею для правительственныхъ экзаменовъ, устраняя при этомъ всякую мысль о посягательствѣ на академическую свободу,—но также почти бездоказательно, т.-е. не касаясь по существу вопроса о томъ, не будетъ ли всякій подобный экзаменъ такимъ посягательствомъ.

Резолюція, какъ было указано, гласитъ безусловно въ пользу промежуточнаго экзамена de lege ferenda.

Тотъ же важный и спорный вопросъ о промежуточномъ экзаменѣ былъ затронутъ во время послѣдняго съѣзда нѣмецкихъ юристовъ въ Гамбургѣ осенью 1900 года (XXV Deutscher Juristentag). Общее впечатлѣніе преній скорѣе не въ пользу общаго введенія промежуточнаго испытанія; но мнѣ кажется, что большинство отрицательныхъ мнѣній не затрогиваетъ самаго основного пункта всего вопроса, а именно объ отношеніи подобнаго экзамена къ *свободѣ ученія*, въ истинномъ значеніи этого понятія. Большинство ораторовъ останавливается лишь на внѣшней сторонѣ дѣла, а именно на томъ соображеніи, что при существованіи промежуточнаго экзамена, какъ общаго правила, будетъ стѣснена, если не формально, то фактически, свобода перехода изъ одного университета въ другой, такъ какъ-де студенты, по весьма понятнымъ причинамъ, будутъ предпочитать слушать лекціи въ первые три семестра именно въ томъ университетѣ, гдѣ они предполагаютъ сдать промежуточный экзаменъ. Изъ среды присутствующихъ профессоровъ было замѣчено, что нѣкоторая большая „осѣдлость" студентовъ-юристовъ еще не можетъ быть названа абсолютнымъ зломъ, а можетъ быть — наоборотъ. Но

нѣтъ необходимости и входить въ обсужденіе этого вопроса вообще, такъ какъ разъ промежуточный экзаменъ будетъ установленъ повсемѣстно и разъ будетъ проведено взаимное признаніе такого испытанія при допущеніи къ государственному экзамену на званіе референдарія, то трудно предвидѣть, чтобы могли оказаться какія-либо существенныя ограниченія свободы передвиженія студентовъ. Нѣтъ основанія предполагать также, что профессора, читающіе предметы, входящіе въ объемъ промежуточнаго испытанія, фактически обратятся въ неизбѣжныхъ экзаменаторовъ каждый по своему предмету для каждаго изъ своихъ слушателей. Еслибы это было такъ, то это было бы большимъ недостаткомъ. Но опытъ баварскаго экзамена не показываетъ ничего подобнаго. Экзаменъ происходитъ по четыремъ предметамъ (два историческихъ и два догматическихъ), а въ составъ коммиссіи входятъ лишь два профессора, которые, къ тому же, мѣняются въ роли экзаменаторовъ съ другими членами факультета; затѣмъ, экзаменъ происходитъ не въ разные дни для каждаго предмета и не по билетамъ, а въ видѣ общей бесѣды по всѣмъ четыремъ предметамъ; спрашиваетъ, обыкновенно, кандидата одинъ профессоръ и удовлетворяется не детальными знаніями по всѣмъ четыремъ отдѣламъ, а тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое производятъ отвѣты студента. При такой постановкѣ дѣла, очевидно, нѣтъ не только необходимости, но даже прямой возможности удовлетворить экзаменатора знаніемъ на-зубокъ его собственныхъ записокъ. А разъ это такъ, то отпадаетъ и главный мотивъ, который имѣется въ виду при указаніяхъ, что промежуточный экзаменъ можетъ быть помѣхой свободному переходу изъ одного университета въ другой.

Если можетъ быть въ настоящее время рѣчь о какихъ-либо ограниченіяхъ свободы передвиженія студентовъ-юристовъ, то лишь въ видѣ вопроса—не создало ли одностороннее введеніе промежуточныхъ экзаменовъ баварскимъ правительствомъ извѣстныхъ стѣсненій въ этомъ отношеніи спеціально для студентовъ-баварцевъ?

По словамъ берлинскаго профессора Гирке, который стоитъ въ рядахъ рѣшительныхъ противниковъ этого экзамена, приливъ баварскихъ студентовъ-юристовъ въ Берлинъ за послѣдніе годы значительно сократился. Цифровая статистика въ данномъ случаѣ едва ли можетъ быть рѣшающей, такъ какъ трудно, не входя въ детали совершенно постороннія, изолировать вліяніе промежуточнаго экзамена отъ иныхъ возможныхъ причинъ. За-

мѣтимъ только, что, напримѣръ, въ Мюнхенѣ едва ли кто раздѣляетъ мнѣніе Гирке.

Вообще, односторонній починъ Баваріи вызывалъ не мало порицаній со стороны юристовъ, принадлежащихъ къ университетскому или судебному міру другихъ союзныхъ государствъ. Былъ даже возбуждаемъ вопросъ о томъ, законенъ ли вообще образъ дѣйствій баварскаго правительства. Со стороны двухъ выдающихся юристовъ—изъ Берлина и изъ Лейпцига—были сдѣланы серьезныя попытки доказать, что введеніе промежуточнаго испытанія въ Баваріи противорѣчитъ имперскому законодательству. Быть можетъ, ключъ къ отрицательному отношенію многихъ юристовъ къ инниціативѣ баварскаго правительства слѣдуетъ до извѣстной степени искать и въ томъ, что оно проявляетъ нѣсколько болѣе самостоятельности и самодѣятельности, чѣмъ это вообще желательно за предѣлами „баварскаго отечества".

Между тѣмъ, вопросъ долженъ быть обсуждаемъ, конечно, внѣ всякихъ „сепаратистическихъ" или „централистическихъ" видовъ и тенденцій.

Баварія въ этомъ случаѣ находится въ совершенно исключительномъ положеніи уже потому, что университетскій курсъ для студентовъ-юристовъ только въ одной Баваріи продолжается восемь нормальныхъ семестровъ, а не шесть, какъ въ остальныхъ союзныхъ государствахъ (герцогство Баденское—семь). При болѣе короткой нормѣ,—при трехгодичномъ курсѣ, конечно, трудно говорить о промежуточномъ экзаменѣ по баварскому образцу, ибо студентъ на третьемъ или на четвертомъ семестрѣ долженъ быть уже много дальше тѣхъ пропедевтическихъ курсовъ, которые составляютъ предметъ промежуточнаго испытанія въ Баваріи. Затѣмъ, въ случаѣ неудачи, у студента уже нѣтъ времени повторить экзаменъ, не прибавляя лишняго года или полугодія.

Если не удлиннить нормальной продолжительности курса за предѣлы шести или семи семестровъ, то пришлось бы, хотя бы только факультативно, включить въ число предметовъ этого экзамена любой изъ другихъ предметовъ курса, считающихся обязательными на государственномъ экзаменѣ, особенно изъ дисциплинъ публичнаго права,—напр., государственное право, Verwaltungsrecht, международное право и т. п.,—чтобы дѣйствительно облегчить испытанія по окончаніи университетскаго курса. По отзывамъ компетентныхъ лицъ, хорошо знающихъ какъ баварскіе порядки, такъ и постановку дѣла государственныхъ экзаменовъ особенно въ Пруссіи, отъ такой реформы выиграли бы прежде всего тѣ предметы, которые вошли бы въ объемъ промежуточ-

наго испытанія. Дѣло въ томъ, что при настоящей, весьма далекой отъ совершенства, организаціи государственныхъ экзаменовъ, особенно въ Пруссіи, нѣкоторыхъ предметовъ экзаменаторы фактически совершенно не имѣютъ возможности касаться. Въ самомъ дѣлѣ, немыслимо въ теченіе нормальныхъ двухъ часовъ проэкзаменовать кандидата основательно по всѣмъ предметамъ, обязательнымъ для экзамена; при отсутствіи промежуточнаго экзамена, сюда относятся всѣ предметы курса, кромѣ энциклопедіи права и предметовъ „философскихъ". Весьма естественно, что въ прежнее время центръ тяжести составляли „Пандекты", а въ настоящее время главный предметъ испытанія несомнѣнно—новое гражданское право въ системѣ B. G. B. Изъ дисциплины публичнаго права вопросы предлагаются, maximum, по двумъ, а остальные могутъ быть и вовсе незатронуты. Со стороны членовъ коммиссіи изъ чиновъ судебнаго вѣдомства рѣдко предлагаются вопросы по исторіи и теоріи права, а изъ профессоровъ-юристовъ въ коммиссіи рѣдко бываетъ болѣе двухъ—одинъ непремѣнно цивилистъ, а другой, напр., историкъ, криминалистъ, государственникъ... Такимъ образомъ, экзаменъ всегда бываетъ до извѣстной степени неполнымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что именно исторія права, какъ римскаго, такъ и національнаго, въ настоящее время всего болѣе теряетъ въ ряду другихъ предметовъ при общемъ испытаніи.

Зная такое положеніе вещей на практикѣ, нельзя признать особенно убѣдительнымъ то возраженіе, будто бы студенты, сдавъ промежуточный экзаменъ, естественно желаютъ разъ навсегда покончить со сданными предметами и поэтому-де забываютъ къ государственному экзамену элементы общихъ понятій о правѣ, исторію права и римское право. Но и совершенно независимо отъ аргументовъ чисто фактическаго свойства, приходится признать совершенную несостоятельность только-что указаннаго возраженія. Заключающееся въ немъ положительное требованіе само направлено болѣе всего противъ свободы ученія, такъ какъ по существу это есть не болѣе какъ протестъ противъ „свободы забыванія" того, что въ свое время не было усвоено съ достаточной основательностью. Но если, въ силу начала *свободы ученія*, отъ студента вообще нельзя требовать опредѣленной суммы знаній и казенной усидчивости, то на какомъ же основаніи *кандидату* не предоставить „свободу забыванія" того, что не требуется, по существующимъ правительственнымъ правиламъ, къ государственному экзамену по окончаніи университета? Тѣ элементы курса, которые не составляютъ излишняго балласта ни

съ общеобразовательной точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія спеціальной подготовки, т.-е. такіе предметы, къ которымъ у *студента* своевременно былъ пробужденъ интересъ, и тѣ свѣдѣнія, которыя *кандидатъ* не можетъ не считать необходимыми, конечно, не забудутся только отъ того, что въ свое время пришлось повнимательнѣе перечитать свои замѣтки и проштудировать два, три учебника къ промежуточному экзамену. Вѣдь трудно утверждать, что всѣ правительственныя экзаменаціонныя программы всегда представляютъ верхъ совершенства, и что все, что излагается въ курсахъ и учебникахъ, всегда стоитъ на должной научной высотѣ, всегда одинаково интересно и существенно... Поэтому, если промежуточный экзаменъ дѣйствительно будетъ въ извѣстной мѣрѣ способствовать отчасти и *освобожденію памяти кандидата* отъ свѣдѣній какъ объективно, такъ и съ его личной точки зрѣнія, мало существенныхъ, то развѣ этимъ онъ не будетъ косвенно служить также и *свободѣ ученія* студента? Это звучитъ парадоксомъ, но въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ никакой натяжки: чѣмъ болѣе равномѣрно будетъ распредѣлено то бремя, которое приходится на долю каждаго кандидата въ видѣ опредѣленныхъ требованій государственнаго экзамена, тѣмъ легче ему будетъ пользоваться своей студенческой свободой ученія, въ теченіе всего университетскаго курса, для занятій не для экзамена только.

Однако, этотъ послѣдній вопросъ носитъ слишкомъ частный характеръ и по самому своему предмету уже не стоитъ вполнѣ на академической почвѣ, такъ какъ университетъ самъ по себѣ не экзаменуетъ своихъ студентовъ-юристовъ. А въ область, такъ сказать, спеціальной *политики* правительственныхъ испытаній, дающихъ право поступленія на государственную службу, нѣтъ основаній пускаться.

Вопросъ, который подлежалъ обсужденію,—напротивъ, чисто университетскій, а именно: согласимо ли введеніе промежуточнаго экзамена для юристовъ (по баварскому образцу) съ началомъ академической свободы ученія?

На основаніи всего изложеннаго, приходится признать, что опытъ баварскаго правительства прежде всего въ принципѣ не можетъ считаться нарушеніемъ свободы ученія, а затѣмъ, — и на практикѣ это испытаніе въ Баваріи поставлено такъ, что оно ни профессорами, ни студентами не ощущается какъ мѣра контроля, какъ средство принужденія къ ученію студента, какъ студента.

Вопросъ о *желательности или нежелательности* введенія

промежуточнаго испытанія—съ характеромъ государственнаго или правительственнаго экзамена,—мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ, хотя въ предыдущемъ изложеніи мимоходомъ пришлось отмѣтить, повидимому, болѣе аргументовъ въ положительномъ, чѣмъ въ отрицательномъ направленіи.

Замѣтимъ только, что существующее въ Германіи разногласіе мнѣній и то обстоятельство, что полемика противъ промежуточнаго испытанія принимаетъ прямо-таки страстный характеръ,—могутъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ высоко въ Германіи цѣнятъ въ академическихъ сферахъ начало свободы ученія даже, такъ сказать, a priori, и какъ дружно люди, близкіе къ университету, готовы выступить на защиту этого источника жизни нѣмецкихъ университетовъ. Чтобы вполнѣ понять особую чувствительность въ данномъ случаѣ именно со стороны германскихъ профессоровъ-юристовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что систему промежуточныхъ экзаменовъ, хотя бы только въ смыслѣ раздѣленія государственнаго экзамена на два срока, германскимъ профессорамъ приходится сопоставлять съ безусловной свободой, съ отсутствіемъ для студентовъ-юристовъ какихъ бы то ни было экзаменовъ до окончанія университета.

Быть можетъ, оппозиція была бы не столь сильная, если бы предстоялъ переходъ отъ иной системы: отъ безусловно обязательнаго росписанія лекцій по курсамъ, отъ принужденія, отъ контроля путемъ ежегодныхъ провѣрочныхъ или переходныхъ экзаменовъ, и т. д. Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, скорѣе могло бы получить признаніе то положеніе, которое мы хотѣли особенно ярко подчеркнуть, предпринимая выше подробный разборъ единственнаго пока баварскаго экзамена. Мы утверждаемъ, что можно серьезно и основательно экзаменовать будущихъ чиновниковъ и *не въ одинъ, а въ два пріема*, но при этомъ совершенно не касаться начала свободы ученія студента, какъ студента. Что это дѣйствительно возможно, доказательствомъ и служитъ охарактеризованное выше положеніе дѣла въ Баваріи.

Нужно только признать самое начало свободы ученія, проникнуться вѣрою въ его высокое нравственное значеніе для каждаго, ищущаго просвѣщенія, убѣдиться,—а фактовъ болѣе чѣмъ достаточно,—въ томъ, что путемъ признанія этого начала можно достигнуть во всѣхъ отношеніяхъ гораздо бо̀льшаго, чѣмъ всѣми иными хитросплетенными планами попеченія, наставленія и поощренія. Разъ только стать на эту точку зрѣнія, то свобода университетской науки и свобода ищущихъ въ университетѣ только образованія должна получиться сама собой, а государству

и правительству останется лишь позаботиться о возможно болѣе цѣлесообразной организаціи экзаменовъ только для тѣхъ, кто пожелаетъ правительственныхъ дипломовъ и патентовъ для поступленія на государственную службу.

Неужели надо напоминать, что на университетскій курсъ нельзя смотрѣть какъ на какую-то совокупность послѣдовательныхъ ступенекъ къ тому, чтобы поскорѣе сѣсть на казенное мѣсто? Университетъ, какъ уже было указано, долженъ только предоставлять возможность пріобрѣтенія знаній. Какія это знанія, и для чего они пріобрѣтаются, это—личное дѣло каждаго студента. На какомъ же основаніи ставить хотя бы студента-юриста въ такое положеніе, что онъ сдаетъ безконечный рядъ экзаменовъ въ теченіе всего курса, подвергается въ университетѣ же со стороны все тѣхъ же своихъ профессоровъ „государственному“ экзамену, получаетъ установленный дипломъ, чтобы затѣмъ, весьма нерѣдко, получить неутѣшительное убѣжденіе, что онъ въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ курса успѣлъ очень мало сдѣлать для своего общаго образованія, что у него не было времени серьезно заинтересоваться какою-либо изъ юридическихъ наукъ, и что онъ все время училъ больше по билетамъ для экзамена, и, стараясь выучить возможно менѣе, не успѣлъ пріобрѣсти сколько-нибудь основательныхъ знаній въ области дѣйствующаго права?

Надо предвидѣть возраженія со стороны защитниковъ подобнаго положенія вещей. Могутъ сказать: все это хорошо на словахъ, а на дѣлѣ окажется, что при свободѣ ученія на государственный экзаменъ будутъ являться совершенно безъ всякой подготовки; придется брать неучей и невѣждъ!

Опытъ всей Германіи свидѣтельствуетъ противъ такого допущенія. А затѣмъ, еслибы оказалось что-либо подобное, то кто же обязываетъ правительство выдавать патенты и дипломы недостойнымъ и неспособнымъ? Вѣдь оно не вело всѣхъ и каждаго заведеннымъ порядкомъ, не гарантировало каждому путемъ контроля переходовъ съ курса на курсъ промежуточныхъ стадій къ желанному диплому и т. п.

Если каждый будетъ предоставленъ самому себѣ въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній, то, конечно, онъ въ собственныхъ интересахъ позаботится подготовиться настолько, чтобы удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыми обусловлено право поступленія на государственную службу, если онъ вообще дорожитъ этимъ правомъ. Никакихъ иныхъ путей, кромѣ дѣйствительнаго знанія, быть не можетъ, разъ въ теченіе университетскаго курса со

студента ничего не требуется и ему не дается, такимъ образомъ, никакихъ формальныхъ задатковъ, если можно такъ выразиться.

Такое именно отношеніе и можетъ только считаться вполнѣ нормальнымъ. Ясно, что именно свобода ученія составляетъ непремѣнное условіе, чтобы такое отношеніе могло установиться.

Другое возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано, или, скорѣе, другой вопросъ, который можетъ быть поставленъ, сводится къ слѣдующему: можно ли ожидать, что при отсутствіи хотя бы чисто формальнаго контроля надъ занятіями студентовъ въ теченіе всего курса, тѣ свѣдѣнія, которыя они будутъ пріобрѣтать на лекціяхъ, окажутся въ должномъ соотвѣтствіи съ требованіями государственнаго экзамена?

По этому вопросу можно сказать очень многое.

Прежде всего, тотъ экзаменъ, который кандидатъ-юристъ держитъ по выходѣ изъ университета, не есть его послѣдній, такъ сказать, чисто профессіональный экзаменъ. Въ Германіи существуетъ еще второе испытаніе—на званіе ассессора; у насъ—на званіе старшаго кандидата. Поэтому этотъ первый экзаменъ и *не можетъ носить характера чисто служебнаго практическаго испытанія*, а долженъ свидѣтельствовать объ общемъ уровнѣ юридическаго образованія испытуемаго и о его основательномъ знакомствѣ съ такими отдѣлами права, которые, конечно, не могутъ не стоять въ числѣ основныхъ и на каждомъ юридическомъ факультетѣ,—напр., уголовное и гражданское право. Такимъ образомъ, существеннаго предметнаго несовпаденія опасаться нѣтъ основаній, а въ остальномъ—требованія государственной коммиссіи должны сообразоваться съ общимъ положеніемъ юридическихъ наукъ, а не дѣятельность факультетовъ—съ тою или иною программой государственнаго испытанія. При нормальномъ положеніи университетскаго быта вообще, никакой серьезной коллизіи быть не можетъ, такъ какъ и юридическіе факультеты въ значительной мѣрѣ считаются съ потребностями изученія права огромнымъ большинствомъ студентовъ, а государство, съ своей стороны, видитъ въ университетахъ не однѣ только профессіональныя школы.

V.

Тотъ же вопросъ, или то же возраженіе, могутъ быть сдѣланы въ нѣсколько иной формѣ и съ иной точки зрѣнія. Навѣрное найдутся такіе знатоки дѣла, которые станутъ утверждать, что при свободѣ преподаванія и при свободѣ ученія въ

университетахъ вообще, а на юридическихъ факультетахъ въ частности,—должна наступить, такъ сказать, полная анархія, полная безсистемность какъ въ содержаніи курсовъ, такъ и въ методахъ изложенія.

Очевидно, что здѣсь опять выступаетъ на сцену то элементарное непониманіе самаго духа свободы, которое видитъ вездѣ, гдѣ нѣтъ правилъ и предписаній, контроля и принужденія,—лишь полный произволъ и всевозможныя злоупотребленія. Но неужели именно тамъ, гдѣ духовная жизнь должна стоять всего выше, а именно въ средѣ профессоровъ университета,—такъ трудно ожидать той высоты нравственнаго сознанія, которое видитъ высшую свободу въ автономномъ отношеніи нравственнаго долга! Неужели есть основаніе предполагать, что профессоръ, разъ только его освободить отъ обязанностей приспособлять свои лекціи къ вопроснымъ билетамъ и отъ необходимости экзаменовать каждаго студента изъ своего собственнаго курса, что каждый профессоръ „на свободѣ" перестанетъ быть серьезнымъ ученымъ и добросовѣстнымъ преподавателемъ? Какое презрѣніе къ университетской наукѣ и въ то же время какой низкій уровень собственнаго нравственнаго сознанія лежитъ въ основѣ подобныхъ утвержденій!

Если уже стать на подобную почву для полемики по университетскому вопросу, то приходится сказать, что не свобода, а напротивъ—формализмъ, стѣсненія и ограниченія могутъ вести къ упадку научной продуктивности и преподавательской добросовѣстности профессоровъ-чиновниковъ. Это—фактъ, который не требуетъ доказательствъ.

Однако, вступать въ подобную полемику мы не имѣемъ въ виду. Гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ всякія теоретическія соображенія или указанія на такія отрицательныя явленія, которыя иному, быть можетъ, кажутся какъ разъ нормальными и желательными,—гораздо убѣдительнѣе должны быть доводы изъ жизни и практики все тѣхъ же свободныхъ нѣмецкихъ университетовъ.

Оставаясь въ той области, откуда были заимствованы всѣ остальные примѣры и доказательства, т.-е. не выходя изъ предѣловъ вопроса о постановкѣ преподаваніи права на юридическихъ факультетахъ въ Германіи, мы утверждаемъ самымъ положительнымъ образомъ, что именно академическая свобода есть залогъ правильнаго и постояннаго прогресса въ дѣятельности германскихъ юридическихъ факультетовъ.

Академическая свобода профессоровъ не подлежитъ въ данномъ случаѣ нашему разсмотрѣнію, такъ какъ настоящій очеркъ по-

священъ характеристикѣ „свободы ученія" студентовъ. Но именно это послѣднее начало, т.-е. свобода студентовъ, оказываетъ самое очевидное вліяніе на общій характеръ и направленіе преподавательской дѣятельности профессоровъ.

На эту сторону дѣла въ Германіи обращаютъ также мало вниманія. Дѣйствіе и взаимодѣйствіе совершается какъ внутренній органическій процессъ, о которомъ иногда не отдаютъ себѣ отчета и не считаютъ нужнымъ говорить, а тѣмъ болѣе обмолвиться печатно. Между тѣмъ, со стороны этотъ процессъ гораздо замѣтнѣе, и если внимательнѣе къ нему присмотрѣться, то нельзя не придти къ заключенію, что свобода ученія студентовъ является, между прочимъ, какъ бы извѣстнымъ и притомъ неустранимымъ регуляторомъ пользованія со стороны профессоровъ академической свободою преподаванія.

Такое вліяніе можно показать на любомъ примѣрѣ изъ жизни и практики германскихъ университетовъ.

Такъ—хотя бы то единство въ преподаваніи права, которое въ германскихъ университетахъ установилось гораздо раньше политическаго объединенія нѣмецкаго народа, это единство и солидарность въ дѣятельности юридическихъ факультетовъ должны быть приписаны въ своемъ происхожденіи въ значительной степени вліянію академической свободы студентовъ. Въ самомъ дѣлѣ,—если даже взять одну внѣшнюю сторону дѣла—свободу выбора университета и возможность мѣнять университетъ каждое полугодіе,—то уже одни эти условія академической жизни должны были содѣйствовать установленію извѣстнаго внѣшняго равновѣсія въ самой обстановкѣ преподаванія между отдѣльными юридическими факультетами: опредѣлился извѣстный циклъ предметовъ, извѣстная норма часовъ, посвящаемыхъ изложенію каждаго изъ нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстная средняя высота преподавательскаго гонорара. Свобода ученія студентовъ сдѣлала то, что вмѣсто конкурренціи установилось фактическое единообразіе.

Такое объясненіе—вовсе не гипотеза только. Намъ не разъ приходилось и въ академическомъ мірѣ слышать мнѣніе о недопустимости не-коллегіальной конкурренціи между факультетами различныхъ университетовъ именно въ связи съ указаніями на „Freizügigkeit" студентовъ. Такія замѣчанія, въ сущности, значатъ не что иное, какъ признаніе необходимости держаться общей нормы, такъ какъ иначе студенты, въ большинствѣ случаевъ, предпочтутъ направиться туда, гдѣ можно пройти университетскій курсъ съ меньшимъ числомъ неизбѣжныхъ платныхъ часовъ.

Но пойдемъ далѣе этихъ автономныхъ ограниченій свободнаго усмотрѣнія каждаго факультета или каждаго преподавателя, ставящихъ самое дѣло преподаванія хотя и не въ узкія формальныя рамки, но все-же въ извѣстныя фактическія границы.

Если приглядѣться не къ числу и названіямъ объявляемыхъ и читаемыхъ курсовъ, не къ количеству недѣльныхъ часовъ и высотѣ профессорскихъ гонораровъ, а судить по тому общему впечатлѣнію, которое производитъ современное положеніе преподаванія права въ Германіи, то не будетъ ошибкой или сколько-нибудь тенденціознымъ преувеличеніемъ утверждать, что *академическая свобода въ широкомъ смыслѣ* есть именно тотъ жизненный элементъ въ духѣ и строѣ нѣмецкихъ университетовъ, который не даетъ, между прочимъ, и юридическимъ факультетамъ закоснѣвать въ традиціонныхъ предметныхъ рамкахъ и въ рутинѣ пріемовъ преподаванія.

Благодаря *академической свободѣ профессоровъ*, новые настоятельные запросы жизни, новыя воззрѣнія на задачи университетскаго преподаванія права и на способы ихъ осуществленія скорѣе могутъ получить признаніе хотя бы на одномъ изъ многочисленныхъ юридическихъ факультетовъ въ Германіи. Если нововведеніе окажется разумнымъ и цѣлесообразнымъ, т.-е. жизнеспособнымъ по существу, то оно не замедлитъ передаться большинству остальныхъ университетовъ. Вліяніе *свободы ученія студентовъ* и здѣсь не замедлитъ сказаться, такъ какъ не замедлитъ обнаружиться приливъ слушателей на тѣ факультеты, гдѣ дѣло преподаванія будетъ поставлено наилучшимъ образомъ.

Нельзя, быть можетъ, привести примѣра болѣе нагляднаго, чѣмъ широкое развитіе *упражненій* (Uebungen) для студентовъ-юристовъ по основнымъ отдѣламъ университетскаго курса: по римскому праву, по гражданскому и по уголовному праву, по обоимъ процессамъ. Самое введеніе такихъ упражненій, которыя едва ли вполнѣ точно называть всегда „практическими занятіями", несомнѣнно обусловлено измѣненіемъ за послѣднее время взглядовъ на соотносительное значеніе методовъ преподаванія, а самый характеръ (особенно разборъ „казусовъ")—болѣе интенсивнымъ сознаніемъ практическаго характера юридическихъ знаній, чѣмъ прежде.

Еще немного времени тому назадъ—лѣтъ 10, 15—можно было встрѣтить со стороны представителей „старой школы" полу-презрительное отношеніе ко всякому роду упражненій, за исключеніемъ развѣ чтенія „Fontes juris romani antiqui" или „Quellenexegesen". Но вотъ за новую идею выступилъ авторитетъ

Іеринга и Штаммлера, авторовъ классическихъ сборниковъ казусовъ для рѣшенія, и вмѣсто скептицизма къ самому дѣлу и нелестныхъ эпитетовъ для тѣхъ, кто имъ занимается (въ родѣ: „дрессировщики", „натаскиватели"), мы видимъ теперь, что упражненія занимаютъ весьма важное мѣсто въ общей системѣ преподаванія права и пользуются самыми живыми симпатіями студентовъ.

Благодаря академической свободѣ, „упражненія" на нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ не могутъ получить характера „заниманія", т.-е. простого наполненія времени студентовъ, причемъ становился бы необходимымъ еще новый контроль и надъ занимающими, и надъ занимаемыми.

Нельзя, конечно, у каждаго студента предполагать и еще менѣе—требовать непремѣнно чисто-научнаго интереса безусловно ко всѣмъ предметамъ курса. Поэтому и упражненія, въ точномъ смыслѣ слова, умѣстны, какъ общій пріемъ, только по тѣмъ отдѣламъ, гдѣ, съ одной стороны, можно ожидать по меньшей мѣрѣ наличности хотя бы только практическаго интереса со стороны большинства слушателей, а съ другой—гдѣ самый догматическій матеріалъ и дѣйствующее положительное право даютъ необходимую почву для дѣйствительныхъ упражненій. Оба эти условія на лицо только для упомянутыхъ выше главныхъ отдѣловъ курса. По этимъ предметамъ и ведутся упражненія на германскихъ юридическихъ факультетахъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Но въ то же время нигдѣ не встрѣчается *общеобязательныхъ* практическихъ занятій,—напримѣръ, по исторіи права римскаго и германскаго. Нѣтъ необходимости доказывать, что по цѣлому ряду юридическихъ наукъ, излагаемыхъ въ университетѣ, нельзя, при всемъ желаніи, устроить „упражненія", а можно лишь, при умѣломъ пользованіи формой такъ-называемыхъ практическихъ занятій, сообщать аудиторіи такія свѣдѣнія, которыя не всегда укладываются въ систематическій курсъ лекцій или могутъ остаться недостаточно разъясненными при изложеніи съ каѳедры.

Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ практика англійскихъ университетовъ. Профессоръ, кромѣ чтенія лекцій (formal lectures), обязанъ по университетскимъ статутамъ вести еще такъ называемую „informal or private instruction", т.-е. дѣлать содержаніе своихъ лекцій предметомъ бесѣдъ и частныхъ разъясненій *для желающихъ*. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ пріемовъ подобной „informal instruction" заключается въ томъ, что профессоръ еженедѣльно предлагаетъ желающимъ

изъ своихъ слушателей рядъ вопросовъ для письменнаго обсужденія; вопросы выбираются въ близкой связи съ содержаніемъ лекцій за недѣлю; въ особо назначенное время происходитъ общая бесѣда съ авторами представленныхъ отвѣтовъ. Конечно, „informal instruction", въ родѣ практикуемой въ Англіи, возможна и желательна по каждому предмету. Но такого рода занятія, очевидно, не могутъ быть обязательными для всѣхъ слушателей и тѣмъ болѣе по всѣмъ предметамъ одновременно.

Для желающихъ можно, разумѣется, по каждому предмету университетскаго курса вести особыя занятія и чисто *научнаго* свойства, въ видѣ систематическаго руководительства интересующихся наукой при изученіи памятниковъ, авторовъ и спеціальной литературы по какому-либо отдѣльному вопросу. Все это, конечно, входитъ въ число обязанностей профессора и составляетъ, быть можетъ, ту сторону его призванія, которая всего ближе сердцу настоящаго ученаго. Но профессоръ не может ожидать и не долженъ требовать, чтобы въ такихъ занятіяхъ принимали участіе всѣ слушатели.

Еще менѣе допустимо подобное требованіе въ видѣ общей мѣры, какъ формальная обязанность, возлагаемая на каждаго студента со стороны факультета, или же неизбѣжная, какъ условіе допущенія къ государственному экзамену. Факультеты въ Германіи не требуютъ ничего подобнаго отъ студентовъ, но въ правилахъ государственныхъ экзаменовъ иногда упоминается о необходимости представить удостовѣреніе, что кандидатъ „принималъ участіе" въ семинаріяхъ по двумъ или тремъ предметамъ. По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что это требованіе— *не университетское* и, поэтому, не есть ограниченіе академической свободы по существу. На практикѣ дѣло сводится нерѣдко къ „записыванію" на семинаріи (belegen) и къ одному реферату въ теченіе всего семестра; все остально время всякій желающій можетъ ограничиться совершенно пассивнымъ посѣщеніемъ семинарій разъ въ недѣлю, а то и вовсе пропускать занятія. Но по двумъ, тремъ предметамъ въ теченіе всего курса найдется достаточно интереса у каждаго студента, чтобы не считать такое участіе въ семинаріяхъ ограниченіемъ своей свободы ученія. Затѣмъ, для нѣмецкихъ студентовъ занятія въ семинаріяхъ представляютъ иногда и особаго рода практическій интересъ: дѣльный рефератъ можетъ быть впослѣдствіи, по указаніямъ профессора, разработанъ и обратиться въ одну изъ тѣхъ безчисленныхъ „диссертацій", которыя никѣмъ не читаются, очень рѣдко выходятъ за предѣлы хорошаго кандидатскаго сочиненія по на-

шимъ понятіямъ, но все-же доставляютъ автору званіе „Dr. juris".

Не нѣтъ необходимости входить въ детали. Мы имѣли въ виду лишь въ общихъ чертахъ намѣтить, такъ сказать, совершенно безотносительно то значеніе, которое *могутъ* имѣть вообще разнаго рода „упражненія" и „практическія занятія" на юридическомъ факультетѣ. Ошибочно было бы думать, что въ Германіи среди профессоровъ нѣтъ разногласія по такого рода вопросамъ. Но тѣмъ интереснѣе указать на тотъ фактъ, что въ дѣйствительности, въ практикѣ нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ, всякаго рода занятія со студентами, отступающія отъ общаго типа лекціоннаго изложенія, сложились именно въ намѣченномъ выше направленіи. Въ этомъ отношеніи приходится признать самое очевидное вліяніе того же начала свободы ученія студентовъ на *организацію и характеръ самаго преподаванія*. Не рискуя быть тривіальнымъ, можно сказать, что преобладающій запросъ со стороны самихъ студентовъ на извѣстнаго рода упражненія вызываетъ на широкое развитіе; здѣсь мы имѣемъ явленіе, вытекавшее изъ общаго закона о спросѣ и предложеніи; при условіи свободы самаго спроса этотъ законъ весьма опредѣленно даетъ себя чувствовать. Для подтвержденія сошлемся на факты.

Въ настоящее время вопросъ объ упражненіяхъ и практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ въ Германіи на практикѣ рѣшается слѣдующимъ образомъ.

Наибольшимъ распространеніемъ и успѣхомъ пользуются упражненія (Uebungen) по всѣмъ отдѣламъ *дѣйствующаго гражданскаго права* (B. G. B), которыя ведутся иногда всѣми профессорами-цивилистами и нѣсколькими приватъ-доцентами параллельно и одновременно; такія занятія (съ письменными работами или въ видѣ бесѣды) весьма охотно посѣщаются студентами иногда уже съ перваго семестра; участіе въ упражненіяхъ по дѣйствующему гражданскому праву на второмъ семестрѣ— т.-е. во второй половинѣ перваго курса по нашему счету—явленіе общее. Изъ упражненій по другимъ предметамъ наибольшій интересъ со стороны студентовъ вызываютъ и охотно посѣщаются тѣ, которыя допускаютъ обсужденіе конкретныхъ случаевъ, рѣшеніе „казусовъ", какъ наиболѣе занимательныя по формѣ и ближе стоящія къ практическимъ цѣлямъ изученія права большею частью студентовъ-юристовъ.—Важное пропедевтическое значеніе догмы римскаго права вполнѣ сознается большинствомъ студентовъ. Поэтому „практическія занятія" по римскому праву не утратили своего мѣста въ общей системѣ пре-

подаванія; но это можно утверждать только относительно упражненій въ формѣ разбора казусовъ и т. п.; наоборотъ—изученіе источниковъ и практика въ экзегезѣ обыкновенно воспринимаются какъ нѣкоторая необходимость въ виду соотвѣтствующихъ требованій на государственныхъ экзаменахъ. Впрочемъ, иногда профессоръ-романистъ умѣетъ пробудить и живой, непосредственный интересъ къ дѣлу; въ настоящее время въ Германіи существуетъ нѣсколько курсовъ „Quellenexegese", пользующихся широкой извѣстностью среди студентовъ. Общій характеръ *семинаріума* былъ указанъ выше; вліяніе начала свободы ученія можно видѣть, напримѣръ, и въ томъ, что число участвующихъ обыкновенно очень небольшое (10, 15, 20 человѣкъ), и изъ этого числа у профессоровъ, пользующихся извѣстностью, нерѣдко бо́льшая часть—иностранцы, дѣйствительно желающіе учиться и работать; на долю иностранцевъ нерѣдко приходится поэтому и бо́льшая интенсивность труда, и болѣе серьезные научные результаты работы подъ руководствомъ выдающагося ученаго. Наконецъ, профессора могутъ, конечно, объявлять и узко-спеціальные курсы, „privatissima", для желающихъ, и, если найдутся слушатели, вести свои занятія такимъ образомъ, что и ихъ можно, если угодно, называть практическими, хотя они будутъ заключаться, напримѣръ, въ чтеніи историческихъ памятниковъ древняго права, въ комментированіи какого-либо римскаго или средневѣковаго юриста... Научнаго значенія подобныхъ спеціальныхъ курсовъ, конечно, никто не станетъ оспаривать, равно какъ и того, что именно такія privatissima, читаемыя профессоромъ по излюбленному вопросу, могутъ дать самое вѣрное понятіе о томъ, какъ высоко стоитъ въ Германіи дѣло научнаго изслѣдованія въ области юриспруденціи. Но если говорить о распространенности такихъ курсовъ, о томъ числѣ слушателей, которые записываются на нихъ хотя бы и „gratis", то приходится совершенно объективно признать тотъ фактъ, что большинство студентовъ-юристовъ пользуются своей свободой ученія, чтобы старательно обходить всякія privatissima на своемъ факультетѣ, предпочитая, если есть время и охота (а также и лишнія 10, 20 марокъ!), слушать общеобразовательные курсы у профессоровъ другихъ факультетовъ... И едва ли это—худшее употребленіе академической свободы, которое вообще можетъ быть поставлено на видъ нѣмецкому студенту-юристу!

Указанія на положеніе упражненій и практическихъ занятій на германскихъ юридическихъ факультетахъ были сдѣланы въ видѣ примѣра для того, чтобы съ фактами въ рукахъ говорить

о томъ вліяніи, которое оказываетъ свобода ученія студентовъ на самую организацію преподаванія. Такихъ примѣровъ можно бы привести и еще цѣлый рядъ. Но это потребовало бы снова слишкомъ детальнаго изложенія.

Въ цѣляхъ общей характеристики значенія академической свободы ученія важнѣе, однако, отмѣтить тѣ различныя стороны университетской жизни въ Германіи, гдѣ сказывается вліяніе этого начала, чѣмъ приводить доказательства по одному и тому же пункту.

Перейдемъ поэтому къ иному вопросу и посмотримъ, не оказываетъ ли свобода ученія студентовъ также извѣстнаго вліянія и на самыя *отношенія между профессорами и ихъ слушателями*, а черезъ это и на отношеніе профессора къ своимъ обязанностямъ передъ аудиторіей. Конечно, рѣчь будетъ идти не о внѣшней сторонѣ такого рода отношеній, а лишь въ предѣлахъ чисто-академическихъ, и лишь настолько, насколько они опредѣляются началомъ свободы.

Прежде всего характерно и существенно, что нѣмецкій профессоръ,—будемъ говорить только о профессорахъ-юристахъ,—что нѣмецкій профессоръ-юристъ не облеченъ по отношенію къ студенту никакимъ инымъ авторитетомъ, кромѣ того, который даютъ ему его собственныя знанія, талантъ, опытность въ качествѣ преподавателя и представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ съ опредѣленной нравственной индивидуальностью... Иначе и не можетъ быть при господствѣ начала свободы ученія. Именно въ силу этого начала студентъ чувствуетъ себя свободнымъ по отношенію къ каждому отдѣльному профессору уже потому, что онъ не обязанъ слушать предметъ именно у даннаго лектора; нѣмецкій студентъ можетъ затѣмъ мѣнять университеты, сколько ему угодно, не зная никакого прикрѣпленія, смотря по учебному округу оставшейся позади гимназіи; наконецъ, нѣмецкій студентъ можетъ продолжить свои студенческіе годы, опять сколько угодно, безъ перспективы увольненія изъ университета „по неуспѣшности" (5 и 6 лѣтъ пребыванія въ университетѣ—въ Германіи далеко не рѣдкость; случаи болѣе продолжительнаго пребыванія также чаще, чѣмъ можно было бы предполагать).

Но еще важнѣе то обстоятельство, что нѣмецкій студентъ чувствуетъ себя свободнымъ и по отношенію къ своимъ профессорамъ, т.-е. къ тѣмъ, у кого онъ записался въ данное полугодіе, чьи лекціи онъ слушаетъ. Это также—прямое слѣдствіе свободы ученія.

Съ званіемъ профессора юридическихъ наукъ, „Professor

der Rechte", въ Германіи связано лишь положеніе представителя извѣстной каѳедры на факультетѣ и преподавательскія обязанности въ предѣлахъ извѣстной группы юридическихъ наукъ. Но быть профессоромъ въ Германіи вовсе не значитъ быть eo ipso неизбѣжнымъ экзаменаторомъ каждаго изъ своихъ слушателей именно по данному спеціальному предмету и притомъ не иначе, какъ въ предѣлахъ учебника, своего или чужого, если таковой имѣется, а всего чаще въ рамкахъ литографированныхъ студенческихъ записокъ.

Свобода ученія, какъ было указано, не допускаетъ ежегодныхъ переводныхъ или провѣрочныхъ экзаменовъ, происходящихъ отъ имени факультета. Отсутствіе такихъ экзаменовъ ведетъ къ отсутствію у нѣмецкаго профессора-юриста такихъ средствъ къ поднятію собственнаго престижа, какъ репутація строгаго или популярность завѣдомо-снисходительнаго экзаменатора. Послѣдствія, какъ они сказываются на дѣлѣ, гораздо существеннѣе, чѣмъ можно предполагать, не будучи знакомымъ ближе съ строемъ и духомъ университетской жизни при иныхъ условіяхъ.

Нѣмецкому студенту-юристу, напримѣръ, совершенно неизвѣстно такое положеніе вещей, когда на практикѣ все знаніе,— которое требуется къ тому же въ разные сроки, по частямъ и по билетамъ,—можетъ быть сведено къ болѣе или менѣе удовлетворительной передачѣ выученныхъ къ экзамену конспектовъ и профессорскихъ лекцій.

Нѣмецкій студентъ-юристъ, напротивъ, хорошо сознаетъ, что онъ долженъ изучить извѣстный нормальный циклъ юридическихъ наукъ; онъ знаетъ также, что ему предстоитъ серьезно проработать подъ руководствомъ профессора и основательно усвоить (по любому рекомендуемому руководству и по изданію текстовъ съ объясненіями) весьма значительное количество положительнаго матеріала изъ системы дѣйствующаго законодательства своего нѣмецкаго отечества. Во все время университетскаго курса никакія постороннія вліянія, никакія формальныя требованія,— однимъ словомъ, никто и ничто—не могутъ ослабить, измѣнить или дать другое направленіе тѣмъ разумнымъ требованіямъ, которыя долженъ ставить себѣ самому каждый студентъ, дѣйствительно ищущій основательнаго юридическаго образованія. Именно съ этими требованіями онъ и *можетъ* сообразовать свои занятія, такъ какъ онъ *не долженъ* сообразовать ихъ ни съ чѣмъ инымъ, благодаря академической свободѣ ученія.

Mutatis mutandis, можно говорить и объ аналогичныхъ по существу послѣдствіяхъ признанія начала свободы ученія студен-

товъ, если отъ учащихся обратиться къ учащимъ. Аналогія заключается въ томъ, что и здѣсь приходится отмѣтить благотворное, приводящее къ извѣстной нормальной качественной высотѣ, вліяніе того же начала. Можно высказать въ видѣ общаго положенія, что при свободѣ ученія студентовъ общій уровень преподавательской дѣятельности профессоровъ долженъ быть выше, чѣмъ при иныхъ условіяхъ. Конечно, и тамъ, гдѣ нѣтъ свободы ученія, всегда были и будутъ среди профессоровъ талантливые, блестящіе или, еще чаще, просто хорошіе, преданные своему дѣлу преподаватели и руководители. Нельзя въ то же время утверждать, что признаніе начала свободы ученія само по себѣ можетъ служить безусловной гарантіей, что всѣ профессора будутъ отдавать достаточно времени, силъ и труда учебной сторонѣ своего призванія. Сравнивать можно въ данномъ случаѣ лишь *объективныя условія*, въ которыя поставлена дѣятельность профессора, и такое сравненіе должно имѣть цѣлью лишь указать, гдѣ больше вѣроятности ожидать преобладанія плюсовъ надъ минусами въ среднихъ итогахъ и въ общихъ выводахъ. Вопросъ этотъ не связанъ самъ по себѣ съ спеціализаціей университетскаго преподаванія по отдѣльнымъ факультетамъ. Мы будемъ, какъ и вообще, имѣть въ виду профессоровъ-юристовъ и говорить лишь о преподаваніи права на юридическихъ факультетахъ.

Профессоръ-юристъ, какъ и всякій вообще убѣжденный ученый и какъ честно и чутко относящійся къ своему преподавательскому призванію членъ академической корпораціи, безспорно и прежде всего—„самъ свой высшій судъ".

Но надъ преподавательскою дѣятельностью профессора-юриста есть или долженъ быть и другой нелицепріятный судъ, если можно такъ выразиться, а именно — самое существо дѣла, тѣ задачи, которыя преслѣдуетъ университетская наука вообще, и тѣ требованія и запросы, которымъ должно удовлетворять преподаваніе излагаемаго даннымъ профессоромъ спеціальнаго предмета въ частности. Легко убѣдиться, что при свободѣ ученія студентовъ болѣе вѣроятности, чтобы профессоръ всегда ясно сознавалъ и чувствовалъ обязанность и необходимость считаться съ этими задачами, запросами и требованіями. При свободѣ ученія профессоръ не можетъ игнорировать тѣхъ признаковъ, которые говорятъ ему о недостаточной качественной высотѣ его преподавательской дѣятельности. Распространяться объ этихъ признакахъ нѣтъ необходимости, но нельзя не указать на то, что отрицаніе свободы ученія, не устраняя ихъ появленія вообще, мо-

жетъ окружить профессора совершенно непроницаемой средой формальнаго отношенія къ дѣлу и отнять у него всякое побужденіе относиться критически къ собственной преподавательской дѣятельности. При отрицаніи свободы ученія, каждый профессоръ имѣетъ не только право, но и обязанность экзаменовать каждаго изъ своихъ слушателей; онъ облеченъ весьма сильнымъ принудительнымъ авторитетомъ,—авторитетомъ „рѣшителя судьбы“ экзаменующагося. При отрицаніи свободы ученія, въ распоряженіи профессора—цѣлый рядъ внѣшнихъ средствъ, чтобы фактически свести требовательность слушателей по отношенію къ своимъ лекціямъ до весьма минимальныхъ размѣровъ. Разумѣется, мы не хотимъ утверждать, что профессоръ будетъ злоупотреблять этими средствами.—Нисколько! Въ большинствѣ случаевъ извѣстные факторы проявляютъ, такъ сказать, печальную самодѣятельность. При отрицаніи свободы ученія, центръ тяжести неизбѣжно переходитъ съ вопроса объ основательномъ знаніи по существу на вопросъ объ удовлетворительной отмѣткѣ на экзаменѣ при переходѣ съ одного курса на другой... При такомъ объективномъ положеніи дѣла, не удивительно, что и субъективное отношеніе большинства студентовъ къ курсамъ и лекціямъ опредѣляется подсчетомъ листовъ литографированныхъ записокъ, и что оцѣнка главнымъ образомъ зависитъ отъ того, легко или нѣтъ дается заучиваніе по билетамъ къ экзамену. Профессоръ можетъ не видать почти слушателей въ аудиторіи, но экзаменъ у него въ большихъ университетахъ можетъ продолжаться по группамъ цѣлую недѣлю, и такъ изъ года въ годъ, безъ того, чтобы чувствовалась какая-либо ненормальность во всемъ этомъ. А если ненормальность и сознается въ извѣстной степени, то это ничего не измѣняетъ: если, положимъ, студенты сознаютъ, что они ничего не выносятъ изъ аудиторіи, кромѣ того, что̀ у каждаго изъ нихъ есть подъ руками въ видѣ литографированныхъ лекцій, то они начинаютъ смотрѣть на данный предметъ просто какъ на одну изъ мелкихъ преградъ въ теченіе университетскаго курса. Перспектива неизбѣжнаго экзамена не позволяетъ большинству быть сколько-нибудь требовательными, такъ какъ это значило бы повышать и тѣ требованія, которыя будутъ предъявлены имъ самимъ на экзаменѣ. Этимъ и объясняется возможность хроническаго квіэтизма со стороны иного профессора. Вполнѣ понятна столь же послѣдовательная беззаботность тѣхъ сотенъ неизбѣжно проходящихъ черезъ его курсъ студентовъ, которыхъ прежде всего интересуетъ вопросъ объ экзаменахъ и о дипломахъ. Разочарованіе и оглядки ихъ ждутъ впереди. Из-

вѣстно, что хорошая, а тѣмъ болѣе отличная отмѣтка на экзаменахъ переходныхъ и выпускныхъ можетъ внушить учащемуся увѣренность, что онъ дѣйствительно пріобрѣлъ основательныя знанія. Въ дѣйствительности же это не болѣе, какъ свидѣтельство о томъ, что студентъ обладаетъ хорошей памятью и крѣпкими нервами, чтобы продѣлать въ теченіе нѣсколькихъ недѣль экзаменаціонную страду. Чтò онъ узналъ и усвоилъ, чтò онъ успѣлъ сдѣлать для своего общаго образованія и развитія,—объ этомъ нельзя судить по разнымъ свидѣтельствамъ и дипломамъ, пока эти свидѣтельства и дипломы будутъ оставаться коллекціями формальныхъ удостовѣреній о томъ, что студентъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ являлся на экзамены, мечтая получить („вытянуть“) билетъ полегче, и что онъ по большей части отвѣчалъ на этотъ билетъ то самое, чтò было въ лекціяхъ и значилось подъ извѣстнымъ нумеромъ въ длинномъ спискѣ вопросовъ традиціонной программы. Развѣ не приходится обладателямъ всевозможныхъ дипломовъ нерѣдко начинать учиться почти съ самаго начала и притомъ, разумѣется, по канцелярской рутинѣ и дѣловой практикѣ, — начинать съ начала изученіе хотя бы дѣйствующаго права, которое они не научились ни знать, ни понимать въ университетѣ? А развѣ много лучше обстоитъ и дѣло „пробужденія чисто-научнаго духа“, если видѣть въ этомъ (вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ) главную задачу профессора? Можно ли утверждать, что лекція профессора, по необходимости приспособленная къ условіямъ экзаменаціонныхъ традицій, и преподаваніе, нерѣдко не идущее далѣе считыванія или пересказа все тѣхъ же лекцій, — можно ли утверждать, что это хорошая школа для будущихъ ученыхъ? Трудно указать точку зрѣнія, съ которой такого рода положеніе дѣла представлялось бы нормальнымъ и желательнымъ! Мы далеки отъ мысли утверждать, что явленія, подобныя указаннымъ, составляютъ всегда и вездѣ общее правило; все, чтò имѣется въ виду, не идетъ дальше общаго тезиса, что отрицаніе свободы ученія студента создаетъ условія наиболѣе благопріятныя для того, чтобы и въ преподавательской дѣятельности профессора могли появиться такія черты и особенности, которыя нельзя назвать иначе, какъ чисто-отрицательными.

Совершенно иначе складываются отношенія между аудиторіей и преподавателемъ, если начало академической свободы не изгоняется изъ университета, а пользуется здѣсь широкимъ признаніемъ.

Нѣмецкій студентъ, поступая въ университетъ, не поставленъ въ необходимость думать прежде всего о ежегодныхъ переход-

ныхъ экзаменахъ. То, что̀ юноша выноситъ съ собой изъ университета, это не есть рядъ троекъ, четверокъ и пятерокъ въ опредѣленной послѣдовательности выставленныхъ профессорами, которыхъ онъ, можетъ быть, вовсе и не слушалъ. Нѣмецкій студентъ-юристъ можетъ получить отъ своихъ профессоровъ только послѣдовательный рядъ впечатлѣній отъ ихъ лекцій, рядъ призывовъ и руководящихъ указаній къ самостоятельному труду и нѣкоторый навыкъ, пріобрѣтаемый путемъ участія въ различныхъ упражненіяхъ. Ничто, никакія формальности не могутъ устранить у профессора сознанія, что ни его собственные промахи и недочеты курса, ни отсутствіе интереса и интенсивности въ занятіяхъ со стороны студентовъ, нельзя впослѣдствіи, такъ сказать, покрыть такимъ экзаменомъ, который слушатели называютъ снисходительнымъ или гуманнымъ, но гдѣ прежде всего уже слишкомъ много снисхожденія по отношенію къ самому себѣ. Разъ такая возможность устранена безусловно, разъ профессоръ излагаетъ, а студенты изучаютъ юридическія науки при такихъ условіяхъ, гдѣ нѣтъ и рѣчи объ университетскихъ экзаменахъ, и гдѣ, слѣдовательно, цѣль „свободнаго сообщества учащихъ и учащихся“ заключается въ дѣйствительномъ сообщеніи и усвоеніи основательныхъ знаній,—то, разумѣется, у каждаго профессора, говоря вообще, гораздо больше побужденій къ тщательному выбору матеріала, къ постоянной работѣ надъ курсомъ, къ самому добросовѣстному и живому выполненію своихъ преподавательскихъ обязанностей. При свободѣ ученія, когда объективныя требованія, вытекающія изъ самаго существа дѣла, не могутъ быть устранены чисто-автономнымъ балансомъ, который подводитъ каждый профессоръ, экзаменуя самъ всѣхъ своихъ слушателей, — при свободѣ ученія гораздо менѣе вѣроятности, чтобы существенные отдѣлы курса могли оставаться изъ года въ годъ непрочитанными. Случается, конечно, что нѣмецкій профессоръ-юристъ не успѣетъ, особенно въ теченіе короткаго лѣтняго семестра (фактически 1 мая—1 августа), закончить курсъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что такое явленіе считается нормальнымъ и допустимымъ; нерѣдко профессора къ концу курса удвоиваютъ и даже иногда, бываетъ, готовы утроить число часовъ. Въ силу тѣхъ же объективныхъ условій, при свободѣ ученія менѣе основаній допустить, чтобы профессоръ-юристъ считалъ свои обязанности по отношенію къ аудиторіи исполненными, ограничиваясь въ своемъ изложеніи какой-либо одной стороной, ему болѣе знакомой или интересной — напримѣръ, антикварной, сравнительно-исторической или отвлеченно-теоретической;—со-

вершенно немыслимо, далѣе, чтобы, напримѣръ, въ догматическихъ курсахъ шла рѣчь о чемъ угодно, но только не о системѣ положительнаго національнаго права, чтобы оставалась почти незатронутой и такъ-называемая „особенная часть“, чтобы студенты не были пріучены имѣть дѣло съ дѣйствующими кодексами и не научились путемъ систематическихъ упражненій въ рѣшеніи казусовъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ юридической природѣ различныхъ явленій и отношеній общественной жизни.

Свобода ученія студента, по нашему крайнему разумѣнію, есть именно то условіе, которое болѣе всего способно поддерживать, съ одной стороны, въ студентахъ сознательную энергію труда, а съ другой—и въ профессорахъ живое отношеніе къ живому дѣлу преподаванія права. Благодаря именно господству начала академической свободы ученія студентовъ, отношенія между профессоромъ и слушателями складываются такъ, что, напр., нѣмецкіе профессора-юристы безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія со стороны правительства, безъ казенныхъ программъ, росписаній и т. п., всегда имѣютъ предъ собою живо и ясно обозначенную дѣйствительными цѣлями и задачами преподаванія права *извѣстную среднюю линію*, отъ которой не должны (а въ большинствѣ случаевъ въ концѣ концовъ даже не могутъ) существенно отклоняться ихъ курсы, лекціи и занятія.

На юридическихъ факультетахъ, на почвѣ свободнаго труда со стороны руководящихъ и учащихъ, при условіи свободнаго воспріятія и усвоенія знаній со стороны ищущихъ высшаго образованія учащихся, постоянно происходитъ, если можно такъ выразиться, живое соприкосновеніе отвлеченной научной теоріи съ жизнью, съ дѣйствительностью. Здѣсь идеальное служеніе ученаго изслѣдователя въ области соціальныхъ и юридическихъ наукъ свободно сочетается съ призваніемъ и не менѣе серьезными обязанностями профессора-юриста, какъ преподавателя права. Правда, свобода ученія студентовъ лишаетъ нѣмецкаго профессора-юриста всякихъ внѣшнихъ средствъ побудить слушателей особенно усердно заниматься его предметомъ и т. п. Но вѣдь это вообще совершенно чуждое духу германскаго университета представленіе, что каждаго студента, какъ студента, нужно и можно заставлять учиться.

На почвѣ академической свободы сложилось и вошло въ плоть и кровь нѣмецкихъ университетовъ иное, гораздо болѣе высокое и вѣрное убѣжденіе,—а именно: что каждому студенту слѣдуетъ предоставить самую широкую возможность пріобрѣтенія общаго образованія и спеціальныхъ знаній путемъ наиболѣе

цѣлесообразной постановки преподаванія, съ одной стороны, и при условіи наименьшаго стѣсненія его индивидуальной свободы во время пребыванія студента въ университетѣ—съ другой. И это убѣжденіе неуклонно проводится на практикѣ: съ одной стороны, прохожденіе университетскаго курса обставлено по отношенію къ университету минимальной долей формальностей, которыя, къ тому же, не затрогиваютъ вовсе свободы ученія; съ другой стороны, нельзя не признать, что общій уровень не только ученой, но и учебной дѣятельности германскихъ юридическихъ факультетовъ стоитъ сравнительно очень высоко.

Если нѣмецкій студентъ-юристъ внимательно прослушаетъ хотя бы только бо̀льшую часть тѣхъ курсовъ, на которые онъ долженъ записаться не по требованію университета, а по правиламъ о допущеніи къ государственному экзамену, и если онъ усвоитъ хотя бы только третью долю того, что̀ ему предлагается путемъ лекцій и упражненій, въ общихъ курсахъ и въ семинаріумахъ, то такой студентъ оставитъ университетъ образованнымъ и знающимъ юристомъ.

Большой ошибкой было бы думать, что степень юридическаго образованія можно измѣрять по-предметно или по-срочно. Правовѣдѣніе—не математика, гдѣ каждая высшая ступень предполагаетъ непремѣнно предварительное прохожденіе всѣхъ низшихъ. Въ области точныхъ наукъ, равно какъ и въ области техническихъ знаній, о широкой свободѣ выбора въ послѣдовательномъ изученіи различныхъ отдѣловъ извѣстной системы знаній не можетъ быть и рѣчи; такая свобода исключена по самому существу дѣла.

Между тѣмъ въ области правовѣдѣнія, какъ оно въ настоящее время дѣлится и изучается по спеціальнымъ дисциплинамъ на юридическихъ факультетахъ, такой точной и безусловной послѣдовательности установлено разъ навсегда быть не можетъ. Юридическія науки, съ одной стороны, въ значительной степени самостоятельны одна по отношенію къ другой (представители каждой спеціальности иногда даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, настаиваютъ на такой самостоятельности), а съ другой стороны они несомнѣнно оперируютъ съ понятіями и положеніями, общими для всѣхъ или для большей части изъ нихъ.

Извѣстная система въ занятіяхъ юридическими науками, конечно, полезна и желательна. Но еще большой вопросъ, можно ли идти въ этомъ направленіи такъ далеко, чтобы требовать одинаковаго порядка изученія юридическихъ наукъ отъ всѣхъ и каждаго. И совершенно внѣ вопроса, что принудительныя расписа-

нія и програмы тамъ, гдѣ они существуютъ, нисколько не способствуютъ успѣшности изученія права студентами, а свидѣтельствуютъ только о томъ, что духъ и цѣли университетскаго преподаванія приносятся въ жертву стремленію къ формальной систематизаціи или, быть можетъ, также видамъ порядка и благочинія чисто канцелярскаго свойства.

Для того, чтобы ко времени окончанія университетскаго курса у студента-юриста могли оказаться въ распоряженіи заблаговременно запасенныя данныя для удовлетворительнаго общаго итога —не по диплому только, а по существу,—необходима болѣе или менѣе широкая *свобода труда* съ одной стороны, а съ другой— и *возможность своевременно*, т.-е. сравнительно рано, *приступить къ изученію основныхъ предметовъ курса*, чтобы имѣть время и досугъ заинтересоваться ими.

При отрицаніи начала свободы ученія—первое условіе оказывается несоблюденнымъ; объ этомъ уже была рѣчь выше. Второе условіе также является трудно выполнимымъ, если университетскій курсъ заключить въ непреложныя рамки обязательныхъ росписаній, переходныхъ экзаменовъ и т. п.

Особенно часто такія программы и росписанія какъ бы совершенно не принимаютъ во вниманіе тотъ интересъ къ изученію права и тотъ общій уровень воспріимчивости, который приносятъ съ собою въ университетъ начинающіе юристы,—студенты перваго семестра. Чтобы не быть голословнымъ и въ то же время не вдаваться въ подробности, укажемъ лишь на одинъ примѣръ, который представляется довольно убѣдительнымъ.

Это общее явленіе и всѣмъ извѣстный фактъ, что въ русскихъ университетахъ экономическія науки пользуются особымъ интересомъ со стороны большинства студентовъ. Сводить всю привлекательность политической экономіи на счетъ какихъ-либо „модныхъ теорій“ или объяснять все „практическимъ духомъ времени“—слишкомъ банальное объясненіе, чтобы можно было останавливаться на его опроверженіи: въ нашихъ университетахъ излагается политическая экономія, какъ наука, а не какъ партійная программа экономической политики; о прикладномъ, практическомъ характерѣ преподаванія также не можетъ быть рѣчи. Но чисто-внѣшній фактъ имѣетъ въ данномъ случаѣ, очевидно, большое значеніе: по счастливой случайности, политическая экономія у насъ попала на первый курсъ юридическихъ факультетовъ. Вполнѣ понятно, что такая могучая и жизненная наука, какъ политическая экономія, сама собою должна устранить всякую конкурренцію со стороны другихъ предметовъ, ко-

торые у насъ предписаны для студентовъ перваго курса. *Энциклопедія права* у насъ остается все еще какой-то неопредѣленной дисциплиной. Какъ общая теорія права или какъ философія права, въ смыслѣ строго научномъ, она мало доступна начинающимъ юристамъ; а чтобы сдѣлать ее интересной и привлекательной для слушателей, какъ введеніе къ изученію права, для этого необходима громадная опытность и большой преподавательскій талантъ. Нерѣдко и у такого лектора, котораго слушаютъ постоянно и внимательно, курсъ по существу оказывается мало содержательнымъ, чего уже, конечно, нельзя сказать про курсъ политической экономіи... Обѣ другія науки, которыя полагается слушать на первомъ курсѣ,—*исторія русскаго права* и *исторія римскаго права*,—конечно, богаты содержаніемъ. Но дѣло въ томъ, что болѣе чѣмъ трудно ожидать со стороны большинства студентовъ-первокурсниковъ другого интереса къ этимъ предметамъ, чѣмъ тотъ, который внушается необходимостью сдать экзаменъ въ концѣ года. Студенты перваго курса имѣютъ еще очень неопредѣленное представленіе о самыхъ элементарныхъ юридическихъ понятіяхъ, а между тѣмъ ихъ вниманію и памяти предлагается многовѣковая исторія развитія всего права. Въ одномъ случаѣ это исторія права чужого, съ постоянной опасностью уклоненія въ область антикварной классической филологіи, а въ другомъ—хотя и исторія родного права, но права настолько несовершеннаго, что въ представленіи студента-первокурсника рѣдко устанавливается генетическая связь между далекимъ прошлымъ и настоящимъ, а большею частью связь чисто внѣшняя, по хронологическимъ датамъ о княженіяхъ, о завоеваніяхъ, объ изданіи судебниковъ и т. п. Ни непосредственнаго живого интереса, ни безусловнаго пониманія нельзя ни предполагать, ни безусловно требовать у начинающихъ юристовъ по отношенію къ исторіи права, особенно если она излагается пространно и детально въ теченіе цѣлаго года, а то и долѣе, при значительномъ числѣ недѣльныхъ часовъ. Исключенія, конечно, возможны для отдѣльныхъ лицъ, пріобрѣвшихъ интересъ къ занятіямъ исторіей еще въ гимназіи. Затѣмъ, выдающійся талантъ профессора-историка права можетъ увлечь аудиторію; но вѣдь и это—не общее правило!

Между тѣмъ, университетъ, принимая на первые курсы юридическихъ факультетовъ сотни молодыхъ людей, только-что оставившихъ за собой среднюю школу, долженъ считаться не съ исключеніями, а руководствоваться, сообразно съ средними данными, съ тѣмъ, что̀ можно считать за общее правило.

Кто знаетъ, быть можетъ, задача преподаванія исторіи права въ университетѣ была бы и легче, и благодарнѣе, еслибы профессора имѣли передъ собой слушателей, хорошо знакомыхъ съ догматическими отдѣлами курса? Но этотъ вопросъ лучше предоставить рѣшать спеціалистамъ.

Мы имѣемъ въ виду лишь обратить вниманіе на то, что тотъ общій и живой интересъ, который проявляютъ студенты-юристы перваго курса къ политической экономіи, несомнѣнно существуетъ у нихъ и по отношенію къ чисто юридическимъ наукамъ—прежде всего къ уголовному праву, къ уголовному процессу, а затѣмъ и къ дисциплинамъ гражданскаго права. Но при существующихъ, напр., у насъ условіяхъ, студенты слушаютъ уголовное и гражданское право не раньше, чѣмъ на третьемъ году пребыванія въ университетѣ; русскіе студенты-юристы только тогда начинаютъ знакомиться съ особенною частью названныхъ предметовъ, когда большинство нѣмецкихъ студентовъ уже заканчиваетъ съ шестымъ семестромъ весь университетскій курсъ. Не лучше ли предоставить возможность уже ранѣе приступить къ занятіямъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ? Почему не допустить при этомъ, по аналогіи съ политической экономіей, что своевременно пробужденный и поддержанный профессоромъ интересъ не принесетъ самыхъ благихъ результатовъ? Конечно, одинаково ошибочно было бы предписать читать, напр., и уголовное, и гражданское право, а тѣмъ болѣе процессы—студентамъ-первокурсникамъ. Правильный путь есть признаніе свободы ученія, т.-е. предоставленіе студентамъ-юристамъ права и возможности самимъ сознательно избрать для основательнаго изученія хотя бы только одинъ изъ главныхъ догматическихъ предметовъ университетскаго курса юридическихъ факультетовъ.

Могутъ быть сдѣланы возраженія совершенно противоположнаго рода. Навѣрное придется услышать мнѣніе: устраните только всякій контроль и принужденіе, тогда студенты ровно ничего не станутъ дѣлать. Съ другой стороны, вѣроятно, будутъ сдѣланы указанія, что нельзя предоставить студентамъ свободу выбора курсовъ и лекцій, такъ какъ въ такомъ случаѣ они сразу набросятся на все, и не будутъ въ состояніи изучить хоть что-нибудь основательно.

Такія возраженія, очевидно, совершенно несостоятельны. Тѣ студенты, которые не хотятъ работать, ничѣмъ не интересуются и предпочитаютъ университетскимъ занятіямъ, напримѣръ, показную молодеческую жизнь бурша-корпоранта, такіе студенты совершенно не идутъ въ счетъ. Напрасно думать, что необхо-

димость сдать экзаменъ въ концѣ каждаго года заставитъ такого рода элементы интересоваться науками и прилежно посѣщать лекціи. Вѣдь ни для кого не тайна, какъ иногда сдаются экзамены и въ университетѣ, сколько пускается въ ходъ уловокъ школьнической изобрѣтательности, какъ часто студентъ является на одинъ и тотъ же экзаменъ по нѣскольку разъ въ теченіе одной недѣли и въ концѣ концовъ бываетъ обязанъ переходнымъ балломъ (все та же вѣчная „3") не собственнымъ знаніямъ, а снисходительности профессора. Развѣ это—явленія, достойныя университета и достойныя настоящаго студента? Развѣ такъ пріобрѣтается высшее образованіе?

Второе возраженіе совершенно произвольно. Особаго избытка усердія и рвенія къ научнымъ занятіямъ у студентовъ перваго семестра, въ видѣ общаго правила, ожидать нельзя. А еслибы въ дѣйствительности оказалось, что иной студентъ сразу записался на слишкомъ много курсовъ и прослушалъ въ теченіе перваго семестра слишкомъ много лекцій, то это еще не такая бѣда, противъ которой надо бороться мѣрами запрета и принужденія. На второмъ семестрѣ, т.-е. во второмъ полугодіи перваго курса, такой усердный студентъ уже найдетъ и должную мѣру, и необходимое равновѣсіе, а въ то же время будетъ имѣть и необходимую общую подготовку, и сознательный интересъ къ одному или двумъ основнымъ предметамъ. Такимъ образомъ, вмѣсто безпорядочности и разбросанности, само собою устанавливается наиболѣе нормальное отношеніе студента, ищущаго знаній, къ университету, какъ разсаднику просвѣщенія,—и это есть также прямое слѣдствіе начала свободы ученія.

Дѣлая такое утвержденіе, мы вовсе не становимся на почву предположеній и гаданій, а только подводимъ общій итогъ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя намъ приходилось выносить, близко знакомясь съ нѣмецкими студентами особенно первыхъ семестровъ.

Свободное самоопредѣленіе къ труду послѣ суровой, по отзывамъ самихъ нѣмцевъ, дисциплины въ гимназіяхъ, облагораживаетъ университетскія занятія и даетъ имъ неизъяснимую прелесть. Студентъ въ началѣ университетскаго курса впервые работаетъ не для экзамена только и не для профессора, не по билетамъ, а ищетъ знанія ради знанія и прежде всего для себя самого. Высшее образованіе, какъ конечная цѣль, ничѣмъ не заслоняется передъ сознаніемъ нѣмецкаго студента, равно какъ и цѣль ближайшая, пріобрѣтеніе основательныхъ знаній по извѣстной спеціальности—будетъ ли то право, медицина, филологія или теологія. Нѣмецкому студенту-первокурснику нельзя положиться на то,

что въ томъ и въ другомъ направленіи за него подумали и рѣшили другіе, установивъ неуклонно-обязательную послѣдовательность курсовъ и предметовъ на каждый семестръ; ему нельзя успокоивать свое собственное сознаніе, что онъ сдаетъ ежегодно одинъ переходный экзаменъ за другимъ, какъ бывало въ гимназіи. Приходится самому подумать о себѣ и постараться разумно воспользоваться тою широкою свободою и возможностью пріобрѣтенія знаній, которую предоставляетъ въ такой высокой мѣрѣ каждому студенту нѣмецкій университетъ.

Нѣтъ необходимости ни отрицать, ни подчеркивать, что далеко не вся разнохарактерная и разнокачественная масса студенческой молодежи въ Германіи одинаково выдерживаетъ искусъ. Какъ и выше, мы заранѣе исключаемъ тотъ иногда значительный процентъ, который и въ Германіи приходится на долю „не-студентовъ", а отчасти и „полу-студентовъ". Что же касается средняго нѣмецкаго студента-юриста первыхъ семестровъ, то мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что именно свобода ученія даетъ ему такую сознательную радость серьезнаго труда, такое удовлетвореніе естественной въ юношѣ жаждѣ знаній и въ то же время такое высокое сознаніе исполненнаго нравственнаго долга, какія немыслимы при иныхъ условіяхъ университетской жизни!

Этотъ выводъ, быть можетъ, особенно интересенъ для тѣхъ, кто самъ, въ качествѣ университетскаго преподавателя, ближе стоитъ именно къ начинающимъ студентамъ-юристамъ. Но несомнѣнно онъ имѣетъ и общее значеніе, такъ какъ въ указанномъ положеніи вещей приходится видѣть благотворное дѣйствіе того же основного начала академической свободы ученія.

Въ нашемъ очеркѣ, посвященномъ характеристикѣ самыхъ различныхъ сторонъ жизни и дѣйствительности нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ, намъ пришлось отмѣчать присутствіе этого начала на каждомъ шагу, и вездѣ его дѣйствіе и вліяніе оказывалось именно такимъ, какимъ его только можно горячо желать и, при глубинѣ убѣжденія, привѣтствовать въ интересахъ каждаго университета и въ интересахъ каждаго настоящаго студента.

Такъ какъ наши аргументы и наши наблюденія не выходятъ за предѣлы преподаванія и изученія юридическихъ наукъ, то предоставляемъ, поэтому, другимъ судить, насколько нашъ общій выводъ справедливъ и относительно занятій студентовъ на другихъ факультетахъ. Свобода выбора послѣдовательности въ изученіи предметовъ курса на другихъ факультетахъ, быть

можетъ, менѣе существенна и менѣе осуществима со стороны студентовъ, чѣмъ на юридическомъ. Но свободный, сознательный трудъ, ради науки, ради знанія и образованія—нигдѣ и никогда не утратитъ своего высокаго нравственнаго значенія и своихъ практическихъ преимуществъ въ смыслѣ добровольнаго рвенія и послѣдовательности въ изученіи любой отрасли знанія!

При всемъ томъ, было бы, однако, непростительной близорукостью искать и видѣть все значеніе принципа академической свободы ученія лишь въ томъ, что при господствѣ этого начала занятія студентовъ пойдутъ успѣшнѣе. Извѣстной относительной успѣшности вездѣ можно достигнуть,—иногда, пожалуй, и путемъ строгой выучки и дрессировки.

Безконечно важнѣе и существеннѣе признать, что только съ началомъ свободы вообще можно внести здоровый духъ и здоровую дѣятельность въ университеты. Успѣшность труда университетскихъ преподавателей и успѣшность занятій студентовъ суть только проявленія и доказательства здоровой жизни и нормальнаго дѣйствія всего сложнаго и крайне чувствительнаго общественно-культурнаго цѣлаго, которое представляетъ собою университетъ. Знанія такъ или иначе доступны провѣркѣ. А сколько неизмѣримаго и неуловимаго душевнаго покоя и счастья даетъ и профессорамъ, и студентамъ, здоровая университетская жизнь! Этого нельзя ни передать, ни высказать, а можно только пережить и перечувствовать, сблизившись съ жизнью, духомъ и строемъ германскихъ университетовъ.

У насъ въ настоящее время много говорятъ и пишутъ объ оздоровленіи русской университетской жизни. Какъ бы хотѣлось вѣрить, что при предстоящихъ реформахъ зиждущіе не забудутъ *положить во главу угла академическую свободу, какъ краеугольный камень, какъ первый и необходимый залогъ процвѣтанія университетовъ на благо истинной наукѣ, истинному знанію и истинному, всестороннему просвѣщенію!*

Сергѣй Живаго.

Мюнхенъ, 1901.

ПО СОВѢСТИ

ПОВѢСТЬ.

I.

— Вопросъ чести—это, можно сказать, сословный, тонкій вопросъ. Его понимать надо!..

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказавъ это, отодвинулся отъ стола, откинулся на спинку кресла и заложилъ ногу на ногу.

— Его понимать надо!—внушительно повторилъ онъ, глядя прямо въ лицо своему собесѣднику, молодому человѣку съ длинными бѣлесоватыми волосами, безпорядочными прядями спускавшимися на высокій блѣдный лобъ.

— Въ наше время умѣли понимать такого рода вопросы,—продолжалъ онъ.—Надъ ними долго не размышляли, не задумывались, а товò... рѣшали ихъ чутьемъ, порывомъ. Заявляла о себѣ порода, кровь... И въ такихъ случаяхъ, повѣрьте, не могло быть ошибки. Дрались, стрѣлялись, разорялись до тла и никогда не сожалѣли о томъ, чтò было сдѣлано. Спасали свою честь и товò... выбора не было. Выбора не допускалось...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ замолчалъ, поигралъ цѣпочкой часовъ и высоко закинулъ голову.

Молодой человѣкъ мелькомъ взглянулъ на него блестящими, возбужденными глазами и опять уставился въ одну точку.

— Мой братъ, а вашъ отецъ, поступилъ именно такъ, какъ ему указывалъ его долгъ чести. Предпріятіе, въ которое онъ втянулся, было весьма рискованное. Ему, можно сказать, не повезло. Дѣло лопнуло, и братъ, виновный только... только въ неосторожности и, быть можетъ, въ излишней довѣрчивости, не

счелъ возможнымъ пережить этотъ крахъ. Онъ застрѣлился и оставилъ нищими—буквально нищими!—жену и дѣтей. Да! онъ не задумался пустить себѣ пулю въ лобъ, не пожалѣлъ ни себя, ни семью. А почему? вопросъ чести! Онъ искупилъ свою вину цѣной своей жизни. Пятно съ его имени снято...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ поспѣшно вынулъ изъ ящика сигару, обрѣзалъ ее и закурилъ. Видимо, онъ сказалъ все, о чемъ считалъ возможнымъ говорить съ своимъ гостемъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда тотъ встанетъ и уйдетъ.

— Такъ вотъ-съ... Повторяю, что братъ оставилъ семью, буквально, нищими. И уже къ слову, не въ похвалу себѣ, прибавлю: я пріютилъ эту семью у себя, я не допустилъ ее нуждаться ни въ чемъ. Я выплатилъ долги брата и очистилъ его память отъ всякаго нареканія. Ваша матушка была тогда еще очень молода, неопытна, избалована. Врядъ ли она могла что-либо понимать въ дѣлахъ. Но, кажется, ясно, что если бы дѣла брата Степана не были безнадежны, — онъ не покончилъ бы съ собой. Ясно?

— Ясно!—хриплымъ голосомъ отозвался молодой человѣкъ и откашлялся.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ притворно засмѣялся.

— Ну, вотъ и прекрасно! Слѣдовательно, разговоръ нашъ оконченъ. По правдѣ сказать, мнѣ было очень странно, что вы, зная отъ вашей матушки эту печальную исторію, которую мнѣ пришлось сейчасъ повторить вамъ, вы — нашли возможнымъ предъявить ко мнѣ родъ какого-то притязанія... Какъ-же-съ!.. Я понялъ именно такъ. Я понялъ, что вы заподозрили меня, будто я утаилъ или отнялъ у васъ состояніе вашего отца,—я который вольной волей уплатилъ за него свои собственные десятки тысячъ. А почему? Потому что я, какъ и онъ, понимаю вопросы чести и свою честь ставлю выше всего.

Молодой человѣкъ разсѣянно откинулъ со лба пряди волосъ, судорожно стиснулъ пальцы рукъ, такъ что они хрустнули, и затѣмъ обнялъ худыми, длинными руками свое приподнятое, острое колѣно.

— Итакъ, вы прекрасно, тонко понимаете вопросы чести,— громко и отчетливо заговорилъ онъ.—Вы даже назвали этотъ вопросъ сословнымъ. Это еще тонкость. Не можетъ быть, чтобы вы не съумѣли понять меня. Я буду говорить просто, ясно. Я знаю, что на законной, юридической почвѣ мои притязанія, дѣйствительно, оказались бы только смѣшными и нелѣпыми. Но я пришелъ говорить не съ закономъ и не съ юристомъ, а съ че-

ловѣкомъ. Дѣло, которое прогорѣло въ рукахъ отца, не погибло. Оно возродилось и въ настоящую минуту настолько прибыльно, что тѣ десятки тысячъ, которые вы уплатили за брата, уже давно вернулись вамъ сторицей. Я пришелъ напомнить вамъ, что жена этого вашего брата—въ нуждѣ, почти нищая. Она—больная, слабая, измученная... То дѣло, которое обогатило васъ, убило ее. Крахъ, который принесъ вамъ „счастье", лишилъ ее мужа, средствъ...

— Послушайте! — перебилъ его Өедоръ Өедоровичъ: — вы меня простите... Я, конечно, не могу не принять во вниманіе, что мы говоримъ теперь о вашей матушкѣ. Но... надо же быть послѣдовательнымъ и, знаете... товò... не искажать фактовъ. Фактъ—тотъ, что ваша матушка только недавно лишилась, такъ сказать, второго—второго!—мужа. Это было незаконное, а слѣдовательно позорящее наше имя, сожительство, и когда она предпочла такое положеніе обезпеченному существованію въ моемъ домѣ, я счелъ себя въ правѣ забыть о ней. Вдовѣ брата я помогалъ; незаконной сожительницѣ незнакомаго мнѣ человѣка я не могъ... я не могъ-съ... Съ тѣхъ поръ она стала чужая мнѣ и по душѣ, и изъ принципа.

Молодой человѣкъ язвительно засмѣялся.

— Строгіе принципы! Значитъ, васъ возмутило и оскорбило позорящее ваше имя поведеніе матери. А если бы разобраться поглубже въ той роли, которую вы играли во всемъ этомъ печальномъ дѣлѣ? Если бы вы захотѣли отвѣтить по совѣсти, хотя бы не мнѣ, а себѣ самому,—могли вы спасти отца отъ смерти, или не могли? выгодна вамъ была эта смерть, или невыгодна? легко ли жилòсь бы моей матери въ вашемъ домѣ?..

Өедоръ Өедоровичъ отбросилъ свою сигару и побагровѣлъ.

— Милостивый государь...—громко началъ онъ.

— Если бы вы сознались, что стыдитесь теперь не поведенія матери, которое было безупречно, чисто... А стыдитесь своего собственнаго грѣха, безнаказаннаго, погребеннаго, забытаго...

— Милостивый государь! — еще разъ крикнулъ старикъ и поднялся изъ-за стола, машинально вытирая платкомъ широкую лысину.—Я не потерплю, чтобы здѣсь, въ моемъ домѣ...

— Я сейчасъ уйду! — спокойно заявилъ гость, глядя ему прямо въ лицо своими возбужденными, немного косыми глазами.—Цѣлый годъ я собирался къ вамъ, собирался будить вашу совѣсть... Пусть еще разъ она напомнитъ вамъ, кто... да, кто далъ

„брату Степану“ револьверъ, о которомъ, быть можетъ, онъ еще не думалъ?

— Я не намѣренъ отвѣчать вамъ на вашъ допросъ!—крикнулъ Θедоръ Θедоровичъ.—Я не хочу, чтобы вы оставались въ моей квартирѣ хотя бы еще минутой дольше! Вы—психопатъ! вы невмѣняемы! иначе я зналъ бы, какъ обойтись съ вами.

Молодой человѣкъ всталъ, взялъ со стола старую, измятую шляпу и нѣсколько разъ перебросилъ ее изъ одной руки въ другую.

— Да! я психопатъ,—съ злобной усмѣшкой заявилъ онъ.—Если я убью васъ, я только получу свое мѣсто въ смирительномъ домѣ. И это не страшно. Мнѣ ничего не страшно, потому что совѣсть моя чиста. А вамъ?

— Прошу и сію же минуту...—чуть не хрипѣлъ старикъ, указывая ему на дверь.

— Я забылъ вамъ сказать...—поспѣшно проговорилъ молодой человѣкъ, — я забылъ сказать, что я приходилъ къ вамъ только по собственному желанію и побужденію. Матери очень хотѣлось, чтобы я, какъ племянникъ, засвидѣтельствовалъ вамъ свое почтеніе; но я пошелъ только тогда, когда рѣшилъ поговорить съ вами по душѣ. Объ этомъ разговорѣ мать не должна знать! Она въ немъ ни-при-чемъ.

— Прекрасно! такъ передайте же ей, что я не хочу, чтобы она или вы безпокоили меня впредь еще разъ!

— Нѣтъ, этого, вѣроятно, не случится,—спокойно отвѣтилъ гость и все съ той же злобной усмѣшкой, не поклонившись, вышелъ за дверь.

II.

— Вѣдь это удивительно!—такъ нѣсколько позже волновался Θедоръ Θедоровичъ, шагая по тому же кабинету, откуда онъ утромъ выгналъ страннаго посѣтителя.—Ты замужемъ, Ольга, и я могу разговаривать съ тобой, не стѣсняясь. Вѣдь эта женщина, бывшая жена твоего дяди Степана, не постыдилась связаться съ женатымъ человѣкомъ, бѣжала съ нимъ изъ моего дома, гдѣ я предоставлялъ ей пользоваться всѣми удобствами жизни. Она взяла и дѣтей, и вотъ, очевидно, испортила, развратила ихъ. Конечно, я не только пересталъ заботиться о ея судьбѣ, но прекратилъ съ ней всякія сношенія. И вотъ, чуть не черезъ двадцать лѣтъ, является какой-то психопатъ... Мать неизлечимо больна, средствъ никакихъ, сестра мечтаетъ посту-

пить на педагогическіе курсы. Нужна помощь. Нужны деньги. Вполнѣ понимаю! Кому не нужны деньги? Психопатъ служитъ въ какой-то редакціи, но зарабатываетъ гроши. Очень вѣроятно, что я далъ бы что-нибудь на бѣдность, какъ далъ бы всякому,—но вообрази себѣ, что молодой психопатъ гордъ, и не хочетъ принимать милостыни. Зачѣмъ же онъ приходилъ? А у него, видишь ли, своя амбиція, свои притязанія. Милѣйшая belle-soeur прослышала, что то дѣло, которое прогорѣло въ рукахъ Степана, вполнѣ процвѣтаетъ теперь въ обществѣ, во главѣ котораго стою я. Она забыла, что я заплатилъ за брата всѣ его долги и обязательства, но помнитъ, что у него были паи, которые могли бы приносить солидный доходъ. Она считала бы справедливымъ пользоваться тѣмъ, что̀, по ея мнѣнію, принадлежитъ ей, а не мнѣ. Словомъ — бабья логика! А ея сынокъ, кончившій курсъ въ университетѣ, ничуть не постыдился придти сюда, чтобы изложить мнѣ всѣ бредни своей матушки и выразить надежду, что вопросъ совѣсти для меня такъ же важенъ, какъ вопросъ чести. Онъ даже прямо сказалъ, что пришелъ „будить мою совѣсть“! Хватитъ же у человѣка наглости! Конечно, я выпроводилъ его вонъ и отказался давать какіе-либо объясненія и отчеты. Какіе отчеты? кому я ими обязанъ?

Ѳедоръ Ѳедоровичъ нервно выхватилъ платокъ, провелъ имъ по своему высокому лысому лбу и съ выраженіемъ глубокаго недоумѣнія и невинно оскорбленнаго достоинства остановился передъ дочерью.

— Какъ его зовутъ?—спросила Ольга Ѳедоровна.

— Какъ? подожди... Я уже забылъ. Ахъ, да: Игнатій, Игнатій Степановичъ Воронинъ.

Старикъ презрительно усмѣхнулся.

— А какая у него наружность? какъ онъ одѣтъ?

— Я же тебѣ говорю: психопатъ! Волосы похожи на перья; глаза возбужденные, злые, раскосые; лицо блѣдное. Очень радъ, что не увижу его больше никогда.

— А мнѣ очень жаль, что я не видала его,—легкомысленно заявила Ольга Ѳедоровна.—Я люблю такихъ озлобленныхъ, сумасшедшихъ. Мнѣ сейчасъ вспомнилось: у нашей дачной сосѣдки, Кауфнеръ, былъ студентъ, репетиторъ. Онъ такъ и топорщился весь отъ благородной гордости и больного самолюбія. Онъ самъ признавался мнѣ какъ-то, что ему кажется, будто у него вся душа исколота людскимъ пренебреженіемъ и высокомѣріемъ, и будто изъ каждаго такого укола выросла колючка... Ужъ и пользовался онъ этими колючками при случаѣ и даже безъ случая!

и думаешь? Я-таки приручила этого дикобраза. Надо какъ онъ весь затихалъ, замиралъ въ моемъ приимъ кроткимъ, покорнымъ взглядомъ онъ слѣдилъ моимъ движеніемъ! Меня долго занимала моя нероль укротительницы звѣрей. Я, знаешь ли, сама влялась какимъ-то высшимъ, недоступнымъ сущеѣнкомъ загадочности, таинственности. Все это такъ несчастненькіе, задерганные, но строптивые—всегда на одну и ту же приманку. Я готова держать пари, одняшній психопатъ держалъ бы себя совсѣмъ иначе исутствіи, а я ограничилась бы всего нѣсколькими ными словами, позой, выраженіемъ лица.

мъ же кончилось съ тѣмъ?.. съ репетиторомъ?— но посмѣиваясь, спросилъ отецъ.

него, вѣроятно, выросла самая большая, самая чна!—тоже смѣясь, отвѣтила дочь.—Но не въ этомъ —съ внезапной серьезностью перебила она себя. же ты думаешь поступать съ этими новоявленными ями? Нѣтъ ли какой-нибудь опасности обойтись съ омъ небрежно и равнодушно?

ности?—удивленно переспросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. да. Увѣренъ ли ты, что они вполнѣ безсильны?

ы забываешь,—заволновался старикъ,—что когда я и брата—они не стоили ни гроша. Наше общество овую серію акцій и облигацій...

жди! — остановила его Ольга Ѳедоровна: — я, все о не понимаю въ вашихъ дѣлахъ. Скажи мнѣ просто но: тетка не можетъ начать противъ тебя никакого это по вашему?.. предъявить искъ, что-ли?

ь! ни въ какомъ случаѣ!.. Нѣтъ!—рѣшительно отвѣ Воронинъ.—Я въ свое время взялъ съ нея росписки... расно! А не можетъ она запутать тебя въ какуюію? Возбудить какіе-нибудь неблагопріятные для тебя ствовать на общественное мнѣніе? Словомъ, если не то нравственно доказать твою неправоту?

Ѳедоровичъ ходилъ и молчалъ.

шь ли...—наконецъ заговорилъ онъ:—еслибы люди, абсолютно логичны... Если бы они не уклонялись рѣнія закона, тогда никакіе толки и пересуды не ѣ быть опасны. Да и не могло бы ихъ быть! Какіе ь? Если бы дѣла брата не были изъ рукъ вонъ плохи, астрѣлился. Вѣдь ужъ, кажется, ясно! Но я не могу

поручиться, что моя бывшая belle-soeur и ея достойный сынокъ не воспользуются дозволенными и недозволенными средствами только для того, чтобы досадить мнѣ, отравить мое существованіе.

— Въ такомъ случаѣ, знаешь, что̀ надо сдѣлать?—весело предложила Ольга.—Надо мнѣ съѣздить къ нимъ! Поѣду, познакомлюсь съ этими милыми родственничками, все узнаю, все выпѣдаю и, конечно, съумѣю предотвратить опасность, если она тебѣ угрожаетъ. По крайней мѣрѣ, не будетъ лишнихъ опасеній, лишнихъ тревогъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ сѣлъ въ кресло, досталъ изъ ящика письменнаго стола сигару и сталъ внимательно оглядывать ее.

— Съѣздить?—нерѣшительно заговорилъ онъ.—Конечно, съ твоей стороны было бы даже добрымъ дѣломъ навѣстить больную тетку, и я лично ничего бы противъ этого не имѣлъ. Но... я, тово... я далеко не могу ручаться за любезный пріемъ.

— За пріемъ? — весело воскликнула Ольга. — Ахъ, отецъ! если бы ты зналъ, какъ мнѣ надоѣло встрѣчаться только съ тѣми людьми, за которыхъ можно всегда поручиться,—поручиться за то, что они никогда не сдѣлаютъ и не скажутъ ничего неожиданнаго, оригинальнаго, хотя бы грубаго, но искренняго. Никогда! Если бы ты зналъ, насколько я пресыщена показной порядочностью и благовоспитанностью!

Она махнула рукой и по ея красивому, молодому лицу пробѣжала мимолетная тѣнь.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ наконецъ раскурилъ сигару.

— Ну, дѣлай какъ знаешь, какъ хочешь!—снисходительно разрѣшилъ онъ, принимая свою любимую позу съ откинутой головой и ногой заложенной на другую.

— И я уже впередъ знаю все, что̀ будетъ,—небрежно, почти презрительно замѣтила Ольга, и съ досадой бросила на столъ разрѣзательный ножъ, который все время вертѣла въ рукахъ.

— Что̀ же будетъ?—съ интересомъ освѣдомился отецъ.

Ольга жестко засмѣялась.

— То, что я опять прекрасно сыграю свою роль! Я обману этихъ незнакомыхъ мнѣ людей, обманомъ завладѣю ихъ расположеніемъ, ихъ чувствомъ, быть можетъ. И что̀ я сдѣлаю съ ними потомъ? Какъ я отблагодарю ихъ за довѣріе? за ласку?.. Ахъ, отецъ! какъ скучно жить! — вдругъ дрогнувшимъ голосомъ закончила она и быстро закрыла лицо руками.—Какъ мнѣ скучно! какъ я презираю себя и другихъ!

Воронинъ встревожился. Онъ даже приподнялся съ кресла,

не зная, подойти ли ему къ дочери, или остаться на своемъ мѣстѣ. Но она уже отвела руки отъ лица и звонко расхохоталась.

— Повѣрилъ!?—весело спросила она.—Да неужели, отецъ, и ты еще вѣришь мнѣ, когда мнѣ вздумается сказать одинъ изъ моихъ маленькихъ сенсаціонныхъ монологовъ? Тебѣ ли не знать, какая я легкомысленная, пустая, вздорная бабёнка? Охъ, многое ты знаешь!

Она встала и начала собирать по кабинету свои разбросанныя вещи: шляпу, муфту, перчатки.

— И вотъ, вообрази, что я тоже иногда вѣрю самой себѣ. Я иногда не знаю: притворяюсь ли я, или чувствую на самомъ дѣлѣ.

Она подошла и поцѣловала отца въ лобъ.

— Но будь покоенъ: я—на стражѣ твоихъ интересовъ.

Старикъ засмѣялся, а Ольга легкой, молодой походкой вышла изъ кабинета.

Ольга Өедоровна поднялась по темноватой, грязной лѣстницѣ и позвонила у той двери, на которой былъ начертанъ мѣломъ нумеръ 27.

— Кто тамъ?—послышался женскій голосъ.

— Отворите!—попросила Ольга Өедоровна.

— Да кого надо?

— Анну Дмитріевну... Анна Дмитріевна дома?

— А зачѣмъ вамъ ее?

— Какъ зачѣмъ? Да вы отворите, пожалуйста: неловко такъ кричать на всю лѣстницу.

Ключъ въ замкѣ перевернулся, и въ щель пріоткрытой двери выглянуло глуповатое, испуганное бабье лицо.

— Ужъ и не знаю, пущать васъ, или не пущать? — говорило оно, подробно оглядывая наружность гостьи:—Игнатія-то Степаныча нѣту... Безъ него изъ мужчинъ никого не пущаю.

— Да развѣ я похожа на мужчину?—смѣясь, спросила Ольга Өедоровна. — Меня, конечно, „пущать“. Скажите Аннѣ Дмитріевнѣ, что пришла ея племянница и желаетъ ее видѣть.

— Племянница!—удивленно протянула баба.—Ишь ты! Ну, вы тутъ постойте, а я скажу.

Дверь опять затворилась, ключъ щелкнулъ, а Ольга Өедоровна осталась на площадкѣ узкой, неопрятной лѣстницы. Ей было весело и интересно.

„Только бы приняла! — думала она. — А тамъ, я ручаюсь, все пойдетъ какъ по маслу".

Но ждать пришлось довольно долго. Молодая женщина уже начала предполагать, что обиженная тетушка рѣшила заставить ее сыграть довольно глупую и обидную роль; что и она, и ея дочь, и даже эта глупая баба, которая заперла дверь передъ ея носомъ, смѣются теперь надъ нею, зная, что она стоитъ на площадкѣ и ждетъ отвѣта, а отвѣта никакого не будетъ, и если она позвонитъ вновь, ей уже не откроютъ и не скажутъ ни слова.

„А что я тогда буду дѣлать?"—подумала она.

Но въ эту минуту послышались поспѣшные шаги, замокъ щелкнулъ, и та же глупая, испуганная баба широко распахнула дверь.

— Платьице бы вамъ не замарать! — озабоченно сказала она.—Кухонька у насъ небольшая, а я тутъ бѣльишко коекакое стирала. Налила на полъ-то...

— А мы вотъ такъ!..—весело сказала Ольга Ѳедоровна и высоко подобрала юбки.—Барышня-то ваша тоже дома?

— Барышня-то?—дома она, дома. Игнатія Степановича только нѣтъ. Къ себѣ, въ эту... какъ ее?.. ушелъ.

— На службу, что-ли?

— А я все забываю, какъ она называется. Каждый день съ утра уходитъ. Газету пишетъ.

— Редакція?

— Ну, вотъ, вотъ, она самая. Выговорить-то трудно.

Ольга Ѳедоровна сняла калоши, мѣховую кофточку, а кухарка, бережно ухватившись обѣими руками за эту кофточку, толкнула локтемъ дверь въ сосѣднюю комнату и высунулась въ нее по поясъ.

— Пришли!—громкимъ, но таинственнымъ шопотомъ сообщила она кому-то.

— Ольга! ты ли это?—сейчасъ же раздался пріятный, мелодическій голосъ.—Чего ты не входишь? Эта дура-баба заставила тебя раздѣваться въ кухнѣ?

Ольга Ѳедоровна со смѣхомъ протискалась между косякомъ двери и кухаркой и вошла въ крошечную столовую съ однимъ узкимъ окномъ, помѣщеннымъ такъ, что оно приходилось какъ разъ подъ острымъ угломъ съ другимъ окномъ и почти совсѣмъ не пропускало свѣта. Среди комнаты стоялъ столъ, надъ которымъ и теперь горѣла лампа, а у стола, въ креслѣ сидѣла женщина въ бѣломъ и радушно протягивала гостьѣ обѣ руки.

— Узнаёшь старую тетку?—спросила она.

Ольга Ѳедоровна не сочла нужнымъ скрыть свое искреннее удивленіе. Она взяла протянутыя къ ней тонкія, изящныя, словно прозрачныя руки, держала ихъ въ своихъ и съ откровеннымъ восторгомъ глядѣла на тетку.

— Я была еще маленькая,—сказала она.—Я васъ не помню... Совсѣмъ не помню!

— Ну, конечно, не можешь помнить!—согласилась Анна Дмитріевна.—Ну, конечно, ты была еще крошка. Но все-таки я тебѣ тетка, и поэтому не смѣй говорить мнѣ „вы“ и поцѣлуй меня!

Обѣ почему-то весело засмѣялись, потомъ обнялись, расцѣловались, а черезъ нѣсколько минутъ Ольга Ѳедоровна, уже безъ шляпы и перчатокъ, сидѣла около стола и пила кофе.

— Вѣдь я ровно ничего про васъ не знаю!—говорила Анна Дмитріевна.—Даже о смерти твоей матери я узнала изъ газетъ. Твой отецъ такъ разсердился на меня за мой второй бракъ, что даже не отвѣчалъ на письма. Его больше возмутило, что мой второй мужъ не могъ вѣнчаться со мной. Ты, конечно, это знаешь? Да, я была невѣнчана, но я не стѣснялась носить его фамилію. Я удивляюсь, Ольга... Насколько я знаю твоего отца, онъ совсѣмъ не религіозенъ, а вотъ не могъ простить намъ, что нашего союза не благословила церковь, т.-е. что мы не могли ходить вокругъ аналоя, воздѣвать на себя вѣнцы... И поэтому онъ не хотѣлъ признать, что мой второй мужъ — дѣйствительно мужъ мнѣ. Хочешь, я покажу тебѣ его единственное письмо, то, которое онъ написалъ мнѣ сейчасъ же послѣ моего ухода изъ его дома? По его понятіямъ, я опозорила всю семью, его домъ, его имя, его честь. Словомъ: я надѣлала Богъ знаетъ какихъ непоправимыхъ несчастій! Ты, конечно, все знаешь? слышала?

— Слышала!—нерѣшительно созналась Ольга.—Но, тетя... Отецъ—человѣкъ стараго поколѣнія.

— Ну, конечно! Богъ съ нимъ!—сейчасъ же согласилась Анна Дмитріевна.—А ты красивая стала, Ольга. Интересная. Мнѣ странно, что ты уже взрослая, замужемъ. Счастлива?

— Ахъ, тетя! какая вы... милая!—не отвѣчая на вопросъ, разсмѣялась молодая женщина.—Когда я ѣхала къ вамъ, я старалась представить себѣ васъ, и вотъ ужъ совсѣмъ, совсѣмъ не ожидала, что вы такая...

— Какая? Ну, какая же я? — настойчиво спросила Анна Дмитріевна.

Ольга спокойно и серьезно поглядѣла на изящную, хрупкую фигуру тетки въ бѣломъ батистовомъ пеньюарѣ, на ея тонкое, прозрачно-блѣдное лицо, съ правильными чертами и чрезмѣрно большими глазами съ печальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтски-довѣрчивымъ взглядомъ. Особенно красилъ это лицо ротъ съ красиво очерченными, нервными губами, которыя она постоянно покусывала, и которыя, складываясь, придавали лицу постоянно мѣняющееся, постоянно новое выраженіе.

— Вы больны, тетя?—слегка дрогнувшимъ голосомъ спросила Ольга.

— Ахъ, другъ мой!—съ покорной грустью вздохнула Анна Дмитріевна и махнула рукой. — Но ты такъ и не отвѣтила: какая я?

Ольга все еще не спускала внимательнаго взгляда, которымъ она разглядывала тетку.

— Это трудно опредѣлить,—серьезно отвѣтила она.—Главное—не красота, нѣтъ! Главное—это то, что вы обаятельны. Васъ нельзя не любить. Увидишь васъ—и полюбишь, и нельзя иначе. И это лучше всякой красоты. И я въ первый разъ встрѣчаю такую женщину.

Анна Дмитріевна засмѣялась и замахала руками.

— Охъ, какъ ты это умѣешь!.. Какая ты находчивая! А я тебя уличу: не хочешь говорить мнѣ „ты“, значитъ, не любишь, Видишь, вотъ я и поймала тебя, и тебѣ нечего сказать въ свое оправданіе.

— Но ты мнѣ разскажи про себя, разскажи про всѣхъ!—неожиданно мѣняя тонъ, попросила она.—Ты давно замужемъ? Кто твой мужъ?

Молодая женщина сдѣлала легкую гримаску.

— Замужемъ я два года, почти три. Моего мужа зовутъ Аркадій Васильевичъ Каширцевъ. Онъ молодъ, на четыре года старше меня. Кончилъ въ училищѣ правовѣдѣнія и теперь на хорошей дорогѣ. Отецъ Аркадія, старикъ Каширцевъ, живетъ въ провинціи. Недавно онъ получилъ какое-то важное назначеніе. Тебѣ все равно, тетя, какое? Я, какъ твоя кухарка, съ трудомъ выговариваю нѣкоторыя слова... Мать Аркадія живетъ въ Петербургѣ и, сообразуясь съ чинами мужа, становится все важнѣй и важнѣй. Я ее не люблю, и она меня не любитъ. Ну, вотъ, кажется, все. А гдѣ же моя кузина? Мнѣ сказали, что она дома?

— Любочка!—крикнула Анна Дмитріевна, слегка повернувшись къ закрытой двери за своей спиной.

— Любочка! иди къ намъ, безсовѣстная дѣвчонка! В
она еще не встала!—со смѣхомъ сообщила она племян
Удивительный характеръ: то покоя не даетъ съ разными
ками, мечется, бѣгаетъ, хлопочетъ о чемъ-то. То опустит
то, разлѣнится и готова цѣлый день лежать въ постели
ни съ кѣмъ не скажетъ двухъ словъ. А Игнатія моего
не видала, Ольга? Да, конечно же не видала! А ка
отецъ нашелъ его? Онъ тебѣ ничего не говорилъ?

Ольга Өедоровна немного смутилась.

— Я не понимаю, тетя... Ты что̀ хочешь спросить?

— Ну, то и хочу спросить: что̀ тебѣ говорилъ от
Игнатія? Понравился онъ ему? Какъ они, вообще?.. И.
такой скрытный и скромный. Ужъ что̀ мнѣ стоило тр
ворить его съѣздить къ дядѣ! А дѣвчонку свою такъ и
мала. Да это ужъ вліяніе Игнатія! Это онъ ее не пус
какъ ни какъ—дядя имъ родной, и они ему обязаны.

Анна Дмитріевна замолчала, вздохнула и задумчиво
кусывать свои блѣдныя губы.

— Я ужъ не поѣду къ Өедору,—наконецъ тихо пр
она и покачала головой.—Я ужъ не поѣду... Я какъ
о немъ, такъ и вспомню, что на мнѣ—пятно; что я—
безчестье его рода. И вѣдь, въ сущности, онъ, пожалу
Ольга? Вотъ ты говоришь—мать твоего мужа... Она, в
бываетъ у васъ? Вдругъ бы я встрѣтилась съ ней! Тво
было бы неловко. Онъ захотѣлъ бы скрыть кто я, что̀
скрывать не хочу. Мнѣ было бы обидно. Я ничего ду
собой не знаю. Я хочу сказать: не знаю ничего такого
честная женщина имѣла бы право не подать мнѣ руки
была странная жизнь, Ольга. Я была очень счастлива
очень несчастна. Я много перенесла... и отъ судьбы, и
дей. Но зла я никому не сдѣлала, и совѣсть у меня спо
безчестной, Ольга... безчестной я никогда не была.

Она немного взволновалась, нѣжный румянецъ выст
ея щекахъ, а свѣтлые глаза сразу потемнѣли.

— Я знаю,—продолжала она,—я поступила проти
кимъ приличіямъ, противно общественному мнѣнію. Я
мать и разсказывать о себѣ все, что мнѣ угодно, а на
дѣлѣ я пятнадцать лѣтъ жила въ незаконной связи
тымъ человѣкомъ, пользовалась его деньгами для се
своихъ дѣтей. На самомъ дѣлѣ всякій имѣетъ право
меня, и я сама должна признавать это право. Я хо
Ольга, чтобы ты поняла и объяснила отцу: я признаю

право презирать меня и видѣть въ моемъ лицѣ безчестье семьи. Признаю! И все-таки это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя честной, чистой, гордой и... и... мнѣ ужасно больно, когда этого не понимаютъ. Мнѣ ужасно больно...

Она задохнулась, закашлялась и приложила къ губамъ платокъ. Въ ту же минуту дверь быстро отворилась, и въ комнату вошла молодая дѣвушка въ темномъ платьѣ, съ гладко причесанными волосами. Не здороваясь съ Ольгой, она поспѣшно подошла къ матери, налила въ рюмку микстуры, которую принесла съ собой, и, подавая ее Аннѣ Дмитріевнѣ, повелительно, почти строго сказала:

— Пей!

Анна Дмитріевна выпила, виновато улыбнулась и ласковымъ, заискивающимъ взглядомъ поглядѣла на дочь.

— И помни: никто не имѣетъ права презирать тебя!—такъ же строго продолжала дѣвушка:—и ты не можешь признавать этого права.

Она повернулась къ Ольгѣ, метнула на нее непріязненный, недовѣрчивый взглядъ и, замѣтивъ, что мать уронила платокъ, нагнулась и подняла его.

— Любочка, поздоровайся же съ своей кузиной!—съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ напомнила ей Анна Дмитріевна.—Ужъ я понимаю, что ты слышала весь нашъ разговоръ. Ну, и сердись на меня. Только на меня...

Люба молча подала Ольгѣ руку, быстро, но внимательно оглянула ее и сѣла съ другой стороны стола. Всѣ замолчали, и Анна Дмитріевна тревожно перебѣгала глазами отъ дочери къ племянницѣ, и въ этихъ глазахъ выражалось недоумѣніе и печаль.

— Тетя! —наконецъ нерѣшительно заговорила Ольга:—я не успѣла сказать вамъ то, чтò сейчасъ сказала Люба. Но если бы я не думала такъ, какъ она, я не была бы здѣсь. Но мы не будемъ больше говорить объ этомъ вопросѣ. Хорошо? По правдѣ говоря, я не могла предположить, что онъ такъ волнуетъ васъ... Но я хотѣла бы прибавить еще нѣсколько словъ... Я хотѣла бы поблагодарить васъ: вы, тетя, болѣе, чѣмъ кто-либо, могли бы видѣть во мнѣ только дочь моего отца... Только дочь моего отца, который оскорбилъ васъ. А вы встрѣтили меня довѣрчиво, просто, сердечно. Вы говорили со мной такъ, какъ говорятъ съ другомъ. Вы даже не задумались надъ тѣмъ, что лучше незаслуженно обласкать, чѣмъ незаслуженно обидѣть.

— Ольга!—удивленно окликнула Анна Дмитріевна.—Олюша!

— ласково, нѣжно повторила она, протягивая ей руки.—Ольга не видала этого. Она отвернулась и нервно рылась въ своей сумкѣ, выбрасывая изъ нея портмонэ, записки, счеты... Наконецъ, она нашла крошечный комочекъ изъ батиста и кружевъ, поспѣшно провела имъ по глазамъ и лицу и съ тихимъ, застѣнчивымъ смѣхомъ начала пихать обратно въ сумку всѣ разбросанныя вещи. Украдкой она взглянула на Любу, и смѣхъ ея сталъ болѣе искреннимъ и лукавымъ. На лицѣ молодой дѣвушки ни недовѣрчивости, ни непріязни не осталось и слѣда. Губы ея, такія же выразительныя и красивыя, какъ у матери, слегка вздрагивали, глаза испуганно моргали. Въ красноватыхъ, почти еще дѣтскихъ ручкахъ она сжимала стклянку съ микстурой.

— Мама, это она изъ-за меня!.. мама, это я обидѣла ее!— вдругъ звенящимъ голосомъ сказала она. — Незаслуженно обидѣть, или незаслуженно обласкать. Ты обласкала, мама, а я обидѣла.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — торопливо и съ намѣреніемъ неискренно возразила Ольга.

— А я обидѣла!—повторила Люба, и вдругъ наклонилась и неловко протянула черезъ столъ руку.—Простите?—спросила она.

— Ну, вотъ! ну, какъ же? — безсвязно и все еще смѣясь, отвѣтила Ольга.—Боже мой! всѣ мы такія... издерганныя, впечатлительныя... Я боюсь, что теперь вы, Люба, будете со мной... ну, какъ это сказать?—слишкомъ, слишкомъ осторожны. Этого не надо, Люба. У васъ чуткая, пытливая душа. Я вамъ впередъ говорю: я не выдержу вашей критики... Я не такая, какъ вы, какъ ваша мать. Ну, и осуждайте меня! непремѣнно осуждайте... Но не отталкивайте сразу...

— Ахъ, да не говорите вы обѣ такихъ жалкихъ словъ!— неожиданно воскликнула Анна Дмитріевна.—Ну, что̀ это, право! душу тянуть! Ольга, встань, покажи, какъ на тебѣ сшито платье. Это теперь мода—такія юбки? Ты знаешь: я, грѣшница, до сихъ поръ люблю тряпки, наряды...

Сестры дружески переглянулись и засмѣялись.

Анна Дмитріевна протянула руку и какъ бы отстранила ею дочь.

— Любы нѣтъ! Люба ушла!—шутливо заявила она, лаская и придерживая дѣвушку рукой.—Ахъ, знаешь, Ольга, эта Люба несносна: такая серьезная, такая умная! А ты, я вижу, не дура одѣться. Ну, разскажи: что̀ теперь носятъ? что̀ въ модѣ?..

Когда Ольга случайно взглянула на часы, она испуганно вскрикнула и вскочила.

— Да когда же время прошло?—удивлялась она.—Ну, родныя мои, я не прощаюсь. Я скоро, я очень скоро приду опять.

III.

Аркадій Васильевичъ, мужъ Ольги, вернулся со службы и услыхалъ въ гостиной кисло-сладкій голосъ своей maman.

„Ну, пронюхала и явилась меня отчитывать!“ — съ досадой подумалъ онъ.

Онъ прошелъ сперва къ себѣ въ кабинетъ, пробѣжалъ письмо, которое лежало на его столѣ, и затѣмъ съ самымъ беззаботнымъ и непринужденнымъ видомъ вышелъ въ гостиную.

На диванѣ, въ яркомъ клѣтчатомъ платьѣ и шляпѣ съ перьями, сидѣла полная, но искусно подтянутая женщина, очень высокая, съ длиннымъ, обрюзглымъ лицомъ и капризнымъ, жесткимъ выраженіемъ глазъ.

— Ah, le voilà, enfin!—сказала она.

Аркадій Васильевичъ почтительно поцѣловалъ руку матери, едва прикоснувшись губами къ несвѣжей свѣтлой перчаткѣ; потомъ обернулся къ женѣ, которая встала при его появленіи и отошла къ жардиньеркѣ.

— Tu vas bien?—любезно освѣдомился онъ, и тоже поцѣловалъ у нея руку.

Ольга едва замѣтно пожала плечами, и по этому легкому движенію онъ понялъ, что она не въ духѣ, и что у нея, по всей вѣроятности, тоже произошелъ непріятный разговоръ съ maman.

„Вотъ ужъ это некстати!“—подумалъ онъ.

— Мы будемъ имѣть удовольствіе обѣдать вмѣстѣ?—не покидая своего веселаго и беззаботнаго вида, спросилъ онъ.

— О, нѣтъ!—быстро отвѣтила мать.—Я ждала тебя, чтобы сказать пару словъ. Маленькій, дѣловой разговоръ... Ольгѣ было бы скучно присутствовать при немъ. Ты позволяешь пройти въ твой кабинетъ?

Аркадій Васильевичъ не только позволилъ, но даже какъ-то радостно засуетился, какъ будто предстоящая бесѣда должна была доставить ему большое удовольствіе.

— Ты увѣренъ, что насъ никто не услышитъ? — спросила старуха, какъ только онъ закрылъ за собой дверь кабинета.

— Вы можете быть совершенно спокойны! И я весь къ вашимъ услугамъ.

— Никакихъ услугъ мнѣ не нужно, Аркадій!—недовольнымъ,

почти обиженнымъ тономъ заговорила мать. — До меня дошли слухи... До меня дошли очень странные слухи...

— Вы придаете значеніе слухамъ, maman?—съ оттѣнкомъ презрѣнія перебилъ ее сынъ. — Слухи и сплетни... это—атмосфера провинціи.

— Ты, конечно, хочешь этимъ сказать, что я провинціалка. Ты намекаешь, что я не могу подняться на высоту вашей столичной точки зрѣнія. Другъ мой! я, въ силу обстоятельствъ, долго жила въ провинціи, но всегда,—слышишь ли,—всегда была головой выше ея! Мое положеніе... Словомъ, твоя... твой manoeuvre совершенно неудаченъ и нетактиченъ.

— И вы настаиваете на необходимости говорить объ этихъ... слухахъ?

— Увы! это необходимо. Я должна напомнить тебѣ, Аркадій, что фамилія Каширцевыхъ—не изъ тѣхъ, которыя ровно ни къ чему не обязываютъ.

Она видимо приготовила пышное, эффектное вступленіе, но теперь внезапно почувствовала, что забыла его, и нѣсколько растерялась.

— Ce n'est pas un nom qu'on cherche dans le tas,—уже неувѣренно продолжала она.—Твое легкомысліе, твоя неосторожность... И вдругъ сразу она заговорила капризно и ворчливо:

— Изъ какихъ это средствъ оплачиваешь ты свои безумныя траты на эту... эту особу, которую я не хочу назвать? Ты играешь на биржѣ, ты играешь въ клубѣ, но ты часто проигрываешь, я знаю. Ясно, что у тебя долги, что ты запутаешься въ долгахъ. На что̀ ты разсчитываешь, чтобы уплатить ихъ?

Аркадій Васильевичъ нахмурился и совершенно утратилъ свой радостный, любезный видъ.

— Вы не можете предполагать, что я разсчитываю на васъ,—сухо произнесъ онъ.

Лицо матери сдѣлалось злымъ.

— Я могъ бы разсчитывать, что вы, по крайней мѣрѣ, не будете вредить мнѣ,—уже совсѣмъ непріязненно продолжалъ сынъ, —но и въ этомъ я ошибся. Вы уже успѣли наговорить чего-то непріятнаго моей женѣ. Я замѣтилъ это сейчасъ же. Вы не только возстановляете ее противъ себя, но и противъ меня, и, конечно, нельзя сказать, чтобы вы такимъ образомъ облегчали мое положеніе.

— Ужъ не воображаешь ли ты, что можешь учить меня, давать мнѣ совѣты, какъ вести себя?—багровѣя отъ злобы, вскрикнула старуха.—Твоя Ольга очень расположена забываться. Она

даже способна забрать себѣ въ голову, что мы обязываемся ей или заискиваемъ у нея. Эти мѣщанскія натуры, безъ родовыхъ традицій, безъ высшихъ инстинктовъ, которые даетъ одна порода, безъ положенія въ свѣтѣ, придаютъ слишкомъ большое значеніе деньгамъ. Онѣ убѣждены, что высшая сила, высшая власть — это ихъ деньги. Я хочу, чтобы Ольга видѣла, что я лично не ставлю ихъ ни во что! Я хочу, чтобы она поняла, что честь называться госпожей Каширцевой не можетъ оплатиться какими бы то ни было денежными знаками.

Аркадій Васильевичъ засмѣялся.

— Она не такъ глупа, maman! — сказалъ онъ. — Если вы докажете ей, что не ставите ни во что ея деньги, она перестанетъ давать ихъ вамъ.

Старуха растерянно заморгала глазами.

— Однако...—уже неувѣренно возразила она:—однако, не могу же я дѣлать видъ, что не знаю, какъ много она позволяетъ себѣ всякихъ вольностей. Она должна понимать, что мы, ты и я, снисходительны, а не слѣпы. Она должна чувствовать себя виноватой, а не благодѣтельницей какой-то...

Аркадій Васильевичъ опять засмѣялся и даже слегка свистнулъ.

— Мы снисходительны!—повторилъ онъ.—А какъ вы думаете?—она слѣпа? или глуха? Какъ вы думаете? до нея никогда не доходили слухи и сплетни? Даже оттуда, изъ глухой провинціи?

Старуха дрогнула и привскочила.

— Это ты говоришь? ты! мой сынъ!

— Ну, что же? сынъ! И, смѣю увѣрить васъ,—очень благоразумный и очень почтительный сынъ. И если я говорю это, то не въ видѣ осужденія или упрека. По моему, maman, жизнь не имѣла бы смысла, если бы мы не умѣли пользоваться ею, и каждый изъ насъ въ своемъ вкусѣ и въ своемъ родѣ. Кто не пользуется жизнью, тотъ просто глупъ, и опять-таки поступаетъ въ своемъ вкусѣ и въ своемъ родѣ. Цѣнность—понятіе чрезвычайно условное. Я считаю цѣнностью золото, и добываю его всю жизнь, гдѣ могу. Какой-нибудь дикарь цѣнитъ на вѣсъ золота бусы, стекляшки или сальныя свѣчи. Мы одинаково наслаждаемся нашими сокровищами при жизни, а смерть примиритъ наше противорѣчіе. Мы всѣ умремъ одинаково... Жизнь, въ сущности, такъ проста, такъ проста!

— Я всегда стояла на голову выше, — невнятно говорила мать.—Не мудрено, что я возбуждала зависть, недоброжелатель-

ство. Но мнѣ, право, такъ странно оправдываться... То-есть, я хочу сказать, что ты можешь подумать, будто я хочу оправдываться, тогда какъ... Такая очевидная нелѣпость! клевета изъ зависти! Словомъ, даже говорить не стòитъ.

— Ну, и прекрасно!—обрадовался сынъ.—Значитъ, можно считать разговоръ оконченнымъ?

Она ответила не сразу, и глаза ея безпокойно забѣгали съ предмета на предметъ.

— Видишь ли, другъ мой... Одно совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство... Я писала твоему отцу, и онъ обѣщалъ выслать, но... Мнѣ необходимо заплатить теперь же, сейчасъ.

— Вамъ опять нужны деньги? Я очень сожалѣю, maman... У меня нѣтъ!

— Но мнѣ необходимо, Аркадій!—горячо возразила мать.— Если у тебя нѣтъ, то ты можешь взять у Ольги.

— Взять!.. взять!.—нетерпѣливо перебилъ ее сынъ.

Онъ всталъ съ своего мѣста, перешелъ къ окну и, нахмурившись, накручивалъ на палецъ кончикъ своего уса.

Мать глядѣла на него непріязненнымъ, безпокойнымъ взглядомъ.

— Ты не хочешь оказать мнѣ этой пустой услуги?—наконецъ спросила она.

— Вотъ чтò, maman,—рѣшительно заявилъ онъ:—я окажу вамъ эту пустую услугу въ послѣдній разъ. Слышите? въ послѣдній разъ! Затѣмъ, вы можете сами обращаться къ Ольгѣ и просить у нея столько, сколько вамъ угодно. Это уже ваше дѣло и ея.

Старуха съ облегченіемъ вздохнула и даже слегка улыбнулась.

— Tu es gentil... — жеманно протянула она.

IV.

— Я могу тебя подвезти, если хочешь. Ты куда теперь?— спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, выходя вмѣстѣ съ дочерью изъ подъѣзда одного кредитнаго учрежденія.

— Домой!—съ легкой гримаской отвѣтила Ольга.—Но, можетъ быть, тебѣ некогда, папа?

Воронинъ извлекъ изъ-подъ шубы часы, посмотрѣлъ на нихъ, озабоченно морща лобъ, и сказалъ:

— Нѣтъ... У меня какъ разъ нѣсколько свободныхъ минутъ.

Швейцаръ съ преувеличенной торопливостью отстегнулъ по-

лость щегольскихъ санокъ, бережно усадилъ сѣдоковъ и крикнулъ кучеру:

— Трогай!

— А ты у меня стала мотовочка, Оля!—ласково замѣтилъ отецъ, когда они уже мчались по широкому, многолюдному проспекту.

Она засмѣялась.

— Мнѣ такъ много приходится покупать!—небрежно отвѣтила она:—свободу, домашнее спокойствіе, возможность открыто презирать людей...

— Какъ я не люблю, когда ты такъ говоришь, Оля! — съ искреннимъ огорченіемъ сказалъ Өедоръ Өедоровичъ.

Она опять коротко и сухо засмѣялась и закрыла лицо муфтой.

— А вѣдь я еще не успѣла тебѣ сказать...—вдругъ оживленно заговорила она.—Я была у Анны Дмитріевны. И мы съ ней уже друзья. Съ ней и съ кузиной Любой. Игнатія я еще не видала, но скоро увижу. И я хочу позвать ихъ къ себѣ. Это будетъ очень интересно.

— Это будетъ совершенно лишнее! Совершенно некстати!—живо возразилъ отецъ.

— Отчего? Тетушка и кузина прямо симпатичны. Мои знакомые—всѣ на одинъ ладъ и страшно мнѣ надоѣли. Это будетъ новинка. Игнатій занимается въ редакціи... Цѣлый новый горизонтъ, отецъ! Я позабавлюсь и, кромѣ того, я всегда буду на стражѣ твоихъ интересовъ. Тетушка—божья коровка. И... она больная, папа.

Өедоръ Өедоровичъ нахмурился и громко дышалъ.

— Если она согласится, я могу назначить ей небольшую пенсію... Обезпечить ея существованіе. Но я бы очень просилъ тебя, Ольга... Не надо этой дружбы! никакой близости! Этотъ Игнатій произвелъ на меня очень, очень непріятное впечатлѣніе. Встрѣтиться съ нимъ въ другой разъ я бы не хотѣлъ.

— Но вѣдь ты же самъ утверждалъ, что бояться тебѣ нечего?

— Бояться!—пренебрежительно повторилъ Воронинъ, и дернулъ головой вверхъ.—Я только не выношу людей неблагодарныхъ, несправедливыхъ. Я стою на законной почвѣ. Всякій человѣкъ долженъ стоять на законной почвѣ,—иначе его притязанія глупы, ребячливы и въ высшей степени смѣшны.

— Ну, не волнуйся! ты не встрѣтишься съ нимъ! — успокоила его дочь, и такъ какъ санки уже остановились у подъѣзда ея дома, она, не вынимая рукъ изъ муфты, потянулась къ отцу, поцѣловала его въ щеку и, смѣясь, выпрыгнула на тротуаръ.

— Это моя благодарность за субсидію!—сказала она и, не оборачиваясь, скрылась за дверью.

Въ квартирѣ было пусто и скучно. Аркадій предупредилъ, что вернется со службы раньше обыкновеннаго и просилъ жену подождать его, чтобы передать ему деньги. Ольга прошла въ свой будуаръ, сняла шляпу и сѣла за письменный столъ.

Черезъ минуту она писала на оригинальномъ почтовомъ листѣ бумаги:

„Вы очень удивлены, не правда ли? Вмѣсто меня — только посыльный съ письмомъ. Вы уже стараетесь угадать какое-нибудь досадное препятствіе: нездоровье, анонимное письмо, полученное мужемъ... Пожалуй, вы даже готовы допустить робость, нерѣшительность, укоръ совѣсти. И, вообразите, ничего подобнаго! Наше свиданіе, которое должно было быть такимъ интереснымъ, такимъ нѣжнымъ, не состоится только потому, что я этого не хочу. Вы нисколько не интереснѣе другихъ мужчинъ, которые тоже ухаживали за мной. Вы—такой же, какъ всѣ, а всѣ ужасно скучны и однообразны. Я положительно не понимаю, какимъ образомъ другія женщины находятъ возможнымъ увлекаться вами! Я не могу. Мнѣ очень скучно. Я бы очень хотѣла увлечься кѣмъ-либо изъ васъ, но это невозможно. Въ началѣ флирта все еще есть кое-какой интересъ. Вѣроятно, потому, что есть надежда встрѣтить что-нибудь оригинальное, новое. Но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Все становится такъ ясно, такъ шаблонно... Увѣряю васъ: я теперь такъ твердо знаю всю программу, отъ начала до конца. Вѣроятно, я скоро перестану флиртовать и сдѣлаюсь картежницей или морфинисткой. Морфинисткой—въ крайнемъ случаѣ. Я еще не дошла до того, чтобы перестать жалѣть себя и свою жизнь. Я все еще жду чего-то отъ этой жизни, которая до сихъ поръ показывается мнѣ только со своей непривлекательной, прозаичной стороны. Мнѣ, напримѣръ, ужасно интересно, существуетъ ли дѣйствительно настоящее чувство? Я даже не могу себѣ представить, что̀ такое настоящее чувство? Какъ оно ощущается? Я никогда не встрѣчала въ жизни настоящаго чувства, и мнѣ все кажется, что оно должно быть прекрасно. Но я повѣряю вамъ свою мечту, и уже чувствую нѣкоторую неловкость. Такую же, какъ если бы я обратилась къ вамъ на иностранномъ языкѣ, котораго вы не понимаете. Эти строки написались случайно, и я оставляю ихъ потому, что иначе пришлось бы переписывать все письмо. Я не прошу васъ сохранить его въ тайнѣ. Мнѣ кажется, что вы и безъ моей просьбы не будете хвастаться имъ“.

Она подписалась, быстро сунула листокъ въ конвертъ, но передъ тѣмъ, какъ написать адресъ, долго отыскивала что-то въ ящикѣ своего письменнаго стола. Розыски остались тщетными, и она нетерпѣливо нажала пуговку электрическаго звонка.

— Принесите мнѣ сумку? желтую... изъ тиснёной кожи,— приказала она горничной.

Когда сумка была принесена, она выбросила изъ нея на столъ цѣлый ворохъ писемъ, записочекъ и счетовъ.

— Ага!—съ дѣловитой серьезностью произнесла она, когда нужная бумажка, наконецъ, оказалась въ ея рукахъ.—Отнести посыльному! и сейчасъ же!—распоряжалась она, надписывая на конвертѣ адресъ.—Это далеко... За городомъ... Дайте, сколько спроситъ.

Горничная, въ почтительной позѣ, съ невозмутимымъ, непроницаемымъ выраженіемъ лица, ждала, когда барыня кончитъ писать.

V.

Въ редакціи одной изъ столичныхъ газетъ было такъ тихо, что, казалось, будто въ ней нѣтъ ни одной живой души. Въ конторѣ, въ первой комнатѣ изъ передней, самой просторной, горѣли двѣ электрическія лампочки и освѣщали желтыя крашеныя стѣны, шаткій столъ, покрытый клеенкой, небольшой дубовый шкапчикъ, три или четыре вѣнскихъ стула и старый, неуклюжій диванъ, на которомъ теперь неподвижно покоилось чье-то длинное, коричневое тѣло, съ откинутой головой и некрасивыми прядями волосъ на высокомъ блѣдномъ лбу. Лицо спящаго, усталое и болѣзненное, даже во снѣ сохраняло выраженіе не то упрямства, не то энергіи; оно могло бы быть красивымъ, но черты его были слишкомъ опредѣленны, слишкомъ рѣзки, и казалось страннымъ, что именно это крупное, значительное лицо принадлежало длинному хилому тѣлу въ потертой коричневой парѣ.

Наружная дверь въ передней отворилась, затѣмъ захлопнулась, и среди мертвеннаго молчанія послышался робкій, искусственный кашель.

Прошло минуты двѣ, и опять послышался кашель, а въ дверяхъ конторы появилось стройная женская фигура.

— Я хотѣла бы...—заговорила молодая женщина, но увидала спящаго и растерялась.

Въ то же время противоположная дверь отворилась, и въ

контору вошли двое мужчинъ: одинъ старый, слегка сгорбленный, съ рѣденькой бѣлой бородкой, въ очкахъ; другой—значительно моложе и выше, съ симпатичнымъ, открытымъ лицомъ и добродушнымъ яснымъ взглядомъ.

— Итакъ, мы будемъ ждать! Не позже конца недѣли,—говорилъ онъ, слѣдуя за старикомъ, который спѣшилъ къ выходной двери.

— Не позже, нѣтъ. Въ пятницу, въ субботу...—непріятнымъ, дребезжащимъ голосомъ отвѣтилъ старикъ. Но тутъ они оба увидали женскую фигуру. Старикъ поднялъ голову, блеснулъ стеклами очковъ и, не убавляя шагу, прошелъ мимо нея въ переднюю. Человѣкъ помоложе удивленно взглянулъ на нее, потомъ на диванъ, видимо смутился и, кланяясь, и указывая на стулъ, пробормоталъ:

— Простите... Прошу... Сію минуту.

Старикъ одѣлся очень быстро и, выходя, громко хлопнулъ наружной дверью. Человѣкъ помоложе поспѣшно вернулся въ контору, еще разъ взглянулъ на диванъ, еще разъ вѣжливо поклонился и потеръ руки.

Молодая женщина улыбнулась.

— У меня къ вамъ просьба,—сказала она.

— Пожалуйста... Прошу...—засуетился тотъ, указывая ей на противоположную дверь и стараясь держаться такъ, чтобы ей не видно было дивана.

— Благодарю васъ. Я останусь здѣсь,—смѣясь, заявила она.—Просьба вотъ какая: разбудите этого господина! Мнѣ надо съ нимъ поговорить. Онъ самъ назначилъ мнѣ придти сегодня вечеромъ. Это—мой двоюродный братъ.

Лицо незнакомаго человѣка сперва выразило удивленіе, потомъ радость и искреннюю веселость.

Онъ подошелъ къ спящему и тяжело опустилъ ему руку на плечо.

— Игнатій Степановичъ! это довольно безобразно! — сказалъ онъ.

Игнатій Степановичъ вздрогнулъ, открылъ глаза и приподнялъ голову.

— Корректура?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Вотъ... Да встаньте же, если васъ честью просятъ.

— Да что̀ нужно?

— Да вотъ... ваша сестрица...

— Сестра?—испуганно переспросилъ Игнатій и сразу вскочилъ.

Онъ увидалъ молодую женщину, которая, улыбаясь, ждала его полнаго пробужденія, но только скользнулъ по ней тревожнымъ взглядомъ и бросился въ переднюю.

— Да куда же вы, чудакъ-человѣкъ!—крикнулъ озадаченный господинъ.

Тогда въ дѣло вмѣшалась молодая женщина.

— Игнатій Степановичъ! это я просила разбудить васъ. Я—Ольга Каширцева.

Игнатій остановился. Лицо его было еще очень взволнованно и испуганно.

— Да... Такъ это вы—сестра? А я, вообразите, забылъ. Думалъ—Люба. Думалъ, матери стало плохо, и она пріѣхала за мной.

Незнакомый Ольгѣ человѣкъ неловко помялся на мѣстѣ и поспѣшно пошелъ къ двери.

— Подождите, Иванъ Николаевичъ!—окликнулъ его Игнатій.—Вотъ, прошу познакомиться. Это, дѣйствительно, моя двоюродная сестра. Каширцева—ея фамилія по мужу. Она—Воронина. Я не узналъ ея, потому что видѣлъ всего разъ, мелькомъ. Я никогда не бываю дома, и она пришла сюда, чтобы познакомиться со мной и съ вами.

— Я такъ много слышала о васъ отъ его сестры Любы,—любезно пояснила Ольга.

Иванъ Николаевичъ Модестовъ покраснѣлъ, радостно смутился и такъ крѣпко пожалъ руку молодой женщинѣ, что она чуть не вскрикнула.

Всѣ трое стояли среди комнаты и молчали.

— Ну, что жъ... Пойдемте туда!—предложилъ Игнатій и неопредѣленно мотнулъ головой.

Прошли узенькимъ корридорчикомъ, пересѣкли маленькую комнатку, гдѣ, за столомъ, сидѣлъ и писалъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, и, наконецъ, очутились въ кабинетѣ редактора.

Этотъ кабинетъ былъ тоже невеликъ. Въ немъ помѣщался письменный столъ, конторка, нѣсколько креселъ и стульевъ, а по стѣнамъ тянулись полки, на которыхъ также, какъ и на полу, высились груды газетъ.

— Садитесь! гостьей будете!—сказалъ Игнатій.

Иванъ Николаевичъ улыбнулся, потеръ руки и, стоя, прислонился спиной къ конторкѣ.

— А я не отвлекаю васъ отъ дѣла?—спросила Ольга.

— Теперь, нисколько,—отвѣтилъ Воронинъ.—Но вы про-

стите: я не находчивъ и не умѣю занимать дамъ. Это вотъ по части Ивана Николаевича.

Тотъ громко засмѣялся, покраснѣлъ и опять сталъ усиленно тереть руки.

— А вы не изъ пишущихъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я изъ праздношатающихся,—серьезно отвѣтила Ольга.—И, знаете, я никогда не чувствовала себя такъ, какъ сейчасъ... Мой отецъ служитъ, мой мужъ служитъ, большинство моихъ знакомыхъ служатъ. Но мнѣ кажется, что служить и работать—это далеко не одно и то же. Я въ первый разъ въ обществѣ интеллигентныхъ трудящихся людей, трудящихся ради идеи,—и вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе производятъ на меня эти комнаты, ихъ обстановка и даже то, что я застала Игнатія Степановича спящимъ. Я сейчасъ сказала, что я—праздношатающаяся. Это—правда. Но я въ первый разъ сознала это, и мнѣ въ первый разъ пришло въ голову, что моя жизнь пропадаетъ даромъ.

Она говорила тихимъ, грустнымъ голосомъ, не спѣша, и конецъ фразы произнесла едва слышно. Иванъ Николаевичъ встрепенулся, какъ будто услыхалъ голосъ, который звалъ его на помощь.

— Если вы сознали правду, то это уже такъ много... та́къ много!—заволновался онъ.—Человѣку прежде всего надо сознаніе. Сознаніе даетъ силу воли, а сила воли дѣлаетъ чудеса.

Игнатій иронически усмѣхнулся.

— Тише, Ваничка. Нельзя же сразу показывать чудеса.

Иванъ Николаевичъ сразу сконфузился, покраснѣлъ и замолчалъ.

— Нѣтъ, это совершенно вѣрно! — заступилась за него Ольга.—Нужно сознаніе и нужна сила воли. Я хочу вѣрить, что это такъ, потому что такая вѣра бодритъ и даетъ надежду.

— Вотъ видите: бодритъ!—обрадовался Иванъ Николаевичъ. —Человѣку нужна бодрость. Человѣкъ долженъ сознавать свою силу.

Игнатій махнулъ рукой.

— Что̀ же такъ понравилось вамъ въ нашей обстановкѣ?— спросилъ онъ Ольгу.—Или ужъ такъ пресытила васъ роскошь, что вамъ пріятно видѣть вотъ такія произведенія искусства?

Онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ расшатавшійся стулъ и сѣлъ въ редакторское кресло.

— Мнѣ нравятся не вещи, а нравится духъ,—сказала Каширцева.—Мнѣ, напримѣръ, представляется, что въ этихъ стѣ-

упорная работа мысли..
къ, и это слово распрост
-проникаетъ въ отдаленнь
днимъ общечеловѣческимъ
ство. Мнѣ представляется,
я, плодотворная, безкорыст
къ, который никогда не
овлетвореніе и счастье.
га, въ которой я спалъ, -
вается конторой. Кажды
дникамъ построчные пятаки. Чѣмъ больше благо-
змъ многочисленнѣе строки и пятаки. У иного
слителя редакторъ однимъ карандашомъ уничто-
ловину его плодотворныхъ идей, и мыслитель съ
тируетъ тотъ фактъ, что его міровоззрѣніе обо-
0 к.

е ему! онъ притворяется! — горячо вступился
чъ.—Онъ клевещетъ. Онъ всегда клевещетъ и
угихъ. Послушать его—онъ разочарованный,
тъ. А самъ съ утра до ночи сидитъ за рабо-
и статьи, что отъ нихъ захватываетъ духъ. Вы

даже не знала... Какъ же мнѣ не сказали?—

ля статьи! — восторженно восхищался Иванъ
бирался продолжать, но Воронинъ сдѣлалъ рѣз-
кесть и громко двинулъ кресломъ.
пишу,—раздраженно возразилъ онъ,—потому
етъ мнѣ даромъ даже тѣхъ жалкихъ грошей,
ю здѣсь. Пишу въ возвышенномъ, благородномъ
) нашъ редакторъ рѣшилъ, что Россіи нуженъ
ышенный органъ, такъ какъ другихъ уже много.
ой газетѣ мнѣ дадутъ больше, я перейду туда
надъ ними!—кивнулъ онъ головой въ сторону
ла;—приведу выдержки изъ моихъ собственныхъ
орыми я теперь подписываюсь псевдонимомъ:
смѣю этого идеалиста, докажу ему, какъ дважды
онъ глупъ, смѣшонъ, бездаренъ.
ительный звонокъ телефона прерва
чъ нервно вздрогнулъ и зажалъ
), и только теперь замѣтила, какъ

встревожено было его лицо. Не могло быть сомнѣнія, что въ эту минуту онъ искренно и глубоко страдаетъ.

Звонъ прекратился, и тогда Иванъ Николаевичъ поспѣшно подошелъ къ телефону.

— Что̀ надо?.. Редактора еще нѣтъ. Будетъ часовъ въ десять. Непремѣнно... Да, да, конечно... Очень хорошо.

Пробилъ отбой, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, который писалъ въ маленькой сосѣдней комнатѣ.

— Вотъ...—сказалъ онъ, подавая нѣсколько узкихъ листковъ бумаги.

— Ну, и прекрасно!—радостно привѣтствовалъ его Иванъ Николаевичъ.—Сейчасъ и наберутъ.

— Да вѣдь это опять строкъ на триста! — воскликнулъ Игнатій.

— Н-да... Приблизительно, — нѐхотя согласился молодой авторъ.

— Невозможно! Надо сократить на половину.

— Вопросъ очень важный и интересный...

— Безразлично! Вы сами знаете, Иванъ Николаевичъ, что это пойти не можетъ, но почему-то стѣсняетесь сказать. Оттого, что вы стѣсняетесь, никому лучше не будетъ.

Изъ-за плеча огорченнаго молодого автора показалась растрепанная голова и протянулась рука съ свѣже-напечатанными полосами газеты.

— Тамъ пришелъ господинъ Петровъ... — сказалъ глухой, словно недовольный голосъ.

— Ну, теперь я уже очевидно мѣшаю!—заявила Ольга.— Ухожу. Но у меня къ вамъ большая просьба...

Игнатій слегка поклонился.

— Приходите ко мнѣ съ Иваномъ Николаевичемъ. Пожалуйста! Приходите, когда вамъ свободно.

Мужчины переглянулись, а молодой авторъ быстро схватилъ свои листки и скрылся въ сосѣднюю комнату.

— Когда я не работаю, я сплю,—сказалъ Игнатій.

— Приходите!—просила Ольга и даже сложила руки.

— Я, съ своей стороны...—смѣло началъ Иванъ Николаевичъ, но вдругъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Вы придете? да?—обратилась къ нему Ольга.—И употребите всю силу вашего вліянія, чтобы привести и его,—указала она на Игнатія.—Вы обѣщаете мнѣ?

— Я обѣщаю!—серьезно сказалъ Иванъ Николаевичъ и еще разъ изо всѣхъ силъ стиснулъ ей руку.

Игнатій пошелъ провожать ее въ переднюю.

— Если онъ придетъ, — конфиденціально сказалъ онъ, помогая кузинѣ надѣть ротонду,—если онъ придетъ, не угощайте его виномъ. Ему нельзя пить. Если онъ выпьетъ немного у васъ—онъ зайдетъ въ трактиръ, и тамъ напьется до пьяну.

Ольга удивленно раскрыла глаза.

— Иванъ Николаевичъ?—переспросила она.

— Ну, да—онъ.

— И, вообще, не понимаю—какая вамъ охота?—прибавилъ онъ, когда Ольга уже выходила на площадку лѣстницы. Она обернулась, но только увидала его спину. Онъ уже поспѣшно шагалъ черезъ контору.

VI.

Шло первое дѣйствіе „Снѣгурочки". Пѣли любимцы публики, и театръ былъ переполненъ. Въ одной изъ верхнихъ ложъ дверь изъ кулуара открылась и произошло легкое движеніе. Одинъ изъ мужчинъ, сидѣвшій впереди, рядомъ съ молодой дѣвушкой, поспѣшно всталъ и уступилъ свое мѣсто только-что вошедшей дамѣ, полной блондинкѣ въ простомъ черномъ платьѣ. Другой мужчина, сопровождавшій даму, пожалъ ему руку, привѣтливо поклонился дѣвушкѣ, и всѣ четверо стали внимательно слушать музыку. Это были Игнатій съ Любой и Иванъ Николаевичъ, который просилъ принять въ складчину въ ложу одну его знакомую, пріѣзжую изъ Сибири.

Когда занавѣсъ опустился и въ залѣ ярко вспыхнуло электричество, Люба и незнакомая дама переглянулись и протянули другъ другу руки.

— Судкова!—сказала полная блондинка.

— Воронина!—отрекомендовалась Люба.

— А это—мой братъ, Игнатій.

— Александра Иларіоновна въ первый разъ въ театрѣ,—сообщилъ Иванъ Николаевичъ.

— Неправда!—бойко возразила она.—Я въ первый разъ въ оперномъ театрѣ. Я въ первый разъ слушаю оперу.

— Ну, и какъ же?—спросила Люба.—Какое она производитъ на васъ впечатлѣніе?

Судкова засмѣялась.

— Вѣроятно, у меня еще дикій вкусъ,—сказала она.—Мнѣ очень мѣшаютъ слушать оперу жесты и движенія пѣвцовъ. Весна—въ бальномъ платьѣ и все откидываетъ ногой свой шлейфъ.

И я совсѣмъ не такъ представляла себѣ весну. Эта—пожилая, толстая. И Снѣгурочка поетъ и аукается такъ не просто, такъ кокетливо.

— Ничего! привыкнете! — успокоилъ ее Игнатій. — У насъ чѣмъ больше ломаются, тѣмъ больше доказываютъ свое искусство и ученость. У насъ простота не ко двору. Поглядите повнимательнѣе на публику, и вы поймете, что̀ надо, чтобы угодить ей.

Судкова взяла бинокль и стала оглядывать ложи и партеръ. Игнатій стоялъ за ея стуломъ и тоже глядѣлъ въ бинокль.

— Какое великолѣпное зрѣлище! — говорилъ онъ. — Собраніе фигляровъ и ломакъ. Выставка тщеславія, безстыдства, извращенныхъ вкусовъ. Видите этого франта у барьера оркестра? Онъ весь развинченъ, и у него что-то неладное съ нижней челюстью: она отвисаетъ отъ избытка культурности А тотъ, жирный, съ наглымъ и сквернымъ лицомъ?! Смотрите, какъ онъ лорнируетъ ложи, разглядываетъ и смакуетъ всѣ эти выставленные на-показъ бюсты. Можно было бы подумать, что это — верхъ невоспитанности. Нисколько. Это — развязность вполнѣ свѣтскаго человѣка. А вы замѣчаете, какія у мужчинъ кислыя, непривѣтливыя, почти брезгливыя лица? Какъ у оцѣнщиковъ въ ссудной кассѣ. Они хотятъ этимъ доказать, что ихъ ничѣмъ не удивишь, ничѣмъ не развлечешь и не доставишь удовольствія. Они поглядятъ, послушаютъ изъ снисходительности, изъ необходимости составить свое мнѣніе, сказать свое слово. Ихъ мнѣніе, ихъ слово очень высоко цѣнится ими же самими. Но я не знаю, кто противнѣе—мужчины или дамы? Тѣ—вытянулись, выставились, и достаточно взглянуть на нихъ, чтобы рѣшить, зачѣмъ онѣ сюда пріѣхали. Ихъ мнѣніе и ихъ слово не имѣетъ никакой цѣны, наслаждаться музыкой при такой напряженности всего существа—немыслимо. Впечатлѣніе не въ силахъ проникнуть въ такія затянутыя, искусственныя, изукрашенныя куклы. Имъ—до себя. Только до себя. Онѣ дышутъ только для того, чтобы отъ легкаго вздыманія груди ярче сверкали брильянты. Выраженіе лицъ неподвижное, изученное заранѣе. Онѣ ищутъ взглядовъ, онѣ чувствуютъ ихъ на себѣ, и чѣмъ пристальнѣе, чѣмъ безцеремоннѣе этотъ взглядъ, тѣмъ болѣе онъ доставляетъ имъ чувственнаго, сладострастнаго наслажденія.

— Вы—чрезвычайно непріятный человѣкъ, Игнатій Степановичъ!—замѣтилъ Иванъ Николаевичъ.

Люба засмѣялась.

— А вѣдь вы... признайтесь!—вы въ восторгѣ?

— У меня другой взглядъ. Меня гипнотизируетъ красота. Если она даже несовершенна,—я вижу то, что̀ красиво, и забываю недостатки. Какъ хотите, а зала очень красива.

— Открытіе! — дурачливо объявилъ Игнатій. — Въ бельэтажѣ—мать-командирша въ ослѣпительномъ туалетѣ, а въ ложѣ, рядомъ—новоявленная двоюродная сестрица. Ну, да... конечно, она!..

— Какая мать-командирша?—заинтересовалась Люба.

— Наше высшее, но милостивое начальство. Жена редактора. Полюбуйтесь же, Иванъ Николаевичъ! Это—одна изъ вашихъ слабостей. Видите? Въ стальномъ блескѣ... Обмахивается вѣеромъ. Вотъ къ ней вошелъ этотъ самый жирный, наглый господинъ. У него, оказывается, не сгибается шея. Онъ чуть не повѣсилъ ее на ея собственной рукѣ, чтобы приложиться къ ея перчаткѣ. Хорошо, что у нея нѣтъ рукава—онъ бы вырвалъ его.

— Но гдѣ же Ольга? я не вижу!—интересовалась Люба.

Игнатій отдалъ ей бинокль и сдѣлалъ еще нѣсколько указаній.

— Ахъ, нашла, нашла! Въ бѣломъ съ розовымъ. А рядомъ—старуха съ длиннымъ, длиннымъ лицомъ, и тоже—декольтэ. Боже мой!

— А ваша мать-командирша интересна,—замѣтила Судкова.

— Ну, еще бы!—съ злобнымъ смѣшкомъ согласился Игнатій.—Не даромъ же мы всѣ у ея ногъ. А она милостива! она проста, любезна, обворожительна!

— Вотъ я не ожидала, что вы такой злоязычный! —замѣтила Александра Иларіоновна. — Иванъ Николаевичъ разсказывалъ, что вы такой добрый, снисходительный.

— А вы еще вѣрите ему? Вы еще не поняли, что онъ не способенъ расцѣнивать людей? По его мнѣнію, всѣ—ангелы, всѣ—паиньки и всѣ замѣчательно благородны и несчастны... Иванъ Николаевичъ! вы знаете что̀? Мы обязательно пойдемъ свидѣтельствовать наше почтеніе начальству. Мы вторгнемся въ это великолѣпное, свѣтское общество. Мнѣ интересно взглянуть на лицо кузины, когда она увидитъ насъ въ сосѣдней ложѣ и будетъ принуждена отвѣтить на нашъ поклонъ. Съ ней—мужъ и поклонникъ... Или два поклонника... А та, съ длиннымъ лицомъ,—вѣроятно, мать мужа. Идемъ, Иванъ Николаевичъ!

Но въ эту минуту заигралъ оркестръ, публика стала возвращаться на свои мѣста. Нéхотя, лѣниво брели мужчины, раздвигали фалды фраковъ и тяжело погружались въ кресла; кар-

тинно проплывали дамы, и затѣмъ, протискиваясь между рядами креселъ, поспѣшно пробирались бочкомъ, толкаясь колѣнками.

Какъ только кончилось второе дѣйствіе, Игнатій поспѣшно всталъ и подтолкнулъ Ивана Николаевича.

— Да что̀ вы? да съ какой стати?—испуганно запротестовалъ тотъ, отмахиваясь отъ него руками.

— Если вы не пойдете, я скажу матери-командиршѣ, что вы здѣсь, но что вы не захотѣли поздороваться съ нею.

Иванъ Николаевичъ колебался.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ никакой необходимости. Мнѣ кажется, что это выйдетъ даже не... нетактично. Мы—въ пиджакахъ.

— Тѣмъ лучше. Она всегда повторяетъ, что не придаетъ значенія внѣшности. Мы докажемъ ей наше уваженіе и преданность. И провѣримъ чувства кузины. Помните, какъ она умоляла насъ зайти къ ней въ гости? Вѣдь не сомнѣваетесь же вы въ ея искренности, Иванъ Николаевичъ. И не допускаете вы, что она презираетъ насъ настолько, чтобы стыдиться нашего знакомства?

— Да, можетъ быть, дамы желаютъ пройтись? — все еще не сдавался Модестовъ, оглядываясь на Любу и на Судкову.

Но дамы сказали, что онѣ могутъ пройтись безъ него, а Люба даже прибавила, что предпочитаетъ остаться въ ложѣ, чтобы видѣть ихъ торжественное появленіе въ бель-этажѣ.

Спасенія уже не было—и мужчины вышли. Игнатій, молча, шелъ впереди. Онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ, перешелъ на другую сторону театра и нѣсколько разъ оглядывался, слѣдуетъ ли за нимъ его пріятель. Потомъ онъ остановился передъ дверью одной изъ ложъ, подумалъ и громко сказалъ: „эта!“—и, убѣдившись, что Иванъ Николаевичъ не посмѣетъ скрыться бѣгствомъ, открылъ дверь и вошелъ.

Алевтина Владиміровна Горяинова, жена редактора, наклонилась къ очень маленькой, некрасивой женщинѣ въ вычурномъ красномъ туалетѣ и разговаривала съ ней, съ жаднымъ любопытствомъ прислушиваясь къ каждому ея слову. Обѣ сидѣли, а вокругъ стояли трое или четверо мужчинъ и снисходительно наблюдали эту сцену.

— Никто такъ не скажетъ, какъ вы!—восхищалась Горяинова.—Каждое слово мѣтко, но ядовито. Вы не обижаетесь на меня, дорогая, что я сказала: „ядовито“? Я желала бы записывать все, что̀ вы говорите.

Мужчины почему-то засмѣялись. Алевтина Владиміровна под-

няла на нихъ томные, немного подведенные глаза и увидала Воронина и Модестова.

— Еще собратья по перу! — громко сказала она и далеко протянула руку ладонью внизъ. — А мой бѣдный мужъ сегодня одинъ въ редакціи. Ничего!.. Я хотѣла поговорить съ вами, Игнатій Степановичъ, по поводу вашей послѣдней статьи. Я прочла ее съ большимъ удовольствіемъ!.. Вѣра Георгіевна! развѣ вы не знакомы съ нашими друзьями и сотрудниками? Рекомендую вамъ: Воронинъ, Модестовъ. А вамъ, господа, да будетъ стыдно, если вамъ надо называть Вѣру Георгіевну Бѣлову. Она достаточно извѣстна въ литературѣ. Ея разсказики—перлъ искусства. Такіе же маленькіе и такіе же изящные и талантливые, какъ она сама.

Бѣлова дернула головой вверхъ, поджала губы и поклонилась однимъ легкимъ наклоненіемъ.

— Но я пишу такъ мало! — проговорила она скрипучимъ, простуженнымъ голосомъ.

— И знаете... Это одна изъ вашихъ крупныхъ заслугъ, — горячо заявила Горяинова.

Мужчины опять засмѣялись.

— Вы—не ремесленница. Вы—поэтесса,—пояснила Алевтина Владиміровна, — Модестовъ—тоже поэтъ. Отчего вы не пишете стиховъ, Иванъ Николаевичъ? Я убѣждена, что они были бы прекрасны. Я запретила бы вамъ писать прозой, чтобы заставить писать стихами.

— Хотите, я пришлю вамъ свои стихи? —спросила Бѣлова.— Я ничего не буду имѣть противъ того, чтобы вашъ мужъ помѣстилъ ихъ въ газетѣ.

— Въ газетѣ! — воскликнула Горяинова. — Нѣтъ, дорогая! Отнесите ихъ въ редакцію толстаго журнала. Будьте же, наконецъ, благоразумны... Я не позволю мужу напечатать ни одной вашей строки! Вы должны, должны забыть свою скромность и работать въ толстыхъ журналахъ.

— Но я бы съ удовольствіемъ... и въ газетѣ... — пробормотала Бѣлова, краснѣя отъ досады.

Воронинъ глядѣлъ на Ольгу, которая сидѣла къ нимъ спиной и разговаривала съ однимъ изъ своихъ кавалеровъ. Вдругъ она медленно повернулась, встрѣтилась глазами съ Игнатіемъ и сдѣлала удивленное движеніе. Ея кавалеръ отстранился, думая, что она хочетъ встать. Но она быстро окинула взглядомъ всю ложу, привѣтливо кивнула Игнатію и сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ зашелъ къ ней съ Иваномъ Николаевичемъ.

— Въ слѣдующій антрактъ,—громко отвѣтилъ Игнатій.

Старуха съ длиннымъ лицомъ встрепенулась и направила на него лорнетъ. Иванъ Николаевичъ густо покраснѣлъ и уже собирался протянуть Ольгѣ руку, но неожиданно раздумалъ и забылъ поклониться.

— Кто это? — тихо спросила Горяинова, вставая, чтобы пройти въ аванложу. Она вытянулась, сверкнувъ своимъ блестящимъ, стальнымъ платьемъ, и потомъ, изгибаясь тонкимъ станомъ, нагнулась къ Бѣловой и пристально взглянула на Ольгу.

— Здѣсь жарко, дорогая. Выйдемъ! — сказала она писательницѣ.

Она была похожа на змѣйку, гибкую и изящную, нѣжащуюся на солнцѣ.

— Каширцева? — переспросила она Игнатія. — Ея отецъ— этотъ богачъ? золотопромышленникъ, кажется... Очень мила! Вотъ бы вамъ познакомить насъ!

Бѣлова смотрѣла на нее снизу вверхъ, топорщилась, чтобы казаться выше, и старалась придать своему лицу загадочное, поэтическое выраженіе.

VII.

— Ты прямо изъ редакціи? — спросила Люба, захлопывая книгу, и сейчасъ же потянулась всѣмъ тѣломъ и зѣвнула.—Кажется, очень поздно?

— Да, поздно. Что̀ мать?

— Спитъ,—отвѣтила дѣвушка и кивнула на закрытую дверь въ сосѣднюю комнату.

Она сидѣла въ столовой, подъ висячей лампой. Игнатій вошелъ безъ звонка, отперевъ входную дверь собственнымъ запаснымъ ключомъ.

— Я былъ у Горяиновыхъ... — небрежно сообщилъ онъ. — Мать-командирша заѣзжала въ редакцію и затащила пить чай. Отчего ты не спишь?

— Зачиталась. Кстати, мнѣ хочется спросить тебя...

— Такъ ты скорѣй, Любаша. Надо спать.

— Но это очень серьезно, а я тебя никогда не вижу днемъ. И, притомъ, если вижу, то при мамѣ.

— Ита̀къ: секретное совѣщаніе. Въ чемъ же дѣло?

Онъ взялъ стулъ, повернулъ его такъ, чтобы стать лицомъ къ сестрѣ, но это лицо было странное, разсѣянное, и видно

было, что онъ съ трудомъ принуждаетъ себя слышать то, что ему говорятъ.

— У насъ была Ольга,—сообщила Люба.—Ты знаешь: мама совсѣмъ въ восторгѣ отъ нея. Когда она пріѣзжаетъ, мама оживляется, смѣется. Сегодня Ольга привезла ей въ подарокъ какой-то заграничный капотъ... Но это не важно. Игнаша! ты не слушаешь меня?

— Ну, какъ же не слушаю! Капотъ...

— Ну, да. Она сидѣла у насъ весь вечеръ, а потомъ предложила мнѣ прокатиться. Мама легла, и мы поѣхали. И, видишь ли, Ольга такъ хорошо, такъ тепло отзывалась о мамѣ. Говорила о ней, какъ она ее понимаетъ... и что мама—такая больная, нѣжная, избалованная. А про своего отца—что онъ чисто-дѣловой, сухой человѣкъ, любитъ только ее одну, Ольгу. И что она, Ольга, сознаетъ его недостатки, но тоже любитъ его и жалѣетъ, потому что онъ—одинокій. Такъ, вотъ, отецъ охотно предлагаетъ мамѣ пенсію въ сто рублей въ мѣсяцъ, и Ольга умоляетъ не отказываться. Она говоритъ, что съумѣетъ заставить маму взять, и тогда ей будетъ легче жить. А насъ это совсѣмъ, совсѣмъ не касается, и мы нисколько не будемъ обязаны дядѣ.

Дѣвушка быстро договорила конецъ своего сообщенія и тревожно поглядѣла на брата, а Игнатій точно очнулся отъ сна, и лицо его быстро мѣнялось, подъ вліяніемъ различныхъ, быстро смѣняющихся впечатлѣній.

— И она сказала объ этомъ предложеніи матери?—наконецъ чуть не крикнулъ онъ.

— Тише, Игнаша! Нѣтъ, она не говорила съ мамой. Она боялась, что ты, или я... что мы будемъ недовольны.

— А что̀ ты отвѣтила? что̀ ты сказала?

— Я ничего не могла... Я обѣщала переговорить съ тобой.

— Ты должна была прямо заявить, что мы... что мать не принимаетъ милостыни!—рѣзко проговорилъ Игнатій.—Я работаю много, но я готовъ работать вдвое, чтобы не допустить ее до этого униженія.

Люба пожала плечами.

— А если она не увидитъ въ этомъ никакого униженія? Развѣ не было бы справедливо, чтобы она рѣшила этотъ вопросъ сама?

Игнатій вскочилъ и однимъ взмахомъ руки взъерошилъ свои длинные волосы.

— Какъ бы она ни рѣшила—я не допущу! ни за что!

Если Ольга уговоритъ ее, я... я... Будутъ непріятности, будутъ слезы... Придется припоминать всю эту горькую, тяжелую исторію прошлаго. У матери есть гордость, но она какая-то странная, мягкая, податливая. Она всему вѣритъ, все прощаетъ, все старается объяснить по своему. Наше дѣло—даже не допускать подобныхъ разговоровъ... Ага! онъ надумался выбросить ничего не значащую для него сумму и успокоить свою совѣсть, если она есть... если она говоритъ въ немъ. Онъ за тысячу двѣсти рублей покупаетъ униженіе цѣлой семьи. И мое униженіе! и еще будетъ требовать благодарности! и еще будетъ считать себя благодѣтелемъ! Онъ—разорившій, разстроившій эту семью! Нѣтъ, это слишкомъ дешево, дорогой дядюшка! Цѣна намъ подороже, покрупнѣе.

— Не понимаю!—холодно замѣтила Люба.—Значитъ ли это, что ты хочешь требовать большаго? Значитъ ли это, что ты не отказываешься взять, но хочешь взять много?

— Да, много. Очень много!—охрипшимъ отъ волненія голосомъ отвѣтилъ Игнатій.

— И у тебя есть данныя требовать? У тебя есть какія-нибудь законныя... Ну, да... именно законныя права?

Игнатій молчалъ и ходилъ по комнатѣ, поворачиваясь черезъ каждые три шага.

— Нѣтъ! — вдругъ сердито отвѣтилъ онъ. — Нѣтъ у меня правъ! Но я ихъ найду. И не у юристовъ, и не въ законахъ, а.. въ своей ненависти, въ своей злобѣ. Найду! Онъ зарылся въ деньгахъ... А кто открылъ то дѣло, которое обогатило его? Кто хлопоталъ десять лѣтъ, чтобы осуществить его, дать ему ходъ? Кто поплатился за него силами, здоровьемъ, даже жизнью? Мой отецъ! А мать? развѣ она не переносила съ нимъ вмѣстѣ всѣ волненія, неудачи, униженія? Отецъ застрѣлился, мать осталась нищей. И вотъ, когда ихъ пѣсня была уже спѣта, вдругъ нашелся благодѣтель, который все исправилъ, все спасъ. Отецъ застрѣлился, когда надежды на спасеніе дѣла не оставалось никакой, когда уже занимался громадный позорный скандалъ, изъ котораго ни одно имя, стоящее во главѣ общества, не могло выйти необезчещеннымъ, незатоптаннымъ въ грязь. Отецъ былъ честный человѣкъ, но слишкомъ надѣялся на свои силы, на свою изобрѣтательность. Полнаго крушенія всѣхъ своихъ трудовъ, своихъ надеждъ, потерю добраго имени онъ не перенесъ. На рудникахъ начался бунтъ. Рабочіе, которымъ нечѣмъ было платить, разрушали машины, сооруженія, поджигали зданія. Отецъ метался, какъ раненый... Говорятъ, онъ валялся въ но-

гахъ у брата и молилъ его отдать ему тѣ деньги, которыя у него есть. Братъ Ѳедоръ отвѣтилъ: „Ты растерялся. Ты не знаешь, о чемъ просишь. Ты погибъ самъ—и хочешь погубить меня. У меня голова свѣжѣе твоей... Повѣрь мнѣ: вотъ все, что̀ тебѣ теперь нужно"... И онъ подалъ ему револьверъ. Достовѣрно, что отецъ застрѣлился револьверомъ дяди. Но тѣ деньги, которыя отецъ тщетно вымаливалъ для своего спасенія, пошли на очистку его доброй памяти. Скандалъ не успѣлъ разгорѣться: его замяли, его предотвратили. Дѣло какъ-то само собой возникло изъ пепла. Дядюшка—милліонеръ, а мы—нищіе, презрѣнные...

Игнатій съ силой ударилъ кулакомъ въ стѣну.

— Надоѣло мнѣ это убожество! эта тѣснота. Я хочу быть богатымъ, чтобы презирать трусовъ, дураковъ и подлецовъ. Я хочу презирать и издѣваться открыто, безъ подлой трусости остаться безъ куска хлѣба. А ты думаешь, что я не найду своихъ правъ! что я приму какіе-то несчастные сто рублей!

Онъ рухнулъ на стулъ и спряталъ голову въ руки.

— Игнаша!—испуганно позвала его Люба.—Игнаша!

Онъ молчалъ, и тогда настала долгая, томительная тишина, и только слышно было, какъ тикалъ маятникъ дешевыхъ часовъ и какъ тяжело дышала въ кухнѣ спящая баба.

И вдругъ въ эту тишину ворвался новый, неясный звукъ, тихій и заглушенный. Игнатій долго не слышалъ его; но когда онъ поднялъ, наконецъ, голову, онъ увидалъ, что Люба, зажимая ротъ платкомъ, трясется отъ тяжелыхъ, горькихъ рыданій. Онъ даже не окликнулъ ее, всталъ и нѣсколько разъ провелъ рукой по своему лицу.

— О чемъ ты?—наконецъ тихо спросилъ онъ.

Она не отвѣтила, и онъ опять принялся ходить: три шага впередъ, три шага назадъ.

— Какъ жить? какъ жить?—жалобно заговорила Люба.—Не могу я такъ, какъ ты: никому не довѣрять, никого не любить, мстить за прошлое, котораго я не знаю, не помню. Не могу я заставить себя ненавидѣть, злобствовать... Охъ, какъ тяжело на душѣ! какъ тяжело! Я бы, какъ мама... Я бы простила и забыла... Богъ съ ними! И я вѣрила бы людямъ, и не была бы одинока. Я бы, какъ мама... Я бы сказала: „хорошіе ли они, или дурные—они сами разберутся; какъ я ихъ буду судить?" И у меня тоже была бы ясность, чистота на сердцѣ. А теперь нѣтъ. И я все въ тревогѣ: мнѣ нельзя довѣрять людямъ! мнѣ нельзя ихъ... ихъ любить. Тяжело. Такъ тяжело! Ну, какъ жить? какъ жить?

Игнатій вздохнулъ и слабо усмѣхнулся.

— Это кто же тебя?.. Ольга такъ покорила?—уже мягко и ласково спросилъ онъ.

— Я, вообще... Я какая-то раз...раздвоенная. Я ужъ теперь не могу быть простой... простой, какъ мама. Она даже не видитъ, а я вижу... и фальшь, и хитрость... Но мнѣ такъ больно... все осуждать... все, все... каждое лыко въ строку. Я знаю, никому моя жалость не нужна. А она у меня... есть. Зачѣмъ? Безъ жалости—одна справедливость, а... а съ жалостью—другая. Ну, и чтò же мнѣ дѣлать? Я не знаю, Игнаша. Чтò мнѣ дѣлать?

— Знаешь, чтò? иди спать!—съ нѣжной ноткой въ голосѣ посовѣтовалъ братъ.—Правда, сестрёночка, иди! Ты устала, изнервничалась, и вотъ ужъ теперь тебѣ кажется, что жить очень трудно, очень тяжело. Нѣжныя, слабенькія вы у меня птички, ты да мама. А если бы мама видѣла, что ты плачешь? Не надо, Любинька! перестань!

Онъ, стоя, обнялъ ея голову, прижалъ къ себѣ и ласково водилъ рукой по ея волосамъ.

— Жалость, ты говоришь... „съ жалостью—другая справедливость". Вотъ, Люба, когда мы будемъ съ тобой богаты, властны, мы будемъ жалѣть несчастныхъ,—тогда наша жалость будетъ имъ нужна. Тогда ты не спросишь, зачѣмъ она у тебя есть? А теперь, дѣйствительно... Это плохое оружіе, Люба. Нельзя тебѣ быть, какъ мама. Тебѣ еще жить, тебѣ еще бороться...

— И мама жила,—тихо возразила Люба.—Она была счастлива!

Игнатій вздохнулъ.

— Ахъ, если бы я могъ дать тебѣ то, о чемъ я мечтаю для тебя!—искренно сказалъ онъ.—Люба! да неужели же я не достигну ни богатства, ни власти, ни славы? Я такъ хочу! я такъ сильно хочу!

Она отстранилась отъ него, встала и взяла свою книгу.

— И нельзя спросить маму, согласится ли она... на это предложеніе?—спросила она, не глядя на брата.

— Да ни въ какомъ случаѣ, конечно! Я вѣдь ужъ объяснялъ, говорилъ.

— Нельзя? — повторила Люба. — А то, что она могла бы имѣть на эти деньги... леченіе, удобства... ты ей дашь? Ей,—подчеркнула она,—дашь?

Она перевела на него строгій, серьезный взглядъ, и онъ смутился.

— Богъ милостивъ! мама не такъ плоха! — смущенно проговорилъ онъ. — А милостыни она не приметъ! ни отъ кого!

— Ты берешь на себя всю отвѣтственность, — напомнила Люба и, холодно поцѣловавъ брата, ушла изъ столовой.

Онъ сѣлъ къ столу, облокотился бокомъ и, вытянувъ правую руку, досталъ забытый кѣмъ-то клочокъ бумаги и карандашъ.

— Это мама записывала кухонный счетъ, — догадался онъ.

Онъ проглядѣлъ этотъ счетъ и горько усмѣхнулся. Потомъ перевернулъ листокъ, и въ то время, какъ лицо его принимало прежнее странное, разсѣянное выраженіе, рука съ карандашомъ выводила одну и ту же, повторяющуюся фразу.

„Я хочу быть богатымъ, чтобы презирать трусовъ, дураковъ и подлецовъ".

Но думалъ онъ не о томъ, что̀ писалъ. Онъ думалъ о Горяиновой. Онъ представлялъ себѣ ея фигуру, ея глаза, и ему казалось, что онъ вновь слышитъ ея голосъ:

— „Вы, Игнатій Степановичъ, умный человѣкъ и я никогда не посмѣла бы смѣяться надъ вами въ глаза. Я цѣню васъ. Я уважаю васъ. Вы знаете: я глубоко убѣждена, что мы понимаемъ другъ друга. У насъ одинаковый взглядъ на людей, на жизнь. Признайтесь: и вы чувствуете это презрѣніе, презрѣніе къ большинству, къ толпѣ, которую, какъ стадо барановъ, можно провести и вывести"...

Лицо Игнатія становилось все болѣе и болѣе разсѣяннымъ. Страдальческая складка легла между его бровей.

Онъ чувствовалъ въ своей рукѣ тонкую, длинную руку Алевтины Владиміровны, а ея глаза искали его взгляда, и то лукаво щурились, то принимали какое-то удивительно простое, искреннее выраженіе.

— Этого не должно быть! этого не должно быть! — мысленно повторилъ Игнатій и отбросилъ бумагу и карандашъ.

„Я хочу быть богатымъ, чтобы презирать"... — невольно прочелъ онъ.

Часы зашипѣли и пробили четыре.

Онъ разорвалъ бумагу, потушилъ лампу и ощупью началъ пробираться въ свою маленькую комнатку.

VIII.

Настасья Петровна Каширцева, или „Анастасія", какъ она печатала на своихъ визитныхъ карточкахъ, ходила по своимъ знакомымъ и разсказывала, что ея невѣстка — „ненормальна".

— Можете вы себѣ представить, что она привела мнѣ въ ложу двухъ какихъ-то оборванцевъ, passez-moi le mot. Des gens de la bohême... Она разговорилась съ ними и жала имъ руки на виду у всѣхъ! Я сказала, что не буду больше сопровождать ее въ театръ. Я не хочу, чтобы меня видѣли въ такомъ обществѣ. Одно мое положеніе, вы понимаете...

Злые языки утверждали, что Настасья Петровна такъ надоѣла мужу и такъ часто ставила его въ неловкое положеніе, что онъ чрезвычайно охотно далъ ей разрѣшеніе жить въ городѣ, внушивъ ей, что она настолько любитъ свою дочь, воспитывающуюся въ институтѣ, что не въ силахъ не видѣть ея по цѣлымъ мѣсяцамъ. Теперь Настасья Петровна, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, упоминала о „милой крошкѣ“ и о томъ, какъ она ждетъ пріемныхъ дней, чтобы повидаться съ нею. Но именно эти дни она часто забывала, и потомъ, спохватившись, писала въ институтъ записку:

„Chérie! ta pauvre mère a été malade. Bien malade!“

Въ слѣдующее свиданіе съ дочерью она забывала о запискѣ и разсказывала очень громко:

— Я пропустила одинъ пріемъ, не правда ли? Но, вообрази, въ ту минуту, какъ я надѣвала шляпу, чтобы ѣхать къ тебѣ, лакей доложилъ мнѣ о пріѣздѣ графа Игнатова, этого милаго графа, котораго мы такъ давно не видали...

— Игнатова? онъ здѣсь?—удивлялась наивная институтка.— И развѣ ты, maman, взяла лакея?

— Тогда я приказала отложить карету,—не смущаясь вопросами дочери, громко продолжала maman,—и какъ мнѣ ни было грустно отказаться отъ удовольствія видѣть мою крошку,—осталась дома.

Въ концѣ концовъ, дѣвушка такъ привыкла молча выслушивать фантастическіе разсказы матери, что даже сама начала вѣрить въ существованіе лакея, кареты и цѣлаго ряда громкихъ именъ, которыя смѣнялись въ салонѣ ея maman.

Привыкла къ этимъ разсказамъ не только наивная институточка, но и большинство знакомыхъ Настасьи Петровны. Она принимала эту привычку за безусловное довѣріе и торжествовала. Жила она въ маленькой, неопрятной квартиркѣ, держала одну прислугу и никогда никого не приглашала къ себѣ. Когда кто-нибудь пріѣзжалъ отдавать ей визитъ, ея никогда не оказывалось дома. Одѣвалась она плохо, выказывая полное отсутствіе вкуса, но называла самыя извѣстныя имена „faiseuses“ и тратила большія деньги на свои туалеты. Съ деньгами она, вообще, рас-

поряжалась чрезвычайно безтолково. Присущая ей манія величія неожиданно захватывала ее въ какомъ-либо магазинѣ, гдѣ ей надо было купить какой-нибудь пустякъ, и тогда она набирала цѣлый ворохъ ненужныхъ вещей, наслаждаясь почтительной расторопностью приказчиковъ и оглядываясь на другихъ покупателей, которые, какъ ей казалось, проникались къ ней невольнымъ уваженіемъ. Сообщая свой адресъ, она прибавляла:

— На имя княгини Каширцевой. Меня всѣ знаютъ...

Позже, она приходила въ ужасъ, когда вспоминала сумму непроизводительно истраченныхъ денегъ, и жаловалась знакомымъ:

— До чего здѣсь дорога жизнь! Правда, что васъ обворовываютъ кругомъ: поваръ, лакей, кучеръ—все это тащитъ, приписываетъ на счетахъ. Я, вы знаете, не привычна къ мелочности, къ усчитыванію грошей. Toutes ces mesquineries me répugnent!

Но сахаръ и чай были у нея подъ замкомъ, и она дѣлала своей единственной прислугѣ жестокія сцены изъ-за каждаго переданнаго, по ея мнѣнію, пятака.

Лгала она такъ непрерывно и такъ упорно, что уже никогда и ни въ какой мѣрѣ не считалась съ дѣйствительностью.

— Не спѣшите такъ! — упрашивала ее какая-нибудь радушная хозяйка, которую еще занимали ея разсказы. — Посидите еще!

— Не могу, chère. У меня лошади молодыя. Я еще щажу ихъ, да и кучера... А сегодня такой сильный морозъ!

Выходя изъ подъѣзда, ей хотѣлось остановиться и приказать швейцару, чтобы онъ крикнулъ ея кучера вмѣстѣ съ молодыми лошадьми, но она тутъ же соображала, что ей не удастся нанять извозчика дешевле тридцати копѣекъ, такъ какъ „эти извозчики—такіе дерзкіе, такіе грубые!“—и чтобы не имѣть дѣла съ грубыми людьми, она шла пѣшкомъ. Она была очень здорова и очень бодра, и когда ея высокая, полная, затянутая фигура и длинное лицо отражались въ окнѣ или наружномъ зеркалѣ магазина, она находила себя молодой, красивой, изящной и улыбалась, мечтая о новыхъ нарядахъ и о томъ впечатлѣніи, которое она еще производитъ на мужчинъ.

Настасья Петровна нашла необходимымъ предупредить Аркадія о томъ, что его жена попала въ дурное общество.

— Des gens de je ne sais d'où...

— Ахъ, это ея дѣло! — раздражительно сказалъ Аркадій, котораго она вызвала для этого сообщенія въ пріемную канцеляріи, въ которой онъ служилъ. Они стояли среди комнаты, а

кругомъ сновали чиновники и съ любопытствомъ косились на массивную даму въ клѣтчатомъ платьѣ и необычайной шляпѣ съ пестрыми крыльями.

— Неужели вы только для этого и пришли?— освѣдомился сынъ.

— Нѣтъ!—немного смущаясь, отвѣтила мать. — Хотя мнѣ необходимо было предупредить тебя... Но я думаю, что ссориться съ женой изъ-за такихъ пустяковъ не стоитъ,—ты только поставь ей на видъ ея безтактность; а чтобы смягчить впечатлѣніе, я хотѣла предложить тебѣ сдѣлать ей очень полезный подарокъ: вазу въ японскомъ вкусѣ. Я купила ее по случаю у знакомыхъ, но она, положительно, занимаетъ слишкомъ много мѣста въ моей квартирѣ. Я бы продала ее тебѣ съ уступкой.

Аркадій махнулъ рукой.

— Опять эти ваши случайныя покупки, maman! Продавайте вашу вазу кому угодно, а я ее и даромъ не возьму.

— Тише! насъ могутъ услышать!—краснѣя отъ досады, сказала Настасья Петровна.—Я знаю, почему ты не хочешь пріобрѣсти эту вещь: ты опять проигрался, или тебѣ нужны деньги для подарка твоей... твоей... Я даже не хочу называть ея имени!

— Мы, можетъ быть, отложимъ этотъ разговоръ? — сухо предложилъ Аркадій.—Вы такъ сердитесь, что обращаете на себя вниманіе.

Настасья Петровна сразу измѣнила выраженіе лица.

— Прекрасно! ты будешь имѣть время подумать. А теперь, cheri, еще маленькая просьба... Если тебя спросятъ, кто къ тебѣ приходилъ,—не говори, что я—твоя мать. Меня всегда возмущаетъ это мѣщанское любопытство! Tu les rouleras dedans. Изобрѣти какое-нибудь красивое имя. А теперь, je me sauve! У меня столько дѣла! столько дѣла!

Она ушла, искренно убѣжденная, что заинтересовала всю канцелярію, и жалѣя о томъ, что не подсказала Аркадію имя, которое должно было mettre dedans тѣхъ, которые будутъ справляться о ней.

Ольга переживала странное душевное состояніе. Она ухватилась за знакомство съ новыми родственниками, какъ за способъ развлеченія. Она была убѣждена, что эта забава ей скоро надоѣстъ, но что за это время она успѣетъ убѣдиться въ полной безопасности репутаціи ея отца, покорить Игнатія, заглянуть въ новый для нея міръ журнальныхъ и литературныхъ интересовъ. Ей никогда не могло придти въ голову, что она най-

детъ тамъ то, чего такъ жадно искала ея душа: искреннее увлеченіе или серьезное чувство. Она всегда слышала, что пишущіе люди неизящны, плохо одѣваются, рѣдко моютъ руки. А все неизящное или нечистоплотное отталкивало ее и вызывало въ ней чувство брезгливости. Она даже представляла себѣ заранѣе, какъ, удачно сыгравъ свою новую роль и обворреживъ всѣхъ своихъ новыхъ знакомыхъ, она, подъ первымъ подходящимъ предлогомъ, искусно начнетъ устранять ихъ съ своего пути: разыграетъ одну изъ тѣхъ сценъ, на которыя она такая мастерица и въ которыхъ она сама плохо различала притворство отъ искренности. Она опять начала бы жаловаться на пустоту, на скуку жизни, на душевное одиночество, на желаніе одурманиться тѣмъ или другимъ способомъ, лишь бы забыться отъ тоски и заглушить душевную боль. Она объявила бы себя неспособной управлять своей волей, недостойной общества или вниманія порядочныхъ людей; она обвиняла бы себя въ намѣренномъ притворствѣ, въ длительномъ обманѣ, во всѣхъ порокахъ... Она заявила бы съ нервнымъ, злымъ смѣхомъ, что счастье заключается только въ томъ, чтобы губить... Губить все, что попадается на пути: счастье, любовь, дружбу, преданность. Все высокое, все чистое. Губить для того, чтобы торжествовать надъ ними побѣду, чтобы все болѣе и болѣе убѣждаться, что имъ не мѣсто на землѣ.

Такія изліянія всегда производили сильное впечатлѣніе на слушателей. Въ особенности изучила Ольга это впечатлѣніе на людяхъ болѣе или менѣе чуткихъ, добросердечныхъ, готовыхъ встать на помощь ближнему. Никто не осуждалъ ее строго, никто не вѣрилъ ужасамъ, которые она разсказывала про себя. Напротивъ, она становилась имъ еще болѣе близкой и интересной. Ее старались ободрить, поддержать. Но она знала, что путь къ отступленію уже свободенъ, что утомить человѣка еще легче, чѣмъ заинтересовать его; отдалиться отъ него—легче, чѣмъ приблизиться.

Главное, она сознавала, что никогда никто не любилъ ее сильно, настолько сильно, чтобы испытать настоящее горе при мысли, что теряетъ ее навсегда. И она думала, что когда знакомство и даже дружба съ семьей тетки надоѣдятъ ей, она поступитъ такъ же, какъ поступала много разъ. Она разорветъ всякое сношеніе съ ней.

Дѣйствительно, первое время все шло именно такъ, какъ она ожидала. Анна Дмитріевна и Люба, повидимому, искренно привязались къ ней, а Игнатій, который, по ея плану, долженъ

былъ влюбиться въ нее, хотя и не походилъ на влюбленнаго, но относился къ ней мягко, внимательно, безъ недовѣрія.

Но за то полной неожиданностью для Ольги было ея собственное чувство. Когда она два-три дня не видала Анны Дмитріевны и Любы, она начинала безпокоиться о нихъ, раздражалась, если что-либо мѣшало ей навѣстить ихъ, и испытывала такое радостное и ясное настроеніе, когда сидѣла въ ихъ крошечной квартиркѣ, какъ будто эти двѣ женщины были самыя близкія ей на свѣтѣ.

Дома, съ мужемъ или отцомъ, она никогда не говорила о нихъ: ей было бы уже непріятно и больно слышать пренебрежительные отзывы отца, и она еще не знала, какъ отвѣтить на нихъ, потому что роль этого близкаго ей человѣка въ судьбѣ ея новыхъ друзей была еще такъ неясна для нея, что поднимала въ ея душѣ цѣлый рядъ мучительныхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Люба не скрыла отъ нея ни одного слова изъ разговора съ братомъ.

— Ты прости меня, Ольга! — просила дѣвушка, замѣтивъ, какъ она измѣнилась въ лицѣ.—Быть можетъ, мнѣ не надо было говорить о твоемъ отцѣ. Тебѣ тяжело... Я вижу, какъ тебѣ тяжело. Но я уже привыкла быть откровенной съ тобой, и мнѣ хотѣлось, чтобы ты поняла, почему Игнатій отказывается отъ помощи и даже боится, чтобы мама не узнала о предложеніи дяди. Пойми, что я не знаю ничего... Мама никогда не жаловалась, никогда даже не разсказывала чего-либо, что̀ служило бы прямымъ обвиненіемъ дядѣ. Быть можетъ, Игнатій ошибается, Ольга. Быть можетъ, онъ не правъ!

— Утѣшаешь? — съ грустной улыбкой замѣтила Ольга.— Нѣтъ, не надо... Не говори больше ничего. Дай мнѣ самой все это обдумать...

Она подняла голову и долго глядѣла на Любу.

— Я думала, что я не люблю отца, т.-е., что я довольно равнодушна къ нему, — наконецъ задумчиво сказала она:—а знаешь ли, какая у меня мелькнула мысль, когда ты разсказывала о томъ, какъ онъ подалъ брату револьверъ? Мнѣ хотѣлось закричать тебѣ, что если онъ это сдѣлалъ, то поступилъ какъ герой!—что объяснить этого поступка людямъ, не дорожащимъ честью своего имени, нельзя! Они слишкомъ мелки, слишкомъ... ничтожны, чтобы его понять. Мнѣ хотѣлось сказать это, чтобы, на всякій случай, оправдать, обѣлить отца. Чтобы ты сразу поняла, что я—на его сторонѣ, а не на вашей. Значитъ, я люблю

его. И вотъ я не могла, Люба. И еслибы ты знала, какъ мнѣ больно, что я не могла! Я теперь знаю, что я люблю отца, и что, быть можетъ, мнѣ придется осудить его.

Она вздрогнула плечами и долго, задумчиво глядѣла въ уголъ комнаты, въ которой онѣ сидѣли. Анна Дмитріевна отдыхала рядомъ, и онѣ говорили въ полголоса.

— Какъ много, много живешь безсознательно,—едва слышно продолжала Ольга,—живешь, какъ впотьмахъ... Привыкаешь ко всему окружающему настолько, что перестаешь обращать на него вниманіе. И вдругъ почему-либо встрепенешься... И тебя поразитъ... поразитъ то, что̀ ты увидишь, какъ будто ты видишь это въ первый разъ. Вотъ, я сейчасъ думаю о себѣ. Я давно не думала о себѣ. А какъ сказала, что мнѣ придется осудить отца, подумала... И мнѣ странно стало... странно, что у меня самой такъ много дурного, неискренняго, безчестнаго въ жизни. Вѣдь я объ этомъ не помнила, Люба. Я забыла.

Люба бросила на столъ работу, которую держала въ рукахъ, и близко придвинулась къ подругѣ.

— Разстроила я тебя!—виновато сказала она.—Но видишь ли, Оля, зачѣмъ тебѣ мучиться необходимостью осудить? Какая необходимость? Зачѣмъ осуждать? себя или другихъ—это все равно! Если осудить больно, или странно, то, значитъ, и не надо. Значитъ, это несправедливо. Такъ по моему. Тебѣ двадцать-пять лѣтъ. Ты двадцать-пять лѣтъ любила и уважала отца, и вдругъ ты захочешь сразу перестать любить и уважать его. Развѣ это будетъ справедливо? Еслибы онъ не стоилъ любви и уваженія— ихъ бы не было. Значитъ, надо все это какъ-нибудь примирить. Если онъ виноватъ, если онъ совершилъ дурной поступокъ, то ты, все-таки, не забывай, сколько онъ сдѣлалъ хорошихъ. Вѣдь сдѣлалъ же? вѣдь ты знала, видѣла ихъ? Вотъ ты и прими ихъ тоже въ разсчетъ, и, понимаешь ли, насколько твой судъ тогда будетъ легче и справедливѣе? Не будетъ насилія надъ собой. Насилія во имя справедливости. А будетъ просто и легко. Такъ и для себя. Если ты не можешь искренно осудить себя, а осуждаешь свою жизнь, то, значитъ, все дурное—въ жизни, а не въ тебѣ...

Ольга съ удивленіемъ оглянулась на дѣвушку.

— Откуда это у тебя? Развѣ тебѣ уже приходилось думать надъ такими вопросами?

Люба покраснѣла и улыбнулась.

— Нѣтъ, Оля. Но это правда такъ. Это мамина теорія, и она столько разъ, столько разъ доказывала, что она вѣрна!..

Игнатій говоритъ, что при такихъ условіяхъ на всемъ свѣтѣ не найдется человѣка, который призналъ бы себя дурнымъ, а мама смѣется: „еще бы ты захотѣлъ гласной искренности! довольно съ насъ пока и тайной“. А я хотѣла сказать еще, Оля... Тебѣ странно, что у тебя много дурного въ жизни... Ты вѣдь такъ выразилась: „странно“... ты часто упоминаешь объ этомъ дурномъ и даже въ первое же наше свиданіе ты сказала: „я не выдержу вашей критики“... А вотъ я даже совсѣмъ не могу повѣрить въ это дурное. Значитъ, это какое-нибудь несчастіе. Значитъ, это не зависитъ отъ тебя.

Ольга тихо покачала головой.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я сама виновата во всемъ. Но это случилось какъ-то странно, нелѣпо. Начинаешь жить, видишь, какъ живутъ другіе, и начинаетъ казаться, что самое важное— это чтобы было какъ можно больше, больше счастья. А что̀ такое счастье—этого и не знаешь. Думаешь, что счастье—это полная беззаботность, веселье. Я и стала веселиться, какъ могла, какъ придется. Это было легко. Я молода, довольно красива, богата. Значитъ, все доступно. Надоѣло быть „выѣзжающей“ дѣвицей, и я рѣшила выйти замужъ. Жениховъ было много, на выборъ, а не нравился мнѣ серьезно никто. Вообще, мнѣ не нравятся наши мужчины, а въ особенности молодые люди. Вышла я за Аркадія, потому что онъ былъ красивѣе, изящнѣе другихъ... И вотъ, Люба, я только-что говорила, что живешь, долго живешь безсознательно—и вдругъ, неожиданно встрепенешься. Это случилось со мной послѣ свадьбы. До чего я затосковала, ты себѣ представить не можешь! Слѣжу глазами за Аркадіемъ, какъ онъ ходитъ, какъ ѣстъ, какъ передъ зеркаломъ прихорашивается, и думаю: „это мой мужъ! это мой мужъ“!.. Нѣтъ! тебѣ еще, конечно, не понять... Главное, что я никакъ не могла понять: зачѣмъ это я сдѣлала? зачѣмъ я вышла замужъ и должна теперь подчиняться волѣ чужого человѣка, исполнять его желанія, постоянно видѣть его передъ собой? А онъ былъ влюбленъ въ меня, или притворялся, что влюбленъ. Такъ мнѣ все это было противно!.. И вотъ я одинъ разъ какъ-то откровенно возмутилась... Нѣтъ, Люба, не могу я тебѣ разсказывать все подробно. Словомъ, меня осѣнила мысль, что мнѣ нѣтъ никакой надобности быть несчастной, что мужу очень нравится быть богатымъ человѣкомъ, а деньги—всѣ мои. Онъ тоже очень быстро догадался, въ чемъ дѣло, и я вернулась къ своему первому идеалу: веселиться! веселиться во что бы то ни стало! И тогда это было уже трудно. Все какъ-то надоѣло, казалось старо. Ухаживали

за мной не меньше, чѣмъ прежде, но надо, по крайней мѣрѣ, искренно увлекаться флиртомъ, чтобы онъ имѣлъ какой-нибудь интересъ. Вообрази, что мое самое горячее желаніе было увлечься. Я заранѣе рѣшила, что не буду стѣсняться ничѣмъ, какъ уже давно не стѣснялся Аркадій. Надъ словомъ „нравственность" я могла бы смѣяться до слезъ. И вѣдь никто не повѣрилъ бы, а мнѣ ничего не удалось... Я купила себѣ свободу и пользовалась ею, чтобы смѣяться надъ моими поклонниками, обманывать ихъ, устроивать имъ сюрпризы.

Ольга непріятно засмѣялась.

— И все время мнѣ хотѣлось мстить. Я знаю, что никогда никто меня не любилъ. Молодость прошла даромъ, зря. И теперь я знаю, что отдала кому-то, за что-то, самое дорогое, что̀ у меня было: мою чистоту, мое уваженіе къ самой себѣ. Ничего я не получила и все отдала. Да развѣ я знала, что больше всего надо беречь себя? Развѣ я подозрѣвала, что человѣкъ самъ себѣ такой строгій судья, что если пропало уваженіе къ себѣ,—пропало все! Ничѣмъ этого уже не исправишь и не искупишь...

Люба слушала подругу съ широко раскрытыми глазами.

— Бѣдненькая! любименькая!—тихо проговорила она, прикладываясь лицомъ къ ея плечу. — Нѣтъ, нѣтъ! ты слишкомъ строгій судья для самой себя.

Вдругъ она быстро подняла голову и стала тревожно прислушиваться.

— Ты не слыхала? мнѣ показалось... стонъ?

Обѣ насторожились, но въ сосѣдней комнатѣ все было тихо.

— Ей хуже?—шопотомъ спросила Ольга.

— Нѣтъ... Она не жалуется. Вчера вечеромъ мы съ ней долго играли въ дурачки. Она все ждала тебя и говорила о тебѣ. По вечерамъ ей лучше.

— Въ редакціи будешь?—немного спустя, спросила Каширцева и чуть-чуть усмѣхнулась. Вѣдь это завтра, кажется, этотъ торжественный чай?

— Да, завтра, — серьезно отвѣтила Люба.—Получила приглашеніе въ качествѣ сотрудницы. Игнатій даетъ мнѣ переводы или маленькія компиляціи. Пока мама больна и я не могу поступить на курсы, я рада и этой работѣ.

— Ты въ качествѣ сотрудницы, а я?—въ качествѣ чего я явлюсь туда?—со смѣхомъ спросила Ольга.

— Любаша!—позвалъ голосъ Анны Дмитріевны изъ сосѣдней комнаты. Дѣвушка вскочила и ушла.

„Зачѣмъ я все это разсказала Любѣ? — спрашивала себя

Ольга, разсѣянно разглядывая работу сестры. — И все, что я разсказала — правда. И я въ первый разъ сознала эту правду. А она... Она сказала мнѣ:—бѣдненькая! любименькая“!

Ольга бережно сложила работу, погладила ее рукой и удивилась, когда почувствовала, что по щекамъ ея льются слезы.

IX.

Къ десяти часамъ вечера всѣ приглашенные на редакціонный чай были въ сборѣ. Въ небольшихъ комнатахъ было накурено, тѣсно и шумно. Не хватало стульевъ, и мужчины присаживались на подоконники, на край стола. Длинный чайный стóлъ былъ накрытъ въ конторѣ, и хозяева вечера, главные сотрудники газеты, сами разносили стаканы, отыскивали дамамъ мѣста и угощали печеньемъ. Слышался неумолкаемый гулъ разговора, случайные возгласы и смѣхъ.

Больше всѣхъ суетился Иванъ Николаевичъ. Лицо его было красно, лоснилось отъ жара, но онъ не обращалъ никакого вниманія на свою наружность: крѣпко стискивалъ руки дамамъ, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, приглашая къ столу, уговаривалъ сплотиться, перезнакомиться другъ съ другомъ, не ожидая оффиціальныхъ представленій.

— Мы всѣ здѣсь дѣти одной семьи,—говорилъ онъ.

— А гдѣ же отецъ? патронъ?—спрашивали его.

— Да, вообразите: еще нѣтъ. Но онъ непремѣнно будетъ, и Алевтина Владиміровна тоже.

Ольга и Люба сидѣли рядомъ и съ любопытствомъ оглядывали присутствующихъ. Черезъ столъ сидѣла полная, пожилая женщина съ коротко-остриженными волосами и, не обращая ни на кого вниманія, съ серьезной дѣловитостью ѣла печенье и запивала его большими глотками чаю съ лимономъ. Когда чай былъ выпитъ, она отодвинулась отъ стола и закурила папиросу.

За ея спиной, у окна, стояла группа мужчинъ. Всѣ они о чемъ-то спорили, дѣлая рѣзкія движенія руками и постоянно перебивая другъ друга, такъ что почти всѣ говорили вмѣстѣ и никто никого не слушалъ. Одинъ старикъ, сутулый, съ улыбающимся, словно злорадствующимъ лицомъ и нервно вздрагивающей головой, вцѣплялся собесѣднику одной рукой за бортъ пиджака, а другой дѣлалъ передъ его лицомъ самые неожиданные жесты, и голосъ его, рѣзкій и визгливый, покрывалъ всѣ остальные голоса, въ особенности тогда, когда онъ начиналъ неожиданно хохотать.

Ты здѣсь никого не знаешь?—спросила Ольга.

Почти никого,—отвѣтила Люба.—Игнатій познакомилъ вонъ съ тѣмъ... который сидитъ на окнѣ и куритъ. Но ыло интересенъ. Я забыла его фамилію. Потомъ, здѣсь ымниковъ. Знаешь? извѣстный беллетристъ! Я очень люблю эсказы. Онъ сейчасъ здѣсь сидѣлъ... Въ мягкой рубашкѣ точками и сѣренькомъ пиджакѣ. У него такое доброе и, съ тѣмъ, насмѣшливое лицо. Тотъ, который визжитъ, илософъ, Никишинъ. А эта дама въ шолковомъ платьѣ, кая... съ взбитой прической—это писательница Бѣлова. За саживаетъ какая-то будущая знаменитость. Я знаю, что детъ знаменитостью, потому что онъ мнѣ это самъ ска- Посмотри, до чего онъ ломается! Игнатій говоритъ, что всѣ начинающіе писатели—именно въ этомъ родѣ. Они ѣютъ терпѣнія дождаться, когда прославятся, и держать акъ, какъ будто уже давно прославились, но снисходи- извиняютъ тѣхъ, кто этого не зналъ. Мнѣ нравится Суд- Она недавно здѣсь, и Иванъ Николаевичъ втянулъ ее въ турную работу. Она теперь даже завѣдуетъ какимъ-то мъ въ газетѣ.

ександра Иларіоновна точно почувствовала, что говорятъ встала съ дивана, гдѣ она бесѣдовала съ Иваномъ Ни- вичемъ, и подошла къ Любѣ.

Горяиновы пріѣхали!—сообщила она.

Да гдѣ же они? Я ихъ не видала, — удивилась Люба.

Сейчасъ вошли въ переднюю... Я видѣла... оттуда.

а указала на диванъ и на полуоткрытую дверь въ при-

въ ту же минуту эта дверь широко раскрылась, и въ ком- юшла Алевтина Владиміровна, розовая, свѣжая, въ скром- изящномъ платьѣ. За нею шелъ ея мужъ, редакторъ га- высокій, широкій въ плечахъ, неувѣренный, какъ будто ій въ движеніяхъ. Въ его волосахъ уже замѣтно серебря- ѣдина, но лицо было еще совсѣмъ молодое, съ крупными, ыми чертами, съ двуми рядами бѣлыхъ зубовъ, которые его улыбку замѣчательно привлекательною. Онъ постоянно алъ стекла пенснэ, щурясь и подергивая мускулами лица, увидалъ группу спорящихъ мужчинъ и съ неожиданной отой движеній, бокомъ, проскользнулъ за спиной жены прямо мъ.

иевтину Владиміровну окружили и привѣтствовали на всѣ Она улыбалась, протягивала руку ладонью внизъ, вытяги-

валась, изгибалась станомъ и бросала во всѣ стороны короткія, отрывистыя фразы.

— И вы здѣсь, дорогая? — А съ вами я и разговаривать не хочу. — Да! я сердита.—Кто сказалъ, что я не умѣю сердиться?

Она разговаривала со всѣми сразу, и можно было думать, что она не видитъ никого,—такъ неуловимо и быстро скользилъ ея взглядъ, отыскивая кого-то среди знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ. Этотъ взглядъ никогда не останавливался на тѣхъ, съ кѣмъ она говорила, и никогда не соотвѣтствовалъ ни ея словамъ, ни ея улыбкѣ. Никто не могъ бы опредѣлить его преобладающаго выраженія, и только иногда онъ становился до такой степени краснорѣчивымъ, что сомнѣваться въ его значеніи было невозможно.

Алевтина Владиміровна увидала Игнатія, который тоже глядѣлъ на нее, стоя въ дверяхъ сосѣдней комнаты; она сдѣлала ему рукой знакъ; и онъ подошелъ, лѣниво, какъ бы нéхотя передвигая ноги.

— А Ольга... Ольга Ѳедоровна?—спросила она тихо, и ея взглядъ опять только скользнулъ по лицу Игнатія и устремился въ сторону.

— Она здѣсь,—отвѣтилъ онъ.—Ваше приказаніе исполнено.

Онъ покривилъ ротъ, стараясь изобразить улыбку, и направился къ Ольгѣ, которая сидѣла спиной къ Алевтинѣ Владиміровнѣ и такъ внимательно глядѣла на ея мужа, какъ будто она была почему-то удивлена видѣть его.

— Ольга Ѳедоровна! — окликнулъ Игнатій. Но ему уже больше не пришлось говорить... Каширцева едва успѣла повернуть голову, какъ Алевтина Владиміровна слегка отстранила его и съ обворожительной улыбкой протянула ей обѣ руки.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я рада! какъ мнѣ хотѣлось познакомиться съ вами! — отрывисто, какъ бы читая каждую фразу, говорила она.—Я видѣла васъ въ театрѣ. Мы сидѣли рядомъ въ ложахъ. Я сразу рѣшила, что мы должны познакомиться. Должны!

Ольга немного удивилась, но отдала свои руки въ полное распоряженіе Горяиновой, и сейчасъ же замѣтила, что ея новая знакомая одѣта, причесана и даже подкрашена съ большимъ искусствомъ.

— У меня есть замѣчательная способность: я узнаю людей съ перваго взгляда,—продолжала Алевтина.—Вы не вѣрите? Я сейчасъ же чувствую, съ кѣмъ я могу сойтись и съ кѣмъ не

могу. Вы не замѣчали, что теперь мало интересныхъ людей? Я хотѣла бы всѣхъ ихъ собрать въ тѣсный, дружный кружокъ. Сегодня у насъ первый опытъ. Вы увидите, до чего будетъ интересно и весело. Я сразу угадала въ васъ „нашу". Вы теперь доказали это. Вы не отказались придти въ нашу лачугу.

Неожиданно она выпустила руки Ольги, разсѣянно оглянулась и стала обходить столъ, останавливаясь и разговаривая съ гостями. Ольга даже почувствовала легкую неловкость, взглянула на Любу и пожала плечами.

Черезъ нѣкоторое время Алевтина подвела къ Ольгѣ своего мужа.

— Я разрѣшила ему за вами ухаживать,—сказала она.— Онъ прикомандировывается вашимъ кавалеромъ на весь вечеръ. Сейчасъ будутъ звать къ закускѣ, и я иду просить Вѣру Бѣлову, чтобы она сказала рѣчь. Мы всѣ, всѣ будемъ говорить рѣчи! Это такъ интересно!

— Чѣмъ же и какъ мнѣ занимать васъ?—спросилъ Горяиновъ. Но Ольга вдругъ почувствовала, что ей становится необычайно весело. Давно забытое, жизнерадостное настроеніе охватило ее. Она съ лукавой усмѣшкой взглянула въ красивые близорукіе глаза своего собесѣдника, и точно убѣдившись, что они выражали именно то, чего она ждала или хотѣла, она весело засмѣялась и отвѣтила:

— Я надѣюсь, что мы не будемъ скучать.

Не скучалъ, повидимому, въ этотъ вечеръ никто. Какъ только завязывался какой-нибудь серьезный или дѣловой разговоръ, Алевтина Владиміровна начинала горячо протестовать:

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! Мы сегодня собрались веселиться... Мы знаемъ, что мы всѣ здѣсь очень умные люди, но надо и умнымъ людямъ отдохнуть. Неужели мы уже разучились просто болтать, смѣяться?

Бѣлова томно закатывала глаза, шевелила ручками и загадочно улыбалась.

— Печаль души исключаетъ смѣхъ,—говорила она.—Я вижу здѣсь много, много печальныхъ душъ...

Закусывать позвали въ сосѣднюю комнату. Мужчины столпились у столика съ водками и винами. Они выпивали сами и упрашивали выпить своихъ дамъ.

— Ну, что̀ вамъ сто̀итъ? одну рюмочку...

Горяинова подала примѣръ и налила себѣ рюмку мадеры. Ей зааплодировали, закричали: „браво"! Бѣлова печально попросила англійской горькой.

— Рѣчи! рѣчи!—требовала Алевтина, хлопая въ ладоши.— И чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше!

Будущая знаменитость, которая ухаживала за Бѣловой, приняла это приглашеніе въ буквальномъ смыслѣ. Выйдя на середину комнаты и откашлявшись, знаменитость подняла рюмку надъ головой. Стало очень тихо.

— Господа!—началъ ораторъ слишкомъ громкимъ и торжественнымъ голосомъ. — Впрочемъ, я не такъ сказалъ... Слово: „господа"—устарѣвшее, опошлившееся обращеніе... Среди людей интеллигентныхъ этимологическое значеніе его...

— Безъ этимологіи!

— Къ дѣлу!

— Скучно!—послышались возгласы изъ публики.

— Братья! — взываетъ снова будущая знаменитость. — Настало, наконецъ, время, когда одинокая душа человѣка... когда порабощенный, удрученный духъ человѣка... Я вижу новую зарю...

— И-и, батенька, хватили! До зари еще далеко! — ласково, нараспѣвъ, поправилъ его Дымниковъ. — Запутались немножко, вылѣзайте на торную дорожку: „Выпьемъ, десвать, братья! Выпьемъ! Ур-ра"!

Послышался смѣхъ; но будущая знаменитость, хотя и покраснѣвъ отъ досады, не смѣетъ обидѣться на Дымникова, и когда тотъ добродушно протянулъ свой стаканъ, чтобы чокнуться съ нимъ, молодой писатель быстро подскочилъ къ нему и радостно улыбнулся.

— Пусть говоритъ Дымниковъ! Слово за Дымниковымъ! — кричали дамы.

— А вы прекрасно начали! — бросая томный взглядъ на своего кавалера, одобрила Бѣлова.—Мы, дѣйствительно, одиноки. Нашъ духъ удрученъ... Въ жизни столько скорби!..

— Тише! Дымниковъ говоритъ!

Тотъ уютно сидѣлъ около столика съ бутылками и курилъ папиросу.

— Разскажу я вамъ свой первый шагъ на литературномъ пути,—улыбаясь, началъ онъ.—Былъ я мальчёнкой—въ драныхъ штанишкахъ бѣгалъ. А ужъ и тогда—только увижу клочокъ бумаги и карандашъ, такъ меня и потянетъ воспользоваться случаемъ и написать какую-нибудь ерунду. Мать экономкой въ богатомъ домѣ жила, а я около нея обивался. Разъ послала она меня въ кабинетъ хозяина. Онъ по утрамъ у себя кофе пилъ, а мать одной серебряной ложечки досчитаться не могла. Значитъ, посмотрѣть, не осталась ли ложечка. Пошелъ. Въ каби-

нетѣ—никого, а на самомъ виду, на столѣ—листъ бумаги и тутъ же карандаши, перья... Почувствовалъ я приливъ вдохновенья, присѣлъ и написалъ четверостишіе:

„Томлюся я и отдыха не знаю,
Болитъ моя усталая душа.
Я утро зимнее въ слезахъ встрѣчаю
И думаю: какъ жизнь нехороша"!

Только успѣлъ написать, слышу — бѣжитъ мать. Я перевернулъ листокъ и полѣзъ подъ столъ, будто ищу ложку... Вечеромъ меня выпороли. Оказалось, что я излилъ свою гражданскую скорбь на докладѣ министерства о пользѣ разведенія рогатаго домашняго скота. Я понялъ, что это не всегда кстати.

Всѣ засмѣялись и стали апплодировать. Алевтина Владиміровна заявила, что она въ восторгѣ. Бѣлова съ негодованіемъ пожимала плечами.

— И, главное, вѣдь это даже неправда!—увѣряла она.— Его мать никогда не была экономкой. Онъ все это выдумалъ. И при чемъ тутъ домашній рогатый скотъ? Какъ это неизящно!

Иванъ Николаевичъ подошелъ къ Любѣ и протянулъ ей руку.

— Вы уѣзжаете?—удивилась дѣвушка.

— Нѣтъ, я хочу пожать вашу руку. Вы — хорошій человѣкъ.

Люба пристально взглянула на него и испугалась. Она подала руку, но лицо ея стало серьезно и печально.

Иванъ Николаевичъ отошелъ жать руку Судковой, а Люба отыскала глазами Игнатія, который стоялъ одинъ, въ сторонѣ, и мрачнымъ, недружелюбнымъ взглядомъ слѣдилъ за Горяиновой.

— Игнаша!—тревожно сказала она:—послѣди за Иваномъ Николаевичемъ! Ты знаешь, мнѣ кажется, что онъ выпилъ лишнее. Это ужасно! Вѣдь это ему вредно. Это невозможно...

Игнатій усмѣхнулся.

— А шутъ съ нимъ! Что̀ онъ, младенецъ, что-ли, чтобы съ нимъ няньчиться?

— Но ты съ нимъ поговори. Напомни ему.

— Да съ какой стати? Манера у васъ, у бабъ, миндальничать, спасать... Не противно человѣку напиваться—пусть напивается. Вотъ его Александра Ларіоновна сейчасъ отчитывать будетъ. И ему это даже пріятно. Размазня!

Ольга и Горяиновъ сидѣли въ углу и весело, безъ умолку говорили.

— Какъ же это вамъ вздумалось купить газету?—спросила Ольга.

— Не мнѣ, а женѣ,—отвѣтилъ Юрій Сергѣевичъ.—Но теперь я согласенъ съ ней, что дѣло живое, интересное. Если прогоримъ, то все-таки будетъ о чемъ вспомнить. Но она у меня—молодецъ: чуткая, смѣтливая и осторожная.

— Но я слышала, что вы уже успѣли получить первое предостереженіе?

— Такъ это же было необходимо. Надо было зарекомендоваться публикѣ, доказать ей, что у насъ опредѣленное направленіе.

— Мнѣ совѣстно вамъ признаться... Я иногда читаю газеты, но мнѣ никогда не приходило въ голову вникать, какое у нихъ направленіе. Читаю—что̀ мнѣ интересно: о театрахъ, процессахъ, всякія мелочи. Вотъ мнѣ и кажется, что надо быть ужасно, ужасно умнымъ, чтобы имѣть направленіе. Какъ же это вы справились, если раньше вели только веселую жизнь, какъ вы сами разсказываете?

— А вообразите, что это совсѣмъ не такъ трудно. Я тоже раньше не сознавалъ въ себѣ не только никакого направленія, но и никакихъ мыслей и мнѣній. А онѣ, при надобности, оказались. Въ особенности мнѣнія. За нихъ я даже готовъ постоять. Да и образованіе мое мнѣ теперь пригодилось.

— А давно вы женаты?

Горяиновъ слегка смутился.

— Года три, четыре.

Оба почему-то весело засмѣялись.

— Первое время я очень робѣлъ передъ сотрудниками, — произнесъ Юрій Сергѣевичъ, возвращаясь къ первоначальной темѣ о газетѣ.—Я, вообще, вообразите, робкій, безхарактерный. Дѣло новое, подготовки никакой, а пишущіе люди — народъ строптивый, нервный, съ болѣзненнымъ самолюбіемъ. Но Тина, знаете... Она прямо дѣлала какія-то чудеса. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ это ей удалось всѣхъ такъ приручить, обуздать, усмирить. Да еслибы она еще всегда брала мягкостью, ласковостью. А то нѣтъ! Иногда такъ накричитъ! наговоритъ рѣзкостей, дерзостей. Ну, думаешь, пропалъ сотрудникъ! нажили себѣ врага! А врагъ блѣднѣетъ, теряется, дѣлается кроткимъ, покорнымъ. У нея это прямо удивительное умѣнье. Я объясняю это силой нравственнаго вліянія. Нравственная сила—это такое орудіе... Ахъ, это она будетъ говорить!—вдругъ радостно объявилъ онъ.—Тина любитъ говорить. Послушаемъ, послушаемъ.

Алевтину Владиміровну почтительно п середину комнаты и окружили тѣснымъ ко

— Не видно! не слышно!—протестовали тѣ, которые остались сидѣть на своихъ мѣстахъ.

Кто-то подалъ ей стулъ, и она съ веселымъ смѣхомъ вскочила на него.

— Браво!—восторженно закричала публика.

Она высоко подняла голову и ждала, когда овація прекратится.

— Дорогіе друзья!—напрягая голосъ, заговорила она.—Намъ сегодня всѣмъ весело. Мы всѣ въ хорошемъ настроеніи духа. Когда люди веселы, они чувствуютъ себя счастливыми. Когда они счастливы, они добры. Я хочу надѣяться, что вы всѣ добры. Завтра въ газетѣ будетъ напечатана исторія одного бѣднаго студента, котораго исключили за невзносъ платежа. Оказалось, что въ настоящее время онъ лежитъ въ больницѣ, въ тифѣ. Когда онъ выздоровѣетъ, ему объявятъ, что онъ исключенъ, и выгонятъ его на улицу. Мы просили добрыхъ людей придти на помощь несчастному, дать ему возможность жить, трудиться. Мнѣ хотѣлось бы прибавить внизу замѣтки: „редакція уже собрала между своими членами такую-то сумму рублей, но, къ сожалѣнію, она слишкомъ ничтожна, чтобы“...

Алевтина не кончила, легко соскочила со стула и, схвативъ съ окна чью-то шапку, подошла къ своему мужу и поклонилась.

Онъ засуетился и бросилъ въ шапку какую-то монету. Горянова остановилась передъ Ольгой.

— Я вамъ пришлю! — прошептала Кашпрцева. — Со мной слишкомъ мало.

— Нѣтъ! позвольте мнѣ пріѣхать за этимъ?—такъ же тихо отвѣтила Алевтина.—Позволяете? да?

Она пошла дальше.

— Господа!—закричалъ Иванъ Николаевичъ и стремительно выбѣжалъ на середину комнаты.—Алевтина Владиміровна—хорошій человѣкъ! Она жалѣетъ ближняго. Она жалѣетъ страдающаго. Будемъ ей за это благодарны! Но я хотѣлъ сказать вамъ—есть люди, которыхъ никто не жалѣетъ и которымъ никто не помогаетъ. Есть люди, которые самой судьбой обречены на смерть. Это—рабочіе на сталелитейныхъ заводахъ. Мой отецъ и мой братъ умерли на этой работѣ. Когда умеръ мой братъ, котораго я любилъ, я сталъ пить...

Голосъ его задрожалъ и прервался.

— Эхъ, Ваничка! вспомнилъ!—ласково и любовно замѣтилъ Дымниковъ.

— Я сталъ пить... —повторилъ Модестовъ и заплакалъ.

— А я думалъ, что онъ поповскаго происхожденія,—равнодушно удивился кто-то.

— Его дѣдъ былъ попъ,—пояснилъ сосѣдъ.

— Не плачь, Ваня!—уговаривалъ Дымниковъ, уводя Ивана Николаевича въ редакціонную. — Вотъ у меня братъ не умеръ, а я тоже пью.

Люба подошла къ Игнатію и ухватилась за его руку холодной, дрожащей рукой.

— Поѣдемъ!—просила она:—Игнаша! поѣдемъ домой!

На другой день Иванъ Николаевичъ не пошелъ въ редакцію, а ходилъ по всѣмъ своимъ знакомымъ и разсказывалъ, что у него умеръ братъ.

— Вы понимаете,—съ дрожью обиды и негодованія въ голосѣ говорилъ онъ:—ужасенъ не самый фактъ смерти, а то, что онъ неизбѣжно, неминуемо долженъ былъ умереть. Какъ дрова топятъ печь, такъ люди поддерживаютъ своими жизнями существованіе этихъ проклятыхъ фабрикъ и заводовъ. И дрова, и люди, сгораютъ, уничтожаются. И такое положеніе вещей считается нормальнымъ. Заводчики и фабриканты богатѣютъ. И они будутъ богатѣть и процвѣтать до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ есть люди, которыхъ нужда загоняетъ въ ихъ жадныя лапы. Отчего не закроютъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ? Если они держатся цѣной человѣческой жизни, ихъ не должно существовать! Народъ не нуждается въ фабричныхъ издѣліяхъ. Кому же приносятся эти человѣческія жертвы? Опять—богачамъ? Но какъ же это, позвольте? за что? Жизнь священна! жизнь неотъемлема! Это признаетъ законъ. Отчего же законъ не караетъ богачей, фабрикантовъ, заводчиковъ? Кто подниметъ голосъ за бѣдняка?

Потомъ онъ стихалъ и начиналъ дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Я слабъ...—признавался онъ.—Я очень слабъ. И я теперь пьянъ. Когда я протрезвлюсь, я кликну кличъ. Я долженъ это сдѣлать, потому что „они“ мнѣ велятъ. Знаете, кто „они“. Это—цѣлое сонмище несчастныхъ, загубленныхъ. Вы не видите ихъ? Но вѣдь души ихъ здѣсь, кругомъ... Они взываютъ къ справедливости. Они оплакиваютъ свои жизни. Я изъ нихъ, и я долженъ имъ помочь. Они не дадутъ мнѣ покоя, пока я не встану на ихъ защиту. О, еслибы вы знали, на какое великое, пре-

красное дѣло я призванъ! Я тоже отдамъ жизнь. Но не даромъ... Не въ жертву кровопійцамъ. Это будетъ великій переворотъ. Второе освобожденіе отъ рабства, отъ ига счастливыхъ міра сего. Но сейчасъ я пьянъ. Я откровенно признаюсь—я пьянъ...

Кончалось тѣмъ, что онъ начиналъ плакать.

— Это ничего!—виновато шепталъ онъ.—Простите... Я несчастливъ. Жизнь мнѣ мачиха. Я никогда не зналъ ни ласки, ни любви, ни участья. Я любилъ своего брата, который все-таки заботился обо мнѣ и вывелъ меня въ люди; но братъ умеръ. И у меня такъ одиноко на душѣ, что когда человѣкъ ласково взглянетъ на меня, мнѣ хочется плакать. Когда я не пьянъ, я не плачу и молчу. Я—какъ нищій, который слишкомъ гордъ, чтобы просить, и поэтому никто не видитъ, никто не замѣчаетъ, что онъ умираетъ съ голоду. Но нѣтъ! я даже не гордъ. Я робокъ, неловокъ, я постоянно мучаюсь презрѣніемъ къ самому себѣ. Я молча, я... напряженіемъ всего своего существа... вымаливаю у людей немного тепла, немного снисхожденія. Но они всѣ заняты. Имъ не до меня. И это мнѣ подѣломъ, потому что я долженъ понимать только одно свое призваніе. Потому что я долженъ идти на муку, на личную гибель за своихъ, загубленныхъ, замученныхъ, а не искать личнаго счастья.

Потомъ онъ вскакивалъ и поспѣшно откланивался, улыбаясь и потирая руки. Мучительный стыдъ искажалъ его заплаканное лицо, а онъ старался казаться развязнымъ, веселымъ и улыбался, едва сдерживая слезы.

Такимъ образомъ онъ обошелъ нѣсколько домовъ и въ первый разъ попалъ къ Ольгѣ Каширцевой.

Она была одна. Немного возбужденная, блѣдная, съ блестящими глазами, она сперва радостно пошла на встрѣчу гостю, но съ первыхъ же его словъ поняла, въ чемъ дѣло, и немного растерялась. Все время, пока онъ сидѣлъ, она тревожно оглядывалась кругомъ, часто, подъ разными предлогами выходила изъ комнаты и слѣдила за гостемъ изъ сосѣдней двери.

„Вотъ этотъ такъ одолжилъ! — думала она.—А если сейчасъ пріѣдетъ кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ? А если онъ, дѣйствительно, затѣваетъ какую-нибудь исторію? Онъ можетъ попасться, а потомъ узнаютъ, что онъ былъ у меня, и втянутъ меня въ скандалъ“?

Все-таки, она старалась быть любезной, радушной, но такъ обрадовалась, когда онъ вскочилъ, чтобы уходить, что у нея невольно вырвался вздохъ облегченія.

— А скажите мнѣ, — нерѣшительно спросила она, боясь

задержать гостя, но пользуясь его разговорчивостью и откровенностью, чтобы узнать то, что̀ ее занимало въ настоящую минуту.— Скажите... Юрій Сергѣевичъ вамъ нравится? Какъ онъ у васъ? Любятъ его? уважаютъ?

Иванъ Николаевичъ прислонился къ косяку двери и видимо съ трудомъ сообразилъ, о чемъ его спрашиваютъ. Его собственныя мысли слишкомъ властно занимали его.

— Ахъ, да... Юрій Сергѣевичъ. Редакторъ. Онъ—хорошій человѣкъ, Ольга Ѳедоровна. Онъ—простой человѣкъ.

— У васъ, кажется, всѣ хорошіе люди?—смѣясь, замѣтила Ольга.

— Нѣтъ! о, нѣтъ! Признаться вамъ? Алевтину эту я не люблю... Я, можетъ быть, виноватъ, а я ее не люблю. Она не простая. Она тонкая. Она вся изгибается. Вся. И тѣломъ, и душой. Вчера, вы слышали? Дымниковъ намекалъ о міровой скорби и о разведеніи рогатаго скота. Всѣ поняли. И Алевтина поняла и злилась. Міровая скорбь—это ея конекъ, и она набираетъ въ сотрудники молодежь, въ родѣ вчерашняго, который говорилъ первый и спутался. Міровая скорбь ей нужна для подписки. И у нея, и у нихъ, у этихъ жаждущихъ славы, она неискренняя. А настоящее ея дѣло, это—разведеніе... Конечно, это страшно грубо. Я чуть не ахнулъ, когда Дымниковъ... А Юрій Сергѣевичъ—простота! Онъ ничего не знаетъ, не видитъ и думаетъ, что его жена—святая.

Ольга широко раскрыла глаза.

— Неужели?—только спросила она.

— И этотъ тоже изъ нашихъ,—возвращаясь къ своей мысли, продолжалъ Иванъ Николаевичъ.—Его тоже, какъ нашихъ, принесутъ въ жертву, затопчутъ, замучатъ. А онъ—простой, чистый. Сколько имъ надо жертвъ! За каждое удовольствіе, за каждый нарядъ, за каждую низкую прихоть—все жертвы, жертвы...

Изъ квартиры Каширцевыхъ Иванъ Николаевичъ направился къ Воронинымъ, разсчитавъ, что Игнатій уже долженъ быть въ редакціи. Встрѣчаться съ нимъ ему не хотѣлось. Путь предстоялъ долгій, но Модестовъ не взялъ извозчика, шелъ пѣшкомъ и одинъ разъ завернулъ отдохнуть и подкрѣпиться въ трактиръ.

Анна Дмитріевна и Люба сидѣли въ столовой и пили чай.

— Что̀, голубчикъ? или празднуете?—спросила Анна Дмитріевна, когда Иванъ Николаевичъ поздоровался и сѣлъ.

— Праздную!—съ виноватой улыбкой отвѣтилъ онъ и покосился на Любу, которая избѣгала глядѣть на него и сидѣла съ опущенными глазами.

— Эхъ! видно, каждому человѣку надо на чемъ-нибудь душу отвести,—ласково замѣтила Анна Дмитріевна.

У гостя задрожали и передернулись губы.

— Ну, ну! пустяки!—продолжала она.—Все пройдетъ. Все проходитъ. И хорошее, и дурное. Чаю теперь не будете пить?

— Нѣтъ! — отрывисто отвѣтилъ онъ и опустилъ голову на руки.

— Любовь Степановна на меня и смотрѣть не хочетъ!

Анна Дмитріевна отрывисто засмѣялась.

— Господи! вотъ горе-то нашли! Слышишь, Люба? Да вѣдь вамъ стыдно будетъ, Иванъ Николаевичъ, если на васъ теперь смотрѣть будутъ. Другой даже хвастается, когда выпьетъ: ишь, молъ, какой я молодецъ! А вѣдь вы совѣстливый, скромный. Хотите, я вамъ скажу, зачѣмъ вы пришли? Вы затѣмъ и пришли, чтобы васъ побранили, посовѣстили, разговорили бы вашу дурь.

Модестовъ молчалъ. Анна Дмитріевна лукаво подмигнула дочери и протянула руку черезъ столъ.

— Пьяненькій, что маленькій,—сказала она,—что его бранить? Голубчикъ! вѣрите вы мнѣ, что я васъ очень люблю? Ну, вотъ вы мнѣ и разскажите: что̀ такое съ вами приключилось? съ чего это вы такъ? Мы это и обсудимъ здѣсь втроемъ... съ Любой... которая, видите, у насъ совсѣмъ глупенькая, и поэтому собирается заплакать. Она, знаете ли, какъ и вы, думаетъ, что это нивѣсть какой ужасъ, что вы пьяны. А ужаса никакого нѣтъ. Просто глупо. А какой же человѣкъ не дѣлаетъ глупостей?

— Да, если бы только глупость!—звенящимъ голосомъ воскликнула Люба.—А зачѣмъ онъ себя губитъ? Зачѣмъ онъ... А потомъ опять будетъ презирать себя, казнить. Вѣдь это унизительно, мама, а я не хочу, чтобы онъ унижался. Это мнѣ больно.

— Ну, что̀ же вы на это скажете, Иванъ Николаевичъ? Она говоритъ, что ей больно. Вотъ что̀, Люба... Мы ему такъ и объявимъ: если онъ любитъ насъ, жалѣетъ, то пусть ужъ это будетъ въ послѣдній разъ. И пусть завтра же за дѣло. А что мы его любимъ и жалѣемъ, это уже ясно, потому что намъ за него больно. А этотъ послѣдній разъ мы теперь простимъ. Можетъ быть, онъ не зналъ, что мы его любимъ и жалѣемъ? Можетъ быть, если бы онъ это зналъ, онъ пришелъ бы къ намъ не сегодня, а раньше, и разсказалъ бы намъ, что у него нехорошо на душѣ, что его обидѣли или огорчили... А онъ думалъ, что ему не къ кому пойти, а одному стало трудно, не въ моготу. Да что̀ же это вы все молчите, Иванъ Николаевичъ? Или я ошибаюсь? или все это не такъ?

Модестовъ поднялъ голову, удивленно поглядѣлъ на мать и дочь и провелъ рукой по лбу.

— Это вы все мнѣ говорили?—неувѣренно спросилъ онъ.— Мнѣ? жалкому, смѣшному, пьяному человѣку? Да знаете ли вы!.. Да если бы я умѣлъ вамъ выразить!.. Видите, у меня все прошло. Отъ счастья. Оттого, что вы меня такъ потрясли, такъ тронули...

Онъ взялъ ея руку, и бережно, съ восхищеннымъ удивленіемъ лаская ее своими большими, грубыми руками, онъ нѣжно, умиленно улыбался и говорилъ:

— Какая она! маленькая, хрупкая... бѣленькая ручка! Совсѣмъ слабенькая, совсѣмъ безсильная...

Анна Дмитріевна смѣялась.

— Люба! чтò съ нимъ? Ты не думаешь, что онъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ?

Люба встала, обвила руками шею матери и прижалась щекой къ ея щекѣ.

— Поговори съ нимъ еще. Пусть онъ обѣщаетъ! Я, мама, не могу вынести, когда онъ такъ унижаетъ себя,—шептала она.— Ты ему, мама, скажи, что не ему, доброму, мягкому, любящему, идти на это страшное дѣло... мести. Вѣдь онъ о немъ думалъ, когда вышелъ! Ему опять чудились его духи. Онъ мнѣ говорилъ о нихъ. Я знаю. Но ты скажи, что лучше отрѣшиться отъ подвига, чѣмъ мучиться имъ и только пить... унижаться. Лучше... позволить себѣ быть счастливымъ, чѣмъ всю жизнь тосковать о счастьѣ и... пить... унижаться...

Иванъ Николаевичъ неожиданно бросилъ руку Анны Дмитріевны и поднялъ голову. Лицо его сильно поблѣднѣло.

— А если не отказываться ни отъ чего? ни отъ мести, ни отъ счастья?—тоже шопотомъ отвѣтилъ онъ.—Заслужить счастье и взять его? Вотъ тогда уже не надо будетъ ни пить, ни унижаться.

Люба молча, печально покачала головой.

— Да, да... — сообразилъ онъ и болѣзненно улыбнулся.— Какая прекрасная, лучезарная и нелѣпая мечта! Когда я заслужу свое счастье, поздно будетъ пользоваться имъ. Въ одномъ случаѣ—невозможно, въ другомъ—поздно...

Анна Дмитріевна привлекла къ себѣ дочь и въ свой чередъ нѣжно, точно пугливо обняла ее.

— Какъ же быть, дѣти?—спросила она. И такъ какъ оба молчали, она тихо прибавила:

— Все будетъ хорошо, если будетъ такъ, какъ намъ велитъ наша совѣсть.

X.

Аркадію Васильевичу часто приходилось думать о томъ, что его финансовыя дѣла далеко не въ порядкѣ. Его послѣднее увлеченіе стоило ему очень дорого; кромѣ того, ему не везло, и онъ проигрывалъ въ клубѣ крупныя суммы. Онъ занималъ, выдавалъ векселя, но хотя онъ и былъ увѣренъ, что жена или тесть заплатятъ его долги, на душѣ у него было неспокойно.

Въ послѣднее время онъ сталъ замѣчать, что Ольга сильно перемѣнилась: она стала веселѣе, мягче и даже какъ будто моложе и красивѣе. Мать уже нѣсколько разъ предупреждала его, что „il y a du nouveau", и онъ былъ увѣренъ въ этомъ уже потому, что хорошо изучилъ настроенія Ольги и ея размягченный, почти ласковый тонъ, когда въ ея сердцѣ вспыхивала новая надежда на личное счастье. Онъ хорошо былъ освѣдомленъ и о появленіи новаго элемента въ обществѣ жены, и сейчасъ же рѣшилъ, что она ведетъ на этотъ разъ не пустую свѣтскую интрижку, которыя, онъ это прекрасно зналъ, кончались всегда разочарованіемъ и приступомъ тяжелой тоски... Происходило что-то новое, серьезное и настолько необычное, что требовало необычнаго вниманія, чтобы воспользоваться всѣми выгодами положенія оскорбленнаго мужа. Впрочемъ, Аркадій никогда не думалъ, что „пользуется выгодами". Ему всегда очень нужны были деньги, и онъ доставалъ ихъ, гдѣ могъ и когда могъ. Еслибы ему сказали, что онъ эксплоатируетъ поведеніе жены, онъ счелъ бы себя очень оскорбленнымъ и даже, быть можетъ, потребовалъ бы удовлетворенія. Такъ же горячо всталъ бы онъ и на защиту чести жены, и сдѣлалъ бы это вполнѣ искренно, такъ какъ нисколько не сомнѣвался, что его доброе имя—внѣ всякихъ сомнѣній и нареканій.

Настасья Петровна, въ свой чередъ, суетилась и волновалась.

— Chéri! я узнала навѣрно... Это цѣлая шайка... Une bande, quoi! У нихъ газета. Конечно, это только предлогъ.

— Какой предлогъ?

— Mais... очень просто! Они будутъ выманивать у Ольги деньги на газету. Недавно ее видѣли въ этомъ обществѣ зà городомъ. Je trouve, moi, que c'est tout à fait compromettant!

— Вздоръ!—съ умышленнымъ равнодушіемъ возражалъ Аркадій.—Я самъ познакомился съ madame Горяиновой: изящная, обаятельная женщина, вполнѣ порядочная. Ея мужъ—издатель-

редакторъ газеты, тоже вполнѣ порядочной,—той самой, въ существованіи которой вы, кажется, сомнѣваетесь.

Онъ насмѣшливо усмѣхался, и мать понимала, что онъ знаетъ больше, чѣмъ она, и терзалась подозрѣніемъ, что онъ замышляетъ какимъ-то образомъ провести ее. Ей всегда казалось, что сынъ обманывалъ ее и поступалъ въ высшей степени недостойно, если не давалъ ей денегъ тогда, когда онѣ у него были. Такое притязаніе начинало сильно раздражать Аркадія.

— Ольга становится серьезной женщиной,—заявилъ онъ.— Она заинтересовалась литературой, искусствами и будетъ принимать у себя выдающихся людей. Это теперь въ модѣ, вы знаете. Когда человѣкъ чѣмъ-нибудь замѣчателенъ, on lui passe и его происхожденіе, и его внѣшность.

Длинное лицо Настасьи Петровны вытянулось еще больше, и на немъ появилось выраженіе полной растерянности.

— Однако, ее видѣли за городомъ, въ ресторанѣ...

— И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго... Madame Горянова очень любитъ повеселиться и... я теперь припоминаю.. Ольга передавала мнѣ ея приглашеніе ѣхать съ ними на тройкахъ. Къ сожалѣнію, въ этотъ вечеръ я не могъ, я былъ занятъ.

— Но почему Ольга даже не бываетъ у отца?—вдругъ вспомнила Настасья Петровна.—Я встрѣтила его какъ-то, и онъ разспрашивалъ, когда я видѣла его дочь, здорова ли она? Говорилъ, что заѣзжалъ два раза и не засталъ, и что она давно, уже нѣсколько дней, не была у него.

Ольга, дѣйствительно, не была у Ѳедора Ѳедоровича съ тѣхъ поръ, какъ Люба передала ей отказъ Игнатія принять денежную помощь для матери. Разсказъ Любы о смерти дяди Степана подѣйствовалъ на нее сильнѣе, чѣмъ она ожидала: она не могла забыть его. Она удивлялась, что Анна Дмитріевна никогда не жаловалась ей на Ѳедора Ѳедоровича и никогда не отзывалась о немъ съ горечью или злобой. Она негодовала на то, что отецъ такъ равнодушно относился къ участи такой женщины, какъ Анна Дмитріевна, ставилъ ей въ вину ея связь съ женатымъ человѣкомъ... И невольно это равнодушіе и нравственная щепетильность стали казаться ей подозрительными, и она скорѣе почувствовала, чѣмъ угадала, что отецъ ея виноватъ, что сознаніе этой вины ожесточаетъ его противъ своей жертвы и заставляетъ его быть несправедливымъ. Признать свою вину онъ не захочетъ никогда, ни за что, а только такое признаніе удовлетворило бы Ольгу и позволило бы ей, попрежнему, просто и хорошо относиться къ отцу. Ольга не умѣла и не хотѣла лгать

и притворяться. Она подлаживалась къ людямъ, когда интересовалась ими, или хотѣла понравиться имъ, но это была почти безсознательная, инстинктивная игра. Это было своего рода „исканіе себя". Когда что-либо рѣшительно не нравилось ей, или возмущало ее, она не могла этого скрыть, и теперь избѣгала встрѣчи съ отцомъ, чтобы хотя ненадолго отложить объясненіе съ нимъ и тѣ печальные результаты, которые она предвидѣла. Ей очень не хотѣлось въ настоящее время ни серьезныхъ разговоровъ, ни рѣшительныхъ поступковъ. Открытіе серьезной виновности отца камнемъ лежало на ея сердцѣ, но она все время старалась не думать о ней, заглушить ее тѣмъ теплымъ наплывомъ новыхъ, пріятныхъ впечатлѣній, которыя туманили ея голову и держали ее въ постоянномъ возбужденіи, какъ въ чаду. Отъ ея постоянной скуки не осталось и слѣда. Она ѣздила къ теткѣ, сидѣла у нея цѣлыми часами и, беззаботно болтая, чувствовала во всемъ своемъ существѣ пріятную, нѣжащую истому, какъ будто, послѣ долгихъ скитаній, нашла, наконецъ, пріютъ, отдыхъ и тепло. Она ѣздила по магазинамъ и внимательно приглядывалась ко всякой изящной, оригинальной новинкѣ... Она ходила по комнатамъ своей квартиры и оглядывалась на свое отраженіе въ зеркалахъ. Она брала книгу и, забывая перевертывать страницы, долго перечитывала одну и ту же, даже не стараясь вникнуть въ то, что̀ она прочла. Она собиралась въ театръ или концертъ... И все время она думала о томъ, что каждый день имѣетъ теперь для нея значеніе и цѣнность, что иногда она даже не можетъ предвидѣть минуты, когда вдругъ до ея слуха коснется знакомый, желанный звукъ голоса и передъ ней встанетъ высокая, статная фигура, блеснетъ радостной улыбкой рядъ ослѣпительныхъ зубовъ. Сердце ея сейчасъ же сильно забьется, она почувствуетъ, какъ ею овладѣваетъ глубокое волненіе, которое не позволяетъ ей вполнѣ сознавать свои слова, свои движенія. Она станетъ смѣяться, говорить, и не будетъ узнавать своего смѣха, своего голоса. Не станетъ дѣйствительности, а наступитъ какой-то сонъ на яву.

Только въ первый разъ испытывала она чувство страсти, и оно такъ неожиданно и сильно захватило ее, что она цѣнила въ немъ пока только новизну, только опьяненіе минуты, не заглядывая впередъ, не заботясь о томъ, что̀ оно можетъ готовить ей въ будущемъ.

Когда она вспоминала, какъ еще мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ Юріемъ Сергѣевичемъ на редакціонномъ чаѣ, ей становилось странно и смѣшно.

— Какъ же это случилось такъ скоро?—недоумѣвала она. —Развѣ это бываетъ? развѣ такъ должно быть?

Больше всего она боялась, что Люба замѣтитъ ея чувство, и заговоритъ съ ней о немъ.

Но Люба ничего не говорила. Она очень безпокоилась о здоровьѣ матери, которая не жаловалась ни на что, но видимо слабѣла съ каждымъ днемъ и почти не вставала съ постели. У нея была еще и другая забота. Каждый разъ, какъ Игнатій возвращался изъ редакціи, она встрѣчала его тревожнымъ, словно молящимъ взглядомъ.

— А Иванъ Николаевичъ былъ?—робко спрашивала она.

— Нѣтъ!—отрывисто отвѣчалъ Игнатій.

XI.

Алевтина Владиміровна увѣряла, что очарована Ольгой такъ сильно, что не можетъ прожить безъ нея ни одного дня. Когда она не пріѣзжала сама, она присылала ей записки, билеты, или мужа, которому поручалась какая-либо особенно важная миссія. Нѣсколько разъ ей уже случалось обращаться къ новому другу съ разными просьбами. Оказалось, что она играетъ на биржѣ. Она просила навести кое-какія справки у Ѳедора Ѳедоровича. Позже, она шутливо попросила Ольгу познакомить ее съ старикомъ Воронинымъ и затѣмъ, уже совершенно неожиданно, выразила горячее желаніе встрѣтиться съ Настасьей Петровной.

— Никакого удовольствія вы не получите! — смѣясь, предупредила ее Ольга.

— Это совершенно невѣрный взглядъ на значеніе новыхъ знакомствъ,—серьезно отвѣтила Горяинова. —Встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ, какъ вы—случай чрезвычайно рѣдкій. Однако, мнѣ удалось и это. И знаете почему? Потому что я интересуюсь людьми вообще. Я расширяю кругъ своихъ знакомствъ все больше и больше... Я не щажу ни времени, ни силъ, чтобы ближе и лучше узнавать людей, сходиться съ ними, вникать въ ихъ жизнь, въ ихъ интересы. Это не только пріятно, но и поучительно, а главное, дорогая... Признаюсь вамъ, я не могу понять, какъ это люди живутъ въ одномъ городѣ, въ одномъ домѣ, сталкиваются, встрѣчаются и остаются чужими, равнодушными другъ къ другу? Нельзя такъ жить! нельзя! Оттого намъ и плохо живется, оттого мы и одиноки, и несчастны, что мы всѣ врозь, всѣ избѣгаемъ другъ друга. Свой тѣсный, маленькій кружокъ

дѣлаетъ человѣка неотзывчивымъ, эгоистичнымъ. Гдѣ ему понять какую-нибудь нужду, горе или душевную немощь, если онъ сегодня винтитъ съ друзьями, завтра ужинаетъ съ ними же въ ресторанѣ или, для разнообразія, опять съ ними же закладываетъ банчишку. Вы замѣтили, что близкіе, очень знакомые вамъ люди перестаютъ реагировать на вашу душу? Кончается тѣмъ, что ихъ семейныя дѣла интересуютъ васъ гораздо больше, чѣмъ ихъ душевное состояніе. Нѣтъ, дорогая! чтобы знать, чтобы любить людей, чтобы научиться вліять на нихъ, помогать имъ, надо непремѣнно знать ихъ много, много!

Ольга не дѣлала себѣ особенныхъ иллюзій насчетъ Алевтины Горяиновой, и она сейчасъ же сообразила, что если знать много, много людей и съумѣть воспользоваться этими знакомствами такъ, чтобы каждое оказало, среднимъ числомъ, двѣ-три цѣнныя услуги, то несомнѣнно, что жить окажется легче, проще и пріятнѣе.

„А онъ вѣритъ ей! и идеализируетъ ее! и считаетъ ее высокой и святой!“—думала она о Юріѣ Сергѣевичѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она встрѣтилась съ нимъ, она заговаривала о немъ со всѣми, кто его зналъ. И никто никогда не отзывался о немъ дурно. Даже Игнатій, не измѣняя своей кривой усмѣшки, говорилъ, что онъ считаетъ его прямымъ, искреннимъ человѣкомъ, не хватающимъ съ неба звѣздъ, но и не глупымъ по природѣ.

— Его главный недостатокъ—это безграничная довѣрчивость,—разсуждалъ онъ.—Я считаю довѣрчивость серьезнымъ недостаткомъ уже потому, что она доказываетъ наивность, незнаніе людей, слѣдовательно—ограниченность, простоту, какъ это принято называть. Затѣмъ, онъ слишкомъ мягкосердеченъ и рѣшительно неспособенъ причинить кому-нибудь непріятность, повредить... Онъ—прекрасный человѣкъ, но никуда негодный редакторъ. Еслибы его жена не слѣдила за каждымъ его шагомъ, онъ дѣлалъ бы по нѣскольку глупостей въ день и очень скоро погубилъ бы и себя, и газету. По моему, такіе люди не должны браться за дѣло!

Ольга умилялась.

„Довѣрчивый! мягкій! добрый!—мысленно повторяла она.—Какимъ счастьемъ могла бы быть жизнь съ такимъ человѣкомъ! А эта Алевтина даже не любитъ его и пользуется его „простотой“, чтобы обманывать его на каждомъ шагу“.

Ей становилось грустно и обидно до слезъ.

„Любитъ ли онъ ее? — старалась она разрѣшить мучившій

ее вопросъ.—Быть можетъ, онъ только ослѣпленъ ея умомъ, ея ловкостью, а въ душѣ чувствуетъ недостатокъ теплоты, сердечности. Въ такомъ случаѣ это не любовь“!

И она, улыбаясь отъ счастья, припоминала чувство необъяснимой близости, которое удивило ее при первой же встрѣчѣ съ Юріемъ Сергѣевичемъ. Это чувство не уменьшалось, а увеличивалось, крѣпло при каждомъ послѣдующемъ свиданіи, и Ольга не могла не замѣтить, что оно было обоюдно, что Горяиновъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы видѣть ее, говорить съ ней и пробыть около нея какъ можно больше времени.

Одинъ разъ Ольга заѣхала къ Горяиновымъ вечеромъ. Алевтина уговорила ее участвовать на одномъ благотворительномъ базарѣ, о которомъ она усердно хлопотала, и надо было условиться о подробностяхъ, разобрать пожертвованныя вещи и, кстати, обсудить туалеты.

— Милочка! надо пригласить въ продавщицы вашу belle-mère,—заявила Алевтина Владиміровна.

— Совершенно ненужно!—запротестовала Ольга.

— Но она будетъ намъ очень полезна. У нея есть связи, которыя вы лично не считаете нужнымъ поддерживать. У жены человѣка съ такимъ положеніемъ, какъ у вашего beau-père, непремѣнно должны быть связи,—вотъ уже и польза!

— Никакой! Всѣ знакомые maman, какъ на подборъ,—скучные, напыщенные и скупые люди.

— Хорошо. Предположимъ, что они не купятъ у насъ ничего. Предположимъ даже, что никто изъ нихъ не придетъ на базаръ. Но всѣ они будутъ знать о немъ. И это уже много. Это уже можетъ пригодиться въ будущемъ. Не правда ли,—вы устроите мнѣ это дѣльце? Я полагаюсь на васъ.

Ольга еще поспорила немного, но сдалась.

— Конечно, она согласится,—рѣшила она. — Я даже увѣрена, что она будетъ въ восторгѣ.

Ей пришлось еще обѣщать пригласить къ себѣ въ помощники нѣсколькихъ товарищей мужа и постараться, чтобы ея отецъ заѣхалъ хотя на минуту.

Эта послѣдняя просьба была ей очень непріятна. Она опять напомнила ей о ея невыясненныхъ отношеніяхъ къ отцу и о томъ, что, избѣгая непріятнаго объясненія, она уже давно не видѣлась съ нимъ.

„Развѣ отложить объясненіе совсѣмъ? — вдругъ мелькнула у нея мысль.—Имѣетъ ли оно смыслъ вообще? Тетѣ и ея семьѣ я врядъ ли окажу существенную помощь, если даже рассорюсь

съ отцомъ, а ему и себѣ сдѣлаю очень
Кому же нужно мое объясненіе, мое не
старой исторіи, о которой никто ничего

Еще нѣсколько дней тому назадъ та
лось бы ей невозможнымъ, но теперь она сразу почувствовала облегченіе, какъ будто нашла исходъ, о которомъ раньше не думала.

„Конечно, надо еще обсудить...—точно оправдывалась она сама передъ собой.—Если бы я знала навѣрно, что мое заступничество нужно тетѣ... Если бы я могла надѣяться выяснить правду"...

Минутой позже она уже не думала ни объ отцѣ, ни о тетѣ. Она прощалась съ Алевтиной, собираясь ѣхать домой, а Юрій Сергѣевичъ стоялъ въ дверяхъ и дожидался, когда обѣ женщины истощатъ запасъ недосказанныхъ, но очень важныхъ сообщеній, соображеній и предположеній. Онъ долженъ былъ сопровождать Ольгу до дому, а оттуда ѣхать въ редакцію.

— Кончили? — добродушно спросилъ онъ. — Или еще не скоро? тогда я присяду.

Онъ покорно сѣлъ, сложивъ руки на колѣняхъ, а дамы разсмѣялись, пожали другъ другу руки и обѣ направились въ переднюю.

— Юрій!—нѣсколько минутъ спустя, громко позвала Алевтина.—Гдѣ же ты? Ольга ждетъ.

Онъ сейчасъ же вышелъ, накинулъ на плечи шинель и взялъ шапку.

— Готовъ,—сказалъ онъ.

— Но гдѣ ты былъ? ты тамъ сидѣлъ?

— Сидѣлъ.

— Ахъ, какъ это мило!

— Это психологично!—поправилъ онъ. — Дама не можетъ уйти раньше, чѣмъ черезъ полчаса послѣ того, какъ она простилась въ первый разъ. Я знаю женщинъ!

— Какъ это хорошо, что вы пріѣхали не на своей лошади! — сказалъ онъ, когда они вмѣстѣ съ Ольгой в
улицу.—Тогда мнѣ не надо было бы провожать васъ
тите ли пройтись?

— Далеко...—нерѣшительно отвѣтила Ольга.

— Но погода такъ хороша! Развѣ вы не чувству
уже вѣетъ весной? Ну, пока вы не устанете.

Они пошли.

— У меня горе,—печально сообщилъ Горяиновъ:—съ моимъ помощникомъ творится что-то неладное.

— Все пьетъ?—удивилась Ольга.

— Нѣтъ... Теперь это прошло. Но онъ какой-то странный. Нервный, разсѣянный, угрюмый. Молчитъ цѣлыми часами. Спросишь у него, что̀ съ нимъ?—онъ улыбнется, и видно, какъ онъ волнуется... Задрожатъ руки и дышать онъ станетъ какъ-то тяжело, точно съ трудомъ. Точно пересиливаетъ спазму въ горлѣ. Люблю я его, и мнѣ его жаль.

— Вѣдь онъ у меня былъ тогда. На другой день послѣ этого злополучнаго для него „чая",—тихо заговорила Ольга.— И... мнѣ даже страшно стало... въ какомъ духѣ онъ говорилъ! Вы знаете?

— Ну, еще бы! О своемъ призваніи? о томъ, что надо возстановить справедливость?

— Да, да. Ну, и какъ же вы думаете? Эта мысль дѣйствительно преслѣдуетъ его, или она только возбуждается лишней рюмкой вина?

Горяиновъ задумался.

— Онъ очень скрытенъ, — наконецъ отвѣтилъ онъ. — Онъ высказывается только тогда, когда возбужденъ виномъ. Но у меня есть данныя предполагать... Очень часто, между прочимъ, онъ приноситъ мнѣ статьи по рабочему вопросу. Нѣкоторыя я печаталъ; нѣкоторыя и до сихъ поръ лежатъ въ числѣ матеріала, но никогда не увидятъ свѣта, или, вѣрнѣе, свѣтъ никогда не увидитъ ихъ. Статьи дѣльныя, горячія. Я знаю Ивана Николаевича, и я могу себѣ представить, какъ много онъ долженъ былъ перечувствовать, передумать, чтобы написать ихъ! Изъ этого я заключаю, что онъ постоянно думаетъ, постоянно чувствуетъ. И, значитъ, вино дѣйствуетъ на него только въ смыслѣ откровенности... Оно развязываетъ ему языкъ. Говорятъ, что ему вредно пить, а по моему необходимо. Вѣдь вы подумайте, что̀ онъ долженъ испытывать съ своей нервностью, впечатлительностью и замкнутостью! Прибавьте еще къ тому, что онъ привязчивъ, нѣженъ, какъ ребенокъ, что за мимолетную ласку онъ готовъ питать вѣчную благодарность. Ясно ли вамъ, до какой степени долженъ быть несчастливъ этотъ человѣкъ, который носитъ въ своей душѣ какую-то органическую, всеобъемлющую любовь и который долженъ, во имя этой же любви, заставить себя и другихъ страдать, ненавидѣть и, быть можетъ, загубить не одну жизнь? Онъ презираетъ себя за свою бездѣятельность, за свою трусость, и вотъ подхлёстываетъ себя этимъ презрѣніемъ;

самъ себя толкаетъ въ пропасть. Вы увидите, что онъ загубитъ себя самымъ безтолковымъ, самымъ безполезнымъ образомъ, чтобы только доказать себѣ, что онъ не себя щадилъ, не себя оберегалъ своей бездѣятельностью, которая кажется ему позоромъ.

Ольга внимательно слушала.

— Вотъ вы какъ понимаете!.. — задумчиво сказала она.— Знаете, мнѣ почему-то чувствуется, что вы правы. Но какъ быть? какъ помочь ему?

Юрій Сергѣевичъ пожалъ плечами.

— Не знаю,—признался онъ.—Помочь ему можетъ только такой же, какъ онъ. А мы... мы всѣ слишкомъ дорожимъ своимъ спокойствіемъ, чтобы даже притвориться искренними.

Ольга припомнила свой страхъ, когда Иванъ Николаевичъ былъ у нея, и даже почувствовала, какъ теперь покраснѣла.

— Вѣдь мы всего боимся!—продолжалъ Юрій Сергѣевичъ. —Даже самое обыкновенное заступничество за обиженныхъ и угнетенныхъ кажется намъ иногда опаснымъ для собственнаго благополучія, и мы успокаиваемъ нашу совѣсть сложными разсужденіями. Это называется благоразуміемъ, умѣньемъ жить. Такъ надо ли намъ учить этому благоразумію тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ силы обойтись безъ него? Не лучше ли уклониться и отъ такой дѣятельности, которая привела бы къ тому, что въ жизни не осталось бы ни одного просвѣта. Нѣтъ! пусть ужъ намъ помогутъ такіе люди, какъ Иванъ Николаевичъ. Помогутъ разглядѣть свое нравственное убожество и хотя не надолго, но искренно устыдиться его. А намъ помогать имъ не приходится.

— Да ужъ вы не разсердились ли на меня?—минуту спустя, спросилъ онъ свою спутницу, удивленный ея продолжительнымъ молчаніемъ. — Ольга Θедоровна! чего добраго, я обидѣлъ васъ своимъ обобщеніемъ?

Онъ нагнулся къ ея лицу и крѣпко прижалъ локтемъ ея руку.

— За кого же вы меня принимаете?—возмутилась Ольга.— Обидѣлась ли я? Конечно, нѣтъ! Но... обидно мнѣ дѣйствительно! Обидно, что все это—правда. И что эта правда такъ мало смущаетъ насъ, такъ мало заботитъ насъ. Вы думали о ней, а я никогда и не думала.

Горяиновъ тихо засмѣялся и, не спуская глазъ съ лица Ольги, еще крѣпче пожалъ ея руку.

— Вамъ объ этомъ и думать не надо,—словно измѣнившимся голосомъ проговорилъ онъ.—Зачѣмъ вамъ? Вы—молодая,

красивая женщина. У васъ и смыслъ жизни, и логика ея—совсѣмъ другія.

Ольгѣ вдругъ стало страшно и безконечно пріятно.

— Я не могу быть ни доброй, ни злой... ни нравственной, ни распущенной... потому что я молодая, красивая женщина?—спросила она, съ трудомъ справляясь съ своимъ голосомъ, который плохо повиновался ей.

— Можете. Но все это не важно,—сказалъ Горяиновъ.

— Нѣтъ, я не понимаю. Отчего же не важно?

— Оттого что... Да, скажите, какое мнѣ дѣло до того, какая вы—добрая или злая, или до того, что̀ вы думаете о разныхъ высокихъ матеріяхъ, если я вижу, что вы очаровательны, если мнѣ съ вами весело, пріятно, и я прошелъ бы еще десять верстъ пѣшкомъ, лишь бы чувствовать вотъ тутъ вашу ручку и видѣть, какъ отчего-то быстро, быстро мѣняется ваше лицо! И какое же у васъ предательское лицо, Ольга Ѳедоровна! Какъ оно не умѣетъ скрывать вашихъ впечатлѣній!

Ольга съ досадой закусила губы и отвернулась.

„Надо ѣхать!—думала она.—Надо бы позволить ему довезти меня до дому, а потомъ проститься очень холодно, чтобы онъ понялъ“...

— Хотите, я вамъ скажу, что̀ вы сейчасъ сдѣлаете?—весело смѣясь, предложилъ Юрій Сергѣевичъ. — Вы сейчасъ заставите меня нанять извозчика и затѣмъ примѣрно наказать меня неимовѣрной холодностью обращенія. Заморозите холодомъ! А къ чему это приведетъ?—очень тихо, ласкающимъ звукомъ спросилъ онъ.—Завтра или послѣ-завтра я выпрошу у васъ прощеніе. Мы помиримся. А вы знаете, что̀ такое примиреніе для такихъ... друзей, какъ мы? Послушайте! Вы знаете, что̀ такое примиреніе?

Она невольно оглянулась и встрѣтилась глазами съ его взглядомъ.

— Это не хорошо, не хорошо!—такъ же тихо отвѣтила она.—Что̀ вы хотите этимъ сказать? Вашъ тонъ прямо оскорбительный, прямо...

— Мой тонъ оскорбительный! — воскликнулъ Горяиновъ.—Нѣтъ! это уже чистая клевета! Мое чувство къ вамъ и оскорбительный тонъ—это несовмѣстимо. Вы, значитъ, хотите, чтобы я говорилъ серьезно? Извольте...

— Нѣтъ! я ничего не хочу... — слабо протестовала Ольга.

— Теперь поздно. Я почти-что сказалъ...

Онъ опять близко пригнулся къ ней и взялъ въ свою руку ея, обтянутую перчаткой, слегка дрожащую ручку.

— Еслибы въ жизни не было такого чувства, какъ мое къ вамъ, было бы очень скучно, очень неинтересно жить. Остались бы одни проклятые, неразрѣшимые вопросы. А мы хотимъ счастья, не правда ли? Не правда ли?.....

XII.

Игнатій сидѣлъ въ будуарѣ Горяиновой, за ея письменнымъ столомъ, и писалъ. Алевтина, въ очень длинномъ, но очень узкомъ капотѣ свѣтлаго сукна, ходила по комнатѣ изъ угла въ уголъ и, мимоходомъ, оглядывалась въ большое, створчатое зеркало, въ которомъ, сразу въ трехъ видахъ, отражалась ея обтянутая, гибкая фигура.

— Кончено!—мрачно сказалъ Игнатій.

Она подошла къ нему и стала разбирать и перечитывать исписанные имъ листки.

— Это мнѣ не нравится!—рѣзко сказала она, откидывая въ сторону четвертушку писчей бумаги.—Написано сухо и не убѣдительно. По такой замѣткѣ никто изъ посторонней публики на нашъ базаръ не пойдетъ. Я же сказала вамъ—сгустить краски и прибавить какъ можно больше душевной теплоты. Надо написать такъ, чтобы слышенъ былъ вопль... вопль состраданія къ тѣмъ, въ пользу которыхъ предназначается сборъ.

— Писали бы сами!—проворчалъ Игнатій.

Она бросила на него холодный, строгій взглядъ и взяла другой листокъ.

— Да!.. — задорно продолжалъ Игнатій и поднялъ къ ней блѣдное лицо съ усталыми, воспаленными глазами.—Желалъ бы я знать, какъ бы вы написали!.. Откуда бы вы извлекли вопль состраданія? Изъ какихъ это струнъ души?..

— Что̀ это?—возмущенно удивилась она:—всѣ приглашенія по одному образцу? И шаблонно, шаблонно... Такая канцелярщина можетъ только расхолодить къ дѣлу, а не вызвать личное желаніе помочь. Или вы воображаете, что эти люди поѣдутъ на базаръ для того, чтобы помочь бѣднымъ? Ради одной помощи они свободно могли бы ограничиться присылкой двухъ-трехъ рублей. Но мнѣ нужно, чтобы они были,—понимаете ли вы? И для этого надо напирать не на помощь бѣднымъ, а на честь, которую они окажутъ своимъ личнымъ посѣщеніемъ. Пусть они, каждый отдѣльно, вообразятъ себѣ, что безъ нихъ дѣло не обойдется, что ихъ появленіе будетъ встрѣчено почетомъ и благо-

дарностью. Понимаете вы, наконецъ, что̀ нужно? Вы составите мнѣ сейчасъ приглашенія именно въ этомъ духѣ; одни я перепишу сама, а другія только подпишу. У васъ есть списки болѣе или менѣе почетныхъ гостей?..

— Я писать больше не буду,—сказалъ Игнатій.—У меня есть свое дѣло; мнѣ надо ѣхать въ редакцію.

— Вы поѣдете, когда окончите то, что̀ я вамъ поручила!—тономъ, не допускающимъ возраженій, заявила Алевтина.

Воронинъ молча собралъ разбросанные листки и письма, сложилъ ихъ въ одну кучу и хотѣлъ встать, но Горяинова положила ему руку на плечо.

— Вы сдѣлаете то, что̀ я вамъ приказываю!—повторила она.

Игнатій засмѣялся и, откинувшись немного въ сторону, облокотился о столъ и прислонился затылкомъ къ рукѣ. Его волосы некрасивыми прядями падали на его лобъ, губы кривились, стараясь изобразить усмѣшку, а глаза зажглись и выражали и задоръ, и упрямство, и какую-то глубокую, затаенную боль.

— Подождите выходить изъ себя! — заговорилъ онъ, пристально глядя ей въ лицо.—Кажется, вы еще можете выслушать меня спокойно?.. Вы не допускаете, чтобы кто-нибудь противился вашей волѣ. Но послушайте: у меня мать больна. Вы устраиваете благотворительные базары, благотворительныя чтенія, а я сижу и работаю здѣсь, работаю въ редакціи. У меня нѣтъ времени даже обѣдать дома, и я вижу мать только по ночамъ, когда вы не устроиваете пикниковъ, на которыхъ я тоже долженъ участвовать. Сестра утомляется; я утомляюсь; мать страдаетъ за насъ. Если вы жалѣете бѣдныхъ,—отчего вы не пожалѣете насъ? Возьмите себѣ секретаря, какого-нибудь молоденькаго, розоваго студента. Практикуйте на немъ свою власть. Повѣрьте, что и для васъ это будетъ куда болѣе интересно и забавно!

Алевтина спокойно выслушала его, но руки съ его плеча не сняла.

— Я запрещаю вамъ говорить со мной въ этомъ тонѣ!—отрывисто сказала она.

— Въ какомъ? Алевтина Владиміровна! Поймите вы: мнѣ не до тона! Мнѣ себя не жалко!.. Чортъ со мной! Мнѣ мать жалко, сестру!.. Я ихъ бросилъ!.. Я виноватъ передъ ними безконечно. Изъ-за чего? Изъ-за вашей прихоти. Я былъ честнымъ человѣкомъ,—я сталъ подлецомъ. Онѣ тамъ думаютъ, что я занятъ дѣломъ, что я не бываю дома, потому что работаю для нихъ, а я сижу въ этой стеганной клѣткѣ, смотрю, какъ вы ходите, слѣжу за каждымъ вашимъ движеніемъ!.. Жду, когда вы

подойдете ко мнѣ. А что̀ вы мнѣ? Вы думаете, я люблю васъ? уважаю? Я презираю васъ такъ же, какъ себя. Вы — безсердечная, злая, вредная женщина. Вы—ядовитая змѣйка, мѣняющая шкурки.

Алевтина слегка пригнулась къ нему, и лицо ея исказилось отъ злобы. Тонкіе пальцы, какъ клещи, впились въ его плечо.

— Вы замолчите?—хриплымъ шопотомъ спросила она.

— Отъ этого ничего не измѣнится. Оставьте мое плечо!.. Отойдите! Я здѣсь въ послѣдній разъ. Слышите? Если надо будетъ, я уйду изъ состава редакціи. Я пойду на барки и буду носить дрова. Слава Богу! я еще не утратилъ власти надъ собою.

— Вы будете писать пригласительныя письма!—показывая зубы, какъ разсерженный звѣрь, процѣдила Горяинова.

— Вы думаете? — съ вызывающимъ смѣхомъ воскликнулъ Игнатій. И въ ту же минуту скомканный листъ бумаги ударился въ его лицо; за первымъ полетѣлъ другой. Онъ быстро уклонился, пригнувшись къ столу, и видѣлъ, какъ надъ самой его головой промелькнулъ какой-то тяжелый предметъ и съ шумомъ ударился о стѣну. Это былъ металлическій прессъ-папье.

— Однако... такъ и убить можно!—спокойно замѣтилъ онъ.

Алевтина стояла посреди комнаты, вся вытянутая и дрожащая какъ струна.

— А теперь я ухожу,—сказалъ Воронинъ.

Онъ уже взялся за ручку двери, когда за его спиной послышался жалобный, заглушенный крикъ, и когда онъ обернулся, онъ увидалъ, что Алевтина лежитъ на коврѣ. Онъ вздрогнулъ и бросился къ ней обратно. Трепещущими руками, съ крупными каплями пота на лбу, онъ перенесъ ее на диванъ и сѣлъ рядомъ съ нею. Она билась въ тихой, беззвучной истерикѣ. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на нее.

Наконецъ, она стала затихать.

— Боже мой!—простонала она, хватаясь руками за голову и незамѣтно поправляя пряди своихъ пепельно-бѣлокурыхъ волосъ.—Что̀ это со мной? Онъ доведетъ меня до преступленія! до преступленія!

А ему казалось, что силы постепенно оставляютъ его, что полъ въ комнатѣ волнуется и выбрасываетъ къ его ногамъ пестрые цвѣты ковра. Ему казалось, что воздухъ становится душнымъ, сжатымъ, пропитаннымъ насквозь ея духами, или запахомъ тѣхъ же цвѣтовъ. Ему казалось, что на свѣтѣ существуютъ только двое людей: онъ и она...

XIII.

Базаръ продолжался три дня. Онъ оказался настолько удачнымъ, что даже превзошелъ всѣ ожиданія устроительницъ. Сборъ предназначался на усиленіе средствъ общества „искорененія безнравственныхъ началъ среди молодыхъ дѣвушекъ, лишившихся родителей до пятнадцати-лѣтняго возраста“. Представительницей этого общества была знатная и вліятельная старуха. Всѣ преклонялись передъ ней и выражали самое глубокое и почтительное сочувствіе къ ея дѣятельности, но никто не зналъ навѣрное въ чемъ эта дѣятельность состояла, и насколько это общество дѣйствительно нуждалось въ средствахъ.

Одна Алевтина, повидимому, знала это прекрасно и настолько прониклась сознаніемъ необходимости придти на помощь „святому дѣлу“, что не жалѣла ни трудовъ, ни времени.

Помѣщеніе базара было красиво декорировано; по вечерамъ въ немъ игралъ какой-то довольно сносный оркестръ; продавщицы были въ нарядныхъ, разнообразныхъ туалетахъ, вечеромъ же одѣвались такъ, какъ будто ѣхали на балъ. У каждой изъ нихъ былъ свой маленькій отдѣлъ въ видѣ витрины или стола; сама она только предлагала покупателю свой товаръ, принимала за него плату, а завертывали или доставали вещь ея помощники, являвшіеся и исчезавшіе по смѣнамъ. Когда покупатель платилъ за вещь крупную сумму, далеко превосходившую ея стоимость, продавщица брала ее, уже завернутую, изъ рукъ помощника и съ любезной улыбкой передавала въ руки ея настоящаго владѣльца. Она была убѣждена, что такимъ образомъ вознаграждаетъ покупателя за его щедрость. Алевтина сама распредѣляла отдѣлы, что̀ стоило ей не мало хлопотъ и потребовало много ловкости и умѣнья обращаться съ людьми, чтобы не нажить себѣ враговъ и цѣлую массу непріятностей. У нея даже едва не вышло легкой схватки съ Вѣрой Георгіевной Бѣловой. Поэтесса непремѣнно пожелала участвовать въ базарѣ, и Горянинова, которая не просила ее объ этомъ, горячо поблагодарила ее за ея доброе участіе и желаніе принести посильную помощь въ хорошемъ дѣлѣ. Она даже нѣсколько разъ повторяла свою благодарность; но когда Бѣлова, разряженная и слегка подкрашенная, явилась на мѣсто дѣйствія,—ей указали на темный уголокъ, въ которомъ стоялъ небольшой столикъ, уставленный пепельницами, солонками и судками для горчицы.

— Это какое-нибудь недоразумѣніе!—вскрикнула Вѣра Геор-

гіевна и, волоча свой шлейфъ, отправилась разыскивать Горяинову.

— Алевтина Владиміровна!—обі. кеннымъ тономъ начала она.

— Ахъ, дорогая!—обрадовалась Алевтина.—Какъ я рада! Вы—сама акуратность. Вообразите, что еще половины нашихъ дамъ-продавщицъ нѣтъ. Сейчасъ открытіе, а продавщицъ нѣтъ. Я въ такомъ волненіи! Я теряю голову.

— Но... я хотѣла спросить васъ... Мнѣ указали на одинъ столикъ... Я не вѣрю, чтобы вы...

— Прелестно, не правда ли? У васъ расхватаютъ вашъ товаръ. Каждому мужчинѣ необходима пепельница. Это не то, что вѣеръ. Мужчина не будетъ покупать вѣеръ. А кто лучше платитъ? Конечно, мужчина. Ну, я очень рада, что вы довольны...

Алевтина поспѣшно повернулась и ушла. Въ кіоскѣ съ вѣерами царила Настасья Петровна Каширцева. Чтобы сдѣлать себѣ подходящій къ случаю туалетъ, она въ первый разъ обратилась за ссудой къ Ольгѣ, и теперь вся сіяла отъ возможности покрасоваться на виду у публики и отъ предвкушенія будущихъ побѣдъ.

— Довольны ли вы?—съ обворожительной улыбкой спрашивала ее Алевтина.—Этотъ кіоскъ декоративенъ, не правда ли? Мнѣ казалось, что онъ долженъ гармонировать съ типомъ вашей красоты. Что-то восточное... жгучее... Я убѣждена, что въ первый же день у васъ не останется ни одного вѣера. Такой товаръ всегда пользуется спросомъ. Это—то же, что цвѣты.

Длинное лицо Каширцевой благодарно улыбалось.

— Vous avez un gout exquis!—отвѣчала она, указывая глазами на всю залу и соображая, дѣйствительно ли у нея восточный типъ красоты? Это никогда не приходило ей раньше въ голову, но она вѣрила Алевтинѣ и чувствовала къ ней благодарность за ея открытіе. На серединѣ залы возвышалась небольшая эстрада, и тамъ Ольга, вмѣстѣ съ Горяиновой, завѣдывали продажей шампанскаго и цвѣтовъ.

Публики изъ постороннихъ было мало, почти не было, несмотря на объявленія въ газетахъ и на прочувствованную статью, которую написалъ Игнатій и въ которой слышался неподдѣльный вопль его сострадательной души надъ участью молодыхъ дѣвушекъ, лишившихся родителей до возраста 15-ти лѣтъ. Пріѣзжали одни знакомые. Знакомые старухи-предсѣдательницы, знакомые продавщицъ и тѣ лица, которымъ Алевтина разослала собственноручно написанныя или только подписанныя ею приглашенія.

Волей-неволей ей все время приходилось разыгрывать роль любезной хозяйки дома, и, стоя на своей эстрадѣ, она обворожительно улыбалась, пожимала руки, выслушивала комплименты, говорила съ цѣлой толпой окружающихъ ее людей сразу.. Изящно выгибаясь станомъ, она выбирала какой-либо цвѣтокъ, и сама прикалывала его къ борту чернаго сюртука, или фрака, и, конечно, никому не могло придти въ голову заплатить ей только стоимость цвѣтка, или спросить сдачу съ крупной ассигнаціи.

— Вотъ и папа!—сказала какъ-то Ольга, замѣтивъ въ числѣ публики лысую голову Өедора Өедоровича.

— Милочка! познакомьте насъ. Вы давно обѣщали,—заволновалась Алевтина и пристально оглядѣла свой блестящій вечерній туалетъ.

Ольга, тоже чрезвычайно эффектная, въ открытомъ палевомъ платьѣ, спустилась съ эстрады и черезъ минуту вновь поднималась по ступенямъ подъ-руку съ отцомъ.

Горяинова поспѣшила къ нимъ на встрѣчу.

— Наконецъ-то я вижу васъ!—радостно сказала она.—Вѣдь я мечтала о знакомствѣ съ вами давно, давно!

— За что же такая честь?—пробормоталъ растерявшійся Өедоръ Өедоровичъ.

— Всѣ великіе люди скромны!—скользя своимъ неуловимымъ взоромъ надъ его лысиной, заявила Горяинова.—Неужели вы думаете, что кто-нибудь въ Петербургѣ не знаетъ вашего имени? А ваша геніальная дѣятельность? А тѣ сотни тысячъ народа, которымъ вы даете заработокъ, которые живутъ вами и благословляютъ васъ. А ваши школы, больницы...

— Но позвольте...

Өедоръ Өедоровичъ чувствовалъ себя неловко, и Горяинова сейчасъ же замѣтила это и перемѣнила тонъ разговора.

— Өедоръ Өедоровичъ! вы знаете... Если вы не прочь полюбоваться на хорошенькихъ женщинъ, я совѣтую вамъ обойти наши кіоски. Здѣсь—царство вашей дочери.

— Я нахожу, что... гм... Мнѣ совершенно не надо...—безсвязно бормоталъ старикъ Воронинъ и, для поясненія своихъ словъ, расшаркался передъ Алевтиной.

— Но... вы слишкомъ любезны!—притворяясь сконфуженной, проговорила Горяинова.—Между прочимъ, здѣсь Настасья Петровна Каширцева,—живо прибавила она.

Өедоръ Өедоровичъ закашлялся и засмѣялся одновременно.

— Въ числѣ... въ числѣ хорошенькихъ женщинъ?—спросилъ онъ.—Благодарю... благодарю васъ!

Онъ все кашлялъ. Горяинова незамѣтнымъ движеніемъ пододвинула ему стулъ и отошла въ сторону, здороваясь съ новыми посѣтителями.

Торговля шампанскимъ и цвѣтами шла настолько бойко, что у нея не было много времени для разговоровъ.

— Но какъ остроумно!—прошепталъ ей на ухо одинъ изъ гостей. Это былъ молодой человѣкъ, сидѣвшій съ ней и съ Бѣловой въ одной ложѣ на „Снѣгурочкѣ". Она взглянула на него недоумѣвающими глазами.

— Удивительно остроумно!—повторилъ молодой человѣкъ и громко захохоталъ, указывая украдкой на уголъ залы, гдѣ одиноко сидѣла поэтесса.

— Что̀ же?—спросила Алевтина.

— Какъ что? Уксусъ, горчица, перецъ... хрѣнъ... Старый хрѣнъ!

— Это остроуміе дурного тона!—сказала Алевтина и слегка пожала плечами.—Вѣра Георгіевна—мой другъ.

Молодой человѣкъ сконфузился и сейчасъ же куда-то исчезъ.

Старикъ Воронинъ ждалъ, что Горяинова предложитъ ему цвѣтовъ или шампанскаго, но она обращалась къ нему съ любезными фразами, улыбалась издали, какъ улыбаются давно знакомому, симпатичному человѣку, и раза два пожаловалась на усталость.

— Третій день такъ!—сказала она очень тихо, указывая на столпившихся на эстрадѣ мужчинъ.—Для нашего дѣла это, конечно, очень хорошо, но... Надо дѣлать видъ, будто всѣ эти люди вамъ очень пріятны. Надо быть веселой, любезной, неутомимой.

— А вы... того... Вы хоть меня не занимайте, не берите въ разсчетъ.

— Васъ?—удивилась Алевтина и скользнула по немъ своимъ неуловимымъ взоромъ.—Ахъ, Боже мой!.. Я была такъ далека отъ мысли занимать васъ, что, видите, даже пожаловалась вамъ на усталость. Есть люди, которые съ перваго взгляда кажутся давно знакомыми, почти близкими.

— А вотъ бутылочку винца вы мнѣ предложить не захотѣли?

Горяинова разсмѣялась.

— Простите, Ѳедоръ Ѳедоровичъ! Я, дѣйствительно, не принимала васъ въ разсчетъ, какъ публику. Мнѣ удалось познакомиться съ вами, и я, отъ радости, забыла свои обязанности продавщицы. Но зато я сама буду пить съ вами.

Ольга съ любопытствомъ слѣдила за ловкими пріемами своей подруги. Она видѣла, что отецъ ея доволенъ и чувствуетъ себя настолько хорошо, что не спѣшитъ, по обыкновенію, никуда и даже не глядитъ поминутно на свои часы.

— Крупную рыбку ловитъ!—услыхала она позади себя чье-то насмѣшливое замѣчаніе.

— Вѣдь это Тина... Она засасываетъ! — съ тихимъ смѣшкомъ отвѣтилъ другой голосъ.

Ее покоробило.

„А мнѣ что̀ за дѣло!—мысленно сказала она себѣ.—Вѣдь и до меня никому нѣтъ никакого дѣла. Неужели же никто не видитъ? никто не замѣчаетъ? Конечно, видятъ и тоже смѣются. А мнѣ ужъ не до смѣху... Отчего мнѣ такъ тяжело“?

Въ ту же минуту она увидала высокую фигуру Юрія Сергѣевича, который направлялся къ эстрадѣ. Сердце ея радостно забилось, и ей показалось, что даже электричество вспыхнуло ярче, даже звуки оркестра понеслись громче и торжественнѣе. Сознаніе собственной красоты, увѣренность, что сейчасъ, сію минуту онъ будетъ восхищаться ею, ея прекрасной открытой шеей, ея туалетомъ, который такъ искусно выставлялъ на видъ все, что̀ въ ней было самаго красиваго, вызвали на ея лицо торжествующую, гордую улыбку. Но въ это время какая-то очень хорошенькая, молоденькая продавщица подошла къ Горяинову, сказала ему нѣсколько словъ, и тогда онъ, любезно предложивъ ей руку, пошелъ съ ней въ сторону отъ эстрады, и Ольга видѣла, какъ, на-ходу, онъ наклонялся къ ней и говорилъ что-то, оживленно жестикулируя свободной рукой. Сразу исчезла ея улыбка, сразу померкли свѣтъ, радость, гордость... Она не слыхала вопросовъ, которые предлагали ей окружающіе.

— Ольга Ѳедоровна! Ольга!—звала ее Алевтина.

Она инстинктивно повернула къ ней поблѣднѣвшее, суровое лицо, и въ эту минуту ей хотѣлось бросить все и уйти, только бы не видѣть, какъ другія хорошенькія, молодыя женщины, въ такихъ же открытыхъ платьяхъ, какъ она сама, безсовѣстно кокетничаютъ съ Юріемъ Сергѣевичемъ. Оглянувшись, она увидала, что по ступенямъ эстрады входитъ Игнатій. Почему-то онъ показался ей жалкимъ и смѣшнымъ. Никогда раньше она не находила его ни смѣшнымъ, ни жалкимъ, и теперь, приглядѣвшись, она поняла причину своего впечатлѣнія. Она всегда видѣла его въ пиджакѣ или тужуркѣ, небрежно причесаннымъ, безъ малѣйшаго слѣда заботы о своей наружности. Теперь онъ былъ во фракѣ. Волосы его были тщательно при-

помажены, а въ рукахъ онъ несъ мѣховую, потертую, мокрую шапку.

Онъ увидалъ Алевтину рядомъ съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ и вздрогнулъ. Одинъ мигъ онъ нерѣшительно остановился на ступенькѣ, но потомъ поднялъ голову, и еще болѣе смѣшной, еще болѣе жалкій въ своемъ дурно сшитомъ фракѣ, съ лицомъ, выражающимъ озлобленную рѣшимость, онъ подошелъ къ Горяиновой и раскланялся.

— У васъ мокрыя руки!—съ досадой вскрикнула она, когда, послѣ рукопожатія, взглянула на свою бѣлую, испорченную перчатку.—Какъ это... глупо!

Игнатій густо покраснѣлъ и встрѣтился глазами съ удивленнымъ взглядомъ дяди.

— А-а!—протянулъ тотъ.—Не ожидалъ... Здравствуйте.

И когда растерявшійся Игнатій протянулъ ему руку, онъ сказалъ ему съ насмѣшливымъ смѣшкомъ:

— А вы... того... вытрите раньше платкомъ. Я ѣхалъ— тоже ужъ шелъ дождь.

— А я-то собиралась знакомить васъ! — весело сказала Алевтина.

— Помилуйте! знакомъ-съ!—отвѣтилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Ольга быстро подошла къ Игнатію и взяла его подъ-руку.

— Не знакомы, а родня!—съ нескрываемымъ вызовомъ заявила она.—Мнѣ хочется пройтись, Игнатій. Проведите меня. Я прошу маленькій отпускъ, Алевтина Владиміровна.

Странная пара медленно спустилась съ эстрады и направилась къ выходу изъ залы.

— Куда же вы?—спросилъ Игнатій, и одинъ тонъ его вопроса выразилъ полную, растроганную благодарность.

— Я подышу здѣсь, на площадкѣ лѣстницы, а вы отнесите вашу шапку. Въ залѣ жарко.

Онъ убѣжалъ, а на площадку быстро вышелъ Юрій Сергѣевичъ.

— Вообразите... Я думалъ—вы уѣзжаете!—тревожно сказалъ онъ.

Она отвернулась и стала обмахивать лицо вѣеромъ.

— Ольга! мы не видались еще сегодня. Дайте же ручку.

Она молчала.

— Да вы сердитесь? за что̀?

Онъ подумалъ и, повидимому, понялъ. Глаза его радостно вспыхнули.

— Сегодня, послѣ закрытія, мы поѣдемъ ужинать... Я за-

везу васъ сперва въ редакцію, а затѣмъ въ ресторанъ. Мы немного опоздаемъ къ ужину. Я объясню это непредвидѣннымъ дѣломъ...

— Зачѣмъ?—съ горячимъ протестомъ прошептала Ольга.— Я или другая—вамъ все равно! Да... вамъ все равно! А я... Вы думаете, у меня уже нѣтъ ни гордости, ни самолюбія. Быть въ числѣ одной изъ вашихъ легкихъ побѣдъ! Вы невѣрнаго мнѣнія обо мнѣ, Юрій Сергѣевичъ. И что̀ мнѣ особенно обидно: вы, такой чуткій, такой добрый,—вы готовы изъ каприза нанести мнѣ самое тяжелое, самое непоправимое оскорбленіе. Вы забавляетесь, Юрій Сергѣевичъ! Если бы вы знали, чѣмъ вы забавляетесь!

— Тѣмъ же, чѣмъ и вы.

— Нѣтъ! о, нѣтъ! Я говорю вамъ,—вы невѣрнаго мнѣнія обо мнѣ. Я была легкомысленна, но я никогда не испытывала того, что̀ теперь. Я хладнокровно разсчитывала каждый свой шагъ, и поэтому я ни разу не оступилась. Понимаете? Клянусь вамъ, что это такъ. Теперь я потеряла голову. Я не знаю, что̀ я говорю, что̀ я дѣлаю. Мнѣ прежде было весело, теперь—нѣтъ! Теперь у меня болитъ, болитъ душа. Я иногда думаю: отчего у меня нѣтъ никого, кто бы поддержалъ меня теперь, защитилъ бы отъ самой себя! Напротивъ... все складывается такъ, какъ будто меня толкаютъ... толкаютъ въ пропасть. И тянетъ меня броситься въ нее... И я знаю, что̀ ожидаетъ меня тамъ. Развѣ я не знаю?—ничего, кромѣ униженія, раскаянія, озлобленія.

— Хорошо... Зачѣмъ же вы ревнуете, въ такомъ случаѣ? Ужъ одно изъ двухъ.

Ольга растерянно поглядѣла на него.

— Ревную? Господи, это правда! Но то, что̀ я говорила сейчасъ—тоже правда.

Она сдѣлала порывистое, отчаянное движеніе, какъ будто хотѣла ухватить его за руки. Онъ осторожно уклонился.

— Здѣсь ходятъ...—напомнилъ онъ.—Позже, въ редакціи.

— Нѣтъ, слушайте еще. Я умоляю васъ... Я умоляю... Пощадите меня! Будьте честны въ отношеніи ко мнѣ, какъ вы честны въ другихъ вопросахъ. Если вы не любите меня... Если ваше чувство не серьезно—давайте, кончимъ все разомъ! Я уѣду. Теперь весна—я уѣду въ Крымъ. Я собиралась и раньше. Я сохраню о васъ самое свѣтлое, самое благодарное воспоминаніе. Юрій Сергѣевичъ! надо сдѣлать, какъ я прошу, или признать, что мы любимъ другъ друга. Любимъ! Тогда это свято, тогда...

Горяиновъ прервалъ ее какой-то незначительной фразой, и она замѣтила, что къ нимъ подходитъ Игнатій.

— Вы тоже въ числѣ ужинающихъ?—весело спросилъ его Юрій Сергѣевичъ.

— Но я, право, не знаю... Надо же кому-нибудь заѣхать въ редакцію.

— Тамъ—Иванъ Николаевичъ. И я обѣщалъ быть послѣ двѣнадцати.

— Вы?.. непремѣнно?

— Непремѣнно. Нумеръ завтра маленькій.

Игнатій задумался.

— Матери плохо...—нерѣшительно замѣтилъ онъ.—А Люба устала... Очень устала.

— Ну, пойдемте!—предложила Ольга и вздрогнула открытыми плечами.—Ваша жена тамъ окончательно вскружила голову моему бѣдному отцу. Мнѣ надоѣлъ этотъ базаръ. Зачѣмъ еще этотъ ужинъ? Вотъ, еслибы, вмѣсто ужина, мы съ Игнатіемъ поѣхали на Островъ, къ тетѣ!

— Она больна. Она теперь спитъ! — отвѣтилъ Юрій Сергѣевичъ.

— Она спитъ...—печально повторила Ольга.

Игнатій нахмурился и отвернулся.

Ужинъ былъ шумный и веселый. Алевтина увезла съ собой съ базара Θедора Θедоровича и посадила его за столомъ рядомъ съ собой. Она была особенно въ ударѣ: говорила и смѣялась безъ умолку, пила шампанское и заставляла пить своего кавалера. Старикъ Воронинъ съ наивнымъ удивленіемъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, громко хохоталъ и поминутно вытиралъ свою лысину платкомъ. По его распоряженію, всѣмъ дамамъ доставили по большому букету цвѣтовъ; передъ Алевтиной появилась ваза съ дорогими фруктами, а шампанское раскупоривали безъ счету, поминутно доливая опустошенные бокалы.

— Ахъ, не такъ я бы все это устроилъ!—съ легкой досадой говорилъ Θедоръ Θедоровичъ, глядя на Алевтину умиленными, масляными глазками.—Не такъ! Да это еще впереди, не правда ли? Мы еще себя покажемъ.

Уже въ серединѣ ужина въ залу вошли Горяиновъ и Ольга.

— И тебѣ не стыдно, Юрій? — закричала Алевтина. — Ты все это время продержалъ Ольгу Θедоровну въ редакціи?

— И даже очень стыдно, Тина,—развязно отвѣтилъ Юрій Сергѣевичъ,—но я никакъ не могъ предвидѣть... Пришлось выкинуть цѣлый столбецъ и найти новый, подходящій матеріалъ.

Онъ подошелъ къ ней и сталъ что-то объяснять.

Ольга обвела присутствующихъ разсѣяннымъ взглядомъ и заняла ожидавшее ее свободное мѣсто. Рядомъ съ нею сѣлъ Юрій Сергѣевичъ.

— Эге! да какіе же вы всѣ веселенькіе!—громко замѣтилъ онъ, развертывая салфетку.—Видно, надо намъ съ Ольгой Ѳедоровной усердно васъ догонять. Не теряли вы здѣсь дорогое время.

— А самъ-то! воображаю! — шепнулъ своей сосѣдкѣ тотъ самый молодой человѣкъ, который восхищался остроуміемъ Алевтины.

— Тосты принимаются?—громко спросилъ Горяиновъ.

— Тосты, но не рѣчи!—крикнула Алевтина.

— Прекрасно! Я пью за здоровье всѣхъ присутствующихъ дамъ.

— Какъ неоригинально!

— Мы ждали чего-нибудь интереснаго!

— Старо! скучно!—закричали за столомъ.

Юрій Сергѣевичъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Такъ пусть же кто-нибудь придумаетъ поновѣе! — притворяясь обиженнымъ, сказалъ онъ.—Я, знаете, еще не ѣлъ.

— За молодыхъ дѣвушекъ, лишившихся родителей до возраста пятнадцати лѣтъ и еще не облагодѣтельствованныхъ обществомъ!—серьезно предложилъ Дымниковъ.

Онъ сидѣлъ на краю стола, пилъ красное вино и курилъ одну папиросу за другой.

Взрывъ смѣха встрѣтилъ его тостъ.

Рядомъ съ нимъ, уныло уставившись слегка раскосыми глазами въ пустую тарелку, сидѣлъ Игнатій. Онъ тоже много пилъ, но молчалъ и горько усмѣхался своимъ собственнымъ думамъ.

— А какъ вамъ кажется... что̀ объ насъ думаютъ? думаетъ большинство?—тихо спросила Ольга.

Юрій Сергѣевичъ нагнулся, чтобы поднять салфетку.

— Во всѣхъ другихъ случаяхъ они были бы правы!—такъ же тихо отвѣтилъ онъ. — Вы испугали меня, заразили своей серьезностью. Не случалось мнѣ еще валять такого дурака, увѣряю васъ. И что̀ вы выиграли? Вы сами спрашиваете: что̀ они всѣ думаютъ о насъ! Да! именно! что̀ они думаютъ о насъ? Что̀ вы выиграли?

Ольга перестала ѣсть и слегка отодвинула стулъ.

„Значитъ, имъ всѣмъ это кажется такъ просто“?—подумала

она и взглянула на отца, который, весь красный, цѣловалъ руку Алевтины; на мать мужа, которая, опахиваясь вѣеромъ и какъ-то необычайно выпячивая губы, кокетничала съ очень молодымъ и совсѣмъ пьянымъ фрачникомъ. И вдругъ ей вспомнился Иванъ Николаевичъ,—вспомнилось его какое-то новое, одухотворенное лицо и то стыдливое, виноватое выраженіе, когда онъ увидалъ ее въ редакціонной, одну, съ Юріемъ Сергѣевичемъ, въ ея открытомъ, безстыдномъ платьѣ.

Онъ вошелъ случайно, быстро растворивъ дверь. И ей показалось, что онъ сконфузился только потому, что понялъ, насколько ей должно быть стыдно, насколько обидно и унизительно ея положеніе. Онъ все понялъ, все зналъ, и видно было, что онъ пожалѣлъ ее. При мысли объ этой жалости Ольгѣ захотѣлось плакать.

— Господа!—закричала Алевтина.—Θедоръ Θедоровичъ хочетъ предложить тостъ.

За столомъ стало́ тихо. Старикъ поднялся и нѣсколько разъ вытеръ свою лысину платкомъ.

— За нашу очаровательную хозяйку!—сказалъ онъ.—И... тово̀... за продолженіе пріятнаго знакомства.

За другимъ концомъ стола послышался смѣхъ и звонъ разбитаго объ полъ стекла. Это Игнатій уронилъ свой бокалъ и хохоталъ, закрывая лицо руками.

Алевтина строго выпрямилась и бросила на него уничтожающій взглядъ.

— Не безпокойтесь, высокочтимая!—сказалъ ей черезъ столъ Дымниковъ.—Это мы съ коллегой тутъ до слезъ смѣшимъ другъ друга. Я думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибы меня любили женщины, а онъ, должно быть, думалъ о томъ же. А куда ужъ намъ!.. Ну, конечно же, смѣшно!

XIV.

Черезъ нѣсколько дней, между Θедоромъ Θедоровичемъ и Ольгой произошла серьезная размолвка.

Онъ заѣхалъ къ дочери и привезъ ей цѣнный подарокъ.

— Съ чего это ты? зачѣмъ?—удивилась Ольга.

— А вотъ...—съ самодовольнымъ смѣхомъ отвѣтилъ старикъ.—Удача у меня особенная вышла. Деньгу̀ зашибъ. Ну, думаю, надо порадовать Ольгушу. Она у меня одна.

Ольга нахмурилась.

— Отецъ!—глухо сказала она.—Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ тобой серьезно.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, видимо, былъ непріятно удивленъ и, по привычкѣ, посмотрѣлъ на свои часы.

— Нѣтъ, Бога ради!—нервно заговорила дочь:—забудь ты свой вѣчный спѣхъ! Можешь же ты позволить себѣ такую роскошь и подарить мнѣ нѣсколько минутъ. Быть можетъ, онѣ мнѣ будутъ дороже твоихъ брильянтовъ.

— Да я... товò... Я весь къ твоимъ услугамъ.

Ольга не приготовилась къ разговору съ отцомъ. Ей надо было сказать многое, но она не знала, съ чего начать, и чтò именно надо говорить, и чего не надо. Она встала и прошлась по комнатѣ.

— Вотъ чтò...—сообразила она.—Поѣдемъ сейчасъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ.

Старикъ ничего подобнаго не ожидалъ.

— Вотъ странная фантазія!—пробормоталъ онъ.

— Отецъ! поѣдемъ!—уже настойчиво просила Ольга.—Ты не знаешь... ты не знаешь, какъ это важно для меня!

— Тебѣ каждый твой капризъ кажется важнымъ...

— Нѣтъ, это не капризъ. А если ты не хочешь ѣхать,—объясни мнѣ—почему? Чтò ты имѣешь противъ тети? Отчего между вами такія странныя отношенія? Ну, объясни!

Старикъ непріятно засмѣялся.

— Мнѣ кажется, все это очень ясно,—проговорилъ онъ.—Я пріѣхалъ къ тебѣ, а ты вдругъ: „поѣдемъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ"! Позволь! Я съ ней двадцать лѣтъ не видался. Когда-то я относился къ ней по-родственному; послѣ смерти брата пріютилъ и ее, и дѣтей у себя... А она чѣмъ мнѣ отплатила? Она, можно сказать, осрамила мой домъ, мою семью. И вдругъ: „поѣдемъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ"! Какія же еще объясненія!

Ольга остановилась передъ нимъ и пристально глядѣла ему въ лицо.

— И только?—спросила она.

— Чего тебѣ еще? Безнравственная женщина. Мнѣ очень непріятно, Ольга, что ты тамъ будто сошлась съ ней, подружилась.

— Безнравственная? А ты — нравственный? А я — нравственная?

Ѳедоръ Ѳедоровичъ удивленно поднялъ голову. На него глядѣли пристальные, возбужденные, злые глаза.

— Да чтò съ тобой?—съ испугомъ спросилъ онъ.

— Какая ложь! всюду, всюду ложь! — вскричала Ольга.— Боже мой! развѣ я такъ хотѣла говорить съ тобой? Когда у меня возникли всѣ эти сомнѣнія, я хотѣла идти къ тебѣ и просить тебя со слезами... Я думала: въ каждой жизни бываютъ ошибки; ужасныя, непоправимыя ошибки, и тотъ, кто ихъ сдѣлалъ, старается скрыть ихъ, или забыть, какъ позоръ. Но онѣ не забываются, онѣ камнемъ лежатъ на душѣ. Я думала, я приду къ тебѣ и скажу: отецъ! давай, исправимъ твою ошибку! Я помогу тебѣ сдвинуть твой камень, потому что я тебя люблю. Я только тогда поняла, какъ я тебя люблю, когда у меня явилось подозрѣніе, какую страшную ошибку ты сдѣлалъ. Не отрицай ее, и мы все поправимъ, и намъ будетъ легко. Я думала, ты поймешь, ты не оттолкнешь меня. Но все вышло какъ-то не такъ! Я начинаю съ упрековъ. Я говорю не то, что̀ думаю...

Она схватилась за голову и быстро заходила по комнатѣ.

— Какую я сдѣлалъ ошибку? — строго спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Ты знаешь... Я теперь въ этомъ убѣждена. Ты не имѣлъ нравственнаго права отстранить Анну Дмитріевну и ея дѣтей. Ты ненавидишь ее, потому что чувствуешь свою вину передъ ней. Она въ нищетѣ, а ты милліонеръ. Ты зналъ, что дѣла дяди Степана не были настолько плохи, чтобы ихъ нельзя было поправить; но ты не помогъ ему. Когда онъ валялся у тебя въ ногахъ и просилъ денегъ, ты... что̀ ты сдѣлалъ? ты далъ ему револьверъ!

Старикъ вскочилъ. Лицо его побагровѣло, а руки судорожно сжимались и разжимались.

— Ни одного слова больше!—крикнулъ онъ.

— Нѣтъ! молчать поздно! — необычайно спокойно отвѣтила дочь. — Нужно говорить, нужно дѣйствовать. Ты сейчасъ сказалъ: я одна у тебя. Да, одна. Одна, быть можетъ, на всемъ свѣтѣ, кто любитъ тебя, жалѣетъ, проститъ и пойметъ все, все! Ты не слушай мой тонъ. Я раздражена, я, вѣроятно, очень несчастна, потому что у меня въ душѣ сейчасъ такъ... такъ холодно, такъ пусто! Я не могу жалѣть сейчасъ ни тебя, ни себя... Но ты вѣрь мнѣ, что я тебѣ другъ. Я знаю это навѣрно. Нельзя больше такъ жить, отецъ! Мы люди. Люди не могутъ быть счастливы зломъ, ложью, эгоизмомъ. Если бы ты презиралъ тетю за безнравственность, ты бы не относился такъ снисходительно ко мнѣ. Если ты увидишь ее, если ты поговоришь съ ней,—съ твоей души сойдетъ все напускное, все болѣзненное. Ты увидишь, какъ тебѣ будетъ легко признать передъ ней твою вину. Все будетъ

легко: и признать, и исправить. И тогда въ нашей жизни, отецъ, будетъ свѣтлый лучъ. Мы скажемъ себѣ, что надежда для насъ еще не утеряна, что мы еще живы...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ сидѣлъ и тяжело дышалъ.

— Вотъ что̀ она сдѣлала!—едва внятно проговорилъ онъ.— Она отняла у меня дочь!

— Она никогда не сказала о тебѣ ни одного дурного слова! Она никогда не жаловалась! никогда не роптала! Я не знаю... Мнѣ кажется, она даже не сознаетъ, насколько ты обездолилъ ее.

Оба долго молчали.

— Поѣдемъ къ ней! — опять попросила Ольга и даже сложила руки на груди.—Я боюсь, папа... я боюсь, что она умираетъ.

Лицо старика стало тупымъ и упрямымъ.

— Пусть у меня провѣрятъ всѣ дѣла,—сказалъ онъ,—пусть прослѣдятъ за всѣми моими дѣйствіями шагъ за шагомъ. Если найдутъ хотя малѣйшую неправильность по закону—я отдамъ все! Я отдамъ все, до гроша!

— А если я спрошу тебя: правда ли, что ты протянулъ брату револьверъ?

Старикъ отвелъ глаза въ сторону.

— Я отвѣчу съ чистой совѣстью: онъ не могъ выпутаться изъ крайне тяжелыхъ осложненій. У него уже не было ни кредита, ни денегъ. Его смерть, его добровольная смерть, была вопросомъ чести.

— Ты все сказалъ, что̀ мнѣ надо было знать!—холодно и спокойно замѣтила дочь.—Ты выдѣлилъ мнѣ мою часть, когда я выходила замужъ. Я отдамъ половину тетѣ. Это все, что̀ я могу сдѣлать. Я часто обращалась къ тебѣ за пособіями, но капиталъ мой цѣлъ. Не безпокойся: я никогда больше не попрошу у тебя ни одного мѣднаго гроша. Я съумѣю обойтись съ тѣмъ, что̀ у меня останется.

— И ты еще будешь утверждать, что эта интриганка не опутала тебя?

— Эта интриганка дала мнѣ все чистое, доброе, искреннее, что̀ я еще чувствую въ своей душѣ. И не ей, отецъ, нужна эта жертва, которую я собираюсь принести. Не ей, а мнѣ...

Она замолчала и закусила себѣ губы. Ѳедоръ Ѳедоровичъ все съ тѣмъ же тупымъ, упрямымъ выраженіемъ лица опустилъ голову и думалъ.

— Тебѣ это нужно для того, чтобы унизить меня. Вызвать

толки, разговоры, воспоминанія. Ты говоришь какъ безучастная, безсердечная дочь. Ты оскорбила меня... Ты, каждымъ словомъ, какъ бичомъ била меня по лицу. За что? развѣ я не любилъ тебя?

Ольга вздрогнула и поблѣднѣла.

— Развѣ я недостаточно одинокъ? развѣ у меня есть другое счастье, кромѣ... Весь остатокъ моихъ дней будетъ отравленъ мыслью: моя дочь, моя единственная дочь нашла справедливымъ заклеймить меня, какъ мошенника, какъ вора...

Ольга слушала, а лицо ея все блѣднѣло и глаза чрезмѣрно расширялись.

— Когда я взялся за дѣло брата,—видитъ Богъ, я не разсчитывалъ на успѣхъ. Я разсчитывалъ только на свою осторожность, на свое благоразуміе. У брата не было ни осторожности, ни благоразумія. Онъ увлекался, онъ горѣлъ, онъ не задумывался надъ самой отчаянной ставкой. Онъ просилъ у меня денегъ,—я не далъ. Я думалъ о тебѣ. Онъ не думалъ ни о женѣ, ни о дѣтяхъ. Онъ, дѣйствительно, оставилъ ихъ нищими. А я... я всегда думалъ о тебѣ. Для тебя я работалъ, для тебя я наживалъ. Неожиданный успѣхъ вскружилъ мнѣ голову. И опять я думалъ: чѣмъ больше тебѣ останется—тѣмъ лучше. А оно... тово... вотъ оно какъ вышло. Мошенникъ!.. воръ!..

Ольга тихо подошла къ старику, сѣла къ нему на колѣни и, обвивъ руками его голову, прильнула къ его груди и зарыдала. Онъ не шевельнулся: не оттолкнулъ ее, но и не отвѣтилъ лаской на ласку.

— О чемъ же ты?—наконецъ тихо спросилъ онъ.

— О чемъ же? — немного спустя, повторилъ онъ свой вопросъ.

— Развѣ ты не видишь?—съ отчаяніемъ прошептала она.— Я погибаю, папа! я погибаю... Никто не хочетъ пожалѣть меня. Никто! Я хватаюсь, какъ утопающая... Я умоляю: спасите меня! Никто... Вся я... точно въ болотѣ... втягиваетъ меня... засасываетъ... И такъ мнѣ хочется жизни... чистой, честной! Какъ милостыни прошу: дайте очиститься! А тетя умираетъ. Она умираетъ...

— Не разберу ничего! — уже мягко и любовно говорилъ отецъ.—Ты скажи просто, Ольгуша. Обидѣлъ тебя кто?—огорчилъ?

— Я... я сама себя...

Отецъ слабо улыбнулся. Онъ зналъ, что дочь не увидитъ этой улыбки.

— Ну, если сама себя, то... тово... ты... этого... ты сама себя и побрани. Да и пригрози хорошенько. Нервная ты стала, вотъ что̀. Полечиться бы тебѣ. А то знаешь: если ужъ съ самой собой не ладить, то дѣло плохо!

Онъ ласково провелъ рукой по ея волосамъ.

Она приподнялась и съ глубокимъ вздохомъ вытерла лицо.

— Не понимаешь ты меня! — съ горечью, тоскливо проговорила она.—Ну, и пусть! все равно. Я, знаешь, сегодня уже была у тети... Она теперь почему-то все о дядѣ Степанѣ вспоминаетъ. Лежитъ, улыбается и вспоминаетъ... „А мы, говоритъ, со Степой въ Крымъ ѣздили. Если бы вы знали, какъ хорошо въ Крыму! Солнце такое яркое и ласковое, и море, какъ вѣчность, безграничное... И когда я теперь закрываю глаза, я вижу солнце и море... Только море и солнце... И мнѣ кажется, что я легкая, легкая, и сейчасъ полечу къ солнцу и морю“... Я поѣду съ ней въ Крымъ, папа. Я рѣшила.

Старикъ всталъ и взялся за шапку.

Ольга стояла среди комнаты и мечтательно глядѣла передъ собой заплаканными глазами.

— И тамъ она улетитъ отъ меня къ солнцу и морю... Такая же свѣтлая, такая же чистая...

XV.

Иванъ Николаевичъ объявилъ Горяинову, что онъ выходитъ изъ состава редакціи. Юрій Сергѣевичъ удивился.

— Но почему?—спросилъ онъ.

— Нужно такъ, Юрій Сергѣевичъ. Не могу я иначе.

— Но у васъ есть другое мѣсто? вы нашли себѣ занятія?

— Мѣста нѣтъ, а занятія найдутся, — уклончиво отвѣтилъ Модестовъ.

Горяиновъ задумался.

— Вотъ что̀, дорогой мой,—ласково сказалъ онъ.—Я, понимаете ли, не знаю, куда вы идете, что̀ вы затѣваете. Я васъ, понимаете ли, не спрашиваю ни о чемъ. Какъ знать! пожалуй и потеряешь васъ изъ виду. А вы возьмите у меня малую толику про черный день. Много я не могу, а что̀ даю, такъ отъ души. Не понадобится—вернете. Какъ отъ друга, Иванъ Николаевичъ.

У Модестова покраснѣли вѣки.

— Я возьму, Юрій Сергѣевичъ. Я... благодарю васъ.

Прощаясь, они дружески обнялись и расцѣловались.

— Хорошій вы человѣкъ!—сказалъ Модестовъ.

— Не зайдете проститься къ женѣ? къ Тинѣ?

Иванъ Николаевичъ слегка смутился.

— Нѣтъ... Зачѣмъ безпокоить ее?

Юрій Сергѣевичъ укоризненно покачалъ головой.

— Вы всегда были несправедливы къ ней, дорогой мой... Я не упрекаю васъ, но мнѣ это больно. У Тины свои высокія задачи. Она идетъ на встрѣчу всѣмъ, кому она можетъ помочь, кого она можетъ поддержать.

Модестовъ промолчалъ.

— Кланяйтесь отъ меня Ольгѣ Өедоровнѣ. Скажите ей, что я отъ души желаю ей счастья.

— Но вы останетесь здѣсь, Иванъ Николаевичъ? Вы никуда не уѣзжаете?

— А тамъ, что̀ Богъ дастъ! — уклончиво отвѣтилъ Модестовъ.—Я буду тамъ, гдѣ я буду нуженъ.

Черезъ нѣсколько дней исчезла Александра Иларіоновна Судкова. Она именно исчезла, а не ушла. Ея столикъ въ проходной комнатѣ остался пустовать, и на немъ, по прежнему, лежали ея собственныя вещи, принесенныя ею изъ дому: чернильница, бюваръ и коробочка съ лекарствомъ, которое она принимала черезъ каждые два часа.

Никто не обращалъ на нее особеннаго вниманія, когда она, всегда молчаливая, серьезная, сидѣла на своемъ неизмѣнномъ мѣстѣ и вела свой отдѣлъ. И она сама, и ея писанія казались всѣмъ ординарными и даже скучноватыми. Теперь всѣ заинтересовались ею. Говорили, что она бѣжала отъ мужа, который зарабатывалъ нѣсколько тысячъ въ годъ, жилъ открыто и весело, но угнеталъ жену своей пошлостью и отсутствіемъ всякихъ убѣжденій. Разсказывали, что она пріѣхала въ столицу съ непоколебимымъ рѣшеніемъ „пострадать“ за какое-нибудь правое дѣло, и что встрѣча съ Иваномъ Николаевичемъ только подкрѣпила это рѣшеніе. Ходили даже слухи, будто ее видѣли въ толпѣ фабричныхъ, и она съ жаромъ говорила имъ что-то и раздавала литографированныя брошюры. Разсказывали многое, но никто ничего опредѣленнаго не зналъ, а Модестовъ и Судкова точно канули въ воду, и о нихъ вскорѣ стали забывать. Не забыла о немъ только Люба, и когда она читала матери его рѣдкія, туманно-написанныя письма, глаза ея горѣли отъ радости, а маленькое, истомленное усталостью и безсонницами личико покрывалось нѣжнымъ румянцемъ.

— Любаша! развѣ это счастье? вѣдь это страданіе, птичка моя бѣдная!—тревожно говорила мать.

— А ты развѣ не страдала, мамочка?—спрашивала Люба.

Мать и дочь какъ-то особенно легко, съ полу-слова, понимали другъ друга. Ихъ разговоры часто бывали похожи на исповѣдь.

— Развѣ тебѣ когда-нибудь хотѣлось быть какъ другія?—спрашивала дочь.—Пользоваться показнымъ почетомъ, уваженіемъ? имѣть не только друзей, а толпу равнодушныхъ знакомыхъ?

— Да...—тихо признавалась мать.—Я была глупѣе, легкомысленнѣе тебя. Когда Степа былъ живъ, когда мы еще были богаты, у насъ часто бывали вечера. Я очень любила танцовать. Я потомъ часто вспоминала... Я иногда плакала, что мнѣ нельзя танцовать. Помнишь, какъ мы жили? уединенно, тихо. „Онъ" все боялся поставить меня въ неловкое положеніе. Да, мнѣ хотѣлось быть какъ другія. Я боялась имѣть дѣтей: они были бы незаконныя.

— Нѣтъ, мама! счастье нельзя подгонять... по закону. Мнѣ это странно. Вѣдь у меня живая душа. Не могу я ей приказать чувствовать такъ, а не иначе.

Мать думала о своемъ.

— Не хорошо, что я забыла Степу. Только, я не то что забыла его, Люба, а мнѣ тяжело было одиночество. Все печаль, все печаль... Еслибы его можно было вернуть, я не думала бы больше ни о комъ. Вы съ Игнатіемъ были еще очень малы. Вотъ я и рѣшилась. Всегда у меня была потребность, чтобы меня любили. „Онъ" меня очень любилъ. А я вотъ теперь совсѣмъ не думаю о немъ.

Она задумалась и вздохнула.

— Бѣдный Степа!

— Мама! ты знаешь, что̀ я тебѣ скажу?

— Про Ивана Николаевича?

— Да. Мнѣ въ немъ больше всего нравится, что онъ мученикъ. Понимаешь? Онъ думаетъ, что онъ призванъ на свое дѣло, а это неправда. Его только возмущаетъ несправедливость. Онъ хочетъ бороться съ ней, а всюду только люди, люди. И нѣтъ такого человѣка, въ которомъ бы была вся несправедливость и котораго не было бы жалко. И ему всѣхъ жалко. Мнѣ нравится въ немъ, что онъ не геройствуетъ, а страдаетъ. Я люблю его за его страданіе.

— Ахъ, Любаша! Это ты хорошо... „Нѣтъ человѣка, въ которомъ была бы вся несправедливость". Вѣдь это я чувствовала.

Когда Степа застрѣлился, у меня была злоба на людей. Мнѣ казалось, что я всѣхъ ненавидѣла за то, что онъ долженъ былъ умереть. Вѣдь какъ ему не хотѣлось умирать, Любаша!.. У меня была злоба. А потомъ я думала: на кого? И я называла себѣ людей, и воображала себѣ, будто мнѣ дана власть отомстить имъ. Былъ одинъ человѣкъ... Я увѣряла себя, что онъ виноватъ больше всѣхъ, и вотъ меня занималъ вопросъ: справедливо ли погубить его? могла бы я, по совѣсти, сдѣлать это? Такъ вотъ я тогда почувствовала, что нѣтъ человѣка, въ которомъ была бы вся несправедливость, и что на кого бы ни поднялась моя рука, она поразитъ человѣка, а не зло, — что, поэтому, нельзя поднимать руки на человѣка, и что ничего изъ этого не выйдетъ. Несправедливость и зло—это не люди, а въ людяхъ, и ихъ, какъ болѣзнь, надо излечивать, а не губить изъ-за нихъ людей. А какъ излечивать?

Она опять глубоко вздохнула и замолчала.

— Мама! но развѣ ты можешь совсѣмъ не осуждать? Я не могу. Я непремѣнно осуждаю, волнуюсь. У меня это иногда доходитъ до того, что я перестаю любить тѣхъ, кого я любила.

— Я знаю.

— Чтò ты знаешь?

— Ты объ Игнатіѣ...—прошептала мать.

— Какъ ты угадала? чтò ты знаешь?

— Все. Это—несчастіе, Люба. Ты еще не можешь этого понять, а это—несчастіе.

— Это... это позорно! Отчего я не могу понять? Потому что я молода? Такъ скажи ты... Развѣ это чувство достойно человѣка? Развѣ оно благородно? красиво?

— Чтò дѣлать, Любаша? Ну, чтò дѣлать? Развѣ онъ самъ себѣ радъ? Ахъ, пусть только онъ не догадывается, что я знаю. Это было бы ему тяжелѣе всего. Теперь...

— Чтò... теперь?

— Потомъ всегда кажется, что все надо было сдѣлать иначе. Что было высказано слишкомъ мало любви, мало вниманія. А дѣло уже непоправимо... Ужъ я знаю: онъ будетъ этимъ мучиться, а ты ему скажи тогда отъ меня, что все дѣло хорошо. Что я поняла, простила... Что я вѣрю: онъ не разлюбилъ меня! нѣтъ, нѣтъ!

— Опять?—испуганно спросила Люба.—Мама, ты опять? да развѣ же тебѣ такъ плохо, мама?

— Ну, зачѣмъ же такъ пугаться?—укоризненно замѣтила больная.—Люба! я очень люблю васъ... А я умереть не боюсь.

Я почти рада... Ты меня не разубѣждай. У меня такая наивная, наивная вѣра, что я скоро увижу Степу. У меня очень легко, очень хорошо на душѣ. Ты, Любаша, взгляни на дѣло проще: пережить тебя я не могла; все, что̀ я могла для васъ сдѣлать—я сдѣлала. Теперь, правда, мнѣ хочется умереть. Я уже не гожусь. Когда силъ мало—жить страшно. И вамъ я уже не могла бы служить поддержкой. Вы еще всякое горе перенесете, а я устала и... за васъ мнѣ страшно и тяжело. Отпустите меня безъ... безъ напрасныхъ терзаній. Жизнь коротка. Придетъ и вашъ чередъ. Мы свидимся. Надо, Любаша, надо свыкнуться съ мыслью о разлукѣ.

Люба, молча, горячо цѣловала ея руку.

— Что̀ же дѣлать? не наша воля! Знаю я, что для тебя это тяжело. И мнѣ... уйти отъ тебя... тяжелѣй всего. Если бы не ты...

— Нѣтъ... за меня ты не мучься, — прошептала Люба. — Нѣтъ, мама... Если такъ будетъ, если такъ должно быть, я тебѣ обѣщаю: я буду благоразумнѣе. Ты только позволь... позволь мнѣ... поплакать. Тогда легче. А я обѣщаю...

XVI.

Юрій Сергѣевичъ и Ольга сидѣли на скамейкѣ въ глухой части парка и дышали влажнымъ, свѣжимъ воздухомъ Островов̀ъ. Была ночь, но ночь весенняя, свѣтлая, когда вечерняя заря смѣшивается съ утренней и какъ будто не признаетъ необходимости отдыха ни для природы, ни для людей.

Они сидѣли и молчали.

Вдругъ мимо нихъ промчалась коляска. Ольга отчетливо различила отца и рядомъ съ нимъ—стройную фигуру Алевтины, но почему-то она не сразу уяснила себѣ то, что̀ случилось. Она только поняла, что видѣла своего отца. Порывистое движеніе Горяинова заставило ее оглянуться. И тогда безграничная, тревожная жалость охватила ея душу.

— Вы ошиблись! вы ошиблись! Я знаю ее... Она похожа на вашу жену. Но это не она. Это не Тина! — вскрикнула Ольга.

Горяиновъ неподвижно, съ измѣнившимся до неузнаваемости лицомъ, слѣдилъ за удаляющимся экипажемъ.

— Это не Тина! это не Тина!—повторяла Ольга и трясла его за плечо.

Онъ холодно отвелъ отъ себя ея руки.

— Это она!—увѣренно сказалъ онъ.—Я видѣлъ.

— Она похожа на Тину. Я ее знаю... давно.

— Зачѣмъ обманывать?—глухо спросилъ Горяиновъ.—Изъ жалости? изъ состраданія?

Ольга въ отчаяніи опустила руки.

— Вы это знали раньше! Да?—немного спустя, проговорилъ Юрій Сергѣевичъ.—Всѣ это знали. Это и, быть можетъ, многое другое... Я... я ничего не зналъ.

Ольгѣ вдругъ сдѣлалось очень тяжело и очень обидно. Человѣкъ, который только-что говорилъ ей о томъ, что не можетъ жить безъ нея, теперь терялъ голову отъ сознанія, что его не любитъ другая женщина.

— Знали вы? да говорите же!—нетерпѣливо продолжалъ Горяиновъ.—Тина! Боже мой! Тина!

Онъ снялъ шляпу и положилъ ее на колѣни. Его душило, и онъ нѣсколько разъ оттягивалъ воротъ своей накрахмаленной сорочки. Потомъ онъ надѣлъ шляпу, всталъ и выпрямился, потряхивая плечами.

— Что же? пойдемте?—спросилъ онъ.

Ольга молча, точно пристыженная или виноватая, встала вслѣдъ за нимъ, и они, рядомъ, пошли по дорожкѣ.

— Вотъ ее—вы любили!—долго спустя, проговорила Ольга.— А зачѣмъ...—Она не договорила и только горько усмѣхнулась.

— Милая! простите меня!—попросилъ Горяиновъ и взялъ ея руку.—Сообразить я сейчасъ ничего не могу... Кажется, я толкнулъ васъ, или сказалъ что̀ рѣзкое. Но зачѣмъ вы хотѣли увѣрить меня, что это не она? Какъ будто въ этомъ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе!

Видно было, что ему очень хотѣлось, чтобы въ этомъ могло быть какое-нибудь сомнѣніе.

— Нѣтъ!—рѣшительно прибавилъ онъ:—я даже узналъ ея шляпу, ея накидку.

— Вы, кажется, забываете,—печально напомнила Ольга,— что когда вы увидѣли ее, она могла увидать васъ со мной?

— О, какая разница!—вскрикнулъ Горяиновъ.—Я или она... Вы или... онъ!

— Онъ!—съ глубокимъ презрѣніемъ повторилъ Юрій Сергѣевичъ.—Съ моей стороны—понятное, простительное увлеченіе, а съ ея?.. Какъ много мнѣ теперь припоминается!

Онъ велъ ее за руку, и не замѣчалъ, что идетъ слишкомъ быстро.

— Съ вами... Я былъ съ вами... Но еще никогда въ жизни со мной не было такого наивнаго романическаго приключенія, какъ теперь. И вотъ что̀ я еще скажу вамъ: я радъ, что вы здѣсь. Будь на вашемъ мѣстѣ другая женщина,—вѣроятно, я чувствовалъ бы свое... свое униженіе вдвое сильнѣе, а съ вами мнѣ почему-то легче.

Ольга съ облегченіемъ вздохнула.

— Да? это правда?—тихо спросила она.

Онъ сразу остановился и взглянулъ ей въ лицо.

— Вотъ вамъ вся правда: когда я ухаживалъ за женщинами, я зналъ свою цѣль и шелъ къ ней прямо. Такъ же я началъ ухаживать и за вами. Вы нравились мнѣ, вы дѣйствовали на меня тѣмъ, что̀ составляетъ личную особенность всякой женщины: голосомъ, манерами, выраженіемъ лица. Все это скоро надоѣло бы мнѣ, какъ надоѣдало и раньше... Но вы заставили меня пожалѣть васъ. Я пожалѣлъ. А теперь... Припомните, что я никогда раньше не говорилъ вамъ этого: теперь я васъ, кажется, люблю.

Ольга чуть слышно вскрикнула и схватилась за его руку обѣими руками. Но ее поразило печальное, почти суровое выраженіе его лица.

— Вы довольны?—сухо спросилъ онъ.—Хотите, я повторю? Я люблю васъ. Вы любите меня. Ну, и что̀ же дальше? Мы оба несвободны. Какое же можетъ быть счастье? Чего мы достигли?

Онъ опять взялъ ее за руку и повелъ.

— Я думалъ объ этомъ еще тогда, когда Тина... когда я могъ уважать жену, когда она казалась мнѣ такой чистой, высокой. Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней, и сколько разъ мнѣ хотѣлось откровенно разсказать ей все, какъ сестрѣ! покаяться, попросить совѣта. О моихъ прежнихъ увлеченіяхъ она знала... И прощала. И прощала! — съ горькимъ смѣхомъ подчеркнулъ онъ.—Знаете? я преклонялся передъ личностью Тины. Моя любовь, моя слѣпая вѣра—это было поклоненіе ея уму, ея чистой, высокой душѣ. Измѣнялъ я ей, какъ мальчишка, и потомъ каялся, какъ мальчишка, потому что считалъ ее неизмѣримо выше и лучше меня. Настолько выше и лучше, что иногда это превосходство угнетало, становилось непріятнымъ. О, она умна! Она умѣла заставлять меня глядѣть ея собственными глазами... А что̀ теперь будетъ, Ольга? Если я отторгну ее, если я предоставлю ей полную свободу—она погибнетъ.

Они дошли до того мѣста, гдѣ ихъ ждалъ извозчикъ, и сѣли

въ пролетку. Юрій Сергѣевичъ сгорбился, лицо его осунулось. Казалось, что онъ сразу состарился на нѣсколько лѣтъ.

— Я безхарактеренъ, Ольга!—вдругъ признался онъ.—Я всегда былъ тряпкой... Скажите: вы бы ушли отъ мужа? Скажите: что̀ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Юрій!—дрожащими губами прошептала Ольга:—мнѣ бы такъ хотѣлось счастья! чистаго, честнаго...

— Да развѣ оно можетъ быть?—чуть не крикнулъ онъ съ раздраженіемъ и отчаяніемъ.—Развѣ оно можетъ быть, если я буду знать, что я заклеймилъ жену, бросилъ ее на произволъ судьбы? Если вы будете знать, что у васъ есть другой мужъ...

— Я не люблю его,—сказала Ольга.—И я не нужна ему. Съ тѣхъ поръ, какъ я отказалась брать для него деньги у отца, онъ сталъ придирчивъ, грубъ. Прежде я выносила его присутствіе, какъ неизбѣжное зло, теперь—я едва владѣю собой. Онъ мнѣ противенъ, ненавистенъ.

— Вы давали ему деньги? Вы давали ихъ? а не тратили вмѣстѣ? Такъ ли я понимаю?

— Такъ. Я откупалась отъ него.

— И онъ сталъ придирчивъ и грубъ? Ольга! я не повѣрилъ бы, чтобы вы могли такъ унижать человѣка. Развѣ онъ былъ такимъ, когда женился? Значитъ, это вы погубили его.

— Да! вотъ какъ вы строги!—съ горечью отвѣтила Ольга.—Люблю я васъ, Юрій, и все-таки не понимаю. Вы можете ухаживать за женщинами, увлекать ихъ, причинять имъ много горя, много униженій. А ко мнѣ—вы строги, къ женѣ—вы добры. Какъ васъ понять?

— Ахъ, Ольга! Вы точно ребенокъ. Да кто же изъ мужчинъ серьезно относится къ женщинѣ, если она не мать, не сестра, не жена и если она... только нравится, а не любима? Это уже совсѣмъ особенное отношеніе, и умная женщина должна понимать его и считаться съ нимъ. Вы бы еще сказали мнѣ: вы добры, а вы обыгрываете въ карты своихъ партнеровъ. Такъ на то и партнеры! Они должны знать, на что̀ идутъ.

Ольга нервно засмѣялась.

— Я партнёрша,—сказала она.

— Нѣтъ... Теперь—нѣтъ. И отъ этого не легче, а тяжелѣе.

Онѣ въѣзжали въ улицу, гдѣ жила Ольга.

— А что̀ же вы?—спросила она. — Что̀ вы будете дѣлать?

— Я? я тоже поѣду домой.

Прощаясь, онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

Дверь подъѣзда была еще заперта. На улицѣ было пусто. Ольга обняла его одной рукой и поцѣловала въ щеку.

— Я боюсь за васъ...—шептала она.—Я боюсь... Я не буду спокойна.

— Не бойтесь, дорогая!—отвѣтилъ онъ.—Подумайте обо всемъ, что̀ я говорилъ... Если я не боюсь за васъ, то зачѣмъ же бояться за меня? Развѣ мы оба не въ одномъ положеніи?

Швейцаръ отперъ дверь и какъ-то странно поглядѣлъ на Ольгу.

— Съ бариномъ было худо,—сообщилъ онъ.—Докторъ былъ и уѣхалъ. Настасья Петровна еще посейчасъ здѣсь.

— Заболѣлъ?—быстро спросила Ольга.

— Да оно, значитъ, въ точности я не могу доложить, а случай съ ними вышелъ. Вернулись они, значитъ, часу въ первомъ, я имъ дверь открывалъ... „Получаса не прошло—бѣжитъ горничная... Что̀ такое? Баринъ, говоритъ, изъ ливорвера себя задѣлъ“. Ахъ, ты, Господи, грѣхъ какой!

Ольга быстро побѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

— Вышлите мнѣ сказать... Бога ради!—крикнулъ ей снизу Горяиновъ. Она кивнула головой.

— Да они теперь ничего...—быстро прибавилъ швейцаръ и договорилъ, обращаясь къ Юрію Сергѣевичу:—Докторъ выходилъ, я спрашивалъ. „Ничего, говоритъ, будетъ живъ“. Даже засмѣялся. Должно, и имъ жалко, коли плохо, а видитъ—ничего, такъ смѣется. Ну, говорю, слава тебѣ, Господи!

На звонокъ Ольги отворила Настасья Петровна.

— Шш...—предупредила она.—Тише!

— Онъ спитъ?

— Нѣтъ, онъ не спитъ. Развѣ можно спать при такихъ страданіяхъ? Бѣдный сынъ! бѣдный Аркаша!

Она попробовала вызвать трагическое выраженіе на своемъ длинномъ лицѣ, но вышло смѣшно и очень некрасиво.

— Не ходите къ нему! не ходите! я не могу васъ впустить!

— Что̀ сказалъ докторъ? почему онъ стрѣлялся?

— Докторъ не могъ знать, почему онъ стрѣлялся. Это знаю я, и это знаете вы.

— Не играйте словами, Настасья Петровна! Теперь не время. Нашелъ ли докторъ опасность для жизни?

— Опасность будетъ всегда. Опасность будетъ до тѣхъ поръ, пока вы не перемѣните образа жизни и не перестанете обманывать мужа. Вотъ записка, которую я нашла на его столѣ.

Она подала невѣсткѣ тщательно сложенный листокъ бумаги.

— Да какъ онъ себя чувствуетъ?—нервно крикнула Ольга.

— Тш... Онъ плохъ, но онъ не безнадеженъ.

— Пустите меня!—рѣшительно и спокойно приказала Ольга и пошла къ закрытой двери кабинета.

— Это невозможно! вы его взволнуете. Вы хотите вторично убить его?

Ольга силой отстранила ее и отворила дверь. До ея слуха донесся протяжный, жалобный стонъ.

— Je proteste! Убійца!—крикнула Каширцева.

Въ кабинетѣ было полутемно. На столѣ горѣла лампа, прикрытая большимъ темнымъ абажуромъ; около дивана, гдѣ лежалъ больной, стоялъ столикъ съ стклянкой лекарства и тарелкой мелкаго льду.

— Аркаша! что̀ ты сдѣлалъ?—съ ласковымъ упрекомъ спросила Ольга.

Онъ заметался головой по подушкѣ и сронилъ гуттаперчевый мѣшокъ.

— Уйдите! уйдите!—простоналъ онъ.

— Нѣтъ... Я хочу знать, я хочу видѣть. Куда ты ранилъ себя? Онъ продолжалъ метаться и стонать.

— Будь добръ, Аркаша! Скажи мнѣ: куда ты себя ранилъ?

— Уйдите! Уйдите!

— Безсердечная женщина! уйдете ли вы? развѣ вы не видите, какъ вы мучите его? – опять крикнула Настасья Петровна и встала передъ постелью сына, принимая оборонительную позу.

Ольга безпомощно оглянулась, судорожно сжала руки и вышла.

Въ спальной ее ждала горничная. Не обращая на нее вниманія, Ольга бросилась на кровать и зарыдала.

— Барыня!—тихо позвала горничная.—Съ чего вы такъ-то? Богъ милостивъ! Вѣдь у барина ровнёшенько, ровнёшенько ничего. Такъ... легонькая царапинка. Вѣдь я видѣла, какъ докторъ былъ.

— Видѣла?—жадно спросила Ольга.

— Да какъ же? Я полоскательную чашку держала, а онъ промывалъ. Докторъ такъ и сказалъ: „поцарапались", говоритъ. Конечно, баринъ испужались... „Лежать мнѣ?"—спрашиваетъ. А докторъ: „Чего вамъ лежать? Я сейчасъ перевязку сдѣлаю, а вы хоть сегодня же поѣзжайте, куда хотите".

— А ледъ? а лекарство?

— А это ужъ все Настасья Петровна. Какъ пріѣхали, такъ и начали орудовать.

— Ахъ, да!—вспомнила Ольга.—Внизу ждетъ Юрій Сергѣевичъ.—Я ему сейчасъ напишу записку, а ты снеси.

Она быстро встала и сѣла за свой письменный столъ. Горничная подняла съ полу сложенный листокъ и положила около барыни на столѣ.

— Снеси!—повторила Ольга, подавая ей письмо.

Горничная ушла, а Ольга замѣтила положенный ею листокъ, развернула его и стала читать:

„Прости и прощай! Я рѣшаюсь на самоубійство, потому что жить больше не могу. Я любилъ жизнь и я любилъ тебя, но тебѣ не нужна ни моя любовь, ни моя жизнь. Я говорилъ тебѣ, что у меня долги. Я игралъ, я кутилъ. Я дѣлалъ это, чтобы заглушить свое горе, которое ты причинила мнѣ. Ты не дала мнѣ ни счастья, ни семьи. Ты отказалась платить долги, а я не могу пережить свою честь, какъ пережилъ всѣ униженія, которыми ты осыпала меня. Я выкупаю эту честь цѣной своей жизни. Моя смерть будетъ освобожденіемъ и для тебя. Будь же счастлива, если можешь“.

Далѣе слѣдовала подпись.

Ольга перечла это „предсмертное“ посланіе два раза, и брезгливая, презрительная улыбка покривила ея губы.

„Какъ онъ былъ бы правъ!—подумала она. — Какъ онъ былъ бы правъ, если бы все это не было пошлой, разсчитанной комедіей! Все правда и ни одного искренняго слова“!

Она встала и начала ходить по комнатѣ.

„А если Юрій правъ? Если онъ не былъ такимъ, когда онъ женился? Значитъ, я дѣйствительно убила его! И сколько такихъ убійствъ, никому не вѣдомыхъ, никѣмъ не осужденныхъ!.. Боже мой! Юрій правъ!.. Я сказала ему, что мнѣ хочется счастья, чистаго, честнаго. Я думала, что найду его въ новой любви. Но нѣтъ! онъ правъ: какое же чистое, честное счастье, когда душа уже давно утратила и чистоту, и честность? Я не могла простить отцу его вину противъ Анны Дмитріевны и требовала, чтобы онъ исправилъ именно ее... Именно эту вину, которую не могли искупить всѣ добрыя дѣла, какія бы они ни были. А моя вина противъ мужа? Развѣ ее не надо искупить? Легкаго счастья мнѣ хотѣлось, а не чистаго; радостнаго, а не честнаго. И я обманула бы себя, еслибы не онъ. И всѣ мы обманываемъ себя! И всѣ мы даже не знаемъ, что̀ такое счастье и чего требуетъ отъ насъ жизнь. Жизнь! Такъ вотъ она какая!.. сложная, страшная, мстительная!.. А мы?.. мы думаемъ, что можемъ распоряжаться ею. Жалкіе мы! жалкіе. Точно дѣти, которыя накиды-

ваются на сласти, потому что голодны, и погибаютъ. И некому заставить ихъ ѣсть другую пищу".

Она пріотворила свою дверь и стала прислушиваться. Стараясь ступать совершенно безшумно, она прошла гостиную и остановилась передъ дверью въ кабинетъ. Оттуда слышались два ровныхъ сонныхъ дыханія. Спалъ Аркадій Васильевичъ и спала Настасья Петровна. Старухѣ, вѣроятно, было не особенно удобно и спокойно въ креслѣ, которое она приказала перенести для себя: она тяжело всхрапывала.

XVII.

Было уже около двѣнадцати часовъ ночи, когда Ольга поспѣшно вошла въ помѣщеніе редакціи и спросила заспаннаго сторожа, здѣсь ли Игнатій Степановичъ? Оказалось, что его нѣтъ.

— Навѣрно?—спросила Ольга, и въ голосѣ ея слышалось безпокойство.

Сторожъ поглядѣлъ на вѣшалку и, вмѣсто отвѣта, сталъ перечислять, кому какое пальто принадлежитъ.

— Скажите Юрію Сергѣевичу, что мнѣ надо его видѣть. Что я прошу его выйти сюда,—приказала Ольга.

Горяиновъ пришелъ немедленно.

— Что-нибудь случилось, Ольга Ѳедоровна?—тревожно освѣдомился онъ.—Вы очень блѣдны.

— Гдѣ Игнатій? вы не знаете, гдѣ Игнатій? Его мать умираетъ!..

— Анна Дмитріевна? Боже мой! Но Игнатій Степановичъ ушелъ давно, очень давно. Вы знаете, что его нѣтъ дома?

— Я оттуда! Я тамъ чуть не съ утра. Онъ даже не возвращался обѣдать. Онъ не знаетъ, что она такъ плоха, а теперь... теперь уже началась агонія.

Горяиновъ глядѣлъ на Ольгу; глаза его выражали глубокое сочувствіе и безсильное желаніе помочь ей такъ или иначе.

— Что̀ же дѣлать?—спросилъ онъ.

— Вы не думаете, что Игнатій, можетъ быть, у васъ? у Алевтины Владиміровны?

— Нѣтъ, не думаю. Тина нездорова и не велѣла никого принимать.

— Это ничего... Его она могла бы и принять. Я заѣду къ вамъ, а потомъ... Потомъ я ужъ и не знаю, что̀ мнѣ дѣлать!

— Подождите минутку!—попросилъ Юрій Сергѣевичъ и поспѣшно ушелъ.

Онъ вернулся почти сейчасъ же.

— Теперь ѣдемъ,—предложилъ онъ.—Я не могу отпустить васъ въ такомъ состояніи одну.

Они вышли, сѣли на извозчика и поѣхали молча, даже не глядя другъ на друга.

— Гдѣ я его найду?—только изрѣдка спрашивала Ольга.—Гдѣ его искать?.. Ахъ, тетя!.. Бѣдная тетя!

— Она въ сознаніи?

— Въ полномъ! Она все ищетъ глазами. Тамъ Иванъ Николаевичъ, Судкова.

— А Тина нездорова и никого не велѣла принимать.

Подъѣздъ у Горяиновыхъ былъ отдѣльный, подъ воротами, безъ швейцара. Юрій Сергѣевичъ осторожно позвонилъ и опять сталъ увѣрять, что Игнатія здѣсь быть не можетъ, такъ какъ жена больна.

— И въ окнахъ вездѣ темно,—добавилъ онъ.

Горничная открыла со свѣчой и удивленно взглянула на Ольгу.

— Барыни нѣтъ,—сказала она.

— Игнатій Степановичъ у васъ былъ?—спросила Ольга.

— Тоже уѣхали. Никого нѣтъ.

— Чтò она путаетъ!—разсердился Юрій Сергѣевичъ.—Ей велѣно говорить, что барыни нѣтъ. Она спитъ... Но развѣ Игнатій Степановичъ былъ?

— Были, не такъ давно, и уѣхали съ барыней вмѣстѣ. Я не путаю.

Ольга пришла въ отчаяніе.

— Чтò мнѣ дѣлать? чтò мнѣ дѣлать?

Горничная съ тонкой усмѣшкой глядѣла на Юрія Сергѣевича.

— А барыня не говорила, куда она поѣхала?

— Ничего не говорили.

Онъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами и обратился къ своей спутницѣ.

— Какъ же вы рѣшаете?

— Я еще заѣду къ отцу, это почти по дорогѣ, а оттуда назадъ, къ тетѣ,—отвѣтила она, еле сдерживая слезы.

Горяиновъ подсадилъ ее въ пролетку и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Зачѣмъ? — слабо запротестовала она. Но онъ даже не отвѣтилъ.

Ѳедора Ѳедоровича тоже не было дома. Лакей сказалъ Ольгѣ,

что въ этотъ вечеръ назначено общее собраніе, и баринъ вернется очень поздно.

Когда она опять вышла на улицу, она увидала на извозчикѣ фигуру Юрія Сергѣевича. Въ бѣлесоватомъ, мутномъ, безпокойномъ свѣтѣ весенней ночи его печальное лицо казалось усталымъ, больнымъ. Онъ о чемъ-то глубоко задумался и вздрогнулъ, когда Ольга, садясь, качнула экипажъ.

— Въ общемъ собраніи,—коротко объявила она.

Опять поѣхали. Опять мягко запрыгали колеса, а по сторонамъ потянулись ряды домовъ, скучные, однообразные, съ запертыми подъѣздами. И казалось, что въ каждомъ изъ этихъ домовъ лежалъ тяжело-больной, или случилось какое-то несчастіе, потому что странно было видѣть ихъ такими затихшими и безлюдными, тогда какъ на улицѣ было свѣтло, почти какъ днемъ.

— Я мечтала примирить ихъ хотя бы передъ смертью!—тихо сказала Ольга.

— Нельзя насильно дѣлать людямъ даже добро,—задумчиво отвѣтилъ Юрій Сергѣевичъ.

Неожиданно онъ оживился.

— Знаете ли, что̀ Тина спросила меня? Она спросила: „Какое право имѣешь ты прощать и спасать“? Это тогда, когда я сказалъ ей, что видѣлъ ее съ вашимъ отцомъ и что теперь многое, очень многое мнѣ стало ясно. Я сказалъ, что прощаю ей все, но требую, чтобы въ будущемъ не было ничего подобнаго... Да... Такъ она спросила: „Какое право имѣешь ты прощать и спасать? ты! самый обыкновенный человѣкъ! Развѣ ты не понимаешь, что своей снисходительностью ты оскорбляешь меня“? Ольга, Ольга! мы съ вами—обыкновенные, заурядные люди. Намъ не позволятъ сдѣлать даже то добро, которое нужно для спокойствія нашей совѣсти.

— Вы думаете о ней?—спросила Ольга.—Васъ безпокоитъ, что она уѣхала?

— Нѣтъ! это уже не безпокоитъ меня, — глухо отвѣтилъ онъ.—Я все понялъ. Я увѣренъ: она не вернется. Я одинъ.

— Но при чемъ тутъ Игнатій?

— Вотъ это... для меня совсѣмъ неясно. Но я увѣренъ: она не вернется. Я одинъ.

Подъѣхали къ воротамъ дома, гдѣ жила Анна Дмитріевна. Ольга заторопилась.

— Идите! — позвала она Горяинова. — Вы можете быть нужны.

Сергѣевичъ колебался. Но когда молодая женщина калиткой, онъ пошелъ слѣдомъ за нею.

ртирѣ Воронинымъ было тихо. Въ кухнѣ и въ сто- ли лампы. Около плиты стояла кухарка и испуганно а вновь пришедшихъ. Ольга сбросила на ходу шляпу оглянулась на Юрія Сергѣевича, который остановился і, и прошла въ сосѣднюю комнату, оставивъ за собой крытою. Ее поразила картина, представившаяся ея реди комнаты стояла кровать, а вокругъ нея, въ благо- молчаніи, собрались люди съ блѣдными, сосредоточен- ми. Люба, на колѣняхъ, прильнула губами къ уху матери и нашептывала ей что-то, то торопливо и какъ говорятъ съ отъѣзжающими въ окно вагона, о, тихо, нѣжно... Рядомъ съ ней стоялъ Иванъ Ни- и держалъ руку Анны Дмитріевны; въ ногахъ—Але- ларіоновна Судкова. Когда вошла Ольга, всѣ глаза къ ней. Она сдѣлала отчаянный, отрицательный за выразили нѣмой ужасъ и съ прежнимъ сосредо- выраженіемъ обратились къ той, которая доживала съ дніе минуты. Ольга подошла и стала противъ Любы. а спокойно-торжественное, прекрасное лицо умираю- ное колебаніе ея груди, и ей показалось, что какія-то ъ и ложатся на это лицо...

но больная открыла глаза, и взглядъ ихъ, сознатель- бычайно выразительный, обвелъ всѣхъ окружающихъ лся на Любѣ.

скажу ему, что ты простила его... что ты понимала . — прошептала Люба. — Ты видишь, мама, какая какая я спокойная... Ты не бойся за меня. А я по- спокоить и утѣшить его. Вѣдь ты не страдаешь? вѣдь по? Мамочка! вѣдь ты чувствуешь, что я спокойна не ушія?..

ичено!—тихо сказалъ Иванъ Николаевичъ и положилъ Дмитріевны на постель.

е слыхала или не поняла. Она продолжала шептать, вая, то ласкаясь, то вымаливая у матери послѣднюю

кройте ей глаза! — тихо посовѣтовалъ Иванъ Нико-

чѣмъ?—удивилась она.

естова не хватило духу объяснить ей, „зачѣмъ“.

— Такъ надо. Такъ ей будетъ лучше.

Люба послушалась. Она закрыла глаза матери и повторяла:

— Ну, спи, спи! Вѣдь ты не страдаешь? тебѣ хорошо?

Судкова вышла въ столовую. Она увидала Юрія Сергѣевича и удивилась.

— Что̀?—спросилъ онъ.—Что̀ тамъ?

— Тамъ все кончено. Тамъ угасла чистая, благородная жизнь.

Она спокойно подошла къ столу, убавила немного свѣту въ лампѣ, объяснивъ:

— Она коптила. Вы не замѣтили.

Горяиновъ посмотрѣлъ на нее, и ея полная фигура лимфатической блондинки, ея уравновѣшенный тонъ, даже ея одобреніе жизни умершей, показались ему непріятными и безконечно скучными.

„А вѣдь она „необыкновенная“ женщина!—подумалъ онъ.—Она необыкновенная, потому что бѣжала отъ мужа, готовится „пострадать“. Она имѣетъ право прощать, спасать и говорить хорошія слова“.

— Могу ли я... быть какъ-нибудь полезенъ?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Не думаю. Надо ее убирать. Сдѣлать это могу я и кухарка.

Она прошла въ кухню, и сейчасъ же оттуда послышались громкія причитанія, строгій окликъ Судковой и затѣмъ плачущій, бабій голосъ, который говорилъ:

— Самоваръ надо ставить... Матушка ты наша! Потрудиться для тебя въ послѣдній разъ...

Когда покойницу убирали, Люба, Ольга и двое мужчинъ сидѣли въ столовой. Люба не хотѣла уходить отъ матери, но Иванъ Николаевичъ сказалъ ей, что такъ надо, и она испуганно покорилась. Она дѣлала все, что̀ ей приказывали: пила воду, принимала капли, даже старалась заплакать, потому что Ольга неотступно просила ее объ этомъ; но видно было, что она совершенно не понимаетъ, зачѣмъ требовались отъ нея всѣ эти поступки, и все время думала, что они нужны не для нея, а для матери.

Она вдругъ стала необыкновенно похожа на ребенка, котораго запугали и заставили держать себя тихо и спокойно. Она вздрагивала, широко раскрывала глаза, полные ужаса, и старалась улыбаться. На нее жутко было смотрѣть.

— Какое платье надѣть на покойницу?—спрашивала Судкова.—Дайте то, что̀ нужно, Любочка. Не надо падать духомъ!

надо быть мужественной! Мы всѣ здѣсь сочувствуемъ вашему горю, потому что ваша мать была чистая, свѣтлая личность.

— Личность!—мысленно повторилъ Горяиновъ.—Вѣроятно, такіе люди, какъ Судкова, думаютъ и о себѣ не иначе какъ о „личности".

Иванъ Николаевичъ дрожалъ, едва удерживался отъ слезъ и не спускалъ тревожнаго взгляда съ Любы. Онъ все хотѣлъ сказать ей что-то, и не находилъ словъ, или не рѣшался. Ольга плакала. Плакала сильно, малодушно и откровенно. Она же первая вспомнила о томъ, что надо сдѣлать необходимыя распоряженія.

— Голубчикъ!— обратилась она къ Горяинову:—поѣзжайте, пришлите людей изъ бюро. И, пожалуйста, переговорите обо всемъ... Полагаюсь на васъ, а деньгами не стѣсняйтесь.

Юрій Сергѣевичъ собрался выходить; но въ это время въ кухню поспѣшно вбѣжалъ Игнатій и остановился въ дверяхъ столовой. Онъ увидалъ неожиданныхъ гостей, испуганное лицо сестры, и тогда какъ все уже стало ему ясно, онъ все еще старался понять, проводилъ рукой по лицу и волосамъ, и глаза его искали и избѣгали отвѣта на мучившій его, страшный и уже разрѣшенный вопросъ.

Горяиновъ молча посторонился и, бѣгло взглянувъ на его лицо, не выдержалъ и опустилъ голову.

— Игнаша! — звенящимъ голосомъ вскрикнула Люба, но испугалась собственнаго восклицанія и только поднялась ему на встрѣчу съ торопливостью, съ которой встрѣчаютъ гостя.

— Я ѣздила... Я искала васъ вездѣ, гдѣ могла!—нервно сказала Ольга.

— Теперь... поздно?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Да, теперь поздно! — сурово отвѣтила Судкова, проходя мимо него въ кухню.

Игнатій машинально протянулъ ей руку, пошатнулся и упалъ бы на полъ, если бы Горяиновъ не подхватилъ его. Его отвели въ его комнату, положили на постель, а онъ глядѣлъ передъ собой безсмысленнымъ взглядомъ и повторялъ:

— Подлый, подлый!..

XVIII.

На похоронахъ Анны Дмитріевны ни Модестова, ни Судковой не было. Люба замѣтила это и нѣсколько разъ спрашивала:

— Гдѣ они? отчего ихъ нѣтъ?

Хоронили пышно и торжественно, но за гробомъ, кромѣ любопытныхъ, шли только четверо: братъ и сестра, Ольга и Юрій Сергѣевичъ.

Горяиновъ пріѣхалъ, когда процессія уже выходила за ворота.

— Знаете, — шепнулъ онъ Ольгѣ: — Модестовъ и Судкова арестованы сегодня ночью.

Ольгѣ захотѣлось кричать отъ жалости. Она порывисто подошла къ Любѣ, крѣпко обняла ее за талію и пошла такъ рядомъ съ нею.

— Люба!—просила она:—теперь ты моя сестра!.. Да? ты обѣщаешь, что мы не разстанемся съ тобой? Люба! у судьбы нѣтъ состраданія, а мы должны же помогать другъ другу жить. Я буду страшно несчастна, если ты откажешься жить у меня, со мной!.. Обѣщай! обѣщай!

Дѣвушка довѣрчиво прижималась къ ней.

— Я сейчасъ ничего не могу, Оля, милая!.. Отчего мнѣ такъ страшно? Гдѣ Иванъ Николаевичъ? отчего его нѣтъ?

Ольгѣ тоже было страшно. Ей казалось, что на всемъ свѣтѣ не существуетъ больше ни радости, ни счастья, ни даже сравнительнаго благополучія. Не оставалось ни одного просвѣта, ни одной отрадной, успокаивающей мысли.

— Что у васъ? — спросила она Юрія Сергѣевича. Онъ усмѣхнулся.

— Ничего новаго. Она не вернулась. Я такъ и зналъ...

— Вы ни о чемъ не спрашивали Игнатія?

— У него? но взгляните... Развѣ у него можно что-нибудь спрашивать?

Игнатій шелъ впереди, держась рукой за перекладину дрогъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся домой, онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, глядѣлъ безсмысленными глазами, и рѣшившись съ отчаяннымъ усиліемъ воли подойти къ покойницѣ, онъ уже не отходилъ отъ нея и не спускалъ съ нея глазъ. Двѣ ночи сидѣлъ онъ около гроба, и несмотря на то, что губы его были крѣпко сомкнуты, а лицо умершей улыбалось неподвижной, навсегда застывшей улыбкой, Люба была убѣждена, что между матерью и сыномъ длится долгая, нѣмая бесѣда, что мать слышитъ и чувствуетъ исповѣдь больной, надорванной, но дорогой ей души.

Когда прахъ опустили въ землю, Игнатій подошелъ къ Горяинову и отвелъ его въ сторону.

— Простите ли вы меня?—глухо спросилъ онъ.—Я помогалъ вашей женѣ, когда она... бѣжала отъ васъ. Я любилъ ее.

Она обманывала васъ и меня. Теперь она далеко... за границей. Я повѣрилъ ей, что она хочетъ скрыться, чтобы вести новую жизнь. Она обѣщала писать мнѣ, вызвать къ себѣ. Я всему вѣрилъ. Надо же было мнѣ вѣрить! Теперь я не скрываю отъ себя правды, потому что она уже не страшна мнѣ... Я не сдѣлалъ вамъ зла. Простите ли вы меня?

Лицо Юрія Сергѣевича судорожно дрогнуло.

— И вы?..—еле слышно проговорилъ онъ.—Нѣтъ... это ничего... Вы должны понять, что мнѣ... А какая же правда? Вы сказали, что не скрываете отъ себя правды?

Игнатій горько усмѣхнулся.

— Правда та, что ни васъ, ни меня она къ себѣ не вызоветъ. Устроится она такъ, какъ мечтала давно. Я знаю, что мой почтенный дядя на дняхъ выѣзжаетъ за границу по дѣламъ общества. Вы понимаете, что ни благотворительныхъ базаровъ, ни передовыхъ направленій, ни связей—ей больше не нужно. Она съумѣетъ обезпечить себя.

— Игнатій Степановичъ! — чуть не съ угрозой окликнулъ Горяиновъ, но сейчасъ же опомнился и опустилъ голову.—Ѳедоръ Ѳедоровичъ?—спросилъ онъ.

Лицо Игнатія исказилось отъ ненависти, но онъ промолчалъ.

— Я, какъ школьникъ, прошу у васъ прощенія.

Юрій Сергѣевичъ преувеличенно-поспѣшно протянулъ ему руку. Они разстались молча.

— Я не могу придти къ вамъ послѣ этого покушенія...—шепнулъ Горяиновъ Ольгѣ, когда она садилась въ карету, вслѣдъ за Любой.—Гдѣ мы увидимся? когда?

Ольга пріостановилась.

— Я зайду въ редакцію, на дняхъ.

Ольга Ѳедоровна увезла Любу съ кладбища прямо къ себѣ.

— Ты будешь моей сестрой, — повторяла она возбужденно, осыпая дѣвушку самыми нѣжными ласками. — Ты понимаешь, Люба: это не столько важно для тебя, сколько для меня. Мы будемъ помогать другъ другу жить. У тебя острое, опредѣленное горе, а я... Знаешь, я была какъ-то въ больницѣ, въ общей палатѣ, и видѣла, какъ больныя ухаживаютъ другъ за другомъ, помогаютъ другъ другу. Я тогда подумала, что сидѣлки, сестры милосердія и даже доктора не могутъ сдѣлать для нихъ того, что̀ они дѣлаютъ сами, обоюдно. Надо страдать, чтобы помочь страдающему. Любинька! Любинька! мнѣ стыдно теперь говорить тебѣ о своихъ страданіяхъ, но ты должна знать, что ты мнѣ

нужна, необходима... Я хочу, чтобы ты поняла, до какой степени ты мнѣ близка, дорога...

Потомъ она взглядывала въ недоумѣвающіе и какъ будто испуганные глаза подруги, и ею овладѣвало отчаяніе.

— Ахъ, ничего я тебѣ сказать не умѣю! ничего!

„И зачѣмъ это я ей про себя? про свои страданія?—горько упрекала себя Ольга.—Развѣ они могутъ стать рядомъ съ ея?.. Ея горе—такое чистое, возвышенное, понятное. А мое? Я не люблю своего мужа, а люблю чужого. Развѣ это теперь въ ея глазахъ можетъ имѣть серьезное значеніе? Блажь какая-то! мелкое, эгоистическое чувство, способное вызвать презрѣніе, способное оскорбить или оттолкнуть. Вѣдь я чувствую это! вѣдь мнѣ стыдно за себя! Отчего стыдно"?

Люба все съ тою же покорностью, похожею на запуганность, поднялась въ квартиру Каширцевыхъ, вошла въ заранѣе приготовленную для нея комнату и выпила чашку кофе, которую Ольга принесла ей туда. Изрѣдка она вздрагивала, съ ужасомъ расширяла глаза и спрашивала:

— А Иванъ Николаевичъ? Отчего его не было? отчего онъ не пришелъ?

Ольга не рѣшалась сказать ей правду. Отъ жалости и безпокойства она ощущала въ груди настоящую, физическую боль и говорила и дѣйствовала такъ, какъ можетъ говорить и дѣйствовать только вполнѣ растерявшійся человѣкъ. Она становилась передъ Любой на колѣни, цѣловала ея руки, укачивала ее, охвативъ ее за плечи и прижимая ея голову къ своей груди. И все время въ головѣ ея вставалъ одинъ неразрѣшимый вопросъ:

„Отчего мнѣ стыдно? Отчего мое горе не можетъ стать на-ряду съ ея? Отчего я не могла бы признаться теперь, что я люблю Юрія? и даже это слово „любовь" кажется мнѣ самой постыднымъ и жалкимъ"?

Къ вечеру Ольга настояла на томъ, чтобы Люба легла въ постель, и вдругъ съ удивленіемъ и радостью замѣтила, что та начала засыпать. Еще долго держала она свою руку на ея плечѣ, а когда дыханіе дѣвушки стало совсѣмъ ровнымъ и спокойнымъ, она осторожно встала и съ усталымъ, измученнымъ, но рѣшительнымъ лицомъ направилась къ кабинету мужа. Аркадій былъ дома и что-то писалъ.

— Я не помѣшаю тебѣ? — спросила Ольга. Тотъ быстро прикрылъ написанное чистымъ листомъ бумаги и поспѣшно приподнялся ей на встрѣчу.

— Нисколько, Ольга. Прошу тебя.

Жена еще въ первый разъ вошла въ комнату послѣ его покушенія на самоубійство.

— Я къ тебѣ, Аркаша,—мягко, почти ласково сказала она и съ видомъ крайняго утомленія опустилась на кресло.

Онъ засуетился, безъ всякой надобности переставилъ что-то на столѣ, придвинулъ стулъ, но не сѣлъ, а, взявшись руками за его спинку, началъ раскачивать его передъ собой. Лицо его то улыбалось, то принимало виноватое, угнетенное выраженіе.

— Я слышалъ, Ольга... У тебя горе...

Она нетерпѣливо тряхнула головой и подняла на него задумчивые, заплаканные глаза.

— Ты ее не зналъ. Ты не можешь судить, — какъ будто разсѣянно отвѣтила она.—Я пришла говорить о другомъ: о тебѣ, о насъ...

Ему было неловко подъ ея взглядомъ, но она не замѣчала этого и упорно, съ нескрываемымъ интересомъ разглядывала его лицо. Ея мысли такъ занимали ее, что выражать ихъ вслухъ она не торопилась.

— И ты привезла сюда твою двоюродную сестру?—неувѣренно говорилъ Аркадій.—Лишь бы ты сама не переутомилась, Ольга. У тебя очень плохой, очень усталый видъ.

— Аркаша!—внезапно сказала Ольга:—ты чувствуешь, что нельзя продолжать жить такъ, какъ мы жили?

Онъ видимо удивился и быстро заморгалъ, стараясь скрыть наростающую неловкость.

— Ты чувствуешь?—настойчиво переспросила жена.

— Видишь ли...—неувѣренно началъ онъ.—Я, собственно, не вполнѣ понимаю твой вопросъ. Если ты хочешь сказать, что надо умѣрить наши расходы, что... Повторяю, что я очень признателенъ, что ты выручила меня...

Она остановила его рѣзкимъ, нетерпѣливымъ жестомъ.

— Нѣтъ... жить такъ нельзя, жить! — нервно подчеркнула она.—Помнишь твое письмо? „Я пережилъ всѣ униженія, которыми ты осыпала меня“. Вѣдь это правда, Аркаша! Развѣ мы не унижаемъ другъ-друга постоянно, изо дня въ день? Развѣ мы не забыли, что у каждаго изъ насъ есть живая душа и что надо бы жалѣть ее, щадить...

Она вдругъ нахмурилась и махнула рукой.

— У меня это опять выходитъ какъ фразы! — съ отчаяніемъ въ голосѣ замѣтила она.—Душа! Какая душа? Будто что-то отвлеченное, выдуманное. Ну, понимай, какъ хочешь, а я...

я прочла твое письмо, и хотя я знаю, что ты выдумалъ его, сочинилъ, а я все-таки почувствовала, что въ немъ все правда, и, видишь ли ты, я тяжело, тяжело осудила себя. Аркадій! Повѣришь ли ты, что я не знала себя до сихъ поръ? Какъ большинству женщинъ, мнѣ хотѣлось быть счастливой, свободной... веселой. Ну, я мало думала о своихъ вкусахъ, не разбирала, что̀ въ нихъ хорошо, что̀ дурно. Вѣдь у насъ установился какой-то шаблонъ счастья. То, что̀ было въ немъ для меня доступно, къ тому я и стремилась. Недозволеннаго, безнравственнаго—для меня не существовало. Было бы счастье! Но его не было, Аркадій. Подожди, какъ бы мнѣ тебѣ объяснить? Вотъ эта моя тетка, которая умерла, жила съ женатымъ человѣкомъ, пользовалась его средствами для себя и для своихъ дѣтей. Многіе ее осуждали за это, ее не принимали въ обществѣ, а она говорила: „я признаю за другими право презирать меня, но это не мѣшаетъ мнѣ самой чувствовать себя честной, чистой, гордой"... Да она и не могла чувствовать себя иначе, потому что, дѣйствительно, у нея была чистая, прекрасная душа. Непонятно тебѣ, что можно тосковать о чистотѣ? Ахъ, можно! можно! Я сразу поняла разницу между чистымъ, свѣтлымъ, безгрѣшнымъ счастьемъ—и тѣмъ, за которымъ я гонялась годами. Счастье по совѣсти... Ты слушаешь меня и не понимаешь? да? Видно, надо все это пережить, чтобы понять. А вотъ, когда я съ своимъ новымъ чувствомъ, съ своимъ новымъ требованіемъ оглянулась на себя, меня взяло такое отчаяніе! Вѣдь нѣтъ у меня больше чистоты, а развѣ ее вернешь? А развѣ я знала, что она такъ дорога, такъ нужна?

Ольга остановилась и тяжело перевела дыханіе.

— Ты очень возбуждена,—съ тонкой улыбкой сказалъ Аркадій.—Я боюсь, что ты говоришь вещи... словомъ, что ты пожалѣешь позже, что сказала то, о чемъ не слѣдуетъ говорить.

Во время маленькой рѣчи жены онъ замѣтно успокоился, увѣрившись, что она пришла не для того, чтобы стыдить и упрекать его, и теперь виноватое, угнетенное выраженіе его лица незамѣтно смѣнилось снисходительнымъ, почти покровительственнымъ.

— Не слѣдуетъ говорить?—подхватила Ольга.—Нѣтъ, значитъ, ты не понимаешь! Я осудила себя, и я не боюсь, что осудишь и ты, и другіе... Я отреклась отъ всего, чего хотѣла, чего добивалась въ прошломъ, и я хочу, чтобы ты видѣлъ это. Я не для того пришла, чтобы наговорить тебѣ фразъ, хорошихъ словъ въ высокомъ назидательномъ духѣ... Я пришла, потому что у

меня еще есть лучъ надежды... Скажи мнѣ, Аркадій, можешь ты простить мнѣ то зло, которое я тебѣ сдѣлала? о которомъ ты упоминаешь въ письмѣ? Могу я быть чѣмъ-нибудь для тебя? другомъ, что-ли.... Нужна я тебѣ? почувствуешь ли ты пустое мѣсто, если... если меня... не станетъ...

Она вдругъ закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Ай-ай! О, какъ у насъ разстроились нервы! — уже совсѣмъ покровительственнымъ тономъ заговорилъ Аркадій и, отстранивъ стулъ, подошелъ къ женѣ и нѣсколько разъ погладилъ ее по волосамъ.—Ой, какъ мы не щадимъ своего здоровья! Гдѣ наше благоразуміе? гдѣ наша разсудительность?

— Отвѣть!—почти повелительно вскрикнула Ольга, не отнимая рукъ отъ лица.

Аркадій засмѣялся.

— Отвѣтить на что̀? Прощу ли я тебя? Съ радостью, новый другъ мой! отъ души! Voilà qui est réglé... Ты удовлетворена?

Она сразу перестала плакать, вытерла лицо платкомъ, и въ глазахъ ея промелькнулъ какой-то безпомощный ужасъ, когда она подняла ихъ на мужа. Потомъ она глубоко вздохнула и встала.

— Ты меня не понялъ, — съ поражающимъ спокойствіемъ произнесла она.—Словъ, значитъ, мало... Ну, все равно...

— Я понимаю, что тебѣ необходимо лечь, отдохнуть.

— Да, да.

Близко около двери она остановилась, слегка повернулась къ мужу, и болѣзненная улыбка искривила ея губы.

— Словъ мало...—повторила она.—Пусть же они останутся на то время, когда мы опять будемъ понимать другъ друга. Мнѣ хотѣлось высказаться... Но я выбрала неудачный моментъ. Я вѣрю: мы поймемъ другъ друга.

Ольга вышла, и Аркадій Васильевичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

„А, можетъ быть, надо было обойтись съ ней ласковѣе, нѣжнѣе?—подумалъ онъ, возвращаясь къ своему письменному столу.—Богъ ихъ знаетъ, этихъ женщинъ“!...

„Высказалась... — съ горечью думала Ольга. — Но была ли я вправѣ сказать ему про Юрія? про мою любовь? Зачѣмъ? зачѣмъ? онъ бы понялъ ее какъ новую погоню за легкимъ счастьемъ, онъ не повѣрилъ бы, что она только должна помочь мнѣ очистить свою душу, а не загубить ее совсѣмъ“?

Она остановилась въ темной гостиной у окна, и опять заплакала, не замѣчая своихъ слезъ, которыя лились по ея лицу.

„До чего я одинока!—думала она.—Какъ бы откровенно я ни говорила съ мужемъ—онъ пойметъ во мнѣ только дурное, только порочное. Пойметъ и даже не осудитъ, даже не повѣритъ моему стыду, раскаянію... Люба... Но она еще ребенокъ и еще такъ далека, далека отъ жизни! Она—или слишкомъ требовательна, или слишкомъ снисходительна. И вотъ выходитъ, что я одна себѣ судья. И, вѣроятно, не можетъ быть у человѣка другого судьи, кромѣ своей собственной совѣсти. Остальные—всѣ несправедливы, пристрастны, безсильны... Насталъ мой часъ судить себя, и даже моя любовь къ Юрію, любовь, которую я считала чистой и святой, поднимаетъ въ моей душѣ стыдъ. И не могу я закрыть глаза, и не понимать, и не слушать... Я—на распутьи. Хочу—и пойду къ счастью, котораго я такъ хотѣла, такъ ждала! Но хочу ли я его теперь? И если только его хочу—о чемъ моя тоска? Зачѣмъ это сознаніе, что я убиваю въ себѣ все лучшее, что̀ могло бы жить, но что̀ мѣшало бы мнѣ наслаждаться и быть счастливой? Чего же я хочу? Опять легкаго счастья или той чистоты, мира съ самой собой... Человѣческаго или Божьяго? грѣха или безмятежности“?

И вдругъ она, точно со стороны, увидала себя... Два о̀браза, двѣ фигуры, какъ олицетвореніе двухъ началъ, человѣческаго и Божьяго. И въ то время, какъ она узнала изученную, слегка вызывающую улыбку первой, улыбку, подъ которой она сама сознавала весь свой мучительный душевный разладъ,—другая фигура поразила ее своимъ кроткимъ, печальнымъ спокойствіемъ.

— Я счастлива!—нагло заявляла первая.

— Я прощена!—говорила вторая.

И никогда не было ей такъ ясно, что это прощеніе, которое могло вернуть ей миръ и чистоту, должно было исходить только изъ ея собственной души, что слово отпущенія должно было быть произнесено въ глубинѣ ея собственной совѣсти.

Никогда не было ей такъ ясно, что эта человѣческая совѣсть требуетъ иногда такихъ страданій и жертвъ, передъ которыми возмущается разумъ; страданій и жертвъ, которыя, даже не достигая внѣшнихъ результатовъ, настолько же нужны для духовной стороны человѣка, насколько нужно пламя, чтобы очистить и расплавить металлъ.

„Я хочу быть прощенной...“—заливаясь слезами, думала Ольга.

Передъ отъѣздомъ на лѣто къ мужу, Настасья Петровна забѣжала къ Аркадію проститься.

Она была раздражена, и хотя говорила своимъ знакомымъ о томъ, какъ она радуется возможности взять изъ института свою крошку и пожить съ ней вмѣстѣ у „ce bon, cher Basil“, который такъ соскучился о ней, но ей не хотѣлось ѣхать, а главное, она не знала, какъ ей удастся расплатиться съ своими долгами.

Аркадій Васильевичъ принялъ ее у себя въ кабинетѣ. Былъ праздникъ, и онъ, случайно, еще не успѣлъ уйти изъ дома.

— En voilà du nouveau! Hein!—сказала Настасья Петровна и кивнула въ сторону комнаты Ольги.

Аркадій нахмурился.

— Я предупреждаю, что я очень спѣшу,—замѣтилъ онъ.

— Mais... послушай! Это не можетъ такъ продолжаться, не правда ли?

— Чтò?

— Тебѣ навязали на шею эту... эту родственницу: Тебя даже не спросили, желаешь ли ты принять ее въ свой домъ.

— Я не возражалъ,—сказалъ Аркадій.

— Да, я понимаю; потому что ты добръ и великодушенъ. Но ты долженъ былъ бы замѣтить женѣ, что ея капризы стòятъ денегъ. Если она не хочетъ больше обращаться за помощью къ отцу—пусть же она первая учится бережливости.

— Вы знаете, maman, что она изъ собственныхъ средствъ уплатила всѣ мои долги? Она моглà бы этого не дѣлать...

— Ouich!—непріятнымъ звукомъ свистнула Настасья Петровна.—Могла не дѣлать?.. Это послѣ того, чтò мы видѣли на базарѣ? Послѣ того, какъ эта прелестная madame Горяинова принуждена была бѣжать отъ явнаго издѣвательства мужа? Весь свѣтъ знаетъ эту исторію. И, наконецъ, твое покушеніе...

Аркадій зажалъ уши.

— Maman! Бога ради... Это вы сдѣлали скандалъ изъ этого несчастнаго покушенія. Вы разблаговѣстили о немъ повсюду. А мнѣ стыдно о немъ вспомнить. Стыдно, потому что Ольга такъ неожиданно, такъ серьезно отнеслась къ моему письму. Не пытайтесь вы сдѣлать изъ меня окончательнаго негодяя, maman. Вы хотите, чтобы я опять эксплоатировалъ жену, а я предупреждаю, что я этого больше не хочу и не могу.

— Для меня не хочешь и не можешь!—крикнула мать.— Но развѣ я не знаю, что ты и не думалъ прерывать связи съ этой... этой, которую я даже не хочу назвать!

Аркадій молча взялъ свою шляпу.

— Послушай!—громко продолжала Настасья Петровна:—

ты знаешь, я способна зайти къ Өедору Өедоровичу и разсказать ему положеніе вещей. Я скажу ему, что честь нашего имени...

— Не трудитесь!—холодно замѣтилъ сынъ.—Өедоръ Өедоровичъ уѣхалъ за-границу.

Настасья Петровна растерянно оглянулась.

— А ты не дашь мнѣ взаймы? Dis, chéri!—вдругъ ласково попросила она.

Аркадій пожалъ плечами.

— Поймите вы — у насъ теперь другія отношенія съ Ольгой. Совсѣмъ другія! Ну, что̀ я вамъ буду разсказывать—вы все равно не поймете.

— А ты, все равно, будешь играть, будешь швырять на свою... свою... Ну, скажи, что это не правда! Скажи, что ты измѣнилъ свои привычки! А я уличу тебя во лжи...

— Я ничего не буду говорить,—пробормоталъ немного смутившійся Аркадій.—Я совсѣмъ не намѣренъ лишать себя всякаго удовольствія. Вы хорошо знаете мою теорію.

— Теорію, по которой я одна осталась ни-при-чемъ! — съ отчаяніемъ вскрикнула мать.

Былъ тихій, печальный, осенній день.

На балконѣ скромной дачи сидѣла Ольга Өедоровна и держала на колѣняхъ книгу. Въ большомъ креслѣ, окруженная подушками, дремала Люба, и ея тонкое, исхудалое личико даже во снѣ сохраняло печальное и покорное выраженіе.

Скрипнула калитка, и на дорожкѣ дачнаго садика показалась высокая, статная фигура Горяинова. Ольга подавила удивленный, радостный возгласъ, сбѣжала по лѣстницѣ и бросилась къ нему на встрѣчу.

— Ты? ты!..—задыхаясь, прошептала она и обвила его шею руками.

Онъ указалъ ей глазами на Любу, отстранилъ ея руки и нѣжно поцѣловалъ ихъ одну за другой. Они остановились подъ деревьями.

Низкія вѣтви съ рѣдкой, пожелтѣвшей листвой протягивались надъ ихъ головами.

— Видишь, Ольга,—я не выдержалъ и пріѣхалъ,—тихо сказалъ Юрій Сергѣевичъ.

— Подожди... – еле слышно отвѣтила Ольга и положила голову на его плечо.—О, какое счастье!.. Хотя одну минуту... Ни о чемъ не думать... Забыться...

Онъ хотѣлъ вновь отстранить ее и не могъ.

Она тихо, радостно плакала.

— Милая! любимая!—шепталъ онъ.—Зачѣмъ же было требовать отъ меня, чтобы я... даже не пытался видѣться съ тобой? Зачѣмъ? если это такъ тяжело? если мы любимъ... оба?

— Подожди... молчи...

Они медленно пошли по аллеѣ и сѣли на скамейку, около забора.

Ольга плакала и смѣялась.

— Чтò Люба?—спросилъ Юрій Сергѣевичъ.

— Она теперь поправляется. Къ тому времени, какъ участь Ивана Николаевича будетъ рѣшена, она окрѣпнетъ и пойдетъ за нимъ. А мнѣ кажется, что она не любитъ его, а только жалѣетъ. Развѣ она понимаетъ, чтò такое любовь?

— А у меня былъ Игнатій, — сообщилъ Горяиновъ. — Ему предлагаютъ какое-то выгодное мѣсто. Но далеко. Очень далеко. Онъ хотѣлъ придти посовѣтоваться съ тобой и съ Любой.

Ольга чуть-чуть нахмурилась.

— Этотъ уже воспрянулъ, — замѣтила она. — Его сила— упрямство и честолюбіе. Онъ добьется того, чего хочетъ.

— А ты?—немного спустя, спросила она.

Горяиновъ пожалъ плечами.

— Все еще ищу покупателя на газету. Куда мнѣ вести такое дѣло? да и зачѣмъ? Дымниковъ ищетъ денегъ. Если найдетъ— передамъ все ему и... уѣду на Кавказъ... насаждать культуру.

Онъ печально улыбнулся.

— А я?—едва владѣя своимъ голосомъ, спросила Ольга. — Ну, а я?

Юрій Сергѣевичъ круто повернулся къ ней, заглянулъ ей въ лицо и схватилъ ее за руки.

— Такъ рѣши же!—горячо и взволнованно заговорилъ онъ: —рѣши же сама! Вѣдь ты знаешь... Какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ

Ольга мертвенно поблѣднѣла.

— Но вѣдь и ты говорилъ... Помнишь? ты говорилъ: не можетъ у насъ быть чистаго, честнаго счастья. Не можетъ...

Она жадно слѣдила за выраженіемъ его лица, а онъ опустилъ голову и оставилъ ея руки.

— Ты правдивъ, Юрій. Отвѣть же мнѣ: имѣемъ ли мы оба, по совѣсти, право на счастье? Не будетъ ли оно новымъ проступкомъ? Отвѣть!

Она вся потянулась къ нему, и въ расширенныхъ глазахъ

ея свѣтились напряженное ожиданіе и какая-то смутная надежда.

— Но мы—не герои... Мы—самые обыкновенные люди,— проговорилъ Юрій Сергѣевичъ и еще ниже опустилъ голову.— Кто же вправѣ требовать отъ насъ подвиговъ? Положимъ, мы откажемся отъ счастья, а кто знаетъ?—быть можетъ, это будетъ безсмысленная жертва! Быть можетъ, мы напрасно боимся нашей совѣсти, и жизнь пощадитъ насъ, пожалѣетъ...

Ольга молчала. Вся выпрямившаяся, блѣдная, похолодѣвшая, глядѣла она впередъ измѣнившимся, глубоко-сосредоточеннымъ взглядомъ. Грудь ея тяжело дышала.

Потомъ она перевела глаза на человѣка, котораго она любила, въ которомъ въ эту минуту сосредоточилось все, что было дорогого и святого въ ея жизни. Лицо ея измѣнилось и стало кроткимъ, ласковымъ и печальнымъ.

— Разсчитывать на пощаду? нѣтъ! — тихо сказала она и покачала головой.—Большая любовь, это—большая сила. И мы употребимъ ее на то, чтобы чистое осталось чистымъ, святое—святымъ.

Онъ вздрогнулъ и провелъ рукой по лицу.

— Я зналъ, какъ ты рѣшишь, — черезъ силу проговорилъ онъ.—Я ждалъ этого.

Л. Авилова.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
КОНЦА 40-ХЪ ГОДОВЪ.

Окончаніе.

XII *).

Былъ конецъ іюля или начало августа 1849 года, когда, вскорѣ послѣ обѣда, я встревожился и былъ испуганъ страшнымъ гуломъ орудій, стрѣлявшихъ надъ моимъ потолкомъ: стекла въ окнахъ дрожали, и двери изъ корридора потрясались. Выстрѣлы одинъ за другимъ обходили кругомъ всей крѣпости.

А на дворѣ была тишина. Такъ какъ форточный осмотръ не далъ мнѣ никакого объясненія внезапной канонадѣ, то я постучалъ въ окно двери;—тряпка скоро поднялась, подошелъ сторожъ и посмотрѣлъ на меня: „Что̀ это значитъ? зачѣмъ стрѣляютъ?“—спрашивалъ я.

Онъ посмотрѣлъ и, ничего не отвѣтивъ, опустилъ тряпку. Судя по внутреннему состоянію крѣпости, неторопливой ходьбѣ, обычной тишинѣ, отсутствію всякихъ признаковъ тревоги, должно было придти къ заключенію, что все обстоитъ благополучно, а потому весь этотъ шумъ долженъ быть по пустякамъ. Все казалось мнѣ въ то время пустякомъ, что̀ не имѣло какого-либо отношенія къ моему освобожденію.

---

*) См. выше: ноябрь, 152 стр.

ъ этотъ же день, часа черезъ два, въ коридорѣ началось еніе, бѣготня со связкой ключей и стали отворяться наши ы. Вошелъ комендантъ и, устремивъ на меня какъ бы сер- й взоръ, сказалъ:—Ну, что? здоровы?...—Слышали пальбу?
— Пожалуйста, скажите мнѣ, скоро ли окончится наше дѣло? вѣчалъ я ему умоляющимъ голосомъ.
— А что?! Сами все надѣлали,—теперь и сидите, пока ко- .—А вотъ новость вамъ скажу: императоръ Николай Пав- ъ Европу покорилъ!
Это были его подлинныя слова, и они врѣзались у меня въ ти. Я смотрѣлъ на него, пораженный возвѣщенною имъ но- ю о какой-то мнѣ неизвѣстной побѣдѣ.
Это, значитъ, въ Венгріи, — подумалъ я, — какъ мнѣ ска- тотъ добрый часовой".
Другое происшествіе, не менѣе интересное, совершившееся о время въ крѣпости, и которое судьба привела меня наблю- какъ интересное зрѣлище, изъ моей фортки, случилось позд- —кажется, въ концѣ августа. Фортка у меня была день и открыта; я безпрестанно смотрѣлъ въ нее и иногда прима- лся для сидѣнія у нея съ книгой въ рукахъ, или прислушивался вору проходящихъ вдоль крѣпостной стѣны, въ которой было но мое жилище. При отворенной форткѣ, я слышалъ по- но гулъ ѣзды по деревянному Троицкому мосту, и для меня гулъ движенія и жизни, долетавшій въ мое одинокое жи- былъ чрезвычайно пріятенъ.
Однажды, вставъ утромъ съ постели и отворивъ фортку, я очень удивленъ, не услышавъ обычнаго гула ѣзды: „Зна- моста нѣтъ? Куда же дѣвался онъ? Развели—но для чего Теперь еще не время. А мостъ все-таки разведенъ и не- ѣнно разведенъ"... Обстоятельство это не переставало меня ать, и въ то же время замѣтилъ я черезъ фортку какое-то новенное движеніе на крѣпостномъ дворѣ, передъ моими ми. Люди шли туда и сюда; появилась и полиція; прохожіе скорѣе, говорили громче. Я вслушивался, и вотъ мнѣ уда- уже не разъ слышать слово: *похороны*. „Что бы это такое Будемъ далѣе наблюдать... смотрѣть, слушать", — думалъ еще ближе уткнулся носомъ въ фортку. Всякое развлеченіе меня было великимъ благомъ: оно освѣжало мысли и давало ъ отъ неотвязчивыхъ думъ.
Настало время утренняго чая; оно пришло какъ-то позже овеннаго, и при посѣщеніи меня дежурнымъ офицеромъ я илъ его:—Скажите, зачѣмъ развели сегодня Троицкій мостъ?

— А вы какъ же это знаете? — спросилъ меня офицеръ, какъ будто встревожась.

Я успокоилъ его, объяснивъ, что свѣдѣніе это досталось мнѣ совершенно невиннымъ и дозволеннымъ путемъ, и просилъ его отвѣта на мой вопросъ.

— Вѣдь вы меня посѣщаете уже пятый мѣсяцъ, а потому отчасти знаете меня, и развѣ это тайна какая, что мостъ, на глазахъ всѣхъ, развели?..

— Да, я вамъ скажу... извольте... Михаилъ Павловичъ умеръ въ Варшавѣ, — сказалъ онъ почти шопотомъ, — и сегодня его похороны.

— Михаилъ Павловичъ умеръ! что же, онъ долго боленъ былъ?

— Нѣтъ, — прошепталъ онъ: — не особенно.

Больше онъ уже боялся продолжать этотъ разговоръ...

„Такъ, значитъ, по мосту прекратили ѣзду по случаю похоронъ", — думалъ я, когда остался одинъ. А затѣмъ я невольно сказалъ себѣ, по адресу офицера: „Какой онъ хорошій"! Это былъ высокій, худой офицеръ, который болѣе прочихъ былъ внимателенъ и вѣроятно не ко мнѣ одному, а ко всѣмъ заключеннымъ. Если онъ живъ теперь, то онъ долженъ быть очень старъ, и если ему случится прочесть эти слова, то пусть онъ увидитъ въ нихъ мое доброе о немъ воспоминаніе. День его дежурства былъ для меня всегда желателенъ. Въ его обращеніи и его словахъ видѣлъ я человѣколюбіе, уваженіе къ страданію и сочувствіе къ несчастному. Имя его и фамилія такъ и остались мнѣ неизвѣстными.

Примостившись безотлучно къ фортѣ, я былъ зрителемъ сначала всей бѣготни, приготовленія, хожденія взадъ и впередъ одѣтыхъ въ трауръ офицеровъ, а затѣмъ наполненія соборной площади войсками: пѣхота и конница все болѣе прибывали въ крѣпость. Затѣмъ послышалась музыка, погребальный маршъ и показалась изъ-за собора колесница, сопровождаемая высокою свитою и генералитетомъ. Гробъ внесенъ былъ въ церковь (я видѣлъ, какъ все дѣлалось, такъ какъ подъѣздъ собора виденъ былъ изъ моего окна), а колесница двинулась далѣе по продолженію улицы и прямо по направленію къ моему окну. Доѣхавъ до конца улицы, почти передъ самою форткою, она остановилась, и потомъ стали заворачивать обратно запряженныхъ цугомъ лошадей и везомую ими колесницу. Колесница была роскошно убранная, огромной величины по всѣмъ измѣреніямъ: золото блистало повсюду; даже и колеса массивныя, помнится мнѣ, были по виду золотыя. Она была громадна, очень тяжеловѣсна

и неудобопомѣщаема въ тѣсной улицѣ: когда завернули лошадей, и дѣло дошло до поворота колесницы, то, при крутомъ поворотѣ, переднее колесо подвернулось круто, и высокая колесница, нагнувшись сильно, начала вдругъ терять свое равновѣсіе. Паденіе, едва не совершившееся, было съ трудомъ предупреждено подскочившими для подпора десятками людей. По окончаніи богослуженія, все вновь задвигалось; слышна была пушечная пальба съ кораблей, и все двинулось прочь изъ крѣпости.

Такъ кончился этотъ эпизодъ—рѣдкое зрѣлище, которое пришлось мнѣ увидѣть изъ окна моей тюрьмы. Мы всѣ въ эти часы были забыты, потому смотрѣть можно было безпрепятственно.

Во время пребыванія моего въ этомъ же помѣщеніи случилось еще одно происшествіе, сохранившееся у меня въ памяти. Присутствія сосѣдей моихъ, заключенныхъ, я не замѣчалъ вовсе, ни голоса, ни шаговъ по комнатѣ не слышно было, но вдругъ въ одинъ день, утромъ, я услыхалъ страшный, пронзительный крикъ во все горло. Такой раздирающій вопль могъ быть только отъ ужаснаго тѣлеснаго страданія или же отъ жестокой душевной боли,—это былъ крикъ отчаянія или крикъ галлюцинирующаго что-либо ужасное сумасшедшаго. Въ продолженіе четверти часа, или болѣе, кричалъ мой сосѣдъ слѣва изо всѣхъ силъ. „Кто же бы это былъ изъ моихъ товарищей по заключенію"?—думалъ я. Судьба его обидѣла, должно быть, болѣе всѣхъ насъ и довела до сумасшествія. Прежде онъ, вѣроятно, страдалъ втихомолку, его присутствіе возлѣ меня не было вовсе слышно (надо полагать, что была промежуточная межъ нами келья), а теперь вдругъ обнаружилась жизнь жестокимъ, нестерпимымъ страданіемъ. Пронзительный крикъ этотъ, возобновлявшійся съ перерывами нѣсколькихъ секундъ, и теперь, при воспоминаніи объ этомъ, звучитъ въ моихъ ушахъ!..

Вскорѣ услышалъ я хожденіе въ коррндорѣ, суматоху, отворились двери этой кельи, и тамъ разговоры, плачъ, какая-то возня и крикъ другого рода, хожденіе вновь нѣсколькихъ людей въ корридорѣ—и затѣмъ все затихло. Я бросился къ форткѣ съ величайшимъ любопытствомъ узрѣть этого страдальца, взятаго на руки служителями и вынесеннаго изъ его одиночнаго заключенія. И я увидѣлъ молодого человѣка небольшого роста, въ арестантскомъ халатѣ, съ длинными волосами, ведомаго подъ руки двумя служителями, при офицерѣ. Мгновенно увидѣлъ я его лицо; оно было маленькое, худое, блѣдное, съ выраженіемъ, казалось мнѣ, страшнаго утомленія. Его провели черезъ дорогу мимо моего окна и повернули въ прямую улицу. Я слѣдилъ за

его медленнымъ шествіемъ; по плечамъ висѣли въ безпорядкѣ длинные волосы, и ноги его переступали медленно.

При первомъ, вслѣдъ за тѣмъ, появленіи ко мнѣ дежурнаго офицера, я допрашивалъ его, убѣдительно прося сказать мнѣ, что сдѣлалось съ моимъ сосѣдомъ и кто онъ, несчастный? Мнѣ отвѣчено было, что это больной человѣкъ, и что съ нимъ случился какой-то припадокъ; но фамиліи его узнать мнѣ не удалось.

Впослѣдствіи извѣстно было мнѣ, что это былъ, изъ арестованныхъ между нами, юноша изъ купеческаго сословія, по фамиліи, кажется (если я не ошибаюсь), Шапошниковъ, который и сошелъ съ ума во время одиночнаго заключенія. Дальнѣйшая судьба его осталась мнѣ неизвѣстною [1])...

Былъ конецъ августа, или уже начало сентября; осень напоминала о своихъ правахъ все болѣе частыми и болѣе продолжительными налетами пасмурныхъ, холодныхъ, дождливыхъ дней. Фортка моя, однакоже, не закрывалась ни ночью, ни днемъ. Часто садился я на окно и стоялъ на колѣняхъ, прислонясь лицомъ къ форткѣ. Движущаяся масса облаковъ съ ихъ разнообразными очертаніями, то быстро несомыхъ вѣтромъ въ различныхъ слояхъ воздуха, то медленно и незамѣтно переливающихся въ какія-то туманныя изображенія громадной величины одушевленныхъ предметовъ, часто привлекала мои взоры и перебивала однообразное теченіе печальныхъ мыслей.

„Вотъ и лѣто прошло,—думалъ я,—а я все сижу въ тюрьмѣ“! Всякій день смотрѣлъ я на желтѣвшіе все болѣе листья бывшаго передъ моими глазами зеленаго дерева, опадавшіе все бо́льшими группами, и говорилъ: „Хотя бы самый послѣдній кончикъ лѣта далъ Богъ мнѣ увидѣть еще на свободѣ“!

Погода становилась все болѣе суровою, и вѣтеръ, холодный вѣтеръ, уносилъ съ дерева послѣдніе листья. Въ комнатѣ становилось уже очень свѣжо, и я просилъ протопить печь. Несмотря на то, что печь затоплялась прямо изъ комнаты, мнѣ въ этомъ отказано не было. И вотъ я сижу передъ горящими дровами, для помѣшиванія которыхъ мнѣ дана была деревянная палка, и предоставлено самому закрываніе трубы. Топка печи меня раз-

[1]) Это былъ, вѣроятно, не мѣщанинъ Шапошниковъ, подвергнутый наказанію вмѣстѣ съ другими, а сынъ почетнаго гражданина Катеневъ, который, „по случаю умопомѣшательства, не могъ быть судомъ спрошенъ“ и относительно котораго было утверждено заключеніе генералъ-аудиторіата, состоявшее въ томъ, „чтобы вновь предать его военному суду, въ случаѣ выздоровленія“. Приговоръ—въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, 1849 г., № 287.—*Ред.*

влекала, и видъ горящихъ углей былъ мнѣ пріятенъ. Вечера, темные уже, проводилъ я въ чтеніи,—и Вальтеръ-Скоту, преимущественно ему, обязанъ я многими и многими часами отдыха, столь драгоцѣннаго въ такое тяжелое время. Ничего почти не дѣлая цѣлый день, я страшно скучалъ и томился; зѣвота, громкая, продолжительная, съ судорожнымъ раскрываніемъ рта, нападала на меня приступами много разъ въ день, и она съ тѣхъ поръ отчасти осталась у меня и на всю жизнь. Я и теперь зѣваю, не такъ, какъ цѣльные, здоровые люди, зѣваю ежедневно болѣе или менѣе часто и продолжительно, и никакъ не могу избавиться отъ этой, развившейся у меня въ тюрьмѣ, привычки.

„Но когда же наконецъ кончится наше дѣло?—спрашивалъ я себя;—уже много времени прошло, и оно приблизилось несомнѣнно къ концу, такъ что двѣ недѣли за глаза довольно имъ для окончанія".

Однажды я спросилъ одного изъ вошедшихъ ко мнѣ офицеровъ:—Что̀ это значитъ, что такъ затянулось наше дѣло? Что̀ тамъ дѣлается?—На вопросъ мой я получилъ отвѣтъ прямой и чистосердечный:

— А кто ихъ знаетъ, что̀ тамъ дѣлается! Они вѣдь и насъ мучатъ.

Время шло, и дожилъ я, кажется, до половины сентября, когда однажды утромъ, не въ урочный часъ, отворилась моя дверь и вошелъ ко мнѣ дежурный офицеръ.

— Я пришелъ перевести васъ въ другое помѣщеніе,—сказалъ онъ. Слова его меня сильно встревожили.

— Зачѣмъ же? я бы желалъ остаться здѣсь... да развѣ предвидится еще долгое сидѣнье? Вѣдь уже дѣло наше пришло, надо полагать, къ концу; сто̀итъ ли же мнѣ переходить еще куда-либо! Оставьте меня здѣсь!

— Вы напрасно безпокоитесь,—тамъ комната будетъ вамъ лучше этой, притомъ же, вѣдь это помѣщеніе лѣтнее; зимою здѣсь жить нельзя.

— Да развѣ предполагается, что и зиму мы будемъ въ заключеніи?!—спросилъ я его въ испугѣ.

— Нѣтъ, видите, я этого ничего не знаю, но здѣсь вѣдь и теперь уже холодно. Тамъ вамъ будетъ гораздо удобнѣе.

Я не могъ сопротивляться и увидѣлъ себя вновь въ необходимости собраться,—лишь бы захватить съ собою дорогой для меня мой желѣзный карандашъ и мечъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Служители, въ числѣ трехъ или четырехъ, похватали всѣ мои вещи и постель, и я, бросивъ послѣдній взглядъ, не безъ сожалѣнія, на

эту для меня болѣе сносную комнату, вышелъ изъ нея съ чувствомъ немалаго опасенія за новое, предстоящее мнѣ, жилище.

XIII.

Мое шествіе съ офицеромъ и нѣсколькими служителями послѣдовало по улицѣ, которая была передъ моими глазами, по направленію къ Соборной площади. Пройдя улицу эту, мы повернули нѣсколько влѣво; слѣва отъ меня я увидѣлъ тотъ самый двухъ-этажный бѣлый домъ, въ которомъ засѣдали члены слѣдственной коммиссіи; справа и впереди было крыльцо собора. Миновавъ его, мы направились черезъ площадь къ воротамъ Петербургской Стороны, гдѣ была гауптвахта, и съ правой стороны отъ воротъ вошли во внутрь очень толстой крѣпостной стѣны. Тамъ предсталъ глазамъ довольно узкій корридоръ (болѣе узкій, чѣмъ въ предыдущихъ помѣщеніяхъ) и очень длинный и темный. Такая узкость обусловливалась двусторонними жилищами. Миновавъ нѣсколько дверей, я былъ введенъ въ одну изъ комнатъ съ правой стороны корридора.

Видъ ея меня обрадовалъ своею, сравнительно съ предыдущими моими кельями, помѣстительностью, и притомъ она была опрятна и чиста, также какъ только-что оставленная мною. Съ нетерпѣньемъ ожидалъ я ухода всѣхъ моихъ спутниковъ, чтобы вскочить на окно съ форткою, которая была невысока и легко достижима при моемъ ростѣ. Комната эта была—какъ залъ. Я даже не думалъ, чтобы такія камеры были въ крѣпости. Она была вдвое длиннѣе моей послѣдней и шире ея, съ двумя большими окнами; на правомъ была фортка. Вскочивъ на окно, я увидѣлъ передъ собою ту площадь, по которой мы шли—всю предсоборную площадь; вдали—рядъ строеній, и между ними—знакомый мнѣ двухъ-этажный домъ, который и сдѣлался постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій, особенно по вечерамъ, когда онъ былъ освѣщенъ и въ немъ видны были движущіяся фигуры. Кромѣ того, мѣсто это было несравненно болѣе людно, чѣмъ предыдущее.

Приведя въ порядокъ мое тюремное имущество, на большихъ площадкахъ оконъ положивъ книги и скромный мой туалетный nécessaire, я почувствовалъ желаніе воспользоваться сейчасъ же пространственнымъ преимуществомъ этой комнаты и сталъ бѣгать взадъ и впередъ, пока не усталъ. По прошествіи 24-хъ лѣтъ послѣ этого, въ 1873 году, посѣщая Шёнбруннъ, загородный

дворецъ около Вѣны, видѣлъ я въ зоологическомъ отдѣленіи на моихъ глазахъ носорога, выпущеннаго изъ стойла въ большое, огороженное для него въ саду, помѣщеніе; первою потребностью его было разминаніе ногъ и бѣгъ въ предѣлахъ ограды. При видѣ этомъ я сейчасъ же вспомнилъ и мой бѣгъ въ этой комнатѣ. Въ новомъ жилищѣ товарищами моими были не мыши,—ихъ я вовсе не видѣлъ,—а большіе черные тараканы и голуби на амбразурѣ окна.

Колокольня Петропавловскаго собора еще громче переливалась звономъ въ моихъ ушахъ, и высокій шпицъ ея блисталъ передъ моими глазами. Звонъ этотъ, повторявшійся каждую четверть часа въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, съ его timbr'омъ и мотивомъ, вызываются во мнѣ сами собою и теперь при всякомъ воспоминаніи о томъ.

Новое жилище нѣсколько освѣжило и развлекло меня,—но неужели я буду еще долго сидѣть въ крѣпости, неужели придется зимовать мнѣ здѣсь? Эта мысль меня страшно отягчала и ввергала въ еще бо́льшее уныніе...

Новоизмѣненная тюремная жизнь моя имѣла свои особенности, по мѣстности заключенія и по времени теченія нашего дѣла.

Воспоминанія этого періода времени столь же тяжеловѣсны и незабвенны для меня, какъ и предыдущихъ двухъ. Первые дни занимала меня новая обстановка. Въ этомъ просторномъ жилищѣ я былъ болѣе подвиженъ; въ первой половинѣ моего пребыванія здѣсь, т.-е. до начала ноября, я часто бѣгалъ, прыгая до усталости, скакалъ черезъ табуретку, вытирался холодной водой, но ѣлъ, какъ и прежде, весьма мало; фортка окна только въ концѣ октября закрывалась на ночь,—днемъ же она была всегда открытою; я дѣлалъ все, что̀ было въ моей власти, чтобы сохранить себя отъ совершеннаго упадка душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и мнѣ казалось, что я отчасти достигъ того.

То бѣгалъ я, то стоялъ у фортки, то, двигаясь медленно, говорилъ я громко, никѣмъ неслышимый, самъ съ собою, и такъ доживалъ до вечера. Истинное время хорошо я зналъ,—часы и минуты отбивались колоколомъ. Были послѣднія числа сентября, въ четвертомъ часу уже смеркалось, а въ восьмомъ утра едва разсвѣтало, при насмурномъ сентябрьскомъ небѣ. Вечера проводилъ я въ чтеніи книгъ, съ моимъ карандашомъ въ рукахъ, садясь такъ, чтобы сторожъ не замѣчалъ моего писанья, еслибы

ему вздумалось взглянуть, а потомъ даже и вовсе не принималъ этихъ предосторожностей, такъ какъ хожденіе въ корридорѣ весьма рѣдко было слышно, когда не было начальства. Тишина была полная; я предавался чтенію романа Купера, которое шло медленно, по моему знанію англійскаго языка, съ отмѣтками словъ на поляхъ книги. Въ это время также были у меня сатиры Ювенала и Персія въ оригиналѣ, и я ихъ изучалъ при помощи лексикона и точнаго французскаго перевода. Также, для легкаго чтенія, были у меня два романа Eugène Sue (одинъ— „Mathilde", другого — не помню) и Comédies de Molière, которыя были прочтены мною почти всѣ. Такимъ образомъ развлекаясь, не безъ пользы проводилъ я день; я спалъ лучше и просыпался бодрѣе. „Но для чего эти труды, для чего эта польза,— говорилъ я самъ себѣ, — человѣку, которому нѣтъ выхода никуда: на волю выйти,—послѣ всего, что̀ было,—мнѣ одному, тогда какъ прочіе товарищи мои будутъ присуждены къ какому-либо тяжелому наказанію, было бы для меня величайшимъ несчастіемъ, которое я, съ характеромъ моимъ, пережить былъ бы не въ состояніи". Смертная казнь казалась мнѣ, утомленному, замученному тюремной жизнью, уже не столь ужасною, но я страшно боялся быть вновь присужденнымъ къ одиночному заключенію. Ссылка куда-либо въ каторгу—была единственнымъ желаннымъ мною исходомъ изъ этой нависшей надъ головою моею со всѣхъ сторонъ неизбѣжной грозы. Думая обо всемъ этомъ, я страдалъ и мучился жестоко, и всею душою моею желалъ быть сосланнымъ въ каторгу. „Въ Сибирь, на каторгу!—говорилъ я.—Одно спасенье для меня, одна отрада! Когда-бъ скорѣй она пришла"! Все остальное казалось мнѣ ужаснымъ. По временамъ, думая такимъ образомъ, впадалъ я въ глубокое отчаяніе и, упадая на колѣна, восклицалъ: „Господи, вразуми меня"! Потомъ, опустившись на полъ, съ закинутой назадъ головой, хохоталъ неудержимымъ истерическимъ смѣхомъ и затѣмъ зѣвалъ до изнеможенія. Слезъ у меня не было вовсе въ этотъ періодъ заключенія. Бодрость моя была напускная, кратковременная и сокрушалась въ прахъ возникавшими во мнѣ все болѣе грозными приступами неотвязныхъ мыслей.

Продолжительное, пяти-мѣсячное, одиночное, безвыходное на воздухъ заключеніе томило меня все болѣе. Жизнь текла однообразно, въ мысляхъ моихъ не находилъ я никакого утѣшенія. Однажды служитель, подававшій мнѣ ежедневную пищу, сказалъ мнѣ:

— Баринъ! вы похудѣли, вы бы приказали купить себѣ вина,—другіе пьютъ вино, вы же не пьете ничего и мало кушаете!

Слова эти меня глубоко тронули.

— Другъ мой,—сказалъ я ему,—я не привыкъ пить вино, и боюсь, чтобы не было еще хуже.

Его слова, однакоже, остались у меня въ памяти, и, на основаніи того, что другіе пьютъ вино, я рѣшился попробовать тоже подкрѣплять свои силы небольшимъ количествомъ вина. По выраженному мною желанію, была принесена мнѣ бутылка хорошей мадеры, откупорена при мнѣ и поставлена на моемъ столѣ; рюмка считалась лишнею, такъ какъ у меня было два стакана (одинъ — чайный, а другой — для питья и умыванья). И вотъ насталъ вечерній часъ; окончивъ чай, сижу я за столомъ и читаю „The Spy“; передо мною на столѣ четверть стакана мадеры, и я, роясь въ лексиконѣ, дѣлаю на поляхъ отмѣтки моимъ карандашомъ и маленькими глотками, по временамъ, отвѣдываю налитое въ стаканѣ вино. Мнѣ оно кажется вкуснымъ, и я, по слабости силъ, чувствую, съ каждымъ глоткомъ, легкое, пріятное оживленіе. Чтеніе романа, однакоже, замедляется, и, прерывая занятіе, я разговариваю самъ съ собою; потомъ прохаживаюсь по комнатѣ, все въ разговорѣ самъ съ собою, влѣзаю на окно и стою у фортки нѣсколько минутъ, чувствую лѣность, усталость, зачерпываю изъ кружки полстакана свѣжей воды и выпиваю ее съ большимъ удовольствіемъ, затѣмъ ложусь и засыпаю. Ночью просыпался я чаще обыкновеннаго и съ біеніемъ сердца. Меня преслѣдовали какіе-то странные кошмары; я плакалъ и стоналъ, и, проснувшись раньше обыкновеннаго, всталъ усталымъ, съ головною болью; мысли были спутаны, и въ какомъ-то бреду я произносилъ стихи. „Вотъ что̀ сдѣлало со мной вино!—думалъ я:—пожаръ въ крови, въ головѣ, во всемъ тѣлѣ; нѣтъ, ужъ къ этой отравѣ больше не прикоснусь я“!

На другой же день, утромъ, я отдалъ солдату бутылку вина, сказавъ ему, чтобы онъ выпилъ ее, а я ужъ больше пить не буду.

— А что̀, развѣ нехорошо?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, оно хорошее, да мнѣ не впрокъ,—отвѣчалъ я.— Ты его возьми; можетъ быть, выпьешь.

Слова мои, кажется, были ему не вполнѣ понятны; онъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня и, взявъ бутылку, ушелъ. Такъ окончился этотъ эпизодъ съ виномъ, и я только спрашивалъ себя, какъ же это другіе товарищи мои въ заключеніи перено-

сить этотъ вредный напитокъ? Для человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, заключеннаго въ тюрьмѣ, вино—страшный ядъ!

Безпрестанно, въ теченіе дня, множество разъ вскакивалъ я на окно и стоялъ у фортки. Всѣ прохожіе по крѣпости на Петербургскую Сторону шли мимо или противъ моего окна. Я всматривался въ нихъ, не пройдетъ ли кто-либо изъ знакомыхъ; въ особенности хотѣлось мнѣ увидѣть кого-либо изъ моихъ братьевъ, но, къ сожалѣнію, проходившіе мимо меня были все люди мнѣ незнакомые.

Впослѣдствіи узналъ я, что братья мои искали меня долго въ различныхъ доступныхъ прохожимъ мѣстахъ крѣпости, высматривая всѣ окна казематовъ, но, не находя меня нигдѣ, бросили свои безполезные поиски. Это было въ первые три мѣсяца нашего заключенія, когда я былъ укрытъ ото всѣхъ прохожихъ въ одномъ изъ равелиновъ. Потомъ, по переводѣ моемъ во второе помѣщеніе, я былъ уже доступенъ взорамъ проходящихъ, но безполезные поиски въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отбили уже охоту и отняли всякую надежду достичь желаемаго, потому никто изъ людей мнѣ близкихъ не считалъ возможнымъ открыть мѣсто моего заключенія.

Такъ смотрѣлъ я нѣсколько дней, наблюдая прохожихъ, и, вотъ, вижу—двѣ женщины, прилично одѣтыя, появились изъ-за деревяннаго забора и, помѣстившись въ глубинѣ выступа, образуемаго болѣе толстою стѣною входной части собора, остановились тамъ, скрытыя отъ взоровъ постороннихъ людей, но передъ самыми окнами нашихъ казематовъ. Онѣ стояли тамъ около четверти часа, повидимому, оживленно разговаривая, смотрѣли на тюремныя окна нашего фаса и иногда дѣлали руками какіе-то знаки. Я смотрѣлъ съ особымъ вниманіемъ и слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями. Вскорѣ одна изъ нихъ отдѣлилась и направилась медленнымъ шагомъ по направленію какъ бы къ воротамъ на Петербургскую, мимо нашихъ оконъ.

И вотъ она медленно проходитъ мимо моего окна, смотря на меня пристально, и передъ глазами моими вдругъ спала завѣса.

— Варенька!—воскликнулъ я довольно громко, оживленный неожиданнымъ явленіемъ.—Это вы!..

Она смотрѣла на меня со взоромъ участія и удивленія и, покачавъ головой, въ знакъ предупрежденія меня быть осторожнымъ, исчезла отъ моего взора за глубокой амбразурой окна.

Какъ мимолетное видѣнье, промелькнула передъ моими глазами особа, любившая одного изъ моихъ товарищей, любимая

имъ и посѣщавшаяся часто нами вмѣстѣ. Это была дѣвушка лѣтъ восемнадцати, небольшого роста, блондинка, довольно полненькая собою, съ выразительными чертами лица Въ эту минуту она предстала предо мною похудѣвшею, блѣдною, какъ бы заплаканною.

Какъ часто и много бесѣдовали мы втроемъ и какъ беззаботно проводили счастливые дни, теперь навсегда пропавшіе для насъ! Всѣ мы разлучены; она осталась на свободѣ одна и долго бродила по Петропавловской крѣпости, высматривая казематы, пока доискалась того окна, гдѣ увидѣла исхудалаго, замученнаго друга. Безмолвно, украдкой разговаривала она знаками изъ скрытаго отъ взоровъ людскихъ уголка у подъѣзда собора, а затѣмъ возвращалась въ городъ одна, одинокая, въ слезахъ. Сколько страданій, сколько горя у нея на душѣ! Любить и быть любимой, жить вмѣстѣ, наслаждаться полнымъ счастьемъ и вдругъ все потерять,—порвалось все, и она осталась одна на этомъ свѣтѣ,—страдалица, скиталица, не находящая себѣ нигдѣ покоя. Всѣ мысли ея, вся душа—въ тюрьмѣ, а тѣло, какъ бы лишенное жизни, бродитъ безцѣльно, не наслаждаясь свободой! Такое раздвоеніе ужасно, и многіе не переживаютъ его. Я стоялъ у фортки; мысли мои были то о ней, то о немъ. Я ждалъ, не пройдетъ ли она еще, но для нея прогулка эта не обходилась безъ горькихъ слезъ, и въ этотъ день я больше ее уже не дождался.

Весь этотъ день я былъ оживленъ, подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія. Въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ я былъ изолированъ совершенно ото всей обстановки моей прежней жизни, и вотъ впервые увидѣлъ человѣка мнѣ близко знакомаго—происшествіе высокой важности для одиночно-заключеннаго! Воспоминанія драгоцѣнныхъ часовъ, прожитыхъ нами втроемъ, мысли о немъ и о ней весь день переливались въ различныхъ варіаціяхъ въ моей замученной головѣ.

Стемнѣло. Я сѣлъ читать, по обыкновенію, но не читалось въ этотъ вечеръ; я вставалъ, ходилъ по комнатѣ, разговаривалъ самъ съ собою, и все вращался въ кругу тѣхъ же воспоминаній. Я говорилъ съ ними, и голоса ихъ слышались мнѣ. Наступила ночь, и я заснулъ подъ вліяніемъ взволновавшаго меня впечатлѣнія дня. И вотъ мнѣ снится сонъ: улица на Петербургской Сторонѣ и домикъ, знакомый мнѣ, и я спѣшу туда въ безпокойствѣ. Вхожу въ комнату и вижу какое-то разрушеніе, и Варенька, исхудалая и блѣдная, сидитъ на полу въ арестантскомъ сѣромъ халатѣ; столъ изломанъ, вещи разбросаны по полу. Увидѣвъ

меня, она вскочила и, широко открывъ глаза, воскликнула: „Это вы! какъ вы пришли? А онъ, гдѣ же онъ?!“—И въ эту минуту сталъ передъ нами комендантъ...

Такъ неразрывно въ мысляхъ связались вмѣстѣ лучшія желанія съ невозможностью ихъ исполненія: все любимое сдѣлалось недоступнымъ: представленія свободы, счастья, радости свиданья завернуты были въ мрачный тюремный покровъ...

Утромъ, проснувшись, я не могъ, не желалъ отвязаться отъ мыслей вчерашняго дня. „Я видѣлъ ее вчера,—быть можетъ, увижу ее и сегодня“.

Настадъ часъ первый дня, и она, дѣйствительно, появилась вновь, въ сопровожденіи незнакомой мнѣ спутницы,—все въ томъ же мѣстѣ, въ углубленіи собора; оттуда показывала она мнѣ какія-то крупныя надписи на листѣ бумаги, но за дальнимъ разстояніемъ (саженъ 50, можетъ быть и гораздо болѣе) прочесть ихъ я не могъ. Затѣмъ она вновь отдѣлилась отъ своей спутницы и скрылась за заборомъ близъ собора, откуда пришла. Я смотрѣлъ и ждалъ. Въ этотъ разъ она совершила обходъ и прошла параллельно тюремному фасу къ Петербургскимъ воротамъ. Когда она проходила мимо меня, она что-то сказала мнѣ, но я разслышать не могъ.

Два дня свиданья съ лицомъ мнѣ близко знакомымъ, принимающимъ во мнѣ живое участіе, перевернуло совершенно тюремную мою жизнь. Мысли были все объ одномъ: она приходитъ часто, если не ежедневно, на свиданье съ своимъ другомъ, и при этомъ и меня считаетъ долгомъ навѣстить. Вечеромъ сажусь я за чтеніе, но оно не идетъ. Различныя мысли о переговорахъ съ нею роятся въ головѣ у меня, и вотъ зародилась смѣлая мысль: „карандашъ“ у меня есть, а бумага—въ книгахъ; такъ можно и написать ей, выкинуть изъ окна письмо. Мысль эта меня такъ заинтересовала, что, еще не вполнѣ рѣшившись, я отодралъ заглавный (почти свободный отъ печати) листъ отъ Ювенала и пишу гвоздемъ, между прочимъ вопросъ: не знаетъ ли она чего?—Теперь какъ же мнѣ сложить или скрутить этотъ листокъ? Долго не пришлось мнѣ думать. Волосы у меня были длинные, густые и крѣпкіе; я вырвалъ нѣсколько волосъ и, сложивъ бумажный пакетикъ въ видѣ маленькаго бисквита величиною съ грецкій орѣхъ, приплюснулъ его руками, проткнулъ гвоздемъ насквозь и, вдѣвъ пучокъ изъ волосъ, завязалъ его крѣпко. Печать вышла очень красивая, оригинальная и пакетикъ былъ веленевой бумаги, снѣжной бѣлизны (обращаю особое вниманіе, въ виду послѣдующаго, на снѣжную бѣлизну

этого пакетика). Въ первый разъ на шестомъ мѣсяцѣ одиночнаго заключенія разговаривалъ я, хотя и письменно, съ человѣкомъ мнѣ близкимъ, и въ разговорѣ этомъ вылилась вся радость свиданія, вся скорбь измученной души за себя и за нее. Дѣло рѣшенное, все готово; остается исполнить отважное предпріятіе—на зло стражѣ. Въ такихъ мысляхъ легъ я въ постель и, въ соображеніяхъ и думахъ о завтрашнемъ днѣ, заснулъ.

И вотъ наступилъ слѣдующій день: занятый одною мыслью, я стою у окна и слѣжу съ напряженнымъ вниманіемъ за всякими проходящими изъ-за забора. Тамъ впереди была какая-то калитка, которой верхняя часть была видна. Рѣдко кто ходилъ тутъ, но всякій разъ было видно, когда она отворялась. Часу въ первомъ дня калитка отворилась, и черезъ нѣсколько секундъ показались двѣ знакомыя мнѣ личности и стали, какъ обыкновенно, въ углубленіи собора. Поклоны и непонятные знаки руками передавались мнѣ. Но вотъ и я прошу вниманія и выставляя въ фортку мой бѣлый пакетикъ, держу его, показываю и дѣлаю знакъ, какъ бы желая его выкинуть. Пакетъ былъ замѣченъ и сказанное понято.

Варенька закивала головой въ знакъ одобренія и исчезла за заборомъ. Минутъ черезъ десять, она, сдѣлавъ обходъ, явилась прохожей слѣва вдоль фаса. И вотъ она приближается къ моей форткѣ. Готовый выкинуть пакетъ, я имѣлъ осторожность подождать ея одобрительнаго знака, и вдругъ она махаетъ отрицательно головой и, отвернувшись, испуганная проходитъ мимо. Я остался съ письмомъ въ ожиданіи, досадѣ и неизвѣстности. Такъ не удалось въ этотъ разъ,—надо подумать, подождать. Черезъ четверть часа, она вновь стояла въ углубленіи собора и оттуда, указывая рукою на гауптвахту и сторожей, передавала мнѣ, что она не знаетъ, какъ сдѣлать, но такъ нельзя. Тогда мнѣ пришло на мысль, что теперь свѣтло, но когда будетъ смеркаться, это будетъ возможно,—но какъ передать ей это? И вотъ, я показываю на колокольню и махаю пальцемъ разъ, два, три, четыре, потомъ показываю рукой на небо и на глаза свои, что будетъ темно и не будетъ такъ видно. Повторяя знаки эти раза два, я вдругъ увидѣлъ, что она закивала головой и сама продѣлала то же самое: показала на колокольню, махнула рукой четыре раза, затѣмъ показала на небо и на глаза, и вскорѣ затѣмъ ушла со своею спутницею, оставивъ меня въ надеждѣ и ожиданіи.

Для заключеннаго въ тюрьмѣ такіе дни спасительны: они прерываютъ однообразное теченіе, отвлекаютъ отъ неотвязныхъ

горькихъ думъ, освѣжаютъ завявшую жизнь заключеннаго. Весь поглощенный одною этою мыслью, я былъ въ возбужденномъ состояніи и ожидалъ означеннаго времени.

„Это должно удаться,—говорилъ я самъ съ собою,—письмо будетъ у нея въ рукахъ. Она въ полутьмѣ пройдетъ близко, и я кину ей какъ разъ въ ноги мой пакетикъ“... Вотъ пробило три часа, стало смеркаться; погода была къ тому же пасмурная, и къ половинѣ четвертаго стемнѣло настолько, что еще бо̀льшая темнота казалась мнѣ уже неудобною для удачи дѣла. Въ нетерпѣніи смотрю я на скрытый уголокъ собора, и онъ уже едва виднѣется; вотъ бьетъ три четверти четвертаго, и я теряю всякую надежду,—даже сомнѣваюсь, видно ли отъ собора, что я стою съ открытой форткой и жду. Соскочивъ съ окна, я зажегъ свѣчку, поставилъ ее на площадку окна, въ знакъ ожиданія. И вотъ, я вижу, какія-то двѣ движущіяся тѣни пришли и стали въ углубленіи собора. „Это онѣ, несомнѣнно онѣ, никого другого быть не можетъ“,—думалъ я.—Одна изъ нихъ отдѣлилась и ушла. Я, наэлектризованный, стоялъ и смотрѣлъ; насталъ желанный моментъ, сейчасъ я увижу ее; по темнотѣ уже и узнать нельзя прохожаго, но это она, и другой быть не можетъ. И вотъ слѣва, медленно приближаясь, движется мимо окна какая-то женская фигура. Она поровнялась съ моей форткою, и я съ непреодолимымъ влеченіемъ, безъ страха и сомнѣнія, какъ безумецъ, швырнулъ къ ея ногамъ мой бѣлый пакетъ. Онъ упалъ вблизи отъ нея, и она, подбѣжавъ, наклонилась до земли и продолжала свой путь къ Петербургскимъ воротамъ. Было уже такъ темно, что я не могъ видѣть, нашла ли она мое письмо и унесла съ собою, или же оно осталось на дорогѣ. Это было вблизи гауптвахты и при постоянно прохаживавшемся сторожѣ.

Въ тотъ самый моментъ, когда она исчезла, услышалъ я озадачившія меня слова сторожа:

— Сударыня! что̀ вы подняли?

— Платокъ,—отвѣчала она.

Затѣмъ я болѣе ничего не слышалъ и, задувъ свѣчу, стоялъ у фортки. Черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ затѣмъ, я вижу— пришло двое сторожей,—одинъ изъ нихъ съ фонаремъ,—и, остановившись у моего окна, осматривали сомнительное мѣсто и искали, не осталось ли чего на землѣ.

— Она что-то подняла!—говорилъ одинъ.

— Не видать тутъ ничего.

— Для чего же она подбѣжала къ окну?

Нѣсколько минутъ они осматривали землю, бормотали что-

то, то приближаясь, то удаляясь отъ окна. Было уже совершенно темно. Лица ихъ освѣщены были фонаремъ и голоса хорошо слышны, хотя и не всѣ слова можно было разобрать. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ посматривалъ съ недовѣріемъ на мое окно, но не видѣлъ въ немъ ничего подозрительнаго.

Они, значитъ, не нашли моего письма,—слава Богу!

Остальную часть этого дня я провелъ въ большомъ раздумьи: „Письмо-то я выкинулъ,—говорилъ я,—но взяла ли она его—вѣдь это вопросъ. Темнота могла помѣшать ей“... Когда теперь вспоминается мнѣ продѣланное мною въ этотъ день, то я удивляюсь не отвагѣ, но безумству и легкомыслію моему, съ которыми было совершено такое опасное для дальнѣйшей жизни моей въ крѣпости дѣяніе. Послѣ этого я былъ бы навѣрное посаженъ въ какое-либо другое жилище; у меня отняли бы книги, не говоря уже о дорогомъ для меня гвоздѣ,—и сколько людей получило бы изъ-за меня большія непріятности! Ко всему этому отнесся я тогда совершенно беззаботно. Но одиночно-заключенному въ тюрьмѣ, разлученному уже полгода со всѣмъ живущимъ міромъ, увидѣть вдругъ близкаго человѣка, имѣть возможность выкинуть ему изъ окна письмо и не сдѣлать этого,—едва ли было возможно, если въ немъ еще билось сердце и не остыла кровь. Это и было сдѣлано мною безсознательно, въ какомъ-то безумномъ увлеченіи, и дѣйствительно, по совершеніи задуманнаго, я получилъ желаемое успокоеніе; оно продолжалось, однакоже, недолго.

Прохаживаясь по комнатѣ, я говорилъ самъ съ собою: „Теперь она пришла къ себѣ, въ свою комнатку, и читаетъ мое письмо, и плачетъ надъ нимъ“... Но вслѣдъ за этимъ появилось и сомнѣніе: „А можетъ быть письмо мое и лежитъ у окна; искать его глазами въ темнотѣ и при сторожахъ было невозможно“. Опасенье это начинало уже вечеромъ возростать, но я опять утѣшалъ себя, что письмо у нея въ рукахъ. Ночью я спалъ тревожно, часто слышалъ бой часовъ на колокольнѣ, и, просыпаясь, все думалъ о завтрашнемъ днѣ, чтò принесетъ онъ мнѣ? Утромъ вскочилъ я съ постели, подошелъ къ окну, отворилъ фортку,—все темно, не видно ничего, на колокольнѣ било шесть часовъ. Въ это время у меня на ночь уже не зажигалась плошка, а горѣла въ тазикѣ свѣча. Я прилегъ снова, но спать уже не могъ. Бьетъ семь часовъ. Я затушилъ свѣчу и, вскочивъ на окно, отворилъ фортку и былъ пораженъ представшею глазамъ моимъ картиною: земля была покрыта снѣгомъ вершка на четыре. Снѣгъ закрылъ все, чтò лежало на дорогѣ—

и мое письмо. Это меня очень успокоило: „Зима, вотъ и зима! Четвертое время года вижу я изъ окна тюрьмы; не напрасно меня перевели сюда,—я долженъ зимовать еще! Сегодня первое октября,—какъ рано выпалъ уже снѣгъ"! Въ такихъ мысляхъ стоялъ я у окна; разсвѣтало все болѣе, и вотъ, вижу я, пришелъ солдатъ съ метлою и сталъ разметать дорогу. Съ каждымъ взмахомъ метлы летѣли по сторонамъ мелкій снѣгъ и комочки снѣга, величиною и бѣлизною совершенно похожіе на мой запечатанный пакетикъ.

„Вотъ мое письмо, вотъ оно лежитъ!.. Ахъ, слава Богу, что онъ его не видитъ! Хоть бы онъ его уже забросалъ"!.. Но вотъ новые комочки подбрасываются имъ и ложатся на боковыя снѣжныя горки. „Вотъ это оно, непремѣнно оно, а можетъ быть вотъ это. Сколько писемъ моихъ побросалъ онъ"!.. Такъ думая, я уже не сомнѣвался болѣе, что тутъ непремѣнно должно быть мое письмо, и только раздумывалъ, какой изъ двухъ, трехъ комковъ долженъ быть бумажный. Но вотъ и сторожъ уже ушелъ, а я все посматриваю на эти валяющіяся на виду всѣхъ мои письма. Проходятъ люди и не обращаютъ никакого вниманія. Я схожу съ окна и опять влѣзаю и вижу—идетъ одинъ изъ крѣпостныхъ офицеровъ и что-то говоритъ сторожу; затѣмъ прошелъ еще какой-то военный, какъ бы инженеръ, и все думается мнѣ болѣе, что ужъ не отыскана ли ночью улика совершеннаго мною по тюремнымъ законамъ преступленія. Опасенія мои все усиливались, и я спрашивалъ себя, какъ могъ я сдѣлать такую непростительную шалость, которая озлобитъ противъ меня всѣхъ стерегущихъ меня драконовъ, и раньше окончанія дѣла они меня задушатъ въ какой-либо подвальной ямѣ.

Былъ уже часъ двѣнадцатый (день этотъ помнится мнѣ очень хорошо). Я часто влѣзаю на окно и почти не схожу съ него, и на моихъ глазахъ происходитъ что-то не ежедневное: хожденіе сторожей болѣе частое и скорое; офицеръ, идущій поспѣшно къ гауптвахтѣ,—и вдругъ, къ моему изумленію, вижу и Набокова, идущаго отъ собора къ нашимъ окнамъ. Тутъ я болѣе уже не сомнѣвался, что мое тюремное злодѣйство открыто, и вся эта тревога произошла изъ-за меня. Теперь настаетъ расправа! Комендантъ вошелъ уже въ нашъ корридоръ; ему сопутствуетъ, кажется, цѣлая свита; служитель бѣжитъ впереди, гремя ключами, и идутъ —всѣ идутъ,—ключъ воткнутъ какъ разъ въ мою дверь! „Насталъ мой часъ!—думалъ я.—О, я несчастный! Блудливъ какъ кошка, скажутъ мнѣ,—но далѣе этого, по крайней мѣрѣ, чтобъ не сказали мнѣ"!

Сердце мое замерло при звукѣ повернувшагося въ замкѣ ключа, и я покорился своей судьбѣ. Дверь отворилась, вошелъ комендантъ съ двумя офицерами и служителемъ; устремивъ на меня свой взглядъ, онъ спросилъ:

— Ну что? здоровы?

Я поклонился и что-то ему отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ.

— Ваши родные были у меня вчера. Получили вы виноградъ и другіе фрукты?

— Я не получалъ.

Вопросы его не мало удивляли меня.

— Какъ это такъ?—Онъ посмотрѣлъ на офицеровъ.—Вчера ему доставлена цѣлая корзина фруктовъ; до сихъ поръ онъ еще не получилъ? Кто вчера былъ дежурнымъ?

Тутъ онъ забылъ меня совсѣмъ и, напустившись грозно на своихъ спутниковъ, поспѣшно вышелъ отъ меня. Меня заперли, и я остался одинъ. Въ эту минуту я лучшаго и не желалъ. „Они ничего не знаютъ, ожидаемая гроза миновала, и я остаюсь въ этой комнатѣ и какъ-нибудь уже переживу и этотъ послѣдній періодъ моего заключенія; вѣдь уже осталось немного—недѣли двѣ, самое большое. Самимъ судьямъ, я думаю, надоѣли наши злодѣянія; и пора кончить"!..

По уходѣ коменданта, я почувствовалъ успокоеніе; мнѣ даже стало смѣшно, что вмѣсто ожидаемой кары, заслуженной мною за нарушеніе тюремнаго устава, я получу корзину винограда и фруктовъ. Прохаживаясь по комнатѣ, я говорилъ самъ съ собою: „Письмо мое получено собственноручно и прочтено—вѣрнѣе, но и опаснѣе моей почты на свѣтѣ нѣтъ".

Я почти забылъ и думать о комочкахъ снѣга, летавшихъ подъ метлою сторожа, и, вспомнивъ о нихъ, я вскочилъ на окно и вижу—письма мои повсюду разбросаны по сторонамъ пѣшеходнаго пути, но именно эта множественность ихъ и успокоивала меня, хотя я все еще всматривался въ нихъ съ недовѣріемъ, останавливаясь преимущественно на одномъ комкѣ.

Пришло обѣденное время; принесена была мнѣ и корзина съ фруктами, напомнившая мнѣ хорошія отношенія съ тюремнымъ начальствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опечалившая меня своею величиною: такой большой запасъ прислали мнѣ мои добрые друзья, и тѣмъ какъ бы сказали мнѣ: „ты еще не скоро выйдешь изъ тюрьмы, такъ хоть этимъ утѣшай себя"! Съ грустью посмотрѣлъ я, что̀ въ корзинѣ; тамъ были разнообразные спѣлые,

очень вкусные плоды, и пища эта была въ моемъ вкусѣ, и я съ горя сталъ ѣсть.

Часу въ третьемъ дня, вскочивъ на окно, я увидѣлъ Вареньку въ углубленіи собора; увидѣвъ меня, она мнѣ показала развернутое по листикамъ мое письмо и потомъ поклонилась мнѣ нѣсколько разъ въ поясъ. Потомъ она показывала рукою по направленію къ Васильевскому-Острову, говоря тѣмъ, что она исполнитъ мою просьбу относительно указанія моего окна моимъ роднымъ, и затѣмъ, пройдя мимо моего окна, она ушла изъ крѣпости.

Послѣдствіемъ этого было свиданіе почти со всѣми моими родными и нѣкоторыми изъ знакомыхъ. На другой же день я увидѣлъ проходящими двухъ братьевъ. Каждый день, а потомъ черезъ день, два,—часу въ третьемъ дня,—я видѣлся съ кѣмъ-либо изъ моихъ родныхъ или знакомыхъ. Свиданія эти, хотя и минутныя, меня очень оживляли.

Между близкими друзьями моими были двое моихъ дядей; одного изъ нихъ, Михаила Семеновича Бижеича, мы, т.-е. я и братья мои, очень любили и уважали. Онъ, несмотря на свою сѣдину и уже престарѣлый возрастъ, сохранялъ всю живость цвѣтущаго здоровьемъ организма; онъ былъ отзывчивъ ко всѣмъ современнымъ вопросамъ, и его очень интересовали соціальныя вѣянія того времени и въ особенности ученіе Фурье, о которомъ онъ со мной часто бесѣдовалъ и постоянно доказывалъ его непримѣнимость къ дѣйствительной жизни. И вотъ однажды, когда я стоялъ у моей фортки, увидѣлъ я его идущимъ отъ собора перпендикулярно къ нашему тюремному фасу. Я очень обрадовался, увидѣвъ его, и мнѣ живо вспомнились наши съ нимъ споры, а когда онъ поровнялся съ моимъ окномъ и смотрѣлъ на мое исхудалое, блѣдное лицо съ длинными волосами,—пославъ ему привѣтствіе, я закричалъ: „А Фурье все-таки правъ“! Онъ, испугавшись, отвѣтилъ мнѣ: „Молчи, молчи!“—и скрылся за амбразурой окна. Глубокая амбразура заслоняла движеніе звука по сторонамъ, и это давало иногда возможность сказать нѣсколько словъ.

Варенька не переставала приходить въ крѣпость въ иные дни, и всегда проходила и мимо моего окна...

Воспоминаніе этихъ обстоятельствъ для меня чувствительно; потому я, можетъ быть, и слишкомъ много уже увлекся разсказомъ объ этомъ, но это вовсе не сказочная быль,—нѣтъ, это по истинѣ мною все прочувствованное, пережитое; высказанное

мною все еще остается далеко не досказаннымъ и не полнымъ, но пора уже перейти къ чему-нибудь другому.

Хочется мнѣ, однакоже, прибавить еще нѣсколько словъ о личности, которая принимала столь горячее участіе во мнѣ и которую судьба разлучила навсегда съ любимымъ ею человѣкомъ. Впослѣдствіи, по прошествіи многихъ, очень многихъ лѣтъ, продѣлавъ всѣ мои подневольныя странствія, случайно я встрѣтился съ нею на свободѣ. Увидѣвъ меня, она заплакала горько, и долго не могла успокоиться, вспомнивъ все пережитое ею. Подробности задушевнаго разсказа ея о ея дальнѣйшей жизни я не считаю себя въ правѣ передавать, но скажу только, что, кромѣ душевнаго горя, ей пришлось переносить многіе годы нужды и тяжелымъ трудомъ швеи заработывать себѣ кое-какія средства жизни, и что она, вспоминая свою первую любовь, казалось, хранила ее какъ святыню въ своемъ сердцѣ.

XIV.

Въ новомъ жилищѣ моемъ близкими сожителями моими изъ царства животнаго были, какъ я уже сказалъ, черные тараканы и голуби.

Въ тотъ самый вечеръ, когда я началъ ѣсть фрукты изъ присланной корзины, объѣдки ихъ бросалъ я вблизи круглой, обтянутой желѣзомъ печки и вечеромъ, при зажженной свѣчѣ, увидѣлъ, къ удивленію моему, множество большихъ черныхъ тараканов: иные, впившись въ остатки яблокъ, грушъ и бергамотовъ, пожирали оставшуюся мякоть; другіе ползали, ища пищи. Скопища таракановъ въ такомъ размѣрѣ я никогда нигдѣ не видѣлъ ни прежде, ни впослѣдствіи въ жизни моей; при томъ же они были очень большой величины и черные, лоснящіеся. Поднеся свѣчу ближе, я разсматривалъ ихъ съ большимъ любопытствомъ. Далѣе печи они никогда не ползали; теплота казалась необходимымъ условіемъ ихъ жизни, и ночная тьма для нихъ— время бодрствованія; въ остальное время дня ихъ не было видно ни одного. Ежедневно выползали они изъ-за печки, и я всякій вечеръ любовался ими и прикармливалъ ихъ. При появленіи новаго куска пищи, они набрасывались на него и, обсѣвши кругомъ, ѣли всѣ вмѣстѣ отъ одного куска, не выталкивая одинъ другого и не отбивая чужой пищи. Нравъ ихъ казался мнѣ общежительнымъ и добродушнымъ по взаимнымъ ихъ отношеніямъ. Когда не было больше плодовой пищи, они не пренебре-

гали и хлѣбомъ, но мясной пищи не ѣли. Каждый вечеръ смотрѣлъ я, сколько ихъ пришло ко мнѣ, и ихъ безвредный и тихій визитъ считалъ я благопріятнымъ отношеніемъ моимъ къ природѣ, не отчуждавшей меня, какъ люди, и потому приносившимъ мнѣ какъ бы благополучіе.

Другого рода животныя, принимавшія отъ меня пищу и молчаливо вступившія со мною въ взаимно-выгодныя отношенія, были изъ царства пернатыхъ, прилетавшихъ къ моему окну. На площадкѣ довольно широкой ($^3/_4$ аршина шириною и аршина $1^1/_2$ длиною) оконной амбразуры моего окна ютились въ продолженіе всего дня голуби, но прилетъ ихъ былъ особенно великъ въ послѣобѣденный часъ, когда бросалась имъ всякая пища; они клевали все. Пользуясь такимъ почетомъ и по нравственности считаемые чистыми и цѣломудренными существами, голуби, по продолжительнымъ моимъ наблюденіямъ этого времени, оказались самыми злыми и безпощадно жестокими по взаимнымъ своимъ другъ къ другу отношеніямъ. Драки ихъ изъ-за кусочка хлѣба были самыя ожесточенныя, и всегда являлся одинъ какой-нибудь боецъ, разгонявшій всѣхъ и ненасытно поѣдавшій бросаемую пищу. Если попадались двое равныхъ, то это былъ бой какъ бы на смерть,—выщипыванье перьевъ изъ шеи и клеванье въ голову были самыми тяжелыми ударами. Этимъ временемъ пища доставалась болѣе слабымъ, или, правильнѣе сказать, слѣдующимъ по силѣ обирателямъ. Тутъ не было уже никакой жалости къ чужому голоду, все хваталось съ бою. На окно слетались десятки голубей, такъ что мѣста не было, куда сѣсть, и одни другихъ выталкивали за бортъ. Драки эти меня развлекали ежедневно съ полчаса, и я въ бросаніи кусочковъ пищи старался попадать къ ногамъ болѣе слабыхъ, что̀ заставляло неистово метаться ненасытныхъ пожирателей, присвоющихъ себѣ однимъ право пресыщаться земными благами.

Однажды, поздно вечеромъ, въ лунную ночь, вскочивъ на окно подышать свѣжимъ воздухомъ у фортки, замѣтилъ я, что голубь сидитъ на желѣзной рѣшеткѣ окна и такъ близко, что, протянувъ руку, его можно бы схватить. Подумавъ объ этомъ, я сейчасъ же просунулъ руку и къ великому моему удивленію, положивъ ладонь на спину его и замкнувъ пальцы, я его схватилъ и втянулъ черезъ фортку въ комнату. Держа его въ рукѣ, я сѣлъ за столъ и пробовалъ его кормить, но онъ, поднявъ голову и широко отворивъ клювъ, дышалъ очень учащенно и, казалось мнѣ, впалъ въ совершенное безпамятство. Когда я его попробовалъ поставить на столъ, то онъ, не двигаясь, стоялъ и,

раскрывши ротъ, продолжалъ какъ бы вбирать въ себя усиленно воздухъ, какъ дѣлаютъ птички, посаженныя подъ воздушный насосъ съ разрѣженнымъ воздухомъ. Съ четверть часа я разсматривалъ его, потомъ счелъ лучшимъ возвратить его на прежнее его мѣсто ночлега; я пронесъ его черезъ фортку и вновь усадилъ на рѣшотку, гдѣ онъ сидѣлъ, но онъ, посидѣвъ съ ½ минуты, вѣроятно, очнувшись, слетѣлъ на землю.

XV.

Прошелъ мѣсяцъ, или болѣе, моего пребыванія въ новомъ моемъ жилищѣ; полгода просидѣвъ въ одиночествѣ, сталъ я болѣе выносливъ, приспособившись къ малой жизни; но можно ли привыкнуть совсѣмъ къ лишенію свободы и полной изоляціи отъ всего живого міра? Каторжная работа, ссылка въ Сибирь казалась мнѣ величайшимъ и единственнымъ будущимъ моимъ счастьемъ, и я съ трепетомъ сердца жаждалъ скорѣйшаго окончанія нашего дѣла. Я уже былъ порядочно замученъ, и на лицѣ моемъ не могли не быть видны слѣды ужасной зѣвоты и судорожнаго смѣха. Въ первый разъ, когда я получилъ зеркало (еще въ первомъ моемъ помѣщеніи), я былъ пораженъ, взглянувъ на себя. Затѣмъ, ежедневно смотрясь, я уже не могъ видѣть рѣзкой перемѣны, но я былъ желтъ, худъ, обросъ небольшими усами, бородой и предлинными волосами, ни разу въ крѣпости не стриженными.

И въ новой комнатѣ я цѣлый день говорилъ, мыслилъ вслухъ и, думая о будущемъ, мечталъ о предстоящей мнѣ, столь мною желанной жизни въ рудникахъ, вмѣстѣ съ другими и, можетъ быть, и съ нѣкоторыми изъ товарищей моихъ.

„Тамъ отдохну я отъ этого одиночества и выживу срокъ, можетъ быть не столь продолжительный, и буду жить поселенцемъ въ прекрасной Сибири, гдѣ люди, можетъ быть, лучше, честнѣе и умнѣе“.

Такъ утѣшалъ я себя, и подъ вліяніемъ такихъ надеждъ и мысли, что дѣло наше наконецъ приблизилось ужъ къ самому концу, я не переставалъ бодрить себя.

И такъ кое-какъ проходили дни за днями. Утромъ чай, затѣмъ латинскіе стихи Ювенала, смотрѣніе въ окно, ожиданіе, не придетъ ли кто, стихотворный бредъ, обѣдъ, кормленіе голубей, темнота въ три часа, зажиганіе свѣчи, чтеніе Купера, Гёте... привѣтствіе таракановъ, вечерній чай... И всѣ эти занятія пре-

рывались безпрестанно чувствомъ томленія и страшной тоски. Иные дни были сноснѣе, другіе едва переносимы, съ трудомъ доживаемы до ночи. И ложился въ постель я въ большомъ унынiи и сомнѣніи въ завтрашнемъ днѣ. Да когда же наконецъ кончится наше нескончаемое дѣло?! Силъ не хватаетъ болѣе,—все кажется переносимо уже, въ сравненіи съ долгимъ одиночнымъ заключеніемъ. При этомъ моемъ безнадежномъ, относительно завтрашняго дня, положеніи, я какъ бы въ насмѣшку повторялъ четверостишіе Гёте:

Liegt dir Gestern klar und offen,
Wirkst Du heute kräftig, frei,
Kannst auch auf ein Morgen hoffen,
Dass nicht minder glücklich sei!

и потомъ передѣлалъ его подходящимъ къ моему нескончаемому бѣдствію слѣдующимъ образомъ:

Hat dich Gestern schwer getroffen,
Bist heut'elend und nicht frei;
Kannst auch auf ein Morgen hoffen,
Dass nicht minder traurig sei!

Въ это время я повторялъ и другое Гётевское изреченіе: „Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen",—перефразировавъ его и примѣняясь къ моему положенію такимъ образомъ: „Es ist dafür gesorgt, dass die Gefängnisse nicht in die Ewigkeit dauern"!

XVI.

Однажды утромъ принесли мнѣ мое платье, и я былъ вновь потребованъ въ судъ. Меня не трогали уже три мѣсяца, если не болѣе, и надо было ожидать чего-либо особеннаго. Съ безпокойствомъ и любопытствомъ вошелъ я въ бѣлый домъ, на лѣстницу, въ знакомую уже мнѣ, по прежнимъ хожденіямъ, комнату, и былъ очень изумленъ представшимъ глазамъ моимъ зрѣлищемъ: вмѣсто прежнихъ пяти судей, за столомъ предо мной было большое собраніе: человѣкъ двадцать сидѣло за длиннымъ столомъ, закрытымъ краснымъ сукномъ; на одномъ концѣ стола сидѣлъ высокаго роста генералъ, съ крупными чертами лица, худой, блѣдный,—онъ и теперь какъ живой сидитъ передъ моими глазами. Онъ смотрѣлъ на меня строго (по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ, но, можетъ быть, я и ошибаюсь въ этомъ). Впо-

слѣдствіи узналъ я, что это былъ Лобановъ-Ростовскій. На другомъ концѣ стола, за пюпитромъ, стоялъ какой-то чиновникъ (секретарь присутствія).

Когда я вошелъ, взоры всѣхъ устремились на меня. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, я очутился около секретаря. Я былъ въ большомъ недоумѣніи: „Что̀ это? зачѣмъ такая перемѣна, гдѣ прежніе наши судьи? Имъ не дали докончить нашего дѣла,—думалъ я,—ихъ, вѣрно, нашли слишкомъ къ намъ добрыми, и вотъ назначили болѣе строгихъ“. Такія мысли охватили меня мгновенно. Едва успѣлъ я подумать объ этомъ, какъ услышалъ обращенный ко мнѣ вопросъ; Лобановъ-Ростовскій спрашивалъ меня, какъ моя фамилія, затѣмъ спросилъ:

— Все ли вы сказали на слѣдствіи? не имѣете ли чего еще прибавить?

— Къ тому, что̀ я уже говорилъ и писалъ?

— Я спрашиваю васъ, не имѣете ли вы чего прибавить къ тому, что̀ вы показывали по дѣлу вашему?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ увѣренностью.—Я все показалъ, и больше ничего не имѣю прибавить.

Послѣ этого я былъ отпущенъ.

— Что̀ это значитъ?—спросилъ я офицера, сопровождавшаго меня:—отчего эта перемѣна? Гдѣ прежніе судьи наши?

— Это полевой уголовный судъ подъ предсѣдательствомъ Лобанова-Ростовскаго,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Развѣ насъ отдали подъ военный судъ? — спросилъ я, удивленный.—Неужели новые судьи начнутъ разсматривать дѣло съ самаго начала?

И вотъ я вновь одинъ въ запертой камерѣ.

Болѣе всего меня сокрушало то, что отсрочено окончаніе нашего дѣла, и не на двѣ недѣли, а на неопредѣленное, казалось мнѣ, нескончаемое время. Я былъ совершенно подавленъ этою мыслью. Съ самаго начала содержанія въ крѣпости я все утѣшалъ себя двухнедѣльнымъ срокомъ и надеждою, что, вотъ, вотъ, уже наступаетъ конецъ дѣла. И вдругъ предо мной нежданно, внезапно разверзлась бездонная пропасть: всѣ надежды мои на скорое избавленіе ссылкою въ Сибирь рушились вдругъ, и самыя мрачныя, зловѣщія мысли зародились въ головѣ моей. „Теперь смертная казнь или,—что̀ еще хуже,—присужденіе къ нескончаемому одиночному заключенію“. Говоря самъ съ собою, произносилъ я вслухъ: „День ужасный, день самый несчастный въ жизни моей! О, еслибъ я могъ умереть, чтобы уже болѣе не думать ни о чемъ и перестать чувствовать жестокое мое заклю-

ченіе“! Въ такой глубокой тоскѣ, двигаясь по комнатѣ, я незамѣтнымъ образомъ опускался на полъ, въ обычное мое сидячее на колѣняхъ положеніе, и заливался судорожнымъ смѣхомъ до изнеможенія. Поднимаясь послѣ такого припадка, я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, немыслящимъ, безгласнымъ. Невыносимо тяжко прожитъ былъ этотъ злополучный день. Завѣса мрачнаго будущаго приподнялась передо мной. Надежда, подкрѣплявшая меня, исчезла, и я остался безъ всякой нравственной поддержки. Въ этотъ день гвоздемъ написалъ я на стѣнѣ, какъ мнѣ было тяжело на душѣ. Слова самыя горькія человѣка изстрадавшагося остались вырѣзаны моею рукою. „Пусть прочтетъ, —думалъ я,—кто-либо, кто будетъ здѣсь жить послѣ меня“!

Въ такомъ упадкѣ духа, изнеможенный легъ я въ постель; сонъ одолѣвалъ меня, и зловѣщіе призраки, летавшіе надъ моею головою, сливались въ какой-то давящій туманъ и сонный бредъ.

И вотъ снится мнѣ—зовутъ меня въ судъ, и офицеръ, сопровождающій меня, говоритъ: „Все кончено; наступилъ конецъ вашему долгому дѣлу“. Слова его меня не радуютъ, въ душѣ предчувствіе чего-то ужаснаго сжимаетъ мнѣ сердце; я иду, какъ осужденный на гибель. Вотъ бѣлый домъ, вотъ уже и на лѣстницу вхожу я, колѣни дрожатъ; дверь открылась, и я долженъ войти въ нее; и я вошелъ; за длиннымъ столомъ, накрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣли въ мундирахъ тѣ же лица; они смотрѣли на меня.

Я вошелъ въ дверь и остановился; кто-то сзади подтолкнулъ меня впередъ, и я очутился около самаго стола.—Прочитайте ему бумагу! — сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ секретарю. Секретарь, переставъ смотрѣть на меня, взялъ бумагу и сталъ читать, отчеканивая медленно каждое слово. Прочитанное было редактировано, приблизительно, въ слѣдующихъ словахъ:

„По дѣлу злоумышленниковъ, въ которомъ участвовали вы, слѣдственная коммиссія, раскрывъ всѣ учиненныя вами злодѣянія, представила ихъ на заключеніе Высочайше назначеннаго полевого уголовнаго суда, который, по разсмотрѣніи вашей виновности и участія въ государственномъ преступленіи, приговорилъ васъ къ заключенію въ крѣпости *на девятьсотъ* лѣтъ“.

Чтеніе это, производившееся медленно, и заключительныя слова его произвели на меня потрясающее впечатлѣніе, какъ бы мнѣ нанесъ кто-либо смертельный ударъ въ голову.

— Вы поняли объявленіе суда?—спросилъ меня предсѣдатель громогласно.

— На девятьсотъ лѣтъ?—сказалъ я слабымъ голосомъ.—Въ

крѣпости на девятьсотъ лѣтъ!..—Но потомъ, опомнившись, спросилъ:—Да какъ же это?—вѣдь я не буду жить девятьсотъ лѣтъ?!

— Это не ваше дѣло,—сказалъ онъ мнѣ рѣшительнымъ голосомъ:—мы уже позаботились о томъ, чтобы вы жили девятьсотъ лѣтъ,—и потомъ прибавилъ еще, какъ бы для подтвержденія и усиленія, по-нѣмецки:—Es ist dafür gesorgt!

Меня схватили за обѣ руки, я сталъ отбиваться, закричалъ и проснулся. Все было тихо; свѣча (замѣнившая прежнюю плошку), поставленная въ глиняной посудѣ и заставленная книгами, слегка освѣщала потолокъ комнаты. Увидѣвъ себя лежащимъ на кровати въ знакомой мнѣ обстановкѣ, я понялъ, что это былъ сонъ, но страшный сонъ этотъ стоялъ живымъ видѣніемъ передъ глазами моими. Я былъ настолько подавленъ имъ, что громадный размѣръ всей этой нелѣпой чепухи не заставилъ меня ни разу усмѣхнуться. „Девятьсотъ лѣтъ,—думалъ я,—это только рельефное выраженіе пожизненнаго заключенія; сколько бы ни продолжалась жизнь, хотя бы девятьсотъ лѣтъ, ты все будешь сидѣть и никогда болѣе не выйдешь на воздухъ и не увидишь никого,—не только никого изъ близкихъ людей, но и будешь уединенъ ото всего міра“.

Такъ лежалъ я, смотря на освѣщенный потолокъ. Я былъ очень утомленъ; глаза смыкались. „Сонъ-то и исчезъ, какъ сонъ,—думалъ я,—а вчерашнее мое видѣніе—то дѣйствительность, неисчезаемая, неудалимая, неотступная“! И она-то туманнымъ призракомъ носилась передъ сонными моими глазами. И, кажется мнѣ, я засыпаю снова, брежу о чемъ-то ни во снѣ, ни на яву; какія-то странныя лица съ разноцвѣтными головными нарядами мелькаютъ передъ глазами, вытѣсняя одни другихъ; они гримасничаютъ, пучатъ глаза... Откуда-то слышится шумъ какъ бы большого пильнаго завода въ полномъ ходу, и затѣмъ ритмъ этого шума превращается въ дыхательное храпѣніе какого-то спящаго великана и все становится громче и страшнѣе. Я просыпаюсь съ біеніемъ сердца, лежу, смотрю на потолокъ: передъ глазами мелькаютъ разноцвѣтные переливы огней и слышатся перекликающіеся голоса, свистъ и шумъ въ ушахъ.

„Что̀ же это такое?—думаю я:—сплю я или не сплю“? Голова у меня болитъ, во рту ощущается сухость, какъ бы отъ внутренняго жара; мнѣ хочется пить,—я встаю; какая-то горечь во рту, давленіе подъ ложечкой, и вдругъ голова закружилась... Схватившись за столъ, я опустился на табуретъ,—меня сильно затошнило и вырвало, потомъ изъ носа закапала кровь, и я оставался въ сидячемъ положеніи, держа голову рукою, облокотившеюся на столъ. Чувствуя себя облегченнымъ, я подошелъ

къ окну, напился воды, потомъ добрался до постели и заснулъ уже не столь тревожнымъ сномъ. Утромъ проснулся болѣе утомленнымъ, чѣмъ въ какой-либо день пребыванія моего въ крѣпости. Голова была тяжела, и въ ушахъ звенѣло. Я напился воды, отворилъ фортку, облилъ голову водой и стоялъ на окнѣ, дыша холоднымъ ноябрьскимъ воздухомъ. Въ этотъ день я часто ложился на постель и засыпалъ; аппетита вовсе не было, и я до вечерняго чая ничего не ѣлъ.

Вспоминая теперь все со мною происходившее въ эту памятную для меня ночь, я вижу ясную картину острой гипереміи мозга, развившейся вслѣдствіе душевнаго возмущенія предшествовавшаго дня и затѣмъ благополучно миновавшей.

XVII.

Послѣдующіе за симъ дни я чувствовалъ себя слабымъ; упадокъ духа выражался еще бо̀льшею бездѣятельностью; даже обыкновенныя, вседневныя дѣла были въ забвеніи: я мылся кое-какъ, не вытирался холодной водой, гимнастическія движенія не производились, голуби и тараканы были совершенно забыты въ эти дни. Книги, раскрытыя, то та, то другая, лежали на столѣ, но не читались. Такое угнетенное состояніе продолжалось нѣсколько дней, но оно мало-по-малу стало проходить. Новый и военный судъ, такъ вдругъ неожиданно нависшій надо мною, породилъ во мнѣ двѣ подавляющія мысли: 1) вмѣсто ежедневно ожидаемаго окончанія дѣла, я вдругъ увидѣлъ, что оно сызнова начинается; и 2) меньшая надежда на столь горячо желанное мною избавленіе отъ одиночнаго заключенія и отъ наказанія ссылкою въ Сибирь.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, мысли мои мало-по-малу облегчились слѣдующими соображеніями: судъ военный долженъ быть зато скорый, —онъ не будетъ мѣшкать; да, кромѣ того, меня спрашивали, не имѣю ли я чего прибавить къ тому, что̀ мною уже показано, а слѣдовательно, прежній разборъ дѣла не брошенъ, и вѣроятно они будутъ руководствоваться имъ, что̀ ускоритъ дѣло. Размышляя такимъ образомъ, я вновь прибѣгъ къ моему неизбѣжному ложному предположенію о достаточности двухнедѣльнаго срока. Другое же предположеніе мое о неблагополучномъ исходѣ дѣла не переставало сокрушать меня все остальное время моего пребыванія въ крѣпости, но, и объ этомъ думая, я склоненъ былъ утѣшать себя, что, можетъ быть, и оши-

баюсь. Думая о возможности смертной казни по военному суду, я также утѣшалъ себя, что это будетъ огнестрѣльное оружіе.

Былъ уже конецъ ноября, если я не ошибаюсь. Семь мѣсяцевъ уже отсидѣлъ я, видѣлъ длинный рядъ прожитыхъ мною скорбей и мукъ, и удивлялся, какъ это мои двухнедѣльные сроки могли затянуться на столь долгое время, и говорилъ себѣ: „Какое счастье доставилъ мнѣ этотъ самообманъ и каково было бы мнѣ знать съ самаго начала, что и въ семь мѣсяцевъ дѣло наше не кончится. Теперь, — думалъ я,—несомнѣнно, послѣ столь долгаго времени оно должно быть уже пришедшимъ къ истинному и дѣйствительному концу, которому самый поздній срокъ—текущія двѣ недѣли“.

Вотъ наступилъ уже декабрь; погода была снѣжная и морозная, но въ комнатѣ было тепло; сильно нагрѣваемая печь радовала пріютившихся около нея таракановъ. Я стоялъ часто у фортки. Прохожихъ было мало; въ праздничные дни отъ обѣдни шло довольно много, но изъ знакомыхъ я никого замѣтить не могъ. Иногда, часу въ третьемъ дня, я видѣлъ, однакоже, проходившаго мимо моего окна, кого-либо изъ братьевъ или моего дядю, М. С. Бижеича. Варенька приходила тоже въ свой уголокъ у собора, часто отирала слезы платкомъ и всегда проходила мимо моего окна.

Одно обстоятельство, о которомъ забылъ я упомянуть,—это что изъ окна моего былъ виденъ бѣлый домъ, въ которомъ разбиралось наше дѣло, и я изрѣдка смотрѣлъ, какъ подъѣзжали экипажи. Вечеромъ экипажей не видно было, но второй этажъ этого дома, въ окнахъ котораго не было ставень, былъ сильно освѣщенъ, и видны были сначала движущіяся фигуры, а потомъ онѣ усаживались, и движеніе замѣтно было только по временамъ. Видно было (такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, воображалось), какъ, по истеченіи нѣкотораго времени, проходили мимо окна то тотъ, то другой посудимый. Если бы у меня была подзорная труба или хорошій бинокль, то я узналъ бы, безъ сомнѣнія, многихъ изъ нихъ.

XVIII.

Декабрь мѣсяцъ, послѣдній, былъ совершенно безцвѣтенъ и не былъ прерываемъ никакимъ освѣжающимъ впечатлѣніемъ. Всѣ выгоды, какія можно было извлечь изъ новой мѣстности моего помѣщенія, были уже исчерпаны мною; болѣе нельзя было выдумать никакихъ развлеченій и никакихъ занятій,—оставалось

ожидать пришествія чего-либо снаружи, извнѣ, въ мою тюремную камеру, гдѣ я пропадалъ съ тоски и терялъ, казалось мнѣ, мои послѣднія жизненныя силы. И теперь, когда я вспоминаю это ужасное мое положеніе, и теперь кажется мнѣ, что безъ тяжкаго поврежденія или увѣчья на всю жизнь въ моемъ мозговомъ органѣ я не могъ бы долѣе выносить одиночнаго заключенія. Томленіе, упадокъ духа были чрезвычайные; занятіе не развлекало меня. Я не могъ болѣе оживлять себя ничѣмъ, пересталъ говорить самъ съ собою, какъ-то машинально двигался по комнатѣ или лежалъ на кровати въ совершенной апатіи. По временамъ, являлись приступы тоски невыносимые, и чаще и дольше прежняго сидѣлъ я на полу. Сонъ былъ тревожный, сновидѣнья все въ томъ же печальномъ кругу, съ кошмарами— такъ дожито было до 22 декабря.

Въ этотъ день, какъ и во всѣ прочіе дни, проведя ночь безпокойно, до свѣта (свѣтало поздно, въ восьмомъ часу), часовъ въ шесть, всталъ я съ постели и, по установившемуся уже давно обычаю, инстинктивно направился къ окну, сталъ на него и, отворивъ фортку, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспринималъ впечатлѣніе погоды новаго дня. И въ этотъ день я былъ въ такомъ же упадкѣ духа, какъ и во всѣ прочіе дни. Всѣ мои мысли и соображенія о будущемъ слились въ общее, подавляющее чувство унынія; желанія исчезли отъ усталости. Я былъ очень истомленъ нескончаемостью заключенія, да и ночью, проведенною тревожно.

Было еще темно; на колокольнѣ Петропавловскаго собора прозвучали переливы колоколовъ и за ними бой часовъ, возвѣстившій половину седьмого. Вскорѣ увидѣлъ я, что земля покрыта была новымъ, высыпавшимъ ночью, снѣгомъ.

Послышались какіе-то голоса, и сторожа̀, казалось, чѣмъ-то были озабочены. Замѣтивъ что-то новое, я дольше остался на окнѣ, и все болѣе замѣчалъ какое-то необыкновенное движеніе туда и сюда и разговоры спѣшившихъ крѣпостныхъ служителей. Между тѣмъ, свѣтало все болѣе, и хожденіе и озабоченность крѣпостного начальства обозначались все болѣе и болѣе. Это продолжалось около часа времени. При видѣ такого необыкновеннаго явленія въ крѣпости,—несмотря на упадокъ духа, я вдругъ оживился, и любопытство и вниманіе ко всему происходившему возростали съ каждой минутой. Вдругъ вижу я—изъ-за собора выѣзжаютъ кареты,—одна, двѣ, три... и все ѣдутъ, ѣдутъ безъ конца; часть ихъ оставалась и за соборомъ. Потомъ передъ моими глазами обнаружилось еще новое зрѣлище: выѣзжалъ многочислен-

ный отрядъ конницы; эскадроны жандармовъ слѣдовали одинъ за другимъ и устанавливались около каретъ.

„Что̀ бы это все значило? Ужъ не похороны ли снова какія? Но для чего же пустыя кареты? Ужъ не настало ли окончаніе нашего дѣла“? Сердце забилось. „Да, конечно, эти кареты пріѣхали за нами. Неужели конецъ? Вотъ я и дождался до послѣдняго дня!.. Съ 22-го апрѣля по 22-е декабря—восемь мѣсяцевъ! А теперь что̀ будетъ“?!..

Служителя̀, въ сѣрыхъ шинеляхъ, несутъ какія-то вещи, перекинутыя черезъ плечо; они идутъ скоро за офицеромъ, направляясь къ нашему корридору. Слышно, какъ они вошли въ корридоръ, зазвенѣли связками ключей, и какъ стали отворяться камеры заключенныхъ.

И до меня дошла очередь: вошелъ одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ съ служителемъ; мнѣ принесено было мое платье, въ которомъ я былъ взятъ, и, кромѣ того, теплые, толстые чулки; мнѣ сказано, чтобы я одѣлся и надѣлъ чулки, такъ какъ погода морозная.

— Для чего это? Куда насъ повезутъ? Окончено наше дѣло?—спрашивалъ я его,—на что̀ мнѣ данъ былъ отвѣтъ уклончивый и короткій...

Я одѣлся скоро; чулки были толстые, едва могъ я на нихъ напялить сапоги. Вскорѣ передо мной отворилась дверь, и я вышелъ. Изъ корридора меня вывели на крыльцо, къ которому подъѣхала сейчасъ же карета, и мнѣ предложено было сѣсть въ нее. Когда я вошелъ, то вмѣстѣ со мною влѣзъ въ карету и солдатъ въ сѣрой шинели и сѣлъ рядомъ со мною (кареты были двухмѣстныя).

Мы двинулись; колеса заскрипѣли, катясь по глубокому, морозомъ стянутому снѣгу. Оконныя стекла кареты были подняты, и такъ какъ они сильно замерзли, то видѣть черезъ нихъ нельзя было ничего. Была какая-то остановка,—вѣроятно, ожидали остальныя кареты. Затѣмъ началось общее и скорое движеніе.

Мы ѣхали. Я ногтемъ отскабливалъ замерзшій слой отъ стекла и смотрѣлъ секундами; оно тускнѣло сейчасъ же.

— Куда мы ѣдемъ, ты не знаешь?

— Не могу знать,—отвѣчалъ мой сосѣдъ.

— А гдѣ же мы ѣдемъ теперь?

— Кажется, на Выборгскую выѣхали, ваше благородіе.

Я усердно дышалъ на стекло, отчего удавалось минутно увидѣть кое-что изъ окна. На улицѣ шли прохожіе и, увидѣвъ нашъ странный поѣздъ, окруженный со всѣхъ сторонъ жандармами съ

саблями наголо, останавливались. Люди шли и возвращались съ рынковъ.

Такъ ѣхали мы нѣсколько минутъ, переѣхали Неву; я безпрестанно скоблилъ ногтемъ или дышалъ на стекло. Мы ѣхали по Воскресенскому проспекту, повернули на Кирочную и на Знаменскую; здѣсь опустилъ я быстро оконное стекло (сосѣдъ мой не обнаружилъ при этомъ ничего непріязненнаго) и съ полминуты полюбовался давно невиданною мною картиною пробуждающейся въ зимнее утро столицы. Прохожіе всюду останавливались и смотрѣли на нашъ поѣздъ, какъ на что-то странное, прежде никогда не виданное; надъ крышами домовъ поднимались повсюду клубы густого дыма только-что затопленныхъ печей. Жандармъ скакалъ у окна съ саблей на-голо; я заглянулъ въ окно и увидѣлъ впереди и сзади каретъ массу жандармовъ. Вдругъ, ѣхавшій близъ моей кареты жандармъ подскочилъ къ окну и громко закричалъ: „Не оттуливай"! Тогда сосѣдъ мой спохватился и поспѣшно закрылъ окно. Опять долженъ былъ смотрѣть я въ быстро исчезающую щелку. Мы выѣхали на Лиговку и затѣмъ направились, сколько мнѣ помнится, по Обводному каналу. Ѣзда эта продолжалась минутъ тридцать, затѣмъ повернули направо и, проѣхавъ немного, остановились; дверца кареты отворилась передо мной, и я вышелъ. Посмотрѣвъ кругомъ, я увидѣлъ знакомую мнѣ мѣстность—насъ привезли на Семеновскую площадь; она была покрыта свѣже выпавшимъ снѣгомъ и окружена войсками, стоявшими въ каре; на валу, вдали, стояли толпы народа и смотрѣли на насъ.

Была тишина; утро яснаго зимняго дня, и солнце, только-что взошедшее большимъ свѣтлымъ шаромъ, блистало на горизонтѣ, сквозь туманъ сгущенныхъ облаковъ. Солнца не видалъ я восемь мѣсяцевъ, и представшая глазамъ моимъ чудная картина зимы и объявшій меня со всѣхъ сторонъ воздухъ произвели на меня какое-то опьяняющее дѣйствіе. Я ощущалъ неописанное благосостояніе и на нѣсколько секундъ забылъ обо всемъ прочемъ.

Изъ этого полузабытья былъ я выведенъ прикосновеніемъ посторонней руки: кто-то взялъ меня за локоть, съ желаніемъ подвинуть впередъ, и, указавъ направленіе, сказалъ мнѣ:—Вонъ туда ступайте.

Я подвинулся впередъ, и вмѣстѣ со мною—солдатъ, сидѣвшій со мною въ каретѣ. При этомъ я увидѣлъ, что мы стоимъ на глубокомъ снѣгу, утонувъ въ него всею ступнею, и почувствовалъ, что мнѣ холодно. Мы были взяты 22-го апрѣля въ весен-

нихъ платьяхъ, и такъ въ нихъ и вывезены, 22-го декабря, на площадь.

Направившись впередъ по снѣгу, я увидѣлъ, налѣво отъ себя, среди площади, воздвигнутую постройку—подмостки квадратной формы, величиною въ нѣсколько саженей, со входною лѣстницею, и все обтянуто было чернымъ трауромъ; это—эшафотъ. Тутъ же замѣтилъ я группу товарищей, столпившихся вмѣстѣ, протягивающихъ другъ другу руки и привѣтствующихъ другъ друга послѣ столь злополучной разлуки. Когда я взглянулъ на лица ихъ, то былъ пораженъ страшною перемѣною; тамъ стояли Петрашевскій, Львовъ, Филипповъ, Спѣшневъ и нѣкоторые другіе,—лица ихъ были худыя, блѣдныя, вытянутыя, у нѣкоторыхъ—обросшія бородой и волосами. Особенно поразило меня лицо Спѣшнева; онъ отличался ото всѣхъ замѣчательною красотою, необыкновенною силою и цвѣтущимъ здоровьемъ. Исчезли и красота, и цвѣтущій видъ; лицо его изъ округленнаго сдѣлалось продолговатымъ; оно было болѣзненно, желто, блѣдно, щеки исхудалыя, глаза какъ бы ввалились, и подъ ними—большая синева; длинные волосы и выросшая большая борода окружали лицо. Петрашевскій, тоже сильно измѣнившійся, стоялъ нахмурившись; онъ обросъ густою шевелюрою и густою, сливавшеюся съ бакенбардами, бородою...

Всѣ эти впечатлѣнія были минутныя. Кареты все еще подъѣзжали, и оттуда выходили заключенные въ крѣпости. Вотъ Плещеевъ, Ханыковъ, Кашкинъ, Европеусъ... все исхудалые; а вотъ и милый мой Ипполитъ Дебу; увидѣвъ меня, онъ бросился ко мнѣ въ объятія.

— Ахшарумовъ, и ты здѣсь!

— Мы же всегда были вмѣстѣ,—отвѣчалъ я.

Вдругъ всѣ наши привѣтствія и разговоры прерваны были громкой командой генерала, какъ видно, распоряжавшагося всѣмъ:

— Становите ихъ!—закричалъ онъ.

Тогда явился какой-то чиновникъ со спискомъ въ рукѣ и, читая, сталъ вызывать насъ каждаго по фамиліи: первымъ былъ поставленъ Петрашевскій, за нимъ—Спѣшневъ, потомъ—Момбели и затѣмъ—всѣ остальные; всѣхъ было насъ двадцать-три человѣка; я поставленъ былъ по ряду восьмымъ.

Послѣ того явился передъ нами священникъ и, ставъ впереди насъ, сказалъ:

— Сегодня вы услышите справедливое рѣшеніе вашего дѣла,—послѣдуйте за мною!

Насъ повели на эшафотъ, но не прямо на него, а обходомъ

вдоль рядовъ войскъ, сомкнутыхъ въ каре. Священникъ, съ крестомъ въ рукахъ, шелъ впереди; за нимъ мы всѣ шли одинъ за другимъ по глубокому снѣгу. Въ каре стояло нѣсколько полковъ,—потому обходъ нашъ по всѣмъ четыремъ рядамъ его былъ довольно продолжительный. Передо мною шагалъ высокій ростомъ Филипповъ; сзади меня былъ, кажется, Дебу-старшій. Послѣдними были Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ.

Вскорѣ вниманіе наше обращено было на сѣрые столбы, врытые съ одной стороны эшафота; ихъ было, сколько мнѣ помнится, очень много. „Привязывать будутъ! — говорили нѣкоторые:—военный судъ—казнь разстрѣляніемъ!"—„Неизвѣстно, что̀ будетъ, — говорили другіе: — вѣроятно, всѣхъ въ каторгу". Между тѣмъ, мы медленно пробирались по снѣжному пути и подошли къ эшафоту.

Взойдя на него, мы смѣшались въ кучу и опять обмѣнялись нѣсколькими словами. Съ нами вмѣстѣ вошли солдаты, числомъ тоже двадцать-три. Затѣмъ распоряжались офицеръ и чиновникъ со спискомъ въ рукахъ. Началась вновь разстановка, причемъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ (соотвѣтственно степени наказанія). Насъ поставили двумя рядами,—одинъ рядъ, меньшій, начинавшійся Петрашевскимъ, былъ поставленъ съ лѣваго фаса эшафота; тамъ были: Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбели, Львовъ, Дуровъ, Достоевскій, Толь, Ястржембскій, Григорьевъ; другой, бо̀льшій числомъ, занималъ правую сторону. Кѣмъ начинался этотъ рядъ—не помню, но вторымъ стоялъ Филипповъ, затѣмъ—я, подлѣ меня—Дебу-старшій, затѣмъ—его братъ, потомъ—Плещеевъ, Тимковскій, Ханыковъ; затѣмъ слѣдовали, кажется, Шапошниковъ, Головинскій, Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ. Всѣхъ насъ было двадцать-три человѣка, но я не могу вспомнить остальныхъ двухъ. За каждымъ изъ насъ поставленъ былъ солдатъ.

Когда мы были уже разставлены въ означенномъ порядкѣ, войскамъ скомандовано было: „На караулъ!"—и этотъ ружейный пріемъ, исполненный одновременно нѣсколькими полками, раздался обычнымъ ударнымъ звукомъ. Затѣмъ скомандовано было намъ: „Шапки долой!"—но мы къ этому не были подготовлены, и почти никто не исполнилъ команды; тогда повторено было приказаніе, а съ запоздавшихъ приказано было снять шапку сзади стоявшему солдату.

Послѣ того чиновникъ въ мундирѣ сталъ читать изложеніе вины каждаго въ отдѣльности, становясь противъ каждаго изъ насъ. Всего невозможно было уловить, что̀ читалось,—читалось скоро и невнятно, да и, притомъ же, мы всѣ дрожали отъ хо-

лода. Когда дошла очередь до меня, то, оказалось, слова, произнесенныя мною на обѣдѣ въ память Фурьé *„о разрушеніи столицъ и городовъ“*, занимали самое видное мѣсто въ винѣ моей.

Чтеніе это продолжалось съ полчаса; мы всѣ страшно озябли.

По окончаніи чтенія этого, конфирмація оканчивалась слѣдующими словами:

„Полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, и 19-го сего декабря Государь Императоръ собственноручно написалъ: „Быть по сему“!

Мы всѣ стояли пораженные; чиновникъ сошелъ съ эшафота.

Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки—саваны, и солдаты, стоявшіе сзади, одѣвали насъ въ предсмертное одѣяніе.

Когда все это исполнилось, взошелъ на эшафотъ священникъ,—тотъ же самый, который насъ велъ,—съ Евангеліемъ и крестомъ, и за нимъ принесенъ и поставленъ былъ аналой. Помѣстившись между нами на противоположномъ входу концѣ, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Братья! передъ смертью надо покаяться. Кающемуся Спаситель прощаетъ грѣхи. Я призываю васъ къ исповѣди.

Никто изъ насъ не отозвался на призывъ священника. Мы стояли молча. Священникъ смотрѣлъ на всѣхъ насъ и повторно призывалъ насъ къ исповѣди. Тогда одинъ изъ насъ—Тимковскій—подошелъ къ нему и, пошептавшись съ нимъ, поцѣловалъ Евангеліе и возвратился на мѣсто.

Священникъ подождалъ еще и, видя, что болѣе никто изъ насъ не подходитъ, самъ подошелъ съ крестомъ къ Петрашевскому и обратился къ нему съ увѣщаніемъ, на что Петрашевскій отвѣтилъ ему тихо нѣсколькими словами; что̀ было сказано имъ — осталось неизвѣстнымъ; слова Петрашевскаго слышали только священникъ и весьма немногіе, близъ его стоявшіе, а даже, можетъ быть, только одинъ сосѣдъ его, Спѣшневъ. Священникъ ничего не отвѣчалъ, но поднесъ къ устамъ его крестъ, и Петрашевскій поцѣловалъ крестъ. Послѣ того, онъ обошелъ съ крестомъ всѣхъ насъ, и всѣ приложились къ кресту. Затѣмъ священникъ, окончивъ свое дѣло, остановился какъ бы въ раздумьи. Тогда раздался голосъ генерала, сидѣвшаго на конѣ возлѣ эшафота:

— Батюшка! вамъ больше здѣсь нечего дѣлать! Вы исполнили все...

Священникъ ушелъ, и сейчасъ же вошли нѣсколько человѣкъ солдатъ и, подойдя къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбели,

взяли ихъ и свели съ эшафота; они подвели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать, каждаго къ отдѣльному столбу, веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно; осужденные не оказывали никакого сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ, и затѣмъ поясомъ завязали веревки. Потомъ слышно было приказаніе: „Колпаки надвинуть на глаза!"—послѣ чего колпаки опущены были на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда, и вслѣдъ за тѣмъ группа солдатъ (ихъ было человѣкъ шестнадцать), стоявшихъ возлѣ самаго эшафота, по командѣ, направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбели.

Моментъ этотъ былъ по истинѣ ужасенъ! Видѣть приготовленія къ казни, видѣть уже наставленные почти въ упоръ на нихъ ружейные стволы и ожидать выстрѣла—было ужасно: сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты...

Возбужденное состояніе мое возросло еще болѣе, когда я услышалъ барабанный бой, значенія котораго я тогда еще, какъ неслужившій въ военной службѣ, знать не могъ. „Вотъ конецъ всему"!—Но вслѣдъ затѣмъ, къ величайшему удивленію, увидѣлъ я, что прицѣленныя ружья вдругъ всѣ были подняты кверху. Отъ сердца отлегло сразу—какъ бы свалился тѣсно сдавившій его камень. Затѣмъ стали отвязывать привязанныхъ Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбели и привели на прежнія мѣста ихъ на эшафотѣ. Оказалось, что пріѣхалъ какой-то экипажъ; оттуда вышелъ офицеръ и привезъ какую-то бумагу. Въ ней возвѣщено было дарованіе намъ Государемъ Императоромъ жизни, а въ замѣну смертной казни каждому—по виновности—особое наказаніе. Конфирмація эта была напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1849 г., въ самый день казни, 22-го декабря; потому распространяться объ этомъ считаю лишнимъ, но упомяну вкратцѣ: Петрашевскій ссылался въ каторжную работу на всю жизнь, Спѣшневъ—на десять лѣтъ, Момбели и Григорьевъ—на пятнадцать лѣтъ, Львовъ—на двѣнадцать лѣтъ, и затѣмъ слѣдовали градаціи въ порядкѣ нисходящемъ—по степени опредѣленной судомъ виновности, хотя, собственно говоря, всѣ мы были одинаково виновны. Я былъ присужденъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на четыре года, а по отбытіи срока—рядовымъ въ кавказскій отдѣльный корпусъ. Двое братьевъ Дебу ссылались тоже въ арестантскія роты (одинъ—на четыре, другой—на два года), а по отбытіи срока—въ нижніе чины военно-рабочей команды.

Кашкинъ и Европеусъ назначались прямо рядовыми въ одинъ изъ кавказскихъ линейныхъ батальоновъ (первый съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, второй же—безъ лишенія дворянства), а Пальмъ переводился тѣмъ же чиномъ въ армію.

По окончаніи чтенія, съ насъ стали снимать саваны и колпаки, затѣмъ взошли на эшафотъ какіе-то люди, одѣтые въ цвѣтные кафтаны (должно быть, палачи), и ломали шпаги надъ головами ссылаемыхъ въ Сибирь.

Послѣ этого намъ дали каждому арестантскую шапку, овчинный тулупъ и такіе же сапоги. Тулупы, каковы они ни были, надѣты были нами поспѣшно, какъ спасеніе отъ холода; сапоги же мы должны были держать въ рукахъ.

Затѣмъ на середину эшафота принесли кандалы и, бросивъ эту тяжелую массу желѣза на дощатый полъ, взяли Петрашевскаго, и, поставивъ его на середину, двое—повидимому, кузнецы—стали молоткомъ заковывать. Петрашевскій сначала стоялъ спокойно, а потомъ выхватилъ тяжелый молотъ у одного изъ рабочихъ и, сѣвъ на полъ, сталъ заколачивать самъ на себѣ кандалы. Что̀ побудило его къ тому и что̀ хотѣлъ онъ выразить тѣмъ—трудно сказать; но мы всѣ были въ болѣзненномъ настроеніи духа, и на все смотрѣли равнодушно. Въ это время подъѣхала къ эшафоту кибитка, запряженная курьерской тройкой съ фельдъегеремъ и жандармомъ, и Петрашевскому было приказано садиться въ нее, но онъ отвѣчалъ, что еще не окончилъ всѣ дѣла.

— Какія еще дѣла у васъ?—спросилъ его съ удивленіемъ генералъ.

— Я хочу проститься съ моими товарищами, — отвѣчалъ Петрашевскій.

— Это вы можете сдѣлать!—послѣдовалъ отвѣтъ.

Петрашевскій въ первый разъ ступилъ въ кандалахъ; съ непривычки ноги его едва передвигались; онъ подошелъ къ Спѣшневу, сказалъ ему нѣсколько словъ и обнялъ его, потомъ подошелъ къ Момбели и также простился съ нимъ, поцѣловавъ и сказавъ что-то. Онъ подходилъ, по порядку, какъ мы стояли, къ каждому изъ насъ и каждаго поцѣловалъ молча или сказавъ что-нибудь на прощанье. Подойдя ко мнѣ, онъ, обнимая меня, сказалъ:

— Прощайте, Ахшарумовъ! Болѣе уже мы не увидимся.

На что я отвѣчалъ ему со слезами:

— А можетъ быть и увидимся еще!

Простившись со всѣми, онъ еще разъ поклонился всѣмъ

намъ и, сойдя съ эшафота, съ трудомъ передвигая непривычныя къ кандаламъ ноги, съ помощью жандарма и солдата, сѣлъ въ кибитку; съ нимъ рядомъ помѣстился фельдъегерь и вмѣстѣ съ ямщикомъ жандармъ съ саблею и пистолетомъ у пояса. Тройка сильныхъ лошадей повернула шагомъ и затѣмъ, выбравшись медленно изъ кружка столпившихся людей и стоявшихъ за ними экипажей, исчезла изъ глазъ нашихъ.

Слова его сбылись,—мы не увидѣлись болѣе.

По отъѣздѣ его, мы стояли еще на своихъ мѣстахъ, закутавшись въ тулупы. Дѣло было кончено. Двое или трое изъ начальствующихъ лицъ взошли къ намъ на эшафотъ и возвѣстили намъ, повидимому, съ участіемъ, что мы не уѣдемъ прямо съ площади, но прежде еще возвратимся на свои мѣста въ крѣпость и, вѣроятно, намъ позволятъ проститься съ родными. Тогда мы всѣ перемѣшались и стали говорить одинъ съ другимъ.

Впечатлѣніе, произведенное на насъ всѣмъ пережитымъ нами въ эти часы приготовленія къ казни и затѣмъ объявленія различныхъ наказаній, было столь же разнообразно, какъ и характеры наши. Старшій Дебу стоялъ въ глубокомъ уныніи и не говорилъ ни съ кѣмъ. Ипполитъ Дебу, когда я подошелъ къ нему, сказалъ: „Лучше бы ужъ разстрѣляли“! Что же касается до меня, то я чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ; жалѣлъ только, что назначенъ былъ въ арестантскія роты (куда-то—неизвѣстно), а не въ далекую Сибирь, куда дальнее, весьма любопытное путешествіе интересовало меня. Сожалѣніе мое оправдалось впослѣдствіи горькою дѣйствительностью: сосланнымъ въ Сибирь, гдѣ уже умѣютъ обращаться съ сосланными, было гораздо лучше, чѣмъ попавшимъ въ грубыя, невѣжественныя арестантскія роты, въ общество воровъ и убійцъ, и при начальствѣ, всего боящемся. Я былъ все-таки весьма счастливъ тѣмъ, что тюрьма миновала, что я сосланъ въ работы и буду жить не одинъ, а въ обществѣ какихъ бы то ни было, людей.

Другіе товарищи на эшафотѣ выражали тоже свои взгляды, но ни у кого не было слезъ на глазахъ, кромѣ одного изъ насъ, стоявшаго послѣднимъ по виновности и почти избавленнаго отъ всякаго наказанія. Я говорю о Пальмѣ; онъ стоялъ, смотрѣлъ на всѣхъ насъ, и слезы, обильныя слезы, текли изъ его глазъ; приближавшимся къ нему товарищамъ онъ говорилъ: „Да сохранитъ васъ Богъ“!

Затѣмъ стали подъѣзжать кареты, и мы, вѣроятно подъ вліяніемъ перенесенныхъ впечатлѣній, не прощаясь одинъ съ другимъ, садились и уѣзжали по-одному. Затѣмъ и я дождался

своего экипажа и сѣлъ въ него. Стекла кареты были заперты, конные жандармы окружали нашъ возвратный поѣздъ, въ которомъ недоставало одной кареты Петрашевскаго.

Этимъ я оканчиваю первую часть моихъ воспоминаній. Сегодня и день памятный для меня,—это день кончины жены моей, незабвеннаго сотрудника и друга болѣе позднихъ, счастливыхъ годовъ моей жизни! Съ трудомъ, великимъ трудомъ началъ я разсказъ этотъ.

Принявшись за него четырнадцать лѣтъ тому назадъ, я отложилъ его, въ самомъ началѣ, какъ читатель уже знаетъ, до болѣе благопріятнаго времени, но забота жизни не переставала одолѣвать, и я никогда не принялся бы вновь за мои воспоминанія, еслибъ, уже въ самые поздніе годà жизни, случай не сблизилъ меня съ двумя новыми людьми, ставшими скоро затѣмъ моими лучшими друзьями—Владиміромъ Викторовичемъ и Лидіей Парменовною Лесевичами. Они своими бесѣдами оживили меня, въ одиночествѣ павшаго духомъ, заинтересовали вновь жизнью и пробудили во мнѣ охоту и желаніе приняться вновь за покинутый уже окончательно трудъ. И вотъ я принялся вновь какъ бы за археологическую раскопку въ замерзшей почвѣ глубоколежавшаго клада и долбилъ землю, пока не дошелъ до него. Тогда пришлось вынимать по частямъ. Такимъ образомъ явился этотъ разсказъ—о дняхъ давно минувшихъ, памятныхъ всѣмъ намъ, участникамъ дѣла, но мало кому извѣстныхъ. Я писалъ его урывками, при множествѣ дѣлъ, меня утомлявшихъ.

Перелистывая написанное, я нахожу въ немъ многое недосказаннымъ или невыраженнымъ съ желаемою ясностью, но все написанное есть истина, и къ ней не прибавлено ни одного лишняго слова.

Воспоминанія этого минувшаго лежали у меня на душѣ, и я теперь исполнилъ давнишнее желаніе мое. Окончивъ этотъ отдѣлъ моихъ воспоминаній, я заморилъ себя писаньемъ по ночамъ; потому и продолженіе труда моего откладываю на неизвѣстное, болѣе благопріятное время, — если оно когда-нибудь настанетъ для меня!..

Дмитрій Ахшарумовъ.

Полтава, 1885.

ПѢСНИ О КРЕСТЬЯНИНѢ

ПРОЛОГЪ.

Пасмуренъ сѣренькій день —
Дождь безъ конца моросить.
Взяться за дѣло мнѣ лѣнь,—
Праздной работа лежитъ.

Этой погодѣ подъ стать —
Мрачно настроенъ мой умъ,
Въ немъ начинаетъ вставать
Рядъ неотвязчивыхъ думъ...

Правда, онѣ не сложны,—
Горечь въ нихъ, злоба и грусть;
Русскіе люди должны
Знать ихъ давно наизусть.

Думы мои о тебѣ,
Труженикъ русской земли...
Въ темной, холодной избѣ,
Въ нѣдрахъ голодной семьи,

Въ дымномъ овинѣ, въ гумнѣ,
Въ полѣ съ сохой, съ бороной,
Съ возомъ въ чужой сторонѣ,
Въ хатѣ, на пилкѣ лѣсной,

Въ бѣлыхъ сугробахъ снѣговъ,
Въ мрачномъ углу кабака,
Съ лямкой на тягѣ судовъ —
Вижу я слѣдъ мужика.

Всюду одинъ у него
Мрачный покорности видъ,
Спросишь:—Ну какъ?—„Ничего!“—
Вѣчно тебѣ говоритъ.

Матушка-русская голь,
Шитое лыкомъ житье,
Снова ты жгучую боль
Бросила въ сердце мое;

Снова ты вызвала злость,
Грусть и досаду въ душѣ,
Снова непрошенный гость
Тихо скользнулъ по щекѣ!

Слезы не даромъ пришли:
Дай-ка, тебѣ я спою,
Труженикъ русской земли,
Грустную пѣсню мою!

ПѢСНЯ I-я.

Тихо. Не колышется
Море ржи кругомъ;
Голосовъ не слышится;
Спитъ все мертвымъ сномъ.

Солнца полудённаго
Яркіе лучи
Пуще обыдённаго
Жгуче-горячи.

Въ скирды не уложены
Сжатые снопы;
Въ ихъ макушки вложены
Острые серпы.

Изъ платка да колышка
Сдѣлавши шалашъ,
Только спитъ неволюшка
Да крестьянинъ нашъ.

Потъ съ лица суроваго
И во снѣ течетъ,—
Знать, до пота новаго
Старый не пройдетъ.

Только тамъ, за рощицей,
На краю пруда,
Съ бѣдною подёнщицей
Встрѣтилась бѣда.

Лишь она съ подругами
Не могла уснуть:
Мучится потугами,
Стоны рѣжутъ грудь;

Онѣмѣли ноженьки,
Зубы какъ въ тискахъ,
Нѣтъ, бѣдняжкѣ, моченьки,
Кровь стучитъ въ вискахъ;

Тяжело становится,—
Слезы льютъ изъ глазъ! —
Матерью приходится
Быть ей въ первый разъ.

Въ эту пору страдную,
Когда нужно жать,
Сунуло неладную
Женщину рожать.

Но бѣда кончается,—
Раздается крикъ,—
И на свѣтъ рождается
Труженикъ-мужикъ:

ПѢСНЯ II-я.

На краю деревни,
Съ ёлкой на дверяхъ
Зданіе харчевни
Кроется въ кустахъ.

Крыша не простая,
На конькѣ рѣзьба,—
Видно, не пустая
И внутри изба.

Въ красной рубашонкѣ
Рыженькій пузанъ,
Съ важностью ручонки
Заложивъ въ карманъ,

Дуетъ себѣ въ дудку,
А отецъ въ избѣ,
Глядя на малютку,
Думаетъ себѣ:

„Подростешь немного,
„Будешь не въ отца;
„Изъ тебя, ей-Богу,
„Выкрою купца“.

И зѣвнувъ, довольный
Сыномъ и собой,
Креститъ богомольно
Ротъ широкій свой.

Противъ же лачуга
На юру стоитъ;
Треплетъ ее вьюга,
Солнышко палитъ.

Крыша вся въ заплатахъ,
Стѣны на боку...
Въ этакихъ палатахъ
Жить лишь мужику.

Скрипнули косыя
Двери на петляхъ,
Шамкнули босыя
Ноженьки въ лаптяхъ:

То въ кабакъ сосѣдній
Норовитъ бѣднякъ,—
Надо, вишь, послѣдній
Извести пятакъ.

Праздникъ тоже: въ жнитво
Родила жена,—
Вотъ и ждутъ съ молитвой
Мѣстнаго попа.

Занялъ у сосѣда
На квашно муки...
Безъ краюхи хлѣба
Праздники плохи.

Баба не успѣла
Полосы дожать,—
Время, вишь, приспѣло
Сына ей рожать.

Ну! да Богъ поможетъ!
Справится жена...
И сама доложитъ
Полосу она;

А то мать-старуха,
Исподволь дожнетъ...
Лѣтомъ голодуха
Насъ не проберетъ.

Вотъ, придутъ заботы
Съ матушкой-зимой,
Когда безъ работы
Сядешь ты съ семьей.

Когда безъ остатка
Хлѣбецъ прижуешь,—

Вотъ когда не сладко,
Волкомъ заревешь.

И, вздохнувъ глубоко,
Онъ махнулъ рукой...
Думаетъ:—далеко
До зимы глухой!

Все въ избѣ готово:
Столъ въ углу накрытъ
Скатертію новой,
Хлѣбъ, вино стоитъ.

На полу соломы
Выстланъ свѣжій рядъ;
Какъ-то и хоромы
Веселѣй глядятъ.

Причтъ вошелъ, садится
Въ уголъ за столомъ...
Будемъ же молиться
Вмѣстѣ съ мужикомъ:

Господи всесильный!
Дай Ты силъ ему
Трудъ тотъ непосильный,
Безъ просвѣта тьму,

Вѣчныя заботы—
Какъ бы подать внесть,
Гдѣ достать работы—
Твердо перенесть!

Не оставь совѣтомъ,
Вѣру въ немъ храни,
Силу мрака свѣтомъ
Знанья разгони!

Чтобы всѣ невзгоды
На его пути,
Голодъ, недороды
Могъ онъ обойти,

Чтобъ въ кабакъ сосѣда
Горькая нужда
Не торила слѣда
Въ жизни мужика!

ПѢСНЯ III-я.

На головкѣ русой
Не по росту шапка,
Зипунокъ кургузый
И на шеѣ тряпка;
Осташи отцовы
На ноги обуты,—
Вотъ и всѣ обновы
Нашего Васюты.

Смотритъ боязливо,
Точно какъ волчёнокъ,
А собой красивый,
Чистенькій мальчёнокъ,
Вьются отъ природы
Волосы у Васьки;
Умны не по го̀дамъ
Голубые глазки.

Бровь дугою гнется,
Хоть куда парнишка.
По снѣгу плетется,
Подъ полою книжка.
Путаются ножки
По снѣгу да въ гору:
Батькины сапожки
Далеко не впору.

Вѣтру не защита
Старый зипунишка,
Вѣтромъ же подбитый;
Весь дрожитъ мальчишка.
Въ школѣ въ эту пору
Ему быть бы надо:

Въ ней ребенка горе,
Въ ней—его отрада.

„Въ школѣ тёпло будетъ",
Вася помышляетъ,
И морозъ забудетъ,
И скорѣй шагаетъ;
А въ головкѣ юной
Этою порою
Думушка за думой
Идутъ чередою.

ДУМЫ ВАСИ.

„Трудно родимому батюшкѣ,—трудно...
Хоть бы скорѣй миновалась зима!..
Наше хозяйство крестьянское скудно,—
Есть—кому ѣсть, а работать—нема̀.

„Старшій я буду; то малъ-мала-менѣ,—
Сестры и братья,—дѣтвою-дѣтва!
Гдѣ имъ работать!—вотъ развѣ на сѣнѣ
Малость подмогутъ, да въ пору жнитва.

„Все-же съ прокосовъ сѣнишко распустятъ,
Въ кучи сухое къ зароду сгребутъ,
Бабки сырыя на ко̀злахъ просушатъ,
Завтракъ и полдникъ отцу принесутъ.

„Я бы ништо... былъ работникомъ батькѣ:
Могъ бы дровишки по зимамъ пилить,
Могъ задавать и овсишко лошадкѣ,
Въ стадо ее и изъ стада водить.

„Только нельзя... до полъ-лѣта учуся,
Въ школѣ съ утра и до самой ночѝ,
Къ поужину са̀мому только вернуся;
Дома жъ—на завтра уроки учи!

„Вотъ, погоди-ка, окончу лишь школу,
Буду хозяиномъ самъ по себѣ:

Хлѣба нажну и насѣю я вволю,
Новую крышу прилажу къ избѣ;

„Новыя санки куплю, а лошадкѣ—
Новую сбрую, уздечку и кнутъ,
Шубы сестрёнкамъ, братишкамъ и маткѣ,
Батюшкѣ—синій суконный тулупъ“!

Думаетъ такъ онъ, и блещутъ глазёнки,
Важность сіяетъ на милыхъ чертахъ,
Въ каждомъ движеньѣ видна у мальчёнки,
Пуще румянецъ горитъ на щекахъ!

ЭПИЛОГЪ.

Славный парнишка! у сына такого
Батька не дюжинный, видно, мужикъ;
Видно, съизмальства примѣра худого
Видѣть ребенокъ въ семьѣ не привыкъ.

Батька—добрякъ: супротивнаго слова,
Нѣтъ, чтобы вздумалъ онъ молвить кому,
Взгляда не броситъ ни разу косого,—
Что̀ ни случится,—все ладно ему.

Но и разумникъ же: разъ, чуть не слёзно,
Сынъ у него сталъ работы просить,—
Онъ ухмыльнулся, но молвилъ серьёзно:
„Въ школу, сыночекъ, пора поступить.

„Въ школу поступишь,—ума наберешься,
Будешь не темный, какъ я, человѣкъ,
Въ нуждѣ и въ горѣ скорѣе найдешься,
Даромъ не сгубишь крестьянина вѣкъ.

„Всякому дѣлу подспорьемъ—наука!
Къ многому я присмотрѣлся давно:
Жизнь скоротать—не мудреная штука,—
Только житье-то житью не равно.

„Я родился крѣпостнымъ человѣкомъ,
Долженъ низенько былъ голову гнуть,—
Ты же самъ баринъ надъ собственнымъ вѣкомъ,
Воленъ любой выбирать себѣ путь.

„Въ школу сбирайся, скорѣе за книжку,—
Я и одинъ отработать смогу!
Вотъ, какъ изъ школы отпустятъ сынишку,
Онъ—за работу, а я отдохну“.

Слава и честь тебѣ, добрый родитель!
Дай Богъ, чтобъ сынъ былъ подобенъ тебѣ,
Гражданинъ истый и строгій рачитель
Дому родному и русской землѣ!

Влад. Марковъ.

МУЖЪ-МИРОЛЮБЕЦЪ

ЭСКИЗЪ.

Изъ романа: „Un mari pacifique", par Tristan Bernard.

I.

Когда Даніель вернулся изъ конторы, зайдя по дорогѣ къ парикмахеру, гдѣ его задержали довольно долго, — Берта была уже совсѣмъ одѣта, чтобы ѣхать на вечеръ въ гости. Она встрѣтила мужа съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, и объявила ему, что скоро уже восемь часовъ.

— А на пригласительной карточкѣ Капитановъ весьма точно обозначено: семь часовъ и три-четверти!—прибавила она.

Даніель пробовалъ возразить, что еще только половина восьмого, и что когда говорятъ: семь три-четверти, то это почти означаетъ восемь. Конечно, онъ согласенъ, что не особенно ловко запаздывать къ людямъ, пригласившимъ ихъ въ первый разъ.

Г-нъ Капитанъ, старшій приказчикъ большого магазина, былъ обязанъ богатствомъ и карьерой исключительно своей изящной наружности, даже какъ будто ужъ черезчуръ изящной для его общественнаго положенія. Когда онъ началъ богатѣть, то стали находить въ немъ нѣкоторое сходство съ венгерскимъ фокусникомъ. Но, при всемъ томъ, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на молодыхъ супруговъ. Берта и Даніель были удивлены и обрадованы, получивъ отъ него приглашеніе на обѣдъ. Они разсчитывали самое большее—быть приглашенными на вечеръ.

Даніель быстро сбросилъ забрызганное гр
ничная убѣжала за маленькими шпильками д
харка не знала, гдѣ фракъ. Вдругъ Даніель
него была всего одна жемчужная запонка для
башки. Вторую онъ потерялъ, и теперь на в
угрызеніе совѣсти и скорбь о томъ, что онъ
пить весь приборъ шелковинкой. Ему пришлось
парой простыхъ запонокъ, которыя онъ отыск
Лучше было имѣть скромный и порядочный
ровыми запонками, чѣмъ щеголять разрознен
приборомъ.

Новое разочарованіе ждало его въ тотъ сам
онъ собирался шнуровать ботинки. На подош
оказалась дырочка. У него была пара нелакир
новыхъ ботинокъ съ крѣпкими подошвами, н
можно ли вообще при фракѣ надѣвать нелакир
Правда, его другъ Жюль увѣрялъ, что у амер
тается даже шикомъ,—но такъ ли это въ дѣй

Онъ рѣшилъ посовѣтоваться съ Бертой
уборную.

— Какъ ты думаешь, годятся при фракѣ
башмаки?—спросилъ онъ, остановившись въ д

Но онъ не дождался никакого отвѣта
супруги, выбравшей на этотъ разъ для выраж
въ ней досады—гробовое молчаніе. Онъ рѣш
на лакированныхъ ботинкахъ. Онѣ могли пре
только, кладя ногу на ногу, онъ каждый разъ
небольшую предосторожность и устроивать ног
вая нога приходилась всегда наверху, а лѣва
дошвой, плотно прикасалась къ ковру.

Во фракѣ, съ пристегнутымъ воротничком
комъ туго затянутымъ резиною галстуха, съ
родкой и попавшими въ уши, послѣ стрижки,
шелъ въ уборную жены. Ему было немного
что онъ торопился одѣваться и все время вол
въ послѣднюю минуту передъ появленіемъ в
ствѣ онъ всегда боялся, не грозитъ ли ему н
данная непріятность со стороны желудка. А
ваніе Берты не подвинулось ни на одинъ ша
туалетомъ съ длинной шпилькой отъ шляпы
ралась закрутить себѣ на лбу все ту же пряд
что теперь и онъ въ свою очередь пріобрѣ

жаться, доставило Даніелю минуту живѣйшей радости, но онъ не позволилъ себѣ остановиться на этомъ чувствѣ и благоразумно отложилъ его до другого раза, чтобы не тратить драгоцѣннаго времени. Но, однако, который же часъ былъ на самомъ дѣлѣ? Всѣ трое часовъ въ домѣ, пользуясь тѣмъ, что составляли принадлежность молодого хозяйства, шли вѣрно только въ теченіе двухъ первыхъ недѣль. Самые большіе недочеты были за кухонными часами, такъ какъ кухарка, соображаясь съ тѣмъ, былъ у нея готовъ обѣдъ или нѣтъ, ускоряла и задерживала ихъ ходъ самымъ невѣроятнымъ образомъ. Первое серьезное предостереженіе дали часы въ швейцарской. Когда Даніель и Берта спускались съ лѣстницы, было двадцать-пять минутъ девятаго. Конечно, можно было предположить, что часы спѣшили на десять... даже, быть можетъ, и на цѣлыхъ двадцать минутъ.

Путь съ улицы Комартенъ до бульвара Перейры былъ неблизкій. Даніелю хотѣлось выбрать лошадей получше, но Берта не соглашалась ждать въ дверяхъ на сквознякѣ. Пришлось взять экипажъ съ плохо закрывавшейся дверкой. Безобразный кучеръ, закутанный въ какой-то невозможный, безсмысленный шарфъ, стегнулъ кнутомъ выгнутыя спины своихъ кривоногихъ клячъ. Почему-то принято считать лошадей съ кривыми ногами за особенно быстрыхъ, но это мнѣніе сложилось, во всякомъ случаѣ, не по поводу тѣхъ лошадей, которыя попались на этотъ разъ Даніелю и его женѣ.

Даніель хотѣлъ взглянуть на часы одного изъ магазиновъ и собрался уже опустить стекло, но молодая женщина закашляла сухимъ кашлемъ и съ такой покорностью взглянула на своего жестокосердаго супруга, что въ его воображеніи сразу встала мрачная картина всевозможныхъ бронхитовъ и плевритовъ. Тогда онъ кое-какъ протеръ запотѣвшее стекло ровно настолько, чтобы разсмотрѣть часы въ мясной. Они помѣщались на верху кіоска, въ которомъ сидѣла кассирша, и самымъ равнодушнымъ образомъ показывали двадцать минутъ девятаго. Почти рядомъ, въ глубинѣ моднаго магазина, часы въ готическомъ стилѣ и съ эмалевыми цифрами показывали тридцать-пять минутъ девятаго своими вычурными стрѣлками,—но ужъ это, во всякомъ случаѣ, было просто какое-то дьявольское навожденіе.

Даніель не повѣрилъ и часамъ въ аптекѣ. На нихъ было семь три-четверти, и оптимизмъ ихъ граничилъ съ безуміемъ. Онъ предпочелъ бы болѣе правдоподобную ложь. Слѣдующіе, попавшіеся по дорогѣ часы показали довольно возможную цифру: двадцать-три минуты девятаго. Если бы онъ былъ одинъ, то, ко-

нечно, вернулся бы домой, предоставивъ грозѣ, скопившейся въ столовой Капитановъ, разражаться не надъ самой его головой. Но Бертѣ этого нельзя было предложить. Онъ ограничился тѣмъ, что проговорилъ слабымъ голосомъ:

— Половина девятаго.

— Ты самъ виноватъ,—сухо отвѣтила она.

Онъ не сталъ спорить. Болѣе безпристрастный къ себѣ, чѣмъ жена, Даніель сознавалъ, что въ подобныхъ случаяхъ трудно бываетъ рѣшить, кто виноватъ болѣе, а кто менѣе, потому что каждый старается обвинить другого.

Между тѣмъ ихъ закутанный кучеръ начиналъ плестись шагомъ каждый разъ, какъ на пути попадался едва замѣтный подъемъ. Ихъ опережали самые медленные пѣшеходы. На ровныхъ мѣстахъ лошади шли какими-то скачками, такъ что казалось, что экипажъ двигается скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ. Если бы Даніель былъ одинъ, то взялъ бы другого извозчика, предварительно расплатившись съ первымъ. Но въ присутствіи Берты не могло быть и рѣчи о подобной расточительности.

Наконецъ экипажъ добрался до бульвара Перейры, и кучеръ остановилъ лошадей на два дома раньше, чѣмъ слѣдовало. Самое лучшее было выйти изъ экипажа и пройти шаговъ двадцать-пять пѣшкомъ, но Берта запротестовала, и имъ пришлось потерять еще нѣсколько лишнихъ минутъ.

Когда они были уже въ домѣ, то къ опозданію прибавилось еще время, безплодно потраченное на поиски шнура, приводящаго въ движеніе подъемную машину. Даніель, чувствуя себя неловко подъ презрительнымъ взглядомъ Берты, долженъ былъ, въ концѣ концовъ, обратиться за помощью къ швейцару.

— Наконецъ-то! — сказалъ самъ себѣ Даніель, когда они очутились на площадкѣ лѣстницы Капитановъ.—Только бы они не вздумали насъ дожидаться и ужъ сѣли бы за столъ!

Онъ позвонилъ. Долго никто не подавалъ никакого признака жизни. У него уже мелькнула надежда, что они ошиблись днемъ; но когда, наконецъ, лакей отперъ имъ дверь, то они увидѣли въ передней внушительное количество цилиндровъ.

— Уже обѣдаютъ?—спросилъ Даніель лакея.

— Да, сударь, еще кушаютъ...

Онъ провелъ ихъ въ обширную пустую гостиную. Тамъ было почти темно, и лакей зажегъ огонь.

— „Еще“ кушаютъ?—что̀ это значило?

Черезъ минуту самъ хозяинъ явился въ гостиную, предва-

рительно остановившись въ дверяхъ, чтобы проглотить лежавшій у него во рту кусокъ кушанья.

— Вы насъ извините,—сказалъ онъ,—мы еще обѣдаемъ. —И онъ сдѣлалъ передышку, чтобы освободить вполнѣ языкъ и зубы.—Мы немножко поздно сѣли за столъ. Ужъ вы насъ извините,—повторилъ онъ и ушелъ, указавъ имъ неопредѣленнымъ движеніемъ руки на витрины съ художественными вещами. Конечно, усѣвшись снова за столъ, онъ будетъ выражать удивленіе по поводу того, что люди, приглашенные на вечеръ, пріѣхали такъ рано. Конечно, и гости почувствуютъ невольное стѣсненіе и разочарованіе отъ сознанія, что ихъ гастрономическое наслажденіе не будетъ продолжаться безконечно и что имъ не придется мирно предаться пищеваренію: съ обѣдомъ надо будетъ поторопиться, чтобы не заставлять слишкомъ долго дожидаться несчастныхъ отверженныхъ, сидящихъ въ гостиной.

— Но вѣдь на карточкѣ сказано „обѣдать“ и „безъ четверти восемь“,—сказалъ Даніель, обращаясь къ Бертѣ.

Она пожала плечами.

— Ты самъ отлично знаешь.

Правда, онъ отлично зналъ.

— Они просто ошиблись. Вотъ такъ исторія!—проговорилъ Даніель голосомъ, которому онъ старался придать какъ можно больше веселости.—„Ахъ, еслибы только она могла отнестись ко всему этому съ комической точки зрѣнія“,—подумалъ мужъ.

Но для нея здѣсь не было ничего комичнаго. Она кусала себѣ губы и навѣрное расплакалась бы, еслибы не героическое чувство, заставлявшее избѣжать во что бы то ни стало красноты глазъ.

— Знаешь, что̀ намъ нужно сдѣлать?—сказалъ Даніель.— Поѣдемъ пообѣдать въ ресторанъ.

— Я не хочу ѣсть.

Впрочемъ, она никогда ничего не дѣлала, чтобы что-нибудь уладить. Каждый разъ, какъ судьба зло подшучивала надъ Даніелемъ, она становилась на сторону судьбы. На этотъ разъ, впрочемъ, Даніель былъ доволенъ, что она не приняла его предложенія ѣхать въ ресторанъ. Пришлось бы отыскивать верхнюю одёжу, что̀ было весьма сложно.

Но черезъ нѣсколько минутъ Берта сама проголодалась.

— Мнѣ страшно хочется ѣсть,—сказала она.

— Поѣдемъ въ ресторанъ!—воскликнулъ Даніель, со всѣмъ увлеченіемъ, на которое онъ только былъ способенъ.

Онъ вышелъ въ пустую переднюю и пріотворилъ дверь, ду-

мая, что это дверь въ людскую; но она вела какъ разъ въ ярко освѣщенную столовую, гдѣ обѣдъ былъ въ полномъ разгарѣ, слышался говоръ и взрывы веселаго смѣха... Даніель съ ужасомъ захлопнулъ дверь.

Наконецъ мимо прошелъ буфетчикъ.

Даніель, чтобы получить свое пальто, сталъ разсказывать ему какую-то исторію, совершенно невѣроятную и не выдерживавшую никакой критики. Онъ сказалъ, что хочетъ воспользоваться свободной минутой, чтобы съѣздить съ женою къ однимъ родственникамъ, жившимъ неподалеку. Буфетчикъ слушалъ его съ озабоченнымъ и разсѣяннымъ видомъ. Къ счастью, Берта раздумала ѣхать. Она сообразила, что испортитъ себѣ прическу и сомнетъ платье, и предпочла поголодать. Даніель вернулся въ гостиную, и оба стали меланхолично разсматривать картины и бронзу.

Наконецъ принесли подносы, уставленные чашками, рюмками и графинчиками. Хозяинъ дома собственноручно сталъ раскладывать по столамъ ящики съ великолѣпными сигарами, точно онъ вытаскивалъ ихъ у себя изъ рукавовъ. Гости съ разгоряченными лицами начали мало-по-малу наполнять гостиную. Мужчины выпускали руки своихъ сосѣдокъ по обѣду, почтительно раскланиваясь и съ видимымъ облегченіемъ. Вдругъ озабоченный и смущенный хозяинъ дома подошелъ къ Даніелю.

— У меня внезапно явилось сильное подозрѣніе,—сказалъ онъ.—Уже произошло одно недоразумѣніе, благодаря разсѣянности моего секретаря, который разсылалъ приглашенія. А именно: мой шуринъ получилъ приглашеніе на вечеръ... онъ, къ счастью, зналъ, что долженъ явиться къ обѣду... Карточки напечатаны, вы понимаете? И три сорта... Ихъ взяли да и спутали... Словомъ... быть можетъ, вы получили приглашеніе на обѣдъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро отвѣтилъ Даніель, чтобы избѣжать исторіи, и тотчасъ же пожалѣлъ, что отвѣтилъ: „нѣтъ", потому что ему ужасно хотѣлось ѣсть.

— Ну, вы снимаете у меня тяжесть съ души, — сказалъ г. Капитанъ, протягивая ему ящикъ, изъ котораго Даніель, въ сильномъ смущеніи, вытащилъ сигару и долго не зналъ, куда ее дѣвать, такъ какъ не курилъ.

II.

Почти всѣ вечера Даніель проводилъ въ домѣ своего тестя, жившаго въ двухъ шагахъ отъ него. Самъ Ворö, имѣвшій, какъ

подозрѣвали, привязанность на сторонѣ, вѣчно пропадалъ въ клубѣ. Г-жаВорò и Берта сидѣли въ курильной комнатѣ за какимъ-нибудь дамскимъ рукодѣльемъ. Что же касается Даніеля, то онъ углублялся въ чтеніе „Живописнаго Сборника", найденнаго имъ въ старомъ шкафу. Но удовольствіе этого чтенія, очень его интересовавшаго, было совершено отравлено сознаніемъ, что онъ могъ бы проводить время гораздо веселѣе, и что не стоило жениться для того, чтобы читать „Живописный Сборникъ".

Ему было очень трудно провести вдвоемъ съ Бертой цѣлый вечеръ, потому что все казалось, что ей скучно съ нимъ. Можетъ быть, чтобы развлечь ее, слѣдовало съ большей настойчивостью повторять ей нѣжныя слова; но Даніель въ такихъ случаяхъ умѣлъ произносить слова, только прямо исходившія изъ сердца.

Полюбивъ Берту, онъ вообразилъ, что его чувство останется неизмѣннымъ на всю жизнь, а какъ только оно стало ослабѣвать, такъ онъ рѣшилъ, что все кончено и что никогда больше онъ не будетъ любить ее. Онъ еще такъ мало привыкъ къ этимъ смѣнамъ чувства, что не довѣрялъ своей любви, и не могъ шептать нѣжныя рѣчи въ промежутки между сильными порывами страсти.

Къ полночи они вдвоемъ возвращались домой совершенно молча. Они почти никогда больше не разговаривали и сами не замѣчали этого.

У Даніеля, когда онъ еще жилъ съ родителями, была привычка каждый вечеръ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, продѣлывать цѣлый рядъ формальностей, переходившихъ у него въ манію. Онъ долженъ былъ непремѣнно провѣрить, хорошо ли завернуты газовые краны, задвинуты ли вездѣ задвижки, и осматривалъ всѣ темные углы. Перемѣнивъ образъ жизни и квартиру, онъ освободился-было отъ этихъ привычекъ, но мало-по-малу снова возобновилъ ихъ въ полномъ составѣ, такъ что когда онъ приходилъ ложиться спать, то Берта обыкновенно уже спала.

Однажды ночью, только-что онъ заснулъ, какъ услышалъ сквозь сонъ жалобный голосъ жены. Она жаловалась на удушье и тошноту. Вся съёжившись, она продолжала стонать, увѣряя, что умретъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого!—возражалъ ей Даніель, почти плача. Онъ былъ въ отчаяніи, такъ какъ съ одной стороны считалъ нужнымъ, для предотвращенія ударовъ судьбы, принимать самое пустяшное нездоровье за предвѣстіе какой-нибудь ужасной болѣзни, а съ другой стороны необходимость

дѣйствовать сводила его съ ума. Нужно было пройти черезъ двѣ холодныя комнаты, чтобы позвать прислугу, спавшую въ концѣ квартиры. Онъ побѣжалъ къ ней съ голыми ногами, испытывая потребность геройскаго подвига и не желая заботиться о себѣ въ то время, какъ страдала Берта, а можетъ быть также и отъ того, что не могъ никакъ найти своихъ туфель.

— Я пошлю за твоей матерью,—сказалъ онъ, вернувшись къ Бертѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала Берта, испуская страдальческіе стоны. Она, видимо, не прочь была побезпокоить мать, но ей хотѣлось, чтобы отвѣтственность за этотъ поступокъ пала всецѣло на Даніеля.

Впрочемъ, имъ могли служить оправданіемъ постоянныя увѣренія г-жи Ворд, что она не смыкала глазъ вотъ уже десять лѣтъ,—увѣренія, которымъ окружавшіе ее стали, наконецъ, вѣрить отчасти изъ любезности, отчасти изъ равнодушія. Правда, что входившимъ неожиданно въ ея комнату казалось, что они ее будятъ, но то, что̀ они принимали за сонъ, было въ дѣйствительности только нѣчто въ родѣ легкаго забытья.

Сначала Даніель рѣшилъ дожидаться г-жу Ворд, прежде чѣмъ посылать за докторомъ; но такъ какъ Берта продолжала жаловаться, то онъ не захотѣлъ брать на свою отвѣтственность ни малѣйшаго промедленія и послалъ за докторомъ кухарку. Только-что кухарка ушла, какъ Даніель уже былъ готовъ вернуть ее: навѣрное теща будетъ его упрекать за то, что онъ послалъ за докторомъ. Стоило ему на что-нибудь рѣшиться, какъ тотчасъ же ему становились ясны всѣ невыгодныя стороны его поступка. Г-жа Ворд явилась очень скоро и вошла въ комнату быстрыми шагами. Ее подстрекали и подгоняли поочередно два побужденія: страхъ за Берту и желаніе проклясть зятя, если онъ ее понапрасну побезпокоилъ. Она не побоялась бросить вызовъ таинственной судьбѣ и сглазить дочь, утверждая, что все это пустяки, и съ очень рѣшительнымъ видомъ велѣла приготовить припарки изъ опіума. Но Даніель, раздраженный ея авторитетнымъ видомъ, воскликнулъ, что ничего не станетъ дѣлать до пріѣзда доктора.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы за мной посылали?—съ раздраженіемъ проговорила г-жа Ворд.

Между тѣмъ Берта перестала стонать и мирно заснула. Было очень досадно, что понапрасну послали за докторомъ. Конечно, очень хорошо, что ей стало лучше, но Даніель, не отдавая себѣ хорошенько отчета, прислушивался съ невольнымъ

желаніемъ услыхать хоть слабый стонъ или замѣтить хоть самую легкую судорогу, чтобы не имѣть слишкомъ глупаго вида, когда явится докторъ.

А вотъ и онъ. Въ прихожей раздались поспѣшные шаги. Вѣроятно онъ думаетъ, что дѣло спѣшное и очень серьезное. Дверь отворилась и докторъ вошелъ.

— Больная спитъ,—сказалъ Даніель:—ей немного лучше, но она очень страдала.

И онъ пустился въ длинныя объясненія. Докторъ терпѣливо слушалъ его, наклонивъ голову и уставивъ свой большой лобъ. Нѣкоторой изысканностью рѣчи и употребленіемъ научныхъ терминовъ Даніель хотѣлъ показать доктору, что и самъ предназначалъ себя къ этой свободной профессіи. Мимоходомъ онъ сообщилъ, что у него въ домѣ употребляютъ только кипяченую воду. Онъ ожидалъ, что за такую заботу о гигіенѣ докторъ сдѣлаетъ ему комплиментъ и поздравитъ его, но тотъ вѣжливо далъ Даніелю договорить и тогда задалъ нѣсколько опредѣленныхъ вопросовъ, обращаясь къ г-жѣ Ворд.

— Она обѣдала въ половинѣ восьмого,—отвѣчала г-жа Ворд.

— Безъ десяти минутъ въ восемь,—поправилъ Даніель.— Около одиннадцати, мать... г-жа Ворд... угостила ее глазированнымъ бисквитомъ съ чашкой шоколада.

Онъ надѣялся, что докторъ не одобритъ поступка его тещи.

— Это не могло ей повредить,—замѣтилъ докторъ.—Причина другая и вполнѣ естественная.

— А! вотъ оно что!—сказала г-жа Ворд.—Да, на это есть указанія, но мы не были увѣрены... Это могло быть „то“, но могло быть и не „то“.

— По всей вѣроятности, на этотъ разъ это „то“,—рѣшилъ докторъ.

— Но она еще такъ молода, совсѣмъ дитя! — замѣтила г-жа Ворд.—Какъ будто ее нельзя было пощадить еще на годъ или на два!

Однако, въ сущности, она была довольна. И кромѣ того ей было теперь что разсказать мужу.

Докторъ, написавъ рецептъ, собрался уходить, но тутъ всѣ рѣшили воспользоваться его присутствіемъ. Даніель, недовольный своимъ желудкомъ, просилъ у него совѣта относительно того, какое слабительное лучше дѣйствуетъ, и кромѣ того пожаловался, что отъ морской рыбы у него дѣлаются прыщики на лицѣ. Г-жа Ворд стала разсказывать о своихъ головокруженіяхъ, а кухарка уже собралась снимать лифъ, чтобы показать чирей на рукѣ.

Наконецъ, доктору удалось добраться до двери. Даніель, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, проводилъ его по лѣстницѣ до слѣдующаго этажа, думая, что докторъ дастъ ему, можетъ быть, какія-нибудь спеціальныя указанія. Онъ вернулся въ страхѣ, что простудился на лѣстницѣ и что ему придется оставить послѣ себя молодую вдову и крошечную сироту.

Въ комнатѣ Берты онъ засталъ г-жу Воро̀, собиравшуюся расчитывать по пальцамъ мѣсяцы.

— Это будетъ въ январѣ... Какъ разъ среди зимы...—проговорила она, покачивая головою.

Но зато въ глубинѣ души она была очень и очень довольна. Даніель почувствовалъ себя растроганнымъ. Ему казалось, что между г-жею Воро̀ и имъ образовалась какая-то связь. Ему приходило въ голову, что слѣдовало бы сказать ей что-нибудь милое, но, вмѣсто этого, онъ рѣшился поцѣловать ее... Пусть это будетъ искупительной жертвой за Берту и за будущаго ребенка. Онъ нагнулся въ темнотѣ, но его губы коснулись только волосъ г-жи Воро̀, и она даже этого не замѣтила.

III.

Даніель чувствовалъ большую гордость при мысли, что скоро у него будетъ ребенокъ. Кромѣ того, онъ былъ очень доволенъ, что ему не надо было заниматься Бертой или, вѣрнѣе, что на время можно было не страдать отъ сознанія, что онъ мало былъ занятъ ею. Молодая женщина была вся поглощена заботами о своемъ будущемъ материнствѣ. Она иногда нѣсколько минутъ подъ-рядъ смотрѣла, не отрываясь, на какую-нибудь незримую точку и потомъ вдругъ произносила:

— Мнѣ кажется, будетъ лучше, если я помѣщу кормилицу въ гардеробной.

Она стала болѣе хорошенькой, чѣмъ когда-либо. Цвѣтъ лица у нея сдѣлался свѣжій и ро̀вный, и она на время совершенно избавилась отъ неизлечимой болѣзни, заставлявшей ее отыскивать на лбу или на подбородкѣ крошечный, незамѣтный прыщикъ и давить его ногтями большихъ пальцевъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пріобрѣталъ самаго ужасающаго вида.

Такимъ образомъ, единственная непріятная забота Даніеля,— безъ этого онъ ужъ никакъ не могъ обойтись, — состояла въ томъ, что онъ не занималъ въ жизни независимаго положенія. Онъ „работалъ“ въ конторѣ своего тестя, и существенная пере-

мѣна, происшедшая въ его жизни, благодаря женитьбѣ, заключалась въ перемѣщеніи его far niente изъ темнаго уголка родительскаго дома въ свѣтлый кабинетъ банка Ворð, выходившій высокимъ окномъ на бульваръ Госманъ. Даніель рѣшилъ одновременно и заниматься дѣлами, и работать для полученія степени доктора правъ. Въ этомъ его поддерживалъ Ворð, находившій, что докторская степень—лучшее украшеніе для всякаго молодого человѣка. Вотъ почему на столѣ кабинетика были разложены разныя юридическія сочиненія, выгодно подчеркивавшія серьезное направленіе его обитателя. Три или четыре раза въ день Ворð отворялъ смежную дверь изъ своей конторы, находившейся рядомъ, и вводилъ кліента, котораго нужно было изолировать. Каждый разъ при этомъ онъ говорилъ:

— Извини, Даніель, что я такъ завладѣваю твоей комнатой!

Эти неизмѣнныя и единственныя слова, съ которыми онъ обращался къ зятю, трогали послѣдняго каждый разъ.

Когда у Анри, отца Даніеля, спрашивали о сынѣ, онъ неуклонно отвѣчалъ:

— Онъ работаетъ подъ руководствомъ своего тестя; тотъ готовитъ его.

И собесѣдникъ всегда подхватывалъ:

— Въ такомъ случаѣ я за него спокоенъ. Онъ проходитъ хорошую школу.

Иногда случалось, что Ворð вызывалъ Даніеля въ свою контору и представлялъ его кліенту, съ которымъ разговаривалъ:

— Мой зять.

Зять садился, выпрямившись, на кресло и, сдвинувъ брови, дѣлалъ видъ, что во всѣхъ подробностяхъ слѣдитъ за разговоромъ, но отъ волненія не понималъ ни слова.

Иногда Ворð повторялъ Даніелю слова кліента, и Даніель, учащенно кивая головой, произносилъ:

— Понимаю, очень хорошо, понимаю.

А въ сущности, онъ не понималъ даже того, зачѣмъ Ворð его вызывалъ, но все-таки почему-то гордился этимъ. Ему не приходило въ голову, что банкиру просто нужно было имѣть третье лицо при разговорѣ, для того, чтобы кліентъ не имѣлъ возможности отказаться отъ своихъ словъ.

Даніель не любилъ конторы, потому что, сидя въ ней, онъ невольно начиналъ думать о томъ, чего ему не хватало, чтобы сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ. Ему хотѣлось бы и въ общественной, и въ частной жизни имѣть принципы, которымъ можно было бы слѣпо и лѣниво слѣдовать. Хорошо было бы, еслибы

никогда не приходилось выбирать. Выборъ—вѣдь это борьба съ самимъ собою, такая же утомительная и тягостная, какъ и борьба съ другими. Въ этихъ размышленіяхъ не было ничего утѣшительнаго и ободряющаго, и Даніель терпѣть не могъ конторы. Каждый день около трехъ часовъ онъ уходилъ изъ нея, дѣлая видъ, что направляется къ книгопродавцамъ за необходимыми для его занятій книгами.

На самомъ же дѣлѣ его отлучки носили очень таинственный характеръ, и, возвращаясь вечеромъ домой, онъ ужасно трусилъ при мысли, что кто-нибудь скажетъ: „а я тебя сегодня видѣлъ". Его тайныя удовольствія состояли въ томъ, что онъ слѣдилъ въ отелѣ Друо за продажей картинъ, художественныхъ предметовъ и другихъ цѣнныхъ вещей. Но онъ никакъ не могъ бы никому объяснить, что̀ собственно было для него притягательнаго въ продажѣ этихъ вещей, такъ какъ онъ самъ ничего не покупалъ и даже не любилъ ни картинъ, ни художественныхъ предметовъ. Его интересовали только феноменальныя картины, достигавшія необычайныхъ цѣнъ, подобно тому какъ онъ сочувствовалъ и ужасался только тѣмъ катастрофамъ, въ которыхъ число жертвъ превышало всякое вѣроятіе.

Придя въ отель Друо, онъ садился на лучшее мѣсто, вынималъ каталогъ, старался завести разговоръ съ самымъ сообщительнымъ изъ своихъ сосѣдей и спрашивалъ у него, какой предметъ, по его мнѣнію, долженъ былъ достигнуть высшей цифры. Даніель испытывалъ удовольствіе и положительную гордость, если случалось, что какой-нибудь нумеръ оставался за его сосѣдомъ. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда произносилъ: — „мнѣ кажется, вы сдѣлали весьма недурное пріобрѣтеніе".

По окончаніи распродажи, онъ чувствовалъ себя очень грустно и какъ будто лишался цѣли въ жизни. Ему оставалось только упрекать себя за недозволенное удовольствіе и за потерю драгоцѣннаго времени, которое онъ еще могъ тратить даромъ прежде, бывши холостымъ, но не теперь, когда готовился стать отцомъ семейства. Прежде чѣмъ возвращаться домой, онъ заходилъ къ своимъ родителямъ.

Г-жа Анри, его мать, мало говорила о Бертѣ, о г-жѣ Воро̀ отзывалась довольно ядовито, но самого Воро̀ находила очень милымъ и воспитаннымъ. Однажды она сообщила Даніелю, что Воро̀, встрѣтясь съ его отцомъ, очень расхваливалъ ему сына и отзывался о немъ съ самой лестной стороны. Вѣроятно Воро̀ поступилъ такъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Анри, а можетъ быть, чтобы показать, какую пользу принесли молодому чело-

вѣку его совѣты. Однако, самъ молодой человѣкъ рѣшилъ, что Вордѐ съ свойственной ему чуткостью открылъ въ немъ необыкновенныя качества. Самъ онъ до сихъ поръ въ этихъ качествахъ сомнѣвался, но теперь уже сомнѣваться было невозможно.

IV.

Появленія на свѣтъ ребенка ожидали по разсчетамъ между 15-мъ и 20-мъ января. Приближеніе этого срока пугало Даніеля. Его сводила съ ума мысль о могущемъ произойти несчастіи. Не испытавъ въ жизни серьезнаго горя, онъ много разъ создавалъ себѣ всѣ предварительныя мученья, и такимъ образомъ ухитрялся настрадаться такъ, какъ будто судьба поражала его всевозможными несчастіями.

Когда пришло 15-е число, то онъ, чтобы дать себѣ отсрочку, увѣрилъ самого себя, что это не можетъ случиться раньше 25-го.

16-го вечеромъ Берта, обѣдавшая въ этотъ день у г-жи Вордѐ, вдругъ вскрикнула, и ея мать произнесла:—„Начинается".

Молодую женщину поспѣшили отвезти домой, посадили въ кресло и велѣли приготовить постель.

Въ одиннадцать часовъ она снова вскрикнула, а слѣдующій крикъ былъ уже продолжительнѣе, такъ что можно было начать дѣйствовать рѣшительно.

Значеніе г-жи Вордѐ сразу выросло. Горничную послали за докторомъ, а Даніель долженъ былъ привезти старую сидѣлку, рекомендованную его матерью. Она была очень стара, но когда-то ухаживала за племянницами г-жи Анри, и, кромѣ тòго, было извѣстно, сколько ей нужно заплатить.

Наконецъ, раздался звонокъ и явился докторъ. Своимъ энергичнымъ лицомъ, дѣлавшимъ его похожимъ на военнаго, онъ производилъ впечатлѣніе полководца, котораго ожидали, чтобы начать аттаку.

Онъ быстро разспросилъ сидѣлку и г-жу Вордѐ. Даніель, стоявшій въ сторонѣ, не долженъ былъ, повидимому, принимать никакого участія въ сраженіи.

Докторъ пошелъ посмотрѣть больную.

— У насъ еще много времени впереди,—сказалъ онъ.—Я пріѣду завтра.

Но въ ту минуту, какъ онъ выходилъ, Берта испустила раздирающій вопль. Полководецъ остановился въ дверяхъ и холодно произнесъ: — Вотъ это посерьезнѣе.—Онъ снялъ пальто

и наконецъ обратился къ Даніелю, спрашивая, гдѣ ему вымыть руки.

Даніель расхаживалъ по комнатѣ вдоль и поперекъ, терзаемый мыслью, что не испытывалъ особеннаго безпокойства и мученья, и что надо необыкновенно любить близкихъ людей, когда они находятся въ опасности, иначе судьба отниметъ ихъ. Но, услыхавъ крикъ Берты, онъ началъ страдать самымъ серьезнымъ образомъ. Это было тѣмъ болѣе невыносимо, что мучительное состояніе продолжалось, и онъ принужденъ былъ обѣщать мысленно бѣднымъ все болѣе и болѣе крупныя денежныя суммы.

Около двухъ часовъ явился Ворд въ вечернемъ костюмѣ. Онъ узналъ о происходившемъ, возвратясь домой съ акціонернаго обѣда. Подъемная машина не дѣйствовала. Ворд взобрался по лѣстницѣ въ четвертый этажъ и воспользовался своей одышкой, чтобы имѣть взволнованный видъ. Онъ и Даніель, ни слова не говоря, расположились въ гостиной по бокамъ камина. Ворд, повидимому, спалъ, но это только казалось, потому что каждый разъ, какъ раздавался крикъ, онъ дѣлалъ гримасу и произносилъ съ огорченнымъ видомъ:—А! ла-ла-ла-ла!

Даніель отъ времени до времени вставалъ и подходилъ къ дверямъ спальной. Каждый разъ при этомъ онъ или сталкивался съ кѣмъ-нибудь, или попадалъ ногой въ лоханку.

Между тѣмъ крики затихли, и онъ подошелъ къ самой двери. Докторъ далъ больной хлороформа, и Даніель услыхалъ какое-то хрипѣніе, которое подѣйствовало на него ужасно. Онъ возвратился въ гостиную, откуда хрипѣнія не было слышно. Этимъ обстоятельствомъ очевидно воспользовался Ворд и совсѣмъ заснулъ. Даніель не хотѣлъ спать въ то время, какъ его жена мучилась; но такъ какъ ему было больно отъ свѣта лампы, то онъ рѣшилъ, что имѣетъ право закрыть глаза, если они продолжаютъ бодрствовать и подъ закрытыми вѣками. Онъ очутился въ англійскомъ паркѣ, стараясь отыскать сидѣлку, и находился въ каретѣ, которая, однако, не двигалась. Онъ съ отчаяніемъ позвонилъ у какихъ-то воротъ, подойдя къ рѣшоткѣ сада. Время отхода поѣзда приближалось, а онъ никакъ не могъ проѣхать въ нѣсколько минутъ путь отъ Парижа до Дижона, гдѣ Берта должна была родить.

Вдругъ онъ услышалъ шумъ и, открывъ глаза, замѣтилъ, что сквозь рѣшотчатыя ставни виднѣлись полоски мутнаго зимняго дня. Онъ не узнавалъ комнаты.

Г-жа Ворд отворила дверь и произнесла:

— Великолѣпный мальчикъ!

Сначала Даніель не почувствовалъ никакой радости отъ этого извѣстія, а только страхъ, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ, что онъ спалъ. Ворò, перешедшій ночью на диванъ, вдругъ поднялся и сѣлъ. Его великолѣпная сѣдая борода сбилась на бокъ, и онъ оглядывался съ вызывающимъ видомъ.

— Вы можете войти потихоньку,—сказала г-жа Ворò.

Войдя въ спальную, Даніель услыхалъ пронзительный звукъ впервые раздавшагося голоса. На колѣняхъ сидѣлки крошечное существо неловко двигало ручками, и Даніель съ любопытстомъ разсмотрѣлъ только-что появившіеся, но еще не разжавшіеся кулачки. Глаза мальчика были закрыты; носъ, довольно значительный, торчалъ надъ ртомъ, а остроконечная головка была покрыта темнымъ пушкомъ, который г-жа Ворò называла великолѣпными черными волосами. Ребенокъ едва появился на свѣтъ, а ужъ сидѣлка уговаривала его быть умнымъ, милымъ, дать себя выкупать и не шумѣть, потому что мамаша очень утомлена. Чтобы пріучить его къ французскому языку, немного для него новому, она упразднила въ своей рѣчи всѣ гортанныя и вообще всѣ грубыя буквы.

Между тѣмъ Даніель подошелъ къ Бертѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Она устало улыбнулась и взглянула на него тѣмъ милымъ взглядомъ, который появлялся у нея всегда, когда она мучилась.

— Твоя жена очень страдала,—проговорила она, и эти слова перевернули у Даніеля всю душу.

Впрочемъ, по поводу всякаго нездоровья, она любила, чтобы было признано, что она очень страдала, и начинала враждебно относиться къ людямъ, воображавшимъ, что они могли такъ же страдать, какъ она. Въ настоящемъ случаѣ ея слова были подтверждены г-жею Ворò, воспользовавшеюся обстоятельствами, чтобы еще разъ блеснуть своими способностями, какъ сидѣлки. Вскорѣ первые роды Берты перешли въ семейную хронику и обогатились всевозможными прибавленіями и преувеличеніями, и родственники съ полнымъ убѣжденіемъ разсказывали, что она мучилась ровно двое сутокъ.

V.

Докторъ рекомендовалъ, чтобы Берту послѣ родовъ навѣщали какъ можно меньше, и г-жа Ворò строго слѣдила за этимъ, шепча на ухо каждой приходившей знакомой:—„Для васъ мы сдѣлаемъ

исключеніе, только пожалуйста не давайте ей много
вать". Г-жѣ Ворò и г-жѣ Анри удалось сговорит
тельно внука, причемъ обѣ пошли на взаимныя ус
Анри согласилась, чтобы маленькому Жерару не на
чиковъ, но зато, по ея настоянію, ему выбрали в
мужицкую женщину. Въ доказательство справедливост
бованія, г-жа Анри разсказывала о томъ, какъ незаму
Даніеля въ одинъ прекрасный вечеръ бросила реб
сбѣгать посмотрѣть на иллюминацію.

Даніелю было непріятно сидѣть цѣлыми днями д
производилъ на всѣхъ впечатлѣніе человѣка ничѣмъ
а между тѣмъ Ворò, которому понадобился его мал
нетъ, очень мило сказалъ ему: — Ты можешь ост
время съ женою.—Такимъ образомъ ему соверш
было дѣлать, и онъ рѣшился прослушать курсъ въ ш
вѣдѣнія и въ школѣ политическихъ наукъ. Его меч
ничивались докторской степенью,—онъ надѣялся сдѣл
ломъ юридической науки, и время лекцій употреблялос
новенно на обдумываніе и представленіе себѣ этого
будущаго.

Своимъ знакомымъ онъ разсказывалъ, что зани
дическими науками, но умалчивалъ о слушаніи лек
что ему казалось, что это слишкомъ молодило его, д
жимъ на студента. Зато въ школѣ правовѣдѣнія онъ
общать товарищамъ, какъ бы мимоходомъ, о томъ, что
и даже сталъ отцомъ семейства. На лекціяхъ ему случ
встрѣчаться съ прежними товарищами по лицею, и
изъ нихъ онъ теперь особенно сошелся. Въ лицеѣ с
віе года находились вмѣстѣ въ одномъ и томъ ж
четвертаго класса, но ни разу не сказали другъ дру
Несмотря на это, Даніель тотчасъ же узналъ Эриха
его большимъ чернымъ глазамъ на выкатѣ. Эсманъ
своей мягкой шляпѣ, немного длиннымъ волосамъ,
вьющейся бородкѣ и хорошо сшитому макъ-ферлану,
онъ поднималъ воротникъ, производилъ впечатлѣні
богемы, артиста, привыкшаго къ роскоши. Онъ жил
семьею возлѣ Трокадерò. Послѣ первой встрѣчи с
возвращаясь съ лекціи, разговорились о любимыхъ кн
залось, что у нихъ были одинаковые вкусы. Безп
судья нашелъ бы Эриха Эсмана малымъ довольно обр
довольно тонкимъ и даже, можетъ быть, съ замѣчатель
Но для Даніеля такое мнѣніе было недостаточно.

въ чьемъ-нибудь умѣ или характерѣ было ему лѣнь, и потому онъ признавалъ или полное довѣріе, или совершенное недовѣріе относительно людей. Встрѣтивъ Эриха, онъ рѣшилъ, что это совершенно особенный молодой человѣкъ, единственный въ своемъ родѣ, и что онъ правъ всегда и во всемъ. Онъ восхищался его философскими теоріями, его сужденіями въ области литературы, его манерою читать стихи, его презрѣніемъ къ женщинамъ, его костюмомъ. Ему казалось, что черные галстухи Эриха съ широкимъ, спускавшимся на грудь узломъ, были сдѣланы изъ какой-то необыкновенной матеріи, которую нигдѣ больше нельзя найти, и онъ былъ нѣсколько разочарованъ, узнавъ, что Эрихъ покупалъ свои галстухи въ „Луврѣ".

Скоро Даніель сталъ проводить съ Эрихомъ все свое свободное время и страдалъ по вечерамъ отъ его отсутствія. Въ это время они съ Бертой почти не выходили изъ дома отъ страха, чтобы мамка не уложила съ собою ребенка спать и не задушила его.

Наконецъ, Даніель рѣшился пригласить своего друга придти къ нимъ вечеромъ. Рѣшено было не говорить объ этомъ ни г-жѣ Анри, ни г-жѣ Ворд, потому что обѣ совѣтовали Даніелю не принимать у себя молодыхъ людей.

Даніель на такіе совѣты ничего не возражалъ, но втайнѣ не соглашался съ ними. Ему недостаточно было знать, что жена не обманывала его,—надо было, чтобъ она оставалась вѣрной, несмотря на искушенія.

Однако перспектива этого вечера нѣсколько смущала Даніеля. Какъ найдетъ Эрихъ его обстановку и какое впечатлѣніе произведетъ на него Берта?

Она надѣла для этого вечера блѣдно-голубой капотъ, который Даніель не рѣшился одобрить, но не рѣшился также и посовѣтовать надѣть какой-нибудь другой. Онъ только постарался внушить ей, чтобы она не распространялась о своемъ ребенкѣ, потому что это могло быть скучно ихъ гостю.

Онъ купилъ ящикъ египетскихъ сигаръ, вынулъ оттуда двѣ или три штуки, чтобы ящикъ имѣлъ видъ начатаго, и поставилъ его небрежно на уголъ стола. Конечно, Эриху не могъ понравиться и ихъ чай. У себя онъ пилъ чай какой-то особенный, смѣшанный. И потомъ, неужели и въ этотъ вечеръ горничная будетъ подавать со своею вѣчною презрительною миной?

Эрихъ опоздалъ на четверть часа, и Даніель уже подумалъ съ ужасомъ, а можетъ быть и съ облегченіемъ, что онъ совсѣмъ не придетъ. Около половины девятаго раздался звонокъ. Даніель,

уже сидѣвшій съ Бертой въ гостиной, нервно вскочилъ. Глупая горничная такъ долго не отворяла! Наконецъ, явился Эрихъ съ чернымъ, падающимъ на грудь галстухомъ и въ ловко сшитомъ пиджакѣ. Даніель обратилъ вниманіе на его свѣтлыя перчатки.

— Мой мужъ только о васъ и говоритъ. Вы для него какое-то божество.

Эта фраза, сказанная Бертой, была непріятна Даніелю; онъ былъ увѣренъ, что она не могла понравиться Эриху. Послѣдній, между тѣмъ, молча поклонился. Не потому, конечно, что не зналъ что̀ сказать. Разговоръ шелъ только отрывочными фразами. Даніеля это мучило, и онъ былъ очень радъ, когда Берта, вопреки его совѣту, заговорила о ребенкѣ, у котораго какъ разъ въ это время былъ насморкъ. Это было очень досадно, потому что мѣшало отправиться съ нимъ къ фотографу.

— Я хочу его снимать каждые три мѣсяца,—сказала Берта.—Потомъ бываетъ такъ пріятно имѣть такія карточки.

До какой степени все, что̀ она говорила, казалось Даніелю пошлымъ и неинтереснымъ! Какъ все это должно было шокировать Эриха! А вмѣстѣ съ тѣмъ все это было очень похоже на то, что̀ она ему говорила восемнадцать мѣсяцевъ назадъ и что̀ онъ находилъ такимъ очаровательнымъ!

Наконецъ, около одиннадцати часовъ, Эрихъ распрощался, унося, безъ всякаго сомнѣнія, самое плачевное впечатлѣніе отъ своего визита. Ни Даніель, ни Берта, не рѣшились его удерживать.

— Ну, теперь, такъ какъ вы узнали къ намъ дорогу...—сказала ему Берта.

— Ну что?—съ живостью спросилъ Даніель, когда дверь захлопнулась.

— Онъ красивый,—снисходительно отвѣчала Берта.—Но, откровенно говоря, я не нахожу въ немъ ничего особеннаго!

„Она не находитъ!—подумалъ Даніель.—Да и какъ могла бы она найти“?

— Онъ меня забавлялъ,—прибавила Берта.—У него былъ такой смущенный видъ, и онъ все время украдкой на меня посматривалъ.

— „Смущенный видъ“!—повторилъ мысленно Даніель и улыбнулся сострадательно.—„Она воображаетъ, что могла смутить его“!

VI.

Иногда Даніель говорилъ самому себѣ, что жена его будетъ обманывать, что это—нѣчто роковое, чего ему не удастся избѣжать, а въ другое время это казалось ему невозможнымъ, и онъ увѣрялъ себя, что этого вообще не бываетъ. Въ общемъ, такія мысли рѣдко приходили ему въ голову. Ему иногда не мѣшало бы больше думать о своей женѣ, а онъ совсѣмъ пересталъ о ней думать съ тѣхъ поръ какъ она жила съ нимъ. Войдя въ его жизнь, она совсѣмъ исчезла изъ его мечтаній. Прежде, мечтая о славѣ (артистической, политической или военной), онъ всегда представлялъ себѣ женскую любовь, какъ высшую награду за его подвиги, но съ тѣхъ поръ, какъ для него исчезло обаяніе его жены, и всѣ другія женщины утратили для него свою обаятельную силу. Онъ пересталъ быть тщеславнымъ и растолстѣлъ. Онъ не ревновалъ Берту, потому что она его больше не прельщала, и онъ не могъ вообразить, чтобы кто-нибудь другой могъ ею прельститься. Онъ, однако, очень ею дорожилъ, особенно въ тѣ дни, когда она опаздывала къ обѣду. Ему всегда было страшно, что она не придетъ, и что придется бѣгать въ полицію, а можетъ быть и въ моргъ. Мысль, что она могла исчезнуть изъ его жизни, придавала ей особую прелесть, которую пріобрѣтаютъ всѣ оплакиваемыя существа. Онъ испытывалъ трепетъ, какъ въ былые дни любви, когда наконецъ слышалъ звукъ отпираемой двери, когда она входила и подставляла ему для короткаго поцѣлуя щеку, еще свѣжую отъ воздуха. Она улыбалась,—но какъ скоро исчезала эта улыбка, инстинктивная улыбка, скорѣе кокетливая, чѣмъ привѣтливая! Даніель чувствовалъ безсознательно какое-то разочарованіе; его собственная радость при видѣ ея проходила такъ скоро, и онъ грустно шелъ за нею въ комнату кормилицы. Это была узкая комната, заставленная кроватью, кроваткой, вѣчно открытымъ безпорядочнымъ шкафомъ, маленькими лоханками, губками. Все это издавало какой-то спеціальный, теплый животный запахъ. Жераръ сидѣлъ въ глубинѣ кресла. Считалось, что онъ любилъ папу, и тотъ очень этимъ гордился. Увидавъ его, онъ начиналъ двигать своими крошечными руками, сдѣланными какъ будто изъ одного куска, какъ у куколъ, а изъ его мягкаго, беззубаго рта, дѣлавшаго его похожимъ на прелата, вытекали струйки молока. Обтеревъ его, мамка подавала его отцу, который не рѣшался

отказываться брать его на руки и робко цѣловалъ его мягкій черепъ, похожій на большую теплую картофелину.

Иногда случалось, что Берта брала его на руки, а Даніель говорилъ ему:

— Агу! Агу!—чтобы позабавить его. Жераръ начиналъ смѣяться, обнажая всѣ свои дёсны, но вдругъ все сразу портилось, онъ раскрывалъ ротъ во всю его величину, и оттуда черезъ мгновенье раздавался тонкій и продолжительный крикъ.

Какъ только онъ переставалъ быть милымъ, его быстро передавали кормилицѣ, похожей на маленькаго испуганнаго солдата въ юбкѣ. Это было существо совершенно молчаливое. Казалось, она даже не слышала отдаваемыхъ ей приказаній и комплиментовъ, которые ей расточали, чтобъ сдѣлать ее полюбезнѣе. Но зато писала она, какъ настоящая Севиньé, безконечныя письма на клѣтчатой бумагѣ, которую приносила въ карманахъ послѣ каждаго своего выхода.

Добившись отъ Жерара неопредѣленнаго движенія рукой, означавшаго, по самымъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ: „до свиданья“, родители уходили обѣдать.

За обѣдомъ подавалось то же количество блюдъ, что и въ другихъ домахъ. Мясо было хорошаго качества, и кухарка знала свое дѣло, но, несмотря на все это, общее впечатлѣніе было какое-то несерьезное. Точно это былъ не настоящій обѣдъ. Стулья были очень жесткіе. Большой квадратный столъ съ двумя приборами напоминалъ собою пустыню. Фаянсовая посуда имѣла такой видъ, какъ будто была взята на прокатъ, а совершенно новый орѣховый буфетъ съ рѣзными украшеніями стоялъ точно въ магазинѣ.

Послѣ обѣда Даніель уходилъ въ уборную и вытягивался на диванѣ, съ юридическимъ сочиненіемъ въ рукахъ, безъ котораго онъ ни за что не рѣшился бы заснуть. Берта брала складной стулъ или низенькое кресло и выдвигала огромные ящики, наполненные старыми лентами.

Потомъ она начинала что-то укладывать, раскладывать, подбирать и сметывать. Отъ надежды понять, для чего она все это дѣлала, надо было отказаться разъ навсегда.

Однажды, вернувшись домой, Даніель объявилъ, что вечеромъ къ нимъ придетъ Эрихъ Эсманъ. Даніель, увѣренный, что онъ страшно скучалъ во время перваго своего посѣщенія, не рѣшался опять приглашать его. Но они продолжали возвращаться вмѣстѣ съ лекцій. Эрихъ провожалъ его до дверей его дома. Въ тотъ день они заговорились и никакъ не могли разой-

тись.—Однако, надо идти домой,—сказалъ, наконецъ, Эрихъ.—Такъ жаль расходиться.—Тогда Даніель предложилъ ему придти къ нимъ вечеромъ, и молодой человѣкъ согласился съ радостью. Вечеромъ они продолжали начатый разговоръ, и Берта приняла въ немъ участіе съ интересомъ, пріятно удивившимъ Даніеля. Она разговаривала съ Эсманомъ какимъ-то особеннымъ тономъ, немного покорнымъ и робкимъ, не отрывая отъ него глазъ въ то время, какъ онъ говорилъ, и одобряя его слова едва замѣтными кивками головы. Она и къ словамъ мужа прислушивалась съ непривычнымъ вниманіемъ, какъ бы уважая въ немъ друга Эриха Эсмана.

Когда Эрихъ собрался уходить, Бертѣ пришла блестящая идея: надо было устроить, чтобы его пригласили на балъ къ ихъ знакомымъ Альфредà. Это было рѣшено, несмотря на сопротивленіе Даніеля, боявшагося, что его другу не понравится общество, бывшее въ этомъ домѣ.

Даніель, еще бывши холостымъ, недолюбливалъ балы, потому что пользовался на нихъ болѣе чѣмъ скромнымъ успѣхомъ. Послѣ его женитьбы, успѣхъ этотъ еще уменьшился, такъ какъ онъ потерялъ всякій интересъ для молодыхъ дѣвицъ. Если онъ подходилъ къ карточнымъ столамъ, то всѣмъ игрокамъ очень скоро становилось ясно, что этотъ нерѣшительный молодой человѣкъ совсѣмъ ничего не понимаетъ въ игрѣ, и что къ нему не стоило обращаться въ спорныхъ случаяхъ. Ему, какъ и въ прежніе годы, оставалось только заводить разговоръ и разспрашивать отеческимъ тономъ младшаго члена хозяйской семьи, мальчика лѣтъ двѣнадцати, получившаго милостивое разрѣшеніе не ложиться спать до двѣнадцати часовъ и оставаться въ залѣ гдѣнибудь у притолки дверей. Но вѣдь нельзя же было безконечно оставаться съ этимъ мальчикомъ. Непріятно было и то, что все время надо было слѣдить за Бертой, не давать ей пить холоднаго послѣ вальса, не подходить къ ней, когда ей было весело, и не оставлять ее, если она скучала. А при разъѣздѣ она дѣлалась совсѣмъ невыносима, если не удавалось скоро разыскать пальто.

Балъ Альфредà, благодаря присутствію Эриха, оказался очень пріятнымъ для Даніеля. Прежде всего, Эрихъ и Берта проболтали вмѣстѣ цѣлый вечеръ.

Даніелю казалось, что его другъ, онъ и даже его жена—представляли собою среди всего этого общества дѣльцовъ изящную и совершенно отдѣльную группу.

Онъ предпочиталъ, чтобы Эсманъ разговаривалъ съ Бертой,

а не съ нимъ. Въ этотъ вечеръ ему хотѣлось имѣть отъ своей дружбы съ Эрихомъ только одну честь, потому что разговаривать съ нимъ было иногда утомительно. Надо было все время слѣдить за собою, чтобы не выпалить какую-нибудь неожиданную глупость, которая сразу могла подорвать всякое довѣріе у собесѣдника. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, что Берта и Эрихъ сѣли вмѣстѣ ужинать далеко отъ него, а онъ самъ помѣстился между двумя старыми дамами. Онъ мало былъ съ ними знакомъ, но онѣ и не ждали отъ него блестящаго разговора. Онъ ограничивался тѣмъ, что предупредительно наливалъ имъ пить, когда самъ чувствовалъ жажду. У него былъ отличный аппетитъ, и онъ ѣлъ много. Цыгане играли. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ. Одинъ изъ гостей всталъ изъ-за стола, и черезъ образовавшееся пустое пространство Даніель увидѣлъ въ другомъ концѣ комнаты Эриха и свою жену, оживленно разговаривавшихъ... Пожалуй, это могло быть опасно... но все равно, потомъ видно будетъ, всегда успѣется. Вѣдь если обратить на это серьезное вниманіе, то надо будетъ что-нибудь предпринимать, дѣйствовать, а это представляло огромное неудобство.

— Ну, что? — спросилъ онъ, уже сидя съ Бертой въ каретѣ.—Какъ ты его находишь?

— Онъ очень милъ...—отвѣчала она.—У него въ самомъ дѣлѣ недюжинный умъ. Знаешь что? онъ, кажется, въ меня влюбленъ!—прибавила она, и это показалось Даніелю очень смѣшнымъ.

— Ты прелесть какая хорошенькая!—проговорилъ онъ, обнимая ее. Теперь это можно было сдѣлать, не опасаясь измять ей прическу.—Мнѣ хочется цѣловать тебя безъ конца,—прибавилъ онъ съ жаромъ и, возвратясь домой, былъ съ нею очень нѣженъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

VII.

Въ воскресенье Даніель собрался выйти съ женою и ребенкомъ. Утромъ ему принесли новое пальто отъ портного, рекомендованнаго Вордъ. Онъ надѣялся, что этотъ портной превратитъ его въ изящнаго господина. Однако, матерія, казавшаяся въ маленькомъ образчикѣ очень оригинальнаго и только, можетъ быть, немного слишкомъ яркаго цвѣта, теперь, когда онъ увидалъ ее на всемъ протяженіи пальто, произвела на него впечатлѣніе чего-то банальнаго и унылаго. Но надежда еще не покидала его, и онъ ободрялъ себя мыслью, что пальто, когда онъ

его надѣнетъ, сразу приметъ другой видъ. Для общаго благообразія, онъ отправился утромъ купить новую шляпу въ тотъ магазинъ, гдѣ всегда покупалъ шляпы его тесть Вордѐ. При этомъ онъ старался не думать о всѣхъ своихъ прежнихъ разочарованіяхъ, о всѣхъ прежнихъ цилиндрахъ, придававшихъ ему, при быстрой примѣркѣ, необыкновенно изящный видъ и дѣлавшихъ его похожимъ на деревенскаго врача съ дешевой практикой, едва только онъ возвращался домой или, не успѣвъ принять никакой выгодной позы, видѣлъ себя случайно въ зеркалѣ какого-нибудь магазина.

Несмотря на всѣ плачевные прецеденты, онъ и на этотъ разъ ждалъ чуда, и тотчасъ же послѣ завтрака поспѣшилъ одѣться, чтобы увидать, каково будетъ общее впечатлѣніе. Ему показалось, что спереди пальто сидѣло хорошо. Онъ пошелъ къ Бертѣ, чтобы подвергнуть пальто ея критикѣ.

— Повернись! — сказала она и прибавила черезъ минуту, показавшуюся ему очень долгой:—Сзади нехорошо сидитъ.

Слѣдующая ея фраза особенно огорчила Даніеля, потому что заставляла предвидѣть безконечныя пререканія и тяжелую борьбу:

— Ты не можешь его такъ принять.

— Я, во всякомъ случаѣ, надѣну его сегодня, — сказалъ онъ,—потому что у меня нѣтъ другого.

Она замѣтила, что шляпа его блестѣла болѣе обыкновеннаго.

— А! у тебя и шляпа новая? — произнесла она. — Зачѣмъ такія широкія поля?

Но такъ какъ она проговорила эти слова безъ особой увѣренности, то онъ возразилъ авторитетнымъ тономъ:

— Теперь такія носятъ.

Онъ сталъ дожидаться ея, расхаживая по столовой. Скоро туда же явилась кормилица, украшенная огромнымъ бантомъ. На рукахъ она несла Жерара, нaряднаго, таинственнаго и почти исчезавшаго въ своемъ пышномъ костюмѣ и бѣлой шляпѣ съ перьями. Черты его лица, не отличавшіяся, впрочемъ, особенной опредѣленностью и типичностью, были скрыты подъ вуалемъ.

— Мамка!—закричала Берта:—спустись съ маленькимъ внизъ и прогуливай его на той сторонѣ, по солнцу! Здѣсь ему слишкомъ жарко въ шубѣ.

Такимъ образомъ, материнская заботливость была удовлетворена, и она могла, не стѣсняясь и не торопясь, совершать свой туалетъ. Одѣвшись, она позвала, подъ какимъ-то предлогомъ, Даніеля, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы онъ высказался относительно ея новаго платья. Но онъ и не подумалъ этого сдѣлать.

Онъ былъ не прочь говорить пріятныя вещи своей женѣ, но не хотѣлъ подыскивать, что̀ сказать, а хотѣлъ, чтобы слова сами вырывались у него подъ вліяніемъ восторженнаго порыва.

Спускаясь по лѣстницѣ, Даніель сказалъ Бертѣ:

— Мы поѣдемъ къ мамѣ. Я вчера обѣщалъ ей, что мы ей привеземъ маленькаго,—прибавилъ онъ робко.

— Ну, а я тебѣ ручаюсь,—возразила запальчиво Берта,—что этотъ маленькій отправится гулять въ Елисейскія-Поля. Я не желаю, чтобы онъ простудился!

Даніель былъ просто внѣ себя отъ негодованія. Ничто не могло привести его въ такое отчаяніе, какъ недостатокъ любезности относительно его матери со стороны Берты.

— До свиданія, въ такомъ случаѣ. Можешь отправляться гулять одна съ маленькимъ. А я пойду, куда хочу.

Однако онъ продолжалъ идти съ нею рядомъ. Къ счастію, она рѣшилась сказать:

— Я охотно зайду къ твоей матери, съ тѣмъ, что мы тамъ не останемся больше одной минуты.

Онъ очень обрадовался, былъ изумленъ и даже сконфуженъ, но не показалъ этого. Разъ начавъ дуться, очень трудно бываетъ скоро остановиться. Въ концѣ концовъ, ему даже не было особенно пріятно, что Берта уступила, потому что такимъ образомъ онъ бралъ на свою отвѣтственность возможную простуду Жерара. Поэтому, пріѣхавъ къ матери, онъ заявилъ, что они сейчасъ же и уѣдутъ, и обнаружилъ большое нетерпѣніе, когда г-жа Анри стала поить кормилицу пивомъ, а потомъ стала разыскивать для нея же серебряные часы.

— Покорно благодарю, барыня,—произнесла кормилица, не обнаруживая, по своему обыкновенію, никакого удовольствія. Никогда никакими подарками нельзя было вызвать улыбку на ея лицѣ.

Была нанята карета до площади Согласія. Потомъ немного погуляли, и затѣмъ проводили кормилицу до церкви Мадлѐнъ, гдѣ было опасно переходить черезъ улицу. На противоположномъ тротуарѣ ее оставили, давъ ей всевозможныя наставленія.

Оба супруга почувствовали большое облегченіе, оставшись безъ ребенка, и вернулись по дорогѣ къ Елисейскимъ-Полямъ. Берта не хотѣла взять Даніеля подъ руку и шла очень быстро. Поспѣвая за нею и боясь, чтобы не подумали, что она одна, и не пристали къ ней, онъ запыхался и предложилъ остановиться у кіоска, чтобы чего-нибудь выпить. Но Берта быстро

возразила, чта хочетъ дойти до Тріумфальной Арки, и они снова пустились въ путь.

Въ прежнее время, гуляя съ пріятелями, по воскресеньямъ, Даніель отравлялъ себѣ удовольствіе мыслью, что существуетъ высшее счастье, и воображалъ себя идущимъ по этой самой аллеѣ вмѣстѣ съ любимой женщиной.

А теперь онъ завидовалъ всѣмъ мужчинамъ, проходившимъ мимо нихъ по одиночкѣ или вдвоемъ, но только не съ женщиною. И однако, въ эту минуту у него не было никакой опредѣленной причины, чтобы быть недовольнымъ своей судьбой.

Провидѣніе, не любящее, чтобы люди жаловались на неопредѣленную тоску, поспѣшило послать ему вполнѣ опредѣленную причину для неудовольствія.

Въ модной кондитерской, наполненной дамами, онъ увидѣлъ за столикомъ своего друга, Эриха Эсмана. Такъ вотъ почему Берта не хотѣла остановиться по дорогѣ! Вотъ почему она такъ боялась опоздать, заѣзжая къ г-жѣ Анри! У нея съ Эрихомъ было назначено свиданье. Послѣдній даже вспыхнулъ. Берта притворилась удивленной, но не сказала: „какая неожиданная встрѣча!“ или: „какая пріятная случайность!“—Она не посмѣла произнести лживыхъ словъ.

Даніель едва коснулся руки друга. Всѣ трое усѣлись, выбравъ себѣ сладкіе пирожки. Эрихъ велѣлъ принести три рюмки малаги. Даніель не говорилъ ни слова. Берта и Эрихъ обмѣнивались какими-то нескладными фразами. Когда Эрихъ собрался платить, то Даніель закричалъ такъ властно и рѣзко: „я плачу!“, что тому оставалось только уступить.

Когда всѣ встали, Эрихъ предложилъ, смущенно, прогуляться. Даніель заявилъ, что они должны еще сдѣлать одинъ визитъ, но Берта возразила, что только пять часовъ, и тети, навѣрное, еще нѣтъ дома. Она взяла Даніеля подъ-руку, чего съ нею никогда не случалось, и воскликнула съ принужденнымъ оживленіемъ:

— Пройдемся! Воспользуемся хорошей погодой.

Нѣкоторое время они еще шли подъ-руку, слегка придерживаясь другъ за друга, но не рѣшаясь совсѣмъ разъединить руки. Наконецъ, Берта придумала высморкаться, и это дало ей возможность пойти рядомъ съ Эрихомъ, а Даніель пошелъ немного поодаль, что̀, впрочемъ, больше соотвѣтствовало настроенію дѣйствующихъ лицъ. Даніель имѣлъ видъ человѣка, занятаго высшими соображеніями и улетѣвшаго въ мечтахъ очень далеко. Отъ времени до времени онъ даже начиналъ напѣвать что-то

сквозь зубы. Его обманывали, но у него не хватало силъ долго предаваться тяжелымъ чувствамъ. Въ концѣ концовъ, въ этомъ назначенномъ свиданіи въ кондитерской не было ничего важнаго. Неподалеку отъ Трокадерò Эрихъ сталъ прощаться.

— Г-нъ Эсманъ долженъ у насъ обѣдать,—сказала Берта.

Даніель, молча, сдѣлалъ слабое движеніе головой, которое можно было принять за согласіе.

— Я на прошлой недѣлѣ обѣдалъ у васъ два раза, я боюсь злоупотребить...— сказалъ Эрихъ.

— Какія глупости!—возразила Берта.—Злоупотребить!

— Кромѣ того,—продолжалъ Эрихъ, тщетно дожидаясь какого-нибудь возраженія со стороны Даніеля: — я не свободенъ сегодня вечеромъ; у насъ будутъ гости. Впрочемъ, я могу еще немного васъ проводить.

Они пошли. Даніель думалъ о томъ, какъ они вернутся домой одни, какъ скучно и мучительно будетъ тянуться вечеръ, какъ Берта будетъ дуться.

— Ну, пойдемте къ намъ обѣдать! — проговорилъ онъ гуманно, когда Эрихъ сталъ прощаться вторично.

— Пойдемте!—повторила Берта.—Вы пойдете домой вдвоемъ, а я возьму извозчика и съѣзжу къ тетѣ.

Эрихъ взялъ Даніеля подъ-руку и сталъ оживленно говорить съ нимъ по поводу самыхъ интересныхъ предметовъ. Онъ былъ очарователенъ, когда хотѣлъ. Даніель уже раскаивался въ своей недавней холодности и выдумывалъ, какою бы любезностью загладить ее.

VIII.

— Вотъ уже три дня, какъ что-то не видно прекраснаго Эриха!—сказалъ однажды вечеромъ Даніель, растянувшись на диванѣ въ уборной, въ то время какъ его жена прикрѣпляла ленты къ шляпной тульѣ. Берта, молчавшая съ обѣда, подумала и проговорила равнодушнымъ тономъ:

— Да, въ самомъ дѣлѣ. Три дня... Съ понедѣльника.

— Чтò же это онъ тебя такъ бросаетъ!—сказалъ Даніель.

— Да, какъ будто.

— Развѣ онъ уже не такъ влюбленъ въ тебя?

— Какъ знать?!

Даніель всталъ и вдругъ спросилъ ее, какъ будто желая застать ее врасплохъ, но все еще улыбаясь:

— А ты? Ты тоже въ него влюблена?

— Какъ ты глупъ! — проговорила Берта, продолжая работать.

— Ты можешь мнѣ признаться, — продолжалъ Даніель. — Никто не властенъ въ своихъ чувствахъ. Я не могъ бы на тебя за это сердиться. Я увѣренъ, что ты въ него влюблена.

— Я нахожу его очень милымъ, — возразила Берта. — Я очень люблю съ нимъ разговаривать.

Даніель давалъ себѣ слово говорить объ Эрихѣ какъ можно меньше, разсудивъ довольно остроумно, что не слѣдовало придавать ему особаго значенія. И однако онъ вѣчно возвращался къ этому разговору, потому что этотъ разговоръ интересовалъ Берту, а бываетъ очень трудно удержаться отъ искушенія заинтересовать другого человѣка, даже если это сопряжено съ опасностью.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда у нихъ долженъ былъ обѣдать Эрихъ Эсманъ, Даніель возвращался домой раньше обыкновеннаго, и ему пришла мысль заглянуть съ улицы, пришелъ ли его другъ, или еще нѣтъ, т.-е. освѣщены ли окна ихъ квартиры въ четвертомъ этажѣ. Во всѣхъ окнахъ было темно. Онъ поднялся наверхъ, съ шумомъ захлопнулъ за собою дверь и, взглянувъ случайно на полъ, увидалъ полосу свѣта подъ дверью гостиной. Онъ пошелъ туда и засталъ свою жену и Эриха, сидѣвшихъ слишкомъ далеко другъ отъ друга. Берта немного слишкомъ громко воскликнула:

— Здравствуй! — А Эрихъ протянулъ ему руку, глядя на него слишкомъ прямо въ лицо, чтобы Даніель не подумалъ, что онъ избѣгалъ его взгляда.

— Говорятъ... тридцать убитыхъ и столько же раненыхъ,— сказалъ Эрихъ, обращаясь къ Бертѣ, на что та отвѣтила:

— Это ужасно!

Какъ было ясно, что они говорили первыя попавшіяся фразы, чтобы сдѣлать видъ, что были прерваны на какомъ-то разговорѣ! Такая уловка оскорбила Даніеля. Онъ сѣлъ молча, какъ гость, не снимая пальто.

— Скоро подадутъ обѣдъ?—спросилъ онъ черезъ минуту.

— Кажется, еще рано,—отвѣчала Берта.—Я сейчасъ пойду посмотрю,—прибавила она съ несвойственной ей готовностью. —Ты голоденъ?

— Да, порядочно,—сказалъ Даніель, которому совсѣмъ не хотѣлось ѣсть.

Онъ остался одинъ съ Эрихомъ. Тотъ расхаживалъ, заложивъ руки за спину и посвистывая съ необычайно довольнымъ видомъ.

— Вы давно пришли?—рѣшился наконецъ спросить у него Даніель.

— Всего съ четверть часа,—отвѣчалъ Эрихъ.

Если онъ и не лгалъ, то все-таки они просидѣли въ темнотѣ больше десяти минутъ.

— Извините,—проговорилъ Даніель послѣ нѣкотораго молчанія.—Я пойду снять пальто.

Онъ направился въ дѣтскую, взялъ на руки сына и вдругъ почувствовалъ къ нему приливъ нѣжности. Нѣсколько разъ прошелся онъ съ ребенкомъ по комнатѣ, прижавшись щекою къ его щекѣ. Жераръ, совершенно изумленный, даже не сталъ кричать.

Въ это время въ комнату вошла Берта.

— Ну, развѣ онъ не милъ?—сказала она. — Онъ съ утра ни разу не кричалъ.

— Поцѣлуй его,—проговорилъ быстро Даніель, чтобы убѣдиться, чиста ли у нея совѣсть.

Она совершенно спокойно и очень ласково поцѣловала ребенка.

„Она не могла бы его такъ поцѣловать, — подумалъ онъ, и лицо его прояснилось.—Они вѣрно оба были въ дѣтской, оттого и не успѣли зажечь огня въ гостиной“...

На слѣдующей недѣлѣ, въ тотъ день, когда они ждали Эриха къ обѣду, Даніель рѣшился вернуться домой раньше обыкновеннаго. Всякія дѣйствія и предпріятія были для него мучительны, но какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ не имѣлъ права не сдѣлать всего для предотвращенія рокового событія.

Но какъ разъ въ этотъ день его задержали у матери: пріѣхали изъ Ниццы дядя Эмиль и тетя Амелія, и было уже около восьми часовъ, когда Даніель вернулся домой. Окна гостиной не были освѣщены, и Берта выбѣжала на стукъ отворяемой двери.

— Ты одинъ?—спросила она.

— Ну, да... я опоздалъ. Эрихъ здѣсь?

— Нѣтъ, — проговорила она измѣнившимся голосомъ. — Я думала, что ты его встрѣтилъ и что вы придете вмѣстѣ. Я не понимаю, что̀ это значитъ!

Онъ прошелъ въ уборную, чтобы переодѣться. Она пошла за нимъ. Онъ замѣтилъ, что она прислушивалась къ стуку проѣзжавшихъ экипажей. Она выдвинула ящикъ, поискала какихъ-то лентъ очень нервнымъ движеніемъ, потомъ уложила ихъ на прежнее мѣсто и съ шумомъ захлопнула ящикъ.

— Странно, что онъ не предупредилъ,—проговорилъ черезъ минуту Даніель.

Горничная отворила дверь.

— Барыня, можно подавать?

— Подождите!—сказалъ Даніель.

Чтобы не молчать, онъ началъ разсказывать женѣ, что былъ у матери и видѣлъ дядю съ теткой. Она отвѣчала, не слушая его, разсѣянными кивками головы.

— Кажется, подъемная машина остановилась у нашей двери,—сказалъ онъ и пошелъ въ переднюю, но тотчасъ же вернулся.—Нѣтъ, это не къ намъ.

Берта подошла къ окну и прижалась лбомъ къ стеклу. Черезъ минуту онъ подошелъ къ ней и увидалъ, что она плачетъ.

— Что̀ съ тобою?—проговорилъ онъ.—Что̀ съ тобою?

Видъ у него былъ умоляющій.

— Ничего, — отвѣчала она. — У меня нервы разстроены... Я съ самаго утра такая... меня все раздражаетъ. Это пройдетъ.

Горничная опять появилась въ дверяхъ.

— Барыня, скоро полчаса девятаго, и мамка еще не ѣла.

— Иди, пожалуйста, обѣдай!—сказала Берта Даніелю.—А я пойду лягу. Мнѣ ѣсть не хочется.

— Приди, поѣшь чего-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не заставляй меня. Я совсѣмъ не голодна.

Онъ пошелъ и сѣлъ одинъ за столъ. Что-то важное, въ чемъ онъ не могъ вполнѣ ясно отдать себѣ отчета, перевернуло всю его жизнь. Онъ съѣлъ супъ и пошелъ посмотрѣть, легла ли она. Она лежала на кровати и плакала. Онъ нагнулся къ ней и спросилъ тихо:

— Ты его любишь?

— Да нѣтъ же!—отвѣчала она, нервно рыдая.—Да нѣтъ же... оставь меня. Будь милъ! Оставь меня!

Онъ вернулся въ столовую.

— Я отложила для барыни куриное крылышко, — сказала ему горничная.

Онъ проглотилъ нѣсколько кусочковъ и отодвинулъ тарелку. Раздался звонокъ. Даніель пошелъ отворить самъ. Это былъ Эрихъ Эсманъ.

— Ради Бога, извините, — проговорилъ молодой человѣкъ, запыхавшись.—Меня задержали на томъ берегу у сестры,—она заболѣла. Телефона нѣтъ, я не могъ васъ предупредить, а телеграмма не успѣла бы дойти.

Даніель провелъ его въ столовую, а самъ
и, дѣлая видъ, что ищетъ что-то на каминѣ, п

— Эрихъ пришелъ.

Онъ не взглянулъ на Берту, чтобы не в

— Скажи ему,—отвѣчала она,—что я
лѣю, что не могу его видѣть,—прибавила
номъ.—Ему слѣдовало придти раньше.

— Моя жена извиняется,—сказалъ Дані
столовую.—Она лежитъ.—Впрочемъ, ничего
бавилъ онъ поспѣшно.

Черезъ минуту, въ дверяхъ появилась Б
комъ свѣтло-голубомъ капотѣ.

— Здравствуйте!—сказала она Эриху т
тономъ, которымъ говорятъ людямъ, когда хо
что на нихъ не стоитъ даже сердиться.

Эрихъ сталъ извиняться.

— Вполнѣ прощаю вамъ,—сухо отвѣча

И съ нимъ она не всегда бывала мила. Однако, кончилось
тѣмъ, что всѣ трое стали весело болтать, и Берта вдругъ объявила:

— Я ѣсть хочу.

Принесли оставшуюся курицу, и такъ какъ по глазамъ Эриха
было видно, что и онъ былъ голоденъ, то заставили и его съѣсть
кусочекъ.

Принесли еще сыру и пирожковъ, и такъ какъ Даніель обѣдалъ только вполовину, то и онъ принялъ участіе въ банкетѣ.

Эрихъ ушелъ въ одиннадцать часовъ и обѣщалъ пр
другой день.

Ложась спать, Даніель спросилъ у жены:

— Ты не обманываешь меня?

Его въ эту минуту не мучило желаніе знать правд
слишкомъ усталъ; онъ не вѣрилъ, что она ему измѣ
главное, боялся этому вѣрить.

— Ты съ ума сошелъ!—отвѣчала она.

Онъ обнялъ ее и нѣжно поцѣловалъ въ лобъ. Этимъ
вало ограничиться; но такъ какъ онъ этимъ не огран
то она проговорила:

— Пожалуйста, оставь меня. Я устала.

IX.

Даніелю казалось невозможнымъ сомнѣваться въ измѣнѣ Берты, но иногда это начинало ему представляться какимъ-то кошмаромъ. Онъ смотрѣлъ, какъ Берта ходила изъ комнаты въ комнату, возилась очень нѣжно съ Жераромъ, мирно разговаривала съ кормилицей, и спрашивалъ себя: неужели женщина, измѣнявшая мужу, могла бы такъ себя держать?

Самъ онъ, когда бывалъ неправъ, всегда очень легко находилъ себѣ разныя оправданія, но не допускалъ, что и другой человѣкъ могъ такъ же снисходительно относиться къ себѣ и находить извиненія для своей вины. Онъ воображалъ, что женщина, измѣнившая своему мужу, сама мысленно изгоняетъ себя изъ общества порядочныхъ людей и только и дѣлаетъ все время, что сокрушается о своей винѣ.

Иногда ему приходило въ голову потребовать объясненій отъ Эриха, но онъ терпѣть не могъ никакихъ объясненій. Стоило ему рѣшить, что онъ будетъ говорить съ Эрихомъ, какъ тотчасъ же онъ переставалъ считать его виноватымъ, боялся очутиться въ ложномъ положеніи и выказать глупую и смѣшную ревность.

— Мы увидимся завтра въ школѣ? — спросилъ одинъ разъ вечеромъ Эрихъ.

— Нѣтъ, завтра я все время буду въ банкѣ; я дѣлаю одну работу для моего тестя.

Но въ умѣ онъ тотчасъ же рѣшилъ пойти на другой день на лекцію, чтобы увидать, будетъ ли тамъ Эрихъ.

Въ этотъ день у нихъ должны были обѣдать родители Даніеля, дядя Эмиль и тетя Амелія.

Войдя въ маленькую холодную залу, гдѣ читались лекціи, Даніель быстро оглядѣлъ слушателей. Эриха не было. Значитъ, онъ былъ съ Бертой. Вѣдь и она ушла изъ дома около двухъ часовъ. Даніель быстро всталъ, взялъ свой портфель и вышелъ на улицу. Онъ самъ не зналъ, куда ему идти, и вдругъ увидалъ себя въ зеркалѣ одного магазина. Онъ показался самому себѣ такимъ юнымъ, съ своимъ портфелемъ подъ мышкой. Ему было только двадцать-три года, и онъ уже попалъ въ разрядъ обманутыхъ мужей! Въ комедіи и въ пѣснѣ обманутый мужъ является всегда уже человѣкомъ почтеннаго возраста. Это была какая-то злая игра судьбы.

Онъ вышелъ на набережную и зашагалъ по улицѣ Бона-

парта. Газетчики выкрикивали названія вечернихъ газетъ. У Даніеля явилось желаніе, чтобы случилась какая-нибудь ужасающая катастрофа, какое-нибудь всеобщее крушеніе, въ которомъ бы потонуло и исчезло его частное горе. Потомъ у него блеснула мысль окунуться въ развратъ и обмануть свою жену съ первой попавшейся женщиной. Но откуда ее взять? Въ одной изъ боковыхъ галерей онъ замѣтилъ маленькую женщину въ коричневой шляпѣ. Она прошла мимо него; но когда онъ остановился, то она вернулась назадъ и тоже остановилась. Сердце у Даніеля забилось. Женщина что-то прошептала. Ему показалось, что она сказала:

— Пойдемъ, что-ли?—Тогда у него вдругъ исчезло всякое желаніе идти съ нею.

Взглянувъ на часы, онъ увидалъ, что было уже безъ пяти семь, и, не оглядываясь, пошелъ домой. Тамъ онъ нашелъ всѣхъ своихъ родныхъ въ гостиной. Берты не было, и онъ не рѣшался спросить, возвратилась ли она.

Сдѣлавъ равнодушный видъ, онъ обошелъ всю квартиру, потомъ вернулся и сѣлъ въ гостиной, гдѣ дядя Эмиль предавался воспоминаніямъ о своемъ путешествіи на югъ. Время шло. Даніель направился въ переднюю и тихонько пріотворилъ входную дверь. Черезъ минуту онъ услыхалъ, какъ дверь внизу съ шумомъ захлопнулась. Но стеклянная дверь на лѣстницѣ не отворилась. Это значитъ—кто-нибудь прошелъ въ нижній этажъ. Онъ не выдержалъ, одѣлся, спустился внизъ и пошелъ по улицѣ, но черезъ пять минутъ вернулся и спросилъ у привратника:

— Вы не знаете, моя жена вернулась?

— Я только-что пришелъ,—отвѣчалъ привратникъ.—Августина!—крикнулъ онъ своей женѣ, возившейся въ маленькой кухнѣ.—Ты не видала, не проходила молодая г-жа Анри?

— Нѣтъ, не видала,—раздался отвѣтъ, и привратница появилась въ дверяхъ кухни, вытирая руки о голубой передникъ. Даніелю показалось, что она смотрѣла на него съ злорадствомъ.

Онъ опять вышелъ на улицу. Было безъ десяти минутъ восемь. Никогда она не возвращалась такъ поздно.

„Кончено,—думалъ онъ.—Она уѣхала! Они уѣхали вмѣстѣ! Что̀ теперь дѣлать? Разыскивать ихъ, гнаться за ними? И какъ сообщить обо всемъ этомъ родителямъ, дожидающимся наверху?"

Онъ остановился на углу улицы, чтобы видѣть подъѣзжавшіе экипажи. Бѣлое перо, мелькнувшее за спиной кучера, заставило его вздрогнуть. У Берты была бѣлая шляпа, но могла ли она

надѣть ее сегодня? Экипажъ приблизился и онъ разсмотрѣлъ незнакомую даму съ холоднымъ выраженіемъ лица.

Онъ машинально побрелъ назадъ, и передъ своимъ домомъ увидѣлъ остановившуюся карету. Она явилась неизвѣстно откуда; онъ не видалъ, какъ она проѣхала. Извозчикъ пересчитывалъ полученныя деньги.

Даніель бросился въ комнатку привратника, чтобы спросить, не жена ли его пріѣхала.

— Барыня сейчасъ поднимается наверхъ.

Онъ просто обмеръ отъ радости и побѣжалъ на лѣстницу. Подъемная машина, заключавшая въ себѣ Берту, благополучно взлетала на верхъ. Даніель медленно взошелъ по лѣстницѣ. Берта была уже въ гостиной, здоровалась со всѣми и извинялась.

— Даніель очень безпокоился,—сказала г-жа Анри.

— Я сейчасъ велю подавать,—проговорила Берта и пошла снять шляпу.

— А ужъ ты вообразилъ, что твоя жёнка пропала?—сказала тетя Амелія.

— Онъ не любитъ, когда заставляютъ себя ждать,—замѣтила г-жа Анри.—Этимъ онъ весь въ отца.

Сѣли обѣдать. Дядя Эмиль разсказывалъ исторію одной картины, пріобрѣтенной имъ за полтораста франковъ и признанной однимъ знатокомъ-любителемъ за вещь просто безцѣнную.

— А что̀ на ней изображено?—спросилъ старикъ Анри.

— Цѣнность картины не зависитъ отъ ея содержанія,—отвѣчалъ дядя Эмиль.—Изображены вещи сами по себѣ незначительныя: коровки, маленькая ферма и сзади гора. Но надо видѣть, какъ все это сдѣлано!

— И подпись художника есть?

— Еще бы. Такъ прописью и стоитъ: Ванъ... Ванъ... что-то такое. Ну, однимъ словомъ, голландское имя.

Даніель, съѣвъ супъ, посмотрѣлъ на Берту, которая ѣла совершенно молча.

„Она меня обманываетъ! Она меня обманываетъ!"—мысленно твердилъ онъ себѣ и удивлялся, что не чувствуетъ себя несчастнымъ. Въ столовой было такъ хорошо. Ему очень хотѣлось ѣсть. Дядя его былъ такой веселый и симпатичный. И въ концѣ концовъ Берта все-таки была здѣсь.

X.

Даніель и Берта оставались лѣтомъ въ Парижѣ довольно долго. Въ августѣ рѣшено было ѣхать къ морю. Семья Эриха Эсмана уже отправилась въ деревню въ началѣ іюня. Эрихъ долженъ былъ поѣхать туда же, но все задерживался въ Парижѣ. Отъ времени до времени онъ приходилъ къ нимъ обѣдать. Если это случалось слишкомъ часто, Даніель раздражался, и не старался скрывать своего раздраженія; а если Эрихъ начиналъ пропадать, то Даніель волновался, думая, что они видаются гдѣ-нибудь на сторонѣ.

Въ одинъ прекрасный іюльскій день, послѣ завтрака, Берта сказала кормилицѣ:

— Сегодня ты выйди гулять пораньше,—кажется, не особенно жарко. Дойди до Елисейскихъ-Полей.

— Развѣ ты сама не пойдешь съ маленькимъ?—спросилъ Даніель.

— Нѣтъ, я выйду сегодня одна.

— Куда же ты собираешься?—спросилъ онъ развязнымъ тономъ, идя за нею.

— Тебѣ что за дѣло?—возразила она. — Недостаетъ еще, чтобъ я стала отдавать тебѣ отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ!

Онъ не разсердился, какъ сдѣлалъ бы это въ другой разъ. Потребность узнать истину дѣлала его терпѣливымъ.

— Но вѣдь ты же можешь отвѣтить на мой вопросъ. Это вопросъ вполнѣ естественный. Я тебя спрашиваю, куда ты идешь?

— Я иду къ г-жѣ Дюморель; я должна къ ней зайти, выразить свое сочувствіе, потому что никто изъ насъ не былъ на похоронахъ.

Онъ задумчиво прошелъ въ переднюю, потомъ вернулся и проговорилъ тономъ, который казался ему развязнымъ:

— Мнѣ очень хочется побывать съ тобою у г-жи Дюморель, потому что вѣдь и я не былъ на похоронахъ.

Онъ совсѣмъ не собирался туда ѣхать, а хотѣлъ только испробовать почву. Но она разсердилась:

— Какой это видъ будетъ имѣть! Ты, никогда не дѣлающій визитовъ!..

— Это мое дѣло,—отвѣчалъ онъ.—Я поѣду къ нимъ съ тобою.

— Предупреждаю тебя, что буду готова черезъ секунду, и что мнѣ некогда тебя ждать.

Она думала, что онъ, по обыкновенію, будетъ безъ конца одѣваться, но онъ одѣлся очень быстро, весь дрожа при мысли, что она будетъ готова раньше его, и черезъ пять минутъ явился въ уборную въ своемъ новомъ пальто и цилиндрѣ. Она еще не надѣла лифа, и онъ могъ свободно разыскать въ ящикѣ, среди безпорядочно набросанныхъ вещей, двѣ перчатки не на одну и ту же руку.

Одѣвшись, она вышла, и онъ вышелъ за нею. Онъ кликнулъ извозчика.

— Не для меня ли это?—спросила она.—Погода хорошая. Я пойду пѣшкомъ.

Ему пришлось сдѣлать знакъ извозчику, что не нужно, и тотъ поворотилъ лошадей, бросивъ на него взглядъ, полный глубочайшаго презрѣнія.

Она шла быстро, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Онъ украдкой поглядывалъ на нее, и ему казалось, что она морщила брови, чтобы не заплакать.

— Я устала,—вдругъ проговорила она:—возьмемъ извозчика.

Въ каретѣ онъ опять посмотрѣлъ на нее. Она глядѣла въ одну точку прямо передъ собою и, повидимому, очень страдала. Ему особенно стало ее жалко, потому что и себя онъ чувствовалъ такимъ несчастнымъ.

Ему бы такъ хотѣлось отпустить ее, чтобы она шла куда только ей было угодно, но онъ испытывалъ потребность узнать правду, и кромѣ того онъ говорилъ себѣ:

„Можетъ быть, она въ первый разъ такъ идетъ къ нему, и я долженъ этому помѣшать“.

У Дюморелей ихъ приняли очень любезно и на непривычный визитъ Даніеля обратили особое вниманіе. Они просидѣли тамъ нѣсколько минутъ. Старика Дюмореля схоронили дней пять или шесть тому назадъ, и поэтому въ семьѣ уже допускались всевозможные разговоры, какъ-то: о театрѣ, о концертахъ и о планахъ на лѣтнее время, съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти разговоры велись въ меланхолическомъ тонѣ. Иногда даже смѣялись, когда къ тому представлялся случай, но смѣялись томнымъ смѣхомъ.

Берта встала и простилась. Когда Даніель уже собрался садиться въ экипажъ, она сказала ему:

— Ты хочешь отправиться со мною? Я пойду пѣшкомъ до Лувра.

— Мнѣ нечего дѣлать,—отвѣчалъ онъ:—я пойду съ тобою.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду домой,—сказала она, садясь въ карету.

Онъ слабымъ голосомъ далъ кучеру адресъ. Потомъ сѣлъ съ нею рядомъ. Онъ даже забылъ снять перчатки, какъ дѣлалъ всегда послѣ визитовъ. Ему хотѣлось поскорѣе быть дома, чтобы знать, что̀ они тамъ другъ другу скажутъ и что̀ случится.

Пока Даніель расплачивался съ извозчикомъ, Берта вошла въ домъ и пошла наверхъ по лѣстницѣ. Въ подъемной машинѣ ей пришлось бы подождать мужа. Она прошла въ свою комнату, сняла шляпу и легла на кушетку. Даніель прошелъ въ дѣтскую, разсѣянно спросилъ у кормилицы:

— Ты вернулась, мамка?

Потомъ пошелъ къ Бертѣ и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Послушай,—сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

Она вдругъ разрыдалась.

— Я тебя ненавижу!—выговорила она.—Я тебя ненавижу!

Онъ понялъ, что она совсѣмъ обезсилена, что теперь она въ его власти, и ничего не будетъ въ состояніи отъ него скрыть. Ему было страшно воспользоваться этимъ и узнать что-нибудь, но онъ все-таки сказалъ:

— Ты его любовница?

Она ничего не отвѣчала и заплакала еще сильнѣе. Это уже было признаніе, но ему хотѣлось признанія словеснаго, отъ котораго уже нельзя было отречься.

— Послушай! Скажи мнѣ, что ты его любовница. Я прошу тебя. Я долженъ знать... Кивни головой, да или нѣтъ?

— Да,—слабо отвѣтила она.

— Да? да?—повторилъ Даніель, и заплакалъ, глядя на нее; и такъ какъ она тоже смотрѣла на него и плакала, то онъ подумалъ, что въ эту минуту она плакала о немъ. Ему казалось, что она стала для него далекой, но менѣе чуждой. Рыданія его становились все громче и все болѣе дѣлались похожими на плачъ ребенка. У нихъ это былъ своего рода разговоръ, и рыданіями они говорили другъ другу добрыя, мучительныя вещи.

XI.

Выплакавшись хорошенько и уставъ стоять на колѣняхъ, Даніель всталъ и началъ медленно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ себя въ зеркало. Въ этомъ для него было что-то роковое. Какъ только ему случалось увидать

себя въ зеркалѣ, такъ тотчасъ же его хорошія чувства уступали мѣсто красивымъ позамъ. Вѣки у него были красныя, а черные глаза выражали довольно глубокую грусть. Когда онъ сталъ разсматривать себя въ зеркалѣ, то выраженіе глазъ измѣнилось и стало пристальнымъ и любопытнымъ. Чтобы придать глазамъ прежнее выраженіе, понадобилась уже искусственная грусть. Онъ снова принялся ходить большими шагами по комнатѣ, и почувствовалъ въ себѣ приливъ энергіи и мужества. Его несчастіе было исключительнаго характера и поэтому совсѣмъ не такъ унизительно, какъ у другихъ. Впрочемъ, и въ лицеѣ, когда онъ попадалъ въ число послѣднихъ учениковъ, то это совсѣмъ не было такъ позорно, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это выпадало на долю другихъ воспитанниковъ. Во всемъ, что̀ съ нимъ случалось, было всегда что-то исключительное.

Кромѣ того, о его несчастіи никто не зналъ, кромѣ его жены и друга. Онъ долженъ былъ повидаться съ Эрихомъ и поговорить съ нимъ. Въ характерѣ Эриха не было ничего неистоваго, и, во всякомъ случаѣ, всякое неистовство могло явиться только со стороны Даніеля, а Даніель не сомнѣвался въ собственной кротости. Онъ не былъ варваромъ и не могъ совершать поступки какого-нибудь пещернаго человѣка. Ему представлялся прекрасный случай выказать всю независимость своего ума и всю свою человѣчность.

Но какое рѣшеніе слѣдовало ему принять относительно жены и что̀ предложить Эриху? Отказать ему отъ дома? Но Берта любила его, и ее нельзя было переупрямить. Развестись и выдать Берту замужъ за Эриха? Эта мирная идея ему понравилась, хотя онъ предвидѣлъ всѣ неудобства и препятствія... Несогласіе родителей Эриха, ужасъ его собственныхъ родителей. Кромѣ того, онъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что Эрихъ любилъ его жену.

Онъ подошелъ къ Бертѣ и сѣлъ на край кушетки.

— Послушай!—началъ онъ рѣшительно.—Тебѣ нужно выйти за него замужъ.

Она слушала его снисходительно, но не выражая никакой радости, какъ бы не вѣря въ возможность того, о чемъ онъ говорилъ.

— Ну... какъ тебѣ кажется,—онъ достаточно сильно тебя любитъ, чтобы жениться на тебѣ?

— Достаточно ли онъ любитъ!—проговорила она, поднявъ глаза къ потолку, какъ будто въ его сомнѣніи было что-то кощунственное. Эта увѣренность была мучительна для Даніеля.

Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ менѣе считалъ Эриха способнымъ на глубокое чувство.

— Я ему напишу,—сказалъ онъ.—Назначу ему свиданіе сегодня вечеромъ.

И онъ отправилъ срочное письмо слѣдующаго содержанія: „Приходите сегодня вечеромъ въ „Grand-Café“. Въ девять часовъ. Имѣю очень важное вамъ сообщить“.

Собравшись подписаться, онъ подумалъ, что нельзя написать ему теперь: „съ дружескимъ привѣтомъ“, или: „сердечно вашъ“, а отсутствіе этой общепринятой формы вѣжливости можетъ удивить и смутить Эриха. Конечно, онъ имѣлъ право заставить его пережить непріятную минуту, но ему не доставляло никакого удовольствія мучить людей,—до такой степени онъ не выносилъ никакого безпокойства и волненія. Онъ кончилъ тѣмъ, что надъ своимъ именемъ нацарапалъ какія-то неопредѣленныя черточки, ни къ чему не обязывавшія. Въ крайнемъ случаѣ это могло означать: „вашъ“.

Пославъ срочное письмо, Даніель вернулся къ Бертѣ, и они стали бесѣдовать о подробностяхъ развода такъ мирно, какъ уже давно ни о чемъ не бесѣдовали. Даніель не безъ волненія объявилъ женѣ, что отдастъ ей ребенка и будетъ ихъ навѣщать, когда она выйдетъ замужъ. Кромѣ того, они рѣшили до поры до времени ничего не говорить родителямъ.

Какъ разъ въ эту минуту раздался звонокъ.

— Это мама, — сказала черезъ минуту Берта. — Что̀ за мученье!

Войдя въ комнату и увидавъ покраснѣвшіе глаза Берты, г-жа Вордѐ бросила строгій взглядъ на Даніеля, которому стало обидно и больно отъ такой несправедливости. Г-жа Вордѐ объявила, что останется обѣдать, такъ какъ мужъ ея не обѣдаетъ дома. До девяти часовъ, т.-е. до свиданія съ Эрихомъ въ „Grand Café“, оставалось еще много времени, и Даніель не зналъ, что̀ ему дѣлать. Онъ чувствовалъ усталость и разбитость въ ногахъ, и сталъ искать удобнаго мѣстечка, гдѣ бы заснуть. Окно въ гостиной было открыто. Только-что шелъ дождь, и воздухъ, пропитанный запахомъ дождевой влаги, проникалъ черезъ окно въ комнату. Даніель съ минуту смотрѣлъ на улицу. Небо было темно отъ новаго собиравшагося ливня.

Незанятые извозчики, съ блестѣвшими отъ дождя верхушками экипажей, проѣзжали маленькой рысцой по грязной, хлябающей мостовой. Даніель закрылъ окно и сталъ искать, на чемъ бы ему лечь. Диванъ въ чехлѣ былъ занятъ сложенными гардинами.

Англійскія кресла протягивали не особенно дружелюбно свои сухія ручки и не представляли собою ничего уютнаго. Наконецъ, за роялемъ Даніель отыскалъ старое кресло, обитое матеріей и поставленное туда для того, чтобы не оставалось пустого мѣста. Кресло это было низкое и мягкое. Онъ улегся на него и тихо заснулъ.

Проснувшись, онъ почувствовалъ стыдъ, свойственный взрослому, здоровому человѣку, заснувшему среди бѣла дня, и ему сразу вспомнилось все, что̀ случилось. Онъ зѣвнулъ, и вдругъ ему пришло на мысль, что Берта, изъ потребности разсказать, уже могла все передать своей матери. Съ нѣкоторымъ смущеніемъ направился онъ въ комнату жены и услышалъ слѣдующее:

— Можешь ли ты себѣ представить,—говорила Берта г-жѣ Воро̀.—Она такъ нахальна, что поставила мнѣ пятнадцать кусковъ суташа для моего платья tailleur! Развѣ это мыслимо?

— Знаешь, на это очень много идетъ. Внизу юбки у тебя пять рядовъ, а юбка довольно широкая.

— Положимъ да, но все-таки пятнадцать кусковъ!

— Я тебя предупреждала,—заявила г-жа Воро̀.—Ты пришла въ неописанный восторгъ, когда она тебѣ сказала, сколько беретъ за фасонъ. Можно было предвидѣть, что она будетъ наверстывать на прикладѣ. Сколько она тебѣ поставила за кусокъ?

— Пять пятнадцать.

— Страшно дорого. Такой суташъ можно легко имѣть въ большихъ магазинахъ за четыре франка.

— Да, но нужно бѣгать, разыскивать. А если найдешь что-нибудь, что̀ понравится, то потомъ окажется, что не подходитъ къ платью. Иногда это цѣлая исторія, чтобы хорошо подобрать.

— Что же дѣлать! Чтобъ выгадать, стоитъ потрудиться... Ну, однако, я пойду, посмотрю на Жерара до обѣда... Скоро вѣдь, знаешь, ужъ восемь часовъ!

— Съ обѣдомъ надо поторопиться,—сказалъ Даніель.—Въ девять часовъ у меня назначено одно свиданье.

Г-жа Воро̀ вышла изъ комнаты.

— Ну, что̀, — сказалъ Даніель, съ улыбкой обращаясь къ Бертѣ.—Ей и въ голову ничего не приходитъ. Не легко будетъ посвятить ее во все это.

Берта сдѣлала гримаску, означавшую: „Да, ужъ нечего сказать!“ —и тоже, улыбаясь, посмотрѣла на Даніеля. У нихъ была тайна, очень сближавшая ихъ.

За обѣдомъ г-жа Воро̀ стала говорить о дачѣ. Имѣлась въ виду хорошенькая дачка въ Діеппѣ. Даніель долженъ былъ отъ

времени до времени пріѣзжать въ Парижъ и проводить нѣсколько дней въ банкѣ, чтобы его тесть могъ хоть немного пользоваться морскимъ воздухомъ.

— Вы бы предупредили вашихъ родителей, Даніель,—говорила г-жа Ворð,—на случай, еслибы они захотѣли поселиться тамъ же. Теперь ужъ такое время, что всѣ дачи нарасхватъ,—трудно будетъ найти.

— Я ихъ предупрежу,—отвѣчалъ Даніель, бросивъ взглядъ на Берту и думая, что сначала ихъ надо будетъ предупредить о болѣе важномъ, и что разводъ перевернетъ всѣ ихъ планы. Послѣ обѣда онъ простился съ тещей, а Берта пошла проводить его въ переднюю.

— Что жъ ты ему скажешь? — спросила она съ любопытствомъ.

— Я еще самъ не знаю... вообще, мы поговоримъ.

Уходя, онъ не поцѣловалъ жену, какъ дѣлалъ обыкновенно, а крѣпко и торжественно пожалъ ей руку, какъ маленькіе мальчики въ скверахъ жмутъ руку маленькимъ дѣвочкамъ.

Важныя событія, совершавшіяся въ ихъ жизни, начинали принимать отчасти какой-то ребяческій характеръ. Они сразу истратили весь имѣвшійся въ ихъ распоряженіи запасъ душевныхъ движеній, и теперь чувствовалась необходимость снова пополнить этотъ запасъ. Но все-таки, подъѣзжая къ „Grand Café“, гдѣ, можетъ быть, уже находился Эрихъ, Даніель опять почувствовалъ нѣкоторое волненіе. Онъ прямо прошелъ въ заднюю галерею, гдѣ они часто назначали другъ другу свиданіе. Тамъ было только нѣсколько игроковъ на билліардѣ, да нѣсколько одинокихъ старыхъ офицеровъ въ отставкѣ, съ большими усами, возсѣдавшихъ съ необыкновенно торжественнымъ видомъ передъ своими скромными рюмками.

Было пять минутъ десятаго. Эрихъ долженъ былъ сейчасъ придти. Что нужно было ему сказать? Даніель старался сосредоточить свои мысли на предстоявшемъ свиданіи, но вниманіе его разсѣивалось, ускользало, и онъ начиналъ слѣдить за билліардной игрой. Когда онъ мысленно вернулся къ Эриху, было уже двадцать минутъ десятаго. Становилось немного унизительно, въ его положеніи, ждать такъ долго, но вдругъ, случайно оглянувшись, онъ замѣтилъ Эриха, стоявшаго во входной залѣ и осматривавшагося по сторонамъ. Наконецъ ихъ глаза встрѣтились, и Эрихъ направился къ нему. Онъ улыбался нѣсколько дѣланной улыбкой. Даніель, внезапно разволновавшійся, смотрѣлъ на него совершенно серьезно. Эрихъ пересталъ улыбаться. Онъ протя-

нулъ Даніелю руку, которую тотъ едва пожалъ, почти не сгибая пальцевъ.

— Простите,—сказалъ онъ:—я получилъ ваше письмо уже въ десятомъ часу.

— А я его отправилъ въ шесть,—проговорилъ Даніель безразличнымъ тономъ.

— Ну, мой милый, а я его получилъ въ девять. Согласитесь, что это возмутительно!—прибавилъ онъ, стараясь казаться оживленнымъ.—Его должны были бы доставить черезъ полтора часа, самое большее. Какъ-то на дняхъ они тоже со мною такую штуку сыграли съ телеграммой, пришедшей съ опозданіемъ на три часа.

Даніель, ничего не отвѣчая, слѣдилъ глазами за движеніемъ билліардныхъ шаровъ. Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе. Однако, они не могли молчать безконечно. Даніель провелъ рукою по лбу и проговорилъ слегка измѣнившимся голосомъ:

— Вы, можетъ быть, догадываетесь о причинѣ, заставившей меня васъ вызвать сюда?

Эрихъ сдѣлалъ какое-то уклончивое движеніе.

— У меня былъ разговоръ съ женою, — продолжалъ Даніель: — разговоръ... очень важный. Она мнѣ призналась... во всемъ. Она мнѣ все сказала...

Эрихъ молчалъ. У Даніеля на мгновеніе явился страхъ, не подумаетъ ли онъ, что ему устроиваютъ ловушку, не приметъ ли онъ его поступка за шаблонный пріемъ обманутаго мужа, старающагося, посредствомъ лжи, узнать истину. Но Эрихъ тотчасъ же понялъ, что онъ говоритъ правду. Онъ ничего не отвѣтилъ и пересталъ размазывать маленькой ложечкой кофейную лужу на столѣ.

— Ну, такъ вотъ видите, — продолжалъ Даніель. — Послѣ этого я и написалъ вамъ, чтобы вызвать васъ сюда и спросить, какъ вы намѣрены поступить?

— Это у васъ надо спросить,—проговорилъ Эрихъ, поднявъ голову.

Эти слова были произнесены холоднымъ тономъ, оскорбившимъ Даніеля. Онъ явился на это свиданіе безъ всякой ненависти, съ готовностью простить. Почему было не признать въ немъ добрыхъ чувствъ? Впервые онъ почувствовалъ приливъ злобы, рѣшимости и готовности наговорить грубости. Но пока онъ подыскивалъ подходящія и опредѣленныя выраженія, его злоба успѣла пройти. У него осталось только чувство удовлетво-

ренія отъ сознанія своего превосходства надъ Эрихомъ, не съумѣвшимъ его понять.

Тѣмъ временемъ Эрихъ тоже поразмыслилъ и началъ все еще холоднымъ, но болѣе мягкимъ тономъ:

— Вы должны рѣшить. Мнѣ сказать нечего.

— Если вы любите... Берту, — сказалъ Даніель, — то вы должны на ней жениться. Если вы ее не любите, тогда другое дѣло. Я не хочу, подъ предлогомъ возстановленія чести, принимать рѣшеніе... послѣдствія котораго могутъ сдѣлать ее несчастной. — Тутъ его голосъ задрожалъ. Онъ былъ растроганъ собственной добротой.

— Вы достаточно сильно ее любите, чтобы жениться на ней?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Эрихъ послѣ минутнаго молчанія, широко раскрывъ глаза, какъ бы для того, чтобы показать Даніелю, что въ нихъ не было скрыто никакой лжи.

Но Даніель все-таки ему не повѣрилъ. Его первый любовный опытъ оказался неудачнымъ. Теперь, переставъ любить, онъ гордился этимъ и утѣшался, считая любовь обманомъ. Для него было невыносимо думать, что другіе могли испытывать это чувство, съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ пересталъ его испытывать.

Онъ подумалъ, что лучше позволить Эриху бывать у нихъ въ домѣ, чтобы ему и Бертѣ не было искушенія назначать другъ другу свиданія гдѣ-нибудь на сторонѣ. Впрочемъ, сразу онъ не могъ его пригласить. Объ этомъ можно было поговорить на другой день, когда они условились опять увидаться. Теперь же ему захотѣлось заговорить о чемъ-нибудь другомъ, все равно о чемъ. Онъ безсознательно радовался тому, что не поссорился съ Эрихомъ. Послѣдній пересталъ быть для него врагомъ, какъ въ то время, когда Даніель только подозрѣвалъ его. Несмотря на это, было очень трудно завязать ничего не значившій разговоръ. Наконецъ, какой-то вновь пришедшій господинъ, повидимому иностранецъ, разсмѣшилъ ихъ; они стали преувеличенно смѣяться, и разговоръ завязался самъ собою, причемъ одинъ выслушивалъ другого очень любезно и внимательно.

Эрихъ проводилъ Даніеля до дома, ему это было по дорогѣ. Они еще нѣкоторое время прохаживались передъ крыльцомъ, такъ какъ Даніель все не могъ рѣшить, долженъ ли онъ при прощаньѣ протянуть Эриху руку. Наконецъ они сказали другъ другу: „до свиданія“, на ходу продолжая размахивать руками. Но этого просто нельзя было выдержать. Даніель поднялъ немного правую руку, но Эрихъ не видѣлъ этого движенія, и вы-

ставилъ руку только въ ту минуту, когда Даніель опустилъ свою; а когда рука Даніеля опять поднялась, то Эрихъ свою руку уже успѣлъ отдернуть. Даніель кончилъ тѣмъ, что оставилъ свою руку въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи; тогда рука Эриха протянулась окончательно, и пальцы ихъ кое-какъ соединились.

Берта, въ ночной рубашкѣ и капотѣ, дожидалась въ уборной возвращенія Даніеля, чтобы узнать о результатѣ свиданія. Чтобы убить время, она взяла расходную книжку кухарки. Она всегда на нѣсколько недѣль запаздывала провѣркой счетовъ. Когда пришелъ Даніель, она какъ разъ остановилась на какомъ-то словѣ, которое невозможно было разобрать. Оно было похоже на слово: „тесемка", но навѣрное означало что-нибудь другое, потому что его было взято на два франка восемьдесятъ сантимовъ.

У Даніеля былъ видъ довольный и самоувѣренный, какъ у человѣка, обладающаго полными и достовѣрными свѣдѣніями. Но все-таки онъ стѣснялся заговорить первый объ Эрихѣ. Онъ сѣлъ противъ нея и смотрѣлъ на нее, улыбаясь. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ часто улыбаться. Ему нравилось выказывать большую независимость ума и заниматься любовными дѣлами Берты съ снисходительной заботливостью. Онъ, главное, боялся имѣть видъ жертвы, играть второстепенную роль и, вообще, былъ похожъ на тѣхъ дѣтей, которыя перестаютъ играть въ перегонки и предпочитаютъ смотрѣть на игру, какъ только замѣчаютъ, что товарищи бѣгаютъ скорѣе ихъ.

— Ну, что̀ же?—проговорила, наконецъ, Берта.

— Ну, что же! Я его видѣлъ... мы говорили.

— Онъ, вѣроятно, былъ очень взволнованъ?—спросила она.

— Очень взволнованъ.

— ...Ты ему говорилъ о разводѣ?

— Да... это рѣшено въ общемъ... Завтра мы должны опять повидаться.

— Онъ былъ доволенъ?

Даніель колебался одно мгновенье, но, наконецъ, рѣшительно сказалъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Бертѣ:

— Очень доволенъ.

Лицо молодой женщины просіяло. Она навѣрное подумала, что Даніель не сразу сказалъ: „очень доволенъ"—изъ зависти и изъ нежеланія доставить ей слишкомъ большое удовольствіе.

— Мы еще завтра поговоримъ, и тогда все рѣшимъ,—повторилъ Даніель, но что̀ собственно „все"—онъ самъ хорошенько не зналъ.

Между тѣмъ Берта раздѣлась. Въ ночной рубашкѣ и въ туфляхъ на босую ногу она пошла послушать у дверей дѣтской, не проснулся ли ребенокъ. Потомъ она вернулась въ уборную и распустила волосы, чтобъ заплести ихъ на ночь въ косу. По временамъ она спокойно позѣвывала. Эта манера заниматься при немъ своимъ туалетомъ, какъ будто ничего не случилось, смущала нѣсколько Даніеля, смотрѣвшаго на нее уже какъ на жену другого. Онъ подумалъ, что съ завтрашняго дня надо будетъ устроиться отдѣльно подъ какимъ-нибудь предлогомъ, который не показался бы подозрительнымъ ни прислугѣ, ни г-жѣ Ворò.

XII.

Было рѣшено поселиться на дачѣ въ Saint-André-sur-Mer. Это мѣстечко — ни слишкомъ элегантное, ни слишкомъ захолустное. Есть въ немъ казино, карусели, клубъ съ недорогимъ абонементомъ, словомъ, все то, что было нужно для Ворò. Кромѣ того, туда же ѣхали Капитаны и Альфредà, такъ что всѣмъ предстояло часто встрѣчаться. Эрихъ уѣхалъ въ Остенде, чтобы провести тамъ нѣсколько недѣль съ своимъ семействомъ. Когда онъ въ первый разъ послѣ объясненія пришелъ къ Даніелю, то они провели вечеръ втроемъ, разговаривая самымъ естественнымъ образомъ о самыхъ незначительныхъ вещахъ. Эрихъ называлъ Берту: „Madame“. Берта называла его: „Monsieur“. Казалось, будто ничего не случилось. Всего больше перемѣны чувствовалось въ Даніелѣ, который былъ гораздо веселѣе, чѣмъ прежде, и держалъ себя гораздо свободнѣе.

Берта должна была прожить мѣсяцъ у моря. Эриху было неудобно пріѣхать въ Saint-André. Они должны были свидѣться въ Парижѣ по возвращеніи. Даніель, имѣвшій въ перспективѣ цѣлый мѣсяцъ полнаго спокойствія, находилъ, что эта разлука была какъ разъ кстати, чтобы испытать прочность взаимнаго чувства его жены и друга. Даніелю предстояло прожить еще нѣсколько времени въ Парижѣ. Такъ какъ прислугу брали съ собою, то онъ долженъ былъ жить у своихъ родителей, до ихъ отъѣзда въ Saint-André, гдѣ Бертѣ было поручено подыскать имъ дачу.

Берта, г-жа Ворò, кормилица и маленькій Жераръ отъѣзжали со станціи Saint-Lazare съ поѣздомъ, отходившимъ въ двѣнадцать часовъ пятьдесятъ минутъ. Даніель довольно успѣшно сдалъ тяжелый багажъ, но было набрано еще множество ручного багажа: связка дождевыхъ зонтиковъ, тюфячокъ Жерара въ пару-

синномъ мѣшкѣ, швейная машинка, весьма увѣсистая, но которую не сдавали въ багажъ, потому что она считалась удобною для переноски. Они представляли собою на платформѣ группу пришедшихъ въ отчаяніе эмигрантовъ. Кормилицу съ Жераромъ усадили въ первое попавшееся отдѣленіе, пока Даніель ходилъ къ знакомому начальнику станціи просить отдѣльное купэ. Въ душѣ Даніель страстно желалъ, чтобы знакомый начальникъ станціи не оказался дежурнымъ, но его желаніе не было исполнено. Знакомый начальникъ станціи былъ дежурнымъ, но объявилъ, что, къ сожалѣнію, огромное стеченіе пассажировъ не позволяло... Даніель поблагодарилъ и уже сталъ уходить, вполнѣ удовлетворенный опредѣленнымъ отвѣтомъ, какъ вдругъ начальнику станціи пришла роковая мысль позвать его назадъ и сообщить ему, что онъ велитъ прицѣпить лишній вагонъ и устроитъ ему все, что нужно. Чтобы воспользоваться этой милостью, нужно было заставить кормилицу съ Жераромъ вылѣзть изъ отдѣленія, гдѣ они прекрасно устроились рядомъ съ очень милой старушкой, уже начинавшей улыбаться спящему Жерару.

Пока подавали вагонъ, Даніель говорилъ себѣ, что все это дѣлалось изъ-за него, что поѣздъ могъ опоздать, что могла произойти катастрофа, и что у него на всю жизнь останется укоръ совѣсти.

Вагонъ подали, при чемъ онъ съ тяжелымъ звономъ ударился о другой вагонъ; раздался крикъ: „Берегись"! Почтенные отцы семействъ, стоявшіе на подножкахъ вагоновъ, безпомощно качнулись... Одинъ изъ служащихъ прикрѣпилъ карточку съ надписью: „занято", и молча посмотрѣлъ на Даніеля. Даніель понялъ и далъ ему двадцать су, хотя это было дѣло начальника станціи, а служащій былъ тутъ ни-при-чемъ. Отъ сѣрыхъ суконныхъ подушекъ несло удушливымъ тепломъ, доводившимъ до тошноты. Кормилица съ невозмутимымъ Жераромъ расположилась въ углу дивана. Черезъ нѣсколько часовъ она должна была увидѣть въ первый разъ въ жизни море. Всѣ почему-то думали, что это ее очень радовало.

До отхода поѣзда оставалось семь минутъ, показавшихся Даніелю безконечными. Но когда поѣздъ исчезъ изъ виду, то онъ вздрогнулъ въ ужасѣ: онъ забылъ посмотрѣть, была ли заперта на задвижку противоположная дверка отдѣленія. Эта мысль отравила ему радостное чувство свободы, которое онъ испытывалъ, выходя со станціи. Онъ твердо разсчитывалъ, что теперь у него будутъ интересныя приключенія. Проходя черезъ станціонную залу, онъ увидалъ молодую даму въ черномъ, прохаживавшуюся передъ

дверцами, ведущими на версальскую линію. Друзья часто разсказывали ему, что нѣкоторыя вдовы пріѣзжаютъ такимъ образомъ въ публичныя мѣста, чтобы находить себѣ утѣшителей. У этой дамы было строгое лицо. Даніель не любилъ такого типа, но это была вдова, и слѣдовало воспользоваться случаемъ. Онъ прошелъ передъ нею, пристально смотря на нее, какъ вдругъ появился какой-то господинъ съ билетами въ рукахъ, и оба удалились.

„Очень трудно найти себѣ женщину",—подумалъ Даніель и рѣшилъ отправиться вечеромъ въ „Jardin de Paris". Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ восьми часовъ, чтобы получить успокоительную телеграмму отъ Берты и тогда повеселиться въ свое удовольствіе. Чтобы развлечься, онъ купилъ себѣ соломенную шляпу и тросточку, прогулялся по бульвару, останавливался въ кофейныхъ и прочелъ всѣ юмористическіе журналы.

Когда настало время обѣда, то его восторженное состояніе нѣсколько утихло, потому что нужно было отправляться къ родителямъ. Домъ, гдѣ они жили въ улицѣ Лафайетъ, наводилъ на него уныніе. Привратница, изъ глубины своей темноватой комнатки, встрѣтила его ничего незначившими любезностями. Онъ долженъ былъ сообщить ей подробно о своей женѣ и точно опредѣлить возрастъ своего мальчика. На лѣстницѣ съ облупившейся штукатуркой царилъ мракъ, какъ будто этотъ типичный городской домъ старательно прятался отъ лѣтняго солнца. У прислуги, отворившей дверь, все лицо было обвязано платками, и отъ нея пахло камфорнымъ масломъ.

Сидя за столомъ между отцомъ и матерью, Даніель снова чувствовалъ себя въ зависимости отъ нихъ. За дессертомъ онъ рѣшился сказать, что у него болитъ голова и что вечеромъ онъ пойдетъ немного пройтись. Ему ничего на это не возразили, но въ послѣдовавшемъ молчаніи чувствовалось неодобреніе. Чтобы снова расположить родителей въ свою пользу, онъ сталъ разсказывать цѣлыя исторіи про маленькаго Жерара, и представилъ картину трогательной отеческой любви.

Потомъ онъ сталъ искать какой-нибудь сюжетъ для разговора, который могъ бы заинтересовать его отца. Началъ говорить ему о какомъ-то желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Этимъ дѣломъ былъ занятъ Ворд̀, и Даніель сдѣлалъ видъ, что и самъ необыкновенно интересуется имъ. Старикъ Анри покуривалъ свою трубку, изрѣдка кивая головою и, повидимому, не слушая.

— Странно,—воскликнулъ наконецъ Даніель,—что до сихъ поръ нѣтъ телеграммы.

— Ничего нѣтъ удивительнаго,—возразилъ его отецъ, какъ для того, чтобы его успокоить, такъ и потому, что очень любилъ разсчитывать. — Они пріѣхали въ шесть-сорокъ. Будемъ считать съ опозданіемъ. Предположивъ, что она тотчасъ же отправила депешу, все-таки ты не можешь ее получить раньше девяти часовъ, если вообще получишь ее сегодня.

Къ девяти часамъ Даніель началъ приходить въ нервное состояніе. Онъ пошелъ въ маленькую гостиную, окна которой выходили на улицу, чтобы послушать, не выкриваютъ ли газетчики о какомъ-нибудь несчастіи на желѣзной дорогѣ.

Раздался звонокъ. Должно быть телеграмма... Нѣтъ, это принесли почту: приглашеніе на чью-то свадьбу и объявленіе о какихъ-то виноградникахъ.

— Все-таки странно, что до сихъ поръ нѣтъ телеграммы,—сказалъ Даніель.

— Я тебѣ говорю, что до завтра ты ничего не получишь, —замѣтилъ Анри.

Даніель началъ склоняться къ этому предположенію, какъ вдругъ телеграмма появилась безъ всякаго шума: ее принесла прислуга, отъ которой пахло камфорой.

„Доѣхали отлично.—Берта“.

Нельзя сказать, чтобы Берта грѣшила многословіемъ. Можно было, во всякомъ случаѣ, поставить хоть: „привѣтъ“—тѣмъ болѣе, что вышло всего девять словъ.

— Какимъ же это образомъ не слышно было звонка?—сказалъ Анри.

— Я тебѣ ручаюсь, что дверь была отперта и что она разговаривала съ нижней прислугой,—отвѣчала г-жа Анри.—Во всякомъ случаѣ, ты успокоился теперь, — прибавила она, обращаясь къ Даніелю.

Онъ уже взялся за шляпу, чтобы отправиться въ „Jardin de Paris“.

— Ты бы надѣлъ пальто,—сказала мать.

— Жара, задохнуться можно.

— Ну, такъ возьми его съ собою на руку.

Даніель вошелъ въ „Jardin de Paris“ съ видомъ спокойствія и превосходства, появлявшимся у него всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ не чувствовалъ себя вполнѣ свободно и хорошо. Онъ усѣлся передъ асфальтовой площадкой, гдѣ давно всѣмъ извѣстныя знаменитости исполняли свои специальные танцы. За сосѣднимъ столикомъ двое англичанъ разговаривали съ молодой женщиной, не понимавшей ихъ, что̀ вызывало ихъ громкій смѣхъ,

причемъ ихъ огромные усы страшно топорщились и они все болѣе и болѣе возвышали голосъ. Немного подальше Даніель замѣтилъ маленькую рыжеватую особу съ острымъ носикомъ и оживленнымъ лицомъ. Она смотрѣла на него въ упоръ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея. Но маленькая женщина продолжала пристально смотрѣть на него. Онъ отвернулъ голову. Черезъ секунду онъ почувствовалъ, что она подходитъ къ нему.

— Какъ поживаете, г-нъ Даніель Анри?

— Вы меня не узнаете? — продолжала она. — А я васъ отлично знаю и всю семью Вор̀о, и Луазоновъ, и Бераровъ. Вы меня видѣли, три года тому назадъ, на свадьбѣ Люси Бераръ, гдѣ я была demoiselle d'honneur... Я Клементина Бланшѐ...

Теперь Даніель вспомнилъ какую-то барышню Бланшѐ, которая пошла по дурной дорогѣ. Въ восемнадцать лѣтъ она убѣжала съ женатымъ человѣкомъ, который скоро ее бросилъ, чтобы вернуться на путь истины къ своей женѣ и двумъ очаровательнымъ дѣткамъ.

— Вы меня встрѣчаете здѣсь совершенно случайно,—сказала Бланшѐ Даніелю.—Я никогда здѣсь не бываю. Мнѣ противны всѣ эти женщины.

„Такъ зачѣмъ же она сюда попала? Чѣмъ она вообще занимается“?

— У меня есть другъ, живущій въ Бордо и пріѣзжающій сюда каждыя двѣ недѣли. Эту недѣлю я одна и, знаете, такъ ѣзжу, то туда, то сюда, чтобы немного развлечься. Но въ Парижѣ скучно теперь. Какимъ это образомъ вы еще до сихъ поръ въ городѣ?

— Моя семья у моря, а у меня здѣсь дѣла̀, — отвѣчалъ Даніель.

— Вотъ какъ!

Что̀ же такое, однако, она изъ себя представляла? Была она „такая“ или не „такая“? Въ послѣднемъ случаѣ приключеніе могло быть очень интересно. Но чѣмъ больше онъ говорилъ съ нею, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что она „такая“, и не могъ понять, зачѣмъ она его обманывала. Самъ онъ позволялъ себѣ мелкую ложь на каждомъ шагу, но искренно удивлялся этой лжи въ женщинѣ. Все-таки кончилось тѣмъ, что онъ проводилъ ее домой, и вернулся къ себѣ довольно поздно, оставивъ у Бланшѐ пятьдесятъ франковъ.

XIII.

Вечеръ, проведенный въ „Jardin de Paris“ и встрѣча съ Клементиной Бланшé, совершенно пресытили Даніеля. Удовольствія, доставляемыя свободой, больше не прельщали его. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера субботы, чтобы отправиться къ Saint-André.

Его все время смущали предчувствія какихъ-то неопредѣленныхъ несчастій. То ему казалось, что Берта свалилась съ утеса; то, что у маленькаго Жерара сдѣлалось воспаленіе кишокъ; то ему начинало представляться, что нормандскіе разбойники забрались въ дачу и всѣхъ перерѣзали. Иногда же ему приходило въ голову, что могло случиться несчастіе совсѣмъ другого рода. Эрихъ могъ явиться въ Saint-André, чтобы похитить Берту, къ великому скандалу всего населенія морского побережья. Воображаемымъ несчастіямъ не было конца, такъ какъ онъ всегда былъ увѣренъ, что человѣкъ, живущій слишкомъ спокойно, этимъ самымъ бросаетъ вызовъ судьбѣ.

Черезъ два дня онъ не выдержалъ. Письма Берты не успокаивали его. Ему все казалось, что она умалчивала о чемъ-то очень важномъ. Зачѣмъ, напримѣръ, она просто писала: „Жераръ здоровъ“ и, не передавала при этомъ никакихъ примѣровъ его преждевременнаго развитія, которымъ онъ такъ отличался.

Въ четвергъ Даніель спросилъ Ворð, не можетъ ли онъ, если это не представитъ особеннаго неудобства для банка, ускорить свой отъѣздъ на одинъ день.

— Уѣзжайте, уѣзжайте!—разрѣшилъ великодушно Ворð.— Можете даже отправиться сегодня вечеромъ вмѣстѣ съ вашими дядюшкой и тетушкой, которые ѣдутъ нанимать себѣ дачу въ Saint-André.

Даніель поспѣшилъ отправить телеграмму съ извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ, и по совѣту матери, не испытывая никакого голода, все-таки пообѣдалъ дома въ половинѣ шестого, чтобы избѣжать ѣды въ поѣздѣ.

На станціи онъ былъ смущенъ, не зная, какого класса брать билетъ, перваго или второго, и не рѣшаясь спросить у дяди Эмиля, въ какомъ классѣ онъ поѣдетъ. Наконецъ Провидѣніе смилостивилось надъ нимъ и показало ему кончикъ билета перваго класса, торчавшій изъ-за ленты на шляпѣ у дяди Эмиля. По всей вѣроятности, состояніе здоровья тети Амеліи заставило

дядю позволить себѣ такую роскошь. Онъ не былъ похожъ на скупого человѣка, но по существу былъ скупъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ на видъ щедрыхъ людей, которые охотно хватаются за свой кошелекъ, но обыкновенно ничего изъ него не вынимаютъ. Онъ никогда не дѣлалъ лишнихъ тратъ, а всѣ траты казались ему лишними.

Поѣздъ тронулся. Тетя Амелія, подперевъ худой рукой свою слабую голову, повидимому спала, хотя ни за что не призналась бы въ этомъ. Дядя Эмиль, сидя на краю дивана и слѣдя глазами за убѣгавшимъ пейзажемъ, вытащилъ платокъ и протиралъ крышку своихъ часовъ. А между тѣмъ поѣздъ, направлявшійся къ западу, казалось убѣгалъ съ испуганными свистками отъ надвигавшейся ночи.

Въ Руанѣ они увидали знакомыхъ. Альфредà вышелъ изъ вагона-ресторана, одѣтый по дорожному, въ мягкой шляпѣ. Жена его жила въ Saint-André. Разсказывали, что и его семейная жизнь не обошлась безъ приключеній. Но Даніель начиналъ понимать, что спокойный и счастливый видъ Альфредà не былъ вполнѣ притворнымъ. Вѣдь Даніель не повѣрилъ бы, еслибы три года тому назадъ ему сказали, какимъ существованіемъ онъ удовлетворится въ двадцать-четыре года. Но человѣку такъ свойственна потребность не быть несчастнымъ. Теперь онъ дрожалъ и за то испорченное счастье, которое ему оставалось.

Между тѣмъ приближался Saint-André. Теперь казалось, что путь былъ совершенъ очень быстро, но послѣдняя четверть часа въ поѣздѣ тянется всегда невыносимо долго. Кажется, что уже пріѣхали; шумъ и звуки, то смутные, то рѣзкіе, возвѣщаютъ приближеніе станціи, но оказывается, что это еще не послѣдняя, и поѣздъ проносится, не останавливаясь, мимо дрожащей платформы. Однако, дядя Эмиль снялъ свой дорожный картузъ, а тетя Амелія натягивала снятые во время путешествія башмаки на свои больныя ноги, которыя она обыкновенно называла: „мои бѣдныя ноги“.

Даніель не сразу увидалъ Берту среди толпы, наполнявшей станцію. Потомъ онъ замѣтилъ ея миленькое личико. Она имѣла видъ дѣвочки въ своей коротенькой кофточкѣ и беретѣ. Ее окружали мужчины всѣхъ возрастовъ. Это все были новые знакомые, друзья ея друзей. Ихъ всѣхъ представили Даніелю, и они всѣ привѣтствовали его очень любезно. Дядя и тетя отправились ночевать въ гостинницу, а маленькая свита проводила Даніеля и его жену до поворота къ ихъ дачѣ.

Когда они остались одни,—Даніель взялъ Берту подъ-руку. Она шла рядомъ съ нимъ своею легкой походкой.

— Въ общемъ, мнѣ очень весело,—говорила она. — Среди знакомыхъ есть довольно непріятные, какъ и вездѣ, зато другіе очень милы. Казино маленькій, но пляжъ великолѣпенъ. Еслибы я была увѣрена, что морскія купанья мнѣ не вредны, я заказала бы себѣ костюмъ... Я очень рада, что ты пріѣхалъ... Надѣюсь, ты устроишься такъ, чтобы не ѣздить больше въ Парижъ. Мнѣ иногда по вечерамъ нельзя бывать въ казино, потому что мама положительно отказывается выходить.

Даніель былъ очень доволенъ. Повидимому, она все-таки была къ нему привязана. Хотя онъ относился къ ней какъ къ товарищу, но безсознательно все время надѣялся, что она его опять полюбитъ.

— Я имѣю извѣстія,—сказала она.—Онъ пишетъ, что скучаетъ.

Итакъ, она все время думала объ Эрихѣ. Однако, это ей не мѣшало веселиться вдали отъ него, и это обстоятельство не особенно огорчило Даніеля.

Они подошли къ дачѣ. Въ саду было темно. Она взяла его за руку и повела съ видомъ величайшаго превосходства.

— Завтра ты увидишь, какой отсюда видъ.

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нею, чтобы поздороваться, къ г-жѣ Воро̀, которая еще не легла спать. Въ ночномъ туалетѣ она казалась меньше ростомъ, чѣмъ обыкновенно, и волосы у нея были ужасно жидкіе.

XIV.

На морскихъ купаньяхъ жизнь парижскихъ семействъ приближается къ образу жизни первобытныхъ людей. Всѣ друзья и знакомые живутъ вмѣстѣ и чувствуютъ себя подъ вѣчнымъ присмотромъ. Это заставляетъ мужей сознательнѣе относиться къ своему положенію главы семейства. Они чаще вспоминаютъ, что у нихъ есть жена, и лучше замѣчаютъ, что у нихъ есть дѣти.

Каждое утро, послѣ купанья, семьи возвращаются къ завтраку въ свой „вигвамъ“, нанятый на лѣто. Мужъ и жена идутъ рядомъ. Дѣти или отстаютъ, или бѣгутъ впереди, смотря по тому, увлекаетъ ли ихъ какая-нибудь игра, или подгоняетъ голодъ. Иногда отецъ несетъ рыбу. Онъ только-что купилъ ее у рыбака, но по его виду можно подумать, что онъ самъ поймалъ ее въ сѣти, чтобы накормить своихъ. Всѣ семьи идутъ вмѣстѣ

до перекрестка, гдѣ останавливаются на минуту, прежде чѣмъ разойтись въ разныя стороны. Время послѣ завтрака бываетъ посвящено играмъ, причемъ пожилые мужчины, съ просѣдью, стараются, чтобы ихъ приняли въ „лаунъ-теннисъ", а юноши всѣми правдами и неправдами пробираются за карточный столъ.

Даніель не игралъ въ „лаунъ-теннисъ", потому что былъ неловокъ, и не садился за карточные столы, потому что за картами ему было скучно и, кромѣ того, у него не было свободныхъ денегъ. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ зависѣлъ отъ своихъ родителей, которые снабжали его небольшими суммами по мѣрѣ надобности, но онъ никогда не смѣлъ требовать денегъ въ достаточномъ количествѣ. Его вѣчно мучили маленькіе долги. По большей части, это были счетà Берты, о которыхъ онъ не говорилъ у своихъ, чтобы избавить жену отъ упрековъ, хотя бы и не выраженныхъ словами.

На дачѣ Даніелю жилось гораздо спокойнѣе. Расходы по хозяйству лежали на г-жѣ Ворò, и Даніеля они не касались. Когда поднимался вопросъ о томъ, чтобы нанять экипажи и съѣздить осмотрѣть древніе памятники, то недостатокъ карманныхъ денегъ заставлялъ его рисоваться отвращеніемъ ко всякимъ экскурсіямъ и даже внушалъ ему цѣлыя теоріи презрительнаго отношенія къ готическому искусству.

Онъ рѣшилъ подчеркивать свою дикость, уходилъ въ уединенныя мѣста на морскомъ берегу съ очень серьезной и почтенной книгой въ рукахъ. Цѣлыми часами онъ лежалъ, растянувшись на пескѣ. Только необходимость писать ежедневно письма своимъ родителямъ мѣшала ему наслаждаться полнѣйшимъ бездѣльемъ. Кромѣ того, надо еще было присматривать за Бертой, занимавшейся флиртомъ. Онъ не думалъ, чтобы могло случиться что-нибудь серьезное и чтобы она обманула Эриха, но иногда онъ не былъ въ этомъ увѣренъ, а мысль, что Эрихъ будетъ обманутъ, въ свою очередь, доставляла ему удовольствіе не болѣе какъ на одну минуту. Главныя непріятности пришлись бы опять на долю его, Даніеля. Новая исторія потребовала бы новыхъ объясненій съ новымъ человѣкомъ. Лучше было не подвергать себя этому. И Даніель внезапно вскакивалъ съ прибрежныхъ камней и съ безпокойствомъ направлялся въ казино. Берта, которую онъ прерывалъ въ самомъ разгарѣ флирта, принимала его обыкновенно довольно неблагосклонно. Она вообще была не очень мила съ нимъ. Она не испытывала къ нему никакой благодарности за его доброту. Они часто спорили, какъ и прежде,

но ссоры ихъ продолжались недолго. Она слишкомъ мало о немъ думала, чтобы сердиться на него подолгу.

Даніель часто говорилъ съ Бертой объ Эрихѣ, испытывая потребность, чтобы его слушали съ интересомъ. Когда почтальонъ приносилъ ему письмо для жены, то онъ относилъ его въ ея комнату съ видомъ величайшей таинственности и скромности. Иногда, когда шелъ дождь, онъ изъ страха, чтобы она не простудилась, отправляясь на почту, самъ относилъ туда ея письма, не довѣряя ихъ прислугѣ. Онъ все это дѣлалъ, говоря себѣ, что онъ не мужъ Берты и что она не жена его, что она была для него нѣчто въ родѣ пансіонерки, жившей въ его домѣ, которую онъ кормилъ и о которой заботился съ большою нѣжностью. Все остальное не представляло особой важности.

Вначалѣ онъ думалъ, что никто не узнаетъ объ его исторіи. Онъ считалъ Эриха неспособнымъ проболтаться. Но у Берты, съ тѣхъ поръ, какъ она перестала бояться мужа, начались разговоры съ пріятельницами. Проѣздомъ въ Парижъ изъ Брюсселя, къ ней заѣхала ея лучшая подруга, Луиза Луазонъ, и, конечно, ей надо было все разсказать. Въ этомъ случаѣ потребность поболтать превращалась въ какую-то священную обязанность. А новымъ друзьямъ она выдавала свою тайну изъ честнаго желанія ничего не скрывать.

Вотъ о чемъ долженъ былъ бы подумать Даніель, лежа на берегу моря и бросая въ воду камешки. Къ счастью для него, онъ объ этомъ не думалъ. Иногда онъ мечталъ, что жена совершенно вернется къ нему. Онъ мечталъ объ этомъ на основаніи давно прочтенныхъ романовъ; въ нихъ жены добровольно возвращались къ своимъ мужьямъ, убѣдившись въ величіи ихъ души, о которомъ до тѣхъ поръ не подозрѣвали. Увлекаясь своимъ воображеніемъ, онъ забывалъ, что̀ такое онъ былъ самъ и что̀ такое была его жена. Въ общемъ, Даніель былъ философомъ. Это названіе даютъ себѣ обыкновенно люди, избѣгающіе думать.

XV.

Съ тѣхъ поръ какъ родители Даніеля переѣхали также на дачу въ Saint-André, онъ пересталъ ѣздить въ Парижъ, потому что это были бы только лишніе расходы. Въ банкѣ его присутствіе совсѣмъ не требовалось, такъ какъ тесть его былъ тамъ все время и появлялся на дачѣ только отъ субботы до понедѣльника. По субботамъ, вечеромъ, всѣ дачники имѣли обыкновеніе

отправляться на поѣздъ, встрѣчать отцовъ и мужей. При этомъ обыкновенно начинались безконечныя шутки и подсмѣиванія надъ тѣмъ нетерпѣніемъ, съ какимъ дамы поджидали своихъ мужей. Дамы считали долгомъ улыбаться, хотя нѣкоторыя изъ этихъ шутокъ не имѣли ни малѣйшаго основанія. Такъ, напримѣръ, всѣмъ было хорошо извѣстно, что супружество Капитановъ было весьма призрачнымъ и что г-жа Капитанъ предпочитала Анри Магулё своему мужу. Но и она очень мило улыбалась, прекрасно понимая, что надъ нею подсмѣиваются только изъ вѣжливости. Впрочемъ, о Капитанахъ и о другихъ имъ подобныхъ злословили безъ всякой злости. Просто пріятно было сознавать, что эти люди совсѣмъ не были такъ счастливы, какъ это можно было предположить, судя по ихъ богатству, окружавшей ихъ роскоши и дорогимъ удовольствіямъ, которыя они себѣ позволяли. Утѣшительно было думать, что, несмотря на ихъ богатство, имъ нечего было завидовать. Даніель вполнѣ сознавалъ, что въ этихъ пересудахъ было только легкое недоброжелательство, почти ласковое. Но еслибы онъ узналъ, что кто-нибудь разсказывалъ такія вещи о немъ, то нашелъ бы, что этотъ человѣкъ исполненъ черной злобы.

Однако, несмотря на болтливость Берты, ихъ исторія не была такъ распространена, какъ исторія Капитановъ. Общество, жившее въ Saint-André, не знало Эриха. Его только одинъ разъ видѣли на балу у Альфредà, когда онъ только-что познакомился съ Бертой.

Въ общемъ все устроивалось хорошо, но именно эта легкость и пугала Даніеля. Въ томъ, что обстоятельства складывались такъ удобно, было что-то угрожающее.

Однажды, въ субботу, когда Берта съ веселой компаніей уѣхала куда-то на экскурсію, Даніель, отъ нечего-дѣлать, отправился на шестичасовой поѣздъ. На станціи никого не было. Рѣдко кому удавалось поспѣть на этотъ поѣздъ. Но въ этотъ день съ нимъ явился Альфредà. Жена его не встрѣчала, потому что въ этотъ часъ всегда брала души.

— Ну, что̀, нѣтъ ли чего новенькаго?—спросилъ Альфредà у Даніеля.—Плажъ все еще на своемъ мѣстѣ?

При этомъ онъ передалъ свой чемоданъ служителю.

— Я—съ чемоданомъ,—пояснилъ онъ Даніелю,—потому что на этой недѣлѣ сдѣлалъ маленькое путешествіе въ Голландію. Возвращаясь, заѣхалъ въ Спа. Тамъ сезонъ въ высшей степени удачный. Народу—тьма, и все такой народъ, какого мнѣ еще не приходилось нигдѣ видѣть. Да, между прочимъ, я тамъ встрѣ-

тилъ вашего друга. Какъ это его зовутъ? Ну, вотъ того, котораго вы привозили ко мнѣ на вечеръ этой зимой?

Даніель сдѣлалъ видъ, что старается припомнить.

— Эрихъ Эсманъ?—проговорилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто случайно напалъ на это имя.

— Какъ вы сказали?

— Эрихъ Эсманъ.

— Вотъ именно... Онъ не скучаетъ, вашъ другъ. Онъ живетъ въ гостинницѣ „Рояль“ съ очаровательной женщиной...

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча.

— Совсѣмъ хорошенькая женщина,—продолжалъ Альфредà, —и видъ у нея очень порядочный. Это меня заинтересовало. Я справился у прислуги. Въ концѣ концовъ все узнается. Это— замужняя женщина, и, представьте себѣ, она уѣхала съ нимъ изъ Остенде, бросивъ мужа и дѣтей. Жена очень крупнаго инженера. Брюнетка, съ длинными рѣсницами и блестящими волосами. Очень изящная и, видно, безумно любитъ вашего друга... Впрочемъ, для того, чтобы такъ поступить, какъ она...

Даніель глядѣлъ прямо передъ собой, ничего не видя. Онъ былъ страшно разстроенъ. Онъ думалъ о томъ, что Берта это все узнаетъ. Альфредà, навѣрное, разскажетъ эту исторію на пляжѣ. Какъ удержать его отъ этого?—Даніель не могъ придумать, а между тѣмъ они уже подходили къ дорогѣ, которая вела на дачу Альфредà. Послѣдній остановился на поворотѣ и протянулъ руку молодому человѣку.

— Я васъ еще немного провожу,—сказалъ Даніель.

Альфредà, тронутый такою любезностью, сталъ очень мило освѣдомляться у него о его семействѣ. Даніель отвѣчалъ, почти не сознавая, что̀ говоритъ. Съ убитымъ видомъ сообщилъ онъ, что его мальчикъ совершенно здоровъ. Они подошли къ рѣшоткѣ дачи. Альфредà еще разъ протянулъ руку. Даніель вдругъ рѣшился.

— Я уже зналъ о томъ, что̀ вы мнѣ сейчасъ сообщили,— сказалъ онъ.—Ну, вотъ, относительно этого молодого человѣка, котораго вы видѣли въ Спа... Это очень важная тайна моего друга. Окажите мнѣ услугу,—не говорите объ этомъ никому. Рано или поздно это само узнается, но очень важно, чтобы это узналось какъ можно позднѣе.

Альфредà не удивился и не постарался понять. Ему было пріятно, что отъ него требовали торжественнаго обѣщанія.

— Даю вамъ честное слово,—сказалъ онъ съ достоинствомъ.

Разставшись съ нимъ, Даніель продолжалъ идти на удачу,

куда глаза глядятъ. Машинально срывалъ онъ вѣтки съ кустовъ, росшихъ вдоль дороги, всадилъ себѣ занозу въ большой палецъ и сталъ нервно стонать, какъ ребенокъ. Потомъ какъ будто успокаивался и начиналъ громко повторять безсмысленно-равнодушнымъ голосомъ:

— Ну вотъ, ну вотъ! Чтò же теперь дѣлать?

Вдругъ онъ весь вздрогнулъ отъ отчаянія при мысли, что Берта будетъ плакать. Ему же представлялось, какъ она будетъ плакать горькими слезами, какъ маленькая дѣвочка, а онъ не будетъ въ состояніи ее утѣшить. Она совсѣмъ не умѣла страдать. Онъ не думалъ о томъ, что онъ мужъ, и что было до послѣдней степени дико и смѣшно быть до такой степени несчастнымъ отъ того, что его жену покинулъ любовникъ. Онъ зналъ только одно: существу, которое ему было дорого, угрожало страданіе. Незримое несчастіе должно было обрушиться на Берту, и онъ не могъ этому помѣшать. Особенно тяжело ему было переносить свое горе въ одиночествѣ. Ахъ, еслибы возлѣ него былъ настоящій другъ,—какъ бы онъ ему все разсказалъ! Въ эту минуту ему было рѣшительно все равно, что онъ—обманутый мужъ, и онъ безъ всякаго стыда признался бы въ этомъ. Дѣло шло совсѣмъ о другомъ. Онъ не задавалъ себѣ вопроса, глубоко ли Берта любила Эриха и можно ли было съ уваженіемъ относиться къ ея страданіямъ. Онъ относился къ Бертѣ какъ къ балованному ребенку, а родителямъ балованнаго ребенка все равно, имѣетъ ли онъ или не имѣетъ основанія страдать. Они просто не могутъ выносить его горя.

Дорога вдругъ пошла лѣскомъ. Онъ услышалъ шумъ приближавшихся экипажей, и увидалъ компанію, возвращавшуюся съ прогулки. Въ одномъ изъ шарабановъ сидѣла Берта съ молодымъ Пастеленомъ. Всѣ привѣтствовали Даніеля радостными криками. Берта стала махать ему рукой съ непривычной любезностью и съ нѣкоторымъ смущеніемъ, потому что Даніель часто просилъ ее не ѣздить въ экипажахъ вдвоемъ съ молодыми людьми. Но какъ смѣшны казались ему теперь его предосторожности! Какъ хорошо, если бы у нея было что-нибудь серьезное съ молодымъ Пастеленомъ! Но ничего серьезнаго не было. Она думала объ одномъ Эрихѣ, и если позволяла молодымъ людямъ въ Saint-André ухаживать за собой, то только для развлеченія.

XVI.

Надо было сейчасъ же какъ можно скорѣе телеграфировать Эриху, чтобы потребовать у него свиданія и заставить объясниться. Только теперь началась настоящая измѣна. Даніель не сердился на него за первую, такъ какъ ее можно было извинить роковой страстью. Но гдѣ встрѣтиться съ Эрихомъ? Въ Спа? Даніель поѣхалъ бы въ Спа, но, можетъ быть, Эсмана уже тамъ не было. Даніель пошелъ на почту и отправилъ слѣдующую телеграмму: „Долженъ говорить съ вами. Телеграфируйте Saint-André до востребованія, гдѣ свиданіе".

Даніель почувствовалъ облегченіе, потому что сдѣлалъ все, что̀ возможно было сдѣлать въ эту минуту. Отвѣта не могло быть раньше, чѣмъ на другой день, и до слѣдующаго дня онъ былъ освобожденъ отъ необходимости придумывать, что̀ дѣлать.

Когда онъ вернулся домой, то ему стало казаться, что все еще устроится; но веселость Берты пробудила въ немъ затихшую муку. Она какъ разъ собиралась писать. Конечно, она писала Эриху, разсказывала ему о томъ, какъ провела день, и описывала свою веселую поѣздку.

Вечеромъ всѣ пошли въ казино. Супруги Анри, дядя Эмиль и тетя Амелія уже сидѣли на террасѣ, представляя собою по обыкновенію какъ бы враждебную группу. Г-жа Вордо и Берта остановились на минуту, чтобы поздороваться съ ними, проходя въ зрительную залу. Даніель, изъ чувства сыновняго долга, обыкновенно оставался, чтобы посидѣть съ ними нѣсколько минутъ. Но въ этотъ вечеръ онъ рѣшилъ, что снѣдавшая его забота освобождала его отъ этого долга. Онъ поцѣловалъ мать, ушелъ и усѣлся одинъ на плажѣ, въ то время какъ дядя и тетя, приходившіе неукоснительно каждый вечеръ въ казино, чтобы не пропадалъ даромъ абонементный билетъ, усиленно вдыхали въ себя морской воздухъ и не могли понять, какъ это другіе приплачивали еще лишнія деньги, чтобы имѣть право задыхаться въ театральной залѣ.

Между тѣмъ звуки отдаленной музыки, тишина вечера, а главнымъ образомъ невольная отсрочка мучительнаго объясненія подѣйствовали успокоительно на душу Даніеля. Онъ былъ увѣренъ, что слухъ о похожденіяхъ Эриха преувеличенъ. Не могло быть ничего важнаго, если онъ продолжалъ писать Бертѣ, и молодая женщина была, повидимому, вполнѣ счастлива его письмами.

Домой вернулись въ полночь. Ночью Даніель проснулся. Онъ посмотрѣлъ на Берту при свѣтѣ ночника. Она мирно спала. Вынужденное лежанье дѣйствовало на его нервы.

„Получилъ ли Эрихъ телеграмму? Придетъ ли на нее отвѣтъ?"—думалъ онъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и отдернулъ штору, чтобы посмотрѣть, не начало ли свѣтать. Берта украдкой привстала на кровати.

— Что̀ ты дѣлаешь?—спросила она.

— Ничего... Мнѣ не спится.

— Вотъ дуракъ! Только разбудилъ меня.

Она снова улеглась, разсерженная, и повернулась лицомъ къ стѣнкѣ. Даніелю стало грустно и обидно, какъ ребенку, котораго несправедливо выбранили. Но развѣ онъ могъ на нее сердиться?

Онъ тоже заснулъ и проснулся уже когда было свѣтло. Ему показалось, что въ домѣ задвигались, и на мгновеніе онъ испугался, что проспалъ. Онъ подошелъ къ камину. Маятникъ большихъ стоячихъ часовъ не двигался. Мѣдный Сократъ печально опирался на циферблатъ, на которомъ былъ показанъ какой-то невѣроятный часъ. Даніель тихонько прошелъ въ уборную. Онъ осторожно умылся, избѣгая, по возможности, ударять кувшиномъ о чашку, которыя никогда не звенятъ съ такимъ злорадствомъ, какъ въ ранній утренній часъ, среди молчанія спящаго дома. Умывшись, Даніель сошелъ въ нижній этажъ. Прислуга, конечно, еще спала. Было, вѣроятно, не болѣе пяти часовъ. Но нѣтъ, онъ услышалъ, какъ кухарка разводила огонь въ лѣниво растапливавшейся плитѣ. Даніель усѣлся въ столовой, весь предаваясь тоскливому настроенію человѣка, проснувшагося слишкомъ рано. Онъ мучительно зѣвнулъ, отперъ дверь и вышелъ въ садъ. Деревья перешептывались съ какимъ-то раздражающимъ шелестомъ. Въ свѣжести утра не было ничего пріятнаго, ни привѣтливаго. Ему хотѣлось идти на телеграфъ, но отдѣленіе еще не было отперто. Время тянулось безконечно долго. Чтобы чѣмъ-нибудь занять себя, онъ сталъ методически открывать и опять закрывать ставни. Въ гостиной была маленькая библіотека, принадлежавшая владѣльцу дачи и въ которой никто никогда не притрогивался. Онъ взялъ изъ нея книгу на удачу и раскрылъ ее по серединѣ. Какъ постороннее лицо, пробравшееся хитростью, очутился онъ въ самомъ центрѣ похожденій совершенно неизвѣстныхъ ему людей, и заинтересовался ими настолько, что прочелъ десять страницъ, послѣ чего ему показалось, что онъ читалъ очень долго. Ему не хотѣлось идти узнавать въ кухню, ко-

торый часъ. Кухарка навѣрное скажетъ:—„Какъ вы, баринъ, рано встали!“—Онъ терпѣть не могъ этихъ уже заранѣе извѣстныхъ замѣчаній. Услыхавъ, что кухарка идетъ въ гостиную, онъ вышелъ въ садъ, чтобы не встрѣчаться съ нею.

Въ эту минуту на церковныхъ часахъ пробило четверть. Часы, вѣроятно, знали, четверть котораго, но тщательно это скрыли. Вѣроятно, четверть восьмого. Теперь уже можно было отправиться на почту, открывавшуюся въ семь часовъ. На дорогѣ никого не было, кромѣ стараго крестьянина. Онъ двигался очень медленно и съ такимъ видомъ, какъ будто шелъ тамъ съ незапамятныхъ временъ.

Вдоль сосѣдней улицы звенѣлъ колокольчикъ молочника или продавца газетъ, одинъ изъ тѣхъ привычныхъ и незамѣтныхъ уличныхъ звуковъ, на которые обращаютъ вниманіе только тѣ, кто ими заинтересованъ.

Въ почтовомъ отдѣленіи ставни не были еще открыты; двѣ барышни и два почтальона собирались сортировать почту. Даніель прошелъ передъ дверью почтоваго отдѣленія, и рѣшивъ ждать до восьми часовъ, ничего не спрашивая, пошелъ и усѣлся въ маленькомъ кафѐ противъ почты. Служитель собирался мести полъ. Пахло табакомъ, накуреннымъ еще наканунѣ. Полъ былъ усыпанъ окурками папиросъ и древесными опилками. Валялись какія-то тряпки. Мраморные столы были составлены одинъ на другой. Даніель спросилъ себѣ черпаго кофе. Хозяинъ кафѐ, чтобы не отрывать служителя отъ работы, самъ принесъ стаканъ и на крошечномъ подносикѣ три кусочка сахара, изъ которыхъ одинъ былъ обломанъ. Недостававшій кусочекъ былъ, вѣроятно, отломанъ вчера какимъ-нибудь посѣтителемъ и послужилъ наградой умному ребенку или граціозной, ловкой собачкѣ. Даніель взялъ „Путеводитель“ и изучалъ пути сообщенія въ Спа. Онъ окончательно запутался въ международныхъ поѣздахъ, въ росписаніи часовъ, которые слѣдовало читать снизу вверхъ, въ примѣчаніяхъ, въ указаніяхъ скорыхъ поѣздовъ, но не принимавшихъ пассажировъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что уже восемь часовъ безъ двадцати минутъ, и что уже можно было справиться на почтѣ.

Онъ былъ очень взволнованъ, когда ему передали еще несложенную, только-что пришедшую телеграмму:

„Буду въ Парижѣ завтра четыре часа. Найдете цѣлый вечеръ въ гостинницѣ Броунъ, улица Виньонъ. Привѣтъ“.

Эрихъ не собирался скрываться. Ужъ и это одно было очень важно. Онъ остановился въ гостинницѣ, а не у себя,—это могло

служить дурнымъ признакомъ. Значитъ, онъ былъ „съ кѣмъ-нибудь“. Телеграмма была помѣчена вчерашнимъ числомъ. Завтра означало сегодня. Надо было ѣхать въ Парижъ съ поѣздомъ, отходившимъ въ двѣнадцать часовъ. Но Даніель вдругъ вспомнилъ, что у него было всего нѣсколько франковъ. Въ эту минуту недостатокъ денегъ былъ ему особенно непріятенъ. У родителей онъ спрашивать не могъ. Начались бы безконечные вопросы. Онъ подумалъ о своемъ тестѣ Ворд. Онъ никогда его не просилъ ни о чемъ, но теперь нужно было заставить себя это сдѣлать. Онъ вернулся домой очень быстро для того, чтобы не обдумывать своего поступка. Онъ нашелъ Ворд въ уборной, въ однихъ панталонахъ, съ мучительной гримасой человѣка, намыливающаго себѣ бороду.

— Мнѣ нужно сегодня же ѣхать въ Парижъ,—сказалъ Даніель.—Я долженъ повидаться съ однимъ профессоромъ, который мнѣ будетъ очень полезенъ для моихъ экзаменовъ и который сегодня вечеромъ уѣзжаетъ очень надолго... Я нахожусь немного въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ... Непредвидѣнные расходы... Не будете ли вы такъ добры... одолжить мнѣ двѣсти франковъ?

Ворд, ничего не говоря, протянулъ мокрую руку по направленію къ своей курткѣ и указалъ уголокъ бумажника, высовывавшійся изъ внутренняго кармана. Даніель взялъ бумажникъ.

— Подождите!—сказалъ банкиръ, вытирая пальцы. Потомъ самъ выбралъ изъ нѣсколькихъ сложенныхъ билетовъ два билета и протянулъ ихъ Даніелю.

— Благодарю васъ,—проговорилъ смущенно Даніель.

Ворд наклонилъ голову. Даніель поспѣшно вышелъ. Деньги всегда являлись у него въ то время, когда онъ былъ слишкомъ огорченъ, чтобы радоваться имъ. Но все таки Даніель почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Теперь оставалась еще одна непосредственная забота. Ворд, никогда особенно не занимавшійся словами и дѣяніями своего зятя, не выразилъ никакого удивленія по поводу его отъѣзда въ воскресенье въ Парижъ. Берту тоже онъ не могъ озаботить,—это было совсѣмъ не въ ея характерѣ. Но онъ зналъ, что родители его будутъ крайне удивлены. Тѣмъ хуже! Въ такой день Даніель освобождалъ себя отъ нескромной заботливости, свойственной всѣмъ родителямъ. Онъ собирался объяснить свою поѣздку какимъ-нибудь легкомысленнымъ капризомъ, который, конечно, долженъ былъ разсердить его мать, но лучше было разсердить ее, чѣмъ обезпокоить.

Даніель надѣялся быть однимъ въ поѣздѣ, такъ какъ кому

же могла придти охота ѣхать въ Парижъ въ августовское воскресное утро! Но на свѣтѣ достаточно людей, чтобы нѣсколькимъ лицамъ заразъ въ одинъ и тотъ же день пришла въ голову одна и та же странная мысль. Даніель не нашелъ ни одного пустого отдѣленія. Онъ занялъ мѣсто противъ толстаго господина съ застегнутымъ воротомъ и, повидимому, страдавшаго астмой. Казалось, вся жизнь его проходила въ томъ, что онъ потѣлъ, обтиралъ платкомъ голову, толстую шею и вокругъ ушей, меланхолично осматривалъ потомъ свой платокъ и, испустивъ шумный вздохъ, устремлялъ свой взоръ на пейзажъ съ самымъ удрученнымъ видомъ.

Даніель, которому плохо спалось ночью, скоро задремалъ, и проснулся только когда поѣздъ уже проходилъ мимо строеній Аньера. Еще не вполнѣ очнувшись отъ сна и плохо соображая, испуганно смотрѣлъ онъ на неподвижную Сену, на безконечные склады машинъ и длинные ряды вагоновъ.

Даніелю попался очень хорошій извозчикъ. Быстрая ѣзда и звонкій стукъ копытъ лошадей по мостовой поддерживали смѣлое рѣшеніе Даніеля. Въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ себя способнымъ поступить энергично. Онъ собирался защищать Берту. Сознаніе опредѣленной цѣли придавало ему непривычную увѣренность въ себѣ.

Первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ желаніе безстрашно напасть на человѣка и возвысить голосъ. Онъ собирался сказать ему:—„Вы отняли у меня жену, и я не разсердился на васъ за это. Я простилъ вамъ, потому что вы сдѣлали мнѣ зло не по злобѣ, а по слабости. Я простилъ вамъ еще и потому, что никогда не могъ противиться моей женѣ, такъ какъ не выношу, когда она взволнована или огорчена. Но теперь вы ее бросаете, вы ее приводите въ отчаяніе, вы ее мучите, и я готовъ на все, чтобы защитить Берту. Я васъ убью, если это понадобится, и со мной могутъ дѣлать, что̀ хотятъ. Теперь мнѣ все равно, мнѣ нечего терять въ жизни".

Между тѣмъ экипажъ остановился передъ гостинницей „Броунъ". Даніель спросилъ Эриха Эсмана. Было видно, что его ждали: его тотчасъ же провели въ первый этажъ. Нумерная горничная ввела его въ гостиную, обитую свѣтлымъ кретономъ. Въ эту минуту въ ней была только какая-то молодая женщина въ платьѣ tailleur. Она писала, сидя за маленькимъ столикомъ на одной ножкѣ. Она молча встала со стула и направилась къ двери, опустивъ глаза. Прежде чѣмъ выйти, она только на одно мгновеніе подняла рѣсницы, но Даніель успѣлъ замѣтить въ ея глазахъ вы-

раженіе страха. Послѣ этого онъ понялъ, что все не можетъ такъ легко обойтись, какъ ему казалось. Дѣло шло не объ одной Бертѣ и не о тѣхъ рѣшеніяхъ, къ которымъ могли придти двое разумныхъ и добрыхъ людей. Существовала еще эта женщина. Теперь отъ ихъ рѣшенія зависѣла и ея участь. И Даніель почувствовалъ, какъ смѣлость его начинаетъ ослабѣвать.

Конечно, въ настоящемъ случаѣ мученія его жены были ему болѣе невыносимы и ужасны, чѣмъ мученія этой неизвѣстной женщины. Вѣроятно, онъ принесъ бы ея существованіе въ жертву счастью Берты, если бы это отъ него зависѣло. Но все-таки мысль, что предстояло такою цѣною заплатить за успѣхъ своего предпріятія, уменьшала его энергію и желаніе успѣха. И когда Эрихъ появился въ дверяхъ, изъ которыхъ только-что вышла молодая женщина, то Даніель забылъ все, что̀ собирался ему сказать. Эрихъ протянулъ ему руку, и Даніель прикоснулся къ ней своей рукой. Эрихъ сѣлъ противъ него на маленькій диванъ.

— Вы только-что пріѣхали?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ Даніель,—въ шесть, пять.

— Я въ три сорокъ пріѣхалъ изъ Спа.

— Вы вчера рано получили мою телеграмму? — спросилъ Даніель.

— Я какъ разъ въ это время укладывался, чтобы ѣхать въ Парижъ.

— И, можетъ быть, поняли, о чемъ я хотѣлъ говорить съ вами?

— Я понялъ, что вамъ уже извѣстно, — сказалъ Эрихъ, и что-то сжало ему горло.

Послѣдовало молчаніе. Эрихъ началъ снова, болѣе свободнымъ и непринужденнымъ тономъ:

— И признаюсь вамъ, что почувствовалъ большое облегченіе. Уже три недѣли я писалъ... къ вамъ... лживыя письма. Я не могъ рѣшиться сказать правду, написать ее издали трусливо, не зная, не видя, что̀ отъ этого произойдетъ... Что̀ же, теперь уже что-нибудь извѣстно?

— Она ничего не знаетъ,—сказалъ Даніель.

Въ лицѣ Эриха появилась страдальческая судорога.

— И я не знаю, что̀ будетъ, когда она узнаетъ,—продолжалъ Даніель. — Она просто умретъ, — прибавилъ онъ глухимъ голосомъ.—Она не выноситъ страданія.

Эрихъ вздохнулъ. Все его лицо передернуло. Нельзя было сомнѣваться въ его искренности.

Съ минуту они молчали и сидѣли, понуривъ голову. Потомъ Даніель сказалъ Эриху:

— Вы должны вернуться.

Онъ проговорилъ это почти смиренно, съ мольбой. Онъ высказалъ бы, конечно, болѣе достоинства, если бы сталъ говорить въ повелительномъ тонѣ; но въ повелительномъ тонѣ всегда есть что-то неестественное, а все неестественное въ эту минуту было чуждо Даніелю. Онъ не хотѣлъ импонировать и ясно понималъ, что самое большое достоинство состояло въ томъ, чтобы быть искреннимъ. Эрихъ ничего не отвѣчалъ, и Даніель повторилъ:

— Вы должны вернуться.

Эрихъ печально пожалъ плечами и проговорилъ удрученнымъ тономъ:

— Это невозможно. Какъ вы хотите?—И онъ указалъ взглядомъ на сосѣднюю комнату, куда вышла молодая женщина.

Этого-то и боялся Даніель. Вотъ въ чемъ состояло неодолимое препятствіе. Но ему не хотѣлось сразу уступать, хотѣлось еще попробовать бороться.

— Не нужно было этого дѣлать,—сказалъ онъ слабо.—Вы не были свободны.

Эрихъ покачалъ головой.

— Я самъ сознаю, что не нужно было. Но шесть мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ также не нужно было васъ обманывать.

Онъ провелъ рукой по лицу и проговорилъ съ усиліемъ:

— Эта молодая женщина уѣхала со мной. Она бросила своего мужа и дѣтей. Я не могу ее оставить.

Онъ не сказалъ того, что̀ было бы слишкомъ грубо выразить словами и что̀ Даніель отлично понималъ. Берта продолжала жить въ домѣ своего мужа; онъ оставилъ ее у себя. Ея положеніе въ обществѣ не было погублено, и въ матеріальномъ отношеніи ея судьба внушала менѣе сочувствія.

— Я отлично знаю, что не слѣдовало такъ поступать,— повторилъ Эрихъ какимъ-то далекимъ, измѣнившимся голосомъ.— Если бы вы знали, до какой степени я колебался. Впрочемъ, тогда, когда дѣло шло о васъ и о вашей женѣ, я колебался еще больше. Но всегда подъ конецъ становишься легкомысленнымъ и дурнымъ, даже не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Вотъ только теперь, видя васъ передъ собою такимъ несчастнымъ и думая о вашей женѣ, я начинаю понимать, до какой степени я виноватъ. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда я сталъ у васъ бывать, и увидалъ, что начинаю влюбляться въ вашу жену, мнѣ слѣдовали уйти. И я рѣшилъ, что уйду. Я пробовалъ не при-

ходить нѣсколько дней. Но дурной поступокъ—все-таки дѣйствіе, а добродѣтель—бездѣйствіе. Надо долго обуздывать себя, чтобы оставаться въ бездѣйствіи, и достаточно одной злой минуты, чтобы начать дѣйствовать. А искушенія такъ и осаждаютъ. Кончается тѣмъ, что уступаешь... И тогда, чтобы избѣжать упрековъ совѣсти, стараешься забыть о собственной измѣнѣ и—забываешь.

Даніель слушалъ его, но думалъ только объ одномъ, о томъ, что Эрихъ навѣрное не вернется къ Бертѣ. Въ эту минуту онъ испытывалъ острое чувство удовлетворенія, свойственное людямъ, когда они встрѣчаютъ въ чемъ-нибудь полную и ясно сознаваемую невозможность. Онъ всталъ и направился къ двери. Ему не хотѣлось пожать Эриху руку, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось имѣть видъ человѣка враждебно настроеннаго, потому что это было бы совершенно неискренно.

— Прощайте,—проговорилъ онъ почти тихо, не глядя на Эриха, пріотворилъ дверь настолько, чтобы можно было пройти, вышелъ и затворилъ дверь за собою. Онъ вышелъ изъ гостинницы и сталъ думать, что ему нужно вернуться въ Saint-André со скорымъ вечернимъ поѣздомъ. Онъ пріѣдетъ на разсвѣтѣ и будетъ говорить съ Бертой уже утромъ. Еще одну ночь она проведетъ спокойно. Но какая ночь предстояла ему?

Онъ сѣлъ на скамейку и увидалъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ какой-то оборванецъ, грязный, въ разстегнутой рубашкѣ. Навѣрное ему нечего было ѣсть, но въ эту минуту Даніель позавидовалъ ему. Чтобы довести до конца свою зависть, онъ сунулъ ему въ руку монету въ пять франковъ, быстро всталъ и ушелъ, не оглядываясь.

Онъ зашелъ въ ресторанъ и чего-то поѣлъ. Обыкновенно онъ очень боялся ѣсть неудобоваримыя вещи, но теперь ему было все равно. Однако, послѣ обѣда онъ все-таки пожалѣлъ, что съѣлъ салада и выпилъ бутылку бѣлаго вина. Глупо было разстроивать свое здоровье именно теперь, когда онъ наиболѣе нуждался въ силахъ.

Въ девять часовъ онъ сѣлъ на поѣздъ. Вагонъ перваго класса былъ пустъ, но можно было задохнуться отъ жары и пыли. Даніель растянулся на подушкахъ, отъ которыхъ пахло каменнымъ углемъ, и погрузился въ смутную дремоту. Поѣздъ часто останавливался и долго не уходилъ со станцій. Наконецъ онъ глубоко заснулъ. Когда онъ проснулся, то ночь уже прошла. Завтра превратилось въ сегодня. Насталъ мучительный для него день.

Придя къ себѣ на дачу, онъ тихонько отворилъ калитку, придержавъ звонокъ, чтобы онъ не зазвонилъ. Въ саду онъ про-

шелъ по мокрой травѣ, чтобы нѐ было слышно его шаговъ по гравію, снялъ башмаки на лѣстницѣ и тихонько раздѣлся въ уборной.

— А, это ты,—проговорила Берта.—Я бы хотѣла знать, зачѣмъ это ты ѣздилъ въ Парижъ?

Потомъ она повернулась къ нему спиной и опять заснула.

Не смыкая глазъ, Даніель переживалъ томительные часы. Наконецъ въ домѣ зашевелились. Потомъ онъ услышалъ крикъ ребенка. Онъ почти никогда не думалъ о своемъ сынѣ. Иногда онъ игралъ съ нимъ, безпокоился, когда у него болѣло горло, но не было никакой живой и близкой нити, которая связывала бы его съ этимъ ребенкомъ такъ, какъ вотъ съ Бертой, служившей для него источникомъ столькихъ мученій.

Онъ услышалъ, какъ пробило восемь часовъ. Ровно въ половинѣ девятаго горничная приносила Бертѣ кофе и подковку. Покончивъ со всѣмъ этимъ, она обратилась къ Даніелю.

— Я бы очень хотѣла знать, зачѣмъ это ты ѣздилъ въ Парижъ? Ты мнѣ можешь это сказать?

У него было рѣшено отложить разговоръ до завтрака, но теперь случай самъ представлялся ему, и онъ отвѣтилъ:

— Я видѣлъ Эриха.

Она приблизила къ нему свое лицо, широко раскрывъ глаза.

— Что̀ ты говоришь?

— Я видѣлъ Эриха. Онъ мнѣ телеграфировалъ, что пріѣхалъ въ Парижъ... Ему хотѣлось поговорить со мной.

Она слушала его, не говоря ни слова и все еще широко раскрывъ глаза.

— Да,—продолжалъ онъ.—Ему хотѣлось со мной поговорить... Онъ не совсѣмъ здоровъ... хотя нѣтъ ничего серьезнаго. Ему необходимо попутешествовать, побыть одному. Онъ собирается уѣхать на два мѣсяца въ Швейцарію, но не хотѣлъ тебѣ объ этомъ писать, чтобы не безпокоить тебя. Кромѣ того, онъ боялся, что ты станешь отговаривать его отъ путешествія, которое совершенно необходимо.

Она все еще смотрѣла на него, и въ эту минуту была очень похожа на маленькую дѣвочку; волосы у нея были заплетены на ночь въ косу.

— Что̀ же это такое? — проговорила она боязливымъ голосомъ.

Теперь въ ея глазахъ появилось умоляющее выраженіе, какъ будто ее собирались бить.

Даніель не рѣшился ничего прибавить и только повторилъ:

— Я тебѣ говорю, что̀ онъ сказалъ.

Сначала она какъ будто повѣрила ему, и это было непріятно Даніелю. Онъ предпочелъ бы, чтобъ она начала его разспрашивать, стала задавать одинъ за другимъ безпокойные вопросы, а чтобы ему приходилось только отвѣчать и говорить: „да“, вмѣсто всѣхъ нехорошихъ, жестокихъ словъ.

— Понимаешь ли ты тутъ что-нибудь?—проговорила она.— Отчего же онъ мнѣ ничего не сказалъ о своихъ намѣреніяхъ? Мнѣ непріятно, что онъ уѣзжаетъ, но если это нужно для его здоровья, то я ничего бы не возразила. И по крайней мѣрѣ я повидала бы его передъ отъѣздомъ... Это удивительно. Но нѣтъ ли тутъ чего-нибудь другого?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, нарочно не слишкомъ рѣшительно, чтобы не успокоить ее и получить возможность дальнѣйшихъ объясненій.

— Есть что-нибудь другое?—слабо спросила она.

Даніель ничего не отвѣтилъ.

— Онъ любитъ другую?—проговорила она.—Ахъ!—продолжала она, не плача, но безконечно грустнымъ голосомъ:—онъ любитъ другую!

Въ эту минуту она испытала такое острое страданіе, что ей даже въ голову не пришло спросить, кто была эта другая.

Здѣсь оканчивается не жизнь, а романъ Даніеля Анри и Берты Воро̀. Печаль Берты будетъ постепенно уменьшаться, и это уменьшеніе не будетъ ускорено никакимъ счастливымъ или трагическимъ происшествіемъ, помѣщаемымъ обыкновенно драматургомъ, за недостаткомъ времени, въ послѣднемъ актѣ. Въ дѣйствительности жизнь гораздо медленнѣе распредѣляетъ всѣ сердечныя дѣла. По большей части все устроивается, не устроиваясь никакъ.

Воспоминаніе объ Эрихѣ Эсманѣ изгладится изъ души Берты гораздо скорѣе, чѣмъ изъ души Даніеля. У Берты, какъ у большинства молодыхъ женщинъ, воспоминанія хранятся очень плохо. Она заставила Даніеля много страдать, но она совсѣмъ не была жестока. У нея только не было ни памяти, ни воображенія, и, благодаря этому недостатку, она сдѣлала своего мужа очень несчастнымъ, сама не сознавая этого.

Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, натура которыхъ тре-

буетъ постоянной влюбленности. Чтобы повліять на нее и вызвать къ жизни то хорошее, чтò дремало въ ея душѣ, нужно было любить ее съ бòльшимъ искусствомъ и настойчивостью. Подобная задача была совершенно не подъ силу такому неопытному и неловкому, а главное лѣнивому человѣку, какимъ былъ Даніель.

П—на С—ва.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ
ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II

Окончаніе.

II *).

Сенакъ де-Мельянъ.

Въ октябрѣ 1790 года имп. Екатерина писала слѣдующее письмо (приводимъ его въ переводѣ съ французскаго) къ русскому резиденту въ Венеціи, А. С. Мордвинову:

„Я получила недавно письмо изъ Ахена отъ Сенака де-Мельяна, которое обратило на себя мое вниманіе. Къ этому письму былъ приложенъ планъ изданія записокъ изъ жизни маршала герцога Ришельё, какъ матеріалъ для исторіи XVIII столѣтія, и повѣсть или нравственный романъ „Двоюродные братья“; это послѣднее есть прекрасное произведеніе, свидѣтельствующее объ умѣ автора и глубокомъ знаніи человѣческаго сердца. Изъ этого плана я увидѣла, что г. де-Мельянъ состоитъ почетнымъ рекетмейстеромъ, управляющимъ провинціями Гэно и Камбрези и т. д. По справкамъ, которыя я могла о немъ навести, онъ пользуется безукоризненной репутаціей честнаго, умнаго и достойнаго человѣка, карьерѣ котораго помѣшали смуты, волнующія его отечество. Въ своемъ письмѣ г. де-Мельянъ говоритъ, что онъ въ продолженіе болѣе 20-ти лѣтъ управлялъ многими большими провинціями и что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, кото-

*) См. выше: сентябрь, стр. 170.

рыхъ революція принудила покинуть Францію. Онъ мнѣ предлагаетъ между прочимъ написать исторію Россіи XVIII ст.[1]) Но чтобы я могла согласиться съ его намѣреніемъ, необходимо, чтобы я была увѣрена въ томъ, что тотъ, кто возьметъ на себя этотъ трудъ, отказался отъ тѣхъ предразсудковъ, которыми страдало большинство иностранцевъ по отношенію къ Россіи; напримѣръ: они видятъ въ черномъ свѣтѣ все, что̀ ея касается, нимало не принимая въ разсчетъ того, что̀ происходило въ то же самое время въ другихъ странахъ; утверждаютъ, что въ Россіи до Петра I не было ни законовъ, ни администраціи; тогда какъ въ дѣйствительности было совершенно наоборотъ. Правда, что безпорядки, слѣдовавшіе за смертью царя Ивана Васильевича, отодвинули Россію на 40—50 лѣтъ назадъ, но до этого времени она шла наравнѣ со всею Европою. Тѣ усилія, которыя она сдѣлала для объединенія и освобожденія своихъ княжествъ отъ татарскаго ига—эпоха въ ея исторіи совершенно неизвѣстная и непонятая.

„До этого нашествія великіе князья принимали самое видное участіе въ дѣлахъ Европы и состояли въ союзѣ и въ родствѣ со всѣми царствующими домами нашего полушарія, и нѣсколько разъ они способствовали сохраненію того или другого короля или императора, интересы которыхъ они брали на себя. Что же касается до частной исторіи моего царствованія, то я думаю, что исторіи монарховъ, написанныя при ихъ жизни, то же самое, что монументы, которые имъ ставятъ прежде ихъ смерти: неизвѣстно—будетъ ли это украшеніе города, или заслуженный памятникъ: я, конечно, могла бы доставить самыя правдивыя записки, основанныя на фактахъ, но необходимо, какъ для той, такъ и для другой работы, чтобы авторъ или редакторъ подчинился тѣмъ стѣснительнымъ правиламъ, которымъ необходимо будетъ слѣдовать; потому что исторія, или записки, могущія служить матеріаломъ исторіи Россіи, предпринятой съ моего одобренія и согласія, могутъ принять только такую внѣшнюю форму и направленіе, которыя бы проистекали изъ наибольшей славы государства и служили бы потомству какъ предметъ соревнованія и поученія. Всякая другая, менѣе блестящая форма была бы ему вредна, потому что мы живемъ въ такое время,

[1]) Въ „Сборникѣ“ Имп. Р. Историч. Общества (т. 42, стр. 114) къ этому замѣчено—вѣроятно на основаніи самаго письма де-Мельяна: „Собственно, онъ предлагалъ писать внутреннюю исторію царствованія Екатерины II, съ тѣмъ, чтобы сама она, по примѣру Фридриха II, изложила внѣшнія событія, и представлялъ, что такимъ образомъ явится твореніе, которому подобнаго еще не бывало ни въ одной литературѣ“.

когда, далеко не умаляя блеска дѣяній и событій, слѣдуетъ скорѣе поддерживать умы, ободрять ихъ и направлять къ тому возвышенному настроенію, которое приводитъ къ великимъ дѣламъ; вѣдь, конечно, не склонность къ абсолютному равенству состояній, производящему анархію, которая обуреваетъ въ настоящее время Францію, произведетъ эти великія дѣла. По моимъ свѣдѣніямъ, г. де-Мельянъ вовсе не зараженъ той системой, которая господствуетъ въ настоящее время во Франціи. Не надо ошибаться насчетъ значенія моихъ словъ: я подразумѣваю подъ ними не лесть, а справедливую оцѣнку фактовъ, одобреніе и неодобреніе которыхъ возвышаетъ и понижаетъ настроеніе умовъ. Такъ какъ г. де-Мельянъ долженъ отправиться изъ Ахена въ Венецію, куда онъ проситъ меня прислать ему отвѣтъ, за которымъ онъ обратится къ вамъ, и проситъ меня сохранить въ тайнѣ его предложенія, вы завяжете съ нимъ знакомство, постараетесь узнать поближе образъ его мыслей о вещахъ и событіяхъ, и каковы на самомъ дѣлѣ могутъ быть его намѣренія. Хочетъ ли онъ пріѣхать сюда? Въ какомъ званіи? Онъ будетъ принятъ какъ иностранецъ, который отличается умомъ и званіемъ, которое онъ имѣлъ. Достаточно ли умъ его воспріимчивъ къ тому, чтобы направлять его въ такой важной работѣ, какъ та, которую онъ хочетъ предпринять? Вы ему скажете, что я получила его письмо, его книгу, которая мнѣ очень понравилась, и объявленіе объ изданіи мемуаровъ, служащихъ для исторіи герцога Ришельё, что я знаю нѣсколько другихъ его трудовъ, между прочимъ Исторію Анны Гонзаго, принцессы Палатинской; что я очень тронута уваженіемъ, которое онъ мнѣ свидѣтельствуетъ, и что уваженіе честныхъ людей было всегда тою цѣлью, къ которой я всегда стремилась; что я боюсь, что то, что̀ я установила у себя съ знаніемъ дѣла, не ввело бы у нихъ въ заблужденіе тѣхъ, которые хотѣли бы идти по тому же пути; а г. де-Мельянъ хорошо понялъ духъ моихъ установленій; что вы имѣете приказаніе познакомиться съ нимъ, чтобы лучше узнать его намѣренія и быть ему полезнымъ, и чтобы мнѣ объ этомъ донести; что онъ самъ можетъ достаточно судить о всѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено составленіе исторіи страны, которой даже языкъ ему неизвѣстенъ, обычаи которой не всегда были сходны съ обычаями другихъ странъ, хотя эти обычаи, въ сущности, нисколько не страннѣе обычаевъ другихъ народовъ; что эта страна—единственно способная пополнить пробѣлъ въ исторіи другихъ народовъ; что представленная иначе—эта исторія не достигнетъ своей цѣли. Вы постараетесь еще узнать, по какой дорогѣ онъ по-

ѣдетъ сюда, чтобы можно было выслать рекомендаціи, которыя онъ проситъ. На страницѣ 37 его нравственнаго романа я нашла слѣдующую мысль, очень свѣтлую и поражающую: „власть,— говоритъ онъ, — подобна вину, которое побуждаетъ къ обнаруженію характера“. Та, которая была поручена де-Мельяну, обнаружила въ немъ характеръ, благодаря которому онъ пріобрѣлъ незапятнанное имя, извѣстное даже въ Россіи. Бѣдственно безъ сомнѣнія для Франціи, что ея политическое устройство лишаетъ ее достойныхъ людей; до сихъ поръ она блистала той славой, которой она озарялась въ царствованіе Людовика XIV.

„Другіе принципы приведутъ, конечно, къ другому положенію дѣлъ, которое теперь нельзя предвидѣть; но если настоящая анархія Франціи сообщится другимъ государствамъ Европы, то не трудно предсказать, что отъ этого выиграютъ только турки, и что всякое завоеваніе этимъ самымъ имъ будетъ облегчено. Вы можете сообщить ему содержаніе этого письма, если вы найдете это нужнымъ. Прощайте, будьте здоровы“.

Къ этому письму принадлежитъ слѣдующая черновая замѣтка Екатерины, также по-французски, по поводу той книги, которая упомянута въ письмѣ къ Мордвинову:

„Хотя эти мемуары очень плохо написаны, въ нихъ, все-таки, виденъ характеръ Ришельё, которому нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ дѣятельности, ни въ способностяхъ, необходимыхъ для успѣха, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ. Взятіе Магона, договоръ въ Клостеръ-Севенѣ и пушка, выставленная противъ густой колонны при Фонтенэ, всегда будутъ дѣлать честь какъ его разсудку, такъ и его таланту“.

Письмо Екатерины II, въ подлинникѣ, въ первый разъ напечатано было въ 1866, кн. М. А. Оболенскимъ [1]); но еще раньше русскій переводъ письма помѣщенъ былъ въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины II [2]), куда оно взято изъ какого-нибудь стараго собранія писемъ Екатерины II; затѣмъ оно вошло вмѣстѣ съ другими письмами ея по тому же вопросу въ „Сборникъ“ Имп. Русск. Историческаго Общества [3]).

---

[1]) Въ статьѣ о Сенакѣ де-Мельянѣ въ „Р. Архивѣ“ 1866 (стр. 421—459), вмѣстѣ съ нѣсколькими другими письмами императрицы, Мордвинова и Сенака де-Мельяна, взятыми по его отмѣткѣ „изъ дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Венеціею. III. Venise 1790, св. 10“.

[2]) Сочиненія имп. Екатерины II, т. III. Спб. 1850, стр. 413—418.

[3]) Томъ XLII. Спб 1885 (или „Бумаги имп. Екатерины II“, т. V, подъ редакціей Я. К. Грота. Здѣсь не повторенъ старый переводъ Смирдинскаго изданія и данъ новый переводъ, но не весьма точный; мы сдѣлали въ немъ нѣкоторыя измѣненія.

Затѣмъ императрица писала во второй разъ Мордвинову отъ 16 декабря того же года:

„Господинъ Мордвиновъ. 13 декабря ст. ст. я получила ваше письмо отъ 23 ноября (3 декабря) вмѣстѣ съ письмомъ г. Сенака де-Мельяна. Такъ какъ онъ согласенъ съ моими принципами, то можно предположить, что соглашеніе съ нимъ не представитъ особенной трудности; я не отвѣчаю на его письмо, потому что оно увлекло бы меня въ разсужденія о неизслѣдованной еще русской исторіи,—предметъ богатый и, можетъ быть, дорогой для моего ума; я предоставляю себѣ говорить съ нимъ объ этомъ, если онъ настаиваетъ на своемъ рѣшеніи предпринять задуманное имъ путешествіе въ Россію; вы ему вручите 2.000 червонцевъ, которые я велѣла вамъ выслать на расходы его путешествія въ Россію; работа, которую онъ предприметъ, дастъ ему право на почетное званіе, съ соотвѣтствующимъ окладомъ, если онъ того желаетъ; впрочемъ онъ здѣсь нисколько не будетъ стѣсненъ и ему будетъ предоставлена полная свобода, по его вкусу, заниматься и изучать исторію Россіи, изложенную такъ, какъ я ее понимаю или желаю, чтобы она была понимаема. Прощайте, будьте здоровы".

Письмо Мордвинова, на которое отвѣчаетъ здѣсь императрица, повидимому, не сохранилось,—по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ матеріалахъ князя Оболенскаго,—но сохранился отвѣтъ Мордвинова на это второе письмо императрицы. Письмо отъ 16-го декабря, по старому стилю, дошло до него 20 (31) января 1791. Мордвиновъ писалъ,—отъ 5 (16) февраля 1791,—что онъ не замедлилъ бы прислать свое донесеніе относительно Сенака де-Мельяна, еслибъ не долженъ былъ дожидаться его возвращенія изъ Рима, куда онъ отправился мѣсяца за два передъ тѣмъ. Его ждали въ Венеціи съ минуты на минуту, но изъ послѣдняго его письма Мордвиновъ узналъ, что небольшое нездоровье удерживаетъ де-Мельяна въ Римѣ, и Мордвиновъ немедленно сообщилъ ему отвѣтъ императрицы, который, вѣроятно, заставитъ его поспѣшить возвращеніемъ въ Венецію. „Какъ только онъ будетъ здѣсь,—что̀, я надѣюсь, скоро наступитъ,—я не премину предложить ему, чтобъ онъ ускорилъ своимъ путешествіемъ для принятія повелѣній вашего императорскаго величества, и вручу ему двѣ тысячи дукатовъ, назначенныхъ ему на сей предметъ".

Черезъ нѣсколько дней, отъ 16 (27) февраля 1791, Мордвиновъ снова извѣщалъ, что Сенакъ де-Мельянъ, получивъ въ Римѣ его письмо, тотчасъ отправился въ Венецію, куда пріѣхалъ на дняхъ, твердо рѣшившись отправиться немедленно прямо въ

Петербургъ, но вчера онъ узналъ отъ французскаго посланника въ Венеціи, что послѣдній получаетъ увольненіе, и что французское министерство намѣрено назначить де-Мельяна или на его мѣсто въ Венецію, или въ Римъ, гдѣ также долженъ былъ освободиться дипломатическій постъ. Это извѣстіе,—писалъ Мордвиновъ,—на нѣкоторое время поставило его въ большое замѣшательство. „Однакожъ, онъ взвѣсилъ съ одной стороны выгоды, соединенныя съ постомъ, столь лестнымъ, который хочетъ предложить ему отечество, а съ другой — высокое удивленіе и преданность, которыя онъ питаетъ къ вамъ, государыня; эти послѣднія чувства одержали надъ нимъ верхъ, и онъ располагается черезъ шесть или семь дней оставить Венецію, и отправиться согласно повелѣніямъ вашего императорскаго величества. Затѣмъ я вручилъ ему двѣ тысячи цехиновъ, которые вы, государыня, ему назначили на этотъ предметъ, и онъ далъ мнѣ приложенное здѣсь письмо свое, чтобъ оно сопутствовало ему къ подножію трона вашего императорскаго величества".

Повидимому, отвѣтомъ на это письмо, посланное Мордвиновымъ, было слѣдующее письмо самой императрицы къ Сенаку де-Мельяну, отъ 13 марта 1791; де-Мельянъ долженъ былъ получить его по дорогѣ въ Петербургъ.

„Господинъ Сенакъ де-Мельянъ. Я только-что получила письмо ваше изъ Венеціи отъ 16 (27) февраля, присланное мнѣ г. Мордвиновымъ черезъ курьера. Я жалѣю, что причинила вамъ нѣкоторое безпокойство; но я не имѣла другого сомнѣнія насчетъ рѣшенія вашего пріѣхать сюда, кромѣ того, какое естественно могло возбудить во мнѣ запутанное положеніе дѣлъ на вашей родинѣ, которое не можетъ не вліять на положеніе лицъ, въ особенности же тѣхъ, которыя участвовали въ управленіи. Ничего не скажу вамъ сегодня относительно Исторіи, столь дорогой моему сердцу. Что̀ вы мнѣ о ней говорите, то для меня очень лестно; откладываю разговоръ объ этомъ до личнаго свиданія; спѣшу лишь, зная, что вы въ дорогѣ, и видя ваше желаніе найти въ Варшавѣ письмо отъ меня, изъ котораго вы усмотрѣли бы намѣреніе мое относительно предлога, подъ которымъ ваше путешествіе можетъ быть предпринято, написать вамъ это письмо. Прежде всего, благодарю васъ за то довѣріе, которое вы доказали мнѣ, рѣшившись ѣхать сюда. Далѣе, должна вамъ сказать, что мнѣ кажется всего проще и ближе всего къ правдѣ было бы, если бы вы не объявляли другой причины къ вашему путешествію, какъ любопытство путешественника-писателя, который, бывъ отстраненъ обстоятельствами отъ дѣлъ, желаетъ

посвятить досугъ на собираніе матеріаловъ для исторіи, и зная, что моя личная библіотека заключаетъ рукописи, относящіяся до исторіи Россіи, вы намѣрены, для пользованія ими, пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, и что вы имѣете надежду, что вамъ сообщатъ ихъ. Какъ только вы пріѣдете, я это узнаю, и не обращайтесь ни къ кому другому какъ къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородко, который отъ меня назначитъ вамъ часъ, въ который вамъ безпрепятственно можно будетъ пріѣхать ко мнѣ. Тогда мнѣ можно будетъ переговорить съ вами и легко условиться насчетъ вопросовъ, которые еще не разрѣшены. Надѣюсь, что, зная мой образъ мыслей, мои убѣжденія и доводы, вы увидите, что если отдаленность какъ будто бы затемняла то, что̀ я выражала вамъ письменно, вы не найдете ни малѣйшей неясности въ моихъ словахъ. Подробности, въ которыя вы входите со мною, служатъ мнѣ доказательствомъ вашего довѣрія. Я съ удовольствіемъ читала о томъ довѣріи, которое имѣло къ вамъ правительство вашей родины въ теченіе двухъ царствованій; репутація честнаго человѣка, которую вы пріобрѣли, кромѣ того доставляетъ вамъ мое уваженіе. Г. Булгаковъ, посланникъ мой въ Польшѣ, имѣетъ приказаніе передать вамъ это письмо, которое спѣшу ему доставить, желая, чтобы ваше здоровье не пострадало отъ перемѣны климата. Прощайте, м. г., будьте здоровы".

Сенакъ де-Мельянъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ апрѣля. Онъ остановился въ hôtel garni; Безбородко, получивъ отъ него извѣщеніе о пріѣздѣ, далъ ему знать, что для него есть готовая квартира, и что о днѣ представленія ко двору должно быть испрошено позволеніе императрицы. Донося объ этомъ императрицѣ, Безбородко прибавлялъ, что въ данное время, сколько онъ знаетъ, де-Мельянъ „отъ дороги обезпокоенъ немного".

Екатерина отвѣчала:

„Какъ господинъ де-Мельянъ обезпокоенъ дорогою, то сегодня и завтра дать ему на отдохновеніе, а между тѣмъ можешь, увидясь съ нимъ, условиться; лучшее и менѣе омбража подающее можетъ быть, чтобъ воскресенье представился яко вояжеръ, а тамъ ему назначу часъ въ эрмитажѣ со мною поговорить послѣ обѣда, во вторникъ что ли?"

Судя по дальнѣйшимъ письмамъ, еще ранѣе представленія императрицѣ Сенакъ де-Мельянъ получилъ денежный подарокъ и въ благодарственномъ письмѣ (которое не сохранилось или еще не нашлось) выражалъ желаніе скорѣе быть ей представленнымъ. Императрица отвѣчала письмомъ отъ 3 мая:

„Господинъ де-Мельянъ. Въ отвѣтъ на вчерашнее письмо ваше, которое мнѣ сейчасъ передали, скажу вамъ, что я должна была сдѣлать то, что̀ сдѣлала; вы пріѣхали сюда для меня, положеніе вашей родины въ эту минуту не таково, чтобы кто-либо могъ знать достовѣрно, имѣете ли тамъ что-нибудь, въ Петербургѣ же вы ежедневно расходуетесь, и я знаю, что тутъ все очень дорого. Вы отзываетесь обо мнѣ лестнѣе, чѣмъ я заслужила, это моя судьба, обо мнѣ всегда говорили въ свѣтѣ гораздо болѣе добраго и безконечно болѣе злого, чѣмъ я полагала заслужить. Попрошу васъ на наступающей недѣлѣ пріѣхать сюда, гдѣ скажу вамъ устно, что̀ помѣшало мнѣ видѣть васъ ранѣе; я подарила нѣсколько дней болтунамъ, чтобы пріостановить ихъ болтовню, я объ этомъ не говорила принцу Насаускому. Прощайте, м. г., будьте здоровы“.

Въ Дневникѣ Храповицкаго подъ 6-мъ мая 1791 находится слѣдующая запись.

— „Mr Senac de Meilhan étant en France gouverneur d'une province имѣетъ по 500 руб. на мѣсяцъ изъ Кабинета, homme lettré и знающъ въ финансахъ, въ городѣ былъ представленъ въ Ермитажѣ, а сегодня послѣ обѣда былъ болѣе часу у Ея Величества“.

На другой день онъ пишетъ: „приказано переписать Сенаково сочиненіе „Comparaison de St.-Pierre de Rome avec Catherine II.““

Эта пьеса, переписанная Храповицкимъ, дѣйствительно сохранилась въ его бумагахъ; послѣ она была напечатана самимъ авторомъ, и мы скажемъ о ней далѣе; укажемъ также и позднѣйшій разсказъ де-Мельяна о встрѣчахъ и бесѣдахъ его съ императрицей.

Но Сенакъ де-Мельянъ не довольствовался личными бесѣдами,—которыя были все-таки рѣдки; онъ писалъ къ императрицѣ; его письма не всѣ сохранились или не всѣ изданы, но изъ отвѣтовъ императрицы видно содержаніе ихъ разговоровъ, а также отражается въ нихъ и то впечатлѣніе, какое производилъ на императрицу французскій писатель. Въ дневникѣ Храповицкаго осталась только замѣтка въ двухъ словахъ объ этихъ сношеніяхъ императрицы съ де-Мельяномъ, не совсѣмъ ясная. Подъ 28-мъ мая онъ пишетъ: „Lisant la lettre de Mr. Senac de Meilhan: охъ, скучно—il tient trop aux principes français“. Послѣднее вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. „Французскіе принципы“ въ тогдашнихъ условіяхъ должны были всего скорѣе означать принципы революціонные; де-Мельянъ ихъ, конечно, не

имѣлъ; онъ самъ былъ эмигрантомъ, и если у него былъ шансъ вернуться во Францію, то на службу къ королю, который еще царствовалъ, хотя бы фиктивно; тотъ „омбражъ“, который видѣлся императрицѣ, состоялъ въ томъ, что появленіе французскаго писателя, бывшаго прежде крупнаго королевскаго чиновника, при русскомъ дворѣ возбудитъ толки, что въ немъ увидятъ политическаго агента (конечно, роялистской партіи), чего императрица не желала, особливо когда къ этому не было никакого фактическаго основанія. Де-Мельянъ не имѣлъ никакой политической миссіи; но что сама императрица видѣла въ немъ роялиста, ясно изъ самыхъ писемъ, какими она обмѣнивалась съ нимъ въ Петербургѣ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, напримѣръ (котораго здѣсь не приводимъ, такъ какъ оно не имѣетъ отношенія къ интересующему насъ предмету), императрица сообщаетъ де-Мельяну только-что полученное свѣдѣніе объ удачномъ бѣгствѣ короля, сообщаетъ въ увѣренности, что извѣстіе доставитъ удовольствіе де-Мельяну, который, дѣйствительно, горячо благодарилъ ее. Извѣстіе, впрочемъ, оказалось далеко не точнымъ. Императрица поступала такъ же въ разговорахъ съ де-Мельяномъ о томъ, какимъ образомъ могли бы быть поправлены французскія дѣла,—опять въ смыслѣ возстановленія авторитета королевской власти. При чемъ же упомянутые „французскіе принципы“? Это нужно, кажется, понимать такъ. При всей принадлежности къ роялистской партіи, де-Мельянъ оставался, однако, человѣкомъ своего общества, а это общество было все-таки проникнуто въ сильной степени той „философіей“, которая уже десятки лѣтъ господствовала во французской литературѣ и ставила, наконецъ, политическіе вопросы,—напримѣръ, вопросы конституціи, гражданской свободы. Императрица сама знала эту философію, но допускала ее только въ извѣстной, весьма ограниченной мѣрѣ. Де-Мельянъ былъ, кажется, большой говорунъ, и, по всей вѣроятности, въ разговорахъ перешелъ эту мѣру, какъ въ свое время переходилъ ее и Дидро.

Въ примѣръ того, какъ довѣрчиво относилась императрица къ де-Мельяну, несмотря на „французскіе принципы“, могутъ служить и слѣдующія письма.

„Пятница. Я ни мало не подозрѣваю васъ въ небрежности; я очень хорошо знаю, что планъ или вопросы въ томъ видѣ, въ какомъ вы ихъ себѣ поставили, требуютъ болѣе одного дня работы и размышленія. Исторія не можетъ быть излагаема съ легкостью сказки. Я узнала, что въ вашей странѣ зрѣлище становится чрезвычайно интереснымъ, что тамъ окончательно рас-

пускаютъ армію, тогда какъ говорятъ только о противодѣйствіи революціи, что̀ возможно только при существованіи арміи. При новыхъ депутатахъ, которыхъ выберутъ, будутъ ли они слѣдовать прежнему или новому направленію, представятся большія затрудненія, чтобы помочь дѣлу. Мнѣ было очень тяжело читать письмо вашего друга. Образъ жизни, который она избрала, мнѣ кажется чрезвычайно страннымъ. Такъ какъ она мнѣ выразила столько уваженія, я ее считаю излечившейся отъ демократіи. Удивительно, что хотѣли установить республику въ такомъ городѣ какъ Парижъ, гдѣ нравы находятся въ постоянномъ противорѣчіи съ республиканскимъ образомъ правленія. Записка, присланная вамъ, очень мило описываетъ, какъ тѣ и другіе позволяютъ увлекать себя революціей, не отдавая себѣ хорошенько отчета въ томъ, что̀ они дѣлаютъ; но совѣтъ короля, должно быть, былъ составленъ очень жалко, если позволилъ дѣлу разростись до такихъ размѣровъ, не остановивши его; онъ, какъ кажется, забылъ всѣ древніе принципы, которые управляли монархіей; они, конечно, были бы поддержаны парламентами и пр. и пр.; это, однако, выходитъ изъ размѣровъ письма. Молодой человѣкъ 16-ти лѣтъ, описавшій свое путешествіе въ Парижъ, исполнилъ это, по вашему справедливому замѣчанію, съ одинаковымъ остроуміемъ и веселостью“.

Отъ 16 мая:

„Господинъ де-Мельянъ. Вы можете сказать, что Императрица очень плохой корреспондентъ, и вы будете правы; тѣмъ не менѣе, мнѣ никогда не недоставало желанія вамъ отвѣтить. Ваше первое письмо отъ четверга прелестно, я хотѣла вамъ это сказать уже на другой день, но мнѣ представилось столько препятствій, что я вамъ надоѣла бы, еслибы вздумала ихъ перечислять. Я не знала, что вы обладаете пріятнымъ талантомъ писать такіе хорошіе импровизированные стихи, какъ тѣ, которые вы помѣстили въ вашемъ письмѣ. Еслибы я воспользовалась уроками принца де-Линя и бывшаго (ci-devant) графа Сегюра, которые положили много труда, чтобъ научить меня этому искусству, я отвѣтила бы вамъ нѣсколькими строфами, но талантъ нельзя привить, какъ оспу. Гармонія стиха, вѣроятно, недоступна для моего уха: въ музыкѣ я успѣла не болѣе, чѣмъ въ поэзіи; я хотѣла бы, чтобъ меня всегда критиковали, если бы всякая критика была настолько лестна и направлена въ мою пользу, какъ ваша критика моего письма́. Я должна все-таки признаться, что критика самыхъ злыхъ моихъ враговъ, и даже вредъ, который они хотѣли мнѣ нанести, часто обращались въ

мою пользу. Да не покажется вамъ это парадоксомъ,—это вовсе не парадоксъ: я всегда старалась исправить то, что̀ находили дурнымъ, если я считала это нужнымъ, и я приводила моихъ враговъ къ сознанію своей ошибки, противополагая страсти и интригамъ правду и разумъ. Вы упрекнете меня въ томъ, что я часто говорю о самой себѣ, но пеняйте за это на самого себя, такъ какъ вы сами подали къ тому поводъ, затронувъ мое самолюбіе.

„Я попрошу васъ зайти ко мнѣ въ какой-нибудь день, на будущей недѣлѣ, и тогда вы мнѣ скажете то, что̀, какъ вы полагаете, вы забыли мнѣ сказать. Вы, впрочемъ, совершенно свободны принять или не принять званіе и должность, смотря по тому, какъ для васъ будетъ выгоднѣе, и вы, конечно, не усумнитесь въ томъ, что я съумѣю оцѣнить ваши заслуги и вашъ умъ. Надѣюсь, что при третьемъ разговорѣ вамъ не будетъ стоить особеннаго труда высказаться. Благодарю васъ за сравненіе храма св. Петра въ Римѣ, которое вы мнѣ прислали исправленнымъ. Мой типографщикъ перепечатаетъ „Les principes et les causes“ и т. д., которыя, какъ вы пишете, въ вашемъ второмъ письмѣ, вы ему послали. Прощайте, м. г., будьте здоровы“.

По поводу упомянутаго сравненія съ храмомъ св. Петра въ Римѣ Екатерина писала:

„Въ среду, утромъ.

„Возвращаю вамъ, милостивый государь, листъ и копію съ сравненія церкви святаго Петра и пр., которые вы были столь любезны, что оставили мнѣ вчера. Вотъ приблизительно мой портретъ: я никогда не думала, что имѣю умъ, способный создавать, и часто встрѣчала множество людей, въ которыхъ находила, безъ зависти, гораздо болѣе ума, нежели въ себѣ. Было всегда очень легко руководить мною, потому что, чтобы достигнуть этого, достаточно было всегда представить мнѣ мысли лучше и основательнѣе моихъ; тогда я становилась послушна какъ овца. Причина этого заключалась въ сильномъ желаніи, которое я всегда имѣла, содѣйствовать благу государства. Я имѣла счастіе ознакомиться съ благими и истинными принципами и этому обязана большими успѣхами; я имѣла также неудачи, сопровождаемыя ошибками, въ которыхъ не имѣла участія и которыя, можетъ быть, и случались потому, что мои предписанія не были тщательно исполнены. Несмотря на мою природную сговорчивость, я умѣла быть упряма или горда, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это нужно; я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но, при случаѣ, держалась своего собственнаго; я не люблю споровъ, потому что всегда

замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи, да и впрочемъ я бы не могла говорить очень громко. Я никогда не была злопамятна: Провидѣніе такъ поставило меня, что быть злопамятной къ отдѣльнымъ лицамъ не было причины, да и я находила, взвѣсивъ все по справедливости, положенія слишкомъ различными. Вообще я люблю правосудіе (justice), но придерживаюсь того мнѣнія, что строгое правосудіе не есть правосудіе, и что только справедливость (équité) можетъ быть совмѣстна со слабостью человѣка. Но во всякомъ случаѣ я предпочитала гуманность и снисходительность къ человѣческой природѣ правиламъ строгости, которая, казалось мнѣ, часто дурно понимается; къ этому привело меня мое собственное доброе сердце. Когда старые люди уговаривали меня быть строгою, я, заливаясь слезами, признавалась въ своей слабости и я видѣла какъ они, со слезами на глазахъ, присоединялись къ моему мнѣнію. Я отъ природы весела и откровенна, но жила слишкомъ долго на свѣтѣ, чтобы не знать, что есть желчные умы, которые не любятъ веселости, и что не всѣ способны совмѣщать правду и откровенность. На сегодня прощайте".

Отъ 28 мая императрица писала:

„Господинъ де-Мельянъ. Вы мнѣ доставите удовольствіе, если пріѣдете завтра ко мнѣ сюда обѣдать; я получила ваши два письма, и если на нихъ не отвѣчала, то это произошло не по недостатку желанія съ моей стороны, а по недостатку времени".

Въ началѣ іюня, императрица предваряетъ де-Мельяна, что вскорѣ онъ получитъ обширный ея отвѣтъ относительно плана русской исторіи:

„Господинъ де-Мельянъ. Я вамъ приготовляю обширный отвѣтъ на писанное вами вчера. Уже пять листовъ in-folio окончены; вооружайтесь терпѣніемъ, чтобы прочесть наконецъ ту громаду, которою вамъ угрожаютъ. Прощайте, будьте здоровы; мой отвѣтъ будетъ пространенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

„8 іюня, воскресенье".

Прежде чѣмъ перейти къ этому „обширному отвѣту", который очень любопытенъ какъ изложеніе взглядовъ имп. Екатерины, а вмѣстѣ даетъ понятіе объ ея отношеніи къ предполагаемому французскому историку Россіи, надо остановиться ближе на вопросѣ, кто же былъ этотъ историкъ?

Сенакъ де-Мельянъ родился въ 1735 (или 1736) году; его отецъ былъ извѣстный въ свое время врачъ, членъ францув-

ской академіи наукъ, бывшій протестантъ, ставшій потомъ іезуитомъ, и первый врачъ Людовика XV. Онъ выросъ при дворѣ и по связямъ и по значенію своего отца сдѣлалъ хорошую карьеру. Онъ былъ губернаторомъ въ разныхъ провинціяхъ; одно время былъ генералъ-интендантомъ королевскихъ армій, но безъ особеннаго успѣха; въ одномъ письмѣ къ имп. Екатеринѣ въ 1791 онъ называетъ себя какъ бывшаго „commissaire de roi, son représentant dans deux provinces, membre de son conseil". Живя при дворѣ, де-Мельянъ,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ—„съ его самой ранней молодости былъ посвященъ въ интриги этого двора, его низости и его скандалы. Отсюда онъ принялъ свою распущенную манеру, которую сохранилъ навсегда", что̀ и побудило Сентъ-Бёва сказать о немъ: „испорченность вѣка и двора затронула его сердце; это отразилось и на природѣ его ума". У него было честолюбіе политическое и честолюбіе литературное, но, какъ говорятъ, послѣднее скорѣе должно было служить первому. Онъ дебютировалъ книгой: „Mémoires d'Anne de Gonzague, princesse Palatine", которые были собственно литературной поддѣлкой. Затѣмъ онъ издалъ „Considérations sur la richesse et le luxe", направленныя противъ ученій Неккера: эта книга, говоритъ его біографъ, обратила на него вниманіе общества, но не дала поста генералъ-контролера финансовъ, на который онъ мѣтилъ. Въ 1788 году былъ вопросъ о назначеніи его на это мѣсто, но ему предпочли другихъ и особенно Неккера: де-Мельянъ съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ Неккера, преслѣдовалъ въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, и считалъ его, какъ неумѣлаго министра, однимъ изъ главныхъ виновниковъ революціи. Далѣе ему принадлежатъ „Considérations sur l'esprit et les moeurs", изданныя два раза въ Парижѣ съ помѣтой: Londres 1788, 1789; потомъ—„Du Gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la Révolution, avec le caractère des principaux personnages du règne de Louis XVI", помѣченные Парижемъ и Гамбургомъ 1795. Еще раньше, въ 1790, онъ издалъ въ Лондонѣ и Парижѣ сочиненіе: „Des principes et des causes de la révolution en France", которое, по указанію Керара, было перепечатано еще разъ въ Петербургѣ, 1791. Затѣмъ были имъ изданы: „Les deux cousins, histoire véritable", Paris, 1790; „L'Emigré, roman historique", Hambourg, 1797; „Mélanges de philosophie et de littérature", Brunswick, 1789. Съ его пребываніемъ въ Россіи связаны его „Lettres à Madame de *** (sur la Russie), гдѣ онъ разсказываетъ о встрѣчахъ съ имп. Екатериной и дѣлаетъ ея характеристику, и упомянутая раньше пьеса:

„La comparaison de St. Pierre de Rome avec Catherine II", о которой, между прочимъ, говорится въ письмахъ императрицы. Оба эти сочиненія вошли въ небольшой сборникъ, изданный въ 1795 въ Гамбургѣ [1]).

Выѣхавши изъ Россіи въ 1791, де-Мельянъ хотѣлъ-было еще разъ отправиться въ Петербургъ, но имп. Екатерина писала ему, что климатъ 60-го градуса едва ли полезенъ для его здоровья; другими словами, она отклоняла его второе посѣщеніе. Сенакъ де-Мельянъ поселился въ Вѣнѣ, и тамъ умеръ въ 1803.

Сенакъ де-Мельянъ не былъ особенно крупнымъ писателемъ; его имя обыкновенно не попадаетъ въ исторіи французской литературы, но его сочиненія тѣмъ не менѣе не лишены интереса, и мы видѣли, что онѣ возбудили такой интересъ у имп. Екатерины. Онъ владѣлъ извѣстнымъ талантомъ и наблюдательностью; это былъ типическій esprit восемнадцатаго вѣка; въ своихъ „философскихъ" трудахъ онъ говорилъ о всевозможныхъ вопросахъ общественной жизни, нравственности, политики, говорилъ въ духѣ тогдашняго „просвѣщенія", хотѣлъ быть наблюдателемъ и критикомъ общества, и въ этомъ направленіи оставилъ труды, которые вспоминаются и цѣнятся историками, хотя и изрѣдка. Такъ въ особенности вспомнилъ о немъ Сентъ-Бёвъ.

„Каждый разъ,—писалъ Сентъ-Бёвъ въ одинъ изъ своихъ „понедѣльниковъ", 24 апрѣля 1854,—каждый разъ, когда умираетъ членъ французской академіи, ему пишется похвала (Eloge); я хотѣлъ бы сегодня сдѣлать такую похвалу одному академику, который академикомъ не былъ, но былъ бы долженъ имъ быть. „Вы, любезный другъ, составляете арріергардъ прекрасной французской литературы и, вѣроятно, вы были такъ же лѣнивы тѣломъ, какъ мало лѣнивы умомъ, если вы не попали въ академію. Вы попали бы въ нее съ людьми, какъ Ноайль, Шуазёль, Граммонъ, Бово"... Такъ писалъ принцъ де-Линь къ де-Мельяну въ эмиграціи. Родившись въ Парижѣ въ 1736, де-Мельянъ умеръ въ Вѣнѣ въ августѣ 1803. „У каждаго,—говорилъ онъ, —есть свой возрастъ, чтобы умереть". Онъ дурно выбралъ свое время и свое мѣсто. Онъ долженъ бы былъ выдержать еще нѣсколько лѣтъ, вернуться во Францію въ 1814 или немного раньше, умереть не раньше 1817-го, какъ Сюаръ восьмидесяти одного года; онъ имѣлъ бы свою реставрацію съ Людовикомъ XVIII;

[1]) Заглавіе сборника, съ титуломъ автора, было такое: „Oeuvres philosophiques et littéraires de Mr. de Meilhan, ci-devant intendant du pays d'Aunis, de Provence, Avignon, et du Haynault, et intendant général de la guerre et des armées du roi de France" etc. A Hambourg, chez B. G. Hoffmann. 1795.

его литературная репутація, прерванная революціей, получила бы свое должное мѣсто и свое теченіе, когда онъ былъ бы на лицо; наконецъ онъ былъ бы въ академіи, гдѣ его мѣсто было намѣчено, и гдѣ оно занято было его ученикомъ, герцогомъ де-Леви.

„Когда я говорю, что хочу написать его похвалу, изъ этого не слѣдуетъ, что я хочу только хвалить его. Де-Мельянъ имѣлъ свои крупные недостатки, и даже пороки, которые принадлежали также его вѣку; но это былъ человѣкъ большого ума, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между свѣтскими людьми, одинъ изъ самыхъ богатыхъ идеями и одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ въ числѣ писателей-любителей. Никто не можетъ лучше, чѣмъ онъ, представить намъ эту литературу царствованія Людовика XVI, которая считаетъ Бернардена де-Сенъ-Пьера за генія, и аббата Бартелеми, Неккера, Байльи, Вика-д'Азиръ, Шуазёля Гуффье, президента Дюпати, Ривароля и пр. за писателей съ умомъ и талантомъ; онъ далъ намъ описаніе этого общества и этой кончающейся монархіи въ страницахъ, написанныхъ очень тонко, съ вѣрными оттѣнками, гдѣ нѣтъ недостатка въ возвышенныхъ взглядахъ и далекихъ перспективахъ. Онъ есть собственно моралистъ царствованія Людовика XVI въ его крайней цивилизаціи, до дней 1789. Я часто слышалъ, что̀ говорятъ о де-Мельянѣ, что его сочиненія были не выше посредственности; я протестую противъ этого мнѣнія. Для репутаціи де-Мельяна недоставало еще нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы установиться и быть принятой общественнымъ мнѣніемъ, и чтобы авторъ въ свою очередь былъ причисленъ въ рядъ моралистовъ, вслѣдъ за тѣми знаменитыми людьми, характеръ которыхъ онъ такъ хорошо опредѣлилъ, и заслуги которыхъ указалъ на первыхъ страницахъ своихъ Considérations sur l'Esprit et les Moeurs (1787). Къ несчастью для него, общество, которое онъ рисовалъ съ натуры и которое отдало бы ему справедливость, внезапно погибло, не успѣвши выдать ему его дипломъ. Его читали потомъ только слегка и едва перелистывали—тѣ поколѣнія, которыя не видѣли его такъ близко. Когда къ нему все-таки возвращаются теперь, въ его сочиненіяхъ есть такія, которыя нравятся, которыя поучаютъ и заставляютъ размышлять тѣхъ, у кого есть жизненный опытъ".

Сентъ-Бёвъ приводитъ затѣмъ нѣсколько подробностей изъ ранней жизни де-Мельяна. Еще очень молодымъ человѣкомъ онъ ѣздилъ на поклонъ къ Вольтеру, посылалъ ему свои стихотворенія, которыя Вольтеръ осыпалъ похвалами; въ это время де-Мельяну приписывались, между прочимъ, такія стихотворенія,

относительно которыхъ Сентъ-Бёвъ выражалъ желаніе, чтобы для памяти де-Мельяна онѣ ему не принадлежали.

Далѣе Сентъ-Бёвъ разсказываетъ его административную карьеру и его честолюбивые планы, не лишенные большого самомнѣнія; излагаетъ его литературныя произведенія перваго времени и особенно высоко ставитъ его „Considérations", „произведеніе по истинѣ замѣчательное, и которое остается однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ". По мнѣнію Сентъ-Бёва, „послѣ Ла-Рошфуко, Лабрюйера и Дюкло, де-Мельянъ находитъ еще что̀ описать въ человѣкѣ, въ этой постоянно обновляющейся сценѣ свѣта, и напоминая своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, онъ умѣетъ быть довольно новымъ и оригинальнымъ на свою долю. Прежде всего онъ вытѣсняетъ Дюкло и вычеркиваетъ его изъ списка великихъ моралистовъ; онъ считаетъ его только наблюдателемъ общества, и сдѣланный имъ портретъ Дюкло есть пожалуй самый пикантный и самый вѣрный, какой можно было бы нарисовать еще теперь"... Дюкло въ глазахъ французскихъ литературныхъ историковъ есть большая величина, и Сентъ-Бёвъ спрашиваетъ: „Самъ де-Мельянъ стоитъ ли много выше Дюкло? Я не буду рѣшать этого вопроса; но если Дюкло точно и правильно опредѣляетъ состояніе общества въ серединѣ столѣтія, если онъ, какъ говорятъ, далъ намъ кодексъ нравовъ въ эту минуту, то де-Мельянъ съ неменьшей ясностью и, я думаю, съ большей широтой представляетъ намъ нравственное состояніе этого же общества въ послѣдніе годы Людовика XVI; онъ дѣлаетъ тотъ же портретъ, но подъ старость и на упадкѣ" (книга вышла въ 1787). Особый историческій интересъ книги Сентъ-Бёвъ указываетъ въ томъ, что де-Мельянъ, когда никто еще не помышлялъ о предстоявшемъ страшномъ переворотѣ, угадывалъ уже, что общество, среди котораго онъ самъ жилъ и надѣялся играть роль, близилось къ своему паденію. Свой вѣкъ онъ называлъ „шестидесятилѣтнимъ"; „la bonne compagnie", которая тогда господствовала, становилась пошлой и безплодной: „не ищите,—говорилъ де-Мельянъ,—генія, ума, сильнаго характера въ томъ, что̀ называютъ la bonne compagnie; тѣ, кто отличается этими дарованіями и этими качествами, были бы тамъ не на мѣстѣ, на нихъ смотрѣли бы съ неудовольствіемъ; великіе люди никогда не жили въ кругахъ подобной bonne compagnie"... Такимъ образомъ де-Мельянъ какъ будто видѣлъ, что общество его времени, къ которому и самъ онъ принадлежалъ, отживаетъ свой вѣкъ: „въ этомъ состояніи вялаго утомленія, — говорилъ де-Мельянъ,—человѣкъ долженъ быть увлеченъ ходомъ вещей;

онъ, быть можетъ, въ теченіе десяти или двѣнадцати поколѣній не будетъ имѣть другого исхода кромѣ какого-нибудь потопа, который снова погрузитъ все въ невѣжество. Тогда новыя расы станутъ проходить тотъ кругъ, въ которомъ, быть можетъ, мы зашли дальше, чѣмъ думаемъ".

„Удивительная вещь!—замѣчаетъ Сентъ-Бёвъ:—въ 1787 г. простая идея не приходитъ ему въ голову, что монархія, подъ которой онъ живетъ, не есть какое-нибудь неразрушимое зданіе, несокрушимый сводъ: „въ наши дни,—говоритъ онъ,—могущество монарховъ утверждено на непоколебимыхъ основаніяхъ"; и отсюда, какъ изъ прочнаго пункта, онъ исходитъ въ своемъ странномъ предположеніи о возрастающемъ утомленіи и пошлости общества. Пусть онъ успокоится! Этотъ потопъ, который онъ призываетъ черезъ десять или двѣнадцать поколѣній, уже виситъ надъ его головой, тридцати-шести мѣсяцевъ бури и борьбы будетъ достаточно, чтобы поглотить монархію многихъ вѣковъ. Онъ самъ, котораго въ 1787 г. любезно называли „молодымъ администраторомъ", въ немного лѣтъ сдѣлается обломкомъ эмиграціи, „антикомъ", руиной. Картина общества, обновившись, принесетъ добродѣтели, честолюбія, преступленія всякаго рода; героизмъ будетъ блистать въ лагеряхъ; послышатся, какъ въ древности, великіе голоса ораторовъ; когда сойдетъ первый наплывъ грязной тины, выплывутъ и мало-по-малу установятся новые нравы, съ дѣятельными классами, еще не затронутыми праздностью. Свѣтъ, описанный этимъ умнымъ и тонкимъ перомъ де-Мельяна, этой рукой въ манжетахъ, бѣгающей по гласированной бумагѣ, будетъ уже только мертвымъ свѣтомъ, который любопытно будетъ изучать въ коллекціяхъ. Его книга есть какъ бы завѣщаніе этого общества, идущее отъ человѣка, который знаетъ всѣ его тайны и раздѣлялъ различные его вкусы".

Сентъ-Бёвъ возвратился къ де-Мельяну въ другой „понедѣльникъ" (1 мая 1854): онъ излагаетъ содержаніе другихъ его сочиненій, какъ брошюра „Des Principes et des Causes de la Révolution en France", какъ „прекрасная сказка" де-Мельяна „Les deux Cousins", написанная во вкусѣ „Задига", и т. д.; его романа „L'émigré", напечатаннаго въ Гамбургѣ въ 1797, Сентъ-Бёвъ не могъ разыскать. Де-Мельянъ не понялъ цѣлаго значенія переворота, но и здѣсь есть замѣчанія, не лишенныя важности для историка, и вообще Сентъ-Бёвъ считалъ его замѣчательнымъ и характернымъ представителемъ старой французской литературы.

Послѣдніе годы де-Мельянъ прожилъ въ Вѣнѣ; онъ былъ

бѣденъ, но имѣлъ друзей; однимъ изъ нихъ былъ особенно принцъ де-Линь, также считавшій свою карьеру несправедливо неудавшеюся; оба они были „политическими обломками, которые утѣшались умомъ"—и пріятельствомъ.

„Что касается до насъ,—заключаетъ Сентъ-Бёвъ,—которые можемъ судить де-Мельяна только по его сочиненіямъ, мы думаемъ, что были только справедливы, посвящая ему воспоминаніе и назначая ему высокое мѣсто между моралистами за его „Considérations" (1787) и между политиками за его сочиненіе „Du gouvernement" и пр. (1795). Онъ можетъ представить намъ цѣлый классъ и цѣлую породу свѣтскихъ людей, людей умныхъ и замѣчательныхъ администраторовъ, которые вполнѣ сформировались въ концѣ стараго режима, которые пали съ порядкомъ вещей и которые погибли въ промежуткѣ, прежде чѣмъ возстановленное общество могло возвратить имъ положеніе или хотя дать имъ убѣжище. Сколько людей, которые занимали въ обществѣ своего времени высокое мѣсто, не оставили даже имени! Пусть де-Мельянъ, какъ они потерпѣвшій крушеніе, по крайней мѣрѣ олицетворитъ ихъ и почетно резюмируетъ ихъ въ памяти!" [1]).

Взглядовъ Сентъ-Бёва далеко не раздѣляетъ новѣйшій французскій критикъ, де-Ларивьеръ,—который, впрочемъ, имѣлъ уже возможность познакомиться съ перепиской имп. Екатерины съ де-Мельяномъ въ изданіи И. Р. Историческаго Общества [2]). Приступая къ характеристикѣ де-Мельяна, онъ говоритъ:

„Императрица Екатерина не любила Франціи, быть можетъ изъ ревности, такъ какъ политика Людовика XV всегда противодѣйствовала видамъ Россіи. Но она завидовала Франціи въ славѣ ея писателей; такъ, одно время, она съ самой внимательной любезностью относилась—не къ французскимъ государственнымъ людямъ, а къ французскимъ писателямъ".

Можно бы замѣтить, что не „одно время" (à un certain moment), а всю свою жизнь, потому что любовь къ старой „философской" литературѣ Екатерина сохраняла и въ послѣдніе годы, когда революція внушала ей крайнее негодованіе; не любила она только Руссо,—и, кажется, всегда одинаково.

„Но какая разница въ пріемѣ тѣхъ писателей и ученыхъ, которые дѣлали ей визитъ въ Петербургѣ! Самый лучшій пріемъ императрица приберегла въ особенности для Дидро и Гримма.

[1]) Sainte-Beuve, Causeries du Lundi. Paris, 1855. X, стр. 74—105.

[2]) Catherine le Grand.—Catherine II et la Révolution française, par Ch. de Larivière. Avec préface de Alfred Rambaud. Paris, 1895, стр. 272—355.

И какъ, однако, разговоры ея съ Дидро отличаются отъ разговоровъ съ Гриммомъ!

„Гримму, нѣмцу по происхожденію, какъ и она, но умъ котораго пріобрѣлъ утонченность на французскихъ вкусахъ, какъ умъ императрицы акклиматизировался къ русской атмосферѣ, она высказывается о своихъ различныхъ проектахъ, сообщая ему самыя интимныя заботы своей политики, а иногда своего сердца; что касается Дидро, она подпадаетъ очарованію его слова, но остерегается его утопій; она судитъ о дѣлахъ своего правленія по-русски, тогда какъ онѣ выходили по-французски изъ головы энциклопедиста.

„Отношенія императрицы къ Сенаку де-Мельяну были совсѣмъ другого свойства. Гриммъ владѣетъ всѣмъ ея довѣріемъ. Дидро также его пріобрѣтаетъ,—онъ обязанъ этимъ блеску своей репутаціи; потомъ онъ скоро его теряетъ. Сенакъ де-Мельянъ никогда не получитъ этого довѣрія.

„Въ самомъ дѣлѣ, у де-Мельяна нѣтъ ни авторитета Дидро, ни авторитета Гримма; его сочиненія остаются въ полу-тѣни. Императрицѣ нужно справляться объ немъ, когда онъ ей пишетъ и представляется ей. Онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, не предшествуемый кортежемъ первостепенныхъ произведеній. Мало того, его путешествіе сдѣлано было въ 1791, и въ эпоху революціонную далеко было отъ Екатерины 1774 года".

Опять можно замѣтить, что та недовѣрчивость, какую отмѣчаетъ авторъ относительно де-Мельяна, была и задолго раньше знакома имп. Екатеринѣ, когда подобнымъ образомъ представлялся ей Мерсье-де-ла-Ривьеръ: это было еще въ 1767, и въ 1788, до революціи, по разсказамъ императрицы, написана была для Эрмитажнаго театра пьеса гр. Кобенцеля: „Gros-Jean, ou la Régimanie", — и Мерсье, какъ писатель, былъ значительнѣе де-Мельяна.

„Наконецъ,—продолжаетъ авторъ,—и это главная причина равнодушія, которое оказала она къ Сенаку де-Мельяну,—Екатерина II не искала вступить съ нимъ въ сношенія; она не привлекала его въ свою имперію. Сентъ-Бёвъ, который говорилъ о Сенакѣ де-Мельянѣ, выражается такъ: „Де-Мельянъ былъ призванъ въ Россію императрицей Екатериной, которая, по его репутаціи и послѣ чтенія его сочиненій, хотѣла сдѣлать его своимъ историкомъ и историкомъ своей имперіи". Нѣкогда, дѣйствительно, императрица сдѣлала д'Аламберу предложенія, которыхъ онъ не принялъ; послѣ д'Аламбера, она приглашала также къ себѣ Гримма и Дидро,—Дидро, можетъ быть, изъ любопыт-

ства, чтобы помечтать съ нимъ о проектахъ преобразованій для Россіи, и изъ разсчета; Гримма, чтобы вознаградить его за заслуги, которыя онъ уже ей оказалъ и которыя онъ долженъ былъ ей каждый день оказывать.

„Сентъ-Бёвъ, обманутый своими предшественниками, думалъ, что съ де-Мельяномъ дѣло шло такъ же, какъ съ другими. И однако это совершенно невѣрно. Сенакъ де-Мельянъ самъ предлагаетъ себя императрицѣ, чтобы написать исторію ея царствованія. Екатерина собираетъ о немъ справки, поручаетъ узнать его характеръ, понять его намѣренія. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, она принимаетъ его какъ бы съ сожалѣніемъ. Сенакъ де-Мельянъ, разъ допущенный, старается потомъ навязать себя. Полу-довѣріе при первой встрѣчѣ превратится съ тѣхъ поръ въ нѣкоторое недовѣріе, и императрица дастъ ему понять, что его отъѣздъ былъ бы пріятенъ. Сенакъ де-Мельянъ будетъ почти изгнанъ изъ Россіи.

„Критики, говорившіе о де-Мельянѣ, не совсѣмъ, впрочемъ, заблуждались относительно пріема, сдѣланнаго ему въ Петербургѣ. „Прибывъ къ русскому двору,—говоритъ Сентъ-Бёвъ,— Сенакъ де-Мельянъ имѣлъ меньше успѣха вблизи, чѣмъ издалека; онъ скоро покинулъ Петербургъ, съ пенсіей; но смерть императрицы прекратила эту пенсію и разрушила его проекты историческаго сочиненія“. Правда въ томъ, что онъ мало имѣлъ успѣха издалека, и еще меньше вблизи, и если онъ покинулъ Петербургъ, то не потому, что у него не было желанія тамъ остаться.

„Такимъ образомъ Екатерина приглашала Сенака де-Мельяна въ Россію только съ извѣстными опасеніями, почти вынужденная его предложеніями. Если прибавить къ этому, что въ это время, въ 1791, Екатерина II, возмущенная противъ усиливающейся революціи, а потомъ противъ самой Франціи, получила наконецъ глубокое отвращеніе ко всѣмъ французамъ, даже иногда и къ тѣмъ, которые поддерживали дѣло короля, легко понять, какимъ образомъ Сенакъ де-Мельянъ, даже независимо отъ мотивовъ, связанныхъ съ его тяжелымъ характеромъ, не могъ имѣть успѣха при русскомъ дворѣ, и какимъ образомъ его попытки могли окончиться только поспѣшнымъ отъѣздомъ“.

Замѣтимъ опять, что главной, даже единственной причиной неудачи де-Мельяна было вовсе не это враждебное отношеніе императрицы къ революціонной Франціи и ко „всѣмъ французамъ“, а именно тотъ личный характеръ де-Мельяна, который долженъ былъ ей напомнить опыты 1767, съ Мерсье де-ла-Ривье-

ромъ и, пожалуй, опыты съ аббатомъ Шаппомъ. Какъ мы видѣли, императрица вначалѣ отнеслась къ де-Мельяну весьма благосклонно, нѣсколько разъ съ нимъ бесѣдовала, назначила ему пенсію, заботилась объ устройствѣ въ русской службѣ его сына, сообщала ему новыя извѣстія о положеніи дѣлъ во Франціи, наконецъ писала ему длинныя письма о томъ, какъ можно знакомиться съ русской исторіей, указывала ему архивы, гдѣ онъ можетъ найти руководителей, и т. д.;—наконецъ она окончательно въ немъ разувѣрилась безъ сомнѣнія потому, что встрѣтила въ немъ великую самонадѣянность, которая нравиться не могла, и именно, крайне легкомысленное отношеніе къ задачѣ—написать русскую исторію! — которую онъ смѣло собирался на себя взять, несмотря на всѣ ея предостереженія.

„Всѣ эти причины, — продолжаетъ де-Ларивьеръ, — вполнѣ объясняютъ для насъ немногочисленныя, но важныя письма императрицы къ Сенаку де-Мельяну, изданныя въ сборникѣ И. Р. Историческаго Общества. Онѣ указываютъ намъ свойство отношеній, какія существовали между Екатериной II и Сенакомъ де-Мельяномъ, давая намъ возможность выяснить, съ помощью оффиціальныхъ документовъ, истину объ этомъ появленіи знатнаго француза при русскомъ дворѣ. Онѣ позволяютъ намъ установить, что, несмотря на опасенія французскаго посланника въ Петербургѣ, императрица никогда не думала воспользоваться де-Мельяномъ для какого-нибудь плана противъ Франціи. Онѣ сообщаютъ намъ также кое-что о мысляхъ императрицы относительно Франціи и революціи въ 1791 и 1792. Наконецъ, онѣ бросаютъ совсѣмъ особенный свѣтъ на столь сложную натуру Екатерины, обыкновенно чрезмѣрно довѣрчивой, съ лѣтами сдѣлавшейся болѣе осторожною и даже недовѣрчивою къ тѣмъ,—особенно французамъ,—кого она не знаетъ и кто къ ней обращается. Кромѣ того, любопытно наблюдать, какъ императрица разгадала намѣренія Сенака де-Мельяна и съ какой проницательностью она успѣла ихъ разстроить“.

Не будемъ передавать отзывовъ де-Ларивьера о характерѣ, біографіи и сочиненіяхъ Сенака де-Мельяна, и остановимся только на нѣкоторыхъ подробностяхъ, гдѣ авторъ опредѣляетъ отношенія его къ императрицѣ. По темѣ книги де-Ларивьера, въ тѣхъ документахъ, какіе онъ нашелъ въ „Сборникѣ“ И. Р. Историческаго Общества, его интересовало всего болѣе изучить отношенія императрицы къ французской революціи, но—„мимоходомъ, мы разоблачимъ коварныя затѣи Сенака де-Мельяна, и мы увидимъ, къ какимъ средствамъ должна была прибѣгнуть

императрица, чтобы отдѣлаться отъ этого назойливаго интригана, который говорилъ, что за отсутствіемъ въ Россіи министерства финансовъ онъ бы удовольствовался какимъ-нибудь мѣстомъ посланника".

Авторъ передаетъ приведенныя выше письма императрицы, и особенно останавливается на письмѣ ея къ Мордвинову, объясняя его какъ программу, обязательную для историческихъ занятій де-Мельяна, еслибы онъ ихъ предпринялъ,—такъ что безъ подчиненія этой программѣ самый пріѣздъ его въ Россію былъ бы излишнимъ. По мнѣнію автора, императрицѣ нравилась мысль объ исторіи ея царствованія, но она опасалась, чтобы эта исторія не была эфемерна. „Всего больше озабочиваетъ ее то, что де-Мельянъ ничего не знаетъ о Россіи, ни объ ея историческомъ началѣ, ни объ ея нравахъ прошедшихъ и настоящихъ, ни даже объ ея языкѣ. Но согласится ли онъ, чтобъ имъ руководили въ его трудѣ? У историка не будетъ недостатка въ мемуарахъ, документахъ; они будутъ даже даны ему императрицей; и такъ какъ надо умѣть ихъ толковать, она укажетъ ему средства ими пользоваться, и представитъ ихъ ему въ томъ свѣтѣ, въ какомъ пожелаетъ; онъ долженъ будетъ принять идеи, внушенныя императрицей; вмѣсто того, чтобы быть „авторомъ" исторіи Россіи, онъ будетъ только „редакторомъ". Это будетъ исторія царствованія Екатерины II, написанная Екатериною II и на которой Сенаку де-Мельяну надо будетъ поставить свое имя"... „Она указываетъ уже идеи, въ которыхъ должна быть понята исторія Россіи; она еще не подозрѣваетъ, въ своей довѣрчивости издалека, что Сенакъ де-Мельянъ подумалъ объ этой исторіи только для того, чтобы явиться къ ней, пріобрѣсти ея довѣріе и получить высокій административный или дипломатическій постъ, мечту его жизни".

Событія во Франціи давали еще другое побужденіе. „Сенакъ де-Мельянъ долженъ будетъ въ своей исторіи Россіи устранить всякую реформаторскую тенденцію и воздержаться отъ всякаго либеральнаго одобренія, которое могло бы забросить въ имперію искру пожара. Такъ должно толковать мысль Екатерины.

„Такимъ образомъ это замѣчательное письмо (къ Мордвинову),—продолжаетъ авторъ, — даетъ намъ ясно видѣть, чѣмъ представлялась императрицѣ исторія ея царствованія. Екатерина предоставила бы большую долю Петру I и другимъ основателямъ славянской имперіи, приписывая каждому славу, которая ему подобала; но, будучи прославленіемъ ея имперіи, эта исторія была бы вмѣстѣ прославленіемъ ея особы. Мы знаемъ, какое

удивленіе императрица питала къ Людовику XIV. Она не была бы недовольна, еслибы Сенакъ де-Мельянъ написалъ исторію царствованія Екатерины II, прочитавъ „Siècle de Louis XIV".

Авторъ говоритъ дальше, по поводу этихъ первыхъ переговоровъ съ де-Мельяномъ: „Императрица посылаетъ ему черезъ своего посланника 2.000 дукатовъ на издержки путешествія и увѣряетъ его, что онъ будетъ свободенъ предаться своему вкусу къ труду и къ изученію русской исторіи, „излагаемой какъ она понимаетъ ее или какъ она желаетъ, чтобы понимали ее". Другими словами, Сенакъ де-Мельянъ всегда будетъ свободенъ въ своемъ трудѣ, подъ условіемъ видѣть и писать только то, что прикажетъ ему императрица. Однако, Екатерина, которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ утверждала, что имѣетъ республиканскую душу, никогда не имѣла, подобно Людовику XIV или другимъ самодержцамъ, явнаго расположенія диктовать свою волю писцамъ-исторіографамъ; но въ 1790 либеральныя идеи первыхъ годовъ царствованія уступили мѣсто идеямъ авторитарнымъ, и теперь идетъ дѣло уже не просто о литературномъ и моральномъ произведеніи; дѣло идетъ о произведеніи историческомъ и философскомъ, которое должно стать монументомъ въ память ея народа и служить ему образцомъ въ будущемъ. И Екатерина, которая нѣкогда, казалось, выслушивала прекрасные проекты Дидро, не хочетъ, чтобы Россія получала совѣты по прихоти какого-нибудь утописта иностранца; она хочетъ, чтобы Россія оставалась тѣмъ, что̀ она есть, идя той дорогой, какую себѣ опредѣлила; поэтому, императрица окружаетъ себя всѣми предосторожностями, требуя, чтобы ея историкъ ассимилировалъ себѣ Россію восемнадцатаго вѣка, какъ и Россію первыхъ царей.

„Потому Екатерина обнаруживаетъ мало энтузіазма къ этой исторіи своего царствованія. Она говоритъ Мордвинову: „если Сенакъ де-Мельянъ настаиваетъ на своемъ проектѣ", что̀ значитъ почти: я предпочла бы, еслибы онъ отъ него отказался".

Упомянувъ о томъ письмѣ 13 марта, которое предшествовало поѣздкѣ де-Мельяна въ Петербургѣ, де-Ларивьеръ сопровождаетъ его такими объясненіями:

„Чувствуется, что въ этомъ письмѣ Екатерина II старается изгладить у де-Мельяна немного тяжелое впечатлѣніе, которое онъ получилъ. Но подъ этими любезностями безъ искренности, подъ этими нѣсколько натянутыми комплиментами, едва скрывается тонъ приказанія; нѣкоторымъ образомъ она даже назначаетъ срокъ пребыванія путешественника въ Россіи.

„Съ этими скудными авансами де-Мельянъ пріѣдетъ въ Пе-

тербургъ. Императрица приметъ его сначала съ нѣкоторой привѣтливостью, куда, быть можетъ, входитъ разсчетъ разузнать его и увидѣть настоящій фондъ его свѣдѣній и его проектовъ; но между ней и имъ никогда не будетъ той фамиліарности, которая составляла прелесть ея отношеній съ Гриммомъ или Дидро. Опасенія, какія внушаетъ ей историческій памятникъ, воздвигаемый при ея жизни, только увеличатся въ умѣ императрицы, и такъ какъ притязательные разговоры Сенака де-Мельяна не имѣютъ дара ей нравиться, она ему напомнитъ, что его пребываніе въ Петербургѣ было назначено лишь на нѣсколько мѣсяцевъ".

Въ этихъ комментаріяхъ къ письмамъ Екатерины есть вѣрныя замѣчанія, но есть также неясности, почти противорѣчія: желаетъ ли императрица имѣть непремѣнно панегирикъ своего царствованія,—для чего даетъ де-Мельяну готовую программу,—или она не желаетъ „памятника при жизни"? Авторъ почти говоритъ и то, и другое. Есть факты, что Екатерина дѣйствительно не желала такого памятника,—когда, напримѣръ, не согласилась на подобное предложеніе Фальконета, или когда высказывала недовольство литературными панегириками, не совсѣмъ здравыми. Но императрица издавна придавала значеніе литературѣ, которая образовывала общественное мнѣніе; ея сношенія съ знаменитыми писателями вѣка, можетъ быть, давали пищу ея самолюбію, но служили, безъ сомнѣнія, и политическому разсчету—личная слава должна была возвышать и значеніе ея государства. Въ данномъ случаѣ, мысль о томъ, что иностранецъ, именно довольно замѣтный французскій писатель, хочетъ написать исторію Россіи или ея царствованія, могла не казаться такой странной, какъ показалась бы теперь; задолго раньше, въ Петербургѣ поощряли Вольтера, писавшаго исторію Петра Великаго, и сообщали ему подготовленные матеріалы. Де-Ларивьеръ самъ замѣчаетъ однако, что Екатерина съ большой осторожностью и даже недовѣрчивостью относилась къ планамъ Сенака де-Мельяна. Эту недовѣрчивость авторъ какъ будто склоненъ объяснять тѣмъ, что Екатерина не была увѣрена въ качествахъ будущаго панегирика, въ томъ, съумѣетъ ли предполагаемый историкъ правильно понять то, что̀ она хотѣла бы ему внушить. Но есть болѣе простое объясненіе. Когда обратится къ ней съ предложеніемъ литературныхъ услугъ человѣкъ, лично ей совсѣмъ неизвѣстный, естественно, что она собираетъ о немъ справки,—прежде всего, какого онъ образа мыслей; въ случаѣ неблагопріятныхъ свѣдѣній, она могла бы не мѣшать его литератур-

нымъ предпріятіямъ, но была бы въ полномъ правѣ не оказывать ему своего содѣйствія. Свѣдѣнія были приблизительно благопріятны; она обезпечиваетъ ему путешествіе въ Петербургъ. Лично онъ произвелъ впечатлѣніе невыгодное (въ перепискѣ сохранились указанія, что онъ желалъ управлять русскими финансами, или, на худой конецъ, быть гдѣ-нибудь русскимъ посланникомъ!),—это уже оправдывало опасенія императрицы; и если съ самаго начала она заботилась о томъ, что надо было найти мотивы для объясненія поѣздки де-Мельяна въ Петербургъ (надо было дать ему характеръ любознательнаго писателя-„вояжера"), то и здѣсь забота оправдывалась: де-Ларивьеръ приводитъ изъ документовъ тогдашняго французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, что французскій посланникъ весьма обратилъ вниманіе на де-Мельяна и приписывалъ его поѣздкѣ политическое значеніе. Далѣе, еще до знакомства, и вѣроятно еще больше послѣ знакомства съ де-Мельяномъ императрица подумала,—и опять не могла не подумать,—о томъ, что предполагаемый будущій историкъ (какъ бывало обыкновенно въ Европѣ) не имѣетъ никакого понятія о русской исторіи, русской жизни, русскомъ языкѣ. Въ своихъ письмахъ де-Мельянъ высказывалъ желаніе, чтобы ему было дано (готовымъ!) изложеніе внѣшнихъ фактовъ исторіи,—и затѣмъ онъ, конечно, украсилъ бы ихъ своей „философіей" и своимъ стилемъ... Императрица впередъ предполагала въ де-Мельянѣ полное невѣдѣніе о Россіи, исторію которой онъ собирался писать, и при свиданіи, безъ сомнѣнія, убѣдилась въ этомъ невѣдѣніи, и если она дѣлаетъ ему историческія указанія, то это могло быть вызвано не столько желаніемъ „диктовать", какъ предполагаетъ де-Ларивьеръ, сколько желаніемъ сообщить ему элементарныя свѣдѣнія, которыхъ у него не было и съ помощью которыхъ онъ могъ бы *начать* свое знакомство съ предметомъ. Но при свиданіи, вѣроятно, оказалось и то, что де-Мельянъ и не думалъ о серьезномъ изученіи; нѣтъ ни слова о томъ, чтобы онъ желалъ хоть сколько-нибудь познакомиться, напр., съ русскимъ языкомъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалось охлажденіе императрицы; кончилось тѣмъ, что де-Мельяну пришлось оставить Петербургъ, и Екатерина, наскучивъ его притязаніями, перестала интересоваться и мнимымъ его трудомъ.

Возвращаемся къ началу іюня 1791. Екатерина предупреждала де-Мельяна, что готовитъ ему „обширный отвѣтъ". Отвѣтъ

сохранился въ черновомъ подлинникѣ, который изданъ былъ А. Ѳ. Бычковымъ въ „Письмахъ и бумагахъ императрицы Екатерины II, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ“ [1]),—гдѣ, впрочемъ, этотъ документъ отнесенъ ошибочно къ 1785 году, вмѣсто 1891;—и къ этому документу примыкаютъ нѣсколько писемъ императрицы къ де-Мельяну отъ того же іюня, изданныхъ въ „Сборникѣ“ И. Р. Историческаго Общества [2]). Этотъ документъ—„Réflexions sur le projet d'une Histoire de Russie au 18-ème siècle“, дѣйствительно обширный, вѣроятно, и былъ посланъ де-Мельяну: въ „Сборникѣ“, гдѣ собрана переписка императрицы съ де-Мельяномъ мы находимъ только начало этихъ Réflexions [3]). Де-Ларивьеру, повидимому, этотъ полный текстъ Réflexions остался неизвѣстенъ,—иначе авторъ, вѣроятно, нѣсколько измѣнилъ бы свои заключенія: въ самомъ дѣлѣ Réflexions не совсѣмъ отвѣчаютъ предположенію, что Екатерина хотѣла (какъ это думалъ де-Ларивьеръ) диктовать де-Мельяну то, что̀ должно было служить именно къ восхваленію ея царствованія. Въ Réflexions, какъ и въ запискѣ, изданной въ „Сборникѣ“, повторена фраза императрицы, что она „не любитъ ни статуй, ни исторій живущихъ государей“ (je n'aime ni les statues, ni l'histoire des rois vivants), но въ еще болѣе настоятельной формѣ (j'articule distinctement, que je n'aime ni statues, ni les histoires des souverains vivants: c'est l'affaire de la postérité); но главное, Réflexions сплошь заняты только вопросами *древней* русской исторіи. Императрица излагаетъ свои взгляды на русскую древность, говоритъ о происхожденіи Руси, о русскихъ, славянахъ, варягахъ, объ Рюрикѣ, Ольгѣ, Владимирѣ и т. д., объ удѣлахъ, нашествіи татаръ, объ основаніи Московскаго царства и т. д. Все это было то самое, чѣмъ она занималась въ эти годы въ „Запискахъ касательно россійской исторіи“. Очевидно, что, преподавая все это Сенаку де-Мельяну, Екатерина руководилась не однимъ желаніемъ, или вовсе не желаніемъ диктовать своему предполагаемому панегиристу, а желаніемъ поставить серьезно вопросъ и дать необходимыя элементарныя свѣдѣнія довольно невѣжественному въ этомъ иностранному писателю, который вздумалъ быть историкомъ Россіи.

Что императрица посылала де-Мельяну именно эти обширныя Réflexions, а не ту сравнительно короткую записку, какая нашла мѣсто въ „Сборникѣ“ (стр. 168—170), можно видѣть

---

[1]) Спб. 1885, стр. 115—136.

[2]) Томъ 42. Спб. 1885, или пятый томъ „Бумагъ имп. Екатерины II“.

[3]) Стр. 168—170.

изъ предварительнаго письма ея къ де-Мельяну. Напомнимъ слова ея, что она приготовляетъ „обширный отвѣтъ", что „пять листовъ in-folio окончены", совѣтуетъ ему „вооружиться терпѣніемъ, чтобы прочесть ту громаду, которою ему угрожаютъ",— этому именно отвѣчала бы обширная рукопись Публичной Библіотеки, заключающая семь „отвѣтовъ", а не краткая записка „Сборника".

Приводимъ дальнѣйшія письма императрицы къ де-Мельяну, начиная съ упомянутаго краткаго письма, которое въ изданіи „Сборника" обозначено какъ „начало собственноручной записки Екатерины II о планѣ исторіи Россіи XVIII вѣка, предпринятой Сенакомъ де-Мельяномъ".

[„Разсужденія по поводу плана Исторіи Россіи въ 18 столѣтія].

„Какъ трудно писать исторію!

„Заглавіе: Россійская Имперія въ XVIII столѣтіи налагаетъ большія требованія; я боюсь картъ въ началѣ сочиненій, съ тѣхъ поръ, какъ видѣла карты Ле-Клерка, который заказалъ ихъ въ большомъ количествѣ, въ особенности морскихъ, которыя французское министерство объявило невѣрными и запретило морякамъ имъ слѣдовать.

„Глава или предварительное разсужденіе, содержащее въ себѣ изслѣдованія о происхожденіи русскаго народа, его вѣрѣ, его нравахъ въ древнее время, такая глава, если будетъ коротка, не будетъ ли пожалуй поверхностна, а если будетъ изложена основательно, то слишкомъ длинна?

„Что касается эстамповъ и костюмовъ, то они существуютъ уже въ напечатанныхъ тетрадяхъ. „Русская Флора" печатаетъ въ настоящее время эту часть естественной исторіи. Скачокъ отъ Рюрика, во второй главѣ, къ возвышенію дома Петра I, не будетъ ли слишкомъ великъ?

„Въ 3-й главѣ еще нельзя перейти къ 18-му столѣтію, потому что Петръ I началъ царствовать въ концѣ 17-го столѣтія.

„4-ая глава должна заключать въ себѣ четыре царствованія.

„5-я глава—я не люблю ни памятниковъ, ни исторіи живыхъ монарховъ.

„6-я глава. Нѣмецкіе альманахи содержатъ въ себѣ указанія о народонаселеніи, доходахъ, арміи, флотѣ и т. д.

„7-я глава. Наказъ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія напечатанъ и перепечатанъ на всѣхъ языкахъ.

„Что касается до моихъ писемъ, я не придаю имъ цѣны, и на нихъ надо смотрѣть точно такъ же, какъ и на мои комедіи.

„8-я глава о русскомъ языкѣ была бы самая трудная, по-

тому что очень немногіе имъ владѣютъ, за обширностью его; наши предки дѣйствовали больше мечомъ, чѣмъ перомъ; имъ было некогда писать; они проводили свое время въ преслѣдованіи своихъ враговъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что русскимъ государямъ очень хорошо служили и давали добрые совѣты, если принять во вниманіе пространство земли, которую они покорили и сохранили; но такъ какъ въ Россіи было меньше людей, занятыхъ науками, чѣмъ людей военныхъ, и такъ какъ нигдѣ не писали, кромѣ монастырей, то много великихъ и прекрасныхъ дѣяній потеряно для потомства, и множество именъ храбрыхъ воиновъ и превосходныхъ совѣтниковъ, безъ сомнѣнія, не дошло до насъ" [1]).

Дальше, 11 іюня, Екатерина писала:

„Господинъ де-Мельянъ. Вы видите, что я не послѣдовала методѣ Людовика XIV, и что поле вашего письма осталось бѣло, но я думаю, что довольно пространно отвѣтила на ваши вопросы. Вы тамъ увидите,—то, что я вамъ говорила, весьма справедливо,—предметъ этотъ дорогъ моему сердцу. Откровенность, съ которою я даю объясненія на вашъ планъ, послужитъ вамъ въ томъ доказательствомъ, также какъ все написанное мною по этому предмету. Дойдя теперь до того, чтò вы мнѣ говорите о вашемъ положеніи, признаюсь вамъ откровенно, что мнѣ кажется, что въ вашихъ желаніяхъ есть нѣкоторыя колебанія. Вы мнѣ писали изъ Венеціи, предлагая заняться исторіей; я на это согласилась, вы пріѣхали; то, чтò говорили о вашемъ пріѣздѣ, вамъ извѣстно: говорили, что вы пріѣхали кò мнѣ съ порученіями отъ графа д'Артуа. Чтобы не придавать важности столь пустымъ слухамъ, я сочла за лучшее оставить ихъ безъ вниманія; я не желаю вредить никому и тѣмъ болѣе людямъ невиннымъ; ваши собственныя дѣла во Франціи, можетъ быть, пострадали отъ этого. Не желаю также сдѣлать неудовольствіе Людовику XVI, отношеніями котораго ко мнѣ я не разъ имѣла случай быть довольна. При первомъ разговорѣ, который я имѣла съ вами здѣсь, на дачѣ, мы говорили о томъ положеніи, въ которомъ вы находились, и о томъ званіи, которое можете получить; я вамъ говорила и повторяю, что прежде всего вы должны подумать, можетъ ли здоровье ваше перенести суровый климатъ, особенно зимою. Кромѣ того, такъ какъ вы имѣли надежду получить служебную должность въ министерствѣ на родинѣ, я не

---

[1]) Мы нѣсколько измѣняемъ (какъ и въ другихъ случаяхъ раньше) переводъ „Сборника", а въ одномъ мѣстѣ и текстъ, по сравненію съ „Письмами" 1873. Le saule (въ „Сборникѣ") прочитано невѣрно и переведено произвольно; должно быть: le sault, по старинному правописанію императрицы, т.-е. le saut.

вижу, зачѣмъ вамъ покидать ее, имѣя въ виду принести пользу у себя, тогда какъ вамъ будетъ трудно занять здѣсь приличное мѣсто, не зная языка страны, которому невозможно выучиться въ извѣстныя лѣта. Мнѣ казалось, что съ этимъ вы сами были почти согласны; я прибавила, что если представятся для васъ занятія, я вамъ ихъ предложу; на это вы мнѣ отвѣтили, что оставляете это предложеніе безъ отвѣта, не зная его мотива; и что̀ же, еслибы былъ такой? оставалось бы открыться; но такъ какъ до сихъ поръ этого нѣтъ,—отвѣтъ невозможенъ. Что касается до того, что̀ вамъ говорили другіе, то на это отвѣчать не могу, не зная ихъ; впрочемъ мой образъ жизни таковъ, что хотя я люблю время отъ времени посвящать бесѣдѣ, но всего больше избѣгаю того, что̀ называется придворною учтивостью; никакому народу я не поставлю въ преступленіе его предубѣжденіе противъ иностранцевъ; эта ревность происходитъ изъ соревнованія, которое заставляетъ дѣлать многое; несмотря на неопровержимое существованіе этой ревности и здѣсь, думаю однако, что существуетъ мало странъ, гдѣ бы чужеземцы были болѣе легко приняты, чѣмъ въ Россіи, и тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ у насъ успѣхъ, могутъ похвалиться тѣмъ, что нигдѣ не будутъ удалены. При второмъ разговорѣ, который я имѣла съ вами въ Царскомъ Селѣ, если помню хорошо, вы сказали, что на родинѣ вы бы желали имѣть мѣсто лишь на полгода, и что тихая и уединенная жизнь отвѣчала бы вполнѣ вашимъ желаніямъ; въ концѣ нашего разговора мы условились въ томъ, что вы займетесь составленіемъ плана исторіи и вопросами до него относящимися; вы прислали мнѣ на дняхъ планъ и вопросы, а также письмо. Съ сожалѣніемъ вижу въ немъ, что вы говорите о безпокойствѣ, какое испытываете уже шесть недѣль, и даже объ огорченіи, которое чувствуете, предполагая, что вамъ повредили, или что вы, какъ говорите, проступились; ни то, ни другое предположеніе не основательно, могу васъ въ томъ увѣрить. Когда вы подѣлитесь со мною вашимъ будущимъ трудомъ, вы найдете во мнѣ ту же откровенность, доказанную вамъ въ отношеніи бумагъ, которыя вамъ возвращаю. Относительно пребыванія вашего въ Россіи, надѣюсь, вы убѣждены въ томъ, что я не буду стѣснять васъ ни въ чемъ; справедливо и необходимо, для сохраненія расположенія духа, нужнаго для занятій, а особенно исторіею, чтобы, какъ вы говорите, вы избрали для жизни страну или, вѣрнѣе, покровительство, поддерживающее расположеніе къ этому труду. Одобряю мысль вашу остаться здѣсь до конца лѣта: вамъ будетъ достаточно времени для собранія матеріаловъ. Вашъ младшій сынъ, если вы его здѣсь оставите, легко можетъ быть опредѣленъ въ

департаментъ иностранныхъ дѣлъ, я поговорю о немъ съ вице-канцлеромъ и говорила уже съ графомъ Безбородко. Вижу, что вы намѣрены отправиться въ Швейцарію, заѣхавъ передъ тѣмъ въ Парижъ, по обязанности очень важной. Если я черезъ шесть мѣсяцевъ получу вашу работу, то скажу, что вы пишете съ изумительною легкостью, ибо я употребила бы года на изысканія по этому предмету, я настолько люблю древность и въ ней одной отыскиваю причины результатовъ послѣдующихъ вѣковъ. У всякаго своя манія; вотъ моя: я всегда любила читать то, чего никто не читаетъ, и нашла лишь одного человѣка, любившаго то же самое: это — фельдмаршалъ князь Потемкинъ. Желаю удачи вашему предпріятію, вслѣдствіе которой я увижу васъ вновь съ удовольствіемъ. Если вы уѣзжаете отсюда и направляетесь во Францію, я, думаю, что какой бы то ни было орденъ, говоря по правдѣ, будетъ совершенно неумѣстенъ для васъ, такъ какъ это было бы не въ духѣ вашей новой конституціи, допускающей лишь полное равенство. Впрочемъ, вы сохраните ваше содержаніе, пока это вамъ будетъ удобно. Что касается мѣста министра при какомъ-нибудь иностранномъ дворѣ, я не знаю въ настоящее время ни одного вакантнаго—всѣ онѣ заняты; такъ какъ вашъ старшій сынъ находится во Франціи, вы будете имѣть время узнать его наклонности, и, быть можетъ, онъ найдетъ теперь какое-нибудь мѣсто, согласное съ его желаніями. Прощайте, м. г., будьте здоровы и будьте увѣрены, что я очень цѣню ваши способности.

„Царское Село, 11-го іюня, вторникъ“.

Письмо отъ 16 іюня:

„Мнѣ не трудно было, м. г., написать вамъ въ четыре дня то, что знаю почти наизусть и надъ чѣмъ давно размышляла, но удивляюсь вашему терпѣнію прочитать шесть разъ литературныя бездѣлицы, которыя я вамъ послала, не пугаясь педантства, тамъ, можетъ быть, царствующаго, но которое не можетъ быть отдѣлено отъ ума, по природѣ методическаго; меня часто упрекали въ этомъ, но такъ какъ я никогда не съумѣла казаться остроумной, то старалась найти опору въ отысканіи причинъ, и усердіе мое къ славѣ и благоденствію народа, довѣреннаго мнѣ Провидѣніемъ, довело меня до открытія причинъ и побужденій, не найденныхъ другими, прочитанными мною писателями; кромѣ того, я, по своему положенію, должна имѣть обширное знаніе, по крайней мѣрѣ то, которое тридцатилѣтнее царствованіе могло мнѣ доставить, о свойствахъ народа, занимающаго третью или четвертую часть земного шара.

„Нація отнюдь не повиновалась бургомистрамъ, но слѣдовала за начальниками или князьями, въ которыхъ находила взгляды или личныя достоинства, внушавшія ей довѣріе, нужное для успѣха ихъ предпріятій. Этотъ народъ не любилъ и не уважалъ государей слабыхъ, даже не выносилъ ихъ безъ нетерпѣнія и давалъ имъ чувствовать, что они не способны занимать то мѣсто, которое занимаютъ. Въ замѣнъ того, нація безстрашно бросалась въ опасность, лишь только сознавала, что стоило труда. Говорю вамъ все это, чтобы вы могли болѣе и болѣе узнавать мой образъ мыслей и духъ, въ которомъ бы я желала, чтобы исторія была написана. Такимъ образомъ она, по моему мнѣнію, дѣлается полезна для потомства, и, если смѣю сказать, такъ писали ее древніе. Одобряю намѣреніе ваше написать введеніе къ исторіи; все то, что̀ вы намѣрены въ нее включить, нахожу очень умѣстнымъ. Признаюсь вамъ еще, что особенно люблю все относящееся до царствованій, предшествовавшихъ дому Петра Перваго. Но никогда не надо забывать, относительно каждаго царствованія, духъ вѣка, въ которомъ оно протекало, и духъ этотъ откроетъ много сторонъ совершенно неожидаемыхъ.

„Всегда говорили, что человѣка можно справедливо судить, только поставивъ себя на его мѣсто. Слѣдовательно, чтобы писать исторію, историкъ не долженъ пренебрегать познавать духъ вѣка, безъ чего его трудъ пострадаетъ. Всѣ люди остаются людьми, живя на землѣ, и всякій вѣкъ имѣетъ свой духъ и свое направленіе. Нельзя ли было бы также сказать, что во многихъ случаяхъ предшествующія царствованія подготовляли событія послѣдующихъ. Если я не выражаюсь по-французски въ совершенствѣ, вы меня извините, понявъ меня; да и письма мои не пишутся для печати, а всякій объясняется приблизительно какъ можетъ. Я бы желала также, чтобы исторія не была писана въ пользу котораго-нибудь царствованія; я хорошо знаю, отчего то или другое царствованіе нравилось болѣе или менѣе народамъ иноземнымъ, другія же предпочитались соотечественниками. Президентъ Гено̀ не впалъ ли въ эту ошибку, пожертвовавъ 1200 годами царствованію Людовика XIV? Вы знаете, что никто не произноситъ съ бо̀льшимъ почтеніемъ, чѣмъ я, имя этого истинно великаго короля; его царствованіе такъ прославило Францію, что этотъ блескъ длился до нашего времени; и не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ, какъ общественное мнѣніе освободилось отъ впечатлѣнія, котораго сто лѣтъ не могли изгладить. Относительно моего царствованія, такъ какъ должна съ вами о немъ говорить, буду утверждать то, что̀ уже говорила вамъ: что я не люблю ни па-

мятниковъ, ни исторій государей при ихъ жизни. Современники всегда были болѣе или менѣе пристрастны, или за, или противъ. Каждый годъ тридцатилѣтняго царствованія, изъ которыхъ всякій составлялъ, такъ сказать, эпоху, могъ быть таковымъ, не возбудивъ въ современникахъ чувства пріязни или непріязни; если я имѣла успѣхи, то эти самые успѣхи повредили славѣ или честолюбію кого-либо. Вѣрно то, что я никогда ничего не предпринимала, не будучи внутренно убѣждена, что дѣлаемое мною согласно съ благомъ моего государства; это государство сдѣлало для меня безконечно много, и я думала, что всѣ мои личныя способности, постоянно занятыя его благомъ, его благоденствіемъ, его высшими интересами, едва-ли будутъ достаточны, чтобы уплатить ему. Я старалась дѣлать добро каждому, вездѣ, гдѣ это не было противно благу общему. Полагаю, что всякій государь думаетъ такъ же и старается поставить справедливость и разумъ на свою сторону. Остается узнать, который изъ насъ ошибается или нѣтъ, въ томъ, что̀ называетъ справедливостью и разумомъ; одно потомство имѣетъ право судить объ этомъ, и то не ранѣе того, какъ мы всѣ, сколько насъ есть, умремъ; я апеллирую къ нему; я могу смѣло сказать ему, что̀ я нашла и что̀ оставлю. Перечень этого можетъ быть очень любопытенъ, но надо, чтобы миръ былъ заключенъ, а тогда увидимъ. Скажутъ, что я имѣла много счастія и нѣсколько большихъ несчастій. Но относительно счастія и несчастія я, какъ и о многихъ другихъ предметахъ, имѣю свою собственную категорію. То и другое не что̀ болѣе, какъ стеченіе многихъ мѣръ справедливыхъ или ложныхъ. Хорошо или дурно понятое, видѣнное, исполненное, имѣетъ въ этомъ большое значеніе. Слѣдовательно, исторія живого лица оскорбитъ многія самолюбія и, можетъ быть, унизитъ нѣкоторыхъ сравненіемъ, чему я не желала бы содѣйствовать; чувствую, что вы въ эту минуту осудите меня за самолюбіе; безъ сомнѣнія, во мнѣ есть доля его, но въ комъ же его нѣтъ? Если вы переживете меня, тогда пишите все, что̀ вамъ понравится, но пока я жива, пишите, если хотите, но не издавайте ничего; я въ такомъ случаѣ могу доставить вамъ свой перечень и, можетъ быть, сдѣлаю это сама. Я вамъ уже говорила и повторяю, милостивый государь, вы свободны писать, гдѣ вамъ вздумается, и мнѣ очень пріятно то, что̀ вы мнѣ говорите по этому поводу. Я приказала сдѣлать извлеченіе изъ каталоговъ матеріаловъ, которые могутъ служить вамъ. Если старшій сынъ вашъ займется русскимъ языкомъ, онъ можетъ быть вамъ очень полезенъ въ этой работѣ. Я говорила съ вице-канцлеромъ и съ графомъ Без-

бородко о его поступленіи на службу, и они не преминутъ переговорить съ вами объ этомъ, а также о его содержаніи и о домѣ, въ которомъ вы хотите, чтобы онъ жилъ. То, что̀ я написала на поляхъ вашего посвятительнаго посланія (что о Россіи болѣе печатаютъ, чѣмъ бы слѣдовало), извлечено мною изъ разныхъ журнальныхъ рецензій, напечатанныхъ въ Германіи; они жалуются, что объ Россіи имѣютъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ нужно, но во Франціи лучше полюбятъ новый памфлетъ, чѣмъ подобную книгу; думаю, впрочемъ, что сочиненія разныхъ профессоровъ академіи, путешествовавшихъ по Россіи, переведены на французскій языкъ, но если у васъ не очень знаютъ, что̀ относится до Англіи, то, разумѣется, не надо удивляться, что менѣе того знаютъ о Россіи. Безъ сомнѣнія, ее найдутъ странною, и, несмотря на самый яркій въ свѣтѣ колоритъ, вамъ будетъ очень трудно заставить простить именно этотъ видъ. Но и французы сами не начинаютъ ли они въ своей странѣ принимать странный или иностранный видъ? Когда ваше сантиментальное путешествіе будетъ окончено, льщу себя надеждою, что вы мнѣ дадите прочитать его. Вы хотите, чтобы я разрѣшила давно, говорите вы, занимающій васъ вопросъ: отчего Карлъ Девятый, король Франціи, писалъ съ бо̀льшимъ изяществомъ, чѣмъ его поэтъ Ронсаръ? Хорошо, я скажу вамъ: это потому, что языкъ улучшаетъ дворъ, а не писатели. Въ Константинополѣ даже языкъ сераля (который, однако, не самый просвѣщенный дворъ) — самый лучшій изъ турецкихъ нарѣчій, самый изящный, болѣе другихъ смѣшанный съ арабскимъ и персидскимъ, самый возвышенный, самый цвѣтистый, самый церемонный. Но еслибы былъ дворъ, который принялъ бы для себя рыночный языкъ, подражая его оборотамъ и манерами, тогда языкъ народа былъ бы потерянъ, и его можно было бы найти лишь въ произведеніяхъ хорошихъ писателей. Я ничего не сказала о надписи, извлеченной изъ Тацита, ни о той, которую вы сочинили, потому что вы въ этомъ можете лучше судить, чѣмъ я, которой не приходится судить объ упоминаемомъ лицѣ, и которая, вдобавокъ, не знаетъ по латыни, несмотря на мое прекрасное, вообще, знаніе языковъ, изъ которыхъ боюсь, что узнала лишь только нѣкоторые очерки. Прощайте, м. г., извините за пространное письмо.

„Понедѣльникъ, 16-го іюня 1791“.

Черезъ нѣсколько дней императрица сообщала де-Мельяну только-что полученное извѣстіе о счастливомъ бѣгствѣ Людовика XVI изъ Парижа.

„Сообщаю вамъ, м. г., какъ я полагаю, очень пріятную для

васъ новость, которую я только-что получила, а именно—извѣстіе объ удачномъ освобожденіи короля Людовика XVI изъ заключенія. Его величество выѣхалъ изъ Парижа съ королевой, дофиномъ, своимъ старшимъ братомъ и супругой его 9-го (20-го) іюня. Они благополучно прибыли: король—въ Монмеди, его братъ—въ Монсъ; восемь тысячъ французскихъ дворянъ сопровождаютъ короля. Графъ д'Артуа выѣхалъ изъ Кобленца въ Монмеди, чтобъ соединиться съ своимъ королемъ-братомъ. При этомъ я посылаю вамъ выписку изъ бумагъ, находящихся въ московскомъ архивѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи. Я отдала самыя точныя приказанія относительно вашего сына.

„Сказать вамъ больше я не имѣю времени.

„29 іюня, 9 часовъ утра".

Де-Мельянъ благодарилъ императрицу въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ; но извѣстіе уже вскорѣ оказалось далеко не точнымъ...

Еще письмо отъ того же іюня.

„Совершенно вѣрно, что препятствія для написанія исторіи страны, языка которой вовсе не знаешь, очень велики, и кромѣ того требуютъ также перевода всѣхъ потребныхъ къ тому матеріаловъ; но для уменьшенія этой работы думаю, что никакъ не слѣдуетъ предпринимать столь огромный трудъ, но лишь выбрать лучшее изъ имѣющагося уже по русской исторіи. Безъ сомнѣнія надо обратить вниманіе, для первыхъ трехъ періодовъ времени, на исторію и трудъ Татищева, такъ какъ онъ разъяснилъ многіе предметы, которые чужеземцу невозможно было бы даже и знать; другой, довольно интересный, трудъ могли бы представить „Записки" или „Annales de l'histoire de la Russie" [1]); я приказала доставить вамъ одинъ экземпляръ ихъ; пятый томъ долженъ появиться въ непродолжительномъ времени. Исторія Россіи князя Щербатова хотя очень скучна, но не безъ достоинствъ. Онъ имѣлъ доступъ во всѣ архивы, и, разумѣется, не встрѣчалъ недостатка въ матеріалахъ. Всякому иностранцу, пишущему о Россіи, неизвѣстны старинный образъ жизни и обычаи, и вслѣдствіе этого онъ часто и часто будетъ ошибаться, если не будетъ постоянно на сторожѣ противъ своихъ собственныхъ предубѣжденій. Думаю, что введеніе къ исторіи, которымъ вы теперь займетесь, будетъ, какъ вы и говорите, очень интересно, если будетъ

[1]) „Записки" въ письмѣ написаны по-русски; императрица очевидно разумѣла свою собственную книгу: „Записки касательно Россійской исторіи". Первые четыре тома вышли въ 1787; пятый—въ 1793.

содержать сравненіе государствъ по вѣкамъ, но если я должна руководить вами во пракѣ древности, то у васъ будетъ весьма тусклый фонарь".

Рѣшено было наконецъ, что де-Мельянъ отправится въ Москву для занятій въ архивѣ, подъ руководствомъ тамошнихъ ученыхъ. Императрица опять повторяла, что будетъ съ интересомъ ожидать его труда,—вѣроятно, впрочемъ, уже теперь въ немъ сомнѣваясь. Въ іюлѣ она писала:

„Я съ удовольствіемъ замѣтила, м. г., что вы довольны распоряженіями, касающимися вашего сына; я принимаю живѣйшее участіе во всемъ, что̀ касается французскаго короля и августѣйшаго семейства; можно питать только одно справедливое отвращеніе ко всему, что̀ низвергаетъ порядокъ, спокойствіе и уничтожаетъ славу великаго государства и наполняетъ его убійствами и несчастіемъ, разоряя всѣ состоянія и всѣ сословія. Вашъ отъѣздъ, м. г., въ Москву, зависитъ отъ васъ самихъ. Я вамъ очень благодарна за предложеніе мнѣ своихъ услугъ; я сказала вамъ объ этомъ все, что̀ могла сказать; хорошая погода не продолжается у насъ далѣе 15 августа; впрочемъ, вы должны быть совершенно покойны насчетъ моего образа мыслей о васъ; онъ не измѣнился; я съ большимъ удовольствіемъ приму интересную работу, которую вы намѣреваетесь предпринять. Прощайте, будьте здоровы.

„Царское Село, пятница, 11-го іюля 1791 г.".

Письмо 20 іюля:

„Я прочла, милостивый государь, ваши замѣчанія, которыя вы на̀скоро написали по поводу вашего разговора съ министромъ Сардиніи [1]). И такъ какъ вы спрашиваете, какъ я думаю относительно того, что̀ вамъ слѣдуетъ сдѣлать и оправдываю ли я ваши мысли, скажу откровенно, что мнѣ кажется, съ такимъ религіознымъ государемъ, каковъ король Сардиніи, вы говорите нѣсколько свободно о религіозныхъ системахъ и о тѣхъ, которые сражались за вѣру или невѣріе; въ остальномъ я ничего не имѣю на это возразить, кромѣ того, что статья о воспитаніи государей появится слишкомъ поздно, чтобъ быть полезной принцу Пьемонтскому, которому уже за 40 лѣтъ. Кончая, я должна поблагодарить васъ за милую сказку, присланную вами".

Въ іюлѣ де-Мельянъ послѣдовалъ совѣту императрицы и отправился въ Москву, чтобы познакомиться съ архивомъ. Отъ 23 іюля гр. Безбородко писалъ къ управлявшему тогда Главнымъ

---

1) Это былъ, въ 1791—96, баронъ де-ла-Турби.

Архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Соколовскому: Безбородко извѣщалъ его, что вручитель письма, Сенакъ де-Мельянъ, по соизволенію императрицы, отправился въ Москву, чтобы въ тамошнемъ Архивѣ „получить списки разныхъ свѣдѣній, къ сочиненію Россійской исторіи нужныхъ, о каковыхъ онъ получилъ отъ ея величества и реэстръ“; Соколовскому и его товарищамъ поручалось подать де-Мельяну „всякое для него потребное пособіе“ и прибавлялось, что де-Мельянъ (онъ пишется здѣсь: де-Мелганъ) „пользуется особливою ея величества милостію, что онъ человѣкъ извѣстный по его сочиненіямъ, что былъ интендантомъ Прованса, а потомъ во Фландріи, готовленъ былъ въ министерство, но происшедшая революція, несходная съ образомъ мыслей его, тому воспрепятствовала“; особенно поручалось рекомендовать его Стриттеру.

Сенакъ де-Мельянъ пробылъ въ Москвѣ, кажется, всего три-четыре недѣли: очевидно, что сколько бы Стриттеръ ни старался вразумить его относительно русской исторіи, сдѣлать много онъ бы не могъ; притомъ де-Мельянъ нашелъ, что ему надо еще написать стихи, которые онъ послалъ императрицѣ. Въ августѣ де-Мельянъ уже собирался покинуть Москву и Россію. Повидимому у него явились новые планы. Въ августѣ императрица писала ему:

„Вы уѣзжаете изъ Россіи и просите званіе „*d'intendant de ma bibliothéque*“.

„Позвольте мнѣ повторить вамъ, что равноправность, установленная у васъ, несовмѣстима съ какимъ-либо званіемъ: званіе „d'intendant de ma bibliothèque“ я не съумѣю даже перевести на русскій языкъ; къ тому же у меня есть два лица, состоящіе при моей библіотекѣ, которые такъ счастливы и довольны, что мнѣ не хотѣлось бы ихъ тѣмъ разстроить; кромѣ того у нихъ тамъ много дѣла, которое требуетъ поощренія. Единственное почетное званіе, которое соотвѣтствовало бы той работѣ, на которую вы себя обрекли, это, можетъ быть, званіе совѣтника-исторіографа: но позвольте вамъ сказать, что прежде чѣмъ вамъ давать такое званіе и прежде чѣмъ вы могли бы его принять, слѣдовало бы убѣдиться, какой будетъ ходъ вашей работы и можете ли вы принять его у васъ“.

Затѣмъ второе письмо:

„Я получила, милостивый государь, ваши оба письма изъ Москвы; одно отъ 29-го августа ст. ст., а другое отъ середы. Могу лишь благодарить васъ за тѣ чувства, которыя вы лично ко мнѣ выражаете. Стихи ваши на Москву внушены вамъ этою

стариннною столицею; говорятъ, что она имѣетъ большое сходство съ тѣмъ, чтò былъ Парижъ до царствованія Людовика XIV, а также съ Лондономъ до большого пожара, вслѣдствіе котораго онъ возобновленъ. Думаю, что сношенія народовъ между собою были всегда въ зависимости отъ ихъ обоюдныхъ выгодъ. Относительно упоминаемыхъ вами книгъ, скажу вамъ, что изысканія Ломоносова очень поверхностны. Исторія князя Щербатова и скучна, и тяжеловата, голова его не была способна къ этой работѣ. Исторія Татищева — совсѣмъ другое; это былъ умъ человѣка государственнаго, ученаго и знающаго свое дѣло. Мнѣ неизвѣстна диссертація о древнихъ русскихъ, писанная по-французски [1]). Не знаю также переписки императора Петра I. Не думаю, чтобы письма его, обыкновенно очень краткія, могли быть полезны для исторіи. Печатный журналъ императора указываетъ факты. Я думала, что вы оставили здѣсь вашего сына для занятія выписками, которыя желаете имѣть. Вы очень хорошо сдѣлаете, если будете писать безъ поспѣшности то, чтò истинно требуетъ многоразличныхъ размышленій, особенно для того, кто не знаетъ языка страны, о которой долженъ говорить, и для котораго страна и то, чтò до нея относится, ново, до удивленія для него. Очень вѣрно, что вы не находите въ Россіи сходства съ Франціею. Я бы этого ей и не желала. Весьма терпѣливо буду ждать того, чтò вы мнѣ пришлете, потому что всегда имѣю, чѣмъ заняться. Относительно переводчиковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, думаю, что они заняты при миссіяхъ и не очень любятъ переводить книги. Нисколько не сомнѣваюсь въ вашемъ усердіи, но согласитесь, что съ большимъ талантомъ можно затрудняться излагать письменно то, для чего нуженъ запасъ предварительныхъ знаній, для изученія предмета занятія, и чтò нерѣдко приходится побороть лишь долгимъ и усидчивымъ трудомъ. Я видѣла изъ письма вашего причины, побуждающія васъ предпринять путешествіе въ Кіевъ, откуда вы намѣрены проѣхать въ армію. Князь Потемкинъ вѣроятно получилъ письмо ваше во время своей серьезной болѣзни. Настоящее письмо дойдетъ до васъ вѣроятно во время вашего пребыванія въ Варшавѣ. Очень жаль, что по поводу путешествія вашего въ Россію распространили ложные слухи, не дозволяющіе вамъ изъ осторожности вернуться во Францію. Я вамъ не выказала холодности, милостивый государь, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, не давая вамъ

---

[1]) Сочиненіе Струбе де Пирмонтъ, изд. въ Спб. 1785. Прим. „Сборника" И. Р. Истор. Общества.

назначенія, такъ какъ къ этому не представилось случая. Не сомнѣваюсь, что вы служили бы мнѣ съ усердіемъ. Въ отношеніи воздушныхъ зàмковъ [1]), я должна сказать вамъ, что до сихъ поръ никакой иностранецъ не получалъ подобнаго назначенія, и что, при всей толерантности, тамъ было бы существенно необходимо имѣть русскаго и православнаго. Я приказала вручить сыну вашему дневникъ путешествія въ Крымъ. Не знаю, къ чему онъ вамъ послужитъ. Замѣтка о медаляхъ займетъ не мало времени. Я читала копію письма, которое вы писали къ дамѣ, и нашла его столь же интереснымъ, какъ хорошо написаннымъ; не могу судить о правильности мыслей. Впрочемъ, во всемъ русскомъ царствѣ, всякій желающій можетъ ко мнѣ писать; даже, здѣсь, въ городѣ, ко мнѣ пишетъ, кто хочетъ, прибавляя лишь на адресѣ: въ собственныя руки,—но законъ предвидѣлъ эти случаи. Размѣръ содержанія духовенства назначенъ уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, вы знаете, что на моемъ мѣстѣ часто приходится быть плохимъ корреспондентомъ, потому что покуда пишу фразу, меня по нѣскольку разъ прерываютъ. Прощайте, м. г., желаю, чтобы предпринятое вами путешествіе хорошо подѣйствовало на ваше здоровье".

Копія „письма къ дамѣ" есть, вѣроятно, „Lettre à Madame de ** sur la Russie", письмо, вошедшее въ его „Oeuvres philosophiques et littéraires", изданныя въ Гамбургѣ въ 1795 (II, стр. 107—127), гдѣ потомъ слѣдуетъ упомянутое выше и раньше извѣстное императрицѣ „Comparaison de Saint-Pierre de Rome avec Catherine II" (стр. 128—131). Въ письмѣ де-Мельянъ даетъ разсказъ о встрѣчахъ съ императрицей и ея изображеніе.

Въ это время, въ августѣ, пришло нѣсколько запоздавшее извѣщеніе отъ графа Н. П. Румянцова (тогда русскаго посланника во Франкфуртѣ) изъ Карлсруэ,—которому также поручено было собрать свѣдѣнія о де-Мельянѣ. Румянцовъ писалъ, что для исполненія порученія ему нужно было прежде всего отыскать де-Мельяна. „Я узналъ,—говоритъ онъ,—что, бывши въ Карлсбадѣ на водахъ, онъ нашелъ лекарство на все въ сочиненіи о способѣ умиротворить Францію; лекарство это онъ показалъ принцу Генриху, и на такой дистанціи, какая насъ раздѣляетъ, государыня, бросалъ, говорятъ, взоры и на меня, чтобы сдѣлать меня апостоломъ его политическаго евангелія; но онъ встрѣтилъ нѣчто лучшее: графъ де-Траутмансдорфъ подалъ о немъ пред-

[1]) Такъ назвалъ де-Мельянъ свою мечту быть русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ. Прим. „Сборника".

ставленіе принцу де-Кауницъ, и этотъ послѣдній черезъ курьера приказалъ отыскать лично самого г. де-Мельяна. Въ слѣдствіе того г. де-Мельянъ въ настоящую минуту занимается, государыня, обученіемъ вѣнскаго кабинета и преподаетъ ему, какъ въ такой странѣ, гдѣ все, даже и самыя идеи, перевернуто вверхъ дномъ, легко всѣхъ удовлетворить.—Я видѣлъ г. де-Мельяна еще до наступленія бѣдствій во Франціи, и то только, можно сказать, на минуту; мнѣніе же, какое осталось у меня объ немъ, было то, что это умъ блестящій, но не основательный (bel esprit et non pas un bon esprit). То, что̀ ваше имп. величество удостоили сказать мнѣ о немъ, служитъ для меня подтвержденіемъ тому. Злая звѣзда моя хотѣла, чтобъ меня не было во Франкфуртѣ въ то время, какъ онъ былъ тамъ".

Императрица еще раньше приходила къ тому же заключенію объ умѣ де-Мельяна.

Изъ Москвы де-Мельянъ отправился на югъ, гдѣ ему хотѣлось быть у Потемкина, котораго онъ видѣлъ еще въ Петербургѣ. Черезъ Кіевъ, онъ отправился въ Яссы, гдѣ нашелъ любезный пріемъ у Потемкина, который былъ уже боленъ. Въ другомъ письмѣ къ г-жѣ В** де-Мельянъ даетъ характеристику Потемкина [1]), которому удивляется какъ великому человѣку: де-Мельянъ, между прочимъ, написалъ ему на латинскомъ языкѣ похвалу, которая вся была составлена изъ словъ Тацита. Письмо, начатое въ Яссахъ, онъ кончилъ въ Варшавѣ, когда получено было извѣстіе о смерти Потемкина.

Изъ-за границы де-Мельянъ писалъ императрицѣ. Отвѣтъ ея (въ февралѣ или мартѣ 1792) очень любопытенъ—для опредѣленія ея корреспондента:

„Я получила, м. г., ваше письмо въ 30 стр. in-folio почти съ такимъ же томомъ приложеній къ нему; хотя я въ состояніи удѣлить очень небольшое количество времени на чтеніе такихъ объемистыхъ записокъ, тѣмъ не менѣе я прочла ихъ; но мнѣ положительно невозможно отвѣчать на нихъ въ настоящее время, когда я не могу по своему усмотрѣнію располагать ни одной минутой; я вижу, что мы оба исписали бы цѣлые томы и, написавъ ихъ, понимали бы другъ друга не болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы они вовсе не были исписаны. Положительно вѣрно, что я никогда въ жизни не намѣревалась назначить васъ управлять какой-либо частью имперіи, да я и не могла никакимъ образомъ объ этомъ думать, потому что я знала, что

---

[1]) Oeuvres philosophiques et littéraires, II, стр. 131—151.

вы не знакомы ни съ самой страной, ни съ ея языкомъ. Что же касается до назначенія васъ къ иностраннымъ дворамъ, то я вамъ уже сказала, если память мнѣ не измѣняетъ, что, не имѣя тамъ вакантныхъ мѣстъ, я не считаю справедливымъ смѣстить кого-либо, чтобы замѣнить его другимъ. Я искренно полагала, что вы пріѣхали въ Россію, какъ историкъ и литераторъ; не зная васъ, я не могла бесѣдовать съ вами иначе какъ только съ остроумнымъ человѣкомъ; невозможно имѣть бо̀льшаго довѣрія къ кому бы то ни было, какого бы ума и какихъ бы познаній онъ ни былъ, если знаешь его только по тремъ или четыремъ разговорамъ, мало послѣдовательнымъ. Я вижу, что вы жалуетесь на то, что не заслужили моего довѣрія, что не могли ко мнѣ приблизиться; я же, напротивъ того, думаю, что въ моемъ обращеніи съ вами я отличала васъ, какъ иностранца и человѣка умнаго. Но чтобы удовлетворить васъ, если это для меня возможно, я пишу сегодня графу Румянцову, чтобы онъ переговорилъ съ вами относительно содержанія, которое вы отъ меня требуете; а потому я прошу васъ условиться объ этомъ съ нимъ".

Де-Мельянъ просилъ о выдачѣ ему единовременно 20.000 руб., вмѣсто 6.000 р. ежегодныхъ [1]).

Затѣмъ, слѣдовало еще одно письмо императрицы, кажется, послѣднее,—съ совѣтомъ не пріѣзжать больше въ Россію, климатъ которой ему, вѣроятно, не удобенъ.

„Я получила, м. г., ваше письмо изъ Праги съ приложенной къ нему запиской. Я думаю, что такъ какъ время года теперь уже слишкомъ позднее, и вы не въ состояніи будете перенести суровый климатъ 60-го градуса, вы сдѣлаете очень хорошо, если не пріѣдете болѣе сюда. Относительно вашей записки я вамъ скажу, что по моему, чтобъ спасти Францію, остается сдѣлать одно—это возстановить власть короля, для чего есть только одинъ путь—оружіе. 100 тысячъ солдатъ и военный судъ, вотъ что̀ вамъ нужно, чтобы не быть истребленными до основанія. Прощайте, будьте здоровы.

„8 іюля 1792".

Изъ Гамбурга, гдѣ, повидимому, онъ готовилъ изданіе своихъ сочиненій, де-Мельянъ писалъ къ гр. Зубову. Онъ просилъ Зубова сообщить ему, какъ принято было императрицей его „Введеніе въ исторію Россіи"—нашла ли она заслуживающимъ

---

[1]) Примѣчаніе „Сборника" И. Р. Ист. Общества,—взятое, вѣроятно, изъ писемъ де-Мельяна.

этотъ трудъ вниманія, чтобы онъ продолжалъ его. По словамъ его, онъ „уже болѣе двухъ лѣтъ занимался *единственно* этимъ интереснымъ предметомъ": „удостойте принять на себя ходатайство передъ императрицей, чтобы она соблаговолила извѣстить меня о своихъ намѣреніяхъ"—т.-е., считаетъ ли она его силы отвѣчающими этому предпріятію... Но тутъ же рядомъ онъ сообщаетъ, что „только-что окончилъ сочиненіе о Франціи", которое желалъ посвятить гр. Зубову. Затѣмъ еще просьба: онъ желаетъ, чтобы императрица разрѣшила ему пріѣхать въ Россію для собиранія матеріаловъ, необходимыхъ для его исторіи,—тогда, „не думая больше ни о чемъ, какъ только о спокойномъ концѣ жизни, слишкомъ неспокойной, я желаю, чтобы она оказала мнѣ величайшую милость—не то чтобы прибавила что-нибудь къ своимъ благодѣяніямъ, но—чтобъ замѣнила пенсіонъ, который она мнѣ жалуетъ, *небольшимъ уголкомъ земли*, или же удостоила меня назначенія въ иностранныя державы. Есть много примѣровъ подобныхъ милостей, оказанныхъ иностранцамъ, и даже случается, что ея имп. величество при одномъ и томъ же дворѣ имѣетъ двухъ министровъ"... Онъ желалъ бы также видѣть своего сына. Въ постскриптѣ онъ высказываетъ опасеніе, не вкралось ли слишкомъ много ошибокъ переписчика въ сочиненіе, которое онъ послалъ императрицѣ...

Не ясно, когда это письмо было писано,—отвѣтъ на нѣкоторые вопросы былъ уже сдѣланъ въ послѣднемъ, приведенномъ выше, письмѣ императрицы. Зубовъ представилъ ей письмо де-Мельяна, и она сдѣлала на немъ помѣты (по-французски): относительно новаго пріѣзда въ Россію—„онъ забылъ, что климатъ ему неудобенъ; но если онъ хочетъ видѣть сына, пусть молодой человѣкъ поѣдетъ къ нему въ Гамбургъ"; относительно ошибокъ въ рукописи—„ихъ слишкомъ много для печати" [1]).

Новѣйшій біографъ де-Мельяна, какъ мы видѣли, не весьма къ нему благосклонный, все-таки думаетъ, что планы де-Мельяна и собственныя ожиданія императрицы, желавшей, будто бы, панегирической исторіи своего царствованія, не состоялись главнымъ образомъ потому, что Екатерина видѣла въ немъ человѣка либеральныхъ мнѣній, склоннаго къ новой французской конституціи.

„...Императрица въ Сенакѣ де-Мельянѣ видѣла почти демагога; по крайней мѣрѣ она предполагала у него идеи либерализма, которыя приводили ее въ такое негодованіе. Въ самомъ

---

[1]) Это письмо въ „Р. Архивѣ", 1866, 450—453.

дѣлѣ она пишетъ Гримму, что не знаетъ, „не таковъ ли Сенакъ, какъ всѣ его друзья, демагогъ или роялистъ по своей прежней службѣ“ [1]). Мы видѣли, какъ она осмѣивала де-Мельяна, просившаго себѣ титуловъ и отличій,—подъ предлогомъ, что они „несовмѣстимы съ равенствомъ“, установленнымъ во Франціи. Позволительно поэтому утверждать, что если императрица не сдѣлала Сенаку де-Мельяну лучшаго пріема, это было также и потому, что она угадала въ немъ друга конституціоналистовъ. Въ 1791 и 1792, единственными представителями французской монархіи были принцы.

„Должно сказать наконецъ, что императрица не нашла въ Сенакѣ де-Мельянѣ уступчивости характера и гибкости ума, которыя она считала необходимыми для составленія исторіи Россіи, гдѣ не однажды истина должна была бы быть пожертвована національной гордости“.

Послѣднее случается вѣроятно во всякой національной исторіи; но мы продолжаемъ думать, что не въ этомъ была главная причина охлажденія Екатерины къ писателю-эмигранту. Причина прежде всего была въ томъ, что Екатерина не нашла у него никакого серьезнаго отношенія къ дѣлу, которое онъ хотѣлъ на себя взять. Самъ де-Ларивьеръ замѣчаетъ: „Де-Мельянъ не давалъ себѣ никакого отчета въ трудностяхъ исполненія исторіи Россіи, для которой онъ сдѣлалъ путешествіе въ Петербургъ, и на свое предпріятіе онъ бросалъ только разсѣянный и скучающій взглядъ“ [2]),—и въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ концовъ для него это былъ только предлогъ для иныхъ честолюбивыхъ затѣй. Это именно и поняла имп. Екатерина,—хотя и не тотчасъ; въ первое время, несмотря на „французскіе принципы“, она еще надѣялась вразумить де-Мельяна относительно русской исторіи и пишетъ спеціально для него обширныя „Réflexions“; но въ концѣ концовъ она въ немъ разувѣрилась окончательно и нашла, что они не поняли бы одинъ другого, хотя бы „исписали цѣлые томы“. Де-Мельянъ былъ образчикомъ самонадѣянности, которая развивалась у французовъ XVIII-го вѣка подъ вліяніемъ громкой славы французской „философіи“, литературы, нравовъ,—которые становились модою для всей Европы. Мы указывали, что Екатерина тѣмъ скорѣе могла охладѣть къ де-Мельяну, увидѣвъ эту черту характера, что уже имѣла подобные

---

[1]) Нѣсколько упоминаній о де-Мельянѣ въ „Письмахъ имп. Екатерины II къ Гримму“. Спб. 1878.

[2]) Стр. 352.

опыты, и только-что передъ тѣмъ такой прежній опытъ былъ воспроизведенъ въ Théâtre de l'Hermitage.

Въ заключеніи, самъ де-Ларивьеръ въ особенности останавливается на этихъ свойствахъ де-Мельяна, расходясь съ благосклонными сужденіями Сентъ-Бёва.

..."Всѣ эти факты и впечатлѣнія побудили наконецъ Екатерину избавиться отъ этого навязчиваго посѣтителя и освободить себя отъ обѣщаній, которыя она ему сдѣлала [1]. Даже удивительно, что императрица показала столько терпѣнія къ тѣмъ приставаньямъ, какими онъ ей надоѣдалъ. Она все-таки давала ему пенсію, нѣсколько разъ дѣлала подарки и помѣстила одного изъ его сыновей въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ она доставила ему всѣ матеріальныя и умственныя средства для составленія исторіи.

"Сенакъ де-Мельянъ упрекалъ императрицу, что она не сдѣлала ему болѣе любезнаго пріема. Но какой же могъ быть пріемъ со стороны императрицы относительно иностранца, котораго она не призывала и который, въ теченіе трехъ разговоровъ съ нею успѣлъ только ей не понравиться? Эти два ума не могли согласоваться. Какъ скоро императрица это замѣтила, она прекратила бесѣды, которыя не имѣли уже для нея ни привлекательности, ни цѣли, и которыя отъ постоянныхъ выпрашиваній становились скучными. Одно удивляетъ насъ: то, что Екатерина такъ долго снисходительно выслушивала этого навязчиваго человѣка и давно его не выпроводила. Это какъ будто позволяетъ думать, что она дорожила больше, чѣмъ хотѣла показать, исторіей своего царствованія".

Это послѣднее замѣчаніе опять не совсѣмъ намъ понятно: на "исторію своего царствованія" императрица безъ сомнѣнія перестала разсчитывать съ перваго личнаго знакомства съ де-Мельяномъ: ея снисходительность скорѣе можно объяснять простой деликатностью къ писателю и эмигранту, довольно замѣтному человѣку своего времени, который все-таки съ ея согласія пріѣхалъ въ Россію; ея снисходительность могла быть желаніемъ загладить эту свою ошибку.

"Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ,—приключенія Сенака де-Мельяна въ Россіи, въ 1791, можно во многихъ отношеніяхъ сравнить съ приключеніями Мерсье де-ла-Ривьера въ 1767.

---

[1] Это не совсѣмъ точно, какъ показываютъ и дальнѣйшія слова автора: пенсія за нимъ оставалась до кончины императрицы,—хотя и это было не обѣщаніе, а подарокъ по доброй волѣ.

Жалкая неудача ихъ предпріятій создаетъ между ними поразительную аналогію.

„Зная Сенака де-Мельяна и то, чего онъ искалъ, намъ трудно не похвалить Екатерину за ея твердость, за ея сопротивленіе и за ея мудрость. Сенакъ де-Мельянъ хотѣлъ заставить императрицу играть роль обманутой. Екатерина II съумѣла уклониться отъ этого, и такимъ образомъ этотъ инцидентъ сводится къ тому, что проектъ былъ разстроенъ и человѣкъ разоблаченъ".

Выше упомянуто, что послѣдніе годы де-Мельянъ доживалъ въ Вѣнѣ.

Въ Государственномъ Архивѣ хранится пачка бумагъ, которыя нѣсколько освѣщаютъ это время его жизни. Здѣсь находятся письма де-Мельяна къ принцу де-Линь и особенно къ гр. А. К. Разумовскому, тогдашнему русскому посланнику въ Вѣнѣ. Де-Мельянъ жилъ вѣроятно невдалекѣ отъ Разумовскаго, котораго называетъ своимъ „сосѣдомъ"—съ разными почтительными эпитетами. Матеріальное положеніе было, кажется, очень стѣсненное. Разумовскій принималъ его, повидимому, любезно и иногда самъ навѣщалъ его,—на языкѣ де-Мельяна, онъ удостоивалъ съ своего „Олимпа" спускаться въ его „скромную хижину" (humble cabane); но „хижина", которая обыкновенно полагается au rez-de-chaussée, находилась на этотъ разъ въ четвертомъ этажѣ.

Изъ писемъ оказывается, что по смерти имп. Екатерины пенсія де-Мельяна была прекращена; это вѣроятно поставило его въ очень трудное положеніе, и когда затѣмъ вступилъ на престолъ имп. Александръ и за границей прочли манифестъ, вспоминавшій объ имп. Екатеринѣ, друзья де-Мельяна поздравляли его, въ увѣренности, что возобновится и его пенсія. Пока, однако, этого не было, и де-Мельянъ усиленно проситъ гр. Разумовскаго о покровительствѣ; между прочимъ, онъ (по прежнему) готовъ былъ отказаться отъ пенсіи съ тѣмъ, чтобы ему единовременно уплачено было тридцать тысячъ рублей.

Не знаемъ, была ли удовлетворена—такъ или иначе—эта послѣдняя просьба.

По смерти де-Мельяна письма къ нему имп. Екатерины доставлены были его сыномъ имп. Александру въ 1803 г., и въ 1825 г. переданы въ Государственный Архивъ.

А. Пыпинъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ СТАРИКАМЪ

О

ПРИРОДѢ

Пишу' для тѣхъ поэму эту,
Кто до преклонныхъ дожилъ лѣтъ
И, вѣренъ юности обѣту,
Свободныхъ думъ хранитъ завѣтъ.
Изъ строя выбыло ужъ много
Борцовъ гражданственной борьбы,
И одного они лишь Бога
Теперь усопшіе рабы.
А изъ живыхъ, готовый скоро
Въ могилу лечь, иной старикъ
Измѣной памятникъ позора
Себѣ сознательно воздвигъ.
Пускай-молъ вѣдаютъ потомки,
Что могутъ быть и старики,
Ходячимъ мнѣньямъ вопреки,
То гибки нравственно, то ломки.
Ахъ, не одинъ изъ насъ погибъ!
И долго мы еще могли бъ
Вести бесѣду въ этомъ родѣ,—
Но мнѣ пора ужъ—о природѣ.

Всегда природу я любилъ,
Да и она меня любила.
Наглядна мнѣ, средь прочихъ силъ,
Въ ней притягательная сила.

И мнится: въ душу я проникъ
Ея явленій, ихъ языкъ
Своеобразный понимая.
Метелей буйный бредъ и вой,
И грохотъ грозъ, и тишь нѣмая,
И слезы осени больной,
И молодыя ласки мая—
Все перечувствовано мной.
Съ возникновенія вселенной
Нашъ духъ мѣняли времена;
Но красотою совершенной
Была земля одарена,
И пребываетъ неизмѣнной.
Все на землѣ, и все надъ ней,
Чѣмъ селянинъ плѣнялся древній,
Не устарѣвъ до нашихъ дней,
Плѣняетъ жителя деревни.
Узоръ древеснаго листа,
Пахучесть розы и сирени,
Воздушной радуги цвѣта́,
Полудня блескъ, ночныя тѣни,
Лѣса, и нивы, и луга
Являютъ намъ картину ту же,
Не лучше древней и не хуже.
И звуки тѣ же. Берега
Волна ласкаетъ тѣмъ же плескомъ,
И межъ собой бесѣду трескомъ
Ведутъ кузнечики такимъ,
Какъ въ дни Гомеровы цикады,
Упоминаемыя имъ
Въ одной изъ пѣсенъ Иліады.
Природа родины моей,
Издавна бывшая мнѣ другомъ,
Теперь, когда, на склонѣ дней,
Томлюсь я старости недугомъ,
Еще мнѣ ближе и милѣй.
Вѣдь я не буду въ тягость ей,
Хотя бы я, больной и хилый,
Шаги замедлилъ предъ могилой.
Живыя тѣни старины
Лишь людямъ въ тягость поневолѣ.
Но, не играющему роли,

И мнѣ ужъ люди не нужны,
А люди новые—тѣмъ болѣ.

Да! Подъ конецъ минувшій вѣкъ
Суть жизни всю переиначилъ;
И современный человѣкъ,
Какъ чудо, старцевъ озадачилъ.
Онъ прежде мѣрою ума
Явленья жизни строго мѣрилъ,
Но шутникамъ теперь повѣрилъ,
Что хочетъ родина сама,
Чтобы въ умахъ царила тьма.
И вотъ, ужъ нѣтъ подъема духа,
И нѣтъ гражданственныхъ началъ...
Какъ скуденъ умъ! Какъ сердце сухо!
Какъ современникъ измельчалъ!
Межъ тѣмъ въ немъ гордости не меньше,
Чѣмъ въ Ницшеанскомъ „Uebermensch“'ѣ.
И я предпочитаю дубъ
Временъ теперешнихъ герою.
Онъ—дерево, но онъ не глупъ;
Въ немъ—сердцевина подъ корою.
Прожить бы мнѣ остатокъ дней
Подальше отъ такихъ людей!
Они въ родимомъ пеизажѣ
Какъ будто близки черезъ-чуръ.
О, еслибъ онъ былъ вовсе даже
Безъ человѣческихъ фигуръ!
Безъ нихъ пріятнѣе въ отчизнѣ.
Къ тому жъ, толпясь предъ сценой жизни,
Все тотъ же видимъ мы сумбуръ.
Вѣдь мы скучали бы,—не такъ ли,—
Когда бы въ оперномъ спектаклѣ
Намъ распѣвали каждый день
Средь живописныхъ декорацій,
Но монотонно, безъ варьяцій,
Одну и ту же дребедень?

О, никогда еще какъ нынѣ
Мірской мнѣ не былъ труденъ гнетъ!
И зовъ таинственный влечетъ
Меня, усталаго, къ пустынѣ.

Какъ хорошо, какъ тихо тамъ!
Теперь бы время, старцы-братья,
Уйти отъ узъ, несносныхъ намъ,
Въ ея широкія объятья.
Друзей отечественной тьмы
Не слышно будетъ и не видно.
А, предъ уходомъ нашимъ, мы
Имъ на прощанье скажемъ: „стыдно!"
О, старцы! Смерть уже близка.
Уйдемъ, уйдемъ—еще пока
Намъ не поются панихиды—
Въ затишье новой Ѳиваиды!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Сентябрь, 1901.
Ильиновка.

НАШИ НАПРАВЛЕНІЯ

— На славномъ посту (1860—1900). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Спб., 1901.
— Николай Бердяевъ. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. Спб., 1901.

I.

Наши умственныя движенія, насколько они выражаются въ литературѣ, издавна носятъ на себѣ совершенно отвлеченный характеръ. Въ сороковыхъ годахъ у насъ увлекались философіей Гегеля; въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ мы строили свое міросозерцаніе по Дарвину и Спенсеру; будущія судьбы Россіи обсуждались съ точки зрѣнія доктрины Маркса. Для объясненія русской дѣйствительности изучались общіе законы соціальной эволюціи, по даннымъ біологіи и соціологіи.' А пока мы всецѣло погружались въ горячіе споры о теоретическихъ основахъ нашего будущаго прогрессивнаго развитія, дѣйствительная жизнь шла своимъ особымъ путемъ и подготовляла намъ жестокіе удары и разочарованія, отбрасывавшія насъ далеко отъ предметовъ нашихъ мечтаній.

Однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ и послѣдовательныхъ представителей этого абстрактнаго направленія въ нашей передовой публицистикѣ является Н. К. Михайловскій, сорокалѣтній литературный юбилей котораго праздновался его многочисленными почитателями въ концѣ истекшаго года. Въ изданномъ по этому поводу интересномъ литературномъ сборникѣ сказано въ предисловіи, между прочимъ, слѣдующее: „На славномъ посту, на которомъ Н. К. Михайловскій остается безсмѣнно уже десятки

лѣтъ, на которомъ у него были великіе предшественники и славные соратники, на которомъ—мы всей душой вѣримъ въ это— у него будутъ не менѣе сильные преемники,—на этомъ не только славномъ, но и трудномъ посту приходится вести жизнь вождя, неустанно борющагося за правду-истину и за правду-справедливость. Юбилейный день засталъ его среди неоконченной борьбы. Но пусть же онъ увидитъ, что не одинъ онъ — въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ завѣтной цѣли. Съ нимъ и за нимъ— одни тѣсно примыкая, другіе нѣсколько поодаль—идутъ многочисленные друзья-единомышленники".

О г. Михайловскомъ писали у насъ довольно много; недавно появились двѣ книги, посвященныя разбору и оцѣнкѣ его идей и теорій,—этюдъ г. Красносельскаго и философскій трактатъ гг. Н. Бердяева и П. Струве; теперь вышла еще третья книга— г. С. Ранскаго; сверхъ того, въ упомянутомъ сборникѣ помѣщено нѣсколько статей, объясняющихъ значеніе и сущность трудовъ г. Михайловскаго. Однако, во всѣхъ этихъ критическихъ этюдахъ и оцѣнкахъ говорится очень мало о той сторонѣ его дѣятельности, которая создала ему положеніе „вождя", вдохновителя и учителя цѣлыхъ поколѣній русской „интеллигенціи". О роли его, какъ талантливаго и неутомимаго журналиста, упоминается только вскользь; его разбираютъ и превозносятъ главнымъ образомъ какъ соціолога. Даже въ „Исторіи новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго выставляются на первый планъ именно соціологическія работы г. Михайловскаго: „его статьи о Спенсерѣ, о Дарвинѣ и вообще по соціологіи,—какъ удостовѣряетъ почтенный авторъ,—имѣютъ не одно только публицистическое значеніе, а представляютъ цѣнный вкладъ въ науку, и если бы ихъ перевести на одинъ изъ иностранныхъ языковъ, они не замедлили бы доставить автору ихъ обще-европейскую извѣстность". Можно вполнѣ согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ г. Скабичевскаго: нѣтъ основанія думать, что г. Михайловскому была бы недоступна „обще-европейская извѣстность", которою пользуются нынѣ многіе наши соотечественники, пишущіе на иностранныхъ языкахъ, какъ, напримѣръ, г. Евгеній де-Роберти или г. Я. Новиковъ. Но, очевидно, не въ сферѣ соціологіи былъ „вождемъ" г. Михайловскій и не какъ ученый соціологъ стоялъ онъ „на славномъ посту". Преувеличенное вниманіе къ этой сторонѣ его многолѣтней работы есть только одно изъ многихъ проявленій того пристрастія къ отвлеченному доктринерству, которое характеризуетъ передовую часть нашего общества и литературы.

Соціологическая теорія, которую много лѣтъ разработывалъ и излагалъ г. Михайловскій, основана на томъ предположеніи, что человѣческое общество, не будучи организмомъ, имѣетъ наклонность развиваться по органическому типу, согласно законамъ біологіи. Такъ какъ организмъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе его составныя части подчинены цѣлому и чѣмъ полнѣе и лучше служатъ ему отдѣльные органы и клѣточки, то и для совершенства человѣческаго общества требовалось бы превращеніе людей въ простыя безличныя орудія, приспособленныя къ выполненію извѣстныхъ спеціальныхъ функцій, подобно тому, какъ это мы видимъ въ устройствѣ муравейника или пчелинаго улья, или въ колоніяхъ гидромедузъ. Совершенствованіе общества представляетъ поэтому величайшую опасность для отдѣльнаго человѣка, угрожая ему уничтоженіемъ индивидуальности или закрывая путь къ самостоятельному ея развитію. Чтобы спасти человѣческую личность отъ печальной участи органовъ общественнаго тѣла, необходимо по возможности стремиться къ сохраненію и увѣковѣченію первыхъ ступеней быта, характеризуемыхъ отсутствіемъ сложнаго раздѣленія труда между людьми. Раздѣленіе труда есть главнѣйшій признакъ перехода общества въ роковую стадію органическаго роста, кончающагося старостью и смертью; оно ведетъ къ преобразованію общества изъ однороднаго въ разнородное и къ замѣнѣ цѣлостныхъ индивидуальностей спеціализированными и искалѣченными, причемъ общество развивается въ ущербъ составляющимъ его личностямъ. Человѣческая индивидуальность поглощается высшею индивидуальностью—семьею, родомъ, племенемъ, обществомъ; а такъ какъ каждый отдѣльный человѣкъ можетъ и долженъ заботиться только объ интересахъ личности, то и прогрессъ общества слѣдуетъ разсматривать исключительно съ этой человѣческой или субъективной точки зрѣнія, а не съ объективной, ставящей общество впереди человѣка. Отсюда законность и неизбѣжность, съ одной стороны, субъективнаго метода въ соціологіи, а съ другой—борьбы за индивидуальность противъ общества, какъ организма. Г. Михайловскій обставляетъ свои разсужденія множествомъ свѣдѣній и примѣровъ, заимствованныхъ изъ трактатовъ по біологіи. Съ особенной горячностью возстаетъ онъ въ защиту индивидуальности противъ Геккеля и Спенсера, какъ и вообще противъ одностороннихъ послѣдователей Дарвина, въ лицѣ которыхъ объективная наука обнаружила готовность распространить на человѣческія общества идею органической эволюціи. Г. Михайловскій потра-

тилъ массу энергіи и остроумія на борьбу съ страшными призраками, навѣянными біологіею,—призраками, созданными уподобленіемъ общества людей колоніямъ сросшихся гидромедузъ или полиповъ. Сифонофоры, полипняки,—въ лучшемъ случаѣ пчелиные ульи и муравейники,—даютъ ему матеріалъ для предостерегающихъ выводовъ о возможной будущей судьбѣ человѣческихъ обществъ при отсутствіи своевременной и неустанной борьбы за индивидуальность.

Въ основѣ соціологическихъ построеній г. Михайловскаго лежитъ весьма важная принципіальная ошибка: онъ воздвигаетъ ихъ всецѣло на данныхъ біологіи, притомъ преимущественно такихъ, которыя касаются низшихъ животныхъ, и только для иллюстраціи получаемыхъ выводовъ беретъ иногда явленія и факты изъ соціальной жизни и исторіи человѣчества. Между тѣмъ, очевидно, что дѣлать выводы о людяхъ на основаніи фактовъ, относящихся къ низшимъ животнымъ, было бы позволительно только въ томъ случаѣ, если бы относительно людей мы не имѣли достаточныхъ прямыхъ свѣдѣній и данныхъ, или если бы жизнь человѣческая не подлежала непосредственному самостоятельному наблюденію; тогда послѣднее по неволѣ замѣнялось бы матеріаломъ, заимствованнымъ изъ сосѣднихъ областей знанія, и пришлось бы прибѣгнуть къ аналогіямъ для полученія какихъ-либо правдоподобныхъ гипотетическихъ результатовъ. Что же касается „субъективнаго метода", то сущность его остается понынѣ неясной,—ибо ни г. Михайловскій, ни его комментаторы не произвели ни одного изслѣдованія по этому методу и не пытались даже показать, въ чемъ онъ заключается и каковы его спеціальные пріемы и правила, въ отличіе отъ существующихъ научныхъ методовъ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, разбирая соціологическіе труды г. Михайловскаго, мы пришли къ заключеніямъ, которыя можемъ вполнѣ повторить въ настоящее время. „Соціологія, какъ и всякая другая наука,—писали мы тогда,—имѣетъ свою самостоятельную область изученія и свой громадный фактическій матеріалъ. Ей нечего дѣлать съ обрывками біологическихъ свѣдѣній, съ аналогіями и аллегоріями изъ области естествознанія. Соціальная наука можетъ установиться прочно только при помощи всестороннихъ наблюденій надъ современною жизнью народовъ, въ связи съ анализомъ и правильнымъ обобщеніемъ фактовъ всемірной исторіи. Никакой субъективной школы въ теоретической наукѣ нѣтъ и быть не можетъ. Соціологіи, построен-

ной на полипнякахъ и ихтіозаврахъ, нѣтъ и быть не можетъ" [1]).

Какъ справедливо замѣчаетъ Тардъ, сравненіе общества съ организмомъ принадлежитъ къ числу тѣхъ произвольныхъ уподобленій, которыми загромождены зачатки всѣхъ наукъ. „Представляя общество какъ великій организмъ, личность (или семью) какъ соціальную клѣточку, и всякую форму соціальной дѣятельности, какъ функцію того или другого органа, думали сказать нѣчто глубокое и поучительное", и требовалось много усилій, чтобы очистить науку отъ этого ложнаго представленія. Научное знаніе,—говоритъ Тардъ,—настолько чувствуетъ потребность опереться прежде всего на какія-либо сходства и повторенія, что, не имѣя ихъ подъ рукой, сочиняетъ воображаемыя вмѣсто истинныхъ, и съ этой точки зрѣнія пресловутая метафора соціальнаго организма должна быть отнесена къ категоріи многихъ символическихъ представленій, которыя имѣютъ такую же временную пользу. При началѣ всякой науки, какъ и всякой литературы, аллегорія играла огромную роль" [2]). Но, независимо отъ степени основательности органической теоріи и представленныхъ противъ нея возраженій, естественно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли она приводитъ къ тѣмъ практическимъ послѣдствіямъ, которыя такъ пугали г. Михайловскаго?

Метафоры и аллегоріи могутъ быть понимаемы различно, смотря по тому, съ какой стороны подойти къ нимъ. Если общество есть организмъ, то оно должно обладать извѣстнымъ мозговымъ центромъ, какъ средоточіемъ направляющей умственной дѣятельности, и само собою разумѣется, что въ составѣ этого общественнаго мозга занимаетъ видное мѣсто литература; умственная работа не могла бы тогда считаться чѣмъ-то подчиненнымъ и второстепеннымъ, ибо мозговые и нервные центры руководятъ мускулами, а не зависятъ отъ нихъ. Всякая личность, пригодная для самостоятельной умственной работы, неизбѣжно примыкала бы къ этому общественному мозгу, и послѣдній ни въ какомъ случаѣ не могъ бы находиться въ распоряженіи органовъ, обладающихъ лишь мускулатурою. При правильномъ органическомъ ростѣ элементы низшаго качества не вытѣсняютъ высшихъ и не командуютъ ими; двигательные центры и мускулы не берутся замѣнить собою или контролировать дѣйствіе мыслительнаго аппарата; клѣточки, приспособленныя къ функціямъ желу-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", 1889, май, стр. 147; ср. также книги за мартъ и апрѣль того же года.

[2]) G. Tarde, Les lois sociales, 1898, стр. 48 и др.

дочнаго сока, не переносятся въ область мозга, чтобы отравить его существованіе или замедлить его развитіе. Въ организмѣ каждая клѣточка исполняетъ свое назначеніе, соотвѣтствующее ея внутреннему составу и ея природнымъ свойствамъ; въ распредѣленіи клѣточекъ по различнымъ органамъ и въ устройствѣ самихъ органовъ нѣтъ ничего случайнаго или произвольнаго. То же самое было бы въ человѣческихъ обществахъ, еслибы они развивались по органическому типу. Такъ какъ отдѣльные общественные органы постоянно измѣняются въ своемъ составѣ, привлекая къ себѣ соотвѣтственныя индивидуальности изъ разныхъ слоевъ населенія, то послѣдовательное нормальное развитіе общества, какъ цѣлаго, не только не исключаетъ и не ограничиваетъ всесторонняго развитія отдѣльныхъ личностей, но напротивъ, создаетъ необходимыя условія для этого развитія. Вмѣсто подавленія индивидуальности, мы видѣли бы высшій ея расцвѣтъ. Къ такому демократическому преобразованію общества идетъ вся исторія западныхъ государствъ за послѣднее столѣтіе. Въ современномъ культурномъ мірѣ не существуетъ уже точно разграниченныхъ классовъ, которые мѣшали бы свободному развитію индивидуальности. Нигдѣ раздѣленіе труда не поставлено въ такія твердыя рамки, чтобы оно могло служить преградой для свободнаго развитія общества и отдѣльныхъ лицъ. Разнообразіе занятій и положеній, доступныхъ всѣмъ и каждому, составляетъ наиболѣе характерную черту новѣйшихъ человѣческихъ обществъ. Опасенія, вызываемыя уподобленіемъ общества живому организму, опоздали на цѣлый вѣкъ или даже больше. Возставать противъ „органическаго" общественнаго развитія и его необходимаго условія—раздѣленія труда,—во имя интересовъ индивидуальности,—было дѣломъ столько же безплоднымъ, сколько и фантастическимъ.

Научная несостоятельность соціологической доктрины Н. К. Михайловскаго очевидна для всякаго, кто пытался отнестись къ ней критически. „Г. Михайловскій—говорится между прочимъ въ книгѣ г. Николая Бердяева,—увлекается біологическими аналогіями несравненно болѣе Спенсера и дѣлаетъ отсюда выводы, несравненно болѣе чуждые общественной наукѣ. Общество никогда и ни въ какомъ смыслѣ не боролось за свою индивидуальность и не порабощало личности; борьба общества за индивидуальность—это выраженіе, лишенное какого бы то ни было смысла; утверждать, что общество развивается по органическому типу—это значитъ играть пустыми аналогіями, изъ которыхъ нельзя сдѣлать ни одного соціологическаго вывода" (стр. 163). Пред-

ложенное г. Михайловскимъ рѣшеніе проблемы объ отношеніяхъ личности и общества „покоится на двухъ фикціяхъ. Личность и общество, съ которыми имѣетъ дѣло г. Михайловскій,—не реальные элементы историческаго процесса, а идеальныя абстракціи, и абстракціи, лишенныя всякаго соціологическаго содержанія" (стр. 162).

Еще рѣзче выражается г. П. Струве. Органическая теорія есть, по его словамъ, „такое грубое и аляповатое обобщеніе, что его, кажется, нѣтъ уже болѣе надобности критиковать". Грубость этого обобщенія г. Михайловскій „доводитъ еще до послѣдней степени, разсматривая не только общество какъ организмъ, но и человѣческую личность какъ органъ для общества и организмъ для себя. На этомъ фундаментѣ онъ строитъ свое ученіе о борьбѣ между обществомъ-организмомъ и личностью, превращаемою изъ организма въ органъ. Такимъ образомъ у него аналогія дѣйствительно превращается изъ сравнительно безобидной игры ума, изъ способа представленія—въ настоящую теорію,—хотя мотивы ея совершенно ненаучны и въ этомъ отношеніи она является заранѣе обезцѣненною для науки. Но именно какъ теорія ученіе г. Михайловскаго несостоятельно: въ основу его положенъ не научный анализъ явленій развитія общества и развитія личности, а опредѣленіе этихъ понятій въ чисто-біологическомъ смыслѣ. Поэтому—заключаетъ г. П. Струве —мы съ полнымъ правомъ можемъ утверждать, что соціологическая теорія г. Михайловскаго есть образчикъ наихудшаго вида теорій—тѣхъ, которыя претендуютъ давать эмпирическое объясненіе фактовъ, но на самомъ дѣлѣ представляютъ дедукціи изъ понятій" (предисловіе къ книгѣ г. Бердяева, стр. LVIII). „Съ точки зрѣнія теоріи познанія, субъективный методъ есть нелѣпость и—что еще хуже—ложь, стремящаяся подорвать самую возможность познанія „человѣческаго" (тамъ же, стр. XVIII).

Даже одинъ изъ самыхъ мягкихъ и безпристрастныхъ критиковъ г. Михайловскаго, г. С. Ранскій, вынужденъ признать, что „его соціологія въ послѣднемъ анализѣ сводится къ констатированію непонятныхъ случайностей", что отличительная ея черта—„игнорированіе фактовъ, на мѣсто которыхъ онъ ставитъ абстрактныя положенія", что постановка вопроса о всестороннемъ развитіи личности въ его теоріи „не выдерживаетъ критики" и что „русская соціологическая школа, такъ много говорившая о субъективномъ методѣ, какъ ея существенномъ отличіи, не выяснила въ достаточной степени, въ чемъ состоитъ сущность

этого метода" („Соціологія Н. К. Михайловскаго", Спб., 1901, стр. 124, 148, 159, 167 и др.).

II.

Отбросивъ такъ называемое соціологическое ученіе г. Михайловскаго, мы нисколько не умаляемъ внутренней цѣнности и крупной общественной роли его публицистики. Тѣ идеалы, которые онъ проповѣдывалъ неустанно, имѣли лишь отдаленную или искусственную связь съ его теоріями и выводами въ области соціологіи; они коренились въ характерѣ умственной жизни и настроенія передовой части нашего общества въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Мечты о цѣлостной самодовлѣющей индивидуальности сливались у г. Михайловскаго съ господствовавшимъ тогда поклоненіемъ народу или, вѣрнѣе, крестьянству, воплощающему въ своемъ общинномъ бытѣ прямое отрицаніе индивидуализма. Однородная крестьянская масса, съ ея мірскимъ землевладѣніемъ и мірскою правдою, представлялась именно тѣмъ типомъ общества, при которомъ каждая личность одинаково упражняетъ и примѣняетъ всѣ свои способности и, слѣдовательно, можетъ сохранить свой цѣлостный характеръ. Полное равенство людей, отсутствіе сложнаго раздѣленія труда и связанныхъ съ нимъ классовыхъ и профессіональныхъ различій, обязательная для всѣхъ многообразная работа, привычка къ общинной и артельной организаціи,—все это черты, обезпечивающія, будто бы, нашему народу превосходство предъ культурными націями Запада (высшій „типъ развитія", при низшей „ступени" его). Эти же особенности быта уменьшаютъ опасность одностороннягo и пассивнаго подчиненія отдѣльнымъ лицамъ или „героямъ", такъ какъ гипнотизирующее вліяніе послѣднихъ находитъ наибольшій просторъ при скудости и постоянномъ однообразіи впечатлѣній, т.-е. при обычныхъ признакахъ и послѣдствіяхъ узкой спеціализаціи труда. Образованные классы, выросшіе и поддерживаемые на счетъ народа, являются его должниками; поэтому „интеллигенція" призывается уплатить свой долгъ народу безкорыстнымъ служеніемъ его интересамъ. Благодаря крестьянству, Россія имѣетъ шансы пойти по другой исторической дорогѣ, чѣмъ западно-европейскія государства; она не дастъ хода буржуазіи, избѣгнетъ господства промышленнаго класса подъ флагомъ либеральныхъ учрежденій и останется свободною отъ великаго соціальнаго зла, подтачивающаго жизнь западныхъ странъ,—безземельнаго рабочаго пролетаріата.

На этихъ началахъ установилось и окрѣпло направленіе, извѣстное подъ именемъ „народничества". Г. Михайловскій оказалъ несомнѣнно сильное вліяніе на развитіе народническихъ идей и чувствъ; онъ придалъ имъ оттѣнокъ чего-то отвлеченнаго, безусловнаго, и въ то же время очень далекаго отъ реальныхъ условій нашей дѣйствительности.

Теоретическое народничество, проистекая изъ чистыхъ и высокихъ побужденій, питалось крайне смутнымъ идейнымъ матеріаломъ; оно выкраивало свои общія формулы по готовымъ иностраннымъ образцамъ и даже свои самобытныя особенности обосновывало схоластическимъ толкованіемъ книги Маркса о капиталѣ. Такъ какъ за границею защитники рабочаго класса ведутъ борьбу противъ либеральной промышленной буржуазіи, овладѣвшей политической властью посредствомъ свободныхъ учрежденій, то и наши народники громили либераловъ, хотя и не промышленныхъ, насмѣшливо относились къ „правовому порядку" и выказывали полнѣйшее пренебреженіе къ требованіямъ тѣхъ элементарныхъ политическихъ реформъ, которыя повсюду предшествовали соціальнымъ улучшеніямъ и безъ которыхъ нельзя сдѣлать ничего прочнаго для народа. Высмѣивая русскій либерализмъ, съ его скромными принципами—неприкосновенности личности, отмѣны тѣлеснаго воздѣйствія на крестьянъ, облегченія для нихъ податного бремени, свободы совѣсти и мнѣній, общественнаго самоуправленія, независимаго суда и т. п., наши теоретики народничества, съ г. Михайловскимъ во главѣ, отрицали въ сущности единственный возможный путь къ постепенному достиженію ихъ собственныхъ идеальныхъ цѣлей. Въ погонѣ за „журавлемъ на небѣ", они не замѣчали вопіющихъ потребностей народной массы и съ сектантскимъ самодовольствомъ превозносили ея соціальныя преимущества предъ другими націями въ то самое время, когда огражденіе ея отъ розогъ и отъ разорительныхъ податныхъ экзекуцій составляло еще спорный вопросъ внутренней политики. Если у насъ выступали иногда сторонники либерализма въ западно-европейскомъ буржуазномъ смыслѣ, въ интересахъ своекорыстной эксплуатаціи народнаго труда, то это еще не оправдывало причисленія къ „яснолобымъ либераламъ" (выраженіе г. Михайловскаго) всѣхъ вообще приверженцевъ либеральныхъ улучшеній въ нашей жизни.

Народники разрѣшали міровыя соціальныя задачи по Марксу и Энгельсу, поправляли соціологію Спенсера, спорили о субъективныхъ идеалахъ, о борьбѣ за цѣлостную индивидуальность, и смотрѣли свысока на текущія политическія злобы дня, на робкія

попытки либеральной печати отстоять поруганныя права реальныхъ индивидуальностей и бороться противъ все болѣе торжествовавшихъ глашатаевъ тьмы и безправія. Отрицательное или по меньшей мѣрѣ индифферентное отношеніе къ либерализму и къ обширному кругу затрогиваемыхъ имъ насущныхъ вопросовъ и задачъ—было важнѣйшимъ грѣхомъ г. Михайловскаго и его школы. Народники наивно вѣрили, что ихъ благожелательныя формулы осуществятся сами собою въ силу законовъ исторической эволюціи; они стояли за „широкое государственное вмѣшательство“, предполагая, что оно само собою направится въ нужную и симпатичную имъ сторону, для исключительной пользы трудящагося земледѣльческаго населенія, и въ этихъ упорныхъ надеждахъ сказывалось какое-то младенческое непониманіе бюрократическаго строя и обычныхъ фактическихъ условій его дѣйствія.

Мыслители разныхъ передовыхъ направленій, возникшихъ у насъ съ конца 60-хъ годовъ, представляли себѣ положеніе Россіи въ такомъ видѣ: съ одной стороны, существуетъ „интеллигенція“, а съ другой—народъ, и отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ силъ будетъ зависѣть выборъ пути, по которому пойдетъ Россія. Мы какъ будто бы вновь начинали свою исторію; за нами, позади, была какая-то темная пустота; впереди были только наши идеалы. „Интеллигенціи“ предстояло рѣшить, какова должна быть судьба нашего народа и государства. Однако, прежде чѣмъ заняться этимъ рѣшеніемъ, надо было покончить съ двумя предварительными вопросами. Во-первыхъ, могутъ ли отдѣльныя личности вести за собою общество и устраивать судьбу страны по внушеніямъ своего разума и нравственнаго чувства? Одни, какъ Миртовъ-Лавровъ-Арнольди, краснорѣчиво доказывали, что исторію создаютъ или могутъ создавать критически-мыслящія личности, и что, слѣдовательно, наша „интеллигенція“ вполнѣ обладаетъ возможностью исполнить свое предназначеніе; другіе выдвигали на первый планъ общественную и экономическую эволюцію, причемъ опирались на авторитетъ Маркса. Во-вторыхъ, нѣтъ ли такого историческаго закона, который обязывалъ бы насъ идти по опредѣленной дорогѣ, самостоятельно или вслѣдъ за западными націями? Если есть такой научный законъ, то необходимо его выяснить, чтобы въ точности знать, куда идти, и не тратить напрасно своихъ силъ. Эти отвлеченные вопросы—о роли личности въ исторіи и о законахъ историческаго развитія—пріобрѣли у насъ глубоко-практическую важность и стали любимыми предметами разсужденій и споровъ. Дѣло

шло о будущности Россіи, ибо никто не сомнѣвался, что эта будущность находится всецѣло въ рукахъ „интеллигенціи".

Странное самообольщеніе, порожденное искусственною атмосферою абстрактнаго доктринерства, не поддавалось вліянію житейскаго опыта. При трезвомъ взглядѣ на окружающую жизнь нельзя было не убѣдиться, что кромѣ интеллигенціи и крестьянства есть еще другіе весьма сильные элементы, которымъ на дѣлѣ принадлежитъ надъ ними господство. Россіи вовсе не предстояло начинать свою исторію; она имѣетъ за собою уже довольно сложное историческое прошлое, отъ котораго унаслѣдовала кое-что кромѣ общины и артели. Вмѣсто однородной массы мы видимъ въ народѣ различные слои и классы, существующіе уже цѣлые вѣка; кромѣ селъ, есть и города, и старинные промышленные центры; кромѣ крестьянъ, есть и значительное и очень вліятельное сословіе привилегированныхъ землевладѣльцевъ; есть и крупное и мелкое купечество, есть заводы и фабрики, есть обширные и разнообразные разряды ремесленниковъ и рабочихъ. Само крестьянство съ давнихъ поръ непрерывно выдѣляетъ изъ себя съ одной стороны зажиточныхъ хозяевъ и кулаковъ, а съ другой—неимущихъ искателей наемной работы. Раздѣленіе труда, отвергаемое г. Михайловскимъ, какъ нѣчто еще несвойственное нашему народному быту, представляетъ у насъ давнишній историческій фактъ, засвидѣтельствованный многими законодательными памятниками, начиная съ „Русской Правды". Капитализмъ, о непримѣнимости котораго къ нашимъ хозяйственнымъ условіямъ толковали и спорили народники, процвѣталъ еще въ древнемъ Новгородѣ и водворился въ Россіи задолго до Петра Великаго. На каждомъ шагу опровергалась также теорія г. Михайловскаго относительно героевъ и толпы: при самомъ слабомъ раздѣленіи труда заразительность и сила подражанія доходятъ до нелѣпости, подъ вліяніемъ невѣжества и суевѣрія; только „героями" являются большею частью совершенно ничтожные субъекты, въ отличіе отъ тѣхъ „изобрѣтателей" и новаторовъ, о которыхъ говоритъ Тардъ въ своемъ трактатѣ о законахъ подражанія. Въ концѣ концовъ, „интеллигенція" претерпѣла лишь рядъ разочарованій, безъ малѣйшей пользы для кого бы то ни было: поглощенная обсужденіемъ способовъ двинуть Россію на новый путь, она часто сама была лишена возможности двигаться и имѣла много случаевъ испытать на себѣ степень своего собственнаго безсилія.

III.

Теоретики народничества думали совмѣстить служеніе крестьянству съ поклоненіемъ научному авторитету Маркса. „Капиталъ“ былъ и остается для нихъ высшимъ вмѣстилищемъ истины, несмотря на то, что доктрина, излагаемая въ этой книгѣ, пророчитъ гибель основамъ народническаго культа — крестьянскому землевладѣнію, сельской общинѣ и кустарнымъ промысламъ. Неодолимая потребность поклоненія излюбленнымъ отвлеченнымъ теоріямъ, даже въ ущербъ собственнымъ идеаламъ, проявляется довольно ярко въ самой манерѣ обычныхъ ссылокъ на Маркса: его цитируютъ не какъ изслѣдователя и философа, а какъ непогрѣшимаго учителя, глашатая объективной „правды-истины“, которую нужно такъ или иначе примирить съ „правдой-справедливостью“. Въ сборникѣ, посвященномъ г. Михайловскому, одинъ изъ авторовъ критикуетъ Каутскаго и находитъ у него „величайшій грѣхъ, величайшее насиліе надъ цѣлымъ рядомъ неоспоримѣйшихъ истинъ политической экономіи“ только потому, что Каутскій впалъ въ противорѣчіе съ „относящимися сюда положеніями своего великаго учителя, Карла Маркса“. „Говорю это смѣло, — продолжаетъ авторъ,—потому что чувствую подъ собою твердую почву: тѣ мѣста изъ Маркса, которыя я приведу, не оставляютъ ничего желать въ смыслѣ ясности и не допускаютъ никакихъ перетолкованій. Раскроемъ третій томъ „Капитала“ и т. д.“ (отд. II, стр. 169). Такихъ примѣровъ обращенія къ Марксу, какъ къ послѣдней инстанціи въ научно-экономическихъ вопросахъ, можно бы привести множество,—ими переполнена наша новѣйшая соціальная литература. Тщетныя усилія приспособить эту мнимую „твердую почву“ къ принципамъ и стремленіямъ народничества вносятъ въ судьбу послѣдняго трагикомическій элементъ, который особенно выступилъ наружу съ появленіемъ у насъ откровенныхъ и прямолинейныхъ приверженцевъ ученія Маркса.

Борьба новыхъ русскихъ марксистовъ съ народниками-марксистами представляетъ по истинѣ жалкое зрѣлище: обѣ стороны съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, тянутъ къ себѣ „твердую почву“ Маркса, рвутъ на части его ученіе, клянутся его подлинными словами и стараются во что бы то ни стало извлечь указанія относительно экономической будущности Россіи изъ трактата писателя, который никогда не изучалъ Россіи и презрительно смѣшивалъ русскихъ съ калмыками. Несомнѣнно, что

на „твердой почвѣ“ слѣпой вѣры въ авторитетъ учителя новые марксисты имѣли безусловное преимущество предъ старыми, какъ болѣе правовѣрные и послѣдовательные истолкователи доктрины, одинаково признаваемой обоими направленіями. Поднялись ожесточенные споры о способахъ пониманія и примѣненія у насъ пророческихъ формулъ, которыя по существу не только не могутъ служить твердою почвою для выводовъ, но и сами не имѣютъ подъ собою никакой почвы, будучи лишь порожденіемъ гегельянской софистики. Съ точки зрѣнія безпристрастной научной логики, система Маркса, при всей своей внѣшней обаятельности и при массѣ отдѣльныхъ цѣнныхъ и сильныхъ мѣстъ, сводится, въ послѣднемъ счетѣ, къ цѣпи грубыхъ и тонкихъ софизмовъ и недомолвокъ [1]; но она незамѣнима, какъ вдохновляющая и движущая сила западно-европейскаго рабочаго движенія, и въ этомъ смыслѣ она считается на Западѣ неприкосновенною для извѣстныхъ партій, враждебныхъ капитализму и промышленной буржуазіи. У насъ же эта практическая партійная неприкосновенность, соблюдаемая и поддерживаемая соотвѣтственною частью заграничной литературы, принимается за доказательство всеобщаго обязательнаго признанія научной, теоретической непогрѣшимости Маркса. Отсюда рядъ недоразумѣній и несообразностей, объясняемыхъ исключительно подражаніемъ.

Самостоятельныхъ мотивовъ для возведенія „Капитала“ на степень соціально-экономическаго евангелія у насъ не существовало и не существуетъ, такъ какъ идеалы западно-европейскаго промышленнаго пролетаріата совершенно чужды и во многомъ противоположны интересамъ русскаго трудящагося населенія. Поэтому, изъ уваженія къ авторитету Маркса, оставалось только увѣровать, что въ будущемъ у насъ выработаются тѣ же хозяйственныя условія, какъ на Западѣ, и что наше крестьянство превратится въ безземельный рабочій классъ, по заграничному образцу, съ тѣми же послѣдствіями, какія предсказаны въ „Капиталѣ“ для современныхъ промышленныхъ странъ. Новые русскіе марксисты увѣровали—и выразили свою вѣру съ такимъ радостнымъ чувствомъ и ликованіемъ, какъ будто имъ открылись необыкновенно заманчивые и свѣтлые горизонты всеобщаго человѣческаго счастья. Замѣнивъ половинчатаго, урѣзаннаго Маркса народниковъ цѣльнымъ и полнымъ иностраннымъ Марксомъ, они

[1]) Доказательства въ пользу этого вывода собраны въ моей книгѣ: „Экономическое ученіе Карла Маркса“, Спб., 1898.

возстановили, какъ имъ казалось, утраченное единство міросозерцанія и пріобрѣли душевную бодрость, которой недоставало ихъ противникамъ. Возможность поклоняться избранному кумиру безъ всякихъ ограничительныхъ оговорокъ была для нихъ источникомъ великаго нравственнаго удовлетворенія. Этимъ объясняется, вѣроятно, тотъ подъемъ духа, которымъ отличались первые литературные плоды возрожденнаго марксизма—сочиненія гг. П. Струве, Туганъ-Барановскаго, Бельтова-Волгина, Вл. Ильина, С. Булгакова и другихъ. Марксисты съ торжествомъ указывали на новѣйшіе успѣхи капитализма въ Россіи, на развитіе у насъ крупной промышленности и связаннаго съ нею рабочаго пролетаріата, на разложеніе земельной общины и общій упадокъ крестьянскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ. Факты, отчасти созданные одностороннею экономическою политикою послѣднихъ десятилѣтій, рѣшительно свидѣтельствовали, что мы идемъ по пути Запада и быстро прививаемъ себѣ соціальныя болѣзни, отъ которыхъ насъ, повидимому, избавляли особенности нашего земледѣльческаго быта. Народникамъ нечего было возражать ни противъ подлиннаго Маркса, ни противъ фактическаго хода русской жизни, постепенно разрушающаго ихъ завѣтныя иллюзіи. Марксисты приписали себѣ побѣду и провозглашали ее съ какимъ-то ликующимъ видомъ.

„„Дѣло“, въ которомъ обсуждалась возможность (или невозможность) капиталистическаго развитія Россіи,—говоритъ г. Струве въ предисловіи къ книгѣ г. Н. Бердяева,—должно считаться, какъ говорятъ въ канцеляріяхъ, оконченнымъ: основной вопросъ вырѣшенъ самою жизнью, и, я думаю, самъ г. Михайловскій согласенъ, что публицистамъ необходимо оставить въ покоѣ это нынѣ уже старое, т.-е. ставшее уже достояніемъ исторіи дѣло. Не будемъ тратить свои и читательскія силы изъ-за этой исторической синей обложки, на которой явственно рукою исторіи начертано: „начато тогда-то, окончено тогда-то, срокъ капиталистической выучки не опредѣленъ“ (стр. LXXX). Можно подумать, что дѣло начато было по иниціативѣ г. Струве и рѣшено въ его пользу; въ дѣйствительности капиталистическое развитіе Россіи, какъ мы замѣтили уже выше, началось въ болѣе отдаленную эпоху, получило сильный толчокъ при Петрѣ Великомъ и пошло ускореннымъ темпомъ послѣ крымской войны, когда марксистовъ не было еще на свѣтѣ. Но капиталистическое развитіе можетъ имѣть различныя формы, и само по себѣ оно не предрѣшаетъ еще ни упадка крестьянскаго землевладѣнія,

ни образованія многомилліоннаго пролетаріата. Въ какомъ направленіи будетъ развиваться нашъ капитализмъ—это зависитъ уже не отъ однихъ хозяйственныхъ условій, но и отъ обстоятельствъ и элементовъ другого порядка, къ которымъ марксисты, какъ и народники, относятся съ напускнымъ равнодушіемъ.

Сами марксисты чрезвычайно довольны результатами своей дѣятельности и очень хвалятъ свое направленіе. По словамъ г. Н. Бердяева, „противорѣчія, въ которыхъ путался г. Михайловскій, прекрасно разрѣшаются новымъ направленіемъ", которое въ другомъ мѣстѣ названо „самымъ прогрессивнымъ, самымъ демократическимъ направленіемъ русской жизни" (стр. III и 264). Что касается народничества, то оно „умерло, и новая мысль воздвигаетъ на его развалинахъ свой храмъ" (стр. 267). Собственно говоря, нельзя называть направленіемъ русской жизни и мысли идолопоклонство немногихъ лицъ предъ „Капиталомъ" Карла Маркса; еще менѣе возможно говорить о новизнѣ такого направленія, которое всецѣло держится на нѣмецкой книгѣ, хорошо извѣстной у насъ въ русскомъ переводѣ съ начала семидесятыхъ годовъ. Мудрено также толковать о храмѣ, воздвигаемомъ, будто бы, этою „новою мыслью" на развалинахъ стараго народничества.

Впрочемъ, періодъ самоувѣреннаго возбужденія марксистовъ продолжался недолго; ихъ „новая мысль", нашедшая себя въ старомъ нѣмецкомъ трактатѣ, не удовлетворилась своимъ открытіемъ и стала вскорѣ колебать свою твердую почву, дѣлая различныя дерзновенныя и противорѣчивыя поправки къ теоріямъ учителя. Нѣкоторые даже отреклись отъ существенныхъ сторонъ ученія и въ поискахъ новыхъ путей углубились въ метафизику. Оправдывая этотъ неожиданный поворотъ въ дебри философіи, г. П. Струве замѣчаетъ, что „при выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія нельзя безнаказанно отбрасывать основные вопросы познанія и бытія". Въ концѣ концовъ—говоритъ онъ съ паѳосомъ—„критическое сознаніе всякаго дѣйствительно мыслящаго человѣка неотразимо поставитъ передъ нимъ эти вопросы, и горе тому общественному направленію, которое забываетъ объ ихъ постановкѣ и рѣшеніи, или же рѣшаетъ ихъ безъ напряженной работы собственной мысли, по рутинѣ и традиціи!" (стр. LVII). Что никакое цѣльное міросозерцаніе не можетъ обойти основные вопросы познанія и бытія,—это совершенно вѣрно; но чтобы „общественное направленіе" ставило и рѣшало отвлеченные философскіе вопросы—это уже ни съ чѣмъ не сообразно и нигдѣ

не бываетъ, внѣ кружковъ нашей отечественной интеллигенціи. Только у насъ выдается за общественное направленіе кабинетная схоластика, открывающая то Канта, то Маркса, и замѣняющая задачи жизни самообразованіемъ представителей „новой мысли“.

Неудивительно поэтому, что въ обществѣ замѣчается „умственный разбродъ“ и что все рѣзче обнаруживаются признаки „идейной разрозненности, царящей теперь въ передовыхъ рядахъ нашей литературы“, какъ жалуется одинъ изъ участниковъ сборника, посвященнаго вождю движенія, г. Михайловскому (отд. II, стр. 160). Многолѣтнее водительство послѣдняго, какъ видно, не принесло желанныхъ плодовъ,—оно кончается безнадежнымъ умственнымъ разбродомъ, чего не скрываютъ отъ себя и вѣрные поклонники и единомышленники г. Михайловскаго.

Гораздо важнѣе этого умственнаго разброда—нынѣшній хаосъ понятій въ области реальныхъ общественныхъ интересовъ,—хаосъ, прикрываемый въ передовой части литературы глубокомысленными философско-соціологическими словопреніями. Систематическое пренебреженіе къ вопросамъ внутренней политики привело къ тому, что народники часто становятся въ ряды хвалителей всепоглощающаго и всемогущаго бюрократизма, что ученые люди не стѣсняются доказывать несовмѣстимость нашего государственнаго строя съ существованіемъ земства, развитіе котораго поощрялось даже при Іоаннѣ Грозномъ; и что мысль о непригодности для насъ западно-европейскихъ либеральныхъ началъ переходитъ въ откровенную самодовольную проповѣдь восточно-азіатскихъ принциповъ на столбцахъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ. Грубѣйшіе софизмы, построенные на смѣшеніи государства съ его органомъ, правительствомъ, а послѣдняго—съ органами одного изъ министерствъ, ежедневно преподносятся публикѣ въ видѣ безспорныхъ охранительныхъ истинъ и серьезно терроризируютъ общественное мнѣніе. Отсутствіе элементарнаго политическаго пониманія даетъ себя чувствовать каждый разъ, когда публицисты, привыкшіе разсуждать по Марксу, сталкиваются лицомъ къ лицу съ какими-нибудь печальными фактами окружающей дѣйствительности. Нельзя безнаказанно жертвовать реальностью ради абстракцій и отвергать политику ради соціологіи или экономики. Извѣстный родъ либерализма, соотвѣтствующій настоятельнымъ народнымъ потребностямъ, долженъ сдѣлаться общимъ достояніемъ всѣхъ добросовѣстныхъ направленій, въ качествѣ необходимаго предваритель-

наго условія всякой дѣятельности на пользу страны и народа. Это сознаніе, долго отрицаемое въ теоріи, начинаетъ, кажется, пробивать себѣ дорогу подъ вліяніемъ практическаго опыта, достаточно убѣдительнаго и для самыхъ неисправимыхъ доктринеровъ.

Л. Слонимскій.

ПИСЬМО

1.

„Я вамъ пишу—чего же болѣ“?..
Такъ начинается письмо,
Чтò мы заучиваемъ въ школѣ.
Вѣщаетъ сердце такъ само
И мнѣ, когда сіе посланье,
Татьянѣ милой въ подражанье,
Я вамъ рѣшился написать,
Хоть мнѣ Татьяна не подъ-стать.
Ужъ слишкомъ накопилось много
И думъ, и чувствъ въ душѣ моей;
Богъ дастъ, пойдутъ дѣла ровнѣй,
Коль выходъ дамъ всему, чтò строго
Вы не осудите, авось:
Мой стихъ безгрѣшенъ вѣдь насквозь.

2.

Досадно въ немощи признаться,
Но—такъ и быть—откроюсь вамъ:
Усталъ я за мечтой гоняться
И повергать къ ея стопамъ
Всего себя съ надеждой тайной;
Ни благосклонности случайной,
Ни дружбы, ни любви прямой
Мнѣ не подàритъ ангелъ мой!

Раскинувъ крылья на просторѣ,
Мечта несется быстро вдаль;
Ей не нужна моя печаль,
Ей тяжко жить со мной въ затворѣ.
И вотъ я вижу, что давно
Ей, какъ и мнѣ, ужъ все равно...

3.

Но неужели съ чудной сказкой
Легко разстанется поэтъ?
Такой мѣщанскою развязкой
Онъ насмѣшитъ лишь цѣлый свѣтъ,
И врядъ ли кто ему повѣритъ,
Что онъ слегка не лицемѣритъ,
Мирясь съ кручиною своей.
Нѣтъ, не забыть ему очей
Небесной гостьи бѣлокрылой!
Онъ не умчится вслѣдъ за ней
Въ сіянье радужныхъ огней,
Но о судьбѣ своей унылой
Онъ пѣсню робкую споетъ,
Слѣдя волшебницы полетъ.

4.

Мой милый другъ, мой другъ мятежный,
Зачѣмъ тебя со мною нѣтъ!
Съ своею ласкою небрежной
Ты мнѣ милѣй, чѣмъ цѣлый свѣтъ.
Земныхъ страстей смятенье зная,
Ты, вѣстница святого рая,
Мой духъ умѣешь окрылить
И заставляешь полюбить
Все то, что̀ злобною судьбою
Мнѣ предназначено нести...
О, поскорѣй перекрести,
Хотя-бъ съ заочною мольбою,
Того, кто вѣритъ въ чудеса,
Предъ кѣмъ закрылись небеса!

I.

Нѣтъ, не одинъ я на свѣтѣ съ просторомъ небеснаго свода,
Дивно безстрастнаго Бога обителью ярко-лазурной,
Съ тѣснымъ пріютомъ земли, стародавняго зла колыбелью,
Съ муками бреннаго тѣла, на трудъ осужденнаго тяжкій,
Съ жадной алчбою души, ненасытной въ исканіяхъ правды,
Съ волей, колеблемой страхомъ невѣдомыхъ призраковъ ночи:
Вѣчно со мною и ты, благодатная смерть-воскресенье!..

II.

Ропщущихъ волнъ бѣлоснѣжные гребни
Къ берегу гонитъ далекое море,
Да упокоится въ зыби песчаной
Грозъ пережитыхъ остывшее горе.

Саваномъ сѣрымъ туманъ заклубился,
Носятся чайки съ привѣтомъ прощальнымъ,
Вѣтеръ прибрежный заноситъ могилу...
Ночь ужъ близка съ тихимъ сномъ безпечальнымъ.

С. М. Л—новъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1901.

Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ о междуземскихъ сношеніяхъ и комментаріи къ нему въ печати.—Тенденціозный слухъ относительно предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ.—Значеніе выборнаго начала въ земскомъ самоуправленіи.—Зарайское уѣздное земское собраніе, какъ признакъ регресса въ земской сферѣ.—Положеніе продовольственнаго дѣла къ началу ноября.

Намъ неоднократно приходилось упоминать о земскихъ ходатайствахъ, отклоненныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ или комитетомъ министровъ на томъ основаніи, что они были возбуждены какимъ-нибудь однимъ земствомъ, а не нѣсколькими земскими собраніями. Въ основаніи такихъ отказовъ лежало, очевидно, предположеніе, что потребность, о которой заявляетъ одно лишь земство, не можетъ считаться настолько общей и назрѣвшей, чтобы послужить поводомъ къ постановкѣ соотвѣтственнаго законодательнаго вопроса. Между тѣмъ, молчаніе другихъ земствъ объяснялось, во многихъ случаяхъ, вовсе не различіемъ условій и не разногласіемъ въ ихъ пониманіи и оцѣнкѣ, а просто недостаткомъ иниціативы или сосредоточеніемъ ея на другихъ предметахъ, въ данную минуту и для данной мѣстности болѣе неотложныхъ. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, въ земскимъ сферахъ должна была возникнуть мысль о цѣлесообразности междуземскихъ сношеній, результатомъ которыхъ могло бы быть возбужденіе тожественныхъ или однородныхъ ходатайствъ и, слѣдовательно, устраненіе чисто-формальной fin de non recevoir, упомянутой нами выше. Отъ времени до времени подобныя сношенія, повидимому, и производились, далеко, впрочемъ, не составляя общаго правила; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣкоторыя ходатайства, повторенныя почти всѣми земскими губерніями (напр., ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній), вовсе не были дѣломъ предварительнаго соглашенія. Нельзя сказать, также, чтобы заявленіе ходатайства одновременно нѣсколькими земствами значительно уве-

личивало шансы вниманія къ нему со стороны высшей администраціи. Какъ бы то ни было, дальнѣйшему развитію обычая, едва успѣвшаго войти въ жизнь, положена, въ настоящее время, административная преграда. Циркуляромъ, отъ 23-го августа, сношенія между земскими и городскими управленіями относительно возбужденія ходатайствъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ, признаны дѣяніями, выходящими изъ предѣловъ власти этихъ управленій, отрывающими ихъ отъ работы на пользу мѣстную и увлекающими ихъ на ложный путь. Ссылаясь на ст. 194 Общ. учр. губ. (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г.), по смыслу которой общественныя и сословныя собранія, а слѣдовательно и исполнительные ихъ органы, не вправѣ вступать въ сношеніе съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ, иначе какъ съ разрѣшенія губернатора, министръ внутреннихъ дѣлъ обращаетъ вниманіе начальниковъ губерній на недопущеніе со стороны земскихъ и городскихъ управленій указанныхъ выше неправильныхъ сношеній, съ предупрежденіемъ, что „такія дѣйствія, какъ носящія явный характеръ превышенія власти, могутъ повлечь за собою для виновныхъ законную отвѣтственность". Намъ кажется, что между случаями, предусмотрѣнными ст. 194-ою, и сношеніями, запрещаемыми циркуляромъ, нѣтъ полной аналогіи. Въ ст. 194-й идетъ рѣчь о *собраніяхъ*, общественныхъ и сословныхъ. Эти собранія дѣйствуютъ, по общему правилу, гласно и публично; публичными были бы, слѣдовательно, и постановленія ихъ о сношеніи съ другими собраніями—и такою публичностью, могущею принять демонстративный характеръ, и вызвано, по всей вѣроятности, запрещеніе закона, едва ли примѣнимаго, напримѣръ, къ взаимнымъ сношеніямъ губернскихъ предводителей дворянства. Запрещены, притомъ, сношенія собраній по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ *распоряженіямъ*—распоряженіямъ, очевидно, уже состоявшимся, коллективную критику которыхъ хотѣлъ предупредить законодатель. Отъ такой критики далеки земскія ходатайства, направленныя не *противъ* тѣхъ или иныхъ правительственныхъ *распоряженій*, а къ измѣненію или дополненію того или иного дѣйствующаго *закона*. Трудно, наконецъ, предупредить *частныя* сношенія между гласными различныхъ земствъ—или даже между предсѣдателями и членами различныхъ управъ,—не меньше оффиціальныхъ сношеній могущія привести къ нѣкоторой системѣ, или нѣкоторому единству въ возбужденіи земскихъ ходатайствъ.

Нетрудно себѣ представить, какими комментаріями сопровождала циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ реакціонная пресса. „Обычная исторія нашихъ пресловутыхъ земскихъ ходатайствъ, касающихся общегосударственныхъ вопросовъ", — читаемъ мы въ „Московскихъ

Вѣдомостяхъ",—„всегда неизмѣнно распадается на двѣ части: во-первыхъ, агитацію печати и во-вторыхъ—агитацію въ средѣ земскихъ собраній. Выполненіе первой части этой програмы у насъ на виду. Нельзя сказать того же о второй части: она происходитъ гдѣ-то тамъ, за кулисами, въ глубинѣ провинціи. Какъ совершается она, каковъ ея внутренній механизмъ, представляетъ ли она собой прямое и непосредственное отраженіе газетной агитаціи, или ее усложняютъ какія-нибудь мѣстныя вліянія и подобные факторы"? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ газета считаетъ циркуляръ, открывающій „нехитрую механику всероссійскихъ земскихъ ходатайствъ"... „Оказывается, что для земскихъ провинціальныхъ сферъ недостаточно одного вліянія столичной печати. Затѣявъ какую-нибудь сенсаціонную агитацію, наиболѣе сбродливые (?) земскіе дѣятели пишутъ во всѣ концы Россіи приблизительно такого рода посланія: необходимо поднять агитацію по такому-то поводу, возбуждаемъ объ этомъ ходатайство; такъ какъ вамъ это ровно ничего не стоитъ, то не присоединитесь ли къ этому ходатайству и вы? И вотъ, со всѣхъ концовъ Россіи летятъ телеграммы: очередное уѣздное или губернское земское собраніе постановило ходатайствовать предъ правительствомъ и т. д. Съ земскими ходатайствами носятся не только политическая печать, но и претендующіе на ученость изслѣдователи. Циркуляръ вполнѣ наглядно показываетъ настоящую цѣну этимъ настоятельнымъ требованіямъ всероссійскаго общественнаго мнѣнія".

Въ этомъ взрывѣ торжествующаго злорадства все одинаково характеристично и одинаково невѣрно. Упоминаемые циркуляромъ нѣкоторые случаи (предварительныхъ сношеній), замѣченные *въ послѣднее время*, возводятся газетой на степень чего-то совершавшагося *всегда* и *неизмѣнно*. Всякое земское ходатайство, касающееся „общегосударственнаго" вопроса (т.-е. не пріуроченное всецѣло къ небольшой, чисто мѣстной потребности), разсматривается какъ продуктъ *агитаціи*, т.-е. чего-то искусственно поднятаго и искусственно поддерживаемаго, апеллирующаго не столько къ разсудку, сколько къ чувству и страсти. Земскія собранія являются чѣмъ-то въ родѣ механизмовъ, отзывающихся на самый легкій нажимъ: „присоединяясь", безъ дальнѣйшихъ размышленій, ко всякому проекту, идущему изъ земской сферы, они руководствуются исключительно тѣмъ, что это имъ „ничего не стоитъ". Не нужно быть глубокимъ знатокомъ прошедшаго и настоящаго земскихъ учрежденій, чтобы увидѣть, сколько фальши во всѣхъ этихъ увѣреніяхъ. Кому бы ни принадлежала, гдѣ и кѣмъ бы ни была заявлена впервые мысль о ходатайствѣ, она неизбѣжно подвергается повѣркѣ въ средѣ земскаго собранія. Ходатайство должно быть тщательно мотивировано, и при-

томъ мотивировано не столько общими соображеніями, сколько ссылкою на мѣстныя данныя, мѣстныя условія. Это требуетъ предварительнаго изученія, требуетъ его въ особенности отъ управы, все равно, вносится ли проектъ ходатайства непосредственно ею или принимается собраніемъ по предложенію одного изъ гласныхъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нельзя сказать, чтобы управѣ „ничего не стоило“ согласиться съ „внушеніемъ“, полученнымъ ею изъ другой губерніи. Всѣ крупныя земскія ходатайства имѣютъ, притомъ, свою исторію, иногда весьма придолжительную и сложную. Возьмемъ, для примѣра, ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Мы встрѣчаемъ его уже двадцать лѣтъ тому назадъ, и встрѣчаемъ его, между прочимъ, въ лѣтописяхъ одного изъ самыхъ скромныхъ (послѣ погрома 1867-го года) губернскихъ собраній—с.-петербургскаго. Въ это время на очереди стояла реформа мѣстнаго управленія, и въ особенности крестьянскихъ учрежденій, въ томъ числѣ волостного суда. Коснуться его полномочій и не затронуть вопроса о тѣлесномъ наказаніи было почти невозможно—и онъ дѣйствительно былъ выдвинутъ нѣсколькими земствами. Прошло болѣе десяти лѣтъ: совершилась судебно-административная реформа, тѣлесное наказаніе перестало зависѣть отъ однихъ крестьянъ; земскія собранія не могли остаться равнодушными зрителями новаго положенія дѣлъ—и вотъ, возникаетъ рядъ ходатайствъ, далеко не одновременныхъ, слѣдующихъ одно за другимъ въ силу вездѣ растущаго и усиливающагося отвращенія къ отжившему виду физической расправы. Не претендуя на всевѣдѣніе, составляющее монополію реакціонной прессы, мы не рѣшаемся утверждать, что никакихъ предварительныхъ сношеній и соглашеній по этому предмету нигдѣ не происходило; но мы знаемъ навѣрное, что въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ мысль о ходатайствѣ возникла еще въ 1891 г., безъ всякихъ толчковъ со стороны, и осуществилась въ 1895 г., помимо какихъ бы то ни было внушеній и даже не по иниціативѣ губернской управы. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что то же самое можно было бы сказать и о многихъ другихъ земствахъ. А вопросъ о мелкой земской единицѣ, также принадлежащій къ числу тѣхъ, которые ставятся, въ послѣдніе годы, въ разныхъ земскихъ собраніяхъ? Зачѣмъ прибѣгать къ искусственнымъ объясненіямъ этого факта, когда онъ такъ очевидно коренится въ требованіяхъ жизни? Не проходитъ года, который бы не принесъ съ собою новыхъ доказательствъ необходимости приблизить земство къ населенію, замѣнить спеціально крестьянскую волость всесословною, создать промежуточную ступень между уѣзднымъ и общественнымъ самоуправленіемъ. Удивительно ли, что мысль о реформѣ, зародившаяся еще четверть вѣка тому назадъ, постоянно крѣпнетъ и пробивается наружу, не-

смотря на всѣ противопоставляемыя ей преграды? Чтобы вспомнить о ней—или, правильнѣе, чтобы постоянно удерживать ее въ памяти—земства не нуждаются въ увѣщаніяхъ и уговорахъ.

Каковы бы ни были практическія послѣдствія циркуляра, цѣнность земскихъ ходатайствъ не измѣнится; они сохранятъ свое историческое значеніе, будучи выраженіемъ коллективной общественной мысли. Пускай этою мыслью пренебрегаетъ реакціонная печать, въ глазахъ которой мудрость—синонимъ власти: всѣ тѣ, кому чужда теорія о безнадежно „ограниченномъ умѣ подданныхъ", не перестанутъ „носиться" съ земскими ходатайствами, т.-е. видѣть въ нихъ знаменательные или по меньшей мѣрѣ любопытные признаки умственной работы, совершающейся въ русскомъ обществѣ. Интересоваться ими будутъ и „изслѣдователи", не боясь навлечь на себя упрекъ въ „претензіи на ученость". „Претензія" несовмѣстима съ серьезнымъ изученіемъ фактовъ, съ безпристрастною ихъ оцѣнкой. Право называться ученымъ потерялъ бы не тотъ писатель, который, говоря о по-форменной Россіи, отвелъ бы должное мѣсто земскимъ ходатайствамъ, а тотъ, который, съ высокомѣріемъ педанта и фанатизмомъ реакціонера, призналъ бы ихъ недостойными вниманія историка.

Поразительна та легкость, съ которою появляются и распространяются въ послѣднее время разнаго рода слухи, предвѣщающіе недоброе земскому и городскому самоуправленію. Не успѣли еще замолкнуть „благосклонныя" догадки, вызванныя въ печати образованіемъ совѣщанія по вопросу о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ организаціи с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, какъ уже было пущено въ ходъ извѣстіе о предстоящемъ, будто бы, замѣщеніи должностей предсѣдателя губернской земской управы не по выбору губернскихъ земскихъ собраній, а по назначенію администраціи. Упущено было изъ виду даже то простое соображеніе, что столь важная перемѣна въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ должна пройти черезъ государственный совѣтъ и потому не можетъ совершиться съ головокружительною быстротою: реакціонные вѣстовщики не затруднялись утверждать, что полномочіямъ выборныхъ предсѣдателей будетъ положенъ конецъ одновременно съ открытіемъ ближайшей сессіи губернскихъ земскихъ собраній, т.-е. въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года. Само собою разумѣется, что ожидать чего-нибудь подобнаго нѣтъ и не было причины; но характерно уже самое возникновеніе слуха, несомнѣнно отражающаго собою цѣлый строй надеждъ и пожеланій. Не мѣшаетъ, поэтому, вспомнить, что̀ внесли въ русскую жизнь выборные предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. Выборы—

если вѣрить поклонникамъ бюрократическаго всевластія—влекутъ за собою постоянную смѣну лицъ, устраняя, тѣмъ самымъ, возможность устойчивости и послѣдовательности, столь важной для правильнаго веденія общественнаго дѣла. Этому ходячему мнѣнію рѣшительно противорѣчитъ земская практика: много разъ повторяющееся избраніе одного и того же лица—здѣсь скорѣе общее правило, чѣмъ исключеніе. Почти тридцать лѣтъ сряду во главѣ московскаго губернскаго земства стоялъ Д. А. Наумовъ; преемникъ его Д. Н. Шиповъ также переизбранъ уже не разъ, такъ что московская губернская земская управа за 36 лѣтъ своего существованія имѣетъ всего второго предсѣдателя. Около десяти трехлѣтій прослужилъ земству и бывшій предсѣдатель управы пензенской губ. управы Бекетовъ. Подолгу оставались на своихъ мѣстахъ предсѣдатели многихъ другихъ губернскихъ управъ—напр. воронежской, тульской, харьковской херсонской, черниговской, полтавской, с.-петербургской. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ среднемъ дѣятельность предсѣдателя губернской земской управы продолжается дольше, чѣмъ дѣятельность назначаемыхъ должностныхъ лицъ, завѣдующихъ разными отраслями губернскаго управленія. И это очень понятно: для чиновника, поднявшагося достаточно высоко въ административной іерархіи, каждая должность является какъ бы переходною ступенью къ другой, лучшей—а въ земской сферѣ нѣтъ ничего выше положенія предсѣдателя губернской управы. Чиновники сплошь и рядомъ переводятся изъ одной мѣстности въ другую, иногда по собственному желанію, иногда противъ воли; земскій дѣятель, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, связанъ исключительно и всецѣло съ своей губерніей и остается ей вѣренъ, пока не перестаетъ быть земцемъ. Это не значитъ, однако, что земская служба не можетъ быть отличной подготовкой къ государственной. Если въ настоящее время рѣдки случаи назначенія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ на выдающіяся административныя должности, то это объясняется измѣнившимся отношеніемъ къ земству, но отнюдь не разочарованіемъ въ способностяхъ земскихъ дѣятелей; губернаторы, вышедшіе изъ среды земства (Качаловъ, Эрдели, Калачевъ), заслужили репутацію превосходныхъ администраторовъ; двое изъ нихъ занимали позднѣе высокіе посты въ центральномъ управленіи... Незамѣнимость выборнаго предсѣдателя губернской земской управы, какъ главнаго исполнителя и вмѣстѣ съ тѣмъ главнаго инициатора земскихъ постановленій, не требуетъ доказательствъ. Солидарность собранія и управы, взаимное ихъ довѣріе, полная гармонія ихъ дѣйствій возможны только при однородности ихъ состава. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить упадокъ и регрессъ земскаго дѣла въ тверской губерніи, пока, вслѣдствіе неутвержденія избранныхъ лицъ, въ ней не было

выборнаго предсѣдателя (а иногда и выборныхъ членовъ) губернской земской управы. Далеко не маловажно, далѣе, значеніе выборнаго предсѣдателя земской управы въ составѣ смѣшанныхъ коллегій, которыми такъ богато наше губернское управленіе. Само собою разумѣется, что существенно измѣнить общій характеръ рѣшеній, постановляемыхъ этими коллегіями, предсѣдатель губернской управы не можетъ, въ большинствѣ случаевъ, даже тогда, когда заодно съ нимъ дѣйствуютъ всѣ другіе представители выборнаго начала (губернскій предводитель дворянства, городской голова, члены губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, избранные губернскимъ земскимъ собраніемъ и городскою думой): слишкомъ для этого велико численное преобладаніе бюрократическаго элемента, слишкомъ сильно вліяніе губернатора. Нѣкоторымъ противовѣсомъ господствующему теченію соединенныя усилія названныхъ нами лицъ могутъ, однако, служить и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; кое-чего можетъ достигнуть даже одинъ предсѣдатель губернской земской управы, обладающій, обыкновенно, и независимостью, и нравственнымъ авторитетомъ, и широкимъ дѣловымъ опытомъ. Въ совершенно иномъ положеніи оказался бы назначенный предсѣдатель губернской управы: онъ только увеличилъ бы собою число чиновниковъ, засѣдающихъ въ коллегіи, ничѣмъ отъ нихъ не отличаясь и не внося ничего свѣжаго, самобытнаго въ обычные пріемы бюрократической работы.

Не преувеличиваемъ ли мы, однако, различіе между выборомъ и назначеніемъ? Въ настоящую минуту очень распространенъ взглядъ, отрицающій это различіе или до крайности уменьшающій его важность. Польза, приносимая участіемъ мѣстныхъ людей въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи, ставится въ зависимость исключительно отъ знакомства съ мѣстными дѣлами, а не отъ способа привлеченія къ нимъ. Власть выборныхъ и назначенныхъ дѣятелей имѣетъ, въ Россіи, одинъ и тотъ же источникъ. И тѣ, и другіе должны быть разсматриваемы какъ правительственные органы; и тѣмъ, и другимъ можетъ быть, слѣдовательно, дана одинаковая роль въ мѣстномъ хозяйствѣ, и они могутъ справиться съ нею одинаково удачно. Съ теоретической точки зрѣнія правильность этого взгляда возбуждаетъ самыя серьезныя сомнѣнія. Что въ основаніи всѣхъ русскихъ учрежденій лежитъ воля верховной власти—это безспорно: она призываетъ ихъ къ жизни, она можетъ во всякое время положить имъ конецъ— но разъ что они существуютъ и пока они существуютъ, возможно (и, при возрастающей сложности государственной жизни, даже неизбѣжно) распаденіе ихъ на группы, во многомъ несходныя между собою. Принадлежащіе къ одной группѣ получаютъ свои полномочія сверху, принадлежащіе къ другой — снизу; одни входятъ въ составъ чиновной

іерархіи, всѣ ступени которой тѣсно связаны между собою и подчинены одной и той служебной дисциплинѣ—другіе стоять внѣ бюрократическихъ рамокъ и не имѣютъ надъ собою начальства въ спеціальномъ смыслѣ слова. Отъ кого бы ни заимствовала свои права та или другая организованная общественная единица, своему избраннику передаетъ долю этихъ правъ непосредственно она; онъ является ея представителемъ, не номинальнымъ, не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ, по самой силѣ вещей. Разницѣ въ происхожденіи полномочій соотвѣтствуетъ и разница въ пользованіи ими. Должностное лицо, назначенное административною властью, невольно усвоиваетъ себѣ, въ той или иной мѣрѣ, воззрѣнія, нравы, привычки окружающей его обстановки. Іерархически расчлененному строю исполнительность не можетъ не быть свойственна больше, чѣмъ инціатива, приверженность къ установившемуся—больше, чѣмъ стремленіе къ новизнѣ. Въ выборной средѣ эти свойства распредѣляются совершенно иначе; постоянное соприкосновеніе съ избирателями развиваетъ чуткость къ требованіямъ жизни, препятствуетъ погруженію въ бумажное царство. Само собою разумѣется, что исключенія возможны и тамъ, и тутъ; но для оцѣнки системы важны обычные ея результаты. Въ Россіи сохраненіе—и распространеніе—выборнаго начала болѣе желательно, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Условія русской жизни издавна благопріятствовали косности, инстинктивному консерватизму, основанному не на убѣжденіи въ превосходствѣ стараго надъ новымъ, а на боязни перемѣнъ, на недовѣріи къ творческой мысли. Съ особенною силой это чувствовалось, вдали отъ центра, въ провинціи, пробуждавшейся и оживлявшейся только въ критическія минуты. Земство нарушило эту тишь и гладь—не на столько, чтобы вызвать и упрочить безостановочное движеніе, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ все предшествовавшее. Ничего подобнаго не могли бы достигнуть ни техническія улучшенія административнаго механизма, ни совѣщанія съ мѣстными жителями, какъ съ экспертами по части мѣстнаго хозяйства. Необходимъ былъ призывъ населенія къ самостоятельной работѣ, черезъ посредство излюбленныхъ имъ самимъ людей. Съ уменьшеніемъ самостоятельности уменьшались и уменьшаются, конечно, результаты работы—но съ измѣненіемъ источника полномочій измѣнилось бы самое ея качество и направленіе... Все сказанное нами примѣнимо и къ тѣмъ частямъ Россіи, гдѣ не введено земское положеніе. И здѣсь замѣной земства, въ привычномъ смыслѣ слова, не могутъ служить учрежденія земскія по имени, но бюрократическія по составу. *Назначенные* члены земскихъ комитетовъ, хотя бы они и принадлежали къ числу мѣстныхъ жителей и не занимали другихъ должностей въ губерніи или уѣздѣ, могутъ быть названы гласными, но, кромѣ на-

званія, они едва ли будутъ имѣть много общаго съ избранными членами земскихъ собраній и городскихъ думъ.

Какъ бы высоко мы ни цѣнили основной принципъ земскаго самоуправленія, мы не можемъ не видѣть, что на практикѣ, вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, онъ подвергается иногда полнѣйшему вырожденію. Къ числу мѣстностей, гдѣ этотъ процессъ совершается съ особенною ясностью, принадлежитъ уже нѣсколько лѣтъ сряду зарайскій уѣздъ, рязанской губерніи. Вотъ что происходило, судя по сообщеніямъ „Рязанскаго Листка" и „Русскаго Слова", во время послѣдней очередной сессіи зарайскаго уѣзднаго земскаго собранія. Нѣсколько лѣтъ сряду предсѣдателю уѣздной управы было назначаемо собраніемъ, подъ разными наименованіями, добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ 1.200 рублей (содержаніе предсѣдателя составляетъ 2.400 рублей), но постановленія по этому предмету были каждый разъ отмѣняемы губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Въ нынѣшнемъ году собраніе опять постановило выдать предсѣдателю управы, въ видѣ награды, 1.200 рублей, при чемъ предсѣдатель собранія заявилъ, что самолюбіе его не допускаетъ другого рѣшенія этого вопроса, такъ какъ ему принадлежитъ иниціатива предложенія о наградѣ. Вслѣдъ за тѣмъ собраніе отклонило двадцатирублевую прибавку къ жалованью учителя, получающаго всего 230 р. въ годъ (эта цифра—maximum вознагражденія земскихъ учителей въ зарайскомъ уѣздѣ, а minimum составляетъ 120 рублей!); отказало крестьянамъ дер. Калянина, выстроившимъ домъ для школы, въ ассигнованіи суммы на приглашеніе учителя, на томъ основаніи или, лучше сказать, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ четырехъ верстахъ есть другія школы (хотя эти школы переполнены учащимися, да и четыре версты —такое разстояніе, при которомъ почти невозможно правильное посѣщеніе училища); отказало въ 200 рубляхъ на устройство съѣзда учителей, за неимѣніемъ въ виду его програмы (хотя обычная программа такихъ съѣздовъ извѣстна всѣмъ, сколько-нибудь интересующимся судьбою начальной школы); отказало въ пособіи городскому училищу на приглашеніе добавочнаго преподавателя, хотя, за недостаточностью учительскаго состава, училище затрудняется принимать крестьянскихъ дѣтей. Отклонена была, съ другой стороны, переоцѣнка фабрики, которая платитъ земскій сборъ съ суммы 273 тыс. руб., между тѣмъ какъ техниками губернскаго земства она оцѣнена слишкомъ въ полтора милліона. Со стороны управы и совѣщанія, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ, была сдѣлана попытка уменьшить на половину пособіе, отпускаемое земствомъ на женскую гимназію, но

она не удалась, благодаря энергичной рѣчи городского головы, напомнившаго собранію, что дочери земскихъ учителей и вообще земскихъ служащихъ обучаются въ гимназіи безплатно и что больше половины земскихъ училищъ зарайскаго уѣзда имѣютъ учительницами бывшихъ ученицъ гимназіи. Вообще, повидимому, городской голова—persona minus grata въ глазахъ зарайскихъ земскихъ воротилъ; еще въ прошломъ году мы читали въ „Рязанскомъ Листкѣ“ о рѣзкихъ замѣчаніяхъ, которыми предсѣдатель собранія останавливалъ или прерывалъ совершенно корректныя и умѣстныя заявленія городского головы. Наравнѣ съ предсѣдателемъ собранія право читать язвительныя наставленія „безпокойнымъ“ гласнымъ присвоиваетъ себѣ и предсѣдатель управы. „Гласный такой-то не имѣетъ понятія о томъ, о чемъ говоритъ... Онъ не имѣетъ представленія о законахъ, и для тѣхъ, кто, подобно ему, ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслитъ, я могу сдѣлать разъясненіе“. И подобныя выходки не встрѣчаютъ никакого отпора со стороны предсѣдателя собранія!

Что далеко не всѣ члены зарайскаго земскаго собранія раздѣляютъ настроеніе его руководителей, что значительное меньшинство, а можетъ быть даже и большинство, не сочувствуетъ ни щедро расточаемымъ наградамъ, ни несоразмѣрно низкимъ оцѣнкамъ, ни пренебрежительному отношенію къ народному образованію—на это указываетъ какъ побѣда, одержанная городскимъ головой по вопросу о пособіи женской гимназіи, такъ и забаллотировка, при выборахъ въ губернскіе гласные, владѣльца полуторамилліонной фабрики, состоявшаго въ числѣ кандидатовъ господствующей партіи. Чѣмъ же объяснить длинный рядъ одержанныхъ ею успѣховъ? Прежде всего, конечно—тѣми двумя особенностями дѣйствующаго земскаго положенія, о которыхъ приходится вспоминать каждый разъ, когда идетъ рѣчь о печальныхъ явленіяхъ земской жизни: составомъ собранія и способомъ избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. До 1890-го года зарайское уѣздное собраніе состояло изъ 41 гласнаго: 20 отъ землевладѣльцевъ (въ томъ числѣ и не-дворянъ), 4 отъ города и 17 отъ сельскихъ обществъ. Въ настоящее время гласныхъ всего 27, въ томъ числѣ 16 отъ землевладѣльцевъ-дворянъ, 3 отъ другихъ землевладѣльцевъ и 8 отъ сельскихъ обществъ. Прежде ни одна группа гласныхъ не имѣла численнаго преобладанія надъ другими; теперь представителямъ дворянскаго землевладѣнія принадлежатъ почти двѣ трети всѣхъ голосовъ. Крестьяне располагали прежде почти половиной голосовъ, теперь за ними не осталось и одной трети. Прежде гласные отъ сельскихъ обществъ избирались непосредственно съѣздами крестьянскихъ выборныхъ (и между ними могли быть и землевладѣльцы или священники, заслужившіе довѣріе крестьянъ); теперь волостные

сходы избираютъ *кандидатовъ*, изъ которыхъ въ гласные попадаетъ только часть, по усмотрѣнію губернатора. Такой способъ избранія неизбѣжно влечетъ за собою зависимость гласныхъ отъ земскихъ начальниковъ, представленіями которыхъ по необходимости руководствуется губернаторъ—и эта зависимость усиливается дисциплинарною властью земскаго начальника надъ крестьянами вообще и надъ должностными лицами крестьянскаго управленія (которыхъ между гласными почти всегда не мало) въ особенности. Понятно, что между гласными-крестьянами процвѣтаетъ политика молчанія во время преній и согласія, при открытой баллотировкѣ, съ мнѣніями власть имущихъ лицъ... Во многихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ существуетъ обычай избирать, при открытіи сессіи, особую „редакціонную" коммиссію, на предварительное разсмотрѣніе которой передаются всѣ болѣе важныя предложенія управы. Этотъ обычай способствуетъ, вообще говоря, правильному рѣшенію дѣлъ: они получаютъ болѣе полное, менѣе одностороннее освѣщеніе, и если между коммиссіей и управой возникаетъ разногласіе, собранію легко выбрать одно изъ противоположныхъ мнѣній. Опасаться всевластія коммиссіи или чрезмѣрнаго давленія ея на собраніе нѣтъ причины: изъ числа гласныхъ, не вошедшихъ въ составъ коммиссіи, всегда найдутся такіе, которые не затруднятся вступить съ нею въ споръ, да и вообще въ губернскомъ собраніи нѣтъ такого рѣзкаго различія между группами, какое существуетъ въ собраніяхъ уѣздныхъ. Самый выборъ коммиссіи производится обыкновенно закрытыми записками, выражая собою дѣйствительную волю большинства (почти всегда предоставляющаго нѣкоторое число мѣстъ и меньшинству). Не то мы видимъ въ зарайскомъ уѣздномъ собраніи. Совѣщаніе, играющее здѣсь роль редакціонной коммиссіи, образуется безъ выборовъ; вліятельные члены собранія, по мѣткому выраженію „Рязанскаго Листка", „назначаютъ другъ друга", т.-е. громогласно выкликиваются имена лицъ, заранѣе намѣченныхъ, и названные считаются членами совѣщанія. Въ составъ его, кромѣ предсѣдателя и членовъ управы, входятъ земскіе начальники, сообщающіе его предложеніямъ, въ глазахъ крестьянъ, авторитетъ своего званія. Всего въ совѣщаніи участвуютъ 14 гласныхъ—т.-е. около половины всего собранія. Понятно, что бороться съ нимъ нелегко и что заключеніями, къ которымъ оно приходитъ, предрѣшаются, за рѣдкими изъятіями, постановленія собранія. Неоффиціальная, закулисная цѣль совѣщанія, по словамъ „Рязанскаго Листка", состоитъ въ томъ, „чтобы можно было судить о дѣлахъ по домашнему не стѣсняясь, не на глазахъ публики, чтобы можно было раскрывать истинныя причины требующихся, по соображеніямъ управы, рѣшеній и вмѣстѣ съ тѣмъ совокупно составлять другія причины для сидящихъ

и слушающихъ постороннихъ и для мало понимающихъ остальныхъ гласныхъ". Въ этой характеристикѣ не совсѣмъ удаченъ только одинъ терминъ: *мало понимающихъ*. Гласные отъ сельскихъ обществъ многое понимаютъ очень хорошо, но не рѣшаются, при неблагопріятной обстановкѣ, говорить и голосовать согласно съ этимъ пониманіемъ. Когда одинъ изъ нихъ сталъ говорить за калянинскую школу, на него, по выраженію „Русскаго Слова", „строго закричали".

Такихъ земскихъ собраній, какъ зарайское, въ настоящую минуту, нужно надѣяться, еще немного; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ихъ числу, при дѣйствіи законовъ 1889-го и 1890-го гг., суждено расти, и расти довольно быстро. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на группу зарайскихъ воротилъ, гдѣ гласные отъ дворянъ не поддаются всецѣло вліянію сословныхъ или личныхъ интересовъ, гдѣ земскіе начальники не слишкомъ злоупотребляютъ своимъ „престижемъ", наблюдатель, хорошо знакомый съ прежнимъ земствомъ, не можетъ не замѣтить перемѣны въ взаимномъ отношеніи различныхъ земскихъ группъ. Мы думаемъ, основываясь отчасти на собственномъ опытѣ, что между гласными отъ крестьянъ теперь болѣе развитыхъ людей, чѣмъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Народная школа, несмотря на всѣ преграды, дѣлаетъ свое дѣло; не остаются безплодными народныя читальни и библіотеки; не проходитъ безслѣдно самая работа въ земствѣ и по его порученіямъ; многому научаетъ участіе въ судѣ присяжныхъ. И при всемъ томъ нынѣшніе гласные-крестьяне чувствуютъ себя болѣе стѣсненными, чѣмъ прежніе, рѣже говорятъ въ собраніи, менѣе откровенно высказываютъ свои мнѣнія. Между разными группами уѣздныхъ гласныхъ точно возвышается невидимая стѣна, мѣшающая сближенію, затрудняющая общую дѣятельность. Если по одну сторону стѣны ведется интрига, разыгрываются аппетиты, происходитъ столкновеніе или заключается компромиссъ на почвѣ эгоистичныхъ разсчетовъ, по другую сторону все это видятъ— и вѣковое недовѣріе, вмѣсто того чтобы слабѣть, получаетъ новую пищу. Не при такой обстановкѣ возможно сближеніе общественныхъ классовъ, начало которому было положено такъ удачно великими реформами шестидесятыхъ годовъ.

Сообщеніе земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, напечатанное во всеобщее свѣдѣніе въ первой половинѣ ноября, даетъ довольно подробную картину продовольственной помощи въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Всего по 1-ое ноября заготовлено продовольственнаго и сѣменного хлѣба, по распоряженію министерства финансовъ, свыше 16 милліоновъ пудовъ; вездѣ имѣются

продовольственныя средства, достаточныя для обезпеченія, по крайней мѣрѣ на первое время, потребностей нуждающагося населенія. Средняя покупная цѣна пуда ржи не превышала 63 коп., не считая расходовъ перевозки. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ предварительно исчисленное количество хлѣба подверглось уменьшенію, въ другихъ—увеличенію. По словамъ сообщенія, „остается нѣкоторая надежда, что при самой выдачѣ ссудъ размѣры потребности въ оныхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, могутъ нѣсколько сократиться", въ случаѣ широкой организаціи въ мѣстахъ неурожая общественныхъ работъ. Въ саратовской губерніи, какъ удостовѣряетъ губернаторъ, „общественныя работы встрѣчены мѣстнымъ населеніемъ съ большимъ сочувствіемъ, при чемъ нуждающіеся повсемѣстно шли охотно на работу по назначеннымъ за нее цѣнамъ, видимо сознавая и оцѣнивая предпочтительность этого именно вида правительственной помощи сравнительно съ полученіемъ ссудъ". Этотъ оффиціальный отзывъ, совпадающій вполнѣ съ частными свѣдѣніями, служитъ лучшимъ отвѣтомъ реакціонной печати, твердящей зады о „лѣности грубаго простонародья", объ избалованности крестьянъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ „царскаго пайка".

Надъ урегулированіемъ Чардыма (въ саратовскомъ уѣздѣ) работали въ октябрѣ мѣсяцѣ, по словамъ фельетониста „Саратовскаго Дневника" (№ 243)—крестьяне пяти деревень, изъ которыхъ дальнія отстоятъ отъ мѣста работъ на 7-8 верстъ. Раньше, пока было теплѣе, приходили работать и изъ-за десяти верстъ. Несмотря на тяжелыя условія труда,—холодъ, дорогіе харчи, плохую одежду, слабосиліе плохо кормленныхъ лошадей,—крестьяне были довольны открытіемъ работъ. „Все-жъ таки самъ кормишься",—говорилъ одинъ изъ нихъ,—„да и домой на муку что-нибудь соберешь". „Давеча тутъ" — откликнулся другой—„какъ-то не хватило денегъ, чтобы всѣмъ уплатить, такъ такой-то ревъ подняли кругомъ"! Въ томъ же фельетонѣ мы видимъ наглядно, какъ возникаютъ слухи о пьянствѣ крестьянъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ. Въ одной изъ крестьянскихъ избъ ночью слышно было пѣніе пѣсенъ, обыкновенно идущее рука объ руку съ „бражничаньемъ". Это дало поводъ къ обычнымъ подозрѣніямъ; между тѣмъ оказалось, что пѣсни пѣли на свадьбѣ, отпраздновать которую безъ пѣсенъ никакъ нельзя — а свадьба справлялась какъ разъ въ самой зажиточной изъ всѣхъ семей данной деревни. На вопросъ, много ли забирали крестьяне вина послѣ недавней получки за работы, сидѣлецъ казенной винной лавки отвѣчалъ: „Если берутъ, такъ по мелочамъ; тихо торговля идетъ. Вотъ на свадьбѣ забираютъ помногу. Ну да свадьба, это дѣло иное, тутъ ужъ каждый лишняго возьметъ. А такъ—тихо торгуемъ". Въ голодный годъ мно-

жество свадебъ откладывается до болѣе благопріятнаго времени; вѣроятно то же самое наблюдается и теперь въ „неблагополучныхъ" уѣздахъ...

Уѣздовъ, которымъ оффиціально присвоено это названіе, къ 4 ноября было 22, въ 8 губерніяхъ (богучарскій и острогожскій—воронежской губерніи; славяносербскій—екатеринославской; лаишевскій, мамадышскій, свіяжскій, спасскій, тетюшскій и чистопольскій—казанской; всѣ уѣзды самарской губерніи, кромѣ бузулукскаго; камышинскій и хвалынскій уѣзды—саратовской губерніи; симбирскій—симбирской; белебеевскій и мензелинскій—уфимской; изюмскій и старобѣльскій — харьковской). По частой повторяемости неурожаевъ особенно тяжело должно быть положеніе пострадавшихъ уѣздовъ въ губерніяхъ воронежской, казанской, самарской и уфимской. Завѣдываніе продовольственною частью возложено въ четырнадцати изъ „неблагополучныхъ" уѣздовъ на уѣздныхъ предводителей дворянства, въ четырехъ—на земскихъ начальниковъ, въ двухъ—на предсѣдателей мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ управъ, и въ одномъ—на командированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ чиновника переселенческаго управленія. Въ частной благотворительности, по оффиціальному удостовѣренію, всего болѣе нуждается хвалынскій уѣздъ, населеніе котораго пострадало не только отъ неурожая, но и отъ пожаровъ; въ одиннадцати селеніяхъ появилась цынга. „Красный-Крестъ" командировалъ туда два врачебныхъ отряда, въ составѣ двухъ врачей и восьми сестеръ милосердія. Ходатайства земскихъ собраній о правительственной ссудѣ на заготовку кормовъ для продажи ихъ населенію по заготовительной стоимости или для выдачи кормовыхъ ссудъ удовлетворены въ тѣхъ случаяхъ, когда земства приняли на себя отвѣтственность за убытки отъ такой операціи и за возвращеніе ссудъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1901.

Южно-африканская война и ея послѣдствія для Англіи.—Полемика противъ Чемберлена въ германской печати.—Англичане предъ судомъ международнаго права.—Обычныя проявленія права войны.—Вопросъ о третейскомъ судѣ по южно-африканскимъ дѣламъ.—Политическія дѣла въ Турціи и въ Греціи.

Продолжающаяся уже болѣе двухъ лѣтъ война въ южной Африкѣ отразилась весьма замѣтно на международномъ положеніи Англіи. Въ континентальной печати принято теперь нападать на англичанъ за ихъ жестокія дѣйствія противъ боэровъ и выражать послѣднимъ сочувствіе въ ихъ геройской борьбѣ за независимость. Англійскіе патріоты съ своей стороны не остаются въ долгу; они высмѣиваютъ мнимую гуманность своихъ обличителей и рѣшительно не признаютъ за ними права выступать въ качествѣ строгихъ судей британской политики. Наиболѣе воинственный и безцеремонный изъ англійскихъ министровъ, Чемберленъ, въ рѣчи, произнесенной 25 октября въ Эдинбургѣ, заявилъ между прочимъ, что какія бы суровыя мѣры ни принимались англійскимъ правительствомъ, для нихъ всегда найдутся прецеденты въ поведеніи тѣхъ націй, которыя теперь осуждаютъ варварство и жестокость англичанъ, „хотя,—прибавилъ министръ, — мы никогда не приблизимся къ образцамъ, даннымъ намъ въ Польшѣ, на Кавказѣ, въ Алжирѣ, въ Тонкинѣ, въ Босніи и въ франко-прусской войнѣ 1870—1871 годовъ". Эта фраза, переданная по телеграфу въ иностранныя газеты, вызвала цѣлую бурю негодованія въ Германіи. Намекъ на дѣйствія германскихъ войскъ во Франціи принятъ былъ за оскорбленіе нѣмецкаго національнаго чувства. Въ разныхъ нѣмецкихъ городахъ, преимущественно въ университетскихъ, происходили шумныя собранія, которыя давали полный просторъ накопившемуся раздраженію противъ англичанъ. Центральный комитетъ союза нѣмецкихъ ветерановъ, считающаго въ своемъ составѣ болѣе 60 тысячъ членовъ, напечаталъ слѣдующее открытое письмо къ Чемберлену: „Вы знаете въ точности, какъ британскіе наемники хозяйничаютъ въ южной Африкѣ, и вы знаете изъ исторіи, какъ отзывались ваши собственные соотечественники и даже многіе изъ французовъ о германскихъ солдатахъ и офицерахъ, воевавшихъ на французской землѣ. Вы завѣдомо извратили истину и унизились до грубой клеветы. Передъ

Богомъ и исторіей вы отвѣтственны за то, что̀ дѣлается въ южной Африкѣ. Мы же, бывшіе участники франко-германской войны, съ чистой совѣстью и съ глубокимъ негодованіемъ отклоняемъ вашу оскорбительную выходку и считаемъ васъ отвѣтственными за зловредное вліяніе, которое эта выходка должна оказать на отношенія между германской и англійской націями". Протесты нѣмецкаго общественнаго мнѣнія возбудили нѣкоторое безпокойство въ англійской печати и заставили самого Чемберлена смягчить смыслъ сказанныхъ имъ словъ. На запросъ одного частнаго лица о необходимости предпринять что-нибудь для устраненія неудовольствія, вызваннаго его рѣчью въ извѣстныхъ кругахъ германскаго народа, англійскій министръ колоній отвѣтилъ черезъ своего секретаря, что искусственная агитація въ Германіи основана на недоразумѣніи и что поэтому онъ не думалъ обращать на нее вниманіе; онъ полагаетъ, что ни одинъ здравомыслящій нѣмецъ не могъ серьезно почувствовать себя обиженнымъ его словами, оправдывающими образъ дѣйствій британскихъ властей въ Трансваалѣ указаніемъ на практику всѣхъ цивилизованныхъ націй въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ другомъ отвѣтномъ письмѣ, также опубликованномъ въ газетахъ, Чемберленъ разъясняетъ, что онъ ссылался на военные обычаи всѣхъ народовъ не въ смыслѣ осужденія ихъ, а напротивъ, для доказательства необходимости примѣненія тѣхъ же строгостей и въ войнѣ съ боэрами, ибо дѣйствія, признаваемыя военною практикою другихъ націй вполнѣ законными и неизбѣжными, не могутъ считаться варварскими и безчеловѣчными, когда они примѣняются Англіею. Нѣмецкая печать нашла въ этихъ поправкахъ и комментаріяхъ новый матеріалъ для обиды. Во-первыхъ, какъ смѣлъ иностранный министръ назвать „искусственною агитаціею" тотъ единодушный взрывъ національнаго раздраженія и протеста, который послѣдовалъ въ Германіи вслѣдъ за обнародованіемъ оскорбительныхъ словъ Чемберлена? Во-вторыхъ, утверждать, что ни одинъ здравомыслящій нѣмецъ не могъ бы обидѣться его рѣчью, когда огромное большинство нѣмецкаго общества несомнѣнно признало себя оскорбленнымъ въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, — значитъ приписывать нѣмцамъ отсутствіе здраваго смысла и, слѣдовательно, бросать имъ въ лицо новое оскорбленіе.

Германское правительство долго не вмѣшивалось въ эти страстные толки и споры, что̀ ставилось даже въ упрекъ имперскому канцлеру; но наконецъ высказался и органъ графа Бюлова, „Norddeutsche-Allgemeine Zeitung" Свое продолжительное молчаніе газета объясняла тѣмъ, что „исходившія отъ академическихъ круговъ проявленія задѣтаго національнаго чувства не нуждались въ оффиціозныхъ или правительственныхъ указаніяхъ и поученіяхъ"; не было также надобности

напоминать, что „справедливое раздраженіе по поводу внѣ-парламентскихъ рѣчей отдѣльнаго министра не должно быть направлено противъ всего англійскаго правительства и англійскаго народа, — такъ какъ въ этомъ духѣ высказывались съ достаточною ясностью и настойчивостью многія серьезныя газеты, которыя вообще не скрывали своего сожалѣнія о томъ, что вызванное южно-африканскою войною анти-англійское настроеніе нѣмецкаго народа еще болѣе обостряется необдуманными и обидными замѣчаніями г. Чемберлена". Принявъ къ свѣдѣнію упомянутыя выше объяснительныя поправки, органъ имперскаго канцлера продолжаетъ: „Если такимъ образомъ эдинбургская рѣчь получаетъ болѣе невинный смыслъ, то выраженное при этомъ удивленіе по поводу впечатлительности нѣмецкаго національнаго чувства остается ничѣмъ не мотивированнымъ и неумѣстнымъ. Недоразумѣніе, о которомъ говоритъ г. Чемберленъ, было не на сторонѣ нѣмецкой печати, которая руководствовалась англійскими отчетами, остававшимися цѣлыя недѣли безъ опроверженій и поправокъ. Выставляемая теперь въ оправданіе общепризнанная истина, что во всѣхъ войнахъ совершаются жестокости, никого не могла бы у насъ оскорбить или затронуть. Мы не можемъ присоединиться къ пожеланію, высказанному на многихъ публичныхъ собраніяхъ,—чтобы въ интересахъ германской арміи предприняты были оффиціальные шаги противъ неоффиціальныхъ заявленій чужого министра. Уваженіе, которое пріобрѣла германская армія во всемъ культурномъ мірѣ какъ своею дисциплиною и человѣчностью, такъ и своею храбростью, стоитъ слишкомъ прочно, чтобы его можно было поколебать невѣрными и неумѣстными сравненіями".

Рѣзкій тонъ этого полу-правительственнаго разъясненія показываетъ, что берлинскій кабинетъ вполнѣ солидаренъ въ данномъ случаѣ съ общественнымъ мнѣніемъ и начинаетъ прямо отрекаться отъ англофильства, котораго до сихъ поръ твердо держался Вильгельмъ II. Всякій понимаетъ, что попытка отнестись къ словамъ Чемберлена, какъ къ частному мнѣнію отдѣльнаго министра, за котораго неотвѣтственно все англійское правительство, — есть только политическій пріемъ, облегчающій полемику по существу. Чемберленъ является не просто однимъ изъ министровъ, а душою и вдохновителемъ нынѣшняго британскаго кабинета, самымъ вліятельнымъ и популярнымъ государственнымъ человѣкомъ современной Англіи, непосредственнымъ руководителемъ ея завоевательной политики въ южной Африкѣ. Рѣчи, произносимыя англійскими министрами внѣ парламента, имѣютъ вполнѣ оффиціальный характеръ, и имъ обыкновенно придаютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ рѣчамъ парламентскимъ; въ нихъ излагаются программы, намѣчаются предстоящія рѣшенія и выясняются взгляды пра-

вительства по текущимъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики. Англійская публика, а за нею и европейская, давно привыкла встрѣчать существенныя политическія заявленія британскаго правительства не въ отчетахъ о парламентскихъ преніяхъ, а въ ежегодной министерской рѣчи на банкетѣ лондонскаго лордъ-мэра, въ рѣчахъ отдѣльныхъ министровъ передъ избирателями или на партійныхъ собраніяхъ, во время парламентскихъ вакацій. На митингѣ уніонистовъ въ Эдинбургѣ Чемберленъ говорилъ какъ министръ колоній, отъ имени правительства; онъ возвѣстилъ различныя мѣропріятія, предположенныя въ ближайшемъ будущемъ, и между прочимъ изложилъ свое мнѣніе о способахъ скорѣйшаго окончанія войны съ боэрами. Это мнѣніе никакъ не могло быть названо частнымъ, и та ссылка на иностранные примѣры, которою оно было мотивировано, подкрѣпляетъ лишь идею, много разъ повторявшуюся коллегами Чемберлена по министерству—Бальфуромъ, военнымъ министромъ Бродрикомъ и самимъ главою кабинета лордомъ Сольсбери, а также большинствомъ независимыхъ ораторовъ господствующей имперіалистской партіи въ обѣихъ палатахъ парламента. Англичане убѣждены, что правительство дѣйствуетъ еще слишкомъ мягко и гуманно въ южной Африкѣ и что во всякомъ случаѣ оно ни въ чемъ не отступаетъ отъ предписаній человѣчности, насколько послѣднія совмѣстимы съ требованіями военнаго положенія; такую мысль поддерживаютъ даже нѣкоторые изъ представителей либеральной оппозиціи, напр. бывшій министръ Аскитъ. Пресловутые „лагери сосредоточенія", подвергшіеся въ послѣднее время такимъ горячимъ нападкамъ въ самой Англіи, приписываются также внушеніямъ человѣколюбія, въ виду голодной смерти, угрожающей семействамъ боэровъ на разоренныхъ фермахъ. „Никакого варварства нѣтъ въ этой войнѣ,—говорилъ Чемберленъ въ той же эдинбургской рѣчи,—напротивъ, всемірная исторія не знаетъ войны, которая велась бы съ большею гуманностью. Мнѣ выпало на долю видѣть многихъ, прибывшихъ прямо изъ рядовъ дѣйствующей арміи, и разсказы ихъ полны анекдотами, свидѣтельствующими о добротѣ и великодушіи нашихъ солдатъ и офицеровъ по отношенію къ людямъ, которые противъ нихъ воевали; доказательствомъ того, что они успѣли заслужить довѣріе своихъ враговъ, могутъ служить обычные способы, какими боэры постоянно поручали своихъ женщинъ и свои семьи заботамъ нашихъ солдатъ. Госпожа Крюгеръ находилась подъ охраною британскихъ солдатъ; госпожа Бота долго жила въ британскомъ лагерѣ, и еще на дняхъ, одинъ изъ боэрскихъ предводителей,—кажется, генералъ Вильжоэнъ,—продолжая воевать противъ насъ, прислалъ свою жену, чтобы она пользовалась покровительствомъ британскихъ солдатъ. Между тѣмъ противъ этихъ людей возбуждается обвиненіе, что они

ведутъ себя недостойно и безчеловѣчно относительно непріятеля. Я не придаю значенія этимъ обвиненіямъ, насколько дѣло касается Соединеннаго королевства; здѣсь имъ даютъ надлежащую оцѣнку. Мы знаемъ, что̀ слѣдуетъ думать о нихъ и о поддерживающихъ ихъ лицахъ; но, къ сожалѣнію, эти обвиненія доставляютъ нашимъ врагамъ и недоброжелателямъ за границей удобный матеріалъ для поношеній, которыя изливались на нашу страну". Теперь оффиціальный органъ германскаго канцлера заявляетъ, что самое сравненіе англійской системы военнаго хозяйничанья въ южной Африкѣ съ дѣйствіями нѣмецкихъ войскъ неправильно и неумѣстно, что оно оскорбительно для германской арміи и для нѣмецкаго національнаго чувства. Что̀ должны сказать на это англичане, даже не раздѣляющіе воззрѣній Чемберлена и его единомышленниковъ? Произвольно отдѣляя англійскаго министра колоній отъ представляемаго имъ правительства, нѣмецкіе патріоты въ то же время наносятъ этому правительству и всей британской арміи оскорбленіе несравненно худшее, чѣмъ то, которое вызвало ихъ протесты. Если правительственная берлинская газета находитъ обиднымъ какое-нибудь сравненіе между англійскими войсками и нѣмецкими, то можетъ ли быть рѣчь о серьезной политической дружбѣ обѣихъ странъ?

Очевидно, въ вопросахъ патріотизма каждая нація имѣетъ свою особую логику, и то, что̀ кажется вполнѣ естественнымъ англичанину, искренно возмущаетъ нѣмца,—какъ и наоборотъ. Столковаться патріотамъ двухъ національностей нѣтъ возможности,—они говорятъ на разныхъ языкахъ. Съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, нельзя не замѣтить, что Чемберленъ сослался не только на франко-германскую войну, но и на усмиреніе Польши и Кавказа, на завоеваніе Тонкина и на оккупацію Босніи, и слѣдовательно, кромѣ Германіи, задѣлъ также Россію, Францію и Австрію; нѣмцевъ онъ даже помѣстилъ въ концѣ, послѣ другихъ затронутыхъ націй. Почему же воспылали по этому поводу негодованіемъ только нѣмецкіе патріоты, а французы, русскіе и австрійцы какъ будто и не замѣтили причиненной имъ обиды? Съ формальной стороны нѣмцы неправы; они не имѣли основанія принять исключительно на свой счетъ то, что̀ относилось и къ тремъ другимъ державамъ, съ которыми нѣмцамъ вовсе не стыдно находиться въ одной компаніи. По существу возникшій споръ сводится къ общему вопросу о предѣлахъ права или, вѣрнѣе, безправія войны, а въ этой области узкія національныя иллюзіи совершенно неискоренимы. Ветераны прежнихъ нѣмецкихъ войнъ твердо увѣрены въ томъ, что германская армія всегда сражалась за святое національное дѣло и руководствовалась лишь возвышенными патріотическими побужденіями, безъ ущерба для интересовъ человѣчности и справедливости;

они знаютъ, что нѣмцы распоряжались въ занятыхъ французскихъ провинціяхъ сообразно требованіямъ военной необходимости и съ соблюденіемъ правилъ, предписанныхъ подлежащимъ начальствомъ. Но они не могутъ допустить, что и англичане въ такой же мѣрѣ убѣждены въ безусловной своей правотѣ по отношенію къ боэрамъ и въ настоятельной военной необходимости тѣхъ мѣръ, которыя принимаются лордомъ Китченеромъ или рекомендуются Чемберленомъ. Нѣмцы, сами боровшіеся за свою національность, умиляются надъ судьбою небольшого народа, защищающаго свою независимость и свободу отъ хищныхъ посягательствъ Англіи. Англичане же знаютъ положительно, что боэрамъ не было и нѣтъ никакой надобности воевать за свою свободу, ибо имъ заранѣе обезпечено полное самоуправленіе, на подобіе Капской колоніи. Боэрамъ нужна независимость въ болѣе широкомъ политическомъ смыслѣ: честолюбивые вожди ихъ, по увѣренію англичанъ, задумали образовать новую самостоятельную державу, которая постепенно устранила бы британское владычество въ южной Африкѣ и соединила бы подъ своею властью все голландское населеніе въ этой части материка. Значительныя вооруженія, предпринятыя президентомъ Крюгеромъ и его сотрудниками, не могли имѣть другой цѣли; а военная слабость англичанъ на сушѣ казалась достаточною гарантіею успѣха. При такихъ условіяхъ, согласиться на независимость боэрскихъ республикъ было бы для Англіи равносильно отказу отъ сохраненія южно-африканскихъ колоній. „Мы не положимъ оружія,—говорилъ Чемберленъ въ той же рѣчи, 25 октября,—пока не исчезнетъ всякое сомнѣніе о будущности южной Африки подъ британскимъ флагомъ. По достиженіи этого результата, мы дадимъ каждому человѣку въ южной Африкѣ — будь онъ голландецъ или англичанинъ—одинаковые законы, одинаковое правосудіе и равныя гражданскія права. Какъ только позволятъ интересы безопасности, мы пойдемъ дальше,—мы установимъ въ новыхъ колоніяхъ ту же самую форму самоуправленія, которая обезпечила намъ преданность большинства нашихъ самоуправляющихся колоній". На банкетѣ лондонскаго лордъ-мэра, 9 ноября, лордъ Сольсбери выразился въ томъ же родѣ: „Мы ничего такъ сильно не желаемъ, какъ возвращенія этихъ южно-африканскихъ земель къ тѣмъ благамъ, которыя британская имперія, какъ доказано опытомъ многихъ поколѣній, способна доставлять принадлежащимъ ей колоніямъ. Мы больше всего желаемъ, чтобы эти территоріи, въ которыхъ свирѣпствуетъ теперь война, стали вновь пользоваться свободой и гражданскими правами, и чтобы въ возможно скоромъ времени, какъ только позволятъ обстоятельства, онѣ наслаждались всѣми другими благами самоуправленія, которыми пользуются столь многія самоуправляющіяся колоніи британской ко-

роны въ разныхъ частяхъ свѣта. Намъ говорятъ, что противники не примутъ ничего другого, кромѣ независимости. Мы отвѣчаемъ, что съ сосѣдями, которые, по извѣщеніи въ двухдневный срокъ, врываются въ наши владѣнія и которые очевидно употребляли такъ много лѣтъ на собраніе запасовъ оружія для колоссальной войны,—съ такими сосѣдями, при независимости ихъ, не существовало бы для насъ безопасности".

Нѣмецкіе патріоты жалѣютъ боэровъ и сочувствуютъ имъ, какъ мужественнымъ борцамъ за національную свободу; они негодуютъ на англичанъ за ихъ жестокосердіе, за ихъ безпощадное презрѣніе къ правамъ чужихъ народностей. Но въ шестидесятыхъ годахъ, когда Пруссія и Австрія вмѣстѣ напали на маленькую Данію, нѣмцы не жалѣли датчанъ, а напротивъ жаждали ихъ пораженія съ такою же злобою, какъ нынѣ англичане стремятся раздавить боэровъ. Пруссаки не стѣснялись насильственно присоединить Ганноверъ и другія нѣмецкія области, населеніе которыхъ также мечтало о національной свободѣ и независимости. Жители Босніи и Герцеговины тоже боролись за свою народность, когда попали въ распоряженіе Австріи, и ихъ геройскія усилія встрѣчали холодное равнодушіе среди нѣмцевъ. Наконецъ, если нѣмцы въ самомъ дѣлѣ уважаютъ права небольшихъ народностей, то почему они не примѣняютъ этого взгляда къ подвластнымъ имъ славянамъ,—напримѣръ, къ познанскимъ полякамъ? Могутъ ли патріоты германской имперіи повторить гордыя слова Чемберлена и Сольсбери о благахъ свободнаго самоуправленія, предоставляемыхъ всѣмъ національностямъ? Прусскіе поляки, систематически преслѣдуемые въ Познани за упорное сохраненіе своей народности, считали бы себя счастливыми, еслибы нѣмцы признали за ними ту долю національной свободы, какую англичане гарантируютъ голландскимъ боэрамъ въ южной Африкѣ. Нѣмцы не допускаютъ даже никакой параллели между военными обычаями германскихъ войскъ и англійскою практикою въ южно-африканской войнѣ. Но и тутъ мы видимъ лишь грубое недоразумѣніе или простую историческую забывчивость. Англичане сжигаютъ фермы, гдѣ воюющіе боэры находили пристанище или гдѣ запасались фуражемъ; нѣмцы во время французской кампаніи 1870—1871 годовъ выжигали цѣлыя селенія, въ районѣ которыхъ появлялись вольные стрѣлки, безпокоившіе германскую армію. За всякія партизанскія дѣйствія французовъ въ опредѣленной мѣстности отвѣчали окрестныя селенія, подвергавшіяся жестокимъ экзекуціямъ со стороны нѣмецкихъ войскъ, по заранѣе установленной системѣ. Англичане въ южной Африкѣ судятъ военнымъ судомъ и разстрѣливаютъ жителей Капской колоніи, захваченныхъ въ непріятельскихъ отрядахъ съ оружіемъ въ рукахъ,—основываясь на

томъ, что эти люди, въ качествѣ британскихъ подданныхъ, виновны въ государственной измѣнѣ; германскіе военные начальники разстрѣливали взятыхъ въ плѣнъ французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, какъ не принадлежащихъ къ регулярной арміи и потому признаваемыхъ разбойниками,—хотя вольные стрѣлки дѣйствовали несомнѣнно съ разрѣшенія французскихъ властей, имѣли извѣстную организацію и, въ качествѣ французскихъ гражданъ, не имѣли никакихъ обязанностей относительно Германіи. Нѣмецкія войска свободно распоряжались частнымъ имуществомъ французовъ, посылали на родину цѣлые склады незаконно присвоенной добычи, употребляли дорогую мебель на топку печей, разоряли цѣнныя постройки и поступали вообще круто съ обитателями занятой страны; а теперь нѣмцамъ кажется, что они были замѣчательно добродѣтельны и гуманны на войнѣ,—и что нельзя даже сравнивать ихъ дѣйствія съ англійскими военными мѣрами въ южной Африкѣ. Быть можетъ, на мѣстѣ англичанъ нѣмцы дѣйствовали бы гораздо суровѣе и послѣдовательнѣе, для скорѣйшаго окончанія войны; они, пожалуй, разстрѣливали бы не только плѣнныхъ африкандеровъ, но и трансваальскихъ боэровъ, послѣ того какъ Трансвааль оффиціально объявленъ колоніальнымъ владѣніемъ метрополіи. По части военныхъ жестокостей англичане далеко не стоятъ впереди другихъ народовъ; они, напримѣръ, едва ли способны были бы истреблять своихъ же соотечественниковъ съ такимъ остервенѣніемъ, какъ это дѣлали французы во время парижской коммуны. Нападки на Англію изъ-за боэровъ вызываются отчасти чрезмѣрною медлительностью и слабостью ея военныхъ операцій: еслибы британская армія могла заставить непріятеля сосредоточиться и въ нѣсколькихъ крупныхъ битвахъ успѣла сразу уложить десять тысячъ человѣкъ, то никто не удивлялся бы этой звѣрской бойнѣ, и нѣмцы первые назвали бы англичанъ молодцами. Но частыя мелкія стычки, повторяющіяся въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, утомляютъ вниманіе и раздражаютъ уже своею видимою безплодностью; репрессаліи въ небольшомъ размѣрѣ не производятъ сильнаго впечатлѣнія, а отдѣльныя неудачи даютъ поводъ къ насмѣшкамъ. Тѣ беззаконія, которыя ставятся въ вину англичанамъ въ южной Африкѣ, зависятъ не отъ спеціальныхъ качествъ или недостатковъ британской націи и ея правительства, а отъ всего современнаго строя международныхъ отношеній и обычаевъ.

Пока существуетъ право войны, оно неизбѣжно будетъ порождать явленія, возмущающія человѣческую совѣсть. Всѣмъ извѣстно, какъ дѣйствовали военные отряды великихъ культурныхъ державъ—и въ томъ числѣ Германіи—въ Китаѣ. Въ недавнемъ судебномъ процессѣ противъ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, по обвиненію въ клеветѣ на армію, военные свидѣтели должны были подтвердить основательность

нѣкоторыхъ жестокихъ разоблаченій; между прочимъ оказалось, что нѣмецкіе солдаты экспедиціоннаго корпуса только неумышленно убивали китайскихъ женщинъ и дѣтей, принимая ихъ по одеждѣ за мужчинъ, и слѣдовательно послѣднихъ полагалось убивать, хотя бы они принадлежали къ числу мирныхъ обывателей; по распоряженію военнаго начальства, предписано было стрѣлять въ туземцевъ, замѣченныхъ внѣ своихъ жилищъ послѣ девяти часовъ вечера. Цѣлыя китайскія селенія уничтожались, если въ окрестностяхъ обнаружены были какіе-нибудь слѣды „большихъ кулаковъ"; въ этомъ заключалась задача особыхъ карательныхъ экспедицій. Малѣйшее подозрѣніе въ поддержкѣ „кулаковъ" влекло за собою повальныя казни. Не лучше были способы дѣйствія другихъ просвѣщенныхъ европейскихъ національностей въ Китаѣ. Французскіе миссіонеры устроивали грандіозные грабежи при помощи многочисленныхъ отрядовъ туземныхъ христіанъ и при прямомъ содѣйствіи французскихъ солдатъ, которые получали свою долю добычи въ видѣ чековъ, подписанныхъ начальниками миссіи; объ этомъ сообщалъ правительству командовавшій французскими военными силами въ Китаѣ генералъ Вуаронъ, докладъ котораго былъ въ соотвѣтственной части обнародованъ оппозиціонною печатью и послужилъ предметомъ недавнихъ преній въ палатѣ депутатовъ. Эти формальные грабежи практиковались одинаково почти всѣми иностранными отрядами, дѣйствовавшими въ предѣлахъ китайской территоріи отъ имени представителей высшей христіанской цивилизаціи, въ назиданіе запуганному туземному населенію. Не говоримъ уже о возмутительныхъ казняхъ должностныхъ лицъ, исполнявшихъ приказы своего начальства противъ иностранцевъ. Ничего подобнаго, конечно, не совершалось и не совершается англичанами въ южной Африкѣ. Требуется большое лицемѣріе, чтобы упрекать одну Англію за употребленіе кровавыхъ насилій, которыя повсемѣстно примѣняются и одобряются культурными націями при военной защитѣ ихъ интересовъ. Противопоставляя британской политикѣ требованія справедливости и человѣчности, усердные обличители англичанъ косвенно осуждаютъ военно-политическую практику своихъ собственныхъ отечествъ и незамѣтно высказываются противъ самаго права войны, какъ организованнаго безправія. Этого не чувствуютъ добродѣтельные нѣмецкіе патріоты, столь краснорѣчиво и, повидимому, искренно возмущающіеся по поводу военно-политическихъ дѣйствій Англіи противъ южно-африканскихъ боэровъ.

При всеобщей наклонности къ забвенію собственныхъ національныхъ грѣховъ создается иллюзія существованія какого-то хорошаго и справедливаго международнаго права, которое только нарушается отдѣльными неблагонамѣренными и несимпатичными державами. Для

многихъ въ западной Европѣ такою непріятною державою была долго и отчасти понынѣ остается Россія, которой приписывались всевозможныя вопіющія несправедливости и корыстные замыслы относительно чужихъ земель и народностей; теперь эта роль какъ будто перешла къ Англіи. Англичане выставляются уже главными нарушителями справедливости и законности въ международныхъ отношеніяхъ, особенно противъ слабыхъ государствъ и національностей въ разныхъ частяхъ свѣта. Нечего удивляться тому, что сами злополучные боэры или ихъ представители раздѣляютъ эту иллюзію и упорно надѣются на торжество права въ будущемъ. Уполномоченные делегаты обѣихъ бывшихъ республикъ обратились къ постоянному международному трибуналу въ Гаагѣ съ ходатайствомъ о третейскомъ разбирательствѣ спорнаго дѣла между Англіею и ея южно-африканскими противниками. Трансвааль и Оранжевая республика требовали третейскаго суда еще передъ началомъ войны; тогда ихъ требованіе было отклонено британскимъ правительствомъ, такъ какъ названныя республики не признавались вполнѣ независимыми и не участвовали въ Гаагской конференціи. Возобновляя теперь свое ходатайство, делегаты предлагаютъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, „справедливо ли Англія обвиняетъ обѣ республики въ совершеніи актовъ, имѣющихъ цѣлью стѣснить въ чемъ-либо англійскій элементъ въ южной Африкѣ или удалить ихъ изъ своихъ территорій, и виновны ли вообще эти республики въ совершеніи такихъ дѣйствій, которыя по международнымъ принципамъ давали бы Англіи право отнять у нихъ независимость". Делегаты указываютъ, далѣе, на ясное и рѣзкое нарушеніе Англіею общепризнанныхъ правилъ войны между цивилизованными народами,—правилъ, обязательныхъ для Англіи въ силу подписанной ею Гаагской конвенціи 29 іюля 1899 года. Въ виду того, что британское правительство съ своей стороны отрицаетъ факты, относящіеся къ несоблюденію имъ правилъ войны, делегаты просятъ разобрать этотъ новый споръ и постановить о немъ надлежащее третейское рѣшеніе. Они знаютъ, что для разсмотрѣнія дѣла третейскимъ судомъ необходимо предварительное согласіе Англіи; озаботиться полученіемъ этого согласія или сдѣлать къ тому попытку предстояло бы комитету международнаго трибунала, непосредственно или черезъ отдѣльныя правительства, представляемыя его членами,—что̀ соотвѣтствовало бы „великому и возвышенному принципу", провозглашенному Гаагскою конвенціею. „Если Англія отвѣтила бы отказомъ,—заключаютъ уполномоченные злосчастныхъ республикъ,—то этотъ отказъ свидѣтельствовалъ бы, что она не осмѣливается подчиниться приговору добросовѣстнаго судьи, хорошо освѣдомленнаго и безпристрастнаго. Она будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу этого отказа, продолжать нести на себѣ

всю отвѣтственность за продолженіе этой жестокой и безполезной войны, и она молчаливо подтвердитъ этимъ, что способъ, какимъ ведется война, находится въ формальномъ противорѣчіи съ тѣми условіями человѣчности, которыя она сама признала въ Гаагѣ".

Какъ ни трогательно это обращеніе къ новому международному судилищу, созданному Гаагской конференціею, но оно не имѣло, очевидно, ни малѣйшихъ шансовъ успѣха,—не только по формальнымъ причинамъ, но и по существу. Заявленіе обѣихъ республикъ не могло получить хода уже потому, что сами республики перестали существовать съ точки зрѣнія Англіи; сверхъ того, категорическій отказъ ея въ допущеніи третейскаго суда былъ извѣстенъ заранѣе. Но третейскій судъ, даже еслибы онъ и состоялся, нисколько не помогъ бы боэрамъ и ни въ чемъ не облегчилъ бы ихъ положенія. Вопросъ о виновности правительствъ Трансвааля и Оранжевой республики въ какихъ-либо враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ англійскаго элемента въ южной Африкѣ устраняется тѣмъ печальнымъ и безспорнымъ обстоятельствомъ, что война объявлена и начата впервые обѣими республиками, а не Англіею; поэтому событія, предшествовавшія войнѣ, не могли бы уже быть предметомъ третейскаго разбирательства. Результаты войны зависятъ всецѣло отъ побѣдителей, и нѣтъ такихъ „международныхъ принциповъ", которые мѣшали бы англичанамъ лишить побѣжденныхъ боэровъ независимости; слѣдовательно, и этотъ вопросъ не подлежалъ бы разсмотрѣнію третейскаго суда. Что касается нарушенія военныхъ правилъ и обычаевъ, то англичане въ свою очередь могли бы сослаться на многочисленные примѣры подобныхъ же и еще болѣе сильныхъ нарушеній со стороны боэровъ, напр. на злоупотребленія бѣлымъ флагомъ, особенно частыя въ первый періодъ войны; затѣмъ партизанскій характеръ нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій —на чемъ настаиваютъ англичане—даетъ возможность оправдывать многое изъ того, что̀ не допускается военною практикою регулярныхъ армій. Наконецъ, даже полная доказанность фактовъ, на которые жалуются делегаты обѣихъ республикъ, не привела бы ни къ чему, и судьба южной Африки по прежнему оставалась бы въ рукахъ Англіи. Таково практическое значеніе возвышенныхъ формулъ и принциповъ международнаго права, когда слабые народы спорятъ съ сильными и взываютъ противъ нихъ къ чувствамъ человѣчности культурныхъ націй.

Въ Турціи, какъ и въ государствахъ вполнѣ просвѣщенныхъ и культурныхъ, происходятъ по временамъ перемѣны въ составѣ правительства, но мотивы этихъ перемѣнъ извѣстны лишь небольшому кружку приближенныхъ султана. За отсутствіемъ общественнаго мнѣ-

нія и свободной печати, вопросы турецкой внутренней политики обсуждаются и рѣшаются по секрету, совершенно независимо отъ какихъ-либо общедоступныхъ соображеній. Турецкіе патріоты гордятся тѣмъ, что у нихъ не примѣняются „западно-европейскіе шаблоны", къ которымъ они питаютъ искреннее презрѣніе. Придворные дѣятели не нуждаются тамъ ни въ услугахъ печати, ни въ соглашеніяхъ съ разными политическими партіями, ни въ уступкамъ публичнымъ интересамъ и потребностямъ; вмѣсто того, имъ достаточно только заручиться услугами главнаго евнуха, поддерживать соглашеніе съ дворцовыми служителями и угождать временнымъ любимцамъ падишаха. Когда на видный правительственный постъ назначается новое лицо, то публика спрашиваетъ не объ его заслугахъ или способностяхъ, а о томъ, кто выдвинулъ его и какія закулисныя интриги предшествовали его возвышенію. Султанъ Абдулъ-Гамидъ управляетъ своею имперіею по личному усмотрѣнію, внѣ всякихъ общественныхъ или народныхъ вліяній; но его воля незамѣтно направляется въ ту или другую сторону приближенными, которые большею частью противодѣйствуютъ другъ другу, вслѣдствіе чего происходятъ постоянныя колебанія въ общемъ ходѣ дѣлъ. Публика въ Турціи привыкла уже ничему не удивляться; всѣ считали вполнѣ естественнымъ, что султанъ сначала довелъ пререканія съ Франціею до дипломатическаго разрыва, не испугавшись ея угрозъ, а потомъ немедленно подчинился, какъ только появилась французская эскадра въ турецкихъ водахъ. Политика, зависящая исключительно отъ перемѣнчиваго личнаго настроенія, теряетъ почву и становится вполнѣ случайною; тотъ же элементъ случайности господствуетъ и во всѣхъ внутреннихъ турецкихъ распоряженіяхъ, назначеніяхъ и мѣропріятіяхъ.

Но и турецкая публика иногда недоумѣваетъ по поводу рѣшеній, исходящихъ изъ Ильдизъ-Кіоска,—хотя и скрываетъ свои недоумѣнія про себя; такъ, никто не могъ объяснить, почему великимъ визиремъ вновь назначенъ теперь престарѣлый Саидъ-паша, занимавшій раньше этотъ постъ уже пять разъ съ 1879 года и бывшій затѣмъ долго въ опалѣ. Въ послѣдній разъ, въ октябрѣ 1895 года, его вытѣснилъ Кіамиль-паша, и Саидъ, по какимъ-то невѣдомымъ наговорамъ своего соперника, сразу превратился изъ ближайшаго довѣреннаго сановника въ неблагонадежнаго субъекта, за которымъ поручено слѣдить агентамъ тайной полиціи. Дошло до того, что однажды вечеромъ въ началѣ декабря того же года недавній еще великій визирь явился съ своимъ маленькимъ сыномъ въ британское посольство, и просилъ дать ему убѣжище; англійскій посолъ охотно взялъ его подъ свое покровительство и продержалъ его подъ могущественною охраною британскаго флага до тѣхъ поръ, пока султанъ особымъ ирадэ не гаранти-

ровалъ безусловной неприкосновенности жизни его самого и его семьи. Саидъ-паша вышелъ тогда изъ своего убѣжища и поселился въ указанномъ ему мѣстѣ, подъ строгимъ полицейскимъ наблюденіемъ; а нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ заподозрѣнный въ неизвѣстныхъ государственныхъ преступленіяхъ бывшій великій визирь опять дѣлается великимъ визиремъ, въ укоръ и назиданіе всѣмъ другимъ искателямъ этого высокаго поста. Турки говорятъ, что „пути султана неисповѣдимы",—ничего другого нельзя сказать и о странныхъ превратностяхъ въ судьбѣ новаго великаго визиря.

Другой характеръ имѣетъ перемѣна, происшедшая почти одновременно въ Аѳинахъ,—паденіе министерства Ѳеотокиса, мѣсто котораго занялъ кабинетъ Заимиса. Дѣло разыгралось публично, на глазахъ всѣхъ, и обсуждалось въ греческомъ парламентѣ, 23 ноября, причемъ министръ-президентъ Ѳеотокисъ даже расплакался, по свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ; тѣмъ не менѣе, причины возникшаго общественнаго волненія остаются загадочными для людей, не посвященныхъ въ тайны настроенія и міросозерцанія нынѣшней „молодой Греціи". Нѣкій ученый грекъ, по имени Паллисъ, перевелъ евангеліе на ново-греческій языкъ, и вопросъ о допущеніи изданія этого перевода вызвалъ горячую полемику въ газетахъ, поднялъ на ноги университетъ, духовныя и свѣтскія власти, послужилъ поводомъ къ уличнымъ безпорядкамъ и столкновеніямъ, стоившимъ жизни нѣсколькимъ обывателямъ, и, наконецъ, разрѣшился министерскимъ кризисомъ. Оппозиція, съ университетомъ во главѣ, возставала противъ печатанія перевода; въ томъ же смыслѣ высказался и греческій синодъ, хотя и не столь рѣшительно, а правительство какъ будто склонялось къ дозволенію, въ видахъ распространенія евангелія въ массѣ народа. Обычные хранители завѣтовъ старины обнаружили на этотъ разъ гораздо меньше усердія, чѣмъ представители университетской молодежи, горячо выступившіе противъ опаснаго, будто бы, нововведенія, во имя интересовъ религіи. Эта непомѣрно-охранительная роль аѳинскаго студенчества придаетъ всему событію какой-то особый couleur locale, оттѣнокъ чего-то спеціально-греческаго или восточнаго, не совсѣмъ яснаго для иностранцевъ. Имѣющіяся до сихъ поръ газетныя свѣдѣнія также не освѣщаютъ источниковъ и мотивовъ послѣдняго общественно-парламентскаго кризиса въ Греціи.

УБІЙСТВО МАКЪ-КИНЛЕЯ И ПРЕЗИДЕНТЪ РУЗЕВЕЛЬТЪ.

Письмо изъ Америки.

6-го прошлаго сентября, когда президентъ С.-А.. Соед. Штатовъ, Вильямъ Макъ-Кинлей, обходилъ всеамериканскую выставку въ г. Буффало,—полякъ, родомъ изъ нѣмецко-польской провинціи Познани, Леонъ Цолюшъ, протянувъ впередъ обернутую платкомъ руку, для того, казалось, чтобъ пожать руку президента, выстрѣлилъ въ него въ упоръ два раза; одна изъ ранъ, пробившая желудокъ, оказалась смертельною; Макъ-Кинлей умеръ 14-го сентября и былъ торжественно погребенъ спустя пять дней. Въ день его смерти, согласно требованію коституціи, въ должность президента Соединенныхъ Штатовъ вступилъ вице-президентъ Союза, Теодоръ Рузевельтъ. Арестованный на мѣстѣ, Цолюшъ, молодой человѣкъ двадцати-семи лѣтъ, перепробовавшій нѣсколько родовъ занятій и ремеслъ и, повидимому, представляющій собою немногочисленный, сравнительно, въ Америкѣ, типъ неудачника, показалъ на допросѣ, что онъ анархистъ, исполнившій свой долгъ, и добавилъ, что онъ сдѣлался такимъ благодаря лекціямъ и вліянію извѣстной Эммы Гольдманъ, еврейки, уже лѣтъ десять пропагандирующей анархизмъ по всему Сѣверо-американскому Союзу.

Всего полгода тому назадъ начавшій свое второе четырехлѣтіе въ должности президента Союза, Макъ-Кинлей въ день своей неожиданной смерти находился въ апогеѣ своей популярности и вліянія на судьбы своей страны. Всеамериканская выставка въ Буффало, которую русская печать, насколько мнѣ извѣстно, почти совсѣмъ не замѣтила, была однимъ изъ результатовъ новой „имперіалистской“ политики Союза. Она будетъ сопровождаться всеамериканскимъ конгрессомъ представителей всѣхъ сѣверо- и южно-американскихъ государствъ въ городѣ Мексико, и, въ смыслѣ политическаго и, въ особенности, коммерческаго сближенія Новаго-Свѣта представляетъ собою чрезвычайно выдающееся явленіе, какъ первая успѣшная попытка выяснить и объединить интересы латинской Южной Америки съ англосаксонской Сѣверной. Только еще наканунѣ выстрѣла, Макъ-Кинлей, въ торжественномъ публичномъ засѣданіи, устроенномъ управленіемъ выставки въ честь его посѣщенія, произнесъ мастерскую рѣчь, выяснившую какъ основы новой политики Союза, такъ и его настоящее отно-

шеніе къ сосѣдямъ по континенту,—рѣчь, произведшую сильное впечатлѣніе на всю страну. Казалось, что никогда прежде его умѣлость и ловкость какъ политикана, предусмотрительность и послѣдовательность какъ государственнаго человѣка, демократичность и простота какъ гражданина, не подчеркивались такъ ярко и рельефно, какъ именно въ этой рѣчи. Его политическіе противники, въ особенности антиимперіалисты, конечно, не соглашались съ его положеніями и логикой, но и они отдавали ему справедливость въ томъ, что, съ его точки зрѣнія, раздѣлявшейся, повидимому, значительнымъ большинствомъ американскаго народа, онъ былъ безусловно послѣдователенъ и неуклонно и твердо шелъ по своему опредѣленному пути, не оглядываясь и не сбиваясь, и въ то же время соблюдая въ своихъ отношеніяхъ къ народу самую строгую, чисто пуританскую, республиканскую простоту. Несмотря на свой „имперіализмъ", онъ до смерти оставался необыкновенно простъ и доступенъ, довѣрчиво пожималъ руку первому встрѣчному, упорно отказывался отъ всякой личной охраны и всегда стремился къ тому, чтобы въ своей публичной и частной жизни ничѣмъ по возможности не отличаться отъ послѣдняго изъ своихъ согражданъ. Его непосредственные предшественники въ Бѣломъ Домѣ, и Кливелэндъ, и, въ особенности, Артуръ и Гаррисонъ, окружали себя извѣстными преградами, стремились къ извѣстной обособленности, якобы требовавшейся ихъ высокимъ постомъ; Макъ-Кинлей круто измѣнилъ введенные ими мало-по-малу порядки, существенно изолировавшіе личность президента отъ народныхъ массъ, при всякомъ удобномъ случаѣ мѣшался съ толпой и систематически устранялъ всякую помпу, всякую попытку дѣлать изъ него нѣчто особенное, нѣчто требующее спеціальныхъ церемоній и предосторожностей. Даже самые ярые партизаны-противники никогда не сомнѣвались въ его абсолютной, рѣдкой въ наше время личной честности— онъ такъ и умеръ сравнительно бѣднымъ человѣкомъ, гораздо бѣднѣе кого-либо изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ: самымъ значительнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ имъ вдовѣ, оказались страховыя преміи на его жизнь. Въ своей семейной и частной жизни Макъ-Кинлей былъ безупреченъ—слишкомъ тридцать лѣтъ общественной карьеры, шедшей все въ гору, прожилъ онъ какъ бы въ стеклянномъ домѣ, на виду у всей страны—и за все это долгое время на его имени не было ни одного, даже малѣйшаго, пятнышка. Его популярность какъ перваго гражданина своей страны была необыкновенна—и обрисовалась особенно рельефно въ день его похоронъ, когда всякая работа, всякая дѣловая дѣятельность были остановлены; за тѣ двадцать слишкомъ лѣтъ, что я прожилъ въ Америкѣ, я никогда не видалъ та-

кого абсолютнаго прекращенія всякаго дѣла на цѣлый день, какъ 19-го прошлаго сентября.

Въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ недѣль по выстрѣлѣ, во всей странѣ царило особенное, небывалое прежде общественное возбужденіе, направленное противъ анархизма и всего съ нимъ связаннаго. Были произведены многочисленные, сравнительно, аресты—сыскная полиція города Буффало настаивала на существованіи заговора, котораго слѣпымъ орудіемъ былъ Цолюшъ, и требовала задержки многихъ лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ за послѣднее время. Въ Чикаго были арестованы 13 лицъ, схвачена была Эмма Гольдманъ, задержанъ въ Нью-Іоркѣ Іоганнъ Мостъ, во многихъ большихъ городахъ произведены были облавы и обыски,—но доказать чего-либо никто не могъ, такъ какъ Цолюшъ упорно молчалъ, а законъ мало-по-малу вступилъ въ свои права и всѣхъ безъ исключенія арестованныхъ пришлось выпустить. Американскій законъ не дѣлаетъ никакого различія между президентомъ Союза и частнымъ гражданиномъ; еслибъ Макъ-Кинлей выздоровѣлъ, maximum наказанія, грозившаго Цолюшу, было бы шести-лѣтнее тюремное заключеніе. Убійство это выяснило многіе американскіе порядки, совершенно непонятные европейцу. Такъ, напр., оказалось, что у федеральнаго правительства нѣтъ совсѣмъ сыскной полиціи,—что на это не отпускается ни копѣйки,—и что для охраны президента берутся обыкновенно два солдата отъ министерства финансовъ, единственнаго федеральнаго учрежденія, получающаго ежегодно по сту тысячъ долларовъ на содержаніе сыскного отдѣленія спеціально для наблюденія за фальшивыми монетчиками—такъ что, въ сущности, и такая охрана прямо незаконна и производится, такъ сказать, частнымъ, негласнымъ образомъ, безъ надлежащей законодательной санкціи. Хотя былъ убитъ глава исполнительной власти Союза, федеральное правительство не могло преслѣдовать убійцу—не могло даже имѣть своего представителя на судѣ—мѣстныя власти штата Нью-Іорка, въ предѣлахъ котораго было совершено преступленіе, вели все дѣло совершенно самостоятельно и безъ какого бы то ни было вмѣшательства со стороны федеральныхъ властей Союза. Само собой разумѣется, что Цолюшъ стрѣлялъ въ Макъ-Кинлея не какъ въ частнаго человѣка, а какъ въ президента Союза, какъ въ представителя власти—но современные американскіе законы не признаютъ этого различія, и уголовный уставъ не входитъ въ разсмотрѣніе мотивовъ, признавая только фактъ преступленія и карая его совершенно одинаково. Убійства Линкольна и Гарфильда вызвали въ свое время обширныя полемики по поводу необходимости огражденія правительственныхъ лицъ спеціальными уголовными уставами; были даже вносимы въ конгрессъ проекты новыхъ федеральныхъ законовъ,

требовавшихъ признанія даже покушеній на жизнь правительственныхъ лицъ государственной измѣной и каравшихъ ихъ смертью—но всѣ они такъ и остались проектами, отчасти вслѣдствіе ихъ несомнѣнной противо-конституціонности, отчасти вслѣдствіе антипатій громаднаго большинства американскаго народа относительно какого бы то ни было спеціальнаго законодательства. Конституція Союза точно и ясно опредѣляетъ понятіе о государственной измѣнѣ—и покушеніе на жизнь или даже убійство правительственныхъ лицъ отнюдь не подходитъ къ этому опредѣленію. Учрежденіе спеціальной охраны лицъ, занимающихъ высшія правительственныя мѣста едва ли встрѣтило бы какія-либо формальныя или принципіальныя возраженія; но сами президенты, безъ всякихъ исключеній, всегда были противъ такой охраны, и Рузевельтъ, принявъ присягу, прежде всего отказался отъ нея самымъ категорическимъ образомъ, формально запретивъ какое-либо наблюденіе за собой какъ мѣстной, такъ и федеральной сыскной полиціи министерства финансовъ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что принятіе имъ такой охраны крайне пагубно повліяло бы на его личную популярность въ народныхъ массахъ; съ незапамятныхъ временъ, и въ особенности въ настоящую эпоху, всяческіе правители неизбѣжно должны нести такой рискъ, занимая такія мѣста,—это, такъ сказать, одна изъ невыгодныхъ сторонъ ихъ прерогативъ.

Благодаря исключительной популярности Макъ-Кинлея, общественное возбужденіе по поводу его убійства принимало не разъ весьма острыя формы, требуя, напр., совершеннаго прекращенія европейской эмиграціи и доходя даже до криковъ противъ свободы слова и печати. Въ теченіе первыхъ двухъ, трехъ недѣль какое бы то ни было открытое осужденіе дѣятельности убитаго было прямо опаснымъ. Было не мало случаевъ, когда уличная толпа безпощадно избивала такихъ критиковъ прямо на улицѣ, даже врывалась въ дома почему-либо извѣстныхъ хулителей настоящаго порядка вещей; не разъ полиціи только съ трудомъ удавалось спасать ихъ отъ неизбѣжной смерти отъ рукъ разъяренныхъ поклонниковъ покойнаго президента. Особенно доставалось и все еще достается такъ называемой „желтой прессѣ", безпринципнымъ сенсаціоннымъ изданіямъ, появившимся на горизонтѣ нашей печати всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, укрѣпившимся въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, очагахъ недовольства современной организаціи человѣческаго общества, и дѣйствительно дошедшихъ до невозможнаго апогея дерзости и нахальства. Газеты эти не останавливаются ни передъ чѣмъ—смѣло лгутъ и изобрѣтаютъ самыя невѣроятныя извѣстія, кричатъ съ пѣной у рта по поводу такихъ изобрѣтеній, обвиняя и бросая площадной бранью и грязью во всѣхъ и каждаго, кто какъ бы то ни было подвернется имъ по пути. Судебныя

преслѣдованія противъ нихъ прямо невыгодны, такъ какъ прежде всего придаютъ имъ же извѣстный ореолъ, и онѣ же пользуются ими для увеличенія своей циркуляціи и усиленія своего тлетворнаго престижа. Во главѣ этихъ газетъ стоятъ „New York Journal", „Chicago American" и „San Francisco Examiner", издаваемыя однимъ и тѣмъ же лицомъ, милліонеромъ-эксцентрикомъ Hearst, со времени испано-американской войны не перестававшимъ самымъ безобразнымъ и самымъ сенсаціоннымъ образомъ обвинять Макъ-Кинлея во всевозможныхъ преступленіяхъ и сдѣлавшимъ его жертвою самыхъ пошлыхъ, самыхъ грязныхъ каррикатуръ. Это была настоящая травля, не справлявшаяся съ фактами и дѣйствительностью, а основанная исключительно на догадкахъ и предположеніяхъ. Смерть президента доказала ихъ абсолютную безпринципность; быстро убѣдясь въ томъ, что общественныя симпатіи были всецѣло съ нимъ до небывалаго прежде въ Америкѣ предѣла, Хёрстъ мгновенно перемѣнилъ тактику, пошелъ по вѣтру и превзошелъ всю американскую печать въ своихъ похвалахъ и возвеличеніи покойнаго. Человѣкъ, для наказанія преступленій котораго всѣ казни египетскія оказывались недостаточными, вдругъ обратился въ святого мученика за свободу, истину и высшія человѣческія стремленія. Это былъ самый наглый, самый откровенный „сомерсольтъ", который когда-либо былъ продѣланъ одними и тѣми же изданіями за такой же короткій періодъ времени. Можно, повидимому, надѣяться, что „желтая пресса" уже выкопала себѣ могилу и должна будетъ сойти со сцены, и что проповѣдуемый противъ нея крестовый походъ окажется совершенно излишнимъ,—еще разъ доказавъ ту и безъ того очевидную истину, что всякія крайности въ печати побьютъ себя сами гораздо дѣйствительнѣе какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ.

Основательность и прочность современнаго финансоваго, промышленнаго и торговаго процвѣтанія Сѣверо-американскаго Союза была блистательно доказана той нечувствительностью, съ которой отнесся денежный рынокъ страны къ неожиданной смерти Макъ-Кинлея. Въ дѣловомъ мірѣ она прошла, въ сущности, незамѣченной, не вызвавъ даже временнаго, даже легкаго замѣшательства, несмотря на громадную, доходящую до прямыхъ противоположностей, разницу въ личностяхъ Макъ-Кинлея и Рузевельта,—разницу, хорошо извѣстную всему американскому народу. Первый былъ старый политиканъ и дипломатъ, опытный и осторожный государственный человѣкъ, тщательно избѣгавшій всякихъ пертурбацій, и несомнѣнно придававшій коммерсіализму и дѣловой жизни страны первостепенное значеніе. Основательно или нѣтъ, но его, съ одной стороны, упорно упрекали въ одностороннемъ покровительствѣ капиталу и состоятельнымъ классамъ, и даже

нерѣдко называли „отцомъ трёстовъ"—тогда какъ, съ другой, несомнѣнно и то, что онъ считался другомъ организованнаго труда и былъ одинаково популяренъ и въ средѣ нашихъ рабочихъ массъ; ремесленные союзы всегда признавали его и признаютъ и теперь своимъ искреннимъ защитникомъ и покровителемъ, и почтили его смерть самыми трогательными проявленіями своихъ симпатій. Казалось бы, что такое согласованіе безконечно трудно, почти недостижимо—тѣмъ не менѣе, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что Макъ-Кинлей умѣлъ достигать его въ самой высокой степени, умѣлъ успокоивать однихъ и умиротворять другихъ, и притомъ настолько, что въ теченіе 4½ лѣтъ его президентства, ознаменованныхъ самымъ широкимъ развитіемъ организаціи какъ труда, такъ и капитала, противные элементы эти ни разу не нарушили спокойнаго теченія нашей общественной жизни какими-либо серьезными рѣзкостями. Американскій народъ считалъ его „надежнымъ" президентомъ, человѣкомъ, который съумѣлъ бы выйти съ честью изъ всякаго положенія, остановить во-время и съ тактомъ всякій острый конфликтъ противоположныхъ интересовъ. Эта-то „солидность", эта-то вѣра въ прочность положенія и были причиной небывало быстраго въ исторіи Союза развитія промышленности и торговли, спроса на трудъ и поднятія заработной платы, а съ ними и національнаго благосостоянія—какъ оно опредѣляется всѣми современными мѣрилами политико-экономической науки.

Въ прямую противоположность этому серьезному, положительному активу, Рузевельтъ представляетъ собою величину, по меньшей мѣрѣ, недостаточно опредѣленную. Прежде всего, онъ, сравнительно, очень молодъ—ему всего 43 года, и онъ значительно моложе всѣхъ двадцати-пяти своихъ предшественниковъ на посту президента Соединенныхъ-Штатовъ. Затѣмъ, онъ индивидуаленъ и стремителенъ въ весьма значительной степени—гораздо больше, чѣмъ этого бы желали самые вліятельные элементы и вожаки его собственной партіи. Далеко не всегда можно предвидѣть, какъ онъ поступитъ въ извѣстномъ случаѣ; всѣ тѣ общественные посты, которые онъ занималъ до сихъ поръ,—члена коммиссіи по реформѣ гражданской службы, предсѣдателя коммиссіи, завѣдующей полиціей города Нью-Іорка, товарища морского министра, наконецъ, губернатора штата Нью-Іорка,—ему пришлось покинуть довольно скоро, или благодаря неумѣнью ладить съ антуражемъ, или благодаря личной импульсивности, непосѣдливости, такъ сказать. Онъ искрененъ, энергиченъ, хорошій работникъ, не знающій физическаго страха солдатъ, безусловно, щепетильно честенъ, но нерѣдко попадаетъ въ просакъ, благодаря своей стремительности и недостатку выдержки. Нельзя тяжелымъ молотомъ выпрямлять кривое стекло,—а въ своей общественной дѣятельности

онъ нерѣдко прибѣгалъ къ неменѣе крупнымъ методамъ, и, конечно, не только безуспѣшно, но и всегда въ ущербъ исполненію своихъ несомнѣнно благихъ намѣреній. Оставляя въ сторонѣ его неудачи по реформѣ гражданской службы и исправленію полицейскихъ нравовъ города Нью-Іорка, и на болѣе важномъ и отвѣтственномъ посту губернатора штата, который онъ занималъ всего два года, онъ сдѣлался невозможнымъ настолько, что вожаки республиканской партіи поспѣшили самымъ откровеннымъ образомъ сбыть его съ рукъ подъ благовиднымъ предлогомъ назначенія въ вице-президенты Союза; должность эта крайне безцвѣтна, и до сихъ поръ неизмѣнно служитъ какъ наивѣрнѣйшій путь къ сдачѣ въ архивъ почему-либо оказавшихся непригодными на практикѣ государственныхъ людей. Въ 1898 г. республиканская партія въ штатѣ Нью-Іоркѣ находилась въ самомъ безнадежномъ положеніи. Во внутреннихъ дѣлахъ этого штата Эрійскій каналъ, ему принадлежащій и соединяющій рѣку Гудзонъ съ Великими озерами, всегда игралъ огромную роль; его устройство, улучшенія и ремонтъ стоили и стоятъ баснословныхъ суммъ, едва-ли когда-либо въ его исторіи соотвѣтствовавшихъ доставляемой имъ мѣстному населенію пользѣ. Фермерское населеніе штата всегда было почти поголовно противъ этихъ расходовъ, питавшихъ и обогащавшихъ цѣлыя когорты подрядчиковъ и политикановъ въ теченіе почти столѣтія; такого тонко систематизированнаго хищничества и воровства, которыя практиковались и практикуются ими на этомъ каналѣ, едва-ли можно найти гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ во всемъ Союзѣ, и они дошли до позорнѣйшаго апогея во время администраціи губернатора Блэка, 1895—1898 гг., и дискредитировали республиканскую партію штата въ конецъ. Рузевельтъ, съ его громадной личной популярностью, тотчасъ же по окончаніи испано-американской войны, былъ единственнымъ якоремъ спасенія, и былъ выбранъ губернаторомъ незначительнымъ большинствомъ, несмотря на слабость своей партіи и недовѣріе народа къ обѣщаніямъ ея „платформы“. Не только остановить, но и уменьшить злоупотребленій онъ или не съумѣлъ, или не смогъ—а въ то же время всячески вліялъ въ пользу дальнѣйшихъ и очень капитальныхъ и цѣнныхъ улучшеній канала, которыя въ глазахъ фермерскихъ массъ были не чѣмъ инымъ, какъ наглымъ посягательствомъ на ихъ карманъ въ пользу тѣхъ же прежнихъ воровъ и паразитовъ. Никто не сомнѣвался въ личной честности Рузевельта и въ искренности его теоретической поддержки скрытыхъ вожделѣній канальныхъ дѣльцовъ—тѣмъ не менѣе, вскорѣ убѣдились, что и онъ не въ состояніи очистить дѣло отъ его традиціонныхъ, крѣпко укоренившихся воровскихъ сторонъ, и земледѣльческое населеніе, составляющее единственную опору республиканской партіи въ штатѣ

Нью-Іоркѣ, города котораго безнадежно принадлежать демократамъ, круто отъ него отвернулось. Въ то же время отвернулись отъ него и вожаки партіи, съ сенаторомъ Платтомъ во главѣ; они нашли, что Рузевельтъ слишкомъ самостоятеленъ, слишкомъ ненадеженъ въ смыслѣ требуемаго ими слѣпого подчиненія диктантамъ партіи. Его положеніе, какъ губернатора, противодѣйствуемаго какъ массами, такъ и вожаками его собственной партіи, сдѣлалось сначала очень щекотливымъ, а затѣмъ и просто невыносимымъ. Тѣмъ не менѣе, его національная популярность не только не пошатнулась, но и возросла; онъ не мало путешествовалъ, очень много говорилъ публично и умѣлъ постоянно концентрировать на своей личности вниманіе народныхъ массъ Союза. Чрезвычайно кстати для натянутаго положенія дѣлъ въ штатѣ Нью-Іоркѣ лѣтомъ 1900 г. пришла пора національной конвенціи республиканской партіи. Сенатору Платту, человѣку чрезвычайно вліятельному на ея совѣтахъ, удалось убѣдить своихъ товарищей, что съ Рузевельтомъ, какъ губернаторомъ, пораженіе партіи въ штатѣ Нью-Іоркѣ неизбѣжно; что необходимо его сплавить оттуда до президентскихъ выборовъ; что, въ виду его несомнѣнной личной національной популярности, нѣтъ лучшаго способа достичь благовидно перваго и эксплоатировать въ пользу партіи вторую, какъ назначивъ его кандидатомъ въ вице-президенты, сдѣлать его вполнѣ безвреднымъ въ общей политикѣ страны и, въ то же время, присутствіемъ его имени на національномъ „тикетѣ“ помочь Макъ-Кинлею весьма реально. Планъ этотъ и былъ приведенъ въ исполненіе; извѣстно, что Рузевельтъ вынужденъ былъ принять назначеніе, несмотря на свое личное желаніе оставаться губернаторомъ Нью-Іорка и быть кандидатомъ въ президенты въ 1904 году. Принимая въ соображеніе не особенно старые годы Макъ-Кинлея—онъ умеръ на 57 году—и его сравнительную физическую крѣпость, никто, конечно, не ожидалъ, что Рузевельтъ такъ скоро сдѣлается президентомъ; едва-ли можно сомнѣваться, что еслибъ вожаки республиканской партіи могли предвидѣть внезапную смерть Макъ-Кинлея, они ни въ какомъ случаѣ не назначили бы Рузевельта вице-президентомъ; устроивая это, они просто намѣревались сдать его, въ смыслѣ фактора въ національной политикѣ, въ архивъ, не довѣряя ему и опасаясь его импульсивности.

Рузевельтъ, несомнѣнно, гораздо болѣе убѣжденный имперіалистъ, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, чѣмъ былъ такимъ Макъ-Кинлей. Кромѣ того, онъ воинственъ, то-есть, вѣритъ въ войну, въ необходимость содержанія сильныхъ арміи и флота, и въ то, что пришло время Сѣверо-американскому Союзу выступить на болѣе активное, даже на болѣе агрессивное, международное поприще. Онъ—

успѣшный солдатъ, всего болѣе гордящійся своимъ полковничествомъ въ историческомъ теперь полку Rough Riders. Макъ-Кинлей былъ коммерсіалистъ, pure and simple; Рузевельтъ—націоналистъ и націоналистъ съ гоноромъ, насколько такое явленіе возможно на американской почвѣ. Я считаю эту послѣднюю оговорку совершенно необходимой, дабы не ввести читателя въ серьезное заблужденіе. При подобныхъ опредѣленіяхъ приходится употреблять извѣстныя слова, выражающія, однако, по сю сторону океана не совсѣмъ одинаковыя понятія съ общепринятыми въ Европѣ. Лучше сказать, слова эти имѣютъ у насъ своеобразный мѣстный оттѣнокъ, вызываемый особенностями нашей исторіи и умственной жизни,—оттѣнокъ, иногда способный произвести путаницу въ самомъ понятіи. Слово „націоналистъ", въ примѣненіи къ Рузевельту или какому-либо другому американцу, не должно имѣть ничего общаго ни съ расовыми различіями, ни съ псевдопатріотизмомъ, ни съ анти-семитизмомъ, съ которыми оно такъ неразрывно связано, напр., въ современной Франціи, ни съ какимъ-либо другимъ анти-измомъ или -фобіей. Америка была до сихъ поръ совершенно изолирована отъ Стараго Свѣта въ томъ смыслѣ, что ни ея правительство, ни ея народъ, никогда не пытались даже какимъ-либо прямымъ образомъ вліять на его политическую и умственную жизнь. Значеніе Союза во всемірной исторіи, какъ носителя и представителя народной свободы, указывалось и выяснялось исключительно европейскими писателями и учеными; его собственныя историческія и соціальныя науки обходили этотъ вопросъ, а его государственные люди никогда не выставляли его впередъ какъ бы то ни было, заботясь только о томъ, чтобы не впутать Союзъ въ какое бы то ни было международное столкновеніе. Въ этомъ направленіи Америка, и въ теоріи, и въ практикѣ, была всегда абсолютно пассивна, безусловно индифферентна. Испано-американская война и обладаніе колоніями въ другихъ частяхъ свѣта измѣнили все это. Но тогда какъ Макъ-Кинлей, вмѣшиваясь хотя бы въ китайскія происшествія лѣта 1900 года, имѣлъ въ виду только коммерческую сторону дѣла, Рузевельтъ, наоборотъ, ставитъ прежде всего историческія задачи своего народа, его политическія особенности и требованія; его націонализмъ стоитъ не на почвѣ коммерческаго развитія своей страны, а на почвѣ ея воздѣйствія на сосѣдей, близкихъ и дальнихъ, на пропагандѣ превосходства тѣхъ принциповъ, которые ее создали, укрѣпили и возвеличили. Это, конечно, теорія; какимъ образомъ она выразится на практикѣ, и попытается ли Рузевельтъ провести ее въ дѣйствительную политическую жизнь страны, въ ея международныя отношенія—предсказать, конечно, невозможно, но что публика полагаетъ, что тенденціи эти въ немъ довольно сильны—доказывается не совсѣмъ спокойнымъ тономъ нашей серьез-

ной прессы, когда ей приходится такъ или иначе затрогивать эти вопросы.

Принимая присягу на должность президента, Рузевельтъ заявилъ публично, что онъ будетъ неуклонно слѣдовать политикѣ своего предшественника, внутренней и внѣшней, и подтвердилъ это заявленіе приглашеніемъ всему кабинету оставаться на своихъ мѣстахъ не временно, а до окончанія срока его службы. Заявленіе это,—очевидно, сдѣланное съ цѣлью успокоить взволнованное убійствомъ Макъ-Кинлея общественное мнѣніе,—нужно, само собой разумѣется, и понимать только въ такомъ смыслѣ. Извѣстно, напр., что Рузевельтъ—англофобъ—не ярый, но все-таки довольно опредѣленный. Въ его жилахъ больше голландской, чѣмъ англо-саксонской крови, и секретный англоамериканскій союзъ, несомнѣнно существовавшій послѣдніе два-три года, едва-ли успѣетъ сохранить свои значеніе и теплоту и при немъ. Американскій посолъ въ Лондонѣ, Чоатъ, уже вызванъ въ Вашингтонъ, и едва-ли вернется на свой постъ. Врядъ-ли удержится долго и министръ иностранныхъ дѣлъ, Гэй, убѣжденный англофилъ, руководившій англо-американскимъ сближеніемъ съ самаго начала; на его мѣсто дальновидные люди прочатъ настоящаго военнаго министра Рута, человѣка очень дѣльнаго и энергичнаго, и въ своемъ родѣ такъ же независимаго, какъ и самъ Рузевельтъ. Въ дѣлѣ федеральныхъ назначеній новый президентъ уже доказалъ, что партійный бичъ, такой всемогущій при Макъ-Кинлеѣ, для него не существуетъ. На случившіяся уже въ штатѣ Алабамѣ вакансіи федеральнаго судьи и въ Южной Каролинѣ начальника таможни онъ назначилъ, помимо представленій политикановъ-республиканцевъ, не кого-либо изъ членовъ своей партіи, а старыхъ демократовъ; губернаторомъ территоріи Аризоны—своего бывшаго сослуживца по полку Rough Rieders. Такая радикальная самостоятельность несомнѣнно серьезно тревожитъ старыхъ вожаковъ партіи, вполнѣ привыкшихъ къ традиціоннымъ машиннымъ порядкамъ, къ правилу, что „to the victors belong the spoils". Но одна ласточка не дѣлаетъ весны, и нельзя ручаться, что Рузевельтъ съумѣетъ завоевать себѣ независимость и избавиться отъ партійныхъ тенетъ, и что его неограниченная теперь популярность сможетъ одолѣть вліянія лидеровъ, привыкшихъ къ абсолютному хозяйничанью въ своихъ штатахъ во всемъ, что̀ касается федеральныхъ дѣлъ, —хотя уже и теперь ясно, что, съ теченіемъ времени, новый президентъ окажется настоящимъ „enfant terrible" для этихъ лидеровъ, человѣкомъ, котораго они едва-ли съумѣютъ заставить плясать по своей дудкѣ. Обычнымъ американскимъ партійнымъ порядкамъ, даже основамъ ихъ организацій, предстоитъ, по всѣмъ видимостямъ, серьезный

пересмотръ,—что̀, конечно, было бы крайне полезно и желательно, и отозвалось бы въ высшей степени благодѣтельно на всей нашей общественной жизни, если у Рузевельта хватитъ умѣнья и твердости довести это серьезное дѣло до благополучнаго конца. Онъ достаточно независимъ и энергиченъ, чтобы не только воевать съ традиціями, но и изломать старый строй; но обладаетъ ли онъ въ достаточной степени и созидательными способностями—покажетъ только будущее.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ. Калифорнія,
ноябрь, 1901.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1901.

— **А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей, изданный подъ редакціей орд. акад. И. В. Ягича. Спб. 1901.**

— **Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библіографическій обзоръ. Составилъ В. В. Сиповскій. Спб. 1901.**

Юбилейная пора Пушкина еще не кончилась; еще продолжають являться, между прочимъ, весьма цѣнные труды, начало которыхъ именно связано съ юбилеемъ, но исполненіе замедлилось самою сложностью задачи. Таковъ въ особенности сборникъ г. Ягича. Счастливая мысль собрать славянскіе отголоски Пушкина была естественна въ тѣ дни, когда ожидалось юбилейное поминовеніе великаго поэта; эта мысль могла быть исполнена только опытнымъ славистомъ, и составляетъ новую заслугу г. Ягича исполненіе этого сборника, который безъ сомнѣнія будетъ встрѣченъ въ нашей литературѣ съ живымъ интересомъ.

Г. Ягичъ такъ излагаетъ въ предисловіи происхожденіе и составъ своего сборника:

„Когда Россія готовилась поминать столѣтнюю годовщину своего великаго поэта А. С. Пушкина, вспомнились и мнѣ мои давнишнія занятія, относящіяся сюда. У меня родилась мысль привести въ порядокъ мой давно собранный матеріалъ о переводахъ Пушкина на сербско-хорватскій языкъ, пополнить его и оживить примѣчаніями критическими. Приступая къ пересмотру матеріала, я убѣдился въ томъ, что было бы гораздо лучше, и для разнообразія, и для полноты изложенія, если бы мнѣ удалось привлечь къ участію въ этомъ историко-литературномъ изданіи также другихъ знатоковъ въ области отдѣльныхъ южно-славянскихъ литературъ. Желаніе мое исполнилось, хотя и не въ томъ идеальномъ совершенствѣ, въ какомъ оно мнѣ представлялось. Идея литературной и научной ассоціаціи у славянъ еще

очень мало развита. Существуютъ, правда, ученыя и литературныя общества, союзы, кружки, фонды и т. п. для каждаго славянскаго народа и племени отдѣльно, но дѣятельность ихъ по большей части такъ и ограничивается поддержкою и удовлетвореніемъ узкихъ домашнихъ потребностей. Мнѣ же, привыкшему уже давно смотрѣть на культурныя задачи славянскихъ народовъ съ болѣе высокой точки зрѣнія, хотѣлось и въ данномъ случаѣ выйти изъ узкой рамки и представить читателямъ этого сборника значеніе А. С. Пушкина для всѣхъ южныхъ славянъ въ возможно широкомъ объемѣ, именно въ переводахъ по всѣмъ южно-славянскимъ литературамъ. Для достиженія этой цѣли пришлось обратиться въ разныя стороны съ просьбою и приглашеніемъ къ участію. Не всѣ, къ кому я обращался, были въ состояніи отозваться, что отчасти объясняется малочисленностью тружениковъ при большомъ количествѣ задачъ, отчасти же непривычкой или даже нежеланіемъ участвовать въ сборномъ изданіи.

„Тѣмъ пріятнѣе для меня обязанность поблагодарить тѣхъ немногихъ, которые рѣшились содѣйствовать къ осуществленію моего плана".

Участниковъ было дѣйствительно немного. Наибольшая часть сборника занята трудами самого г. Ягича. Кромѣ общаго библіографическаго очерка о Пушкинѣ въ сербско-хорватской литературѣ, ему принадлежатъ разборы отдѣльныхъ переводовъ изъ Пушкина на сербскій и на хорватскій языкъ, именно „Руслана и Людмилы", „Полтавы", „Русалки", „Кавказскаго плѣнника" (три перевода), „Евгенія Онѣгина" (три перевода), „Бориса Годунова", „Капитанской дочки" (три перевода), „Анджело". Затѣмъ г. Шишмановъ далъ статью: „Русское вліяніе и Пушкинъ въ болгарской литературѣ"; г. Шрепель—„Пушкинъ въ хорватской литературѣ"; г. Пріятель—„Пушкинъ въ словѣнской литературѣ".

Не говоря о небольшихъ славянскихъ литературахъ, недостаетъ еще подобнаго труда относительно польской и чешской литературы (для послѣдней начата работа г. Францева), чтобы мы получили полный обзоръ отраженій Пушкинской поэзіи въ цѣломъ славянствѣ. Этотъ полный обзоръ былъ бы очень любопытенъ; важный матеріалъ для него представляетъ и настоящій сборникъ. „Великіе геніи,—читаемъ въ настоящемъ сборникѣ (стр. 67),—не живутъ только для себя и своего народа; они снабжаютъ богатствомъ своихъ идей, красотой своихъ сочиненій всѣ народы. Пушкинъ дарилъ и еще долго будетъ дарить все человѣчество. Мы, хорваты, преклоняясь передъ тѣнью его, почитаемъ въ немъ не только великаго поэта, но и великаго славянина". Быть можетъ, въ этомъ смыслѣ Пушкинъ, какъ представитель русской литературы, еще не оказалъ всего своего вліянія,

и настоящее обозрѣніе даетъ не мало интересныхъ указаній—не только относительно ближайшаго вопроса о распространеніи Пушкина въ славянской литературѣ, но вообще относительно славянскаго литературнаго общенія. Въ томъ періодѣ, когда дѣйствовалъ Пушкинъ, литературы южнаго, а также и западнаго славянства (кромѣ болѣе сильной—польской) переживали процессъ своего перваго новѣйшаго возрожденія: было еще мало силъ; ставились первые вопросы національнаго сознанія (какъ „иллиризмъ", стремленіе объединить въ цѣлое разрозненныя части сербо-хорватскаго племени; какъ первая реставрація чешской исторіи, т.-е. сознаніе своего прошлаго; какъ первыя заботы объ установленіи литературнаго языка; какъ слабое пока разумѣніе политическо-племенныхъ отношеній)... Не мудрено, что въ этихъ условіяхъ трудно было ожидать какого-нибудь широкаго дѣйствія Пушкина—для этого не было еще подготовленной почвы. Вообще, знакомство съ русской литературой было случайно и отрывочно; въ самыхъ переводахъ бывали крупные недостатки—на основаніи „родства", Пушкина читали нерѣдко наугадъ: „родство" входило въ заблужденіе, когда слово, близкое, даже тождественное по корню, въ русскомъ языкѣ значило иногда совсѣмъ не то, что думали видѣть въ немъ сербы, хорваты и т. д. Въ разборахъ г. Ягича приведено не мало примѣровъ такого недоразумѣнія.

Объ этихъ историко-литературныхъ условіяхъ, въ какихъ Пушкинъ проникалъ къ южному славянству, читатель найдетъ весьма любопытныя объясненія въ статьяхъ г. Шишманова, Шрепеля, Пріятеля и самого редактора сборника. Это рядъ эпизодовъ изъ исторіи южнославянскаго литературнаго возрожденія, которое между прочимъ открывало южному славянству новую русскую литературу и Пушкина, и въ которомъ въ свою очередь Пушкинъ имѣлъ свою долю дѣйствія... Славянское литературное развитіе идетъ вообще довольно туго; надо желать, чтобы оно расширилось на болѣе широкій горизонтъ, и мы думаемъ, что болѣе близкое знакомство съ литературой русской—не изъ вторыхъ рукъ или не по чужому указанію, какъ несомнѣнно было при первомъ знакомствѣ западнаго и южнаго славянства, напр., съ Тургеневымъ и Л. Н. Толстымъ,—принесло бы этому развитію не мало здоровыхъ и жизненныхъ элементовъ,—напримѣръ, могло бы привить тотъ критическій реализмъ, не исключающій истинной поэзіи, который до сихъ поръ извѣстенъ славянскимъ литературамъ очень мало...

Книга г. Сиповскаго сводитъ итоги литературнаго возбужденія, которое ознаменовало посмертный юбилей Пушкина. О происхожденіи своей книги авторъ говоритъ:

„Работа моя представляетъ изъ себя (собой?) исполненіе заказа, полученнаго отъ редакціи „Журнала министерства Народнаго Про-

свѣщенія“, пожелавшей дать своимъ читателямъ „по возможности полный критико-библіографическій обзоръ пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 г.“. Къ сожалѣнію, ограниченность мѣста, отведеннаго журналомъ на мою работу, заставила меня постоянно сокращать ее. Возможно, что сокращенія эти послужили иногда къ ея пользѣ, но мѣстами, несомнѣнно, сообщили ей характеръ работы отрывочной и спѣшной (главы VI—X въ мое отсутствіе сокращались редакціей самостоятельно). Какъ на печальные результаты такихъ сокращеній укажу на отзывы о статьяхъ Розанова (стр. 186), Тычинина (стр. 179), Сперанскаго (стр. 224). Поэтому я не могу смотрѣть на свой трудъ какъ на удачное выполненіе моихъ замысловъ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ эти оттиски моихъ статей, льстя себя надеждой, что, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, онѣ сослужатъ нѣкоторую службу русской публикѣ.

„Желая дать понятіе о лучшихъ работахъ юбилейной литературы,—я больше всего останавливался на нихъ: цитовалъ ихъ, пересказывалъ особенно подробно; останавливался я и на худшихъ работахъ, отмѣчая ихъ недостатки,—и бѣгло отозвался о работахъ средняго достоинства. Въ мой обзоръ не вошли статьи изъ газетъ и еженедѣльныхъ изданій (готовится обзоръ этихъ статей В. В. Каллашемъ)“...

Мы думаемъ, что книга сослужитъ свою службу. Авторъ отнесся очень внимательно къ своей задачѣ. Обширный матеріалъ, который ему предстояло разобрать, онъ распредѣлилъ по основному содержанію книгъ и статей, и этимъ, конечно, очень облегчилъ для читателя знакомство съ этой литературой, гдѣ нашлись и важныя историческія наблюденія, критическія изслѣдованія, новыя біографическія подробности, и различныя отраженія современнаго настроенія, въ которомъ, конечно, не обошлось и безъ большихъ странностей. Въ первой главѣ авторъ излагаетъ свѣдѣнія о чествованіяхъ памяти Пушкина въ разныхъ краяхъ Россіи; въ главѣ „Матеріалы“ авторъ перечисляетъ отдѣльныя извѣстія о Пушкинѣ, которыя могутъ послужить будущему біографу; далѣе идутъ—общіе очерки жизни и дѣятельности Пушкина; біографическіе очерки частнаго характера; характеристики; историко-литературная оцѣнка; Пушкинъ и иностранная литература; Пушкинъ и русская литература; Пушкинъ какъ народный, національный поэтъ; воспитательное значеніе Пушкина; къ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній; библіографія юбилейной литературы. Авторъ не ограничился, однако, только собираніемъ фактовъ этой Пушкинской литературы. Къ этому присоединяется сопоставленіе и критика взглядовъ; хотя эта критика иногда входитъ въ слишкомъ детальныя мелочи, но въ цѣломъ даетъ не мало вѣрныхъ и полезныхъ замѣчаній. Книга будетъ необходима для дальнѣйшихъ изслѣ-

дователей Пушкина.—Жаль, что для справокъ не прибавленъ указатель.

— Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Томъ второй. Спб. 1901.

Труды В. И. Семевскаго по исторіи крестьянъ составляютъ драгоцѣнную заслугу автора для русской исторіи. Въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ г. Семевскій неустанно работалъ надъ поставленной разъ задачей—выдержка, рѣдкая въ нашемъ ученомъ кругу. Первый томъ настоящаго сочиненія вышелъ ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1881; въ промежуткѣ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, было издано извѣстное обширное изслѣдованіе: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". Чтобы въ особенности оцѣнить громадность труда, положеннаго на всѣ эти изслѣдованія, должно припомнить, что онѣ почти исключительно совершались на основаніи матеріала архивнаго, который обыкновенно требуетъ предварительнаго изученія, отнимающаго много времени.

Во второмъ томѣ, теперь вышедшемъ въ свѣтъ и заключающемъ сверхъ 900 страницъ плотной печати, помѣщены разысканія по слѣдующимъ предметамъ: во-первыхъ, крестьяне дворцоваго вѣдомства, въ частности—крестьяне дворцовые и государевы, конюшенные и сокольи помытчики; во-вторыхъ, крестьяне церковныхъ вотчинъ—съ историческими и статистическими свѣдѣніями объ ихъ положеніи, и съ исторіей секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Великороссіи и Сибири; въ-третьихъ, государственные крестьяне—въ частности, приписные къ горнымъ заводамъ, къ шелковымъ заводамъ, къ корабельнымъ лѣсамъ, черносошные крестьяне, половники, однодворцы, старыхъ службъ служилые люди; наконецъ, ямщики, обѣльные вотчинники и крестьяне.

Въ первомъ томѣ книги былъ описанъ бытъ крестьянъ помѣщичьихъ и поссессіонныхъ (принадлежавшихъ фабрикамъ и заводамъ); здѣсь описываются остальные разряды крестьянскаго населенія, и такъ какъ являлась необходимость сопоставленія этихъ разрядовъ съ помѣщичьими крестьянами, то авторъ въ большомъ введеніи напомнилъ основныя черты быта помѣщичьихъ крестьянъ за вторую половину XVIII столѣтія. Г. Семевскій говоритъ въ своей книгѣ о крестьянахъ только Великороссіи и Сибири, такъ какъ изученіемъ землевладѣнія и крестьянъ въ Малороссіи уже много лѣтъ занимается г. Мякотинъ; авторъ не входитъ также въ изученіе инородцевъ, кромѣ только приписныхъ къ корабельнымъ лѣсамъ.

Кромѣ своего главнаго матеріала, архивныхъ документовъ, авторъ, конечно, воспользовался литературой предмета, отъ ученыхъ путешествій XVIII вѣка до новѣйшихъ изслѣдованій.—А. П.

— С. Васюковъ. „Скорпіоны". (Современные дѣятели московской прессы.) Москва. 1901.

Подъ названіемъ „Скорпіоновъ" авторъ изображаетъ мелкую, уличную московскую печать.

На книжкѣ поставленъ грозный эпиграфъ: „Иду на вы!—Святославъ".

„Иду на вы",—посылалъ сказать Святославъ, отправляясь въ походъ противъ враговъ земли русской, и понятно, какой грозой разражалась эта краткая фраза надъ головами какихъ-нибудь печенѣговъ или хозаръ. Припомнимъ образъ этого князя: могучій и смѣлый, какъ барсъ, онъ совершалъ свои походы налегкѣ, ѣлъ сырую конину, спалъ подъ открытымъ небомъ, налеталъ на врага стремительно, какъ орелъ, бился лицомъ къ лицу и предпочиталъ смерть—„мертвіи бо срама не имутъ"—позорному отступленію и плѣну.

Такую роль беретъ на себя г. Васюковъ. И онъ объявляетъ своимъ врагамъ—„Иду на вы", и онъ совершаетъ свои походы налегкѣ (даже очень!), хотя, вѣроятно, не ночуетъ подъ открытымъ небомъ и не ѣстъ конины, по условіямъ нашего культурнаго времени.

Печенѣги и хозары г. Васюкова, какъ сказано,—дѣятели московской уличной прессы, иначе „скорпіоны".

Въ своей брошюрѣ г. Васюковъ останавливается на важномъ и серьезномъ вопросѣ о происхожденіи, характерѣ и вліяніи московской мелкой, такъ называемой уличной печати. Картина, изображаемая авторомъ, крайне неутѣшительна, безотрадна. Московская уличная печать, по словамъ его, не имѣетъ никакой преемственной связи съ русской литературой, преслѣдуя только частныя, узко-практическія, промышленныя цѣли. Стремясь и успѣшно достигая личнаго благосостоянія, до собственныхъ домовъ, дачъ и экипажей включительно, главные дѣятели этой печати играютъ на томъ, что потворствуютъ низменнымъ инстинктамъ неразвитой полу-мѣщанской, полу-народной толпы, составляющей обширный кругъ ея читателей, и превратили печать въ орудіе нравственнаго растлѣнія, шантажа, клеветы и скандала. Все, чтó заканчивается полицейскимъ протоколомъ, составляетъ „основу" этой печати. „Сухіе, маленькіе, часто непонятные отчеты объ ученыхъ засѣданіяхъ, протокольныя, безъ всякой жизни и участія, извѣстія объ общественныхъ дѣлахъ и кражи, кражи и убійства безъ

конца, съ романомъ или повѣстью изъ жизни и приключеній каторжнаго джентльмена—вотъ программа газеты!..“ Вредъ, наносимый такой печатью, тѣмъ ощутительнѣе, что, по указанію автора, ссылающагося при этомъ на авторитетныхъ статистиковъ, органы этой печати, разные „листки“, стали распространяться среди народа, вытѣсняя псалтирь и евангеліе; ихъ стали читать даже дѣти. По отношенію къ крестьянамъ — пропаганда идей, развивающихъ звѣрскіе инстинкты, „колебала исконную крестьянскую вѣру въ благородный трудъ пахаря, она манила его изъ чистой жизни среди природы въ городъ, гдѣ все такъ легко дается и гдѣ можно пожить всласть подъ музыку въ трактирѣ. Она, эта *литература*, показывала простому человѣку, что преступленіе—не тяжкій грѣхъ, а дѣло легкое, хотя и замысловатое, что воры, конокрады—люди во всякомъ случаѣ остроумные, что у нихъ есть школа, организація, что они поумнѣе ихъ, простыхъ крестьянъ. Совѣсть простого человѣка знакомилась со сдѣлками, съ тѣмъ положеніемъ, что безъ грѣха не проживешь, и совѣсть эта глохла, а жажда пожить хорошо развивалась, и развивались чуждые деревнѣ аппетиты“... Нужна, говорили статистики, здоровая, сердечная и обстоятельная дешевая газета.

Итакъ, московская уличная печать—анти-общественная и безнравственная по существу, зловредная по своему вліянію на среду, гдѣ она распространяется. Органы этой печати направляются особаго рода людьми, которыхъ г. Васюковъ и называетъ „скорпіонами“, въ символическомъ смыслѣ чего-то отвратительнаго, подпольнаго и вредоноснаго. Кто они, когда и откуда явились?

Отвѣтъ г. Васюкова, какъ увидимъ ниже, страдаетъ значительной неполнотой, но общія заключенія его можно извлечь изъ разныхъ мѣстъ его не всегда связно написаннаго очерка. „Конечно,—говоритъ г. Васюковъ,—*они* имѣютъ свою исторію, *они*—продуктъ улицы новаго формата, когда послѣдняя покрывалась вывѣсками, когда торговля и промышленность (?) шли по пути развитія, когда банковыя конторы росли какъ грибы, и ослѣпленный всѣми этими прелестями, мечущійся городской человѣкъ желалъ только денегъ и денегъ... и искалъ ихъ и жаждалъ, ибо соблазна кругомъ былъ непочатый уголъ“... Впрочемъ, измѣнимъ эпическій стиль г. Васюкова на сокращенное изложеніе. Словомъ, *когда* появились вывѣски, прогрессъ, капитализмъ (?) и проч.,—*тогда* на Смоленскомъ рынкѣ, въ базарный день, появился шустрый и наблюдательный паренекъ, съ лоткомъ горячихъ рубцовъ и печенки „первый сортъ“. Бойко сбывалъ онъ свой товаръ между шутками—прибаутками, пріобрѣтая популярность на базарѣ и протекцію въ полиціи, которая, за добрые куски печенки, стала относиться къ парню какъ къ своему „смышленому агенту“, и скоро мы

видимъ его за стойкой кабака, толковаго, дѣлового, вѣчно съ бумагой и перомъ въ рукѣ. Отъ завсегдатаевъ кабака, „темныхъ личностей“ съ развитымъ вкусомъ къ уголовной сторонѣ жизни, къ тому, „какъ кто ловко кого надулъ, обманулъ, какую фортель выкинулъ разбойникъ Буркинъ“,—парень получилъ грамоту и основные принципы морали, и у него явилось пламенное желаніе стать въ какой бы то ни было области вторымъ Буркинымъ и „пожить всласть“. На его счастье, въ кабакѣ своимъ человѣкомъ сдѣлалась новая личность—газетчикъ-репортеръ, и передъ кабатчикомъ раскрылись новые горизонты. „Какъ?! написалъ строку, напечаталъ ее въ газетѣ—и пятачокъ... Вотъ какъ!? Да вѣдь это—шкаликъ, а двѣ строки—косушка... О-го-го! а если сто—двѣсти, тысяча строкъ—тогда цѣлыя деньги, капиталъ!“

Кабатчикъ превращается сначала въ репортера по части убійствъ, кражъ и пожаровъ, затѣмъ въ фельетониста, наконецъ въ редактора-издателя какого-то московскаго „листка“. Въ толпѣ трактировъ и улицъ газета нашла свою публику; она затрогивала грубые, звѣрскіе инстинкты и давала интересную пищу дурно направленному любопытству. Подобравъ соотвѣтствующихъ сотрудниковъ, редакторъ богатѣлъ, и вліяніе его росло. „Мало-по-малу мелкая и крупная буржуазія (?) увидѣла въ немъ своего представителя и выразителя ея грубыхъ инстинктовъ. Купцы и промышленники быстро сообразили, что газета можетъ ихъ рекламировать и, слѣдовательно, способствовать увеличенію ихъ доходовъ“.

Вокругъ большихъ и „старшихъ“ „скорпіоновъ“ расположились „младшіе“; успѣхъ окрылилъ другихъ барышниковъ слова, и литературныя „заведенія“, подобныя редакціи „листка“, стали открываться въ Москвѣ одно за другимъ. Возникла конкурренція. „Понимаете ли, что̀ это за конкурренція?!..“ восклицаетъ г. Васюковъ и продолжаетъ:

„Чѣмъ хуже—тѣмъ лучше... За деньги, за подачки писалось и печаталось все, что̀ терпѣла бумага: надъ чистыми литературными завѣтами раздавался зловѣщій, наглый хохотъ газетчиковъ...

„Ничѣмъ не связанные съ литературой, воспитанные улицей, кабакомъ, цеховые издатели календарей и лубочныхъ картинъ—всѣ они заговорили о политикѣ, о внутреннемъ устройствѣ Россіи, о народѣ, о земствѣ и объ искусствѣ... Понимаете, какой дьявольскій концертъ получился!.. И читали позорныя строки, и распространялись газеты“...

Прошлое этихъ „литераторовъ“, наполнявшихъ газеты, въ общихъ чертахъ, извѣстно г. Васюкову. „Повидимому, у нихъ нѣтъ родины,—замѣчаетъ онъ,—и не было опредѣленнаго положенія“. Одинъ, по

его словамъ, торговалъ въ Одессѣ помадой и ваксой; другой, за шантажи въ Ростовѣ-на-Дону, былъ битъ нещадно; третій—завѣдомый воръ и мошенникъ; четвертый—съ Алеутскихъ островов (?); пятый—„Богъ знаетъ кто" и т. д.,—словомъ, публика, отъ которой чѣмъ дальше, тѣмъ безопаснѣе.

Въ изображеніи г. Васюкова они являются, дѣйствительно, вредными и даже опасными для общественнаго благополучія людьми. Они безнравственны и алчны, невѣжды и эгоисты, чужды идеи общественнаго блага, чужды преемственныхъ и гуманитарныхъ связей съ русской литературой, по отношенію къ которой они являются паразитами, только позорящими доброе имя русскаго литератора. Этими же свойствами отличается и творимое ими дѣло, ибо, какъ основательно заключаетъ г. Васюковъ,— „изъ нечистыхъ рукъ развѣ можетъ выйти что-либо чистое, и изъ нечестивыхъ устъ—правдивое, доброе слово?"

Итакъ...

Итакъ, обвинительный актъ составленъ, трагически изложенъ г. Васюковымъ и обращенъ къ русской публикѣ. Ей предстоитъ высказаться по вопросу о томъ, что̀ нужно сдѣлать, „чтобы покончить, поставить въ опредѣленныя рамки уличную литературу", этотъ, по выраженію автора, „ядъ для народа и рвотное для общества"...

Но, увы, русская публика, поставленная г. Васюковымъ въ роль судьи, если бы и была къ этому призвана, не дастъ никакого отвѣта обвинителю, и дать не можетъ по весьма простой причинѣ: въ обвинительномъ актѣ г. Васюкова нѣтъ обвиняемаго, нѣтъ лица, къ которому можетъ быть предъявлено обвиненіе,—гдѣ именно и кѣмъ совершено преступленіе, остается неизвѣстнымъ, и потому судъ не можетъ дѣйствовать, ибо онъ судитъ не мошенничество и убійство вообще, а опредѣленныхъ мошенниковъ и уличенныхъ убійцъ.

Г. Васюковъ обвиняетъ всю московскую уличную печать, сливая ее въ одну безразличную массу. Это неосновательно и несправедливо. Московская печать состоитъ изъ о̀рґановъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и направленій; нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно далеки отъ общей характеристики, сдѣланной г. Васюковымъ; обвинителю слѣдовало выдѣлить изъ толпы тѣхъ, кого онъ признаетъ „скорпіонами", и каждую особь съ фактами въ рукахъ и обличить. Вѣдь эти особи—не простые частные люди, но дѣятели печати, подлежащіе общественному суду прежде всего. А г. Васюковъ... намъ вспоминаются стихи Добролюбова —

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,
И обличительное слово
Лилось изъ каждаго пера,
. . . .

Когда мы гласностью карали
Злодѣевъ, скрывъ ихъ имена,
И гордо міру возвѣщали,
Что мы возстали ото сна, — и т. д.

Скрываетъ имена своихъ злодѣевъ и г. Васюковъ. Онъ разсматриваетъ литературное явленіе и могъ бы говорить о немъ открыто. Отчего не назвать тѣ печатные органы, которые онъ имѣетъ въ виду? „Долой маску!“—восклицаетъ онъ съ довольно комическимъ задоромъ, а самъ не осмѣливается и дотронуться до маски...

Итакъ, г. Васюковъ усвоилъ нѣсколько боевыхъ пріемовъ русскаго витязя, но забылъ, къ сожалѣнію, о самомъ главномъ, о томъ, что русскій князь бросалъ свое „иду на вы“ не вообще, не на воздухъ, а прямо врагамъ—хозарамъ и печенѣгамъ, на которыхъ открыто и шелъ. Вмѣсто этого, г. Васюковъ предпочитаетъ рисовать портреты своихъ „скорпіоновъ“: одинъ—„юркій, маленькій, веселенькій“, другой—„стройный брюнетъ, съ физіономіей грызуна“, у третьяго—„огромныя, словно лопухи, уши, пресмѣшно поставленныя на подвижномъ и слюнявомъ лицѣ“... Извольте догадываться, къ кому относятся портреты!

Во всякомъ случаѣ, изъ брошюры г. Васюкова явствуетъ, что та часть дѣятелей московской печати, которая подходитъ къ названію „скорпіоновъ“,—люди „темные“ по образу мыслей и нравственнымъ свойствамъ, съ сомнительнымъ прошлымъ и подозрительнымъ настоящимъ, люди двусмысленной репутаціи и положенія въ обществѣ. Кажется, не можетъ быть мѣста дружбѣ или даже простому знакомству съ подобными господами; для г. Васюкова это—злѣйшіе враги, „скорпіоны“. И однако, г. Васюковъ не только съ ними знакомъ, но и завтракаетъ съ ними въ трактирныхъ заведеніяхъ, и, по его собственному признанію, отлично знаетъ и помнитъ „особенности каждаго скорпіона и его привычки“. Однажды, въ книжкѣ г. Васюкова, изображенъ даже завтракъ нашего автора съ „извѣстнымъ беллетристомъ изъ листка“. Вмѣстѣ они любовались разливомъ Москвы-рѣки, вмѣстѣ пошли въ „сносное заведеніе“. „Отлично помню,—повѣствуетъ г. Васюковъ,—то особенное уваженіе, которое было оказано намъ, т.-е., г. беллетристу, а въ особенности когда хозяинъ прислалъ обратно деньги, отданныя прислугѣ за завтракъ.—Помилуйте!.. они (хозяинъ) не берутъ; и такъ, говорятъ, довольны, что посѣтили!..—кланялся почтительно половой... Но мы настояли, и деньги были получены“. Не отрицается г. Васюковъ и отъ знакомства съ „секретаремъ уличной газеты“, циничнымъ и наглымъ, выслушиваетъ отъ него разсужденія въ родѣ: „Попади къ намъ самъ Тургеневъ, мы его рукопись въ свой бы фасонъ обратили и такъ бы редактировали, что онъ себя, какъ автора, и не узналъ бы“, — и, пожимая подобнымъ господамъ руки.

въ то же время восклицаетъ: „Но это были грязныя, *даже очень нечистыя*, руки!“ Что же за неволя г. Васюкову, „свободному литератору“, какъ онъ себя называетъ, знакомиться съ ними?

Быть можетъ, кому-нибудь покажется, что близкое и продолжительное знакомство съ редакторами изъ бывшихъ кабатчиковъ и беллетристами изъ охотнорядцевъ отразилось отчасти на писательскомъ лексиконѣ автора своеобразнымъ букетомъ словечекъ, обыкновенно изъ литературнаго употребленія изгоняемыхъ; и самый паѳосъ, не вполнѣ умѣстный въ брошюрѣ, преслѣдующей серьезныя литературно-обличительныя цѣли, отдаетъ чѣмъ-то далекимъ отъ истиннаго піитическаго вдохновенія и, не вызывая ни восторга, ни ужаса, производитъ только безпорядокъ въ мысляхъ и неточность и неясность въ изложеніи. „Московская печать, — трагически восклицаетъ г. Васюковъ,—это продуктъ или кабака, или уборной театра Корша (который, къ слову сказать, имѣетъ право обидѣться) и оперетки. Одинъ редакторъ — въ буквальномъ смыслѣ слова очищенный (отъ чего?), другой—англичанинъ пестрядинаго цеха, т.-е. вѣры англійской (?), а происхожденія ремесленной управы (??)... Эти редакторы, — продолжаетъ г. Васюковъ,—по остроумному (скорѣе—плоскому!) выраженію одного моего пріятеля, пишутъ топоръ черезъ два *ѣ*, къ идейнымъ вопросамъ, къ художественнымъ темамъ они относятся совершенно такъ, какъ собака къ кошкѣ“. Такъ выражается авторъ, и нельзя не согласиться, что подобный способъ выраженія—оружіе довольно слабое при столь значительномъ полемическомъ задорѣ.

Г. Васюковъ не упомянулъ,—это вѣроятно не относится къ его сюжету,—что есть также особое товарищество „Скорпіонъ“, издающее сборники декадентскихъ твореній. — Е. Л.

Въ теченіе ноября въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Завоеваніе Туркестана. Разсказы изъ военной исторіи; очерки природы, быта и нравовъ туземцевъ—въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 902. Ц. 1 р. 25.

Алавердьянцъ, М. А.—Кончина А. С. Грибоѣдова, по армянскимъ источникамъ. Спб. 901.

Ахшарумовъ, Д. Д.—Оспопрививаніе, какъ санитарная мѣра. Вольскъ. 901.

Бариновъ, А.—Въ защиту несчастныхъ женщинъ. М. 902. Ц. 40 к.

Беръ, Б. В.—Стихотворенія. Болѣзни.—Свѣтлый Богъ.—Природа и сердце.—Пророкъ.—Счастье.—Сѣверная легенда. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Боборыкинъ, П. Д.—„Истинно-научное знаніе“. Отвѣтъ моимъ критикамъ. М. 901.

Буте, Н. А.—Къ вопросу о народномъ образованіи въ Россіи. Кіевъ, 901. Стр. 49.

Бутовскій, Ник. — Наши солдаты. Типы мирнаго и военнаго времени. Спб. 901. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

——— „Командиръ". Спб. 901. Ц. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г.—Полное собраніе сочиненій, въ XII-ти томахъ, п. р. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. V, съ приложеніемъ портрета 1859 года. Спб. 901. Стр. 580. Ц. 1 р. 25.

Вейенгартенъ, Г.—Народная реформація въ Англіи XVII вѣка. Съ нѣм., п. р. М. Покровскаго и Н. Шалонина. М. 901. Ц. 1 р. 75 к.

Віоле-ле-Дюкъ, Е.—Объ украшеніи зданій. Съ франц., п. р. Н. Спиридонова. М. 901. Ц. 1 р.

Вигдорчикъ, Н.—Чахотка, отъ чего она происходитъ и какъ съ нею бороться. Общедоступныя бесѣды. М. 901. Ц. 20 к.

Видеманъ, К. И.—Семнадцать проектовъ обществъ взаимопомощи. Спб. 901. Ц. 50 к.

Викторовъ, П. П.—Фаустъ и Мефистофель, какъ основные типы въ трагедіи общественныхъ настроеній. Очеркъ 1. М. 901. Ц. 50 к.

——— Живые вопросы текущей современности. М. 901. Ц. 60 к.

——— Очерки эволюціи нашей художеств. и публицист. критики. Серія первая, оч. 1. М. 901. Ц. 60 к.

Гауптманъ, Герхардтъ.—Михаэль Крамеръ, др. въ 4 д. Перев. В. Саблина. М. 901. Ц. 30 к.

Гейне, Генрихъ.—Собраніе сочиненій. Ред. Петра Вейнберга. Т. VIII. Съ двумя иллюстр. Спб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Генкель, А.—Текстъ къ 2-му вып. Школьнаго Ботаническаго Атласа: Анатомія и физіологія растеній. Спб. 902.

Георги, Эрнстъ.—Сорванецъ, юмористическій разсказъ. Съ нѣм. А. Ф. Л-ра. М. 901. Ц. 60 к.

Герръ, А.—Строфы Нирузама. Вольный переводъ. М. 901.

Герценъ, А.—Физіологическія бесѣды. Спб. 901. Ц. 1 р.

Глаголинъ, Б.—Пьесы изъ дѣтской жизни: 1) Томъ Сойеръ, ком. въ 3 карт. 2) Во снѣ и на яву, ком. въ 3 карт. 3) Рыцарь безъ страха и упрека, эпиз. въ 2 карт. Спб. 902. Ц. 1 р.

Глинка, О.—Мѣры къ соблюденію пассажирами въ поѣздахъ установленныхъ для нихъ правилъ. Кіевъ. 901.

Гоголь, Н. В. Сочиненія. Редакція Н. Тихонравова и Н. Шенрока. Съ потретомъ Г. и съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ В. И. Шенрокомъ. Изд. 17-ое—въ одномъ томѣ. Ц. 1 р. 25 к., въ коленкор. пер. 1 р. 80 к. Спб. 901. Изданіе А. Ф. Маркса.

Гольденвейзеръ, А. С.—Преступленіе, какъ наказаніе, а наказаніе, какъ преступленіе. Мотивы Толстовскаго „Воскресенія". Спб. 901.

Гранстремъ, М.—Всемірные Свѣточи. Шиллеръ и Гёте. Три разсказа изъ исторіи нѣмецкой литературы. Составлено по Огорну и Эрлиху, съ 75 рис. Спб. 902. Ц. 2 р.

Гриммъ, Э.—Изслѣдованія по развитію римской императорской власти. Т. II: Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 901.

Гринченко, В.—Середъ темної ночы. Повисть. У Кіиви. 901. Ц. 75 к.

Грулевъ, М., ген. шт. полковн.—Автобіографія Абдуррахманъ-хана, эмира Афганистана. Перев. съ англ. Въ 2-хъ томахъ Спб. 902. Ц. 3 р.

Дауденъ, Эд.—Исторія французской литературы. Съ англійскаго Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. В. Невѣжиной, п. р. проф. В. И. Введенскаго, и съ его статьей: „Декартъ и раціонализмъ". Спб. 901. Ц. 1 р.

Джемсъ, В. — О человѣческомъ безсмертіи. Съ англ. О. А. С. М. 901. Ц. 30 к.

Джеромъ, К. Джеромъ.—Втроемъ по Темзѣ. Съ англ. Н. Жаринцевой. Томикъ 1-ый. Спб. 901.

Д.. П.—Уравнительное землепользованіе и крестьянское ходатайство въ Забайкальскомъ краѣ. М. 901. Ц. 1 р. 20 к.

Дубницкій, Н. Р.—Волшебный фонарь. Съ рис. и черт. въ текстѣ. М. 901. Ц. 30 к.

Дубровская, Б.--Изъ жизни сѣренькихъ людей. Сборникъ разсказовъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Живко Конева и Н. *Егорова*.—Сила любви. Общедоступное зрѣлище въ 5 д. Изъ сказки „Аленькій цвѣточекъ". М. 901. Ц. 35 к.

Заринъ, А. Е.—Лѣто. Петербургская повѣсть. Спб. 901. Ц. 1 р.

Ибсенъ, Генрихъ.—Дикая утка, др. въ 5 д. Переведено для Московскаго художеств. театра. М. 902. Ц. 30 к.

Корнатовскій, Дм.—Глухарь въ павлиныхъ перьяхъ. Сказка. — Героиня, быль изъ Сибирской жизни. М. 902.

Кругловъ, А. Стихотворенія, 50 к.—Генеральскій Прохоръ, разск., 20 к.—Степанъ Бѣлыхъ, разск., 15 к.—Бабай, разск., 10 к.—Варулъ и Онуфрій, разск., 15 к.—Умственный мужикъ, разск., 15 к.—Святитель Николай Чудотворецъ, 25 к.—На господскую ногу, разск., 25 к.—Пріятный мужикъ, разск., 15 к.—Шалыгинъ, разск., 15 к.—Пчела, разск., 20 к. М. 901.

Кудашева, Вѣра.—Отвѣтъ Н. А. Лухмановой отъ русской женщины, по поводу ея книги „Причина вѣчной распри между мужчиной и женщиной". М. 901. Ц. 20 к.

Лавриченко, Н.—Вѣра въ жизнь. Шестидесятые годы. Романъ въ 2-хъ ч. Спб. 902.

Лесгафтъ, П.—Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. Ч. II. Спб. 901. Ц. 2 р.

——— Извѣстія Спб. біологической лабораторіи. Т. I, вып. 2-й. Спб. 901. Подписная цѣна 3 р.

Линевъ, Д. А.—Среди отверженныхъ. Очерки и разсказы изъ тюремнаго быта. Изд. 2-е. М. 901. Ц. 1 р.

Лоренсъ.—Психологія театральной жизни. По поводу 150-лѣтія существованія русскаго театра въ 1900 году. Изданіе барона Л. Е. Розена. М. 900. Ц. 50 к.

Маликовъ, А.—На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго. М. 902. Ц. 80 к.

Марковъ, Евгеній.—Учебные годы стараго барчука. Разсказы изъ прошлаго. Спб. 901. Стр. 677. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. С.—Смерть боговъ. Юліанъ Отступникъ. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 2 р.

——— Воскресшіе боги. Леонардо да-Винчи. Спб. 902. Ц. 3 р.

Міряниновъ.—„Нищіе духомъ". Объясненіе первой заповѣди блаженства. Спб. 902 (брошюра). Ц. 10 к.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX-мъ вѣкѣ. Т. III. Перев. З. Венгеровой. Спб. 901.

Осадчій, Т. И.—Общественный бытъ и проекты его улучшенія въ XIX-мъ столѣтіи. Очерки по обществовѣдѣнію. М. 902. Ц. 75 к.

Педашенко, А. Д.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1898 годъ. Спб. 901.

Погоржельскій, В. А.—Дневникъ отдѣла Ихтіологіи. Вып. 1—5. М. 901.

Попова, О. Н.—Естественно-историческая Хрестоматія. Пособіе для изученія родного міра. Годъ 1-ый. Изд. иллюстр. Спб. 902. Ц. 1 р.

Радченко, А. Ѳ.—Стихотворенія. Ковно, 901. Ц. 1 р.

Ремезовъ, Н. В.—Очерки изъ жизни дикой Болгаріи. Судебная ошибка или созданное преступленіе? Хроника. Владивостокъ, 900. Ц. 1 р. 50 к.

Рескинъ, Дж.—Прогулки по Флоренціи. Замѣтки о христіанскомъ искусствѣ. Перев. А. Герцынъ. Спб. 902. Ц. 50 к.

Розановъ, В. В.—Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго.—Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. 2-е изд. Спб. 902. Ц. 1 р.

Розенъ, бар. Андрей.—Въ ссылку. Записки декабриста 1825—1900. Изданіе наслѣдниковъ. М. 900. Ц. 1 р.

Савваитовъ, Н. П.—Къ статистикѣ, симптоматологіи и патологической анатоміи остраго сапа у людей. Спб. 901.

Семевскій, В. И.—Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 901. Ц. 5 р.

Сергѣевичъ, В.—Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е, съ перем. и дополн. Спб. 902. Ц. 3 р.

Скальковскій, К.—Сатирическіе очерки и воспоминанія. Спб. 902. Ц. 1 руб. 50 коп.

Сохинъ, И.—Разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

Столяровъ, Мих.—Новѣйшіе русскіе новеллисты: Гаршинъ.—Короленко.—Чеховъ.—Горькій. Кіевъ, 901. Ц. 50 к.

Тардъ, Г.—Соціальные этюды. Перев. Г. Гольденберга. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Тарле, Е. В.—Исторія Италіи въ новое время. Спб. 901. Ц. 1 р.

Текеромо, И.—Изнанка эмансипаціи. Ком. въ 1 д. Кіевъ, 901. Ц. 25 к.

——— Модная пагуба. Драма въ 3 д. Кіевъ, 901. Ц. 35 к.

Тимковскій, К.—Повѣсти и разсказы. Кн. II. М. 901. Ц. 1 р.

Филипповичъ, Евг.—Основанія политической экономіи. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Спб. 901. Ц. 3 р.

Фомиліантъ, В. И.—Приморскія санаторіи, ихъ роль при леченіи золотухи, „мѣстнаго" туберкулеза и рахита. Съ предисловіемъ проф. Н. А. Вельяминова. Спб. 901.

Фришмутъ, Марія.—Критическіе очерки и статьи. Посмертное изданіе. Типъ Фауста въ міровой литературѣ.—Леконтъ де-Лиль.—О женскомъ образованіи.—Еще о Гамлетѣ.—Сказка.—Переводы.—Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Чириковъ, Евг.—Разсказы, въ двухъ томахъ. Спб. 901. Ц. 1 р.

Щеголевъ, Ив.—Новое о Пушкинѣ. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

— Bulletin russe de Statistique financière et de Legislation. Seconde série 1-re année, 1901, etc. St.-P. 901. Подписка на годъ—8 руб. (за границей—25 фр. или 20 мар.). Стр. 558.

Halperine-Kaminsky, E.—Ivan Tourgueneff d'après sa correspondance avec

ses amis français: M-me Viardot.—Flaubert.—G. Sand.—Zola.—Maupassant.—Taine.—Renan.—Ch. Edmond.—Sainte-Beuve etc., etc. Par. 901. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Вѣстникъ лучшихъ драматическихъ произведеній французскихъ писателей. На русск. и франц. языкахъ. Ежемѣсячный журналъ. № 1. Годъ—5 руб. Спб. 901.

— Изданіе В. Спиридонова: Ан. Догановичъ, Любимчикъ, Исторія одного попугая, 25 коп.—Покровскій, Н., Изъ галереи дѣтскихъ портретовъ, 25 к.—Его же, Въ семейномъ кругу, сборн. стихотвор. для дѣтей школьн. возраста, 30 к.—М. Юрьевъ, Суровая школа, 25 к. М. 901.

— Изданія К. И. Тихомирова: М. Рыловъ, Кожевенное производство, 10 к.—Н. Мурашинцевъ, Ветеринарія, кн. 3, 12 к.—Я. Полферовъ, Правда о переселеніи, 15 к.—Н. Селивановскій, Праздникъ древонасажденія, 7 коп.—Его же, Сельско-хозяйственный разсказъ, 25.—И. Сазоновъ, Лѣсные пожары, 5 к. М. 901.

— Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансово-экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 г. включительно. Составл., съ Высочайшаго соизволенія, по распоряж. мин. пут. сообщ. князя М. И. Хилкова, п. р. инж. В. М. Верховскаго. Спб. 901.

— Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, издав. п. р. Н. И. Карѣева (1901 г.). Т. III. Спб. 901.

— „На трудовомъ пути". Литературно-художественный сборникъ. Къ 35-лѣтію литерат.-педаг. дѣятельности Д. И. Тихомирова. 1866—1901 гг. М. 901 Ц. 2 р.

— Отчетъ о дѣятельности Московскаго городского Работнаго дома въ 1900 году. М. 901.

— Отчетъ о педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ земскихъ школъ Тамбовской губерніи, происходившихъ лѣтомъ 1901 года. Тамб., 901.

— Статистика по казенной продажѣ питей за 1897 и 1898 гг. Составлено въ Статистическомъ отдѣленіи Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 1901.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, и гербовыхъ знаковъ за 1899 г. Составлено въ Статистическомъ отдѣленіи Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 901.

— Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губерніи. Вып. II и III: іюнь—сентябрь 1901 года. Петрозаводскъ, 901.

ПЕРВЫЕ СПОДВИЖНИКИ ИМП. АЛЕКСАНДРА I.

— **Великій Князь Николай Михаиловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники Императора Александра I въ первые годы его царствованія. Біографическіе очерки съ 12 портретами. Спб. 1901 г. Экспед. загот. госуд. бумагъ [1]).**

XVIII-ое и начало XIX-го столѣтія въ русской исторіи можно назвать эпохой выдающихся личностей. Законодательная и исполнительная власти еще не приняли твердыхъ и опредѣленныхъ формъ и самодержцы приближали къ себѣ лучшихъ людей, выдающихся своими способностями и талантами, оказывая имъ зачастую неограниченное довѣріе и снабжая ихъ огромными полномочіями. Если эти личности и не дѣлали исторіи, то во всякомъ случаѣ имѣли на нее сильное вліяніе. Вотъ почему изученіе отдѣльныхъ характеровъ съ ихъ достоинствами и недостатками имѣетъ огромное значеніе для возстановленія исторической правды о прошломъ Россіи.

„Въ то время",—говоритъ авторъ,—„руководящая роль въ правительствѣ принадлежала массѣ избранниковъ и случайныхъ людей, свѣдѣній о которыхъ сохранилось сравнительно очень мало: блеснувъ яркимъ метеоромъ среди своихъ современниковъ, они обыкновенно исчезали въ ихъ памяти съ тою же быстротою, съ какой совершалось ихъ возвышеніе"...

Царствованіе Александра I рѣзко распадается на два періода. Воспитанный своею державною бабкою, весь проникнутый любовью къ родинѣ, молодой пылкій государь приближаетъ къ себѣ и охотно слушаетъ тоже людей молодыхъ, съ ихъ смѣлыми планами и горячей любовью къ Россіи, которую они хотѣли видѣть великой, славной и счастливой. Такъ было въ первые годы правленія Александра. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, взгляды государя значительно измѣнились, и эпоха увлеченій уступила мѣсто менѣе лихорадочной работѣ государственнаго строительства; дѣятельности, въ которой виденъ былъ оттѣнокъ разочарованности и въ людяхъ, и въ прежнихъ стремленіяхъ.

Молодые сподвижники Александра, въ началѣ его царствованія, съ пылкостью чисто юношескаго воображенія болѣе внимали тому, что подсказывало имъ ихъ искреннее, горячее чувство, чѣмъ голосу холоднаго разсудка, умудреннаго опытомъ и предусмотрительностью

[1]) У насъ была уже помѣщена небольшая замѣтка по поводу появленія этой книги, заслуживающей болѣе подробнаго разбора (см. сент. 1901 г., стр. 401—403).—*Ред.*

въ дѣлахъ государственныхъ. Къ числу такихъ сподвижниковъ, имѣвшихъ особенное вліяніе на государя, принадлежалъ и князь Петръ Петровичъ Долгорукій, человѣкъ, сыгравшій въ свое время значительную роль въ эпоху зарождавшейся борьбы Александра съ Наполеономъ и явившійся, быть можетъ, однимъ изъ виновниковъ Аустерлицкаго разгрома. Біографія князя П. П. Долгорукаго, которой Великій Князь Николай Михаиловичъ придаетъ особенное значеніе въ своей книгѣ, представляетъ тѣмъ большій интересъ, что довѣріе, оказанное избраннику въ этомъ случаѣ, опредѣляетъ отчасти взгляды и характеръ самого государя.

Записанный, подобно большинству дворянъ того времени, еще съ ранняго дѣтства, въ списки гвардейскаго полка, князь Петръ Петровичъ быстро подвигался по ступенямъ военнаго чинопроизводства и на 19-мъ году былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ гарнизоннаго генералъ-лейтенанта Архарова 2-го полка. Это было въ началѣ 1797 года, вскорѣ послѣ коронованія императора Павла. Пылкій и дѣятельный, князь Петръ Петровичъ тяготился однообразіемъ выпавшей на его долю гарнизонной службой и дважды подавалъ прошенія государю о переводѣ его на дѣйствительную службу, но дважды получалъ ихъ обратно „съ наддраніемъ“ и со строгимъ внушеніемъ впредь не безпокоить его величество. Однако, благодаря содѣйствію наслѣдника престола, Долгорукому наконецъ удалось добиться своей цѣли: въ сентябрѣ 1798 года онъ назначенъ комендантомъ г. Смоленска съ производствомъ въ генералъ-маіоры, и въ этой новой должности своею дѣятельностью и распорядительностью обратилъ даже на себя особое вниманіе императора, который въ концѣ того же года сдѣлалъ 20-лѣтняго князя П. П. своимъ генералъ-адъютантомъ.

Послѣ вступленія на престолъ Александра I, Долгорукій сразу пріобрѣтаетъ огромное вліяніе, и юному генералъ-адъютанту вскорѣ поручаются важныя дипломатическія миссіи. Въ 1802 году, онъ ѣдетъ съ секретнымъ порученіемъ къ берлинскому двору, для подготовленія свиданія съ прусскимъ королемъ, а затѣмъ въ Финляндію, гдѣ успѣшно ведетъ переговоры съ Швеціей и предупреждаетъ грозившій на этотъ разъ разрывъ съ этою державой.

Въ Европѣ въ это время разыгрывался послѣдній актъ великой исторической драмы—французской революціи,—которая теперь вступала въ новый фазисъ, и умы всѣхъ государственныхъ людей теперь занимала одна личность: Бонапартъ, этотъ удивительный человѣкъ, создавшій съ невѣроятной быстротой и стремительностью военную славу Франціи, еще недавно казавшейся безсильной и ничтожной. Правительства главнѣйшихъ государствъ почувствовали въ лицѣ смѣлаго корсиканца могущественнаго врага и готовились къ оборонѣ.

Столкновеніе съ Россіей казалось неизбѣжнымъ. Князь Петръ Петровичъ, облеченный полнымъ довѣріемъ государя, весь отдался созиданію опасной борьбы, въ которую онъ внесъ болѣе молодого пыла и искренней любви къ родинѣ, чѣмъ обдуманности. Но въ Александрѣ I онъ находилъ не только одобреніе, но и полное сочувствіе, и потому смѣло вступилъ въ споръ съ могущественнымъ въ то время тріумвиратомъ, состоявшимъ изъ Адама Чарторыскаго, Новосильцева и Строганова—сторонниковъ мира. Чарторыскій, какъ полякъ, естественно не былъ чуждъ надеждъ на возстановленіе Польши и въ разгромѣ Пруссіи и Австріи видѣлъ возможность возрожденія рѣчи посполитой. Ободряемый довѣріемъ государя, князь Долгорукій смѣло обличалъ эти замыслы. Во время одной изъ бесѣдъ за царскимъ столомъ, Долгорукій, въ присутствіи государя, возражая Чарторыскому, сказалъ: „Вы разсуждаете, милостивый государь, какъ польскій князь, а я разсуждаю какъ русскій". „Вѣроятно"—говоритъ авторъ—„эти разговоры не остались безслѣдны, и императоръ Александръ, въ виду приближавшейся борьбы съ Наполеономъ, выбралъ для веденія переговоровъ съ Пруссіей именно князя Долгорукаго"...

Несмотря на сопротивленіе и упорство короля Фридриха-Вильгельма, боявшагося Наполеона, пропускъ русскихъ войскъ былъ наконецъ разрѣшенъ. Впрочемъ, успѣхъ этотъ былъ достигнутъ повидимому не легко, и изъ донесеній князя Петра Петровича можно судить, насколько король опасался нарушенія своихъ обязательствъ, вырванныхъ у него Наполеономъ.

„Le Roi"—пишетъ Долгорукій—„s'est ensuite exprimé d'une façon très prononcée contre Bonaparte et les principes de son gouvernement, mais que les engagements qu'il avait pris avec lui du consentement de Votre Majesté étaient sacrés pour lui et qu'il répugnait à rompre avec une puissance qui ne lui donnait aucune raison de plainte; j'ai combattu aussi cette opinion avec beaucoup de succès et l'ai amené au point de convenir qu'il ne pouvait se fier aux Français qui ne le ménageaient encore que parcequ'ils en avaient besoin" etc.

Успѣху этихъ переговоровъ, впрочемъ, способствовало и внѣшнее обстоятельство: нарушеніе французами нейтралитета, о которомъ князь говоритъ въ заключеніи своего письма.

„Dans le moment que je quittai le Roi, un courrier lui a apporté la nouvelle que les Français ont forcé le passage de son territoire à Anspach... Dans son premier mouvement de colère il voulait renvoyer Duroc et Laforêt, mais il a fait suspendre cet ordre... Un peu de patience, Sire, et sans en venir aux voies de fait, Vous doublez presque la force de la coalition".

13 октября 1805 года, императоръ Александръ совершилъ торжественный въѣздъ въ Берлинъ, и надъ гробницей Фридриха Великаго

была произнесена знаменитая клятва въ вѣчной дружбѣ между двумя монархами, клятва, которую прусскій король не задумался нарушить въ 1812 году, вступивъ въ Россію въ числѣ двунадесяти языкъ, мы же продолжали воевать и въ 1813 г. „за освобожденіе Германіи". Нѣкоторый успѣхъ, одержанный союзниками у Вишау, вскружилъ голову окружавшей государя воинственной молодежи, и двукратная миссія Савари, передавшаго желаніе Наполеона имѣть личное свиданіе съ русскимъ императоромъ, осталась безъ успѣха. Для переговоровъ съ императоромъ французовъ былъ посланъ, въ качествѣ довѣреннаго генералъ-адъютанта, тотъ же князь Петръ Долгорукій.

Достопамятная встрѣча произошла на аванпостахъ французской арміи. „Разспросивъ о здоровьѣ императора Александра, Наполеонъ сказалъ: „Долго ли намъ воевать? Чего хотятъ отъ меня? Чего требуетъ онъ? Пусть онъ распространяетъ границы Россіи на счетъ своихъ сосѣдей, особенно турокъ. Тогда всѣ ссоры его съ Франціей кончатся".

Князь Долгорукій показалъ видъ, что слушаетъ Наполеона съ отвращеніемъ,—и отвергъ сдѣланныя имъ предложенія, какъ несовмѣстныя съ характеромъ русскаго государя...

Долгорукій указалъ на „высокую цѣль", которую преслѣдуетъ Александръ I: защиту Голландіи и короля сардинскаго.

Наполеонъ перебилъ эту рѣчь и совѣтовалъ Россіи больше заботиться о себѣ самой. „Въ заключеніе императоръ французовъ, уже видимо раздраженный вызывающимъ видомъ юнаго посланнаго, сказалъ: „Итакъ, какъ угодно, будемъ драться".

Князь Долгорукій повернулся и, не называя Наполеона „императорскимъ величествомъ", сѣлъ на лошадь и отправился въ обратный путь.

Наполеонъ впослѣдствіи жаловался, что Долгорукій говорилъ съ нимъ какъ съ бояриномъ, котораго собираются сослать въ Сибирь, и называлъ его не иначе, какъ „ce freluquet impertinent", „ce polisson de Dolgorouky". Между тѣмъ самъ Долгорукій почему-то вынесъ изъ всего этого впечатлѣніе о „нерѣшительности, робости и уныніи" французовъ, и въ своемъ донесеніи государю писалъ: „Нашъ успѣхъ несомнѣнный, стоитъ только идти впередъ, и непріятель отступитъ, какъ отступили они отъ Вишау".

Но Вишау не повторилось, а наступательное движеніе союзниковъ закончилось Аустерлицемъ.

Послѣдствія этого пораженія крайне плачевно отразились на судьбѣ нѣкоторыхъ генераловъ: двое отданы подъ судъ, Кутузовъ и Ланжеронъ удалены изъ арміи... Долгорукій, однако, не впалъ въ немилость и продолжалъ пользоваться довѣріемъ государя. Зато австрійцы рѣзко на него нападали, выставляя его виновникомъ пораженія, вслѣдствіе

чего Долгорукій счелъ необходимымъ оправдаться. Съ разрѣшенія государя онъ написалъ и выпустилъ въ свѣтъ двѣ оправдательныя записки подъ заглавіемъ: 1) „*Observations sur les rapports des gazettes, concernant les derniers évènements dans la Moravie en Décembre 1805*"; и 2) „*Lettre d'un officier Russe sur les derniers évènements militaires en Moravie en Décembre 1805*".

Обѣ эти брошюры, представляющія въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость и до сихъ поръ не появлявшіяся въ русской печати, цѣликомъ приведены въ книгѣ Великаго Князя Николая Михаиловича. Въ первой описано свиданіе съ Наполеономъ, упомянутое выше, причемъ авторъ опровергаетъ газетныя статьи по этому поводу и 30-ый бюллетень французской арміи. Во второй—Долгорукій, какъ участникъ аустерлицкаго сраженія, опровергаетъ преувеличенныя свѣдѣнія и подробности объ этой битвѣ, которыя распространялись во французской печати. По словамъ Долгорукаго, русскихъ вмѣсто 80-ти тысячъ, о которыхъ упоминается во французскихъ бюллетеняхъ, было всего 50 тысячъ, австрійцевъ же не болѣе 25 тысячъ, изъ коихъ большинство были новобранцы. Въ общемъ, французская армія превосходила союзниковъ на 15 — 20 тысячъ. Число плѣнныхъ также чрезвычайно преувеличено французами—вмѣсто 20, 30 и даже 40 тысячъ взятыхъ въ плѣнъ — общая потеря русскихъ, считая въ томъ числѣ убитыхъ и раненыхъ, не превышала 10 тысячъ. Въ бюллетеняхъ также упоминается о 20 плѣнныхъ русскихъ *генералахъ*, въ числѣ которыхъ были князья: *Голицынъ*, *Репнинъ* и князь Сибирскій. Между тѣмъ ни одинъ изъ трехъ поименованныхъ лицъ не былъ генераломъ: Голицынъ былъ ротмистромъ гусарскаго полка, Репнинъ командовалъ эскадрономъ кавалергардовъ, а князь Сибирскій—пѣхотнымъ баталіономъ.

Послѣ Аустерлица князь Петръ Петровичъ продолжаетъ свою дипломатическую дѣятельность при берлинскомъ дворѣ, гдѣ ему пришлось преодолѣть немалыя затрудненія, чтобы утвердить союзъ съ Пруссіей и побудить ее къ дальнѣйшей борьбѣ съ Наполеономъ. Въ своихъ донесеніяхъ къ императору Александру князь Долгорукій старается убѣдить государя въ его исторической роли: „Vous êtes le seul, Sire, de tous les Souverains de l'Europe"—говоритъ онъ—„celui qui par sa puissance et la confiance générale qu'inspire Votre conduite et Votre énergie, qui pouvez encore l'arrêter" etc.

Въ серединѣ февраля 1806 года, Долгорукій вернулся въ Петербургъ и осенью того же года получилъ командировку на югъ Россіи, въ армію Михельсона, дѣйствовавшую противъ турокъ. По мнѣнію автора, самый фактъ отправки князя на югъ, а не въ армію Беннигсена, свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторомъ охлажденіи императора къ

своему любимцу. Съ Михельсономъ онъ повидимому не поладилъ и, получивъ повелѣніе вернуться въ Петербургъ, быстро прибылъ въ столицу, усталый и больной, съ зародышемъ злокачественной лихорадки. Государь принялъ его въ самый день его пріѣзда и, по словамъ графа Ѳ. Г. Головкина, раздосадованный его ссорой съ престарѣлымъ Михельсономъ, сказалъ: „Je suis las de vos brouilleries avec vos chefs; allez servir sous le baron Bennigsen, tâchez de vous mieux conduire et partez".

Что̀ ожидало князя впослѣдствіи, сказать трудно, такъ какъ 8 декабря 1806 года онъ скончался послѣ непродолжительной, но страшной болѣзни, признанной гнилою горячкою, имѣя всего 29 лѣтъ отъ роду.

Свою характеристику князя Петра Петровича авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Хотя князь Чарторыскій и глумится надъ его умомъ и другой иностранецъ, графъ Ланжеронъ, находитъ его кончину „благомъ для Россіи", но уже этихъ двухъ сужденій будетъ достаточно, чтобы понять, что въ эту эпоху князь Петръ Долгорукій былъ чуть-ли не единственнымъ поборникомъ чисто русской политики. Если онъ увлекался, ошибался, дѣлалъ крупные промахи, то тому главной причиной была его молодость и неопытность. Фигура князя Петра Петровича Долгорукаго останется одной изъ самыхъ оригинальныхъ среди другихъ сподвижниковъ Императора Александра, и, несмотря на то, что его дѣятельность прошла какъ метеоръ, она несомнѣнно оставила на себѣ крупные слѣды".

Не менѣе интересной, хотя и не столь крупной личностью, какъ его братъ Петръ, является другой изъ князей Долгорукихъ, князь *Михаилъ Петровичъ*, въ безвременной кончинѣ котораго Россія, быть можетъ, также потеряла выдающійся талантъ, уже не на дипломатическомъ, а на военномъ поприщѣ.

Зачисленный съ четырехъ-лѣтняго возраста въ преображенскій полкъ, князь Михаилъ Петровичъ, въ 1795 году выпущенъ ротмистромъ въ павлоградскій легко-конный полкъ и уже 16-ти-лѣтнимъ юношей принимаетъ участіе въ походахъ графа Валеріана Зубова на Кавказѣ и въ Персіи. Послѣ трехъ-лѣтней боевой службы, онъ зачисленъ маіоромъ въ кавалергардскій корпусъ въ январѣ 1799 года, а черезъ годъ переведенъ въ преображенскій полкъ.

Когда, въ началѣ 1800 года, императоръ Павелъ отправилъ въ Парижъ генерала Спренгпортена, чтобы выразить первому консулу его благодарность за возвращеніе русскихъ плѣнныхъ и выработать условія мирнаго договора между Россіей и Франціей—въ числѣ лицъ, составлявшихъ свиту представителя русскаго государя, находился и

князь Михаилъ Петровичъ. Въ Парижѣ Долгорукій обратилъ на себя всеобщее вниманіе живымъ, проницательнымъ умомъ, а его красота и обаятельность какъ свѣтскаго человѣка доставили ему самый лестный пріемъ въ салонахъ Жозефины Бонапартъ, Каролины Мюратъ, г-жъ Сталь и Рекамье. Впечатлѣніе, произведенное юнымъ русскимъ княземъ въ Парижѣ, было настолько сильно, что впослѣдствіи, на бивуакѣ подъ Аустерлицемъ, Наполеонъ спросилъ князя Петра Петровича, не родственникъ ли ему тотъ Долгорукій, который во дни его консульства жилъ въ Парижѣ, „удивляя всѣхъ своимъ умомъ, своими свѣдѣніями и своей жаждой къ познаніямъ".

Въ аустерлицкомъ сраженіи князь М. П. принималъ дѣятельное участіе и былъ раненъ пулей въ грудь, навылетъ, а передъ тѣмъ, исполняя порученія государя, ѣздилъ съ письмами въ Берлинъ къ королю прусскому. Въ дѣлѣ при Морунгенѣ, 13 января 1807 года, онъ выказалъ блестящую храбрость, когда, вмѣстѣ съ графомъ Паленомъ 2-мъ, быстрымъ и смѣлымъ ночнымъ нападеніемъ на арріергардъ французской арміи, онъ истребилъ весь обозъ маршала Бернадотта. Извѣстный партизанъ, военный писатель и поэтъ Денисъ Давыдовъ, упоминая объ этомъ дѣлѣ, говоритъ въ своихъ запискахъ: „отъ каретъ и верховыхъ лошадей и до послѣдней рубахи Бернадотта—все досталось въ добычу предпріимчивымъ исполнителямъ сего подвига".

За участіе въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ князь Михаилъ Петровичъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ 3-ей степени, чиномъ генералъ-маіора и назначенъ генералъ-адъютантомъ, имѣя въ это время всего 28 лѣтъ отъ роду.

1808-й годъ засталъ Долгорукаго въ Финляндіи во главѣ сердобольскаго отряда, находившагося подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова, съ которымъ у князя М. П. произошло крупное недоразумѣніе, окончившееся ссорой.

Показанія очевидцевъ о роковой для Долгорукаго битвѣ при Инденсальми расходятся въ подробностяхъ. Князь Н. С. Голицынъ увѣряетъ, что Долгорукій вызвалъ Тучкова на дуэль, и тотъ, указывая на невозможность поединка въ военное время, предложилъ пойти обоимъ въ передовую цѣпь и предоставить рѣшеніе спора судьбѣ, т.-е. пулѣ или ядру, причемъ Долгорукій и былъ убитъ на повалъ шведскимъ ядромъ. Напротивъ, И. П. Липранди, служившій въ это время подъ начальствомъ князя Михаила Петровича, приписываетъ смерть Долгорукаго несчастному случаю, безъ всякихъ намековъ на преднамѣренную игру съ опасностью. Какъ бы то ни было, князь Михаилъ Петровичъ палъ смертью героя, о которой Жозефъ-де-Местръ сказалъ: „c'est une mort à la Turenne". Тотъ же де-Местръ, по поводу смерти князя Долгорукаго, высказываетъ слѣдующій взглядъ, характеризующій

какъ личность князя, такъ и его значеніе въ глазахъ иностранцевъ. „Il était bon fils, bon frère, bon militaire, bon ami et *bon Russe.* C'est une grande perte universellement sentie *et c'est Colaincourt qui l'a tué, ce brave homme. Blessé par l'inflexibilité du Prince Michel, il a voulu qu'on l'écarta.* L'Empereur, ne sachant que faire, l'a envoyé en Finlande et pour éviter les objections, il lui fit donner à dix heures du matin l'ordre de partir le soir. Le prince Dolgorouky parti avec une extreme répugnance, il a été tué. L'Empereur est bien touché, mais—le prince est mort".

Такъ погибли, въ молодыхъ годахъ, два брата, которыхъ очевидно ждала блестящая будущность, хотя, быть можетъ, въ послѣдній періодъ царствованія Александра I, ихъ привычка къ самостоятельной дѣятельности и къ неограниченному довѣрію государя встрѣтила бы усиленное противодѣйствіе со стороны новаго служилаго сословія, которое въ XIX-мъ вѣкѣ стало въ Россіи постепенно замѣнять не всегда дисциплинированную волю „избранниковъ и случайныхъ людей".

Особенно художественно выполнены въ книгѣ Великаго Князя Николая Михаиловича снимки съ миніатюръ, изображающихъ портреты главнѣйшихъ представителей рода Долгорукихъ въ описываемую эпоху. Миніатюры эти, впервые появляющіяся въ печати, частью принадлежатъ князю П. В. Долгорукому, частью же извлечены изъ коллекціи Великаго Князя Николая Михаиловича, кстати сказать, обладающаго богатѣйшимъ собраніемъ миніатюръ и портретовъ русскихъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX столѣтій.

Въ концѣ книги помѣщены 10 приложеній на французскомъ и русскомъ языкахъ, заключающихъ въ себѣ множество цѣнныхъ документовъ изъ эпохи 1805 — 1807 годовъ, впервые появляющихся въ печати. Таковъ рядъ донесеній князей П. П. и М. П. Долгорукихъ къ императору Александру I, преимущественно за 1805 годъ; письмо государя Александра Павловича къ первому консулу Бонапарту отъ 6-го августа 1801 года; переписка князя П. П. Долгорукаго съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, Адамомъ Чарторыскимъ, прусскимъ генераломъ Клейстомъ и др.; письма короля Фридриха-Вильгельма къ графу Толстому, Бенигсену и др.; нѣсколько политическихъ записокъ князя П. П. Долгорукаго: „Exposé des affaires politiques en 1805"; „Plan d'opérations des armées de Volhynie, de Lithuanie et du Nord en cas d'agression contre la Prusse"; инструкція Михельсону 1805 года и т. д.

К. В.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА

къ статьѣ: „Матеріалъ для исторіи русскаго театра", изъ воспоминаній Ѳ. А. Бурдина, 1843—1883 гг.

Въ „Воспоминаніяхъ" Ѳ. А. Бурдина, напечатанныхъ въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы" 1901 года, мы находимъ, между прочимъ слѣдующее:

„Хороши были,—говоритъ авторъ „Воспоминаній",—и рецензенты того времени (начала 60-хъ годовъ); *для нихъ ничего не существовало кромѣ личныхъ отношеній и собственнаго интереса.* Не могу пропустить разсказа Сѣтова, бывшаго тогда главнымъ режиссеромъ въ русской оперѣ; *этотъ разсказъ переданъ мнѣ А. Н. Островскимъ.* Когда въ журналахъ нападки на Ѳедорова (нач. реперт. части) стали обращать вниманіе высшаго начальства, то Сѣтовъ, находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ, задумалъ его выручить.

„Болѣе всѣхъ ожесточенно бранили Ѳедорова А. Григорьевъ и В. Крестовскій, жену котораго не приняли на сцену.

„Сѣтовъ, будучи пріятелемъ А. Григорьева, предложилъ ему работу для дирекціи: перевести „Донъ-Жуана" Моцарта за 500 р. А. Григорьевъ, вѣчно нуждавшійся, охотно согласился. Сѣтовъ пригласилъ его работать у себя на дому и *безъ церемоніи* заперъ его, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ иначе не кончитъ работу.

„Пользуясь пребываніемъ Григорьева, онъ сталъ ему доказывать, какъ невыгодно ссориться съ Ѳедоровымъ, который можетъ быть ему полезенъ и дать возможность заработать хорошія деньги — „*Что же мнѣ дѣлать?*" —спрашивалъ Григорьевъ. — „Оставить всѣ нападки на Ѳедорова и съ нимъ помириться".—„*Я бы охотно радъ*, но тутъ замѣшанъ Крестовскій: Ѳедоровъ не принялъ его жену на сцену".— „Это можно устроить,—сказалъ Сѣтовъ,—она будетъ принята, только напишите Ѳедорову извинительное письмо и сознайтесь, что были неправы". *А. Григорьевъ, въ надеждѣ на будущій хорошій гонораръ, отправился къ Крестовскому,* который въ свою очередь обрадовался обѣщанному пріему жены, тотчасъ же *согласился на его предложеніе,* и *они* написали Ѳедорову самое лестное письмо, сознаваясь въ своихъ заблужденіяхъ, прося его забыть и извинить ихъ.

„Получивъ это письмо, Ѳедоровъ собралъ всѣ ругательныя статьи и вмѣстѣ отвезъ Адлербергу. „Вотъ, ваше сіятельство,—сказалъ онъ ему, показывая то и другое,—теперь вы сами можете оцѣнить безпристрастіе и побужденія критиковъ".

„Прочитавъ все это, гр. Адлербергъ отвѣтилъ Өедорову, что онъ и прежде ничему не вѣрилъ.

„Съ этого времени довѣріе къ Өедорову было окончательно упрочено, и на отзывы печати о театрѣ уже не обращали вниманія. Прибавлю къ этому, что жена Крестовскаго на сцену принята не была, а Григорьеву *что-то заплатили*, причемъ Сѣтовъ, отдавая ему деньги, сказалъ: „Вотъ тебѣ, за начатую работу *и хорошее поведеніе, отъ Өедорова,—а ты больше не трудись:* мы эту оперу ставить раздумали“ [1]).

Для большей ясности необходимо привести здѣсь болѣе обстоятельныя свѣдѣнія относительно прискорбнаго случая съ письмомъ, о которомъ идетъ тутъ рѣчь.

Въ 1861 г., 23 сентября, театрально-литературнымъ комитетомъ была забракована комедія „Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь (*Женитьба Бальзаминова*)“ большинствомъ *семи* голосовъ противъ *трехъ*. Причемъ интересно то, что этими тремя членами оказались актеры, которые, въ данномъ случаѣ, отнеслись къ нашему драматургу съ гораздо большей чуткостью, нежели актеры „Comédie française“, единогласно забраковавшіе знаменитую драму Дидро. Вотъ имена этихъ актеровъ: П. А. Каратыгинъ, Л. Л. Яблочкинъ и П. И. Зубровъ.

Затѣмъ, въ 1862 г., 17 ноября, эта же пьеса Островскаго разсматривалась комитетомъ вновь и была допущена къ представленію [2]).

Къ этому времени, начиная съ 15 апрѣля 1861 г., теат.-литер. комитетомъ стали одобряться къ представленію пьесы прогремѣвшаго вскорѣ Дьяченко: 1) „Жертва за жертву“ (имѣвшая громадный успѣхъ); 2) 16 декабря, „Кара Божья“ (не имѣвшая успѣха); 3) 5 января 1862 г., „Институтка“ (за пьесу—*пять*, противъ—*три*), и 4) 21 іюля —„Не первый и не послѣдній“ (имѣвшая тоже громадный успѣхъ).

Въ короткое время Дьяченко, съ рѣдкимъ счастьемъ, все болѣе и

---

[1]) Курсивъ мой

[2]) Вотъ интересная резолюція комитета: „При слушаніи этой пьесы въ 1861 г. между членами комитета произошло разногласіе: *три* голоса поданы въ пользу комедіи, *семь* голосовъ - противъ, и потому она, по журналу 23 сентября, не была одобрена къ представленію. Съ того времени, по распоряженію театральнаго начальства, русскій репертуаръ раздѣленъ между двумя сценами: Маріинской и Александринской, на которой преимущественно предположено давать пьесы, *удовлетворяющія вкусу менѣе взыскательной части публики*. Принимая это въ соображеніе, и имѣя въ виду бѣдность репертуара Александринской сцены, комитетъ, хотя и *не признаетъ большого литературнаго достоинства* въ пьесѣ г. Островскаго, но какъ имя автора пріобрѣло извѣстность, и, слѣдовательно, отвѣчаетъ за свои произведенія, то комитетъ большинствомъ *шести* голосовъ противъ *четырехъ*, и *рѣшается* допустить комедію „Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь“ къ представленію на *Александринскомъ* театрѣ“.

болѣе завоевывалъ симпатіи, какъ публики, начальства, такъ и актеровъ, послѣднихъ преимущественно за выигрышныя, эффектныя роли; пресса же, конечно, относилась къ произведеніямъ новаго счастливца, —какъ они того заслуживали,—неблагосклонно.

Когда же въ среду литераторовъ проникла вѣсть о несправедливомъ отношеніи комитета къ Островскому, въ одномъ изъ сатирическихъ листковъ („Гудокъ", ред. Д. Д. Минаева) появилась очень злая каррикатура, изображавшая начальника репертуарной части Өедорова среди членовъ комитета, поющихъ слѣдующую пѣсенку:

„Въ законъ... въ законъ... въ законъ себѣ поставимъ:
„Мы пу... мы пу... мы публику прельщать
„Дьяче... Дьяче... Дьяченко предоставимъ" и т. д.

Послѣ этой пародіи, надѣлавшей много шуму, и случился печальный инцидентъ съ письмомъ.

А вотъ какъ, приблизительно, было это самое дѣло, какъ оно сохранилось въ памяти театральныхъ старожиловъ. Именно въ это время, особенно послѣ только-что приведенной пародіи, положеніе Өедорова было поколеблено. Сѣтовъ, дѣйствительно, тутъ порадѣлъ своему начальнику, но только не такъ грубо, какъ это сообщается у Бурдина, а дипломатично: онъ, однажды, на жалобы В. Крестовскаго (имъ же самимъ, вѣроятно, наведеннаго на эту тему), что его жену не принимаютъ на сцену, отвѣтилъ ему, какъ бы сожалѣя его:—„Какъ же вы хотите, чтобы вамъ дѣлали любезность, когда вы такъ нападаете на начальство въ газетахъ? Постарайтесь загладить вашъ промахъ; тогда, можетъ, дѣло и пойдетъ на ладъ". Положительно извѣстно одно, а именно, что Крестовскій лично былъ въ это время на квартирѣ у Өедорова; но написалъ ли онъ это компрометтирующее письмо послѣ бесѣды съ Сѣтовымъ, или же самъ Өедоровъ намекнулъ ему, что, молъ, на одни слова полагаться нельзя, или по другимъ какимъ соображеніямъ—мудрено утверждать, но фактъ тотъ, что извинительное письмо дѣйствительно было написано В. Крестовскимъ, послѣ чего имъ и воспользовались такъ, какъ то разсказано у Бурдина.

Также достовѣрно извѣстно, что при разсказахъ объ этомъ печальномъ случаѣ ничье имя, кромѣ В. Крестовскаго, и не упоминалось, а тѣмъ менѣе возможно, чтобы при этомъ могъ упоминаться Ап. Григорьевъ.

Не представляется ли, съ другой стороны, страннымъ,—почему Бурдинъ, конечно, всегда отлично освѣдомленный обо всемъ томъ, что̀ такъ или иначе могло имѣть значеніе для карьеры актера,—почему, говорю, онъ могъ не знать такого важнаго факта, какъ тотъ, что нашелся такой удивительно ловкій счастливецъ, который не

только изобрѣлъ остроумный способъ спасти очутившагося въ критическомъ положеніи начальника, но даже и дѣйствительно спасъ его? Вѣдь Бурдинъ былъ въ театральной средѣ своимъ человѣкомъ, съ большинствомъ вліятельныхъ членовъ ея былъ на „ты"; какимъ же образомъ могло случиться, что онъ узналъ о такомъ изъ ряда вонъ выдающемся фактѣ позже Островскаго, который, во-первыхъ, большей частью жилъ въ Москвѣ, а во-вторыхъ, очень мало вѣроятно, чтобы онъ былъ близокъ съ Сѣтовымъ?

Что же касается Сѣтова, то если допустить, что онъ именно такъ, какъ разсказываетъ Бурдинъ, совершилъ свою продѣлку съ литераторами, чтобъ выручить свое начальство, то, очевидно, въ такомъ случаѣ разсчетъ могъ основываться лишь на томъ соображеніи,—что разъ литераторы согласятся написать компрометтирующее ихъ письмо, то они не посмѣютъ оглашать всей подноготной, ибо при этомъ и они пострадаютъ. Какой же былъ смыслъ Сѣтову наивно откровенничать именно съ Островскимъ, изъ-за котораго собственно и разгорѣлся весь сыръ-боръ.

Далѣе. Возможно ли допустить, чтобы А. Н. Островскій могъ вести разсказъ въ такомъ возмутительно циническомъ тонѣ, и притомъ о Григорьевѣ, котораго онъ не могъ не любить и не уважать, какъ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ того молодого литературнаго кружка, къ которому онъ самъ принадлежалъ, и еще болѣе, какъ критика, который едва ли не первый почувствовалъ всю громадность таланта нашего драматурга!

Въ самомъ дѣлѣ, если даже мы допустимъ, что Островскій разсказывалъ Бурдину о печальномъ фактѣ, будто бы случившемся съ Ап. Григорьевымъ, то неужели возможно, чтобъ онъ говорилъ объ немъ иначе какъ съ величайшимъ сокрушеніемъ, и не обрушился бы всей силой сарказма на Сѣтова за такую низкую продѣлку относительно почтеннаго литератора?

Стóитъ только обратить вниманіе на тѣ мѣста разсказа, которыя никакъ не относятся къ чести талантливаго критика, и тогда не останется никакого сомнѣнія, что авторъ „Воспоминаній" поощряетъ, даже восхищается остроумной находчивостью Сѣтова, и караетъ съ издѣвательствомъ его жертву: „Прибавлю къ этому"... „а Григорьеву *что-то заплатили*, причемъ Сѣтовъ, отдавая ему деньги, сказалъ: „Вотъ тебѣ, за начатую работу *и хорошее поведеніе, отъ Ѳедорова* [1]), а *ты больше не трудись*; мы эту оперу ставить раздумали".

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ даннымъ изъ дѣятельности

---

[1]) Тогда какъ расплата за работы, заказанныя дирекціею, производилась въ конторѣ.

Ап. Григорьева, относящейся ко времени этого событія. Оно должно быть отнесено къ 1862—3—4 годамъ, ибо Дьяченко появился на сценѣ въ сезонъ 1861—62 г., послѣднее постановленіе театр.-литер. комитета о комедіи Островскаго состоялось въ концѣ 1862 года, а 25 сентября 1864 г. Ап. Григорьевъ уже скончался.

Это время было для Григорьева, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ тяжкимъ, даже въ нравственномъ—онъ испыталъ (или, по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось) холодность по отношенію къ себѣ близкихъ ему людей, такъ что въ 1861 году онъ уѣзжалъ изъ Петербурга учительствовать; но затѣмъ, почувствовавъ, что это дѣло уже не по немъ, возвратился и опять сталъ работать въ журналѣ „Время", которое, однако, уже въ 1865 г. было запрещено, и Григорьеву пришлось редактировать журналъ „Якорь" (съ юмористическимъ приложеніемъ „Оса"), гдѣ онъ писалъ театральныя рецензіи съ громаднымъ успѣхомъ. „Игру актеровъ—говоритъ г. Венгеровъ (въ Энц. Слов.)—онъ разбиралъ съ такою же тщательностью и съ такимъ же страстнымъ паѳосомъ, съ какимъ относился къ явленіямъ остальныхъ искусствъ". Въ 1864 г. онъ принялъ участіе въ возродившейся „Эпохѣ", но уже не надолго...

„Сильнѣе всѣхъ писанныхъ и туманныхъ разсужденій Григорьева —говоритъ тотъ же Венгеровъ (очевидно, не единомышленникъ критика)—дѣйствуетъ обаяніе его нравственнаго существа, представляющаго собою „органическое" проникновеніе лучшими началами высокаго и возвышеннаго". Таковы же свидѣтельства о его нравственной личности и всѣхъ знавшихъ почившаго.

Въ этомъ разбитомъ и истерзанномъ тѣлѣ, несомнѣнно, горѣлъ до конца жизни духъ бодрый и честный...

Возможно ли, послѣ этого, допустить, чтобы подобный человѣкъ, находясь въ полномъ сознаніи (а такимъ онъ и изображается у Бурдина), могъ вести такой діалогъ:

— „*Я бы охотно радъ* (пойти на безчестную сдѣлку), но тутъ замѣшанъ В. Крестовскій: Ѳедоровъ не принялъ его жену на сцену".

— „Это можно устроить,—сказалъ Сѣтовъ,—она будетъ принята; только напишите Ѳедорову извинительное письмо и сознайтесь, что были неправы".

Послѣ этого, по словамъ Бурдина, слышаннымъ имъ, будто бы, отъ Островскаго:

„*А. Григорьевъ, въ надеждѣ на будущій хорошій гонораръ, отправился къ В. Крестовскому,* который въ свою очередь обрадовался обѣщанному пріему жены, тотчасъ же *согласился на его* (*Григорьева*) *предложеніе*, и *они* написали Ѳедорову самое лестное письмо" и т. д.

Итакъ, оказывается, не самъ В. Крестовскій, живо заинтересован-

ный опредѣленіемъ жены на сцену, рѣшился на такую некрасивую сдѣлку, а только по настоянію своего Мефистофеля—Ап. Григорьева!

Надо знать, что во время этого печальнаго „происшествія" В. Крестовскому было никакъ не больше 22 лѣтъ, и, какъ извѣстно, онъ тогда находился въ какомъ-то чаду, о чемъ и свидѣтельствуютъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній, особенно тѣ изъ нихъ, которыя въ то время, бывало, передавались изъ устъ въ уста въ кружкахъ подкутившей молодежи.

Но вѣдь, если можно подыскать—не говорю оправданіе, такъ хоть по крайней мѣрѣ объясненіе легкомысленному поступку пылкаго молодого человѣка, слишкомъ увлекшагося интересами жены, въ которую онъ, можетъ быть, былъ влюбленъ, то ужъ никоимъ образомъ нельзя было бы найти рѣшительно никакого оправданія человѣку въ лѣтахъ (Григорьеву было за сорокъ), и не по легкомыслію, наталкивающему молодого человѣка на завѣдомо рискованное дѣло...

Я глубоко убѣжденъ, что еслибъ такой человѣкъ, какъ покойный Григорьевъ, и сдѣлалъ что-нибудь подобное, положимъ даже въ состояніи невмѣняемости, то и въ такомъ невозможномъ случаѣ, придя въ себя, онъ непремѣнно огласилъ бы о своемъ невольномъ прегрѣшеніи, безпощадно казня себя, и, конечно, тогда этотъ фактъ не могли бы замолчать даже друзья его, и онъ давно былъ бы общеизвѣстнымъ; но дѣло въ томъ, что и такое предположеніе немыслимо, ибо хотя Ап. Григорьевъ, какъ извѣстно, былъ подверженъ разрушительной болѣзни (алкоголизму), однако онъ въ состояніи былъ вести свою работу съ честью почти до послѣдняго часа своей многострадальной жизни.

Ѳ. А. Юрковскій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

John Henry Mackay. Der Schwimmer. Berlin, 1901.

Джонъ Генри Макай принадлежитъ въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ къ группѣ такъ называемыхъ „Neutöner"; ихъ заслуга въ томъ, что для отраженія новыхъ философскихъ теченій въ Германіи они создаютъ, или во всякомъ случаѣ стремятся создать, новыя формы. Макай, какъ и нѣкоторые его единомышленники, Генрихъ Гартъ, Карлъ Генкель, Рихардъ Демель и др.,—крайній индивидуалистъ. Субъективизмъ и страстность составляютъ стихійную основу его творчества и сказываются въ чувственномъ характерѣ его лирики, въ смѣломъ воспѣваніи инстинктовъ, въ широкомъ пантеизмѣ, въ стремленіи слить свою жажду свободы со всѣмъ, что̀ свободно и стихійно въ природѣ. Торжествующее сознаніе своей силы, освобожденной отъ гнета искусственныхъ человѣческихъ преградъ, звучитъ въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ: „Ich muss wieder fliegen". Поэтъ говоритъ о далекихъ, свѣтлыхъ краяхъ, и вѣритъ, что онъ поднимется къ нимъ. Города и люди въ нихъ кажутся ему чужими. Онъ называетъ себя сильнымъ молодымъ пловцомъ, побѣждающимъ пространство; вершины горъ, гдѣ гнѣздятся орлы, онъ считаетъ своей родиной: „я снова лечу, я снова лечу, нѣтъ для меня слишкомъ далекаго. Безчисленныя новыя пѣсни—онѣ мои; весь міръ мнѣ принадлежитъ". Для гимновъ свободѣ, для воспѣванія освобожденной стихійной силы въ человѣкѣ, Макай ищетъ и находитъ новыя формы свободнаго стиха. Будучи не только лирикомъ, но и философомъ, Макай возводитъ въ теорію свой субъективизмъ. Его общественные и нравственные идеалы заключаются въ полной свободѣ личности; въ нѣсколькихъ своихъ раннихъ произведеніяхъ, какъ напр. въ драмѣ „Анна Гермздорфъ", онъ былъ еще увлеченъ соціальными идеалами, и его героиня—жертва общественныхъ условій и экономическихъ вопросовъ. Но послѣ того онъ сталъ приписывать первенствующее значеніе не общественнымъ условіямъ, а духовному и нравственному совершенствованію отдѣльной человѣческой личности. Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, онъ сталъ теоретикомъ анархизма, предъявляющимъ къ личности безконечно высокія требованія. Макай про-

славляетъ свободу въ человѣкѣ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы человѣкъ былъ достоинъ ея. Онъ однимъ изъ первыхъ указалъ на значеніе теоретика индивидуализма, Макса Штирнера, предшественника Ницше, и книга Макая о Штирнерѣ пользуется большой и заслуженной извѣстностью. Онъ писалъ много теоретическихъ статей по теоріи индивидуализма, и то же широкое пониманіе индивидуальной свободы сказывается и въ его романѣ „Анархисты".

Новѣйшее произведеніе Макая—вышедшій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оригинальный романъ подъ заглавіемъ „Пловецъ" (Der Schwimmer). Его даже нельзя назвать романомъ, потому что въ немъ нѣтъ почти никакой интриги, и самъ авторъ называетъ его „Исторіей одной страсти". Авторъ ясно намѣчаетъ въ этомъ психологическомъ очеркѣ свое пониманіе правъ и обязанностей личности. На первый взглядъ „Пловецъ" можетъ показаться обличеніемъ такъ называемаго „культа своего собственнаго *я*" (Ich-Kultus). Герой Макая—юноша, всецѣло поглощенный очень оригинальной страстью—онъ любитъ плавать. Для другихъ людей, плавать—пріятное развлеченіе, интересный спортъ, для него это—цѣль и смыслъ жизни. Выборъ именно этого рода страсти очень удаченъ для выясненія идеи, которую проводитъ авторъ. Онъ возводитъ въ страсть занятіе, въ которомъ человѣкъ не приходитъ въ столкновеніе съ другими лицами, не вліяетъ на судьбу другихъ людей, какъ это бываетъ при страстной любви, ревности или ненависти, или же когда къ страсти примѣшивается корысть, какъ, напр., въ азартныхъ играхъ и т. п. Благодаря этому, онъ можетъ показать дѣйствіе страсти во всей ея неприкосновенности, послѣдовательно слѣдить за ея развитіемъ и указать на конечные результаты. Психологическій экспериментъ выполненъ Макаемъ съ большой художественной силой. Строгая психологическая обоснованность отдѣльныхъ моментовъ страсти, постепенное и прямое наростаніе ея до высшаго момента удовлетворенія изображены настолько правдиво, настолько драматично, что, при кажущейся бѣдности содержанія, книга Макая представляетъ нѣкоторый интересъ, въ особенности во второй половинѣ, гдѣ изображенъ моментъ высшаго напряженія страсти и роковой моментъ паденія. Когда страсть становится сама себѣ цѣлью, то она лишь до тѣхъ поръ ведетъ человѣка вверхъ, пока передъ нею еще свѣтятся вдали не достигнутыя ею высоты. Но когда наступаетъ моментъ полнаго торжества, когда страсти некуда идти дальше—наступаетъ и роковой моментъ отрезвленія. Человѣкъ вдругъ—не разсудкомъ, а всѣмъ своимъ существомъ—постигаетъ пустоту ослѣплявшаго его влеченія, которое было только призракомъ смысла жизни и закончилось въ моментъ удовлетворенія. Послѣ этого кризиса страсть, поднимавшая силы въ человѣкѣ, пре-

вращается въ орудіе его гибели. Опустошенный ею, онъ уже не можетъ искать цѣли внѣ ея, но она сама не удовлетворяетъ его. Онъ ищетъ спасенія, искусственно ставитъ своей страсти новыя цѣли, но ему не удается обмануть свою душу; онъ только самъ готовитъ себѣ рядъ паденій и униженій, и роковымъ образомъ, съ возростающимъ отчаяніемъ въ душѣ, сознаетъ каждую ступень своего паденія по тому же пути, по которому онъ съ такой легкостью и съ такимъ гордымъ торжествомъ восходилъ въ полнотѣ своихъ силъ. Наступаетъ моментъ окончательнаго истощенія души подъ властью страсти, которая изъ прежняго друга превратилась во врага; человѣкъ ищетъ смерти самовольно, потому что смыслъ его жизни исчерпанъ, когда умерла страсть, наполнявшая его.

За этимъ психологическимъ содержаніемъ романа скрывается отчасти идейный замыселъ. Герой Макая, казалось бы,—идеалъ свободнаго человѣка. Онъ съ дѣтства одержимъ влеченіемъ, отдаляющимъ его отъ общенія съ людьми; онъ нашелъ центръ своей жизни въ самомъ себѣ, и вся его душевная жизнь, всѣ его помыслы сосредоточены на томъ, чтобы развить въ себѣ совершенство въ дѣлѣ совершенно непригодномъ для жизни. Страсть его къ плаванію безобидна. Она прежде всего безкорыстна, и онъ не извлекаетъ изъ нея никакихъ непосредственныхъ выгодъ; онъ не хочетъ быть профессіональнымъ мастеромъ своего дѣла, показывающимъ себя за деньги, а остается спортсменомъ. Онъ не честолюбецъ, а именно жрецъ своей страсти. Страсть его никому не вредитъ и требуетъ отъ него же большихъ жертвъ, отрѣшенія отъ личныхъ радостей и счастья. Въ тотъ моментъ, когда онъ чувствуетъ, что во имя своего искусства долженъ отказаться отъ любви увлекшей его женщины, онъ приноситъ и эту жертву. Но, все-же, несмотря на безкорыстіе страсти, она разрушаетъ его, и только въ этомъ—весь смыслъ романа. Въ отрѣшеніи отъ другихъ, въ исключительномъ культѣ властныхъ индивидуальныхъ инстинктовъ, въ исканіи центра въ самомъ себѣ, еще не заключается идеалъ свободы. Человѣкъ долженъ развивать свои силы, не стѣсненный отношеніями къ людямъ и обществу, но только для того, чтобы свободно развитыя силы были средствомъ для выполненія общаго дѣла, для обогащенія человѣчества все новыми и новыми формами умственнаго и нравственнаго развитія, чтобы онѣ не становились цѣлью сами для себя. Въ противномъ случаѣ человѣкъ—не свободная личность, а лишенный творческой силы эгоистъ. Сила его, несмотря на всю свободу своего развитія, превращается въ страсть, т.-е. въ нѣчто слѣпое и губительное, а главное—безъисходное. Направляя свои силы на творческое обще-человѣческое дѣло, человѣкъ упражняетъ всѣ вложенныя въ него умственныя и нравственныя способности, и въ этихъ

условіяхъ его внутренняя свобода только содѣйствуетъ полнотѣ его силъ, его служенію вѣчнымъ цѣлямъ человѣчества. Какъ бы онъ долго ни жилъ, какъ бы разнообразна ни была его дѣятельность и его судьба, смыслъ его жизни останется неисчерпаемымъ, потому что, какъ бы ни была велика его свободная сила, человѣкъ будетъ всегда видѣть надъ собой недостигнутую цѣль, и его будетъ поддерживать сознаніе связи его усилій съ усиліями другихъ людей, столь же свободно дѣйствующихъ въ предѣлахъ своихъ силъ на пути къ общей цѣли. Таковъ идеалъ свободнаго человѣка, по Макау; онъ выясняется въ романѣ отрицательнымъ путемъ, т.-е. тѣмъ, что авторъ показываетъ пустоту призрачной свободы; его герой свободенъ лишь постольку, поскольку его страсть освобождаетъ его отъ власти обстоятельствъ, отъ условностей общественнаго гнета; но все-же онъ становится рабомъ своей же страсти, потому что она развиваетъ не полноту человѣческихъ силъ, а одностороннее стремленіе къ слишкомъ близкой, легко исчерпаемой цѣли, потому что она узка, эгоистична и не пріобщаетъ человѣка къ общему дѣлу человѣчества. Эгоистическое отчужденіе отдѣльнаго человѣка отъ общей жизни коренньмъ образомъ различается отъ свободнаго проявленія индивидуальныхъ силъ; пагубность эгоизма ясно обрисована въ концѣ романа. Герой Макая до тѣхъ поръ шелъ все къ большему и большему торжеству, пока его дѣятельность была связана съ группой людей, видѣвшихъ въ немъ своего представителя, пока каждый его шагъ на пути славы поддерживался дѣятельнымъ содѣйствіемъ и участіемъ его товарищей, пока его личные интересы были интересами многихъ. Но когда, озлобленный обстоятельствами, онъ отдѣляется отъ всѣхъ и дѣйствуетъ на свой собственный страхъ, искусство его хотя и остается тѣмъ же, но вдругъ кажется ему самому совершенно мертвымъ; онъ чувствуетъ себя одинокимъ, не нужнымъ ни для кого и ни для чего, и погибаетъ въ этой пустотѣ. Страсть его освободила отъ общественнаго и жизненнаго гнета, но сдѣлала его рабомъ самой себя, и потому она — только призракъ свободы, такъ какъ истинная свобода заключается въ развитіи полноты силъ для служенія цѣлямъ, лежащимъ внѣ границъ отдѣльной человѣческой жизни.

Оригинальный по своему психологическому и идейному замыслу, романъ Макая обладаетъ также нѣкоторыми реалистическими достоинствами. Онъ рисуетъ нравы среды, которая впервые служитъ сюжетомъ для беллетриста. Различнаго рода спорты эпизодически изображались разными романистами, но никто не рѣшался сдѣлать какой-либо одинъ спортъ основнымъ содержаніемъ серьезно задуманнаго беллетристическаго произведенія, такъ какъ, казалось бы, увлеченіе какимъ-либо физическимъ упражненіемъ слишкомъ мелко, слишкомъ

лишено духовнаго содержанія, чтобы привести къ психологическимъ или тѣмъ болѣе идейнымъ выводамъ. Макай съумѣлъ глубже заглянуть въ смыслъ спорта и нашелъ въ немъ богатый и оригинальный по своей незатронутости психологическій матеріалъ. Выбранный имъ сюжетъ касается интересной стороны современной западно-европейской культуры. По примѣру Англіи, классической родины всякаго рода спорта, во всей Европѣ распространилось теперь увлеченіе физическими упражненіями. Быть можетъ это реакція противъ односторонней умственной и, такъ сказать, кабинетной культуры современнаго человѣчества. Оно начало чувствовать признаки наступающаго физическаго вырожденія и стало усиленно противодѣйствовать ему заботами о физическомъ воспитаніи юношества. Это и породило все большее развитіе разныхъ спортовъ, какъ такихъ, въ которыхъ развиваются мускулы въ свободныхъ движеніяхъ (плаваніе, хожденіе по горамъ, разныя игры и т. д.), такъ и другихъ, въ которыхъ человѣкъ прибѣгаетъ къ помощи механическихъ сооруженій и стремится уже не столько къ упражненію своего тѣла, какъ къ торжеству своего находчиваго ума надъ природой, къ быстротѣ движеній, къ побѣдѣ надъ пространствомъ (велосипедный, автомобильный спортъ и т. д.). Съ эстетической точки зрѣнія перваго рода спортъ несомнѣнно выше и изящнѣе; это очевидно чувствуетъ и Макай; его герой не велосипедистъ, что̀ было бы несомнѣнно грубо и анти-художественно, а страстный пловецъ. Въ любви къ плаванію есть большая доля поэзіи, такъ какъ эта страсть связана съ любовью къ природѣ, съ влеченіемъ къ водѣ, къ таинственной, полной страннаго соблазна стихіи. Макай очень поэтично говоритъ о притягательной силѣ воды, видя въ ней нѣчто родственное столь же стихійному и непонятному влеченію къ свободѣ, которое живетъ въ душѣ человѣка. Такимъ образомъ, несмотря на кажущуюся прозаичность сюжета —описаніе жизни спортсмена-пловца,—Макай съумѣлъ поднять на довольно художественную высоту описываемый имъ спортъ, связавъ его съ любовью къ стихіи, породившей его. Смыслъ любви къ водѣ, смыслъ радости, которую доставляетъ плаваніе, Макай поэтически поясняетъ въ концѣ второй части романа, и мы выписываемъ эту страницу, которая ясно свидѣтельствуетъ и о художественномъ талантѣ автора, и о томъ, какой смыслъ онъ съумѣлъ открыть въ томъ, что̀ кажется пустымъ времяпрепровожденіемъ.

„Тяжелыми шагами мы ходимъ по тяжелой землѣ. Вѣчно живетъ въ насъ влеченіе подняться вверхъ надъ нею, и даже молясь объ умершихъ, мы просимъ, чтобы „земля была имъ легка“, ибо она тяжела намъ при жизни. Но мы не можемъ летать, и съ завистью глядимъ вслѣдъ птицамъ, которыя поднимаются на воздухъ, слишкомъ легкій

для насъ. Земля слишкомъ тяжела, воздухъ слишкомъ легокъ. Но мы можемъ плавать. Между небомъ и землей качаетъ насъ вода. Она и влечетъ насъ внизъ, и поднимаетъ насъ вверхъ. Мы въ ней еще не наверху, но уже и не внизу. Вода намъ даетъ забвеніе — забвеніе земли, и мы чувствуемъ, что поднимаемся къ небу, когда она насъ несетъ на себѣ. Мы не имѣемъ крыльевъ, но въ водѣ мы уже не чувствуемъ тяжести земли. Чудная стихія! Почему мы ушли отъ тебя, которая всѣмъ намъ была родиной и колыбелью, на землю? Почему мы не остались въ твоихъ тихихъ, блаженныхъ глубинахъ, вмѣсто того, чтобы вступать въ шумъ и борьбу на землѣ? Потому ли, что намъ нужно тепло, свѣтъ и жизнь? Увы, земное тепло сжигаетъ насъ, свѣтъ земли слѣпитъ наши глаза, и жизнь нестерпима большинству изъ насъ. А тамъ, внизу, были прохлада, сумерки и сонъ. Но мы стремились вверхъ,—изъ глубины вверхъ, къ землѣ. А потомъ, мы стали стремиться еще выше и выше, отъ земли къ небу. Но оно для насъ недостижимо. И мы терзаемся, не можемъ подняться вверхъ, не можемъ опуститься внизъ. Чудная стихія! Большинство людей тебя забыло. Ты стала имъ до того чужой, что они тебя боятся. И вмѣсто того, чтобы довѣриться тебѣ, они со страхомъ глядятъ на тебя и дрожатъ въ соприкосновеніи съ тобой,—съ тобой, которая хотѣла бы имъ дать новую жизнь; ты смываешь пыль съ ихъ глазъ и муки съ ихъ сердца, и только тогда даешь имъ упасть внизъ, когда они глупо и неумѣло отбиваются отъ тебя тяжелыми движеніями и грубыми кулаками и, требуя невозможнаго, ищутъ въ тебѣ небо. Они забываютъ, что съ тобой нельзя обращаться какъ съ рабыней, и возмущаются, когда въ тебѣ вскипаетъ оскорбленная свобода, и когда ты отбрасываешь и хоронишь въ своихъ глубинахъ наваленную на тебя тяжесть. Но не всѣ тебя забыли. Въ нѣкоторыхъ живетъ еще влеченіе къ тебѣ, какъ страстное желаніе подняться къ чистотѣ изъ грязи. И когда они къ тебѣ приходятъ, ты принимаешь ихъ въ свои объятія, качаешь ихъ, цѣлуешь ихъ, и воздаешь имъ тысячу разъ за каждую ихъ хотя бы самую неумѣлую ласку. И кто однажды отдался тебѣ, тотъ больше не стремится къ небу и возвращается на землю только потому, что прахъ его родилъ и питаетъ его; тотъ будетъ всегда возвращаться къ тебѣ, когда онъ только сможетъ; тотъ—твой на всю жизнь"...

Одного изъ этихъ „отдавшихся водѣ" и изображаетъ Макай въ лицѣ своего героя, Франца Фельдера. Когда Францъ научился плавать, —этого онъ самъ не помнитъ, какъ никто не помнитъ, когда научился ходить; но съ пятилѣтняго возраста онъ чувствовалъ себя въ водѣ лучше, чѣмъ на сушѣ. Онъ—сынъ очень бѣдныхъ родителей, ростетъ почти въ нищетѣ, и уже съ малолѣтства готовъ на всѣ жертвы,

чтобы удовлетворить своей страсти къ плаванію. Онъ отказываетъ себѣ въ пищѣ, чтобы скопить нѣсколько грошей для входной платы въ жалкія купальныя заведенія бѣднаго берлинскаго квартала, гдѣ живутъ его родители. И лѣтомъ, и зимой, онъ упражняется по цѣлымъ часамъ въ доступныхъ ему по цѣнѣ бассейнахъ и доводитъ свое искусство до большого совершенства; въ четырнадцать лѣтъ его замѣчаетъ одинъ изъ вліятельныхъ членовъ лучшаго берлинскаго клуба для плаванія, и мальчика выбираютъ въ члены фешенебельнаго клуба. Онъ ничему не учился, ничѣмъ не интересуется, угрюмъ и молчаливъ, и всецѣло преданъ своей страсти. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ онъ дѣлаетъ блестящую карьеру, безконечно совершенствуется въ своемъ мастерствѣ и на публичныхъ состязаніяхъ одерживаетъ побѣду за побѣдой, становясь сначала „чэмпіономъ" своего клуба, потомъ первымъ берлинскимъ мастеромъ, и наконецъ одерживаетъ побѣду на всемірныхъ состязаніяхъ въ Германіи и въ Англіи. Описаніями этихъ побѣдъ, волненій, предшествующихъ имъ, и опьяняющихъ моментовъ торжества заполнены первыя части романа, и въ нихъ чрезвычайно много интересныхъ психологическихъ подробностей, также какъ и любопытныхъ картинъ быта. Францъ Фельдеръ сталъ всемірной знаменитостью; трофеями его побѣдъ полны его собственная комната въ бѣдной квартирѣ родителей и помѣщеніе клуба, гордостью котораго онъ служитъ. Наконецъ, наступаетъ высочайшій моментъ торжества: Фельдеръ одерживаетъ побѣду на всемірномъ состязаніи, слышитъ вокругъ себя ликованія товарищей и друзей,—и вдругъ, вмѣсто счастья, которое охватывало его при прежнихъ побѣдахъ, въ душу его вкрадывается отчаяніе. Онъ почувствовалъ, что ему некуда идти дальше, что все впереди будетъ лишь повтореніемъ прошлаго; онъ ощущаетъ въ себѣ страшную пустоту, потому что его слѣпая страсть съѣла въ немъ всѣ остальныя силы. Весь міръ для него—пустыня, такъ, какъ кромѣ бассейновъ и публичныхъ состязаній, онъ ни о чемъ другомъ не думаетъ. Онъ подошелъ къ моменту кризиса, и такъ какъ ему некуда подниматься, то ему предстоятъ уже только паденія. Онъ пробуетъ отвратить судьбу, видоизмѣнить свой спортъ, пробуетъ теперь одержать пальму первенства въ искусствѣ прыганія въ воду. Втайнѣ отъ всѣхъ онъ упражняется въ этомъ новомъ искусствѣ, но терпитъ постыдное пораженіе на первомъ же состязаніи. Иронія судьбы такова, что одинъ знаменитый скульпторъ, наблюдавшій за его прыжками въ купальнѣ, увѣковѣчиваетъ его въ статуѣ, носящей названіе: „Der Meisterspringer". Послѣ пораженія на состязаніи, эта статуя становится для него памятникомъ его позора. Онъ ищетъ забвенія въ любви, отъ которой всегда сторонится во имя своего искусства, отдается соблазну страстно полюбившей его женщины, но

эта любовь отвлекаетъ его отъ необходимыхъ упражненій, отъ беззавѣтнаго служенія своей цѣли, и на одномъ изъ состязаній въ плаваніи онъ побѣжденъ. Но онъ еще не сдается. Онъ насильственно порываетъ связь съ любимой женщиной, сторонится отъ товарищей, выходитъ изъ клуба и, исчезнувъ на время изъ спортсменскихъ кружковъ, въ тиши возстановляетъ свое прежнее мастерство. Ему самому кажется, что онъ хочетъ воскресить только свое прежнее искусство, но на самомъ дѣлѣ ему болѣе всего дорога связь съ прежними товарищами, съ тѣми, которымъ онъ доставлялъ торжество своими побѣдами, когда выступалъ отъ имени клуба. Наступаетъ моментъ новаго состязанія; Фельдеръ выступаетъ уже не какъ представитель своего клуба, а самъ отъ своего имени. Онъ одерживаетъ побѣду, но всѣ сторонятся отъ него, и его торжество вмѣсто счастья приноситъ ему горе и отчаяніе. Онъ въ пустынѣ, и чувствуетъ, что стремился только къ тому, чтобы снова стать выразителемъ группы товарищей, клуба, съ которымъ онъ сжился въ теченіе всѣхъ лѣтъ работы,— клуба, являющагося символомъ общества, которому долженъ служить человѣкъ въ своихъ единичныхъ стремленіяхъ. Когда порвалась связь съ другими, исчезъ и смыслъ прежней жажды побѣдъ. Фельдеръ опускается, работаетъ, какъ всегда, на фабрикѣ, такъ какъ въ своемъ искусствѣ онъ никогда не хотѣлъ видѣть ремесла, доставляющаго средства къ существованію. Его тяготитъ жизнь, тяготятъ длинные, незаполненные досуги, и такъ велико его отчаяніе, что, еще въ полнотѣ силъ, онъ ищетъ смерти въ той стихіи, которая была для него жизнью. Онъ бросается въ воду, но „не умѣетъ" утонуть. Выйдя на берегъ, онъ перерѣзываетъ себѣ жилу на рукѣ, и тогда только уплываетъ на средину рѣки и тонетъ, смѣшивая свою кровь съ родной ему стихіей.

II.

J. K. Huysmans. Du Tout. Paris, 1902.

Ж.-К. Гюисмансъ, знаменитый во Франціи авторъ эстетическихъ и мистическихъ романовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ покинулъ Парижъ и поселился въ бенедиктинскомъ монастырѣ, въ Лигюжэ (L'abbaye de Ligugé), въ Пуату; въ монахи онъ не постригся, но по свѣдѣніямъ, проникавшимъ въ прессу, выполнялъ неуклонно строгій регламентъ монастыря. Для литературы онъ не совсѣмъ исчезъ, но все, что̀ онъ писалъ, печаталось съ одобренія его духовника и носило поэтому строго-католическій характеръ. Таковы его „Pages Catholiques" и вы-

шедшая этимъ лѣтомъ книга: „Sainte Lydwine de Schiedam". Жизнеописаніе святой, хотя и написано со свойственнымъ Гюисмансу художественнымъ талантомъ, производитъ непріятное впечатлѣніе тенденціозной клерикальной окраской; въ этой книгѣ Гюисмансъ—не мистикъ, понимающій и чувствующій таинственность и чудесность жизни, такой, какъ она есть, а клерикалъ, безъ разсужденія вѣрующій въ матеріальныя чудеса. Онъ съ кажущейся наивностью передаетъ всевозможныя легенды, изображая ихъ какъ дѣйствительные факты. Трудно повѣрить, однако, чтобы Гюисмансъ, съ его большимъ чутьемъ правды, вдругъ преобразился въ наивнаго агіографа, для котораго чудесное заключается въ нарушеніи естественныхъ законовъ. Книга его поэтому производитъ тягостное впечатлѣніе неискренности. Но „Sainte Lydwine"—кажется, послѣдняя дань Гюисманса его временному увлеченію монастырской жизнью со всѣми обязанностями, которыя она наложила на него, какъ на писателя. Въ настоящее время Гюисмансъ оставилъ монастырь и вернулся въ Парижъ. Доказательствомъ того, что въ жизни писателя, изобилующей метаморфозами, наступила опять новая полоса, служитъ только-что вышедшая въ свѣтъ новая книга подъ многообѣщающимъ заглавіемъ: „Обо всемъ" („Du Tout"). Въ концѣ ея онъ глухо намекаетъ на свое возвращеніе въ міръ. Онъ говоритъ, правда, только о томъ, что вынужденъ покинуть обитель—Notre Dame de Ligugé—вслѣдствіе вступившаго въ законную силу закона о конгрегаціяхъ. Онъ, конечно, относится отрицательно къ этому закону и съ возмущеніемъ убѣжденнаго католика,—ругаетъ „франкъ-масоновъ, изгоняющихъ религіозныя общины", называетъ ихъ „la canaille des Loges", — „благодаря которой сгнило все, что оставалось еще здороваго—увы!—въ слишкомъ слабой душѣ этой позорной страны (dans l'âme si débile, hélas, de ce honteux pays)".

Но все-же, несмотря на свое возмущеніе, Гюисмансъ не послѣдовалъ за монахами, которые отправились искать себѣ пріюта въ Бельгіи, а возвратился въ Парижъ, и можно надѣяться, что онъ вернется къ свободной писательской дѣятельности, не стѣсненной цензурой духовника. Въ книгѣ „Обо всемъ" уже видно начало внутренняго освобожденія. Книга еще католическая, и въ ней отведено большое мѣсто исторіи развитія католическихъ общинъ во Франціи. Но на ряду съ этимъ Гюисмансъ пишетъ и на разныя свѣтскія темы, описываетъ интересные уголки Парижа, говоритъ о картинахъ, разсказываетъ о своемъ путешествія по Германіи, изображаетъ разные парижскіе типы. Окунувшись снова въ парижскую жизнь, онъ съ особымъ наслажденіемъ впитываетъ въ себя впечатлѣнія культурной жизни и передаетъ ихъ съ тѣмъ импрессіонистскимъ талантомъ, съ тѣмъ умѣньемъ находить безконечное богатство оттѣнковъ въ самыхъ внѣш-

нихъ ощущеніяхъ, которое составляло особенность его прежнихъ произведеній.

Литературная дѣятельность Гюисманса изобилуетъ множествомъ „превращеній“, имѣющихъ, впрочемъ, всѣ одну общую черту: къ какому бы направленію ни примыкалъ Гюисмансъ, онъ всегда доходилъ въ немъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ выступилъ въ литературѣ какъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ натуралистовъ школы Золá, и въ сборникѣ „Soirées de Médan“ его разсказъ (Sac au dos)—одинъ изъ наиболѣе циничныхъ въ своемъ обличеніи грязи жизни. Его первый романъ: „Les Soeurs Vatard“, проникнутъ пессимизмомъ, также какъ „En Ménage“ и др. Гюисмансъ изображаетъ въ нихъ безобразіе въ жизни, обнаруживая чисто матеріалистическое міровоззрѣніе. Обличенія его носятъ общественный характеръ, и ничто не предвѣщаетъ въ немъ позднѣйшаго Гюисманса съ его любовью къ изысканнымъ ощущеніямъ. Но недолго продолжался этотъ подготовительный періодъ въ его творчествѣ. Пройдя черезъ школу натурализма, Гюисмансъ сохранилъ навсегда трезвое пониманіе дѣйствительности; и въ своихъ самыхъ фантастическихъ и мистическихъ романахъ послѣдующихъ лѣтъ онъ остается реалистомъ, безпощаднымъ до грубости, и проявляетъ это яркостью изображеній порока и низменныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Изъ натуралиста Гюисмансъ превратился въ крайняго эстета, и своимъ романомъ „A Rebours“ положилъ начало культу красоты, возведенному въ принципъ жизни. Какъ бы ни были противоположны мнѣнія объ этомъ оригинальномъ произведеніи, гдѣ анализъ изысканныхъ ощущеній доведенъ до высокой виртуозности, никто не оспариваетъ у автора чрезвычайно богатой, хотя и болѣзненной фантазіи и художественности его нервной манеры. Но и эстетизмъ былъ только переходной ступенью для Гюисманса, путемъ къ сложнымъ религіознымъ настроеніямъ. Романы „Là Bas“ и „En Route“ свидѣтельствуютъ о новомъ превращеніи крайняго эстета въ столь же крайняго мистика. Но мистицизмъ Гюисманса—очень своеобразный: въ немъ очень сильна примѣсь сатанизма; чистые спиритуалистическіе порывы души соединяются у него съ болѣзненнымъ тяготѣніемъ къ культу дьявола, съ исканіемъ захватывающихъ, потрясающихъ душу ощущеній на днѣ порока, святотатства и грѣха. Въ „Là Bas“ культъ сатаны описанъ съ ужасающими подробностями, съ изображеніемъ черной мессы, и эстетизмъ Гюисманса находитъ новую пищу въ извращенности описываемыхъ имъ мистическихъ настроеній. Но уже въ слѣдующемъ романѣ „En Route“ Гюисмансъ вступаетъ опять на новый путь -- покаянія. Онъ отрекается отъ еретическихъ заблужденій, отъ исканія красоты въ порокѣ и жаждетъ очищенія въ религіозномъ подвигѣ. Изъ мистика, стремящагося только къ экстазу,

гдѣ бы онъ ни нашелъ его, въ грѣхѣ ли, или въ молитвѣ, онъ становится правовѣрнымъ католикомъ; истина заключается для него въ догматическомъ ученіи церкви. Онъ перестаетъ быть искателемъ и направляетъ всѣ свои силы на то, чтобы укрѣпиться въ вѣрѣ, въ наивной, неразсуждающей вѣрѣ; онъ пишетъ романъ „La Cathédrale" и принимаетъ за непреложную правду всѣ преданія о католическихъ святыхъ, о совершаемыхъ ими матеріальныхъ чудесахъ. И въ этомъ направленіи Гюисмансъ опять доходитъ до крайностей, становится догматическимъ католикомъ; художественность его таланта сказывается только въ томъ, что онъ выдвигаетъ въ католическомъ культѣ эстетическій элементъ, и съ большимъ знаніемъ и обычнымъ блескомъ стиля описываетъ красоту католическихъ храмовъ; онъ остается тонкимъ цѣнителемъ искусства, такимъ же, какъ во времена своего откровеннаго эстетизма, когда онъ славословилъ Густава Моро, Ропса и другихъ новыхъ художниковъ въ „Certains". Въ романѣ „La Cathédrale" онъ мастерски описываетъ красоты шартрскаго собора и вызываемыя его видомъ религіозныя настроенія. Увлеченіе католицизмомъ сопровождается у Гюисманса и перемѣной его личной жизни. Онъ самъ пошелъ по пути, который указываетъ герою своихъ романовъ, Дюрталю, ведя его отъ сатанизма и порока къ чистотѣ монастырской жизни.

Велико было удивленіе всего Парижа, когда оказалось, что романистъ, увлекавшійся черной мессой, ушелъ въ монастырь. Его считали эстетомъ и въ области религіи; оказалось, что жажда очищенія была въ немъ искренняя, и онъ подчинилъ ей свою жизнь. Гюисмансъ, впрочемъ, не постригся въ монахи и оставилъ за собой свободу возвращенія въ міръ; онъ чувствовалъ вѣроятно, что охватившій его религіозный экстазъ не есть еще окончательное выраженіе его душевной жизни. Онъ поселился, какъ мы сказали, въ Notre Dame de Ligugé въ качествѣ „retraitaire", т.-е. исполнялъ регламентъ общины, постился и отбывалъ всѣ церковныя службы, но не давалъ обѣта повиновенія, т.-е. могъ оставаться свободнымъ въ своихъ литературныхъ и иныхъ работахъ. Фактически онъ ничего не издавалъ въ эти нѣсколько лѣтъ, что не получало бы санкціи его духовника, но слѣдовалъ въ этомъ только своему собственному влеченію. Въ настоящее время, доведя свое увлеченіе католицизмомъ до послѣднихъ предѣловъ, Гюисмансъ отошелъ отъ избраннаго имъ на время подвижничества. Онъ не послѣдовалъ за общиной въ Бельгію, а вернулся въ Парижъ. Трудно предположить, что онъ возобновитъ прежній родъ своихъ занятій; въ періодъ своего эстетизма и демонизма онъ служилъ чиновникомъ въ „Sûreté Générale" (департаментъ полиціи), пользуясь очевидно своимъ положеніемъ для изученія жизни преступниковъ,—но

во всякомъ случаѣ онъ вернулся къ литературѣ, къ наблюденіямъ за дѣйствительностью, къ своей прежней любви къ искусству. Въ его новой книгѣ „Обо всемъ“ много страницъ удѣлено впечатлѣніямъ, вызваннымъ зрѣлищами жизни и художественными произведеніями.

Что̀ же дала Гюисмансу, какъ художнику, его созерцательная жизнь въ монастырской тиши? Книга его, появившаяся непосредственно послѣ выхода изъ монастыря, интересна именно тѣмъ, что, казалось бы, должна была дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, она почти на половину посвящена если не религіознымъ, то, во всякомъ случаѣ, клерикальнымъ темамъ; но тщетно было бы искать въ ней своеобразно пережитыхъ мистическихъ настроеній. Во всемъ, что̀ Гюисмансъ пишетъ о жизни и дѣятельности монашескихъ орденовъ, о католическихъ святыняхъ, о любопытныхъ въ художественномъ отношеніи церквахъ и картинахъ, могло бы выйти изъ-подъ пера любого правовѣрнаго католика, если бы онъ обладалъ писательскимъ талантомъ и огромной эрудиціей Гюисманса. Отъ него, конечно, можно было бы ожидать другого: его прежніе романы имѣютъ философскую подкладку; въ самыхъ извращенныхъ эстетическихъ ощущеніяхъ онъ искалъ отраженій скрытаго смысла жизни, и можно было бы предположить, что религію онъ понимаетъ какъ внутреннее общеніе человѣка съ божественнымъ началомъ; что, вступивъ на путь созерцанія, онъ постарается понять то, что̀ ему было прежде темно, и вернется изъ пустыни съ новымъ отношеніемъ къ жизни, будетъ учить людей, какъ должно жить, чтобы быть въ мирѣ съ собой, съ требованіями нравственнаго долга. Ничего подобнаго, однако, мы не находимъ въ его книгѣ. Религію онъ понимаетъ чисто внѣшнимъ образомъ, какъ подчиненіе клерикальной дисциплинѣ, и изгоняетъ изъ нея всякій индивидуальный элементъ, всякое исканіе истины, всякую самостоятельную мысль. Можно даже подумать, что религія привлекала его тѣмъ, что она освобождаетъ отъ обязанности думать и искать разрѣшенія мучительныхъ вопросовъ совѣсти. Католическая церковь даетъ на все готовые отвѣты, и Гюисмансъ принимаетъ эти отвѣты съ полной готовностью, старается уничтожить въ себѣ тревогу мысли и этимъ путемъ успокоиться или, какъ ему кажется, очиститься. Католицизмъ привлекалъ его такимъ образомъ не какъ исканіе истины, а какъ нравственная дисциплина, оздоравливающая, по его мнѣнію, духъ. Привлекъ его также эстетическій элементъ католическаго культа. Ничего, кромѣ упражненій въ нравственной выдержкѣ, въ развитіи силы воли, а также кромѣ эстетическихъ наслажденій, не принесла ему жизнь въ монастырѣ. Поэтому онъ вернулся въ міръ безъ всякаго душевнаго обновленія; въ томъ, что̀ онъ пишетъ о религіи въ своей новой книгѣ, не звучитъ ни одной новой ноты: онъ снова сталъ на

ту же точку, на которой стоялъ до своего „обращенія“, т.-е. возвратился къ эстетическому отношенію къ религіи и къ жизни, къ аристократизму въ области ощущеній. Онъ какъ будто совсѣмъ не пережилъ душевнаго кризиса. Религіозность Гюисманса была чисто внѣшняя, не создавшая переворота въ его міросозерцаніи—и это ставитъ его безконечно ниже искреннихъ великихъ писателей, выходившихъ съ новымъ идейнымъ міромъ изъ подобныхъ внутреннихъ кризисовъ. Намъ хорошо извѣстно, какъ переживаютъ религіозные кризисы великіе таланты и высокія души, и поэтому Гюисмансъ, прошедшій черезъ стадію религіозныхъ переживаній и вернувшійся къ прежнему эстетизму, не можетъ увлечь насъ своими внѣшними католическими восторгами. Гюисмансъ—талантливый художникъ, и остается имъ, куда бы ни влекли его капризы фантазіи и эстетическихъ вкусовъ. Но какъ учитель, какъ искатель истины путемъ жизненнаго подвига, онъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ никакой внутренней правды онъ не обрѣлъ своимъ подвигомъ.

Въ книгѣ „Обо всемъ“ есть много интересныхъ фактовъ: интересно описаніе быта, дѣятельности, и исторія разныхъ монашескихъ общинъ,—интересно тѣмъ болѣе, что во Франціи вопросъ о конгрегаціяхъ теперь обсуждается всѣми, и о нихъ распространяютъ много невѣрныхъ свѣдѣній. Гюисмансъ подробно разсказываетъ объ устройствѣ и строгомъ образѣ жизни монаховъ въ Лигюжé, о возникновеніи общинъ кармелитокъ въ Парижѣ, о филантропической дѣятельности другихъ конгрегацій. Особенно любопытенъ очеркъ о монастырѣ въ Солемъ (Solèsmes), преслѣдующемъ совершенно иныя цѣли, чѣмъ другія католическія общины. Тамъ не помогаютъ бѣднымъ, не занимаются миссіонерствомъ, не стремятся принести видимую пользу страждущимъ, а только славословятъ Бога съ величайшей торжественностью. Это самый богатый монастырь, возбуждающій неудовольствіе даже правовѣрныхъ католиковъ пышностью и роскошью ритуала, драгоцѣнностью предметовъ церковнаго обихода, великолѣпіемъ церемоній. Всѣ находятъ, что можно было бы съ большей пользой употребить эти богатства. Но Гюисмансъ оправдываетъ роскошь Солема, находя, что нужно выражать пламенность вѣры и во внѣшнихъ символахъ, въ томъ, чтобы доводить до высочайшей красоты все, что̀ выражаетъ преклоненіе передъ святыней. Въ этомъ тоже есть идея всепожертвованія на алтарь вѣры, и если у церкви есть и много другихъ задачъ, то, исполняя ихъ въ другихъ своихъ учрежденіяхъ, она права, поддерживая также и великолѣпіе ритуала въ отдѣльныхъ общинахъ. Гюисмансъ говоритъ, конечно, какъ эстетикъ, и въ этомъ очеркѣ яснѣе всего видно, что его увлеченіе католичествомъ—не религія души, а скорѣе слѣдствіе эстетическаго каприза. Такое же

мѣсто, какъ и описаніямъ католическихъ общинъ и святынь, отведено въ его книгѣ и совершенно иного рода темамъ. Гюисмансъ необычайно точно описываетъ ощущенія человѣка, подвергшагося своего рода пыткѣ въ парикмахерской; затѣмъ разсказываетъ въ пестрой смѣнѣ набросковъ объ оригинальныхъ типахъ завсегдатаевъ cafés, о берлинскомъ акваріумѣ, о старыхъ фламандскихъ картинахъ, о буфетахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, о Гамбургѣ и о Брюгге, о какихъ-то забытыхъ святыхъ, о спальныхъ вагонахъ и т. д. Все это написано очень интересно, художественно и оригинально,—но нельзя не сознаться, что отъ мистика, вернувшагося „изъ пустыни", читатель ждетъ болѣе глубокихъ рѣчей о болѣе важныхъ предметахъ.

З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 (14) декабря 1901.

Вопросъ о „единствѣ" школы у насъ, въ смыслѣ ея непрерывности.—Уставъ 3 ноября 1804 года, установившій впервые такое единство, и отступленія отъ него въ теченіе истекшаго вѣка.—Брошюра Н. А. Бунге и предлагаемый имъ проектъ къ возстановленію нарушеннаго у насъ единства школы.—Работный домъ въ Москвѣ по его отчету за 1900 годъ.—Проектъ новыхъ правилъ для вознагражденія рабочихъ за увѣчье.

Потребность коренной школьной реформы чувствовалась у насъ давно, а потому неудивительно, что, при первой возможности высказаться вполнѣ, явилась цѣлая литература, со множествомъ самыхъ разнообразныхъ проектовъ, плановъ, предположеній. Но не одинъ псевдоклассицизмъ, внѣдренный въ среднюю общеобразовательную школу въ 70-хъ годахъ истекшаго вѣка, обратилъ при этомъ на себя вниманіе; гораздо болѣе интереснымъ и вмѣстѣ болѣе затруднительнымъ являлся вопросъ о необходимости и о способѣ ввести у насъ *единство* школы, или точнѣе сказать—ея непрерывность, начиная съ самыхъ первыхъ элементовъ обученія и кончая высшимъ научнымъ образованіемъ. Изъ всего высказаннаго по этому послѣднему вопросу обращаетъ на себя особое вниманіе проектъ единства школы, предложенный Н. А. Бунге, въ спеціальной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о народномъ образованіи" (Кіевъ, 1901). Современное, крайне неудовлетворительное положеніе у насъ общаго образованія является, конечно, послѣдовательнымъ результатомъ тѣхъ неизбѣжныхъ вліяній, какія оказывали на ходъ нашего народнаго просвѣщенія обстоятельства, не имѣвшія ничего общаго съ самимъ просвѣщеніемъ, и зависѣвшія отъ совершенно посторонних обстоятельствъ. Скоро исполнится столѣтіе со времени первой организаціи дѣла народнаго просвѣщенія въ Россіи, что̀ и выразилось тогда учрежденіемъ особаго министерства, названіе котораго было, очевидно, переведено съ нѣмецкаго: Volksaufklärung—*народнаго* просвѣщенія. Въ то время, дѣйствительно, мы не только перевели съ нѣмецкаго самое слово, но имѣли въ виду перевести къ намъ также и дѣло,—и мы можемъ до нѣкоторой степени согласиться съ г. Бунге, что уставъ 3 ноября 1804 года, изданный въ лучшіе годы царствованія имп. Александра I, впервые привелъ въ стройную систему все дѣло народнаго просвѣщенія, отъ фундамента до кровли зданія. По этому уставу, для народнаго просвѣщенія, т.-е. просвѣщенія цѣлаго народа, а не

той или другой его части или сословія, были учреждены, съ преемственностью между ними, приходскія школы, уѣздныя училища, гимназіи и университеты: одно заведеніе служило началомъ для слѣдующаго за нимъ. Дальнѣйшая судьба устава 1804 года подверглась, въ теченіе XIX в., болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ, подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ событій не только внутреннихъ, но даже иногда и внѣшнихъ. Въ самомъ началѣ царствованія имп. Николая I. новый уставъ 1828 г. положилъ начало первымъ измѣненіямъ въ уставѣ 1804 г.; а въ 1848 г. единство школы было совершенно поколеблено въ гимназіяхъ, гдѣ, начиная съ IV-го класса, ученіе было раздѣлено на три отдѣла. Въ основѣ такой реформы лежала, между прочимъ, мысль о вредномъ вліяніи классицизма на умы молодого поколѣнія, воспитывающагося на идеяхъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей; волненія въ западной Европѣ въ 1848 году служили какъ бы нагляднымъ оправданіемъ опасеній, внушенныхъ классицизмомъ [1])... Такимъ образомъ, появились, кромѣ классическихъ гимназій, гимназіи съ преподаваніемъ естествовѣдѣнія или законовѣдѣнія. Положеніе для начальныхъ народныхъ училищъ 1864 г., съ его послѣдующими дополненіями, порвало всякую связь между элементарной и средней школой, и вслѣдствіе того,—говоритъ г. Бунге,— создалась у насъ существующая нынѣ система народнаго образованія, по которой школы расчленены на нѣсколько слабо связанныхъ между собою категорій съ ясно выраженнымъ сословнымъ характеромъ: на начальныя (и приходскія) училища, предназначенныя преимущественно для низшаго сословія (крестьянъ), на городскія (и уѣздныя) училища, предназначенныя преимущественно для средняго сословія (мѣщанъ), на среднія учебныя заведенія, хотя по закону и всесословныя, но, въ виду отсутствія преемственной связи между ними, начальными и городскими училищами, доступныя преимущественно только для дѣтей привилегированнаго сословія; и наконецъ, на высшія учебныя заведенія, также по закону всесословныя, но, въ виду указанной причины, также доступныя преимущественно для привилегированнаго сословія. Среднія учебныя заведенія, въ свою очередь, расчленены у насъ на двѣ, не связанныя между собою, категоріи школъ, изъ которыхъ однѣ (гимназіи и, до извѣстной степени, духовныя семинаріи) даютъ право на поступленіе во всѣ высшія учебныя заведенія (конечно, одни безсословныя), другія (реальныя училища, кадетскіе корпуса, коммерческія училища и т. п.)—только въ высшія техническія учебныя заведенія, что̀, въ свою очередь, раздѣляетъ наши высшія учебныя заве-

[1]) Лѣтъ 20 спустя, въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, этимъ же классицизмомъ предполагали достигнуть прямо противоположной цѣли.

денія на двѣ отдѣльныя и недостаточно между собою связанныя группы"...

Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что уничтоженіе „единства школы" отразилось вредно не только на общемъ ходѣ народнаго просвѣщенія, но тяжело отражается иногда и на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ: при существующемъ раздробленіи школы, родителямъ приходится чуть не въ 8—9-лѣтнемъ возрастѣ ребенка рѣшать, по какому школьному пути направить его, между тѣмъ какъ его способности еще вовсе не опредѣлились. „Какъ поступить,—спрашиваетъ авторъ,—если въ городѣ есть только реальное училище, а родители, не желая предрѣшать судьбу ребенка, хотятъ отдать его въ гимназію, воспитанникамъ которой открыты двери во всѣ другія среднія и высшія учебныя заведенія? Имъ приходится бросать насиженное гнѣздо, съ которымъ связаны ихъ семейные и матеріальные интересы, и переселиться въ городъ, въ которомъ находится гимназія, или отдать неокрѣпшаго еще физически и нравственно ребенка въ чужія руки и лишить его незамѣнимаго въ томъ возрастѣ надзора родителей и вліянія семьи. Какъ поступить родителямъ, если сынъ ихъ, отданный въ реальное училище или корпусъ, выкажетъ впослѣдствіи значительныя наклонности къ историческимъ, юридическимъ или медицинскимъ наукамъ? Имъ приходится или насиловать наклонности ребенка, или заставить его годъ или два потерять на приготовленіе въ гимназію. Скольких, благодаря этому раннему предопредѣленію судьбы дѣтей, общество и государство пріобрѣтаетъ неудачниковъ и недовольныхъ своею судьбою людей, тянущихъ затѣмъ не по призванію и охотѣ, а по печальной необходимости свою служебную лямку"...

Авторъ, въ заключеніе, задается вопросомъ: не вызываются ли, однако, приведенныя имъ затрудненія, матеріальныя жертвы и нравственныя страданія — неизбѣжною необходимостью, невозможностью устранить ихъ?—и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, по крайней мѣрѣ, по отношенію гимназій и реальныхъ училищъ. Исходя изъ правильнаго положенія, а именно, что цѣль всякой средней школы, какого бы она ни была типа, состоитъ во *всестороннемъ* развитіи умственныхъ способностей учащихся и въ усвоеніи ими существенныхъ свѣдѣній по важнѣйшимъ отраслямъ человѣческаго знанія, авторъ, не безъ основанія находитъ, что у насъ ни гимназіи, ни реальныя училища, вовсе не достигаютъ вышеуказанной цѣли общаго образованія, такъ какъ, съ одной стороны, гимназіи оставлены безъ изученія естественныхъ наукъ, „въ основѣ которыхъ, несмотря на ихъ кажущуюся утилитарность, лежитъ глубокая философская мысль, методъ изслѣдованія которыхъ оказалъ такое большое и благотворное вліяніе на всѣ отрасли человѣческихъ знаній, и результаты изслѣдованія которыхъ преобразовали

весь нашъ общественный строй... Съ другой стороны, при современномъ развитіи техники, отъ воспитанника высшаго техническаго заведенія и отъ будущаго инженера требуется среднее образованіе и общее развитіе никакъ не меньше того, какое требуется отъ будущаго медика, юриста, учителя, а потому, если изученіе древнихъ языковъ считать необходимою принадлежностью солиднаго общаго образованія, то введеніе ихъ въ реальныя училища является неизбѣжнымъ"... Авторъ, конечно, не могъ не замѣтить самъ, что какъ бы ни были правильны его положенія, разсматриваемыя отдѣльно, но общій выводъ изъ нихъ привелъ бы къ невозможному, а именно— къ многопредметности курса средняго учебнаго заведенія, а слѣдовательно, и къ крайней его поверхности, при томъ числѣ лѣтъ, какое можно посвятить на общее среднее образованіе.

Чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, авторъ, „не отрицая, что *правильно* поставленное изученіе древнихъ языковъ можетъ служить для формальнаго образованія учащихся", полагаетъ также совершенно справедливо, „что въ настоящее время едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно (формальное образованіе) можетъ быть съ успѣхомъ достигнуто *надлежащимъ* изученіемъ и многихъ другихъ предметовъ"; и изъ всего этого не менѣе справедливо заключаетъ о „необходимости допустить *многотипность* средней школы, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы воспитанники всѣхъ типовъ средней школы пользовались вполнѣ одинаковыми правами по отношенію къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Этимъ— полагаетъ авторъ—„былъ бы положенъ конецъ безполезному спору между приверженцами классическаго и реальнаго образованія, или вѣрнѣе—рѣшеніе этого спора было бы предоставлено самой жизни" (?). За симъ, авторъ усматриваетъ, при допущеніи „многотипности" средней общеобразовательной школы, только одно затрудненіе, происходящее отъ крайней бѣдности у насъ на такую школу (нельзя ожидать въ скорости открытія во всѣхъ городахъ средней школы различныхъ типовъ), и съ требованіемъ не только сдѣлать ее общедоступною для всѣхъ классовъ общества, но еще, сверхъ того, связать ее тѣсно какъ съ низшею, такъ и съ высшею школой. Вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому авторъ считаетъ расчлененіе какъ нашихъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ „на два между собою связанныя, но не слитыя учебныя заведенія, на среднюю школу для *младшаго*—и среднюю школу для старшаго возраста"; такое расчлененіе предлагается сдѣлать, начиная съ V-го класса: четыре года на младшій возрастъ и три года—на старшій, причемъ курсъ гимназіи и реальнаго училища для обоихъ возрастовъ долженъ быть округленъ и законченъ. Въ пользу предложенія автора говоритъ тотъ фактъ, что менѣе половины уче-

никовъ, поступающихъ въ младшіе классы средней школы, достигаютъ старшихъ классовъ, и являются какъ бы выброшенными изъ заведенія, а время, проведенное ими въ школѣ, гдѣ все было начато и ничего не кончено, можно считать потеряннымъ навсегда. Сверхъ того, содержаніе средней школы для младшаго возраста не требовало бы большихъ денежныхъ затратъ, и слѣдовательно самое обученіе въ нихъ было бы дешевле, а потому и общедоступнѣе. Наконецъ, по выходѣ изъ средней школы младшаго возраста, когда учащійся достигнетъ 14—15-лѣтняго возраста, болѣе правильно опредѣлятся его способности и наклонности, чтобы выбрать тотъ или другой типъ средней школы старшаго возраста, а чрезъ то уменьшится число такъ называемыхъ fruits-secs.

Въ пользу предложенія автора проекта—даровать средней общеобразовательной школѣ всѣхъ типовъ, съ преобладаніемъ въ каждомъ типѣ той или другой группы общеобразовательныхъ предметовъ, одинаковое право перехода въ высшія учебныя заведенія—говоритъ то обстоятельство, что до настоящаго времени учащіеся въ классическихъ гимназіяхъ имѣли право поступать на *всѣ* факультеты университета, несмотря, напримѣръ, на относительно слабую подготовку получившихъ аттестатъ зрѣлости по математикѣ и физикѣ и полное незнакомство ихъ съ естественными науками; почему же, спрашивается, не дать такого же права учащимся въ средней школѣ старшаго возраста, другихъ типовъ, на поступленіе въ университетъ, только потому что они незнакомы съ древними языками. Существенная задача средней общеобразовательной школы состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы спеціализировать познанія учащихся, а чтобы дать имъ солидное умственное развитіе и подготовку къ научной работѣ, ожидающей каждаго въ высшей школѣ, какому бы факультету онъ себя ни посвятилъ.

Въ проектѣ г. Бунге интересующіеся вопросомъ о болѣе правильномъ устройствѣ общей системы „единой“ школы народнаго просвѣщенія, найдутъ, такимъ образомъ, не мало такого, чѣмъ можно было бы воспользоваться, при случаѣ, если бы когда-нибудь было приступлено къ серьезной ея реформѣ, и тѣмъ не менѣе самъ авторъ признаетъ, что успѣхъ школьнаго дѣла зависитъ далеко не отъ одной правильной и общей системы, „но едва ли еще не въ большей мѣрѣ—отъ руководителей и исполнителей, и отъ предоставленія этимъ послѣднимъ условій, необходимыхъ для плодотворной работы“,—для того же необходимо улучшить матеріальный бытъ учебнаго персонала, обезпечивъ ему болѣе сносное существованіе, какъ на службѣ, такъ и по окончаніи ея, а также поставить учащій персоналъ въ положеніе самостоятельное и зависимое, главнымъ образомъ, отъ однихъ педагогическихъ совѣтовъ, а не отъ личнаго произвола.

Еще въ 80-хъ годахъ былъ поднятъ важный для обѣихъ столицъ вопросъ о передачѣ въ руки городского общественнаго управленія заботы о пресѣченіи нищенства, что̀ до того времени находилось въ вѣдѣніи особыхъ правительственныхъ комитетовъ. Коммиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ засѣданіяхъ которой принимали участіе представители какъ отъ петербургской, такъ и московской Думы, выработали условія такой передачи всего дѣла о нищенствѣ въ вѣдѣніе столичныхъ Думъ, но только одна московская Дума согласилась на то, а петербургская, къ сожалѣнію, отклонила предложеніе, сдѣланное ей, и въ г. Петербургѣ призрѣніе нищихъ находится и до сихъ поръ въ прежнемъ неудовлетворительномъ положеніи, между тѣмъ какъ въ Москвѣ оно организовалось вполнѣ правильно. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ только-что появившійся въ печати „Отчетъ о дѣятельности Московскаго городского Работнаго дома въ 1900 году". Въ настоящемъ своемъ устройствѣ этотъ Работный домъ является уже учрежденіемъ, имѣющимъ цѣлью не только борьбу съ нищенствомъ въ Москвѣ, но, что̀ особенно важно, также и оказаніе трудовой помощи лицамъ, оставшимся случайно безъ всякой работы.

Всѣ лица, забираемыя полиціею, какъ уличенныя въ прошеніи милостыни на улицѣ и въ публичныхъ мѣстахъ, доставляются въ „Работный домъ" и подлежатъ разбору особаго „Городского Присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ", замѣнившаго собою (въ 1893 г.), съ переходомъ Работнаго дома въ вѣдѣніе города, прежній правительственный „Комитетъ о просящихъ милостыню. Съ переходомъ этого учрежденія въ вѣдѣніе города, число приводимыхъ полиціею нищихъ стало значительно увеличиваться: при Комитетѣ содержалось въ Работномъ домѣ, ежедневно, въ среднемъ, около 100 человѣкъ; годъ спустя, въ 1896 г., это число поднялось до 150, въ 1897 г.—было свыше 200, а въ отчетномъ 1900 году оно достигло почти 650 человѣкъ. Городское общественное управленіе рано замѣтило такой ростъ числа уличаемыхъ въ нищенствѣ, и еще въ 1895 г. пришло къ убѣжденію въ необходимости дать новое направленіе своей дѣятельности, а именно, прибѣгнуть къ средствамъ предупрежденія самаго нищенства путемъ пріема въ Работный домъ лицъ, обращающихся къ нему съ просьбой объ оказаніи имъ пріюта, доставленія работы, и дошедшихъ до крайней степени нужды, а также на необходимость болѣе широкой организаціи работъ для трудоспособнаго, но страдающаго отъ безработицы—населенія столицы. Въ первое время очень немногіе рѣшались добровольно поступать въ Работный домъ на призрѣніе: въ первый годъ, 1895—1896, такихъ добровольцевъ оказывалось, ежедневно, въ среднемъ, около 50 лицъ; но уже въ 1897 г. это число возросло до 400 чел., а нынѣ достигаетъ почти 800 человѣкъ еже-

дневно! Всего было принято въ отчетномъ 1900-мъ году около 7.800 добровольцевъ, что̀, конечно, не могло не отразиться выгодно на сокращеніи числа нищенствующихъ.

Наблюденія въ Работномъ домѣ показываютъ, что добровольцы являются только въ самой крайней нуждѣ: „ни у одного изъ добровольно явившихся при пріемѣ не оказывалось денегъ; большинство (83°/o въ 1900 г.) являлось въ платьѣ совершенно ветхомъ, негодномъ къ употребленію, и многіе изъ нихъ приходили почти раздѣтые и послѣ продолжительной голодовки... Большинство добровольцевъ (94°/o) въ отчетномъ (1900) году состояло изъ лицъ, жившихъ въ послѣднее время въ ночлежныхъ домахъ, главнымъ образомъ, Хитрова рынка; слѣдовательно, почти вся масса добровольно являющихся въ Работный домъ можетъ считаться извлеченной изъ ночлежныхъ домовъ и поставленной въ лучшія нравственныя и матеріальныя условія путемъ предоставленія имъ заработка"... Замѣчательно, что взятые за нищенство всегда обставлены лучше добровольцевъ: при нихъ всегда находятъ деньги, и у нѣкоторыхъ профессіональныхъ нищихъ—до ста рублей и болѣе.

Но предоставлять заработокъ и притомъ такому числу лицъ (ежедневно, въ среднемъ, до 800 чел.) возможно только при хорошей и заботливой организаціи работъ и даже предпріятій для удовлетворенія всѣхъ призрѣваемыхъ,—а потому такая организація составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ заботъ Работнаго дома. Въ какой степени удались городу такія заботы, можно судить уже по одному тому, что въ 1899 г. общій оборотъ по всѣмъ предпріятіямъ Работнаго дома достигъ 330.000 рубл., а въ отчетномъ 1900 году далеко превысилъ полмилліона рублей; заработокъ, выданный призрѣваемымъ на руки, приблизился къ 50.000 руб., и сверхъ того, самъ Работный домъ, за покрытіемъ всѣхъ эксплоатаціонныхъ расходовъ, получилъ въ отчетномъ году слишкомъ 70.000 рублей остатка отъ работъ! Все это дало возможность, въ отчетномъ году, произвести главныя работы по приспособленію отдѣльныхъ корпусовъ одной усадьбы для надобности самого Работнаго дома: въ январѣ было закончено приспособленіе пріюта для неизлечимыхъ (на 100 чел.); въ сентябрѣ—для неспособныхъ къ труду (на 250 чел.); въ декабрѣ—въ главныхъ корпусахъ усадьбы были приспособлены, собственными силами самого Работнаго дома, помѣщенія почти для всѣхъ мастерскихъ дома, отдѣльныя палаты для добровольцевъ, дѣтскія отдѣленія, столовыя зала, обширный двухсвѣтный залъ для богослуженій, чтеній, на 1.000 человѣкъ и т. д.

Что касается до дѣятельности самого „Городского присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ", то въ отчетномъ 1900 году оно имѣло около 100 засѣданій, на которыхъ было разсмотрѣно безъ малаго

20.000 дѣлъ—по 200 дѣлъ, въ среднемъ, въ каждое засѣданіе. Изъ представленныхъ полиціею за нищенство Присутствіе уволило изъ Работнаго дома, въ теченіе 1900 года, до 5.000 лицъ, а 3 тысячи слишкомъ были оставлены въ Работномъ домѣ; остальные, изъ общаго числа доставленныхъ полиціею, были отправлены на родину или къ мировымъ судьямъ и т. д. Изъ общаго числа добровольцевъ (почти 7.800 ч.) въ 1900 г. оказалось грамотныхъ около 5.500 чел. Между нищими, доставленными полиціею—женщины составляютъ почти половину, но между добровольцами мужской полъ сильно преобладаетъ, такъ что женщинъ въ отчетномъ году явилось добровольно самое ничтожное число (около 150).

Расходы по содержанію Работнаго дома въ 1900 г. составили въ итогѣ 171.300 р.; доплата городскими средствами на содержаніе способнаго къ труду населенія Работнаго дома равнялась $36^1/_2$ тысячамъ рублей.

При всей краткости нашего очерка, дѣятельность „Городского Присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ“ и его Работнаго дома заставляютъ пожалѣть, что петербургская городская Дума отказалась возложить на себя такой полезный трудъ въ пользу неимущаго класса столицы,—трудъ, который теперь съ большимъ успѣхомъ выполняетъ московская городская Дума, имѣющая потому право на признательность города.

На дняхъ появилось въ газетахъ извѣстіе о томъ, что выработанъ и уже представленъ въ государственный совѣтъ, для разсмотрѣнія и утвержденія въ установленномъ порядкѣ, проектъ новыхъ правилъ, опредѣляющихъ болѣе точно условія, при которыхъ содержатели промышленныхъ заведеній и вообще работодатели несутъ отвѣтственность за увѣчье и смерть рабочихъ, а также опредѣляется и размѣръ самаго вознагражденія потерпѣвшихъ. Установивъ съ точностью самый порядокъ удостовѣренія въ наличности факта самаго увѣчья, проектъ облегчаетъ положеніе потерпѣвшаго тѣмъ, что освобождаетъ его отъ обязанности доказывать вину работодателя, и предоставляетъ послѣднему самому доказывать, что единственной причиной несчастія былъ самъ потерпѣвшій. Съ другой стороны, проектъ установляетъ срокъ давности для исковъ подобнаго рода—двухгодичный, для самого потерпѣвшаго, со дня причиненнаго увѣчья, а для его наслѣдниковъ—со дня его смерти. Точно также опредѣленъ проектомъ правилъ и размѣръ самаго вознагражденія: если послѣдствіемъ несчастья была полная потеря силъ, то потерпѣвшему назначается пожизненная пенсія въ размѣрѣ двухъ третей годового его содержанія, при полученіи увѣчья; его же семья имѣетъ право на 60% годового заработка

умершаго. Газета „Россія", по поводу проекта этихъ правилъ, замѣтила, что „проектъ сильно злоупотребляетъ примѣненіемъ „обоюднаго согласія сторонъ", какъ въ вопросѣ объ опредѣленіи самаго размѣра вознагражденія потерпѣвшему рабочему или его семьѣ, такъ и при опредѣленіи способа обезпеченія". Весьма справедливо замѣчаетъ газета, что потерпѣвшій, въ виду длинной перспективы судебнаго процесса съ одной стороны, и возможности—съ другой—получить отъ хозяина хотя и гораздо меньшую сумму денегъ, но зато немедленно,—по неволѣ предпочтетъ соглашеніе суду, гдѣ ему придется вести дѣло противъ „опытнаго и искуснаго во всѣхъ канцелярскихъ и процессуальныхъ уловкахъ адвоката, борясь съ которымъ онъ окажется на судѣ въ положеніи дикаря, выступающаго съ лукомъ и стрѣлами противъ солдата, вооруженнаго скорострѣльнымъ оружіемъ", а потому газета полагаетъ, что это неудобство можно было бы устранить, передавъ вопросъ объ опредѣленіи размѣра и способа вознагражденія потерпѣвшаго рабочаго вѣдомству фабричной инспекціи. Это было бы практично, но не поставилъ ли бы такой способъ рѣшенія самое дѣло слишкомъ въ большую зависимость отъ личныхъ взглядовъ инспектора и его личныхъ отношеній? Несравненно было бы, по нашему мнѣнію, не только практичнѣе, но и справедливѣе, если бы всѣ подобные вопросы предоставлять безапелляціонному рѣшенію мирового съѣзда: дѣло, въ такомъ случаѣ, не могло бы затянуться такъ, что потерпѣвшій и его семья рисковали бы умереть, прежде нежели кончится судебный процессъ, чего именно и опасается газета, не безъ основанія, если подобныя дѣла должны будутъ проходить по всѣмъ инстанціямъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, настоящее положеніе вопроса объ увѣчьѣ давно требовало болѣе точныхъ и опредѣленныхъ на такой случай правилъ, и новый проектъ удовлетворитъ во многихъ отношеніяхъ потребность въ подобныхъ правилахъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ.

Коммиссія, организованная Обществомъ Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ для устройства чествованія пятидесятилѣтняго юбилея Гоголя и Жуковскаго, приступивъ къ собиранію матеріаловъ для выставки, посвященной жизни и дѣятельности обоихъ писателей, и имѣющей открыться въ февралѣ 1902 года, обращается ко всѣмъ лицамъ, владѣющимъ подобными матеріалами, печатными, рукописными, художественными (иллюстраціями къ произведеніямъ, портретами Гоголя, Жуковскаго и близкихъ къ нимъ современниковъ и т. д.), съ просьбой прислать эти предметы на имя Коммиссіи въ Москву, въ Историческій Музей. По закрытіи, выставки, все присланное будетъ съ благодарностью возвращено.

Отъ Редакціи.

Въ ноябрьской книгѣ прошли незамѣченными нижеслѣдующія опечатки:

	Напечатано:	*Слѣдуетъ*:
Стр. 155, строка 11 сн.:	Но давно	Недавно
„ 156, „ 1 св.:	того	много

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1901 году.

Въ 1901-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз
1.	Харьковск..	196	23.	Тульская . .	54	45.	Амурск. об.	48
2.	Кіевская. .	185	24.	Гродненская	54	46.	Витебская .	47
3.	Херсонск. .	173	25.	Московская.	53	47.	Казанская .	47
4.	Екатериносл.	127	26.	Нижегород.	53	48.	Минская .	46
5.	Саратовск. .	106	27.	С.-Петерб. .	53	49.	Закасп. об.	46
6.	Таврическ .	100	28.	Бакинская .	53	50.	Сыръ-Д. об.	44
7.	Варшавск. .	99	29.	Томская . .	53	51.	Псковская .	44
8.	Черниговск.	92	30.	Рязанская .	53	52.	Симбирская.	44
9.	Тифлисская.	91	31.	Воронежск..	52	53.	Уфимская .	41
10.	Полтавская.	79	32.	Примор. об.	52	54.	Астраханск.	40
11.	Курская. .	74	33.	Владимірск.	51	55.	Виленская .	40
12.	Бессарабск.	72	34.	Обл. В. Дон.	51	56.	Тобольская.	40
13.	Тамбовская.	70	35.	Могилевск..	51	57.	Пред. Китая.	40
14.	Орловская .	63	36.	Калужская .	51	58.	Ковенская .	40
15.	Подольская.	60	37.	Вятская . .	50	59.	Оренбургск.	36
16.	Пермская. .	60	38.	Ярославская	50	60.	Енисейская.	36
17.	Забайк. об.	60	39.	Кубанск. об.	50	61.	Ломжинская.	32
18.	Тверская. .	59	40.	Самарская .	50	62.	Пензенская.	31
19.	Волынская .	58	41.	Кутаисская.	50	63.	Люблинская	28
20.	Новгородск.	57	42.	Лифляндск.	49	64.	Акмол. об.	28
21.	Смоленская.	57	43.	Костромская	48	65.	Эстляндская.	26
22.	Иркутская .	54	44.	Терская об.	48	66.	Вологодская.	26

67.	Плоцкая .	24	78.	Петроковск.	19	89.	Калишская.	11
68.	Курляндск.	23	79.	Семирѣч. об.	19	90.	Кѣлецкая.	9
69.	Эриванская.	23	80.	Дагест. обл.	19	91.	Вазаская .	9
70.	Карсская об.	22	81.	Семипал. об.	18	92.	С.-Михельск.	8
71.	Елисаветпол.	21	82.	Сѣдлецкая .	16	93.	Тавастгусск.	8
72.	Архангельск.	21	83.	Выборгская.	16	94.	Тургайск. об.	7
73.	Самарк. об.	21	84.	Черном. окр.	16	95.	Або-Бьернеб.	4
74.	Сувалкская.	20	85.	Ферган. об.	16			
75.	Радомская .	20	86.	Уральск. об.	13			4.440
76.	Олонецкая .	20	87.	Якутск. об.	13			
77.	Ставропольск.	20	88.	Нюландская.	13			

II. Въ С.-Петербургѣ 1.122

III. Въ Москвѣ. 533

IV. За границей 160

Всего: экз. 6.255

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1901 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь:—Начало XIX-го и начало XX-го вѣка.—Крѣпостное право и крестьянскій вопросъ.—Старые и новые суды.—Сословныя общества и самоуправленіе.—Печать и общества. — Народное образованіе.— Вѣротерпимость.—Попытка кодификаціи. —Понятіе о законности. — Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ въ московскомъ губернскомъ собраніи (стр. 367).—Февраль:— Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи на 1901 годъ.— Сравнительное значеніе наказа и закона. —Проектъ наказа губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ.—Отношеніе его къ правамъ, принадлежащимъ, по закону, училищнымъ совѣтамъ, земству и другимъ общественнымъ учрежденіямъ.— Возможныя послѣдствія его въ области начальной школы.—Циркуляръ министра юстиціи (стр. 815).—Мартъ:— Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.—Правительственное сообщеніе о мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.—Гласность уголовнаго процесса по проекту новаго устава уголовнаго судопроизводства.—Огражденіе общественнаго порядка и достоинства государственной власти, какъ мотивы къ закрытію дверей засѣданія.—Дискреціонная власть высшей судебной администраціи.—Оглашеніе процессовъ въ печати.—Ограниченія устности процесса. — Разныя мнѣнія о земскихъ начальникахъ (стр. 350).— Апрѣль:—Кончина Н. П. Боголѣпова.— Правительственныя сообщенія и распоряженія. — Московскій агрономическій съѣздъ; его отношеніе къ общественной самодѣятельности, къ административной регламентаціи и къ взаимодѣйствію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій.—Московскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ.—Общій характеръ постановленій съѣзда и возбуждаемыя ими надежды.— Возможность введенія суда присяжныхъ въ Туркестанѣ (стр. 790). —Май:—Новый министръ народнаго просвѣщенія и первыя его распоряженія.— Столѣтіе Государственнаго Совѣта; главныя черты его исторіи и его заслуги; желательныя гарантіи и нововведенія.—Земскіе комитеты, проектируемые для неземскихъ губерній. — Второе правительственное сообщеніе о неурожайныхъ мѣстностяхъ.—„Московскія Вѣдомости" и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ (348).—Іюнь:—Новое учрежденіе Государственнаго Совѣта.—Вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе университетовъ. —Предѣлы университетской автономіи.— Различныя формы студенческихъ организацій.—„Неслужебные студенты", проектируемые проф. Введенскимъ.—„Помощники" профессора и доценты.—„Земское" устройство тринадцати не-земскихъ губерній.—Правила о народныхъ чтеніяхъ (стр. 781).—Іюль: — Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Анастасіи Николаевны и Высочайшее повелѣніе 5-го іюня.—Работы коммиссіи по переустройству средней школы.—Сокращеніе гимназическаго курса.—„Единая" школа и древніе языки. —Школа и націонализмъ.—Еще о „земской" реформѣ въ западномъ краѣ и на окраинахъ.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ (стр. 347).—Августъ: — Высочайшій манифестъ о новомъ уставѣ о воинской повинности для Финляндіи.—Изъ прошлаго земской статистики.—Періодъ затишья земскихъ изслѣдованій.—Способы земскихъ изученій крестьянскаго хозяйства.—Подворная перепись. — Задачи сводки данныхъ переписи.—Поселенная сводка; групповыя и комбинаціонныя таблицы. — Губернскія сводки данныхъ подворной переписи.— Оживленіе земскихъ изслѣдованій и задачи, имъ открывающіяся.—В. В. (стр. 779).— Сентябрь: — Вѣсти о неурожаѣ.—Способы борьбы съ его послѣдствіями.— Роль, предоставленная въ ней земству. — Походъ „Моск. Вѣдомостей" противъ частной продовольственной помощи вообще и противъ участія въ ней органовъ печати въ особенности. — Попытка спасти осужденную систему.—Политическое и научное значеніе гимназическаго ультра-классицизма.—Тюремная дисциплина и тѣлесное наказаніе. — М. Н. Островскій и Н. М Барановъ †. — Кончина Е. И. В. князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго (стр. 354).—Октябрь:—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по продовольственному дѣлу.—Новая организація этого дѣла въ

особенно неблагополучныхъ по урожаю уѣздахъ.—Общественныя работы.—Общественная и частная помощь голодающимъ. —Циркуляръ о врачебной части въ неурожайныхъ губерніяхъ. — Статьи Д. И. Менделѣева объ „обще-образовательныхъ гимназіяхъ".—Возможные предѣлы сокращенія гимназическаго курса — P. S.— Новый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 7-го сентября, по продовольственному дѣлу (стр. 758).—Ноябрь:—Мнѣніе С. А. Рачинскаго о проектируемой реформѣ средней школы.—Побѣды надъ пространствомъ заставляютъ ли забывать о побѣдахъ надъ временемъ?—Отношеніе этого вопроса къ древнимъ языкамъ.— Спеціальное значеніе языковъ латинскаго и греческаго.—Особенности вновь проектируемыхъ учебныхъ плановъ.—Инородцы и коренные русскіе.—Что значитъ *единство* средней школы?—Есть ли что-нибудь общее между единствомъ и равенствомъ? (стр. 356).—Декабрь: — Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ о междуземскихъ сношеніяхъ и комментаріи къ нему въ печати.—Тенденціозный слухъ, относительно предсѣдателей губ. земскихъ управъ. — Значеніе выборнаго начала въ земскомъ самоуправленіи.— Зарайское уѣздное земское собраніе, какъ признакъ регресса въ земской сферѣ. — Положеніе продовольственнаго дѣла къ началу ноября (стр. 828).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь: — Политическое настроеніе въ Европѣ.—Воинственные порывы и оппозиціонная практика въ Англіи.—Китайскій кризисъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Событія въ другихъ странахъ за истекшій годъ (стр. 384).—Февраль:— Перемѣна царствованія въ Англіи.—Королева Викторія, какъ правительница.— Ростъ и упроченіе англійскаго монархизма.—Главныя событія въ исторіи Англіи съ конца тридцатыхъ годовъ (стр. 831).—Мартъ:—Дипломатія и казни въ Пекинѣ.—Вопросъ объ ассоціаціяхъ во Франціи и парламентскія пренія о законопроектѣ Вальдека-Руссо. — Французскій клерикализмъ и демократія.—Смерть Милана и сербскія дѣла (стр. 378).—Апрѣль. —Пререканія по поводу Китая.—Англійскія разсужденія о казняхъ и о русскомъ коварствѣ. — Дипломатическія ошибки и ихъ послѣдствія.—Манчжурскій вопросъ. —Англо-русскій споръ въ Тянь-Цзинѣ.— Несчастный случай съ имп. Вильгельмомъ II (стр. 823).—Май:—Правительственное сообщенія по китайскимъ дѣламъ. — Политика державъ на дальнемъ Востокѣ.—Дипломатическія недоумѣнія. —Вильгельмъ II и нѣмецкое студенчество. —Закрытіе македонскаго комитета въ Софіи (стр. 369). — Іюнь: — Окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Пекинѣ и политическая роль Вильгельма II. — Итоги совмѣстной экспедиціи державъ противъ Китая.—Способы дѣйствія культурныхъ націй.—Министерскій кризисъ въ Пруссіи. — Заявленіе графа Голуховскаго и сербскія дѣла (стр. 819).—Іюль:— Правительство и оппозиція въ Англіи.—Споры о королевскомъ бюджетѣ въ парламентѣ.—Жалобы на стѣсненіе печати въ Ирландіи.—Англійскіе либералы и имперіалисты о южно-африканскихъ дѣлахъ. —Герцогъ Корнвалльскій въ Австраліи. —Памятникъ Бисмарку въ Берлинѣ (стр. 366).—Августъ:—Проектъ новаго таможеннаго тарифа въ Германіи.—Протесты промышленныхъ протекціонистовъ противъ протекціонизма аграрнаго. — Противорѣчія экономической политики и промышленный кризисъ.—Внутреннія дѣла Франціи.—Новый законъ объ ассоціаціяхъ.— Событія въ Даніи и въ балканскихъ государствахъ (стр. 808). — Сентябрь: - Десятилѣтіе франко-русскаго союза. — Свиданіе монарховъ въ Данцигѣ и французскія манифестаціи. - Противорѣчія и странности въ современной дипломатической практикѣ. — Балканскія дѣла и формула status-quo.—Воинственная русская газета въ Бухарестѣ.—Германія и китайскій вопросъ. — Война въ южной Африкѣ. — Смерть Криспи (стр. 389).— Октябрь: — Вильгельмъ II, какъ другъ Россіи. —Франко-русскія военныя празднества.—Разсужденія „Temps" объ урокахъ внутренней политики. — Тосты въ честь союза во Франціи.—Особенности франко-русскихъ отношеній. — Смерть Макъ-Кинлея и анархисты.—Еще о китайской миссіи въ Берлинѣ (стр. 797).— Ноябрь: — Оффиціальныя опроверженія относительно Франціи и Афганистана.— Средне-азіатская политика.—Эмиръ Абдурахманъ и его преемникъ.—Британскія неудачи.—Странное назначеніе и еще болѣе странная рѣчь.—Внутреннія дѣла въ Германіи (стр. 398).—Декабрь:—Южноафриканская война и ея послѣдствія для Англіи.—Полемика противъ Чемберлена въ германской печати.—Англичане предъ судомъ международнаго права.—Обычныя проявленія права войны.—Вопросъ о третейскомъ судѣ по южно-африканскимъ дѣламъ. — Политическія дѣла въ Турціи и въ Греціи (стр. 842).

III. Литературное Обозрѣніе. — Январь:—Т. Н. Грановскій, Д. М. Левшина. - Объ изученіи славянства, К. Я. Грота.—Литературные очерки, Юр. Веселовскаго.—В. А. Половцевъ. Прогулка

по Русскому Музею имп. Александра III. —Т.— Историческія монографіи, т. I, В. А. Бильбасова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 398). — Февраль: — Источники Словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Т. I: Ааронъ—Гоголь.—А. П.—Труды Я. К. Грота. III: Очерки изъ исторіи русской литературы (1848-1893 гг.). Изд. п. р. К. Я. Грота. —Д. О.—Приморская Область. Очеркъ П. Ѳ. Унтербергера. — Загадки народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ, состав. Д. Садовниковъ.— Т. — Новыя книги и брошюры (стр. 846). Мартъ:—Болгарія и болгары, Н. Овсянаго.—Боснія и Герцеговина, Ал. Харузина.—А. П.—Историческія монографіи, т. II, В. Бильбасова. —Т.— Сочиненія имп. Екатерины II, на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина, тт. I-IV.— Д. —Новыя книги и брошюры (стр. 394).—Апрѣль:—Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII вѣка. Перев. съ арабскаго Г. Муркоса.—А. П.—Чехи—апостолы варварства, д-ра I. Пекаря.—Значеніе драмы „Бургграфъ" для германизаціи средней Европы. — Сочиненія гр. П. И. Капниста, въ двухъ томахъ.—Т.— Русскія народныя картинки, собралъ и описалъ Д. Ровинскій.— А. П.— Новыя книги и брошюры (стр. 834).— Май:— Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова.—Историческія монографіи, т. III, В. А. Бильбасова.— А. П.—А. А. Шеллеръ (А. Михайловъ), А. И. Фаресова. — Т.—Левъ Бертенсонъ, Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и заграницею.—А. К—и.—Новыя книги и брошюры (стр. 391).—(Іюнь:—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, 1856—1880 гг., Е. Лихачевой.—Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ, съ предислов. В. Ѳ. Миллера.—М. Н. Розановъ, Поэтъ періода „бурныхъ стремленій", Якобъ Ленцъ,—его жизнь и произведенія.— Т. —П. Лохтинъ, Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи.—В. В. Новыя книги и брошюры (стр. 830).— Іюль:—Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12-ти томахъ, п. р. и съ прим. С. А. Венгерова. Тт. I-IV.—В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы, В. Покровскаго. — Р. Ѳ. Брандтъ, О лженаучности нашего правописанія.— Т. — П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство. — В. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 380).— Августъ: — Графъ Павелъ Капнистъ, Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія.—Труды и протоколы Педагогическаго общества при Казанскомъ университетѣ. - А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 821).— Сентябрь:—Великій Князь Николай Михаиловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія.—Сборникъ Кирши Данилова, изд. Имп. Публ. Библ.— В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Т. IV.—А. П.— Новыя книги и брошюры (стр. 401).— Октябрь:—Павелъ I, состав. А. Гено и Томичъ.— Д.—Собраніе сочиненій Эдг. По, въ перев. К. Бальмонта, т. I.—Т.— П. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, ч. 3, вып. 1.—А. П.— Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи, А. Н. Гилярова. —Идеи и принципы судебнаго дѣятеля, Е. Баранцевича.—И. —Новыя книги и брошюры (стр. 810).— Ноябрь:—Собраніе сочиненій Владиміра Соловьева, тт. I-II: 1873—1880 гг. — Этнографія, лекціи, читанныя въ московскомъ университетѣ, Николая Харузина. —Идеалы общаго образованія, Н. Карѣева.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 421).—Декабрь:—А. С. Пушкинъ въ южно-славян. литературахъ, И. В. Ягича.—Пушкинская юбилейная литература, В. В. Сиповскій. — Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, В. И. Семевскаго.—А. П.— „Скорпіоны", С. Васюкова.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры (стр. 866).

IV. Новости Иностранной Литературы.—(Январь:—I. Edm. De Amicis, Memorie.—А. З—скій. — II. G. Rodenbach, Le Rouet des Brumes.— III.— G. Pelissier, Etudes de Littérature Contemporaine.—З. В. (стр. 415).—Февраль: —I. Eug. Tavernier, Vladimir Soloviev. —А. П.—II. L. Descaves et M. Donnay, La Clairière, comédie.—III. Edm. Rostand, L'Aiglon, drame.—IV. Th. Lingen, Am Scheidewege.—З. В. (стр. 864).— Мартъ:—I. Le pays natal, par H. Bordeau. — II. „Ellen von der Wieden", v. G. Reuter. — III. La culture des idées, par R. de Gourmont.—З. В. (стр. 412). —Апрѣль:—I. Poètes d'aujourd'hui, par Ad. v. Bever et P. Léautaud.—II. Nachwuchs. Roman, v. Am. Skram. – З. В. (стр. 859).—Май:—I. Arthur Schnitzler, Der Schleier der Beatrice. — II. Beer-Hofmann, Der Tod Georgs.—III. Bedier, Le Roman de Tristan et Yseut. — З. В. (стр. 408).—Іюнь:—I. Björnstjerne-Bjornson, Laboremus, drama.—II. E. L. Voynich, Jack Raymond—З. В. (стр. 853).— Іюль:—I. Leo Berg. Gefesselte Kunst.— II. W. C. Morrow. Le singe, l'idiot et autres gens.—З. В. (стр. 401).—Августъ: —I. Max Nordau, Die zeitgenössischen

Franzosen.—II. Maeterlinck, La vie des abeilles.—3. В. (стр. 840).—Сентябрь:—Nouvelles conversations de Goethe avec Eckermann. 1897—1900. Edition de la „Revue Blanche“.—3. В. (стр. 411).—Октябрь:—I. Octave Mirbeau. Les vingt et un jours d'un neurasthénique.—II. Max Halbe. Haus Rosenhagen. Drama in 3 Aufzügen. — III. Adolphe Brisson. Portraits intimes.—3. В. (стр. 841). - Ноябрь: I. H. Fouquier, Philosophie parisienne.—II. Fr. Fiedler, Gedichte von N. M. Fofanow.—III. Th. v. Sosnowsky, Die deutsche Lyrik des XIX-ten Jahrhunderts.—3. В. (стр. 435). Декабрь. — I. John Henry Mackay, Der Schwimmer. — II. J. K. Huysmans, Du tout.—3. В. (стр. 895).

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь:—Русское общество въ началѣ и въ концѣ XIX-го вѣка.—Постепенная дифференціація классовъ и сословій, общественныхъ группъ и направленій.—Нѣкоторыя черты развитія русской общественной мысли.—Возможный синтезъ ея теченій.—Надежды на будущее (стр. 432).—Февраль:—Историческая справка по вопросу о законности: эпизоды изъ дѣятельности Государственнаго Совѣта въ первой половинѣ XIX-го вѣка.—Право и правà.—Мнѣніе барона М. А. Корфа о завѣдываніи дѣлами печати.— Характерный инцидентъ въ вологодскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. — Вопросъ, приближающійся къ сорокалѣтней давности (стр. 884). — Мартъ: — Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.—Наиболѣе яркіе признаки крестьянской обособленности.—Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ.—„Банкротство либерализма“. - Извѣтъ въ печати на печать.—Вѣсти изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.—В. А. Манассеинъ † (стр. 430). — Апрѣль:—Прожектерство реакціонной печати.—Нужна ли централизація высшаго образованія? — Нужны ли мѣры противъ переполненія университетовъ, и существуетъ ли такое переполненіе?— Смѣсь правды и неправды въ „Гражданинѣ“.—Еще о московскомъ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію.—Сложеніе предостереженій. — Значеніе провинціальной печати. — Ходатайство старообрядцев (стр. 871). — Май: — Кажущееся единодушіе въ нашей печати. — Университетскіе уставы 1863 и 1884 гг.— Выборное начало; государственные экзамены; гонораръ.—Новая форма стараго девиза.—Способы обсужденія вопроса о средней школѣ. - „Спб. Вѣдомости“ противъ „Московскихъ“.—17-е апрѣля. — Письмо г. Мережковскаго.—Чествованіе А. Н. Энгельгардтъ и А. П. Философовой.—С. В. Флеровъ (Васильевъ) † (стр. 451).—Іюнь—„Роковые“ вопросы, „угнетающіе“ редакцію „Гражданина“. — Формула, могущая служить девизомъ реакціонной печати.—Походъ противъ женскихъ курсовъ.—„Барышниковскія имѣнія“ и смоленское губернское земство.—Положеніе дѣлъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ.—Пріостановка „Новаго Времени“ (стр. 866).—Іюль:—Старый, но не состарившійся вопросъ объ общеобразовательныхъ университетскихъ курсахъ. Университетскій судъ и судъ товарищей-студентовъ.—Полемическіе пріемы реакціонной печати.—Новый учебный планъ. — Общества грамотности.—„Гражданинъ“ и А. И. Георгіевскій.—Русскія публичныя чтенія въ Парижѣ. — Еще о елизаветградскомъ уѣздѣ. — Запрещеніе „Жизни“. — С. В. Максимовъ и К. Т. Солдатенковъ †.—Post-Scriptum (стр. 416).— Августъ:—Дополненіе къ ст. 144 уст. о ценз. и печати объ установленіи срочности первыхъ двухъ предостереженій, и его значеніе для цензуры и печати.—Распоряженіе г. министра вн. дѣлъ 12 іюня—касательно третьяго предостереженія. — По поводу приближающагося 25-лѣтія дѣятельности городской училищной коммиссіи въ С.-Петербургѣ, и ея отчетъ за истекшій учебный 1900-1901 годъ.—Тридцатилѣтіе дѣятельности городской думы въ Черниговѣ на поприщѣ народнаго образованія.—Результаты работъ особой коммиссіи при мин. народн. просв. по преобразованію средней общеобразовательной школы.—Отголоски о томъ въ печати, и крайнее мнѣніе о преимуществахъ турецкихъ гимназій предъ русскими.—Критика работъ коммиссіи генерала Ванновскаго въ „Гражданинѣ“ (стр. 861). — Сентябрь:—Провинціальная печать и разные виды цензуры.—Проектируемый перечень темъ, запретныхъ для печати.—„Признаки времени“ въ земской жизни; инцидентъ въ харьковскомъ губернскомъ земствѣ, процессъ въ Симферополѣ. — Избіенія сектантовъ.—Народъ въ народномъ домѣ.—Еще о высшей русской школѣ въ Парижѣ.— Н. Ѳ. Крузе, Г. А. Мачтетъ и Ѳ. Э. Ромеръ †. - Post-scriptum: циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (стр. 420). - Октябрь:—Заключенія коммиссіи спб. университета по вопросу объ университетской реформѣ, появившіяся въ газетахъ. — Баллотировка профессоровъ, выслужившихъ 25-лѣтіе. — Университетскія партіи.— Студенческая организація.—„Общая забота“.—Съѣздъ учителей въ Москвѣ и педагогическіе курсы въ Одессѣ. — Прекращеніе „Недѣли“.—Вопросъ о „чести мундира“ и дѣло поручика Кликова.—Отсрочка выборовъ гласныхъ въ

спб. думѣ на новое четырехлѣтіе (стр. 858).— Ноябрь: — Толки въ печати по поводу пересмотра организаціи петербургскаго городского общественнаго управленія.—Два „типа“ городского управленія.—Избирательное право квартиронанимателей.—Походъ противъ иркутской городской думы.—Ссылка на примѣръ Варшавы.—Возмутительная травля и недобросовѣстная полемика, вызванная рѣчью М. А. Стаховича въ Орлѣ.—50-лѣтній юбилей А. А. Потѣхина.—Post-Scriptum (стр. 451). — Декабрь: — Вопросъ о „единствѣ“ школы у насъ въ смыслѣ ея непрерывности.—Уставъ 3 ноября 1804 г., установившій впервые такое единство, и отступленія отъ него въ теченіе истекшаго вѣка. — Брошюра Н. А. Бунге и проектъ къ возстановленію нарушеннаго у насъ „единства“ школы. — Работный домъ въ Москвѣ по его отчету за 1900 годъ.—Проектъ новыхъ правилъ для вознагражденія рабочихъ за увѣчье (стр. 909).

VI. Библіографическій Листокъ.— Январь:—Колонизація Сибири, въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ. —Наша деревня, вып. 1. П. Д.—Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, п. р. С. А. Венгерова, т. III.—Итальянская Библіотека: Джузеппе Джусти, М. Ватсонъ. — Февраль: — Происхожденіе современной демократіи, Макс. Ковалевскаго, т. I.—Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы, А. Мануилова.—Новыя пѣсни, Н. Минскаго. —Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи, Г. фонъ-Шульце-Геверница.—Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, п. р. С. Венгерова, т. I.— Мартъ: —Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ 4-хъ томахъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 15-й, Н. Барсукова. —Трудовая помощь въ губ. казан., вятской и симбир., въ 1899 г., отчетъ уполномоченнаго.—С. Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе. Т. I-II. — Сочиненія Кальдерона. Переводъ съ испанскаго К. Д. Бальмонта. Вып. I. Чистилище св. Патрика.— Апрѣль:—Левъ Бертенсонъ, Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границей.—Л. Е. Оболенскій, Исторія мысли.—П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство. — Въ голодные годы, записки и статьи Л. Л. Толстого. —Стихотворенія А. М. Жемчужникова. — А. Мордтманъ, Сказочный островъ Ципангу. Съ нѣм. Э. Гранстремъ.— Май: —Скупой рыцарь, А. С. Пушкина, фототипія. - Россія въ Средней Азіи, Евг. Маркова, 2 т.—Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, А. В. Зеленина.—Очерки философіи права, Л. I. Петражицкаго, вып. I. — Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи, Екатерины Янжулъ.—Іюнь:— В. А. Жуковскій, Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, изд. 10-ое, п. р. П. А. Ефремова. — Митрополитъ Антоній, Слова, рѣчи и поученія, изд. 2-е.—М. Гюйо, Собраніе сочиненій, т. VI.—Историческое Обозрѣніе, т. XI, п. р. Н. И. Карѣева. Э. Лависсъ и А. Рембо, Всеобщая исторія съ IV-го столѣтія до нашего времени, т. VII: XVIII-й вѣкъ. — Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12-ти томахъ, п. р. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова, т. IV.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VII.—Іюль: — Политическая экономія, П. И. Георгіевскаго.—Е. В. Тарле, Общественныя воззрѣнія Т. Мора.—Майо Смитъ, Статистика и соціологія.—А. фонъ-Фрикенъ, Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія, ч. IV.—Августъ:—Ѳ. Тернеръ, Государство и землевладѣніе. Часть II. Крестьянское землевладѣніе.— Проф. Л. В. Ходскій, Основы государственнаго хозяйства.—Больтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Кончевской.—А. Богдановъ, Познаніе съ исторической точки зрѣнія.—Сентябрь: —К. Н. Старке. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. — С. Н. Сыромятниковъ (Сигма). Опыты русской мысли. Кн. 1-я. — С. П. Ранскій. Соціологія Н. К. Михайловскаго.—Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика.—Октябрь: — Долгоруковъ, В. А., Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи – Шепелевичъ, Л., Жизнь Сервантеса и его произведенія.—Шапиро, А. М., Гигіена воды и саратовскіе фильтры. — Горовцевъ, А., Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ.—Карѣевъ, Н., Исторія западной Европы въ новое время, т. IV, 2-е изд. — Старостинъ, Выбранное, что лучше. — Служивый, Очерки покоренія Кавказа. —Ноябрь:— И. Ѳ. Горбуновъ, Сочиненія Подъ ред. и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони.—Основные элементы политической экономіи, Л. Буха —Васильки, Литературно-художественный сборникъ, изд. А. Ф. Маркса.—Важнѣйшіе моменты въ исторіи среднев. папства, М. С. Корелина. — Сборникъ литерат., истор. и этнографическихъ статей и замѣтокъ, И. П. Хрущова.—Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія, съ начала XIX в., т. I, Н. Н. Булича. — Декабрь: — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. А. Ф. Маркса. –Записки декабриста, барона Андрея Розена. — Всемірные свѣ-

точки: Шиллеръ и Гете, составл. М. Гранстремъ. — Ivan Tourgueneff d'après sa correspondance, par Halperine-Kaminsky. —Труды Я. К. Грота, т. IV.—Сочиненія А. Луговового, т. V. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. II, изд. 3-ье.

VII. Извѣщенія. — Январь: — Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны (стр. 440). — Февраль: — Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.—II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета (стр. 901).—Мартъ:—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину (стр. 444).—Апрѣль:—I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.—II О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину (стр. 885).—Іюнь: — I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.— II. О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину (стр. 877).—Іюль: — Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ (стр. 431).—Августъ: - Отъ Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю (стр. 880). — Сентябрь:—Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ (стр. 439).—Ноябрь:—Отъ Канцеляріи по управленію дѣтскими пріютами, состоящей при Главноуправляющемъ Собственною Е. И. В. Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи (стр. 467). —Декабрь:—Отъ Общества Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ (стр. 918).

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь.—Декабрь. 1901.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

